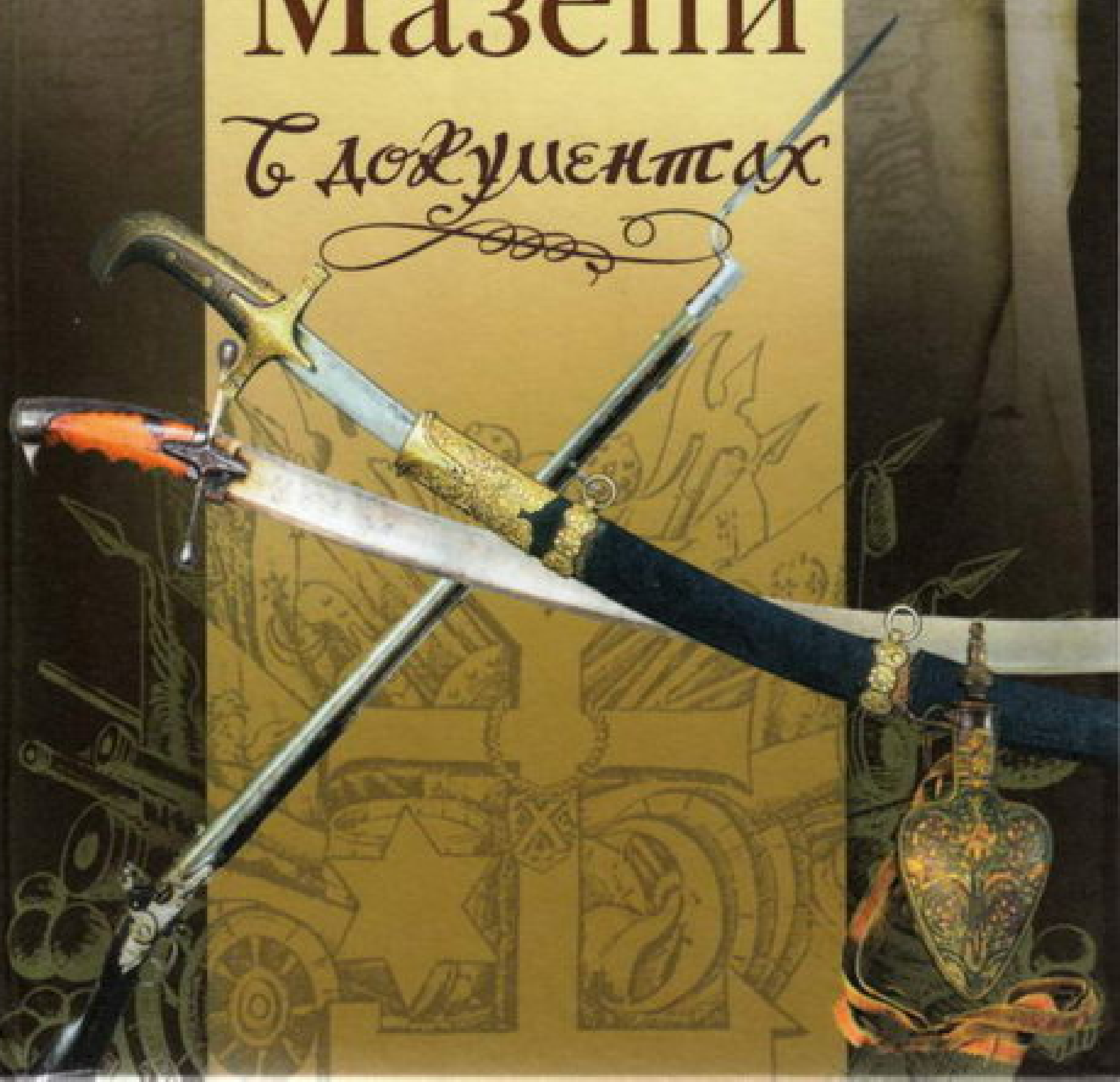
Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи

в документах

Присвячується
300-річчю повстання мазепинців

серія
«ДЖЕРЕЛА»

Том II

Український інститут національної пам'яті
Чернігівський історичний музей
ім. В. В. Тарновського
Сіверський інститут регіональних досліджень
Інститут рукопису
Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського

Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи

в документах

Упорядник
Сергій Павленко

Київ

Видавничий дім
«Києво-Могилянська академія»
2009

УДК 94(477)"1687/1710"(09)
ББК 63.3(4Укр)46
В41

У книзі «Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах» вміщено царські розпорядження, універсали, листи гетьмана, кореспонденцію російських та українських урядовців, спогади сучасників подій, що відбувалися протягом 1687–1710 рр. і безпосередньо впливали на життя України. У збірці джерельних матеріалів також представлені акти місцевого самоврядування, церковні грамоти. Видання розраховане на істориків, військовиків, студентів, усіх, хто цікавиться історією України.

Відповідальний редактор
доктор історичних наук
Сергій Леп'явко

Рецензенти:
Дмитро Никоненко,
доктор історичних наук
Володимир Половець,
доктор історичних наук

ISBN 978-966-518-491-1

ПЕРЕДМОВА

Доба гетьмана Івана Мазепи насичена військовими походами та війнами. Козацька автономія у складі Росії змушена була реалізовувати зовнішньополітичні стратегії Москви щодо вирішення прикордонних конфліктів, територіальних спорів, міжнародних зобов'язань. Публікованих документів про це маємо багато, але, на жаль, сьогодні вони здебільшого розпорошені у виданнях, малодоступних не тільки для загалу, а й навіть для істориків.

Це утруднює їх опрацювання, осмислення.

Збірка документів про військові кампанії доби гетьмана І. Мазепи дає уявлення про те, як вони починалися, про їхні наслідки. Зібрані в одному томі джерела широко інформують про подробиці подій, які впливали на хід історії України. Адже один із головних мотивів повстання мазепинців 1708–1709 рр. – надмірне використання українського козацького війська у войовничих планах Петра І. Російський монарх із дитинства захоплювався військовим мистецтвом. Його зацікавленість зброєю, вибуховими речовинами, тактикою військовиків згодом переросла у пристрасну розбудову російської армії, використання її в бойових діях.

Амбіційний цар жадав слави і військових перемог. Заручниками цих орієнтирів ставали прості росіяни, українські козаки, які змушені були йти у далекі походи у Прибалтику, Польщу, Азов і проливати там кров. Якщо царські наближені за ті чи інші успіхи при штурмах фортець, баталіях отримували високі чини, почесні звання, то гетьманське оточення, а особливо козаки – здебільшого головний біль від виснажливих та затратних військових переходів, занепаду власних господарств.

У першому розділі «Перший кримський похід» представлено 18 документів, що знайомлять нас із ходом підготовки до війни 1687 р. проти Кримського ханства та її результатами. Особливо інформативним у цьому плані є нотатки зі щоденника Патрика Гордона, активного учасника походу. З них дізнаємося і про сам перебіг невдалого просування спільного московсько-українського угруповання до Криму, і про зміщення Івана Самойловича із посади гетьмана. Щоденник П. Гордона показує реалії

обрання нового українського зверхника, активну позицію Василя Голіцина щодо нав'язування головним ініціаторам зміни влади в Гетьманщині нових договірних статей.

Низка офіційних документів про зміну гетьмана, донос старшини на І. Самойловича значно доповнюють картину підсумків Першого кримського походу.

Невдалим для Московії був і Другий кримський похід 1689 р. Фактично він призвів до падіння царівни Софії та її фаворита В. Голіцина. Про сам хід походу, бойові дії дуже багато інформації несуть лист І. Мазепи до патріарха Іоакима, щоденник П. Гордона. Подаємо у другому розділі також нотатки дипломата Де ля Невіля з його «Записок про Московію» (тут також залишаємо і його невеличку оповідь про Перший кримський похід), а також інші допоміжні свідчення тієї епохи.

Розділ «Передвоєнні заходи» вміщує документи, що показують із різних боків взаємовідносини Батурина з Москвою, очікування в Гетьманщині нових наказів щодо збору козаків для військових акцій. Восени 1688 року розпочалася підготовка до Другого кримського походу. У ньому було дуже зацікавлене православне населення територій, захоплених Туреччиною. До царів прибув від вселенських патріархів архімандрит Ісайя, який привіз їм прохання вигнати турок із Болгарії, Сербії, Румелії. Він також ознайомив московських урядовців із грамотами валаського господаря Кантакузіна Щербана, сербського патріарха Арсенія, які закликали не лише визволити православних від турок, а й прийняти їх у своє підданство. Цю кореспонденцію було направлено для ознайомлення гетьманові. Грамота валаському воєводі та володареві К. Щербану з обнадією прийняти його з усіма землями в російське підданство у відповідь на прохання духовних та світських осіб подаємо як одне зі свідчень мотивації Другого кримського походу. Прагнення молдавської та валаської верхівки відійти під зверхність Росії зумовлено було тяжкими умовами васальної залежності від Туреччини. Москва на той час здавалась привабливішою країною для молдован, волохів, ніж їхні сусіди. Як свідчать документи, цей задум із різних причин наприкінці XVII ст. не був реалізований. Крім того, під час походу 1689 р. через неузгодженість дій В. Голіцин не отримав обіцяну військову підмогу з Валахії.

Низку документів цього розділу (гетьманські прохання і доповіді та царські на них рішення від 10 березня 1690 р., статті гетьману І. Мазепі від царів від 24 березня 1692 р. тощо) оприлюднюємо вперше. Вони цікаві подробицями про вирішення економічних проблем Гетьманщини на старшинських з'їздах, ознайомлюють із системою військових приготувань.

Подаємо також у цьому розділі лист І. Мазепи та кореспонденцію до нього щодо розслідування дій опозиціонерів (підлеглих колишнього полковника Михайла Гадяцького та невідомого автора доносу). Зауважимо, що згаданому надавалося тоді великого значення, оскільки у Москві набула розголосу справа про ченця Соломона, який нібито від Гетьманщини їздив у Варшаву до польського короля на переговори. Хоча І. Мазепа і був причетний до місії таємного посланця (на що вказують різноманітні джерела та,

зокрема, факт їхньої спільної служби у П. Дорошенка), він, зі зрозумілих причин, не міг афішувати свої зв'язки з ним. Гетьману доводилося остерігатися замахів на його владу як в Україні, так і в Росії (М. Гадяцький проживав у Москві). Тож про дії анонімних зловмисників, а також підлеглих колишнього гадяцького полковника І. Мазепа широко інформував царів, аби дискредитувати своїх опонентів.

Звіт про дипломатичну місію 1692–1695 рр. у Крим піддячого Василя Айтемирова містить багато важливої інформації про життя Кримського ханства, про передумови московських походів проти нього в 1695–1696 рр. З цього джерела дізнаємося, що хан із пошаною, належним забезпеченням відправив гетьманського посланця, а московського – як ворога. Відомий Петрик, якого називали у Криму Петром Сулимою, чинив великі перешкоди В. Айтемирову в реалізації дипломатичної місії, фактично посол Москви був посаджений під арешт.

У розділі «Азовські походи 1695–1696 рр.» уміщено 12 документів, які досить детально висвітлюють участь українських козаків у військових кампаніях, спрямованих на підкорення Азовської фортеці. Російські джерела підтверджують вирішальну їхню роль у взятті останньої під проводом наказного гетьмана, чернігівського полковника Якова Лизогуба.

Розділ «Північна війна (1700 – до 1709 рр.)» представлений найбільшою збіркою джерел. Він відкривається працею «Міркування про причини Шведської війни» (подаємо дещо у скороченому вигляді, без історичного екскурсу автора в пізніші часи), написаною за наказом Петра І Петром Шафіровим. Цей твір подає точку зору сучасників на конфлікт між Швецією та Росією. У «Міркуваннях» є сторінки про взяття Батурина, хід Північної війни.

Значне місце серед документів розділу «Північна війна» посідає кореспонденція англійського посла Чарльза Вітворта статс-секретареві Гарлею та іншим урядовцям. Незважаючи на те, що дипломат перебував у Москві, він отримував від головних московських урядовців і генералів оперативні новини, повідомлення з місць розташувань ворогуючих армій. Ч. Вітворт мав можливість зіставляти інформацію з різних джерел. Тому його повідомлення в Лондон містять багато об'єктивної інформації. Листи англійського дипломата за 1709 р. спростовують тенденційні твердження про те, що І. Мазепу не підтримали козаки. Вітворт, зокрема, у листі від 4 травня обраховує за повідомленнями, отриманими з російської штаб-квартири, кількість мазепинців до 15 000 чоловік. У Полтавській битві, як дізнаємося з його листа від 6 липня, брало участь 11 000 козаків. Крім кореспонденції Ч. Вітворта, також друкуємо його звіт «Про Росію, якою вона була в 1710 році», у якому йдеться про кількість жертв мирного населення Батурина, знищеного у 1708 р, та інші подробиці військової діяльності Петра І.

У 1770 р. історик Михайло Щербатов опублікував «Журнал або поденну записку... Петра Великого... надруковану зі списків кабінетного архіву, правлених ним особисто». У передмові він зазначив, що цар «наказав при собі журнал своєї історії на увесь час продовження шведської війни

писати, котрий сам в багатьох місцях поправив своєю рукою». М. Щербатов виявив в архіві Петра І вісім таких зшитків. У п'яти журналах публікатор розпізнав правку самого царя. У нашому виданні ми публікуємо лише ту частину «Журналу», яка стосується подій 1698–1709 рр. Тут знаходимо головний виконавчий сценарій бойових дій російської армії, а також важливі подробиці участі українського козацтва в Північній війні. Автори «Журналу» детально описують хід протистояння армії Петра І та шведсько-українського війська, взяття Батурина, оборону Полтави. Істотно доповнює згаданий вище фактаж «Щоденник військових дій російської армії під Полтавою», написаний сучасником у 1709 р. У ньому особливо цінний запис промови царя перед військом від 26 червня. У ній він зазначив, що мазепинці хотіли «учинить княжество особое под властию его вора и изменника Мазепы, в котором ему быть великим князем и иметь у себя во владении казаков донских и запорожских и Волынь и все роды казацкие, которые на сей стороне Волги». Це свідчить, що Петро І знав про справжні наміри гетьмана та його оточення. Натомість у своїх указах, зверненнях до українського народу цар звинувачував І. Мазепу у намаганні віддати Україну під польське панування.

Наступне цінне джерело цього розділу – мемуарні записки генерал-квартирмейстера шведського короля Акселя Гілленкрока «Сказання про виступ його величності короля Карла XII з Саксонії і про те, що під час походу до Полтави, при її облозі та пізніше трапилось». Вони написані у 1711 р. під час полону в Москві (видані у 1842 р., а перекладені з німецької на російську мову у 1844 р.). А. Гілленкрок зауважував, що шведське військо повернуло в Україну за його пропозицією королю, бо, мовляв, козаки не дадуть росіянам випалювати свої домівки (армія Петра І знищувала села у напрямку просування шведів). Генерал фактично спростовує твердження багатьох російських та українських істориків про існування якогось договору між Карлом XII та І. Мазепою до жовтня 1708 р. Мемуарні записки засвідчують плани, дії шведів у кампанію 1708–1709 рр. А. Гілленкрок зустрічався з гетьманом. Тож для нас є цінними його зауваги про І. Мазепу, зафіксовані розмови з ним.

Публікуємо також й інші свідчення мемуарного характеру (записки драгунського капітана Симеона Куроша, прапорщика Густава Абрама Піпера, англійця Джона Перрі).

У розділі про Північну війну вміщуємо два джерела щодо Булавінського повстання («Про низовий Донський похід (1708–1709 рр.)», «Записка князя В. В. Долгорукого про дії каральної армії в 1708 р.»). Московські дізнавачі допитували полонених булавінців, чи не були вони пов'язані зі шведами, І. Мазепою. Очевидно, що гетьман розраховував на прибічників Кіндрата Булавіна, бо планував у разі перемоги взяти під свою опіку усіх козаків. На жаль, повстання булавінців розгорілося раніше мазепинського, а тому на момент вирішального кроку української старшини фактично вже зазнало поразки. Зазначимо, що противники Петра І програли насамперед через неузгодженість дій. Але на те теж були свої об'єктивні причини.

Розділ «Північна війна (1700 – до 1709 рр.)» також вміщує кореспонденцію київського губернатора Д. Голіцина до гетьмана І. Скоропадського, корсунського полковника А. Кандиби (подаємо їхнє листування з приводу дій мазепинців, Карла XII аж до 1711 р.). Друкуємо і депеші О. Меншикова про ситуацію довкола Батурина. Цінні й інші листи Петра І, І. Мазепи та інших російських урядовців про хід Північної війни. Універсал польського короля Станіслава Лещинського від 22 вересня 1707 р. показує, яка боротьба у той час точилася за Україну. Як відомо, І. Мазепа взяв його до відома, бо він не відповідав інтересам українського люду.

Документ № 87 (указ Петра І про створення губерній від 18 грудня 1707 р.) має практично однакову назву з документом № 121 (щоправда, останній поданий у повному викладі і датований 18 грудня 1708 р.). Можливо, сталася помилка у датуванні важливого рішення царя. Хоч би там як, цей указ «забирав» низку українських міст в утворену Київську губернію. Зрозуміло, у такий спосіб завдався потужний удар по козацькій автономії. Гетьманське оточення це розуміло, а тому й виступило проти Москви.

У другій частині збірки документів («Додатки») розміщуємо три розділи: «Церковні акти, описи церемоній, кореспонденція священнослужителів», «Універсали, листи старшин», «Акти місцевого самоврядування». Тут є багато корисних матеріалів для дослідників минувшини, оскільки опубліковано джерела з дуже рідкісних видань.

Зазначимо насамкінець, що том «Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах» є своєрідним продовженням попереднього проекту щодо публікації здебільшого друкованих джерел. Необхідні ж коментарі до них, пояснення можна знайти у наших студіях про гетьмана** та працях інших істориків***.*

Основний масив поданих текстів – копії з оригіналів, видрукуваних істориками, краєзнавцями у різноманітних виданнях XVIII, XIX, XX, XXI століть. У нашому проекті збережено трактування, прочитання авторами публікацій відповідних документів згідно з тогочасними вимогами, нормами та правилами правопису. Збережено літери «ѣ», «ъ», «ы». Водночас вміщуємо і джерела, за першого видання яких застосовувалися сучасні спрощені правила, згідно з якими літера «ять» замінена на «і». Твердий знак у кінці слів опускається.

---

* Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упорядник Сергій Павленко. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 1144 с.

** *Павленко С.* Іван Мазепа / Під заг. ред. акад. НАН В. А. Смолія.– К.: Видавничий дім «Альтернативи», 2003. – 416 с.; *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. – К.: Видавничий дім «КМ Академія», 2004. – 602 с; Іван Мазепа як будівничий української культури. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2005. – 304 с.; *Павленко С.* Загибель Батурина 2 листопада 1708 р. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 266 с.

*** *Мицик Ю.* Іван Мазепа. – К., 2008; *Таирова-Яковлева Т.* Мазепа. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 271 с.; *Ковалевська О.* Іван Мазепа у запитаннях та відповідях. – К.: Темпора, 2008. – 200 с.

Крім цього, чимало свідчень доби 1687–1709 рр. подано у перекладах російською та українською мовами.

За всіх цих відмінностей, які зберігаються у поданні документів, пропуски, втрати від часу тексту позначені [...], проблеми прочитання слів – (?). Публікація кожного джерела супроводжується посиланням на першодрук.

Упорядник вміщує також 6 документів (№ 31–35, 107), відшуканих ним в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського (далі – Інститут рукопису НБУВ). Це в основному копії середини XVIII століття, зроблені в російських архівах.

Для полегшення користування документами збірки також подаємо іменний покажчик і покажчик населених пунктів.

Автор цих рядків висловлює щиру подяку дирекціям, співробітникам Інституту рукопису НБУВ, Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського за допомогу в підготовці цього тому.

Сергій ПАВЛЕНКО

ПЕРШИЙ КРИМСЬКИЙ ПОХІД

№ 1

1686, вересня 19. – Москва
Царський указ про підготовку військ до походу на Крим

В 7195 (1687) году сентября в 3 день, великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, указ московских и всяких чинов ратным людем сказан на постельном крыльцѣ таков:

Стольники и стряпчіе, и дворяня московскіе, и жильцы, и иных всѣх чинов ратные люди!

Великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, велѣли вам сказать:

Вѣдомо им, великим государем, учинилось по письму к ним, великим государем, их царскаго величества подданнаго Войска Запорожскаго гетмана Ивана Самойловича и из полков бояр и воевод, что хан крымской имѣет намѣреніе свое приходить войною к их государским украинным и малороссійским городом.

И по тѣм вѣстям указали они, великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, быть на своей государской службѣ по полком бояром и воеводам, а с ними в полках вам, стольником и стряпчим и дворяном московским и жильцом, опричь тѣх, которые во 188 и во 189 году были в полках с бояриномъ и оберегателем со князем Васильем Васильевичем Голицыным с товарищи.

А кому бояром и воеводам по полком быть, и в которых мѣстѣх, и на которые сроки в указных мѣстѣх им стать, о том их государской указ сказан вам будет впредь.

А кому вам московскаго чину с ними, бояры и воеводы, по полком быть, и имяна ваши для вѣдома вам прочтены будут сего ж сентября месяца 10 числа.

А которым московских и всяких чинов ратным людем по нынѣшней росписке на их государской службе в полках с бояры и воеводы быть, и великіе государи тѣх ратных людей пожаловали, с помѣстей их и вотчин с крестьянских и с бобыльских дворов запросного хлѣба на жалованье ратным пѣшим людем имать не велѣли.

И вы б, стольники и стряпчіе, и дворяня московскіе, и жильцы, и всяких чинов ратные люди, о том их государской указ вѣдали, и к службѣ готовились со всяким усердным желательством, и запасы свои готовили полные.

И по тому великих государей указу их, великих государей, граматы из розряду в городы к воеводам и к приказным людем посланы таковы; а в которые городы и с кѣм имянно, и то писано ниже сего.

От великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, в Володимер стольнику нашему и воеводѣ князю Тимоѳею Ивановичу Шаховскому: вѣдомо нам, великим государем, учинилось по письму нашего царскаго величества подданнаго обѣих сторон Днѣпра гетмана Ивана Самойловича и из Кіева, и из иных мѣст бояр наших и воевод, что крымской хан ныне со многими своими силами стоит у Перекопи, а иныя орды стоят на Молочьих водах, а намѣреніе свое имѣет приходить на наши великих государей украйные городы войною вскорѣ. И по тѣм вѣстям указали мы, великіе государи, быть на нашей великих государей службѣ по полком бояром нашим и воеводам, а с ними в полкѣх быть стольником нашим и стряпчим нашим, и дворяном московским, и жильцам, всѣм по списком, опричь тѣх, которые в прошлом во 188 году были на нашей великих государей службѣ в Путивлѣ и в иных мѣстѣх по полком с бояры нашими и воеводы царственныя большія печати и государственных великих посольских дѣл с оберегателем с ближним бояриным нашим и воеводою и с намѣстником новгородским со князем Васильем Васильевичем Голицыным с товарищи, а иные были во 193 году в Козловѣ и в Царевѣ Борисовѣ; а за которых в Путивлѣ и в иных мѣстѣх по полком были дѣти и братья, и племянники, и свойственники, и даточные, и с которых взяты деньги, и которые послѣ той службы были на воеводствах, и перемѣнены, и тѣм всѣм по наряду в полкѣх с бояры и воеводы быть же. И которые вышеписанных московских чинов люди нынѣ на Москвѣ, и тѣм о той наших великих государей службѣ сказано, и имена их чтены, и в судных и во всяких исковых дѣлѣх, опричь татиных и разбойных, и убивственных, им отсрочено, и с судебных дѣл пошлинных денег и исцовых исков, и по порокам править, и людей их в том волочить и убытчить не велѣли, и наш, великих государей, указ о том из розряду во всѣ приказы послан; да володимерцом и разных городов дворяном и дѣтем боярским всѣм по списку, которые нынѣ в домѣх своих. А кому бояром нашим и воеводам на нашей великих государей службе по полком и кому с ними вышеписанных чинов ратным людем у них в полкѣх быть, и в которых мѣстѣх на которые указные сроки гдѣ кому стать, о том наш, великих государей, указ прислан будет впредь. И как к тебѣ наша, великих государей, грамота придет, и ты б в Володимерѣ стольником нашим и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом володимерским, помѣщиком и вотчинником и володимерцом, и розных городов дворяном, и дѣтем боярским сесь наш великих государей указ о нашей государской службѣ сказал всѣм в слух, и биричем велѣл кликать в торговые дни, а у володимерской уѣзд во всѣ станы и в волости в ближнія и и в дальныя мѣста послал с наказными памятьми служилых людей, и велѣл им московских чинов людем и городовым по тому жь сказывать, чтоб они, вышеписанных чинов люди, по нынѣшним вѣстям к нашей великих государей службѣ строились, и запасы свои

готовили полные, и лошади кормили и совсѣм были в готовности, а к Москвѣ и ни куды ни для своих дѣл отнюдь не разъѣзжались, и о службѣ, гдѣ кому в полкѣх с бояры нашими и воеводы быть, и на которые сроки стать, ожидали нашего, великих государей, указа, которой прислан будет; и они б в то время на нашу, великих государей, службу в полки с бояры нашими и воеводами в указныя мѣста и на указные сроки ѣхали тотчас безо всякаго переводу, не отымаясь ничѣм, для того им нынѣшняя служба заранѣе и сказана. Да ям же вышеписанных чинов ратным людем, которым по нынѣшней росписке и по наряду велѣно быть на нашей великих государей службѣ в полкѣх с бояры нашими и воеводы, в Володимерѣ сказал, а в уѣздѣ сказывать велѣл, что мы, великіе государи, пожаловали их для нынѣшей службы с помѣстей их и вотчин с крестьянских и бобыльских дворов запроснаго хлѣба на корм ратным людем имать не велѣли, опричь стрѣлецкаго окладнаго хлѣба. А что у тебя по сему нашему великих государей указу учинено будет, и ты б о том к нам великим государем писал, а отписку велѣл подать в розряде думному нашему дьяку Василью Григорьевичу Семенову с товарищи.

Писан на Москвѣ лѣта 7195 года, сентября в 19 день [1].

№ 2

1686, жовтня 22. – Москва
Царський указ про призначення високопосадовців у полки, які братимуть участь у поході на Крим

7195 году октября в 22 день, великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали на своей великих государей службѣ бояром и воеводам быть по полкам в малороссійских городѣх для береженія и поиску над непріятельскими людьми.

В Большом полку:

царственныя большія печати и государственных великих посольских дѣл оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику новгородскому, князю Василью Васильевичу Голицыну, да боярину жь князю Константину Осиповичу Щербатову, окольничему Венедикту Андреевичу Змѣеву, генералу думному Агею Алексѣевичу Шепелеву, думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову;

дьяком: Перфилью Оловеникову, Михайлу Воинову, Григорью Протопопову.

С Новгородским розрядом:

боярину Алексѣю Семеновичу Шеину, окольничему князю Данилу Аванасьевичу Борятинскому; дьяком: Еремею Полянскому, Андрею Юдину.

С Рѣзанским розрядом:

боярину князю Володимеру Дмитріевичу Долгорукому, окольничему Петру Дмитріевичу Скуратову; дьяком, Льву Протопопову, Автамону Иванову.

---

[1] Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым. – М.: Типография компании типографической, 1791. – Часть XVI. – С. 372–378.

С Сѣвским полком:

окольничему Леонтью Романовичу Неплюеву, да дьяку Михайлу Жаденову.

Низовых городов с полком:

стольнику Ивану Юрьеву сыну Левонтьеву.

И сесь свой великих государей указ боярину и оберегателю князю Василью Васильевичу изволили великіе государи сказать сами.

А бояром же Алексѣю Семеновичу, князю Володимеру Дмитріевичу и товарищам всѣм их великих государей указ сказівал розрядной думной дьяк Василій Григорьевичь Семенов.

А сбираться им, бояром и воеводам, полков своих с конными и с пѣшими ратными людьми:

Большаго полку боярину и оберегателю и воеводам князю Василью Васильевичу с товарищи в Ахтырском.

Новгородскаго розряду боярину и воеводам Алексѣю Семеновичу с товарищи в Сумах.

Рѣзанскаго розряду боярину и воеводам князю Володимеру Дмитріевичу с товарищи в Хотмышском.

Сѣвского полку окольничему и воеводѣ Леонтью Романовичу с товарищи в Сѣвску [2].

№ 3

1686, жовтня 22. – Москва Указ стольникам, стряпчим та дворянам про підготовку до походу на Крим

7195 (1687) году 22 числа октября, московских чинов людем великих государей указ сказан таков:

Стольники, стряпчіе и дворяня московскіе и жильцы и иных всѣх чинов ратные люди!

Великіе государи цари и великіе князи, Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, велѣли вам сказать:

В нынѣшнем во 195 году сентабря в 3 числѣ, по их великих государей указу сказано вам, что указали они, великіе государи, быть вам на своей государевѣ службѣ в полкѣх с бояры и воеводы, и к той службѣ строиться и запасы свои готовить полные и совсѣм быть в готовности; а кому бояром и воеводам по полком быть, и в которых мѣстѣх сбираться, и о том их великих государей указ сказан вам будет впредь.

И нынѣ указали великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, на своей великих государей службѣ бояром и воеводам быть по полком, в малороссійских городѣх, для береженья и отпору и поиску над непріятельскими людьми.

[2] Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым. – М.: Типография компании типографической, 1791. – Часть XVI. – С. 378–380.

В Большом полку:

Царственныя большія печати и государственных великих посольских дѣл оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику новгородскому, князю Василью Васильевичу Голицыну.

Боярину жь князю Константину Осиповичу Щербатову.

Окольничему Венедикту Андреевичу Змѣеву.

Генералу думному Агею Алексѣевичу Шепелеву.

Думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову.

Дьяком: Перфилью Оловеникову, Михайлу Воинову, Григорью Протопопову.

С Новгородским розрядом:

Боярину Алексѣю Семеновичу Шеину.

Окольничему князю Данилу Аѳанасьевичу Борятинскому.

Дьяком: Еремею Полянскому, Андрею Юдину.

С Рѣзанским розрядом:

Боярину князю Володимеру Дмитріевичу Долгорукову.

Окольничему Петру Дмитріевичу Скуратову.

Дьяком: Льву Кропотову, Автамону Иванову.

А сбираться им боярам и воеводам полков своих с конными и с пешими ратными людьми:

Большаго полку боярину и оберегателю и воеводам князю Василью Васильевичу с товарищи в Ахтырском.

Новогородскаго розряду:

Боярину и воеводам Алексѣю Семеновичу с товарищи в Сумах.

Рѣзанского розряду:

Боярину и воеводам князю Володимеру Дмитріевичу с товарищи в Хотмышском.

А вам, стольником и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом, которым по их великих государей указу и по нынѣшней росписке по наряду велѣно быть на их великих государей службѣ, указали они, великіе государи, быть всѣм в Большом полку с боярином и оберетелем и воеводою со князем Васильем Васильевичем; а которых городов полковыя службы дворяном и рейтарским и солдатским генералам и полковником свих полков с полками в котром полку быть, и о том их, великих государей, грамоты посланы будут в городы к воеводам и к приказным людем.

И вы б, стольники и стряпчіе, и дворяня московскіе, и жильцы, и всяких чинов ратные люди, о том их великих государей указ вѣдали, и к службѣ однолично со всѣм были готовы, и запасы свои в тѣ назначенныя мѣста посылали по нынѣшнему зимнему первому пути вскорѣ; а как их, великих государей, указ в городы о высылкѣ вас в тѣ указныя мѣста прислан будет, и вы б в указныя мѣста ѣхали тотчас безо всякого переводу, не отымаясь ничѣм, по тому, что нынѣшняя служба всѣм вам сказана заранѣе; а на которой срок по указным мѣстам вам стать, и о том их, великих государей, указ сказан будет впредь.

Да вам же, стольником и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом, и всѣх чинов служилым людем указали великіе государи сказать:

Вѣдомо им, великим государем, учинилось, что у вас у многих дѣти ваши и братья, и племянники, и иные свойственники в возрастѣ, и в их государеву полковую службу поспѣли, а вы их в чины не приказываете, и в полковую службу не пишете, и живут они в домах своих, а их государевы службы не служать им их великих государей служба мочно.

И великіе государи указали вам, для своей великих государей службы, дѣтей своих и братью, и племянников, и иных свойственников, у кого кто есть в возрастѣ, в чины приказывать, и в полковую службу писать нынѣ вскорѣ.

А буде кто из вас дѣтей своих или братью, и племянников, и иных свойственников, которые в возрастѣ, утаит, и в чин нынѣ вскорѣ не прикажут, а послѣ про то сыщется, или кто в том на кого извѣстит; и великіе государи тѣх ваших дѣтей и братью, и племянников, и инѣх свойственников в чины впредь писать не указали, а написаны будут всѣ с городами в рейтарскую службу без денежного жалованья, а городовых дворяни дѣтей боярских дѣти и братья, и свойственники написаны будут в солдатскую службу, и велят им служить по тому жь без денежного жалованья.

И вы б о том их, великих государей, указ вѣдали, и дѣтей своих и братью и свойственников в чины приказывали, и в полковую службу писали ныне вскоре безо всякія утайки и переводу.

А Новогородскаго розряду всѣх городов ратные всяких чинов люди ѣхали б с Москвы в домы свои, и к службѣ строились и со всѣм были на готовѣ, для того, что помѣщики они дальние, и чтоб к службѣ им изготовится заранѣе [3].

№4

1686, грудня 1. – Москва
Царський указ військовим людям

195 (1687) году, 28 числа ноября великих государей указ московских и иных чинов ратным людем сказан вверху на постельном крыльцѣ таков:

Стольники и полковники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и начальные люди, и жильцы, и рейтары, и городовые, и иных всѣх чинов ратные люди!

Великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, велѣли вам сказати:

В нынѣшнем во 195 году сентября в 3, да октября в 22 числѣх, по их великих государей указу сказано вам, что указали они, великіе государи, быть вам на своей государевѣ службѣ в полкѣх с бояры и воеводы; а боярам и воеводам полков своих с вами, ратными людьми, с конными и с пѣшими сбратья по мѣстамѣ:

Большаго полку царственныя большія печати и государственных великих посольских дѣл оберегателю ближнему боярину и воеводам и намѣстнику новгородскому князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи в Ахтырском.

Новгородскаго розряду боярину и воеводам Алексею Семеновичу Шеину с товарищи в Сумах.

Рѣзанскаго розряду боярину и воеводам князю Володимеру Дмитріевичу Долгорукому с товарищи в Хотмышску.

Сѣвскаго полку окольничему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву с товарищи к Красном Куту.

---

[3] Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым. – М.: Типография компании типографической, 1791. – Часть XVI. – С. 380–385.

Низовых городов с полком стольнику Ивану Леонтьевичу в Ахтырском.

А на которой срок вам в тѣх полках в указных мѣстѣх стать, и о том их, великих государей, указ сказан вам будет впредь.

И нынѣ великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали вышеписанным бояром и воеводам с вами стать на указных мѣстѣх на срок февраля в 25 числѣ нынѣшняго 195 году, а вам в тѣх полкѣх у них, бояр и воевод, в вышеписанных указных мѣстѣх стать на тот же указной срок, а послѣднее марта 1 числа нѣнѣшняго 195 года безо всякаго переводу.

И вы б, стольники и полковники, и стряпчіе, и дворяня московскіе, и жильцы, и городовые дворяня, и дѣти боярскіе, и копейщики, и рейтары, и всяких чинов ратные люди, о том их, великих государей, указ вѣдали, и на их государеву службу в указныя мѣста на вышеписанные указные сроки одноличцо всѣ были службами своими и с полными запасы, и людей своих, которых в прошлом 189 году на смотрѣ блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а городовые у разборов в сказках своих писали с крестьянских с указных дворов, также и послѣ того смотру, которые о том подавали в розряд сказки жь, людей с боем и в кошу имали всѣх с собою со всяким добрым ружьем, не отъимаясь ничѣм, по тому что нынѣшняя служба всѣм вам сказана до нынѣшних сроков зе долгое время.

Таков их, великих государей, указ за закрѣпою думнаго дьяка Василья Григорьевича Семенова.

И по тому их, великих государей, указу в городы к воеводам и к приказным людям их великих государей грамоты посланы таковы:

От великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, в Володимер стольнику нашему и воеводе князю Тимоѳѣю Ивановичу Шаховскому: в нынѣшнем во 195 году, октября в 30 числѣ в нашей великих государей грамотѣ писано к тебѣ, что по нашему великих государей указу велѣно быть на нашей великих государей службѣ бояром нашим и воеводам по полком в малороссійских городѣх для береженія и поиску над непріятельскими людьми, а с нашими великих государей ратными с конными и с пѣшими людьми сбираться по мѣстам, Большаго полку нашія великих государей царственныя большія печати и государственных великих посольски дѣл оберегателю ближнему боярину нашему и намѣстнику новгородскому и воеводам князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи в Ахтырском, Новгородского розряду боярину нашему и воеводам Алексѣю Семеновичу Шеину с товарищи в Сумах, Рѣзанского розряду боярину нашему и воеводам князю Володимеру Дмитріевичу Долгорукову с товарищи в Хотмышску, Сѣвскаго полку окольничему нашему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву с товарищи в Сѣвску; и о сказкѣ стольникам нашим, стряпчим и дворяном московским, и жильцом, и володимерцом, и розных городов дворяном и дѣтем боярским, которым в нынешне во 195 году по наряду быть на нашей великих государей службѣ в полкѣх с бояры нашими и воеводы, чтоб они к нашей великих государей службѣ строились, и со всѣм были на готовѣ, и гдѣ кому в полкѣх с бояры нашими и воеводы быть и по указным статьям стать,

ожидали нашего великих государей указу; и ноября в 28 числѣ указали мы, великіе государи, бояром нашим и воеводам с нашими великих государей ратными с конными и пѣшими людьми сбираться, и на указных мѣстѣх стать, Большаго полку нашія великих государей царственные большія печати и государственных великих посольских дѣл оберегателю ближнему боярину нашему и намѣстнику новгородскому и воеводам князю Василью Васильевичу в Ахтырском, Новгородского розряду боярину нашему и воеводам Алексѣю Семеновичу в Сумах, Рѣзанского розряду боярину нашему князю Володимеру Дмитріевичу в Хотмышску, Сѣвского полку окольничему нашему и воеводѣ Леонтью Романовичу в Красном Куту, на срок февраля в 25 числѣ нынѣшняго 195 года; а полков их наших великих государей ратным людем московскаго чину, и начальным людем, и городовым дворяном, и дѣтем боярским, и копейщиком, и рейтаром солдатом, и всяких чинов ратным, и конным, и пѣшим людем в полкѣх у них, бояр наших и воевод, в тѣх указных мѣстѣх стать на тот же указной срок февраля в 25 числе, а кончае марта в 1 числѣ нынѣшняго 195 года, безо всякаго переводу; а каких чинов нашим великих государей ратным людем с бояры нашими и воеводы володимирским помѣщиком и вотчинников в тѣх полкѣх быть, и тому роспись под сею нашею великих государей грамотою; и как к тебѣ ся наша великих государей грамота придет, и ты б в Володимер стольником нашим и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом, и володимерцом, и розных городов дворяном, и дѣтем боярским, и копейщиком, и рейтаром, и солдатом, и всяких чинов ратным конным, и пѣшим людем сей наш великих государей указ о службѣ и о срокѣ у приказныя избы сказал, и сю нашу великих государей грамоту велѣл прочесть всѣм вслух, и в торговые дни биричем велѣл кликать почасту, чтоб о нашей государевѣ службѣ и о указном срокѣ ратные всяких чинов люди вѣдали, а в Володимерской уѣзд во всѣ станы и в волости в ближнія, и в дальнія мѣста послал с наказными памятьми служилых многих людей, и велѣл им московских и иных всяких чинов ратным людем конным и пешим по тому жь сказывать, чтоб они о том наш великих государей указ вѣдали, и на нашу великих государей службу в полки бояр наших и воевод ѣхали в тѣ указныя мѣста, и были в тѣх указных мѣстѣх на тѣ указные сроки со всею службою и с запасы безо всякаго переводу, не отымаясь ничѣм, а нынѣшняя служба всѣм им сказана заранѣе многажды, а людей своих, которых они в прошлом во 189 году на смотрѣ брата нашего великих государей блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а городовые у разборов, писали в сказках своих с крестьянских с указных дворов; также и послѣ того смотру, которые подавали в розряд сказки жь, сколько кто за собою написал с боем и в кошу людей, имали всѣх с собою с ружьем одноличнo б; тебѣ сего нашего великих государей указу в оплошку себѣ не посьтавить, наших великих государей ратным всяких чинов коным и пѣшим людем о нашей государевѣ службѣ, гдѣ кому по наряду быть велѣно, и в которых мѣстѣх на указные сроки стать, в Володимирѣ сказал, и в уѣздѣ сказывать велѣл безпрестанно, чтоб им о службѣ и о срокѣ наш государев указ вѣдом был всѣм; да и то им сказывать велѣл, буде кто по сему нашему великих государей указу в тѣ указныя мѣста на вышеписанные указные сроки в полки не пріѣдут, и по смотру бояр наших и воевод в тѣх указных числѣх объявятся в нѣтѣх, и тѣм за то наш великих государей указ учинен будет в то время; а в котором числѣ сей наш великих государей указ нашим великих государей

ратным конным и пѣшим людем в Володимерѣ и в уѣздѣ сказан будет, о том к нам великим государем писал, а отписку велѣл подать в розрядѣ думному нашему дьяку Василью Григорьевичу Семенову с товарищи.

Писан на Москвѣ лѣта 7195 года декабря в 1 день [4].

№ 5

1687, квітня 3. – Москва
Лист патріарха Іоакима до князя Василя Голіцина

Іоаким милостію Божіей патріарх Московскій и всея Россіи и всѣх сѣверных стран.

Царскаго пресвѣтлаго величества болярину и воеводѣ, нашея же мѣрности возлюбленному во Господѣ сыну князю Василію Василіевичу архипастырское благословеніе.

Всепремудрый наш творец и владыка преблагій Бог вся дѣла и мышленія в гражданствѣ устроевая и в полезность человѣком производжает благовольнѣ предѣлом, его же никто же прейти когда возможет. Яко же псалмопѣснивый пророк вѣщает: «Предѣл положи его же не прейдут». Той человѣколюбіем своим благородія твоего шествіе благодатнѣ да управит во всякую пользу человѣческую. Ибо отнели же благородіе твое, но повелѣнію благочестивѣйших и самодержавнѣйших наших царей, яко воин избран, и служитель царскаго величества вѣрный и церкве святыя сын послушный, в воинство нынѣшняго времени руководствовати многочисленное ополченіе россійскаго государства противу врагов христіанских проклятых махометанов пошел еси, всегда твою любовь имать мѣрность наша в сердцѣ незабвенно. И яко благородіе твое возъимѣл еси усердіе мужественнѣ руководствовати воинство христіанское и о всяком добрѣ царскому пресвѣтлому величеству благочестивым государем, царем и всему россійскому народу промысл и тщаніе твориши, благодарим Господа Бога, молим же благость его с велім нашим пастырским желаніем, да даст любви твоей Вседержный Правитель Христос Бог здравіе тѣлесе многолѣтно, душевное спасеніе во всяком благосовѣтіи всесовершенно, в ратоборствѣ мужество и храбрость, упованіе на Господа Бога неуклонное, воевожденіе в свободѣ добростройное. Поспѣшит бо Господь Бог день дне боящимся Его и уповающим на милость его. Чесого наша мѣрность и всему воинству россійскому, изшедшему на брань и с вами сущему, усердствуем и благословеніе наше архипастырское посылаем. Здравствуйте. Аминь.

Писася в царствующем великом градѣ Москвѣ мірозданія 7195 лѣта, от воплощенія же предвѣчнаго Слова Божія 1687 индиктіона 10-го мѣсяца априллія 3 дня.

Подклеена приписка. В воинствѣ же ополченія при твоем благородіи сущих нашея мѣрности по крове ближних о сродственных людех благородію твоему и не докучаю, надѣяся, что твоею милостію будут тамо незабвенни, но призрѣнія твоего во всяких приключеніях да не лишатся, прошеніе наше творим [5].

---

[4] Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым. – М.: Типография компании типографической, 1791. – Часть XVI. – С. 385–393.

[5] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 3–4.

№ 6

1687, травня 6. – Москва
Лист патріарха Іоакима до князя Василя Голіцина

Іоаким и пр. царскаго пресвѣтлаго величества болярину и воеводѣ, нашея же мѣрности возлюбленному во Господѣ сыну князю Василію Василіевичу архипастырское благословеніе.

Богоизбранный Божественный сосуд Павел апостол присно людем Божіим учительствуя вопіет: «о всем Господа Бога благодарите», зане всетворный Владыка наш Бог сего от всякія словесоразумныя души требует, ибо в Нем живем и движемся и есмы, чесому мѣрность наша послѣдующи, всегда благодарити его премилосердаго народодѣтеля усердствуем. И отнели же твое благородіе из общія матере нашея соборныя церкви с присутствіем тогда благочестивых наших самодержавных великих государей царей во ополченіе с воинством их царскаго величества противу врагов христіанских проклятых агарян отпустихом и в их государскіе полки с вашим благородіем честный и животворящій Крест Господень и честныя святыя Богочеловѣка Іисуса Христа и пресвятыя Богоматере Дѣвы Маріи иконы во вспоможеніе и непреборимое защищеніе христолюбивому воинству дахом, непрестанно молим безмѣрную благость Божію и пресвятую Дѣву Богородицу и всѣх святых, да дарует вам и нам Господь свою милость и честным его крестом на врагов христіанских побѣду и одолѣніе. Пресвятая же Дѣва Марія Богородица явит предстательство и святіи вси помощь да творят, во всякое лучшество, во христіан православных и воинов благочестивых пользу и оборону и из плѣну многим душам свободу. Благочестивым же нашим самодержавным царем государем мир и тишину, царства же расширеніе и охраненіе всея державы их, и слава Господня и Имя Его святое да славится всюду и на всяком мѣстѣ благочестно и православно. И сего ради с велім нашим пастырским усердіем, ради таковового в воли Господней намѣренія и полков Господних многочисленнаго воинства христіанскаго пошествія с вашим благородіем ко Господу Богу прошенія прилежная в чинѣ церковнаго пѣнія напечатати повелѣхом и в церкви Божіи о вспоможеніи христіанскому воинству и освобожденіи плѣненных из неволи агарянскія мольбы ко Господу сотворяем, такожде в монастырѣх и в прочих церквах заповѣдахом творити. Кая прошенія напечатанная и в полки царскаго величества под предводительством вашего благородія к протопопу рождественскому Захарію нынѣ послахом; да о них возвѣстив вашему благородію, раздаст всѣм священником, иже чина церковнаго в полкѣх молитвы творят.

При сем же мѣрность наша, яко же вашему благородію военачальникам и воеводам, такожде и всему царскія державы россійскому благочестивому воинству здравія и спасенія, побѣды же на враги и искорененія нечестія их, мирнаго же пребыванія и во всем в волю Господню удобства желаем всегда, таже и вѣчное в небесѣх блаженство и почести, еже от Христа Бога за всякій труд и тщаніе, о святѣм Имени Его творимое, да пріимете, усердствуем. Буди же всѣм вам чадом нашим во Христѣ благословеніе Господне и нашея мѣрности, и всея святыя церкве молитва непрестанно. Аминь.

Писася в царствующем великом градѣ Москвѣ от мірозданія 7195 лѣта, от воплощенія же Бога Слова Іисуса Христа 1687 мѣсяца маія 6 дня [6].

---

[6] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной коммиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 4–5.

№ 7

1687, травня 6 (?). – Москва
Лист патріарха Іоакима до князя Костянтина Щербатова

Іоаким и пр. царскаго пресвѣтлаго величества болярину и воеводѣ, нашея же мѣрности возлюбленному во Господѣ сыну князю Константину Іосифовичу архипастырское благословеніе.

Мудротворивая вина Бог присносущный, всею тварію приснохвалимый, да дарует твоему благородію здравіе тѣлесе многолѣтно и всесовершенно, душевное спасеніе и во всем мирное и благополучное пребываніе, в ратоборствѣ же воевожденія полков царскаго пресвѣтлаго величества благоразсудство и удобство во исполненіе воли Господни. К сему мужество и храбрость да подаст. Ибо мѣрность наша, яко твоей любви тако и всему православному христіанскому воинству в побѣду на вся враги и разорители христіанскія всегда всякаго добра желаем, да благословить вас Господь и просвѣтит на вас лице Свое и защитит от всякаго зла, наставляя в пути правыя. Зловѣрных же и проклятых иноплеменников державною и всесильною рукою своею да побѣдит и истребит от земли нечестивую память их. Твое же благородіе и всѣх воинов защищающих вѣру православную и церковь Христову от проклятаго агарянскаго злобожнаго свирѣпства и разоренія и благочестивым самодержавным великим нашим государем царем вѣрно служащих и борющихся во ополченіи всегдашнем, премилосердый Господь да сподобит прекраснаго рая наслѣдіе блаженное в некончаемыя вѣки пріяти. Его же вам по Господѣ любезным сынам мѣрность наша усердствует всегда. Аминь [7].

№ 8

1687, травня 6 (?). – Москва
Лист патріарха Іоакима до Венедикта Змеєва

Іоаким и пр. царского пресвѣтлаго величества окольничему и воеводѣ нашея же мѣрности во Господѣ возлюбленному сыну Венедикту Андреевичу архипастырское благословеніе.

Во все благое человѣки управляти Божіей то благодати надлежит. Сего ради мѣрность наша молитствует всеблагого Творца Господа о сем непрестанно, да по неизрѣченной Своей милости благоволит премилосердыми Своими очесы вся люди православныя назирати и в волю Его святую управляти благодатнѣ. Наипаче же хранит Господь вашу во Христѣ любовь, пошедших во ополченіе нынѣшняго времени на противныя враги магометаны, и вѣрное служеніе царскому величеству отдающих, и послушанія ради ополчающихся за род христіанскій желаем. Тѣм же пресладчайшій Іисус Христос Бог твоей любви да дарует здравіе всецѣлое и душевное спасеніе и прирадѣтельное о ратоборствѣ тщаніе усердствуем. Чесого ради мздовоздательства в вѣчном блаженствѣ на небесѣх сподобишася от Господа Бога и здѣ милосердое жалованіе от царскаго величества благочестивых великих

---

[7] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцять первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 5–6.

государей наших царей за благочестивую царскаго величества державу ратоборствующіи воини вси получите. Посем здравствуй на многая лѣта спасенно. Аминь [8].

№ 9

1687, травня 6 (?). – Москва
Лист патріарха Іоакима до Олексія Шеїна

Іоаким и пр. царскаго пресвѣтлаго величества болярину и воеводѣ, нашея же мѣрности возлюбленному во Господѣ сыну Алексію Сімеоновичу архипастырское благословеніе.

Понеже премилосердаго Творца нашего Бога неизрѣченная милость на нас утвердися, яко псалмопѣснивый пророк вѣщает: долг имамы вси разумнословесники хвалити Его во святых Его всесовершенным смыслом непрестанно. Той бо сотвори нас во славу имени Его святаго, да учительства святаго апостола Павла в людех Божіих исполнится, глаголюща да аще бдим, аще спим да будем купно со Христом. И сему в людех Божіих мѣрность наша повсюду чрез содержаніе имене Господня в душах и сердцах быти присно усердствует. Наипаче же нынѣ твоему благородію и всему царскаго величества воинству благочестивым христіаном изшедшим на брань противу врагов христіанских и царственных разорителей проклятых агарян, желаем присно моленіем и молитвою единитися Христу Богу, да дарует всѣм милость, на враги же побѣду и одолѣніе и плѣненным душам христіанским от агарянскія тяжкія неволи свободу. При сем да умножит Господь Бог твоему благородію лѣт живота, во здравіи же телѣсе и в душевном моленіи мирно пребывати да подаст. К сему в ратоборствѣ и в воевожденіи храбрость и мужество тебѣ да приложит. Та же за всякое добротворство в горнем блаженствѣ небесным благом вѣчно Іисус Христос всѣх вас сподобити имать. Посем твоему благородію и всему с тобою православному россійскому воинству благословеніе Господне и нашея мѣрности и всея святыя соборныя церкви молитва да будет всегда. Аминь [9].

№ 10

1687, травня 6 (?). – Москва
Лист патріарха Іоакима до князя Володимира Долгорукого

Іоаким и пр. царскаго пресвѣтлаго величества болярину и воеводѣ, нашея же мѣрности во Господѣ возлюбленному сыну князю Владиміру Димитріевичу архипастырское благословеніе.

Во всяком дѣлотвореніи присnoхвальный Создатель наш и Бог да благословится, яко вся полезная человѣком непрестанно дарствует. Тѣмже наша мѣрность хвалословяще Его, Царя небесе и земли, всегда твоему благородію и всему с тобою

---

[8] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 6–7.

[9] Там само. – С. 7.

царскаго величества, великих государей наших, самодержавных царей, православному воинству, пошедшему против злых непріятелей и гонителей православныя вѣры измаильтеских людей, проклятых агарян, желаем здравія и спасенія и всякаго сохранства на многія лѣта. При чесом пастырским нашим сердцем благословенія вам, яко церкве святыя сыном и вѣрным слугом царскаго величества и боронителем христіанских народов любезно посылаем; с ним же благодать и милость вам от Христа Бога присно да умножится. Тѣм же твое благородіе и все православное воинство во Христѣ Бозѣ и в предстательствѣ пресвятыя Дѣвы Богородицы Маріи надѣющеся благодушствуйте, мужайтеся и во ополченіи Господни крѣпотствуйте, молящеся всеблагому Богу усердно всегда, да устроит вся на пользу человѣком и побѣду сотворит христіанским врагом силою своею на славу свою божественную и на хваленіе имене его святаго. Посемь здравствующе спасайтеся. Аминь.

Помѣта. Писаны вси единаго числа и посланы с окольничим со князем Василіем Өеодоровичем Жировым-Засѣкиным в той же день [10].

№ 11

1687, липня 7. – Табір поблизу річки Килчин
Донос старшини на гетьмана Івана Самойловича

Пресветлейшим и державнейшим великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софеи Алексеевне, всея Великия и Маліа и Беліа Росии самодержцем, их царскому пресветлому величеству милостивим своим обладателем верние поддание покорнее доносят.

Что Войско Запорозкое велми скорбно и жалосно есть, же их государское святое благочестивое намерение о виправе сил их монарших на Крим, на которое увесь свет християнский обернул свои очи, из которого все их монаршие доброхоти з великим желанием надеялися щасливых хвалебных и до приращенія в несмертелние веки росийскому царствию великое слави приличних скутков, не пришло ныне до своего совершенства, в яком деле любо для милости милостивих и милосердних скипетроносних государей своих радо было Войско Запорозкое при всякой чулости и радении служити, еднак не могло за неисправлением гетманским, который едно для слепоти очей своих, и для тяжести своей не был и не есть способен до чиненя должностий гетманови приличних, другое и не зичил того, абы над Кримом их монаршие сили сим походом мели одоление, якого нежелателства его можно довести отсюду.

Еще перед учиненем Вечного миру их царского пресветлого величества з Кролевством Полским всегда он, гетман, такии предложения через посланих особ и через гонцов своих до великих государей доносил, жебы они, великие государе, з турками и татармы при мире держали, а з поляками не мирились, поведаючи, же мир тот ине надобен, и для того он и села посожские не радячися ни

---

[10] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 7–8.

с кем велел был заехати, хотячи их царское пресветлое величество повадити глубоко з королевским величеством полским, чтоб тот мир не состоялся, яких сел посожских немел уступити, хоч бы и многие их монаршие к нему были укази, якож и не уступал их, аж сами поляки по соизволению государскому одобрали.

А когда уже мир стал вечний з полскою стороною, и был прислан от их великих государей в Батурин ближний околничий Леонтий Романович Неплюев з тим мирним извещением, тогда засмутился велми, и был печален многие дне, и окроме того що пред околничим зу словами нежелателними выявлялся мовячи, увидите же не каждий из ваших чинов московских будет вам дяковати, жесте розорвати мир через хитрость лядзкую з панством турецким и кримским, и хочете войну противко их вчати. При старшине войсковой тогде ж скоро по околничого з Батурина отъезде частокрот такие ж жестокие слова говорил, купили москале тепер собе лихо за свои гроше ляхом дание, ось же що в том з ляхами учиненом миру зищут и що против хана учинят обачите, жаловали малого датку татаром давати будут же болшую казну, якую захочут татаре давати, и после того бывал смутен и сердит, и такие ж слова в случаях речей поновлял, и за тот мир учинений межи монархами не велел и молебствовати по церквах.

А когда пришла ведомость от великих государей у списках з курантов розних списаних, что войска цесарские Будим город взяли у турков, а венети многие городи морем у турков же побрали, то тих писмек не хотел и слухати, и тепер нечитание валяются, а тое з него походит, же нерад слухати вестей о победе християнской над поганами, але кгды услишит, что татаре виберут людей на Волиню в полон, тогда велми весел бывает, и сколко у его бывало з Криму мурз и посланников кримских под час примиря, теды всех прошувал и наказовал до хана, абы непрестанно под Белую Церковь и Немиров на Волин и Подолье чатами татарове подпадаючи в людех християнских шкодили Кролевству Полскому, в чом явная его измена есть.

Семья его, гетманова, певного часу говорила семьям особ енералних: сердит тепер и великие похвалки чинит Иван мой на Москву. Троха того не учинит, як учинил Бруховецкий. А когда кролевское величество в прошлом року з волоское земле уступал, тогди бунчучний, меваючи на едине мову з гетманом, винес такие слова, рад бы пан гетман, щоб ляхи от татар в той земле волоской облеженем притиснени будучи помирилися, ачей бы познала Москва и нас, и неважили легце, що мы маем приреченую и поуфалую приязнь з панством кримским.

Любо по указу великих государей з того прошлого лета на сее з полками у теперщний поход готовился воевати Крим, и о том великим государем частокрот докучал он же, гетман, абы все сили их монаршие, иле их есть, в сей же поход были двигнени, однак не мел такое щирости, щоб по истине оказал свою службу, якося тепер зистало, бо хотя прекладал, чтоб великих государей великие были двигнени сили, а радил с прилежанием, чтоб ранного вешнего времени были в поля виведени, то не на якую прислугу, але на згубу войска, кгдыж до Криму кто колвек и в малих купах перед тим ходил войною, то чинил тое восене, а не на весне.

А вишовши з Батурина и приблизившися до реки Ворскла, хочай еще и полки козацкие не все были стяглися, прекладал усиловне велможному боярину его милости князю Василию Василиевичу Голицину, чтоб чим наскорей в поля выходил,

и так по его предложеню, боярин его милость войска далеким з домов путем утружение, от починку потребуючие, в поля за Самаре випровадил.

А в тих полях щоб належало на гетмана о языков старатися, и за килка мил караули посилати, и о положеню поля проведовати, того он отнюдь не чинил, и боярину его милости да любо хотел посилати наперед полки отрадил, и ради о том от старшини не приймовал, и видячи около таборов пожарами палаючие поля гасити, хоть многократне ему старшина докучала, не посилал, и не приказовал.

А когда притягнули до Води Конское, аж там за тоею Водою все поля пожарами вигорели, он ничого о том не ведаючи, хочай боярин его милость без поради сполное рушатися, доконале не проведавши, як далеко выгорело, за тую реку не радил, рушился з полками козацкими, а после его и боярин его милость двигнул монаршие сили, розумеючи, что он известен есть о доволствах конских кормов, аж там, где далей поступуючи нашлося все поле згорелое.

По тих теди вишей описаних причинах и нежелателствах и нераденіах многие розумеют и цале твердят, и ми ведам, что он, гетман, нехотячи цале пожаром тим запобегати есть причиною и повелителем до випаленя полю ж.

Бо не доходячи Конское Води, кгди его утягненю з балелим очам солнечние опали докучали, говорил: от неуважная вона московская як нам есть шкодлива, збавила, мовит, мене здоровя остатнего, чи не лепше было Москве дома в покою седети и своих границ боронити, анежели з Кримом войну сюю непотребную заводити.

Когда теди не можно было войскам по погорелим полям далей идти, он не шукаючи и не обмишляючи жадного способу, як бы то над неприятелми хочяй уже лепшими войсками учинити промисл, гонячи на неславу вечную войск московских и козацких, а защищаючи панство кримское, целе на том станул и радил, абы бояре их милость з войсками вернулися назад.

А повернувши обози назад, тое говорил, чи не казав я, що Москва ничого Криму не докажет, отож как тепер и есть, и треба будет вперед гаразд им от кримцов отдиматися, и чинит тое наругателно, з осмехом. Тепер не о штося не печалит, толко так мовит перед духовною поважною особою, коли бы мне дал Бог сына моего зу низу целого вышукати, и до Батурина прийти, знатиму я що делати, есть у мене инные дела напятые до деланя.

И тое говорил перед тоею ж особою, не знаю, што буду деяти з тыми чортами москалями, як оны зо всеми войсками своими непрутся до дому ити, бо я бым хотел просити боярина, штобы мне дал и оставил з пять тысячем войска, а то для пождання и вышуканя сына моего з низу.

И тое пресветлейшим великим государем да будет ведомо, что он же, гетман, самовластно владеет, и хочет владети Малою Россіею, грамоты монаршіе в кого хочет отбирает, а наданя на себе албо на детей своих оборочает, ку царствующому граду Москве, не толко свецким, але и духовным людем ездити заказует и городы государские малороссийскіе не государскими, але своими именует, и людем войсковым приказует, жебы ему, а не монархом верне служили.

Надто говорил, когда возвратимся з крымского походу, постараемся, лепшей Малую Россію утвердити, и не так, як стоит в прежных статіях.

А сын его Григорий в Чернегове ганил войта, и мещан, и лаючи, смертною казню грозил, что войт и мещане хотели поставити на ратушу орла платаного,

в тое знамениe, што город Чернегов есть власнаю их царского пресветлого величества отчина, и мовил Григорей войту и мещаном так, не будете мужики жити на свете, же хочете выламатися з подданства пана отца моего, и поддатися Москве, и заказал, абы орла не ставили, и ставити не важилися.

Тот же сын говорил з другими хулные слова о пресветлейшом и превысочайшом дому монаршом их царского пресветлого величества, якіе их ущипливости, хочай и чувал отец их, але им того не ганил.

И тое припоминаем, што он же, гетман, высылаючи Михайла, бывшого полковника гадяцкого, на розмену з татарами, давал наперед устную науку, а по том писал своею рукою до его, Михайла, всеми силами старатися о утвержене приязни з панством крымским, по якому наказу и Михайло говорувал, коли б нам самопалы козацкіе зедночити з шаблями кримскими, силни б мы были против всяких монархов.

Што стался государиня царевна и великая княжна Софія Алексеевна в грамотах, и во всех царских титлах писати, теды он, гетман, за легкую и непостоянную вменяет реч, и частократно говорит: на царство цари дети молодые, ума несовершенного, нечого не знают, а царевна, невеста, будто рядит, то з того ряденія нечого доброго не можемся сподевати, было, мовит, лихо на Москве, и побито многих зацных бояр, а за сим ряденіем в прудце горшого и тяжшого упадку сподеватися треба, бо где що доброе молодые паны, з невестою рядячи, постановят, толко шатости и упадку сподеватися треба.

И таковую реч покилкакрот при старшине и всем вслух вносил, не послухал дурная Москва моее рады, да змирила з ляхами, дожду я, мовит, того в скором часе, же будут знову мене просити, абым мидіятором до примиря с панством кримским был, толко ж знатиму юж, як панство кримское з Москвою мирити, будут мене памятати, и ведатимуть ученые, як и нас поважати. И тое говорил, чортовская дурная и гнюсные войны Москва взяла на себе не по собе тяжка и ославилися всему свету, звлевати панство крымское, а оны сами некгды не здужают себе оборонити, лутшей бы, мовит, старатися при промысле нашом, своих границ, як могучи, стеречи, нижли чужого лиха подыймоватися боронити, бо коли еще не переставши од своего предсявзятя, схочут войну подняти, то пропадут.

Сам од многих лет добивал великим государем, абы чехи под царским знаменем титлою албы в Путивлю, албо в Севску были роблены, а тепер кгды з мындзы на сюю дорогу выйшли, и войску выдана плата, не позволяет и не приказует, абы ж межи народом малороссийским брана была, и всякіе купле и продажи одправовалися, овшем не смеватеся, мовячи, з самое меди лядачого нарубили, же убогому человеку не нащо не зийдутеся, бо як луска албо лупина крушатся и ламлют.

Стефана Гречаного, судію гадяцького, без ведомости и позволеня государского до королевского величества з тым посылал, абы Могилу, именуючогося на тамтой стороне гетманом, з его войском своявольным, не держал, а себе на всякую услугу быти готового з Войском Запорозким обецуючи, просил, абы ему позволил по тые места владети, городы осадивши, пока места Хмелницкий владел.

Дня 4 июля сам мосты на реце Самари войском околничого Леонтія Романовича будоване, он, гетман, з своими полками перейшовши, велел попалити, а на тамтой

стороне боярина зо всем войском оставил, толко два мосты меючого свою до переправы и мусел боярин новые мосты делати, и тот его поступок градецкой учинился под войском государским.

Дня 6 июля призвавши к себе Дмитрашка, говорил: маю ведомость, што хан з солтанами и всею ордою около нашого войска на Низ посланого забаву военную мает, толко ж немного забавится, сам хан к Перекопу уступит, а солтана з ордами противко ляхов выправит, и певне дадут ляхом добрую стречу, нехай же Голецин, такий сын, скачет та дает ляхом помоч, та нездоров даст.

Того ж дня прийшедши к нему, гетману, Войца переяславский и мовил ему, жалуются москале, приходячи к нам, што много людей государских померло, и велми много болных лежит. Он отказал, хочай бы люди и все пропали, то бы я о том не печалился.

Коней сколко до него привезут приблудных московских и всяких, всех велит клеймом своим пропятновавши, юж до колко десят до Гадяча отсылать, то его всем явное воровство.

Едного часу тут, у войску, был гетман з полковниками московскими и з нами всеми на обеде в обозного, и по обеде Петр Иванович Борисов, полковник, перемовился з Гамалеею. Гамалея слать в надею его против полковника отказал, што ты на мене полковнику отказуеш, ещесте не през шаблю нас взяли. Он, гетман, тое слышачи, и едного слова на Гамалею не рекл, еще усмехнулся, а чаят што и похвалил.

А по учиненом миру, снать хотячи якую в том заваду учинити, посылал в пасеки заднепрскіе, с мирных договорах при полской стороне оставленые, десятины пчолное выбирати, што учинил он противно, а не по воле великих государей.

А о землях тогобочных Днепра говорил жестко, не так, мовит, тое будет, як Москва з ляхами в мирных своих договорах постановила, учиним мы так, як нам потреба, по яком своем намереніи тому Гречаному до королевского величества посыланому о тых землях, и о посожских селах над договори мирные упоминался.

И при таковых своих к великим государем нераденіях и волности Войска Запорозского од великих государей потверженые нарушил.

Все сам справует, некого до порады не взываючи. Уряды по своих гневах одыймует, а не по слушных причинах и карает, и о нечесть приправует, кого хочет без суду и доводу напрасно.

За уряды полковничіе и иншіе берет великіе басаринки и през тое допускает людем утискати, чого за инших гетманов не бывало. Людей стариниых войсковых заслуженых понижает всякими своими вымыслеными способами, и слова доброго не дает о них говорити. А инших подлых незаслуженых собою выставляючи, и тым ся пописует, же што хочет учинити может.

В млынах козацких нет козаком воле, и знатным и заслужоным все на себе забирает. Що у кого уподобает, измет, а що минет, то сыны его вытягнут, и тот толко у него мает приступ, што басаринка дает, а хто не даст, хотя бы и годным был, мусит быти отриновен. Старшине енералной нет належитое поваги и безпеченства болшей от гневов и похвалок, а и к мертвые бывают, а нежли покойне живут.

Судейского уряду уже през чотыри лета не отдает для того, што некого за доброго не имеет, и хочет, абы суммою великою пенязей тот уряд судейский был

у него куплен, и жалование царское соболинное и оберное на двох судей присланое себе удержал и до сего часу. А в бытности судей згасло право, и обидимым людем нет справедливости, отколь плачу есть много.

Болш у его забавы около домовых господарских речей, а нежели около публичных, и самых монаршых дел.

Яко про то для тых всех причин, и для неспособности его нет надеи, абы и впред што хвалебного Войско Запорозкое з себе за его поводом ку прислузе монаршой показало, так все войско желает и со слезами Господа Бога молит о тое, дабы великіе государи для лучшого управленія своих монаршых дел, и для утоленя многих слез изволили указати з его уряд гетманский зняти, а на тот уряд, подлуг прав войсковых волными голосами повелели обрати якого чулого, вернейшого и справнейшого человека, который бы в нынешней войне не лениво, но радетелно и верне з войском во всяких случаях чинил им великим государем услугу. О якую перемену гетмана яко много з великим упокоренієм превеликое милости монаршое просят, так и прекладают же таковым способом поступивши, может быти Крым запертый и вскоре силами государскими и Войска Запорозкого звоеваным. А если бы того не было, то под сим гетманом не может нечого ку славе монаршой оказатися, разве шкод. А буде тое, што некоторіе од его утисков розно мейсце собе шукати мусят, албо, уховай Боже, чтоб якое в речах добрых не учинилося порухи.

И о том добиваючи вам, великим государем, чолом, припомнелисмо собе его ж, гетмана, радецкое дело. Был указ к нему от вас, великих государей, по прошенію королевского величества, штоб пустить в стороні полскіе державы хлебные запасы, на якіе там была тогда скудость, але он, преслушавши тот государский указ, учинил заказы, чтобы в тую державу нехто хлебных запасов возити не важился, и тут не продавал тамошным людем. Да толко позволил был горелку да тютян продавати приежджым одтоль чумаком. А до Крыму и до городков турецких, фундуючи там собе стислую приязнь, велел з умыслу всякіе збожя возити, волы, овцы, и коне гнати на продаж, з якими продажами малороссійские люде непрестанно туды тиснулися, и когда вже покой вечный у великих государей з королевским величеством станол, и оголошена война на бисурман, то и тогды тых продажей не унято, ездил туда хто хотел з запасами хлебными през все лето, и зимы прошлое занявши: а хочай кого з таковыми продажами и припинено, еднак не карано як бы належало, яковым способом значне городки турецкіе, над Днепром будучіе, з турецкое земле присылки хлебные немаючіе, отселя з Малое Россіи зостали убогачены.

Иных многих и незочтенных злых его поступков не мощно и выписати, толко у превысочайшого престола вашого царского пресветлого величества падше просим о конечное его гетманства переменене, бо если б за якими предложеннями посторонными не мелась на томо воля вашого царского пресветлого величества быти, то Войско Запорозкое з менших чинов отнюдь его, яко явного недоброхота, заховуючи к вам, великим государем, свою верную службу не может терпети, по своих войсковых правах и обычаях з ним поступити в скором часе мусит, за што жебыся ваш царский маестат на нас не уразил, яко на покорне вашому царскому величеству бьем челом всем войском.

Аже бы тые все злые его дела гетманскіе от нас выписаные были приняты, и вера им дана была, имена наши власными руками нашими подписуем и до рук

ясневелможного ближнего боярина его милости князя Василія Василіевича Голицына покорне отдаем в таборе над речкою Килчинем року 1687 июля 7 дня.

Вашого царского пресветлого величества верные подданые и найнижшие подножки.

Василий Борковский обозний Войска их царского пресветлого величества Запорозкого енералний

Григорий Гамалея

Михайло Вуяхевич судия

Сава Прокопович писар Войска вашого царского пресветлого величества Запорожского енералний

Иван Мазепа асаул Войска их царских пресветліх величеств Запорозкий енералний

Дмитрашка Райца

Костиантин Солонина

Яков Лизогуб

Стефан Петрович Забела

В. Кочубей [11].

№ 12

1687, липня 17. – Москва
Грамота ближньому боярину та дворовому воєводі князеві Василю Голіцину про відставлення від гетьманства Івана Самойловича і виселення його з Малоросії під міцною охороною з дозволом вибрати на його місце нового гетьмана

Іюля в 16 день, к нам, великим государем, писал ты, ближній наш боярин оберегатель и дворовый воевода, что іюля 7 дня, нынѣшняго ж 195 года, в обозѣ в урочищах на рѣчкѣ Кильчанѣ, подданнаго нашего Войска Запорожскаго старшины: обозной Василій Бурковской, судья Михайло Вахѣевичь; писари: Савва Прокопов, Василій Кочубей, ясаул Иван Мазепа, Константин Солонина, Яков Лизогуб, Степан Забѣла, Григорій Гамалѣй, подали тебѣ, ближнему нашему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, за себя и за все малороссійское войско, челобитную за руками своими, в измѣнѣ и во многом неистовствѣ к нам, великим государем, подданнаго нашего, Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетмана, и били челом нам, великим государем, чтоб ты ту их челобитную послал к нам, великим государем. И ты, ближній наш боярин и оберегатель и дворовый воевода, ту их челобитную к нам, великим государем, прислал с подьячим с Матвѣем Щошиным, и о том бы тебѣ, ближнему нашему боярину и дворовому воеводѣ, наш великих государей указ учинить, чтоб от того, от чего Боже сохрани, во всей Малой Россіи не учинилось какого замѣшанія и бунта и кровопролитія: и нам, великим государем, по той твоей, ближняго нашего боярина и оберегателя

[11] Публікація Т. Г. Яковлевої // Український історичний журнал. – 2006. – № 4. – С. 193–197.

и двороваго воеводы, отпискѣ, и по челобитной Войска Запорожскаго старшины, извѣстно. И как к тебѣ ся наша великих государей грамота придет, и ты б, ближній наш боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, призвав к себѣ подданных наших, Войска Запорожскаго вышепомянутую старшину, обознаго Василья Бурковскаго с товарищи, сказал им наш великих государей указ, что мы, великіе государи, по тому их челобитью, надданному нашему Войска Запорожскаго обѣих сторон Днѣпра гетману Ивану Самойловичу, буде он им, старшинѣ, и всему нашему царскаго величества войску малороссійскому негоден, быть гетманом не указали, и указали, у него наше великих государей знамя и булаву и всякіе войсковые клейноды отобрав, послать его в наши великих государей великороссійскіе городы, за крѣпкою сторожею, а на его мѣсто гетманом учинить, кого они старшина и всѣм войском малороссійским излюбят; а сказав им наш великих государей указ, о посылкѣ его, гетмана, в великороссійской, в которой город пристойно, также и о дѣтѣх и о свойственниках его гетманских, и о обраніи новаго гетмана учинить тебѣ, ближнему нашему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, по своему разсмотрѣнію, как тебя Господь Бог вразумит и наставит. А какову к нам, великим государем, ты, ближній наш боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, прислал Войска Запорожскаго старшины Василья Бурковскаго с товарищи, вышепомянутую заручную челобитную бѣлорусскаго письма, и той челобитной с перевода, послан к тебѣ, ближнему нашему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, список [12].

№ 13

1687, липня 25
Акт про обрання на раді поблизу річки Коломак гетьманом Війська Запорозького на місце відставленого Івана Самойловича генерального осавула Івана Мазепи, договірні статті, дані йому, та присяга останнього на вірність російському престолу

Божіею милостію, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи, цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, и многих государств и земель восточных и западных, сѣверных отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели, их царское пресвѣтлое величество, указали, сіи нижеписанные пункты написать и отдать на радѣ, в обозѣ на рѣчкѣ Коломаку, новообранному Войска Запорожскаго обѣих сторон Днепра гетману и старшинѣ и полковником и всему Войску Запорожскому и народу малороссійскому, для того:

Сего настоящаго 195 года, по их, великих государей, их царскаго величества указу, будучи на их великих государей службѣ в Большом полку в крымском

[12] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб.: Типография II отделения императорской канцелярии, 1830. – Т. II. – С. 863–864.

походѣ, ближній боярин и наместник новгородскій и царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегатель и Большаго полка дворовый воевода, князь Василій Васильевичь Голицын с товарищи, писал к ним, великим государем, к их царскому пресвѣтлому величеству, из обоза с рѣчки Килчени іюля в 8 день нынѣшняго ж 195 года, что сего ж іюля в 7 день, их царскаго пресвѣтлаго величества подданные, Войска Запорожскаго старшина и полковники: генеральный обозный Василій Бурковской, судья Михайло Вуехѣвичь, писарь генеральный Савва Прокопов, ясаул генеральный Иван Мазепа, Костантин Солонина, Яков Лизогуб, Григорій Гамалѣй, Дмитрій Райча, Степан Забѣла, Василій Кочубей, подали ему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, князю Василью Васильевичу за себя и за все Войско Запорожское челобитную, за руками своими, в измѣнѣ и во многом неистовствѣ пред ними, великими государи, пред их царским пресвѣтлым величеством, Войска Запорожскаго гетмана Ивана Самойловича, и били челом им, великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, чтоб он, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, послал ту их челобитную к ним, великим государем, к их царскому пресвѣтлому величеству: и он, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, ту их заручную челобитную приняв у них, послал к ним, великим государем и к великой государынѣ, к их царскому пресвѣтлому величеству, и писал к ним, великим государем, чтоб от того, от чего Боже сохрани, во всей Малой Россіи не учинилось какое замѣшаніе.

И іюля в 22 день, великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества в грамотѣ к нему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу с товарищи, по той его вышепомянутой отпискѣ и по челобитью Войска Запорожскаго всей старшины и полковников, писано, чтоб он, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, призвав к себѣ, их царскаго пресвѣтлаго величества подданных, Войска Запорожскаго вышепомянутую старшину и полковников, обознаго Василья Бурковскаго с товарищи, и все Войско Запорожское, сказал им их царскаго пресвѣтлаго величества милостивый указ: что они, великіе государи, их царское пресвѣтлое величество, по вышепомянутому их челобитью, гетману Ивану Самойловичу, буде он им старшинѣ и всему Войску Запорожскому негоден, быть у них гетманом не указали, и указали у него свое царскаго пресвѣтлаго величества знамя и булаву и всѣ войсковые клейноды отобрать, и послать его в свои великих государей великороссійскіе городы, а на его мѣсто гетманом учинить, кого они, старшина и Войско Запорожское, излюбят и вольными гласы оберут; а сказав им их, великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества указ, о посылкѣ его, Ивановѣ, в великороссійской, в который город пристойно, тако ж и о дѣтѣх и о свойственниках его, и о обраніи новаго гетмана, велѣно ему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, князю Василью Васильевичу с товарищи, учинить по своему разсмотрѣнію, как их Господь Бог вразумит и наставит. А какову к ним, великим государем, к их царскому пресвѣтлому величеству прислал он, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, Войска Запорожскаго старшины заручную челобитную бѣлорусскаго письма, и с той их челобитной прислан к нему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ список.

И тот их, великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества милостивый указ Войска Запорожскаго старшинѣ и полковником и всему Войску Запорожскому

объявлен, и великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, та вышепомянутая грамота им прочтена, и гетман от уряда отставлен, и войсковые клейноды в обоз ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы приняты.

И старшина и полковники и все Войско Запорожское, выслушав тот их царскаго пресвѣтлаго величества милостивый указ, обрадовались, и на их государской премногой и неизреченной милости били челом и говорили: что они ради за них, великих государей, умирать и кровь свою проливать, и в подданствѣ у них, великих государей, у их царскаго пресвѣтлаго величества быти вѣчно, соблюдая свое крестное цѣлованіе на вѣки непремѣнно.

И ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь с товарищи, им говорили: что великіе государи, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали их, Войска Запорожскаго старшину и полковников, и все войско Запорожское, велели им здѣсь в войскѣ въ обозѣ на рѣчкѣ Коломаку учинить, по их войсковым правам раду, и на той радѣ обрать гетмана, кого они меж себя излюбят, вольными гласы; а как они гетмана изберут, и великіе государи, их царское пресвѣтлое величество указали им на радѣ прочесть статьи, каковы были даны, по указу отца их, великих государей, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, прежде бывшему гетману Богдану Хмѣльницкому и всему Войску Запорожскому, на которых статьях был он, гетман Богдан Хмѣльницкій, и все Войско Запорожское под его царскаго пресвѣтлаго величества самодержавною высокою рукою в подданствѣ; а нынѣ указали великіе государи, их царское пресвѣтлое величество, по их челобитью, учинить нѣкоторыя и вновь статьи ко утверженію и доброму состоянію и цѣлости всего Войска Запорожскаго и народа малороссійскаго.

А как они гетмана оберут, и тому новообранному гетману им, пресвѣтлѣйшим и державнѣйшим великим государем царем и великим князьям Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичам и дѣдичам, и наслѣдником, и государем, и обладателем, и их царскаго пресвѣтлаго величества наслѣдником на вѣчное и вѣрное подданство по святой непорочной Евангельской заповеди Господни учинить обѣщаніе и цѣловать святый и животворящій крест Господень, и быть ему, гетману, и генеральной старшинѣ, и полковником, и всему Войску Запорожскому, и народу малороссійскому у них, великих государей, у их царскаго пресвѣтлаго величества, и у их государских наслѣдников в вѣчном подданствѣ неотступно, памятуя свое обѣщаніе и крестное цѣлованіе, в прежних своих правах и вольностях, по прежним их царскаго пресвѣтлаго величества милостивым жалованным грамотам, каковы были даны прежнему гетману Богдану Хмельницкому и иным гетманом, и всему Войску Запорожскому, и народу малороссійскому.

И старшина и полковники, обозный Василій Бурковскій с товарищи, и все Войско Запорожское на милости великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества били ж челом и говорили: что они, по указу и по изволенію их царскаго пресвѣтлаго величества, на прежних и на нынѣшнем обраніи гетманском положенных пунктах в вѣчном у них, великих государей, у их царскаго пресвѣтлаго величества подданствѣ быть всеусердно и всепокорно рады, и по указу их царскаго

пресвѣтлаго величества, учиня раду по их войсковым правам и обрав гетмана, тѣх статей с ним новообранным гетманом слушать будут, и руками своими он, гетман, и они подпишут.

И іюля в 25 день сего ж настоящаго 195 года, духовныя особы на сію раду призванныя, и Войска Запорожскаго старшина и полковники и все Войско Запорожское учинили о обраніи новаго гетмана раду.

И на той радѣ, по указу великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, были бояре и воеводы; ближній боярин и Большаго полка дворовый воевода и царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегатель и намѣстник новгородской, князь Василій Васильевичь Голицын, ближній боярин и воевода и намѣстник псковской, Алексѣй Семенович Шеин, ближній боярин и воевода и намѣстник черниговской, князь Володимір Дмитрієвичь Долгоруков, ближній боярин и воевода и намѣстник бѣлогородской, князь Константин Осипович Щербатов, окольничій и воевода...

...князь Данила Аѳанасьевичь Борятинской, ближній окольничій и воевода и намѣстник серпуховской Веденикт Андреевич Змѣев, думный дворянин и воевода Иван Юрьевич Левонтьев, думный генерал Аггей Алексѣевичь Шепелев, стольник и воевода князь Борис Евѳимьевичь Мышецкой, думный дьяк Емельян Игнатьевичь Украинцов и дьяки тѣх розрядов полков своих, их царскаго пресвѣтлаго величества со многочисленными конными и пѣшими ратными людьми.

И того ж числа, изволеніем великих государей и великой государани, их царскаго пресвѣтлаго величества, духовныя особы и Войска Запорожскаго старшина и полковники, генеральный обозный Василій Бурковскій с товарищи, и все Войско Запорожское, по своим правам и вольностям, вольными голосами обрали гетмана Ивана Степанова Мазепу.

И ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода князь Василій Васильевичь с товарищи велели прежніе и новоприбавленные пункты новообранному гетману Ивану Степановичу и старшинѣ и всему Войску Запорожскому в радѣ вычесть, и подписать им к тѣм пунктам руки свои, и тѣ пункты им чтены. А как пункты прочли и руки свои подписали, и новообранный гетман Иван Степановичь пресвѣтлѣйшим и державнѣйшим великим государем царем и великим князьям Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, и многих государств и земель восточных и западных и сѣверных отчичам и дѣдичам, и наслѣдником, и государем, и обладателем, и их государским наслѣдником учинил на вѣчное и вѣрное подданство пред святым Евангеліем обѣщаніе по святѣй непорочной его заповеди, на том: что им, гетману и генеральной старшинѣ, и полковником, и всему Войску Запорожскому, и народу малороссійскому быть под их царскаго пресвѣтлаго величества самодержавною высокою рукою, и у наслѣдников их государских в вѣчном подданствѣ неотступно.

А статьи ниже изображенныя сице в себѣ содержат:

1. Милости у великих государей и у великой государыни, у их царскаго пресвѣтлаго величества гетман и Войско Запорожское и народ малороссійской просят, чтоб им быти в прежних своих правах и вольностях, и чѣм пожалован был прежній гетман Богдан Хмѣльницькій, и то бы им все было подтвержено их государскими милостивыми жалованными грамотами.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали обѣих сторон Днѣпра гетмана и старшину, и полковников, и все Войско Запорожское, и народ малороссійской правами и вольностями их прежними, и милостивую свою государскую жалованную грамоту дать ему, гетману, о том повелѣли.

2. Гетман Богдан Хмѣльницкій милости у отца их государскаго, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, у великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, просил, чтоб указал он, великій государь, своим царскаго величества воеводам с ратными людьми быти в Переяславлѣ, в Нѣжинѣ и в Черниговѣ, также и бывшим по нем гетманом о том в пунктах его государской указ писан же.

И отец их государев, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, великій государь, его царское пресвѣтлое величество, указал быти в малороссійских городѣх своим царскаго пресвѣтлаго величества воеводам и ратным людем для обороны от непріятелей, и чтоб впредь в малороссійских городѣх замѣшанія и измѣны ни от кого никакія не было, а именно: указал он, великій государь, его царское пресвѣтлое величество, быти воеводам в прародительской своей государской отчинѣ, в Богоспасаемом градѣ Кіевѣ, также в Черниговѣ, в Переяславлѣ и в Нѣжинѣ и в Острѣ; а в права и в вольности козацкія и в суды и ни в какія дѣла воеводам вступаться не указал, как кіевскому воеводѣ, так и иных городов, а указал им имѣти начальство над ратными людьми, которые в тѣ городы будут присланы во всяком строеньи на оборону. А естьли кто всякаго чина жители тѣх городов, и мѣст, или сел, или деревень, в обидах от ратных людей учнут бить челом великому государю и воеводам приносить челобитныя: и по указу великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества, судить тѣх ратных людей воеводам, да при тѣх же судѣх указал быти во всяком городѣ, гдѣ живут воеводы, для великія правды и скорыя росправы, из малороссійских жителей знатным и добрым и разумным людем, чтоб вмѣстѣ с воеводою были при тѣх судѣх и судили в правду и по суду и по сыску указ чинили, как о том указ великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества належит. А о поборѣх указал великій государь в малороссійских городѣх быти по их обыкновенію, как написано в статьях гетмана Богдана Хмѣльницкаго.

А нынѣ великіе государи и великая государыня, счастливо государствующіе, их царское пресвѣтлое величество, указали: сей отца своего государскаго, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, великаго государя указ подтвердить и быть ему непремѣнну.

И гетман, и вся старшина, и Войско Запорожское, и народ малороссійской на их государской милости били челом и приняли то с радостію.

3. Чтоб по прежним постановленным статьям Богдана Хмѣльницкаго войску реестровому, которые будут всегда на службѣ их царскаго пресвѣтлаго величества, было милостивое жалованье и заплата из их царскаго пресвѣтлаго величества казны.

И великіе государи, и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество о реестровом войскѣ указали говорить на радѣ, сколько быть войсковых козаков тысячам. А что в той их статьѣ написано, чтоб войску заплата из их царскаго пресвѣтлаго величества казны, и того в тѣх статьях Богдана Хмѣльницкаго не положено, а положено, что быти поборам, гдѣ достоит собирать в скарб царскаго

пресвѣтлаго величества, и из того сбора давать на войско по реестру, кому что в статьях постановлено, и нынѣ тому быть также.

И гетман, и старшина, и Войско Запорожское на государской милости били челом и то приемлют, и постановили на сей радѣ давать по прежнему: гетману тысяча золотых червонных на год, писарю войсковому и обозному по тысячѣ золотых польских, на судей войсковых по триста золотых, на писаря судейскаго сто золотых, на писаря да на хорунжаго полковаго по пятидесять золотых, на хорунжаго сотницкаго тридцать золотых, на бунчужнаго гетманскаго сто золотых, на полковников по сту ефимков, на ясаулов полковых по двѣсти золотых, на ясаулов войсковых по четыреста золотых, на сотников по сту золотых; реестровым козаком быти тридцати тысячам человѣком; а давать на человѣка по тридцати золотых польских.

А что в котором полку будет козаков, и тому учинить реестр; а быти козаком реестровым, а впредь в реестр писать, которые старые козаки и многую службу служили, а чего старых козаков в полкѣх в тридцати тысячах не достанет, и в то число принимать в козаки мѣщанских и поселянских дѣтей. А на Войско Запорожское на тридцать тысяч быти побором со всяких маетностей без выбора, чей кто нибудь, кромѣ монастырей, и из тѣх поборов давать великих государей жалованья гетману с начальными людьми и козаком по прежним утверженным статьям; а буде тѣх поборов столько гетману и начальным людем и козаком на жалованье против положенія сполна не достанет, и тѣ поборы раскладывать по сбору, сколько того сбора будет.

А у которых полковников и начальных людей маетности есть, и на тѣ их маетности жалованныя великих государей грамоты даны: и тѣх подданных полковником и всяким начальным людем, за которыми тѣ маетности есть, судити и приносы вольные у них принимать и сѣна и дрова велѣть им на себя готовить; а поборы с них на жалованье козаком собирати ровно. А до митрополичих и архіепископских и епископских и до монастырских подданных в податях на войско дѣла нѣт, а с сего времени во архіепископски и в монастырскія вотчины вновь никого не принимать, быть за ними старым подданным, и учинить им перепись и книги, сколько за митрополитом и за архіепископом и за монастыри в вотчинах их подданных; а из мужиков в реестр в козаки не писать и не принимать. А с протопоповских и поповских маетностей поборы на козаков имать, против Уложенья козацких маетностей, а с городов всякіе доходы имать по их правам; а генеральной бы старшинѣ и знатных и заслуженных особ маетностям ото всяких войсковых поборов быти свободным, и ничего с них в скарб войсковый не имать.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали, повелѣли тому быть по их челобитью, и по прежнему и по нынѣшнему своему государскому указу и повелѣнію.

4. Как наперед сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтоб они при том же чинѣ и чести пребывали; а которые впредь заслужат, а гетман и старшина бити челом об них великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, учнут, и чтоб царское пресвѣтлое величество и тѣх тою же дворянскою честію изволили пожаловать. А кому гетман и старшина за услугу дадут мельницу или деревню, или кто у кого купит, и универсалы свои на то даст, и они великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, бити челом учнут в подтверженіе того о их государских жалованных грамотах, и чтоб царское пресвѣтлое

величество пожаловали их, повелѣли им на тѣ маетности и свои царскаго пресвѣтлаго величества дать милостивыя жалованныя грамоты.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали их по тому их челобитью, кому даны будут их государскія жалованныя грамоты, и по тѣм жалованным грамотам тѣми мельницами и деревнями им владѣть непремѣнно, а гетману тѣх грамот у них не отымать и их государскаго милостиваго указа ничѣм не нарушивать. Также какія жалованныя грамоты даны будут кому старшим и знатным особам войсковым: и тѣм их государским жалованным грамотам быть в своей же силѣ, и гетману тѣх грамот у них не имать же.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское на их государевой милости били челом и приняли то радостно.

5. Чтоб царскаго пресвѣтлаго величества послы и посланники и гонцы во дворѣх козацких не становились, и подвод у сотников и у атаманов и у товарищев войсковых насильством не брали, а чтобы впредь дворы им отводили и подводы давали старшина городовая, а сами б они насильством на дворѣх не ставились и по полям и по дворам подвод себѣ не брали; а у кого подводы возмут, и тѣ б подводы отпускали назад без задержанія.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, указали о тѣх постоялых дворѣх и о подводах быть по их челобитью, и тѣ подводы под посланных царского пресвѣтлаго величества, ѣдучих с Москвы и назад возвращающихся, также и ѣдучим к Москвѣ и назад возвращающимся, давать в городѣх полковником и старшинѣ, кому о том вѣдать належит, по подорожным, как и нынѣ тѣ подводы в городѣх даются; а посланцем быть от гетмана к великим государем, к их царскому пресвѣтлому величеству посланным к Москвѣ, в год по три или по четыре пріѣзда для самых нужных войсковых дѣл, и чтоб при тѣх посланцех челяди быть за знатными особы по три и по четыре человѣка, а больше того не посылать, а не о нужных дѣлѣх и о всяких вѣдомостях писать к великим государем чрез почту.

И гетман, и старшина, и полковники, и все Войско Запорожское на государской милости били челом и то приняли.

6. Били челом великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, старшина и Войско Запорожское: когда изволеніем Божіим случится гетману смерть, или ино что, чтоб великіе государи пожаловали их, велѣли им обирати гетмана по их правам, и чтоб с их государскаго милосердія даны были в войско гетману войсковые клейноды: знамя, булава, печать и литавры.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали, велѣли о обираніи гетмана быть по прежним их правам и вольностям, с вѣдома их, великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества; а без челобитья и без указа великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, им, старшинѣ и всему Войску Запорожскому, гетмана не обирать, также и с гетманства не отставливать, а клейноды: знамя и булаву, и печать, и литавры держать в береженьи; а буде случится тому изтеря, и в то мѣсто присланы будуть от их царскаго пресвѣтлаго величества новые войсковые клейноды.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское на милости их царскаго пресвѣтлаго величества били челом и приняли то с радостію.

7. Чтоб поволѣно было им от окрестных государей всякіе присыльные листы принимать и прочитать, а прочитав, до великих государей отсылать и от себя бы им к ним писать.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, указали, в той статьѣ гетману и всему войску отказать, по тому, что и прежним гетманом Богдану Хмѣльницкому и иным гетманом ни с которыми государи таких ссылок чинить не велѣно, для того, что от того чинятся в малороссійских городѣх многія ссоры; также и нынѣ гетману и всей старшинѣ к польскому королю, и к иным государем, и к крымскому хану ни о чем не писать и не посылать. А естьли от которых государей или от хана крымскаго будут к ним письма: и тѣ письма, приняв, им присылать к великим государем к Москвѣ, в приказ Малыя Россіи, а от себя им против тѣх писем ни к кому ничего не писать; притом же Вѣчный мир и союз, у великих государей, у их царскаго пресвѣтлаго величества с королевским величеством польским учиненный, ему, гетману, и всей старшинѣ, и всему Войску Запорожскому, и народу малороссійскому содержать крѣпко и ничѣм не нарушить, и довольствоваться тѣми городами с приналежностьми их, которые в договорѣхъ именно и пространно изображены. А что по тѣм же договором уступлено в сторону королевскаго величества польскаго: и в тѣ мѣста не вступаться и к нарушенію договоров никакія причины не давать; а каковы вѣчные договоры у царскаго пресвѣтлаго величества с королевским величеством польским постановлены, и с тѣх договоров списки к прежнему гетману от великих государей посланы, и нынѣ они в войсковой канцеляріи обрѣтаются; а естьли бы чрез тот же Вѣчнаго мира договор с польскія стороны на малороссійской край показалась какая противность: и им о том писать к великим государем, а самим нарушенія никакого не дѣлать. А для защищенія великороссійских и малороссійских городов от наступленія хана крымскаго держать им полки в пристойных мѣстѣх и имѣть всякую осторожность; а для запертія самаго Крыма и промысла над городками Казыкерменем и над иными в приключающееся время, по указу их царскаго пресвѣтлаго величества, посылати им войско, а именно: в Сѣчу и в иныя тамошнія мѣста, и над городками и под Очаковым чинить всякой воинской промысл; а великіе государи, их царское пресвѣтлое величество, к тѣм малороссійским войскам и великороссійских городов рати, смотря по времени, посылать укажут же; также и запорожцев держать в прежних мѣстѣх и борошень и плату к ним на всякой год посылать непремѣнно, по чему тѣм запорожцем бывала дача при прежних гетманѣх, и тот борошень и деньги отсылать к ним на самый Кош Запорожской. А мира запорожцем с Крымом и с городками никогда не имѣть, и остерегать того накрѣпко, чтоб из малороссійских городов в Крым с торгами и с запасами и со всякою живностью не ѣздили, и лошадей в Крым не продавали.

И гетман, и старшина, и полковники, и все Войско Запорожское тот их государской указ приняли и обѣщались содержать твердо.

А когда войска их царскаго пресвѣтлаго величества пойдут против непріятеля, и чтоб они в украйных городѣх в козацких дворѣх не становились, а становились бы у мѣщан, и вольностей козацких не отнимали, и мужиками и изменниками их не называли, и в проводники их не имали, также и русских людей, которые на Украйну зашли давно, из Украйны не вывозить; да и в том на Украйнѣ смута была

великая, что с Украйны выбирали драгунов и бѣглых людей по многія лѣта, и то они чаяли, что будто то чинилось не по указу великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, ратным людем в козацких дворѣх становиться не указали, а впредь становиться им у мѣщан и у мужиков; а кто учнет вольности их отъимать и измѣнниками и мужиками козаков называть: и тѣм царское пресвѣтлое величество указали чинить по сыску наказанье. А бѣглецов из малороссійских городов служилых людей, солдат, и драгунов, и всяких чинов людей, також и людей боярских и крестьян, которые не похотят им, великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, служить, а люди боярскіе и крестьяне, своровав и учиня убойство или разбой или ино что своровав, или не хотя дать оброку господам своим, бѣгают на своевольство в их, великих государей, малороссійскіе городы: и тѣх бѣглецов и всяких чинов людей не принимать и у себя их не держать и из малороссійских городов отдавать безо всякаго задержанія, понеже от тѣх бѣглецов многія ссоры приходят, и от того многая смута бывает: а на прежних радах в пунктах то укрѣплено и душами их утвержено, что тѣх бѣглецов не принимать; а которые объявятся, и тѣх отдавать.

И гетман, и вся старшина, и Войско Запорожское то приняли и обѣщались сей их государской указ содержать твердо.

9. Малороссійских городов всяких чинов жители, которые в военныя времена пойманы в великороссійскіе городы в полон: и тѣм быть в тѣх городѣх, куда они заведены; а буде который уйдет в малороссійскіе городы собою к сродичем своим, или кто гдѣ жил, в прежнія свои мѣста, не учиня никакого воровства: и тѣм жить в старых своих мѣстѣх по прежнему, гдѣ кто жил; а будет сбѣжит своровав, и тѣх сыскав, отдавать.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали, велѣли быть сему по их челобитью.

10. Будет впредь который гетман, забыв страх Божій и великих государей премногую и неизреченную к себѣ милость, учнет в малороссійских городѣх чинити какія ссоры также, как Ивашко Брюховецкій и иные учинили: и им того меж себя остерегать и провѣдывать и о том писати к великим государем, к их царскому пресвѣтлому величеству, а гетманским никаким ссорам не вѣрить.

И гетман, и старшина, и все войско тот их государской указ приняли и обещались содержать твердо.

11. Буде гетман какую проступку учинит, опричь измѣны: и его без указа великих государей, их царскаго величества, не перемѣнят; а укажут великіе государи о том сыскать, и по сыску указ учинить по их правам; также и гетману старшины генеральной без воли и указа их царскаго пресвѣтлаго величества, не описався о том к ним, великим государем, с уряду никого не перемѣнять же. А естьли которая старшина пред великими государи, пред их царским пресвѣтлым величеством, объявится в какой винности, также и к нему, гетману, в каком непослушаніи: и о том ему, гетману, писать к ним, великим государем и к великой государынѣ, к их царскому пресвѣтлому величеству, а их царскаго величества указ о том прислан к нему будет.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское тот их государской указ приняли и обѣщались содержать твердо.

12. А буде в малороссійских городѣх учнут чиниться какія ссоры от жителей, от кого ни есть, и гетману и старшині по тому ж того смотрѣт и остерегать накрѣпко, и о том писать к великим государем, к их царскому пресвѣтлому величеству; а тѣх людей, от кого какія ссоры в малороссійских городѣх учинятся, унимать и наказывать и карать смертію по правам их, как о том постановлено на прежних радах.

И гетман, и старшина, и Войско Запорожское тот их государской указ приняли.

13. Вѣдомо великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, учинилось, что всякое междоусобіе и невинных кровей разлитіе и в плѣн христіаном от бусурман похищеніе чинится от своевольных людей, которые, забыв страх Божій и свое обѣщаніе, затѣвают всякія ссорныя и смутныя слова, и от того чинятся великія бѣды: понеже оставя они работы свои пахатные мужики, будники, винокуры, а отзываются козаками и от того бѣды и разоренія чинятся великія, а прямым козаком чинят безчестіе: и для того, чтоб учинить полковника и козаков и при нем бы быти тысячи человѣком козаком реестровым, и буде гдѣ учинятся какія от кого шатости и измѣна, ему, полковнику, тѣх своевольных унимать по своим правам, как о том их права належат, и давати тому полковнику и тысячи человѣком плату по договору на год, и чтоб они стояли на устроенном мѣстѣ, гдѣ пристойно ко всѣм полком на сей сторонѣ Днѣпра.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское на их государской милости били челом, и приняли то радостно и обѣщались содержать твердо.

14. Малороссійских городов жители пріѣзжают в Московское государство в украйные городы, и привозять вино и табак, и продають всяким людем, и от того кабацким сбором чинится поруха и недобор: и чтоб учинить заказ крѣпкой под жестоким наказаньем, чтоб малороссійских городов жители всяких чинов вина и табаку к Москвѣ и в украйные городы и в уѣзды отнюдь не возили и не продавали, и тѣм бы великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества казнѣ порухи и недобора не чинили; а буде в которые великороссійскіе городы по уговору надобно будет на кабаки вино, и в тѣ городы по уговору привозить вольно.

И гетман и старшина, сей статьи слушав, говорили: что они о том универсалы разошлют по всѣм городам, буде кто малороссійскіе жители с вином и с табаком поиманы будут в великороссійских городѣх: и тѣх с вином и с табаком выслать в малороссійскіе городы; а буде пріѣдут и поиманы будут тѣ же вдругіе: и у них имать то все на великих государей безденежно.

15. О имѣніях козацких, которые свои власные грунты имѣют вѣчные отеческіе, дѣдичные, купленые, се есть: поля, лѣса, сѣнные покосы, пруды, мельницы и иные всякіе пожитки, тогда и о том смиренно их царскаго пресвѣтлаго величества гетман и старшина и войско просят, чтоб товарство войсковое совершенно при прямых грунтах и пожитках были сохранены. А когда на службѣ великих государей смерть постигнет от непріятеля, или своею смертію умрет, тогда при тѣх грунтах жена наслѣдіе его, и чтоб тѣми добрами прямыми послѣ по тому ж всѣм владѣли. А естьли бы козак заслуженный имѣл по смерти жену, тогда чтоб жена его по смерти вольна была от всяких обид, се есть становищами и поборами и подводами всякая старшина войсковая ее не отягчали потамѣст, доколѣ замуж пойдет, естьли за козака, вольность будет имѣти, а ежели за мужика, то будет подлежать должности градской; а которые козаки живут в маетностях духовных особ, и тѣм заставати при такой вольности.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали, по сей статьѣ указали против прав их и вольностей и своих царскаго пресвѣтлаго величества жалованных грамот быть также, как и прежде сего на данное им и купленное и заслуженное дано против королевских привиліев, и быти сему так непремѣнно.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское на милости их государской били челом.

16. А когда войска непріятельскія татарскія и заднѣпрскія козацкія имѣли б на сю страну Днѣпра наступати войною, тогда смиренно просим их царскаго пресвѣтлаго величества о скорой посылкѣ против того непріятеля на вспоможеніе, чтоб тѣ посылки, по указу великих государей, наступающим непріятелем купно с нами отпор давали, и не так, как прежде сего бывало, что Войско Запорожское писывали, прося себѣ о скорых посылках и всегда то продолжалось, и за тѣм непріятели, наступив на страну сію, до послѣднія пагубы привели и изнищили. Для чего нынѣ смиренно просим их царскаго пресвѣтлаго величества: как скоро учнем просить милости против наступающих непріятелей о посылках, чтоб в то время ратные их царскаго пресвѣтлаго величества люди с бояры и воеводы без продолженія были к нам присланы на оборону; а покамѣста бояре и воеводы поспешат, чтоб воеводы, будучіе в малороссійских городѣх, сколько будет надобно, давали им из городов войска невозбранно.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали, изволяют его, гетмана, и всю старшину, и Войско Запорожское держать в милости своей государской и от непріятеля во всякой оборонѣ; а рати великих государей в добром обыкновеніи пребывают, строеніем и разсмотрѣніем великих государей, и обыкли у бояр и воевод в полкѣх ходить со всяким ратным устроеніем, и отпор давать непріятелям, о том им и самим вѣдомо, а скоростію и нестроеніем и дерзостно ходити не обыкли. А будет непріятель великих государей на малороссійские городы будет: и по указу великих государей ратные люди на вспоможеніе присланы будут; а будет по нестройному какому пути, как осенью, також и весною невскорѣ будут, и того себѣ в немилость великих государей не ставить. А из городов от воевод и от ратных людей городовая оборона будет, а из города ходить, обороняся вылазками; а будет гетману идти в поход на непріятеля и на своевольных людей, и ему давати из Кіева и из Нѣжина и из Чернигова, сколько доведется, конных и пѣших ратных людей, а быти им в походѣх с гетманом на его гетманских лошадях и кормах.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское на милости их государской били челом.

17. Чтоб великіе государи, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали старшину и Войско Запорожское, повелѣли гетману и арматѣ быти в Батуринѣ.

И великіе государи и великая государіня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали их, велѣли ему, гетману, жить и арматѣ войсковой быти в Батуринѣ, и пожаловали великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, по прежней милости к ним отца своего государскаго, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и брата своего государскаго, блаженныя ж и вѣчнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи

самодержца, указали при гетманѣ в Батуринѣ для охраненія и цѣлости его, быть полку московскому стрѣлецкому, а хлѣбные запасы на тот помянутой полк на вѣсь давать ему гетману по прежнему.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское на их государской милости били челом.

18. А которые пункты, по челобитью кіевских и нѣжинских мѣщан, написаны в прежних пунктах прежним гетманам, и тѣм всѣм пунктам указали великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, быти в прежней силѣ, по прежнему их царскаго пресвѣтлаго величества указу.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское на милости их государской били ж челом.

19. Великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, по изволенію, для пополненія их великих государей казны, ратным людем на жалованье дѣлают в Сѣвскѣ чехи, под их великих государей именованьем и гербом, и тѣ чехи роздают, как уж и роздано многое число в нынѣшнем Крымском походѣ, их, великих государей, ратным людем в полкѣх бояр и воевод на жалованье; а при отцѣ их государском, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, при великом государѣ царѣ и великом князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцѣ, тако ж и при братѣ их государском, блаженныя ж и вѣчнодостойныя памяти, при великом государѣ царѣ и великом князѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцѣ, прежняго гетмана Ивана Самойловича было о том чеховом дѣлѣ покорное челобитье к их царскому пресвѣтлому величеству, и тѣхь нынѣ чехов как в Крымском походѣ в полкѣх, так и в малороссійских городѣх козаки и мѣщане не берут; а то до сего времени чинилось за непостоянством и за воровством бывшаго гетмана Ивана Самойловича, не велѣл он универсалов разослать по городам, чтоб тѣ чехи имали без прекословія. И нынѣ гетману и всей старшинѣ тот их царскаго пресвѣтлаго величества указ приняв, держать твердо и послать в городы и в мѣста универсалы с подкрѣпленіем смертныя казни, чтоб тѣ чехи ходили обыкновенно, как иных государств такіе ж чехи ходять в малороссійском краѣ; а если б кто противен в том учинился, и тѣм чинить смертная казнь. Да чтоб гетману и старшинѣ, служа великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, народ малороссійской всякими мѣры и способы с великороссійским народом соединять и в неразорванное и крѣпкое согласіе приводить супружеством и иным поведеніем, чтоб были под одною их царскаго пресвѣтлаго величества державою обще, яко единой христіанской вѣры, и никто б голосов таких не испущал, что малороссійской край гетманского регименту; а отзывались бы вездѣ ѣдиногласно их царскаго пресвѣтлаго величества самодержавной державы гетман и старшина и народ малороссійской обще с великороссійским народом, и вольный переход жителям из малороссійских городов в великороссійскіе городы имѣти.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское, сей их, великих государей, ихь царскаго пресвѣтлаго величества указ и изволеніе приняли, и обѣщались содержать твердо.

20. Да гетману ж и старшинѣ, великим государем и великой государынѣ, их царскому пресвѣтлому величеству, служба своя и радѣніе показать, для утѣсненія и удержанія Крыму и от нахожденія их крымских орд так на великороссійскіе, яко и на малороссійскіе городы войною, сдѣлать на сей сторонѣ рѣки Днѣпра против

Кадака шанец, таковым же подобіем, как и Кадакъ; а на рѣкѣ Самарѣ и на рѣкѣ Орелѣ и на устьях рѣчек Берестовой и Орчика построить городы и населить малороссійскими жители, и о том послать во всѣ тамошніе городы универсалы, чтоб жители на тѣх мѣстѣх, кто похочет, поселеніе свое имѣли безо всякаго препятія.

И гетман, и старшина, и Войско Запорожское тот великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, указ приняли, и обѣщались в том им, великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, радѣти и службу свою показать.

21. Гетман же и старшина, и Войско Запорожское били челом великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, чтоб великіе государи пожаловали их, указали пожитки всѣ бывшаго гетмана Ивана Самойлова, також и дѣтей его бывших же черниговскаго и стародубскаго полковников, отдать им в войсковый скарб.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали их по их челобитью, указали из пожитков Ивана Самойлова и дѣтей его отдать ти в войсковый скарб половину, а другую половину указали взять в свою, великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, казну.

И гетман, и старшина, и все Войско Запорожское, на милости великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества били челом.

22. Били челом великим государем, их царскому пресвѣтлому величеству, гетман и старшина, и Войско Запорожское, чтоб для отложенія тягостей в малороссійском краю аренды не были; а понеже охотницкіе полки конные и пѣхотные, под сіи военныя времена на оборону малороссійскаго края суть надобны, дабы оные были сохранены так, яко при бывшем гетманѣ; а давати им плату, сбирая деньги с посполитых людей, которые не написаны в козацком спискѣ. А каким способом тѣ денежные сборы быти имѣют, о том гетман с старшиною помыслити имѣет и поставить на мѣрѣ; а когда станет то дѣло на мѣрѣ, в то время имѣют писати о том к великим государем, к их царскому пресвѣтлому величеству.

И великіе государи и великая государыня, их царское пресвѣтлое величество, пожаловали гетмана и старшину и войско, указали им о том дѣлѣ помыслить и на мѣрѣ поставить, чтоб было не к тягости народу малороссійскому; а охочіе конные и пѣшіе полки, на оборону малороссійскому краю, повелѣли им держать в полном числѣ по прежнему.

И сіи всѣ вышеобъявленные и описанные пункты, я, гетман, и старшина генеральная, и полковники, и все Войско Запорожское, и народ малороссійской приемлем радостно, и обѣщаемся им, великим государѣм, Божіею милостію, пресвѣтлѣйшим и державнѣйшим великим государем царем и великим князям Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, и их государским наслѣдником служить по неложному своему обѣщанію, твердо и постоянно, безо всякія противности и шатости, и припадая к их государскому маестату у стопы ног их монаршеских, как наипокорнѣе просим, чтоб они, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи, цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, меня, гетмана, и старшину генеральную, и полковников, и все Войско Запорожское, и народ малороссійской содержали в своей государской превысокой и превеликой и неизреченной милости, и никогда б их государская

милость от них отъемлема не была. А для лучшаго увѣренія, мы, духовныя особы, на сію раду собранныя, и я, гетман, и старшина, и полковники, и сотники к сему их государскому милостивому указу руками нашими подписались, и с повинности нашей до рук ближняго их царскаго пресвѣтлаго величества боярина и оберегателя и дворовaго воеводы князя Василія Васильевича с товарищи отдаем *.

Присяга Мазепы:

Я, раб Божій Іоанн, обѣщаюсь пред сим святым Евангеліем Господу Богу всемогущему, в Троицѣ Святѣй единому, на том, что быти мнѣ у пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія і Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичей и дѣдичей, и наслѣдников, и государей, и обладателей, у их царскаго пресвѣтлаго величества и у их государских наслѣдников в вѣчном подданствѣ вѣрно и постоянно и к польскому королю и к салтану турскому и к хану крымскому не измѣнить, и ни о чем с ними, без их, великих государей, их царскаго величества, указу и повелѣнія не ссылаться и не писать и совѣта с ними не имѣть, и постановленные и данные от них, великих государей, от их царскаго пресвѣтлаго величества, мнѣ, Іоанну, и старшинѣе и всему Войску Запорожскому, и народу малороссійскому на нынѣшней Радѣ в обозѣ в войскѣ, на рѣчкѣ Коломку, пункты во всем держати крѣпко и постоянно по их, великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, указу, со исполненіем. На том на всем обѣщаюсь и цѣлую сіе святое Евангеліе и Святый животворящій Крест Господень [13].

№ 14

1687, вересня 5
Царський указ воєводам та всім служилим людям про їхню похвальну службу в Кримському поході та пожалування їм вотчин, маєтків, добавки окладів та різних подарунків

Великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, милость и жалованье за службы 195 года Крымскаго похода, бояром и воеводам и полков их ратным людем, как у них, великих государей, были они у руки сентября в 5 день, сказана такова:

Бояре и воеводы, царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегатель, ближній боярин и Большаго полка дворовый воевода и намѣстник новгородскій князь Василій Васильевичь Голицын с товарищи!

---

* Тѣ ж вышеписанныя постановленныя при гетманском обираніи статьи, слово в слово написаны в другой ряд, к которым подписались руками своими духовные чины малороссійских городов.

[13] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. II. – С. 867–880.

Великіе государи, цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, велели вам сказать:

В прошлом во 195 году, по их, великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, указу, и по Вѣчному миру, договору и союзу с королевским величеством польским, посылан ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, с товарищи, а с вами их, великих государей, ратные конные и пѣшіе многіе люди для промысла на крымскаго хана и на его юрты, за их многія к ним, великим государем, неправды и досадительства, и за разоренья их, великих государей, великороссийских и малороссійских городов, и для избавленія православных християн у тѣх бусурманов в плѣну будучих.

И ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода князь Василій Васильевичь с товарищи, и товарищи ж твои сходные бояре ж и воеводы на тое их, великих государей, службу в указныя мѣста шли с великим поспѣшеніем; и пришед в указныя мѣста, полков своих с их, великих государей, ратными людьми сбирались по тому ж с великим поспѣшеніем, и устроясь воинским ополченіем, из указных мѣст пошли на тѣх непріятелей бусурманов вешним ранним временем, и в пути с обозы к их бусурманским юртам шли с желательною ревностію и со всяким радѣтельным тщаніем и усердным попеченіем, и пребывали всѣ единодушно в непрестанных воинских трудѣх, упражняясь всегда непрестанным и неусыпным всяким попеченіем о их государском воинском дѣлѣ и о полковом ратном устроеніи и от непріятельских людей остерегательствѣ, не имѣя себѣ никакого покоя, и с таким тщательным и радѣтельным поведеніем переправились степныя многія рѣки и рѣчки и пришли от крымских юртов в ближнія мѣста.

Да во время того ж вашего бояр и воевод на крымскіе юрты воинского похода, по твоему ближняго боярина и оберегателя письму и по посылкѣ, донской войсковый атаман Флор Миняев с козаками и черные калмыки, которые шли в полк к тебѣ, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, в дорогѣ наѣхав татарскія сакмы, тѣми сакмами дошли татар у овечьих вод, и был у них с ними бой, и милостію Божіею и предстательством надежды христіанскія, пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и московских и кіевских чудотворцев и всѣх Святых молитвами, а их, великих государей, и всего их государскаго дому щастіем, на том бою тѣх татар побили с пятьсот человѣк, да в языцѣх взяли пятьдесят человѣк да четыреста лошадей, также сабель и саадаков и иной брони поимали многое число, и весь кош их татарской взяли и полоняников взятых мужеска и женска полу, которые пойманы были под украйными городами, всѣх отбили.

Да по твоему ж ближняго боярина и оберегателя и дворового воеводы письму, в Запорогах товарищ твой генерал и воевода Григорій Ивановичь Касагов, по совѣту с кошевым атаманом, с Филимоном Лихопоем и с Войском Низовым Запорожским, посылал, для промысла над непріятельскими людьми, рѣкою Днѣпром к турскому городу Кизыкерменю судами полка своего ратных людей, а кошевый атаман с козаками ходил сам, и на рѣкѣ Днѣпрѣ, против урочища Каратебеня, сошлись с турскими людьми с кизыкерменцы, и был с ними бой, и милостію Божіею и предстательством надежды христіанскія пресвятыя Владычицы нашея

Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и московских и кіевских чудотворцев, и всѣх Святых предстательством и молитвами, а их, великих государей, и всего их государского дому прилежною молитвою и счастіем, тѣ их, великих государей, ратные люди и запорожскіе козаки на Днѣпрѣ турских людей побили и взяли на том бою два ушкола, а на тѣх ушколах знамена, да пять пушек, да турков двадцать девять человѣк; а их, великих государей, ратные люди и запорожскіе козаки пришли всѣ с того бою в цѣлости.

А как ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода князь Василій Васильевич с товарищи, переправясь рѣку Конскую, пошли к рѣчкам Акчакраку и Карачакраку: и крымской хан с ордами, увѣдав о том вашем бояр и воевод многолюдном и стройном приходѣ и о промыслѣ над собою, познав свое безсиліе, около Перекопи и Днѣпра всѣ степи выжгли, чѣм бы им от вашего бояр и воевод с полками наступленія свободиться; и видя он, хан, с татары на себя ваше, бояр и воевод, полков ваших их, великих государей, ратных людей наступленіе, пришли в боязнь и во ужас и отложа обыклую свою дерзость, нигдѣ сам не явился и юртов его татаровя нетокмо в противленіе к вам вышли, и нигдѣ не показались и бою с вами и полков ваших с их, великих государей, ратными людьми не дали, и пришед в самое отчаяніе, ушли в дальнія свои поселенія за Перекопь и в иныя мѣста.

А вы, бояре и воеводы, полков своих со всѣми ратными людьми шли к крымским юртам до рѣчки Карачакраку и выжженными степьми немалое время, принимая всякую нужду и от пожаров степных в великой пыли, а в конских кормѣх во всеконечной скудости; и тѣми выжженными мѣстами переправясь рѣчку Карачакрак, и пришли к Днѣпровым заливам, от крымских юртов в самыя ближнія мѣста.

И как в тѣх мѣстах в полкѣх у вас, бояр и воевод, в конских кормѣх учинилась самая конечная нужда и по посылкам твоим, ближняго боярина и оберегателя и дворового воеводы, с товарищи, а по розвѣдыванію полков ваших ратных людей, от той рѣчки до крымскаго Перекопа, гдѣ вам путь надлежал, и по сторонам во всѣх мѣстѣх степи выжжены и конских кормов добыть никоторыми мѣрами невозможно и негдѣ: ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, говоря о том с товарищи своими, с бояры ж и воеводы и с гетманом, и объявя полков своих, их, великих государей, ратным людям ротмистрам, и стольникам, и стряпчим, и дворянам московским, и жильцам, и генералам, и полковникам, и начальным и всяких чинов конным и пѣшим людям, со общаго между собою совѣта, для промысла над крымскими юрты и над турскими над днѣпрскими городками, и чтоб хана крымскаго с ордами в Крыму удержать и на их, великих государей, украинные городы, также по вѣчному мирному договору и на государева королевскаго величества польскаго не допустить, послал ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, товарища своего окольничаго и воеводу Леонтья Романовича Неплюева с товарищи с их, великих государей, великороссійскими и малороссійскими войски; а послѣ посылки его, окольничаго и воеводы, ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, с товарищи своими с бояры ж и воеводы и полков ваших с их, великих государей, ратными людьми стояли и смотрѣли над непріятелем к поиски удобнаго времени немалое время, принимая всякія большія трудности и в конских кормѣх всеконечную нужду: и за такою великою в конских кормѣх нуждою и скудостью по самой конечной мѣрѣ, со общаго между собою и полков ваших ратных людей совѣта, от крымских юртов

отступили до их, великих государей, указу, для конских кормов, к рѣчкѣ Конской, и с той рѣчки для провѣдыванья про крымских людей посылали и нигдѣ тѣх воинских людей не сыскали.

И по указу великих государей, с той рѣчки отошли вы к рѣкам в Самарѣ и к Орлѣ, и от тѣх рѣк, за помощію Божіею, а их, великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и всего их государскаго дому праведными молитвами и счастіем, полков своих со всѣми их, великих государей, ратными людьми и с пушечным большим нарядом и со всякими ратными полковыми припасы пришли к великороссійским городам во всяком добром здоровьи и в целости: а крымской хан и его бусурманскія орды и послѣ похода вашего к великороссійским городам не только у полков ваших бояр и воевод, и в степях нигдѣ не явились.

Которыя рати послал ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, с товарищем своим с вышепомянутым окольничим и воеводою в Запороги: и хан крымской, свѣдав про тѣ рати, присылал на тѣх ратных людей сына своего нурадына салтана, со многими турскими и крымскими и калмыцкими воинскими людьми, и с тѣми непріятельскими людьми у тѣх их государских посланных ратей был бой с 1 до 6 часа дни, и тѣ непріятельскіе люди, видя от них, государских ратных людей, крѣпкое и мужественное наступленіе, спорнаго мѣста их, великих государей, ратным людям уступили, и тѣ ратные люди непріятельских людей многих побили ж; а иных крымских людей, которые, переплыв через рѣку Конскую на островы, учали было отгонять конскія стада, тѣх побили и стада у них и платье и саадаков и инаго ружья отбили и лошадей их поимали многое число.

Да тот же вышепомянутой товарищ твой, ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы окольничій и воевода с полком, по твоей же, ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы, посылкѣ, приходом своим в тѣ мѣста крымскаго хана с татары в их бусурманских жилищах задержал и на государства королевскаго величества польскаго не допустили, и тѣм вѣчному мирному договору между ими, великими государи, их царским величеством и его королевским величеством, исполненіе учинил.

А как ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода князь Василій Васильевичь, возвратился от крымских мѣст, пришли на рѣчку Килчану, в том мѣстѣ в обозѣ Войска Запорожскаго старшина: обозный Василій Бурковской, судья Михайло Воехевич, писари Сава Прокопов, Василій Кочубей, ясаул Иван Мазепа, и иные многіе старшина и козаки, подали тебѣ, ближнему боярину, и оберегателю и дворовому воеводѣ, за себя и за все молороссійское войско челобитную, за руками своими, на гетмана Ивана Самойлова; а в той их челобитной написано на него, гетмана, что он учинил к ним, великим государям, многія измены и всякія противности, а войску малороссійскому от него учинились нестерпимыя досады и разоренья, что он в нынѣшнем воинском походѣ явно своею измѣною степи жег и с ханом крымским в том имѣл обсылку, и чтоб великіе государи пожаловали их, для лучшаго управленія их, великих государей, дѣл и для утоленія многих их слез, изволили указать с него уряд гетманской снять, и взять его и дѣтей его и единомышленников к Москвѣ и за тѣ измѣны казнить; а на тот уряд по правам войсковым вольными голосами поволили обрать кого инаго, бодрственнѣйшаго и вѣрнѣйшаго и исправнѣйшаго человѣка,

который бы мог показать к ним, великим государям, службу, как их царскаго величества изволеніе есть и впредь будет.

И послѣ того генеральная старшина, приходя к тебѣ, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ по многія времена, говорили: что Войска Запорожскаго козаки и все поспольство единодушно устремились его, гетмана, и дѣтей его, за его многія измены и за непристойныя [его] и дѣтей его слова и за всякіе противные и неприличные поступки и за многія к ним нападки и тягости, побить до смерти; и естьли де о том в скором времени их, великих государей, указа не будет, то они, козаки и все поспольство, его, гетмана, и дѣтей его, и совѣтников побьют до смерти. И ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода и намѣстник новгородскій князь Василій Васильевичь, им, старшинѣ, говорил со всяким прещеніем, утвержая их Божіим страхом и их государскою опалою, чтоб они от такого начинанія престали и свою братью старшин и козаков, и поспольства от того отводили, чтоб от того в Малой Россіи не учинилось какого замѣшанія и кровопролитія.

И іюля в 23 числѣ в обозѣ гетманском учинилось замѣшаніе: и ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, с товарищи полков ваших, их, великих государей, ратных людей устроили военным ополченіем, а в обоз гетманской послали о том замѣшаніи провѣдывать. И в то ж время старшина и все поспольство привели в полк к тебѣ, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, гетмана Ивана Самойлова и сына его Якова, и их, великих государей, знамя и войсковые клейноды булаву и бунчуг принесли с ним же, и били челом им, великим государям, что его, гетмана, многая перед ними, великими государи измѣна и неправда и в нынѣшнем походѣ с ханом степям жженіе и обсылка, и чтоб его принять и с гетманства снять, и уличали его сверх челобитной многими уликами и доводили, и многими голосами кричали, и били челом им, великим государям, чтоб ему однолично у них гетманом не быть, и его взяв к Москвѣ казнить, и выбрать бы им инаго гетмана.

И ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, видя их неуклонность и чтоб от них не выросло какого своевольства, по их, великих государей, указу и по грамотѣ, какова к тебѣ, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу по тому их заручному челобитью прислана, им, старшинѣ, и всему поспольству их, великих государей, указ о перемѣненіи его, гетмана, сказали, и знамя и булаву и бунчуг у них велели принять; а гетмана Ивана Самойлова и сына его Якова до их, великих государей, указу отдать за караулом, а о войсковой радѣ велѣли им старшине посовѣтовать.

И они, старшина и все поспольство, которое его, гетмана, и сына его привели и которые в его гетманском обозѣ были, всѣ единодушно по тому их, великих государей, милостивому указу обрадовались, и на их, великих государей, премногой милости и на челобитье их на милостивом призрѣніи били челом и служить им, великим государям, обещались с радостію, со всяким радѣтельным постоянством.

Да ты ж, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода и намѣстник новгородскіи, князь Василій Васильевичь, с товарищи писали от себя в Кіев и в иные малороссійскіе городы к митрополиту и ко архимандритам, и к духовным людям, и архіепископу, и к наказным полковникам, и к сотникам, и всякаго чина и уряда к людям, также и в Запороги к кошевому атаману, и ко всему Войску Низовому

о гетманском перемѣненіи, обнадеживая их, великих государей, милостію, и чтоб и в тамошних мѣстѣх от кого по каким смутным словам какого дурна не учинилось; а гетманскаго сына Гришку и совѣтников его Полуботка и Сулима и иных велѣли на Запорожье окольничему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву с товарищи принять за карауль, а от убивства их от козаков оберечь и до бунта и до шатости тѣх полков козаков не допустить, и о том к нему, окольничему и воеводѣ, ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, от себя писал же. А іюля 25 числѣ малороссійская генеральная старшина и все поспольство учинили раду, и по их, великих государей, указу вы, бояре и воеводы, ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, с товарищи, устроя ратных конных людей и пѣхотные полки, на той радѣ были, и по их же, великих государей, указу, ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, старшинѣ и всему поспольству [говорил]: чтоб они по их государской милости, а по своим правам и по обыкновенію обирали гетмана вольными голосами, и спрашивал, кто им надобен быть гетманом?

И старшина, и полковники, и сотники, всѣ знатныя особы и войсковые товарищи, и все поспольство единогласно говорили: чтоб великіе государи их пожаловали, указали у них быть гетманом генеральному ясаулу Ивану Мазепѣ. И по многому твоему, ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы, к ним вопросу и подтверженію всей старшины и поспольства, вольными голосами обран гетманом он, Иван Мазепа: и генеральная старшина, и полковники, и сотники, и писари, и знатныя особы, и войсковые товарищи, и все поспольство на их, великих государей, превеликой и неизреченной милости били челом и служить им, великим государям, по своему обѣщанію, твердо и постоянно обѣщались; и Войска Запорожскаго обѣих сторон Днѣпра гетман Иван Степановичь Мазепа на вѣчное и вѣрное подданство им, великим государям, и их, великих государей, наслѣдникам, обѣщаніе пред святым Евангеліем учинил и крест цѣловал. И по обѣщанію его, ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, их, великих государей, знамя и войсковые клейноды булаву и бунчуг ему, гетману, отдал, и он, гетман Иван Степановичь, приняв то, на их государской милости бил челом и служить им, великим государям, обѣщался до кончины живота своего вѣрно. Да при том же гетманском обраніи ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, с товарищи постановили и написали статьи со многою прибавкою их, великих государей, именованію и чести, и привели их в нижайшее к ним, великим государем, подданство и крѣпкое обѣщаніе и во многую их государственную прибыль и в пространство, и к тѣм постановленным статьям гетман Иван Степановичь и старшина генеральная руками своими подписали и отдали тебѣ, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ.

Да и новообранный гетман Иван Степановичь Мазепа к великим государям в листѣ своем писал, что когда, по покорному старшины войсковой челобитью, именем всего Войска Запорожскаго принесенному, они, великіе государи, их царское пресвѣтлое величество, яко милостивые и премилостивые обладатели, по премилосердой своей к ним милости, милостиво изволили превысоким своим монаршеским разсмотрѣніем повелѣть им от гетманскаго уряда низринути сокровеннаго онаго превысокому великих государей государству недоброхота и во многих их государских повелѣніях преслушателя, измѣнника, а их прав

и войсковых вольностей разрушителя, о чем старшина и чернь милости их монаршеской сердцами и душами обрадовався, власть его с себя скинули и тебѣ, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, отдали, а по том всего Войска Запорожскаго на посланной радѣ его, Ивана, на гетманской уряд обрали; тогда он присягу свою пред святым Евангеліем учинил и животворящій крест Господень цѣловал, на том: что быти ему гетману с Войском Запорожским в вѣрном подданствѣ и статьи на радѣ учиненныя содержать непорушимо, и всякія их монаршескія повелѣнія сохранять и во всяких дѣлѣх им, великим государям, служить всецѣлою душею в чем во всем поприсяженною должностью обѣщается.

И послѣ обранья и присяги, его, гетмана Ивана Степановича, с старшиною и со всѣм малороссійскимь войском ты, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, князь Василій Васильевичь, с рѣки Коломка отпустил в Батурин, придав ему для береженія московских стрѣльцев и солдатскіе полки, и пришел он, гетман в Батурин в цѣлости.

А на Запорожьѣ твой, ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы, князя Василья Васильевича, товарищь окольничій и воевода Леонтій Романовичь Неплюев Гришку Самойлова, который было забунтовал, пошел от его полков по Кадачской дорогѣ и хотѣл, учиня с ханом крымским пересылку, засѣсть в Кадакѣ, взял и единомышленников его Полуботка и Сулима поимал и прислал к тебѣ, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ ко князю Василью Васильевичу; а козаки полков их во всяком послушаніи по прежнему.

И тѣ всѣ вышеписанныя дѣла совершились милостію Божіею, а их, великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и всего их государскаго дому молитвою и счастіем, а твоею, ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы, князя Василья Васильевича с товарищи, службою и радѣньем, благополучно, безо всякія им, великим государям, противности и замѣшанія и без кровопролитія и убивства; постоянства от малороссійских жителей никогда не бывало.

И великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, тебя, ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводу, князя Василія Васильевича за тѣ твои радѣтельныя и усердныя и многотрудныя службы жалуют милостиво и премилостиво похваляют; також и вас, бояр и воевод, тебя, боярина и воеводу Алексѣя Семеновича, и товарищев ваших жалуют они, великіе государи, за ваши радѣтельныя и усердныя службы милостиво ж и паки милостиво похваляют, и пожаловали великіе государи вас, бояр и воевод, за тѣ ваши вышеписанныя службы своим великих государей жалованим:

Тебя, ближняго боярина и оберегателя двороваго воеводу и намѣстника новгородскаго князя Василья Васильевича: кафтан золотный на соболях, кубок с кровлею серебряный золочен, денежныя придачи 250 рублев.

Тебѣ, боярину Алексѣю Семеновичу: кафтан золотный на соболях, кубок с кровлею серебряный золочен, денежныя придачи 200 рублев.

Тебѣ, боярину князю Константину Осиповичу: кафтан золотный на соболях, кубок с кровлею серебряный золочен, денежныя придачи 150 рублев.

Вам, окольничим князю Данилѣ Аѳанасьевичу, Венедикту Андреевичу: по кафтану золотному на соболях, по кубку с кровлею серебряных золоченых, денежныя придачи по 80 рублев.

Вам, генералу думному Агею Алексѣевичу и думному дворянину Ивану Юрьевичу и думному дьяку Емельяну Игнатьевичу: по кафтану золотному на соболях, по кубку с кровлями серебряные золочены; денежныя придачи вам, Агею и Ивану, по 60 рублев, тебѣ, Емельяну, 80 рублев.

Вам, дьякам Перфилью Оловеникову: кафтан золотный на соболях, кубок с кровлею серебряный золочен, придачи помѣстнаго оклада 150 четвертей, денежнаго 25 рублев; Михайлѣ Воинову, Григорью Протопопову, Михайлѣ Прокофьеву, Андрею Виніусу, Артемью Волкову: по сороку соболей, придачи помѣстнаго оклада по 120 четвертей, денег по 20 рублев.

Воеводам посыльным князь Ивану княж Михайлову сыну Кольцову-Масальскому, Василью Михайлову сыну Дмитріеву, полковой знамени князь Петру княж Лукину сыну Львову, большаго наряда Михайлѣ Петрову сыну Беклемишеву и генералам рейтарским: придачи помѣстнаго оклада по 250 четвертей, денег по 30 рублев.

Ротмистры, и полковники, и порутчики, и хорунжіе, и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе!

Великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, велѣли вам сказать:

В прошлом во 195 году, по их, великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, указу посыланы бояре и воеводы, царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегатель ближній боярин и Большаго полка дворовый воевода и намѣстник новогородскій князь Василій Васильевич Голицын с товарищи; Новгородскаго розряда боярин и воевода Алексѣй Семенович Шеин с товарищи, Рязанскаго розряда боярин и воевода князь Володимір Дмитріевичь Долгорукой с товарищи, а с ними вы: ротмистры и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и жилцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, для промысла и поиска на крымского хана и на его юрты, за их многія к ним, великим государем, неправды и досадительства, и за непрестанное их бусурманское к их, великих государей, великороссійским и малороссійским городам разореніе, и для избавленія плѣнников православных христіан, у тѣх врагов от тяжкой работѣ и во всякой неволѣ пребывающих.

И вы, памятуя Господа Бога и их, великих государей, крестное цѣлованіе, и исполняя их государское повелѣніе, на тое их государскую службу в полки к ним, боярам воеводам, пріѣхали в указныя мѣста до указных сроков, а иные на указные сроки и в полки до походов их, бояр и воевод, из указных мѣст за долгое время; и как по их, великих государей, указу, ближній боярин и оберегатель и большаго полка дворовый воевода и намѣстник новогородскій князь Василій Васильевичь и бояре же и воеводы, товарищи его сходные, из указных мѣст пошли для промысла на крымские юрты, и вы с ним, бояре и воеводы, пошли ж на тѣх бусурман, и на их юрты вешним ранним временем, и в пути к их бусурманским юртам шли с великим поспѣшеніем единодушно и переправились степныя многія рѣчки.

И крымскій хан и всѣ их орды бусурманскіе, увѣдав о том бояр и воевод с вами, ратными людми, скором на них приходѣ и о полковом устроеніи и о промыслѣ над собою, и познав свое против бояр и воевод и вас, ратных людей, многолюдство, а свое безсиліе, около Перекопи степи во всѣх мѣстах выжгли, чѣм бы им от наступленія бояр и воевод с полками свободиться; и, видя, он, хан, с татары на себя бояр и воевод и полков их вас, ратных людей, наступленія, пришли в боязнь и во ужас, и отложа обыклую свою дерзость, нигдѣ сам не явился и юртов его, татаровя, нетокмо в противленіе к вам вышли, и нигдѣ не показались и бою не дали, и пришед в самое отчаяніе, ушли в дальнія свои поселенія за Перекопѣ и в иныя мѣста.

И бояре и воеводы полков своих со всѣми вами, ратными людьми, от степной рѣчки Московки шли к крымским юртам до рѣчки Карачакрау выжженными степьми с великою нуждою и от пожаров степных в великой пыли, а в конских кормѣх во всеконечной нуждѣ, и переправясь рѣчку Карачакрак, пришли к Днѣпровым заливам и стояли на выжженных мѣстѣх с великою нуждою и пришли к крымским юртам в самыя в ближнія мѣста. И в то время ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода и намѣстник новгородскій князь Василій Васильевичь с товарищи и с вами, всяких чинов ратными людьми, развѣдав подлинно, что с войски далѣе идти стало немочно, потому что конских кормов до самыя Перекопи нигдѣ нѣт, и они, бояре и воеводы, говоря о том меж собою, что им, бояром и воеводам, полков своих со всѣми ратными людьми из тѣх мѣст для трудности конских кормов отступить до времени к Днѣпровым берегам, куды пристойно, гдѣ б были конскіе кормы, и тое свою мысль и положеніе они, бояре и воеводы, вам объявили всѣм, и за такою великою в конских кормѣх нуждою и скудостью, по самой конечной мѣрѣ, ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода, со общаго между собою и полков своих вас, ратных людей, совѣта, от крымских юртов отступили, и при помощи Божіи, а их, великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и всего их государского дому праведными молитвами и счастіем, полков своих с вами, ратными людьми, и с пушечным большим нарядом и со всякими ратными полковыми припасы пришли к великороссійским городам во всяком добром здоровьи и в цѣлости; а крымской хан и его бусурманскія орды у полков бояр и воевод и нигдѣ в степях не явились и бою не дали.

Да в прошлом во 195 году к ним, великим государям, писал ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода и намѣстник новгородскій, князь Василій Васильевичь с товарищи, что іюля 7 дня в обозѣ, на рѣчкѣ Килчанѣ, Войска Запорожскаго старшина и козаки подали ему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, за себя и за все малороссійское войско челобитную, за руками, на бывшаго гетмана Ивана Самойлова; а в той их челобитной написано на него ж, гетмана, многія измѣны и неистовые поступки и к ним, великим государям, всякія противности и войску малороссійскому нестерпимыя досады и разореніе с явным свидѣтельством, и в нынѣшнем воинском походѣ явная ж измѣна и степям от него пожженіе, и чтоб великіе государи пожаловали, для лучшаго управленія их государских дѣл и для утоленія многих их слез, изволили указать с него гетманской уряд снять; а на тот уряд по правам войсковым обрать кого инаго,

бодрственнѣйшаго и вѣрнѣйшаго человѣка, который бы мог показать к ним, великим государям, вѣрную службу.

А послѣ того генеральная старшина, приходя к нему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ по многія времена, говорили, что Войска Запорожскаго козаки и все поспольство единодушно устремились его, гетмана, и дѣтей его, за его многія измѣны и за непристойныя его и дѣтей его слова и за всякіе противныея неприличные поступки и за многія к ним нападки и тягости, побить до смерти.

И как в обозѣ гетманском учинилось замѣшаніе: и вы, по повелѣнію ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы и намѣстника новгородскаго князя Василья Васильевича с товарищи, устроились воинским ополченіем, и в то время старшина и все поспольство привели в полк к нему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ, гетмана Ивана Самойлова и сына его Якова, и их великих государей знамя и войсковые клейноды, булаву и бунчук принесли с ним же.

А как вышепомянутая старшина и все поспольство во обраніи инаго гетмана ряд учинили: и по их великих государей указу и по повелѣнію ж ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы, устроены вы были ратным же ополченіем для всякаго опасенія, и были в том остерегательствѣ до совершенія того дѣла.

И старшина, и полковники, и сотники, и все поспольство единогласно обрали в гетманы генеральнаго ясаула Ивана Мазепу; и тот гетман Иван Мазепа и генеральная старшина, и полковники, и сотники, и писари, и знатныя особы, и войсковые товарищи, и все поспольство, на вѣчное и вѣрное подданство им, великим государям, и их великих государей наслѣдникам, обѣщаніе пред святым Евангеліем учинили, и крест цѣловали и обѣщались служить им, великим государям, до кончины живота своего вѣрно.

Да при том же гетманском обраніи при прежних пунктах постановлено и написано со многою прибавкою к их, великих государей, именованію и чести, и привели их в нижайшее к ним, великим государям, в подданство и в крѣпкое обѣщаніе и во многую их государственную прибыль и в пространство, и в тѣм пунктам гетман Иван Степановичь и старшина генеральная руками своими подписали и отдали ему, ближнему боярину и оберегателю и дворовому воеводѣ.

А совершилось то дѣло милостію Божіею, а их, великих государей, и всего их государскаго праведнаго дому молитвою и счастіем, а ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы и намѣстника новгородскаго князя Василья Васильевича с товарищи и вашею, ратных людей, службою и раденіем, благополучно, безо всякія им, великим государем, противности и замѣшанія и без кровопролитія и убивства, чего у них так не бывало.

И великіе государи, цари и великіе князья Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, вас, ротмистров и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцев, и городовых дворян, и дѣтей боярских, за тое вашу храбрую и явную службу и за тщательное усердіе, жалуют милостиво похваляють, и пожаловали вас своим великих государей жалованьем.

Вам, ротмистрам и полковникам, по 200 четвертей, денег по 20 рублев.

Порутчиком и хорунжим и головам обозным по 180 четвертей, денег по 18 рублев.

Столником и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом, которые приѣхали в полки до указнаго и на указные сроки, тѣм по 150 четвертей, денег по 15 рублев; а которые приѣхали послѣ указных сроков, тѣм по 120 четвертей, денег по 13 рублев.

Городовым дворяном и дѣтем боярским, которые приѣхали на срок, тѣм по 120 четвертей, денег по 12 рублев; а которые приѣхали послѣ сроков, тѣм по 80 четвертей, денег по 8 рублев.

А начальным людем и гусаром, и копѣйщиком, и рейтаром московским, против московских городовых, против городов.

И вы б, их, великих государей, премногую и высокую к себѣ милость видя, и впредь им, великим государем, служили, и их государское повелѣніе во всем исполняли, также со всяким усердіем и с радостію, и по тому своему доброму и радѣтельному намѣрению впредь, гдѣ воинской случай позовет, прося у Господа Бога милости и у пресвятыя Владычицы Богородицы помощи, над непріятельскими людьми промыслы и поиски всякіе, по своему желанію, чинили со всяким усердством, и за тѣ свои службы и паки ожидали к себѣ их государской милости.

А которые ратные люди, забыв страх Божій и их государское повелѣніе, по наряду нынѣ в полкѣх с бояры и воеводы не были своим самовольством, и про тѣх указали великіе государи розыскать, и по розыску указ учинен будет вскорѣ [14].

№ 15

1687, вересня 12

Царський указ про відстрочку військовим людям за службу в усяких судових справах, крім розбійних, убивчих, та про неутримання з них мита і позивних позовів

Великіе государи и великая государыня царевна указали: стольником и копѣйнаго и рейтарского и солдатского строев генералом и полковником, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом, и начальным людем, и городовым дворяном, и дѣтем боярским, и копѣйшиком, и рейтаром, и солдатом, и всяких чинов ратным конным и пѣшим людем, которые в прошлом во 195 году, по их великих государей указу, были на их государской службѣ в полкѣх с бояры и воеводы в Большом полку, царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегателя ближняго боярина и двороваго воеводы и наместника новгородскаго, князя Василья Васильевича с товарищи, и в иных полкѣх с бояры ж и воеводы сходными его товарищи в Новгородском и в Резанском розрядѣх и в Сѣвскомь полку, в судных и во всяких дѣлѣх отсрочить, и по вершеным дѣлам, их, великих государей, пошлин и истцовых исков не править, и в том людей их и крестьян не волочить, и в городы их, великих государей, грамот, о том о всем не посылать генваря до 1 числа нынѣшняго 196 года, опричь татиных и разбойных и убійственных дѣл. И по указу великих государей и великія государыни царевны, царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегателю ближнему боярину и намѣстнику новгородскому, князю Василью Васильевичу, да боярину князю Алексѣю Васильевичу Голицыным, с товарищи чинить о том по указу великих государей [15].

---

[14] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. II. – С. 883–897.

[15] Там само. – С. 897–898.

№ 16

1687, вересня 12

Грамота кошовому отаману Низового Війська Запорозького Григорію Сагайдачному про відсторонення Івана Самойловича та про обрання гетьманом Івана Мазепи; про пожалування отаману і козакам Переволоченського перевозу та грошової нагороди за участь у Кримському поході

Божією милостію, от пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и многих государств и земель восточных и западных и сѣверных отчичей и дѣдичей, и наслѣдников, и государей, и обладателей, нашего царского величества подданному Низоваго Войска Запорожскаго кошевому атаману Григорью Сагайдачному и всему будучему при тебѣ поспольству, наше царскаго величества милостивое слово.

В прошлом во 195 году, по нашему, великих государей, нашего царскаго величества указу, бывшій Войска Запорожскаго гетман Иван Самойлов, за многія его к нам, великим государем, измѣны и неистовства и за великія к Войску Запорожскому и к посполитому народу малороссійскому [...] мѣсто, по нашему ж великих государей, нашего царскаго величества указу, нашія царственным большія печати и государственных великих и посольских дѣл при оберегателѣ, при ближнем бояринѣ и Большаго полку дворовом воеводѣ и намѣстникѣ новгородском князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ с товарищи, обран на радѣ, по согласію войска и всего посполитаго малороссійскаго народа, вольными гласы, по стародавным правам, гетманом, Иван Степановичь Мазепа, и наше великих государей знамя и булаву и бунчук, ему, гетману, нашего царскаго величества ближній боярин и оберегатель и дворовой воевода князь Василій Васильевичь отдал: и он, гетман, на вѣрную свою нам, великим государем, нашему царскому величеству службу пред святым Евангеліем обѣщаніе учинил, что нам, великим государем, служить ему во всем вѣрно. И тебѣ б нашего царскаго величества подданному, Войска Низоваго Запорожскаго кошевому атаману Григорью Сагайдашному и всему посольству о том гетманском премѣненіи вѣдать, и нам, великим государем, нашему царскому величеству служить и над непріятели Креста Святаго промысл чинить, и о наших государских войсковых и всяких дѣлѣх, также и о вѣдомостях совѣтовать и писать к нему, нашего царскаго величества подданному гетману Ивану Степановичу, и быти у него во всяком послушаніи, и с крымским ханом и с турскими городками, без нашего царскаго величества указу, не миритися и ни о чем с ними не ссылатися; а служба ваша у нас, великих государей, никогда забвенна не будет. Да сентября 5 дня нынѣшняго 196 года, к нам, великим государем, к нашему царскому величеству писал подданный наш, Войска Запорожского гетман Иван Степановичь, что писали вы к нему, гетману, чтоб он Переволоченской перевоз, по прежнему указу отца нашего государева, блаженныя памяти, великого государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, отдал вам на войсковой расход,

также и о заступленіи к нам, великим государем, его, гетманском, о прибавкѣ вам нашего, великих государей, годового жалованья: и мы, великіе государи, наше царское величество, тебя, нашего царского величества подданного Войска Низового Запорожского кошеваго атамана Григорья Сагайдачного и все поспольство пожаловали, велели тѣм Переволочинским перевозом владѣть вам, Войску Низовому Запорожскому; а вашим ли козаком у того сбору быть, или по приказу гетманскому его сборщиком, и сборныя деньги, что собрано будет, отдавать вам в войсковой скарб, и о том велѣно ему, гетману, учинить по своему разсмотрѣнію. Да по нашей государской милости, послано к вам наше, великих государей, годовое настоящее жалованье, деньги и сукна, по прежнему стряпчим с Иваном Прокофьевичем Свищовым, да с посланцы вашими с куренным атаманом с Юском Михайловым с товарищи; да сверхь того нашего, великих государей, настоящаго годоваго жалованья послано к вам, за вашу нынешнюю службу, что вы были в полкѣх боярь наших и воевод в Крымском походѣ, из полку нашія царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегателя, ближняго боярина и Большаго полку дворового воеводы и намѣстника новгородскаго, князя Василья Васильевича Голицына денежныя казны пять сот рублев, и велѣно тое нашу государскую денежную казну окольничему нашему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву отдать бывшему вашему кошевому атаману Ѳедору Иванику с товарством на все Войско Низовое Запорожское. И тебѣ б, нашего царскаго величества подданному Войска Низового Запорожскаго кошевому атаману Григорью Сагайдачному, и всему поспольству об отдачѣ вам Переволоченскаго перевозу, и о посылкѣ к вам обыкновенного нашего, великих государей, нашего царского величества, також и сверхь того прибавочнаго нашего ж государскаго денежнаго жалованья, которое отдано Ѳедору Иванику с товарством, вѣдать, и впредь на нашу великих государей милость быти надежным [16].

№ 17

1687, січень – липень
Зі щоденника Патрика Гордона
за часів його перебування в Росії

1687 1-го січня Гордон відвідав голландську церкву з приводу хрестин сина полковника Варфоломія Ронара, у якого він посідав місце хрещеного [батька], й обідав потім у полковника.

2-го йому урочисто повідомили у Посольському приказі, що наказом її величності його призначено командувати відбірними полками другої дивізії.

4-го він дізнався, що Василя Тимофійовича Пошвінікова призначено надзвичайним послом в королівстві Великої Британії і в республіці Голландія.

7-го він писав [листи] графам фон Міддлетону і Вельфорту, пану Мевереллу та його синам; [відправив] їх з листом від 31 грудня до свого Охайма і Ретермюра і до купця Даніеля Гартмана.

9-го він одержав урядову цидулу з наказом її величності стосовно себе.

---

[16] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. II. – С. 898–899.

10-го він відправився в Бутирки і здійснив огляд відбірного полку, який налічував 894 особи. Декілька днів упорядковував полкові справи.

13-го він перебував на весіллі фрау Аделгейди, доньки пана Даніеля Гартмана, з якою одружувався пан Роппе; там був також боярин князь Василь Васильович Голіцин зі своїм сином та іншими росіянами.

14-го поїхав у Медведівку, відвідати боярина; його було дуже доброзичливо прийнято і він повернувся через Бутирки додому.

15-го він відправив свого зятя потурбуватися про полкові справи і доповісти про них боярину. Написав також полковнику Гамільтону і Джеймсу Ліндесею в Київ.

16-го приймав англійських купців.

18-го перебував у Бутирках і приводив там до порядку різні полкові справи.

22-го написав своєму сину і Р., ректору в Довей, герцогу Гордону, лорду Канслеру, графу Абердену, Гроллю, Міддлетону і Мельфорту, генералу Друммонду, своєму Охайму, Ретермюру, Томасу Гордону і Вільяму Гордону, а також розпоряднику Олександра Гордона, майору Довгалю і Давіду Ліндесею. Ці листи, як і попередні, адресував пану Мевереллу; потім написав пану Ватсону, Бровну, Форбесу (в Ригу) і Аді в Данціг, панам Кембріджу, Джомі і гр[афу] Петергейту в Гамбург, лист якому разом з іншими передав через англійського купця Йозефа Вульфа.

24-го Гордон одержав наказ підготуватися до походу; він приготувався до нього і зробив усе необхідне. Кожного наступного дня відвідував місто, однак пошуки необхідного для повного забезпечення жалуванням і грошима для екіпірування не увінчалися успіхом.

29-го написав Ротермюру і пану Мевереллу, лист якого одразу ж забрав пан Вульфе, який того ж дня відбув з Москви.

31-го одержав листа від свого сина разом з листом від пана Меверелла, а також від пана Ватсона і Фразера з Риги.

2-го лютого одержав наказ здійснити марш московських відбірних полків через царський двір (Кремль). Оскільки усе було готово, прибув вранці до Бутирок і пішов маршем через місто в такому порядку:

1) шталмейстер Гордона; 2) шість наряджених коней, усі навантажені пищалями і усім необхідним для них. П'ять перших були покриті лівреями, шоста, і остання, були без покриття, однак це можна було зробити в будь-який час; усіх їх вели слуги-конюхи, які були обмундировані найкращим чином і озброєні; 3) його прикажчик; 4) слуги, попарно, усі добре обмундировані й озброєні; 5) лейбпаж Гордона; 6) решта пажів попарно; 7) прекрасний паж, розкішно одягнений; 8) офіцер, який вів ескадрон із 8 чоловік; 4 чоловіки, озброєні короткими піками, і 4 з мушкетами, йшли шеренгами; 9) 4 гармати; 10) сам Гордон з шістьма пікінерами з кожного боку; на піках були їхні прапори; шість прекрасних позолочених рушниць несли попереду, сам він знаходився між двома, а п'ять йшли шеренгою; 11) старший лейтенант, який ішов між гелебардирами і мушкетерами; 12) капітан-лейтенант; 13) чотири дивізіони мушкетерів, з якими були 6 барабанщиків і 12 трубачів, з другим [дивізіоном] йшов офіцер з двома барабанщиками; 14) два дивізіони з короткими піками, які вів найстарший капітан; 15) 4 прапори, які супроводжували два дивізіони з піками; 16) перед другим ескадроном 3 гармати; 17) за ними один лейтенант і один капітан-лейтенант, перед якими вели

двох коней; зі старшим лейтенантом марширували алебардисти і мушкетери; 18) 4 дивізіони мушкетерів; 19) два дивізіони колоною з короткими піками; 20) три прапори, які несли дві інші колони пікінерів; 21) два дивізіони мушкетерів і, нарешті, третій ескадрон в такому ж порядку, як і попередні, з офіцерами на своїх місцях. Два майори їхали поруч з ними для того, щоб дивитися за дотриманням хорошого строю. Як тільки Гордон увійшов маршем у Кремль, і можна було побачити її величність, він зняв згідно з ритуалом головний убір і, коли проходив біля вікна, з якого дивилась її величність, повернувся наліво разом з тими, хто ніс прапори, і тричі низько вклонився. Ті, що вели коней, як тільки солдати посіли верхи, не обертаючись, продовжили свій марш, і на місці залишились розвіватися тільки прапори; усе це було розгорнуто за звичайним порядком. Після третього поклону її величність поцікавилася через свого статс-міністра, князя Василя Васильовича Голіцина, самопочуттям Гордона, на що Гордон низько вклонився. А потім він помарширував разом з усім складом прямо через двір і через ті ж ворота Кремля, через які перед цим входив. Після того, як відправив полк на квартири, повернувся знову до палацу і чекав, поки не спустився до нього боярин, який подякував йому за хороший і зразковий порядок, якого він домігся.

Того ж дня обідав у старшого лейтенанта Лефорта, до якого його було запрошено на хрестини.

4-го він видав відрізи для уніформи для сержантів та інших молодших офіцерів, по 5 аршинів на чоловіка.

7-го одержав листа з Англії, в якому повідомлялося, як просувається справа про призначення його надзвичайним посланцем короля Великої Британії, зокрема [про те], що вже є довірча грамота, інструкції та екіпаж.

10-го одержав наказ про те, що йому повинні сплатити 100 р[ублів] за його втрати в Чигирині і, крім того, що йому належить одержати 100 р. за його екіпаж.

12-го він одержав 312,5 р. соболями, які він передав Генрі Мунтеру для продажу.

17-го боярин князь Василь Васильович Голіцин здійснив паломництво в Троїцький монастир і наказав Гордону, щоб він підготував полк до його повернення.

19-го Гордон відправився до Бутирок і вивів звідти полк. Потім він відправився у місто, наніс візит шведському комісарію та прощальні візити іншим [особам] і отримав також того дня свою платню.

20-го боярин повернувся назад з Троїці. Гордон й усі інші були допущені до царя, а після цього до цілування ручки у царівни [правительки].

22-го він відпросився у боярина, відправився після цього у Бутирки і наказав переписати усіх дружин солдатів. Кожна з них за час відсутності чоловіка щодня одержувала півтора пфенінга.

Він написав Ретермюру, до якого додав листа Шарлю Гордону, своєму брату, і Ротемеру. Крім того, [написав листи] своєму Охайму, пану Мевереллу і Давиду Ліндесею, і [відправив їх] з дяком Василем Тимофійовичем Пошвініковим, який невдовзі повинен був їхати послом до Англії.

23-го написав пану Мевереллу і відправив одразу ж до його факторії, на листі Генрі Кревет, Стеле і Філіпп Вульфе повинні були підписатися як свідки. Одразу ж [написав] Ретімюру, якому він повинен був відправити другий вексель Вільяма Гордона на 500 марок шотландських монет.

2-го травня боярин перейшов через річку Мерла і оглянув місцевість, де повинна розташуватися армія.

3-го Гордон разом з іншими іноземними офіцерами обідав у боярина, а потім усе товариство пішло до Гордона.

4-го Гордон перейшов через згадану [вище] річку і розбив табір на вказаній йому місцевості.

5-го боярин перейшов таким же чином річку. Полонений татарин, якого доставили з Києва, розказав, що декілька тисяч татар зібралися, щоб учинити напад на Польщу, і що 2000 з них пішли на Київ з тим, щоб спробувати свого щастя; шестеро з них було взято у полон.

У цей день, день Вознесіння, була освячена церковна палатка католицької церкви і відправлена відповідна служба. Гордон влаштував у себе обід для полковників, священика та інших офіцерів.

Того ж дня він написав також листа своїй дружині і пану Вініусу.

6-го написав [і відправив] з службовцями полковника Крома [листи] герцогу Гордону, графу фон Перту, графу фон Міддлетону і Вельфорту, пану Меввереллу і Фразеру, а також католицьким священикам.

7-го одержав 20 пар волів, дав кожному полку по 6, а 8 залишив у себе.

8-го дня армія розпочала марш як укріплена колона з підвід, шириною 557, а в довжину 1000 кроків; у цілому було 20000 підвід. Гордон прикривав лівий фланг і частину фронту, Олексій Олексійович Шепелєв займав правий фланг та другу частину фронту, а п'ять полків стрільців були у центрі. Вони пройшли переважно на південний захід по рівному полю 6 добрих миль і розташувалися за 3 версти від Рублівки. Нижче Рублівки на західному боці Ворскли, за одну милю від річки розташоване місто Опішня.

9-го, в день св. Миколи, армія відпочивала, Гордон одержав листи від пана Вініуса, своєї дружини і П. Шмідта.

10-го вони пройшли 8 верст і розташувалися поблизу урочища Свинківка, біля річечки Бедровки.

11-го був день відпочинку. Прибув Вастінін. Гордон одержав листи від своєї дружини, пана Вініуса і пана Гуасконі.

12-го вони перейшли через невелику річку Свинківку і розбили табір за 10 верст від неї, на місці, де знайшли достатньо дров і води, зліва була річка Коломак, а справа – Свинківка.

13-го вони пройшли далі і розташувалися у низині між річками Ворсклою справа і Коломаком зліва, приблизно за вісім верст від Полтави.

14-го вони пішли далі через Коломак і розташувалися на річці, де мали достатньо дров, води і трави.

15-го, на Трійцю, Гордон прийняв у себе на обід усіх вищих офіцерів армії.

16-го полковий писарчук зліг від тяжкої хвороби. Гордон взяв у нього рахунок про гроші, які були у нього на руках. У рахунковій книзі було вказано:

Одержано на овес для верхових коней:

У Калузі	7 р.	13 алт.	2 деньгі
У Севську	–	24	–
В Охтирці	10	–	–
Всього	**18 р.**	**4 алтина**	**2 деньгі**

Одержано на колеса	10 р.		
Видано на овес і сіно	9 р.		
Залишок	19 р.	3 алт.	2 деньгі
Видано на 56 колес	2	8	2
на інші речі ...	4	–	2
в цілому видано	24 р.	8 алт.	4 деньгі
більше видано, ніж одержано	5	3	2
Одержано від Івана Снітковського на колеса	13 р.	25 алт.	
для мішків з порохом	5		
Виплачено чоботарям	5		
вищеназвані рахунки	5	3 алт.	2 д.
Надлишок	8 р.	21 алт.	4 д.
Маляру за 3 прапори сплачено		23 алт.	2 д.
Надлишок	7 р.	31 алт.	4 д.

Ополудні виникла тривога, яка тривала півтори години.

17-го було піднято серед ночі тривогу, яка викликала чималий переполох, через який утекло багато коней. Гордон зробив великий огляд.

18-го він інспектував полк, і тричі відкривали вогонь. По всій місцевості були розіслані люди, які розшукували втрачених коней. Однак знайдено було мало або й зовсім не знайдено.

19-го вони марширували далі на південь, близько двох черкаських миль, і розташувалися біля витоку річки Томлик, яка впадає у Ворсклу, півтори добрих миль нижче Полтави. Тут була вода, однак зовсім не було дров, особливо на лівому березі.

20-го вони продовжили марш і перейшли через два витоки річки Лип'янка, яка впадає в Орел біля Нижерозова Города. Цей перехід здійснили переважно у південному напрямку, 2 добрі милі, і розташувалися на річці Орчик (Orczik). Тут, за 300 кроків від табору, влаштували пости по 100 чоловік мушкетерів від кожного полку з гарматою. Гордон дозволив звідси рушити далі в похід таким чином, щоб фронт і тил було прикрито і на кожному флангзі було по 4 іспанських вершники, а гармата знаходилася посередині.

Біля [...] 3, де вони розбили табір; після того, як з великими труднощами і втратою часу перейшли через струмок, розташувалися на дві версти далі, на вільному полі. У цей день пройшли три милі, однак ані півмилі правильно. Вони не знайшли тут дров і були далеко від води. Трава була малою, однак на ніч її було достатньо. На південному боці цього струмка знаходилась мусульманська мечеть.

12-го червня вирушили рано; говорили про рівчак Кам'янка, який повинен був знаходитися справа. Гордон відправив шукати його, однак знайти не вдалося. Пройшли півтори милі (за звичайною мірою – 8,5 версти), далі, до річечки Кінська Вода, де знайшли достатньо трави, трохи дров, однак вода була мало придатна для пиття. Тут зустріли решту армії і розташувалися біля неї, як це було впродовж усього походу. Частина армії пішла далі через річечку Московка і, оскільки вони обрали коротший шлях, то прибули сюди раніше. Маленька річка Кінська Вода впадає у Дніпро, двома милями нижче острова Хортиця і за сім добрих миль від Січі, де була резиденція у запорозьких козаків. Острів Томаківка (Tomakowka)

знаходився двома милями вище Січі від острова Хортиця [...] миль. Від місця, де розташувалася армія, до великих луків на березі Дніпра було три милі.

13-го збудували міст через невеличку річку і радились щодо подальшого походу. Тим більше, що бачили самі і мали також відомості про те, що усе (трава) перед ними було спалено і стояло в диму та полум'ї. Після того, як начальники російської армії тривалий час провели у нарадах і говорили багато, але мало чого суттєвого, було вирішено далі відступати, з надією на те, що можна буде дістати відомості від російських посланців, яких було відправлено до татар, або татари скоро з'являться самі.

14-го армія пройшла через річ[ку] Кінська Вода і пішла через випалений степ. Було дуже важко від пилу і гіркотного запаху. Взагалі було так, як колись йшли через Самару, дуже мучилися, оскільки було важко і для людей, і коней. Розташувалися на [березі] маленької річки Ольба (Olba), де було достатньо трави і води; там неподалік був великий луг. Цього дня відступили на дві милі.

15-го пройшли маршем 6 дорожніх верст випаленим степом до маленької річки Анчакрак (Anczakrak), або Анчікра (Anczikra). Тут було мало трави, дров не було зовсім, але багато диких свиней. Коні знаходилися на видимій відстані; солдати хворіли, деякі занепали духом, оскільки побачили самі, що може статися, якщо йти ще декілька днів випаленим степом.

16-го пройшов сильний дощ, який приніс велику радість, бо прибив пил і дав надію, що відросте трава. Зробили з фашини міст через річку, яка була в цій місцевості і стала настільки топкою після дощу, що знадобилось три години, аби перейти через неї. Пройшли 6 дорожніх верст, або дві милі голим випаленим степом до невеличкої річки Карачакрак (Karaczakrak).

17-го усе залежало від зовнішніх обставин, оскільки з великими зусиллями і труднощами ледве вдалося роздобути трохи трави, щоб хоч як-небудь прогодувати коней. Гадалося, що якщо наблизяться татари, чого не можна було виключати, а коні вже зараз почали падати і не в змозі тягти не тільки гармати, а навіть підводи з провіантом, і до того ж є відомості, що усе спалено й спустошено, то не можна було не передбачити того, що ставало цілком очевидним: не можна досягти мети цього походу – підкорити Крим або навіть уникнути небезпеки реальної і невідворотної загибелі в подальшому відступі. За цих [умов], після довгих суперечок на загальній військовій раді було вирішено 20 000 чоловік росіян і стільки ж козаків відправити вниз по Дніпру для того, щоб приховати і прикрити відступ армій, або навіть, якщо дозволять обставини, відбити турецький наступ на Дніпро, в той час, як основна частина армії відступатиме, туди, де можна знайти провіант для коней. Було відправлено (згідно з першим наміром) окольничого Леонтія Романовича Неплюєва з севським загоном чисельністю близько 9000 чоловік, обидва полки графа фон Грахама, [які мали] 3300 чоловік, полк полковника Вестгофа – 1800 чоловік; в цілому, разом із загоном Григорія Івановича Косагова, було послано 20 000 чоловік. Крім того, гетьман дозволив приєднати до них свого старшого сина з Переяславським, Чернігівським і Прилуцьким полками, двома полками сердюків (Sedruken) і загони компанійців (Tawarischen), які [разом] становили приблизно 20 000 чоловік.

18-го головна армія рушила у відступ і обрала коротший шлях, ніж той, яким йшла сюди. Після того, як переправились через маленьку річку Анчакрак, розташувалися на пагорбі біля великого лугу, де були вода і трохи трави, однак

зовсім не було дров. У цей день пройшли 10 верст, або 3 милі. Більшу частину амуніції доставили в табір пізніше.

19-го армія відпочивала, прибув також кур'єр з повідомленням забезпечити відступ армії до Москви.

20-го армія продовжила похід далі, перейшла через маленьку річку Ольба (Olbo) і розбила табір на річці Кінська Вода, де знайшли достатньо трави, дров і води. Щоправда, вода була непитна. Гетьман перейшов зі своїми козаками через річку і розташувався на тому боці, а росіяни – на протилежному. У цей день відступили на 8 дорожніх верст, або на 2 милі.

Було вирішено відпочити тут декілька днів, щоб поправити коней, які дуже схуднули і не могли тягти гармати і амуніцію: в той же час це мало що допомогло, тому що вода була дуже поганою і [від неї] померло чимало людей і коней.

Пішла чутка, що козаки начебто за наказом або просто з дозволу гетьмана самі підпалили степ, щоб перешкодити проникненню росіян у Крим, через що між росіянами і козаками виникла глуха недовіра. Цілком вірогідним було те, що для козаків було б шкода, якби Крим був повністю спустошений і підкорений. Адже козаки дуже хотіли показати, що вони самі із зброєю в руках звільнилися від польського ярма, а росіян просили лише про захист і допомогу. І тому називали себе підданими, а не слугами царя. Однак вони були стурбовані тим, що за умов Вічного миру з Польщею, внаслідок якого їхні споконвічні права на козацтво передали росіянам, російській стороні могла б прийти думка обходитися з ними абсолютно так, як з природженими підданими, і що їхні привілеї та вольності, за які вони пролили так багато крові, можна обмежити. Найрозумніші серед них і особливо гетьман передбачали наслідки того, якби росіянам вдалося підкорити або спустошити Крим. До того ж кримські татари хотіли також бути вільним народом і щоб володарі зверталися до їхнього хана тільки з проханнями. Оскільки обидва [народи], між іншим, служили своїм князям за часів війни без грошей, то вони були впевнені, що їхні князі їм зобов'язані; дійсно ж, вони були найкращим пір'ям у крилах тих [князів]. Оскільки обидва народи певним чином знаходились в однакових умовах як щодо шанування своїх князів, так і щодо шанування своїх привілеїв, то певний природний інстинкт і розум окремих із них дозволяв їм передбачити, що повне підкорення одного народу могло бути небезпечним для іншого. Вони розпочали з того, що, скориставшись нагодою обміну полоненими, переговорили з цього приводу; так склалося, що для обох станів було б доцільним, якби вони підтримували дружбу між собою. До того ж найбільшою вигодою для кожної з обох націй було те, щоб їхні князі не допускали навіть думки про обмеження їхніх привілеїв і, коли вони припускали або знали, що перебувають в однакових один з одним умовах, то в такому випадку одна нація могла розраховувати на допомогу іншої; їхні князі навіть через власні вигоди були зацікавлені в тому, щоб так було; отож вони не могли бажати, щоб хтось з двох народів був повністю підкорений, а їхній сусід за рахунок іншої сторони став ще сильнішим. Росіяни це дуже добре помічали і доклали неабияких зусиль, щоб дізнаватися, що відбувалося серед обох народів. З цим наміром вони вирішили за найкраще підкупити декого з довірених [осіб] гетьмана, що зробили за допомогою штатгальтера Севська, Леонтія Романовича Неплюєва, переважно шляхом люб'язних розмов і гарантією милості і захисту її величності. Досить швидко вдалося привернути на свій бік

деяких найбільш високопоставлених довірених гетьмана, а саме генерал-ад'ютанта і секретаря. Нічого не робилося або не говорилося такого, чого б вони не знали. Оскільки гетьман був розумним і обережним чоловіком, то він у всьому діяв таким чином, аби не можна було [йому] ні в чому докорити. Своє незадоволення трактатом з Польщею він висловлював ще напередодні [його підписання] і [різним] чином писав з приводу цього до Москви. А коли побачив, що, вірогідно, цей [трактат] буде укладено, то написав дуже різко і повністю відмежувався від тих, хто тримав в руках державне кермо. І навіть тоді, коли трактат було вже підписано, він не приховував свого невдоволення тим, що усе це відбувалося без його відома або без його згоди; особливо статтею, за якою Україна визначалася по цей бік Дніпра (Київ з його окремим статусом з цього виключався), і зовсім не мала нічого на другому березі. В одному з послань, відправленому ним з приводу згоди на це польського короля, в якому висловлено побажання міцного миру, він [гетьман] висунув пропозицію і наполягав, щоб та частина України також була передана царю, що було погано сприйнято у Москві. І це було відправлено комусь з тих, хто змушений був зробити йому догану, першу, яку він отримав за весь час свого правління. Через люту ненависть, яку він мав до Польщі, проти якої у будь-який час готовий був воювати, він не бажав християнам нічого доброго. Якщо при цьому буде одержана перемога над татарами, така, як, наприклад, під Будою, то він би не проявив ніяких ознак дружби, а був би в глибині душі сильно зажурений, оскільки йому здавалося, якщо християни укладуть вигідний мир, влада Польщі, через передачу їй Кам'янця і тієї частини України і зміцнення альянсу з римським імператором, рано чи пізно матиме знову претензії на те, чим вона змушена була поступитися внаслідок війни або договорів. Такі міркування і впевненість у важливості служби, яку він давав (Росії), і особлива довіра, яку всякий раз проявляли до нього, створили йому високий авторитет серед козаків і у всіх інших. Водночас, усе це давало підстави для високої думки про себе самого, так що йому, незважаючи на його розум, здавалося, що ніхто не помічає того, що він був невисокої думки про тодішній уряд, якщо не про саму державу. Росіяни дійсно надавали йому багато честі, поваги і пошани, оскільки вони покладалися на його добрі наміри, судження і дії, навіть тоді, коли їхні поважні бояри і дворяни були в поході. Завдяки цьому він піднявся так високо, що це здавалося нерозумним для уряду, що йому чим далі, тим сильніше потакають. Так що навіть справу, яка мала вирішальне значення, мало хто помітив. Йдеться ось про що. З 1677 року між фаворитом і нинішнім генералісимусом (князем Василем Васильовичем Голіциним) і гетьманом виникла сварка. Оскільки той у момент ревнощів і сварки між генералісимусом і боярином князем Ромадановським відкрито став на бік останнього, то, можливо, зараз це згадалося. Повному падінню цього мужа сприяла загальна ненависть до нього народу за те, що здійснював монополію на винокуріння, мед, худобу і тому подібне. Крім того, за найменшу підозру багатьох знатних [осіб] в тому, що вони були не дуже прихильні до нього, або за порушення законів, він усував їхніх службовців і надзвичайно утискав [їх]. Оскільки від природи він був дуже гарячий, то його зненавидів кожний, оскільки бачив, що він править, не рахуючись з ними, він все-таки мав право на дозвіл або заборону збирати гроші, однак при цьому мало ділився і не мав ніяких записів про те, що він мав на рахунку і кому він платив. Нарешті, вони були невдоволені тим, що він усе робив для себе, не радився з кимось із поважних [людей], яких він

справді тримав у великій покорі і під страхом. Хоча право на правління давалося зі згоди царя, тим не менше гетьман виглядав як самодержець. Щоправда, він повсякчас був настільки обережним, що у справах старшини й інших кожного разу доповідав цареві і просив у нього [відповідного] наказу. Якщо при покаранні була потрібна його думка, то він весь час показував себе м'яким, тільки примушував спустошувати їхні кишені. (Усе це розповів Гордон і тепер він продовжує далі розповідь про похід армії.)

8-го липня вони йшли переважно в північно-східному напрямку і розташували свій табір на маленькій річці Кільчин (Kilczien) (2 добрі милі, або 9 дорожніх верст). Тут померло багато офіцерів і солдат, серед них також Гордонів слуга Джон Біттіс. Дров було дуже мало.

9-го перейшли через маленьку річку Кільчин, часто міняли напрямок і після того пройшли 7 дорожніх верст, або 2 милі, розташувалися біля витоку вищезгаданої річки. Змушені були здійснити цей перехід для того, щоби ближче підійти до [річки] Орел, тому що весь час було мало дров і води.

10-го рано встали і пройшли через велику долину (3 милі, або 14 дорожніх верст). Розташувалися на [річці] Орел, де знайшли великі запаси дров, трави і води. Того ж дня навели міст через річку.

11-го перевели спочатку через річку авангард, близько півдня – фланги і в останню чергу – ар'єргард. Пройшли 2,5 версти, або добрих півмилі. Тут знайшли усе з надлишком і за нижчими цінами, ніж до цього. З усіх боків сюди із міст доставлялись різноманітні продукти.

12-го повернувся перекладач, якого було послано до хана, і доставив листа від нурадіна-султана до генералісимуса, в якому він висловив жаль з приводу того, що росіяни порушили мир. Тут армія перебувала три дні, і було одержано повідомлення, що татари в землях запорожців вступали в сутичку з росіянами.

Того ж дня прибув з Москви думний дяк із стрілецького приказу Федір Леонтійович Шакловитий (Schaklowitoy), найбільший фаворит царівни. Той розпитував спочатку боярина і його товаришів, а потім інших за їхнім рангом, милостиво [опікувався] їхнім благополуччям, хвалив за службу і пообіцяв їм у подальшому робити усе, що буде в його силах.

14-го зібралися бояри і найбільш поважні [особи] від армії на військову раду. З цієї нагоди думний дяк оголосив їм доручення, що вони надалі повинні зробити цього літа для того, щоб перешкодити татарам здійснити напад на Польщу або на Україну, зробити укріплення у Самарі для того, щоб у майбутньому вести війну з більшим успіхом. При цьому думний дяк спитав гетьмана, чому він, як стало відомо, дозволив підпалити степ і трави; далі він сказав, що цар дуже задоволений боярином князем Василем Васильовичем Голіциним у цьому поході, його відступом і тим, що він відправив загони в землі запорожців. Відбувся короткий обмін думок з найбільш нагальних питань; гетьман при цьому запевнив, що про підпал трав він нічого не знав. Усі найвищі офіцери обідали у гетьмана, а в момент проголошення [тосту] за здоров'я її величності артилерія дала багаторазовий залп. Після цього боярин й усі інші відповідно до рангу вручили гетьману подарунки. Гордон подарував йому пару соболів, вартістю 5 ф[унтів] стерлінгів.

15-го армія продовжила свій похід далі і розбила свій табір на р[ічці] Орчик (2 добрі милі).

Того ж дня до російського табору прибув російський шляхтич Стефан Лосковський (Stephan Loscowski), лейтенант однієї з гусарських частин Польщі. Боярин одразу ж направив його до Гордона, для того, щоб той його поселив у себе. Той [лейтенант] мав довірчого листа від польського воєводи (Feldherr), в якому говорилося, що було б доцільно домовитися, щоб кожна армія зі свого боку ввела резидента для доставки пошти, з тим, щоб повідомлення і листи надходили якнайшвидше і щоб можна було обмінюватися повідомленнями про дії, що сприяло б прогресу і зусиллям з обох сторін. Того ж вечора він вручив своє послання.

16-го армія пройшла уздовж річки Орчик 2 милі, або 7,5 дорожньої версти, і розташувалася в місцевості, де були всі необхідні умови. Гетьман пригощав у себе боярина разом з думним дяком та іншими. Після цього думний дяк попрощався і вночі відбув.

17-го – день відпочинку.

18-го армія пройшла 5,5 версти, або 1,5 милі, і розташувалася біля витоку річки Орчик, де були запаси дров, трави і води, яких вистачало надовго.

19-го – день відпочинку. Гордон написав [листи] лорду Грахаму і майору Грауфюрду, а також полковнику Гамільтону.

20-го вони пройшли понад річкою Коломак (Kolumak) (3 милі, або 9 дорожніх верст) і [зупинилися] за 4 милі від Полтави. Тут знайшли достатньо води, трави і дров.

21-го перейшли на плотах через річку і розташувались круговим укріпленням з підвід на пагорбі на іншому боці річки. Боярин Олексій Семенович Шеїн (Schein) і князь Володимир Дмитрович Долгорукий розташували свої війська круговим табором з підвід на правому, а гетьман з князем Костянтином Йосиповичем Курбатовим (Щербатов) – на лівому боці, приблизно за три версти від останнього табору.

22-го. Польський резидент, днем раніше якого прийняв боярин, а потім пригостив гетьман, повернувся в російський табір і вже звідси відбув до Києва. Кур'єр, якого було послано до Москви зі скаргою козаків на гетьмана, повернувся назад з наказом схопити гетьмана і провести ретельне дізнання, на його місце обрати іншого, а самого до особливого розпорядження відправити в одне з міст Великоросії. Увесь день це трималося у великому секреті, було тільки наказано російським полковникам, які знаходилися біля гетьмана, прибути до боярина. Як тільки вони прибули, їм було дано наказ із найменшим шумом оточити його табір і забезпечити безпеку гетьмана, намет і багаж якого знаходилися всередині табору, з тим, щоб уберегти [його] від несподіваного нападу козаків, які, як непостійний, неспокійний і нетверезий люд, могли при їхній розперезаності вдатися до насильства, оскільки гетьмана вони і без того не любили. Вони [полковники] одержали одразу ж наказ сповістити коло довірених осіб і, як тільки вони упевнились в усіх деталях [плану], направили через вірного посланця повідомлення боярину; ввечері російські полковники, які були біля гетьмана, якнайтихше разом підвели свої підводи ближче. У той же час це не могло відбутися настільки таємно, щоб оточення гетьмана не запідозрило чогось надзвичайного. Як тільки стало темно, гетьман одержав від своїх службовців повідомлення про це. Він одразу ж запідозрив, що хочуть захопити його персону, однак так, щоб не було помітно, що відбувається насправді. За цих обставин він поклався на свою

довгу, вірну і важливу службу росіянам. Він також надіявся на те, що йому буде вчинено лише невеликий безпристрасний допит. Щодо скарг на нього козаків та інших службовців про зради і погану поведінку, то він не сумнівався, що зможе виправдатися, оскільки знав, що [вони] не в змозі навести чітких доказів проти нього. Він боявся тільки насильства з боку козаків. Тому вночі написав [листа] російським полковникам, перелічив свої різноманітні заслуги, які йому діставалися високою ціною, і намагався виправдатися з огляду на них. Досить докладно пояснив свою невинність і просив, аби його вислухали. Йому нічого на це не відповіли, а тільки виставили посилену варту, щоправда, на деякій відстані навколо його табору, скарбу і багажу. Серед ночі писар Кочубей прибув до боярина повідомити, що усе буде [здійснено] цілком надійно, і запитав про подальші розпорядження. Боярин наказав уранці заарештувати гетьмана та його сина і привести їх до нього, а його довірених осіб, які були під підозрою, взяти під російську охорону в їхньому таборі і, насамкінець, встановити надійну варту на усіх дорогах до табору з тим, щоб ніхто не вийшов і не повідомив старшому синові гетьмана в землях запорожців або не підняв би повстання у землях та містах. Усе це відбувалося цілком спокійно. А коли дізналися, що гетьман вранці відправився у церкву і пристрасно молиться, то дехто подумав і запропонував, щоб слідкувати за ним, [стати біля] церкви і чекати доти, поки не закінчиться молитва (тому що це був би великий гріх у такий час здійснити насильство). Як тільки завершилася молитва і гетьман одразу хотів повернутися до свого намету, Сервір (Servier), прізвище якого Бойса (Boitsa), котрий був раніше переяславським полковником, однак потім його було усунуто, схопив гетьмана за руку і сказав, що він повинен йти іншим шляхом. Гетьман не супротивився цьому, а лише озирнувся і забажав поговорити з російськими полковниками. Вони одразу підійшли, і з ними його син Яків, якого вони заарештували, коли він збирався до свого батька. Оскільки той [син], очевидно, одержавши відомості про те, що відбувалося, які [йому] різними шляхами передавали, пішов подивитися, чи можна пройти до батька, але виявилося, що усі підходи було щільно перекрито, так що ніяким чином не можна було пройти. На світанку він знайшов-таки дорогу через укріплення з підвід, однак його було схоплено. Гетьмана одразу ж посадили у погану підводу, а його сина на маленького худого коня і під сильним прикриттям стрільців відправили до великого табору. На повідомлення про їхнє прибуття генералісимус наказав запросити до нього усіх бояр з інших армій, а також генералів та полковників своєї дивізії, яких одразу ж усіх знайшли. Оскільки козаки зібралися перед великим шатром, де знаходився приказ, то їм було наказано, щоб вони залишили гетьмана та його сина, а самі були біля боярина, який усіх запросив сідати на вільні стільці. Присяжні (можливо, вони називалися інакше) у короткій промові пояснили, що оскільки вони вже довгий час терпіли утиски від гетьмана і спостерігали різні його зрадницькі дії, то вважали своїм обов'язком доповісти про справу її царській величності. Оскільки тепер його схоплено і доставлено сюди, то вони просили, щоб вчинили над ним правосуддя. Після того, як усі бояри повставали, генералісимус спитав козаків, чи не викликана ця скарга надзвичайною ненавистю і озлобленням щодо особи гетьмана через якісь образи, котрі можна було б улагодити якимось іншим чином. Вони відповідали, що, незважаючи на те, що учинені [ним] образи стосовно народу і більшості з них дуже великі, вони не вдавалися до насильства проти його особи, якби до цього не додалася його зрада,

про яку вони, за своїм обов'язком, не могли змовчати; до того ж вони доклали чимало зусиль, аби утримати народ від того, щоб його не розрубали на шматки, настільки він був їм ненависний. Після цього дали наказ привести гетьмана. Той прийшов, спираючись на палицю, [прикрашену] срібними бляшками. Голова у нього була перев'язана мокрою хусткою, оскільки він давно вже страждав від сльозіння очей і головного болю. Боярин у декількох словах розкрив йому [сутність] скарг козаків. Гетьман відповів на це дуже коротко, усе заперечував, намагався виправдатися. З цього приводу виникла перепалка між ним і усуненими раніше полковниками Дмитрашкою (Dmitraschka) і Солониною (Solonina) та іншим полковником на прізвище Гамалія (Gamaley). Решта обставин не потребує подальшої уваги. Одразу, як тільки було дано наказ, його відвели назад. Козаки зробили вигляд, [що хочуть] розправитися з ним, однак їх зупинив боярин і передав гетьмана та його сина декільком полковникам стрільців, які повинні були служити йому замість гвардії. При цьому царський писар [у відповідь] на скарги козаків, які вони вигукували, своєчасно повідомив про царський наказ усунути гетьмана і відправити його в одне з міст Великоросії, в той час як козаки, за заведеними у них звичаями, повинні обрати нового гетьмана. Козаки у зв'язку з обранням гетьмана одразу ж доставили боярину бунчук (Buntschug) та інші символи гетьманської влади. Однак оскільки не були принесені царські прапори, то думний дяк Омелян Ігнатович Украïнцов (Ukrainzov) відправив команду вершників з тим, щоб доставити їх сюди. Без будь-яких труднощів їх доставили і встановили. Після цього козаки почали радитися, як обирати нового гетьмана. Для цього необхідно було послати за духівництвом і поважними козаками від полків для того, щоб вони могли взяти участь у виборах. Однак того ж вечора і наступного дня стало очевидним, що чекати, поки вони прибудуть, було небезпечно, бо козаки Гадяцького полку опівдні підняли повстання і вбили полковника на прізвище Кияшка (Kiaska) та деяких інших, тому змушені були направити російський загін вершників для того, щоб охороняти козацький табір. Оскільки козаки почали гуртуватися, що заважало поводитися розсудливо, вибори відклали щонайменше до понеділка. Ще того ж дня було відправлено кур'єрів до запорожців, окольничого Леонтія Романовича Неплюєва з повідомленням про те, що сталося, а також з наказом взяти під варту чернігівського полковника Григорія, старшого сина гетьмана, та інших їхніх прихильників, особливо переяславського полковника Полуботка (Polibut). Однак [здійснити] таємно це не вдалося, оскільки не один козак поспішив у Кодак (Kudak), де на той час були розташовані Ніжинський полк та інші загони, а звідти деякі з них [відправились] до Січі, в землі запорожців, і повідомили про усе, що відбувалося, сина гетьмана і козаків, які були з ним.

Тієї ж ночі відбув кур'єр у Москву зі звісткою про те, що гетьмана і його сина взято [у полон]. Водночас було відправлено одного дворянина з наказом окольничому Семену Романовичу Неплюєву взяти Григорія, старшого сина гетьмана, та інших під варту. В той же час було наказано армію розділити і відправити полк полковника Вестгофа до Кам'яного Затону (Kamennoi Saton), для того, щоб посилити генерала Григорія Косагова, який повинен був забезпечити ці позиції до наступного наказу.

24-го козацькі старшини зібралися у генералісимуса і заслухали статті, на яких присягали попередні гетьмани. Більшість з них була схвалена в Глухівському

трактаті, деякі додані, а окремі розширені; честь, влада і величність верховної царської влади над козаками значно поширені, на що усі козаки давали свою згоду. При цьому обговорювалося [питання] про майно колишнього гетьмана. Після деяких роздумів генералісимус сказав із характерною для нього природною жвавістю дуже коротко: «Незважаючи на те, що все, що належало зраднику, за силою законів припадає царям, він хоче сам, з ризиком для себе викликати неласку царів, взяти на себе таке [рішення], що половину майна зрадника одержує козацьке військо, а другу половину слід передати до царського скарбу так, щоб усі були задоволені». Старшини козаків таємно поцікавилися про те, хто був би як гетьман найбільш до вподоби генералісимусу. І коли вони почули натяк, що цією людиною був би Мазепа, то усі вони з огляду на це таємно того ж вечора підписали листа. Водночас голови цього угруповання розподілили між собою старшинські та інші поважні посади і вирішили усунути усіх тих, хто був прислужником і у попереднього гетьмана. Крім того, того ж вечора було названо і призначено дворян, які повинні відправитися в Батурин та інші місця, де гетьман та його діти мали свої маєтності та майно, з тим, щоб зробити їх опис. Поряд з цим було також названо інших трьох осіб, яких треба було відправити з добрими відомостями до Москви; один з них був від генералісимуса, другий – від Олексія Семеновича Шеїна, а третій – від князя Володимира Дмитровича Долгорукого. Боярин князь Костянтин Йосипович Щербатов з готовністю хотів відправити ще одного від свого імені, однак йому цього не дозволили.

25-го. Добірні полки і стрільці після того, як вони увечері одержали наказ, відійшли ближче до козацького табору, де був розташований церковний намет, який поставили шість чоловік на відстані приблизно 100 кроків від них [козаків]. Кіннота оточила його [табір] ще на більшій відстані. Близько 10-ї години генералісимус з боярами і поважними особами від армії прибув із великого табору. Після того, як пройшли через варту, вони відправились до церковного намету, і усі символи гетьманської влади, які були внесені відкрито, залишили перед палаткою на невеличкому столі, вкритому дорогим килимом. Після цього сіли на стільцях і лавах. Коли козаки, приблизно 800 чоловік на конях і 1200 піших, упродовж години зібралися на площі, їх було покликано до кола. Як тільки вони зібралися, поважні [особи] від них підійшли ближче і вирушили з боярами до церкви, куди вони понесли гетьманські символи. Після молитви, яка тривала чверть години, усі вони вийшли звідти, і згадані символи знову було покладено на стіл. Потім генералісимус піднявся на лаву і сказав козакам, що цар дозволив їм обрати нового гетьмана за їхнім старовинним звичаєм і що кожен з них може вільно віддати свій голос на виборах. Він забажав також, щоб вони сказали свою думку. Спочатку панувала повна тиша, після чого деякі з найближчих назвали Мазепу. Це покотилося все далі, аж поки усі в один голос закричали, що призивають Мазепу на гетьмана. Хоча деякі [на початку] називали впевнено Борковського, однак досить швидко змовкли, оскільки повторювався перший виклик. Після цього генералісимус спитав найбільш поважних козаків, кого б вони хотіли мати своїм гетьманом, та всі одностайно відповіли: «Мазепу». Далі на лаву піднявся думний дяк і гучним голосом зачитав клятву, яку вони повинні були принести. Одразу ж сюди була доставлена книга зі статтями, які вони підтверджували письмово, коли присягали гетьману. Це відбулося звичайним чином, гетьман повторив за думним дяком присягу, потім була піднесена книга зі статтями, які гетьман і усі поважні особи,

що були при цьому, підписали. Крім того, ця книга мала бути доставлена в усі значні міста, де її повинні підписати духівництво, магістрати й найповажніші козаки, яких не було на виборах. Після цього боярин узяв жезл володаря (булаву), бунчук і царські прапори, що були символами гетьманської влади, і передав їх новому гетьману, який передав їх дякам, які стояли поруч з ним. Після висловлених найкращих побажань вони сіли на коней і поїхали назад у табір, а гетьман півдороги супроводжував боярина.

26-го до Москви було відправлено трьох дворян, як посланців з повідомленнями про те, що сталося, а також писаря Саву (Sawa), якого гетьман призначив суддею.

27-го надійшли відомості про битву, що відбулася між росіянами і татарами в землях запорожців. Це не було ніякою значною подією і тому не потребує особливої розповіді. Нурадін-султан 17-го липня виступив з 10-тисячним військом проти російської армії і простояв деякий час на видимій відстані перед нею. Однак оскільки він не хотів наближатися на відстань гарматного пострілу, то врешті-решт відступив. Коні козаків знаходилися усі на острові Томаківка, інакше була б, вірогідно, запекла битва.

28-го новий гетьман пригощав бояр і найбільш поважних воєнних осіб. Було [виголошено] чимало здравиць і було дано п'ять гарматних залпів, а 13 осіб було нагороджено. Після того, як усе відбулося належним чином, кожен повернувся до свого розташування.

29-го гетьман відправився назад з козаками і двома полками інфантерії, за винятком двох, які він відправив раніше. Супроводжувати його повинен був один полковник кавалерії Смоленської армії і залишитися там доти, поки все буде приведено в норму.

30-го пішли чутки про багато безпорядків, які козаки чинили в Україні, в результаті яких вбили і замордували багато орендарів і хазяїв та інших, що на той час були службовцями.

31-го надійшло повідомлення про заворушення серед козаків в Кодаку (Kudak), які однак досить скоро були приборкані [17].

№ 18

1687–1688. – Москва
Листи Христофора Кохена до королівського сенатора, лівонського губернатора в Ризі Якова Іоана Гастфатера про Перший кримський похід та розвиток подій у російській державі

I.

23-го сентября 1687 г.

Высокоблагородный барон, королевский советник, генерал-губернатор, милостивый государь. Милостивое письмо вашего высокоблагороднаго п-ства, от 8-го сего месяца, я получил 19-го числа сего же месяца по почте, и узнал из него, что в. п-ство его королевским величеством, нашим всемилостивейшим королем

[17] П. Гордон і його щоденник. (Переклад з німецької, передмова та коментарі В. Дятлова) // Сіверянський літопис. – 2001. – № 1. – С. 10–20.

и государем, назначены генерал-губернатором Лифляндии и смежных провинций, с поручением принять от тамошних жителей, именем его королевскаго величества, присягу на верность. Затем в. п-ство милостиво изволили предложить мне сообщать вам обо всем здесь происходящем. Я не только желал поздравить в. п-ство с изъявлением живейшей моей радости, но и молю Всевышняго, чтобы он по благости своей преумножил светлый разум в. п-ства, облегчил вам перенести тяжкое бремя возложенной на вас обязанности и направил ваше назначение к прославлению Бога, на отраду его королевскому величеству, на пользу отечеству и к вечной славе в. п-ства, а также к приобретению милостей вашими ближними и родственниками. Что же касается до извещения вас о здешних событиях, то я постараюсь сделать это по обязанности службы моей его королевскому величеству и в угоду в. п-ству, по мере возможности высылая вам известия обо всем здесь происходящем. Пребывая в твердой уверенности, что это мне откроет путь к милостям, я доверяю личныя мои выгоды попечению в. п-ства. Так как русские зорко следят за корреспонденцию и письмами и самое заведование почтою поручено русскому, то я буду отправлять письма к в. п-ству в конверте на имя частнаго лица, в Риге, которое будет каждый раз доставлять их в. п-ству.

Последняя новость та, что бывший генералиссимус, князь Василий Васильевич Голицын, 4-го сего числа, поздно вечером, приехал в город, а на следующий день целовал руки у обоих царей и царевны. Он все еще в прежней чести и стоит у кормила правления; к тому же царевна Софья Алексеевна, почти совсем завладевшая управлением царства, сильно поддерживает его. Все того мнения, что в последнем походе погибло от 40 до 50 тысяч человек. Всем офицерам и дворянам за их службу роздали медали весом в 1/2, 3/4 и даже в целый червонец. Последния были розданы высшим чинам (образец такой медали вам посылаю); другие офицеры, смотря по заслугам, получили медали меньшаго веса. На медалях находится изображение двух царей и правительницы, и также начальныя буквы их имен. Генерал-лейтенант Петр Гордон на сих днях произведен в генералы. Здесь все озабочены изданием за границею, на немецком и голландском языках, хвалебнаго описания похода, в котором будут изложены подробно причины безуспешнаго возвращения многочисленнаго царскаго войска. Уже поговаривают о новых налогах с крестьян и мещан и о намерении будущею раннею весною предпринять поход в Крым, причем будет избран новый путь. Пехота отправится по Днепру на судах, а конница сухим путем. Князь Голицын, поговаривает, будто опять примет участие в этом походе. Третьяго дня царь Иоанн и царевна-правительница, по ежегодному обыкновению, отправились на богомолие в Троицкий монастырь, находящийся приблизительно в 12-ти милях разстояния отсюда. Дней чрез десять их ожидают обратно. Царь, уже Петр остался дома.

II.

18-го ноября 1687 г.

28-го минувшаго месяца я адресовал к в. п-ству последнее письмо мое.

Здесь за верное передают, что старший сын бывшаго гетмана, Ивана Самойловича, в Севске пытан и затем казнен за распространение неуместных речей. Скоро ожидают польскаго резидента, который будет иметь постоянное местопребывание в Москве, а со стороны их царских величеств будет отправлен резидент к польскому двору. Здесь говорят о постройке на реке Самаре крепости, в которой

будут расположены царския войска, под предлогом препятствовать крымским татарам производить набеги на Украину. Большинство того мнения, что сооружение крепости имеет целью держать в повиновении казаков и отрезать всякия сношения их с татарами. Говорят, что эта мера указана новым гетманом Мазепою и что казакам понравилась мирная жизнь, которую они испытывали, живя в течении 20-ти лет по сю сторону Днепра; многие из них нажили богатства, которыми желают мирно пользоваться. Относительно будущего похода пока еще не слышно ничего достовернаго. Недели две тому назад, вода в Москве реке, вследствие больших снегов и наступившей вслед затем оттепели с дождями, так поднялась, что снесла четыре моста как в самом городе, так и в его окрестностях, через что дворяне и мещане, торгующее лесом, понесли вновь большой убыток, так как в нынешнем году внезапным повышением уровня воды в Москве реке уже четвертый раз сносились мосты. Здешние старожилы не запомнят, чтобы подобное несчастье повторялось несколько раз сряду в одном и том же году.

III.

16-го декабря 1687 г.

18-го истекшего месяца я отправил к в. п-ству мое последнее письмо. Слух, будто старший сын бывшаго гетмана Ивана Самойловича был пытан в Севске и затем 1-го ноября казнен – подтверждается. Разсказывают, что отец и младший брат его будут сосланы в Пустоозерск. Из оставшегося после их имущества одна половина отбирается в царскую казну, а другая половина будет отдана новому гетману, о чем уже сделано распоряжение.

Недели две тому назад, казаки опять прислали сюда двух пленных татар, которые будто бы заявили, что татары намереваются еще нынешнею зимою сделать набег на русскую границу, и здесь одни уже поговаривают, что татары подошли к городу Тор и оттуда сделали набег, а другие утверждают, будто город этот ими вырезан, причем погибло 17 тысяч человек убитыми и пленными. Дальнейших об этом сведений надо обождать. Дня три тому назад, семи пехотным полковникам приказано отправиться в Украину и оставаться с их полками на крымских границах русских владений. Белгородскому и Севскому ополчению также приказано быть готовыми к походу. Боярину Борису Петровичу Шереметеву, бывшему посланнику при римском императоре, приказано отправиться в Севск и принять начальство как над тамошним войском, так и над всею местностью; завтра он отправляется к месту своего назначения.

Князь Петр Семенович Прозоровский на прошедшей неделе отправился воеводою в Новгород, на смену Петра Васильевича Шереметева; 10-го этого месяца польский резидент был встречен здесь в качестве посланника; сегодня или завтра он будет допущен к аудиенции, после чего уже сделается известным, будет ли он иметь здесь постоянное местопребывание. Теперь царя Петра стали ближе знать, так как первый министр, князь Голицын, обязан ныне докладывать его царскому величеству о всех важных делах, что прежде не делалось; говорят, что в течение наступающего января месяца его царское величество вступит в брак.

IV.

2-го февраля 1688 г.

5-го истекшего месяца послано было мною письмо к вашему сиятельству. После того не происходило ничего замечательнаго; теперь же могу сообщить следующее: 28-го прошедшаго месяца здесь официально объявлено генералитету

о предстоящем походе в Крым, и указаны те, которые на будущее лето поведут войска. На первом месте боярин князь Василий Васильевич Голицын и с ним товарищ его боярин Иван Федорович Волынский, так же окольничий Венедикт Андреевич Змеев и думный дьяк Емельян; они поведут главную, или так называемую, Московскую рать; за ними следует боярин Алексей Семенович Шеин, с товарищем князем Федором Юрьевичем Барятинским; они поведут Новгородскую рать. Рязанскую рать поведет князь Владимир Дмитриевич Долгорукий; Севскую рать – окольничий Леонтий Романович Неплюев и думный дворянин Григорий Иванович Косагов. Рать из казанцев и астраханцев поведет окольничий Иван Юрьевич Леонтьев. Всем означенным войском будет начальствовать князь Василий Васильевич Голицын, в качестве генералиссимуса; при этом дано приказание, под страхом смертной казни, чтобы все названныя войска в начале или половине, а последняя рать в конце февраля, собрались к сборному пункту в Украйне, в Сумах, Обояне и Рыльске. На этой неделе приказано всем главным начальникам ехать вперед, чтобы собрать сложенное в прошедшем году в украинских городах оружие, привести его в порядок и раздать войскам. Патриарх, приглашенный для совещания по поводу предстоящаго похода, предложил прежде всего попытаться завладеть Азовом и уволить всех иностранных офицеров, не принадлежащих к греческой церкви, и чтобы народу и войску иметь единую церковь и единую веру. На это ему отвечали, что большая часть военных сведений приобретается от иностранцев, что и прежние цари находили необходимым иметь их на службе, и потому им и вперед оставаться на службе. Третьяго дня, в ясную лунную ночь, здесь было замечено на небе явление: пять огненных столбов, из коих четыре имели направление к северу, а один к югу, подвигались друг к другу и сталкивались с такою силою, что видны были искры. Три из северных столбов, казалось, были сдвинуты южным столбом; наконец, оставшийся последний северный столб одолел большой южный; а через два часа все явление исчезло.

V.

10-го февраля 1688 г.

27-го истекшаго месяца было послано в. пр-ству мое последнее письмо. С сегодняшнею почтою должно отправиться в Новгород к тамошнему воеводе царское послание, адресованное его королевскому величеству; содержание этого послания состоит в том, чтобы его королевское величество в письмах и сношениях с его царским величеством впредь употреблял титул: пресветлейшаго и вседержавнейшаго, и чтобы об этом было дано знать всем начальствующим на границе лицам. Это прибавление к царскому титулу стали употреблять со времен заключения последняго Вечнаго мира с Польшею, и так как кордийским миром положено как каждому государю титуловаться, то здесь предполагают, что титул этот не будет оспариваем... Сегодня или завтра отправится, по приказанию царя, к воеводе псковскому дьяк посольскаго приказа Алексей Васильев (тот самый, который два года перед сим приезжал к его королевскому величеству в качестве чрезвычайнаго посла). Из Пскова он с письмом отправится к ревельскому начальству по поводу новаго освящения русской церкви в Ревеле; с этою целью вместе с ним отправляется священник с иконами и, сколько мне известно, он между прочим будет жаловаться на постройку близ церкви конюшни и потребует снесения

ея. Его царское величество царь Петр прилежно посещает думу и, как говорят, недавно ночью секретно разсматривал все приказы. Дней восемь тому назад ночью были найдены наклеенными к воротам записки с угрозою против лиц, стоящих у кормила правления. Дай-то Бог, чтобы все сошло благополучно.

Казаки прислали сегодня пленнаго из крепости Кизикермена, который разсказывает, будто новый турецкий султан писал к крымскому хану, чтобы он воздерживался от всяких неприязненных против русскаго царя действий, за исключением того случая, если на него самого будет произведено нападение, и чтобы по возможности защищался. Впрочем, здесь все пока тихо и о вторжении татар ничего не слышно.

P. S. Голландский резидент барон фон Келлер получил от своего правительства письмо с жалобою на посланника его царскаго величества в Гааге.

VI.

6-го апреля 1688 г.

Письмо вашего сиятельства от 15-го прошедшего месяца я получил 27-го числа того же месяца, и узнал из него между прочим весьма радостную весть, что его королевское величество, наш всемилостивейший король и государь, возвел вас, по великим заслугам и способностям вашим, в графское достоинство; спешу принести вашему графскому п-ству нижайшее и должное поздравление; молю Всевышняго, чтобы такое заслуженное возвышение послужило к благу и процветанию вашего дома; присовокупляю при этом просьбу, чтобы ваше сиятельство как до сих пор были, так и впредь остались бы моим милостивым покровителем. При сем доношу, что, по получении вашего письма, я содержащуюся в оном приписку тотчас сообщил первому министру, князю Голицыну, который видимо был обрадован и хотел оставить его у себя; но как я неохотно разставался с ним, то велел перевести его и вчера возвратил мне его обратно, причем вновь повторил, что все обстоит хорошо и чтобы ваше сиятельство продолжали радеть о делах. Впрочем, до сих пор в общественных делах все тихо и не заметно ни малейшаго движения, исключая разве того, что русские, как я уже упомянул в моем последнем письме, намереваются выстроить две крепости на Самаре (некоторые упоминают лишь об одной крепости). Самое правительство находится in statu quo ante, и потому известие из Польши о происшедшей перемене правительства есть пустой вымысел. Если бы что произошло, то я по обязанности не преминул бы тотчас уведомить о том в. п-ство. Также покорнейше благодарю за новости, которыя вы удостоили мне сообщить касательно Швеции и других земель. Весьма благоразумно, что ваше графское п-ство ничего не предпринимает относительно царскаго титула, не испросив на то разрешения его королевскаго величества, и я, до получения мною особаго приказания по сему предмету, придерживаться буду того же самаго; меня уже здесь разспрашивали по этому поводу; впрочем, не могу не упомянуть, что несколько дней тому назад приходили ко мне три брата князя Якова Долгорукова, что ныне посланником во Франции и Испании, и говорили мне, что брат их на возвратном пути, вероятно, направится через Ригу, Ревель и Нарву. При этом они обратились ко мне с просьбою написать к вашему графскому п-ству и покорнейше просить вас от их и моего имени, чтобы вы, если брат их приедет в означенныя места, оказали им высокоценимыя ими дружбу и одолжение, сделав распоряжение к безпрепятственному продолжению его пути. В этом

прошу вас не отказать им, как благовоспитанным и одним из лучших здесь людей и оказавшим дружбу г. Спарвенфельду и другим шведским подданным, здесь проживавшим.

Прошу ваше сиятельное п-ство о благосклонном исполнении моей просьбы относительно оказания посланнику князю Долгорукову всякаго рода содействия и внимания по приезде его в означенные города; он и братья его с признательностию примут подобную услугу и везде будут разглашать об оказанном ему шведами внимании.

VII.

11-го мая 1688 г.

Последнее всенижайшее письмо было отправлено мною к вашей светлости, высоко графскому п-ству 4-го сего месяца. Сегодняшним же письмом я почтительнейше доношу, что в начале будущей недели выезжает упомянутый мною в предъидущем письме фон Келлерман, нарочно отправленный к его королевскому величеству; как слышно, он везет два письма к его королевскому величеству; в одном письме испрашивается согласие его королевскаго величества на испрашиваемый его царским величеством титул пресветлейшаго; другим письмом Келлерман уполномочен получить пожалованныя покойному Бюхлингу после последней войны деньги.

Относительно донских казаков, поговаривают, будто они возмутились. Причиною этого бунта жестокое и несправедливое обращение с некоторыми казаками, приехавшими сюда с Дона с целью выпросить у правительства некоторое пособие по случаю их крайняго раззорения от сильных пожаров; но, вместо выдачи пособия, первый министр и другие сановники обошлись с ними сурово, обозвали их изменниками, и тогда же некоторые казаки были пытаны; это озлобило донцов. Другие находят истинную причину возмущения в том обстоятельстве, что донцы не соглашаются на нововведения в церковной службе, и пророчат из этой искры великое пожарище. Вчера пятеро из пытанных по настоящее время казаков казнены. Впрочем, сильно поговаривают, что его царское величество думает зимою собрать большое войско, чтобы будущею весною, с первою травою, повести оное в Крым к Перекопу. В этих видах спешат постройкою крепости на Самаре, чтобы ее сделать складочным местом для войска на время этого похода.

На днях я был у перваго министра, князя Голицына, и читал ему, по желанию графа Шперлинга, записку относительно бревен; он был очень вежлив и ласков и обещал дать благоприятный ответ; он отзывался также хорошо о правлении его королевскаго величества. При этом случае я узнал, что он весьма доволен хорошим приемом, сделанным его королевским величеством Борису Михайлову, и везде относится с похвалою об очищении местности вокруг русской церкви в Ревеле; затем он изъявил готовность оказывать самое дружеское внимание шведской короне, и что он всегда все касающееся до Швеции представляет их царским величествам с самой хорошей стороны. Кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отныне тоже примут участие в управлении государством; несколько дней тому назад, брат матери его, Лев Кирилович Нарышкин, пожалован в бояре. В делах правительственных все пока тихо. Оба царя проводят большую часть времени за городом, в потехах, в своих летних дворцах.

VIII.

1-го июня 1688 г.

Милостивое письмо вашего высокоблагороднаго п-ства от 16-го прошлаго месяца я получил 28-го того же месяца и все, что в нем относилось до отправленнаго отсюда к шведскому правительству Иоанна фон Келлермана, я докладывал первому министру Голицыну, который был очень доволен, что ясно выражалось как на его лице, так и в словах его, при чем он еще раз повторил обещание оказывать полное расположение шведскому правительству и его подданным. Помянутый фон Келлерман отправился отсюда 18-го мая утром и надо полагать, что путешествие его, вместе со свитою, начиная от Пскова, будет своевременно сообщено земскому начальнику Таубену, который должен его встретить и направить в дальнейший путь. 27-го апреля я выслал просимыя вами 24 жемчуга на имя Иоанна Магнуса Гольста.

Так как в последнем письме вашем вы ничего не упоминаете о них, то я начинаю безпокоиться относительно получения вашим сиятельством посылки, и желал бы очень быть на этот счет поставлен в известность. Новаго здесь ничего нет, разве только, что польский резидент имеет от своего короля поручение протестовать против здешняго бездействия относительно Крыма, вопреки последняго мирнаго трактата, отчего поляки терпят много от татар, и дать заметить, что татары стараются склонить польское правительство к тому, чтобы соединенными силами напасть на Россию. Относительно сообщеннаго мною в последнем письме мятежа донских казаков, из коих некоторые казнены, а другие находятся в опале, здесь говорят, что они ничего не предпримут, потому что ими выданы те, которых у них требовали цари. На днях распространился здесь слух, будто хан лично поднялся со всею ордою, чтобы препятствовать постройке крепости на Самаре; однако этот слух опять умолк. Здесь в короткое время в разных местах были сильные пожары: раз, около Покровских ворот, в Басманной, в продолжение двух часов сгорело 280 домов; другой раз в Сретенской улице, при чем сгорело 20 домов.

Пребываю на веки вашего высокоблагороднаго п-ства покорный слуга

Христоф фон Кохен [18].

---

[18] *Кохен Х. фон.* [Известия ливонскому генерал-губернатору Я. И. Гастфатеру] / Сообщ. К. А. Висковатов // Русская старина. – 1878. – Т. 23. – № 9. – С. 121–129.

ДРУГИЙ КРИМСЬКИЙ ПОХІД

№ 19

1688, вересня 18

Царський указ, оголошений для всяких військових чинів людям про підготовку до походу проти кримського хана

Ротмистры, и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и жильцы, также генералы, и полковники, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и начальные, и всяких чинов ратные люди! Великіе государи и великая государыня царевна велѣли вам сказать: в прошлом во 195 году, по их, великих государей, указу, были вы на их, великих государей, службѣ в крымском походѣ в полку царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегателя ближняго боярина и двороваго воеводы и намѣстника новгородскаго князя Василья Васильевича Голицына с товарищи. И будучи вы на той их, великих государей, службѣ, им, великим государем, служили, и от рѣки Самары к Перекопи шли для промысла над Крымом со всякою охотою, и намѣреніе свое имѣли к поиску над тѣми непріятели со всяким усердіем, и устроялись к тому со всяким тщаніем. И крымской хан с татары, видя на себя бояр и воевод и ваше наступленіе, пришел в боязнь и во ужас, и отложа обыклую свою дерзость, нигдѣ сам не явился и юртов его татаровя не только в противленіе к вам вышли, и нигдѣ не показались, и как ближній боярин и оберегатель и дворовый воевода Василій Васильевичь с товарищи, и с вами всяких чинов ратными людьми пришли от Перекопи в самыя ближнія мѣста, и они в то время по тому ж нигдѣ не показались и из жилиц своих не выходили. И тою вашею службою и радѣніем и храбростію и мужеством учинилось, что такіе исконные свирѣпые христіанские непріятели, только слыша ваше мужественное ополченіе, пришли в страх и отчаяніе, которое ваше мужество и храбрость, не токмо во окрестных государствах, но и во всем свѣтѣ славно, за которую свою службу и мужество, вы всѣ от них, великих государей, и многую милость получили. А нынѣ к великим государем царем и великим князьям Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, писали святѣйшіе вселенскіе патріархи, и братья их, великих государей, их царскаго величества, великіе государи цесарское величество римскій,

и королевское величество польскій, також Рѣчь Посполитая Венеційская, всѣ согласно, что в нынѣшнее настоящее время турское государство от Господа Бога приняло великое наказаніе, и приходит то бусурманское владѣтельство к самой конечной погибели; и как от войск христіанских, так и от междоусобныя брани пришли в великое безсиліе и безмочство, какого на них, бусурман, разоренія и погибели никогда не бывало; и такого смятенія не слыхано, что и сами о себѣ говорят, что пришла им, бусурманом всѣм, совершенная погибель, только нѣкоторую надежду имѣют на крымскаго хана с ордами. И будучи они, бусурманы, во отчаяніи своем, в греческой, ромельской, и морейской, и сербской, и болгарской землях православных христіан, мужеска и женска пола и невинных младенцев, послѣ многих и различных мук, и поругався скверным поруганіем, мечу и огню предали больше трех сот тысяч; а прочих христіан, младых и женска пола, неизчетное множество в неволю свою бусурманскую побрав, свезли за море во Анатолію и за море во Азію и во Египет; а городы, в которых то православіе пребывало, и монастыри и святыя церкви Божія всѣ до основанія разорили и пожгли, и положили они, бусурманы, со всего своего поганскаго соборища и с повелѣнія самаго салтана и муфтея, что внутрь государства своего во святѣй горѣ Аѳонской и в Царѣградѣ и во всѣх мѣстѣх всѣх христіан погубить, и грады и святыя церкви и честныя обители, Господу Богу во славу посвященныя, разорить и искоренить. Да в тѣх же их святѣйших вселенских патріархов грамотах, к ним, великим государем, написано с великим моленіем и слезным прошеніем, также и со многим прещеніем, что они и все православное христіанство, нынѣ от безбожных и невѣрных агарян в непрестанном ругательствѣ и тѣснотѣ, и нѣсть мѣста, ни града, который от них нечестивых не разоряется, и всегда благочестивое собраніе мучится и по вся дни бывает многое кровопролитіе, и вездѣ церкви Божіи во омерзеніи, монастыри в разореніи, архіереи и іереи в поруганіи, крест Господень от них нечестивых оплеван и имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа хулимо и укорено, и всегда скверным своим языком глаголют: аще бы де был Христос Сын Божій и Бог, его же христіане имянуют, не оставил бы их в руки наши. Тако поругаются и таким хульным языком проповѣдают проклятіи агаряне. И чтоб они, великіе христіанскіе государи, подражатели Христовы и ревнители благочестивыя вѣры, для сладчайшаго Господа Іисуса Христа, в нынѣшнее благополучнѣйшее время, егда тѣх бусурман воюют и подвизаются вси короли и государи, князи и владѣтели, и злочестивых агарян низлагают сушею и морем, вкупѣ со оными наияснѣйшими короли и великими князи, на тѣх же безбожных агарян, оружіе многочисленых своих государских христіанских войск обратили, и о избавленіи Церкви Христовы и непорочной христіанской вѣры о утвержденіи, и благочестивых христіан освобожденіи, свою государскую подвижность объявили, воеже избавити святую Церков Христову, о ней же излія на крестѣ святую свою кровь Господь Бог Іисус Христос. А такого де удобнаго времени, что при помощи Божіи, их бусурманов нынѣ побѣждат и до конца искоренить, а православных христіан из под их бусурманской неволи свободить, за тысячу лѣт не бывало. А цесарскаго величества римскаго в грамотѣ, и Рѣчи Посполитой Венеційской в листѣ, написано: что они нынѣшняго лѣта, при помощи Божіи, счастливо бусурманскія войска во многих мѣстѣх на сушѣ и на морѣ сбили, и славные и главные преждебывшіе христіанскіе грады, от многих лѣт в бусурманских руках будучіе, то есть стольный Бѣлград и иныя многія твердыни, а с другую

сторону град Селунь, также Кандію и весь тот остров поимали, и множество тамошних народов под свою власть и подданство привели. Только де во оставльших городѣх, бусурманы, за давным своим обѣщаніем и за клятвами, с церквей кресты и из церквей святыя иконы ругательски вынимают, и в непристойных мѣстѣх полагают, и христіан и розных вѣр людей, тѣм святым иконам всякое поругательство чинить неволят, и к бусурманской своей вѣрѣ принуждают. Да и то в тѣх их листах написано, что от турскаго салтана крымскому хану помочи не будет за их безсильем.

Великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, слыша о таком салтана турскаго и муфтея и всѣх бусурманов ко святым Божіим церквам и обителям и ко всякой святыни поруганіи, и о немилостивом и безчеловѣческом православных христіан мученіи и невинном кровопролитіи; имѣя сильное и непобѣдимое оружіе честный и животворящій Крест Господень, и возложа упованіе на дивную возбранную крѣпкую непобѣдимую помощницу пресвятую Богородицу и всѣх Святых помощь, для избавленія святых Божіих церквей и православных христіан, у тѣх бусурманов в тяжкой и неослабной неволѣ будучих, указали быть на своей великих государей службѣ бояром и воеводам по полкам; а с ними на той своей великих государей службѣ быть вам, ротмистром, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцем, также генералом, и полковником, и городовым дворяном, и дѣтем боярским, и начальным, и всяких чинов ратным людем по спискам, чтоб при помощи Божіи, над крымским ханом и юртов его над татары поиск и промысл учинить и православных христіан из неволи их свободить, також его хана и его владѣнья татар к турскому салтану в помощь не допустить. А кому имяны вам ротмистром, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцем, также генералом, и полковником, и городовым дворяном, и дѣтем боярским, и начальным, и всяких чинов ратным людем в полкѣх быть, и имяна ваши указали великіе государи вам прочесть сего ж числа. И вы б, стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и жильцы, также генералы, и полковники, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и начальные, и всяких чинов ратные люди, памятуя Господа Бога и пресвятую его Богоматерь и святую соборную и Апостольскую Церковь и святую непорочную православную христіанскую вѣру, и к великим государем царем и великим князьям Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, свое обѣщаніе и свои породы и прародительскія свои чести и прежнія свои службы, и за тѣ службы к себѣ их, великих государей, милость и жалованье просить у Господа Бога милости и у христіанскіе помощницы пресвятыя Богородицы и у всѣх Святых надежнаго заступленія и помощи за святыя Божія церкви и за благочестивую и непорочную святую христіанскую вѣру и за их, великих государей, превысочайшую честь и за все Московское государство и за избавленіе единокупѣльной братіи своей православных христіан, которые у тѣх врагов Божіих и всего христіанства непріятелей в тяжкой работѣ и в нестерпимой неволѣ пребывают, им, великим государем, служили, и на тѣх христіанских непріятелей ополчались крѣпко и мужественно безо всякаго сомнѣнія и боязни; и когда врѣмя

приспѣет, чинили над ними всякіе промыслы желательным и безстрашным учинством, сколько на то дѣло вам милосердый Господь Бог помощи подаст. И за свои службы ожидати себѣ от них, великих государей, милостиваго жалованья паче прежняго. А кому имены по полком бояром и воеводам, также у кого в полкѣх кому из вас быть и гдѣ, и на которые сроки стать, о том их, великих государей, указ сказан вам будет впредь.

Да вам же, стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом, и всѣх чинов служилым людем указали великіе государи сказать: вѣдомо им, великим государем, учинилось, что у вас у многих дѣти ваши, и братья, и племянники, и иные свойственники в возрастѣ и в их государеву полковую службу поспѣли, а вы их в чины не приказываете, и в полковую службу не пишете, и живут они в домѣх своих, а их, великих государей, полковыя службы не служат, а служить им великих государей служба мочно.

И великіе государи указали вам, для своей великих государей службы, дѣтей своих, и братью, и племянников, и иных свойственников, у кого кто есть в возрастѣ, в чины приказывать и в полковую службу писать нынѣ вскорѣ, а буде кто из вас дѣтей своих, и братью, и племянников, и иных свойственников, которые в возрастѣ, утаит и в чин нынѣ вскорѣ не прикажут, а послѣ про то сыщется, или кто в том на кого извѣстит: и великіе государи тѣх ваших дѣтей, и братью, и племянников, и иных свойственников в чины впредь их писать не указали, а написаны будут всѣ с городами в рейтарскую службу и велят им служить рейтарскую службу без денежнаго жалованья, а городовых дворян и дѣтей боярских дѣти и братья и свойственники написаны будут в солдатскую службу, и велят им служить по тому ж без денежного жалованья. Да вам же, стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и жильцом, и всѣх чинов ратным людем указали они, великіе государи, для своей государской службы во всяких судных дѣлѣх и в истцовых искѣх отсрочить и в городы зазывных грамот не давать, и приставов с Москвы ни по кого не посылать и по вершенным дѣлам их государевых пошлинных денег и истцовых исков и по порукам не править и в том людей ваших не волочить; и вам бы для нынѣшнія службы ѣхать по деревням в домы свои и к службѣ строиться и сбираться и о высылкѣ своей в полки ожидать их великих государей указу [19].

№ 20

1689, квітень. – Москва
Перелік тих, кому патріарх Іоаким надіслав грамоти

Лѣта 7197-го бысть повеленіе благочестивых великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича и благородныя государыни царевны и великія княжны Софіи Алексіевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, служивым людем всего государства, да пойдут на брань в татарскія орды, в самый Крым, что они, крымскіе татары, россійскаго государства украинные городы безпрестанно разоряли и людей в плѣн имали, и в премирных лѣтѣх великое раззореніе творили. Также и польскую и цесарскую землю с салтаном турецким воевали и воюют непрестанно. И всему царскаго

[19] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – Т. II. – СПб., 1830. – С. 946–949.

величества воинству и из указных градов велѣно стать во украинных градѣх, в Сумах и в Рыльскѣ, и в Суджѣ, и во Ахтыркѣ на срок февруарія мѣсяца и марта 1-го числа. А в полки послашася воеводы сіи:

Перваго Большого полка воеводы, в нем же вси люди московских чинов: царственныя большія печати, дворовый воевода и посольских дѣл оберегатель и намѣстник новгородскій, болярин князь Василій Васильевич Голицын, а с ним товарыщи: стольник, князь Іаков Ѳеодорович Долгорукой, окольничій Венедикт Андреевич Зміев, думный діак Емеліан Игнатіевич Украинцов. В том же полку с Сѣвским полком болярин Леонтей Романович Неплюев, с ним думный дворянин Григорій Іоаннович Косагов.

Второго полка: болярин Алексій Симеонович Шеин, с ним стольник князь Ѳеодор Юрьевич Борятинскій.

С новгородскими полки. Третьяго полка: болярин Борис Петрович Шереметев, с ним думной дворянин Аврам Іоаннович Хитрой.

С полки казанскими: четвертаго полка: болярин князь Володимер Димитріевич Долгорукой, с ним стольник Венедикт Іаковлев сын Хитрой.

С полки рязанскими: пятаго полка: стольник Василій Михаилович Мамонов Димитріев.

С низовыми полки: шестой полк: с малороссійскими полки гетман Іоанн Стефанович Мазепа.

И в полки к царскаго величества воеводам и ратным людем великій господин, святѣйшій кир-Іоаким московскій и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарх писа грамматы сице [20].

№ 21

1689, травень
Лист патріарха Іоакима до гетьмана Івана Мазепи

Іоаким и пр. возлюбленному во Господѣ мѣрности нашея сыну, царскаго пресвѣтлаго величества Войска Запорожскаго гетману Іоанну Стефановичу Мазепѣ и всему с ним воинству архипастырское благословеніе.

Во всяком дѣлотвореніи приснохвальный Создатель наш и Бог да благословится, яко вся полезная человѣком непрестанно дарствует. Тѣм же наша мѣрность хвалословяще Его Царя небесе и земли всегда твоей любви и всему с тобою царскаго величества великих государей наших царей и великих князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексіевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, православному воинству, пошедшему против злых непріятелей и гонителей православныя вѣры измаилтесских людей проклятых агарян татарских орд, желаем здравія и спасенія и всякаго сохранства на многія лѣта. При чесом пастырским нашим сердцем благословеніе вам, яко церкве святыя сыном и вѣрным слугам царскому величеству и боронителем христіанских народов любезно посылаем с ним же благодать и милость вам от Христа Бога присно да умножится.

[20] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 8–9.

Тѣм же твоя любовь и все православное воинство во Христѣ Бозѣ и в предстательствѣ пресвятыя Богородицы Дѣвы Марiи надѣющеся, благодушствуйте, мужайтеся и во ополченiи Господни крѣпотствуйте, молящеся всеблагому Богу усердно всегда, да устроит вся на пользу человѣком и побѣду сотворит христiанским врагом силою Своею на славу Свою божественную и на хваленiе имене Его святаго.

Посем здравствующе спасайтеся. Аминь [21].

№ 22

1687, травня 13. – З походу
Лист воєвод до патріарха Іоакима

Божiею милостью великому господину святѣйшему и всеблаженнѣйшему кир-Iоакиму московскому и всея Россiи и всѣх сѣверных стран патрiарху нижепомянутый с товарыщи, припадая ко твоей святынѣ просящи благословенiя твоего архiерейского смиренно челом бьет.

Сего настоящаго маiя 2-го дня принесена ко мнѣ ваша архипастырская грамота чрез уставленную почту в обоз на Конскую, в которой изображено от твоей архипастырской святыни отеческое благословенiе, как мнѣ, так и товарыщам моим бояром, и воеводам, и всему воинству их царскаго величества, при котором благословенiи в грамотѣ вашей архипастырской объявлено: яко по божественному о всей твари премыслу, яко же он сам вѣсть, повелѣнiем пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей царей и великих князей Iоанна Алексiевича, Петра Алексiевича и великiя государыни благовѣрныя царевны и великой княжны Софiи Алексiевны, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи самодержцев, моих всемилостивѣйших в служенiи предводительства их царскаго величества ратных людей многочисленных полков христiанскаго воинства я вчинен с товарыщи, и нынѣ со оными в шествiи есмь ради благочестивыя христiанскiя вѣры и охраненiя их царскiя державы и ради плѣненных христiан свободы, против богомерзких агарян и проклятыя махометанскiя вѣры, той Вышнiй Царь царем и Бог всѣх нас да сохранит и все христiанское благочестивое воинство да спасет от всякаго зла, к сему же благопоспѣшенiе и опасство и на враги побѣду да дарует всѣм о всем, чего ваше архипастырство как нам, так и всему при нас обрѣтающемуся воинству отечески усердное имѣет желанiе, и благословенiе свое архипастырское и благопривѣтствованiе препосылаете, и помощь щедротѣ преблагого Царя и Бога Господа нашего Iисуса Христа, предстательством пресвятыя Дѣвы Богородицы сохраненiя и руководительства, святых всѣх молитвами христiанскому воинству спасенiя и возвращенiе доброе, о чем я и товарыщи мои, выразумѣв твое архiерейское предложенiе, я и все сущее при нас воинство за толикое твое архипастырское благословенiе и милостивное отеческое увѣщанiе, желательным усердным сердцем воздав хвалу Господеви Богу, приняли то радостными сердцами, найпокорнѣйше припадая до земли и касаяся ног твоих архипастырских челом бьем.

---

[21] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 13–14.

Наипаче же просим, дабы ваше архипастырство, яко отец отцем и крайній наш архипастырь по человѣколюбію своему и впредь отеческое и архипастырское, предстательствуя во святѣй службѣ у престола величествія Божія, имѣл о нас попеченіе и молитв святых своих простертіе, о чем многократно просим и не усумнимся, что в тѣх молитвах забвенію преданы быти не имѣем. И себя я обязую должен быти изволенію великих государей и великія государыни, их царскаго величества моих всемилостивѣйших. А при том на тож военное управленіе и за благословеніем твоим архипастырским и за святыми твоими ко Всемогущему Господеви Богу благопріятными молитвами, елико Он, всѣх благ Датель, вразумит и наставит нас, имѣя належащее мое попеченіе. При том предаюся во отеческое и архипастырское твое благословеніе. Дан в обозѣ на рѣчкѣ на Карачекракѣ лѣта от созданія мира 7197-ое мѣсяца маія 4-го дня.

Под сицевым письмом приписи боляр и воевод самих руками тако:

Желатель твоего архипастырскаго благословенія, яко сын и послушник Васка Голицын.

Желатель всегдашній архипастырскаго твоего благословенія яко сын и послушник Алешка Шеин.

Желатель всегдашній твоего архипастырскаго благословенія Володка Долгоруково.

Желатель твоего архипастырскаго благословенія сын и послушник Бориско Шереметев.

Раб и послушник благословенія твоего Венедихтко Змеев.

Сіе письмо податеся в крестовой палатѣ мѣсяца маія в 13-ый день [22].

№ 23

1689, травня 22. – З походу
Лист гетьмана Івана Мазепи до патріарха Іоакима

Божією милостію великому господину святѣйшему и всеблаженнѣйшему кир-Іоакиму, патріарху царствующаго великаго града Москвы и всея Россіи и сѣверных стран, отцев отцу и верховнѣйшему архипастырю, мнѣ благорачительному наставнику, в Дусѣ святем отцу и милостивому благдѣтелеви, под стопы святобливых ног смиренно упадаючи раболѣпно челом бью.

Содѣловает то душеполагательное архипастырское вашего всесвятѣйшества о овцах словесных попеченіе и всецѣлое отческое усердіе, когда нам, гетману, и всему Войску их царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскому, церкви восточныя удом и в раболѣпном повиновеніи сущим своего патріаршества послушным, в Дусѣ святом сыном по премогущем пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей царей и великих князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексіевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, указу на войну против бѣсурманов общих Креста святого и всего христіанства непріятелей простуючим, изволил милостиво свое святѣйшее прислати благословеніе, желаючи нам того, дабы мы за превеликое величество славы имене Божія и превысокое достоинство их царскаго пресвѣтлаго величества добрѣ подвизалися, яко убо на сіе истое

[22] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 14–16.

званы есмы, еже служити им, великим государем и великой государынѣ, вѣрно и радѣтельно. Тако в той службѣ нашей со всяким прилежаніем, даже до изліянія кровей наших, истинно им, великим государем и великой государынѣ, работати усердствуем, в чесом труды и подвиги наши, дабы все исполняющій Господь благополучным исполнил совершенством. О сем вы, святѣйшій архипастырю, яко великій святитель, и благоутробія благостью исполненный отец, к Могущему вся строити и вся благая вѣрным своим подавати, Единому во бранѣх крѣпкому Богу изволь своя святѣйшія приносити молитвы. Всѣ мы бо сіе и воистинну вѣруем же, яко не оскудѣла дѣйствительная сила Божія, тако и молитвы вашего святѣйшества суть у Сотворшаго вся благопріятны. Мощно ти есть, доброму нашему архипастырю, нынѣ для Богохвальных патріарших дѣл своих подобитися древним святым из которых, ов возношеніем Вышнему рук своих на амаликиты добрѣ поостри оружіе Израиля и хвалебную воспріят побѣду, ов же теплою до Бога молитвою каменіе огненное с неба на враги ниспусти и в довлетвореніе побѣды солнцу стояти завѣща, ов же огнь на противных с высоты сведши попали их. Потщщися убо, всесвятѣйшій архипастырю и милостивѣйшій наш отче, молитися во высоких Живущему, дабы свое благочестное монаршее их царскаго пресвѣтлаго величества намѣреніе в дѣло войны сея против врагов бѣсурманов устремленное по их монаршему указу к цѣлости Богохранимаго всероссійскаго царствія и ко утишію всего христіанства чрез ближняго боярина и Большого полку двороваго воеводу, царственныя большія печати и государственных великих посольских дѣл оберегателя и намѣстника новгородскаго ясневельможнаго его милости князя Василія Василіевича Голицына и прочіих бояр, их милостей и воевод и тут же и чрез нас гетмана с войсками справуемое кранею над ими врагами побѣдою и конечным богохульных их жилищ истребленіем, благополучное воспріяло совершенство, в чем горят сердца наша да даст нам в подвигах военных обрѣтающимся помощь всемогущій и всесильный Господь архипастырским вашего всѣсвятѣйшества благословеніем и святѣйшими молитвами, им же и самих себѣ всепокорнѣ полецаем и пренизко раболѣпно за воспріятое благословительное посѣщеніе вашему всесвятѣйшеству много челом бьем. Из табору над рѣчкою Бѣлозеркою маія 8-го року 1689-го.

Подпись руки гетманскія.

Вашего всесвятѣйшества послушник, в Дусѣ святѣм сын и нижайшій слуга Иван Мазепа, гетман Войска царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскаго.

Сіе письмо подадеся маія в 22 день.

Из полков мѣсяца маія в 31 день [23].

№ 24

1689, травня 19. – З обозу
Лист князя Василя Голіцина до патріарха Іоакима

Великому господину святѣйшему патріарху, блаженнѣйшему кир-Іоакиму, московскому и всея Россіи и всѣх сѣверных стран отцу и архипастырю нижеименованный с товарыщи припадая высочайшему святительству твоему, сыновски прося твоего архипастырскаго благословенія челом бьем.

[23] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 16–18.

Честнѣйшему архипастырству твоему к вѣдомости доносим, что по указу пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексіевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, наших всемилостивѣйших государей, идучи на их, великих государей, службу на крымскіе юрты, пошли с рѣчки Калинки на Черную долину маія 14 день, и того же маія в 15 день на урочищѣ Зеленой Дубровѣ притом на наши и гетманскіе полки крымскій хан и калга и нурадын и Ширин-бей и Джеман Саадаков со всѣми крымскими и бѣлогороцкими орды, также и из городков с турецкими войски и с горскими черкесы, которые им голдуют. И был с ними у нас бой со 2-го часа дни по 10-ый час и больши, и милостію всемогущаго в Троицѣ славимаго Бога и за предстательством надежды христіанскія пресвятыя Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Маріи и при молитвах московских и кіевопечерских и всѣх святых при том же великих государей царей и великих князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и всего их государскаго дому счастіем и твоего всеблаженнѣйшаго архипастырства неусыпными молитвами великих государей ратные люди полков наших конные и пѣшіе бились с тѣм поганством мужественно и храбро и побили многих знатных мурз, добрых приводцов и посполитых и языков поимали, которые в разспросѣ сказывали, что побито у них и ранено многое число, а из знатных ранен сам нурадын салтан, да убиты Кантемир Мансуров и иные многіе знатные. И того ж маія 16-го дня с урочища Черной долины пошли мы к крымским юртам, и в 5-м часу дня он же, крымскій хан, с салтаны и со всѣми вышепомянутыми ордами имѣл с нами великіе кровавые бои во весь день. И маія 17-го дня пришли мы на Каланчак, и того же дня хан со всѣми ордами, не хотя нас допустить до Колончаку, имѣл с нами бой же и напуски непрестанные. И того же милостію всесильнаго Бога и предстательством пресвятыя Богородицы и молитвами всѣх святых, а государским счастіем и твоими архипастырскими молитвами их, великих государей, ратные люди их, бусорман, в тѣ дни многих побили и поранили и знамена и лошади и многую рухлядь побрали. А их, великих государей ратных людей всѣх наших полков, также их царских величеств подданнаго обѣих сторон Днѣпра гетмана Ивана Степановича Мазепы регименту его побито и ранено самое малое число конных, а пѣхотные всѣ Божіим храненіем в целости.

И по тѣм вышеписанным многим кровавым боям предав себя и великих государей ратных людей в милосердіе Божіе и в предстательство святыя Богородицы и в молитвы всѣх святых, уповая на непрестанные подвиги великих государей наших купно же и на прилежныя твои архипастырскія и отеческія молитвы пошли с Колончака к Перекопи маія в 19 день.

И при таком нашем твоему святительству доношеніи просим твоего честнѣйшаго архипастырства, да не оскудѣют святыя твои ко Господу Богу и ко пресвятѣй Его Матери молитвы о нас и о всѣх государских ратѣх, им же сыновски прилежно вручаемся и лобзая твои святительскія руки, нижайше припадая, прося твоего архипастырскаго и отеческаго благословенія, челом бьем.

Васка Голицын с товарыщи.

Из обозу за Колончаком от Перекопи за 7 верст маія 19 числа.

Помѣта на пустом листѣ чужою рукой: «сих писем в книгѣ нѣт» [24].

---

[24] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 18–20.

№ 25

1689, червня 1. – З табору
Лист гетьмана Івана Мазепи до патріарха Іоакима

И мѣсяца іюнія в 14-ый день из полков боляр и воевод в царствующій град Москву к царскому пресвѣтлому величеству ко благочестивым государем царем присланы стольники с сеунчем из пяти полков по 4 человѣка, а гетман прислал из своего полка своих казаков. И тѣ казаки подали святѣйшему патріарху в той день лист таковый.

Божіею милостію великому господину святѣйшему и всеблаженнѣйшему кир-Іоакиму, патріарху царствующаго града Москвы и всея Россіи и сѣверных стран отцем отцу и зверхнѣйшему архипастырю, мнѣ, благорачительному наставнику, в Дусѣ святѣм отцу, и многомилостивому благодѣтелеви, под стопы святобливых ног раболѣпно упадаючи, низко челом бью.

По монаршом пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей и великія государыни, их царскаго пресвѣтлаго величества, указу, будучи на их царскаго пресвѣтлаго величества военной службѣ в крымском походѣ, измѣряючи до непріятельских бѣсурманских жилищ, содержалем я от вашего патріаршаго архипастырскаго всесвятѣйшества святое отческое благословеніе ко взысканію в военных случаях на хвалу превеликаго Божія величества и на славу им, великим государем и великой государынѣ, благополучнаго поведенія. За тое убо аз покорственно чрез письмо воздах вашему всесвятѣйшеству пренизкое челобитье. А нынѣ бывши уже под жилищами непріятельскими, под самым Перекопом, и чинячи со тоей службы поворот восвояси, покорственно до вашего всесвятѣйшества отзываюся с нижайшим моим сыновним поклоненіем. При яком случаѣ и о поведеніи войск их царскаго пресвѣтлаго величества с ближним бояриномъ и Большого полку с дворовым воеводою с царственныя большія печати и великих посольских дѣл оберегателем и намѣстником новгородским ясневельможным его милостью князем Василіем Васильевичем Голицыным с товарыщи также и со мною гетману будучих покорнѣ вашему всесвятѣйшеству доношу: же в том працовитом и многотрудном военном походѣ великій от городов малороссійских по уз рѣки Днѣпра пути нашего чинячи протяг пришлисмо на урочище нисшую Каирку о мимо от городков турецких маія 10 день, а с тое Каирки от рѣки Днѣпра маія 14 день рушившися смѣрялисмы чрез поля дикія до Перекопу, а так маія в 15 день в тѣх полях диких близко урочища Зеленой долины непріятели бѣсурманы хан крымскій и калга и нурадын солтаны также и Ширин-бей со всѣми своими крымскими и бѣлогороцкими ордами, маючи при себѣ турецких янчар и черкесскія и ямансагайдацкія орды, перешли нам дорогу, со второго часа дня всчали бой и сильно на войска их царскаго пресвѣтлаго величества набѣгали и напирали до самаго вечера, а войска их царскаго пресвѣтлаго величества помощію Божіей, их царскаго пресвѣтлаго величества счастіем и святыми вашего всесвятѣйшества молитвами храбро и мужественно с ними боем крѣпким ростираючися и многих их побиваючи и ранами разячи пришли на Черную долину и тут при зѣло скудных водах заночевали. С которыя долины маія в 16 день рушившися яко скоро вытягли в поля розныя, так зараз тіи же непріятели, хан и солтаны и вся орды сильным набѣгом наступивши, так натрутливо на обозы на розных мѣстах ударяли, же не

только дробныя мушкетныя стрѣльбы, но и самых арматных пострѣлов не ужасаючися от рогатки отиралися, в якой своей отвазѣ чрез весь день трывали. К вечеру однак валечною войск их царскаго пресвѣтлаго величества рукою отбиты и отгнаны прочь отступили, а войска их царскаго пресвѣтлаго величества также в безводных мѣстѣх заночевали. Маія 17 день войска их царскаго пресвѣтлаго величества с того ночлега рушившися смѣряли к Колончаку, гдѣ воды досягтися желали и там тогда же тіи же непріятели, хан, солтаны и всѣ орды, заступивши перед и окруживши около обозов боронили дальшего войскам великих государей походу и через весь день чинили налоги и напуски, но Божіею всесильною помощью их царскаго пресвѣтлаго величества счастіем и святыми вашего патріаршескаго архипастырства молитвами непобѣдимою войск всероссійских храбростью с поля сбиты и не только за Колончак, але ж за Перекоп загнаны и запужаны. В которых трех днех отправленных боях много их, бѣсурман, побито и переранено и нурадын-солтана ранено, и бейскаго сына значнаго воина забито, о чем доводнѣ языки сказывали. А так всероссійскіе их царскаго пресвѣтлаго величества войска, на Колончак пришедши, на водах любо оскудных два ночлега перестояли, а с Каланчака рушившися пришли под Перекопь маія 20-го дни, гдѣ любо охочи были войска за достоинство их царскаго пресвѣтлаго величества не щадячи кровей своих добывати перекопскаго валу и каменныя крѣпости. Для чего их милость бояре и воеводы и я, гетман, объѣздилисмо вся мѣста, усматриваючи, отколь бы под вал и под стѣну каменную подводити танцы. Однако когда воды и кормов конских в тѣх тѣсных мѣстах, Черным и Гнилым морями стѣсненных, не было, и уже многіе воинскіе люди в той скудости в пререканія найдовалися, теды уважаючи и разсуждаючи, абы за далшею такою скудостію трудности и вредительства войскам не оказалися, мусѣлисмо отступити от Перекопи на Калончак, маючи намѣреніе оттоль искати способов, яко бысмо могли непріятелей до остатка укротити и притиснути, но и на Каланчакѣ не обрѣтши вод дополных, которыми бы так сильныя войска с незличоными стадами конскими довольствовалися, принуждены есмы тѣм недостатком с Каланчака к рѣцѣ Днѣпру чрез безводныя мѣста оттягнути, а хан боем всероссійских войск грозно перестрашенный, за Перекопом запершися, на бой больше в поле не выходил и орд не высылал и, унизивши свою гордость, без жадных аманатов килкокротнѣ присылал Кемал мурзу в обозы, просячи на давних шертех миру, в чем ему отказано для сохраненія мирных с польскою стороною договоров. А любо в том нашем из под Перекопи отходѣ орды бѣлогороцкія под обозы наши ударяли, однак не могучи против их царскаго пресвѣтлаго величества войск постояти, со шкодою своею не уроном были отганяны. Войска тогда всероссійскіе к Днѣпру в цѣлости, хвала Господу Богу, притягнувши, по малу по своим краем поступують. В тых всѣх военных случаях ближній боярин и Большого полку дворовый воевода, царственныя большія печати и государственных великих посольских дѣл оберегатель и намѣстник новгородскій, ясневельможный его милость князь Василій Васильевич Голицын, яко наивышній вождь благоразумный, своим искусством во ополченіи обозов и в строеніи военных чинов к славѣ превеликаго Бога и своих монархов и к пожитку всего христіанства хвалебныя оказал дѣла. О чем вашему архипастырскому всесвятѣйшеству донесши, отдаюся премилостивой милости и святому архипастырскому вашего всесвятѣйшества благословенію.

Дано в таборѣ на Бѣлозерцѣ іюнія 1 дня року 1689-го.

Гетманскою рукою приписано сице:

Вашего архипастырскаго всесвятѣйшества послушный в Дусѣ святѣм сын и нижшій слуга Иван Мазепа гетман Войска их царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскаго [25].

№ 26

1689, червня 12. – Москва Грамота патріарха Іоакима князеві Василю Голіцину та військовому товариству

Іоаким милостію Божіею московскій и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарх.

Возлюбленным во Господѣ нашея мѣрности сыном, царскаго пресвѣтлаго величества боляром и воеводам благородному болярину князю Василію Василіевичу Голицыну с товарыщи и всему воинству, и гетману Іоанну Стефановичу Мазепѣ со всѣм воинством от Господа Бога благодать мир и милость да умножится со архипастырским нашим благословеніем.

Кое благодареніе, каковое хваленіе воздадим пребезначальной вседѣтельнѣй Винѣ, преблагому в тріех ипостасѣх Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу святому, в единствѣ Божества славимому непрестанно, якой Той сотвори нас и вся дѣла и вещи во всем мірѣ, устрояет в полезная всѣм человѣком да на Его презѣльныя милости и на премногія щедроты выше человѣческих смыслов очи наши уповают во всяком обстояніи. Чесого ради православным душам и истинным христіаном царство небесное дати обѣща и вѣчную всерадостную трапезу уготова. Любезнѣ бо призывает: прідите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вам царство от сложенія мира. И паки: прідите, обѣдуйте, се вся суть готова.

Убо за таковая не имамы что рещи, точію буди Ему всезрѣнному и всепремудрому Владыцѣ слава и аллилуіа от всея видимыя и невидимыя твари непрестанно во вѣки. Но донели же в мірѣ сем живем, воинствовати противу трех непріятелей главнѣйших повелѣхомся: си есть против міра, противу тѣла и против діавола, яко же святый апостол Іаков учительствует: повинитеся убо Богу, противитеся же діаволу и бѣжит от вас. Приближитеся Богу и приближится вам.

И человѣческое естество удобнопреломно есть и по писанію прилежно на злая человѣк прилежит из юности его. Чесого ради міра сего страстем и подустителю на злобу проклятому бѣсу немного противимся и очес сердца нашего ко Богу обращаем мало. И Господь Бог всячески нас яко премилосердый и чадолюбивый отец смиряет и страх дает, да к нему обратимся и повинемся Отцу духовом ни в чем надѣющеся будем на себе, но на Бога жива по святому апостолу Павлу. Яко и нынѣшняго времени он, Творец наш, погрози нам божеско тяжкою войною, спасе отеческо милосердіем. Зане и пророк святый царствующій Давид восхотѣ в трех посланных казнях на него и на царство его избрати глад и смерть, а военную с непріятели брань [яко тяжчайша всѣх казней есть] отрече и глагола: «да впаду в руцѣ Господни, яко многи суть щедроты его зѣло, в руцѣ же человѣчи да не впаду». И избра себѣ Давид сам смерть. Ибо не такова жестока рука отцевска, яко непріятельска злая и готова к человѣчу погубленію.

---

[25] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной комиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 20–23.

Нас же аще и таковыя военныя тяжести допусти, но за свою премногую благость помилова люди своя, и не точію вас тамо воинов своих и воинов царскаго пресвѣтлаго величества, но и всѣх нас и все россійскаго царствія самодержавства. Изведе убо в дальнѣйшія страны благочестивое воинство премногіе полки противу христіанских врагов, противу проклятых махометан татарских орд, крымских и бѣлогородских татар, но даде ваше благородіе полкостроителей и воеводителей благоразумных и мужественных и всему воинству за добрым поводительством храбрость и усердіе. Всѣм же вам [яко же наша мѣрность слышахом и извѣстно увѣряемся] Господь Бог даде, ради благочестивыя нашея вѣры и благочестивыя державы пресвѣтлаго величества благочестивѣйших наших великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексіевича и благородныя государыни царевны и великія княжны Софіи Алексіевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и ради своего отечества в военном подвизѣ крѣпость и им, государем царем, вѣрное служеніе. Аще же и в пути таковаго тьмочисленнаго воинства в безводных мѣстѣх и в сухости благорастворенным воздухом и дождевным ліяніем вас, яко Отец чада [аще и помалу] прохлаждаше. Но и в сраженіи бранном и зѣло в нападеніи свирѣпом, не попусти врагом проклятым отнести совершенныя утѣхи. Ибо вашим упованіем на него содѣтеля и на предстательницу и помощницу рода христіанскаго Дѣву Богородицу Марію и взываніем молитвенным всѣх святых Христу угодивших и вашим мужеством и неусыпным радѣніем прогнашася. Аще же они врази благочестивому воинству ухрищеньми и злокозньством діаволим путь попраніем и пожженіем травы во раззореніе их богомерзких жилищ пресѣкоша, но обаче от лица и ввоинившагося сердца вашего избѣгоша. Убо судом Божіим имут и впредь ради богомерзких дѣл их побѣдитися. И яко вашему благородію, вѣрным служителем царскаго пресвѣтлаго величества и искусным ратоборцам всѣм благочестивым людем воеводам и воинам из таковыя дальнія и с множеством таковым воинства непроходимыя страны [яко не токмо мало слышится, но и в лѣтописных книгах обрѣтается мало, кто бы во оную дальнюю и претрудную безводіем и кормом страну на оных врагов ходил во ополченіи, вы же благосердни, яко раби Христовы и служители истинны и христіанскаго благочестія оберегатели, поидосте и брастеся со оными злобожники татары неуклонно] и с непріятели бывшим в кровавых боях и от их зѣльнаго нападенія спасшимся благоволи Господь Бог уже в державу царскаго величества благочестивых наших царей во украинные грады возвратитися. Презѣлно есмы Господеви Богу благодарни. И желает мѣрность наша всеусердно пріити вам в домы ваша мирно и спасенно и получить милость и жалованье от благочестивѣйших и самодержавнѣйших великих государей наших царей и жительствовати в законѣ Господни блаженно, преспѣяніем добрых дѣл, водящеся к небеснѣй жизни. Престати же благочестивым людем подобает всякія неправды, лжи и зависти богомерзких дѣл, враждовательныя друг на друга злобы, обиды же и хищенія, нечистоты и сквернословія, объяденія и пагубнаго и во всякое зло приводящаго пьянства и возносливаго киченія, да никогда прогнѣвается Господь. Понеже вы воини Божіи, христіане благословеннии, тамо в военнѣй нуждѣ страдасте нынѣ, все же государство и сами діадиму и вѣнец носящіи благочестивіи наши цари, такожде и наша мѣрность со всѣм народом в велией скорби душею и тѣлом быхом по вас. За наши же грѣхи и неосмотрительство в чем пребываем пред сотворшим нас Богом и еще жженіем огня посѣщени есмы здѣ, ибо велій

пожар бысть в царствующем градѣ Москвѣ, сего мѣсяца іунія в 17 день и многое множество домов погорѣ. К сему сухость велія и бездождіе землю обдержит.

Сего ради лѣпотно всякой души во всяком обстояніи глаголати со псалмопѣвцем «спасеніе есть всѣм от Господа, и Защититель им есть во имя скорби». Аще бо он творит наказаніе, то за грѣхи людскія. Тѣм же терпящим и обращающимся к Нему, яко сыном обрѣтается Бог, аще же кое благо нам дарствит и в чесом славу и помощь сотворит, то не ради правды человѣческія ниже ради преподобія сердца его или подвига какова и добродѣтели, но ради Своего всемощнаго господства и премногія благости, зане по пророку Исаіи: правда человѣча, яко руб поверженный. милость же и щедроты Господни благодатнѣ ліются человѣком без дѣла, туне.

Тѣм же на все сіе глаголаніе наше книги 5 Моисеовы втораго закона всѣм нам сице вопіют и поучают: И сего ради да разумѣеши сердцем твоим (о новый Израилю) яко кто человѣк накажет сына своего, тако Господь Бог твой наказует тя. И да снадбдиши заповѣди Господа Бога твоего ходити в пути его и боятися Его, и да научиши сего сыны твоя и внуки твоя. Еже боятися Господа и ходити в путех заповѣданных непорочно и спасется от всякія напасти и возвеселитеся на земли во благословеніи, посем наслѣдите в небесѣх вѣчную жизнь. И сим образом и мы поживом лѣта благополучна и многа аще в заповѣданных пребудем, и приложатся нам некончаемаго живота лѣта во прекрасном горнѣм Іерусалимѣ со всѣми святыми. Сего исполненія наша мѣрность всѣм вам воином Божіим и благочестивым и всему христіанству бывшему в полках усердствующе, наше архипастырское благословеніе даем.

Убіенным же и умершим в полковом нынѣ служеніи людем Господним, кающимся и каявшимся грѣхов своих просившим и просящим оным рѣшенія, жалѣвшим за грѣхи своя и нынѣ жалѣющим от благодати пресвятаго, животворящаго Духа властію нам данною разрѣшеніе подаем и прощеніе. И поминаются оных души во святѣй соборнѣй велицѣй Церкви и повсюду во благочестивом собраніи молитвы творятся о них. Имже блаженнаго упокоенія и наслѣдія небеснаго царствія и зрѣнія лица Божія желательны есмы. Такожде и плѣненным от врагов всѣм людем совершенныя свободы есмы усердны непрестанно. И всѣм буди милость и щедрота Спасителя нашего пресладчайшаго Іисуса Христа и предстательство Дѣвы пресвятыя Богородицы и всѣх святых молитвы со всѣми вами нынѣ и присно и во вѣки, аминь.

Писася в царствующем великом градѣ Москвѣ міроздания 7197 лѣта, от спасительнаго же воплощенія 1689-го, индиктіона 19-го, мѣсяца іюнія 12-го дня.

А особых наших грамот в сем належащем дѣлѣ к боляром и воеводам и к гетману писати было некогда, еще-же немощію наша мѣрность обстоима бѣ. Сего ради извѣстіе творим [26].

№ 27

1689, лютий–липень
Зі щоденника Патрика Гордона

1689

...12-го лютого, у п'ятницю помер боярин князь Микита Іванович Одоєвський.

Гордон прибув до боярина, попрощався з ним і о другій годині пішов додому; о третій годині вирушив у дорогу у супроводі польського резидента. Цього ж дня він прибув до Семенівського (7 верст), звідки написав листа своїй дружині.

[26] Публікація Л. Савелова // Известия Таврической ученой архивной коммиссии (год двадцать первый). – Симферополь, 1907. – № 40. – С. 23–27.

13-го він прибув до Дешонки, де пообідав і написав дружині. На ніч він залишився у Пахрі (10 верст), звідти також писав дружині.

14-го в обід він зупинився у Спасово (25 верст), де також писав дружині; 15-го він обідав у Вощиній Слободі (20 верст) і переночував у Недільній (13 верст).

16-го він зупинився на обід у Гур'єві (20 верст), звідти прибув до Калуги і залишився на ніч у якомусь селі, за три версти звідти. Тут він відправив з оказією приказчика Івана Фадєєва листа дружині, якого написав у Спасові і Вощиній Слободі.

17-го він прибув до Премисля (20 верст), перейшов через річку Сістра (Остер) біля Волхонеза і залишився на ніч в Колосові, першому селі Дубинського воєводства (20 верст).

19-го зупинився на обід у Дудерові (15 верст), дворянському селі. В Арині, за 10 верст звідти, знайшов на ніч хорошу квартиру; там він переправився через річку Нешота, за три версти звідти. Ця річка починається за 20 верст від Хвастовичів і впадає в Сістру, за 20 верст від Колосова.

20-го, серед ночі, він відправився [далі], добре пообідав у Милєві (20 верст), погодував коней у Хвастовичах, звідки вирушив увечері в дорогу. Опівночі він випустив коней на пасовисько біля річки Нешота (15 верст), перейшов вранці, о 7-й годині, через неї і дійшов до Кумачева (25 верст).

21-го він залишився на ніч у Нешоті (Neczita) (22 верст).

22-го, рано-вранці, він продовжив свій похід, зупинився на обід у Бобрику, другому селі Комарицького воєводства (30 верст), і розквартирувався на ніч у Любачові (25 верст), потім перейшов біля Локета (Loket) через річку Неруса.

23-го опівночі він вирушив далі і дійшов на світанку до Севська, перейшов через річки Асосо (Соша) і Сев (35 верст), пообідав у боярина; одержав 6 возів сіна і 3-х поштових коней.

24-го він обідав у полковника Гамільтона і привів у порядок свої справи.

25-го написав своїй дружині і капітану Грауфюрду до Києва; потім відбув далі і залишився на ніч в Погребках (Pogreby) (10 маленьких верст).

26-го він затримався у Подолі на ніч (20 верст). Звідти написав листи боярину Івану Федоровичу Волинському і полковнику Гамільтону.

27-го він прибув до Рильська, що на річці Сейм (Sem), де трохи відпочив і звідти пішов до Пушкарської Слободи (10 великих верст), там зупинився на обід у полковника Барова. На ніч залишився у Кореневі (5 верст) [селі], яке розташоване за 15 верст від Рильська і за 30 від Сум. Тут тече невеличка річка Крепна, яка впадає за півмилі звідти у Сейм.

28-го він продовжив похід далі і зупинився на обід у Кульбакіні (12 верст). Звідти пройшов шлях у 10 повних верст рівним полем до якогось села, що на річці Вільшанка.

1-го березня він пішов на Суми (8-10 верст), неподалік від річки Ворскла і після цього побував з візитом у окольничого; далі пройшов одну повну милю звідти до своїх полків, які знаходилися у низькій місцевості біля Сироватки.

2-го, дуже вітряного дня, він їздив до Сум і повернувся назад.

Написав своїй дружині, П. Давиду, панам Вініусу, Вольфу, своїм дітям – Катерині, Марії, Теодору і невістці, і відправив усе з ординарцем полковника Чапліна.

3-го він відправив 85 солдат і 10 робітників за лісом, виготовити для 810 іспанських вершників 280 пік, 100 возів, 18 основ для лафетів, 46 пар оглобель, 100 лопат і заступів.

4-го він муштрував полки і уточнив кількість офіцерів: 4 майори, 11 капітанів, 22 лейтенанти, 28 – від московських полків; далі: 31 сержант, 41 каптенармус, 57 капралів, 51 музикант, 572 солдати, всього – 752 чоловіки, із Магіського воєводства – 177, даточних – 125, загалом – 302 чоловіки, а від цих трьох військ загалом – 1054 чоловіки; тамбовські війська налічували 1984 [чоловіки], а увесь корпус – 3038 чоловік.

Прибув полковник Лефорт.

Род. (Родіон Матвійович Стрешнєв) їздив до боярина.

Гордон написав генерал-лейтенанту, графу фон Грахаму, полковнику Лівінгстону і майору Менезесу.

5-го Гордон відправив під охороною 3504 чоловік, 5 возів із своїм багажем до Охтирки, разом із 12 підводами амуніції і 5 [возами], що належали його зятю.

Прибув майор Менезес. Того ж дня Гордон написав йому й охтирському воєводі Юрію Родіоновичу Українцеву з приводу квартири.

6-го, серед ночі, прибули граф (фон Грахам) і полковник Лівінгстон, а вранці вони разом із Гордоном їздили до Сум. Приблизно за півмилі від міста зустріли боярина, який дуже тепло прийняв їх. Вони пообідали у місті тим, що привезли з собою. І, оскільки боярин не бажав говорити ні про які справи, Гордон повернувся назад до квартири.

7-го стольник Теодор Матвійович Пушкін прибув із Москви з наказом про те, що треба якомога швидше поспішати, щоб прибути до місця збору.

Коли боярин зібрав у себе усіх своїх товаришів та офіцерів різних рангів, то стольник надав за звичайною церемонією свої доручення. Боярин і поважні особи обідали у окольничого Бенедикта Андрійовича Свєєва.

8-го Гордон з'їздив до Сум і говорив з боярином про різні справи, які стосувались його полків.

Стольник гостював у боярина і одержав від нього та інших подарунки.

9-го Гордон подав списки своїх полків; в них значилося: 51 сержант, 41 каптенармусів і майорів, 59 капралів, 51 музикант, усього – 374 чоловіки; із Магіського воєводства – 177; даточних – 130; тамбовських – 2003 чоловіки.

План-проспект наступного походу

1. Кожного четвертого дня походу, в якому доцільно здійснювати тривалі переходи, відпочивати, а вже від Самари, на найбільш зручних місцях на пасовищах біля річок і в місцях, розташованих ближче до Дніпра, кожне з цих [місць] займати по декілька сот чоловік із однією або двома гарматами, які у несподіваних випадках будуть дуже корисні.

а) Серед населення поширювати чутки про те, що увесь цей [лівий] берег Дніпра зайнятий військами їх величностей.

б) Великий страх у ворогів буде викликати, якщо вони бачитимуть багато укріплених таборів і якомога більше військ.

в) Це буде викликати задоволення у союзників і відповідати трактату з Польщею; це дасть змогу якнайскоріше переконатися, що усі місця по Дніпру перекриті для татар.

г) Стрімкому наступу сприятиме, якщо хворих залишати в тилу, так само багаж та інші непотрібні речі.

д) У випадку відступу вони слугуватимуть армії, якщо вона знатиме, що у неї є чимало місць, куди вона може повернутися, де зможе відновити сили і відпочити.

е) Ці групи, які залишаться [в тилу] в період наступу, заготовлятимуть сіно і дрова, копатимуть колодязі для того, щоб армія при поверненні могла поповнити усе, що розбито і пошкоджено.

є) Цей похід організувати так, щоб, окрім редутів і пристосованих місць, передбачалися б фортеці, аби у разі сильного нападу можна було туди відступити.

2. Потрібно, щоб армія мала при собі хоча б небагато мортир і гармат, які стріляють 6–8 фунтовими ядрами на той випадок, якщо необхідно буде влаштувати обстріл ворожих укріплень.

3. Необхідно везти с собою човни, щоб переправляти війська, а також широкі підводи для перевезення легких гармат, на які можна поставити бруствери на випадок, якщо ворог наступатиме.

4. Необхідно, щоб були підготовлені декілька мостів, які можна складати, 4–5 кроків у довжину і один або трохи більше – шириною.

5. Також декілька добре оброблених і міцних штурмових драбин 3–4 кроків довжиною.

6. Оскільки шляхом захвату Аслана-Кірмена вниз по Дніпру відкривається вільний прохід до них, то було б доцільно, проходячи біля цих місць, їх захопити і зайняти військами.

7. Було б доцільним також із міркувань вигоди ці місця віддати, щоб ворог міг пограбувати сільські місцевості на цьому березі Дніпра.

8. Необхідно при кожному полку мати міцних гренадерів, які б могли кидати ручні гранати, слід відбірати для цього спритних хлопців і солдатів.

9. Необхідно мати в повній готовності артилерію і особливо легкі двоколки для того, щоб можна було швидко возити усе необхідне.

10. Слід спробувати, чи не можна стріляти із гармат ручними гранатами.

* * *

10-го, після того, як армія боярина Олексія Семеновича (Шеїна) одержала наказ йти маршем на Рублевку, частина її вирушила того ж дня на світанку.

11-го Гордон розподілив свої полки і дав кожному полковнику 1001 тамбовського і 21 московського солдат. Він поділив також перший полк, якого укріпив на час компанії 1032 чоловіками.

Полковник Йоганн Зуліц розташувався біля Гордона.

12-го Гордон нарисав листа в Охтирку і відправив 50 чоловік охороняти амуніцію і 4 робітників заготовити 40 підвід [дров] у лісі поблизу Олешні.

Того ж дня відправив солдат до Сум одержати там провіант і дав їм з собою рахункову книгу. Натомість солдати повернулися без провіанту, тому що постачальники віддали його стрільцям.

13-го він написав листа своїй дружині, панам Вініусу і Гуасконі і відправив їх на адресу пана Термонда.

Він їздив до Сум і одержав наказ у п'ятницю вирушати у похід. Солдати очікували провіант, однак не змогли його одержати, бо їх випередили інші.

14-го Гордон склав порядок маршу і відправив офіцера з квартирмейстером до Олешні забезпечити квартири.

Вночі із Сум доставили частину провіанту.

15-го Гордон на світанку вирушив у похід дуже рівною хорошою дорогою, зупинився у лісі на обід і пішов на Тростянець (5 добрих миль); він прийшов трохи далі і зупинився на ніч в Білках, невеликому містечку.

16-го він відправив 5 возів сіна і тонну пива в Охтирку, яку доставили туди якраз до вечірньої зорі, оскільки відстань була 5 миль. Рано-вранці він вирушив далі і пройшов з великими труднощами 2 милі через велику кількість підвід і вузький шлях в Олешні.

17-го він відправив приблизно 400 коней і підвід до Сум і Сироватки за провіантом.

Прибула решта від першого і третього Гордонових полків.

18-го було дано наказ зробити для кожного взводу по 3 іспанські піки, кожна 4 аршини в довжину, а для кожного іншого полку приготувати 15 підвід.

19-го Гордон їздив до Ахтирки. Боярин прибув туди, однак до наступного дня не хотів нічого й чути про справи. Гордон залишився тут на ніч і написав дружині листа із Олешні, датований 20-м числом.

20-го він одержав усе, що вимагав, необхідні накази і ордери про негайний виступ. Він повернувся назад до Олешні і розпорядився забезпечити солдатів провіантом і грошима.

21-го він не зміг, як було задумано, виступити у похід через погану погоду, і тому розпорядився розподілити провіант серед тих, хто ще не одержав, і виплатити гроші тамбовським, магіським і даточним полкам.

22-го був прекрасний день і він вирушив [у похід]; з великими труднощами перейшов через річку Ігрунья (1,5 милі) і залишився на ніч в Ігруньї, невеличкому розпорошеному містечку з фортецею, вал і дерев'яні укріплення якого зовсім розвалилися.

23-го, дощового дня, він продовжив марш і пройшов із великими труднощами через річку одразу за містом і направився до Кузкеміна, другого поганого містечка, де був міст через Ворсклу, яким Гордон хотів перейти річку, однак його зруйнувало в період розливу, тому вони змушені були зупинитися тут на ніч.

24-го у неділю Гордон відправив майора Палмера з листом до боярина й окольничого і до майорів з тим, щоб вони повідомили, чому змушені були зупинитися. Капітана Ронера він відправив до гетьмана і запросив дати наказ старостам міст, аби вони допомогли йому після обіду перейти річку. Він розпорядився зібрати докупи увесь транспорт і поставити його під охорону.

Увечері він був у стольника Василя Семеновича Талочанова, який побував у боярина і гетьмана і доставив їм наказ поспішати.

25-го Гордон розпорядився підремонтувати транспорт, але через великий криголам через річку нічого не можна було переправити. Однак увечері стольник переправився.

Він одержав список від третього полку, щоб одержати платню на час походу. Сержант отримував на день 9 деньгі, каптенармус на місяць – 1 р[убель] 10 алтин, чотирьом капітанам щодня – 8 деньгі, двом капралам кожному – 8 деньгі на день; 277 старих солдат, 695 новобранців, 11 самарських – відсутні, усього: 995 чоловік.

26-го вода піднялась настільки і крига пішла так сильно, що переправитись було неможливо.

27-го річка була чистою від льоду. Гордон одержав 8 човнів. Спочатку він зробив усе, щоб якомога швидше переправити війська. Увечері він дізнався, що затонули два нових човни і відправив [солдат] знайти їх.

28-го він переправив через річку більше половини полків.

29-го було переведено через річку останні ескадрони обох перших полків.

Гордон відправив [людей] угору і вниз по течії для того, щоб знайти і облаштувати місця, де можна було б переправити коней.

30-го, серед ночі, не можна було нічого перевезти через річку через сильний вітер, – ні великі, ні малі підводи не могли пройти. Це тривало до вечора, а тому цілу ніч продовжувалася переправа.

Цього ж дня Гордон написав і відправив з оказією пана Термонда листа своїй дружині.

31-го, на Великдень, відпочивали під час Божої служби й обіду, однак невдовзі після цього переправляли підводи на великих і малих човнах.

В Олешні було видано місячне жалування 752 [чоловікам] московських і 177 магіських військ, 142 даточним; прибули 1974 тамбовських солдатів, а після цього ще 10 московських і 91 даточний.

1-го квітня Гордон розпорядився надати третьому полку транспорт, а увечері він сам із знаменами пішов до річки.

2-го він розпорядився переправити коней.

3-го вранці прибув Григорій Іванович Косагов з письмовим наказом поспішати.

Гордон пішов через Котельву (0,5 м [илі]) і залишився на ніч у дубовому лісі на охтирському шляху, приблизно за 2 милі від Котельви.

4-го він пішов маршем на Красний Кут (0,5 милі) і пройшов мостом через річку Мерла; розташувався зі своїми військами перед табором. Увечері він вечеряв у боярина.

Він подав список офіцерів і солдат до приказу. В ньому значилося: 2 полковники, 4 майори, 14 капітанів, 26 лейтенантів, 34 прапорщики, 31 сержант, 41 каптенармус, 59 каптенармусів, 51 музикант, 577 московських солдатів, 177 магіських, 139 даточних і 1977 тамбовських солдат.

5-го Гордон обідав у графа фон Грахама; увечері він одержав листа від пана Вініуса із Москви від 25 березня.

Кількість підвід у всіх трьох полках з амуніцією й офіцерськими підводами, поданих до списку, загалом налічувала 1143.

6-го прибула більша частина Гордонових солдатів, які ще досі відставали; він відправив за сіном, але нічого не одержав.

8-го він пройшов приблизно 1,5 милі, або 6 верст, і залишився на ніч біля річечки Грузкий.

9-го він пройшов приблизно 3 милі (11 дорожних верст) до річки Коломак і розташувався приблизно там, де був два роки тому.

Гордон написав листа своїй дружині і пану Вініусу з оказією Ф. Дівуфа, таким же чином [відправив листа] полковнику Скотту.

10-го вони перейшли трьома мостами через річку Коломак (2,5 версти), спочатку авангард і важка артилерія, а потім фланги.

Татарин, якого доставили від гетьмана, повідомив, що татари чекатимуть росіян біля Самари і, якщо вони зможуть перекрити їм вхід до Криму, то вони хотіли

б піти у контрнаступ і напасти на Росію. Він також сказав, що поляки з татарами дотримуються трактату.

Розподілили коней серед полків, від Олешні – 208, від Москви – 18, куплених – 18, від Охтирки – 10 і 40 волів, усього – 279 голів.

7-го травня Гордон написав своїй дружині і відправив з оказією Ф. Дівуфа.

Днем раніше він запросив список московських солдатів, там значилося: 31 сержант, 40 каптенармусів, 59 капралів, 50 музикантів, 576 солдат, усього 747 чоловік.

Вирушили дуже рано і пройшли, переважно у південно-західному напрямку [17 дорожніх верст]. Влаштували табір поблизу Білозерська, де була трава і вода, однак не було дров.

8-го відпочили приблизно до обіду і пройшли потім 13 дорожніх верст до річки Рогачик.

Вранці відбулася нарада усіх генеральних осіб, полковників і ротмистрів від придворних персон про те, як у наступі, що передбачається, слід визначити бойовий порядок і як битися.

9-го, на день Вознесіння і день св. Миколи, армія відпочивала. Усі бояри зі своїми товаришами і гетьманом зібралися разом. Радилися, який шлях слід обрати: довгий по Дніпру до турецької фортеці Керікермен або прямий шлях на Крим. Вирішили обрати останній, тому що він ближчий, хоча й не зовсім зручний. Бояри і гетьман обідали у Олексія Семеновича Шеїна.

У цій місцевості була трава і вода, але не було дров.

10-го армія перейшла через річку Рогачик; за день перед цим через неї було прокладено міст. Після того, як пройшли приблизно 20 дорожніх верст, відпочивали три години; потім пройшли 7,5 версти далі і розташувалися на березі Дніпра, де було достатньо дров, трави і води. Тут забезпечили себе кілками і хмизом для шанцевих знарядь.

11-го після обіду перейшли через перший рукав річки Каїр, назва якої походить від мечеті Каїр, де зовсім нема води. Тут ішли дві або навіть більше годин через вузький прохід. Після цього подолали приблизно 7 дорожніх верст, розташувалися біля гетьмана, поблизу Дніпра, де можна було дістати дрова, траву і воду.

12-го був день відпочинку. Очікували човни, які робили в Самарі. І як тільки надвечір їх доставили сюди, було відправлено кур'єра до Москви.

Гордон написав листа дружині і відправив його з оказією Андрія Лізлова, а також передав відповідно до наказу план про те, як розгорнути у військовий порядок лівий фланг і як слід битися.

13-го, вранці, армія рушила далі і, маневруючи, з великими труднощами, долаючи ущелини, просувалася переважно у південно-західному напрямку, нарешті перейшла через останній рукав Каїра і розташувалася поблизу Дніпра.

Гордон подав список на місячну платню за травень; у ньому значилося: 157 чоловік із Магіського воєводства, 162 даточних, від тамбовських полків: 3 сержанти, 3 каптенармуси, 8 капралів, 4 дворян, 1759 солдатів і 29 самарських, відсутніх (нічиїх), усього: 1836 чоловік.

Тут знайшлися високі дерева, трава і вода, щоправда, на деякій відстані.

Увечері було відправлено загін із 2000 чоловік до Аслан-Кірмена, який знаходився на відстані близько 2 миль від табору. Другий загін з 60 вершників було відправлено наліво на розвідку. Татари в Аслан-Кірмені спалили усі будинки, крім замку.

14-го йшли у південно-західному напрямку, потім на південь рівним полем. О 8-й годині одержали фальшиве повідомлення про наближення татар, чим були сильно збентежені. Загін, що був відправлений в Аслан-Кірмен, повернувся назад, нічого не дізнавшись; вони не наближались до замка ближче, ніж на 1,5 версти; крім того, повідомили, що бачили великий загін татар, який за 2 милі від армії йшов до Перекопа.

Вони пройшли 8 дорожніх верст, після чого зупинилися на дві години. Далі приблизно 4 версти пройшли дуже зеленою долиною, шириною від 5 до 6 миль, де вони знайшли вдосталь трави і води. Тут розбили свій табір.

Полонений татарин, якого цього ж дня привели сюди, розповів, що хан днем раніше прибув і стоїть зараз біля Каленчака, його армія розбила табір в Чорній долині, крім того, 4000 білогородських татар прибули разом із ханом.

15-го вони виступили о 7-й годині ранку. Татари почали показуватися справа. Боярин Олексій Семенович Шеїн повідомив про це. І, коли вони наблизилися до армії, з декількох гармат дали залп; після цього виступили кавалерія і війська і змішалися з ворогом у битві. З обох сторін були вбиті й поранені, а росіяни захопили декількох у полон. Коли росіяни здійснили ще один наступ, ворог галопом поспішив до Казикермена. Росіяни витіснили його за Чорну долину, де вони знайшли достатньо хорошої трави і води, якби тільки не було натовпу, безладу і непослуху. Пройшли цього дня 10 дорожніх верст переважно у південно-західному і південному напрямках.

25 травня. Незважаючи на вечір, люди і коні із задоволенням, як і очікувалось, добре накупалися. Однак наступного ранку кожен скаржився, що йому цього замало. Тому залишилися стояти тут до обіду. Після цього пішли далі від Дніпра. Татари з'явилися в більшій кількості, ніж раніше. Вони ж випалили навколо траву і тому шлях через сильний пісок був дуже важкий; люди і коні знесилились, а надії на те, що до ночі зустрінуть воду, не було, отож чимало хто занепав духом і не міг йти. До того ж поширилися чутки, що хан особисто зі своєю раттю наблизився і має намір напасти на російську армію. Незважаючи на це, армія спокійно чітким строєм пішла далі і була мало потурбована татарами. Пристрелили стомлених коней, які не могли йти швидко; усі занепали, оскільки татари, як і передбачалося, відходили від армії. Пройшли 4,5 версти і зупинилися на ніч у піщаній пустельній незручній місцевості, де не було дров, трави, хліба, хоча попереду повинно було бути декілька джерел або колодязів.

26-го армія вирушила рано-вранці і йшла у північно-західному напрямку. Оскільки степ у багатьох місцях, особливо справа і попереду, був у полум'ї, і татари постійно супроводжували армію, не наближаючись однак для нападу, то після того, як пройшли 6 верст, зробили привал для обіду, однак там, де не було дров і води. Після обіду пройшли 5 верст таким чином, що ар'єргард став напроти турецької фортеці Аслан Кірмен. Деякі повністю екіпіровані й озброєні турки вийшли з неї для того, щоб вступити у сутичку з росіянами, однак вони не змогли піти далі, оскільки гармати могли досягти фортеці. Від російської кавалерії дехто теж наблизився до ворога, однак по них почали стріляти з фортеці із гармат, фортеця мала чотири невеликі вежі, з яких мали обстрілювати вал, і одну мечеть. Надійшли відомості, що у фортеці в облозі знаходяться 400 турків. З іншого боку, трохи далі вниз на річці виднівся Казикермен, де було 1200 турків, якими командував один бей. Виднілося

також два, один менше іншого, укріплених замки на острові Таван. Усе це було під командою бея Казикермена, інші командувачі військ були підпорядковані йому. Казикермен розташований на плато, на верхівці гори, або, точніше, на скелі, понад річкою; внизу, на річці, знаходилася велика постова будівля, забезпечена усім необхідним для захисту; крім того, решта фортів утримувалась відповідним чином. Вони добре охоронялись, тому ніхто не міг підійти непоміченим з боку річки, через що запорозькі козаки були настільки блоковані, що день від дня показувались мало і починали наступ тільки тоді, коли дозволяли обставини.

До місць із водою російська армія пройшла через вузьку ущелину.

27-го дано наказ, щоб 400 кращих кавалеристів із росіян і козаків у низинах на березі Дніпра чатували на татар, які слідують за армією. Вони зайняли свої пости, і армія йшла далі, очікуючи, що дізнаються щось суттєве. Як тільки турки з другого боку річки помітили російську кавалерію, вони, як можна було здогадатись, швидко передали своїм повідомлення; або, можливо, це був несподіваний для них наступ росіян, який усе зіпсував; тому вони повернулися назад до армії, забрали з собою лише одного полоненого.

Відтепер армія просунулася набагато вперед; пройшовши 5 верст, влаштували, як зазвичай, на три години перепочинок. Після обіду було видно зовсім небагато татар. Після того, як пройшли 6 верст, заночували. Воду брали з Дніпра.

28-го армія рушила, як звичайно, вранці. Після чотирьох годин походу відкрився прекрасний вид на Казикермен. Цього ранку татари вбили одного росіянина, іншого взяли в полон, третій утік перед полком Гордона.

Після того, як армія пройшла 9 верст, відпочили і влаштували обід. Після обіду пройшли ще 6 верст, подолали ущелину до рукава Каїра і залишилися на ніч там, неподалік від мечеті Каїра. Того ж дня, після обіду, не видно було жодного татарина. Воду брали прямо з Дніпра.

29-го пройшли повз мечеть Каїра і залишилися там на ніч, після того пройшли 2 версти. Тут знаходилася мечеть, в якій молилися мухетдіни.

Зробили привал; куюнчук, або передавач, доставив приємні новини, а після цього було призначено по чотири [представники] від кожного боярина для того, щоб підготувати їх для поїздки.

13-го червня армія займалась переправою через річку. О 8-й годині прибули козаки і калмики, вони доставили трьох татар і один прапор. Вони [татари] повідомили, що їх, 200 чоловік з 2-ма Fahnen від хана, відправили провести рекогносцировку місцевості біля Самари і зібрати відомості про пересування росіян. Після обіду боярин перейшов через річку, а також обидва фланги з ар'єргардом (2,5 в[ерсти]). Вони пройшли 2 версти від моста і розбили татар.

14-го бояри відправилися у новозбудоване місто Богородицьке, відвідали Божу службу й обідали у заступника голови міста, після чого повернулися назад. Деякі козаки і калмики, що втекли від переслідувань татар, доставили боярину ще один прапор і розповіли, що вони знайшли двох піших татар з цим прапором і, оскільки ті не хотіли його віддавати, то їх вбили.

Ординарець Гордона Шарль втік звідси, забравши гроші та інші речі.

15-го армія рушила далі. Боярин Іван Федорович Волинський прибув сюди і для своєї армії облаштував біля Вільного Броду вільне укріплене місце, де буде побудовано форт, для будівництва якого він нарешті одержав інженера. Армія

розташувалася біля річечки Кільчин, після того, як вони пройшли 10 верст. Увечері прибув полковник Глуховський, якого було послано від короля Польщі і воєводи, для того, щоб бути резидентом в російському таборі на час походу.

Гордон написав листа дружині і відправив з оказією Федора Самсоновича Бутурліна.

Він відійшов від свого посту, вивів ар'єргард і повернувся на свій перший пост на лівий фланг.

16-го армія пішла вздовж річки Кільчин і залишилася на ніч після того, як пройшла 11 верст.

17-го перебралися через вищеназвану річку і розбили татар на річці Орел після того, як пройшли 14 верст.

18-го частина армії перейшла через річку (Орел), а наступного дня – решта військ.

Розташувалися у низькій місцевості, після того, як пройшли 4 версти.

20-го був день відпочинку.

21-го пройшли 11 верст і розташувалися на річці Орлик.

Цього ж дня Гордон написав листа своїй дружині.

23-го пройшли 10 верст до річки Коломак. Боярин обідав у гетьмана.

Цього дня Гордон дав команду полкам лівого флангу підготувати два мости. Одержали повідомлення, що коюнчук прибув до Москви.

24-го армія перейшла через річку Коломак і розбила табір на полі (2,5 версти).

Гетьман відбув із армії до своєї країни, частину шляху його супроводжував боярин.

25-го відбув польський резидент полковник Глуховський, після того, як він виконав свою місію і одержав [відповідного] листа; він отримав у подарунок 30 р[ублів] грошей і 5 пар соболів вартістю від 30 до 40 р[ублів].

Армія пройшла після цього 12 верст і зупинилася на обід у степу, не знайшовши води. Розташувалися вагенбургом по колу на річці Мерла, дещо нижче від міста Красний Кут. Вночі прибув стольник Андрій Лізлов і повідомив, що окольничий Іван Савич Нарбеков прибув до Охтирки.

27-го, увечері, Іван Савич прибув до армії.

27-го усі (генералітет і офіцери), згідно з наказом, прибули до царського намету; гармати були виведені, а піхота утворила коло посередині невеличкого вагенбурга. Із споруджених тут підмостків було зачитано царське послання. У ньому було повторено те, що було написано коюнчуком; решта була викладена добре і навіть з перебільшенням. Армія одержала подяку за службу. Крім того, бояр від імені царів питали про самопочуття, хвалили за службу. Про те саме питали й усіх інших відповідно до рангу. Після цього було зачитано ще одне царське послання про розпуск армії. Як тільки це відбулося, усі поважні персони, яких було запрошено на обід, направилися до царського намету. Коли тости виголошувалися за здоров'я їх величностей, палили із гармат, а піхота давала залпи, які повторювалися декілька разів.

Звідси більша частина дворян і кавалерія вирушили далі; полкова піхота оточила вагенбург, який організував Гордон; увечері він пояснив генералісимусу, для чого це зроблено.

29-го, в день апостолів Петра і Павла, бояри з рештою інших поважних осіб зробили привал і влаштували обід. Незважаючи на те, що це був день іменин молодшого царя, ніяких особливих святкувань не відбулося.

Полкова піхота вранці вирушила в дорогу. Гордон попрощався з боярами, відпустив Тамбовський полк і пішов потім через болото і річку тим шляхом, який він розпорядився своєму полку підготувати напередодні.

Коли був на півдорозі від Охтирки, влаштував обід, поблизу була хороша вода. Після обіду він відірвався від полку, який разом з артилерією залишив під командуванням майора Менезеса і взяв із собою 100 солдат і декількох офіцерів, серед яких полковники Лівінгстон і Лефорт і ще декілька разом із лютеранським пастором Юнге. На ніч вони залишилися біля Охтирки, де була погана трава і зовсім не було дров. Цього дня вони пройшли 4 повні милі, або 20 звичайних верст.

30-го Гордон прибув до Охтирки і після того, як придбав усе необхідне, пішов через верхню частину міста поблизу млина на Ворсклі. Він зупинився у лісі, неподалік Тростянця, і пішов через ту місцевість, яка тоді називалась Івангород, або Іванополь, а далі через місто Білки (Білики) і Микитівку, що належали охтирському полковнику, який мав тут будинок. Звідти він пішов на Сайдачний шлях, або тракт, де залишився на ніч. Води тут не було зовсім.

1-го липня Гордон вирушив рано, зупинився на обід біля Нижньої Сироватки і був там, поки не перейшли річку Псел, і пішов до Сум, які знаходилися за 8 миль від Охтирки. Тут він купив усе необхідне, перейшов через річечку Сумка, попрямував на село Олешкіно і залишився на ніч [...].

2-го він перейшов через степ, точніше, через необроблену рівнину, до села Колубокін, де зупинився на обід. Потім перейшов через струмки Ізногаста і Кропива і залишився на ніч у лісі, де знайшов усе необхідне.

3-го він продовжив подорож у напрямку до річки Сейм, сам перейшов через Верхній брід; його багаж помилково відправили іншим шляхом на Рильськ, який знаходився за 60 верст від Сум. Приблизно 5 верст далі, на другому боці річки Риль, він зупинився на обід і розбив нічний табір за шість верст звідти. Цього ж дня вони пройшли через помилку тільки 20 верст.

4-го він пройшов 20 верст і зупинився на обід. На ніч він залишився в Окопі (20 верст).

5-го, вранці, він підійшов до міста Севськ і розташувався на його околиці. Зробив візит до воєводи, а потім до вдови полковника Гамільтона.

6-го був день відпочинку.

7-го він був на похоронах полковника Гамільтона. Одержав ордер на 5 поштових коней і залишився на березі річки Сев.

8-го він одержав свіжих коней в Ізбитному, затримався на обід на річці Ососа, одержав в іншому місті свіжих коней і залишився на ніч на річці Неруса (Неруч).

9-го він обідав поблизу Чаянки, де залишив коней, перейшов через річку Навля і залишився на ніч за 5 верст звідти у лісі.

10-го він перебував у Карачеві і залишився на ніч на Іван-озері.

11-го він зупинився поблизу Лохні на обід і переночував на річці Нугра.

12-го він прибув до Болгова, де купив усе необхідне, замінив коней і зупинився біля церкви Єгорія на обід. Там була погана трава і дуже мало дров. Він пішов через Верхак, а біля Белєва через Оку, де зупинився на обід.

13-го він пройшов все ж таки біля Кіпета, через Оку, де він обідав; пройшов через місто Лівні, біля Мокрсета втретє через річку Оку і залишився на ніч за 5 верст від неї, під селом на скошеному лузі.

14-го він зупинився за 5 верст від Калуги, де купив усе необхідне і замінив коней; пішов далі і залишився на ніч за 5 верст від Гур'єва.

22-го липня, у понеділок, Гордон був у місті (Москва) і сподівався дістати пояснення, яку платню одержить кожен за службу в цьому поході. Однак цю справу було відкладено до середи [27].

№ 28

1690. – Сілезія. Іржі Давид
Сучасний стан великої Росії, або Московії
(уривок)

STATUS MODERNUS MAGNAE RUSSIAE SEU MOSCOVIAE

О положении иностранцев и их религиях

Иностранцы, которые постоянно проживают в Москве, – это лютеране и кальвинисты, притом последних меньше, чем первых. Но кальвинисты превосходят лютеран богатством, ибо среди них большинство – купцы. Лютеране отчасти купцы, отчасти чиновники и мастера. Среди мастеров большинство ювелиры, они превосходно приспособились и постоянно заняты работой. Кальвинисты, которых здесь называют реформаторами, – это голландцы, они состоят под покровительством голландской республики и имеют своего резидента. Лютеране, которые предпочитают, чтобы их называли евангелистами, принадлежат разным странам: Швеции, Дании, Ливонии, Гамбургу и т. д. В первое время по прибытии они жили в пределах города, где и теперь есть улица, на которой обитают старожилы. Их считали язычниками, отсюда москвитяне и сегодня называют их улицу «Поганый пруд», или улицей язычников. Там у них был и собор, но однажды царь проходил мимо и услышал в соборе драку (это женщины спорили из-за первых мест). Он не пожелал дальше позволять им совершать свои богослужения в городе, а отвел им место за городом, на Слободе. Расселяясь дальше и постоянно расширяясь за счет новых переселенцев, они заняли лучшую часть Слободы. Лютеране имеют два собора: один каменный, очень большой, расположенный среди обширного кладбища, где хоронят всех иностранцев, другой деревянный. Богослужение у них совершают три священника – они называют их пасторами, – два в каменном соборе и один в деревянном. Содержат этих священников на средства общины. Все эти соборы без колоколов. Они имеют также две начальные школы, в которых преподают два учителя. Обучают также по-латыни, но ученики постигают только чтение и не получают других знаний. Учителя живут частично за счет общины, частично на частные средства, собранные от учеников. Кальвинисты тоже имеют одну каменную церковь, скорее похожую на школу, чем на храм, и одного священника, которого содержат на свои средства, и еще учителя, который обучает их юношество голландской грамоте. Кроме того, есть еще много наставников, которые частным образом на дому обучают купеческих сыновей латыни. Религиозное общественное воспитание, как и самые соборы, как и в других

[27] Щоденник Патрика Гордона за часів його перебування в Росії (переклад з німецької Володимира Дятлова) // Сіверянський літопис. – 2001. – № 4. – С. 7–14.

городах, возглавляются старейшинами. Дома у большинства деревянные, красивые, а у многих каменные, похожие на дворцы, сады прекрасно ухоженные, и многие кормятся садами. Одеваются великолепно, особенно женщины, и трапезы устраивают роскошные, в зимнее время дома, а летом в соседних рощах, которых здесь множество и куда они обычно выезжают отдыхать. Разъезжают на конях и в каретах даже простые ремесленники. Войсковые офицеры живут весьма праздно, ибо, если они не в походе, у них нет никаких дел, кроме лишь того, что они по утрам должны приветствовать князя, стоящего во главе посольского приказа, да и то не всегда. В остальное время они ходят друг к другу в гости и проводят целые дни в курении табака и попойках. Они снискали уже у москвитян такое преимущество, что хотя те и презирают их религию, однако предпочитают их католикам, так как их пасторов и их религии они не боятся, да еще потому, что получают от них большие прибыли и много подарков. Если кто берет в жены католичку, лютеранку или реформатку, то между супругами заключается соглашение, что, если один из них пожелает принять религию другого, их дети мужского пола унаследуют религию отца, а женского – религию матери, и это так укрепилось, что не может быть нарушено.

Прибывают сюда, кроме того, нерадивые хозяева, мужья, покинувшие жён, дуэлянты, бродяги и люди, которые из-за разных проступков не решаются появляться у себя на родине. Они сами сочиняют себе свидетельства, приложив поддельные печати, будто служили офицерами в войске того или другого государя, и таким обманом присваивают себе здесь военные должности. Это случается часто, и я сам наблюдал несколько примеров. Уж если москвитяне принимают охотно иностранных вояк-бахвалов, то как приняли бы настоящих знатоков?

Первый и второй походы против татар. Начало возмущении после второго похода. Ссылка Голицына

После торжественного посольства, которое светлейший король Польши направил к царям в 1686 г., москвитяне объединились с августейшим и светлейшим королем Польши против общего врага христианства. Вскоре, в начале следующего года, в феврале, они снарядили против татар большое войско, чтобы сдержать их набеги то на царские, то на польские земли. Говорили, что это войско, составленное из москвитян и казаков, содержало двести тысяч человек, командовал им царскою волей князь Голицын, и он дошел с этим войском до самой Самары. Самара – это новый небольшой укрепленный пункт на границе москвитян и крымских татар, недавно построенный и укрепленный против татарских набегов. Они хотели продвинуться дальше, но им мешали огромные степи, которые нужно было преодолеть, простирающиеся почти на сорок миль вширь. Но главная трудность заключалась в том, что враг при подходе войска москвитян, там, где оно должно было пройти, сжег всю траву и зелень и сделал дорогу невозможной для лошадей, а тем более для людей. Вдобавок к этому непредвиденному опустошению еще прошла молва, что казацкий гетман Самойлович и его сын вступили в тайный сговор с татарами. Карая за это преступление, Голицын, чтобы поднять свой авторитет и внушить войску страх, сместил гетмана с его должности и отправил в ссылку, а сына его велел казнить перед всем войском, и действия эти одобрила вся Москва (кроме двора Петра). Затем, так и не встретившись

с врагом, он бесславно возвратился домой. Говорили, что в этом походе погибло около тридцати тысяч людей от всяких болезней, которых они набрались от заразной воды. Возвратившееся командование упрекали еще и в том, что, покинув те опустошенные степи, они не повернули вправо к Днепру для устрашения очаковских и белгородских татар, более всего доставляющих беспокойство Венгрии, Украине и Польше. Вернувшегося Голицына царь Петр лишь после многих просьб со стороны вельмож допустил к аудиенции. Он его всегда ненавидел, то ли из-за сестры Софьи, именем которой тот правил, то ли из-за пышности, которую тот соблюдал, или из-за зависти его врагов, которые накаляли Петра.

Один год войско отдыхало, затем, снова набравшись сил, в 1689 г. опять двинулось в поход против того же врага, столь же храброе, как и раньше. Командующим опять, как и прежде, был назначен князь Голицын, и это было бы к счастью, если бы он развил дальше одержанную вначале победу. В этом походе он дошел до Перекопа, до самого перешейка Херсонеса Таврического, но ничего не сделал, а только показался в тех местах. Между тем распространялись удивительные слухи, будто под великим ханом Татарии убили коня, будто погиб его сын, четырнадцать мурз пали в бою и большой разгром учинен в татарском войске, многие взяты в плен. Но все это потом так и осталось легендой, так как в триумфальном шествии не видели ни одного пленного. К тому же писали, что в тот день, когда войско отошло к Перекопу, хан прислал к Голицыну одного из мурз для переговоров о мире, которому, как сообщали, князь предложил следующие условия. Во-первых, чтобы татары обязались, что не посмеют больше нападать ни на империю москвитян, ни на Польшу. Во-вторых, что не будут оказывать никакой помощи туркам против христиан. В-третьих, что впредь никогда не будут больше требовать от Московии ежегодной дани в сорок тысяч рублей. В-четвертых, что они отдадут всех христиан, которых до тех пор забрали в плен. Упомянутый мурза, появившись три или четыре раза на аудиенции у князя, возвратился к своим без всякого решения. Другие рассказывали, что в войске, которым командовал князь, было запрещено кому-либо пускать в ход оружие против врага, что никто не вступал в столкновение с неприятелем, кроме казаков и одного-двух московских командиров, что на поле боя не появлялось врагов более тридцати тысяч и убито с обеих сторон очень немного. Трудно установить истину, когда неизвестно, что достигается доблестью, а что хитростью. Сам князь в своем имении Троице при мне (я приезжал туда его приветствовать в свите господина резидента Польши) в присутствии многих бояр и польского резидента похвалялся, что никогда еще москвитяне не добивались большего, чем в этом походе, и еще не слыхано, чтобы такое огромное войско москвитян так быстро дошло до самого перешейка Татарии. Но при дворе Петра обо всем этом думали совсем иначе.

Тем не менее царевна Софья, желая возвеличить триумф князя, по возвращении почтила его большими дарами и, когда он приближался, сама вышла ему навстречу. Такая честь, необычная для москвитян, сильно задела Петра и усугубила давно возникшие у москвитян подозрения. Итак, Петр его не допустил к себе, но позвал государственного казначея и допрашивал его о расходах царевны. При этом допросе Петр схватил казначея за бороду, швырнул его на землю и топтал ногами. Когда слух об этом позоре дошел до царевны, пламя ее гнева вырвалось наружу. В город стало приходить множество пеших воинов, и никто не знал, для

какой цели. Потом распространился слух, что они должны были окружить Ображенское, схватить или убить Петра (ибо царь Петр находился тогда в своем загородном доме в Ображенском). Достоверно, что ночью стало известно о кознях против Петра. Вырвавшись оттуда и поспешно собрав свои вещи, он отправился в Троицу (это место, в 60 верстах, или 12 левках, от Москвы, известно знаменитым монастырем на двести монахов) и там начал со всей суровостью вести свои дела. Сначала допросили капитанов стрельцов, затем других сообщников. В чем они признались, нам неизвестно. Но нужно заметить, что за Петром в его убежище последовали многие бояре и стрельцы. А те, которые колебались, были призваны. Призваны были в Троицу и немецкие офицеры, которые не желали задеть и другую сторону, ожидая, что решат князь, еще бывший в силе, и царевна. Но с этой стороны им была предоставлена свобода остаться на месте или следовать приказу. Далее, для умиротворения Петра выступили разные бояре и сам патриарх, но, на беду для Софьи, все они примкнули к Петру, особенно патриарх, который со свержением Голицына рассчитывал получить простор для властвования и действительно его получил. Вскоре Петр затребовал к себе князя Голицына и начальника стрельцов, молодого боярина, очень знатного, почитаемого и очень любимого Софьей, а также казначея и других лиц из двора Софьи. Голицын и начальник стрельцов не были выданы. Когда же царь более настойчиво заявил свое требование, применив угрозы и силу, к Петру отправилась вместе с Голицыным сама царевна, но не была допущена. Итак, она вместе с ним возвратилась. Говорят, Петр после этого сказал, что, если ему не выдадут этих бояр, он осадит Москву и всю ее обратит в прах. Наконец их выдали. Голицын явился сам с обычной свитой, другого бесславно привели. Пред очи Петра Голицын не предстал, а был вызван и на ступенях дворцового крыльца выслушал обвинение, что он командовал по своему произволу, предпринимал походы без ведома царей, злоупотреблял печатью, уже дважды вел против татар огромное войско с громадными затратами и без всякого успеха. За это он лишается боярства и отправляется в ссылку. Приказано, чтобы он ехал в своей обычной карете, с несколькими слугами, а за ним может следовать супруга, два сына и остальная семья. Сначала местом ссылки был назначен Каргополь, в пустынной области близ Архангельска, а позднее Пустозерск, далекий край на границе Обдории и Сибири. Но так как еще много появилось против него обвинений, уже в пути его лишили всей почетной свиты, бросили на подводу, заковали в цепи и кандалы, и в таком виде он продолжал свой горестный путь. Прошел слух даже, что Голицына должны были возвратить с дороги и публично в городе казнить, но за него вступился царь Иван. А тот начальник стрельцов, по имени Шакловитый, поскольку он ни в чем не хотел признаваться, был бит кнутами (это особый род грубой плети). Потом он обещал, что перед смертью письмом сообщит светлейшему Петру весь ход заговора против него. Говорили, что он так и сделал. Петр, смягчившись этим признанием, даровал ему жизнь, но по настоянию бояр и особенна по требованию патриарха вынужден был согласиться на его казнь. Обезглавленного он велел похоронить в упомянутом монастыре (ибо все это там происходило) и через шесть недель приказал совершить по нем службу. После всего этого царевна Софья была отстранена от власти, лишена царских почестей, и было обнародовано, чтобы отныне в прошениях не упоминалось ее имя. Ей было предписано как можно скорее оставить дворец и удалиться в монастырь, что и было сделано

на следующий день после нашего отъезда. О Голицыне и о царевне Софье потом распространялись удивительные слухи, как это обычно бывает в несведущем простонародье, исполненном разных страстей и вдруг получившем возможность низвергать. Но мы не имеем доверия к этим слухам. Со свержением этих правителей вся верховная власть перешла к Петру, который, как гласила молва, всегда был протестантом и ни в чем не желал подчиняться авторитету старшего брата Ивана, но, равный ему по духу, воле, доблести и физической силе, укреплял военную власть, что было необходимо из-за стрельцов, волею которых Иван должен был взойти на престол.

Наше изгнание

Пока дела шли таким образом, бежал из Москвы некий старец – так называются пожилые монахи, – строитель какого-то монастыря. Но в пути он был пойман и подвергнут допросу вместе со многими сообщниками. Его давно уже патриарх держал под арестом за какие-то католические, противоречащие греческим суждения, которых он придерживался и которые распространял. Говорят, Голицын хотел использовать его как средство для сеяния в народе унии и католической религии. Иные говорят, что другой партией он предназначался на патриаршество. Как бы то ни было, мы передаем то, что слышали. Итак, он на допросе сказал, что знал о некоторых действиях и отговаривал от поступков, направленных во вред Петру, тем не менее прошел слух, что он не дал нужных показаний и что ему отрубили ноги, руки и голову. Но теперь мы слышали, что он брошен в карцер, где его и держат. Говорят также, что его спрашивали, были ли иезуиты сколько-нибудь осведомлены об этих действиях и не получал ли он от них советов или наставлений, касающихся веры. Он сказал, как и должно было, что они ни о чем не знали, да и в самом деле мы этого человека не видели и не знали и не имели с ним никакой связи. Тем не менее из-за него о нас пошла молва и разговоры среди еретиков и схизматиков, особенно среди духовенства и у патриарха, который воспользовался случаем начать действия против нас, и никто ему не противился. Ведь Голицын был в ссылке. При нем он не решался что-либо предпринять, хотя пускал в ход все уловки, чтобы добиться указа против нас. Уже тогда еретики судачили между собой, что у нас с ним какие-то общие интересы. Другие отрицали это, говоря, что если бы были какие-то интересы, то нам уже не уехать и не снести головы. А другие говорили, что, как бы то ни было, виновны мы или не виновны, мы будем изгнаны. Поэтому 2 октября старого стиля, то есть 12 нового стиля, в среду, когда мы закончили наше богослужение и ничего подобного не ожидали, появился какой-то писарь и позвал нас в посольский приказ, где нас ждал подьячий этого приказа. Когда мы явились, он велел расступиться стоявшим вокруг советникам и помощникам и обратился к нам с такой тирадой:

«Великие государи царь Иван Алексеевич и царь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белыя Руси самодержцы, повелели Вас уведомить, что они приняли Вас по рекомендации августейшего римского императора в знак дружбы и братства, в каковых они с ним состоят. Но приняли вас на время, на время, на время! Теперь же их царскому величеству угодно снова вас отослать к вашему августейшему цесарю. Но не думайте, что вы дали повод к этому изгнанию. Нет. Мы знаем вашу честную и добросовестную жизнь и ваше поведение. Единственная

причина – наш благочестивый патриарх, который вместе со всем своим духовенством настойчиво просил их царское величество, и они постановили на своем церковном соборе, что вас нельзя здесь терпеть, так как ваша вера нашей православной церкви не подходит и даже противна и враждебна. В этом главная причина. Итак, через два дня, которые даны вам на сборы, вы должны уехать. Вы уедете без всякого насилия, почетно. Вам будут даны царские подводы, провожатый и из царской казны кое-что на дорогу».

Мы ответили ему так. Что их царское величество царь Иван Алексеевич, царь Петр Алексеевич, всея Великий, Малыя и Белая Руси самодержцы, нас по рекомендации августейшего римского императора приняли и до сих пор держали, за это приносим нижайшую благодарность. Но что так внезапно нам при таких обстоятельствах приказывают удалиться без всякой нашей вины, этому будет дивиться августейший император, и мы дивимся. Поэтому мы просим, чтобы нам дозволено было здесь оставаться, пока мы известим об этом деле августейшего императора и получим от него ответ. Все стали качать головами, улыбаясь, и дьяк ответил: ни в коем случае вам не следует писать, более того, цесарь не должен знать об этом деле до тех пор, пока вы не будете за пределами Московии. Тогда мы снова заговорили. Каким образом благочестивейший патриарх со своим духовенством мог так нас возненавидеть, если мы, живя здесь четвертый год, никогда перед ним не появлялись и ни с кем из духовенства не разговаривали? Об обычаях русских мы всегда говорили с уважением, что могут засвидетельствовать стоящие здесь переводчики. На это он лишь пожал плечами. Тогда мы снова заговорили. Поскольку мы оба, каждый за себя, представили рекомендательные письма от его королевского величества, мы просим, чтобы при нашем отъезде нам также было дано письмо к королю, в котором была бы засвидетельствована наша невиновность и указана причина нашего изгнания. Он ответил, что в скором времени будет надобность писать его королевскому величеству и по этому случаю также будет сообщено о нашей отсылке. А вообще давать кому-либо рекомендательные письма здесь не принято. Тогда мы снова попросили, чтобы нам дали хотя бы восемь дней на сборы к отъезду. Он отказал и настаивал, что ему было строго указано, чтобы мы в два дня удалились. Итак, мы ушли из посольского приказа к господину резиденту Польши и с ним говорили, чтобы он хотя бы одного из нас оставил у себя. Появились там два главных переводчика, которые также во всем винили патриарха, человека невежественного, ненавидевшего нас и всякого, кто учен. Он единственная причина нашего отъезда, ибо при отсутствии Голицына никто не решается ему перечить. Тем не менее в тот же день мы отправили двух гонцов в Троицу, одного к господину генералу Гордону, чтобы он за нас вступился, другого уже ночью к светлейшему царю с прошением, в котором содержались уже указанные прежде просьбы. На следующий день, в четверг, когда я закончил утреннюю молитву перед нашими, один из нас пошел в город к господину резиденту, чтобы вместе с ним отправиться в посольский приказ. Там господин резидент снова просил оставить хотя бы одного, но и ему было отказано. А когда господин резидент снова спросил о причине нашего изгнания, ему было сказано то же, что и нам. Чтобы заверить это, господин резидент написал нам свидетельство собственной рукой. По этому случаю, когда отец в присутствии подьячего и его помощников продолжал допытываться: «Вы терпите лютеран и кальвинистов,

а где кальвинисты или лютеране терпят греков или их религию? Между тем августейший король, сиятельнейший князь Польши в своем сиятельном государстве имеет их множество под своим покровительством и дает им всяческие свободы. Чем же наша религия враждебна вашей?», ему предложили замолчать, чтобы он дальше не расспрашивал. И еще было сказано, чтобы мы не подозревали лютеран или кальвинистов, будто они замешаны в нашем изгнании. Но это извинение было ни к чему. Ведь кто не подумал бы так? Хотя мы не причиняли им никакого вреда, они воспользовались удобным случаем действовать у разъяренного патриарха, у разозленного духовенства, когда никто нас не опекает и не защищает, когда Голицын в изгнании и вынужден молчать, когда отстранена от власти царевна, единственная наша защита. Все затевалось постоянно в Троице, тайно, без ведома даже живущих там нескольких католиков, в том числе и генерала Гордона. Когда же отец снова попросил, чтобы нас при всех этих обстоятельствах оградили от разговоров, ибо уже сейчас в Слободе поговаривают еретики, будто мы замешаны в этих делах, дьяк ответил, что если от кого-нибудь услышат подобные разговоры против нас, то его приведут в приказ и покарают, дабы другим неповадно было. Между тем наступила пятница, и прямо на рассвете явился к нам будущий наш провожатый с указом, чтобы мы в тот же день вечером отправились в путь. Через некоторое время появился другой и снова позвал нас в приказ. Один из нас остался, чтобы совершить богослужение перед собравшимися нашими католиками, другой отправился в приказ и на вопрос, когда мы хотим отбыть, ответил, что мы просим об отсрочке хотя бы до понедельника. Но там дьяк сказал, что это никак нельзя сделать, и наконец с большим трудом позволил отложить отъезд до завтрашнего утра. А на новые настоятельные просьбы, чтобы нам дали письмо, свидетельствующее нашу невиновность в этих делах, он сказал, что нам нечего бояться, что причина отъезда уже сказана и ничего другого нет. Затем он вынес шесть пар собольих шкур, протянул каждому по три пары, сказал, что это дарят дам на дорогу и на память их царское величество. Мы поблагодарили и отказались от всего, и он, по обычаю унося шкуры на руке, удалился.

Итак, в субботу на рассвете собрались многие наши католики, ожидая причастия и благословения. Совершив богослужение, мы объявили о причине нашего изгнания и дали им полезные наставления, как правильно жить при сложившихся обстоятельствах. Около полудня, провожаемые плачущими, мы отбыли, убрав храм наш и часовню в таком виде, как она была, и вручив их ангелу хранителю и достойнейшим старейшинам католической общины, с согласия господина резидента и многих чиновников. Но в этот день мы только выехали за пределы города и остались в одной из слобод. К вечеру мы получили письмо от генерала Гордона, который сообщил, что он хлопотал перед всеми боярами и даже перед его светлостью, чтобы удовлетворили нашу просьбу, но ничего не мог добиться, так как патриарх и духовенство сильно настаивали на своем, и поэтому решили нас отправить, но с почетом, снабдив всем необходимым на дорогу. Он писал также, что получил отсрочку на несколько дней, а именно до прибытия его светлости в Москву. Но мы узнали другое, что подьячий приказа преследует нас и постоянно добивается нашего изгнания. Итак, в воскресенье примерно в миле от города собрались для прощания наши католики, мы совершили богослужение

и позавтракали принесенной ими пищей, как Павел у Милета, и затем после долгих прощальных объятий отправились в путь. Но, чтобы сохранилась о нас какая-нибудь память, мы оставили в нашем храме (по просьбе и по настоянию знатнейших лиц из собрания католиков) ученого юношу, которого мы давно приняли в помощники для обучения молодежи, посещающей нашу школу. Он должен будет вместе с началами грамоты продолжать внушать этому нежному возрасту и начала веры, чтобы им не пришлось после нашего отъезда блуждать по школам нашего противника, и еще должен будет по воскресеньям и в праздничные дни в часовне читать и петь что-нибудь духовное, пока его королевское величество примет какое-нибудь новое решение. Не удивительно, что католики отнеслись к нам с такой любовью, ибо ведь мы от них никогда ничего не требовали, ничего не брали ни для наших нужд, ни на часовню, на все тратились сами и даже, когда это было нужно, щедро помогали бедным, довольствуясь тем, что августейший король ассигновал нам от славной финансовой палаты Силезии.

В то же самое время, когда нам приказали уехать, были сожжены заживо и отправлены в иной мир Конрад Нордерман и Квирин Кульман, лютеране, пророки, реформаторы веры, за распространение каких-то пророческих книг. Конрад был здесь некогда известным купцом, Квирин, родом из Силезии, я думаю, был один из лютеран-предсказателей, изгнанных из Венгрии. Они называли себя иезуелитами. Их книги принес нам на цензуру царский переводчик, и в последнем приговоре им было прочитано, что книги их осуждены как еретические и лютеранскими пасторами и иезуитами. Итак, в одно и то же время в Московии было вычеркнуто имя иезуелитов и иезуитов, но орден пророков опередил орден апостолов. Чтобы кратко закончить, скажу, что причиной нашего изгнания были опала прежнего фаворита Голицына, устранение от власти царевны Софьи, которая, говорят, услышав об этом, застонала, зная ненависть со стороны патриарха и духовенства, с которым мы не имели никаких дел, раздражение со стороны еретиков, которым мы ничего дурного не сделали. Мы же удалились, радуясь, что были удостоены чести потерпеть обиду во имя Христа [28].

№ 29

1698. – Париж.
Фой де ля Невіль. Записки про Московію
(походи московитів у Крим з 1687 по 1689 рр.)

После долгих совещаний московиты решили в военном совете послать против малых татар значительное войско. Князя Голицына назначили воеводой Большого [полка], то есть главнокомандующим, боярина Алексея Семеновича Шеина – воеводой новгородским, то есть генералом Новгородского войска, боярина князя Дмитрия Дмитриевича Долгорукова воеводой казанским, то есть генералом Казанского войска, князя (kencas on prince) Михаила Андреевича Голицына – воеводой белгородским (это двоюродный брат великого Голицына. Он имел столь большую склонность к иностранцам, что, уезжая на воеводство, он взял всех тех,

[28] *Иржи Давид.* Современное состояние великой России или Московии (пер. Ю. Е. Копелевич) // Вопросы истории. – 1968. – № 1. – С. 127–130.

кто хотел следовать за ним, включая и француза, который выучил его языку за 6 месяцев), думного дворянина Ивана Юрьевича Леонтьева – воеводой ертаульным (artaolski), то есть генералом небольшого казацкого войска и других вольнонаемных отрядов, которые всегда идут впереди войска главнокомандующего, и состоят из тех, кого можно назвать охотниками, и окольничего Леонтия Романовича Неплюева – севским воеводой, то есть генералом севского войска.

Все войска Белой России были также снабжены начальниками, а у казаков был их обычный гетман, подумали также о способах иметь и получать боевые припасы и продукты. Все жители великой империи царей были принуждены заплатить рубль со двора, а рубль соответствует по стоимости почти пяти французским ливрам; по этому можно судить об огромных суммах, которые были собраны.

Князь Голицын добился также, чтобы его сын был назначен его товарищем в приказах; это было новым знаком доверия к нему со стороны царевны.

Встреча всех войск была назначена на Украине, в области тех казаков, которые независимы от своего гетмана и которыми командуют их полковники. Московское войско было приведено в Ахтырку (a Arterk), Новгородское – в Рыльск (Ruski), Казанское – в Рублевск (Roublouski), Севское – в Красный Кут, Белгородское же, которое должно было оставаться на границах, было приведено в Белгород. Гетман собрал свое войско в Гадяче (Galitch), и, так как войска должны были, согласно указу, быть на сборных местах к первому марта, они шли всю зиму 1686 г., чтобы прийти туда. 1 мая собравшееся войско, состоявшее из 300 000 пеших и 100 000 конных, вышло в поле и расположилось лагерем за рекой Мерло. Пробыв там несколько дней, двинулись в сторону Полтавы, города, зависящего от гетмана. Оттуда продвинулись к Скарину (Scarein) на реке Арит (Arit), где провели несколько дней, ожидая некую икону Богородицы, которую суеверие московитов сделало чудотворной. Один монах убедил воевод, что у него было видение и что Богородица поведала ему, что без нее попытка войти в Крым будет бесполезной и что нужно принести в войско ее образ. Легковерие воевод остановило на 15 дней движение войска, и они вновь пустились в поход только после того, как получили чудотворный образ со всеми надлежащими обрядами. 13 июня пришли к реке Самаре, которая, как и другие реки, о которых мы говорили, впадает в Днепр, и перешли ее по мостам, которые там были наскоро сделаны. 20-го с Самары, имея все время Днепр по правую руку, пришли, чтобы встать лагерем на реку Татарку, от Татарки на реку Московку, от Московки на Каминку, от Каминки до Конских Вод, от Конских Вод до Карачакрака, откуда войска не могли пройти дальше. Их остановила засуха, и они с удивлением узнали, что на 50 лье кругом она была столь необычайной, что солнечный жар выжег всю степь, и что нельзя вовсе рассчитывать на корм для коней.

Главнокомандующий, чрезвычайно удивленный этой новостью, вынужден был принять соответствующее решение. Вместо прежнего плана истребить хана, имея 500 000 человек, он решил возвращаться по своим собственным стопам. И, действительно, после Карачакрака он пошел стать лагерем ко Днепру, чтобы использовать ту траву, которую половодье этой реки спасло от огня, и чтобы в то

же время облегчить себе отход, ибо он боялся, чтобы татары не совершили набег на его многочисленную армию (все немецкие офицеры уверяли, что было более миллиона лошадей, что возможно, потому что в войске из 24 000 человек, которое король Польши привел к Черному морю в 1686 г., было более 45 000 повозок в обозе), в которой лошади падали от чрезвычайной жары и недостатка фуража. Дизентерия в соединении с нуждой и полусгнившей соленой рыбой, которую ратники вынуждены были есть, чтобы соблюдать пост, который у русских приходится на август, унесла (enleva) много людей и заставила многих оставить по дороге. Между тем был отделен отряд в 30 000 человек, возглавляемый Леонтием Романовичем Неплюевым, севским воеводой, ему приказали наступать к Запорожью, чтобы заставить татар поверить, что это единственная сила московитов. Сын гетмана Ивана Самойловича был также послан туда с отрядом казаков. Остаток войска вернулся к реке Самаре, где князь, изучив расположение местности, предложил построить город, с помощью которого можно было бы держать в узде казаков и даже татар, хотя последние могли бы вторгаться в Россию и во многих других местах. На следующий год этот город был действительно построен, как будет видно дальше. С реки Самары пошли стать лагерем на реку Мерло, где ждали указа из Москвы, чтобы распустить войско, и князь, между тем, чтобы оправдать в глазах двора неудачный исход кампании, ничего не забыл, стараясь свалить свои ошибки на гетмана Ивана Самойловича (этот князь владел всей Украиной, которая восстала против поляков из-за их жестокостей в правление последнего Владислава. Всегда там находится в готовности 100 000 воинов). Действительно, царевна была на его стороне, но это он сделал ее могущественной. Он написал ко двору, обвинил во всем гетмана и просил указа, чтобы низложить его и избрать нового. Как только указ пришел, Голицын приказал ночью схватить гетмана тем же стрельцам, которых он потребовал для собственной стражи после того, как заподозрил казаков. Он был приведен связанный в то место в войске, которое называлось шатром (chatra), то есть судебной палаткой, который всегда в московском войске находится рядом с расположением воеводы. Утром было приказано, чтобы офицеры и дворянство вместе явились к нему. Когда воеводы-бояре заняли места, привели гетмана, прочли ему указ царя и поставили на очную ставку с казаками, которых разыскали, которые обвинили его в сношениях с ханом и в тайных приказах о поджоге степи, которые он отдавал. Бедный генерал понял тогда, что счастье изменило ему; все до того переменились к нему, что вместо вельможного (Vielmozny), то есть всемогущего, стали величать его скуренным сыном (Scourwecin), то есть сыном шлюхи. Даже его слуги потеряли всякое уважение к нему, а один из его полковников по имени Дмитрашка достал саблю, чтобы убить его. Но Голицын помешал этому и сказал, что гетман находится здесь для того, чтобы его судили по всей форме, а не для того, чтобы его убивать.

Когда заседание закончилось и гетман был взят под надежную стражу, был послан гонец к Леонтию Романовичу Неплюеву с приказом схватить сына гетмана Самойловича, который находился вдали от своего отца. Но, так как несколько верных казаков выехали прежде него и предупредили сына гетмана, Неплюев только с трудом смог догнать его, потому что он со своим отрядом бежал так быстро, как только мог. Он, однако, послал дать знать казацким старшинам приказ выдать сына гетмана. Компанейщики (les compachiks), или всад-

ники, решили выдать его, но сердюки, или пехота, окружили его шатер и не разрешили схватить своего предводителя. Однако они позволили себя уговорить, и с общего согласия сын гетмана был выдан Неплюеву, который, гордый своей добычей и удовлетворенный тем, что вознаградил себя за поражение, которое он потерпел около Каменки (Kaminston) в стычке с нурадин-султаном у берега Днепра, вернулся к себе в лагерь. Между тем, пока захватывали сына, бояре-воеводы совещались о том, как сместить отца и назначить другого гетмана. Самойлович был сослан в Сибирь, казаки были собраны для избрания и один, по имени Мазепа (этот князь не красив, но очень образован, он в совершенстве владеет латынью. Казак по рождению, он получил воспитание, будучи пажом у короля Казимира, а затем в офицерах его гвардии, поэтому он очень предан Польше), писарь (pisarz), или государственный секретарь, был с радостью провозглашен гетманом.

Так Голицын преуспел в своем намерении, но большая часть казаков, не участвовавшая в его избрании, выказала недовольство. Было некоторое волнение (revolte) в их городах, и несколько домов полковников были разграблены в их отсутствие. Этот новый гетман, желая усмирить волнения, попросил несколько отрядов у князя Голицына, и ему дали 3000 человек из Смоленского войска и 1000 лошадей, чтобы сопроводить его до Батурина, обычной резиденции гетманов.

Спустя некоторое время пришел приказ распустить войско. Письмо великих государей, которое содержало его, был прочитано в присутствии всех офицеров; с удовольствием были приняты похвалы за оказанную добрую службу. Каждый воевода получил золотую медаль с изображением двух царей и царевны, на золотой цепи, ценою вместе в 10 дукатов, каждый полковник (colonel) – медаль без цепи ценой в дукат, каждый подполковник и майор – медаль в полдуката, а каждый солдат и стрелец – золотую копейку, то есть около 25 су, тогда как серебряная копейка стоит лишь одно су. Князь Голицын этими подарками, которые он ловко добился у царей или, лучше сказать, у царевны, в пользу войска, утихомирил ропот, который было поднялся против него. Он привлек также влиятельных знатных должностями, которых возместили им их расходы, так что по возвращении в Москву он не увидел никого, кто был бы против него. Он был принят царевной со всеми изъявлениями радости, которые он только мог ожидать, и вновь взял на себя все дела с таким влиянием, каким не пользовался никогда.

Прежде всего Голицын предложил в совете построить город на реке Самаре, где можно было бы иметь склады со снаряжением всякого рода. Когда это решение было принято, окольничий Леонтий Романович Неплюев получил приказ принять командование над 30 000 человек и идти строить этот город. Гетман с его войсками тоже был привлечен к этому. Когда план был составлен голландским полковником и инженером по имени Вансаль (Wensale), войска были собраны в городе Рыльске (Riski) и направились к Самаре в последний день мая. За месяц город был готов, так как необходим лишь ретраншемент, чтобы остановить татар и казаков. Его назвали Новобогородицком и, оставив там гарнизон, армия вернулась. За эту службу окольничий был пожалован в бояре, а во время кампании 1689 года пришлось признать, что этот город оказал большую помощь, благодаря складам со всеми видами припасов, которые очень помогли войскам.

* * *

Князь Голицын, замечая, что день ото дня партия Петра оживляется, и понимая, что отсутствие не усилит его, втайне сделал все, что мог, для того, чтобы во время этого похода возложить командование на кого-нибудь другого. Но, встретив слишком много трудностей при осуществлении своего замысла, он сам из хитрости присоединился к тем, кто предлагал ему это, и принял все возможные меры, чтобы исправить те ошибки, которые сделал во время первого (pr[emier]e) похода. Поскольку этот князь был больше политиком, нежели полководцем, он легко добивался того, что хотел. Решено было отправить войско раньше, чем это было сделано во время первого похода, итоги которого были очень плохи из-за медлительности. Был дан указ собраться к месту сбора 1 февраля, что и было исполнено в точности. С декабря войска начали собираться со всех концов, за исключением Сибирского царства. Из-за войны, которую последнее вынуждено было вести против китайцев, оно было избавлено от набора ратных людей. Приготовления были большими, чем во время предыдущего похода, но народ не был более отягощен, так как со двора собирали только один рубль, как это было положено по обычаю. Московское войско собиралось в Сумах (a Som), Новгородское – в Рыльске (a Riski), Казанское (Cazan) – в Богодухове, Белогородское – в Каменке (Katiminski), Севское (de Sevene) – в Калантаре (Kalantar). Все эти войска находились под командованием тех же господ, что и во время первого похода, за исключением Белгородского полка, которым командовал Борис Петрович Шереметев, которому эта должность дана была после смерти Михаила Андреевича Голицына. На квартирах долго не задержались, поскольку князь приказал всем войскам выступить до того, как растает лед за рекою Мерлом, что было благоразумно сделано из того расчета, что большинство рек, которые предстояло перейти на пути, разливаются при таянии льда обширным половодьем. Пехота расположилась на другом берегу реки, при входе в лес, конница была размещена в прибрежных городах. Переждав оттепель, князь поставил 1 апреля свой шатер на другом берегу реки, все воеводы последовали его примеру, и 6-го отправились по направлению к Самаре, где все войска и соединились.

Туда прибыл также гетман Мазепа. 13 апреля перешли реку и без остановок, после месячного марша, подошли к Перекопу. Обоз мешал делать большие переходы, ибо каждый ратник нес с собой припасы на 4 месяца сверх того, что ему было выдано в Самаре. В степях, где проходила армия, требовалось много припасов, которые замедлили ход войска. Артиллерия, состоящая из 700 стволов и множества мортир, также замедляла движение армии. Наконец пришли к Карачакраку, где встали лагерем. Лошади были отпущены в степь, где трава была слишком короткой, чтобы ее косить. Служилые люди отдыхали до полуночи: в этот час все были поражены шумом за лагерем, который ржание лошадей в сочетании с человеческими криками сделали непереносимым. Решили было, что застигнуты врасплох татарами. Но затем узнали, что причиной этого беспорядка были лошади, напуганные и скачущие из стороны в сторону. На следующий день их недосчиталось 6000 в Московском полку, хотя они и были стреножены. Они скрылись в степи и пришлось стать на стоянку, чтобы дать каждому время

отыскать свою лошадь, большая часть которых и была приведена в лагерь. На следующий день снялись со стоянки и через несколько переходов пришли к берегу Днепра, известного под именем Каирки, где один отряд взял в плен несколько московских татар, от которых узнали, что хан не в Перекопе, а в Буджаке, и что там вовсе не ждут этого грозного войска. На самом деле был слух, что войска находятся в пути, но считали, что это для того, чтобы построить [какой-то город]; их послал калга-султан, чтобы проведать об этом. От Каирки пошли к Каирке-Мечетной, где князь Голицын приказал, чтобы на каждую повозку взяли муки, по 4 кола и воды, так как в дальнейшем уже не удастся найти леса. Оттуда, удаляясь от Днепра, шли прямо к югу под Перекоп. Войско два дня не видело воды. 13 мая гонцы, которые были посланы рано утром, дали знать, что видно неприятеля; тогда приготовились встретить его. Обозы в сопровождении пехоты и артиллерии находились справа, а конница и дворяне держались с левой стороны каждого полка. Московский полк под командованием Голицына был в середине, Новгородский – справа, полк гетмана – слева. Левее гетмана стояли Шереметев и Долгорукий, Неплюев находился в арьергарде. Татары напали сначала на авангард Шеина, откуда после нескольких стычек они вдруг бросились слева направо и атаковали полк Шереметева, который, будучи самым малочисленным, в мгновение оказался обращенным в бегство; отступила и конница. Враг бросился на обозы, которые уже было достались ему. Но когда князь Голицын послал Шереметеву помощь, татары принуждены были отступить и освободить дорогу, ведущую в Черную долину, где войска стали лагерем ввиду близости воды. Это болотистое место удалено на пять лье от Перекопа и представляет собой пастбище для местных скотоводов. Небольшое число татар под предводительством калги-султана двинулось, чтобы разведать путь войска и узнать его силу и недостатки, взяло нескольких пленных, от которых получили те сведения, которые хотели. Их привели затем к хану, который находился только за 3 лье от лагеря на Каланчаке, речке, которая берет истоки в степи и впадает в Евксинский понт, ибо хорошо известно, что как только о приходе московитов к Крыму стало известно хану, он пришел из Буджака с 4000 всадников, чтобы защитить свои владения. Он пришел на Каланчак за два дня до московитов и перешел Днепр в Ас-Кермене (Assecun Kermen), городе на этой реке, принадлежащем туркам. 16 мая армия снялась со стоянки, чтобы прийти в Зеленую долину, которая находится за лье от Черной долины, а хан пошел навстречу московитам со всеми своими силами, которые, насколько это можно уточнить, могли составить от 30 до 40 тысяч пеших воинов, разбитых на несколько отрядов. Войско незаметно оказалось окружено татарами и вынуждено было встать на привал; где огляделись, не сходя с места, и хотя все считали, что московитам стоит перейти в наступление, они довольствовались тем, что остались на месте, окруженные хорошими рогатками, которые привезли на повозках и которые служили тогда для них защитой.

Вооруженная огнестрельным оружием пехота и вся артиллерия составили в поле надежную оборону, которую татары не могли прорвать. Конница оставалась за пределами укреплений; это побудило три или четыре татарских отряда, около 1000 конников каждый, напасть на нее. Вскоре после их атаки она бежала, причем обозы очень помогли этой смешавшейся коннице. Нельзя было

сосчитать, триста или четыреста татар уложены были на месте из мушкетов (la Mousqueterie), к которым присоединились пушки; в этом же положении оказалось множество московитов, которые были убиты своими же. Однако татары, под командованием нураддин-султана атаковали с другой стороны казаков из Сум и Ахтырки, во главе которых стоял Емельян Украинцев, думный дьяк, или государственный секретарь. Этот командир, неопытный в военном деле, как истинный московит, так смешался, что не смог выдержать натиска неприятеля. Обозы были опрокинуты, множество убитых лошадей перекрыло путь к бегству. Прорвавшись за повозки, татары увезли с собой 20 пушек, поставленных на повозки, в которые были запряжены лошади, и если бы не подоспел боярин Долгорукий со своим войском, то все эти казаки были бы изрублены в куски.

Шереметев (намерением Голицына было избавиться от него, ибо это достойный человек и его большой враг, что ему удалось бы, если бы сразу не помогли) был в то же время атакован другим татарским отрядом, который прорвался к обозу. Но он перенес удар поистине с большим мужеством, чем Емельян, и, наконец, принудил татар отступить. Когда сражение закончилось отступлением татар, добившихся преимуществ и захвативших добычу, войска двинулись искать воды. Итак, снялись с лагеря на следующий день, чтобы прийти в Каланчак, и, так как нашли невыгодным, чтобы конница шла вдали от обоза, приказано было, чтобы она держалась среди верениц повозок, и все войска, которые до той поры шли раздельно, объединились в одно, которое составляло более 200 000 повозок, расставленных в каре и были, как мы уже сказали, окружены артиллерией и всей пехотой, которая несла на плечах рогатки, чтобы быть готовой сразу поставить укрепление. Пока шли в таком порядке, татары появились вновь и обошли всю армию кругом, надеясь найти конницу вне обозов. Они удовольствовались тем, что нагнали страх на московитов и исчезли, чтобы позаботиться об обороне Перекопа, на который, как они думали, должно было напасть это многочисленное войско. В тот же день стали лагерем у Каланчака, а на следующий день перешли реку вброд, не встретив ни одного татарина. Это придало нескольким московитам смелость отделиться от обозов и забраться на вершины, чтобы увидеть Перекоп, который словно дымился из-за пожара в предместье Ор, которое татары подожгли сами, боясь, чтобы им не завладели. 19-го подошли прямо к Перекопу и стали лагерем на пушечный выстрел от города, так, что Понт Евксинский оказался по правую руку, а степь – по левую. Из города вовсе не вели огня, поскольку расстояние было слишком большим, но с башни, которая находилась у берега моря, постоянно стреляли из пушки.

Было от 10 до 11 часов утра, когда войско подошло; все надеялись ночью атаковать Перекоп, или ров. Но вечером, когда все пришли за приказом, то были очень удивлены, узнав, что завтра предстоит возвращаться. Поскольку это отступление необычно, стоит немного остановиться на том, что его вызвало.

Когда войско расположилось достаточно близко от города, наездники – ногайские татары и калмыки, которые являются подданными московитов, схватились с перекопцами. Один ногаец ханской службы, случайно узнанный московитом, крикнул тому на своем языке: «Зачем мы сражаемся! Почему ты не скажешь своему боярину, чтобы он заключил мир с ханом?» На это московит ответил, что если

бы боярин действительно поверил в миролюбие хана, то он может подумать над этим; и если хан действительно хочет мира, то пусть шлет людей, чтобы заключить его. «Ну, хорошо, – сказал перекопский ногаец, – поговори с твоим боярином или генералом и уверь его, что если он хочет мира, то пусть боярин согласится на это». Ногайский татарин пошел сначала отдать отчет боярину Голицыну обо всем том, что сказал ему татарин, и нашел этого полководца в расположении заключить договор и отступить без сражений. Голицын приказал написать письмо от лица этого татарина к тому, с кем он говорил, примерно в следующих выражениях: «Я сообщил боярину Голицыну то, что ты мне сказал. Он рад прийти к соглашению, так, чтобы был послан кто-нибудь, кто изложил бы соображения и требования хана». Письмо было дано первому попавшемуся татарину и было отнесено к хану, которого татарин застал в размышлениях, советующегося с мурзами о том, как избавиться от столь многочисленного неприятеля. Хан поначалу решился только приказать узнать у Голицына, было ли это письмо написано по его приказу, и когда ему сообщили, что это так, он послал Сулеш-мурзу, а московиты дали в заложники господина по имени Змеев. У обеих сторон были различные интересы. Московиты предложили пять следующих условий: чтобы все русские пленники были освобождены, чтобы татары не совершали более набегов на земли, находящиеся в подданстве царей, чтобы они отказались от 80 000 экю, которые они требовали от московской казны, чтобы они оставили в покое поляков и чтобы они не оказывали никакой помощи туркам. Сулеш-мурза, желая продержать московитов до следующего дня и хорошо зная, что такое большое войско не может долго оставаться без фуража и воды, затянул переговоры и удовлетворился тем, что дал некоторую надежду на соглашение. На следующий день он ответил, что хан не хочет других условий мира, помимо тех, на которых он ранее заключил мир с царями, что он требует ежегодной уплаты дани и желает, чтобы ему заплатили за три уже прошедших года 240 000 экю. Этот ответ не понравился князю Голицыну и, не считая более возможным стоять лагерем в песках, он задумался об отступлении. Из боязни преследования он приказал везти с собой до Каланчака мурзу, который был в его лагере, и оттуда отослал его обратно и получил взамен своего заложника. Вот в нескольких словах весь крымский поход.

Далее шли в течение 3 недель, чтобы вернуться в Самару, где, бросив все тяжести, перешли реку, а 6 дней спустя уже оказались на реке Мерло. Голицын между тем послал гонцов к царям и польскому королю, где он хвастался тем, что разбил татар, и преследовал их вплоть до их пределов. Узнав об этих новостях, московская царевна объявила во всем царстве общественные увеселения и, согласно обычаю, послала окольничего с благодарственной грамотой всему войску и золотыми в награду, после чего, когда пришли указы распустить войско, на реке Самаре был оставлен боярин Волынский новобогородицким воеводой с войском около пяти-шести тысяч человек. Это сообщение извлечено из донесений резидентов польского короля, которые находились при дворе царей и следовали за войском после смерти царя Федора и до сегодняшнего дня. Теперь мне остается только подробно описать все то, чему я сам был свидетелем, поскольку часто имел смелость, переодевшись ходить по городу и даже в Троицкий монастырь [29].

---

[29] *Де ла Невилль.* Записки о Московии (пер. А. С. Лаврова). – М.: Аллегро-пресс, 1996. – С. 140–150.

№ 30

1688, грудня 28. – Москва
Грамота молдавському воєводі та володареві Щербану Кантакузину з обнадією в прийнятті його з усіма землями в російське підданство у відповідь на прохання духовних та світських осіб

Прошеніе. Благочестивѣйшим, тишайшим, самодержавнѣйшим, пресвѣтлым и в Христа Бога благовѣрным государем, царем и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичам, и дѣдичам, и наслѣдникам, и обладателем, Богом вѣнчанным, и Богом хранимым, молим Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, да подаст свѣтлому. Вы царствію многолѣтной живот, здравіе тѣлесное с душевным спасеніем, благоденствіе и благопоспѣшеніе, и на вся враги видимые и невидимые свѣтлое одоленіе и побѣду, и да покорит Господь Бог под ноги Вашею пресвѣтлаго и святаго царства враги креста Христова. О пресвѣтлые и превеликіе святые царіе! Да избавит и нас крѣпкая ваша святая царская десница от враг наших, нас убогих, нас уничиженных от гордых варваров убоженных, и порабощенных, смиренных Христіан, рабов вашего превеликаго и пресвѣтлаго царства и святаго скипетра, присно от востока сіяющаго, и всю под небесную освящающаго, да осіяет и нам убогим о Христѣ, аминь.

Мы смиренніи рабы святаго вы царства, вси обывателіе молдавскія земли, святителіе, бояры, и вси купно всякого возраста, и сана, руцѣ спрятавше, колѣна преклонше, низко челом бьем, и единогласно вопіем от всего сердца и от всея души, слезы непрестанныя от очей наших проливаем, вопль испущаем, воздух раздирающе святых монастырей священно-иноцы, и иноцы, и священницы, старцы с юнотами плачем, молимся: да избавите нас от находящих на нас бѣд, приближающимся нам уже к конечной погибели от безбожных турков и татаров, иже начаша подаяти яд свой варварскій, и готови опустошити землю нашу ненависти ради и зависти, видяше свою поганскую силу ослабленную и умаленную от слуг христовых, в началѣ же от нѣмецкаго воинства, и польскаго; того ради и мы смиренніи рабы вашего превеликаго, и свѣтлаго, и святаго царства, видячи гнѣв Божій на агаряни, на проклятіи турки и татары, к тому отрицаемся их не обладати над нами, послахом с моленіем к нашему доброму государю, Степану Петру

воеводѣ, иже бысть отстранен от столицы молдавской, и от отчизны своей до польской земли; того ради по моленію нашему сотворил, и пріиде от странничества от польской земли до своего престола молдавского, яко отчины дѣдичь земли нашей и престола Молдавіи, и нынѣ на прѣстолѣ есть государь, и обладатель престолу молдавскому и всей Молдавіи; и видящи агарянов, готовых на опустошеніе земли нашей и на погубленіе наше, совѣтова нам милостивый государь Степан Петр воевода, со архіереями и с вѣрными бояры, с нами раби, великаго, и пресвѣтлаго, и святаго вы царства, и посла преосвященнаго отца нашего Досифея митрополита молдавского и вѣрнаго боярина Лупула Каманаря *, общим совѣтом, молимся вашему превеликому, и свѣтлому, и святому царству, умилосердитеся и избавити нас от враг наших, пославши войска против агарянов, ускорите да не погибнем; от иныя бо страны ни откуду надежды о избавленіи, токмо на святое вы царство; и милость Божія присно буди с великим и свѣтлым, и святым вы царством, да не оскудѣет царь от рода вашего, и вожд от бедру вашу о Христѣ, аминь.

Писася року Божаго 1684 в Ясѣх мѣсеца генваря 1 дня.

Смиренный Досифей, митрополит сучавскій, Іоанн, епископ романскій, Савва, епископ родогускій, Митрофан, епископ гужскій, Раковичь, великій логофет, Гавріил Ксотакій, великій дворник, Іонашко Бокша, дворник, Ѳеодосій Дубов, великій спатор, Илія Моцок, медельничар, Савин, медельничар, Іона Раковизь, погарник, Жоира, ключарь, Гинкуль, стольник, Доничь, ключарь, Иван Спафарій, Ѳеодор Накул, Василій Прежескул, Иван Исарь, вистарник, Крусаній, вистарник, Стефан Шолдан, Ѳедор Іордакій, великій истарник, и все Господарство наше великіе и малые, нижайшіе раби царствія Вашего, всѣ в подданство предаемся.

Словесный извѣт молдавского посла митрополита Досифея

7192 (1684) марта в 3 день, в Кіевѣ в приказной избѣ с бояриным и воеводами с Алексѣем Петровичем Солтыковым с товарищи, Молдавскія земли Сучавскаго монастыря митрополит Досифей в разговорѣ говорил: волоской де владѣтель, уговорясь со всѣми волоскими жителями, послал его бити челом великим государем, чтоб великіе государи пожаловали, велѣли их волоскаго владѣтеля со всею землею принять в подданство, для того: волоская де земля от турков раззорена в конец, чинят де им волохам, турки, безмѣрные и нестерпимые налоги, а они де, волохи, к королю польскому не поддавались, и в подданствѣ отнюдь быть не хотят, а с поляки де они, волохи, в міру от Хотинского бою за братство, а не в подданство, и от них де, поляков, нынѣ им, волохам, чинятся обиды ж, и вѣрить им, полякам, ни в чем не возможно, потому что они, поляки, люди злосливые, и в словах своих ни в чем непостоянны; а бывшій де воевода Дмитрюшка Дука из волоской земли взять в Польшу, и у короля де имѣет ласку, а нынѣ де им, волохам, от турских людей раззореніе великое, дань с них емлют большую, и кому де дать нѣчего, и они де жен и дѣтей их неволят; а турскому де салтану давали они, волохи, дани ефимками по сту по шестидесять мѣхов, а в мѣху по пяти сот ефимков, на всякой год; да и сверх де того от пріѣзжих турков и от татар поборы и кормы

* Посольство сіе не было в Москву впущено: оно было удержано в Кіевѣ, а бумаги его отосланы в Посольской приказ, откуда писано отпустить их послов в Молдавію, и там ожидать дальнѣйшаго по сему дѣлу объясненія.

берут же, и всякія обиды чинят нестерпимыя, а на нынѣшній де год присылал турской салтан для дани турченина, и они де, волохи, турскому салтану на нынѣшній год дани не дали, отказали: что за многим раззореніем, дани дать нѣчего. Будет де великіе государи пожалуют их, велят их, волохов, принять под свою высокодержавную руку, и они де тое дань, что плачивали туркам, учнут давать великим государем с радостію, только бы де их, волохов, от непріятельскаго наступленія своими государскими ратными людьми обороняли, а им де самим, волохам, ото многаго раззоренія борониться невозможно. А как де они будут в поданствѣ у великих государей, и турченину де будет о том болѣзненно, потому что де они турчанину дань платили лѣт с полтораста, и за них де турки, чтоб не быть в подданствѣ, стояти учнут. Да и мултянской де владѣтель Шербан воевода со всею землею у великих государей в подданствѣ быть хочет же, и в листу к великим государям о том писано, а которой де турченин присылан от салтана турскаго в Мултянскую землю для выбиранья дани, и того де турченина, мултянской Шербан воевода убил до смерти; а волоской де господарь нынѣ в Сучавѣ живет от докуки, от наѣздов турских, и татарских, и польских людей, а король де польской обѣщевает на помочь волоскому владѣтелю дать войска своего двадцать тысячь, только де того обѣщанія своего не исполнит, потому что они, польскіе люди, лживые, в правдѣ непостоянны, обѣщевает де то войско король польской на помочь волоскому владѣтелю для христіанскія вѣры, а не для того, чтоб им, волохам, быть у него короля в подданствѣ. И будет де турской салтан пришлет в волоскую землю на государство турченина, и укрѣпит волоскую землю турскими людьми, и им де, туркам, помочь будет великая, и в волоской де землѣ учинят крѣпость лучше Царя града в дѣсятеро, и польским де и иным пограничным людем будет от волоской земли и от Каменца Подольскаго великое утѣсненіе и раззореніе, и умножатся де в волоской землѣ многіе турки: а в волоской де при нем землѣ на люди мороваго повѣтрія не было, и ни гдѣ дорогою ѣдучи до Кіева не слыхал.

Грамота волохскому воеводѣ и владѣтелю
Іоанну Шербану Кантакузину

Бога в Троицѣ Святѣй славимаго милостію, от пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичей, и дѣдичей, и наслѣдников, и государей, и обладателей, Іоанну Шербану Кантакузину, воеводѣ и владѣтелю Мултянскія земли, наше царскаго величества милостивое слово. К нам, великим государем, к нашему царскому величеству писал ты, святыя Аѳонскія горы Павловскаго монастыря с архимандритом Исаіем, творя нам, великим государем, нашему царскому величеству, со всѣм народом православным, духовным и мірским, поклоненіе и благодареніе, и притом просите от нашего царскаго величества помощи и милосердія, и объявляете: как страны ваши христіанских народов, сущія под игом поганским, мученіе и раззореніе, обиды и иныя бѣды терпят; того для из глубины сердец, нас, великих государей, наше царское величество, молите, да воспомянем и познаем обиды

и мученія ваших стран православных народов, в каких есть нуждах и святая восточная церковь колеблется и пребывает, и в такихь мученіях быв, ожидаете избавленія своего, дабы мы, великіе государи, наше царское величество, вас от того, для имени Божія и возвышенія и утверженія святыя восточныя церкви, свободить изволили; пространное ж свое челобитье приказали донести вышепомянутому архимандриту и молите, дабы ему милостивое и вѣрное слушаніе дано было. И мы, великіе государи, наше царское величество, указали у того вашего присланнаго архимандрита, доношенія словеснаго выслушать милостиво нашего царскаго величества ближнему боярину князю Василью Васильевичу, нашія царственныя большія печати и государственных великих и посольских дѣл оберегателю и дворовому воеводѣ и намѣстнику новгородскому, да ближнему боярину и намѣстнику великопермскому князю Алексѣю Васильевичу Голицыным с товарищи: и тот ваш присланный архимандрит, тѣм нашим царскаго величества ближним бояром челобитье ваше обьявил, дабы мы, великіе государи, наше царское величество, изволили вас всѣх православно живущих христіан из-под ига мучительскаго свободить, и принять в вѣчное подданство под нашу царскаго величества высокодержавную руку, и послать бы наши царскаго величества войска на Буджаки, а иныя судами рѣкою Дунаем; а ты, воевода и владѣтель земли мултянской, со всѣми своими ратьми придеш в помощ к тѣм нашим царскаго величества ратям, и для задержанія б Крыму оставить часть наших царскаго величества войск на Запорожьѣ. И мы, великіе государи, наше царское величество, тебя, воеводу и владѣтеля земли мултянскія, и все православное, живущее в ваших странах христіанство, за ваше к нам, великим государем, к нашему царскому величеству, такое желаніе, что вы нашей царскаго величества милости ищете и хотите быти, ради единыя православныя христіанскія вѣры, под нашею великих государей самодержавною высокою рукою, с своими землями в подданствѣ, жалуем милостиво похваляем, и имѣем о вас и о всѣх православных христіанѣх, живущих под игом поганским, попеченіе неотмѣнное, дабы Господь Бог милосердый от таких вас бѣд и печалей изволил милостиво свободити; и указали мы, великіе государи, наше царское величество, для имени Божія, милосердуя о вас и о всем народѣ, православно живущем под игом поганским, и ради цѣлости всего христіанства, а паче слыша о раззореніи вашем, во утѣсненіи сущих, имѣя наше государское о свобожденіи вашем неотмѣнное намѣреніе, послать наших царскаго величества ближних бояр и воевод со многими нашими государскими ратьми конными и пѣшими на самый крымской юрт, дабы, при помощи Божіи, тѣ их бусурманскія жилища юрты разорить, а удобно то их бусурманское гнѣздо прежде искоренить; понеже оные поганцы, из тѣх своих юртов выходя, многія христіанским государствам, а паче и самим вашим землям разоренія и пакости дѣют. А о том вам и самим вѣдомо подлинно, что у турецкой Порты в воинских поведеніях лучшая надежда и оборона крымской хан и Бѣлогородская орда, и пойдут наши царскаго величества ближніе бояре и воеводы, с нашими государскими ратьми, в тот выше помянутый путь самым ранним вешним временем, дабы придти в жилища поганскія в половинѣ апрѣля мѣсяца. И тѣбѣ б, мултянскія земли владѣтелю и воеводѣ, и всѣм в ваших странах православно живущим христіаном, как духовным, так и мірским, вѣдая наше государское о вашем из-под ига поганскаго

свобождении попеченіе и намѣреніе и показанную к вам нашу, царскаго величества милость, также и слыша про многія наши царскаго величества войска, которыя напредь сего посыланы и нынѣ для разоренія и военнаго промысла над непріятели посланы будут, на нашу государскую милость быть надежным и к нам, великим государям, к нашему царскому величеству намѣреніе свое, для единыя православныя христіанскія вѣры, содержать непреложно, а к иным посторонним государствам не приставать и не поддаватись, и писем укрѣпительных подданственных не давать и присяги и обѣщанія на подданство не чинить; а собрався бы тебѣ, воеводѣ, как с своими, так и с иными христіанскими войски идти, или тѣ войска свои слать в сход к нашим царскаго величества бояром и воеводам, которые нынѣшнею весною посланы будут на крымскіе юрты, тѣми мѣсты, которыя вашему походу будут пристойны в слученіе, а именно к турецким городкам, на Днѣпрѣ стоящим, Казыкерменю, чтоб при помощи Божіи тѣх гордых поган смирить, а вас всѣх православно живущих христіан от ига их свободити. А как, по милости Божіи, наши царскаго величества рати, тѣх непріятелей всего христіанства юрты разорят, и тогда мы, великіе государи, укажем нашим государским ратям с тобою, или с прислаными твоими войски идти и на Бѣлогородскую орду и на иныя тамо их поганскія жилища, и вас, со всѣми вашими городами и землями под наше царскаго величества самодержавіе принять изволим, и нашими государскими войски от непріятелей святаго Креста Господня оборонять и держать учнем в нашем царскаго величества милостивом жалованьи и призрѣніи. А о том бы тебѣ, воеводѣ и владѣтелю, и всѣм православно живущим христіаном радѣніе свое и попеченіе неотмѣнно приложить, чтоб тебѣ к нашим царскаго величества бояром и воеводам в сход придти, или кого с тѣми своими войски послать, которыми мѣсты пристойно, но неумедля и от непріятелей безопасно; также и совершенную на то надежду положить без всякаго сомнѣнія, что мы, великіе государи, наше царское величество, ради единыя православныя христіанскія вѣры, от вас не отступим, а станем держать, помощію Божіею и заступленіем надежды нашея всего христіанскаго рода, пресвятыя Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Маріи и молитвами всѣхъ Святых и московских и кіевопечерских Чудотворцев, и боронить от непріятелей будем, и милость наша государская и оборона отъемлема никогда не будет, и во всем быти б вам, на нашу государскую милость надежным. А которыми способными мѣсты тебѣ, воеводѣ, с войски, к нашим царскаго величества войскам в слученіе идти, или кого с тѣми своими войски послати, и о том и о иных своих намѣреніях и о желаніях к нам, великим государем, писать неумедля с нашим посланным, который того для с вышепомянутым архимандритом к тебѣ послан, чтоб нам, великим государем, нашему царскому величеству было о всем извѣстно вскорѣ. А напредь сего, с нашею, великих государей, обнадеживательною милостивою грамотою послан к тебѣ грек Дементій, и по се время к нам, великим государем, еще он не возвратился, и ни о чем нам, великим государем, вашего намѣренія неизвѣстно. А вышепомянутаго архимандрита, пожаловав нашим царскаго величества милостивым жалованьем, повелѣли к вам отпустить, и присланные твои с ним златоглавы и часы, мы, великіе государи, изволили принять милостиво.

До состоянія вышезначущейся грамоты домогательство молдавских и волохских владѣтелей на принятіе их в подданство Россіи было в разныя времена, как видно из нижеслѣдующих документов:

I. Лист к царю Алексѣю Михайловичу от Константина Шербана, владѣтеля и воеводы земель молдавской и волохской, просительный, о дачѣ ему помощи противу турков, о присылкѣ к нему боярина для принятія обоих помянутых владѣній под россійскую державу и о пожалованіи ему знамени и булавы

Божіею милостію, великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, московскому, кіевскому, владимірскому, новгородскому, царю казанскому, царю астраханскому, царю сибирскому, государю псковскому, и великому князю литовскому, смоленскому, тверскому, волынскому, подольскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иных; государю и великому князю Нова-города низовскія земли, черниговскому, рязанскому, полоцкому, ростовскому, ярославскому, бѣлоозерскому, удорскому, обдорскому, кондійскому, витебскому, мстиславскому, и всея сѣверныя страны повелителю и государю иверскія земли, карталинских, и грузинских царей, и кабардинскія земли, черкаских и горских князей, и иных многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичу, и дѣдичу, и наслѣднику, и государю, и обладателю, монарху православному христіанскому, вашему царскому пресвѣтлому величеству.

Аз Константин Шербан, владѣтель и воевода земли молдавской и мултянской, со всѣми бояры тѣх дву земель, до лица земли низко челом бью. Объявляем печаль нашу, и жалобу приносим пред ваше царское пресвѣтлое величество, государя христіанскаго и милостиваго монарха, воззрѣніемь на двѣ земли христіанскія, которыя земли дѣдичество отцов наших, и наша отчина, а нынѣшних времен бусурманская рука, противная Креста Святаго и Святой православной вѣры, поступает замыслами злосливыми, там мѣшкаючи православіе церкви Божественныя и вся христіаны потоптать и обратить в непамять. Хотя мы оных, за милостію и помощію Божіею, как многократно войсками нашими и отпором застоновляли; и так имѣли во всем счастливые поступки, нагнавши непріятелей в Дунай рѣку немало одних мечем, а других живых взяв, в воду потопили, за счастіем вашего царскаго величества, которому есмя из давна склонитися имѣли. Но противніи врази увѣдавше, что не имѣем в силах наших противленія и большой помощи, крѣпко учали наступати на нас большими силами, тогда немогше им больши противитяся, с боярами нашими чрез многія чужія земли к вам, великому государю христіанскому, в черкаскіе городы пришли, слышачи от вас, великаго государя, всѣм прибѣгающим помощію и вспоможеніем быть; понеже вами, великим государем, православныя государства свѣтятся и щитятся. И я, повольный и желательный от многих прошлых времен маестатови пресвѣтлому вашего царскаго величества, оставивши жену и животы мои, а предавшис до Вас, великаго государя, христіанскаго монарха, с бояры моими желаем обороны и помощи от вашей крѣпкой руки против врагов наших, с кѣм бы могл землю молдавскую и мултянскую, истинныя православныя вѣры ревнительныя на вѣчную вашего царскаго величества славу, из неволи освободити, и наставити на первую красоту. Здѣ мнѣ пришедшему на Украйнѣ вашего царскаго величества подаровал Бог

Всемогущій по сердцу видѣтися вашего царскаго величества с вѣрным и желательным подданным Юрьем Хмѣльницким, гетманом Войска Запорожскаго, и вашего царскаго величества бояриномъ, и воеводою и намѣстником бѣлоозерским Василіем Борисовичем Шереметевым, за которых порадою посылаем до вас, великаго государя христіанскаго, бьючи челом бояр трех наших, постельника великаго Накгула, ключаря Калота, и капитана Дмитрія Александрова, посылаючи с желательным нашим послушенством и наклоняючи нашу голову маестатов пресвѣтлому вашего царскаго величества, с поданной им подлинной инфурмаціи воззрѣніем всѣх прошеній, чтоб ваше царское величество изволил милостиво и меня и их выслушать, и пожаловати милостію своею посланных вскорѣ отпустить. Еще вашего царскаго величества смиренно моля, повольные наши услуги отдаем.

Писан в Корсунѣ, іюня 16 дня, року 1660.

Информація или наказ, поданный в Посольском приказѣ молдавскими посланниками 18 августа 1660 года

Информація, которая дана от Константина Шербана воеводы вѣрным послам его Накгулѣ Степановичу постельнику, да ключнику Калоту Константиновичу, да капитану Дмитрію Александровичу, которым вся наука поручена, о чем бити челом и милости просить у царскаго пресвѣтлаго величества, который есть един православный христіанскій царь и свѣтило всѣм православным христіаном, а именно у его царскаго пресвѣтлаго величества просити милости на три статьи, которыя даны им от господаря их за его печатью и подписью руки его.

1. Бити челом его царскому пресвѣтлому величеству и милости просити со слезами, чтоб его царское пресвѣтлое величество указал учинить помощь против непріятелей и врагов агарян Креста Святаго, которые топчут православных христіан, и церкви святыя оскверняют, и всякое поруганіе чинят. А сей час господарь их Константин воевода с двемя земли с мултянскою и с молдавскою бьет челом его царскому пресвѣтлому величеству, чтоб его царское пресвѣтлое величество изволил его, Константина воеводу, с тѣми землями и с людьми приняти под свою государскую высокую руку в вѣчное подданство, и чтоб его царскаго пресвѣтлаго величества милость к ним была во вѣки неотмѣнна.

2. А исполнившися той милости его царскаго пресвѣтлаго величества на господаря их, чтоб его царское пресвѣтлое величество, для принятія под свою царскаго пресвѣтлаго величества высокую руку господаря их и тѣх обѣих земель, изволил послати боярина своего, кого его царское пресвѣтлое величество укажет, который бы мог господаря их со всѣми людьми к вѣрѣ привести. И как тѣ обѣ земли за его царским пресвѣтлым величеством утвердить и постановить, чтоб смотря тое милость его царскаго пресвѣтлаго величества на господаря их и на тѣ обѣ земли, иныя земли христіанскія были по тому ж в подданствѣ под его царскаго пресвѣтлаго величества высокою рукою.

3. А как его царское пресвѣтлое величество изволит кого послать боярина своего ко господарю их, для принятія под свою царскаго пресвѣтлаго величества высокую руку, и чтоб с тѣм бояриномъ изволил великій государь; ко господарю их свое царскаго пресвѣтлаго величества знамя, и булаву, и иное что его царское пресвѣтлое величество изволит для того, что увидя тое его царскаго пресвѣтлаго величества милость, тѣ обѣ земли учнут содержатися крѣпко и постоянно безо всякого сомнѣнья.

II. Грамота царя Алексѣя Михайловича к кіевскому воеводѣ Василію Шереметеву, с приказаніем объявить присланному из Молдавіи посланнику, что россійскій двор не может принять Молдавіи и Валахіи в свое подданство, по причинѣ дружественых сношеній с Оттоманскою Портою

От царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, в нашу отчину в Кіев боярину нашему и воеводѣ Василью Борисовичу Шереметеву.

В прошлом во 168 году іюня в 23 день, писал к нам, великому государю, ты, боярин наш и воевода Василій Борисовичь, с Стародубцом с Иваном Тонкимь о пріѣздѣ молдавскаго Константина воеводы Шербана с ратными людьми, в наш великаго государя черкаскій город Корсунь. И в прошлом во 168 году августа в 16 день, прислал к нам, великому государю, он же Константин воевода посланников своих постельника Накгула Степанова с товарищи; и тѣ его посланники говорили по наказу, каков им дал за своею рукою и печатью Константин воевода, чтоб мы, великій государь, наше царское величество, ему, Константину воеводѣ, против непріятелей их агарян указали учинити помощь и изволили его, Константина воеводу, с двемя земли с мултянскою и с молдавскою и с людьми приняти под нашу царскаго величества высокую руку в вѣчное подданство, и чтоб нашего царскаго величества милость была к ним во вѣки неотмѣнна. А для принятія под нашу царскаго величества высокую руку его, воеводы, и тѣх обѣих земель изволить нам, великому государю, послать боярина нашего, кого мы, великій государь, укажем, чтоб который мог его, воеводу, со всѣми людьми к вѣрѣ привести, и тѣ обѣ земли за нашим царским величеством утвердить и постановить, а кого мы, великій государь, наше царское величество, изволим для принятія под нашу царскаго величества высокую руку его, Константина воеводы, послать боярина нашего, и чтоб с ним мы, великій государь, изволили к нему, воеводѣ, послать нашего царскаго величества знамя и булаву, и иное, что мы, великій государь, наше царское величество изволим, чтоб увидя тое нашу царскаго величества милость, тѣ обѣ земли учали содержатися крѣпко и постоянно, безо всякаго сомнѣнія. Да к нам же, великому государю, и гетман Юрій Хмѣльницкій об нем же, Константинѣ воеводѣ, о том с посланцы своими с корсунским сотником с Григорьем Подониченком с товарищи, писали, которые с тѣми его Константиновыми посланниками вмѣстѣ пріѣзжали, чтоб мы, великій государь, не допустили над христіаны поганским переводити рукам, и по нашему великаго государя указу, тѣм его Константиновым посланником сказано: что о тѣхѣ дѣлѣх наш великаго государя указ послан, к тебѣ, боярину нашему и воеводѣ. И как к тебѣ ся наша великаго государя грамота придет, а мултянскій и молдавскій владѣтель и воевода Константин Шербан учнет к тебѣ о тѣх дѣлѣх присылать посланцов своих, и ты б им говорил: что нам, великому государю, воеводу их Константина, под нашу царскаго величества высокую руку в подданство принять нельзя, потому что он, Константин, воевода подданный турскаго султана; дружба и любовь давная и ссоры и недружбы меж нами, великими государи, никакія нѣт. А буде Константин воевода для того ж дѣла и сам к тебѣ пріѣдет, и ты б ему по тому ж отговаривал всякими мѣрами, против нашего великаго государя указу; и дав ему нашего великаго государя жалованья, денег и соболей, что пригоже, отпустил бы его к себѣ. А отпустя ты боярин наш и воевода Василій Борисовичь, гдѣ можно,

с гетманом с Юрьем Хмѣльницким видѣлся б, и с ним говорил на одинѣ: что нам, великому государю, нашему царскому величеству, мултянскій и молдавскій владѣтель и воевода Константин Шербан бьет челом, чтоб ему с двѣмя землями, с мултянскою и с молдавскою с людьми быти в подданствѣ под нашего царскаго величества высокою рукою вѣчно. А он, гетман Юрій Хмѣльницкій, об нем, Константинѣ воеводѣ, с посланцы своими, причиняючись о том писали же; а про то ему, гетману, и всему нашего царскаго величества Войску Запорожскому подлинно вѣдомо, что нынѣ в мултянскую и в молдавскую землю на его, Константиново мѣсто, турской султан прислал новых воевод; и только мы, великій государь, наше царское величество, его, Константина воеводу, изволим принять под нашу царскаго величества высокую руку в вѣчное подданство, и за то чаять от турскаго султана ссоры большія, и мултянскаго и молдавскаго новых воевод на него с ратными людьми приходу; а он, Константин, будет в то время в наших царскаго величества черкасских городѣх, а придут на него, воеводу, с новыми воеводы турскіе и крымскіе люди, и они, гетман и все наше царскаго величества Войско Запорожское, за них стояти учнут ли? И только за него стоять и сверх непріятеля польскаго короля прибудет новый непріятель турской султан; а говорил бы еси с гетманом всякими мѣрами, чтоб то отговорить и не привести б на себя непріятелем турскаго султана. А Константиновым посланцам, которые к тебѣ присланы будут, говорил бы еси словом, а на письмѣ никакого дѣла им не давал. А буде гетман учнет говорить, что он воевода нам, великому государю, бьет челом, чтоб ему быти до времяни в наших великаго государя черкасских городѣх, а инуды ему от бусурманов ѣхать нельзя, а ему, гетману, его не выслать, и ты б, поговоря с ним, гетманом, нашим великаго государя указом, как в сей нашей великаго государя грамотѣ написано, и что гетман с тобою против того поговорит, о том бы еси о всем к нам, великому государю, отписал наскоро с нарочным гонцом на заводных подводах, а отписку велѣл отдать в Посольском приказѣ дьякам нашим думному Алмазу Иванову, да Дмитрію Шубину. Писань на Москвѣ лѣта 7169 сентября в 7 день.

III. Лист к царю Алексѣю Михайловичу от господарей и воевод, молдавскаго Стефана и волохскаго Константина Шербана, с прошеніем о защищеніи их и земель от турок и об удержаніи крымских татар от соединенія с атаманом Дорошенком

Богом избранному и Богом дарованному и прежде рожденія величества его от Бога помазанному и избранному к прадѣдичному престола Вашего царскаго величества отчичу и дѣдичу, царю и державнѣйшему обладателю и непобѣдимому побѣдителю всѣх врагов креста Святаго.

Понеже мы милостію Божіею в нынѣшнее время обретаемся владѣтели обоих сих христіанских стран, и сущіе нижайшіе и смиреннѣйшіе рабы преславному царству твоему, Іоанн Стефан Петр воевода, владѣтель молдавскія земли, также и яз, яко нижайшій и смиреннѣйшій раб царствія твоего, Константин Шербан воевода, владѣтель мултянскія земли, хотяще и мы сим письмом нашим нижайшим и поклонимся лицем нашим, даже до земли пред преславным престолом царствія твоего, моляще милостиваго Бога и Пречистую его Матерь хранити и соблюсти царствіе твое пред великую милость и силу его, побѣдоносителя против всѣх врагов видимых и невидимых со умноженіеи и с великою пользою всякаго

христіанскаго рода, удолжая премилостивый Бог царствіе твое долголѣтным житіем и благополучным царствіем даже до глубокія старости, прославлен и возвышен на престолѣ царствіи твоего, аминь.

С нынѣшним случаем творяще великое поклоненіе, которое и преж того довелося было нам учинити, и о том зѣло просим, от вашего царского величества прощенія и милосердія тому, что прежде того не могли сыскати времяни писать к вашему царскому величеству, зане пребываем под игом рабским у невѣрных и того ради не могли писати; нынѣ же получили благополучное время, милостію Божіею, и возсія на нас сила христіанская, понеже владѣем нынѣ от христіанскія силы на обѣих сих землях, и того ради не могли терпѣти, еже не поклонитись по достоинству пред престолом царствія вашего, и притом чиним жалобу, ради великих и тяжких нашествій и многих неправд, которыя терпим от несытных поган, зане имѣйще они прескверное лакомство, отринули нас от всѣх древних обычаев, которыми в древних временах с ними договаривали и состояны были от отцов и праотцов наших, прибавляюще дани и рушающе обычай наш и проливающе кровь христіанскую, которой мы не возмогши больше того терпѣти, дондеже в прошлом году время случилось, егда они по скверному их лакомству хотяще простирати владѣніе свое и покорити и польскую землю, пріиде бо великій нечестивый поганин с великою и всею силою своею, попра оба сіи земли наши христіанскія, сирѣчь: воложскую, мултянскую.

И нынѣ мы не можем повѣствовать пред царским твоим величеством утѣсненія и казни, которыя терпѣли нищіе христіане, которых очи человѣческія никогда не видали, потому что не токмо им и лошадям их корм, но и воду даже до Львова им возили, опричь того мосты на Днѣстрѣ и на иных многих водах учинили и иные многія дѣлы неисчисленныя, и тогда нищіе христіане зряще, что не могут терпѣти толиких великих нужд, и видяще, что нѣсть силы больше того исполнити поганское желаніе, потому что они, поганя, овладѣли Каменец и иные многіе уѣзды в польской землѣ с крѣпостями, и тогда всѣ запасы, что им надобно было, от нашія земли возили, и опричь того войско их в нашей землѣ под Хотином сорок тысячь с паши стояло, кромѣ иных пашей, которые стояли в Ясѣх, которые великое злотвореніе чинили. По тому ж милостію Божіею, войско польское пріиде под Хотин на турское войско, Богу сице предсмотряющу, одолѣли христіане тѣх многих пашей и множество турков потопили, видяще и мы, за милостію Божіею, христіанскія силы и гетманы польскіе извѣщающе нам, чтоб отлучились от невѣрнѣх, потому, если мы будем с ними в том же страданіи, будем и мы равным с невѣрными; мы же еще прежде того моляхом Бога и смотряхом видѣти нѣкоторую помочь от страны христіанскія. И так Бог поспѣшествовал сему войску христіанскому, и мы, взявши помощь Божію, случились с войски христіанскими, начинали бой чинить против поганскаго рода, и Бог премилостивый есть и может объявити превеликую свою милость ко христіанам. Но объявилося малое смущеніе христіанам, смерть короля польскаго, и возвратились гетманы назад со многими войски, покамѣст могут обрати короля новаго: тогда такое слово дали, что всѣ со всѣми войски имут пріити на невѣрных, однако ж с тою частію войска, что здѣсь осталась, могут сіи наши двѣ земли оборонитись от невѣрных помощію Божіею. Нынѣ же ибо, яко нижайшіе рабы, пресвѣтлому твоему царствію припадаем рабски, и молим, да будет милость и помощь и оборона вашего царскаго величества, и избавить нас от работы поганскія, чтоб изволил ваше царское величество часть

войска против татар поставить, а иную часть здѣ к нам в помощь послати; дабы милостію Божіею и пресвѣтлым счастіем вашего царскаго величества избавились бы от ядовитаго змія. Подобает бо нам, христіанам, быти под послушаніем христіанскаго царя, нежели быти в порабощеніи бусурманском. Того ради молим вашего царскаго величества, умилостивись и объяви милость свою на нас и избави нас от работы поганскія, дабы были под покорством вашего царскаго величества, потому что мы со всѣми землями ожидаем радостно и прилежно, токмо то желаем, чтоб в цѣлости церква и вѣра наша пребывала бы, и паки молим вашего царскаго величества, да не лишимся милости и помощи вашего царскаго величества, яко да прославится имя вашего царскаго величества, от вѣка и до вѣка, зане если оскудѣемся помощію вашего царскаго величества по истинѣ поругани от бусурман, и нам удобно будет избавитися от силы бусурманскія, во страны христіанскія особами нашими; паче же уповающе на милость вашего царскаго величества, а что нынѣшнія земли наши оставатися будут в порабощеніи, и отчины наши будут под силою бусурманскою, и церкви Божіи запустѣют и разорятся и падут страны христіанскія, и буде возмет бусурманин сія два господарства, по их пресквернову лакомству будут желать и больше распространятись; зане сими двумя господарств великая ему сила прибавляется, идеже он воюет хотя нетолико воинским промыслом, пособится от нас; однако ж иным промыслом, запасами и конским кормом, как выше имяновали, войски его всѣ от наших земель насыщатись и наполнятись будут, того ради их великим принужденіем и утѣсненіем принуждены суще отлучитись от них, зане опричь иных злотвореній, и дѣтей наших и дщерей и жен пред очима мужей восхищаху, и во святых церквах лошадей своих постановили; видяще же мы толикое утѣсненіе, моляхом милостиваго Бога, да избавит нас от толикаго утѣсненія и порабощенія, уповающе на помощь христіан понеже на помощь вашего царскаго величества. Того ради припадаем и молим яко пресвѣтлѣйшаго и самодержавнѣйшаго царя всѣм христіанам, да будет милость вашего царскаго величества изліянна к нам и сила вашего царскаго величества над враги вѣры нашей побѣдоносительна явится, иные вѣдомости подлинно к вашему царскому величеству чиним, что турчин нынѣ в войнѣ слабѣет, а что весною великое уготовленіе учиним, но уповаем на Бога, иже сокрушим нынѣ силу его зимою. И нынѣ он уповает на татар, что они воевати будут от страны христіанѣ, и того ради великіе подарки от салтана татарам посланы суть: в началѣ 40 000 червонных, и по том обѣщали им воложскія и мултянскія земли весь народ в порабощеніе, только оставити одну землю, также и землю будецкую, которую в прошлом году турки у татар взяли, опять возвратили им, и при том молдавскія земли три уѣзда обѣщали, того ради нынѣ имѣем мы великое опасеніе от татар; однако ж уповаем на милость вашего царскаго величества и надѣемся, что будет ваше царское величество к нам милостив, и не подаш вольности татарам, и то великая милость и польза будет, если ваше царское величество изволит препону Крыму поставить, чтоб им не вольно нигдѣ было разширитись, и чтоб поспѣшало войско вашего царскаго величества в сію Украйну, зане Дорошенко наш сосѣд держит крѣпко с турком, если препона татарам и Дорошенку учинится, великую помощь всѣ страны христіанскія от твоего царскаго величества имѣти будут, потому что Дорошенко гетман хвалится, над сими двумя нашими государствы, что он вмѣстѣ с татары воевати учнет и опять тѣ государства под игом бусурмаским будут. И нынѣ нам инаго прибѣжища нѣт, токмо молим Бога и уповаем на

милость вашу царскаго величества, да не будем лишены в порабощеніе вѣчное; того ради избрали с посланіем сих листов вся рада обоих господарств, которые покорны суть вашему царскому величеству, іеромонаха игумена Святогорскаго святаго Павла, именем Өеодора, который есть избранный муж и честный и желатель пользы христіанской, и сам поущен бысть на том служити христіанству. Того ради бьем челом вашему царскому величеству, что еликая объявити имѣет словесно во всем вѣру дати ему, потому что он от всѣх здѣшних стран христіанских послан и вѣдает о всем; по сем молим премилостиваго Бога даровати вашему царскому величеству долголѣтное здравіе.

Писан в Яссѣх лѣта 7182 декабря 31 числа.

IV. Грамота царя Алексѣя Михайловича к воеводам и владѣтелям молдавскому Стефану Петру, и волохскому Константину Шербину отвѣтная на желаніе их быть в россійском подданствѣ

Божіею милостію от великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и многих государств, и земель восточных, и западных, и сѣверных отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя, Стефану Петру, воеводѣ и владѣтелю молдавскія земли, Константину Шербину, воеводѣ и владѣтелю мултянскія земли, наше царскаго величества милостивое слово. В нынѣшнем 182 году февраля в 26 день к нам, великому государю, к нашему царскому величеству в листу вашем со іеромонахом и ігуменом Святогорским с Өеодором писано: что вы, воеводы и владѣтели земель воложской и мултянской, творите нам, великому государю, поклоненіе и просите от нашего царскаго величества прощенія и милосердія, для того, понеже прежде сего не могли есте сыскать времени к нам, великому государю, к нашему царскому величеству писати, для того, что пребывали под игом рабским; нынѣ ж милостію Божіею получили благополучное время и возсія на вас сила христіанская, и того ради не могли терпѣти еже не поклонитеся по достоинству пред престолом царствія нашего и жалобу чинить ради великих и тяжких нашествій и многих неправд. А когда пріиде той с великою своею силою и попра обѣ земли ваши христіанскія воложскую и мултянскую, тако ж овладѣл и Каменец и иными многими уѣзды в польской землѣ, и как милостію Божіею войско польское пріиде под Хотин на турское войско, вы, за помощію Божіею, случася с войски христіанскими, народ их побиша, смерти же ради славныя памяти брата нашего наяснѣйшаго великаго государя Михаила, Божіею милостію короля польскаго и великаго князя литовского, рускаго и иных, гетманы возвратились назад со многими войски для обранія короля новаго, дав вам слово, что со всѣми войски имут придти на невѣрных; а с частію войска, которая у вас осталась, можете земли своя обоя, помощію Божіею, от невѣрных оборонити, в нас, великаго государя, и наше царское величество молите, дабы милостію нашего царскаго величества, помощію вас оборонили и избавили от работы; и послати б и наших царскаго величества войск часть против татар, а иную часть к вам в помощь послать, чтоб вам, за помощію Божіею, и нашим царскаго величества счастьем избавитися от ядовитаго змія, и быти под послушаніем у нас, великаго государя, и объявити б вам нашу государскую милость. А присланной ваш іеромонах игумен Өеодор, будучи на Москвѣ, нашим царскаго величества ближним людем, сверх вашего листа, изустно объявил, чтоб мы, великій государь и наше царское величество,

указали Украйну тое стороны Днѣпра усмирить, и со всѣми владѣньями и землями вашими хотите быть под нашею великою самодержавною высокою рукою в подданствѣ, а мы, великій государь, указали к вам послать для разсмотрѣнія земель и мѣст ваших, кого мы, великій государь, изволим, а в подданствѣ вашем под нашу царскаго величества самодержавную высокою руку, за вас, воевод и владѣтелей земель волошской и мултянской, он, игумен, пред Святым Евангеліем учинит вѣру на том, что для лучшаго утвержденія прислат вам к нам, великому государю, к нашему царскому величеству лучших и ближних своих из духовнаго чину и бояр, и тѣ ваши присланные, будучи у нас, великаго государя, у нашего царскаго величества, договор, на которых статьях быти у нас, великаго государя, в подданствѣ по тому ж пред святым Евангеліем вѣру учинят, статьи укрѣпят. И мы, великій государь, наше царское величество, вас, воевод и владѣтелей земель волошской и мултянской, за ваше к нам, великому государю, к нашему царскому величеству желаніе, что вы нашей, царскаго величества, милости ищете и хотите быть под нашею, великаго государя, самодержавною высокою рукою с своими землями в подданствѣ, жалуем милостиво похваляем, и имѣем о вас о всѣх православных христіан попеченіе неотмѣнное и помочь братьям нашим царскаго величества, славныя памяти, наяснѣйшим и великим государем, королем польским и великим князем литовским, руским и иных, Яну Казимеру и Михайлу Рѣчи Посполитой, нашими царскаго величества ратными людьми горным и водяным путем, против непріятеля креста христова, турскаго салтана и крымского хана, чинили, а нынѣ прошенія ради вашего и Рѣчи Посполитой польской, указали мы, великій государь, біть на нашей великого государя службѣ на Дону под Азов боярину нашему и воеводам, и намѣстнику вятскому князю, Ивану Андреевичу Хованскому с товарищи, со многими нашими царскаго величества ратными, конными и пѣшими людьми, отвращая турскаго салтана и крымскаго хана от войны, чтоб они в ваши земли войною не входили. По нашему ж великаго государя указу велѣно боярину нашему и воеводѣ и намѣстнику бѣлогородскому, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому да нашему царскаго величества подданному гетману Ивану Самойловичу со всѣм Войском Запорожским идти на ту сторону Днѣпра войною на Дорошенка, приводя его под нашу царскаго величества высокую руку в подданство, и чтоб тѣм турская и крымская война от вас и от Рѣчи Посполитой польской отвесть. И милостію Божію и помощію Пресвятыя Богородицы и нашим, великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и наших царскаго величества благовѣрных, чад, благовѣрнаго царевича и великаго князя Θеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи благовѣрнаго царевича, и великаго князя Іоанна Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, благовѣрнаго царевича, великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, счастіем, многіе полки с городы, и с мѣсты тое стороны Днѣпра учинились в подданствѣ у нас, великаго государя у нашего, царскаго величества и для нынѣшней настоящей ради нужды конских кормов боярин наш и воевода князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій уступил на сю сторону Днѣпра, а по нашему великаго государя указу на той сторонѣ Днѣпра в Черкаском и в Каневском полках указали мы, великій государь, наше царское величество, товарищем его быти сыну его, стольнику князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому, да стольнику Ивану Вердеревскому, со многими

нашими царскаго величества ратными, конными и пѣшими людьми, а ему, боярину нашему и воеводѣ и намѣстнику бѣлогородскому князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, указали идти на ту сторону Днѣпра, кой час Днѣпр льдом очистится, и дѣлом Божіим и нашим, великаго государя, промышлять, и помочь чинить, сколько той же милосердый Бог помощи подаст. И буде вы, воеводы и владѣтели, у брата нашего, славныя памяти, у наяснѣйшаго и великаго государя Михаила, Божіею милостію, короля польскаго и великаго князя литовскаго, русскаго и иных в подданствѣ не учинились и Рѣчи Посполитой не поддались, и письмами меж собою какими не укрѣпились, а желаете быти истинно под нашею царскаго величества самодержавною высокою рукою с городами и землями в вѣчном подданствѣ. И вам бы прислать к нам, великому государю, к нашему царскому величеству вѣрных и ближних людей духовнаго и мірскаго чину из бояр ваших по человѣку с достойными статьями за вашими, и митрополитов и архіепископов и всего духовнаго чину и бояр ваших и иных чинов великих и средних и малых руками, и за печатьми, на которых статьях могли б с нашими царскаго величества с ближними думными людьми, о подданствѣ вашем договор учинить, и вѣрою пред Святым Евангеліем укрѣпить. И как тѣ ваши присланные будучи у нас, великаго государя, с нашими царскаго величества ближними думными людьми, о подданствѣ вашем договор пристойной учинят и вѣрою укрѣпят, тогда мы, великій государь, наше царское величество, вас, владѣтелей, со всѣми вашими городами и землями под нашу царскаго величества высокодержавную руку в вѣчное подданство принять изволим, и нашими государскими войски от непріятелей Святаго Креста Господня, вас, воевод и владѣтелей, учнем оборонятн, не токмо сими вышеписанными ратями, но и паче сих сил нашими царскаго величества множественными ратьми, и держать вас учнем в нашем, царскаго величества милостивом жалованьѣ; а посланца вашего, Святогорскаго Павлова монастыря іеромонаха ігумена Ѳеодора, пожаловав нашим государским жалованьем, велѣли его к вам отпустить, не задержав.

Писан государствія нашего в царствующем велицем градѣ Москвѣ, лѣта от созданія міра 7182 марта 10 дня.

V. Статьи, присланыя из Варшавы от волохских бояр Радула и Петряшки: на каких условіях желают они быть в россійском подданствѣ

Статьи, которыя подаем к его царскому величеству для поклону и уравненія, чтоб мы были обнадежены о том, как пишем ниже сего.

1. Пресвѣтлое царское величество дабы нас свободил от порабощенія поганского, за Божіею помощію и силою креста святаго; и мы, подданные, пребывати будем у царскаго величества при том уравненіи, которое пишем ниже.

2. Рѣчь Посполитая наша, когда похощет выбрати господаря из своея земли, котораго мы выберем, и меж себя вышлем бояр и митрополиты и епископы и с игумны к его царскому величеству, прося о соизволеніи и о грамотѣ его царскаго величества, чтоб был господарем непременным, доколѣ жив будет. А если умрет сына оставя, чтоб был разумен, и возмог бы взыти в державство, должен будет на отеческом мѣстѣ пребывати, и тако избрав новаго господаря, земля наша отдаст поклон с господарем десять тысяч червонных золотых, и чтоб иных податей не имѣли есмы.

3. Границы земли нашей, как имѣли есмы из старины, чтоб и нынѣ мы имѣли; и много нашіе земли турки отлучили; и чтоб о иныя стороны то паки при нас было.

4. Господа, которые будут с печатью земли нашея, дабы их владѣнія непремѣнныя были, и от того господа, когда прилучится какова вина на господаря, и на землю, чтоб не имѣли вольности господаря потерять, доколѣ не учинят совершеннаго розыску с Рѣчью Посполитою нашею, и за вѣдомостью великаго государя нашего, яко христіанского царя; яко соизволит, дабы тако и было.

5. А мы, по милости царскаго величества, дабы имѣли есмы вольности, избрати воевод во всѣ уѣзды, чтоб имѣли старшину во всей земли и над всѣми дѣлы, за порукою царскаго величества и за нашею Рѣчью Посполитою.

6. Господарь когда учинит каковы подати в земли, или господам Рѣчи Посполитой, без вѣдома царскаго величества и нашія земли; и тако с тѣм господарем, чтоб Рѣчь Посполитая к суду ѣхали к царскому величеству, и тамо удержав управу, как царское величество изволит, так и да будет.

7. Обыкновеніе земли нашей, чтоб мы имѣли между собою тишину и согласіе сами со владыки, епископы и с игумны и со всею Рѣчью Посполитою нашею, как было прежде сего междо христіанскою землею.

8. Подданные Рѣчи Посполитыя и маетности, чтоб никто, да особно господарь не имѣл дѣла, и ни каковы подати на них не возлагал, только чтоб своим господам земли повольны были.

О плодах земных, которые обрѣтаются по се время работные, и нынѣ которые бы обрѣлись, каковы ни есть, около серебра, или около золота, или иные, которые по се время не являлись, а нынѣ каков ни есть род явился бы, за помощію креста святаго и свѣтлостію царскаго величества христіанскаго нашего, чтоб мы имѣли вольность дѣлати, в чьей земли будет, а от того плода от десяти грошей господарю грош для земскія потребы, а царское величество в то бы не вступался.

10. А о прокормленіи, которое обрѣтается в земли нашей, так хлѣб, яко и вино, чтоб вольно было продавати так господам, яко и убогим; сверх того, чтоб давали пошлины по обыкновенію древнему, а не было бы грабежу от царскаго величества и от господаря.

11. Силою креста святаго и ясневелеможнаго царскаго величества пожелаем, аще возможем выбитися из бусурманскія силы, но от отобранія земли турскія и на распространеніе земли нашея, чтоб имѣли есмы вольность.

12. Митрополиты и епископы и игумны с прочим уширеніем земли, чтоб имѣли вольность обрати старѣйшаго между собою, чтоб было по старым правам.

13. Чтоб мы были поклонны велеможному царскому величеству, и чтоб мы послушны были царскому величеству, и против тѣх непріятелей, которые бы не похотѣли послушны быти царскому величеству, мы будем непріятельми над ними, послушны будучи статьям, выше описанным.

14. Мы пребывати будем подданными желнырами готовыми, чтоб мы могли отняти границу свою из бусурманских рук: а нынѣ мы, будучи умучены от поганских рук, просим о помочи войск царскаго величества против поганых, с деньгами нашими и с прокормленіем куды пойдут.

15. А как даст Господь Бог, за силою креста святаго и за велеможностію его царскаго величества, чтоб свободились мы от рук бусурманских, и тако просим

десять тысячь войска с полковники, чтоб шли с нами, куда указ царскаго величества будет, с нашими деньгами и харчами, куды пойдут.

16. Резиденцію чтоб имѣли есмы тамо на Москвѣ, у царскаго величества, чтоб мы могли вѣдати о указѣ и дабы могли быти при милости царскаго величества.

17. Наши люди, которых вышлем из земли нашея с письмом к царскаму величеству, чтоб имѣли чѣм прокормитись и был бы конской корм без нужды.

1674 года августа 1 дня [30].

№ 31

1690, березня 10
Гетьманські прохання і доповіді та царські на них рішення

Божиею милостиню пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великия и Малыя и Белые Россіи самодержцев, и многих государств, и земель восточных, и западных, и северных отчичей, и дедичей, и наследников, и государей, и обладателѣй их царского величества милостивой указ их же царского величества подданному Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману Ивану Степановичу Мазепѣ, и генеральной старшинѣ, и полковником, и всему Войску Запорожскому, и посполитому народу малороссійскому на ево гетманское со всем Войском Запорожским челобитье и доношение, с которым присылал он им, великим государям, их царскому величеству бити челом войскового генералного судью Михайла Воехѣевича с товарыщи, которые в приказе Малыя Россіи то ево гетманское со всем Войском Запорожским челобитье и прошение подал на писмах за ево гетманскую рукою и за войсковой печатью.

А о чем великим государям, их царскому величеству, ево, гетмана Ивана Степановича с старшиною, и с полковники, и с всем Войском Запорожским челобитье и прошение, и каков великих государей их царского о тех делѣх учинен указ и то писано ниже сего.

I

Великим государям, их царскому величеству, он, гетман, з генеральным старшиною и с полковники, и со всем Войском Запорожским пред пресвѣтлым их государским престолом припадая за прислание жалованных их царского величества милостивых грамот во укрепление прав и волностей их и ко утверждению уряду ево гетманского ныне чрез того войскового генералного судью с товарыщи посланное под ноги іх царского величества пред ниским поклоном челом бьет и обещается их царскому величеству верно служить и против всяких неприятелѣи стояти с нещадением голов и кровей своих в вечные времена, и что тѣ их царского величества милостивые жалованные грамоты во всех полках чрез нарочных высланных объявлены и чтены, и в книги записаны, а какие и с полков городовых присланы, о тех их царского величества жалованных грамотах благодарственные с челобитьем писма, и те писма он, гетман, по верной своей к ним великим государям службѣ прислал в приказ Малыя Россіи с тем же вышепомянутым судьею.

---

[30] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. II. – С. 957–972.

1

Великие государи цари і великие князя Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всеа Великія и Малыя и Белыя Россіи самодержцы, их царское величество, ево, подданного своего Войска Запорожскаго обоих сторон Днепра гетмана Ивана Степановича и генералную старшину, и полковников, и все Войско Запорожское пожаловали, повелѣли тому присланному войсковому генералному судье с товарыщи видать свои царского величества очи и за обещание в верной и радетелной к их царского величества службе и за покорное челобитье и за прислание из городов полковых благодарственных с челобитьем писем ево, гетмана Ивана Степановича, и генералную старшину, и полковников, и все Войско жалуют милостиво и премилостиво похваляют, и челобитье, и прошение твое гетманское, в наказе тому судье написанное изволили выслушать, и свой царского величества указ учинить милостиво, и с тем своим государским милостивым указом к нему, гетману, помянутого судью с товарыщи пожаловать своим великим государским милостивым жалованьем отпустить повелели.

2

Великим государям, их царскому величеству, он же, гетман, с старшиною, и полковниками, и со всем Войском Запорожским, народом малороссійским чрез того же генералного судью покорно доносят, что по их, великих государей, указу во все полки и городы листы свои он посылал, дабы старшина и посполство разсудили сами по городом, как бы лутче и лехче денги в казну войсковую збирать чрез обновление ли аренд, или чрез уставление поборов, и о том против тех листов ево гетманских все и всех городов старшие и меншие малороссийские жители писали, что городовых поборов с черни не иматы, также и с шинкарей винных повинностей годовых домогатца не показалось, а усовѣтовали и единодушно, и единомысленно старшие и меншие склонились, чтоб везде обновлена была аренда, а на свадбу б и на крестины волно было им, гдѣ хотят, вино купить или на потребу в дому своем высидеть, да и в Батурине на съѣзде генералная старшина и полковники также, и полковая войсковая старшина, и чернь со всяких городов урядовые и мещанские жители всѣ приговорили и постановили тож и писмо за своими ракам на том написали, чтоб быть аренде, и тѣ писма изо всех полков и городов присланы, и записку, в Батуринѣ на съѣзде учиненную и руками старшины и всех полковников и значных урядников подписанную подлинныю, прислал он, гетман, для доношения великим государям, их царскому величеству, с тем же вышепомянутым генералным судьею и при том неуступно и покорно он, гетман, просит, дабы о той арендѣ обновлятли ѣе и утвержатли, милостивой их царского величества указ к нему, гетману, был послан. И на сие ево гетманское и всей старшины, и полковников, и всего посполства челобитье і прошение великих государей их царского величества указ.

Великіе государи, их царское величество, слушав того ево гетманского и всея генералной старшины, и полковников, и атаманов, и ясаулов, и сотников, и всего посполства вышеписанного челобитья и прошения о аренде, пожаловали ево, гетмана, Ивана Степановича и генералную старшину, и полковников, и весь посполитой малороссійской народ: указали для денежнаго збору на дачу своего, великих государей, жалованья малороссійским охочим конным и пешим полком, которые служат под ево гетманским регментом, вмѣсто поборов быть в мало-

российских городах и мѣстах и местечках той аренде, потому что о той аренде ныне он, гетман Иван Степанович, со всей старшиной и с полковники, и со всем посполством на рожественском съѣзде единодушно и единомысленно постановили, чтоб той аренде быти в малороссийских городѣх также з изо всех полков. Весь посполитой народ, старшие и меншие, народ единогласно ж им, великим государям, били челом и листы за своими руками прислали, чтоб поборы денежные, которые по сие время с посполитого народу збирались с великою тяготию людям, были отставлены, и тех ради тягостей збирать им впред тех поборов не показалось, и вместо б тех поборов быти аренде б, которой аренды никакой всему посполству тягости не будет, а будут платить тот збор охочие люди, которые добровольно тѣ промыслы, положенные в арендѣ, у себя имѣть похотят і ими торговать, да и по тому той аренде в малороссийских городах они, великие государи, их царское величество быть указали с нынешнем во 198 году. Будучи на Москвѣ, он, гетман Иван Степанович, бил челом им, великим государям, с старшиной, и с полковники, и с войском, и со всем народом посполитым малороссийским і милости просил, что всему народу поборы денежные на жалованье охочим полкам конным и пешим надокучили, а аренду городовые жители и крестьяне вменяют себѣ лехче тех поборов, которые с них бывает, и давно б они тою аренду учинили, толко без воли и указу их царского величества он, гетман, на то поволить не смѣет и чтоб великие государи пожаловали ево, гетмана, и все Войско Запорожское повелѣли в Малороссіи на заплату охочему полку для збору в войсковой скарб денежной казны учинить аренду, чтоб от поборов денежных посполство было свободно, и на то ево гетманское челобитье учинен тогда их царского величества указ, чтоб он, гетман, во время съѣзду старшины и полковников и знатных войсковых товарыщей в Батурин учинил с ними совѣт и помыслил о той аренде накрепко, не будет ли оная посполитому народу тягостна и прежнему их обыкновенію и волностям к нарушенію, а прежде того съѣзду велѣно ему, гетману, розослать по всем городам малороссийским листы свои и объявить посполитому народу, чтоб они дали писма за своими руками, что им лутче и сноснее, аренду ли иметь, или поборы давать, а что они, гетман, и старшина, и полковники, и знатное войсковое товариство усоветуют, і из городов посполитой народ объявит, и о том бы он, гетман, к ним, великим государям, писал. И в нынешнем во 198 году февраля 12 буде к великим государям, к их царскому величеству, писал он, гетман, с вышепомянутым генералным судиею с товарищи, донося им, великим государям, их царскому величеству, о той аренде пространно и подлинно, о чем написано выше сего, да и в присланных подлинных листах всей генералной старшины и полковников, и сотников, и атаманов, и всего посполства за их руками написано тож, как и в челобитье ево, гетманском, донесено, чтоб годовые поборы отставить, а быть бы аренде неотменно. И великие государи, их царское величество, милосердуя о Войске Запорожском, прѣзирая милостиво на многие усердные и кровные и мужественные их службы і имея свое государское попеченіе о целости посполитого народу малороссийского, указали по тем их вышеписаным присланным особно писмам с те челобитье всего посполитого народу и по учиненному в Батурине согласному совету и писма были в малороссийских городех и местах и селах для збору в войсковой скарб денежной казны на дачу охочим конным и пешим полком аренде, а поборы отставить, и в которых городех и местах, и местечках той аренде быти, и что в тою аренду отдать, и по чем

с которого города, и мѣста, и местечка денег с аренд збирати, и на какие росходы те зборные денги выдавать, тому всему устав и поведение учинити ему, гетману Ивану Степановичу, со всей старшиною по всей верной и радетелной к ним, великим государям, службе по своему разсмотрению, усматривая и остерегая того накрепко, чтоб от той аренды в посполитом народу тягости и роптения болшаго не было, и зделать приходные и расходные книги, и выбрать к тому с аренды денежному збору ему, гетману Ивану Степановичу, и всей генералной старшинѣ добрых и правдивых людей, что они тот приход и росход ведали и те денги, положенные по книгам, что по ево, гетманскому, разсмотрению будут на которой город и место положено, збирали без всяких сверх положеней прибылѣй, а лишняго збирать и тягости тем посполитому народу чинить отнюд не велѣли, а положа о той аренде на мере и, учиня тому збору книги, писать ему, гетману, к ним, великим государям, и с тех книг прислать списки в приказ Малыя Россіи, а что о писме ж, учиненном в Батуринѣ на съезде старшины и полковников, и всего поспольства, написано, чтоб на крестины, на свадбу и на иные такие ж действа волно было выкурить для своих потреб вина без всякого запрещения и шинки медовые винные и бражныя волно б всякому имѣть, и тому указали великие государи быть, по тому их челобитье не в аренде и учинить о том положение ему ж, гетману Ивану Степановичу, по своему же разсмотрению, чтоб было посполитому народу не в тягость.

3

Покорно у великих государей, у их царского величества, просил он, гетман, указу і изволения, дабы они, великие государи, их царское величество, милостивым своим государским указом повелѣли ему объявить на будущѣе лѣто, будет какой войской поход, чтоб о том ведая в потребах належащихся, прежде времени управлятися могли. І великие государи, их царское величество, указали ему, гетману, свой государский указ объявить, что по их великих государей указу велѣно боярину и воеводам, и наместнику вяцкому Борису Петровичу Шереметеву с товарищи, будучи на их великих государей службѣ в БелѣГороде со теми их царского величества коннымі и пешими полки Белогороцкого розряда, да околничему и воеводе, и наместнику стародубскому Ивану Ерьепичу Леонтиеву, товарыщу ево сходному севского розряду, с конными и пешими полки быть во всякой к походу воинском готовности и также и ему, гетману, Ивану Степановичу указали великие государи, их царское величество, со всеми ж регименту ево полки для того ж впред будущаго воинского походу быти во всякой же готовности, а в которое время их и о которым местам тому общему походу быти, по том их царского величества указ к боярам и воеводам, и к нему, гетману, прислан буде впредь, а до того б походу, служа великим государям, их царскому величеству, он, гетман, по должности своей о неприятелских замыслах и о таких поведениях посылал проведывать, в которе места пристойно, и, проведав, о том подлинно к ним, великим государям, к их царскому величеству писал, а для осторожности б тех же неприятелских внезапных приходов под великороссійские и малороссійские городы о постановлени в причинных местах, откуду их приходов чаять и для (?) непостоянства и шатости [а наипаче для подущения неприятелского] низовых запорожских казаков оберегателных полков учинил бы он, гетман, по своему разсмотрению смотря по подлинным ведомостям и поведению, как ево Господь Бог вразумит и наставит.

4

Запорожцы, естли в бытіи посланного к ним подьячего Михайла Савина на их царского величества милостивое увещевание противнаго своего дела с честью з басурманы учиненного перемиря не отступят или, дождався с полской стороны посланных своих, гордые поступки и виляти станут, тогда ему, гетману, как с ними поступати посланием запасов к ним или накрепко заказав никого ни с какою вещию к ним не пропустить.

Великие государи, их царское величество, указали ему, гетману, Ивану Степановичу, розсуждая ту их запорожцов нынешнюю шатость и непостоянство, поступити с ними по прежнему своему, великих государей, указу, каков к нему послан напред сего также 8 февраля в 198 году, а запасов к ним, запорожцом, великие государи ему, гетману, посылать не указали впред до времени, покамест они постоянным своим житием исправятся і их царского величества изволению и указу повиновение отдавать учнут.

Однако бы он, гетман, усмотря время, писал к ним от себя по своему разсмотрению, увещивая их царского величества, а от неприятелские дружб писал и от иных посторонних подущеней и развращеней, отрывая и запрещая, а их царского величества жалованье неотпущено к ним для того, что они і бусурманы перемирья не разорвали и подьячего Михаила Савина отпустили, не учиняя по их государскому указу послушания, а естли они перемирья с неприятели разорвут и указ их царского величества исполняти будут, и помянутое их государское жалованье послано к ним будет, а о держаний малороссійских городов жителей, которые на Запорожье ходить обыкли, учинил бы он, гетман, по прежнему іх царского величества указу и по своему разсмотрению, остерегая и усматривая того накрепко, чтоб тем удержанием в городѣх в посполитом малороссійском народе пореченія и противности, и вищше (?) их склонности к ним запорожцам не учинять, а о посланных запорожских, которые были в Польше, чтоб их переимать и в Запорожье не пропустить, и писма у них отобрать. Учинил бы он, гетман, по прежнему их, великих государей, указу и по своему ж разсмотрению с прилежным своим и усердным радением и со всякою осторожностию, чтоб службою ево гетманскою о намереніи тех запорожцев и с чем они с полской стороны отпущены великим государям, их царскому величеству, извесно было подлинно.

5

Доносит и то он, гетман, что в полской сторонѣ малороссійского народу торговым людям быть торговле чинится великая тягость, а именно учинен забранием пожитков Печерского городка обывателя Максима Василковского и стародубских купцов и города Березнова жителѣм, которые с торговым промыслом в литовскую сторону ѣздили и от шляхты обидимы и пограблены, и чтоб великие государи указали о тех обидах своею государскою грамотою к королевскому величеству заступить.

І великие государи, их царское величество, к королевскому величеству полскому свою царского величества грамоту о вышеписанных обидах послать указали и написаны тѣ обиды в тоѣ грамоту будут имянно как от них в ево гетманском доношеніи есть, чтобы его королевское величество по утвержденным мирным договорам розыск о том и справедливость шляхте, которы тѣ обиды чинили,

наказание и взятому и пограблѣнному отдачу со удоволствованием учинити велѣли бы.

6

Приказал он, гетман, как в Переяславлѣ, так и в Киеве с продажным хлѣбом с околных мѣст и сел людям ѣздить і истинною ценою продавать, однако жде в Малороссіи хлѣб зело в цену поднялся для того, что не родился, и что из границы торговые люди, подбегая, покупают, а он, гетман, заборонить того заграничным людям, опасая святого покоя договоры, не смѣет.

І великіе государи, их царское величество, указали ему, гетману, по прежнему своему великих государей указу наслать в ближние городы и мѣста, которые приналежат к Киеву и к Переяславлю листы свои и велѣть посполитым людям хлеб в те городы вести на продажу, а цену имать настоящую да и з заграниц приезжавшим людям хлѣб продавать позволить, чтоб отказу в продаже того хлѣба посполитому народу тягости, а мирным договором, в которых поставлѣно всяким торговым людям в своих торговых промыслах быти свободным, нарушения не было.

7

На их великих государей службѣ в Новобогородицком городе обретавщиеся ево гетманского регименту люди от жестоких морозов великую нужду и бедность терпят, а естли впредь по их, великих государей, их царского величества указу регименту ево гетманскому людям быть, тогда покорно их царского величества указу он, гетман, просит, чтоб для стояния отведены им были избы.

І великие государи, их царское величество, указали ему, гетману Ивану Степановичу, в Новобогородицком городе регименту ево малороссійских городов ратным людям, которые ныне на Самаре в Новобогородицком городе і которые впредь на той их великих государей службѣ в том городе будут, для покойного жития избы построить ему, гетману, по своему разсмотрению, как возможно и какими людми пристойно, чтоб впредь малороссійских городов ратным людям, в тои городе будучим, нужды от стужи и от дождей и воздуха не было, а буде в тои городе готовые избы есть и никаково в них постоя ратных людей нѣт, и о том их царского величества указ в Новобогородицкой к околничему и воеводам послан.

При столнике и полковникѣ Афонасие Чубарове зело немногие люди осталось, а хотя и перемена ему будет, тогда и тому на том порубежном месте обретатися будет не с кем.

І великие государи, их царское величество, указали столнику и полковнику Афонасьу Чубарову с ратными людми, которые ныне при нем есть, быти до своего великих государей указу в Арѣле, а ратных людях к прежним в прибавку прислано к нему ис Киева сто человек з запасы, а на перемену ему, Афонасью, послан полковник Никифор Ширіков.

8

Доносит он, гетман Иван Степанович, что исполняя он милостивый их царского величества указ, вышел на их государскую службу с великороссійскими и малороссійскими полки для осторожности от неприятелских приходов, что они, великие государи, их царское величество, по своей государской милости чеховую монету, в Севске деланную, указали отставить, и тем в покупках и в продажах бы

в общие меж народами смуты и трудности испокоелись. І за то им, великим государям, он, гетман, с старшиной и с полковниками, и со всем Войском Запорожским и малороссійским народом всепокорнѣшее благодарение приносит.

І великие государи, их царское величество, ево, гетмана Ивана Степановича, за верную и радетелную службу, и за скорые против неприятелы воинские походы и обороты, и за осторожность от тех же неприятелских набегов малороссійского краю желают милостиво и премилостиво похваляют, а челобитье ево гетманское и всей старшины, и полковников, и народа посполитого за отставлѣніе чехов изволили они, великие государи, их царское величество, приняти милостиво и впред они, великие государи, их царское величество, изволяют ево, гетмана, со всею старшиною и полковником запорожским, и посполитым народом малороссійским содержать в своей государско неотменной милости и призреніи и ото всяких неприятелѣй во оборонѣ.

9

І о том покорно великим государям, их царского величеству, он, гетман, доносит, что по их царского величеству указу для розыску в Переяславль о плѣвелном извете Ивашко Смолского на полковника переяславского посылал он генералного ясаула да киевского полковника, и о том розыскивали і всякими мѣрами проведывали, в котором розыску тот Ивашка обявился лживцем и с пытки винылся, что он затѣял то напрасно и того розыску выпись прислал он, гетман, в приказ Малыя Россіи и великих государей указа просит, какое тому вору и лживому плевосѣятелю за ево ложный извѣт наказание учинить.

І великим государям, их царскому величеству, о затейных того Ивашка Смолского ложных речах по присланному розыску известно, а что за ту вину по тому розыску ему, Ивашку, учинять и о том к нему, гетману, их царского величества указ прислан будет впредь.

Писан великих государей их царского величества в царствующи велицем граде Москвѣ лѣта от создания мира 7198 марта 10 дня.

У тех статѣй припис помѣстим дьяка Бориса Михайлова да справа подьячего Козмы Нефимонова [31].

№ 32

1690, березня 18. – Москва
Пам'ять бояринові Тихону Микитовичу Стрешнєву від царів про готовність до майбутнього походу

Да марта 18 дня послана память в розряд такова:

В нынѣшнем во 198 году к великим государям царям и великим князям Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Россіи самодержцем, писал Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Степанович з генералным войсковым судьею с Михаилом Воехѣевичем и покорно им, великим государям, бил челом, прося их государского указу і изволения, дабы они, великие государи, изволили милостивым своим государским указом повелѣть ему, гетману, объявить на будущѣе лѣто, будет ли какой воинской поход, чтоб о том вѣдая в потребах належащих прежде времяни ему, гетману, управитися и по

[31] Інститут рукопису НБУВ. – Ф. VIII. – Од. зб. 228\97\V. – Арк. 96–131.

указу великих государей на то ево гетманское челобитье и прошение их великих государей указ с тем судьею к нему послан, что по их, великих государей, указу велено боярину и воеводам и наместнику вятцкому Борису Петровичу Шереметеву с товарыщи, будучи на их, великих государей, службѣ в Белѣгороде со всеми конными и пешими полками Белогородцкого розряду, да околничему и воеводе и наместнику стародубскому Ивану Юрьевичу Леонтьеву с товарыщи, ево сходному севского розряду с конными ж и пешими полки быти во всякой к походу воинском готовности, также и ему, гетману Ивану Степановичу, указали они, великие государи, со всеми регименту ево полки для того ж впредь будущаго воинского походу быть во всякой же готовности, а в которы время и к которым местам тому общему походу быти по том их царского величества указ к бояром и воеводам, и к нему, гетману, послан будет впредь. І великіе государи цари і великие князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Россіи самодержцы, указали о том из государственного Посолского приказу в розряд к тебѣ, боярину Тихону Никитичу Стрешнему, с товарищи для ведома отписать.

Такова память за приписью дьяка Василья Бобинина послана с подьячим и отдана дьяку Ивану Уланову [32].

№ 33

1691, лютого 8. – Гадяч
Лист гетьмана Івана Мазепи до государів із проханням покарати підлеглих колишнього гадяцького полковника Михайла Василевича

Иван Мазепа, гетман, с Войском вашего царского пресветлого величества Запорожским пад до лица земного пред пресвѣтлым вашего царского величества престолом у стопы ног монаршеских смиренно челом бью. Писал ко мне в прошлых месяцах и числах полковник гадяцкой Михайло Борохович. Объявлял, что по подлинных свидетельствах во многих воровствах ведомые изымавы и в Гадич приведены Михаила Васильевича два челядника – имянно Василей Бурка с товарыщем, прозываемым Радченком. И он, полковник, их в Гадяче задержав, прислал ко мне записку того воровского дела и просил, чтоб он тех челядников подержал в Гадяче да впредь будущаго об них разсмотрения и моего гетманского присланного о том приказ, ныне тот же полковник гадицкой писал ко мне, донося, что он тех Михайловых челядников у себя задержал и с которого задержания один из них, прозываемой Радченко, ушел, а другой еще в задержаніи обретаетца. А ныне слободы Михайловки Михайлов староста с товарыщи без суда и бес права за тех двух челядников в воровстве обличены на мелницах тамошних Михайловых, постигши гадицкого моего гетманского уезду села Капустинец атамана имянем Михайла Жогла, взяли в вязение и свободити ево не хотят, дабы им за него в отмен в Михайловых те два челядника в воровстве пойманные из Гадича были отданы, которого невинного человека преждереченного села Капустинец атамана чрез несколко недел в Михайловой слободе вязением мучат и не толко ево, казака доброго, тем бесчестят, но и в соседственном

[32] Інститут рукопису НБУВ. – Ф. VIII. – Од. зб. 228\97\V. – Арк. 131–134.

спокойном житіи всем людям чинят помешку и ссоры, чрез что и на мой чин гетманской вмешают, уничижают і умаления чести, ибо то село Капустинец к Гадичу належит, а Гадич со всею тоею волостию и со всем уездом на уряд гетманскій по милостивому вашему монаршескому жалованию належит. Так пристойно было им о тех ворах искати суда и не довелось было чинити тому человеку невинном з неволи. Чрез то я, не хотя никокого искати способу, как бы тою трудность ту успокоити, а такого уничижения моего не могучи стерпети, отдаюся о сем покорственно к пресветлому вашему пресвѣтлейших и державнейших великих государей престолу, прося преинопокорственно, дабы по вашему великих государей милостивому премощному монаршескому указу той Михайловой слободы староста за тот дерзновенной и неправой поступок належащее воспринял наказание, а воры б оные, в задержании будучие, были сужены по доводам и свидетелствам, а какие о том делѣ ко мнѣ присланы от гадицкого полковника писма и какие о воровстве преждереченных челядников от него прислана ко мне записка, те посылаю при сем моем листе чрез почту в приказ Малыи Россіи для доношения вам, великим государям, при сем отдаюся преинопокорственнее премилосердно вашего царского пресветлого величества благостыне из Батурина февраля в «11» лѣта от создания мира «7199», от рождества Христова «1691».

Іван Мазепа, гетман Войска вашего царского пресветлого величества Запорожского.

В листу к гетману к Ивану Степановичу Мазепе полковника гадяцкого Михаила Бороховича написано:

Ясневелможный милостивый господине гетмане.

По указу велможности вашей писал в Михайловку к тамошним дьяволским началникам и нарочного делного человека Корнѣя Беленченка посылал увещевать о возвращении Михайла Жолгва, атамана капустянского, приказав ему именно сказать, что обычая такова в свете нет и не бывало, что добрых людей задерживать, однако враги те, михайловские началники, надеяся на своего началного проклятого пана не какою надеждою, а на писмо ни одного слова ответу не учинили ни одаче Жолгова, толко при том стоят, пустят де ваши началные нашего Бурку, хотя вор, мы тотчас отпустим вашего атамана капустинского, то велможности вашей донесши, прошу научения, как мне поступить, в ответе, по тому что бедной Жолгви страждает в досадной неволе и за вора поругание терпит, а особ женѣ и детем зело досадно, которые приходи ко мне, просить твоего велможного заступления, как в том делѣ быть, чтоб того атамана свободит.

Из Гадяча февраля в «8» «1691» году.

В том листу цыдулка, а в них написано.

В «1»

Тут же ведомо чиню, что сын проклятого врага Михайлов нынѣ с Москвы приехал, а об нем крутофиле будет ли или нет, того не слышать, а писмо велѣл писать нашим началным к их старшине для того, что тот прехитрой враг к злобе выскребщи слов иных каких злых не написал так ево берегуся, будто Ария треклятого, ведал что великой недоброхот и целой враг.

Во «2»

Ведомо чиню, что и с тех воров михайловских один выпрошовся за караулом будто для пропитания, караулщика чуть не убил до смерти, а сам ушел, однако пущей вор Бурка и ныне в руках, которого велел за крепким караулом держать до указу вашего велможного.

В «3»

Тех воров михайловских сыск для ведома как в себѣ имеетца против их роспросу к велможности вашей посылаем за печатми и за руками.

В «4»

Доношу покорно сызнова велможности твоей, что атаман капустинской был в Лебединѣ и заезжал в мельницы Михайловские для молотья ржи, и там осачив ево урядники михайловские и посадили в тюрму неведомо за что, о котором бить челом приходила ко мнѣ жена и дети с плачем, и я посылал проведать, для чево ево у себя удержали, и они сказали, за тех челядников, которые пойманы на воровстве и посажены до суда в Гадиче, и уже один ушол, а другой задержан, о котором просим велможного твоего наставления.

В роспросных речах Михайловых челядников Васильева написано лѣта «1690» декабря в 24 дня.

Писано к нам, Михайлу Боруховичу, полковнику Войска их царского пресветлого величества Запорожского гадяцкому, и к Степану Трощинскому, прикащику замку Гадяцкого, из села Михайловки от Михайловой матери Васильевичовой Зиновьи Самойловны, что беглые челядник из двора Михайлова, имянно Куземка Скоробагатченко с матерью своею Афимнею в село Капустинец в полку и в уезде Гадицком обретавщееся недалече от Михайловки сошли на жите, и будто он, Куземка, из сего уже жилища тоего поуходя под село Михайловку, учинил михайловым животам убыток, кони побрал и в пасеках мед повыбрал с ыными ж такими ж беглыми, и просила нас мать ево, Михайлова, чтоб мы послали в то село людей годных и добрых для розыску тех обид, и мы посылали товарища сотни Гадицкой хоружего Гаврила Матвѣенка да Демьяна Гуляницкого, да и к матири Михайловой о том ведомо чинили, чтоб она и от себя в то село Капустинцы кого пригож прислала. И она присылала атомана села Михайловки Ивана Лукьяненка Сердюка. И они, совокупись с собою, с обоих сторон чинили о тех лошедях и о медах прилежно розыск, спрашиван прежде беглого челядника Михайлова Куземка и матери ево Ефимьицы, для чего они убыток тот учинили и каким способом оттуду сбежали. На то женщина и сын еѣ Куземка с великим плачем говорили, что де мы по великой нужде оттуду принуждены пойтить, и служили де мы ему двенатцать лѣт горестно, и за те все годы заплаты не получили, и служаного имели есмы великую обиду от ево Михайловых прикащиков, от которых великие побои имели есмы и болши не могли есмы терпети, да и для того, что Михайло, идучи к Москве, хотел меня взять с собою к Москве, и мы, боясь себе от него впредь смертного убойства, принуждены есми наги и боси, оставя так мать моя, доч свою, и для тѣх притчин и немилосердия его, что и выслужатися и выпроситися у него не могли есмы, принуждены есмы уйтить, оставя там лошадь да двух волов прямых своих, а иную рухляди там оставили есмы, а имея в том великой убыток и жаль, я сам один ходил под ево Михайлов хутор Грумку для того, чтоб я оттуду

тайно свою скотину отыскал, понеже явственно отнюдь невозможно было отыскати, и той своей скотины не отыскал принужден есмь под тем хутором Михайловым и худую лошадь взять за той за свой убыток, а иного ничего не знаю.

И не ведаю как о конех, так и об меду, и не имал ничего болши, и нихто со мною не был, о чем да будет свидетелѣм и прикащик тот, у которого я ныне живу, Максим Прядка, и когда перед нас вышеписанных посланных жител капустинской Максим Прядка теми словами по совести души своей сказал, пришол де тот Куземка с Михайловки пешы, збежав толко с одною сумкою и переначевав одну толко ночь, говорил опят, де я пойду на Грунь ко двору Михайлову и уже не ведаю, там ли или где инде коня взяв, приехал ко мне, а болши ничего не видал, такову скаску велели есмы записать.

Став такожде пред нами бывшей слуга Михайлов Кирик Святченко, а ныне вбежал он в село Плишивец, которого спрашивали есмы, не ходил ли он под хутор Михайлов и пасеки там не грабили. И он по совести души своей сказал, что отнюдь не ведае и не знае, толко говорил недавно де в прошлую неделю ѣздил атаман дворовой из Грунки Максим с Василем Буркою да з другим Радченком на ловле заячье по пороше и поймали одного зайца, да вдругоряд ѣздили ж и уже приехали зело позно в Печеру и привезли вместо зайцов ведро меду пресного и он, Василей Бурка, всей челяди дворовой Михайловой давал тот мед есть, по том тот же Кирик сказал, что Бурко и Радченко три скотины пригнали неведома откуда и убили на дворе Михайловом. Один был вол черной, на рогу примета вырезано, другой рыжей, да и третей рыжей. И того вола насилно черно пастух Михайлов с ыными пастухи про себя убили, таков де Кирикову скаску велели есмы записать.

Также Химка, бывшая дворница Михайлова, сказала при нем Бурке, что де он, Бурка, той ночи, как она с сыном своим из Грунки ушла, дву волов убил.

Пришед Нечипор, житель капустинской, сказал, что де мы ездили в прошлых днях подо Олшанской лес по лозину, и в тех лозах сыскал кадушку меду да другую кадушку в сушми меду ж, и тот мед привезли и отдали атаману и войту, старшине капустинской, до времени, и о том розграбленном меду Максим Ильяшенко, знатной товарищ Лубенского полку, житель Роменко, как проведав, что у него пасека розграблена, тот мед отседу отыскал, а тот де збыток и грабеж нихто не учинил, толко своеволная челядь Михайлова.

Опять тот же Кирик Святченко сказал, что де по отъезде дворника сама панья приезжала в Грунку для росмотру и говорила, что все цело и никаково нет убытка в скотине Михайловой, и ту скаску его мы записали, после которого свидетелства помянутые особы высланные наши для подлинного роспросу сюды в город, поймав Василья Бурку с товарыщем ево Радченком, в Гадич привезли и заключению предали до будущаго розыску.

Нынешнего ж 1690 году декабря в 24 дня.

Мы, помянутый полковник гадяцкой и прикащик замку Гадяцкого, тех роспросных речей смотрелі и, познав в них совершенство, Василья Бурку и Радченка, воров, велели есмы предать заключению в ратушу, а для подлинного ведома со всем урядом гадицким и многим нижеписанными особами тѣх воров особо роспрашивать по розне велели, есмы для самой совершенной правды и вручили есмы.

По ведому господина Михаила Бороховича, полковника их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского гадяцкого, и господина Степана Трощинского, прикащика замку Гадяцкого.

Пред нами, Ефимом Вечеркою, судьею полковым, Иваном Озерянским, Андрѣем Яковлевым, сотниками, да Иваном Кореневским от господина прикащика замку Гадяцкого на его месте обретающимися Федором Донцом, атаманом городовым, да рядовым товарыством Кирилом Мартыновским, Федором Брюховецким, Корнѣем Беленком, Демьяном Красовским, Нестером Щербаковым, затем Криштопом Сильченком, Ильяшем Животовским, Герасимом Хомовичем, Остапом Скоробогачем.

Да перед нами, грацкими судьями, Костантином Тимофѣевичем войтом, Еремою Степановым, Иваном Захарьевым, бурмистром гадицким, и препосполитыми людми и паном ситенским Михайлом Николаевым, Васильем Мором, Дацком Приколабом, Прокопом Никифоровым и паном Стрелкою, Федором Пороховником і при иных многих знатных людях.

Пришел Василей Бурко с товарищем своим Радченком, челядники Михаила Васильевича, к всем тем вышепомянутым погрешениям и к злодейству безо всяких телѣсных пытан доброволно и безо всякого насилствия теми словами призналися, что мы прялые волы тѣ, а сверх того многии скотины и кони емли у капустинских жителѣй во время неработное на полях били есми, о чем и пан наш господин Михайла Васильевич ведает, понеже де он и ныне, идучи к Москве, велел быков тех побить для плотников на корм, також де и для всей дворовой челяди, которую их доброволную скаску велел ко есмы для будущаго времени велели в книги записать.

Писан в ратуше Гадицкой месяца и дня вышеписанного.

К сему делу их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковник Михайла Бурохович руку, Степан Трощинскій, прикащик замку Гадицкого, руку приложил к сему ж делу, а место Андрея Яковленка, Ивана Озирянского, сотников гадицких, да Федора Донца, атамана городового, да Костянтина Тимофѣева, войта, да бурмистров городовых гадицких я, Васил Колинович, писар гадицкой, в ратуше по их велѣнью руку приложил [33].

№ 34

1691, червня 16. – Київ
Лист київського митрополита Варлаама Ясинського до Івана Мазепи

В листу киевского митрополита к гетману написано:

Той сам сердцевидец и де нашего спасения ради пострада свидетель есть жалости моей сердечной, что не какой нечестивой напастник был небоящейся и людей несрамляющейся повторенным поклепом о всему свету, явно что ложным, смущати не престает велможность вашу, веруя яко напаствованным, помагая Бог вашу велможность, на него уповающаго, не попустит постыдитися и устроит яко возвратится болезнь на главу всуе враздуещаго всяк имея разум разсудити может,

[33] Інститут рукопису НБУВ. – Ф.VIII. – Од. зб. 228\97\V. – Арк. 146–163.

что то наносы на паству еще и велможность вашу, а пресвѣтлѣйших монархов государей царей наших ко гневу, а затем и все благочестивое царство к смятению есть возбуждающіх. Ведомо нам всем от младых лѣт житие твое. А сверх того не токмо богутанная сердца человеку сведущему, но и всей Малой Россіи известно, яко в том подметном писме, что ни клевещет на тебя, безстыдно солга неправдо себе. Еще в детских лѣтех, будучи покоевым королевским, был велможность ваша едва не в таковом искушеніи, в каком бѣ Даніил пророк с тремя отроки, однако ни ласканием, ни прещением к отступкѣ от благочестивыя веры не приклонился, а ныне уже в таковых летех при таком разумѣ и толикою, а по истиннѣ неизреченною милостию благочестивых государей царей, насыщаяся, имел бі велможность ваша, что злое хотеть благочестивому царству московскому, то невозможно. Сем бы я у пречистых Христовых тайн крест целовал в том, что и на мысль не приходит велможность пагобы искушения к такому злохотению. На Выговском, на Тетере и на протчих тем подобных доброе наказание Господа поляки гетманам запорожским оставили. И как тем воздается, которые после крестного целования изменили благочестивым монархам московским, приклонилися своим желателством к королевству полскому. А хотя ведаю, что та напасть ни мало не смущает велможность твою, понеже дал Бог столко премудрости пресвѣтлѣйшим монархам нашим, что могут разсудити между лестию и между истинною, между разумом и между безумием. Однако ни предлагая такое великодушие и на деяние на премудрую монаршескую милость добро бы доведатца, откуды и кто учинил Диавол мира во благочестивом царствіи. Нехотящіи толко совершенно доведетца невозможно. Разве сам Бог в благоприятное время обявит всяк клеветник напатсвуя, елико безубен, толико коварен бывает. Отдан тот пашквиль игуменье фроловской, которая не умела спросить, что ей в руки даетца, и о от коѣ, и чрез кого. При трех игуменах киевских первостепенных Михайловского Златоверховаго, Селиверст Головчиче, Троицкого Кириловского Инокентіи Монастырском, Николского Пустынного при Иосафе Кроковском в Софейской церкви наедине игуменею фроловскую спрашивал о времени и о лицах. По беседах которая, как мне сказала, слово в слово зде пишется:

Еще в мясные дни пред великим постом в Фроловском монастыре явилися двои старицы, одна с Волыни, с Полонского монастыря уставщица, з другою своею сестрою. И полонская, зная их, были старицам киевским по имяни и по лицу своему, а одна не той дружбы с волынскими особ и господою стояла, и с нею была мирская женщина, а откуда они были, и как их звали, и куды хотели возвратитца, игуменья і иные старицы не спросили. Бывали и в церкви дважды, обедали у игуменьи. В другой раз после обеда, поведя игуменья ту черницу и мирскую женщину в свои чюлан, где, посидев немного, мирская, взяв за руку игуменью, вывела в келье мучной говорить. Идучи верхним городом Киевом, нашла некакое писмо, которое пред нами идучи некакие паны выронили, а на писме том потпись – отдать боярину его милости. И мы хотя то учинить были трижды у боярина, толко нас, яко странных, не допустили. Тебѣ, госпожа, яко домовой доступить мочно. Изволь принесть то писмо и боярину отдать. Игуменья з безумья ли или с простоты, не спрося, взяла то писмо, а та мирская женщина, выкликав старицу ис чюлана, невидима учинилась и по се время. Полонские старицы, выехав тогда с подолного Киева, ночевали во Иерданском девичье монастыре. И тем, откуда пришли и куды пошли, и следу нѣт, будто научены отдать людям в руки, которые не умеют

и не могут истязати, откуду, что приходить и где что деваетца. Спрашивал я о их одежде и о языке, по московски, ель по украински, ель или по литовские говорили. I игуменья сказала: черница ходит в таком же платье черническом, а речь украинская, а на мирской ряса черная, а на шее повяска литовская, речь ни такова, ни сякова. Тот пашквиль отдали тѣ беглянки во вторник сырныя недели того ж числа, которого пропали, и валялось то писмо в келье у игуменьи до святыя пятдесятницы ни так, ни сяк. И после святые пятдесятницы сестра родная игумении черница Анна, прочет писмо, сказала, что то за писмо у них в келье безделное валяетца. I игуменья, прочет, отдала игумене в Печерской. И тех троих игумнов посылал в монастырь девичей Фроловской для истязания, толко не могли допроситеся болши вышеписанного, и чаю, что игуменья не спрашивала тех беглянок из глупости, а повидимому знатно что гораздо научены были лгать, хотя бы их испрашивали, то б правды не сказали. И тот розыск велел я тем игуменам подписать по истинне о сем донести. Молю Господа моего доцела в здрава соблюдет ти и от всякаго видимого і невидимого врага избавит.

Писано из монастыря Святого Софейского Киевского 1691 году июня в 16 дня.
Снизу у того листа написано:
Недостойный митрополит киевской Варлаам Ясинский.
Да у того листа руками приписано вышеименованных игуменов [34].

№ 35

1692, березня 24. – Москва
Статті гетьманові Івану Мазепі від царів

Божиею милостию пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей царей и великих князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Россіи самодержцев, и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичей, и дедичей, и наследников, и государей, и обладателей их царского величества указ их же царского величества подданому Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману Ивану Степановичю Мазепе и генеральной старшине, и полковником, и всему Войску Запорожскому на ево гетманное доношение и писма чрез столника и полковника Ивана Циклера и старого войскового канцеляриста Василья Чюйкеева и капитана Лаврентья Шестакова. А о чем к великим государям, к их царскому величеству, он, гетман Иван Степанович, чрез вышеименованных писал и словесно доносил и каков великих государей их царского величества учинен о тех делех указ и то писано ниже сего.

1.

К великим государям, к их царскому величеству, писал он, гетман Иван Степанович, желая уведомления на будущую весну их царского величества войскам на неприятелей бусурман поход будет ли и под которые городы і места, и какие войска в том походе быти имеют также и ему, гетману, на тою ж прошлую весну, как поступить, да и запорожцам, буде они с неприятелем войны требовать

[34] Інститут рукопису НБУВ. – Ф. VIII. – Од. зб. 228\97\V. – Арк. 234–240.

будут, какой о том им царского величества указ будет, о чем все войсковые люди регименту ево вѣдати желают.

И великие государи, их царское величество, ево, гетмана Ивана Степановича, за такое ево вышеописанное доношение, и желание о уведомленіи о походе их, великих государей, войск жалают милостиво похваляют. А о поведѣніи на пришлое лето с неприятели войны посланы к нему их великих государей вопросителная грамота марта в «20» числе нинешняго «200» году приказу Малыя Росии с подьачим з Григорьем Богдановым и чтоб он, гетман Иван Степанович, о собраніи войск и о походе воинском, помысля з генеральною старшиною и с полковники, учинил по тому их, великих государей, их царского величества вышепомянутому указу, каков к нему послан с подьячим з Григорьем Богдановым. А что учинить по тому к ним, великим государям, к их царскому величеству писал без замотчания.

2.

Прислан к нему, гетману, Семен Палѣй, а по том и сам у него был в местечке Борышевке. И говорил, чтоб он принят был под высокодержавною великих государей их царского величества руку, не отлагая вдалнее время. А буде он, Палѣй, к их царскому величества службе не надобен и ему бы о том объявить, а он себе сыщѣт место. И татарове ево к себе примут, а заднепрская сосѣдствѣнная сторона будто, конечно, великих государей, их царского величества, сторон недоброходствуют і ищет всякими вымыслы случая к войнѣ, а нѣ того, чтоб мир да держать.

И великие государи, их царское величество, указали ему, гетману Ивану Степановичю, свое государское изволение и указ обявить, что Семена Палѣя с той стороны в их великих государей сторону принять ныне не мочно, потому что таким приемом ево мирных договоров четвертой и пятой статьям учинили бы противность. Хотя он родом и малороссійских городов, однако ж на ту сторону Днепра перешед, жил многое время. А того указали великие государи, их царское величество, ему, гетману Ивану Степановичю, по прежним своим царского величества указам и по верной и радителной ево к ним, великим государям, к их царскому величеству службе смотреть, чтоб он, Палѣй, при каком нужном случае, пришед во отчаяние, не пристал бы к неприятелской бусурманской сторонѣ и не до того недопуская, увещевать ево всякими способы, обнадеживая их царскую милостию, чтобы он им, великим государям, их царскому величеству, служил и во всякой верности и в постоянстве был и на их царского величества милость был надежен и іного никакова прибежища себе не искал, и к бусурманской стороне по призыву их поганскому не склонялся. А они, великие государи, никогда ево в милости своей государской не оставят, а о неприятственных той стороны Днепра намеренен по прежнему их царского величества указу иметь ему, гетману Ивану Степановичю, опасеніе и осторожность.

3.

Чтобы прибавить их царского величества ратных людей в Переяславль для того, что тот город к Крыму самой пограничной и в тамошних жителях Переяславльского полку ратные обычаи есть, подобны запорожским. И великие государи, их царское величество, указали по тому ево гетманскому радению и доношению послать в Переяславль к прежним их царского величества ротным людям

в прибавку і Севского розряду солдат пятьсот человек с полковником и з добрами начальными людми, которые высланы будут в Переяславль нинешним вешним временем.

4.

Данило, осадчей корсунской, желает того, чтобы ему быть в стороне великих государей, их царского величества и с тем местом, в котором он ныне живет, потому что бутто по договорам граница положена от реки Днепра в пяти милях, а та слободка Драбовка, в которой он ныне живет, от Днепра в четырех милях. И тому месту за великими государи быть возможно, и о том требует он, гетман, их царского величества указу. И великие государи, их царское величество, указали ему, гетману Ивану Степановичю, о переходе Данила Федорова на сю сторону Днепра чинить по прежнему их царского величества указу, каков к нему о том послан в прошлом во «199» году августа в «1»-м числе с Ываном Цыклером да в нинешнем в «200»-м году генваря «7»-м числе з ганцом ево гетманским з Григорьем Ивановым, а в котором месте и меж которыми жилыми и пустыми поводами на тои стороне Днепра та Драбовка обретаетца, о том в приказе Малыя Росіи не ведомо и по описных книгах, каковы присланы ис Киева в прошлом во «194»-м году августа в «20» день, той Драбовки во ограниченіи Кийеву с ыными городами и землями не написано. И чтоб он, гетман Иван Степанович, приказал учинить чертеж, в котором месте и меж которымі городами жилыми и пустыми на той стороне Днепра оная Драбовка и іменно ль во ограниченіи мирном. По тому чертежу явитца к Киеву и тот чертеж прислан к ним, великим государям, к их царскому величеству. А как оно чертеж прислан будет, и тогда их царского величества указ о том учинен будет, справясь с мирными договорами, которые обещанием их государским пред святым Евангелием утверждены.

5.

Чтоб к запорожцам их, великих государей, их царского величества, жалованье вместо соболей и сукон посылать денгами. И по указу великих государей, их царского величества, а по ево гетманскому челобитью послано ныне их, великих государей, жалованье к кошевому атаману и ко всему посолству приказу Малыя Росіи с подьячим со Винифатьем Парфеньевым, с которым их царского величества жалованьем велено тому подьячему заехать и к нему, гетману, Ивану Степановичю. А что кому дать, и о том велено ему, гетману, учинить по своему расмотрению, да сверх прежних посылок, по ево ж гетманскому доношению для нынешних настоящих поведеней послано с тем же подьячим к нему ж, кошевому, и ко всему Войску Низовому их великих государей жалованья в прибавку сукон пятдесят половиков, и о том к нему, гетману, писано об их царского величества грамоте с тем же подьячим февраля «17» дня нинешняго «200»-го году. А наперед сего вместо сукон и соболей денег к ним не посылывано. И впредь великие государи, их царское величество, вместо сукон и соболей денгами постлать к ним не указали. А соболи посылаютца к ним таковы, каковы посыланы напред сего.

6.

Доносит он, гетман Иван Степанович, дабы по указу великих государей, их царского величества, были при миротвореніи с турским салтаном и с крымским ханом нарочные их царского величества комиссары, которые б могли надежнее остерегать их царского величества принадлежностей, а на полского короля в том полагается надежно.

І великие государи, их царское величество, желают гетмана Ивана Степановича за такое радетелное доношение милостиво похваляют, а о том деле по милости своей государской указали ему объявить, что при дворе королевскаго величества полского живет их царского величества резидент дьяк Борис Михайлов, которому велено тѣх дел смотреть и остерегать, что их царского величества сторона при договорах с салтаном турским и с ханом крымским в забвеніи не была. А на полского короля в том миротвореніи изволилі они, великие государи, положитца по многому прежнему его желанию и обнадеживанию. А естли, когда случай к тому позовет и скорая ведомость о том миротвореніи придет, и тогда и с их царского величества стороны при тех договорах может быть тот их царского величества помянутой резидент.

7.

При обрании ево гетманском в статьях положено, что из малороссийских краев людям в великороссийские городы переходить повелено, а из великороссийских городов в малороссийские переходить не повелено. И то ставят себе малороссийских городов жители за тягость и чтоб тою статью обновить их царского величества указом.

А по встановленных статьях, каковы при обрании на раде даны ему, гетману Ивану Степановичю, и всему Войску Запорожскому написано: народ малороссийской соединить обще с великороссийским народом и волной переход жителем из малороссийских городов в великие городы имети. А беглецов, служилых людей, салдат и драгунов и всяких чинов в малороссийских городах не принимать и никому у себя не держать и из малороссийских городов отдавать безо всякого задержания.

И великие государи, их царское величество, указали о переходе из малороссийских городов жителем в великороссийские городы и в отданіи из малороссийских городов беглых служилых всяких чинов людей и людей боярских и крестьян чинить ему, гетману Ивану Степановичю, по тому их царского величества вышеписанному указу и по тѣм статьям «195» году, а обновлять тои статьи иным способом великие государи не указали, а беглецы из великороссийских городов в малороссийские городы всяких чинов люди идут многие.

8.

Чтоб великие государи, их царское величество, указали к нему, гетману, присылать с королевских грамот списки.

І великие государи, их царское величество, указали ему, гетману, свой государской милостивой указ объявить, что по их великих государей указу наперед сего с королевских грамот к нему, гетману, списки посылывать и впредь по милости их царского величества, с которых доведетца й и о чем ему, гетману, надлежат будет ведать, списки присыланы будут и імеют они, великие государи, их царское величество, ево, гетмана Ивана Степановича, в своей государской милости, которая и впредь от него отемлена не будет, и чтоб он, гетман, Иван Степанович, на ту их царского величества милость и жаловать был надежен.

9.

Ізвестно великим государям, іх царскому величеству, по записцѣ помянутого столника і полковника Ивана Цыклера, что хочет он, гетман Иван Степанович, за Днепром в местечкѣ Терехтемиревѣ на самом Днепровом берегу построить вновь монастырь и в нем церков каменную и учинить по обѣ стороны Днепра в том

местѣ для убежища людям городовые крепости, которое место ныне впустѣ обрѣтается.

І великие государи, их царское величество, в том Терехтемировѣ нинѣ і впредь до своего великих государей указу того монастыря і городовой крепости строить не указали, для того что по договором Вечного миру, каковы у них, великих государей, их царского величества с королевским величеством полским постановлены и их государским обещаніем над святым евангелием утверждены. Тому местечку Терехтемиреву на той сторонѣ Днепра доведется с ыными быть пусту, как о том явственно того договору в 10 статье написано, о которых запустелых городах и местех, а имянно о Ржищевѣ, о Мошнах, о Сокыркѣ, о Черкасех, о Боровицѣ, о Бужине, о Воронкове, о Крыловѣ, и о Чигиринѣ, в прошлом 195-м году, будучи у королевского величества полского, великие і полномочные послы ближній боярин и наместник вятцкой Борис Петрович Шереметев с товарыщи, после подтверждения мирных договоров, сенатором говорили, чтоб королевское величество и Речь Посполитая в тѣ места не вступались. И сенатори им, великим послам, сказали, что королевскому величеству и Речи Посполитой будто невозможно того учинить.

10.

Объявил ему, гетману Івану Степановичу, Синайские горы монах Аверкій, которой приезжал для милости, будто посланы были от святѣйших патриархов к нам, великим государям, листы з гречанинѣ Николаем Турнавиотом, которой, едучи дорогою, умрѣ в венгерской земле, а животы ево задержаны в городе Прешевѣ. Меж которыми животами часть и оные листы обретаютца. И для взятья тех ево Турнавитовых пожитков и тех писем послал он, гетман Иван Стѣпанович, от себя нарочно человека вместо того Турнавиота сродника. Да тот же монах сказывал ему, гетману, по ведомостях турских, каковы приказал ему объявить воевода мултянский, и о посылкѣ ко оному ж мултянскому воеводе пожеланіе ево для проведывания о бусурманских поведениях канцеляриста Самойла Полверинского.

І великіе государи, их царское величество, ево, гетмана Івана Степановича, за то вышепомянутое радетелное доношение і за пристойной тому мултянскому воеводѣ отвѣт и за посылку к нему ж воеводы для уведомления о босурманских поведениях того канцеляриста Самойла Пулверинского, желают милостиво похваляют, а с чем тот Самойла оттуда возвратитца, и том бы он, гетман, Іван Степанович к ним, великим государям к их царскому величеству писал.

11.

В малороссійских городах меж посполитым народом почали происходить переговоры и поречения о аренде и о арендовых шинках от всех людей, которые во время небытия аренды от тех винных шинках богатились, и чтобы ему, гетману, о том их царского величества скорый указ учинить.

І великіе государи, их царское величество, указали по прежнему своему царского величества указу в малороссийских городах той арендѣ быть, по тому которые доходы с той аренды собираются і тѣ на жалованье их царского величества войсковых людей малоросійских городов охочим конным и пешим полкам и на иные войсковые росходы употребляютца, и та аренда учинена по их великих государей, их царского величества, указу і по ево, гетмана Івана Степановича,

і генералной старшины, и полковников, і всего посполитого малоросійского народу челобитью в прошлом во 198-м году. А что он, гетман Иван Степанович, донес им, великим государям, сколко той аренды бывает денежной казны в приход и на какие выходят росходы [хотя они, великие государи, их царское величество, того и не требовать, потому что по их царского величества указу не токмо те зборы, но и всякие порядки и устроения в малороссійских городах ведает он, гетман], однако ж они, великие государи, іх царское величество, жалуют ево, гетмана Ивана Степановича, за то, милостиво похваляем, а о той аренде указали они, великие государи, чинить ему, гетману Ивану Степановичу, по своему, великих государей, их царского величества указу, каков к нему послан о том в том же во 198-м году з генералным войсковым судьею с Михайлом Воехѣевым [будет нет иного такова удобнаго в Малороссіи способу, чрез который бы мочно без тягости народной збирати денги на жалованье их царского величества в Войскѣ Запорожском тем охотным конным і пехотным полкам]. А бес тех охотных лехких полков городовому Войску Запорожскому пробыть не мочно, а своеволным людям, которые о той арендѣ ныне чинят и впредь чинити будут какие переговоры и роптания с ненавести іли для іных каких препятей чинил он, гетман Иван Степанович, наказание по их царского величества указу и по войсковым правам і по своему разсмотрению.

12.

А что ізменник Васка Красенской жѣлает, дабы он принят был в их, великих государей, их царского величества сторону з двюмя некоторыми за литовским рубежем будучими месты, на которое ево желания учинил он, гетман Иван Степанович, отповедь, что з ево с теми месты в их царского величества сторону принять не возможно.

Да он же, гетман, Иван Степанович, донес им, великим государям, их царскому величеству, что на той стороне Днепра пойман старец Селиверст [которой ушел із манастыря Гадяцкого киселского, учал было запустелой городок Корсунь осаживать и черцов збирать] и послан в заключеніе до их великих государей указу к киевскому митрополиту, и просит он, гетман, их, великих государей, указу, как им с тем черцом поступити.

А при том доносит он же, гетман Іван Степанович, о посылкѣ в Ясы и во Лвов для проведывания тамошнего поведения и намерения нарочных посланных, и прислал к ним, великим государям, к их царскому величеству листы, писанные к нему, гетману, от нѣкоторых желателных особ о разных ведомостях. І великим государям, их царскому величеству, по тому ево гетманскому доношенію и по присланным писмам о всем ізвестно.

І великие государи, их царское величество, ево, гетмана Ивана Степановича, за посылку в Ясы и во Лвов для проведывания о тамошнем поведеніи и за присланние вестовых писем жалуют милостиво, похваляют, а с чем посланные ево и с тех краев возвратятца, и о том бы к ним, великим государям, к их царскому величеству писал. А о чернецѣ Селиверстѣ учинил бы он, гетман Иван Степанович, посоветовав с преосвященным Варлаамом Ясинским, митрополитом киевским и галицким и Малыя Россіи, по правилом святых апостол и святых отец и по войсковым правам яко ізменнику и прекрателю мира і покоя и по своему разсмотрению, а что учинено будет по том к ним, великим государям, к их царскому

величеству писал, а буде по совету с преосвященным митрополитом по ево, гетмана Ивана Степановича, намерению и розсмотрению тому черноцу для некоторых притчин в малороссійских городах быть непристойно, и чтоб он по прежнему із малоросийских городов не ушол в ту сторону, где пойман, и какой прелести и смуты не учинил, и он бы, гетман, взяв того черноца, и послан будет для тихого и немятежного жития в великороссійские монастыри, в которой пристойно, а о Васкѣ Красенском чинил бы он, гетман Иван Степанович, по прежнему их, великих государей, их царского величества указу, каков к нему послан в нынешнем в 200-м году февраля в 27 день.

13.

Приходят к нему, гетману, их царского величества малороссійских городов жители, жалуяся в своих обидах, которые им чинятца за границею в сторонѣ полской і литовской захватами и грабежами от шляхты тамошней чрез жидов, о которой обидѣ за границу к кому надлежит без их великих государей указу он, гетман, писать не смѣет и чтоб ему о том их великих государей указ учинить. І великіе государи, их царского величества, по тому ево гетманскому доношенію о обидах их царского величества малороссійских городов жителем, которым чинятца в полской и литовской сторонѣ от шляхты и от иных людей в торговых их промыслех, указали ему, гетману Ивану Степановичу, писать к воеводам и к иным урядником, к кому надлежит, чтоб малороссійских городов жителем, которым учинитца, где какая обида, по мирным договором учинен был розыск и удоволствование без замотчания. А по чьему челобитью и в какой обидѣ, и к кому именем прилучитца ему, гетману, писать, и какой ответ против того своего писма он, гетман, получит, по том он к ним, великим государям, к их царскому величеству писал.

14.

Писал к нему, гетману, Івану Степановичу, гетман корунной Станислав Ябłоновскій, желая уведомленія, в которых местех их великих государей войска обретаютца, – іли обретатися будут для походу военного на неприятелей креста свѣтаго, против которых неприятелей, будто королевское величество ужѣ войска свои для высылки в поле готовити зачинает, і просит он, гетман Иван Степанович, их царского величества указу, как ему на то отозваніе к корунному гетману отписать и впредь неотписываясь к ним, великим государем, о указѣ против таких присылных листов отповедь ему, гетману, чинити и посланцов в подобие таких же с листами приезжих из заграницы в Батурин пропускат ли іли таковых задерживать на границѣ, а листы взяв к нему, гетману, присылать, о том бы ему их, великих государей, учинить. І тот подлинной лист корунного гетмана прислал он, гетман, Іван Степанович, в приказ Малыя Россіи.

І великие государи, их царское величество, указали ему, гетману, отписать, что по их великих государей указу войска их царского величества к походу воинскому будут в готовновсти, а которого времяни и куда имянно имѣют ітти, о том еще их царского величества указ ему, гетману, не объявлен. А как их царского величества подлинной указ о походе воинском ему, гетману, объявлен будет, и тогда он, гетман Иван Степанович, о том ему, гетману корунному, ведомо учиним. А о пропускѣ впредь от гетмана корунного и от иных присланных с листами із заграницы

в Батурин буде от таких присылщиков нечаят какой прелести и подметных писем чинил бы он, гетман Иван Степанович, по своему разсмотренію, а присланные листы от гетмана корунного і от иных присылал к ним, великим государям, и их царскому величеству. А ему, гетману, на тѣ листы будѣ о чем доведетца чинить ответ, применяем к их царского величества, указом.

І что в листу корунного гетмана при помянутой будто королевское величество уж войска свои для высылки в поля готовить зачинает, і о том бы он, гетман Іван Стѣпанович, проведывал всякими способы, как возможно, и чрез кого пристойно совершенно ль войска полския збираютца и в в которых мѣстех, і сколко их в збор обретаютца, и куда походу их, и которое время чаят, а проведовая о том, к ним, великим государям, к их царскому величеству писал.

15.

Доносит он, гетман, им, великим государям, их царскому величеству, что гречанин Николай Турнавиот, чиня возвращеніе свое із царя града, в венгерской землѣ умре, а гречанин Николай Драганов проведав, что по их великих государей указу велено ему з гречанином ж с Митков Мачмачем в полских краях і по се время, а гречанин Митка Мачмач непрестанными прошениями докучает ему, гетману, чтоб ево из Батурина отпустить для ево купецких промыслов, а он, гетман Иван Степанович, разсуждает, чтоб он, Мачмач, не ушел за границу, потому что караула и приставов к нему приставливать не велено, и просит он, гетман, о том их великих государей указу.

І великие государи, их царское величество, указали ему, гетману Ивану Степановичу, того гречанина Митку Мачмача дать о статье по указу на поруки з записью, а будѣ порук по нем не будет и ево отослать із Батурина в Чернигов с провожатами, и о приеме ево Миткини в Черниговѣ к околничему и воеводе к Богдану Федоровичу Полибину писать. А их великих государей грамота о приеме ево, Миткинѣ, у присланных ево гетманских в Чернигов к нему, околничему и воеводе послана, велено ево, Митку, принять и держать до их великих государей указу за крепким караулом, покамест ис Полши гречанин Николай Драганов возвратитца в дом свой или в ыные которые малороссійские городы. А отпустить ево ныне із малороссійских городов за границу невозможно, потому чтоб он, Митка, по злобе своей не внес там на ссору какой лжи, применяясь к тому, в чем он здесь распрашиван, да и для того отпустить ево немочно, авось любо Николай Драгунов, будучи с ним на очной ставкѣ и вящуе на него в лазутничествѣ, доведет вину, и что он, гетман Иван Степановичь, по сему их великих государей указу учинить и о том бы он к ним великим государям к их царскому величеству писал.

16.

В прошлом во 199-м году июля в 9 дни к великим государям, к их царскому величеству, прислал он, гетман Иван Степановичь, с листом своим подметное писмо, которое писано на него, гетмана, а то писмо отдала игуменье печерской Маріи Магдалынѣ игуменья фроловская, и в допросе та игуменья фроловская сказала, что то писмо отдала ей неведомо какая мирская женщина, будучи во Фроловском монастыре, у ней в кельи, а по том сказала, что то писмо отдала ей уставщица заграничного Аполонного монастыря, а та уставщица пред святым Евангелием при достоверных свидетелях, кляняся, говорила, что она никакова

писма у себя не имела и то игуменье фроловской не отдавывала, да марта 20-го дня нынешнего 200-го году к великим государям, к их царскому величеству, писал он же, гетман, Иван Степанович, прося их царского величества указу, как ему впредь со оною игуменьею фроловскою и сестрою еѣ поступити і чтоб ево гетманская невинность от той напасти могла быти очищена, и при том своем листѣ к ним, великим государям, к их царскому величеству, прислал он, гетман Иван Степанович, свидетельствованные писма о допросе с клятвою той Полонского монастыря уставщицы про то подметное писмо за руками и за печатми как духовного чину, так и мирского, подтверждая тож, что она, уставщица, великою клятвою клянучися, говорила, что никакого писма той игуменье фроловской не отдавывала и то на нѣе та фроловская игуменья клевещет напрасно.

І великие государи, их царское величество, то подметное составное на него, гетмана, писмо по прежнему своему государскому соизволенію вменяют ни во что, и ни в чем тому не верят и впредь таким воровским составным подметным писмам верить не изволят, потому что верность ево, гетманская, і многие усердные и радетельные службы им, великим государям, их царскому величеству іавестны и в милости их государской ни в чем бы ему, гетману Ивану Степановичу, не усумневатца, а быть на их, великих государей, милость во всем надежду, а милость их государская за верную ево службу отъемлема не будет, а в том учинить ему, гетману Ивану Степановичу, радение всякими способы, чтоб доискатся того, хто то писмо и откуда подослал, а подозрение ныне явное о том по розыску на тою фроловскую игуменью и на сестру еѣ, потому что у них то писмо явилось и роспечатала то писмо сестра еѣ ігуменьина, и потому чаят, что та игуменья и сестра еѣ ведает, от кого и чье то писмо, да и в речах своих оная игуменья разбилась. Сначала сказала, что то писмо отдала ей мирская женщина, а потом сказала, что та уставщица Полонского монастыря, и в таких делах, по таким разным речам по их, великих государей, их царского величества, указу таких людей по уложенью распрашивалотѣ у пытки с пристрастием и пытают, и в том подозреніи в подметном писмѣ на ту игуменью посоветовал бы он, гетман Иван Степанович, чрез обсылку с преосвященным Варлаамом Ясинским, митрополитом киевским и галицким и Малыя Россіи, как в том поступить, потому что они, инокини, духовного чина, а посоветовав и снесшися с ним о том, учинил бы он, гетман Иван Степанович, по их великих государей указу и по войсковым правам, до чего доведетца, а что учинить о том к ним, великим государям, к их царскому величеству, писал.

17.

Великие государи, их царское величество указали ему, гетману Ивану Степановичу, объявить, что старец Соломонка із Смоленска к Москвѣ прислан, а что по розыску в ево воровствѣ и в составѣ явитца и о том ему, гетману Ивану Степановичу, по их государской милости впредь объявлено будет.

А что по сему вышеписанному великих государей, их царского величества, указу и по статьях о тех о всех делех он, гетман Іван Степанович, учинит и что учает чинится, по том бы и о иных ведомостях и поведениях к великим государям к их царскому величеству он, гетман Иван Степанович, писал и чинил о том

о всем вышеписанном по их, великих государей, их царского величества указу и по своему разсмотренію, как верность ево Господь Бог вразумит і наставить.

Писан великих государей, их царского величества в царствующем велицем граде Москве лета от создания мира 7200 года месяца 24-го дня.

Таковы статьи писал в тетрати Михайло Радостанов;

подписал дьяк Василей Бобинин, справа подьячего Ивана Чередѣева;

посланы великих государей в грамотѣ, какова о тех статьях выше сево с Васильем Чуйкѣевым [35].

№ 36

1692–1695
Звіт про дипломатичну місію в Крим піддячого Василя Айтемирова

Список с статейнаго списка подьячего Василія Аитемирева, посыланнаго в Крым с предложеніем мирных договоров.

7200 / 1692 — февр. 8	7203 / 1695 — апр.

Лѣта 7200-го февраля в 8 день по указу великих государей царей і великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцев, государственного Посолского приказу подячему Василію Аитемиреву велено ѣхать с их великих государей грамотою в Крым к крымскому Саадет Гирѣю хану в гонцех.

И с Москвы ѣхати ему на Сѣвеск и из Сѣвска малоросійскими городами до Батурина. И быти их царского величества у подданого Воиска Запорожского обоих сторон Днепра у гетмана у Івана Степановича Мазепы.

А об отпускѣ ево, Васильеве, в Сѣвск к окольничему і воеводам ко князю Ѳедору Юрьевичю Борятинскому с товарищи и к гетману Івану Степановичю посланы с ним, Васильем, их великих государеи грамоты.

Да в той же великих государей к гетману грамоте запечатаны с их великих государей грамоты и с статей списки, каковы с ним, Васильем, в Крым посланы. А для толмачества послан с ним толмач Полуехт Кучюмов.

Да с ним ж Васильем отпущено с Москвы крымского гонца Магметь аги татар два человѣка, один Бѣлогородцкой орды – Аюкора, а другой ево Магметев челядник – Кеналко.

Великих государеи у руки на отпускѣ Василей был.

У великого государя царя и великого князя Іоанна Алексѣевича, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержца, февраля в 20 день (в суботу) в недѣлю великого поста – вверху во время шествія от церквы Архангела Михаила пред світою црквою.

---

[35] Інститут рукопису НБУВ. – Ф.VIII. – Од. зб. 228\97\V. – Арк. 243–288.

У великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, февраля в 28 день в хоромех в недѣлю 4 поста.

С Москвы поѣхал марта в 3 день в четверток 4 недѣлю, в Сѣвеск приѣхал и великих государеи грамоту околничему и воеводам князю Ѳедору Юрьевичю подал марта в 12 день.

В Батурин приѣхал и великих государеи з грамотою у гетмана Ивана Степановича на приѣзде был марта в 18 день.

И гетман Иван Степанович, приняв тое их великих государей грамоту і целовав в печать, ім, великим государем, за превысочаншую іх монаршескую милость бил челом с великім блгдарствованием; а по том, тоѣ великих государей грамоту і в ней положенные з грамоты ис статей списки прочет, спрашивал у Василья: о сей от их царского величества в Крым посылке к нему, гетману, чтоб запорожским козаком было о том вѣдомо, или не вѣдомо, с ним, Васильем, что наказано ли, потому что де в грамоте великих государеи, с ним Васильем присланной, ничего о том не написано; а велено де толко учинить ему об отпуске его, Васильеве, в Крым, на которые мѣста пристойно, и о посылке с ним человѣка своего по ево гетманскому разсмотренію.

И Василей гетману Івану Степановичю говорил, что особого их царского величества указу и никакова словесного приказу к нему, гетману, он, Василей, о том не имѣет, а учинил бы он, гетман, о том по их, великих государей, грамоте, как ему указано, и по своему разсмотренію.

И гетман Іван Степанович говорил, что ему оттого есть великая трудность, потому что де о намѣреніи того посолства, к какому поведенію оно творится, подлинно ему, гетману, невѣдомо, і есть ли де ево, Василья, отпустить, чтоб запорожцом не обьявляя, а они, запорожцы, каким любо случаем увѣдают, а которые в нынешнем времяни со взятыми в полон татарами были на Москвѣ, и приѣхали в Батурин преже ево, Васильева, приѣзду, и тѣ запорожцы о той в Крым посылке чаять уже и вѣдают, и ему, гетману, будет в том от них, запорожцов, немалое подозрѣніе, и опасен он, чтоб они, запорожцы, шатостію і непостоянством своим в дороге гдѣ какова ему, Василю, зла не учинили, а буде отпустить ево на Запорожье, и тогда б пред великими государи, пред их царским величеством в чем не погрешить і не навесть бы на себя іх государского гнѣву.

Гетман ж Іван Степановичь Василю говорил, когда де уже великие государи, их царское величество, соизволили с крымским ханом імѣть мир, для чего он, Василей, і послан, а грамота де іх государская писана к Саадет Гирѣю хану, а ныне де тот Саадет Гирѣи хан с Крымского ханства переменен, а учинен на ево мѣсто новой Сафат Гирѣи хан і уж обрѣтаетца ныне в Крыму подлинно, о котором хане чает он, гетман, что і на Москвѣ в приказе Малыя Росиі [чрез присланных от него, гетмана, взятых в полон татар] вѣдомо; и добро бы, чтоб та іх царского величества грамота была с ним, Васильем, на ево, Сафат Гирѣево, имя, потому что та от их царского величества присылка велми б ему, хану, была приятна и потребна, і в посолстве б ево поступок і во всем поведение доброе, как он, гетман, с вѣдомостеи применяется к тому, что корол полской крѣпко желателен с Крымом быть в дружбе, и ища того: когда нынешней Сафат Гирѣи хан шол из венгерскои земли в Крым и тогда полской посол, упреждая дружелюбием, встретил ево, хана, и на ханстве ему поздравил еще в дороге

в Белегородчине, и когда на то их хитрое привѣтствование татаровя склонятца і өакцыями их будут союз имѣть лутче с поляки, нежели з здѣшнею стороною, і есть ли б к великим государем ему, гетману, о присылке іх царского величества грамоты нынешняго Сафат Гирѣево имя к Москве писать, а ему б Василью того в Батурине дождатца, і в задержанії ево в Батурине, потому ж он, гетман, опасен для того, что тому ево гетманскому гонцу в нынешнее вешнее время за водными переправами и за грязми к Москве и назад с Москвы отнюд невозможно поспѣшить скорыми днями.

И Василей ему, гетману, говорил, что великие государи по превысокой своей государской к нему, гетману, милости полагают сию ево посылку, как о том поступить, в его гетманское ісправление.

И гетман Іван Степанович говорил, что он по их великих государеи указу о том, как возможно, надѣясь на их монаршеское милосердие и полагаясь во премудрое их разсуждение, служа им, великим государем, будет імѣть о том свое радѣние и попечение сколко Господь Бог помощи подаст, и отпустит он ево, Василя, в Крым на Запорожье, и надѣетца он, гетман, что запорожцом покажется то, что он послан на Сѣчю от великих государеи в милость; і от него гетмана в любов. А к тому ж от великих государеи посылаетца к ним іх царского величества жалованье, а от него, гетмана, борошно, и когда он, Василеи, в Сѣчю приѣдет, и он бы тогда им запорожцом о том их государском жалованье, и о борошне сказал, что будет к ним после ево вскоре, и они де, услышав, наипаче будут о том радоватис и ему, Василю, в проѣзде ево никакие помѣшки чинить не будут; а человѣка де своего от себя он, гетман, с ним, Василем, пошлет, толко б он, Василеи, ему, гетману, обявил того человѣка ему, для чего с ним послат велено и что ему там дѣлать.

І Василеи говорил, что великие государи указали ему, гетману, человѣка от сѣбя с ним, Васильем, послать млсрдуя к нему, гетману, чтоб та посылка, каким в Крыму будет поведением чинитись, тѣм его человѣком вѣдома была ему, гетману, подлинно, и по их великих государеи указу ему, Василю, наказано с тѣм ево человѣком поступить любовно. И что о их, великих государеи, дѣлех учнет в Крыму чинитис, того от него не скрывать і о всем сказывать, і о всяких вѣдомостях провѣдывать с ним обще, и что он, гетман Іван Степанович, приказал тому своему человѣку, ково с ним пошлет, о их государских дѣлех, будучи с ним в Крыму, радѣть и промышлять со всяким прилежанием.

И гетман Іван Степанович говорил, что де о тои ево Васильеве к Крым посылке, и чтоб с ним быт і ево гетманскому человѣку, слышал он, гетман, прежде ево в Батурин приѣзду от столника и полковника от Івана Цыклера, и по тои вѣдомости назначил он, гетман, быть с ним, Васильем, в тои посылке канцеляристу своему гадицкому жителю Василью Велецкому, и уже по него в Гадич и послано, и будет вскоре, и он бы, Василеи, ево в Батурине дождался, да он же, гетман, до турского города Казыкерменя пошлет с ним, Василем, казака доброго і бывалого, котороп бы о проѣзде ево чрез Запороже и о приеме в Казыкермене мог к нему, гетману, привести подлинную вѣдомость.

І Василеи по гетманскому приказу того его канцеляриста дожидался.

Да с ним ж, Василем, послана была грамота к гетману к Ивану Степановичю из государственного Посолского приказу о Красенском, и та их великих государеи грамота ему, гетману, подана марта в 21 день.

А канцелярист Василеи Велецкои от гетмана к нему, Василю, прислан марта в 22 день.

А из Батурина Василеи отпущен великого поста на страстнои недѣле в великиі четверток марта в 24 день. И даны ему от него, гетмана, два листа, один об отпуске и о провожатых в Переволочню, кь ево гетманскому дозорце к Ивану Рудковскому, другои на Запорожье к кошевому Федку и ко всему Низовому Воиску.

И ѣхал Василеи от Батурина по приказу гетманскому городами: на Лохвицу, на Сенчю, на Миръ-город, на Сороченцы, и тут в Сороченцах вышепомянутои татарин Аюкора у миргороцкаго полковника у Данила Апостола окупил пасынка своего кузеня іменем, а окупу дал за него триста талеров: а с Сороченцов ѣхали на Решетиловку, а в Переволочню приѣхал апреля в 3 день.

Апрѣля в 4 день у гетманского дозорцы у Івана Рудковского, взяв по гетманскому листу провожатых казаков пятнадцать человѣк и отѣхав на Мишюринскои перевоз от Переволочни вверх Днепра, в пяти верстах стояли на берегу три дни, потому что река Днепр вешним половодием увеличился и были в тѣ дни дожди і волнения великие, а переправясь с великою трудностию и страхованием апрѣля в 6-м числѣ, и от Днепра ѣхали на своих подводах.

А до Сѣчи дорогою по урочищам ѣхалі чрез воды:
от Днепра 2 мили – маигуров враг рѣчка Омелник.
от Омелника 3 мили – рѣчка Саксагань-Сухая.
от Сухой 2 мили – таж Саксагань-Садки,
от Садков 1 миля – таж Саксагань Гнилая,
от Гнилои 4 мили – река Бозовлук,
от Бозувлука полмили рѣчка Каменка,
от Каменки 1 миля – рѣчка Колтоба,
от Колтобы полмили – рѣчка Чаикин,
от Чаикина полмили – рѣчка Соленая,
а от Соленои 4 мили – город Сѣча,
всего от Днепра до Сѣчи дватцать двѣ мили с полумилею.

В Сѣчю приѣхал апрѣля в 9 день – по утру часу в четвертом; і в раде у казаков был того ж часа.

А старшиною у них в то время были: кошевои атаман Ѳедко,
судья – Афанасеи Губа,
писарь Петрик Батуринской,
ясаул Іван Мизин. 7200 в апреле мѣсяце из месть отѣхат в Крым (написано сбоку).

А как Василеи Аитемирев и гетманской канцелярист в казацкую раду вошли и лист гетманской кошевому Василеи подал, и тогда кошевои и судья у него, Василья, спрашивали, от великих государеи к ним Низовому Воиску грамота прислана лі, і Василеи говорил, что грамоты великих государеи к ним на Запорожье с ним, Васильем, не прислано, а по их великих государеи указу велено ему ѣхать с Москвы на малоросиіские городы, и іх великих государеи грамота об отпуске ево в Крым прислана их царского величества к подданному Воиска Запорожского обоих сторон Днепра к гетману Івану Степановичю Мазепе, потому что они, великие государи, полагают всѣ сеи Украины дела на него гетмана, а гетман Іван Степанович отпустил ево, Василья, в Крым к ним на Запорожье, указуя к Низовому

Воиску региментарскую любовь свою, не скрывая от них, чтоб и їм было о том вѣдомо.

И атаман тот гетманскои лист отдал писарю Петрику, і велѣл ево прочесть по обыкновению своему всѣм вслух.

А лист гетманскои писан к ним на Запорожье таков:

Мои любезные приятели и братия, господине атамане кошевои і все старшее и меншое Воиска их царского пресвѣтлого величества Запорожского Низовое товарыщство.

По премощному монаршескому великих государеи наших, их царского пресвѣтлого величества указу, в их монаршеских дѣлех послан в Крым гонец Василеи Аитемирев, и с ним отпущен с Москвы татарин крымскои, і велено ему ѣхать чрез Сѣчь Запорожскую, так ж и мнѣ велено послати с ним нарочного своего человѣка, и так я ево гонца отпустил из Батурина, і выправил прямо на Сѣчь и с ним своего нарочного послал есмь Василья Велецкого, естьли б тогда хто из между ваших милостеи вѣдать хотел, какия бы то были дела монаршеские, о которых он, гонец, послан, тогда будет о том впред вашим милостям вѣдомо, а имянно за возвращением его гонца ис Крыму назад, а как я уже неединократно вам всѣм добрым молодцом Воиску Низовому предлагал, что великие государи наши, их царское пресвѣтлое величество, своим превеликим монаршеским милосердием сохраняя всѣх нас, как городовое, так и Низовое Воиско Запорожское, в своей монаршеской милости: есть ли и до перемирья им, великим государем, с панством крымским и Портою оттоманскою придет, то волности и права наши воисковые в доброи будут обороне, а особно вам, Воиску Низовому, как на Днепрѣ, так і в полевых рѣчках волная будет рыбная, звѣриная и соляная добычь, так и теперь тою милостию монаршескою всѣх вас обнадеживаю и прилѣжно здѣ желаю и региментарски приказую, чтоб ваша милость по своеи вѣрнои службе сего монаршеского гонца, и нашего посланного с людми при них будучими, честно и любовно у себя приняв, отпустили их безо всякия мешкоты в намѣренную в Крым дорогу и дали им до самого Казыкерменя добрых своих провожатых, которые б в ненарушимои цѣлости их туда проводили; а того с великою прилѣжностию осмотрите и постерегите, чтоб их как в Сѣче нихто словами бесчестными не прикасался, так і в дороге ни в чем не зашкодил, как бы есте чрез такую свою вѣрную службу получили себѣ преизлишнюю монаршескую милость: а мы и особно казака батуринского посылаем при нем гонце и при своем посланном, приказав, чтоб с ними до Казыкерменя ѣхал и оттоле принес об них подлинную нам вѣдомость. Сия вашим милостям предложив желаем всѣм вам добрым молодцом от Господа Бога доброго здоровя и щастливого поведения из Батурина марта 22 дня 1692 году;

вашим милостям желателныи приятель

Іван Мазепа гетман Воиска их царского пресвѣтлого величества Запорожского.

И как тот лист прочтен, тогда козаки говорили, мочно де было прислать ик ним государскую грамоту, а то де бутто у царского величества они забвенны, и іные розные слова, кому что пришло на память, чего и слышать было ненадобно.

И кошевои казаком успокоив их от тѣх слов говоріл, горше б де нам то было, коли б царского величества посланник послан был в Крым иною дорогою, а тепере де за то, что о тои в Крым посылке вѣдать им дано, великим государем они бьют челом, а гетману блгдарствуют, і в тои же раде назначили в провожатые до

Казыкерменя казаков дву человѣк, Якова Ворону переясловскаго куреня, да Івана Лотву щербиновского куреня.

И с Сѣчи Василеи отпущен апреля в 10 день.

А дорогою до Казыкерменя по урочищам воды: от Сѣчи 2 мили река Бозовлук,
от Бозовлука 2 мили рѣчка Сухая Терновка,
от Сухои 2 мили рѣчка Мокрая Терновка,
от Мокрои полмили рѣчка Сокоревка,
от Сокоревки 4 мили – рѣчка Носаковка,
от Носаковки 2 мили – рѣчка Омиловая,
от Миловои 1 миля – рѣчка Каменка,
от рѣчки Каменки 2 мили – город Казыкермень.
Всего от Сѣчи до Казыкерменя 16 мил с полумилею.

В Казыкермень приѣхали апрѣля 12 день ввечеру, и поставлены на дворех з гетманским канцеляристом порознь; и которые во время того приѣзду приходили на постоялои двор к Василю турки и татаровя и тѣ приѣзду его зѣло были радостны, і всѣ едино устно говороли з желанием, чтоб дал Бог с московским государством им мир.

И апрѣля в 13 день казыкерменскои бѣи Кемал мурза Сулешев, обослал Василья и гетманского канцеляриста с кегаею (дворецким) своим рыбою по свѣжеи белуге.

А по том приходил к Василю казыкерменскои язычѣи (писарь) Шабан и от Кемела бѣя спрашивал ево, Василья, о здорове, говорил, что де бѣи хочет с ним видетис, и чает он, Шабан, что де он приѣдет к нему, Василю, или выѣхав из города на какои ни есть татарской двор, і позовет ево к себѣ; і Василеи Шабану говорил, что де он с ним, Кемалом бѣем, видѣтись рад.

И Шабан с тѣм словом к бѣю ходил, и пришел от бѣя звал Василья к нему, бѣю, в город, и чтоб с ним Васильем толко были гетманскои посланец да толмач, а людеи де их никово в город не пустят.

І Василеи у Кемала бѣя в то время был в городе в дому ево, а как к нему в хоромы вошли, і в то время с ним, бѣем, сидѣли турков и татар человѣк з двацать знатных людеи.

И Кемал бѣи спрашивал у Василя о здравиі великих государеи, а потом у гетманского канцеляриста о гетманском здорове, и как Василеи и гетманскои канцелярист против того вопросу отповѣдь учинилі, и на приуготованных им мѣстех сѣли; тогда Кемал бѣи Василю говорил: для какова дѣла от великих государеи к ханову величеству он послан и грамота с нім есть лі, и что в тои грамоте писано, о том он вѣдает ли, чтоб он, Василеи, ему, бѣю, о том обьявил для того, что де он, Кемал, хотя і в порубежном городе, а не при хане, однако ж ему о том вѣдать надобно, гдѣ бы и он меж Московским государством и крымским юртом учинил добрoи способ к миру и тишинѣ, потому что де крымскои юрт в московских дѣлех ево употребляет. И Василеи гворил, что от великих государеи, их царского величества послан он к ханову величеству в Крым с их государскою грамотою о добрых и к миру потребиных дѣлех на скоро, а о чем в тои грамотѣ писано, о том он, Кемал, увѣдомитца в то время, как он, Василеи, тоѣ грамоту подаст ханову величеству. А когда ево, бѣя, крымскои юрт в московских дѣлех употребляет и ему,

бѣю, надобно в тѣх дѣлех быть радѣтелну, и буде ево радѣнием междо московским государством и крымским юртом учинится что в дѣлех доброе, тогда и он, Кемал бѣи, получит себѣ ис того великую похвалу и пожиток, а ныне б он отпустил ево, Василя, в Крым к ханову величеству безо всякаго мотчанія.

И Кемал говорил, даи де Боже, чтоб учинился мир, а они того крѣпко желают; а ево, Василя, отпустит он ис Казыкерменя сего ж числа и пошлет с ним до хана сколко человѣк пристоино провожатых, и будет о пріеме ево, Васильеве, писать к брату своему къяшловскому Аштемирю бѣю, которому при хане будет он, Василеи, в пріеме ево приказан.

По том Кемал бѣи говорил, крымскои де гонец Магметъ ага, для чего с Москвы не отпущен, и гдѣ он толикое долгое время задержан, а послан он был на скоро, и то де ево задержаніе учинено ему напрасно, потому что задержаніем посылных людеи добрые дѣла не дѣлаются, и будут де о том ево задержанiі говорить нетокмо он, бѣи, но и ханские ближние люди.

І Василеи бѣю говорил, что гонец их Магметъ не отпущен с Москвы в Крым для того, что великим государем нашим, их царскому величеству, ізвѣстно было подлинно, что ханова величества во все лѣто в Крыму і в Белогородчине не было, а был в воинѣ в венгерскои землѣ, и в небытности хана в Крыму того гонца отпустить такъж и от их царского величества посылке быть было нѣхкому, а когда их царскому величеству извѣстно учинилос, что воина в венграх укротилас и хан в Крым возвратился, тогда они, великие государи, своею царскаго величества любителною грамотою наскоро в гонцех ево, Василя, послать к ханову величеству и изволилі. А Магметъ агѣ велено на Москвѣ побыть на время до подлинного ханского о миру намѣренія, и до скорои с ним Василем к Москве отповеди, и коль скоро он, Василеи, приѣдет к Москве, то и Магметъ ага отпущен будет с Москвы в Крым безо всякого задержанія, а хотя тот гонец на Москвѣ и позадержан, однако ж по милости царскаго величества имѣет он себѣ поволность и кормы ему дают довolные, о чем ему, бѣю, скажут подлинно отпущенные с ним оттого их гонца два человѣк Казыкермен татаровя.

Кемал бѣи говорил, добро де то, что междо Московским государством и крымским юртом почались о добрых мирных дѣлех пересылки, для чего же де под их турские городы пріходят царского величества с стороны воинские люди, а имянно на сих днях приходили казацкие воиска под Ачаков, а предводителем у тѣх воиск полковник Палеи, и под городамі их, также и на степи проѣзжим турком и татарам чинят они обиды великие воинским способом, людеи побивают і в полон берут, и жилища их разоряют, и сожигают, і Василеи говорил, что у великих государеи наших таково полковника Палѣя под высокою державною их царскою величества рукою в службе нѣт, а слыхал он, Василеи, что есть такои прозваніем полковник в сторонѣ полского короля, и приходят лі под городы их или нѣт с тои стороны, а царскаго величества ратнѣм людем под чьим бы регииментом быть в полскои сторонѣ и то дѣло нестаточное.

И Кемал бѣи говорил, коли б де тот Палѣи великим государем не служил, и с ним бы де их царского величества ратных людеи не было, а то де были с ним, Палѣем, гетманского регименту знатные полковники, которых он, Кемал, знает именами именно.

І Василеи говорил, что царского величества с стороны ратные люді в нынешних днях ни с какимі полковникамі не посылываны, а в их крымскую сторону после

посылки к Москве гонца их Магмета аги нынешнею зимою приходили под украинные и малоросіиские царского величества городы многие орды з знатными мурзамі, а имянно из Белогородчины, з Батырчею, с Темирханом, з Дивѣем, а ис Крыму с ширинчкимі мурзами з Батырчею бѣем, з Джантемир мурзою, и с иными да и отсюду и с Казыкерменя с Умер агою, и хотя в городѣх не великое разореніе от них учинено, однако ж за такимі о добрых дѣлех пересылкамі того было чинить им не годилос; а как у великих государеи наших, у их царского величества, с крымским Саадет Гирѣем ханом пересылка о дружбе началас, и после того єво, хана, и орд в Крыму не было. А были всѣ в воинѣ в венгерскои землѣ против цесарских воиск, гдѣ турским воискам от немецких воиск учинен предѣлнли упадок, а они по тому ж возвратилис безо всякои себѣ удачи; і естьли б великим государем нашим, их царскому величеству, над Крымом, что чинить изволить, і в то без них время мочно было и не великими воиски здѣлать, что надобно. Однако ж они, великие государи, желая с хановым величеством быть в постояннои дружбе, своих государевых воиск на Крым и под городки в то время посылать не изволили и помѣшки никакои им не чинено, и то б их крымскому юрту надобно с стороны царского величества принять в великую любовь, а гетманскому посланному Пантелеимону Радичю, как он был у хана в Белогородчине, прі отпуске сказано, что за тою пересылкою крымских орд загоны будут задержаны, однако ж то слово с их стороны нарушено. И не токмо, что загоны успокоить, но и цѣлые орды под их царского величества украинные малоросіиские городы посыланы.

И Кемал бѣи говорил, татаровя де их подходилі в руские городы для того, что гонец их Магметь ага на Москвѣ ли он задержан или єво нѣт в живых, чтоб им об нем провѣдать. И естьли б послать в малолюдствіи, то б их казаки побили.

І Василеи говорил, что таковых великих чамбулов, чтоб тысечах в двадцати или болше, для провѣдыванья никогда нигдѣ непосылают; естьлиб им о том гонцѣ своем понадобилос провѣдать, гдѣ он обретается или по какому случаю замешкался, и им бы мочно о том сослати с их царского величества с поданным Воиск Запорожских з гетманом с Іваном Степановичом Мазепою листамі, не воиск посылкою.

И Кемал против того умолчал і болши того ничего про то не говорил і потчивал Василя и гетманского канцеляриста питьем, имянуемым кагве.

Потом Василеи Кемала спрашивал, есть лі у него вѣдомость, у ханова величества ныне послы или посланники или гонцы отколе есть лі, и о чем добром слышать.

И Кемал сказывал, что он и сам ѣздил в Бакчисараи недавно и пріѣхал от туду тому ныне днеи с пятнадцать, и у ханова де величества толко полского короля посланик прислан зимою к хану еще в дорогу, как он Крыму шол о договоре о миру, а иных де послов ни откуду ныне, кромѣ того, при хане нѣт. А о московскои де сторонѣ, чтоб быть в томъж миру тот полскои посол говорил ли что или нѣт, того он, Кемал, не слыхал.

И попривѣтствованіи отпущен Василеи с прочимі на подворье.

А как Василеи к себѣ на подворье пришол, и учали того ж часу чрез Днепр лошадеи перевозить, тогда Василеи к великим государем написал отписку, и отпускал батуринского казака Якима Кныша и запорожских провожатых, а отпустя их, и сам Василеи чрез Днепр мимо городков переправился в скором же времяни.

А отписку к великим государем с тѣм Кнышем Василеи писал такову:

Великим государем царем і великим князем Иоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцем, холоп ваш Васка Аитемирев челом бьет по вашему великих государеи цареи і великих князеи Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцев, указу послан я, холоп ваш, в Крым с вашею, великих государеи, грамотою к крымскому хану в гонцех, і велено мнѣ ѣхать на Сѣвеск и малоросіискимі городами, и быть вашего царского величества у подданного Воиска Запорожского обоих сторон Днепра у гетмана Івана Степановича Мазепы, а как гетман Іван Степановичь меня, холопа вашего, от себя отпустит, и кого человѣка своего в Крым со мною пошлет и сколко провожатых дать велит, и мнѣ, холопу вашему, велено от него, гетмана, ѣхать в Крым на тѣ места, на которые велит ѣхать і провожатых пошлет гетман Іван Степановичь, и по тому вашему, великих государеи, указу и по наказу вашу великих гдреи грамоту в Батурине гетману Іван Степановичю подал я, холоп ваш, марта в 18 числѣ, і вашего царского величества подданои гетман Іван Степанович по тои вашеи великих государеи грамоте из Батурина отпустил меня, холопа вашего, марта в 19 числѣ, а со мною, холопом вашим, послал от себя в Крым канцеляриста своего Василя Велецкого, и приказал мнѣ ѣхать на Запороже, чтоб пред вашею, великих государеи, казною, которая послана на жаловане запорожцам с подячим со Внифатьем Парфеневым, мнѣ, холопу вашему, упредить, и запорожцом, буде спросят, о том обьявить, чтоб мнѣ в дороге не было от них какіе помѣшки, и об отпуске моем, холопа вашего, з Запорожья к кошевому атаману Ѳедку и ко всему Низовому Воиску послал он, гетман, от себя лист; да со мною ж, холопом вашим, для подлинного увѣдомленія проѣзду моего чрез Запороже до турецких городов до Казыкерменя послал он, гетман Іван Степановичь, батуринского казака Якима Кныша, и в Переволочню пріѣхал я, холоп ваш, апрѣля в 3 день. А ис Переволочни, отѣхав милю вверх Днепра на Мишюринском перевозе, стоял я, холоп ваш, за великим вѣтром и дождем, и разливом Днепровым, і волненіем страшным три дни. А апрѣля в 6 числѣ помощію Всемогущаго Бога переправились Днепр с великим страхованіем. А на Запороже, государи, пріѣхал апрѣля в 9 день і в раде у них атамана с товарыщи был и лист гетманскои о отпуске своем в Крым им подал того ж дни, и атаман с товарыщи, приняв гетманскои лист, спрашивали у меня, холопа вашего, вашеи великих государеи к себѣ грамоты, и как услышали у меня, холопа вашего, что вашеи великих государеи грамоты к ним нѣт [по тому что полагаете вы, великие государи, всѣ сеи Украины дела своего царского величества на поданного гетмана Івана Степановича], велѣл тот гетманской лист чести писарю, і выслушав, вам, великим государем, били челом, а гетману за обосланіе того к ним листа, что от Воиска Низоваго о тои моеи, холопа вашего, посылке не утаил і вѣдомо учинил, благодарствовали, і с совѣту всѣх казаков назначил со мною, холопом вашим, в провожатых до Казыкерменя казаков дву человѣк, и из Сѣчи, государи, поѣхал я, холоп ваш, к Казыкерменю с тѣми провожатымі апрѣля в 10 день, в Казыкермень приѣхал апрѣля в 12 день. И на завтра, государи, того дни казыкерменчкои бѣи Кемал мурза Сулешев присылал ко мнѣ, холопу вашему, язычея своего Шабана, и звал к себѣ и я, холоп ваш, у него, бея, в городе в дому ево был, а со мною, холопом вашим, пустили в город толко гетманского канцеляриста да толмача Полуехта Кучюмова, а иных никово не пустили, и он, бѣи, у меня, холопа вашего,

спрашивал, для какова дѣла и с чѣм от вас, великих государеи, я, холоп ваш, к ханову величеству послан, чтоб мнѣ о том ему обявить для того, что де он, хотя і в порубежном городе, а не при хане, однако ж ему о том вѣдать надобно, гдѣ бы і он междо Московским государством и крымским юртом учинил доброи способ к миру и тишинѣ, потому что в тѣ холоп ваш дѣлех крымскои юрт ево употребляет; такъж говорил о задержаніи на Москвѣ аги, что де он задержан напрасно, и о том не токмо де он, бѣи, но і всѣ ближние люди в Крыму будут мнѣ, холопу вашему, выговаривать, и я, холоп ваш, ему, бѣю, говорил, что от вас, великих государеи, послан я, холоп ваш, к ханову величеству в Крым с вашею, великих государеи, грамотою по ханскому и всего крымского юрта желанию о добрых и к миру потребных дѣлех, а что в тои грамоте написано, о том он, Кемал мурза, увѣдомитца, как я, холоп ваш, тое грамоту подам ханову величеству, а о задержаніи Магмет аги на Москвѣ отговаривал я, холоп ваш, ему, бѣю, по наказу і чтоб он, бѣи, отпустил меня, холопа вашего, в Крым не замотчав и он, бѣи, сказал, что он меня, холопа вашего, отпустит сего ж числа и до хана пошлет со мною, холопом вашим, своего человѣка и провожатых сколько пристоино, и я, холоп ваш, о том ему, бѣю, благодарствовал, и аще даст Бог переправлюся Днепр сего ж дни и із Казыкерменя і поѣду в Крым с великим поспѣшеніем, да я ж, холоп ваш, ѣдучи от Переволочни в дороге і, будучи в Сѣче і в Казыкермени, провѣдал подлинно, салтан турскои готовитца на цесаря воиною великим приуготовленіем и на страснои недѣле прислал в Крым к хану капычи башу с указом, чтоб шол к нему с воиском на вспоможение да с тѣм оскв же капычѣем прислано сабля обернута в рубашке да конь доброи со всѣм нарядом, да на жалованье воиску сорок тысяч золотых червонных. Да апрѣля в 9 числѣ от салтана ж приѣхал к хану чаущ, подтверждая о конечном в поле выходе, как новои маи мѣсяц настанет, но тот его ханов поход отговаривают ему, хану, крымские бѣи ширинские і мансуровы и Кая бѣи для того, что зѣло боятца ваших государских ратеи на Крым наступления, а здѣс государи, как Кемал мурза и с ним мурзы, и знатные турки, и татаровя, которые были и сидѣли у него, бѣя, во время в городе бытия моего, так и всѣ меньших чинов служилые люди приѣзду моему зѣло ради і молят Бога, и говорят едино устно, чтоб даровал Бог с вами, великими государи, мир; Кемал же мурза мнѣ, холопу вашему, по вопрошенію моему сказывал, что он іс Крыму приѣхал тому ныне пятнадцать днеи, и при хане де есть посол польскаго короля, для договору о миру; а о вашеи де царского величества сторонѣ при нем, бѣе, хану ничего не упоминалося и остался еще при хане. Да сего ж государи дня приѣхал и с Перекопи в Казыкермень с листом к бѣю татарин і сказывал, что от калмыцкаго Аюкая таиши в Перекопи прислан конскои табун с тритцать тысяч лошадеи на продажу, а что впредь в Крыму я, холоп ваш, услышу, каких вѣдомостеи и будет когда как будет возможно, о том к вам, великим государям, буду я, холоп ваш, писать; а сию, государи, отписку к вам, великим государем, царем и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, послал я, холоп ваш, и с Казыкерменя с батуринским козаком с Якимом Кнышем для подания в вашем Посолском приказе думному дьяку Емельяну Ігнатевичу Укряинцову с товарищи.

А как Василеи ѣхал к Перекопи, тогда встрѣтились с ним на степи запорожские козаки, два человѣка, которые [как было слышимо в Сѣче] посыланы в Крым от воиска о постановленіи с Крымом на обѣ стороны миру о волном добываніи

рыбы и звѣреи и соли во обыкновенных Днепровых и полевых и морских мѣстех, чтоб на нынешнее лѣто подтвердить о том против прошлого году.

І Василеи и гетманскои канцелярист о чем у них спрашивали, о том тѣ козаки ни о чем им не сказывали и стоять с ними не хотѣли и поѣхали, поспѣшая к Казыкерменю, а толко и молвили, увидите де и услышите об всем, как будете в Крыму сами.

Да у самои Перекопи выѣхали к нему, Василью, с лѣвой стороны от гнилого моря на дорогу два человѣка здисанцов и по вопрошенію Васильеву сказывали, что они к Перекопи пришли тому днеи с пять с табуном, а в табунѣ у них конеи 10 000, а их, здисанцов и калмыков аюкиных, семьсот человѣк, а прислал де их в Крым с тѣми лошадми калмыцкой Аюка таиша по прошению крымского хана чрез посланника ево; а ныне де с тѣм оскв ево крымским посланником и с табуном от Аюки прислан і к хану посланник, а каких дѣлех, кромѣ тѣх лошадеи, у хана с Аюкою пересылка, того де они не вѣдают. И будет де они которых конеи в Крыму не испродадут и они погонят их, как хан ис Крыму поидет при нем ханѣ и в Бѣлогородчину, а иные де у них туды в Бѣлогородчину сегодня с перекопским салтаном уж и погнаны.

Ис Перекопи к Бакчисараю поѣхали апрѣля в 15 день.

А от Казыкерменя до Перекопи и от Перекопи до Бакчисарая подвод Василию и никому не давано: ѣхали на своих подводах.

А от Перекопи послан с ними в провожатых до Бакчисарая Сеимень, один человѣк.

А что от Казыкерменя посланы с ним, Василием, были провожатых два человѣка и тѣ, не доѣзжая до Перекопи, еще с Чернои долины уѣхали у него, Василия, напеpед невѣдомо куды.

В Перекопскои городок приѣхали апрѣля в 11 день, і в Перекопи постоялои двор, гдѣ Василья и гетманского канцеляриста поставит татаровя, нашли с великою нуждою для того, что посад, которои был около того перекопского городка в прошлом во 197 году вприход царского величества воиск, весь ими ж татарами выжен і разорен до основанія, а послѣ того во 198 году от хлѣбного в Крыму недороду и от голоду люди розбрелис врознь, а которые осталис и тѣ селятца ныне вновь.

Апреля в 15 день в перекопском же городе сказывал Василю и гетманскому канцеляристу татарин Абдыш, что был в полону в Батуринѣ и розменен на смоленского шляхтича Поплонскаго, что де вчерашнего апрѣля 14-го дня перекопскои их салтан хана нынешнего сын с нѣсколкою частію воиска пошол в Бѣлогородчину. Да с ним же де от хана отпущен полского короля посланник, которои приѣхал в Крым еще с ханом, а от хана де послан с ним к полскому королю посланник же, а о чем та пересылка, того де у них в Перекопи нихто не вѣдает. А перекопскои де город ныне без него, салтана, приказан перекопскому жителю Ібраш агѣ; і вел на татарские дервни не прямою дорогою.

А гдѣ к которым дрвням приезжали, и тот Сеимень ѣздил наперед и татаром заказывал, чтоб нихто с ними Васильем ис людми их ни с кѣм, о чем будут спрашивать, ни о чем не розговаривали и неволников к ним отнюд недопускали.

А Василья тот Сеимен сказывал, что ему о том от перекопского аги накрѣпко наказано.

Апрѣля в 18 день не доѣхав до Бахчисарая верст за шесть, проѣхав Алму реку, встрѣтил Василья от розмѣнного бѣя татарин Девлет Казы и говорил, что

о приѣзде ево, Васильеве, что он от великих государеи послан к ханову величеству крымскому вѣдомо учинилос розмѣнному бѣю от казыкерменскаго Кемала бѣя, чрез нарочно присланного человѣка, и для того розмѣннои Темирша бѣи ево, Девлет Казы, и прислал на встрѣчу, чтоб он, Василеи, ѣхал в село Яшлов, которое обрѣтается от Бакчисарая в четырех верстах, гдѣ он, розмѣннои бѣи, живет. А в Бакчисараи не ѣздил потому, что де ему, Василию, без него, бѣя, в Бакчисараи ѣхать невозможно.

И Василеи говорил тому татарину, что по указу великих государеи, их царского величества, послан он, Василеи, в Крым к ханову величеству для скорых и надобных дѣл и в Яшлов к бѣю заѣзжать ему нѣ для чего. Потому что прежде ево татарскаго приѣзду послан от него, Василя, в Бахчисараи ханова величества к ближним людем для обвѣщения и для постоялово двора толмач Полуехт Кучюмов, которого он, Василеи, к себѣ навстрѣчу ожидает, и какои ханова величества указ об нем, Василье, будет и гдѣ ему в Бахчисарае или в Яшловѣ быть велят, туды он Василеи и поѣдет.

І татарин говорил, чтоб он, Василеи, в том, конечно, не противился и ѣхал с ним в Яшлов. А толмач де Полуехт будет там же.

И Василеи с тѣм татарином в Яшлов поѣхал и поставлен на постоялом пустом мурзинском дворѣ.

А розмѣнным ныне бѣем Аштемир мурза Сулешев, и ныне ево в Яшлове нѣт татарин поѣхал нынешнею весною для своего бусурманского моления к Магометову гробу. И надлежащие ему дела приказаны без него сыну ево Темирше мурзе, и того ж числа Темирша бѣи обослал ево, Василя, с людми своими хлѣбом да ѣствами на мисе.

А после того тот же час приѣхал и сам и спрашивал о здорове и сколь давно с Москвы поѣхал; говорил, чтоб он ѣхал с ним, бѣем, в Бахчисараи.

І Василеи, взяв с собою великих государеи к хану грамоту, с ним, з бѣем, в Бахчисараи поѣхал, а с собою взял гетманского канцеляриста Василя Велецкого да людеи дву человѣк, а досталные люди и лошади оставлены в Яшлове, а в Бахчисарае поставлены на постоялых греческих дворех з гетманским посланным порознь, и бѣи поѣхал от него, Василя, к ханскому ближнему человеку, к Алишю агѣ.

Потом, помѣшкав часа с три, бѣи, приѣхав, говорил, чтоб он, Василеи, ему объявил, есть ли царского величества к ханову и к калгѣ, и к нурадыну с ним, Василем, присланы поминки, и Василеи говорил, что от царского величества никаких поминков к хану и к калгѣ и к нурадыну не прислано.

Потом бѣи говорил, чтоб он, Василеи, ѣхал с ним, бѣем, к ближнему человѣку к Алиш агѣ для повидания, потому что московскіе посолскіе дѣла дѣлать надлежат ему, агѣ; и Василеи в то время у Алиш аги был; а как приѣхав, вошол в сараи. И он, ага, в тоѣ хоромину вошол после и спрашивал о здравіи великих гдреи и сколь давно он Василеи с Москвы поѣхал.

Потом у гетманского человѣка спрашивал о гетманском здорове.

И как на тѣ вопрошения ево отвѣт татарин учинен, и Алиш ага Василя спрашивал, для чего от великих государеи, от их царского величества, он к ханову величеству прислан и есть ли с ним какои словеснои приказ, чтоб он, Василеи, ему, агѣ, обявил.

И Василеи говорил, что послан он от великих государеи, от их царского величества к ханову величеству с их царского величества любителною грамотою о добрых и крымскому юрту потребных дѣлех наскоро и чтоб ханово величество указал ему, Василю, у себя на приѣзде быть и тоѣ их царского величества грамоту принял, не мѣшкая, а какои с ним словеснои приказ есть, о том он, Василеи, ему, ближнему человѣку, или, кому ханово величество укажет, выслушать, обявит после подания грамоты.

Потом Алиш ага говорил, какою особою от царского величества он, Василеи, к ханову величеству послан, посолством ли или лехким дѣлом и посолство ему велено править явно ли, пред всѣми, чтоб вѣдомо было всему юрту или он, Василеи, прислан таино к одному хану.

И Василеи говорил, что от великих государеи, от их царского величества послан он на скоро в гонцех, а не посланником, а о приеме у него, Василья, царского величества грамоты, как изволит учинить ханово величество, потому что им о том болши вѣдомо, каким способом, таиным ли или явным, к великим государем нашем, к их царскому величеству от бывшего Саадет Гирѣя хана посылка чрез гонца его Магмет агу учинена.

По том Алиш ага спрашивал, царского величества грамота с ним, Васильем, присланная на котораго хана, к Саадет Гирею ли или к нынешнему Сафат Гирѣю хану.

И Василеи говорил, что великих государеи, их царского величества грамота писана к бывшему Саадет Гирѣю хану, которои к их царскому величеству с листом своим прислал гонца своего, Магмет агу, потому что о нынешнем новоучиненном Сафат Гирѣе хане им, великим государем, подлинно было неизвѣстно.

И ага говорил, к кому де та царского величества грамота написана, токмо добрые дѣла надобны всему юрту, потому что не ханами тѣ дѣла дѣлаются, но ими, ближними людми и великими бѣями и карачѣями; и чтоб он, Василеи, ѣхал к себѣ на подворье, а он, ага, о том о всем, о чем с ним, Васильем, поговорил, донесет до ханова величества, и как ханово величество о приеме ево, Васильеве, укажет учинить и когда ему, Василью, царского величества з грамотою на приѣзде у него хана быть, о том он, Алиш ага, ему, Василю, вѣдомо учинит; и чает он, ага, что хан возмет ево, Василя, пред себя завтра апрѣля в 19 день.

И апрѣля в 20 день к Василю приѣхал Темирша бѣи, і говорил, сего ж де дня указал ханово величество быть ему, Василю, у себя на приѣзде великих государеи з грамотою; а что де вчерас он, Василеи, у ханова величества на приѣзде не был, о том бы он, Василеи, не подивил, потому что хан забавен был в ыных делех и были у него посланники: один полского короля, а другои кумыцких черкѣс.

І Василеи за тою вѣдомость ему, бѣю, благодарствовал и спрашивал у него, у ханова величества, во время, как он, Василеи, будет, иных откуду послов или посланников, не будет ли, и буде хто будет и ему Василью при тѣх холоп ваш людех на приѣзде царского величества з грамотою быть не мочно, и Темирша бѣи говорил, что у ханова величества в то время, когда он, Василеи, будет, никаких посланников, кромѣ ево, Василя, не будет.

Потом Василеи ево, бѣя, при іных словах спрашивал, вѣдомо ли ему, бѣю, для чего полскои посланник к ханову величеству прислан и сколь давно в Бахчисараи приѣхал и как ево посланниково имя.

И бѣи ему, Василю, сказал, что полскои посланник прислан в Крым для взыскания миру и уже де при сем Саѳат Гирѣе сеи третеи посланник; первои был Захариаш, прислан в Бѣлогородчину еще в то время, как ханово величество шол из Царяграда в Крым, а отпущон он к королю тому ныне недѣли з двѣ и послан с ним к королю ханскои посланник Дербыш мурза, а другой посланник прислан был после того в Крым і пожил толко з двадцат днеи и отпущен преже Захариашева отпуску недѣли за две; а третеи, нынешнеи полскои посланник, в Бахчисараи приѣхал одного дня с ним, Васильем, апрѣля в 18 день в вечеру, а как тѣх холоп ваш посланников имяна, того он, бѣи, не вѣдает: потому что они, Сулешевы, вѣдают московской стороны дела, а полскои стороны дела по ханскому указу вѣдает инои беи.

І Василеи говорил, когда полскои посланник прислан к ханову величеству о мирных добрых делех и он, Василеи, чает, что от королевского величества полского с тѣми ево посланникамі і великих государеи наших, их царского величества, за сторону, что ни есть априобщение миру писано или говорить наказано; и беи говорил, что о Москвѣ ни единого слова ни откоторого посланника полского не слышно.

Беи же говорил, когда де от царского величества к ним іх государского жалованья ничего не прислано, и он, Василеи, подарил бы ево, бея, и ближняго человѣка Алиш агу от себя московским каким гостинцом, как и напред сего бывало, а Алиш де ага и он, бѣи, за то в дѣлех государских будут радѣтелны и ему, Василью, воздадут любовью.

І Василеи бея дарил от себя собольми да бѣлими шубами; и беи, приняв подарки, поѣхал на ханскои двор.

Потом, помешкав с час, пришол в Василю капычѣи и говорил, что прислал ево, капычея, ближнеи ханскои человѣк Алиш ага, чтоб он, Василеи, ѣхал к ханову величеству царского величества с грамотою.

І Василеи з грамотою великих государеи к хану поѣхал. И недолече отѣхав от двора, встрѣтил ево, Василья, Темирша бѣи и ѣхал с ним по лѣвую сторону; а как на ханскои двор взъѣхали бѣи і Василеи с лошадеи сошед, шли до ханского сарая пѣши, і вошли пред хана, а задержания і остановки нигдѣ ему, Василю, в ханском дворѣ не было.

А хан в то время сидел по обыкновению своему на примосте на подушках в бархатном зеленом каѳтане на соболях і в шапкѣ соболье под зеленым же бархатом; а по правую сторону от хана ссажень на том же примосте сидѣли калга и нурадын салтаны; а по лѣвую сторону на полу стоял Алиш ага, а иные ближние люди і мурзы, кто в то время при хане были, по тому же всѣ стояли и никто не сидѣл, кромѣ духовного их чину.

І Василеи от великих государеи хану посолство правил по наказу, а рѣчь говорил такову:

«Пресвѣтлѣише и державнѣишие великие государи, Божіею милостію цари и великие князи Иоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцы, и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичи, і дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели, великие орды крымского юрта, вам, Саѳат Гирѣеву ханову величеству, велѣли поздравствовать», и поклонился в пояс слегка.

И хан спрашивал о государском здравиі, а говорил: братья наши великие государи здравы ли; і Василеи о здравиі великих государеи хану сказал по наказу.

Потом Василеи говорил рѣчь о поданиі грамоты, а как, изговоря рѣчь, з грамотою к хану шел і великих государеи грамоту хотел у него, Василя, взять, недопустя до хана Алиш ага, и Василеи ему, агѣ, грамоты не дал и подал хану самому, а хан, приняв, отдал ему, Алиш агѣ.

Потом хан спросил у Василя: от великих государеи, от их царского величества, словесной приказ к нему хану с ним, Васильем, кромѣ грамоты есть ли.

І Василеи говорил:

Пресветлѣишие и державнѣишие великие государи, Божиею милостию цари і великие князи Іоанн Алексѣевичь, Петр Алексѣевичь, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержцы, и многих государств и земель восточных, і западных, и сѣверных отчичи, и дѣдичи, і наслѣдники, і государи, и облаадатели, вам, Саоат Гирѣеву ханову величеству, велѣли говорить.

К ним, великим государем, к их царскому величеству писал бывшеи крымской Саадет Гирѣи хан з гонцом своим, с Магметем агою, что он с великими і меншими карачѣи приговорил с ними, великими государи нашими, с их царским величеством быти в миру попрежнему; также и салтанова величества турского за сторону всѣ дѣла і слова пріемлет на себя.

І великие государи наши, их царское величество, с салтановым величеством турским і с вашим хановым величеством и с крымским юртом в миру и дружбе быти ізволяют и обоих сторон людем тишины и покоя желают, и для того свою царского величества к вашему ханову величеству грамоту прислали; а какое ваше ханова величества по тои их царского величества грамоте намѣрение будет, о том бы к великим государем нашим, к их царскому величеству вашему ханову величеству писать и меня отпустить не задержав; да и своих послов для совершения мирных договоров к ним, великим государем, послать.

И хан, выслушав ту речь, чрез толмача Полуехта Кучюмова говорил Василю сам, а не чрез Алиш агу, что он, хан, и весь крымской юрт миру ради, и царского величества грамоту з ближними людми выслушает и, выслушав и подумав, учинет отповедь будет к ним, великим государем, очень пристоино писать и ево, Василя, отпустит не замотчав, а теперь ѣхал бы он, Василеи, к себѣ на подворье; а что де великих государеи, их царского величества грамота писана, хотя и не на ево, ханское, Саоат Гирѣево, имя, а однако ж де то доброе дѣло надобно ему, хану, и всему юрту крымскому; и отпущон на подворе.

Апреля в 21 день Василеи Аитемирев был у ближняго человѣка у Алиш аги.

И Алиш ага говорил, что вчерашняго дня великих государеи, их царского величества, присланную с ним, Василем, грамоту ханово величество чел сам и в дружбе с царским величеством быть желает, да в тои же де грамоте писано, что присланы с ним, Василем, и на чем быть миру статьи, и он бы, Василеи, тѣ статьи и что словесно ему говорить наказано ему, ближнему человѣку, обявил.

И Василеи говорил, что словесного приказа никакова с ним нѣт, а когда ханово величество с великими государи нашими, с их царским величеством, в миру и в дружбе быти желает и на чем быть миру и тѣ 6 стати он, Алиш ага, у него, Василья, принял и подал сперва русским, потом татарским писмом.

А при нем, агѣ, были в то время сын ево, агин, Дербиш мурза, да размѣнинаго бѣя сын, Темирша мурза, и Алиш ага, прочет тѣ стати, спрашивал, еще словесного приказа сверх тѣх статей о чем ему, Василю, говорить наказано ль; и когда ему, агѣ, сказано, что никакова сверх тѣх статеи словесного приказу нѣт и он, ага, говорил, что есть в тѣх статях непотребные слова, чего невозможно вслух крымскому юрту обявить, и ему де, агѣ, в то ли время ему, Василю, о тѣх непотребностях объявить или по донисенеи ханову величеству.

И Василеи говорил, что как он, ага, похочет буде, что о тѣх статьях ему, Василю, станет говорить и он, Василеи, того слушать будет, а буде де что и ханова величества доложа о том же учнет, что говорить, и он, Василеи, того выслушает и донесет до царского величества, а словесной приказ с ним, Васильем, толко о том: велено ево, ханова величества, им ближним людем говорить буде с великими государеми нашими, с их царским величеством, ханово величество похочет быть в дружбе и в любви по тѣм статьям, как в них изображено, и он бы послал к Москве с ним, Василем, вскоре, послов своих людеи породных и знатных с полною мочью, которои бы имѣл договариватись не за один крымской юрт, но и за сторону солтана турского.

И Алиш ага говорил, что он тѣ статьи также и слова ево, Васильевы, донесет до ханова величества и что ханово величество укажет ему, Василью, от своего намѣрения обявить, о том ему, Василею, вѣдомо будет в иное время.

Алиш же ага говорил ныне, де салтан турской присылает непристанно к хану, чтоб он шол с воиском в венгры к нему, салтану, на помочь против цесарских воиск: и ханову де величеству ево салтанова величества ослушатца невозможно, потому что он государь великои и вѣри с ними единои и живут они у него, салтана, в послушанiи и ныне де с ханом поидет крымского воиска неболшое число тысячи с двѣ или с три да нагаицов, которые живут около Азова, и Темрюка, сколко сыщется, да Яман Садак, да из Белогородчины с пятью мурзами с Наврузом с Шеидяковым Сурмаметевым и с ыными, и будет того зборного воиска с ханом с тридцать тысяч человѣк, а крымскiе де воиска останутца всѣ для охранения крымского юрта.

И Василеи говорил крымскому юрту, хто ныне недруг и с которои стороны опасатца им на себя наступления, потому что царского величества с стороны видят они и сами, имѣется о миру любителная пересылка.

И Алиш ага да сын его Дербыш и Темирша бѣи говорили, а чему де вѣрить Бог вѣсть, авось де и вы будете нам какiе недруги, только де даи Боже, чтоб с великими государи, с их царским величеством, учинился у них мир, а они того всѣм юртом желают.

Того ж дни послѣ полдня приѣзжал от аги кегая [дворецкiй] и звал ево, Василья, чтоб он ѣхал к Алиш агѣ; и Василеи в то время у него, аги, был; и Алиш ага да с ним ближней человѣк Апкерим эфенди, которои вѣдает всѣ посолские дела, говорили, что они статьи, которые он, Василеи, подал ханову величеству, доносили, и ханово де величество прочет и, подумав с ними, велел им ему, Василью, говорить, буде против тѣх статеи указано, что ему договариватис и он бы у них хансково намѣрения слушал.

И Василеи им говорил, что о договоре на тѣ статьи царского величества указу никакова он себѣ не iмѣет, а что от них, ближних людей, выслушает, о том донесет до царского величества.

И Апкерим чел статьями первую, пятую, шестую, седмую, и говорили, что тѣ стати к миру, буде даст Бог учинитца добры издержатца, и им не в противность, а о второй статѣ спрашивали у Василея Гроб Божій, когда и кому отдан, и в мирное ли время у Московского государства с турским или после разорванія миру.

І Василеи говорил, что они о том, когда тот Божіи Гроб салтан турскои у греков взял и сами вѣдают, а он, Василеи, слышил, что тому ныне года з два отдан тот Господень Гроб ѳранцузским законником.

И ближние люди говорили, как же де у ѳранцужан то отнять, потому что отдано с Московским государством не в миру за то, что ѳранцузжскои король учинил салтану турскому против цесаря помочь, а ныне де буде у них то даное взять и греком отдать по прежнему, а ѳранцузы на турков будут воевать, тогда Москва турскому салтану в тои воинѣ поможет ли, а прежде сего никогда с московскои стороны в договорех о Гробе Господни не бывало, а ныне всчато о том внов невѣдомо для чего.

І Василеи говорил, что пресветлѣишие монархи наши, их царское величество, ревнуя Благочестием по Господѣ Бозѣ і видя вѣру свою Благочестивую греческого закона, которую они, великие государи, содержат утесняему и Святую восточную Церковь преобидѣнну, что Гроб Господень и іные во Іерусалимѣ обретающиеся священные вещи, чего никогда при прежних турских салтанех ни за какие причины не бывало у греков, оставя данные им древние привилиі, отняты, и отданы в ыную вѣру к костелу римскому, изволили ныне о том ханову величеству предложить в статьях для того, что к ним, великим государем, к их царскому величеству, в ханскои грамоте писано, что за сторону салтанова величества турскаго дела и слова приемлет он, хан, на себя; а прежде сего не писывано о том и не говаривано для того, что тѣ святости были изстари во благочестіі за греки.

А о третьеи статьѣ о полонениках говорили они, ближние люди, что де у них в Крыму московского и казацкого народу со сто тысяч человѣк и болши, а на Москвѣ де, хотя и сыщетца их бусурманского полону тысячи двѣ или три, и тому де гдѣ збытися, чтоб весь полон высвободить без окупу, потому что де и преж сего, когда бывали у Крыму с московским государством договоры о миру, о том полону говаривано и писывано многожды, однако ничего не состоялос и, бывало, так сколко человѣк отпустят с московскую сторону, столко и із Крыму на розмѣну, а и ныне де есть ли учинитца мир, по тому ж будет дѣлатися или учнут розмениватца, или с которои стороны будут окупать, а буде не похотят с московскои стороны полонеников окупать, и тѣ полоняники и ім в Крыму надобны.

И Василеи говорил, что розмѣна или окуп творитца и в безмирные времяна, как и ныне невдавном времени розмѣнен смоленскои шляхтич Поплонскои на перекопского татарина Абдыша, да при нем, Василье, окупил посланои с Москвы от Магмет аги белогороцкои татарин Аюкора пасынка своего Кузеня в городе Сороченце у миръгороцкого полковника, а ныне б ханово величество изволил учинить о полонениках по желанію царского величества, как о том в статьях написано.

А о четвертеи статьѣ о размѣннои годовои казнѣ они, ближние люди, говорили, для чего де великие государи в сих статьях изволили размѣнную казну отставить и хто ім, великим государем, о том так придумал, потому что они государи великие, и разумных бояр при себѣ имѣют многих, которые о тѣх с Крымом дѣлех

вѣдают истари, а тоѣ годовую размѣнную казну отставливают они напрасно, потому что им, великим государем, в их царской казнѣ никакие скудости не будет. А прежние де крымские ханы, также и их, ближних людеи, дѣды и отцы, тѣм государским жалованем доволствовалис и дружба, и любов, и пересылки любителные с обоих сторон были частые: а нынешнiи де хан прежних ханов, также и калга и нурадын, и они, ближние люди, бутто уже прежних хуже, что им того не давать, как прежним бывало; а они де, ближние люди, і сами выдают и помнят, что с великими государи московскими недружбы никакие, кромѣ розмѣнної казны, ни за что не бывало, когда ее не станут давать, тогда татаровя и поидут на Рус воевать, а нынешнеи де хан и весь крымскои юрт Москвы не боятца и к миру, и к бою готовы, потому что, буде Москвѣ воевать, на Крым взять нечего, кромѣ того, что у каждого татарина толко и пожитку два коня, да третья душа, и за тою де казну юртом станут и дружбы в том никогда не будет, потому что та казна отставливаетца вовсе.

И Василеи говорил, чтоб они, ближние люди, и с той статьи, что о размѣне выразумѣли, потому что написано им не в противность ссылатися любезными поминками по государскому изволению взаимно с обоих сторон; и ближние люди говорили, что прежние де крымские ханы к великим государем московским никогда нечего не посылывали, то і нынешнеи хан по тому ж ничего не пошлет.

Потом ближние люди Василю говорили, ханово де величество признавает, также и онi, Алиш ага и Апкерим, по тому же чают, что от царского величества о договоре о миру с ним, Василем, хотя и наказано, толко он, Василеи, ім не сказывает, і он бы ім о том, что с ним сверх статеи словесно наказано, объявил безо всякие мѣшкоты.

І Василеи говорил, что ему от царского величества ничего чинить, кромѣ того, что ханову величеству грамоту подать, да ближним людем, на чем быть миру, статьи не указано, а велено им, ближним людем, говорить толко о том, буде с великими государи наши, с их царским величеством, ханово величество хочет быть в дружбе і в любви по прежнему и салтанова величества турского за сторону в тот же мир дела и слова приемлет на себя против того, как к великим государем, к их царскому величеству, в листу бывшаго Саадет Гирѣя хана писано, то бы ханово величество изволил послать для того по тѣм статьям договору с ним, Васильем, послов своих людеи знатных и породных с полною мочью не мѣшкая, а если б ему, Василю, о договоре миру, что было наказано, и он бы, Василеи, ему, Алиш агѣ, обявил и против первого ево, агина, вопросу, ближние люди говорили, будет де ханово величество против тои царского величества грамоты и статеи, что им на их крымской юрт будет потребно, будет к ним, великим государем, писать и с тою грамотою пошлет человѣка своего, и того человѣка с ним ли, Василем, послать нѣне к Москвѣ или ему, Василю, побыть в Крыму до возвращения того ханскаго человѣка.

І Василеи говорил, чтоб ханово величество с тѣми желания своего дѣлами к царскому величеству того посла своего послал вскоре с ним, Васильем, для того, чтобы им, великим государем, их царскому величеству, о ханском намѣренiи было извѣстно подлинно, и чаять, что иногда за помощию Божiею то добро начатое дѣло і конец свои воспрiемлет, а буде ханово величество изволит посла своего к Москвѣ послать, а ево, Василя, до возвращения ево держать в Крыму, и то б

дѣло в задержаніи ево, Васильеве, не подпало б какому с стороны царского величества сомнѣнію.

Потом ближние люди у Василя спрашивали, царское величество с полским королем в дружбѣ ли пребывают и послы или посланники полскіе нынѣ на Москвѣ есть ли, и буде у Московскаго государства с Крымом учинитца мир, ково царское величество за недруга себѣ имѣют и іх в помочь на кого впред присовокупляют, как о том в статях написано.

І Василеи говорил, что царское величество с полским королем по учиненіи Вѣчнаго миру имѣют дружбу и любов постоянную, і во обоих сторонах при дворех, как царскаго величества, так и королевскаго величества, живут резиденты неотступно. И у великих государей наших, у их царскаго величества, никоторых государей християнских и мусулманских в недружбе ныне, кромѣ турского салтана и крымского хана, нѣт никово, а что в мирных статьях написано, что салтану турскому и хану крымскому нынѣшним і впред будущим царского величества на украиные и козацкие городы и мѣста воиною не ходить і никого не посылать и недругом государским, кто с их царским величеством будет в воинѣ, не помогать, а быти другу другами, а недругом недругами; и то в тѣх статях написано о впред будущих недрузѣх, хто впредь будет...

И ближние люди говорили, хотя де чего было им и не говорить, однако ж и то ему, Василью, они скажут для того, что пришло к Рѣчи Полскои де король к ханову величеству присылает послов своих и пишет непрестанно, прося, чтоб с ним учинить миру, и уж при сем хане для того дела прислан третеи посланник, и они де, ближние люди, обявляют ему, Василю, о том для того, будет де которая сторона прежде с Крымом помиритца, та будет Крыму и приятнѣе, а в грамоте королевскои о стороне царского величества ничего не написано и посланники по тому ж ни про что не говорят.

І Василеи говорил, что у короля полского с крымским юртом в пересылках их нидѣиствуетця, только великия государи наши, их царское величество, по союзному обовязательству имѣют с королем полским нерозорванную любовь і в миротвореніі с хановым величеством ево не запоминают, о чем они, ближние люди, сами доразумѣютца, как в нынешнеи их царскаго величества любительной грамоте к ханову величеству об нем написано.

А на осмую статью говорили они, ближние люди, что де в грамоте царскаго величества і о том написано противно ж прежнему обыкновению, чего никогда не бывало, чтоб крымским послом договариватца о миру на Москвѣ, всегда де царского величества послы бывали і мир становили и шертные грамоты отбирали у них в Крыму, а с ними де присылываны от их царского величества к хану и к калгѣ, и нурадыну, и к ближним людем поминки, и не токмо де тѣ поминки присыланы с послами, но и з гонцами присыланы легкия поминки, а ныне де он, Василеи, от царского величества прислан о добрых делех, и мочно было с ним прислать, что ни есть и поминков против прежних обычаев; а то де сия ево присылка крымскому юрту крѣпко сумнительна для того, что в грамоте царского величества писано, что б крымскому юрту с Московским государством в миру и в дружбе и в любви быть по прежнему; а в статьях дела всѣ новые, и дружелюбным дѣлам и прежним поведеніям во всем противные, как же де в том дружбе статися.

И Василеи им, ближним людем, говорил, с чѣм он, Василеи, от великих государей своих, от царского величества, к ханову величеству прислан, то он ему, хану, и ім, ближним людем, и объявил, а болши того он у себя ничего не имѣет і ни в какие дѣла ему, Василю, вступать не указано, кромѣ того, что чрез них, ближних людеи, ханову величеству предложить, чтоб хан буде желает с царским величеством быти в миру и дружбе, и в любви по тѣм присланным с ним статьям, и он бы к их царскому величеству послал полномочных послов своих вскоре с ним, Василем; а как крымские послы по указу ханова величества, как им будет наказано на Москвѣ договор о миру учинять и постановят, и утвердят, тогда от великих государей наших, от их царского величества, к салтанову величеству турскому и к ево ханову величеству для отобрания шертных грамот посланы будут іх царского величества посланники по прежнему обыкновению.

И ближние люди говорили, что они о том о всем, что они ему, Василю, по ханскому указу говорили и что от него, Василя, против того слышали, донесут до ханова величества, и какои ханскои указ будет, о том они, ближние люди, ему объявят в ыное время. И отпущен на подворье.

И с того вышеописаннаго апрѣля з 21 числа Василеи Аитемирев і гетманскои канцелярист Василеи Велецкои і толмач Полуехт Кучумов жили в Бахчисараи мая по 3-е число; а з дворов их, Василя, и гетманского канцеляриста, і толмача, ни людеи их никово никуды не спущали, также и к ним приходить всѣх народов людем заказано и приставлено было для того караулщиков три человѣка капычѣев, и буде, когда придет, кто украиных или малоросииских городов полоняник, и тѣ капычѣи их бив безо всякие пощады з двора ссылали, и говорить с ними отнюдь не допущали: а в приставех у него, Василья, был с приѣзду ево во все в Бахчисарае бытие безоступно розмѣнного Аштемир бѣея кегая, то есть дворецкои Мустаѳа.

И Василеи ему, пристау, говаривал коликожды, для чего он, Мустаѳа, и капычѣи никого и ни руских неволников к ним, Василю, ни людеи ево, Василевых, на базар, что доведетца съѣсного купить, не пущают, а он, Василеи, от великих государей, от их царского величества, к ханову величеству прислан о добрых дѣлех и такои неволи и утѣснения им чинить было не годилос, потому что на Москвѣ крымскои их гонец Магмет ага по милости их царскаго величества имѣет всякую поволность, толко он, Василеи, покладаетца в том на изволение ханова величества, однако ж бы он, Мустаѳа, ближнему человѣку Алиш агѣ, когда ни есть прошение ево, Васильево, донес, что хотя б ему поволено было когда в воскресные или в праздничные дни съѣздить к церкве пресвятые Богородицы, которая есть в горѣ блих Бахчисарая.

И тот пристав Мустаѳа отговаривался, что он и капычѣй исполняют указ ханова величества, как ім наказано, и дѣлают то не собою, а для де чего ім так приказано, о том они не вѣдают; а о желанiі де ево, Васильеве, к церкви ближнему человѣку по времени, когда будет пристоино, он донесет.

Маия в 2 день приѣзжал к Василю Темирша бѣи и сказывал, что де ханово величество того дня выходит из Бахчисарая в путь свои на воину в можары.

И Василеи ему, бѣю, говорил, когда ханово величество из Бахчисарая выходит, какои же ево, ханскои, указ есть об нем, Василе, и к великим государем нашим, к их царского величеству, ханово величество лист свои писать изволит ли и когда ево, Василья, отпустит и посла своего к Москвѣ с ним, Васильем, пошлет ли

и буде пошлет какои породы и ково имянем и гдѣ ему, Василью, на отпуске у себя быть велит в Бахчисарае ли или в дороге.

И бѣй говорит, что об отпуске ево, Василеве, у ханова величества он, бѣи, слышал, что хочет ево, Василя, отпустить при себѣ и к царскому величеству с ним послать человѣка своего, толко кому в тои с ним, Василем, посылке быть никому еще не сказано, потому что карабчѣев ныне при хане нѣт в съѣзде, а хотя и есть и тѣх малое число, а велено им всѣм съѣзжатис к хану в дороге, и там подумают і ково и с каким дѣлом послать приговорят, о том он, Василеи, увѣдает в ыное время. И будет де ханово величество изволить к Москвѣ послать ково посланников, и он, Темирша, слышал, что быть в той посылке дяде ево, бѣеву, Мубарекшѣ мурзѣ Сулешеву, которои наперед сего бывал на Москвѣ в посланниках же, а ныне де ханове величество указал ему, Василью, и гетманскому канцеляристу ѣхать із Бахчисарая в Яшлов и ожидать об отпуске своем указу в Яшловѣ.

Темирша же бѣи говорил, будет де хочет он, Василеи, для моленія ѣхать к церкве пречистые Богородицы и ханово де величество ему в том соизволяет.

И Василеи того ж числа [скрытно] посылал с вѣдомостью к греческому митрополиту Неофиту [у котораго в епархіи всѣ в Крыму обретающиися христианские благочестивые церкви, с которым Василеи таино от татар і видался и говаривал, что дом ево митрополеи з двором, гдѣ Василеи стоял, сходен огородами], чтоб он, митрополит, в церкви пресвятые Богородицы содѣйствовал ко Господу Богу и ко пресвятѣи Богородицѣ о здравіі благочестивѣиших великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержцев, і всего их царского дому и сигклита і воинства молебен, и для того ѣхал бы к церкве.

И митрополит Неофит приказывал к нему, Василью, что он то доброе дѣло совершить готов з душевною радостию, токмо имян их, государских, не вѣдает, чтобі ему дано на писмѣ.

И Василеи написал імяна великих государей царей, і великих князей, і великих государынь благовѣрных цариц, і великих княгинь, и благовѣрных царевичеи, і великих князеи, и благородных царевн ему, митрополиту, отдал в церкве, и говорил, чтоб он і всегда о их государском здравіи Бога молил, а труды ево от Бога и от них, великих государеи, впред забвенны не будут и наградятся их государским милостивым жалованем.

І митрополит молебен совершал сам, да с ним два человѣка священников, и впред о их государском здравіі Господа Бога молить обѣщался.

А до церкви пресвятые Богородицы с ним, Васильем, ѣздил вышеписаннои пристав Мустаѳа и был в то время в паперти, а в церковь не входил.

И із Бахчисарая Василеи Аитемирев и гетманскои посланец выѣхали в Яшлов мая в 3 день.

И назавтрее того дни мая в 4 день в Яшлове приѣзжал к Василью Мубарекша мурза Сулешев, а с ним Темирша бѣй и говорил, что прислал ево, Мубарекшу к нему, Василью, ханово величество и велѣл с ним, Василем, видетис и поговорит, для чего он, Василеи, от царского величества к хану прислан, и о чем ему, Василью, словеснои приказ есть, чтоб он ему, мурзѣ, все объявил подлинно, ничего не скрывая.

І Василеи говорил, что для чего от великих государей, от их царского величества, он, Василеи, к ханову величеству прислан, о том его ханову величеству

извѣстно о всем чрез ближнего ево человѣка Алиш агу, и чает он, Василеи, что і ему, Мубарекше мурзѣ, о тѣх дѣлех вѣдомо ж, а буде он, мурза, вѣдать от него, Василья, того, для чего он прислан, требует и он, Василеи, ему, Мубарекшѣ, о тѣх дѣлех, о чем говорил с Алиш агою, скажет к доношению до ханова величества і в другои ряд, что от великих государей, от их царского величества, прислан он к ханову величеству сь их царского величества любителною грамотою, в которой писано о миру междо московским государством и крымским юртом, а именно, что на желание миру хана і всего крымского юрта, и царское величество к тишинѣ і к покою имѣют склонность и для того ево, Василья, и прислать изволили, а на чем быть миру о том, он, Василеи, присланные с ним статьі вручил Алиш агѣ, по которым статьям он, Алиш ага, доносил ханову величеству.

И Мубарекша говорил, что о тѣх дѣлех, о которых он, Василеи, с Алиш агою говорил, он, Мубарекша, не знает, толко ныне хан ево прислал к нему, Василью, чтоб он ему объявил подлинно, есть ли ему о том, на чем быть миру, какои словеснои приказ, а в статьях, де которые с ним, Василем, присланы, есть такие дела написаны, за что никогда миру быть немочно, и послов хану посылать от себя не для чего: и буде он, Василеи, словесного приказу іли какова дѣла на тѣ противные їм статьи ныне не обявит, а хан и с Крыму в воину выидет. А он, Василеи, будет в Крыму задержан и тогда ему без хана с каимаканом говорит и дѣлат будет нѣчего.

И Василеи говорил, что от великих государеи, от их царского величества, ни о каких дѣлех, кромѣ того [первое: что ханову величеству подать грамота; второе: ближним людем отдать статьи; третее: говорить буде с их царским величеством ханово величество хочет быть в миру і в дружбе і в любви, и он бы для договоров послал послов своих людеи честных и породных с полнюю мочью, хто б мог договариватис не за один крімскои юрт, но за салтана турского за сторону] он, Василеи, словесного наказу і ни в какие дѣла дерзновения не имѣет. А что он, Мубарекша, претит задержанием ево, Василья, без хана в Крыму и отдаляет ево к каимакану и ему, Василью, с каимаканом никогда ни о чем говорить нѣчего, потому что он прислан к ханову величеству, а не к каимакану, и задержание их в Крыму крымскому юрту будет не к пожитку, потому что задержанием междо государствы посланным людем никогда добрые дела не совершаютца, а чтоб ханово величество изволил к великим государем, к их царскому величеству, о намѣренії своем писать и для тово де миру посла своего с ним, Василем, к Москвѣ послать при себе.

И Мубарекша договорил, для чего же де к царскому величеству хану послов своих и посылать, потому что на крымскую сторону в посольствѣ его, Васильеве, нѣт никова добра, а во всем против прежних обычаев, а наипаче в розмѣнной казнѣ отказ, за что миру и дружбе никогда быть не мочно, и мочно де ему, Василью, вѣдать и самому, что Крым Москвы не боится никогда. А ныне буде мир учинитца добро. А буде миру не будет и они и к воинѣ готовы, да в том де ханову величеству и всему крымскому юрту показуетца, что к миру с стороны царского величества нѣт совершеннаго склонения, потому что ныне прислан он, Василеи, будто для добрых к миру дѣл, а поминков к ним к хану, их калгѣ и к нурадыну, и к ближним людем [как прежде сего бывало] ничего не прислано, для чего ж де хану послов своих к Москве и посылать; а которые де прежних ханов посланники и посылываны, а дела с ними бывали и не великие и тѣх де на Москвѣ невѣдомо

для чего задерживают многое время, а именно, как и он, Мубарекша, был посланником на Москве и ево держали з год, да у него ж де и у людей ево и оружіе их саадаки и сабли были отобраны, и естли б де в то время посланои от царского величества к турскому салтану Никита Алексѣев не был позадержан в Ачаковѣ, и ему, Мубарекше, чает он, что с Москвы и отпуску б не было, да и Магмет де ага ныне на Москве задержан, потому ж невѣдомо для чего.

І Василеи говорил, естьли б великие государи наши, их царское величество, с хановым величеством миру и дружбы имѣть и християнского и бусурманского народов кровопролитию успокоенія не желали, тобы к ханову величеству ево, Василья, и посылать не изволили і посланнои их гонец Магмет ага отпущен бы был в Крым с Москвы без дѣла, а и послать ево ізволили великие государи не для каковых трудных причин, токмо по желанию всего крымскаго юрта; а что он, Мубарекша, говорит, что Крым Москвы не боитца, то и московские войска в надежде на Всесильнаго Бога ни малые боязни от Крыму не імѣют. Потому что вѣдает он, Мубарекша, і сам также і вес юрт, какие у великих государей наших, у их царского величества, превеликие московскіе и малоросиіские воиска и вожи степные ныне тѣм воискам до Крыму уже непотребны.

А что он, Мубарекша, говорит на присланные статьи в отставке розмѣнной казны противность прежним обычаем і в том им, крымскому юрту, нѣт никакие противности и миру мочно быть безо всякие ім трудности для того, что в тои о розмѣнной казнѣ стате написано, что по государскому изволению ссылатися любезными поминками взаимно со обоих сторон, а старые дѣла как преж сего ни бывало [о чем ему, Василю, ближние люди в разговорех и ныне он, Мубарекша, воспоминают] нынешним дѣлам не в образец. А как к великим государем, к их царскому величеству, прислан от Саадет Гирея хана с листом гонец Магмет ага, і в том ханове листу никакова ханского и юртового намѣрения, на чем быть миру не обявлено, а когда царское величество изволили выслушат в том листу ханского и всего крымского юрта к миру желания и за салтанскую сторону турского слов и дѣл преемность: тогда и свое царского величества к миру намѣрение и чего с турской стороны требуют чрез свою царского величества любительную грамоту, присланую с ним, Васильем, обьявить и статьи, на чем быть миру предложить ізволили.

И буде ханову величеству покажетца в тѣх статьях, что противное и того б ради посла своего к царскому величеству хан і послал, которои бы посол імѣл себѣ к договорам полную мочь, и тогда по ізволению великих государеи, их царского величества, и по договором любо что на желание их и пременится, а ему, Василю, не імѣя царского величества указу, к договорам того мирного дѣла вступать ни какими мѣрами не мочно и не пристоино; потому что договоры творятца обычно всегда послами, а не гонцами; а что поминков с ним, Василем, не прислано, и тои ныне поминкам присылке быть не для чего, потому что і наперед сего присылано бывало толко в мирныя времяна.

А Магмет агѣ указали великіе государи при своем царского величества дворѣ побыть для того, чтобы ханово величество изволил с ним, Васильем, на их царского величества грамоту учинить скорую отповедь, и живет он, Магмет, в их государскои великои милости и удоволствовании і в поволности.

Мубарекша ж говорил, вѣдомо де на Москвѣ, что посолскіе междо Московским государством и крымским юртом всѣ дела належат вѣдат и к Москве посылка

в послѣх бывает их роду Сулешевых, и ныне де царского величества в грамоте о присылке к Москвѣ послов, чтоб прислать, ково из их же роду для чего имянно не написано.

И Василеи говорил, что царское величество о том имянно никогда писать не изволяет да и не для чего, потому что ханово величество ково изволит, того и пошлет.

Потом при отѣзде от него, Василя, Мубарекша мурза ему говорил, что ханово де величество указал ево, Василя, припроводить к себѣ в дорогу или конечно в Перекоп ему, Мубарекшѣ, и Темирша бѣи с ним ж будет: а когда им к хану ѣхать, о том ожидал бы он, Василеи, от него, Мубарекши, вѣдомости, а ныне де ханово величество стоит, перешед реку Алму, в поле близко Акмечети, на Бор Чакраке.

И жил Василеи в Яшлове со всѣми при нем будучими людми, ожидая о поѣздке своеи к хану вѣдомости седьмь днеи.

А мая в 8 день приѣзжал в Яшлов к Темиршѣ бѣю казыкерменского Кемала бѣя кегая Муртаза, і Василеи ево спрашивал, что у них вѣдомостеи с московскои стороны и из украиных городов, и із Запорожя.

И он, Кегая, чрез толмача Полуѣхта Кучюмова говорил, увѣщевая, чтоб тѣ рѣчи ево были у него Василья в таиности, чтоб ему, Кегаю, не пострадат от своих бусорман смертию.

Приѣхал де к ним в Казыкермень из Баткалы, то есть з Запорожя с листами кошевой писарь Петрик, а с ним козаков восм человѣк, а писма де с ним із городов и із Запорожя, и сказывал де в Казыкермене бѣю, что в украиных козацких городѣх учинилос в народе замешание и гетман Іван Степанович Мазепа от казаков в осаде, і в Сѣче де на Запороже у них также и Кемал бѣи тѣ писма у него, Петрика, взяв, послал ево, Петрушку, с провожатыми в Крым к хану, а писма де бѣи послал к хану с ним, кегаею, і он де с тѣмі писмами приѣхал к хану на Борчакрак вчерашняго мая 7 говорил дня. А тот де писарь с казаками оставлен в перекопском городе, а от кого де и к кому и о чем тѣ писма писаны, того он не вѣдает; а как де хан отпускал ево, кегаю, от себя в Яшлов, і он с ним, кегаею, к Мубарекше мурзѣ и к Темирше бѣю приказывал, чтоб они с ним, Васильем, ѣхали к нему хану не мѣшкая никакого времени; и із Яшлова Василеи со всѣми людми поѣхал маия в 10-м числѣ.

К перекопскому городу Орозову приѣхали мая в 14 день; и, не доѣхав до города, остановлен на степи версты за четыре, а хан в то время с воиском стоял на своем ханском лугу возле валу в наметах; и того ж часа Темирша бѣи ѣздил к хану и, приѣхав, сказывал, что он хана видѣл и об нем, Василье, ему ізвестил, и хан де ему говорил, приказывая, к нему, Василю, чтоб он пообождал, покамѣста к нему, хану, съѣдутца карачбѣи. А он де, хан, по них послал і ожидает их себѣ вскоре.

А мая в 17 день ополудни хан с воиском вышел за Перекоп в степ, на думнои курган от Перекопи в пяти верстах и стоял на том курганѣ два дни; а в которое время іс Перекопи он выходил, тогда із города і с валовых башен была стрелба із двенатцати пушек.

И стоял Василеи с ними, Мубарекшею і с Темиршею, на степи пять днеи, а в тѣ дни Мубарекша и Темирша ѣздили к хану по вся дни и пристав кегая Мустаоа с ними ж.

А когда они от хана в стан к себѣ приѣдут, тогда Василеи об отпуске своем спрашиват, посылал к ним толмача Полуѣхта Кучюмова.

И они, мурзы, отговаривались розными словами, то карачбѣи не съѣхалис к хану, то был у хана калмыцкого Аюка Таиши посланец, а иногда скажут, что хан ни к кому не выходил.

А мая в 18 день ввечеру, приѣхав в стан пристав кегая Мустаѳа, і Василью сказывал, что великие карачбѣи вчерашняго 17 дня к хану всѣ съѣхалис і о присылке ево, Васильевѣ, царского величества з грамотою і статьями была дума; и хан де в тои думе также и великие карачбѣи Уктемир бѣи Ширинскои, і Каплан бѣи Мансуров, і Батырша бѣи Аргынскои и Гутлу Гирѣи бѣи Сыдживудскои и иные знатные бѣи і карачѣи [притом же был и казыкерменскои Кемал бѣи] приговорили: что к великим государем, к их царскому величеству для договору о миру послать из роду Сулешевых мурз Мубарекшу мурзу токмо де о дѣлех, которые дела и слова принял на себя бывшеи Саадет Гиреи хан за сторону салтана турского нынешней Саѳат Гирѣи хан не вѣдает и без указу салтанского против статьи, что написано о Гробе Божіи, чрез посланника своего никаково договору чинить не смѣет; а великие де карачбѣи хотя о тѣх дѣлех и о намѣреніи прежняго Саадет Гирея хана і вѣдают, однако ж полагаютца на волю ханскую, и приговорили, чтоб хану о том к салтану турскому описать, і сего де дня лист ханской к салтану турскому написан, и отправляет от себя хан к салтану наперед себя нурадына салтана с нѣсколькою частию воиска, а с ним, нурадыном, отпускает турского [присланного к нему, хану, с повеленіем о походе своиски] чауша, и тот лист посылает наскоро с тѣм чаушем и, какои салтанской указ о Гробѣ Божіі к хану на ево лист будет, тогда де уже с подлинным делом отсюду приказал хан без себя к Москвѣ Мубарекшу мурзу отправить посланником калгѣ салтану, и для того де Мубарекша от нынешнего с ханом походу в Крыму и оставлен, и поѣхал от хана ис табору прямо в дом свой, а ему де, Василю, до того салтанского указу указал хан побыть в Крыму и от Перекопи отвесть ево и гетманского посланного человѣка и толмача со всѣми их людми назад в Бахчисараи, а гдѣ ему до указу быть, о том ханскои указ послан в Бахчисараи к каимакану к Магмет агѣ.

И Василеи говорил ему, Мустаѳѣ, когда уже ханово величество отпустить ево при себѣ и не изволил, и отложено то к салтану на описку и ханово б величество указал ему, Василью, о задержаніи своем, для чего ему в Крыму задержание учинилось, писать к царскому величеству и послать к Москве тлмача или ково из людей своих, для того что от великих государей, от их царского величества, послан он в Крым к ханову величеству з грамотою наскоро и наказано ему и о возвращеніі своем ханову величеству чрез ближних людеи доносить, чтоб желаемое ими мусульманы добро начатое дѣло конец себѣ одержало в скором времени; и о поведеніі, как ему, Василею, в Крыму при ханове величествѣ поводитца и гдѣ он ныне обрѣтаетца, великим государем неизвѣстно и в том он, Василеи, опасен на себя их государского гнѣву.

И пристав ему, Мустаѳа, говорил, была де у ханова величества с карачбѣями рѣч и о том, естли де учнет он, Василеи, домогатись того, чтоб с кѣм к великим государем к Москве ему писать, и ханово де величество писать ему к Москве ни о чем не поволил, і говорил, для чего де ему ныне писать, потому что де он сюды

в Крым не на житье приѣхал. Толко побудет до салтанского на его ханскои лист указу.

А он де, пристав, чает, ест ли какой салтанскои указ о том к хану будет; и той де посылке мочно обратитца в тридцать днеи.

Пристав же Мустаѳа ему, Василю, говорил и у гетманского канцеляриста у Василя Велецкого спрашивал: приѣхал де к хану из Запорожя в подданство служить из Баткалы, называетца писарем. И бывал, сказывает, и при гетмане в том же чину, а имя ево Петр, а с ним казаков человѣк з двѣнатцать, и они де того писаря знают ли, и при гетмане он писарем служивал ли, а тот де писарь их, Василья и гетманского посланца, знает, и требует, чтоб ему с ним, гетманским посланцем, для нѣкакова дела выдетись.

И канцелярист приставу говорил, что ему видетися с тѣм писарем одному не для чего, а буде по ханском указу ему, канцеляристу, видетись с ним и велят, и при том бы был и царского величества посланнои.

И пристав говорил, что он царского величества с посланным с Василем Антемиревым видѣтис не хочет, а толко чтоб виделся с одним с ним, гетманским канцеляристом, і вѣдает он, пристав, что де утре калга салтан возмет ево, канцеляриста, для того к себѣ в Перекоп.

И мая в 19 ден часу о первом дня Темирша бѣи прислал к Василю в стан пристава Мустаѳу, и тот пристав говорил, чтоб гетманскои канцелярист ѣхал с Темиршою бѣем в Перекоп, а он, Василеи, чтоб ѣхал с ним, приставом, в дорогу к Бахчисараю, а гетманскои посланец доѣдет іс Перекопи іх с Темиршою бѣем в дороге.

И гетманскои канцелярист поѣхал с Темиршою в перекопскои город, а Василеи с приставом в дорогу к Бахчисараю; а как приѣхали под деревню Тузлу на соленое озеро от Перекопи в трех милях, і тут при колодезе ѣхав іс Перекопи стоял на стану и полдневал калга салтан, і Темирша бѣи с канцеляристом пріѣхали на то мѣсто прежде ево, Васильева, проѣзду; і гетманскои канцелярист ему, Василю, сказывал, что он у Перекопи был с час позадержан, а Темирша де ѣздил в город один, а потом выехал із города, сказал ему, что де калга салтан прикажет ему, посланцу, с тѣм писарем видѣтись в ыно время у себя в Ак Мечети или в Бахчисарае, или гдѣ они до ханского указу жить будут; и дорогою ѣдучи, Василеи у Темирша бѣя и у пристава спрашивал, ханово величество того новоприѣзжаго к ним писаря к сѣбе принял ли, і в какую службу. И для какова себѣ пожитку и жалованья ханского ему, что также и казаком дано ли и где он ныне обрѣтаетца, с ханом ли, на можары поидет или в Крыму останетца. И Темирша бѣи и пристав ему, Василю, сказывали, что хан к себѣ в службу хотя б, откуды ни есть, хто ему служить приѣхал, примет. І ныне того писяря и козаков хан к себѣ принял и дал ему своего жалованья на приѣзде, халат да саблю да конь с снарядом. А казаком по каѳтану суконному да по шапкѣ да по сапогам, а в какои они службѣ у хана будут, того еще невѣдомо, і ныне де он и казаки в перекопском городе, а с ханом на можары не поѣдут, будут в Крыму при калгѣ салтане.

І Василеи им, Темиршѣ и приставу, говорил, что он, Василеи, того плута Петрушку знает и царского величества при подданом Воиск Запорожских гетмане при Іване Степановичѣ Мазепе, гдѣ он в канцелярії был за послѣдняго подписка видал и слыхал об нем, что он был ничему негоднои, и будучи в той

гетманской канцелярiі, наплутал и наворовал, так что удостоился повѣсить. И он оттого ушед из Батурина, пропал безвѣстно, и как в нынешних невдавных часѣх гетману Ивану Степановичу об нем учинилос вѣдомо, что он, плут Петрушка, обявился на Запороже; послал было от себя на Запороже в Сѣчу к кошевому атаману і ко всему Низовому Воиску нѣкакую особу, чтоб ево оттуду взять, и он, плут, видя тоѣ на себя за злои свои поступок смертную бѣду, и із Запорожя із воиска ушол к ним в Крым, и признавает он, Василеи, что и ево із Крыму отпуску учинилос препятие ево, Петрушкиным, воровским приѣздом.

И Темирша и пристав говорили, что отпуску ево, Василеву, приѣздом тово Петрушки нѣт никакой помѣшки и задержания ему многово не будет, потому что с великими государи хан и весь крымской юрт крѣпко требуют миру.

И мая в 22 день как приѣхали в Бакчисараи, и в то время Темирша бѣи и пристав, оставя Василя на улице, поѣхали к каймакану. А к нему, Василю, прислали татарина Жумалѣя. И тот татарин говорил, чтоб он, Василеи, со всѣми людми ѣхал с ним в жидовскои городок, а бѣй де от каимакана туды будет же.

И Василеи в жидовскои городок поѣхал и поставлен з гетманским человѣком на одном дворе.

А Темирша бѣй да с ним каймаканов кегая, доѣхав в дороге, говорили Василю, что хан указал ему и гетманскому посланцу быть до указу своего в жидовском городкѣ, и они ево в этот городок проводят.

І Василеи говорил, для чево ханово величество об нем, Василе, так учинить изволил, прислан он, Василеи, от великих государеи к хану для таких добрых дѣл, чего они всѣм юртом желают, и наскоро і ханово величество не изволил против их царского величества грамоты листа своего писать и ево отпустить и приказал задержать. А к тому же еще сажают ево в жидовскую крѣпость, будто невольников, гдѣ у них бѣвают держаны полоняники, и в том дѣле показуетца явно, что с великими государи нашими, с іх царским величеством, ханово величество в дружбе и в любви быти не хочет, а когда уже у него, хана, доброго к миру намѣрения нѣт, для чего ж бы ему, Василю, так задержаніе и чинить: изволил бы хан ево, Василя, отпустить, то б и Магмет ага отпущен был с Москвы тот час безо всякого задержанія.

И каимаканов кегая Василю говорил, что он и сам на Москвѣ с послы бывал з двожды и обычаи московскои, как их крымским послом поводитца, знает, когда крымские послы приѣдут к Москве, тогда их посадят за караул на крымской двор і никово к ним не пускают также и им никуды отнюдь ходить не велят.

И ныне де против того и хан, гдѣ ему, Василю, быть указал, тут он и будет, а что он, Василеи, говорит о задержанiі своем, для чего же де и их гонец Магмет ага на Москвѣ задержан; а от хана де также он к Москве послан был наскоро.

Потом Темирша бѣи и каимаканов кегая Василю говорили, что ханово величество указал ему и гетманскому посланцу давать корм, а лошадеи де своих буде похотять и они б продавали, а буде отпуск им ис Крыму скажут, и в то время мочно купить и иных. А естьли де продать не похотите, и тѣх лошадеи их возмет Темирша бѣи к себѣ в Яшлов, и запятнав яшловским пятном, прикажет их пасти с своими лошадми.

И Василеи, и гетманскои человѣк, и толмач лошадеи своих бѣю в Яшлов отдали, Василеи и гетманскои человѣк по шти, толмач же двѣ, всего четырнадцать лошадей.

И они, Темирша и каимаканов кегая, и пристав, отобрав лошадеи из жидовскаго городка, поѣхали, а об них Василеи приказал жидовскому капычѣю, которому тот городок приказан, чтоб на дворѣ у них был караул неотступно, а из города никуды ни почто никово, также к нему, Василью, на дворѣ русских и малоросиских полоняников отнюд пускать не велѣли.

А плут и измѣнник Петрик с товарищи из Акмечети от калги султана присланый в Бакчисараи мая в 27 день и поставленныи у армен, и даван им таил, то есть корм, хлѣб, мясо и шарап.

И будучи в Бакчисараѣ, хаживал он, плут, по часту к каимакану и говорил, чтоб татаровя шли с ним воиною на Московское государство, неиспоздав покаместа на Украинѣ об них не провѣдают, а царскаго величества посланнаго и гетманскаго человѣка чтоб держать в великой крѣпости и береженiи, чтоб они ни о чем не вѣдали, а если де они, татаровя, вскоре с ним, плутом, не поидут, а на Украинѣ о том провѣдают, и будут во осторожности, тогда им и итить будет не для чего; а то де они ему, Петрушкѣ, будто не довѣривают или его обманывают.

И по тому его плутовскому наговору такж по письмам из Казыкерменя Кемала бея калга напред себя нослал воиною на Украину Батырчю бея Аргынского, и тот Батырчя из Перекопи пошел iюня в 20 числѣ, а орды с ним сказывали пошло четыре тысячи.

А татаровя ж, которым быть с калгою было в готовности же и в собранiи, и дожидались его на Черной долинѣ и против Казыкерменя у Днѣпра, только попромедлили затѣм, что калга салтан был болен поганою болѣзнiю и они, татаровя, в том замедленiи на него, калгу, крѣпко негодовали, что он удобное время им пропускает, сам с ними не идет и никого вмѣсто себя не пошлет.

И будучи в жидовском городкѣ, капычѣи, которому тот городок приказан, говорил гетманскому канцеляристу Василю Велецкому одному многажды: что де каимакан приказывал чрез него, капычѣя, чтоб он, гетманскои посланец, по желанию новоучиненного их крымского гетмана и плута Петрика с ним виделся.

И гетманскои канцелярист Василю сказывал, что де он ему, капычѣю, в том отказывал, что ему с таким вѣдомым плутом видѣтис нѣдля чего. А маия в 29 день тот капычѣй говорил гетманскому канцеляристу уже и при Василе Аитемиреве каимакановим велѣнием, чтобы конечно он для повидания с тѣм плутом ѣхал в Бакчисараи.

И Василеи капычѣю говорил, чтоб он каимакану сказал: буде тому плуту надобно о чем видетис з гетманским человѣком и он бы, каимакан, прислал ево для того в жидовскои городок к нему, Василю, а в Бахчисараи тому гетманскому человѣку к тому плуту ѣздить i видетись нѣ для чего и говорить с ним нѣчего.

И капычѣй тѣ Васильевы слова к нему доносил до каимакана, и пришед Василью и гетманскому человѣку говорил, чтоб он, гетманскои посланец, конечно ѣхал для того в Бахчисараи, по тому что каимакан с тѣми ево Васильевыми словами к тому Петрушке посылал от себя се именя i он де, Петрушка, с ним, Василем, видется не хочет i в жидовскои городок не ѣдет, а толко б виделся с одним гетманским человѣком.

И гетманскои человѣк Василеи Велецкои с совѣту Васильева и для подлинного увѣдомленiя о воровских того плута Петрушки замыслах i дѣистве в Бахчисараи ѣздил июня в 2-м числѣ.

И приѣхав того ж дни, Василю сказывал, что он с тѣм вором Петрушкою у него на постоялом дворѣ виделся, и казаков, которые с ним, Петрушкою, приѣхали, видѣл же, и Петрушке де он говорил, для чего он требовал с ним видѣтис. И Петрушка де ему говорил: желал де он видѣтис с ним для того: будет де он, Василеи, не хочет в Крыму царского величества с посланным с Васильем Аитемиревым быть в задержанiи и он бы был с ним Петрушкою с товарыщi.

И он де, Василеи, у него спрашивал, а он де, Петрушка, для чего сюды в Крым приѣхал и хто ево прислал, і ево, Василя, для чего с собою зовет, а вѣдает де он и сам, когда в Сѣче гетманскои лист в казацкои раде читал, что по указу великих государей, их царского величества, и с повелѣния Воиск Запорожских гетмана его милости послан он, их царского величества, с посланным с Василем Аитемиревым, а не собою приѣхал и имѣет исполнять повелѣние ево гетманское в том, для чего он послан, и Петрушка де ему, Василью, говорил: з Запорожя де он с товарыщи своими с Прокопом Буским и сыными, сколко тут при нем есть, поѣхалі в Казыкермень в челнах рекою Днепром, а кошевои де атаман Ѳедко і воисковая старшина о тои іх поѣздке, куды они поѣхали, не вѣдают, і в Перекопи де он у хана был и что ему служит, присягу учинил, и ханского де жалованя дано ему конь с снарядом да сабля, да ему ж и первому товарищу ево, Прокопу Бускому, дано по халату, а досталным козаком всѣм по киндяку да нѣпосколку денгами на сапоги, и булава де и бунчук у них уже есть, а хоронгви де учали было дѣлать в Перекопи, толко де там матереи недостаток и они де дѣлают их ныне в Бахчисараи; а Воиско де Низовое все ныне в Сѣче в собранiі, и будет с крымскою ордою в соединенiі и поидуть для воины из добычи, куды знают, а ево де, Василья, зовет он с собою от любви для того, что будет хочет он ис Крыму себѣ уволнения и он бы был с ними потому, что де царского величества посланнои задержан будет в Крыму надолго. А ныне де вѣдает он, Петрушка, и у гетмана, і во всѣх украинных малороссіиских городах пременилос в народе уж инако, а не так, как было при нем, Василе; а писем де к нему, Василю, ни от ково он, Петрушка, не имѣет. А когда он, Василеи, с ними быть не похочет і они де казаков, которые ест с ним, Василем, у него отберут к себѣ и будут они с ним Петрушкою в товарыществѣ.

Да і Ворона де, что приѣхал из Сѣчи в Крым после ево, Петрушки, учинил было приѣздом своим у калги салтана нѣчто им противное и для того он, Петрушка, с товарыщи своими іманы из Бакчисарая к калгѣ в Акмечет. И тот Ворона учинился с очнои ставки с ними ж за товарища, и он, Василеи, ему, Петрушке, говорил, когда де он начал дѣлать таки злые дѣла, и Господь Бог тоѣ ево злость прекратит в скором времени, а он, Василеи, куды и для чего от гетмана Івана Степановича царского величества с посланным послан, в том и пребудет, а с ними не будет и казаков от себя ему не даст и он, Петрушка, взять у него их не может.

І іюня в 5 день в недѣлю был Василеи и с ним гетманской канцелярист в церкве пресвятые Богородицы, что в Бакчисараиских горах, у обѣдни, і в то время тут же были запорожские казаки, Петрушкины товарыщи, да с ними запорожскои же казак Яков Ворона, которои был от Сѣчи до Казыкерменя с Василем в провожатых.

І Василеи, гетманской канцелярист, у него, Вороны, послѣ обѣдни вышед из церкви, спрашивали, он, Ворона, для чего в Крым приѣхал с Петрушкою ли или иным каким дѣлом.

И Яков Ворона им, Василем, сказывал, что он прислан в Крым с листами от Воиска для того, чтоб по замиренным договорам, каковы у них, запорожцов, постановлены с Крымом о свободном проѣзде и торговле, і о волных Днепровых, и иных заполных рѣчек рыбных ловлях, і соляных промыслах, свободно б им, запорожцом, было ныне ходить для имания соли во обыкновенных мѣстех, потому что де с рыбиых промыслов после вешняго времяни казаки уж посходили всѣ в Сѣчю, а казыкерменскои де беи Кемал мурза [повелѣніем ханским или собою того невѣдомо] с Воиском Запорожским пересылку имѣют, доволство чиня Петрушкиной здраде, чтоб Запорожское Воиско соединеняс, с ордою шли царского величества на украиные и малоросиіские городы воиною: токмо де кошевои с воиском тому их поганому желанию не соизволяют, и не развращаясь с ордою для того, что б им солью добытие, писали к нему, бею, что они воиском с ордою на Русь для воины не идут, а по обыкновенной у них в Запороже волности охочих молодцов, кто с ордою итить похочет, никово не удерживают и не запрещают, а Петрушка де с товарыщи как от них із воиска в Крым отѣхали, того воиском не вѣдали.

І Василеи, и гетманскои канцелярист измѣнника Петрушку при товарищах ево и при Вороне, і при греках, кто в то время тут прилучилис, поносили и плутовство ево выявили всѣм вслух, сколько было возможно, а запорожцом наговаривали пространно, чтоб они от того злаго дѣла престали и того вора Петрушки не слушали, вѣдают они, казаки, и сами, что бусурманы, сколкижды с християны, а имянно с ними, казаками, в дружбе ни бывали, однако ж християн никогда на своих поганов в помощ себѣ ни на кого не призывают, токмо на них же християн, как и ныне нами видимо, что в Крыму никоторого столко народу в неволе нѣт, сколко малоросиіскаго; і им ныне итить и орды с собою вести на церкви Божиі, и на отцов своих, и на матереи, и на сродников, для какова себѣ пожитка, кромѣ погибели, и надобно в том памятовать Бога и имѣть доброи разсудок, и не забыт государские их царского пресвѣтлого величества превеликие к себѣ милости.

И Петрушкины товарищы говорили уже де, что в яицѣ наклюнулос, то и родитца, і возвратить де им того своего дела нѣлзя, потому что уж они ныне в татарских руках и воле.

А Ворона к тѣм Петрушкиным товарищеи словам не приставал и отвѣтчися таино Василю говорил, чает де он, Ворона, что ево ис Крыму отпустят вскоре, а імянно в среду іюня в 8 день.

И Василеи говорил Вороне, обнадеживая ево государской милостию, чтоб он, буде возможно, отвез от них к гетману Івану Степановичю листок увѣдомителнои о житиі их, гдѣ они ныне пребывают, за что он получит и от гетмана к себѣ великую ласку.

І Ворона говорил, хотя де ему такое дѣло чинить и опасное от своеи братьи, однако ж служа он его милости гетману Івану Степановичю і Воиску Запорожскому, подщитца то исправити всякими способами. И чтоб и от ево братиі было о том скрыто, и чтоб они то писмо ізготовили, и к нему чрез кого вѣрного прислали, а будет де свободно будет, то он, Ворона, и сам к ним, Василем, в жидовскои город придет и писмо возмет во второк іюня в 7 день*. А іюня в 6 день каимакан имал к себѣ в Бакчисараи жидовскаго капычѣя: и тот капычѣи, пришед из Бакчисарая,

* Того числа вѣдомость пришла, что хан с воиском чрез Днепр под Очаковым переправился (Приписка).

Василью сказывал, что каимакан ему приказывал [знатно, что по наговору ізмѣнника Петрушки] с великим подкреплением и пристрастием, чтоб ево, Василья, ни гетманского посланца к церкве также, ни толмача, ни людеи іх из жидовскаго городка никуды и к ним русских полоняников отнюдь никово не пускать. И присланы де к ним будут на караул для того сеимени, потому что и запорожцом де вовсе вѣрить ім сумнительно. А наіпаче не вѣрят они Вороне, и не послали б с ним каких к Москвѣ писем; и он де, капычѣи, каимакану говорил, что он с ним, царскаго величества посланным, и з гетманским посланцом до церкви ходит для провожанья сам і смотрит за ними и за людми іх накрепко, а никаких таиных разговоров у них з баткалами [з запорожцы] не видал также и писем никаких междо собою они нихто никому не давывали. И с того времени Василеи, написав к великим государем отписку образцовою азбукою, а гетманскои канцелярист к гетману Івану Степановичю лист, искали тому времени всячески, и чрез того жидовскаго капычѣя домогся Василеи, чтоб ему, Василью, і всѣм при нем будучим людем, свободно было ходить к церкве Божиі по прежнему.

А іюня в 8 день калга салтан пріѣзжал из Акмечети в Бахчисараи и за высылкою достальных мурз и татар к хану на воину жил три дни, чтоб выслать их всѣх до единаго человѣка при себѣ, потому что от хана присланы к нему, калгѣ, из войска билюк башеи сеименских четыре человѣка з жестоким указом, чтоб им з двенадцати их мечетных бусурманских соборищ взять из мурз и из татар лучших людей по два человѣка с соборища, и за ослушаніе их, что никто с ханом итить не хочет, казнить смертію и домы их разграбить, пожитки, скот и все, что есть, взять на хана. А головы их, казненных, прислать к нему к хану в войско для посылки [оправданія ради своего] к турскому салтану, и по тому его ханову указу калга салтан так и чинил и послал к хану голов тѣх казненных мурз и татар с 15, і в том числѣ послана голова знатного и богатаго человѣка Юз Эшер аги, которои жил на Салгире рѣкѣ, а иные и Батыр аги [что у Селим Гирея хана был ближним человѣком] сын Дербиш мурза, увѣдав тот жестокои ханской указ, покинув домы свои, ушли, а уход их в турской у морскои корабельнои пристани обрѣтающеися к Азовскои сторонѣ город Кафу, но та высылка и грабеж пресѣкся тѣм, что тѣ билюк баши для взятія тѣх людей ѣздили сами и неукотораго мурзы ширинских роду, заѣхав без него в дому, износилствовали дочь дѣвку и от того и сами ушли не много не побиты.

Потом Василеи промышлял со всяким усердывим радѣніем, с кѣм бы тѣ писма послать.

И в недѣлю, то есть іюня в 19 день от церкви пресвятые Дѣвы Богородицы таиным способом чрез священника из малоросиіских заднѣпрских городов уже тому пятнадцать лѣт впадшаго, покупом свободившагося и у тои церкви при греках живущаго, Михаила прозванием Маковецкаго, тоѣ к великим государем отписки и к гетману лист, устроив в вощанку, послал Василеи к тому же помянутому Вороне, по тому что по вѣдомости был он, Ворона, еще в Бакчисарае.

А отписку к великим государем писал Василеи такову.

Великим государем царем і великим князем Іоанну Алексѣевичу, всея Великия и Малыя і Бѣлыя Росиі самодержцем, холоп ваш, Васка Аитемирев, челом бьет. По вашему великих государеи цареи и великих князеи Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцев, указу послан я, холоп ваш, с вашею великих государеи грамотою к крымскому хану в гонцех и,

как я, холоп ваш, в Казыкермен приѣхал, и о том приѣзде своем, и о вѣдомостях к вам, великим государем, писал я, холоп ваш, ис Казыкерменя з батуринским казаком с Якимом Кнышем апрѣля в 13 день. А в Бакчисараи, я, холоп ваш, приѣхал апрѣля в 18 день, а у хана на приѣзде был апрѣля в 20 день, и Саоат Гиреи хан о вашем, великих государеи, здравиі спрашивал, і вашу, великих государеи, грамоту у меня принял сам любовно, и мнѣ, холопу вашему, говорил сам же, хотя де та ваша, великих государеи, грамота писана і не на ево імя, однако же то дѣло ему і всему крымскому юрту надобно, и тоѣ вашу, великих государеи, грамоту выслушает, и подумав з ближними людми к вам, великим государем, будет писать и меня, холопа вашего, отпустит не замотчав, а апрѣля, государи, в 21 день был я, холоп ваш, у ближняго члвка у Алиш аги, и посланные о миру статьи подал, и он тѣ статьи, приняв, доносил ханову величеству: и того ж дни, призвав меня, холопа вашего, к себѣ, говорил, что де хан тѣх статеи слушав, велѣл у меня, холопа вашего, спросить, есть ли у меня, холопа вашего, указ, чтоб по тѣм статям договариватис, а в тѣх де статях написано крымскому юрту противно, что за что никогда миру быть немочно, і в юрт обявить их невозможно; а по том тѣ статьи з ближним человѣком с Апкеримом эеенди [диван эеенди посольских дѣл] чли и говорили: буде у вас, великих государеи, с ханом мир учинитца и первая де и пятая, да и шестая, да седмая статьи к миру удобны и содержатца, а о второи статѣ говорили, чтоб Гроб Господень в салтанскои области, а не в их, и отдан французом в розорваніі мира с вашим царским величеством, потому что король французскои учинил им против цесаря помочь і взять ево, у французов, не мочно, а о третьеи, государи, статьѣ говорили, что о том и прежде сего многажды писывано и говаривано, только тому збытись, что русскои полон ис Крыму весь свободить невозможно; а о четвертои, государи, статьѣ, о размѣннои годовои казнѣ говорили они, что де розмѣнную казну отставливают вовсе напрасно и будто де нынешнеи хан, так ж и калга, и нурадын салтаны, и они, ближние люди, прежних уж хуже, а у Крыму де с Московским государством ни за что недружбы не бывало, кромѣ того: когда казны не учнут давать, тогда орды и поидут на Рус воевать, а ныне де Крым Москвы не боитца и к миру и к воинѣ готовы и подарков де никаких к вашему царскому величеству хан не пошлет, а буде де Москвѣ Крым воевать, взять нечего, кромѣ того, что у каждого татарина два коня да третьяя ево душа: и я, холоп ваш, им говорил і выводил, о тѣх статьях разсуждая, что вы, великіе государи, ваше царское величество, изволили о Гробѣ Господни к хану в статях предложить, побарая благочестием по Господѣ Бозе для единые христианские вѣры греческого закона, которую содержите, и для того, что в ханском листу с Магмет агою к вам, великим государем, писано, что за салтанскую сторону турского дела и слова преемлет на себя, а о розмѣнной казнѣ, чтоб они із тои статьи выразумѣли, что нѣт им в том никакие противности, потому что ссылатис на обе стороны любезными поминками, а при том государи домогался я, холоп ваш, всячески говорил, гдѣ пристоино против наказу буде хан с вами, великими государи, хочет быт в миру и он бы для договору послал к Москвѣ со мною, холопом вашим, послов своих людеи знатных і породных с полною мочью; і по тому, государи, моему, холопа вашего, домоганию назначил было хан к Москве для договору послать Мубарекшу мурзу Сулешева: а сам хан із Бакчисарая по салтанскому указу выступил для походу с воиском в венгры мая в 2 день; а меня, холопа вашего, велѣл он, хан, Мубарекше, для отпуску привесть к себѣ в Перекоп; и к Перекопи,

государи, я, холоп ваш, припроважен был совсѣм мая в 14 день и стоял на степи четыре дни, а хан ис Перекопи в поле вышел мая в 16 день и в тѣ, государи, бытія моего на степи дни Божиі и христианскиі враг плут и ізмѣнник от вашего царского величества подданого гетмана Івана Степановича утеклец, бывшеи канцелярист Петрушка передался з Запорожя в крымскую сторону с товарищи своими с такими ж плутами, з десятью человѣки, и больше прося, чтоб крымские орды шли воиною на ваши государские украиные города, а Запорожское де Воиско будет им татаром помощию. И у хана, государи, он принят и дан ему чин гетманства, да ему ж для того ево проклятаго уряду дано булава да конь с снарядом и иное, что к тому злу належит, а мнѣ, холопу вашему, тѣм ево воровским приѣздом учинилос препятие и мая в 19 день от Перекопи з гетманским посланным со мною, холопом вашим, канцеляристом Васильем Велецким и с толмачем Полуехтом Кучюмовым возвращен и посажен в жидовском городе близ Бахчисарая, и заказано, чтоб ко мнѣ, холопу вашему, нихто, ни людишка мои никуды не ходили; а задержанию, государи, моему причину сказали ту, что де хан о Гробе Господни писал к салтану турскому с чаушом ево салтанским, а без указу салтанского с вашим царским величеством договариватис о том не смѣет, и мнѣ, холопу вашему, побыть в Крыму до салтанского указу, а когда де от салтана турского о Гробе Господни какои указ будет, и Мубарекшу де мурзу посолством, и меня, холопа вашего, с ним приказал хан без себя отправить к Москве калгѣ салтану. И я, холоп ваш, домогался чрез размѣнного бѣя и чрез Мубарекшу мурзу, чтоб о том, для чего задержание учинилос, для извѣстия к вам, великим государем, мнѣ, холопу вашему, писать. И хану де карачбѣи о том моем желаніі отговорили, и мнѣ, холопу вашему, і в том отказано; а по вѣдомости, государи, хан в Бѣлогородчину пошол и чрез Днепр под Очаковым переправился мая в 29-м числѣ и воиска с ним не великое число, всего тысечи с четыре и то сеимени, которые взяли жалованье ис казны для того походу, от салтана турского присланное, и тѣ сеимени идут с великим нежелательством, а мурзы и татаровя нихто в ту сторону итить не хотят, потому что де уже тѣ походы им крѣпко надокучили, как в Крыме и тѣх походех во всѣх народах говорят явно, потому что с прошлои цесарских воиск над турским обозом побѣды и татаром многіе бѣды доставалос, в домы свои множество их пришли пѣши чуть живы, и будет ли, государи, с ним ханом или не будет Бѣлогороцкая орда, а по воровскому, государи, подвигу того вышеписанного ізмѣнника Петрушки на Рус они, татарвя, в нынешную дѣловую пору итить готовы со всякою радостью; развѣ іх поганское намѣрение прекратить Господь Бог і пощадит христианские души вашими государскими молитвами и щастіем. А сию, государи, отписку к вам, великим государем царем і великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцем, написав вскорости таино, послал я, холоп ваш, от церкви пресвятыя Богородицы, что в Бахчисарае, каким бы ни есть способом донестись ей в ваш государственнои посольскои приказ іюня в 19 день.

А июня в 22 день плут и ізмѣнник Петрушка с товарыщи своими взят из Бакчисарая к калгѣ салтану в Акмечеть.

И іюня в 29 день на праздник святых верховных апостол Петра и Павла был Василеи в татцком селѣ Чуре в церкви архангела Божия Михаила у обѣдни, а то село от жидовскаго городка обрѣтается за горами в четырех верстах, а для провожанья ѣздил с ним, Васильем, жидовского городка капычѣи Салтык і в дорогѣ

сказывал Василю приватно, слышал де он у каимакановых людеи, что новоучиненнои их гетман крымскои Петрушка желал з гетманским посланцем видетися для того: когда де он, Петрушка, был в Перекопи у хана, и тогда хан и ближние люди у него, Петрушки, о том гетманском посланцѣ спрашивали и ему, Петрушке, об нем сказывали, что от гетмана Івана Степановича нѣт с ним до хана и до ближних людеи ни до кого ни писем і никакова дѣла; и тот де их гетман Петрушка у хана просит соизволения, чтоб с ним, гетманским человѣком, видетись для того: чаял, что превратит ево посланца украинскими вѣдомостьми и уволением и с Крыму с собою во единомыслие; а с них де жидов взято тому Петрушке и казаком на жалованье четыреста левков и покуплено им кони и оружие, и платье, и устроено все, что к службе належит. И ныне из Акмечети калга салтан послал их на корм в Козлов и будут их там кормить жиды и армяне до калгина в воиско с ними походу.

А о ханскои Саѳат Гирѣеве перемѣне слышно учинилось, и учали Бахчисарае в народех явно говорить июня з 20 числа, что ему будет пременение для того, что ево Крымом не возлюбили за то, что он ко взятку лаком и хочет обогатитися скорым временем по навыклости своеи, чему с молодых своих днеи навык тому лихоімѣнию, будучи от салтана турского поборцою податеи над цыганы.

А о московских воисках в Крыму разголошено было, что они воюются с казаками [Барабашеи воюют], і в малоросиіских де городѣх московские воиска великие, потому что казаки под державою Московскаго государства жить не хотят за то, что будто московскаго народу люди чинят им налоги и утесненіе великое, пожитки іх грабят и у мужеи жен и у отцов и у матереи дочереи отнимают и насилуют, а хотят де они, казаки, быть в дружбе і в соединениі против Московскаго государства с Крымом, как и прежде сего за Брюховецкого и за Дорошенка гетманов бывало.

Июня в 30 день вѣдомость пришла, что к Арбатку подплывали чаиками донских казаков с пять сот человѣк и выжгли по берегу, обретающихся при деревни татцких, да в полон взяли мужеска и женска полу христіан и бусурман душ с пятьдесят.

И с того времени каимакан во всѣ мѣста на Тамани, то есть на устья рѣк, обрѣтающихся в Крыме, і впадающих в Черное и в Гнилое море, и на всѣ пристани мурз и татар для сторожи и обороны крымскои, чтоб казаков нигдѣ, а наіпаче в тѣх мѣстех, гдѣ они, казаки, обыкли себѣ имать прѣсную воду, не пропустит.

А калга салтан из Акмечети поѣхал к Перекопи июля в 2 день, а делялы в Бакчисарае по базару кликали, чтоб татаровя всѣ, которым с ним быть в воинѣ, съѣхалис в Перекоп конечно іюля в 10 день.

Іюля в 5 день вѣдомость пришла из Азова, что донские казаки розбили турских три корабля, пловущих в Черкескую землю к Адинскои пристани, і в Крыму наипаче учали от них опасатца и береговые поставлены были великие караулы.

А июля в 8 день вѣдомость пришла о ізмѣннике Петрушке, что он из Козлова к Перекопи с товарыши своими и с немногими татары воинским убранием з бунчюком из булавою поѣхал іюля в 4 день, а калга с воиском татарским і ево, Петрушку, взяв с собою из Перекопи, вышел в степь іюля в 6 день.

А в 10 числѣ июля ж в Бакчисарае учинилас тревога, и посланы наскоро на береговые сторожи с вѣдомостьми гонцы, что донских козаков обявилос под

Балаклавою чаиках на семидесят, и били на карабль турской, приплывающі из Царя города, однако ж тот карабль от них, казаков, доброю погодою ушол, а толко убито на нем ис пищалеи бусурманов четыре человѣка.

Да в жидовском же городкѣ неволник із Лубен мѣщанскои сын Павел Николаев Василю сказывал, в нынешнем де 7200 году ѣздил он из Лубен с товарыщи своими того ж полку с тремя человѣки за полскую границу на Волынь для торгового промыслу с сермяжными сукнами и с табаком, и послѣ де Свѣтлаго Христова Воскресенія на другои недѣли под мѣстечком Дубною наѣхали на них в дорогѣ загонные татаровя и дву человѣк из них побили до смерти, а ево де, Павла, сама, друга изранив, взяли в полон и привезли в табор свои к салтану крымскому, и товарыщ ево, дни с четыре пожив, от тѣх ран умре, а ево де татарове, вылечив, привезли в Килію город и продали жиду крымскому, а с тѣм крымским салтаном было орды Буджацкои и Бѣлогороцкой тѣсяч с восм, проводили они з Буджаков в Каменец Подолскои запас и как запас отпроводили и оттуду ходили на Волынь и посыланы загоны были великие, и тѣ де загоны брали под городами на Волыне и Подоліі, обрѣтающимися под Дубною, и около Ровного, Олыка, Корца, Колоднаго, Клевани, а сам де он, салтан, стоял с ордою табором, изжидался с тѣми загонщики под мѣстечком Птичею, и в то де при нем, Павлѣ, время тѣ загонщики татаровя навезли полону мужеска и женска полу душ с три тысячи, а воиска де польские коронные тѣх орд неоткуда не встрѣчали, и знатна, что об них и не вѣдали, потому что как тѣ воиска поставлены на зимовых становищах по мѣстечках и по селам, по рѣкѣ Вислѣ обрѣтающимся, так по то время еще не рушались; а волоские де городы Сочава и Немец, и Сорока и ныне за поляками, и в Сороке де он, Павел, был, а камenданом там, именуемои Рап, пѣхоты с ним с четыре тысечи, а в тѣх де городѣх ест ли польские осадные воиска или нѣт, того он не вѣдает.

А жид Яков Исупов, которои того вышеписаннаго полоняника Павла в Крым ис Киліи выслал на караблѣ и сам с ыними полоняниками приѣхал в Крым после августа в 1 день, сказывал Василю в розговорѣх, что де поляки у татар уже отдѣланы и чаять, что де на Буджаки воиною приходить им будет нѣколи, потому что де сего лѣта Бѣлогородцкая и Буджацкая орды ходили загонами к ним в Полшу с салтанами с дѣтми нынешняго Сафат Гирѣя хана неодинажды, сперва под Немиров и под Сороку, а послѣ того, как проводили хлѣбныи запас з Буджаков в Каменец, и в то время были на Волыни и Подоліі и возвращалися оттуда с великою добычью, да и после того безбаши человѣческах в сороке и в пятидесять и болше ѣздят и полоном у них поляков непристанно добываются, и ныне де в Бѣлогородчину навезено из Полши полону столко, что изчести немочно, а полского де посланника Захариаша он, жид, знает, потому что бывает он у них в Крыму посланником по часту и говорить по татарски умѣет, и ныне он в Белегороде (в Аккерменѣ) ево и своего крымского посланника Дербиша мурзу видѣл, жили они в Белегороде до ханского ис Крыму в Бѣлгород приходу, да и при хане де жили они тут пятнадцать днеи, и отпустил их хан в Полшу при себѣ после тѣх татарских в Польшѣ будучих загонов, а сам де хан жил в Белегороде мѣсяца с полтора, а пошел с воиском на можары тому ныне дватцать днеи, а белогородцких де мурз нихто с ним, ханом, итить не похотѣли, потому что та воина им далека и безприбылна, но еще и убыточна, и не токмо мурзы, но и татаровя пошли с ним толко тѣ, которые похотѣли своею волею и то немногіе. А от турского де

салтана звали ево, хана, непристанно с воиском, и были при нем, Якове, в Аккермени чаушов три человѣка.

И по тѣм его жидовским словам, хан в Белгород пришол іюня в 3-м числе, полского посланника и своего в Польшу отпустил іюня в 18 числе, а сам из Белагорода пошол іюня 16 числѣ.

Того ж числа приѣзжал в Бахчисараи от калги султана татарин и имал у жидов в лавках халаты; он же сказывал, что как он из воиска поѣхал тому пятои день, а калга де с воиском остался против Сѣчи Запорожскои из Баткалами, де у него, калги, пересылка чрез Днепр была. Приѣзжал к нему, калгѣ, сам кошевои Гусак, а в Сѣче вмѣсто ево, кошевого, в аманатах был у них козаков Кемал мурза Сулешев, что был казыкерменским бѣем, і Петрушка де при салтане санджак (бунчук) и топуз (булава) отдавал кошевому, говоря, чтоб он, кошевои, с Воиском Запорожским сообщился с крымскою ордою и с калгою салтаном шел воиною на Московское государство, взяв из Сѣчи пушки со всѣми припасы, и все, что к табору належит, и был бы на ево, Петрушкино, мѣсто он, кошевои, гетманом, а он де, Петрушка, будет за товарыща с ним же, и кошевои де ему, Петрушке, говорил, что как он, Петрушка, зачал, так бы свое и совершал, а он де, кошевои, гетманом на его, Петрушкино, мѣсто не будет, а воиска от себя из Сѣчи, сколько будет охочаго, к нему, Петрушкѣ, пришлет и хоронгви (знамены) им и литавры даст.

Августа в 9 день вышеписанныи ж жид Яков сказывал Василью, что пріѣхали де из Бѣлогородчины их крымскіе жиды и сказывали, что тот посланник полскои Захаріаш, ѣдучи из Белогородчины в свою землю, в дороге умре, а крымскои де посланник Дербыш мурза в Полшу уѣхал ли без него или нѣт, того невѣдомо.

Августа в 11 день вѣдомость учинилась, что калга из воины приѣхал в Акмечеть августа в 13-м числѣ в ночи с малыми двора свого людми, а войско де, которое было с ним, оставлено назади, для того, когда де учинилась у хана с великими карачбѣями (ширинскими) ссора, и бѣи, чтоб позволить ему, Саѳат Гирѣю, ханом у них не быть, к турскому салтану в Ондреянополь челобитчиков послали, а сами с ним, ханом, на воину в Венгерскую землю итить не похотѣли и воиска ему, крымского, не дали, также и Белогородцкой орды мурз и татар удержали и от хана, оставя ево, недошедь до Темирь Капо, то есть желѣзных ворот, отъѣхали (в Килиі отстали) и татар всѣх по домом распустили: тогда Саѳат Гирѣи, хан, писал от себя к калгѣ салтану, чтоб он той ради причины непослушания на Русь с ордою крымскою не ходил, а буде и пошол, и он бы возвратился, чтоб на нем, хане, того дерзновенного и Московскому государству приступного за пересылками поступку не взыскалось после от турского салтана.

І он де, калга, быв под малоросиіскими за Самарью рѣкою обрѣтающимися городами, возвратился и с воиском с ним будущим, а ясыреи, которые поимяны под городками под Орлом, под Китаем, под Цариченкою, под Нехворощею всѣх у татар, у кого провѣдал, взял на себя, а іных невольников нѣсколько человѣк, прелщая тѣ городки, чтоб поддалис, и отпустил, однако ж осталос у него, калги, того ясырю мужска и женска полу пятьдесят три человѣка.

А Батырча бѣи Аргинскиі, будучи под слободскими городами, по тому же добывся ясырем і возвратясь в Крым, сошлись с ним, калгою, в дороге, и прошло то все крымское воиско в одно время августа в средних числѣх. А плут и измѣнник Петрушка и при нем козаков с пятьдесять человѣк пришли с калгою и оставлены на корму в перекопском городе.

А ширинские и іных великих родов беи і мурзы, и татаровя крымские, также и из Белогороцкои орды мурз нѣсколько, взяв с собою, пришли в Крым августа в 20 день.

А Саѳат Гиреи, хан, с того мѣста, гдѣ войска его оставили, поѣхал в Килію, а с ним остались Уктемир бѣи ширинскои, которои заручил ему, хану, во время выхода ево, ханского, на воину в жену дочь свою. Да ближнеи человѣк Алиш ага, а печать крымского юрта взяли у него ширинскіе, Дадиван эфенди Апкерим да капачи баша. А как они, ширинскіе, пріѣхали в Крым и тогда и розослали от себя во всѣ крымские улусы, а в Бакчисарае и по городом на базарѣх велѣли кликат делалом, чтоб мурзы и татарова съѣзжалис всѣ к ним, ширинским, на назначенное мѣсто под Карасов для изгнания калги салтана и ханских жен ис Крыму в турскую землю, а в Козлов и в Балаклаву городы посылали они, чтоб ему, калгѣ, и ханским женам готов был гдѣ сыщется карабль.

И по тому іх приказу очищен ему, калгѣ, и ханским женам корабль в Балаклавѣ, которои хотѣл плыть в Станбул со пшеницею, а когда под Карасовым крымских воиск съѣхало с тысяч с пятнадцать и больше, тогда они, ширинские, послали в Акмечет к калгѣ салтану Кемала мурзу Сулешева, приказуя, чтоб он, калга, ис Крыму от них выѣхал туды же, откуда приѣхал, потому что Саѳат Гирѣи хан и он, калга и нурадын, им всему крымскому юрту непотребны.

А сами междо собою в том сборном войску постановили и шерть учинили на том, чтобы конечно им всѣм быть при одной мысли. И если бы Саѳат Гирей, хан, похотѣл на них притить с турскими или с иными какими войски, и его, чтоб в Крым отнюдь не пустить, и битца до остатней капли крови.

А если б и турской салтан похотѣл их принудить, чтоб быть у них Саѳат Гирею ханом по прежнему, и они, ширинскіе, оставя Крым, отъѣдут в московскую или в иную куды сторону.

И калга с ним, Кемалом мурзою, к ним, ширинским, приказывал, что де он прислан от салтана турского, а не собою пріѣхал, и потому без его салтанского указу от них іс Крыму и ѣхать не смѣет, а сам он, калга, собрал из Бахчисарая и із ыных мѣст духовнаго своего бусурманского чину шихов и муѳт и кадыскеров, также и каимакана и іных знатных мурз, и посылал к ним, ширинским, чтоб они с ним помирилис, потому что де он, калга, живет у них в Крыму смирно и никому ни в чем никакие обиды не учинил.

И тѣ духовные і каимакан с знатными людми под Карасов к ним, ширинским, ѣздили. И ширинские того ево прошения у них не послушалис и тѣх миротворцев всѣх до тѣх мѣст, как калга из Акмечети выѣхал, не отпустили от себя никого, а к нему, калгѣ, с Айвас мурзою Сулешевым приказывали, чтоб он конечно от них ѣхал в Балаклаву, а в Балаклаве на чем ему, калгѣ, и ханским женам со всѣми их людми ѣхать карабль готов, а буде он, калга, их не послушает і из Акмечети от них вскоре не поѣдет, и они для высылки ево поѣдут с воиском сами и тогдо ему будет тяжестнѣе, потому что сараи ево весь разорят и сожгут и он, калга, тогда поѣдет же с великим безчестем; а к ханским женам посылали они, ширинскіе, от себя в Бакчисарай мурз многожды с таковым же приказом слово в слово.

И калга по многих спорах и пересылках выѣхал из жилища своего со всѣм своим двором сентября в 1 числѣ 7208 году, а ханские жены из сараев выѣхали сентября в 9 день.

А измѣнника Петрушку ис Перекопи они, ширинские, к себѣ имали же, гдѣ он, плут, им, ширинским, прислуживался с прошением, говорил, чтоб послали с ним крымских воиск, сколко возможно, под украинные и молороские царского величества городы, а он, плут, де им служить будет со всякою охотою и вѣрностію, и гдѣ добыч получить, таковыя мѣста на Украине знает, и ширинские де ему, Петрушке, сказали, что в то время им не до воины стало; но надобно, чтоб им свое в Крыму зачатое дѣло совершить и успокоить, а когда де успокоитца, и тогда они, усмотря время, как будет пристойнѣе, так о посылке воиск своих с ним на Русь и учинят.

Сентября в 4 день в недѣлю у церкви пресвятые Богородицы на Магрем в горѣ были из Запорожья казаков два человѣка Василеи Коваленко да Костянтин Уманец у обѣдни.

І Василеи у них спрашивал о вѣдомостих, что у них в Запороже дѣлаетца и о Яковѣ Воронѣ, и они, казаки, сказывали, что у них в Сѣче, как было прежде сего при приѣзде ево, Васильеве, как он ѣхал в Крым, так и ныне благодатию Божею все добро и смирно, а Ворона де, как из Крыма на Запорожье пріѣхал и привез от него, Василія, письма и он с тѣми письмами был у гетмана Ивана Степановича в Гадичѣ, гдѣ он, гетман, с казацким воиском выступал, послышав о татарском приходѣ на Украину, и пріѣхал он, Ворона, в Сѣчю к ним по прежнему, і к Петрушке де в товарищество із Низового Воиска нихто итить не хочет, потому что, которые и пошли, и тѣ ныне, видѣвся с ними в Перекопи, плачут горко для того, что де они зашли с малоумия своего в Крым, как рыба в сѣть, а свободитца никоими мѣрами им невозможно, потому что их крѣпко караулят.

А они де от Низового Воиска присланы для взятых за миром нынѣшняго лѣта казаков осми человѣк также говорить о свободнои добыче соляной, а из Бакчисарая они, Василеи и Костянтин, поѣхали того ж часа в Запорожье.

Сентября в 9 день был у Василя по призыву таино Полтавы города торговои человѣк Захар Яковлев, которои приѣзжал в Крым чрез Запороже с продажным вином и торговал им в Козлове и в Бакчисарае, и по вопрошению его, Васильеву, ему и гетманскому человѣку сказывал о Украине и о запорожцах тож, что и вышеписаные казаки Василеи и Костянтин.

Да при нем же де Захаре прислан лист от преосвященнаго Варлаама Ясинского, митрополита киевского и малоросиіского, на богоотступника и царскому величеству ізмѣнника и христианскаго врага Петрушку, и на единомысленников ево, и которые естьли и по том учнут на такое злое дѣло дерзновеніе имѣть с проклятием; что слышав запорожцы крѣпко ужаснулись (ощутилися в великом ужасѣ) и ктобы и мыслил, к тому ізмѣнику соединитися ради прелести татарской, и тѣ всѣ утишилися.

И Василеи ему, Захару, увѣщевая ево, говорил, когда он вино свое испродаст и іс Крыму поѣдет в свою сторону, и он бы взял от него, Василя, и от гетманского человѣка к гетману к Івану Степановичу писмо, за что он, Захар, от него, гетмана Івана Степановича, восприімет к себѣ великую ласку и любов.

И он, Захар, говорил, что іх дѣло купецкое в такие дела о пересылке писем вступать им не годица, для того, чтоб тѣх писем у него в Перекопи (в Крыму де) не осмотрилі, і в том бы ему не пропасть вѣчно, потому что плут крымскои гетман, что ныне уж пишеца новым прозваніем, то есть Сулимом, крѣпко того ныне перестерегает в Перекопи, будучи и пріѣзжим руским купцом чинит во

всем великую и наглую обиду, и ныне нѣсколько купцов слобоцких городов Харковскаго полку, называя их шпѣгами, задержал напрасно нѣвѣдомо за что; однако ж в надежде на Бога і служа его милости гетману и Войску Запорожскому и для их Васильева желанія тѣ писма он, Захар, у них возмет и будет их хранит и чтобы их до гетмана скоре довести, будет о том прилежно имѣть свое попеченіе.

І Василеи, написав к великим государем отписку, а гетманскои канцелярист к нему, гетману, лист, и, устроив в вощанку, отослали к нему, Захару, з греченином Василю, служащим Дмитреем Николаевым по час время выѣзду ево, Захарова, із Бакчисарая октября в 7 день, а он, Захар, из Бакчисарая поѣхал на завтрее того дни, то есть октября в 8-м числѣ.

А описку к великим государем писал Василеи такову:

Великим государем царем и великим князем Іоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцем, холоп ваш Васка Аитемирев челом бьет. По вашему, великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцев, указу послан я, холоп ваш, с вашею, великих государей, грамотою к крымскому хану в гонцех и о приѣзде в Казыкермень и о вѣдомостях, также и о приеме в Крыму, и о бытіі своем стою вашею великих государей грамотою у Саѳат Гирея хана на приѣзде и о отданіи статеи ближним людем, и что против тѣх статеи мнѣ, холопу вашему, они, ближние люди, говорили, і что по домоганію моему, холопа вашего, назначен был к Москве посолством Мубарекша мурза Сулешев, і по выходе ханском из Бакчисарая на воину в венгры припроважен я, холоп ваш, был для отпуску с ним, Мубарекшею, к хану в дорогу к Перекопи и о походѣ ево, ханском, ис Перекопи. А степь к Ачакову и о измѣне з Запорожя, плута и ізмѣнника, бывшаго гетманской канцеляріі подписка Петрушки, что тому моему, холопа вашего, отпуску препятие и задержание и крымскому посланнику остановка учинилас ево плутовским приѣздом, и что мнѣ, холопу вашему, сказано, что будто отложили тот отпуск на описку к салтану турскому против стати, что о Гроб Господни, и что я, холоп ваш, и гетманскои канцелярист Василеи Велецкои и толмач Полуект Кучюмов с людми посажены за крѣпкою сторожею в жидовском городкѣ. Также и о вѣдомостях и о намѣреніі татарском о походѣ воиною по подговору помянутаго плута Петрушки под ваши государские украиные і малоросіиские городы к вам, великим государем, писал я, холоп ваш: ис Казыкерменя апрѣля в 13 день, а из жидовскаго городка іюня в 19-м числѣх и по ханскому, гсдри, указу в жидовском городкѣ я, холоп ваш, з будучими со мною людми непремѣно маия з 20 числа живу за крѣпкою сторожею у Купая дни у каимакана і в ыних мѣстех, хотя в воскресной день, когда доитить к церкве пресвятые Богородицы к обѣдни. А в Крыму, государи, по сие время дѣиствовалося тако о перемѣне Саѳат Гирея с ханства по ненависти крымских карачбѣев и мурз великих родов за непотребные к юрту поступки во имание с них многово себѣ пожитку, и что он по салтанскому указу турского емлет с собою орды внепожиточную им і далекую воину на венгры почался слух июня с 21-го числа, и уж конечно по их челобитью взят он, хан, ис Киліі города к салтану турскому августа в 9 день, а на ево мѣсто сказывают, что будет ханом прежнеи Селим Гирѣи. А калга, гсдри, салтан и Батырча бѣи Аргинскои с воиски по подговору плута Петрушки были под вашими государскими малоросіискими городами і, возвратяс, пришли в Крым

августа в 13-м числѣ, а воиска ж государи крымские, которые пошли было с ханом: как карачбѣи ширинскіе и иных великих родов мурзы, так і татаровя, и сеймени, оставя хана в Киліи, всѣ пришли в Крым августа в 20 день. И собрався под Карасовым великим воинским собранием, калгу салтана выгнали из Акъмечети из жилища ево сентября в 1 день нынешняго 7201 году в краинеи у морской пристани город Балаклаву и на карабль, а ханские жены по их же высылке выѣхали из Бакчисарая туды ж сентября в 9 день, и поѣдут всѣ в турскую землю на одном кораблѣ, а новои, государи, хан, хто и когда будет, того подлинно невѣдомо; да в Крыму ж, государи, по вѣдомости из Азова о донских казаках то, что они вышли на море чанками, іюля с 30-го числа были тревоги непрестанные, и по устьям впадающим в море рѣк и на прстанях в пристоиных мѣстех были сторожи великие августа по 20 число, и сказывают, что ими, казаками, тацких с четыре деревни вызжено і выбрано, а помянутой, государи, плут Петрушка уж пишетца ныне Сулимом, и со единомысленики живут в Перекопи, и зовут орды воиною паки на ваши государские украиные городы; но бѣи крымские тому ево прошению не соизволяют вскоре ради своего в Крыму в ханскои перемѣне нестроения и боятца, чтоб не было им чего за непослушание их от салтана турского, а когда поуспокоица і калга и ханские жены ис Крыму отѣдут, тогда обещали с ним послать орды, сколко ему надобно, и повидимому, государь, в Крыму, как у них здѣ поводится покамѣст, тот проклятои отступник у них будет, никогда у них на рус загоны не будут задержаны, а того смотрят и желают, чтоб листами того плевелосѣятеля возмутить малоросиіскои народ, как бывало прежде сего, а от вас, великих государей, о моеи, холопа вашего, присылке говорят татаровя, что прислан я, холоп ваш, с непотребными ім статями не для миру, но для провѣдыванья крымских поведениі, и нѣт де ім от Москвы ничего доброво, потому что гонец их на Москвѣ задержан, и что со мною, холопом вашим, в Крым поминков не прислано, а труднѣе, государи, им всего и миру с ними не чаять того раді, что по статям в розмѣнной казнѣ им отказано, а полскои, государи, посланник Захариаш Яблоновской от короля прислан к хану, был в приватных дѣлех, что у него о наслѣдничествѣ детеи ево королевских творится, и послан в Полшу с ним, Захариашем, апрѣля в послѣдних числѣх крымскои посланник Дербыш мурза, і за тѣми, государи, персылкамі нынешняго лѣта после свѣтлые недѣли подѣздами в Полше около мѣст Дубна, Ровного, Олыка, Корца, Колодна, и Клевани набрано полону і в Белгородчину і в Крым навезено множество, а сию, государи, отписку написав, в кратцем таино к вам, великим государем, царем и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Белыя Россіи самодержцем, послал я, холоп ваш, для подания в вашем государственном Посолском приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцеву с товарищи сентября в 28 день с полтавским купцом Захаром Яковлевым; а о ваших великих государей дѣлех и отпуске своем ис Крыму ныне без хана говорить мнѣ, холопу вашему, нѣ с кем. А крымскои, государи, на Москвѣ задержанои их гонец Магмет на размѣну мнѣ, холопу вашему, надобен ли им в Крым или нѣт, о том і вѣдать нѣ по чему, потому что ближние люди в разговорех не упоминали мнѣ, холопу вашему, об нем ни единого слова.

А как калга из Акмечети, а ханеи из Бахчисарая выѣхали, и они в дороге переѣзжая с мѣста на мѣсто, понемногу подаваяс к Балаклаве, жили по рѣкам на Качѣ, на Кабардѣ и в ыных мѣстех в ханских сараех. И корм им обыкновенной туды в дорогу из Бакчисарая посылан.

И сентября в средних числех к ширинским от жителей тѣх, гдѣ калга к Балаклавѣ, ѣдучи, жил, донесена жалоба, что калга стоит у них многое время, а в Балаклаву не ѣдет и кормы себѣ емлет с них с великою обидою и чтоб они, ширинские, от той обиды их оборонили.

И ширинские, услышав тое, на калгу жалобу сентября к 28 числу собралис воиском попрежнему, чтоб ево, калгу, конечно впровадить в Балаклаву и посадить на корабль, дая ему, калгѣ, напредь, что они собралис и ідут к нему с воиском сами.

И калга у них, ширинских, упросился, что он по хотѣнию іх поѣдет в Балаклаву и будет на корабл конечно октября в 1 день.

А октября в 20 день ширинские с воиском пришли в Бакчисараи и стояли ниже Бакчисарая в полуверстѣ по Аскиюрту источнику, а 5 дня октября пошли было тѣ воика к Балаклавѣ и ночевали на Качѣ и на Кабардѣ, рѣчках, тогда калга, оставя жен своих в селѣ Кады, недалече от Балаклавы, уѣхал в ночи в торскои город Каоу, откуду по быкновению их бусурмане, кому никому не отдают.

И каоимцы, турки ево, калгу приняв к себѣ, учинили против ширинских воиск, есть ли будут ево добывать, приготовление, то есть поставили по городу и по башням пушки и янычар с оружіем, что, слышав, ширинские возвратилис по прежнему в Карасов и собиралис воинским великим собранием, паче прежнего, і в Бакчисарае о том зборе воиск на Каоу делялы на базаре кликали непрестанно, а в Каоу к турком посылали с таковым словом, есть ли они, каоинцы, его, калгу, будут у себя держать и с ними, ширинскими, нѣ будут во единомыслиі и учнут битца и калги им не выдадут, то они, ширинские, войском будут ево у них доставать і воду, которою они, каоинцы, питаютца, перекопают; и села и отары их всѣ разорят и пожгут и людей в них всѣх побьют, тогда они, каоинцы, ево, калгу, им выдадут же.

И каоинцы, когда услышали, что с ширинскими собралось воиска калгу добывать великое множество, тогда октября 10 дня присылали к ширинским, чтоб они на них воиною не ходили, потому что они одной вѣри Магметева закона и битца меж собою им нѣ для чего и не годитца, а когда им, ширинским, калга крѣпко надобен і они б прислали к ним в Каоу от себя человѣк сорок или пятьдесят, и они де, каоинцы, ево, калгу, им отдадут или при тѣх же людех посадят ево на карабль и отпустят в турскую землю.

І ширинские на то их присланиe склонилис і воиска, собранные ис Карасова, роспустили по домам октября в 12 день, а им, каоинцом, приказали, чтоб ево, калгу, никуды ис Каоы не отпущали и держали б ево до пріѣзду нового хана за крѣпкою сторожею.

Октября в 18 день прежде помянутые Уктемир бѣй ширинской и Апкерим эоенде и капычи баша, которые осталис было с ханом в Килиі, приѣхали в Крым в домы свои, а о Саоат Гирѣе, хане, сказали, что взят чаушем к турскому салтану, и Алиш ага, что у него был ближним человѣком, взят с ним же.

Октября в 21 день плут и ізмѣнник Петрушка с товарищи своими приѣхал в Бакчисараи, а с собою привез вышеписанного полтавского купца Захара Яковлева связаного, для того что писма, с ним посланные, у него в Перекопи обысканы, а в Бакчисарае ево оковали цѣпью и кандалами.

Октября в 26 день салтаном Кутлу Гирѣем, котораго ширинские с всѣм крымским юртом в небытие ханское почитают за главу, учинен в Бакчисарае

на Агмет агино мѣсто каимаканом Залым Мустаѳа ага, для того что Агмет ага был болѣн.

Октября в 28 день прибѣжал из Царяграда гонец в Бакчисараи с подлинною вѣдомостью и с листами, что ханом в Крыму учинен прежде бывшей Гаджи Селим Гирѣй и обыкновенной от салтана дар, то есть каѳтан, сабля, сургучь ему дано і ныне де он еще обрѣтается в Стамбулѣ (Царѣ городѣ), ожидает с воины великаго визиря, а как визирь будет, то и он будет в Крым в скорых днях, а калгою де будет сын ево, ханскои, которои был и прежде сего, і ныне он, калга, уже в Белогородчине и будет в Акмечеть в скорых днях; и чтобы ему, хану, изготовлены были в Бакчисарае сараи к приѣзду ево во всякой готовности, и каимаканом был бы до ево ханского в Крым приходу Магмет ага по прежнему, о чем на базарѣ иделялы кликали, чтоб о том было всѣм вѣдомо.

И по тѣм ево ханским Селим Гиреевым листам Магмет ага учинился каимаканом по прежнему, а Залым Мустаѳа ага отставлен, однако ж от ноября в 2 день от него, Залыма Мустаѳы аги, приходил к Василю татарин и говорил, называя ево, Мустаѳу, каимаканом, и что он, ага, велѣл у него взять и привесть к себѣ толмачей дву человѣк московского да гетманского, а для чего, того де он не вѣдает.

И Василеи тому татарину говорил, что такова Залыма Мустаѳы аги, что он каимаканом не вѣдает і впервые от него об нем слышит, а вѣдает он, Василеи, каимакана Магмет агу, к кому он, Василеи, по ханскому указу от Перекопи прислан, и толмача он от себя ему не даст, потому что о чем ему, агѣ, буде надобно говорить, и он бы, ага, говорил о том ему, Василю, самому, а толмачу к нему, агѣ, без него, Василя, итить не для чего и говорить с ним нечего. И буде он впрям каимаканом, он бы ему, Василю, для тѣх ему потребных дѣл велѣл у себя быть самому, или прислал для того к нему, Василю, знатную какую особу, и о чем учнут говорить, и, о том выслушав, учинит отповедь он, Василеи, сам, а толмачу без повелѣния ево дѣлать нѣчего. Да и то он, Василеи, ему, татарину, говорит, пришол он, татарин, от Мустаѳы аги, а впрям ли он каимаканом, или нѣт, о том явного знака у себя он, мусурман, не імѣет. И таким способом волно у них и кождому мурзѣ или какову татарину к нему, Василю, для своих бездѣлных прихотей самоволно без хана присылать и людеи у него имать, и то дѣло не пригожее, а у гетманского человѣка нѣт никакова толмача.

И тот татарин ему, Василю, говорил, чтоб он, Василеи, на него, агу, в том не гнѣвался и не ослушался, потому что де он, ага, подлинно каимаканом называется Залым для того, что он и хана мало боитца, а тепере де шихи и муѳти, и кадыскеры, и мурзы, и аги всѣ у него в Одѣ ево съѣхались.

И Василеи ему во всем отказал и отпустил ево от себя, говоря ему тож, что писано выше сего.

А к каимакану к Агмет агѣ Василеи того ж часу за ним татарином в назирку посылал, дая знать о приходе того татарина, і как он, каимакан, прикажет ему, Василю, с ним, Залымом, в том поступить.

И каимакан к Василю приказывал, чтоб он к тому Мустаѳѣ агѣ сам не ѣздил и никово не посылал для того, что де ему, Мустаѳѣ, до него, Василя, и до тѣх, которые с ним, нѣ татарин никакова дѣла, потому он не каимаканом, а приемлет тот чин себѣ самоволно.

И от Залыма Мустаѳы аги к Василю болши того не приходил того дни нихто ни для чего.

А после того Василеи провѣдал, присылал он, Залым Мустаѳа ага, к нему по толмачеи для того, что плут и ізмѣнник Петрушка того прежде помянутого полтавскаго купца Захара прислал к нему, Мустаѳѣ, чтоб он ево роспросил и о всем розыскал подлинно, для чего он посланнические писма себѣ принимает и с ними хотѣл на Рус уѣхать, и тот де купец Захар ему, агѣ, в роспросѣ сказал, что де прислал к нему московскои посланник писмо с толмачом своим, и он де у него того писма принять не хотѣл, и ему де Захару тот толмач грозил так: будет де было он, Захар, тѣх писем не примет и до гетмана Івана Степановича не довезет, а они, посланныи и гетманскои человѣк, даст Бог прибудут ис Крыму на Украину, и ему де для того принять себѣ от них в великую напасть, потому что он, Захар, человѣк их московской стороны, а не татарскои, и он де, Захар, тѣ писма для того у него, толмача, принял, и он де, Залым Мустоѳа ага, хотѣл спрашивать у толмача о тѣх писмах, хто и когда ему, Захару, дал и о чем в них писано, потому что де один лист, что писан к гетману Ивану Степановичу, прочтен, а другово писма нихто никаких земел люди прочести не знают.

А гетманскои канцелярист писал в листу своем к нему, гетману Івану Степановичу, обявляя, о первом своем листѣ, что писан июня в 19 числе с Вороною и о измѣннике Петрушкѣ с товарищи, и для чего задержаны, и об нужном за сторожею житиі, и о скудости корму, и о поведеніи пременения ханского, и о изгнаніи калги из Акмечети, и ханских жен из Бакчисарая, и о донских казаках, и о полскои сторонѣ, применяяс к Васильеве, к великим государем отписке, в надежду щастия, естьли тѣ писма доидут в целости, а буде достанутся в руки бусурманом, и їм бы тѣ дѣла были не в противность, а о таинствѣ и о в предбудущем намѣреніи бусурманском ничего в том листу не писано.

Гаджи Селим Гирѣи хан пришол в Крым в Перекоп декабря в 2 день, а в Бакчисараи в 5 день.

Встрѣчи ему великой не было того ради, что он сам не похотѣл и чтоб ему к юрту явитца, якобы первое показуя доброхотство, что он приѣздом своим не учинил никому никакие нужды, а от Перекопи ѣхал в ночь о шти возниках наскоро, а встрѣчали ево, хана, толко тѣ, которые о приходе ево вѣдали, Сулешевых, Собланских и иных нарочитых родов мурзы і аги, и капыкулы, и въѣхали с ним в Бакчисараи человѣк семдесят, кромѣ сеименеи, до семеней было 6 билюков, а в билюке бывает у них по 50 человѣк и больши и меньши.

Пушечнои и пищальнои стрелбы в то время не было для того, что хан был в печали о сыне своем, которои был лѣт татарин в дватцать и умре в дороге в Белогородчине, а калга салтан с ним приѣхал сын ево ханскои Девлет Гирѣи, которой у него был и прежде сего, а нурадыном учинен в Крыму племянник ево ханскои роднои Шан Гирѣи салтан, Мамет Гирѣев сын, которои жил в Крыму.

А великіе крымские бѣи и карачбѣи съѣхались в Бакчисараи к хану декабря к 8 числу, а в 9 день декабря в пяток была у них юртовая рада, в которой учинены пристоинные к ханскому двору чины: везирь Казнадар баши, Диван эфенди, Теѳтедаръ ага, Ахтачи бей, капычи баша, капычи кегая, Келорчи баша, Кучюк-казнодар, Казна-Кегатын, Устныдер баша, Сарач баша, и визирем, то есть ближним человѣком учинени Шахбулат ага.

С ханом же приѣхал турского салтана чауш, чтоб ево, хана, крымскому юрту, что он с повеленія салтанского учинен и прислан к ним на с Крымскою и Белогородскую ордами на будущую весну вывесть против цесарских войск в Венгерскую землю.

І Василеи Аитемирев начал промышлять чрез жидовскаго капычѣя, чтоб с ним, ближним человѣком, видѣтись, а потом посылал и толмача Полуехта Кучюмова с тѣм же капычеем с четырежды.

И он, Шахбулат, видѣть себя толмачу не дал и чрез кегаю своего ему, толмачу, сказал, что не доложа ханову величеству, без ево ханского указу не токмо что де царского величества с присланным, но и с ним, толмачом, он видѣдис не будет.

Декабря в 11 день калга салтан Девлет Гирѣи поѣхал из Бакчисараи, а Акмечет в жилище свое, гдѣ они, калги, всегда пребывают.

Того же числа плут и ізмѣнник Петрушка был на дворе ближняго человѣка Шахбулата аги и нурадына салтана і говорил, чтоб хан указал послать воиска свои на Рус, не мѣшкая, покамѣста не увеличилис в степях снѣги, а ему, плуту, дать сеименеи и татар тысечу человѣк и болши, которые б были с пищалми, да двѣ пушки, и он, измѣнник, с ними поидет наперед для приготовления и подему запорожцов в Сѣчу и там, подняв их с собою всѣх и, дождався крымских воиск, поидут вопще на украиные царского величества городы, а Барабаши, де будут конечно с ними ж.

И нурадын тѣ ево измѣнничиі предложения выслушав, сказал, что он, плут, говорит ему, нурадыну, о посылкѣ войск на Русь добро, и постановили на том, что ити с воиски на Рус ему, нурадыну, и вытить всѣм вмѣстѣ как татарам, так и ему, плуту, в поле конечно от сего декабря 11 числа впредь на двадцать дней, как настанет новои небесной генварь мѣсяц.

А декабря в 13-м и в 14-м и в 15-м числѣх кликали по базару делялы, чтоб у всѣх татар, которым быть в тои воинѣ, кони и запас было готово в десять днеи.

Декабря в 13 день Василеи Аитемирев посылал толмача Полуехта Кучумова к ближнему человѣку Шахбулату агѣ, как бы к нему доступить будто с поздравлением приѣзду ханского, и что он учинился ближним человѣком и послал к нему подарком пару соболей добрую, и чтоб он, толмач, у него, ближняго человѣка, спросил о присылкѣ от великих государей в Крым ево, Василя, с их царскою любительною грамотою, и что он, Василеи, со всѣми при нем будучими людьми задержан и пребывает в жидовском городке многое время, ханову величеству извѣстно ли.

И он, Шахбулат ага, благодарствовал за тоѣ присылку и за подарок, говорил, что де ханову величеству об нем, Василе, когда он в Крым прислан и гдѣ ныне пребывает, вѣдомо, а потом спрашивал, чтоб он ему объявил, есть ли с ним, толмачем, от него, Василя, к нему, агѣ, иной какой приказ и о чем, и толмач говорил, что кромѣ того, что он ему, агѣ, объявил, ничего от него, Василя, приказу не имѣет.

И ага де ему, толмачу, говорил, чтоб он, толмач, Василю сказал, буде какое ему, Василю, есть до него ближняго человѣка слово, и он бы о том с ним, толмачем, приказал и прислал бы ево утре декабря в 14 день рано.

І Василеи по тому ево, ближняго человѣка, приказу в тое назначенное время посылал к нему, Шахбулат агѣ, чтоб он, ага, позволил ему, Василю, видѣтис с собою, а для чего, о том самому будет вѣдомо подлинно от него, Василя.

И ближнеи человѣк приказывал с толмачем, чтоб он, Василеи, приѣхал к нему утре рано декабря в 15 день.

Декабря в 15 день Василеи Атемирев, взяв с собою гетманского человѣка к нему, Шахбулат агѣ, с жидовскаго городка в Бакчисараи ѣздил на наемных лошадах.

А как к нему в оду вошли, тогда при нем сидѣли крымских также и белогородских приѣзжих с ханом мурз и аг 12 особ, и по привѣтствовані ближнеи человѣк просил, чтоб ему, Василю, сѣсть.

Потом, мало посидѣв, ближнеи человѣк, оставя всѣх, звал Василя в другую оду и говорил, ханову де величеству об нем, Василие, что он от царскаго величества прислан к прежде бывшему Сѳвит Гирѣю, хану извѣстно, и чтоб Господь Бог даровал междо Московским государством и крымским юртом мир и тишину, того они всѣ крѣпко желают. По том он, ближнеи человѣк, у Василя спрашивал, что он, Василеи, приказывал вчера с толмачем, чтоб с ним видѣтис и он бы о том желані своем ему обявил.

И Василеи говорил:

К великим государем царем и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцам, к их царскому величеству писал крымской Саадет Гиреи хан в листу своем, что он с великими и меншими карачѣями и с породными людми учинил думу и приговорили: с великими государи нашими, с их царским величеством, быть в миру и в дружбе, и в покое, и великие государи наши, их царское величество, ис того ево ханского листа ево ханское і всего крымского юрта желание выслушав, по тому ж на склонность мира соизволили, и для того свою царского величества любителную к нему, Саадет Гирею хану, грамоту с ним, Василием, прислать изволили, и намѣрение свое, на чем бысть миру, чрез свою царского величества любителную с ним, Василием, присланную грамоту и стати обявить повѣлели, но изволением Божім так сталося, что он, Саадет Гирѣи, с Крымского ханства переменен, и тоѣ великих государеи грамоту по указу их царского величества вручил он в Бакчисарае Сѳвит Гирѣеву, ханову величеству, и посолство пред ним правил, которую грамоту приняв и наказанные ему слова Сѳвит Гирѣи хан сам и чрез ближняго своего человѣка Алиша агу, выслушав, принял тое присылку с великою любовию и назначил было к великим государем, к их царскому величеству, от себя для договору о миру посла своего из роду Сулешевых Мубарекшу мурзу и для отпуску припроважен он, Василеи, был и Мубарекша мурза [во время его ханского выходу на воину в Венгерскую землю] в Перекопе; и в то время древнеи человѣконенавистник диавол, которой никогда не хощет человѣку добра и собою чего не мог учинить, прислал от себя слугу своего плодного (?) бѣ салтан из Сѣчи Запорожской Петрушку, Московскому государству ізмѣнника, чтоб меж Московским государством и крымским юртом учинить в доброначальных дѣлах помѣшку, которой вор и ізмѣнник со единомысленники ево, с такими ж плутами, им, Сѳвит Гирѣем ханом, в Крым принят, и дано ему почтение, то есть назван гетманом, а песним ево словом в Крыму и доныне приступ и выслушание имѣется, а настоящие добрые и обоим сторонам потребные мирные дела оставлены ни во что, а Мубарекши мурзѣ посолство к Москвѣ и ему, посланнику Василю, отпуск пресѣклся, и от Перекопи возвращен он, Василеи, и посажен за сторожею якобы неволник в жидовском городкѣ, гдѣ пребывают и по се время, ис проѣлись, и ізнужали всѣ до конца, потому что корм ему с будущими с ним людьми дают самои малои, и тот не по вся дни; однако ж то мимошедшее, как то ни сталос, полагает он, Василеи, все на волю Божію и, благодарствуя Бога, что желаемое ими, то есть Гаджи Селим Гирѣево ханово величество в Крым пришел и паки желает, чтоб всемощныи Господь Бог даровал ему быти на ханствѣ в Крыму здраво многая

лѣта, а с великими государи нашими, с их царским величеством, чрез ево ближняго человѣка доношеніе имѣть дружбу и любовь постоянную; и ныне буде ево ханову величеству о тои присылке, для чего он от царскаго величества в Крым прислан, ізвѣстно, и есть ли что было в словах и он бы ближнеи человѣк любовию своею о том ему, Василю, обявил. А буде об нем, Василіѣ, ево ханову величеству неизвѣстно, и он бы доложил, и какое ево ханское о том намѣрение будет, о том по тому ж бы немедленно ему, Василью, обявил, потому что всякое начатое дѣло требует себѣ конца.

И ближнеи человѣк говорил о посылке де, что назначен был к Москвѣ Мубарекша мурза Сулешев с ним, Василем, он, Шахбулат ага, вѣдает; толко де в то время был хан Сават Гирѣи и дѣлал, как ему было надобно, а ныне де у них хан Гаджи Селим Гирѣи и, как изволит, так чинить и будет, однако ж бы он, Василеи, напечалился потому, что ево, Василево, в Крыму задержание учинилос по воли Божиі, и бывает того вездѣ много, что посылным людем случаетца терпѣти всякие нужды, а о чем он, Василеи, ему, агѣ, говорил, о том о всем донесет он его ханову величеству, и какои ево ханова величества об нем указ будет, о том он, ага, ему, Василю, обявит, призвав ево к себѣ или какую нарочитую особу с тѣм обявлением к нему пришлет, а у ханова де величества, хотя что и было об нем, Василе, в словах, токмо он, Шахбулат ага, о том без повеления его ханского ни о чем ему не обявит, и болши того он, ага, ничего не говорил.

И отпущен Василеи по прежнему в жидовскои городок.

Декабря в 19 день посылал Василеи толмача Полуехта к ближнему человѣку Шахбулату агѣ говорить о корму, которого было по старому каимаканову приказу при нынешнем хане давать не почали, также и спросить о предложениі ево, Васильеве, о чем ему, агѣ, он говорил, будучи у него на разговоре декабря 15 дня, ханову величеству он доносил ли. И буде доносил и ханова величества указ какои против того есть ли, и буде есть, и он бы, ближнеи человѣк, позволил ему, Василю, для выслушания тѣх дѣл с собою видѣтись.

И ближнеи человѣк ему, толмачу, говорил, что де о корму к надлежащим дателем он, ага, ханскои указ пошлет, чтоб давали по прежнему, а о чем он, Василеи, видевся с ним, агою, говорил, о том он ханову величеству докладывал и чтоб он, Василеи, о житиі своем в Крыму не печалился, а уповал на Бога, и чает де он, ага, что ханово величество отпустит ево от себя вскоре, толко он, ага, ево ханских слов тепере не обявит, а чтоб он, толмач, пришол к нему, агѣ, утре декабря в 20 день.

І в 20 день Василеи к нему, ближнему человѣку, толмача посылал же.

И ближнеи человѣк ему, толмачю, себя видѣть не дал, а приказывал чрез кегаю своего, что видетис ему, агѣ, с ним, толмачом, нынѣ не для чего, потому что зашли у них ханские и юртовские и іные дела, а как тѣ у них дела совершатца, і он, ага, в то время к нему, Василю, пришлет і сам, чтоб с ним видетис.

И того ж дни в Бакчисарае на базаре виделся с ним, толмачом Полуехтом, Кемал мурза Сулешев і спрашивал, гдѣ он, Полуехт, был, и он де, Полуехт, ему сказывал, что он посылан от Василя к ханскому ближнему человѣку Шахбулату агѣ для нѣкоторых потребных дѣл, и он де, ближнеи человѣк, ему и видѣть себя не дал. И Кемал мурза ему, толмачу, пенял, для чего де он царского величества присланнои к ближнему человѣку посылает о делах говорить мимо их, Сулешевых, потому что вѣдает он, Полуехт, издавна, что междо Московским

государством и крымским юртом дѣиствующияся дела належат всѣ на их роде на Сулешевых, і бутто уже ныне они, Сулешевы, і не Московскому государству надобны, а мочно б де ему, Василью, когда розмѣнного бѣя ныне нѣт, видѣтис і с ним, Кемалом, или о чем к нему приказать, і он бы, Кемал, о том о всем переговорил з ближним человѣком, а об ином могл бы донестьи сам ханову величеству, и он де, Полуехт, отговаривался ему разными способами и конечное слово сказал, что де куды он, толмач царскаго величества, от гонца послан, там и был.

Кемал же мурза приказывал и з жидом купчиною своим, что он для повидания с ним, Василем, будет в жидовской городок, і Василеи с тѣм же жидом приказывал, что он, Василеи, видитис с ним, Кемалом, желает в каково ни есть время.

И Кемал мурза чрез того ж жида приказывал к Василю, что де он, Кемал, говорил о том з ближним человѣком, и ближнеи де человѣк ему, Кемалу, говорил, чтоб он, Кемал, для повидание к Василю не ѣздил, потому что на предложения ево, Васильевы, о чем он ему, ближнему человѣку, говорил, отвѣту не учинено, а когда будет время, і тогда де ево Василя он, ближнеи чоловѣк, позовет к себѣ іли ему, Кемалу, позволит с ним, Василем, видѣтис и прикажет о всем учинить отповед чрез него, Кемала.

І Василеи ближнему человѣку, чтоб позволил ему, Василю, он с собою видетис, приказывал з жидовским капычеем по многие дни, а толмача Полуехта посылал декабря в 27 і в 28 да генваря в 1-м і в 4-м числех.

И того генваря 4 дня ближнеи человѣк чрез кегаю своего толмачу Полуехту отказал, что де ему, Шахбулату, не токмо с Василем, но і с ним, толмачом, до времени видетис нѣ для чего, а в тѣ дни было у них воинское собрание по подговору плута и ізмѣнника Петрушки с товарыщи, на украинные царского величества городы, и пошли нурадын салтан іс Керчи, не занимая Перекопи, чрез тонкие воды генваря в 7 день.

А плут і ізмѣнник Петрушка из Бакчисарая к Перекопи генваря в 10 день и сошлись с нурадыном в степи на Черной долине. А с нурадыном же пошли из Бакчисарая два салтана, сын ханскои, да племянник.

А воиска крымского нагаицов и ямансадаков, и черкес горских было тысеч з двѣнадцать и болши.

А с измѣнником Петрушкою товарыщеи ево казаков восм десят человѣк.

А Белогороцкои орды в том же числѣ было толко с полътораста человѣк тѣх, которые с ханом в провожатых приѣхали, а цѣлои Белогородскои орды с ними не было, хотя хан с повелением своим о том походе к ним и посылал, однако ж они ему в том отказали, потому что де у них на весну или и ранѣе своя воина с поляки спѣет і надобно им беречи своего юрта, а не людем помогать.

Генваря в 13 день был у Василя мимоѣздом із Яшлова, на отар свои ѣдучи, розмѣннаго бѣя сын прежде помянутои Темирша мурза, и говорил Василю с пенею о посылке к ближнему человѣку толмача мимо ево, мурзы, тѣ ж слова, о чем говорил толмачу дядя ево, Кемал мурза Сулешев.

І Василеи ему, Темиршѣ, говорил, что он, Темирша мурза, и дядя ево, Кемал мурза, негодуют на него, Василя, напрасно, и не по дѣлу для того: когда по указу великих государеи, их царского величества, прислан он, Василеи, в Крым к ханову величеству, і тогда он, мурза, по указу Саѳат Гирѣя хана и собою приѣзжал к нему, будучи Бакчисарае і в Яшлове по часту, і о чем надобно говаривал, а как

хан, выходя на венгерскую воину, указал ево, Василья, задержать, і он, Темирша, отпроводя і посадя его в жидовскои городок, толки был у него, Василья, дважды, а болши того никогда не бывал и ни с кем ни о чем ему не приказывал, а і будучи у него, Василія, ни о каких дѣлех, о чем надобно не говаривал, а о чем он, Василей, ему, мурзѣ, и говаривал, и он, мурза, о том и слышать не хотѣл, и никакова добра во всѣ жития своего в Крыму дни он, Василеи, от него, Темирши, не видал, а ему, Темиршѣ, когда уже называетца он к тому дѣлу належащим, надобно было приѣзжать к нему или об нем, Василе, вѣдать непрестанно, и какие ево слова о дѣлех іли какие нужды вѣдать и доносить в небытиі ханском каимакану или и самому исправлять, а и ханово величество пришол в Крым тому уже ныне мѣсяца с полтора, а ево, Темиршу, видит он, Василеи, еще впервые, а естьли б ему, Василю, была поволность и он бы о каких дѣлех надобно посылал к нему в Яшлов толмача или ково из людеи своих, а то он, Василеи, посажен со всѣми при нем будучими людми в жидовском городкѣ и пребывает толикое время якобы вмѣсто неволника, и ім о том надобно імѣть разсуждение и негодовать на себя, а не на ево, Василья.

И Темирша говорил: когда б де он, Василеи, прислан был в Крым з добрыми дѣламі и он бы де в жидовском городкѣ не был, а тепере де с вами будет мир саблею или дракою, потому что де Барабаши уже ныне с нами в дружбе и против Москвы в соединениі.

І Василеи говорил, что он, Темирша, говорит о том непристоино, потому что прислан он, Василеи, от царскаго величества верым з добрыми делами, а не с худыми, развѣ он, мурза, о чем говорит, о том не вѣдает, а военное дѣло в руцѣ всесилнаго Бога, і помогает Бог в правде, а неправду не токмо прекращает, но і от основания искореняет, а что он говорит о Барабашах, что они с ними, татары, подружилися і уж в соединениі против Московскаго государства, и то дѣло не статочное, потому что малоросиіскои народ не особая какая земля, но под высокодержавною рукою великих государеи наших обретаются, і подданои их царского величества гетман Іван Степанович Мазепа со всѣм регименту своего козацким воиском и малоросиіским народом пребывают в их монаршескои превеликои милости і призрѣниі и ото всѣх неприятелских стран во охранениі и служат их царскому величеству во всякои вѣрности; а с Крымом в соединеніи вовѣки не будут, да и быть с ними в дружбѣ им не для чего, потому что когда неперед сего во время ізмѣны Брюховецкого і Дорошенка гетманов в дружбе с татарами они и бывали, і в тѣ времяна от них, татар, никакова себѣ добра не видали, кромѣ того, что у них же, казаков, они, татаровя, ѣли и пили, да их же детми и Крым полоном наполнили, а ныне, хотя вора и измѣнника Петрушки они в Крыму и послушали, и воиска свои на Рус і послали, однако по их намерѣнию, чего они желают и чѣм им тот плут лстил и обнадеживал, так не станется, и лутче было им слушать и вѣрить правдивому дѣлу, для чего к ним от царского величества с их царскою грамотою он, Василеи, прислан, а не тому вору и измѣннику, которои ушол к ним от виселицы, и чает он, Василеи, что великіе государи наши, их царское величество, таковых их крымских дерзостеи, что за пересылками воиска свои на Рус посылают непрестанно, уж им терпѣть болши того не соизволят, а надѣяс на милосердие всесилнаго Бога, повелят весною послать на Крым и свои царскаго величества безчисленныя воинъства, и уж ныне к Крыму росиіские воиска дорогу и без вожеи знают, и крѣпость і военную силу крымскую знают

же вдиво Крым бывал в то время, когда до Перекопи росиiских воиск конская нога не доступала, а ныне уж как Всемогущiі Бог изволит, так и будет.

І Темирша мурза говорил, что Крым Москвы мало боится, а хотя де московские воиска к ним будут, ничего не учинят, потому что і прошлым приходом быв под Перекопою, что Крыму здѣлали, кромѣ того, что от безводия сами отошли с великою нуждою, и пушек, и ясырю нѣсколько у них оставили, и ныне де в том воля Божия и кому Бог велит, тот и одолѣет.

Генваря 22 де Василеи Антемирев приказывал з жидовским капычѣем к ближнему человѣку, чтоб он поволил ему, Василю, с собою видѣтис для самого нужного дѣла.

И ближнеи человѣк приказал к себѣ в Бакчисараи Василю быть утре генваря в 23 де.

І Василеи того дни, взяв с собою гетманского канцеляриста, у ближняго человѣка был.

И ближнеи человѣк Василю говорил: желал де он, Василеи, с ним, агою, видетись помногие дни, толко де тому ево желанию за нѣкоторыми іх юртовыми трудностями времени не было, а ныне у него, Василя, какие есть дела іли слова, и он бы ему, агѣ, обявил.

І Василеи говорил: желал и просил он, Василеи, с ним, ближним человѣком, видѣтис для того, когда декабря 15 дня был он, Василеи, у него, ближняго человѣка, на розговоре и о чем предлагал, и он, приняв тѣ слова, хотѣл довести ханову величеству, и какои на то ево доношение ханскои указ будет, о том обещал он учинить ему, Василью, скорую отповед дни в три илі в четыре, сам видетис или приказать к нему чрез какую знатную особу, и тому продолжение учинилос уж ныне блиско полутора мѣсяца, что отповеди никакие он себѣ не имѣет, і он бы, ближнеи человѣк, ему, Василю, объявил: ханову величеству он о тѣх ево предложениях доносил ли. И буде доносил, какое ево, ханское, изволение, тое от великих государеи наших, от их царского величества, присылку ханово величество приемлет ли і в миру і в дружбе с ними, великими государи, быти желает ли, и того своего желания о намѣрении, что ему, Василю, обявить поволил ли.

И ближней человѣк говорил, о чем де он, царского величества присланнои, будучи у него прежде сего, ему говорил, о том о всем он, ага, ханову величеству докладывал, и ханово де величество, выслушав то ево доношение, говорил, что де он, іх царского величества присланнои, говорит о всем о потребных междо государствы дѣлех і не надобных у него дѣл нѣт, толко де от царского величества прислан он в Крым не к ево Гаджи Селим Гирѣеву ханову величеству, еще прежде ево были Саадет Гирѣи, потом Сафат Гирѣи ханы, и то ево посолство принимано и задержание ему учинено прежде его при Сафат Гирѣе хане, а ныне де ево ханово величество пришед в Крым еще не осмотрился, и думы о том не было, да и подумать о том ему ныне нѣ с кем для того, что бѣем и карачѣем за нынѣшним зимним временем і великими снѣгами съѣхатис к нему, хану, в Бакчисараи немочно, и чтоб де он, царскаго величества присланнои, о том, что он в Крыму позамѣшкался, не печалился, і уж болшое ждав, и малое б время подождал, потому что де приходит скоро і вешнее время, а ево де ханово величество также і всѣм крымским юртом того, чтоб междо государствы был мир и тишина, крѣпко желают, и чает он, ближнеи человѣк, что ево ханово величество, подумав з ближними людми, изволит отпустить вскоре и з добрым делом, а хотя де прилучитца

ему, Василью, или и нынѣ есть какая и нужда, и он бы в том претерпѣл, а на них не подивил, потому что посылным людем много бывает таких случаев.

I Василеи говорил, уговаривает он, ага, ево, Василя, многажды, чтоб не печалитца, и он ему, агѣ, говорил, что печал ево яко прах земныи і никому не надобна, толко он имѣет презелное попечение о том, чтобы исправити о наказанных ему междо государствы добрых дѣлех, для чего он от царского величества прислан, а не о нужде в Крыму жития своего, а хотя молвит і о житиі своем, і он бы, ага, разсудил і оказуя к нему, Василю, свою любов, сиі ево, Василевы, слова и нужду донес ханову величеству. Прислан он, Василеи, от царскаго величества в Крым для добрых дѣл і наскоро, и такова на толикое долгое время задержания себѣ не надѣялся, а корм ему дают малои и пред прежним с убавкою, а питья не токмо чего, но і воду с великою нуждою. И от того он, Василеи, и будучие при нем государские люди испроѣлись і избытчились до конца, а челяд и обносилися до нага, а крымскои их гонец Карамагмет ага на Москвѣ не токмо что имѣет себѣ в кормѣх і в пите доволство и в житиі поволность, но еще по милости великих государеи наших, их царского величества, и богатѣет, потому что они, великие государи, когда увидѣлі ис Крыму присылку о добрых дѣлех, тогда своего христианского милосердия ради желая междо государствы в людех покоя и тишины, и сами соизволили на склонность мира, и тот крымскои гонец по их царского величества указу принят так милостиво, что ему і в дорогу ѣдущму к Москве послано их государскаго жалованья для всяких ево нужд пятдесят золотых червонных, а он, Василеи, здѣ за сторожею живучи, против того не токмо какова себѣ доволства, но і ничего доброво во всѣ жития своего дни не видит, и ему, ближнему человѣку, как в тѣх дѣлех приналежащему, надобно быть междо государствы о смиреніи и покоѣ радѣтелну и оттого получить себѣ вѣчную от юрта похвалу и пожиток.

А что он, ближнеи человѣк, говорит, что ханово величество пришед в Крым еще не осмотрился и подумать ему о дѣлех нѣ с кем, и ево ханову величеству крымские юртовые дѣла вѣдат не вновѣ и не в диво, потому что ханом учинился он в Крыму не впервые, но уже і в третие, и бѣи, и карачѣи в сѣзде во время его ханскаго в Крым пришествия были и чаять и ныне есть, потому что ханово величество то учинил не без их совѣту, что, оставя добрые и мирные дѣла и послушав вора, послали на Рус воиска свои, чего за пересылками дѣлать не годитца, а пресветлѣишие монархи, великие государы наши, сохраняя у себе сияющую паче солнца правду, соизволили приступить к миру постоянно и своих царскаго величества воиск за тою о миру пересылкою на Крым і под городки на Днепрѣ стоящие по се время посылать не изволили.

И ближнеи человѣк против того ничего не говорил, толко спрашивал, какие еще у него слова о дѣлех, а о Магмет агѣ только и молвил, что де посланником их крымским на Москве так и ведетца.

Потом Василеи ему, ближнему человѣку, говорил с прошением, чтоб ему дан был пристав, да о яшловских мурзах, что они на него, Василя, негодуют в посылке толмача о государских дѣлех к нему, ближнему человѣку, мимо іх, Сулешевых, и чтоб от них не было в государских дѣлех какие помѣшки, потому что по указу великих государеи о их царского величества дѣлех, о чем надобни, велено ему, Василю, о всем говорить ханова величества ближнему человѣку, ему, визирю, а иных, кромѣ ево, никого он, Василеи, не знает.

И ближнеи человѣк говорил по тому ж, чтоб пождать невеликое время, тогда де будет у него и пристав от тѣх же яшловских мурз, кто ни есть или кому ханово величество приставом у него, Василія, быть укажет, и чает он, что и розмѣнnои Аштемир бѣи, которои ходил для моления к Магметеву Гробу, будет из Станбула вскоре, а яшловские де мурзы помѣшки никакие в государственных дѣлех учинит не могут, и Московского государства дела розмѣнные и іные не так, что б их роду вовсе приказаны, ково де похотим, тово к тѣм делам и припустим, толко конечно б чтоб он, Василеи, подождал немного, а которые слова он ему, ближнему человѣку, говорил и чего от ханова величества он, Василеи, себѣ требует, о том о всем доложит ханову величеству и учинит ему Василю скорую отповед.

І Василеи о том докладе хану и скорои отповеді паки ево, Шахбулата, просил и отпущен в жидовскои городок по прежнему.

Февраля в 4 день в Бакчисараи приѣхал от турского салтана капычи кегая с повелением, чтоб хан и калга салтан, изготовяс с крымскимі воиски, вышли ему, салтану, в помощь против цесарских воиск в венгерскую землю вешним ранним временем в марте или в апрѣлѣ мѣсяце.

Да с тѣм же капычи кегаею к хану прислано ево салтанского жалованья, сургучь, то есть запана с камением драгоценным и с пером, что в челмах носят, халат золотнои холоднои, каѳтан соболеи под золотною материею, сабля.

На дачу воиску червонные золотые турские, которые ценою по 215 денег крымских, а московскими деньгами иметца по рублю по четырнатцати алтын, по 2 деньги золотои, левок по 22 алтына з денгою.

Да что было мултянскому воеводе Костянтину Брункувану належало послать от себя дани левковои к турскому салтану, и тои казны десят кисеи, а в кисеѣ по пятсот левков, с ево воевоцким посланцом Радолом именем по салтанскому указу прислано в Крым же с тѣм капычи кегаею.

И назавтреѣ того февраля 5 дня из Бакчисарая послано к калгѣ салтану и к великим бѣям, и карачѣем, чтоб всѣ съезжались к хану в думу в Бакчисараи.

И калга салтан, і ширинские, и мансуровы, і аргинские, і сыдживуцкие бѣи, и карачѣи, и с ними мурзы и аги съѣхались февраля к 14-му дню.

А нурадын салтан быв с воиском под малоросиіскими городами в Крым і в Бакчисараи пришол февраля в 10-м числѣ.

А сколько с собою полону тѣм походом они в Крым привезли, того подлинно невѣдомо. Толко сказывали, что нурадын отобрал того полону на себя с авги, то есть десятны с трех тысяч душ і того триста человѣк.

А февраля в 17 день віходил хан из сараев в диван, и была у хана с карачбѣями рада о головных юртовых дѣлех, в которои приговорили к турскому салтану послать наскоро Абдрамана агу, с таковым предложением, что по ево салтанскому указу крымские воиска у них к нему в помощ против цесарских воиск в готовности, и ранним временем весною ис Крыму с немалою Крымскои и Бѣлгородскою орды частию выидет к венгерскои земли калга или нурадын салтаны и мурзы, а самому ему, хану, в тую далекую сторону за старостию своею и болѣзнію итить невозможно, а наіпаче для того, что опасаются крѣпко московских воиск весною в Крым наступления, о чем русские языки, безбашами взятые, им в Крыму сказывают.

А есть ли ж салтан турскои остатися в Крыму ему, хану, не поволит, и он, хан, и сам выступит и будет стоять в Белогородчине, и буде московские воиска на Крым не будут, тогда он, хан, поидет и дале, куды ему салтан повелит, а буде московские воиска на Крым наступят, и ему, хану, надобно остерегат крымского юрта, а для подлинной вѣдомости приговорили с тѣм Абдраманом агою к салтану послать, і языка московскои породы нововзятово, которои сказал, что подлинно на Крым изволить весною быть сам великиі государь царь і великиі князь Петр Алексѣевич, всея Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержец, с превеликими своими царского величества московскими и малоросиіскими воинствы, і уже в украиные городы воиска идут многие и запасов съѣсных и конских кормов про его государскои обиход множество в городех наготовлено. А на Самар де в Новобогородицкои город сею зимою прислано для того походу триста пушек, и чтоб ему, Абдраману, в тои посылке к салтану обратитис в Крым в трицат днеи, а о турчанях капычи кегае і о чаушѣ с ханом приѣдучим приговорили они, что им побыть в Крыму до приѣзду с салтанским указом его, Абдрамана аги.

Февраля в 19 день к ближнему человѣку посылал Василеи толмача Полуехта Кучюмова спросить отповеди, и чтоб он, ближнеи человѣк, поволил ему, Василю, с собою видетис, а естли б де он, ага, учал отговаривать, что видетис ему за чем ни есть немочно, и он бы, Полуехт, выговорил ему, агѣ, и о прежних разговорех, что он доложа хана хотѣл о тѣх делех учинить скорую отповед, однако ж и по се время нѣт от него никакова слова.

И толмач Полуехт, пришед от него, Василю сказал, что де ближнеи человѣк, приѣхав от хана к себѣ, говорил с ним, толмачом, пред прежним приятнѣе, чтоб де царскаго величества присланнои немного время пообождал, потому что бѣи и карачѣи у них ныне всѣ съѣхалис и о тѣх дѣлех, которые междо государствы ныне настоят и думают, а как переговорят и на чем поставят, тогда он, ага, и сам пришлет, чтоб с ним видѣтис, а на прежние разговоры отвѣту ему, Василью, не учинено для того, что бѣев и карачѣев при хане в съѣзде также о том и думы не было.

Да с ним де же, Полуехтом, в Бакчисарае на базаре видѣлся донских казаков, отпадших в церковной раскол, станичнои атаман Сенка Саратовец, и сказывал, что приѣхало их в Крым в генварѣ мѣсяце восм человѣк з жалобою крымского владѣнья на кумыков, что они нынешнею осенью пришед воинским собранием на жилища их, гдѣ они ныне обрѣтаются, били і жен их и детеи в полон взяли з двѣсти с пятдесят душ, и чтоб им то взятое да что де было добылис, они прошлого лѣта на море розбив двѣ полубусы персицкие, и тоѣ де добычь у них они, кумыки, всю отбили же, все им было возвращено, да им же б указать мѣсто по Кумѣ реке, гдѣ б поселитца особым мѣстом, а между кумыками и черкесами нынѣ болши того жить они, козаки, не хотят, и по тому де их прошению вчера февраля в 18 день в думе у хана и приговорили послать в кумыки Абдулая агу, и о том о всем против жалобы их розыскать, і взятои полон і пожитки у кумыков отобрать, и ім, росколником, отдать и также, осмотря, гдѣ пристоино ім поселитца, мѣсто указать, да им де, казаком, по их прошению обѣщанно дать из Крыму двѣ пушки с припасы, и он де, Полуехт, говорил ему, атаману, для чего де вы милость государскую к себѣ забыли и остава христианство, каково себѣ добра у бусурманов ищете, и атаман де ему говорил, а как де ім на Дону жить, что старую вѣру

ныне выводят, а держат новую, і крестное сложение не так, как прежде сего бывало, для тои де новои вѣри з Дону у них к Москвѣ забрали людеи добрых и заслуженных Кирѣя Матвѣева с товарыщи и показнили невѣдомо за что, и ім де на Дону для того жить немочно, а все де то учинилос и они з Дону пошли от атамана от Ивана Семенова де от Ѳомы Голодного и, есть ли б де им их Івана и Фому к себѣ достать, знали б им что учинить, а потом де тот ж атаман говорил, а притом тут же стояли и товарищеи его три человѣка, увидим де мы и здѣшнюю татарскую правду, как они в сыску того у них взятого полону поступят, а естли де они, татаровя, им, казаком, доброго не учинят і они де знают дорогу и на Дон по прежнему, и чают де они, что великие государи пожалуют в прежнее пребываніе на Дону, принять их укажут; конского де жалованя идет им ныне в Бакчисарае поденного корму по две денги хлѣба, по оку, то есть по три ѳунта мяса, по оку шарапу на день на человѣка, да конем их сѣно и ячмень, а Петрушка де мурзенок, что тои их измѣне был заводчик, нынешнею осенью іздох.

Тот ж атаман хотѣл і с Василем Аитемиревым видетис и на сырнои недѣле февраля в 23 день в жидовскои городок с товарыщи своими с тремя человѣки і приѣзжал: но капычѣи жидовскои, которому приказано стеречь, к Василю их не допустил.

Февраля в 25 Василеи Аитемирев посылал к ближнему человѣку толмача Полуехта Кучюмова, чтоб ближнеи человѣк поволил с ним видетис о надобных дѣлех, по кое время карачбѣи из Бакчисарая не розъѣхалися.

И толмач от него, ближняго человѣка, пришед, Василью сказал, что де ближнеи человѣк ему говорил з гнѣвом, что де ему, посланному, скоро надобно, ведь де мы об нем не забыли, і когда будет до него дѣло, тогда он ево, Василья, і сам позовет, а хотя де беи и карачеи от хана ныне и разъѣдутца, а дѣло до них естьли будет потребное і они и паки по ханскому указу к нему съѣдутся, и чтоб де он, царского величества посланнои, не спешил, потому что де іх крымскои гонец Карамагмет на Москвѣ живет же і посланным де междо государствы людем смерти не бывает.

А в Станбул к турскому салтану вышеупомянутои Абдраман ага из Бакчисарая поѣхал марта в 2 день.

Марта в 3 день в Бакчисарае учинилас тревога по вѣдомости из Казыкерменя, что к Казыкерменю тою стороною Днѣпра идут московские і казацкие воиска тысячь с тридцать и болши, а осмотрѣл де тѣ воиска, ідучи, безбашем человѣках во сте, Сары Джанак, которои бывал наперед сего на Москвѣ посланником.

И того ж часу салтаны ханские, дѣти взяв с собою, кто при них служат и с семенями не со многими людми побѣжали к Перекопи.

А в Бакчисарае по базару кликали делялы, і во всѣ стороны Крыму розослано, чтоб всѣ мурзы и татаровя ѣхали для обороны Казыкерменскои, и не токмо военные, но і всѣ и кто имѣет конеи и руже, но и безконые б и безоружные всѣ бѣжали к Перекопи.

А сам хан пошол было туды ж к Перекопи марта в 4 день до свѣту і ѣхал толко десять часов [а в час у них считают по миле], гдѣ ему вѣдомость пришла, что руские воиска от Казыкерменя, пожегши, по дворки отступили назад і он, хан, возвратился в Бакчисараи.

А за тѣми воиски пошол в погоню Кантемир мурза Каябѣев сын аргынскои з двемя тысечеми татар.

І в 5 день марта вѣдомо учинилос, что и Кантемир мурза ис тои погони возвратился и пришол в Крым, а бою де никакова с тѣми воиски не было и языков у них ни у ково не взято, и сказывали, что приходил под Казыкермень Палеи, и учинилі толко, что подворки выжгли да скотинные і овечьи стада отогнали.

Марта в 12 день в Бакчисараи пригнал к хану от салтана от сына ево ханского из Акъкерменя с муштулуком чапкун и сказывал, что он, салтан, з Белгороцкою ордою ходил в Полшу воинюю і был близко Львова под Самбуром, і во время полского сеиму вросплох посылал загоны во многие тамошние околичные мѣста, і набрали полону мужеска полу и женска с сорок тысячь душ, а о крымском де посланнике Дербыше, которои послан в 200 году в апрѣлѣ вѣдомость, они, татаровя, взяли, что он, Дербыш, при королѣ на сеиме.

Марта в 25 день от хана посланы на заставу в перекопскои город да в Керч Билюк баши сеименские, чтоб татар (которые с ханом на можары итит не хотят, а бегут ис Крыму в Белгородчину і в черкесы) задержат и без проѣзжих листов отнюдь никово никуды не пропустит, а есть ли бы они, Билюк баши, того не постерегли и кого пропустили и им за то сказана смертная казнь.

Апрѣля в 8 день выше помянутои Абдраман ага, которои посылан в Стамбул к салтану турскому, в Крым приѣхал, да с ним же прислан от турскаго салтана чауш, чтоб хан и калга с воиски крымскими и белогороцкими конечно шли ему салтану в помощь в Венгерскую землю.

Да с тѣм же чаушом прислано к прежнему в прибавку на жалованье капыкулом и сеименям нѣсколко червонных золотых, но тѣх червонных в народ не обявлено.

И к 14 числу апрѣля по ханскому указу калга и нурадын салтаны и карачбѣи всѣ съѣхалис и дни по три был сеименем смотр і сказано ім, как они эмир (на том что им с ханом на можар итит) учинят им тогда і плату подемную давать учнут.

А сеименеи всѣх в Крыму:
у хана 24 билюка,
у калги 6 билюков,
у нурадына 4 билюка.
Всего 34 билюка.
А в каждом билюке:
а, человѣк билюк баша
в, ода баша,
г, баирактар,
д, чауш,
Да сеименеи по 46 человѣк.

И тѣм сеименем указал хан быть с собою дватцати билюком с калгою салтаном четырем билюком, а жалованья им дано: билюк башам и ода башам по 96 левков, а барактаром і чаушом, і сеименем по 40 левков человѣку.

Апрѣля в 18 день в Бакчисараи приѣхал к хану от калмыцкого Аюки таіши посланник ближнеи ево, Аюкин, сродник, а при нем калмыков 11 человѣк, и сказывали, что прислано к хану в дарѣх лошадеи з десять конеи и иноходцев добрых да на продажу от него, Аюки, ис кумык прислан в Крым конскои табун с тритцать тысечь конеи.

И чего в Крыму не испродадут і тѣх конеи погонят при хане в Белгородчину, а калмыков и кумыков будет с ханом и поидут на венгры с три тысечи человѣк военных.

Апрѣля в 20 день Василеи Аитемирев приказывал чрез жида к розмѣнному Аштемир бѣю, чтоб он, бѣи, позволил ему, Василью, с собою видетись, а он, бѣи, в то время был в Бакчисарае.

И Аштемир бѣи тому жиду говорил, что о том доложит ханова величества і поговерит с ближним человѣком, и что по тому будет, и он к нему, Василью, пришлет с тѣм от себя человѣка.

И того ж дни ввечору послан от него, бѣя, к нему, Василью, кегая Мустаөа, которои был наперед сего у него, Василья, с приѣзду ево в Крым приставом, и говорил, чтоб он, Василеи, для повидания с ним, розмѣнным бѣем, к нему, бѣю, в жилище ево в село Фот, которое обрѣтаетца на рекѣ Кабарде от жидовского городка в пятнадцати верстах ѣхал утре апрѣля в 21 день с ним, Мустаөою.

І Василеи, наняв конеи і взяв с собою гетманского канцеляриста, того апрѣля 21 числа у него, бѣя, в селѣ ево был.

И бѣи ему, Василю, по привѣтствовании говорил, приказывал: де он, царского величества посланнои, вчерашнего дня к нему, бѣю, чрез жида, чтоб ему, бею, с ним видетись, а он де, бѣи, как в Крым приѣхал и тому уже немалое время и об нем, Василье, что он сидит в жидовском городкѣ, слышал, а тоѣ от него присылку еще видит он впервые, а мочно б де ему, Василю, для того прислат и к нему, бею, і давно, потому что де ханово величество ныне с воиски на венгры ис Крыму на выходе и тѣм дѣлам, для чего он от царского величества прислан, когда уж дѣлатца потому, что о чем с ним, Васильем, к хану величеству писано, о том он, бѣи, не вѣдает, а московские де дела истари всѣ належат вѣдать их роду Сулешевым. И он бы, Василеи, ему, бѣю, обявил, для чего он в Крым прислан.

І Василеи ему сказал, чтоб он лишних татар приказал из оды выслать, а как высланы, і Василеи ему, бею, говорил:

В прошлом во 199-м году, к великим государем нашим царям и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцам, к их царскому величеству, писал бывшеи крымскои Саадет Гирѣи хан з гонцом своим с Магметом из Бѣлогородчины, что он с великими и меншими карачѣями и сыными, породными людми придумали с ними, великими государи нашими, быти в миру и дружбе по прежнему и чтоб для договору о миру присланы были в Крым послы.

А у них о миру та рѣчь пременна не будет, а на чем и на каковых статях тому миру быть, о том ево, ханова, и юртового намерения в том его листу не написано.

І великие государи наши, их царское величество, видя тоѣ о добрых делех ис Крыму присылку і желая между государствы тишины и христианом и бусурманом покоя, к миру с крымским юртом склонитис соизволили, и тот крымскои гонец Магмет по их царского величества указу на Москве принят милостиво и их государским жалованем, как на приѣзде належит, также і поденным кормом и питем удоволствован.

А к крымскому Саадет Гирѣю хану против того ево ханского листа указали они, великие государи, о намѣрениі своем государском отписать і с тою своею царского величества любителною грамотою и на чем быть миру с статями, прислать наскоро ево, Василя, чтоб то добро начатое дѣло конец свои восприняло в скором времени, і приѣхал он, Василеи, в Крым в сем мѣсяце апрѣле прошлого году, которому приѣзду ныне уж год минул, но Саадет Гирѣи послѣ посылки

к Москве того гонца своего в Крыму не был и с Крымского ханства переменен, і он, Василеи, приѣдучи в Крым, принят сперва в Яшлов к нему, розмѣнному бѣю, сыном ево, Темирешею мурзою, потому что ево, Аштемир бѣя, в Крыму не было, і тоѣ их царского величества грамоту вручил он Саѳат Гирѣю хану, и Саѳат Гирѣи хан тоѣ великих государеи грамоту принял любовно і, выслушав тоѣ грамоту и стати и подумал з ближними людми, приговорил было к их царскому величеству для договору о миру послать к Москвѣ посла своего із роду их Сулешевых Мубарекшу мурзу с ним, Васильем, вмѣсте, но та к Москвѣ того Мубарекши мурзы посылка и ево, Васильев, ис Крыму отпуск остановился, и меж государств добрым делам помѣшка учинилас приѣздом вора і измѣнника Петрушки, гетманчика, и по выходе ис Крыму Саѳат Гирея хана на венгры, возвращен он, Василеи, в Крым от краинего городка Перекопи і посажен в жидовском городкѣ, гдѣ и доныне пребывает, потом и Саѳат Гирѣи хан в Крым не возвращался, и учинился в Крыму ханом Гаджи Селим Гиреи, ево ханово величество, і пришол в Крым тому уж ныне пять мѣсяцов, і он, Василеи, з ближним человѣком Шахбулатом агою виделся з дважды, и о каких государских дѣлех ему говорил, и он, то выслушав, на тѣ слова ничего не говорил и говорить не хотѣл, а толки хотѣл доложит о том о всем ханову величеству и учинит ему, Василю, скорую отповѣд: но отповѣди никакои от него ни от самого, ни через кого не было, потом он, Василеи, реже ево Аштемир бѣева в Крым прѣзду в февралѣ мѣсяцѣ посылал к нему, агѣ, толмача, чтоб он поволил ему, Василю, еще с собою видетис, и он, Шахбулат ага, сперва толмачю сказал, что де ныне бѣи и карачеи всѣ при ханове величестве в сѣздѣ і о тѣх дѣлех и говорят. И на чем постановят, о том он, Шахбулат ага, учинит ему, Василю, вѣдомо, а потом в ыное время из гнѣвом отказал, что де ему, посланному, скоро надобно, вед де мы об нем не забыли, и когда будет надобно, тогда и сами к нему пришлем, наш де крымскои гонец на Москве живет же, и он, Василеи, с самого ханского в Крым приходу и по се время никакова дѣльнаго слова от него, ближняго человѣка, к себѣ не слышит, и что причина для Магметя ли, что он на Москве оставлен или для иных каких дѣл в Крыму, ево, Василія, держат, о том ему отнюдь ничего не вѣдомо, и буде его держат за Магметя и ему б о том сказат, а буде для иных каких дѣл, и ему по тому бы о том надобно обявить, и позволить бы ему, Василію, для извѣстія писать к великим государем, к их царскому величеству, и то б дѣло шло добрым порядком, а то в задержанiі ево, Василеве, нѣт ни начала ни конца, и он бы, Аштемир беи, яко в тѣх московских дѣлех приналежащеи об нем, Василье, и о задержанiі ево донес ханову величеству.

А к нему, бѣю, чтоб он с ним, Василем, видѣлся, приказывал он, Василеи, из жидовскаго городка, и с сыном ево, беевым, Темиршею мурзою, также и с людми ево многожды, и уж то знатно, что они ему, бѣю, о том не сказывали, а от себя он, Василеи, к нему, бѣю, никово не присылал для того, что толмачю и никому от него ходить никуды не свободно да и невѣдомо, в каково время и куды ево послать, потому что, гдѣ он, бѣи, живет и когда в Бакчисараи приѣзжает, о том было невѣдомо, а сверх того ожидал он, Василеи, по словам ближняго человѣка от него отповеди.

И Аштемир бѣи говорил, призвал де он ево, Василя, к себѣ ныне по ево желанию, от себя, а ханово де величество ни ближнеи человѣк про то не вѣдают, і говорит ему, Василю, собою, что как он, бѣи, в Крым и в дом свои приѣхал, и он

о приѣзде ево, Василеве, при Саадет Гирѣе хане от сына своего Темирши слышал также, для чего прислан и зачѣм задержан, о том у бѣев крымских ныне спрашивал, и бѣи де ему, Аштемиру, сказывали, что он, присланнои, прислан в Крым уж давно бутто для мирных дѣл, а с ним де присланы статьи, на чем быт миру, крымскому юрту зѣло противные, за что никогда миру учинитис немочно, однако жде он задержан здѣсь напрасно, отписать де было против того, что надобно, и отпустит ево давно к Москвѣ, токмо де он, бѣи, и то говорит, что то, что и на Москвѣ гонец их крымскіи Карамагмет задержан, учинено невѣдомо для чого, потому ж напрасно і нѣт де в том задержанії на обе стороны никакие прибыли.

І Василеи говорил, хотя они, бѣи, в Крыму о тои присылке и говорят, что прислан он, Василеи, с непотребными юрту их дѣлами, однако ж бы ім то себѣ надобно розсудить, что кождая сторона себѣ добра желает, и для того он, Василеи, как преж сего с приѣзду своего ближним людем говаривал, так и ныне ему, бѣю, говорит, что, хотя в тѣх о миру статях, что противное им и написано и юртом того не принимают, и того было ради им ис Крыму и послать послов своих людеи знатных и полномочных, которые б могли о том миру договор учинить и постановить, как бы которои сторонѣ надобно, потому что тѣ стати присланы с ним толко для вѣдома, чего великие государи с турскои и с крымскои стороны своеи царского величества сторонѣ желают, а не вовсе с отказом, чтоб де без того миру не быть, а хотя к ним, великим государем, чрез гонца их, Магметя, о миру от хана и писано, однако ж, на чем тому миру быть, того ничего в том ханском листу не обявлено, о чем бы он, бѣи, выразумѣл, что і в любителнои их царскаго величества грамоте о присылке к Москвѣ послов написано, а когда б послы крымске для того договору к Москвѣ были посланы, тогда б по изволению государскому и по договором против тѣх статеи, что и пременилос. И буде і ныне ханово величество послов своих к Москвѣ не пошлет, а ево, Василья, будут в Крыму держать без вызнания причин, за что и не дав о том никакие к Москвѣ отповѣди, и то дѣло безконечное, и что из того будет, о том Бог вѣсть, а Магмет их на Москве оставлен не для чего иного, токмо для скорои ис Крыму с ним, Васильем, отповеди и продолжения, тому на Москвѣ нечаяно, кромѣ добраго в дѣлех совершения. І в том, что он, Магмет, на Москвѣ оставлен, Московскому государству нѣт никакие прибыли і дела за ними во обоих сторонах равные, как он, Магмет, к царскому величеству прислан с листом в гонцех, так и он, Василеи, с их государскою грамотою в Крым в гонцех же, а не посланником, и дѣл никаких, кромѣ подания хану тои грамоты он, Василеи, у себя не имѣет, и держат ево потому не за что, но как по воли Божиі тои ево присылке продолжение ни сталося и то он, Василеи, признавает, что учинилось то приѣздом прежде помянутово вора и ізмѣнника и перемѣнами ханскими і ныне он, бѣи, ханову величеству о том о всем, о чем он, Василеи, ему говорит, донес бы имянно; естьли с великими государи нашими похочет он, хан, исконную дружбу обновить, и он бы указал к ним, великим государем, отписать и для договору о миру послал послов своих, а буде того учинить, что писать и послов послать не изволит, и он бы указал ево, Василя, отустить к Москвѣ, а буде и того учинить, чтоб и его, Василия, отпустить не укажет, и его б ханово величество указал, для чего его в Крыму держать, ему объявить и писать о том к великим государем, к их царскому величеству, и послат от себя к Москвѣ толмача или человѣка своего.

И бѣи говорил: применяеца де он к словам, гдѣ что слышал, и говорит ему, Василью, собою, а не по ханскому указу, что ханово величество чаять изволит ево, Василья, отпустить и своего человѣка с ним, Василем, к Москве послать, отписав, что надобно, и хотя б в обоих сторонах и по пятеро послов и гонцов было задержано, однако ж в том никакова добра, кромѣ убытку не будет, а ныне де о сем настоящем дѣле, о чем от него, Василья, слышит, о всем ханову величеству доложит, и поѣдет нарочно, для того в Бакчисараи в понѣделок, то есть апрѣля в 24 день, и какои его, ханова величества, указ об нем ни будет, задержать ли или отпустить ево укажет, о том он, бѣи, даст ему вѣдомо, а какие де ссоры у Крыму с Москвою ни были и то уж прошло, чего и вспоминать не надобно, даи де Боже, чтоб ныне, что доброе здѣлалос, а на ближняго человѣка на Шахбулата агу нѣчего и диковать, для того что ему ныне ханского ради походу крѣпко не досуг, однако ж довелось, что ни есть ему сказать.

І Василеи ему, бѣю, с прошением говорил, чтоб он, бѣи, о том междо государствы добром и мирном дѣле приложил свое радѣние, отчего б получил себѣ вѣчную похвалу.

И бѣи обѣщался в тѣх дѣлех быть радѣтелен и сказывал, что и отец ево Московскаго государства сторонѣ добрые дѣла дѣлывал и бывал на Москвѣ послом, за что было время от своих бусурманов в Крыму и пострадал, от чего де ныне он і Сулешевы от бусурман в подозрѣнии, и говорят про них, будто они имѣют с Московским государством писменные пересылки і емлют за то себѣ подарки.

И бѣи же говорил, когда де мир на обѣ стороны надобен, для чего де царское величество послов своих в Крым прислат не изволили, потому что де исстари всегда у Москвы с Крымом договоры бывали в Крыму, а не на Москвѣ.

І Василеи говорил, что великие государи, іх царское величество, послов своих в Крым не изволили послать, а о крымских, чтоб к Москвѣ были присланы, изволяют для того, чтоб ісконняя дружба была обновлена і впред бы сосѣдственная любовь і между государствы в народѣ покои и тишина была постоянная. А как то учинит, чтоб того посторонние государства, то есть цесарское и полское не вѣдали.

І бѣи молвил: так де правдивое то дѣло и о том он именно о всем донесет до ханова величества.

Бѣи же Василью по вопрошению ево сказывал, что де хан ис Крыму в Венгерскую землю конечно хотѣл итить новаго мѣсяца [по их рѣчению] рамазана с шестого, а по руски мая с перваго дня, а с ним поидет калга и іные салтаны, дѣти его ханскіе четыре человѣка. Да в Крыму де останутца нурадын также и салтанов сродников ханских человѣк пять или шесть з будучими при них воинскими людьми, и останется де Крым не пуст.

Потом он, бѣи, потчивал Василья и с ним будучих ѣствою и питьем кагвою.

А как от него поѣхал и бѣи послал до жидовского городка, проводит того ж кегаю своего Мустафу.

І апрѣля в 25 день бѣи в Бакчисараи приѣзжал і оттуду поѣхал в село свое того ж дни.

Апрѣля в 26 день приходил к Василью взятои в полон во 199-м году на Самари от городового дѣла свияжскои татарин Аимамет и сказывал, что калмыцкои Аюки таиши посланик сего дни у хана был на отпуске, и дано ему конь

доброи да халат золотнои и людем ево сукна и киндяки и іное, что у них ведетца.

А Аюкѣ от хана послано подарков:

сабля оправная добрая,

четыре пищали турские,

конь со всѣм с нарядом,

да нѣсколько золотых червонных.

И прислушался де он, Аимамет, меж тѣми калмыками и крымскими татары, что присылал того посла своего Аюка таіша для того, что чтоб хан послал к ним на вспоможение ис Крыму какова салтана с воиски крымскими і нагаискими, которои бы с ними, калмыки, шол воиною Московскаго государства под городы под Казань і под иные, которые обрѣтаются по Волге рѣке, которые для того, что де донские и яицкие, и гребенские козаки улусы их калмыцкие, гдѣ они кочуют, разбивают и людей в полон емлют, и конские, и животилные стада отгоняют, и многое раззорение им чинят непрестанно, как де то учинено и прошлаго лѣта; и ітит де бы им, калмыком и татаром, нынешним лѣтним временем изгоном і вросплох, по кое время на Москве о том их замыслѣ невѣдомо, а потом де послѣ своем Аюка к хану писал, чтоб он, хан, имѣл в дѣлех вѣру, о чем он учнет говорить, так и ево посланника принял, так как бы самого ево, Аюку, потому что есть ли б было возможно і не было б от Москвы подозрѣния, то б он, Аюка, и сам приѣхал к нему, хану, токмо того своего посла послан вмѣсто себя.

И тому де посланнику калмыцкому от хана сказано, что ис Крыму ныне посылать ему неково, потому что сам он, хан, идет на можары, и салтаны, которые есть при нем в Крыму, идут с ним же, а прикажет к ним одному салтану итить из черкѣс и воиски черкескими, сколко будет возможно.

И із Бакчисарая тот калмыцкои посол поѣхал того ж числа.

Да о том калмыцком послѣ і для чего он был прислан и какои их замысл, подтверждая вышеписанным того татарина словам слово в слово людем Василевым, которые хаживали на базар для поденнаго корму, сказывали непоединожды, приказывая к Василю и расколники донские казаки, что естьли даст Бог ему, Василю, ис Крыму скоро отпуск і великим бы государем о том было ізвѣстно, а и они де, казаки, болши того уже з бусорманы водится не хотят, толко б лише им от кумыков полон свои отыскать, а будут на Дону всѣ по прежнему.

А апрѣля в 25 день Василеи к розмѣнному бѣю посылал толмач Полуехта Кучюмова в село ево Ѳот спросит, как он в Бакчисарае был и он ханово величество видѣл ли, и об нем, Василеи, докладывал ли, и что ему от хана сказано.

И толмач Полуехт того ж дни, от бея приѣдучи, сказал, Аштемир де беи ему говорил, что он в Бакчисарае ханову величеству об нем, Василье, докладывал, так что для чего де ево в Крыму держат и чтоб ис Крыму ево отпустит, і что ни есть против царского величества грамоты, которая с ним прислана, отписать и послать с ним к Москве с тѣм листом хотя дву человѣк.

И ханово де величество ему, бѣю, сказал: была де у него, хана, о том з бѣями недавно рѣчь, чтоб ево, московскаго гонца, отпустить, токмо де бѣи приговорили, что прислан он, гонец, с Москвы ни с чѣм; а мы де ныне идем ис Крыму в чужую сторону на воину, и он де, гонец, пускаи сидит в Крыму, а к Москве де ево отпустит і людеи своих с ним посылать не для чего и писать нечего, и он де, бѣи, говорил хану за Магметя ли, де ево гонца в Крыму держат, что он на Москвѣ задержан

или для чего иного, и есть ли де за Магметя и от него б де гонца отпустит к Москвѣ, хотя человѣка ево или дву с вѣдомостью, что он задержан за Магметя и с Москвы б тот Магмет был отпущон, а он бы, московскои гонец, для того был ис Крыму свобожден, и ханово де величество ему, бѣю, сказал, что де одного ево человѣка к Москве отпустит, что всѣх все ровно.

А потом де приказывал он, бѣи, к Василью, чтоб он отпуску себѣ ис Крыму не надѣялся, а сверх де того, чтоб он, Василеи, послал о том спросить и у ближняго человѣка и чаять де что, і ближнеи человѣк то ж ему, Василю, скажет, что і он, бѣи.

И апрѣля в 28 день Василеи посылал ево, Полуехта, в Бакчисараи к ближнему человѣку, чтоб он у него спросил ханскои указ, какои об нем, Василеи, ест ли, и видетца ему, Василю, с собою он, ближнеи человѣк, велит ли, и ис Крыму ево к Москве отпустят ли, и буде ему отпуску ис Крыму не будет, і он бы, ближнiі человѣк, сказал ему, Василю, для чего то задержание ему чинитца, і велѣл продат своих конеи, по кое время хан ис Крыму на воину не вышол, потому что хан уже скоро выходит, а ему, Василю, з будучими с ним людми, кромѣ того, что не продав конеи, живучи в Крыму, пропитатца ханским жалованем нѣчем.

И толмач Полуехт пришед от ближняго человѣка ему, Василью, сказал, что он о том о всем ближнему человѣку от него, Василя, говорил, и ближнеи де человѣк ему сказал, чтоб он, Василеи, конеи своих без указу не продавал, потому что розмѣнной Аштемир бѣи ныне в Бакчисарае, и он с ним о том переговоря, доложат обще об нем ханову величеству і что он, хан, учинить, отпустить ли, задержат ево Василя укажет, и он о том и о продаже конеи учинит ему скорую вѣдомость.

І Василеи, вѣдая о том, что розмѣнного Аштемир бѣя в Бакчисарае нѣт, того ж дни с тѣми ближняго человѣка словами для вѣдома посылал ево, Полуехта, к нему, бѣю, в село ево.

И бѣи ему, Полуехту, сказал, когда де ближнеи человѣк так говорит и он де, бѣи, поѣдет в Бакчисараи для того нарочно завтра апрѣля в 29 день і будет о том радѣть и промышлять, сколко может, токмо де признавает он, бѣи, что задержание ево, Васильево, чинитца знатно от того, что в грамоте царского величества к ево ханскому Селим Гирееву имени крѣпко нѣчто противное написано.

И он де, Полуехт, ему, бѣю, говорил, о чем де в грамоте великих государеи в Крым писано и того де чает де он, Василеи, и не вѣдает, а с чѣм он послан, то хану и подал, і посылные люди никогда в том винны не бывают, с чѣм ни присылаются.

А апрѣля в 30 день Василеи посылал ево, Полуехта, в Бакчисараи к ближнему человѣку и к бѣю довѣдатись о том поведенiі, что от них будет наказов ему и о иных делех буде учнуть они в отпуску отказывать.

И ближнеи человѣк толко толмачю сказал, что де от хана об нем, Василье, приказано о всѣм розмѣнному Аштемир бѣю, а розмѣнной Аштемир бѣи ему, толмачю, сказал, что де они ханова величества з ближним человѣком об нем докладывали, и хан де на тѣ их слова было і склонился и отпустит ево, Василія, хотѣл, но один де человѣк в том дѣле помѣшку учинил, і хан указал ево, Василя, держать в Крыму, потому что их крымского гонца на Москвѣ держат ж і не токмо де, что того гонца, но еще и после того, когда калга салтан ходил на Украину и тогда с степи от Запорожя послал де было к казацким полковником к четырем

человѣком татар дву человѣк, и тѣ два человѣка взяты и засланы к Москве ж, і он же, толмач, ему, бѣю, говорил, что царского де величества гонец о тои посылке дву человѣк татар никогда не слыхал и не вѣдает, кромѣ сего, что он, толмач, слышит от него, бѣя, впервые, а когда де было им іс Крыму для добрых дѣл посылать ково в московскую сторону, и ім было о тои посылке надобно сказать и царского величества гонцу, і взять и от него какое писмо или словесную какую в московскую сторону вѣдомость, а когда никакие вѣдомости от него, гонца, с тѣми татары нѣт и тои присылке знатно, что на Украине не повѣрено.

Толмач ж де ему, бѣю, по Васильеву приказу говорил, когда де хан указал ево, Василя, задержат и отпуску не быть, и ханово б величество указал о том, для чего его в Крыму держат, ім, ближним людем, ему, Василю, самому сказать и к царскому величеству о том писать і с тою отпискою человѣка своего гонецкаго послать, хотя до Сѣчи Запорожскои, а то де великим государем об нем, Василе, держат ли ево и за что, іли он ис Крыму отпущон отнюдь ни о чем не извѣстно.

И бѣи де ему, толмачу, сказал, что ничего того, чего он, Василеи, себѣ требует, не будет, і видится им с ним не для чего, и чтоб де он, Василеи, и хто при нем есть, конеи своих продавали, а он де, бѣи, завтра тѣх конеи прикажет пригнать стаднику своему на базар в Бакчисараи, а сверх де того, чтоб он, Василю, сказал, поѣдет де он хана провожат чаять до Перекопи, и учнут ему еще об отпуске ево наговаривать, как возможно.

И тѣх конеи отобрано было четырнатцать, а пригнано тринатцать, и тѣ всѣ заѣжжены и проданы после ханского выходу из Крыму самою дешевою ценою.

Хан на венгерскую воину из Бакчисарая вышел мая в 1 день.

А вѣход ево был таков:

1. Везли кибитку нагаискую, бѣлыми воилоки крытую.

2. Кровать деревянную, на кшталд скамен о четырех ножках.

3. Шол постелнои воз.

4. Кога под красным сукном о четырех возниках.

5. С шатрами из запасы шло 7 арб каждая о двух конех, а палубы крыты бѣлыми воилоками.

6. Ѣхали сеимени 16 билюков, устроясь сперва вряд 3 баирака и тѣх баираков сеимени.

А досталные ѣхали вмѣстѣ по 2 баирака.

А сеимени всѣ ѣхали по три человѣку в ряду.

7. Ѣхал Ахтачи бѣи, а за ним вели, сидя на конех, Ахтачѣи ханских простых осми конеи турских и нагаиских под сѣдлы, а у седел были у трех сабли, а у четырех канчѣры, а на одном послѣднем палаш оправнои с каменьем.

8. Ѣхали дватцать человѣк билюк башеи, устроясь по два человѣка в ряд.

9. За билюк башами везли два бунчука да два ж баирака ханские всѣ в один ряд, а баираки один краснои, другои зеленои. Баираки з гротами, а бунчуки съ яблоки золочеными.

Потом ѣхал хан на иноходце при саблѣ, а около ево пѣших шатыреи четыре человѣка.

А за ним салтаны, дѣти ево ханские и чиновные двора ево люди, так ж, которые хана провожалі, человѣк со сто и болши, а ближнеи человѣк всегда при хане ѣздит с правои стороны поодал.

И после того вѣдомо учинилос, что розмѣнной Гаджи Аштемир бѣи, что от хана в дом свои приѣхал.

И мая в 9 день к нему от Василія посылан толмач Полуехт провѣдать по ево бѣевым словам, есть ли об нем, Василье, ханскои указ какои в дороге применился.

И размѣннои бѣи ему, Полуехту, сказал, что де провожал он хана до трех станов, а слов никаких у хана об нем, Василье, не было і отпуску не будет.

Того ж дні вѣдомость пришла ис Станбула, что турки там хватают всяких народов и гулящих людеи і, насилно написав их вь янычары і в сеимени, проводят караблями в Кандию для обороны от венецыян.

Селим Гирѣем ханом, когда пришол он в Крым, приѣхали Іван Степанович Полши закону святыя троицы, которои клештор новои обрѣтаетца во Лвове, в самом замку духовного чину два человѣка, один породою гишпанец Редентор, имянем другои породою поляк Михаил, он же и толмач турского языка, для искупления плѣнных клешторным скарбом, а хану они явились и для чего в Крым ѣдут, проѣзжие полские листы ему и кому належит обявили в Белѣгороде и, пріѣхав в Крым, жили в Бакчисарае.

И ближнеи ханскои человѣк прикинулся к ним напастью, імянуя их лазутчиками, неволников сперва окупать ім не поволил і велѣл их посадить за сторожу в жидовскои городок, в тот же, гдѣ посажен і Василеи Аитемирев.

И тѣ законники в жидовскои посажены городок генваря в 18 день и поставлены были от Васильева стану в далном растоянні; а как они с недѣлю тут пожилі и з ближним человѣком нарочитыми подарками познались, тогда ім на базар и вездѣ ходит и неволников окупат поволено.

А Василья и всѣх с ним будучих людеи тѣ законники видели, токо отнюд у них ни у кого, для чего в Крым присланы і ни о чем не спрашивали и не розговаривали, потому что от Василья, чтоб с ним ни о чем не говорить, всѣм было накрѣпко заказано.

И із жидовского они, законники, отпущены мая в 24 день на Козлов в карабленнои пристани. И поѣхали тѣм же путем, которым і в Крым ѣхали, в Белогородчину.

А неволников окупя с собою повезли все цесарчиков 29 человѣк і в том числѣ 4 женщины, 2 детеи, груди ссущих.

А полскои породы не токмо, что благочестивыя вѣры, но и римские не окупали ни одного человѣка, а оговаривались им тѣм, что іс Полши на іскупление плѣнных с ними ни от ково ничего не послано.

Июня в 8 день в Бакчисарае кликали делалы по рѣчам нововзятых руских языков о приходе московских воиск на Крым, чтоб татаровя всѣ шли к Перекопи, а потом то замешание у них поудержалос, і велено татаром кормить кони и готовитца на воину, а куды, того не являют.

Июня в 13 день делялы ж по базару кликали, чтоб татаровя, которые в Перекопи і в ыных краиных городѣх к каковому дѣлу, хто написан, были при своих дѣлех для опасения от московских воиск ото всѣх сторон.

Июня ж в 27 день в ночи от Перекопи в Бакчисараи приспела вѣдомость, что росиіские воиска через Днепр строят мосты, чтоб итит на Крым і под городки обоими сторонами Днепра, и на утрее от того учинилась великая тревога, и кликали по базару делялы, чтоб аги у мурзы и татаровя всѣ бежали к Перекопи.

И потон вѣдомости к Перекопи і нурадын салтан поѣхал от Керчи июня в 29 день, а каимакан из Бакчисарая 30 дня, а июля в 3 день они, нурадын и каимакан, іс того пути і возвратилис, потому что вѣдомость к ним принесена чамбулами подлинная, что воиск никаких нѣт, а ходили по степи великими стадами дикие кони.

Июля в 8 день от Белагорода подлинно увѣдомлено, что хан и с ним калга салтан пошли из Белагорода на венгерскую воину мая в 25 день, а орды с ними с тридцать тысечь человѣк.

Полского новонавезенного полону там в Аккерменѣ зѣло много, а наіпаче жен и малых робят, которых табунные калмыки множество покупали и на кони выменивали.

Вор и ізмѣнник Петрушка был до Белагорода при ханском воиску и оставлен со всѣми товарыщи своими на корму в Белогородских гаурских доревнях; товарыщи ево воровские при нем быть не хотят и с тритцать человѣк побежали было в Ягарлык к такому ж Петрушке, подобну лживому, их гетману Стецку, токмо их поимано и покиданы в ямы и будут попроданы.

Августа в 18 день к нурадыну салтану приѣхали запорожских казаков два человѣка и сказывали, что они присланы из Сѣчи для воисковых дѣл, да с ними ж де приѣхал в Крым царского величества подданаго гетмана Ивана Степановича Мазепы посланец прилуцкого полку казак, Петром зовут, Волошенин, и остался де от них в Перекопи для того, что писма, с чѣм он ѣхал, поѣдучи от Перекопи, обронил и іщет их.

І в Бакчисараи тот помянутои Петр приѣхал с провожатыми и препровожен к каймакану августа 21 дня.

Августа в 21 день приѣзжал к Василю в жидовскои городок с Эски юрта Ауджу баша с подводами и говорил, что прислал его к нему, Василю, каимакан Апкерим эфенде, чтоб он з гетманским человѣком, которои сидит с ним, Василием, ѣхал к каимакану на Эски юрт в дом его, для того что есть де с Москвы и от гетмана к нему писма.

І Василеи, взяв с собою гетманского человѣка Василя Велецкого да толмача Полуехта, того дни у каимакана на Эски юрте в дому ево был.

А как во оду к нему вошли, и каимакан по обыкности своеи, привѣтствуя, велѣл Василю сидѣт и говорил, есть де из русскои стороны приѣзжеи человѣк с листами, а сказываетца, прислан к нему, Васильо, а в юрт к ним никакова дѣла ни писем ни от ково не сказывает и таких де люде, которые к юрту дѣла никакова не імѣют, у них за посланных в Крым не имѣют, а почитають их за лазутчиков і, вмѣсто почитания, таких людеи у них неволят.

І Василеи говорил: тот присланнои человѣк, гдѣ ныне, и чтоб ему, Васильо, ево видѣть.

И каимакан говорил, тот де человѣк здѣс, толко де тѣ всѣ писма, которые он вез, у него взяты, і показывал он тѣ писма по одному всѣ роспечатаны, и что в них писано, о том спрашивал.

І Василеи тѣх листов смотря, ему, каимакану, сказывал, что тѣ листы один проѣзжеи лист от подданого их царского величества гетмана Івана Степановича Мазепы, посланному от него в Крым Петру Волошенину за ево гетманскою рукою и печатью даннои от Батурина до Сѣчи Запорожскои, другои проѣзжеи же

лист запорожской ему ж Петру в Крым, третеи гетманскои лист писанои к нему, Василью, о посылке с ево гетманским листом к ханову ближнему человѣку ево же Петра, и что ему всѣ писма, что с ним есть, велено отдат в Крыму ему, Василю, а не ближнему человѣку, ни ему, каимакану, а ближнему человѣку, или в небытие ханское или ближняго ево человѣка в Крыму тот лист вручить бы каимакану ему, Василью; четвертои листок генералного писаря Василя Кучюбѣя к гетманскому посланному к Василю Велецкому, писаннои о здорове, пятои гетманскои лист писан к ближнему ханскому человѣку, да три писмеца малые прителные, писанные к нему, Василю, ис Посолского приказу о здорове.

А обѣртки всѣ, в чѣм были великих государеи грамоты и гетманскои лист, к Василю також обертка ж, в чем был гетманской же ближнему ханскому человѣку лист, изодрано.

А гетманскои присылщик в то время посажен был за сторожею.

И каимакан тѣ всѣ вышеписанные писма, взяв у него, Василья, к себѣ и перемѣчая тростію с чернилом, у Василия и у гетманскаго человѣка спрашивал, о вестях де каких в тѣх писмах, что есть ли, чтоб ему о том сказат правду, потому что есть ли что к ним о вестях писано, а они ему, каимакану, о том ныне не обявять. А после просто будет вѣдомо і в том не было б им какова стыда.

І Василеи і гетманскои канцелярист ему, каимакану, говорили, что ни окаких вестях, кромѣ того, о чем они ему сказывают, в тѣх писмах к ним не писано.

Потом каимакан обявил великих государеи двѣ грамоты без печатеи же и спрашивал, к кому и каким писмом они писаны.

І Василеи, осмотря тѣ великих государеи грамоты, ему, каимакану, сказал, что тѣ великих государеи грамоты писаны к нему, Василью, о их государских дѣлех.

И каимакан говорил, чтоб он, Василеи, ему обявил в тѣх их царскаго величества грамотах, о чем нему писано.

І Василеи говорил, о чем к нему в тѣх великих государеи грамотах писано, о том ему, Василю, ему, каимакану, вскоре обявит не мочно, потому что писаны тѣ грамоты не звычаиным русским, но особым приказным таиным писмом, для того что иногда в дороге каким либо ни есть случаем похочет хто здуровать и тѣ писма у посланного взять и прочесть, и ему б о том, о чем писано, не вѣдать, потому что государственные дѣла належат в таиности і в сохранениі быть у посланных людеи, и кому об них тому посланному обявлять велено, и тѣ великих государеи грамоты пристоино отдать ему, Василью, а он тѣ великих государеи грамоты у себя прочет, и о чем в них писано, выразумѣв, обявит ему, каимакану, в ыное время, когда он, каимакан, похочет.

І каимакан великих государеи грамоты помѣтил же и тѣ грамоты і всѣ писма Василю отдал и говорил, чтоб он, Василеи, у него подождал, потому что будет у него, нурадына салтана, ближнеи человѣк Агмет ага, чтоб і он о том новоприбылом дѣле вѣдал же и донес до нурадына салтана.

А у гетманского канцеляриста у Василя Велецкаго каимакан спрашил, для чего де от гетмана к нему ни о чем не писано.

І Василеи Атемирев и канцелярист ему, каимакану, говорили, что гетману к нему посланному своему писать о ином нѣ о чем, кромѣ того, что о которых государских дѣлех писал он, гетман, царского величества к гонцу к нему, Василью, и послан он в Крым от гетмана не особым каким делом, но с ним же, Васильем.

І помѣшкав с полчаса, нурадынов ближнеи человѣк к каимакану приѣхал.

І каимакан ему, ближнему человѣку, об нем, Василе, и о присылке с Руси писем обявил, и татар, іс тои оды всѣх выслав, Василю говорил, чтоб к ближнему человѣку присланнои лист ему, каимакану, и ближнему человѣку прочел.

І Василеи оговаривался, что ему того гетманского ближнему человѣку присланного листа чести не пристоино, а велѣл бы он, каимакан, тот лист прочесть своим людем, кто у них прочесть умѣет.

І каимакан говорил, что у них таких людеи ныне при нем, кто б мог тот лист прочесть, нѣт, а чтоб прочел он, Василеи.

І Василеи при многом упорствѣ будучи для прошения ево, каимаканова, тот лист им чол, а толмачил Полуехт Кучумов.

А как в том в гетманском листу чтено о выдаче в сторону царскаго величества и отсылке к гетману вора и ізмѣнника Петрушки. І в то время каимакан говорил, как де тот их гетманчик поидет когда на Рус войною з Белогородцкою ордою, і ево де там, как хотят, так себѣ емлют.

А как чтено, что воиска татарские, будучие с нурадыном салтаном, зимою из Руси возвратилис без пожитку и со стыдом из бѣгом, і против того нурадынов ближнеи человѣк говорил, какои де то стыд их и бѣг, что набрали людеи столько, что с того ясырю и по се время сав, што есть десятины, выбрать из воиска на салтана не могут.

А как тот гетманскои лист весь прочтен, и каимакан говорил, что де от гетмана писано к ним о добрых дѣлех, и дай де Бог, чтоб междо государствы мир учинился и что де тепере слышим, о том донесем нурадыну салтану, а что де великих государеи в грамотах писано к нему, Василю, и он бы, Василеи, тѣ грамоты прочет и, переведчи, приѣхал к нему, каимакану, утре і о чем писано, ему обявил, і чаят де что будет он, Василеи, завтра і у нурадына салтана.

Потом тут же к каимакану вошли і сидѣли знатные люди:

Таманской кады Осман эфенде,

Вагап эфенде,

дербыш Магмет Челеби,

дербыш Гѣда.

Да ево, каимаканов, язычѣи Музаеер мулла и каимакан о тои присылке ім сказывал же.

Потом каимакан велѣл привесть перед себя і гетманского присланного Петра Волошенина, и Василю ево обявил, а ему, Петру, говорил: намѣрен де ты было быть у нас в неволе, токмо ныне тебя уволняем.

І Василеи каимакану говорил, что такова посланного человѣка неволить и ни чѣм ево труднить нѣ за что и нѣ для чего, потому что послан он от іх царского величества от подданнаго гетмана і ѣхал в Крым явно с проѣзжими листами, а не лазутчиком.

Потом каимакан и ближней человѣк при Василе же у него, Петра, спрашивали о воисках в украиных городѣх ныне царского величества воиска на Крым есть ли и многіе ли, и кто над тѣми воиски бояря і воеводы, – и Петр ім говорил, что он послан из Батурина от гетмана в Крым царского величества к гонцу с листами и смотрит своего дѣла, а о воисках мовсковских, гдѣ они есть ли или нѣт и кто с ними бояря и воеводы, он не вѣдает, а которымі городами ѣхал он в сию посылку, і в тѣх городѣх для охранения от неприятелскпх людеи опасные казацкие воиска есть.

Потом подчивано Василя и прочих питем кагвою і отпущено в жидовскои городок по прежнему.

А августа в 23 день с утра приѣзжал по Василя от каимакана с Эски юрта с подводами тот же Аужю баша.

І Василеи того дни у каимакана был и із грамот великих государеи, выписав, ему, каимакану, говорил:

Прѣсвѣтлѣиших и державнѣиших великих государеи наших, их царского величества, в грамотах к нему, Василю, писано велено говорить ханскому ближнему человѣку.

По однои грамоте, которая писана в маие мѣсяцѣ, а именно после выходу Гаджи Селим Гирѣева ханова величества из Бакчисарая на венгерскую воину на осмои день о том:

В прошлое время писал ним, великим государем, бывшеи Саадет Гирѣй хан з гонцом своим Магмет агою, что крымскои юрт великие и меншие карачѣи приговорили с ними, великими государи, быть в миру і в покое по прежнему, да и за салтана турского сторону всѣ дѣла перенимал на себя, и они, великие государи, по тому ево ханскому желанию с салтаном турским и с крымским юртом в миру быть изволяли и обоих сторон людем тишины и покоя желали, и того ради от них, великих государеи, он, гонец, и прислан, и ту их великих государеи грамоту приняв у него, гонца, любовно Саѳат Гирѣи хан и у ближних ево ханских людеи у Алиш аги на разговорѣ был, и стати, на чем миру быть, ему отдал, и для совершения тѣх договоров назначен был от него, хана, в послех к Москвѣ Мубарекша мурза Сулешев, и тою междо государствы пересылкою ворота к покою отворятис было начали, и была надежда, что то добро начатое дѣло доброи конец восприимет, однако нечаянно явился в Крыму вор и ізмѣнник Петрушка, которои многую казну и писма у подданного их царского величества гетмана покрал, и обявил в Крыму воровским своим вымыслом многие составные и лживые писма и рѣчи, которых і в помышленіи у подданных іх царского величества Воиска Запорожского старшины и у полковников, и у поспольства не бывало, и прежнеи хан і весь крымскои юрт тому вору и ізмѣннику повѣрили, і о добрых дѣлех пересылку остановіли, и тому великому дѣлу помѣшка и остановка учинилас с крымскои стороны, что повѣрено такому вору и ізмѣннику, худому человѣченку, и гонец со всѣми людми в Крыму задержан и приходили прошлого лѣта калга салтан с ордами под их царского величества малоросійские городы воиною, а как учинился на крымском юрте ево, Селим Гирѣево ханово величество, и он по тому ж повѣря того вора воровским и ложным словам, также и наговору нѣкоторых молодых людеи, крымского юрта началных людеи и мурз, под украиные их царского величества городы посылал же нурадына салтана и дву сынов своих салтанов же воиною, однако ж они желания своего не получили, толко недружбы прибавили, и назад оттуду отошли с великою нуждою и страхованием, а тово вора и совѣтников ево, то есть товарищев, дѣло и обман стал явен, і весь крымскои юрт то увидел. И он, ближней бы человѣк, до хана донес, для чего крымскои юрт, желая покою з государством их царскаго величества, и учиня добрую пересылку, то намѣрение свое отменили и тому измѣннику повѣрили, і в великом собраніи на украиные городы двожды приходіли, і нынѣ с ними, великими государи, Селим Гирѣево ханово величество ту прежнюю о добрых дѣлех ссылку обновить и покои на обѣ стороны учинить хочет ли, да ему ж, гонцу, велено говорить о выдаче и отсылке

к гетману вора и ізмѣнника Петрушки, что он человѣк худои и невоенной, и незнатнои, и мочно ево отдать безо всякаго жалѣния, и повѣрено ему и орды на Украину посыланы напрасно, которая орда возвратилась в Крым с стыдом и с убытком, а напред сего крымскои юрт в делах своих бывал постоянен и таким ворам и ізмѣнникам не вѣривали, а буде хан с ними, великими государи, дружбы старые обновить не похочет и послов своих для договору о миру к Москвѣ не пошлет, и он бы, хан, отпустил ево, гонца, к Москвѣ, с каким ни есть своим ханским і юртовским отвѣтом без задержания, а взаимно и іх крымскои гонец Магмет отпущен будет безо всякаго задержания і остановки. Да что ближнеи человѣк против того о ханском намеренії обявит и ему б, гонцу, о том к ним, великим государем, писать напред себя с тѣм гетманским человѣком, которои прислан с сею их великих государеи грамотою і з гетманскими листами.

И он бы, каимакан, о том, о чем по указу великих государеи, их царского величества, от подданного гетмана Івана Степановича к нему писано, также что и он, Василеи, из іх государских грамот ему предложил учинил, так чего они, великие государи, требуют, послали б с ним, Василем, для договора о миру, буде ім тот мир надобен, послов своих, и учинить им тое посылку мочно и не тягостно, для того хотя нынѣ ханова величества в Крыму и нѣт, однако ж без него нынѣ такои же Крыму владѣтель і во всем ему, хану, пособник нурадын салтан, да на ханском мѣсте он, каимакан, и крымского юрта началные бѣи и карачѣи в Крыму есть же, і подумать о том, есть с кѣм, и буде они послов своих с ним, Васильем, к Москве пошлют, и то доброе дѣло, как на обѣ стороны потребно, так і учинитца и совершитца и в скором времяни, а буде они, видя с стороны великих государей к миру и к покою склонность и присылку себѣ добра, не похотят послов своих к ним, великим государем, к Москве не пошлют, а ево, Василя, ис Крыму не отпустят, а орды и безбаши на Русь воиною посылат не престанут, и то дѣло бесконечное и не будет им ис того никакова пожитка, кромѣ того, что отчасу недружба будет возрастат і умножатися.

А в другои их же великих государей грамоте, котораіа июня в 29-й день после тои прежнеи грамоты спустя мѣсяца с полтора к нему, Василю, писано о том:

К ним, великим государем, писал их царского величества подданнои гетман Іван Степанович Мазепа, что он тое прежде обявленную великих государеи грамоту у себя задержал, потому что Селим Гиреи, ево ханово величество, ис Крыму пошол на венгры, и ближнеи его человѣк, которому о дѣлех междо государствы ему, гонцу, велено говорить, пошол с ханом, і он, гетман, просил о том от их царского величества указу ему, гетману, с тою великих государей грамотою к нему, к гонцу, и с листом ево гетманским в Крым послать от себя человѣка своего к ближнему ли ханову человѣку в Белогородчину или в Крым к каимакану, и они, великие государи, с тою прежнею и с сею их государскими грамотами и с листом своим указали ему, гетману, послать человѣка своего в Крым к нему, своего царского величества гонцу, а ему, Василю, тѣ грамоты и гетманскои лист у того посланного гетманского человѣка, приняв о их государских дѣлех, велено чинить, так как ему по прежнеи их великих государей грамоте дѣлать велено, которая писана к нему маия 8 дня, а буде ближняго человѣка подлинно в Крыму нѣт, а увѣдомитца о тои присылке он, каимакан, и учнет о том человѣке спрашивать, для чего он прислан, обявить, и тот гетманскои лист буде он, каимакан, похочет взят, отдать и ему, каимакану, и домогатися против того отвѣту и тому

гетманскому посылщику немедленного у него отпуску, и буде он, каимакан, отвѣтнои лист к гетману напишет и ему, Василю, отдаст, и ему того б гетманского посылщика ис Крыму отпустит и с ним, великим государем, и ему, Василью, от себя писат велено.

И каимакан, выслушав ис тѣх обоих государских грамот, Василью говорил, что де в тѣх грамотах писано дѣло одно то ж, что і в гетманском листу, и о том он о всем слышит и выразумѣл, и о всем о том донесет нурадыну салтану, и поговорят и подумают крымского юрта с старыми людми, как о том без хана быть приговорят.

А что де орды их ходят на Рус воиною, и в безмирные времена у них всегды так бывает, а есть ли де, даст Бог, учинитца мир, тогда таких дѣл не будет. А не побраняс, де и миритца нѣ о чем, токмо для чего де их крымскои гонец Карамагмет на Москвѣ задержан, естьли б де он в то время с ним, Василем, был отпущен, то б і во всем дѣле инои был порядок, и он бы, Василеи, не держан был в Крыму нималого времяни, и меж государствы были б пересылки почасту и орды б, и безбаши на Рус не ходили, і естьли де ныне нурадын салтан и юртовые люди похотят в небытие ханское послать ково посолством к Москве, и тому их крымскому послу в дѣлех поверят ли, потому что он послань без хана.

А Василеи говорил: буде нурадын салтан с приговору всего юрта к великим госадарем нашим о договорѣ о миру по прежнему намерению, как о том писал к их царскому величеству Саадет Гирѣи хан, пошлет ныне с ним, Василем, послов своих людеи породных ис полнюю мочью і вѣры годных, и тот их посол по их, великих государеи, указу принят будет к Москве с подобающею честию, как пристоино, і в дѣлех ему вѣра дасться для того, что он послань будет от всего юрта, а не от одного хана, потому что, хотя в Крыму і сам хан был, однако ж без юртовых людеи такова дѣла один собою учинить не может.

И каимакан говорил: правда де, что хан без юрта никакова такого великово дѣла, о чем междо государствы належит учинить, не может, толко де то и юртовым людем і всѣм им видитца, что с московскои стороны нѣт к ним ничего доброво, что в началѣ учинено гонцу их на Москвѣ невѣдомо для чего задержание, а он, Василеи, прислан в Крым о миру с статями им непотребными, да сверх де того и еще их посланого человѣка Ибраима муллу (которои послан от калги салтана в малоросиіские городы) в Руси задержали ж и сидит он в тюрмѣ с неволники.

А ныне де по грамотам великих государеи он же, гонец, говорит прежде гонца их себѣ об отпуске да сверх того и о послѣх домогаетца, а естьли б с московскои стороны было, что доброе и крымское де государство не безголовное, и мочно де было от великих государеи грамоты прислать и к хану, и тогда б хану и всему юрту показалас та присылка в любов, и тоѣ б их государскую грамоту послали б они к хану сего ж часа с нарочным посылщиком, а то де пишут толко к нему, гонцу, и то о прежних дѣлех, а гонца их Карамагмета держат на Москвѣ невѣдомо для чего.

І Василеи говорил, что великие государи наши с крымским юртом в миру быть изволяют и междо государствы покоя и тишины людем желают и для того ево в гонцех прислать изволили, а что в статях показуетца, им не потребно, и для того и послат было им к Москве послов своих, потому что тѣ стати присланы для обявления, чего великие государи с турскои и с крымскои сторон своеи царского величества сторонѣ желают, а не вовсе с отказом, чтоб без того миру быт не мочно.

А гонец их Магмет позадержан было не для чего іного, токмо для скорои ис Крыму с ним, Васильем, отповеди, а хотя он задержан, однако ж он живет на Москве в государскои милости и поволности, а не так, как ему, их царского величества гонцу, в Крыму творится, а что он, каимакан, говорит о задержанії Ибраима муллы, и тот мулла естьли б послан был з добрым дѣлом и к их царского величества подданному гетману, также б от них Василья і от гетманского человѣка была к нему, гетману, какая вѣдомость, и тот бы мулла принят был за посланного и отпуск себѣ получил безо всякаго задержания, а то он, мулла, послан с воровскаго совѣту Петрушки ізмѣнника знатно лазутчиком, а не з добрыми дѣлами, и уж для того он там и задержан.

А грамоты великих государеи к хану не прислано знатно для того, что и на тоѣ их царского величества грамоту, которая прислана с ним, Васильем, нѣт ис Крыму никакие отповеди.

И каимакан говорил великим де государем об отпуске ево, Васильеве, и о посылке с ним крымского посла к Москве, как он из грамоты их царскои ему, каимакану, обявляет, і в гетманском листу писано, почему вѣдомо знатно де, что писали они, Василеи і гетманскои человѣк, і таковых де писем утаикою воровски посланным людем писать не годитца, и буде которые присланные люди, так у них в Крыму дѣлают, і в том де им бывает великои стыд и за посланных их не почитают, а он де, каимакан, о том, что они к Руси пишут, вѣдает и перенятые де их листы у них есть.

І Василеи говорил, что они к Москве о том и ни о чем ни с кѣм не писывали и писат им нѣ с кем. А знатно, что извѣстно им, великим государем, о том учинилось также, что здѣсь и ныне творитца чрез запорожцов или торговых людеи, которые после задержания ево, Василева, из Руси в Крыму бывали, или от взятых их татарских языков, а которое единожды писмо послали было, они нѣкогда своеи стороны с купецким человѣком і в Крыму перенято, и то писмо писано тогда чаят они чли не о злых каких дѣлех, но о задержанії и о нужном своем в Крыму житії, і о государском жалоdане, что им в Крыму ханским жалованем самым малым поденным кормом пропитаться нѣчем, а что было у них с собою привезено, а то все, а остатнее и кони их испроданы и все съѣдено и изношено, а злаго никова дѣла и вѣдомостеи о крымских поведенях писать им нечего, потому что они, сидя за сторожею у жидов, ни про что не вѣдают, а хотя б им о нуждѣ своеи чрез толикое долгое время будучеи случилос с кѣм что и отписать, и тѣх писем воровскими ему, каимакану, и никому называт не годитца, потому что против присылки ево нѣт ис Крыму к Москве никакие отповедї, и для чего ево в Крыму держат толикое долгое время, о том великим государем не извѣстно, и которым пресветлѣишим монархом великим государем своим он, Василеи, служит, от них, великих государеи, милости просит, и что в то время ни было, то уж прошло, нѣчего о том і вспоминат, і чтоб он, каимакан, порадѣл междо государствы о добрых делех, о чем он, Василеи, ему обявляет.

Да слышал он, Василеи, что з грамотами великих государеи присланнои от гетмана человѣк поставлен в Бакчисарае, и он бы, каимакан, велѣл того гетманского присылщика перевесть к нему, Василью, в жидовскои городок, потому что он по указу великих государеи прислан к нему, а не особым дѣлом, і велено ему быть при нем, Василе.

И каимакан говорил, что он о всем о том, что от него, Василья, слышал, переговорит с нурадыном салтаном и с старыми юртовыми людми и, как нурадын и старые люди о том приговорят, и он, каимакан, не замотчав и о гетманском присылщике, учинит ему, Василью, отповедь.

И отпущены Василеи с прочими в жидовскои городок по прежнему.

Августа в 27 день Василеи посылал толмача Полуехта к каимакану спросить о отповеди.

И толмач пришед от каимакана, сказывал, что де каимакан с ним приказывал к нему, Василею, что они послали о том к хану, как хан изволит, а юртовые де старые люди ево, гонца, и никово отпускать і своих людеи посылать без хана не приговаривают, толко де они меж собою о том еще намѣрене не постановили, а как постановят, о том де ему, Василею, впред будет вѣдомо.

Каимакан же спрашивал.

С 6 сентября в 1 день толмач же Полуехт посылан к каимакану в другои ряд спросит о отповеди и говорить о Петре Волошенине. Буде они ево, Василя, без хана не отпустят, и чтоб с какою ни есть отповедью отпустить того гетманскаго присылщика, а буде и гетманского присылщика без хана не отпустят, и ево б из Бакчисарая велѣл он, каимакан, перевесть к нему, Василью, в жидовскои городок.

И каимакан ему, толмачу, отказал с серца, что де без хана ничего не будет, хотя де вы хотите Крым обмануть, чтоб самим отсюду свободитца и чтоб і послов крымских к Москве с собою выманить, толко де так не будет, и Крыму не обманите, потому что де их крымскому гонцу задержание учинилос с московскои стороны, и ныне де, что дѣлать, они вѣдают, и будете де сидеть вы за Карамагмета, а новоприсланнои гетманскои человѣк за Ибраима муллу, и писать де ему, каимакану, не вѣдая ханского намѣрения к гетману против листа его нѣчего ж.

И Петр Волошенин с вѣдома каимаканова к Василю в жидовскои городок из Бакчисарая перешол сентября в 24-м числѣ.

А ноября в 6 день по призыву был Василеи у каимакана, и каимакан у него спрашивал о ханове де величествѣ, гдѣ он ныне обретаетца, он, Василеи, вѣдает ли.

І Василеи ему, каимакану, сказал, что он, сидя за сторожею, что может вѣдат, а хотя об ево ханове величествѣ, кто из бусурман или из жидов, что и скажет и тому вѣрит нѣчему. А желает он, что ни есть доброе от него, каимакана, слышать, и каимакан Василью сказывал.

Ханово де величество к ним в Крым писал, что он и при нем обрѣтающееся воиско все здорово, а с турским воиском, с везирем будучим, сошлис на Моравѣ рѣке и хотѣли обще итит на эрделских венгер, и із Белаграда де к везирю турскому писано, что цесарские воиска их облегли и добывают зѣло жестокими приступами и уж они приневолены блиско здачи. И чтоб им учинит посылок и турскои де везир, подумав, с ханом послали напред себя под тѣ цесарские воиска ханского сына Саадет Гирѣя салтана, а с ним орды с десять тысяч человѣк, а сами шли за ним по волным путем, і тѣ де воиска крымские у цесарских воиск отлучили нѣкоторую малую часть конских стад и с людьми, и когда де цесарские воиска крымские орды к ним подшедшие увидѣли, а о турских воисках, что идут от взятых языков, увѣдали, тогда болши того города не добывали и отступили через Саву реку учиненнымь ими ж нѣмцами мостом и каюками, и переправяс, и тот мост зжегши, пошли к Варадыну, гдѣ на Савинскои переправе и не дошед до Варадына воиска их крымские и белогороцкие за тѣми их цесарскими воисками,

идучи, имѣли с ними многие бои и набрали немецкого полону с триста человѣк, и чаят де, что и на обѣ стороны не без упадку, а из Варадына де цесарские воиска в ночи выбралися и оборонною рукою пошли к будину, и как де бусурманские іх воиска увидели, что цесарские воиска уже уступили, тогда хан дѣтеи своих калгу и помянутаго Саадет Гирѣя салтанов послал к Темежвару для опасения, чтоб не было от цесарских воиск туды наступления, а сам де хан остался при везире в Белиграде, чтоб им тот город починить и укрепить по прежнему, и когда де от тѣх салтанов вѣдомость подлинная придет, что цесарские воиска отступили и болши того воевать не будут, тогда хан со всѣми ордами в Крым безо всякие межкоты возвратитца.

А предводителем де над цесарскими воиски был генерал Гезлер, а в Белеграде де в осаде был сераскѣр паша.

І Василеи, благодарствуя ему, каимакану, за тѣ вѣдомости, говорил, еще б ему, Василю, лутче было то слышать и видеть, когда б ханово величество от туды в Крым пришол в добром здорове и учинил доброе дѣло с великими государи нашими, с их царским величеством.

И каимакан говорил: даи де Бог, чтоб так сталос, а они де всѣм юртом миру с Московским государством крѣпко желают, и когда б де мир и дружба учинилас по прежнему, как прежде сего бывало, то б мочно учинить обще поиск и над Полшею, разведе с ними, поляки, остужатца не похотят для того, что и они называютца христианами ж, а тоде послушали их, поляков и нѣмцов, и шерт с Крымом нарушили напрасно.

І Василеи о полскои сторонѣ сказал ему так, что великие государи наши с Королевством Полским по договором пребывают в постояннои дружбе і во обоих сторонах есть и резиденты. А буде к московскои сторонѣ учинитца с полскои стороны какое миру нарушение или какое таиное лукавство, то великие государи наши тому их непостоянству терпѣть не изволят. Потому что, хотя они, поляки, и християне, толко вѣра их с Москвою разная.

Потом каимакан говорил о задержанiі на Москве іх крымского гонца, а наіпаче от нурадына посланного Ибраима муллы, и по многих разговорах сказал, так де он, каимакан, вѣдая юртовское намѣрение, ему, Василю, говорит: по кое время не будет постановлено, такова о миру договору, на чем было постановлено і шертовано при Мурат Гирѣе хане; то у Крыму с Москвою миру, а по кое время не увидят они в Крыму посланных своих Магмета и Ибраима муллы: то ему Василью отпуску не будет.

А ноября в 18 день каимакан, Василья к себѣ призвав, говорил: что гетманского посланца придумал он отпустить и к гетману от себя против ево листа писать, то писали б и он, Василеи, и гетманскои человѣк, о чем им надобно, потому что он, каимакан, крѣпко о том желает, чтоб ему меж государствы радѣние свое показат.

І Василеи говорил, что он давно о том, о чем он, каимакан, ему обявил, желает і просит, і есть ли он, каимакан, в то дѣло вступит и междо государствы о добрых мирных дѣлех радѣние свое покажет, то он получит себѣ от Бога милость, а от крымского юрта вѣчную похвалу и славу, а он, Василеи, писать будет к великим государем о том, что он по их великих государеи указу и по грамотам учинил, а к их царского величества подданному гетману против его гетманского присланного к нему листа.

И каимакан говорил, чтоб он, Василеи, писал о всем, о чем хочет, а однако ж имянно написал об отпуске гонцах их, Карамагметя и Ібраима муллы, о чем и он отпишет в листу своем к гетману, а будет с Москвы отпустят толко гонца их, Магметя, а Ибраима муллы с ним не отпустят, і они де ис Крыму отпустят толко ево, Василья.

А за тово де Ибраима будут в Крыму держат гетманского человѣка ево, Васильева, товарыща, а отпустя де ныне того гетманского посланца, будем ждать подлинной вѣдомости о хане, и буде де хан придет скоро в Крым, то он будет промышлять об отпуске ево, Васильеве, а буде замѣшкаетца и будет зимовать в Аккермене, тогда он, каимакан, подумав с ним, Васильем, будеть писать об нем к хану и к ближнему ево человѣку в Аккермень, а тепере де того посланца отпустит он без вѣдома ханского и от юртовых людеи таино, кто б тому не воспретил.

І Василеи, тот ево каимаканов совѣт похваляя, ему говорил, что он к великим государем во извѣстие о том, о чем от него слышит, писат будет, и чтоб он, каимакан, лист свои к гетману отдал ему, Василью, а он с тѣм листом и с своими писмами того гетманского посланца отпустит от себя.

И каимакан тому соизволил и прислал тот лист к Василю на завтреѣ ноября в 19 день.

А гетманского канцеляриста Василья Велецкого в тѣ по Василя двѣ присылки ноября в 6-м і в 18-м числѣ каимакан к себѣ не имал, и хотя Василеи о том, чтоб он с ним у каимакана был, присланному от каимакана Ауджу баше, а потом и самому каимакану и говорил, однако ж он, каимакан, видѣть ево не хотѣл не вѣдомо для чего, а только каимакан Василію и сказал, что де знает он только одного его царского величества гонца, а з гетманским человѣком видетис ему нѣ для чего и говорит с ним нѣ о чем; а что от него, каимакана, слышит, то ему скажет и он, Василеи.

І Василеи Аитемирев того гетманского посланца Петра Волошенина отпустил ноября в 21 день на самый празник пресвятые Богородицы пречестнаго ея в церковь Господню введения, и к великим государем писал, і вышеписанную августа з 22 числа прошлого 201 году по сеи отпуск записку послал с ним, Петром, с отпискою своею.

Да с тою ж запискою послана отписка, писанная августа 6-го числа того ж прошедшаго году.

Да и к гетману к Івану Степановичу Мазепе Василеи против ево гетманского к Василью писанного листа писал же, и на отѣзде того гетманского посланца посылал Василеи ево с толмачом с Полуехтом Кучумовым к каимакану говорить ему, посланцу, о подводах, да и для того, что есть ли от него, каимакана, к гетману будеть какои словесной приказ, и тот гетманскои посланец с ним, толмачом, перед ним, каимаканом, были.

И каимакан в подводах ему отказал, а толко Полуехту і сказал: к кому де он, посланец, прислан, тот де как знает, так ево от себя и отпущает, и приказывал Василію, чтоб тот гетманскій присыльщик ѣхал скоро для того, чтоб не приходили той его поѣздки какіе вѣдомости, а к гетману ему, каимакану, кромѣ того, что он писал в листу своем, приказыват словесно нѣчего ж.

І Василеи тому посланцу (чтоб тою посылкою спешит, а наипаче б еѣ не остановить), купля с великою нуждою коня от себя, потому что на которых своих дву конех он, Петр, сам друг с челядником в Крым приѣхал, и і с тѣх конеи один повалился.

А отписку к великим государем писал Василеи такову: великим государем царем и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцем, холоп ваш, Васка Аитемирев, челом бьет, в прошлом, великие государи, в 201 году августа в 27 день в ваших, великих государей грамотах ко мнѣ, холопу вашему, в Крыму будучему, вашего царского величества подданного Воиска Запорожского обоих сторон Днепра гетмана Івана Степановича Мазепы с посланцом с Петром Волошенином писано: в первои, велено мнѣ, холопу вашему, ханова величества крымского ближнему человѣку говорить о присылке к вам, великим государем, прежняго Саадет Гирѣя хана гонца Магмета аги и о намѣреніі всего крымского юрта, что они приговорили с вами, великими государи, быт в миру і в покое по прежнему, да и за салтана турского сторону всѣ дѣла перенимали на себя, и о посылке моей, холопа вашего, в Крым с вашею, великих государеи, грамотою, и о задержаніі моем и о измѣне, і о отѣзде в Крым вора и ізмѣнника Петрушки, и ево воровских замыслах, и что в Крыму тому вору повѣрено, а доброе дѣло отставлено, и ходили воиною под ваши, великих государеи, украиные городы прошлого лѣта, при бывшем Саѳат Гирѣе хане калга салтан, а при нынѣшнем Селим Гирѣе хане нурадын салтан, и тѣми их походами того измѣнника Петрушки и совѣтников ево воровство и обман стал явен. І вес крымскои юрт то увидели, чтоб он, ближнеи человѣк, до хана донес, для чего крымскои юрт, желая покою з государством вашего царского величества и учиня добрую пересылку, то намерение свое отменили, и такому измѣннику и обманщику повѣрили, и к нему пристали, і в великом собраніі за обсылками и добром дѣле под ваши, царского величества, украиные городы дважды приходили, и ныне с вами, великими государи, нынешнеи Селим Гирѣи хан ту прежнюю о дружбе ссылку обновить и покои на обе стороны учинить хочет ли, да как мнѣ, холопу вашему, ближнеи ханов человѣк о намѣреніі ханском обявит и тѣм обнадежит, что с вами, великими государи, і нынешнеи хан і вес крымскои юрт в миру и в покое быти хотят, и мнѣ б, холопу вашему, ему, ближнему человѣку, о вашем, великих государеи, намѣреніі и о миру, и о статях со мною, холопом вашим, посланных, и о посылке для тѣх договоров к вам, великим государем, послов іх, и о своем ис Крыму отпуске говорить во всем по прежнему вашему, великих государеи, указу и по наказу, каков мнѣ, холопу вашему, дан ис Посолского приказу, да мнѣ ж, холопу вашему, велено говорит о отдаче и отсылке в вашу, царского величества, сторону вора и ізмѣнника Петрушки всякими мѣрами.

А в другои вашеи великих государеи грамоте ко мнѣ ж, холопу вашему, писано буде в Крыму ханова ближнего человѣка нѣт, а увѣдомитца о тои посылке каимакан и учнет у меня, холопа вашего, спрашивать, для чего ко мнѣ, холопу вашему, тот помянутои гетманскои посылщик прислан, и похочет тот гетманскои лист взять к себѣ, и тот лист в небытие в Крыму ближняго ханского человѣка велѣно мнѣ, холопу вашему, отдать и каимакану и домогатца против того отвѣту и тому посылщику гетманскому немедленного отпуску у него, каимакана, и буде он, каимакан, против того соотвѣтствованнои лист к нему, гетману, напишет и мнѣ, холопу вашему, отдаст и мнѣ б, приняв тот лист того гетманского посылщика, отпустит, и к вам, великим государем, писать с ним же о всем подлинно без мотчания, а о ваших, великих государеи, дѣлех по вашему, великих государеи, указу и повышепомянутои грамоте мая 8-го дня говорить ханову ближнему человѣку

в то время, как он с ханом в Крым придет, и просить о том подлинного соотвѣтствования и мнѣ, холопу вашему, отпуску, как о том писано в вышепомянутои вашеи, великих государеи, грамоте, и каковым, государи, поведением тѣ, ваши, великих государеи, грамоты одержал, и что по вашему, великих государеи, указу и по тѣм грамотам я, холоп ваш, учинил о том о всем записку, написав обрасцовою азбукою к вам, великим государем царем и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцам, с сею отпискою послал я, холоп ваш, вашего царского величества подданного гетмана Івана Степановича с посланцом с Петром Волошенином ноября в 20-й день и велѣл подать в вашем государственном Посолском приказе думному дьяку Емеляну Игнатьевичю Украинцову с товарыщи, да с сею ж отпискою послал я, холоп ваш, отписку ж, писанную в августе мѣсяце прошлого 201 году, которая послана была с нововзятым неволником ватаги Антона Рудого станицы з запорожским казаком с Остапом Кузем: и не дошла для того, что он поиман за Перекопом аж на Каланчаке, однако ж, государи, Божіим хранением соблюлас и досталас безбѣдно в мои, холопа вашего, руки по прежнему, а как, государи, хан в Крым придет, и я, холоп ваш, по вашему, великих государеи, указу о ваших государских дѣлех буду говорить и промышлять, сколко Господь Бог помощи подаст (с полскои, государи, стороны к пересылкам с Крымом отнюд не слышать и дербыш Мурза там в Полше живет по прежнему, а вор и ізмѣнник Петрушка с товарыщи своими живет в Белогородчине на корму в волоских деревнях, а с ханом он, государи, не был. И товарыщи ево всѣ разбежалис, а толко от осмидесят человѣк осталос при нем с десят человѣк).

А августа 6-го дня отписка писана такова:

Великим государем царем и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцам, холоп ваш, Васка Аитемирев, челом бьет. По вашему, великих государеи, указу послан я, холоп ваш, с вашею, великих государеи, грамотою к крымскому хану в гонцех и о бытиі, государи, своем стою вашею, великих государеи, грамотою у Саоат Гирѣя хана на приѣзде, и что о присланных статях о миру ближнеи ево человѣк Алиш ага мнѣ, холопу вашему, говорил, также и о задержаніі моем в Крыму и о поведениях крымских в то время обращающихся к вам, великим государем, писал я, холоп ваш, з запорожским казаком с Яковом Вороною из жидовского городка іюня в 19-м числѣ прошлого 200-го году, да я же, холоп ваш, к вам, великим государем, писал о крымских же поведениях, и о потребных вѣдомостях, и о бѣдном своем житиі сентября в 7-м числѣ нынешняго 201-го году с полтавским купцом з Захаром Іаковлевым; но тоѣ, государи, отписку да вашего царского величества подданного гетмана Івана Степановича Мазепы посланного со мною канцеляриста Василя Велецкого к нему, гетману, лист, плут и ізмѣнник Петрушка с товарыщи, будучи в Перекопи, перенял и обыскал и привел ево, Захара, совсѣм в Бакчисараи, за что он, Захар, лишен всего имѣния своего и окован сидѣл многое время, да и ко мнѣ, холопу вашему, бусурманские были многие приметки, однако ж, государи, милосердием всемогущего Бога до сего времяни прошло безвредно, потому что отписки прочесть никому невозможно, а в листу к гетману противного татаром ничего не написано, и живу я, холоп ваш, в жидовском городке со всѣми людми за сторожею по прежнему, і от убытков, государи, утеснения ради, и малого и неповседневного корму уж пришли в конечную нужду и отпуску отнюд не

слышим; ханом, государи, учинен в Крыму прежде бывшый Гаджи Селим Гирѣи. І в Крым пришел декабря в пятыи день, а калгою сын ево прежнеи же, а нурадыном племянник роднои, а везирем государи учинен Шахбулат ага; и я, холоп ваш, до него, аги, чтоб с ним видетись и о ваших государских дѣлех ему предложить, доступил с великою трудностию из дачею, и был у него дважды декабря в 15-м да генваря в 23-м числѣх и говорил, ханову величеству о присылке моей, холопа вашего, в Крым извѣстно ли, и тоѣ от вашего царского величества присылку приемлет ли и с вами, великими государи, в миру быт желает ли, и какое ханское о том намѣрение, также говорил я, холоп ваш, о задержанії на Рус в то время воиск и о иных пристоиных делех, о чем по вашему, великих государеи, указу мнѣ, холопу вашему, наказано и применяяс к здѣшним поведениям; и он, ага, выслушав тѣ мои, холопа вашего, слова, мнѣ говорил, что от вашего царского величества о моеи, холопа вашего, присылке хан вѣдает и чтоб междо Московским государством и крымским юртом был мир, хан і весь крымскои юрт желают, токмо де он, хан, пришед в Крым, еще не осмотрился, бѣи и карачѣи не сѣзжалис и думы о том не было, а как съѣдутся и подумают и на чем постановять, тогда он, ага, мнѣ, холопу вашему, и обявит, а болши того ни в какие разговоры он не вступал и конечное слово сказал, что всѣ мои предложения донесет ханову величеству и учинит мнѣ, холопу вашему, скорую отповед, а о задержаном, государи, на Москве крымском гонце ближние люди не упомянули мнѣ, холопу вашему, никогда ни единого слова. И крымскому, государи, хану по салтанскому указу турского велено итит вешним времянем на венгры, и для того присланы от него, салтана, был чауш да з золотыми на дачю капыкулом и сеименям капычи кегая. И я, холоп ваш, видя, что от него, ближняго человѣка, нѣт никакова дѣла, ни отповеди о ваших государских дѣлех и об отпуске своем: а буде не отпустят, и о том бы к вам, великим государем, мне, холопу вашему, писать и послать от себя хотя человѣка своего до Запорожя промышлял чрез размѣнного Аштемир бѣя Сулешева, и бѣи мнѣ, холопу вашему, сам и чрез толмача говорил, хан де говорит, что я, холоп ваш, прислан с Москвы к ним в Крым не з добрыми им делами, потому что поминков не прислано, і в розмѣнном казнѣ вовсе отказывают, и бѣи де и карачѣи приговорили, что к вам, великим государем, ему, хану, писать и посла своего посылать, и меня, холопа вашего, отпустит нѣ для чего. Потому что і их гонца на Москвѣ держат. А о отписки де и о посылке мнѣ, холопу вашему, человѣка моего хан сказал так: что де одного человѣка к Москве отпустить, что всѣх всѣ равно. И для того де меня, холопа вашего, не отпускать, и приговорили, что и сами они идут на воину: а наипаче де всего в сем дѣле помѣшка, что в вашеи, великих государеи, грамоте к ево ханскому имени написало нечто зѣло противное: и есть ли де Москве мир надобно, и к нему де, хану, прислан с Москвы будет и еще кто ни есть. Или ваша, великих государеи, грамота с полскои, государи, стороны во вся жития моего в Крыму дни присылки не бывало, и крымскои, государи, посланник Дербыш мурза, которои послан в Полшу в апрѣле мѣсяце, прошлого 200-го году по се время еще не возвращался, а о чем, государи, он послан, того отнюд провѣдать не возможно, а хотя, государи, он там и живет, однако ж, Белогороцкая орда в февралѣ и в марте мѣсяцех ис Полши навезли к себѣ полону во время сеиму мужеска полу и женска сорок тысеч душ, да в апрѣле, государи, мѣсяце нынешняго году были от калмыцкого Аюки: один человѣк с конским табуном на продажу, другои посланник, и просил у хана салтана с воиски татарскими, чтоб с ними итит воиною

под Казан и под іные по Волге обрѣтающияся городы за военную досаду от донских казаков им, калмыком, творимую, и ім, калмыком, для венгерскои воины в салтане отказано, а сказано, что укажет хан с ними итит ис черкес одному нѣкакому бѣю с воиски пристоиными, и отпущен тот посланник к Аюкѣ, а которои с табуном и тот поѣхал с ханом, а хан, государи, и калга вышли на венгры из Бакчисарая мая в 1-й день, а из Белагорода того ж мая в 25 день, а для охранения Крыму оставлен нурадын салтан, а воиска, государи, с ним, ханом, с тритцать тысечь из белогороцкими, а по настоящему государи времяни, как здѣсь обноситца, Крыму со всѣх сторон добро и упатку ни откуду нѣт ни малого. И хотя государи и трепещут и боятца они, бусурманы, ваших государских ратей на себя наступленія, однако ж из украиных малоросииских городов с поль непрестанно похищают і волочат в Крым неволников. Милосердые государи, пожалуите нас, холопей своих, призрите на нас, бѣдных, в терпѣнии крымском страждущих, своею государскою милостию, как вам, великим государем, Бог известит, а сию, государи, отписку и слезное челобитье наше послал я, холоп ваш, таино с великою нуждою и не безпеченством из жидовского городка августа в 6-м числѣ подать в Посолском приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцеву с товарыщи.

А к гетману Івану Степановичю лист от Василя писан таков:

Пресвѣтлѣиших и державнѣиших великих государеи Божією милостию царей і великих князеи Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великия і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцев и многих государств, и земель восточных, и западных, і сѣверных отчичей, и дедичей, и наслѣдников, и государеи, и обладателей, их царского величества подданному Воиск Запорожских обоих сторон Днепра ясневелможному гетману Івану Степановичю, моему премилостивому государю и благодетелю от вседержителные и щедрыя десницы Божіи доброго и многолѣтного в ненарушимом здравиі пребѣванія сщасливых и благополучных поведении благовременныхъ ж і вечных утешениі получения усердно желаю.

Августа 22-го дня прошлого 201-го году одержал есм лист велможности вашей, государя і великого благодетеля моего: в котором обрѣтох премногое іако отеческое милости вашеи любителное ко мне присещание, за которую велможности вашеи милость, велие и наипокорнѣишее восписую благодарение. Да в том же листу изволяеш, велможность ваша, мнѣ обявлят, что с вѣдома монаршеского их царского пресветлого величества посылаеш, велможность ваша, в Крым нарочного своего посланца Петра толмача ко мнѣ с листом до везиря его ханскои милости от велможности вашеи писанным, в котором ваша милость докладает то, что до сего часу по предначатому добрых мирных дѣл отзыванию бывших их милостеи ханов крымских за початком и за лживым предложением измѣнника и щонка Петрушки мнѣ и от вашеи милости со мною посланному человѣку нѣт отпуску и чтоб мнѣ, отобрав от того посланца велможности вашеи лист к прежде реченному везирю, надлежащеи отдать своими руками и просити на оны отвѣту и скорого тому посланцу и к велможности вашеи отпуску, а естьли он, везир, пошол с ханом, его милостию, на воину немецкую, а увѣдомився о тои посылке похочет тот лист из рук моих взять каимакан, и мнѣ б тот вашеи велможности лист отдать и каимакану, и просити у него по тому ж о отвѣте и о скором тому посланцу отпуске, и с ним до велможности вашеи и мнѣ б о чем надлежит писат, а естьли б он, каимакан, имѣл ево, посланца, пред себя звати и за ханом с тѣм листом к везирю посылати, и тому б посланцу ни к каимакану ходить ни за везирем ѣхать

отнюд не велѣть, токмо то дѣло и приѣзд того велможности вашеи посланца Петра, сталося не таким поведением, как тою листовною велможности вашеи накукою мнѣ такъ ж и ему, Петру, в Крыму поступить приказано: но когда приѣхал он в Перекоп, но тогда принят и припроважен в Бакчисараи прежде до каимакана, нежели до мене, а каимакан, отобрав у него всѣ присланные с ним писма, призвал нас к себѣ, и грамоты великих государеи, і вашеи велможности помянутыи ко мнѣ лист принял я от рук каимакановых, а не от того Петра, и то все с небреженіем отпечатано, сирѣчь и подрано, и іс тѣх писем выпрашивал он, каимакан, у нас и у посланца о вѣдомостях про воиска монаршеские, которых якобы на себя начаютца, и как ему, каимакану, против вопросов ево пристоиные от нас, и от того Петра отповеди сказаны, тогда он, каимакан, говорил, чтоб мнѣ лист велможности вашеи, к везирю писаннои, ему и нурадынову ближнему человѣку Агметь агѣ прочитати, что я за многим спором (чего было мнѣ творить и неприлично) имѣл по воли ево учинити и тот лист им читал, а о чем ему, каимакану, по указу великих государеи наших по врученнои мнѣ инструкцыи, и по нынешним присланным ко мнѣ их царского величества грамотам я предлагал, и что в листу велможности вашеи к везирю писано, о том о всем принял он к доношению нурадыну салтану и старым крымского юрта карачьбѣем, а потом, нарекая о задержанії на Москвѣ гонца их, Карамагметя, и после того от калги посланного Ибраима муллы, он, каимакан, соотвѣтствовал чрез толмача, от меня к нему посылаемаго, что послали они тот вашеи велможности к везирю писаннои лист до хана, а без хана о пересылке междо государствы учинить им немочно: что, подтверждая после того, и со мною видевся он, каимакан, и об отпуске того велможности вашей посланца по тому ж отговаривал, а потом ноября в 18-й день не вѣдомо с каково случая он, каимакан, меня призвал и сказал, что он и без ханского велѣния удумал того посланца Петра отпустить и с ним к ясневелможности вашей писат и, дабы и наши с ним писма свои послать же, а именно б писать к великим государем, к их царскому величеству, и к вашеи велможности об отпуске гонца их Магметя, а наипаче Ибраима муллы, а есть ли де отпустят с Москвы толко одного Магметя, а Ибраима задержат, то за того Магметя отпустят ис Крыму толко меня, а за Ибраима муллу будут держать в Крыму от велможности вашеи со мною посланного колегу моего, господина Василия Велецкого, что, предложив велможности вашеи государя и благодѣтеля моего, яко напокорнѣише при лице земном моем поклоненіи прошу, благоволи, велможность ваша, премудрѣишим своим промышлением, как велможности вашеи всемилосердыи Господь Бог известит о немедленном избавленіі нашем отсюду восприяти попечение, понеже от часу приходим в конечную нужду, и как мы в Крым по товаришески приѣхали, так бы ис Крыму свободитис неразлучно и стати пред очима велможности вашеи, оглядаючи благополучное твое здравие, а каков лист к велможности вашеи, господин каимакан писал, и тот лист я у него приняв, посылаю к велможности вашеи чрез посланца вашеи милости Петра Волошенина с сим моим писанием; за сим поручаю велможность вашу во всецѣлое сохранение всемогущему Господу Богу и пребываю

Вашеи велможности всѣх благ,
Усердный желатель
и нижаишеи слуга Василеи Аитемирев
Из жидовского городка ноября 20-й день
1693 году.

Да с тѣм же з гетманским же посланцом отпущон к Москвѣ будучеи при Василье бывшеи житного двора подячеи Ромашка Григорьев и приказано ему явитца на Москвѣ в государском Посольском приказе.

И для свидѣтелство отпуску его дан ему, Ромашке, от Василія проѣзжеи лист, таков:

Пресветлѣиших и державнѣиших великих государеи, их царского пресвѣтлого величества, гонец Василеи Аитемирев всѣм вопще и кождому особно, кому о том вѣдати надлежит; а имянно его милости господину атаману кошевому и всему Низовому Воиску, а в малоросіиских городѣх их милостям господам полковникам, сотником, атаманом и всякои старшинѣ обявляю сим свидѣтелствованным листом, что, будучи я в Крыму, отпущаю от себя при паланцѣ по милости господина гетмана их царского пресвѣтлого величества Запорожских Воиск при Петре Волошенине человѣка при мнѣ будучего Ромашку Григорьева до царствующаго града Москвы, о чем покорно прошу, извол ваша милость оного пропущати вездѣ безо всякаго задержания. Дан в Крыму в жидовском городкѣ ноября 21-го дня 1693 году и приложена печать.

Ноября в 24 день приѣхал в Бакчисараи меретинскои земли посланец сам друг с толмачом. И по прилучаю того дни видевся на базаре с толмачом с Полуехтом Кучюмовым, ему, Полуехту, по вопрошению ево сказывал, что они присланы от Арчила царя к крымскому хану с листом, а что де в нем писано, того он не вѣдает, толко де чает он, что писано к хану с прошением о помощи против кизилбашцов, потому что от них им, меретинцом, чинитца великая обида и разорение, и ныне де, когда хана в Крыму они не получили, то с тѣм листом поѣдут они к нему, хану, и в турскую землю или гдѣ ево сыщут.

И он де, Полуехт, ему, посланцу, говорил, для чего де царь их так дѣлает, что пребывает в подданстве у великих государеи московских, а ссылку имѣет и помощи ищет себѣ у бусорманов.

И тот посланник говорил: то де он, посланец, вѣдает, что царь их в подданствѣ у великих государеи московских, и царица их де и царевичи живут на Москвѣ, толко де от Москвы землѣ их меретинскои нѣт никакои пособи.

А как Полуехт с тѣм посланцом сперва сошлись, и в то время при том их сходѣ были бусурман Муктасив да два человѣка гречан: и он, посланец, в то время им, бусурману ж и грѣком поманул, чтоб они ему в словах его не преслѣдовали, а токмо слушали и болши того в розговоры не вдавался и імени своего ему, Полуехту, не сказал.

И жили они в Бакчисарае на своих проторях, а корму ханского им не давано, и із Бакчисарая поѣхали в турскую землю ноября в 30 день.

Декабря 7 день был в жидовском городкѣ Тохтамыш Гирѣя салтана (что бывал при Мурат Гирѣе хане калгою) сын Шагин Гирѣи салтан, котороι имѣет себѣ от роду лѣт четырнатцать и живет в Крыму: блиско Акъмечети в селѣ Іангурчю у талыка своего Алказы имянем, и приходил с постоялого двора для погуляния к Василью, и аталык ево салтанскои говорил, что пришол он, салтан, его царскаго величества гонца посѣтить, а потом он же сказывал, что де дѣти ханские калга салтан з братьями и своиски крымскими с можарскои воины в Крым идут, а ханово де величество чаеть ис Бѣлаграда поидет к турскому салтану в Андріанополь и оттуду не забавяся в Крым будет вскоре ж, и даи де Боже, чтоб междо Московским государством и крымским іх юртом учинился мир, чего они всѣ желают, и чтоб

он, Василеи, то его государичево посещение принял себѣ в любовь, а иногда ево сщасливым приходом даст ему Бог вскорѣ и отпуск.

И Василеи благодарствуя ему, салтану, за посѣщеніе его подчивал его вином.

Он ж, салтан, приходил к Василю и на завтрѣе рано часу на первом дни, і Василеи за то ево посѣщение поблагодарствовал и подчивал ево, салтана, и Аталыска и людеи ево вином.

Декабря в 10 день вѣдомо учинилос, что крымскои посланник Дербыш мурза ис Полши отпущон, и от короля посланы с ним к турскому салтану послы и приѣхали в Смаил.

А о Селим Гирѣе хане сказывалі, что он по указу салтанскому от Белагорода поѣхал к нему, салтану, в Андрианопол, а с собою взял толко двора своего чиновных, да из знатных мурз і аг нѣсколко человѣк, да три бидюка семенеи, а детеи своих калгу, и Саадет Гирѣя, и Казі Гирѣя салтанов, и ближняго своего человѣка Шагбулат, агу и иных началных с крымским и белогороцким воиском отпустил по домом.

Декабря в 22 день посылал Василеи толмача Полуехта к каимакану, приказал ему говорить о нарочитом дворѣ к зимнему времени, а наіпаче провѣдать и разговоритца о хане и о иных дѣлех, что потребно к вѣдомости.

И толмач, пришед от каимакана, Василью сказывал, что он каимакана видѣл и о дворѣ и о иных делех с ним говорил. И каимакан де ему сказывал, что хану указал салтан турскои быть к себѣ в Адрианополь для полских послов, а полские де послы пришли в Смаил во сте конех и просят миру, токмо де им, поляком, вѣрить крѣпко сумнительно, потому что они эски велезина, то есть старые шалбери; и ныне де чаят они присланы не для подлинного миру: но токмо де, чтоб им задержать воиска наши нынешнюю зиму для того, что де белогороцкие татары ходят к ним и добываютца и зимою, и услышим де впред, что от них обявитца, и тѣх де послов велено припроводить из Ысмаіла в Адрианопол, и послан к ним для того от хана Абдраман ага; и чтоб он невеликое время пообождал, потому что де салтаны калга и іные с воиски в Крым идут, и ханскои ближнеи человѣк Шахбулат ага ѣдеть ж и будет в Крым скоро, а когда приѣдут, тогда он, каимакан, с Шахбулатом агою поговорит и порадѣет и об отпуске ево, Васильеве, и тогда де и двор будет ему не надобен.

И калга салтан в Акъмечет в жилище свое приѣхал генваря в 1-и день, а братья его Саадет Гирѣи и Казы Гирѣи салтаны і ближнеи человѣк Шахбулат ага в Бакчисараи приѣхали генваря в 12 день. А замѣшкалис в Очакове за рекою Днепром, что он еще льдом не укрепился, и которые татаровя хотѣлі переѣхать по лду, и их потонуло человѣк с полтораста да конеи с триста и болши.

Генваря в 16 день посылал Василеи толмача Полуехта к каимакану увѣдомитца, любо приѣздом салтанов и ближняго человѣка, что обявилося, и чтоб он, каимакан, поволил ему, Василью, с собою видетис.

И толмач, от каимакана пришед, Василью сказывал, что каимакан ему говорил, что де он салтанов дѣтеи ханских калгу и братьев ево и ближняго человѣка Шахбулат агу видал: токмо об нем, царского величества гонцѣ, ханского указу и никаких слов от них не слыхал, і чтоб де он, Василеи, послал от себя к ближнему человѣку спросить о здоровье, и он бы, ближнеи человѣк, иногда что и скажет или велит и самому ему, Василью, с собою видѣтися, а он де, каимакан, к ханову величеству об нем, царского величества гонцѣ, писал с татарином Рахметелем

именем, і то писмо пошло к хану в Адрианопол, а ближняго человѣка не застало для того, что он, Шахбулат ага, от хана уж был отпущон и был в Акъкермени, и ожидает он, каимакан, на то свое писмо отповеді от хана в скорых днях, а чтоб ему, каимакану, с ним, Васильем, видетис и ныне де при ближном человѣке ему, Василію, ѣхать к нему, каимакану, мимо ево подозрѣнно, а будет де и ближнеи человѣк велит ему, Василью, с собою видетис, и он бы, Василеи, о том, что он с ним, каимаканом, видѣлся и о чем разговор имѣл, и что он, каимакан, писал от себя царского величества к подданному гетману с посланцом ево, ему, ближнему человѣку, до времени не сказывал: для того что он, каимакан, хотя с ним, Шахбулатом, и видался, однако он о том еще ничего не говаривал.

И генваря в 17 день по тѣм ево каимакановым словам к ближнему человѣку Шахбулату агѣ Василеи толмача Полуехта посылал, приказав ему спросить о здоровье и обявить о присланных к нему, Василью, великих государеи, іх царского величества, грамотах и чтоб он поволил ему, Василью, с собою видетис.

И толмач Полуехт, пришед от него, ближняго человѣка, сказывал, что ближнеи человѣк нравом и поступком и дѣлностью своею оказался истинным подобием таков же, каков был с первых днеи везирства своего, толко что спросил о здорове. И чтоб им, Василью и прочим, хотя они в Крыму живучи имѣют и нужду, не печалитися, а чтоб ему с Васильем видетис и о дѣлех поговорить, і то он, Шахбулат ага, отложил до ханского в Крым приходу, а потом сказал, как де он, Шахбулат, приѣхал из военнои тяжести, поотдохнет, и он де чаять велить і ему, Василію, с собою видетис, и для того к нему, Василью, кого ни есть от себя пришлет.

Генваря в 23 день посылал Василеи толмача Полуехта в Яшлов к Кемалу мурзѣ Сулешеву, приказав ему провѣдать о хане, гдѣ он обретаетца и розговоритца о воинском поведеніи, и для чего ближнеи ханскои человѣк приѣхал в Крым, а не при хане, также и о полских послѣх, потому что он, Кемал, в венграх с ханом был и приѣхал свѣжо.

И толмач Полуехт, приѣхав оттуду, Василью сказывал, что он Кемала мурзу да и розмѣнного Аштемир бѣя видал и с ними говорил, и они де ему, Полуехту, сказали, что ханово величество в Одрианополи, поѣхал туды по салтанскому указу турского для полских послов і, что там учинится, о том они в Крым ожидают скорои вѣдомости.

А Шахбулат де ага приѣхал в Крым для того, что он провожал крымского юрта санджак, потому что, когда хан санджак от себя в Крым отпустил и без него, хана, при том санджаке, кромѣ ближняго ево ханского человѣка быть нѣкому, потому что салтаны, калга и братья ево с воиски своими ходили для добычи на эрдельских венгер особо и он, Кемал мурза, был при калгѣ салтане. Ишли оттуду в Крым иным путем, ис тѣх де венгер привез он, Кемал мурза, ясырю себѣ осм душ, а розбивали де и добывалис орды их (имѣя себѣ визиря турского, и ханское позволение) венграми турецкою ратию тѣми, которые живуть близко Белиграда в селех і в деревнях вверх Дунаю, а с цесарскими воиски не бютца, и Белуграду ни в чем не помогают.

А ис Полши де поѣхалі в Адріанопол великие послы пехотного строю генерал с товарищи, которые имѣют у себя корѣты и восм великих полубов і конеи со сто і болши. И слышали де они подлинно, что им, поляком, с турским салтаном и с крымским их ханом учинит мир и чтоб им подданных своих: то есть малоросиискои краи от Московского государства под себя подбить по прежнему, и для

того крымские и белогороцкие орды были б им, поляком, помощию, и потому де правда их бусурманская пред христианы объявляетца, что Москва и Полша шерть с ними нарушают, а ныне де они сами у них татар миру просят, и что де учинитца впредь, о том Бог вѣсть.

От тѣх же де послов полских (он, Кемал, сказывал) в Килiи отстал и приѣхал в Крым с ханским сыном с Казы Гирѣем салтаном; слуга пана Синявского для покупки каотанов и бурок (чекменеи и епанеч) черкѣских и iных крымских вещеи, что ему надобно, потому что Казы Гирѣи салтан, живучи в Аккермене, с ним, Синявским, имѣет дружбу i пересылки междо ими там бывают непрестанные.

И после он, Василеи, о том поляке провѣдал подлинно, прозванием называетца он мосци Бротцкiи, а синявскои староста лвовскiи живет в местечку своем, имянуемом Брежанах, и послал ево к Казы Гирѣю салтану с подарками, а подарков: часы столовые в золотом корпосе, сукна кармазину доброво четыре портища, да отласов и камок по четыре ж портища того ради, что он, Синявскои, королю польскому есть противныи, и когда белогороцкие орды ходят в Полшу, тогда при королевских маетностях разоряют и пленяют, и ево, Синявского маетности, и чтоб он, салтан, сам так не чинил и ордам заказ учинил, чтоб впред маетности ево обходили, гдѣ тот мосци Бротцкiи, будучи нѣкогда у него, салтана, по приказу пана своего, политично якобы в жартах объявлял ему, чтоб тот подарок принял себѣ он в любовь, а для лутчего прiятства желает он, Синявскои, с ним, Казы Гирѣем салтаном, видетес и привитать его сам на сам, когда даст Бог в военном поле.

А поставлен он мосци Бротцкои был в Бакчисарае в армянскои слободѣ, людеи с ним было четире человѣка.

И корм ему с людми поденнои, то есть хлѣб и мясо, водка и шарап i все, что потребно, и конем их iачмень и сѣно давано з доволством.

И отпущон он в свою сторону из Бакчисарая февраля в 28-м числѣ.

А подарков от Казы Гирея салтана к нему, Синявскому, против присылки ево с тѣм мости Бродским послано: конь со всѣм убором, саадак да бурка (епанча) и платье черкѣское.

А неволников своеи земли никово на окуп ни на розмѣну не уволнял, ни о тар ханех у салтана не просил, и которые тар ханы к нему во время бытия ево в Бахчисараѣ также и под час выѣзду ево приходилi и конеи своих имѣли, и о уволненiи своем ево просили, и он им толко отговаривался тѣм, что ему того чево не приказано собою дѣлать невозможно. А полские де великие послы, которые поѣхали к турскому салтану (сказывал тот поляк) пан Ревускiи, староста хелмскiи, с товарищи, и подлинно де он мосци Бротцкiи вѣдает, что мир у них с турки и с татары нынѣ не учинитца.

Он же мосци Броцкiи сѣтовал крѣпко о том, как бы ему до пана Синявскаго доѣхать в цѣлости не от татар, но от королевских людеи, потому что де он послан таино, и есть ли де он впадет в руки их, то он конечно себѣ жив быть не надѣетца.

Марта в 1 день в Бахчисараи приѣхал от хана Чюгодар, которои посылан к хану от ханеi ево, и сказывал, что Селим Гирѣи хан из Адреянополя от турского салтана в Крым отпущон, и он, Чюгодар, ѣхал при нем, хане, четыре дни, и хан де ево послал в Крым напред себя с вѣдомостью тому по сие марта 1 число осмнатцать днеи.

Он же сказывал, что полские послы из Адрианополя отпущены и поѣхали прежде ханского выходу за три дни, а миру с турским салтаном и с ханом не учинили для того, что миру хотят и Каменца и иных завоеваных своих мѣст себѣ просят также за стороны союзников своих, то есть, великих государеи московских и цесарскаго величества римского, чтоб в том же миру быть говорят, а казны им в Крым давать не хотят.

И марта в 3 день Василеи посылал толмача Полуехта к каимакану, приказав ему о том провѣдать по подлиннѣе.

И каимакан ему, Полуехту, сказывал, что де Селим Гирѣи хан в Крым идет подлинно и чаят де, что уж пришол он в Акъкермен, а царского де величества о гонцѣ об нем, Василье, от ево ханова величества к нему, каимакану, против листа ево писано, что учинено будет об нем, что доведетца в то время, как он хан будет в Крыму,

А полские де послы от турского салтана отпущены, а миру с турки и с Крымом не учинили потому, что такие у них запросы великие, чего турки и крымскои юрт во вѣки не уступят и не учинять и к миру у них, поляков, нѣт никакова приступу. А де напред сего еще с приѣзду их познал, о чем и с ним, толмачом, нѣкогда говорил, что они, поляки, древние шалбери, и правды, и добра от них никогда не будет, и ныне де тѣ послы остановилис сами невѣдомо для какова дѣла в Акъкермене и дожидаются ханова величества, а тѣм посолством своим у них, бусурман, зипун потеряли, потому что во время приѣзду и бытия их в Адрианополи, чая от них добра от хана Белогороцкои ордѣ, чтоб они воиною и на безбаши в Полшу не ходили, было заказано; а Москве де от них учинилося не без убытку, потому что белогороцкие их кочевые ногаицы без добычи на одном мѣсте сидѣть не обыкли, і Урмамет мурза з гетманчиком Петрушкою и с ними нагаицов тысечи с четыре ходіли под Переяслов і возвратилис оттуду с немалою добычью. И чаят де, по кое время тѣ полские послы в Аккермене побудут, белогороцкие орды в Полшу ударятъся же.

Марта в 13 день вѣдомость пришла, что хан пришол в Перекоп в 11-м числѣ и, не стояв там ночи, пришол в село Аблам, которое обрѣтаетца за каменным мостом от Перекопи в пятидесяти верстах.

Марта в 14 день виделся с Василем, ѣдучи з базару, ханскои купчина Исак Челибѣи і сказал, что прислан от хана з дороги татарин, чтоб он, Ісак, изготовил ему, хану, того дня к вечеру, что ему, хану, в сараи его потребно и спалную шапку, потому что де к ночи конечно он, хан, в Бакчисараи придет.

Он ж, Исак, сказывал о полских послѣх, что остановилис де было они дожидатца хана в Аккермени и імѣли говорить до него, хана, нѣкакое слово. И хан де, увѣдав о том их намерение, приказал Абдраману агѣ, которыи у них, послов, был в приставех, из Акъкерменя выслать прежде своего туды приходу и сказать: когда они того, о чем ныне хотят ему говорить, не обіавили, в Адрианополи, когда он, хан, был при салтанове величествѣ, і у них де, уланчѣев, и ныне слушать нѣчего, потому что запросы свои обіавляют великие, да еще и за посторонние, то есть за Московское и за цесарское государства говорят, а ни от которого государства соизволения на то и листов у себя не імѣют и за московскую де сторону говорить, что им, полякам, пристало, потому что росиіские государи великие и силные и самодержавные, и что изволят чинить мир ли с кѣм или воину, о том ни с которыми государствы не спрашиваютца.

Что подтвержая после того о полских послѣх Василею самому, такъже и толмачю, і людем Васильевым посылаему на базар, и бусурмане, которые были с ханом, сказывали подлинно; и Абдраман де ага, которои у них, послов, был приставом, провожал их, послов, до столицы волоскои, до Яс.

И Гаджи Селим Гирѣи хан в Бакчисараи пришол того ж числа в третем часу ночи, а во времіа входу ево стрелбы не было.

А дѣти ево, ханские, и каимакан, и ближнеи ево человѣк встречали ево, хана, на Алмѣ реке от Бакчисарая, толко верстах в десяти не з болшим.

И марта в 16 день Василеи посылал толмача Полуехта Кучюмова к Апкериму эфенди, и к ближнему человѣку Шахбулату агѣ с поздравлением ханского приходу,

И Апъкерим эфенди, Василью благодарствуя, говорил ему, толмачу, что он по своему слову, как преж сего ему, Василью, говорил о добрых междо государствы дѣлех и об отпуске ево, Васильеве, всячески радѣть будет, токмо де добро бы и то когда б с Москвы была к ним в Крым какая вѣдомость или присылка на писма, которые з гетманским посланцом ис Крыму посланы.

А ближнеи человѣк по тому ж, за тоѣ присылку поблагодарив, и сказал, что чает де (когда уж ханово величество пришол) он, ага, когда ни есть с ним, Васильем, увидитца и о чем надобно переговорит, и чтоб подождать, а не печалитца, а что де наперед сего он, Василеи, к нему, Шахбулату агѣ, с ним, толмачом, приказывал, что имѣет он у себя царского величества грамоту, и о тои де царского величества грамоте ему вѣдомо, и чаять де по тои грамоте говорить ему с ним тѣ слова, что и прошлого году видевся он с ним, Шахбулатом, Василеи говорил.

Марта в 25 день в Бакчисараи приѣхал из Адрианополя наскоро от турского везиря с листом к хану турчанин, чтоб Гаджи Селим Гирѣи хан, памятуя к себѣ ево везирскую дружбу, что он отпущал его на крымское ханство, причинился салтанову величеству турскому за него, чтоб не предан он, везир, был смерти. Потому что он по ево салтанскому указу взят и посажен на башню и приговорен смертнои казни за то, что он во время цесарских воиск приступу к Белиграду с воиском турским шол мешкотно. И тою ево мешкотою Белуграду учинилос от цесарских воиск великое раззорение, что мало и не взят, и чтоб тою ево ханскою причиною от смертнои казни он, везир, был свобожден, а турскои де салтан прошения ево ханского послушает, потому что у турков он, хан (для древних ево лѣт і в военных дѣлех искуства и что был у Магметева гроба, ходил до Магометевы кеабѣ), имѣетца в великом почитаниі.

А Казнадарде баша, и янычерскои ага турские в том же дѣле уже и казнены, то есть вервом удавлены.

И хан к турскому салтану о заступленіі везирском писал и с тѣм листом послал от себя Чюгодара своего, которои Чюгодар с тѣм присланъным турчанином отправлен поѣхал из Бакчисарая марта в 27-м числѣ.

Марта в 28 день в Бакчисараи приѣхали калмыцкие послы: о своих улусных дѣлех, і пригнан за ними конскои табун на продажу тысеч з дватцать и болши, которые от Аюки таиши выѣхали прошлого году и зимовали с тѣм табуном в черкасех за Азовом.

Марта в 30 день хан выходил в диван и была дума, потому что калга и нурадын салтаны, такъж бѣи и карачѣи в то время были в Бакчисарае всѣ в съѣзде.

И апреля в 1 день ис тои думы учинилос вѣдомо, что к калмыком назначены, для осторожности улусов их калмыцких от московских воиск, а именно от донских казаков, знатные мурзы четыре человѣка, Кантемир мурза Карабѣев сын Мансуров, Батырча мурза аргынскои, Дакатырша мурза Уктемир бѣев сын ширинскои, да сыдживуцкои мурза, с татарскими і с черкескими воиски, для того, что калмыцкои Аюка Таиша (говорили) издох и междо ими, калмыки, не востало б каково смятения. Потому что с Москвы была де к ним присылка нѣкакая.

И апрля в 25 день вѣдомо учинилос из Акъкермени, что от турского салтана шлетца с чаушом в Крым для венгерские воины салтанская казна.

И та салтанская казна привезена в село Алмакермен до Бакчисарая верст за осм мая в 1 день.

От салтана прислан с тою казною чиновнои человѣк эмиргорь, то есть конюшеи, і под везирем имѣетца третеи человѣк, и прием ему (сказали) будет в Бакчисараѣ мая в 2 день.

И Василеи того дни посылал при ему и приѣзду ево присмотритіся толмача Полуехта Кучюмова да гречанина Дмитрея Николаева.

И при ем того турского эмиргоря был сицев:

1) утра часу на первом дни послан к нему, эмиргорю, с сарачем ханскои конь убран по турски с рахтом из де идыком;

2) помѣшкав часа з два, выѣхали из Бакчисарая навстрѣчю ему ханскіе билюк баши всѣх сеименских билюков;

3) после них выѣхали ближнеи ханскои человѣк да Казнадар баша, и дожидалис ево, эмиргора, с Альмы от Бакчисарая в верстѣ против Кудеяровы могилы;

4) выведено пѣших сеименеи с пищалми и стояли у самого в Бакчисараи въѣзду по обе стороны дороги.

И как тот эмиргорь ближним человѣком и Казнадаром башою принят.

І в Бакчисараи наперед ѣхали сеименские прежде помянутые билюк баши по два человѣка вряд.

За билюк башами везли турчане в один ряд каѳтан да саблю, каѳтан залотнои холоднои завернут в бѣлои таѳте с правую сторону, а сабля обернута алым отласом, толко видеть было черен с каменем, с лѣвую сторону, а с ними по правую руку ѣхал Казнадар баша.

А за каѳтаном і за саблею везен салтанскои к хану лист в красном отласе, а за листом ѣхал турчанин сам эмиргорь в каѳтане соболе под вишневым отласом, в сарыке и при сабле.

От него по правую сторону ѣхал ханскои ближнеи человѣк Шахбулат ага.

А за ними турки и татарове, которые выѣзжали навстрѣчю тому турчанину з ближним человѣком ис Казнадаром.

А за тѣми турки и татары везли турскую казну на трех арбах.

А от встрѣчного мѣста по обе стороны дороги с тою со всѣю ѣздою шли и іс пищали стреляли сеимени.

А для станцыи изготовлена ему, эмиргорю, была ода на ханском дворѣ.

И как он, эмиргорь, на ханскои двор въѣхал и сошед с кона, пошол в ханскую одару, уготованную ему, тогда сеимени, поздравляя турского салтана и хана и выпалив изо всѣх пищалеи, разошлис каждо восвояси.

Казны с тѣм эмиргорем в Крым прислано сорок семь тысячь семь сот червонных золотых турских, а в них левками, щитая левок по 225 денег татарских будет 107 325 левков.

И іс того числа сеименским началным людем и сеименем роздано 60 000 левков; дача сеименская была по сорок левков на человѣка

А осталные 47 325 левков роздано на ханскои двор и капыкулом.

И Василеи к ближнему человѣку и к Апкерим эфенди, такъж и к розмѣнному бѣю, когда он прилучитца на базаре, посылал многажды толмача Полуехта, наказывая ему накрепко к ближнему человѣку толко о том, чтоб он велѣл Василю с собою видетис, да ему ж говорить о поденном корму, хотяево дают и мало, однако ж бы приказал он давать без убавки, потому что Таинчѣи Емин и Муктасып дают хлѣб и мясо с немалою убавкою и то с непрестанною лаею и безчестием, а иногда і ничего не дадут, да еще и похваляютца впред, что де по ханском их Крыму выходѣ и того де давать не будут.

Апкериму эфенди, чтоб по словам своим, что в не бытие в Крыму ханское, когда присылал их царского величества от подданного Воиск Запорожских гетмана посланець Петр Волошанин, и он Апкерим, будучи каимаканом, при отпуске ево говорил Василью, что, отпустя ево посланца, будет ждать хана, а когда хан в Крым будет, тогда он будет промышлять о добрых междо государствы дѣлех и об отпуске ево, Васильеве, и тому б любителному своему обещанию доволство учинил, и ханову величеству о тѣх дѣлех, о чем по указу великих государеи и по присланным к нему, Василю, их царского величества грамотам он, Василеи, ему, каимакану, предлагал, доложил и от ханского намерения на тѣ ево предложения подлинную отповедь учинил ему, Василю, он, Апкерим эеенди, потому что как ханово величество в Крым пришол, и он, Василеи, посылая к ближнему человѣку, к Шахбулат агѣ, многажды, не токмо что не получил никакова к дѣлам приступу: но не домогся и того, чтоб он, ага, велѣл ему с собою і видетися.

А к розмѣнному бѣю (по ево ж, бѣеве, засылке), чтоб и он междо государствы о добрых дѣлех радѣние свое приложил, и чтоб от хана послан был с ним, Василем, к Москвѣ посол. И есть ли б ево радѣнием доброе и на обе стороны потребное мирное дѣло посолскою пересылкою учинилос, тогда б и ему, бѣю, было не без прибыли, да і о том Василеи велѣл ему, бѣю, для вѣдома говорить, что к ближнему человѣку он, Василеи, посылал многажды, чтоб он велѣл ему с собою видетис, и он, ближнеи человѣк, видетис с собою не дает невѣдомо для чего, а что по указу великих государеи по присланным к нему их царского величества грамотам говорил он, Василеи, в не бытие ханское в Крыму каимакану Апкериму эеенди и он, Апкерим, хотѣл, дождався хана, учинить ему, Василью, подлинную отповедь, і от него, Апкерима, по тому ж нѣт никакова слова. И что он, Апкерим, во время присылки іх царского величества от подданного гетмана посланца с ним, Васильем, говорил, і он, Василеи, о том к великим государем, а он, Апкерим, к нему, гетману, писали, и тот гетманскои посылщик в сторону царского величества доѣхал ли и великим государем, их царскому величеству, о том извѣстно ли или нѣт, то Бог вѣсть и ныне надобно б было, чтоб із них кому ни есть ближнему человѣку, или ему, бѣю, когда он, бѣи, к делам московскои стороны имѣет присвоение об нем, Василье, припомнить и доложит ханову величеству и учинить подлинную отповедь при ево ханове величествѣ, по кое время он из Крыму на можары на воину не пошол.

И против тѣх посылок отповеди; ближнеи человѣк, что де он, гонец, спешит, ведь де хан об нем вѣдает, і он, ближнеи человѣк, не забыл и когда будет время, тогда и без его гонецкои присылки он, Шахбулат, по него, Василя, пришлет и о чем надобно переговорит, и какои указ ханова величества об нем будет, то учинитца во един день, а ныне де ему с ним, Василем, видетис не для чего, а корм де указныи Таничѣям Еминю и Мухтасипу он дават велит.

А Апкерим еѳнди сперва говорил, что ищет он времени, когда хану доложить со всяким радѣнием, потому что без хана пересылку з гетманом он чинил он ж и об отпуске ево, Василеве, окончение учинить подшитца. А потом до выходу ханского днеи за десят сказал, что он хана докладывал при многих людех, чтоб ево, Василья, со всѣми будучими при нем людми отпустит. И хан де, выслушав у него того докладу, против того ничего не сказал. И что де он, будучи каимаканом, писал к гетману с посланцом ево гетманским, того де в дѣло не поставлено, потому что слышно де в Крыму, что руские воиска идут на Крым, и буде воиска и не будут, однако ж ожидают они с Москвы присылки.

А розмѣнноі Аштемир бѣи сказал, чтоб он, Василеи, отпуску ис Крыму себѣ не дожидался, разве де с Москвы будет к хану какая присылка, і в то де время іногда что переменитца.

І прежде помянутои турского салтана эмиргорь от хана отправлен и із Бакчисарая поѣхал на Козлов июня в 4-м числѣ, а ис Козлова поѣдет до Станбула кораблем.

А Селим Гирѣи хан на можарскую воину із Бакчисарая вышел июня в 11 день.

В Перекоп пришол июня в 20 день.

Ис Перекопи пошол июня в 22 день.

А как он, хан, был в Перекопи, тогда приѣхал к нему, хану, калмыченин, Аманом зовут, Мазанов сын (которои у него, Селим Гирѣя хана, бывал в неволе и научен по бусурмански читат и писать и свобожен без розмѣны и без откупу, за что он, Аман же, хану заслуживая чинит о московских поведениях всякие вѣдомости) с немалым товариством и привел с собою для можарскои воины в подарках хану тритцать, а калгѣ пятнатцат конеи добрых, да и сам поидет с ханом же.

Іюня с 13-го числа вѣдомость почала быть, что крымскои гонец Карамагмет с Москвы отпущен и обрѣтаетца, задержан в Сѣче Запорожскои, да с ним же де Карамагметем есть и толмач московскои.

Июля в 1 день посылан от Василя на базар для провѣдыванья вестеи гречанин Дмитреи Николаев, потому что он, кромѣ природного своего греческаго рѣчения, знает нарочито турскои, татарскои і волосскои языки и, пришед, Василю сказывал, что он московского толмача видел на базаре и с ним говорил. Приѣхал он того дни с салтаном сыном ханским и с Казнадаром башею, и тогде толмач ему, Дмитрею, сказывал, что он с Москвы послан в Крым с Карамагметем гонцом. Да с ними ж отпущон и Ибраим мулла и уѣхал у них напред еще от Днепра под городками турецкими домои, а Карамагмет де поѣхал ис Перекопи к хану.

И того ж дни после ево, Дмитрея, приѣзжал к Василю Ибраим мулла с вѣдомостью, что де крымскои их гонец с Москвы и он мулла ис сѣвскои тюрмы отпущены. Да с ними ж приѣхал з грамотами великих государеи и с их царского величества жалованем московскои толмач, но от Перекопи Карамагмет

и тот толмач поѣхали по очаковскои дороге к хану, и чтоб Василеи даровал ево за такие добрые вѣдомости муштулуком.

І Василеи, за тѣ вѣдомости поблагодарив, говорил ему, что он, Ибраим, имѣет от него, Василья, доброи муштулук, и лутче всяких вестеи, потому что по его, Василеву, к великим государем доношению пожалован он, мулла, вмѣсто смерти животом, а вмѣсто погибели уволнением.

И он, Ибраим, болши того муштулука не просил и поѣхал от Василия с великим благодарствованием.

Іюля в 2 день после полудня приѣзжал к Василю ханскои сеименскои билюк баша Шаган, а с ним приѣхал государственного Посолского приказу толмач Іван Никитин, и тот билюк баша Василю говорил, прислал де ево, Шагана, к нему, Василью, ханова величества Казнадар баша Мердень Али ага и с ним прислал московского толмача, которои приѣхал с Москвы в Крым з гонцом их крымским, с Карамагметем агою, и, сказывает, у себя к нему, Василю, писма, і он бы, Василеи, тѣ писма, у него приняв, ему, Шагану, обявил, великих государеи грамота к хану есть ли, также и к нему, посланному их царского величества, указ какои прислан ли, а он то ево, Васильево, объявленіе донесет Казнадару.

І Василеи у толмача писма принял и, осмотря, ему, билюк баше, сказал, что от великих государеи, от их царского величества, к Селим Гирѣеву ханову величеству грамота есть и к нему, Василью, их царского величества грамота прислана ж, а что в тои их государскои грамоте к нему писано, о том он, Василеи, ханова величества ближним людем, кому пристоино, обявит.

И билюк баша говорил, чтоб он, Василеи, для обьявления тѣх дѣл, о чем к нему в их царского величества грамоте писано, приѣхав к Казнадар башѣ утре іюля в 3 день рано, потому что де он, Казнадар, приѣхал от хана вчерашнего дни и чаять какои ни есть ханскои и указ об нем Василе имѣет.

А толмач Іван Никитин по допросу Василю сказал, что де в Сѣче Запорожскои задержаны они с крымским гонцом жили шестьдесят днеи, и отпущены июня в 26 день, а в Казыкермень приѣхали июня в 27 день, в Перекоп в 28 день, и крымском де гонец Карамагмет ходил к перекопскому каимакану один, а ево, Івана, с собою не імал, и пришед от него, каимакана, ему говорил, чтоб он, толмач, отдал ему, Карамагметю, великих государеи к хану писанную грамоту, потому что он, Магмет, ѣдет к хану в дорогу в тѣ мѣста, гдѣ он ныне с воиском обрѣтаетца, а он де, Іван, грамоты великих государеи ему, Карамагметю, не отдал, а сказал ему, что тои великих государеи грамоты не такмо ему, Магметю, но и никому, кромѣ их царского величества гонца Василья Аитемирева в Крыму отдават не указано, и Карамагмет де хотѣл тоѣ государскую грамоту у него отнять насиліем и говорил, что так де и творитца, потому что когда де и он, Карамагмет, к Москве ѣхал и у него ханскои лист, посланнои к великим государем, взят в дороге, и он де, Іван, пошол было с ним, Карамагметем, про то ево, Карамагметево, насиліе пожаловаться и освидѣтелствовать перекопскому каимакану в городок, і в то де время с степи въѣхали в Перекоп ханскои сын Каплан Гиреи салтан, которои возрастом лѣт двѣнадцать, а с ним Казнадар баша, да в то ж время выѣхал во стретение тому салтану из городка и перекопскои каимакан, и Карамагмет де и он, Іван, к ним же подступил, и Казнадар баша велѣл Карамагметю и ему, толмачю, ѣхать с собою, и, приѣхав, стали в наметах на ханском лугу верстах в двух от Перекопи, и распрашивали Карамагметя многое время, а потом и ево, толмача,

спрашивали же, с чѣм и к кому он послан, и он де, толмач, им сказал, что послан он с Москвы с крымским гонцом Магметем и с Ібраимом муллою и імѣеть у себя и писма, посланные к их царского величества посланному гонцу к Василю Аитемиреву, а грамота великих государеи к хану есть ли или нѣт, того он, толмач, не вѣдает и, кромѣ рук того их царского величества гонца, тѣх писем ему, толмачю, отнюдь никому отдавать не указано, і Казнадар де баша, выслушав тѣ его толмаческие слова, велѣл Карамагметю того ж часа ѣхать наскоро к хану и сказал, что де ему до московскаго толмача и до писем дѣла нѣт, а хана де они оставили, ханскои сын и Казнадар, на урочище Копкуюлар, то есть многіе колодези, и Карамагмет де того часа к хану и поѣхал, и даны ему для того подводы, а ему де, толмачю, велѣл он, Казнадар, надобнѣишие писма держать при себѣ, а сумки ево, в которых была московская посылка и всякие ево дорожные дребязги, велѣл посложит в свою телѣгу и тоѣ телѣгу замкнул сам при себѣ і приказал того беречь накрѣпко людем своим и ему, толмачю, ѣхать при себѣ, да ему ж, толмачю, велѣл давать до Бакчисарая и подводы, а ево, толмаческие лошади, оставил в Перекопи и кормил ево, толмача, с собою, а в Бакчисараи приѣхали они июля в 1 день. А возы салтанские и казнадарские пришли июля в 2 день. И он де, Казнадар, ево, толмача, к нему, Василью, и прислал.

Того ж числа в вечеру приѣзжал к Василю от каимакана Апкерима эфенде язычей Музоѳер мулла и спрашивал великих государеи к хану о грамоте и ему, язычѣю, с Москвы о присылке сказано то ж, что и выше писанному билюку башѣ, і спрашивал Василеи у него, муллы, каимакан от хана в Бакчисараи приѣхал ли, и язычеи говорил, что де каимакан в Бакчасараи пріѣхал вчерашнего дни и о приезде того с Москвы толмача, увѣдав, что он в Бакчисарае, прислал к нему, Василью, и велѣл ему говорить, будет де есть какие слова по обявлению ему, каимакану, из государскои грамоты о их царского величества делѣх, и он бы, Василеи, ему, язычѣю, тепере сказал, а он тѣ слова запишет для извѣстия ханову величеству, потому что есть де к ево ханову величеству от каимакана скорая посылка.

І Василеи говорил, о чем в грамоте великих государеи к нему, Василью, писано, о том он обявит каимакану самому, а тепере ему, язычѣю, ничего ему сказать невозможно, потому что та великих государеи грамота (для дорожнаго охранения и их бусурманских нравов, что они обыкли прежде времени писем пересматривать, чего он, язычеи, и тепере домогаетца) писана таиным писмом і вскоре прочесть ему отнюдь сѣ нѣмочно, а сверх того, хотя б он тоѣ государскую грамоту и прочел, и ему, язычѣю, о писаном в неи не видѣвся с камаканом, что и обявил, то уж после того увидевся с ним, каимаканом, что ему говорить имѣет, а то он, Василеи, тои их государскую грамоту перепишет и о чем в неи писано, ему, каимакану, обьявит утре, гдѣ он к себѣ быть велит.

И язычѣи Василью говорил, чтоб он для тѣх дѣл приѣхал утре рано к Казнадару агѣ и без присылки, а каимакан де будет там же у Казнадара.

И іюля в 3 день Василеи к Казнадару в Бакчисараи ѣздил и, приѣхав к нему, дожидался выходу его во одѣ часа с три; а как он, Казнадар, во оду вошол, тогда по обыкновению своему, привѣтствуя, велѣл Василью сидѣть, и говорил, от великих государеи, от их царского величества, с чѣм к нему, Василью, толмач прислан.

І Василеи говорил, что прислан тот толмач по указу великих государеи с Москвы в Крым к нему, Василью, и есть с ним их, великих государеи, к ханову величеству грамота, да и к нему, царского величества гонцу, их царского величества грамота присланна ж, в которои писано. Велено ему, Василью, тоѣ их царского величества к хану писанную грамоту у того толмача приняв, вручить самому ево ханову величеству и при отданиі тои их царского величества грамоты ево ханову величеству о подвышеніи ево на ханстве велено от них, великих государеи, ево поздравит.

И Казнадар баша говорил, что де вѣдает он, Василеи, что ханово величество ис Крыму пошол с воиском на можары и грамоты великих государеи подать ему нѣкому, и чтоб он ему, Казнадару, обявил от великих государеи в грамоте к ханову величеству, о чем писано, так же ему, Василью, сверх тои к ханову величеству писаннои грамоты, о каких дѣлех их царского величества указ есть ли и о чем говорить указано.

І Василеи говорил: великих государеи, их царского величества, в грамоте к ханову величеству о чем писано, того он, Василеи, подлинно не вѣдает, токмо применяясь к тои их царского величества грамоте, которая писана к нему, чаеть он, Василеи, что от их царского величества к ханову величеству писано о добрых и мирных дѣлех, потому что велено ему, Василю, ханова величества ближним людем говорит о прежде начатых дѣлех, что к ним, великим государем, к их царскому величеству, писал Саадет Гирѣи хан з гонцом своим с Магметь агою, что он, хан, по желанию всего крымского юрта з бѣями и с великими, и меншими карачѣями, и с породными людми придумал с ними, великими государи, быти в миру і в покое по прежнему, і естьлі они, великие государи, изволят прислать в Крым послов своих, то с крымскои стороны та рѣчь перемѣнна не будет, так ж и салтанова величества турского за сторону всѣ дѣла и слова он, Саадет Гирѣи хан, примимал на себя, і великие государи наши, их царское величество, по тому крымского юрта желанию і присылке, с салтаном турским и с крымским юртом, в миру быть изволяют же и обоих сторон людям тишины и покоя желают, и того ради от них, великих государеи, он, гонец, с их царского величества грамотою и прислан, токмо он с тою их царского величества грамотою приѣхал в Крым не к Саадет Гирѣю, от котораго учинилас к Москве посылка, но к Саѳат Гирѣю хану, и у ближних людеи на розговорех был, и назначен был к ним великим государем в послех Мубарекша мурза Сулешев, и припроважен он, Василеи, с тѣм Мубарекшою для отпуску к нему, Саѳат Гирѣю, был к Перекопи, токмо приѣздом в то самое время вора и измѣнника Петрушки с товарыщи та к Москве посылка и пременением тѣх ханов то доброзачатое дѣло пресѣклося, и он, Василеи, з будучими с ним людми в Крыму задержан, а как учинился на крымском юрте нынешнеи Гаджи Селим Гирѣи ханом, а ближним у него человѣком Шахбулат ага, і он, Шахбулат, в прошлом в 201 году толко виделся с ним з двожды, и о каких между государствы добрых дѣлех по указу великих государеи своих он, Василеи, ему, Шагбулату агѣ, предлагал, о том он толко, что слышал, а ханову величеству о тѣх дѣлех доносил ли или нѣт, о том отнюд не учинил ему, Василью, никакие отповеди, а когда ханово величество пошол на можары, і он, ближнеи человѣк, с нимъ ж, і в небытие ханское по указу великих государеи от их царского величества подданнаго гетмана Івана Степановича Мазепы присылан был к нему, Василью, с их царского величества грамотами и к ближнему ханскому человѣку

з гетманским листом ево ханскои посланец, тогда каимакан Апкерим эфенде о тои от гетмана присылке к ханову величеству писал, и по указу ево ханскому в разговорех с ним, Васильем, будучи о задержанiі на Москвѣ крымского гонца Карамагмета и от калги салтана о посылщике о Ібраиме муллѣ, чтоб они с Москвы были отпущены, ему, Василю, говорил, и он, Василеи, об отпуске их, Карамагмета и Ибраима муллы, по тому ханскому желанию і по его каимаканскому предложению к великим государем своим, к их царскому величеству, писал, и по тому ево, Васильеву, доношению они, великие государи, желая с крымским юртом прежную дружбу обновить, і в миру быть, а воину прекратит, того их гонца, Карамагмета, так ж и Ібраіма муллу, которои не тохмо годен был отпуску, не повинен и смерти, отпустить указали и для извѣстнѣишнеи к дружелюбию склонности свою царского величества и грамоту прислать изволили, и он бы, Казнадар, яко при ханове величествѣ в близости пребывающеи і в дѣлех юртовских свѣдущеи и приѣхал от ево ханова величества ныне не в давных часех ему, Василью, обявил с тою великих государеи грамотою, как ему, Василью, поступить пристоинее, и у ханова величества с ними, ближними людми, об отпуске с Москвы гонца их Карамагмета, так ж и Ібраима муллы, и о присылке их царского величества з грамотою нарочного посылщика в словах, что было ли, потому что его, ханову величеству, об отпуске Карамагметеве с Москвы и о всем давно вѣдомо, и чаять и им, Казнадару, или каимакану об нем Василье, что ни есть приказано.

И Казнадар говорил: от ханова де величества никаково об нем, Василье, приказу он не слыхал і в словах ни о чем о том, о чем он, Василеи, спрашивает у него, у хана, с ними не бывало, а что де он, Василеи, говорит ему из грамоты великих государеи к нему, Василью, посланнои, о присылке к великим государем к Москве от Саадет Гирѣя хана, гонца Карамагмета и о своеи в Крым присылке и приѣзду к Саѳат Гирѣю хану, и что от него Саѳат Гирѣя, хана, назначен был к Москве в послѣх с ним, Васильем, из Сулешева роду Мубаракша мурза, и от чего к Москве та посылка пересѣклася, и он, Василеи, от Перекопи возвращен і в Крыму задержан, о том он, Казнадар, о всем вѣдает, а когда де у них в Крыму Селим Гирѣи ханом учинился и ближнеи человѣк у него Шахбулат ага, і видевся с ним, Васильем, о дѣлех у него, толко слушал, а отповеди о том никакои против того не учинил, и ему де, ближнему человѣку, о тѣх ево, Васильевых, предложениях как бы не донести его ханову величеству, токмо и отповедь от ханова величества, какую ему, Василью, чинить, потому что присланы с ним, Васильем, стати, на чем они, великие государи, с Крымом мир учинит изволяют крымскому юрту крѣпко непотребные, за что миру отнюд учинитися немочно, потому что, хотя де к великим государем от Саадет Гирѣя, хана, посылка о миру и учинилас, толко де тѣ Саадет и Саѳат Гирѣи, ханы, от сего Селим Гирѣя, хана, молодшие и с молодых своих лѣт живали и взросли в дому у него, хана, а крымского юрта дела им не в обычаи, и будет де его Селим Гирѣеву, ханову величеству, древнеи обычаи, как у них с Московским государством обыкло, то есть, что при прежнех ханех и при нем, хане, присылано их царского величества бюлек (гостинец) ныне отставить и того бюлека Московскому государству уступить, и ему де, хану, при прежних ханех будет великои стыд.

І Василѐи говорил: предлагал де он, Василеи, прежде сего ханским ближним людем, будучи с ними на розговорех многажды, так ж предлагает ныне

и ему, Казнадару, о присланных с ним о миру статях, понеже великие государи, их царское величество, тѣ с ним о миру статьи против их крымскои присылки изволили послать, толко для обявления, чего они, великие государи, своеи царского величества сторонѣ с турскои и с крымскои сторон желают, а не так, чтоб естьли Крым тѣх статеи не примет и без того миру не будет, имѣющему доброи разум, мочно о том разсудить свободно, естьли бы они, великие государи, с турским государством и с крымским юртом миру не желали и тѣ статьи присланы были к ним в Крым с отказом во все, что без того миру не будет, то крымские их послы к Москве, для чего были потребны звычаино, то на всем свѣте, что добрые мирные дѣла междо государствами и землями творятца договорами посолскими, а не писмалною пересылкою, а то они за то и взялис, а послов к Москве не шлют, а ево, царского величества, гонца держат, а для чего так чинять, того не обявляют, и вед тѣм задержанием и продолжением у Московского государства прибыли они себѣ никакои не домогутца.

И Казнадар говорил: правда де то, что добрые и надобные дѣла творятца посольскими договорами, и чтоб Бог даровал междо государствы мир, того і им всѣм надобно, да и начался де было мир чинитца в то время, когда московскои табор приходил великим собранием под Перекоп, тогда присылано от московских воиск, чтоб быть миру. И ханово де величество, поговоря с юртовыми бѣями и карачеями, с московскими воиски мир было учинить и похотѣли, токмо де чернь вся крымская в то время закричали, для чего де вы одни миритца хотите, а калмыков в том миру оставляете, потому что де у Крыму с ними, калмыкамі, зашертовано на том, что против всякого неприятеля им, калмыком, быть за одно с татары, и когда они увидѣли, что табор московскои от них отступил и они о том миру и умолчали и тѣм тогда тот мир и пресѣкся, и ныне де он, Казнадар, ему, Василью, говорит, буде Бог даст, учинитца с Московским государством учинит мир, то добро, а и не учинитца миру и крымскому их юрту убытку не будет, потому что, каковы орды их военны, и каковы их на великои московскои идущеи их к ним табор были напуски, и сколко в том таборе людеи побито и в полон поимано, и пушек взято, а как де тот московскои табор от Перекопи отшел и что де им, идущим, назад от татар было, о том де чаять вы и сами вѣдаете, і может де быт, хотя они в Крыму в то время, видя на себя такие многие воиска наступающие, и поіспужалис, однако ж надѣютца на волю Божию и разумѣют, что то учинилос (что московских воиск, в которых мѣстех никогда неслыхано, а ныне было тут і видимо також, что і возвратилис они от Крыму назад и отошли безо всякои себѣ прибыли) Божим изволением, а не человѣческим.

І Василеи говорил, что де без воли Божіи ничто на свѣте не дѣиствуетца, токмо чтоб он, Казнадар, ему, Василью, сказал, какие калмыки с ними в соединение зашертованы и давно ли.

И Казнадар говорил: давно де с ними в дружбе і в соединенії калмыцкои Аюка Таиша со всѣми улусы своими.

І Василеи говорил, а Аюкѣ Таишѣ до Крыму и Крыму до тѣх калмыков, что дѣло, потому что он, Аюка, со всѣми своими улусы пребывает в подданствѣ под высокодержавною рукою великих государеи наших, и кочуют на их царского величества землѣ, и по их великих государеи указу с их государскими воеводы в полкѣх против их государских неприятелеи яко под Чигириным и в крымских в нынешніе времена в дву походех против их, крымских, орд были, и бои многие

с ними имѣли, і в ыных военных оказиях бывают непрестанно, также и конские табуны к Москве от себя гоняют на продажу по вся годы.

И Казнадар говорил, они де, калмыки, люди волные, ни у ково в подданствѣ не бывали и живут собою и с кѣм похотят, с тѣм и ходять, да і ныне с хановым величеством на можарскую воину пошли многие.

А о грамоте великих государеи он, Казнадар, Василю говорил, что поговорят и подумают они о том с каимаканом, и чаять де, что отпустят де ево, Василья, к хану с провожатыми до Казыкерменя, а от Казыкерменя к Очакову Днепром, и буде в Очакове хана застанут, то добро, а естьлі не застанут, и ему, Василью, мочно будет к нему, хану, ѣхать і до Акъкерменя водою, и чтоб он, Василеи, ѣхал от него к каимакану и о том с ним поговорил, потому что в небытие ханское всѣ дела прилежат в завѣдываниі ему, а он де, Казнадар, скоро ис Крыму отѣзжает в Черкѣсы с ханским сыном с Каплан Гирѣем салтаном.

Он же, Казнадар, говорил, скажет де он ему, Василю, и то Карамагметя де он, Казнадар, о московском ево поведениі спрашивал, и он де, Карамагмет, ему сказывал, что перед отпуском ево с Москвы призыван он их царского величества к ближнему человѣку, которои вѣдает посолские дѣла, и тот де ближнеи человѣк ему, Карамагметю, говорил, чтоб он ханову величеству донес, чтоб хан к царскому величеству прислал для договору о миру послов своих, и естьли де хан послов пришлет, то по договором учинен будет мир на том, как было учинено с Мурат Гирѣемь, ханом, и он де, Казнадар, слышав от него тѣ слова, тот же час послал ево, Карамагметя, ис Перекопи к хану наскоро, и мнит то, что ему, Магметю, чего не слышав собою таких слов затѣять бы немочно.

І Василеи говорил, что же им уже болши того надобно и для чего хану послов своих к Москве не посылать, когда Карамагмет им так сказывает, и затѣять ему на себя такое великое дѣло, чего б он не слыхал, возможно ли, потому что посланным междо государствы людем надобно наказанное говорить и слышанное доносить правдою, а кто говорить ложно, и тот творит себѣ безголовную беду.

И Казнадар говорил, чает де он, что ханово величество, услышав от Карамагмета такие слова, ково ни ест с ним, Васильем, к Москве пошлеть.

Потом подношено кагве, и от него, Казнадара, поѣхали было к каимакану на Эски юрт, но вдому ево не застали, встрѣтились на дороге.

І Василеи с каимаканом в то время виделся на ханском дворѣ и говорил ему о присылке великих государеи грамоты к хану. И что в грамоте ж великих государеи писано к нему, Василью, то ж, что и Казнадару, да и о том ему, каимакану, говорил Василеи именно, что по ханскому желанию и по словам ево, каимакановым, а по ево, Васильеву, к великим государем доношению крымскои іх гонец Карамагмет, так ж Ибраім мулла с Москвы в Крым отпущены, то потребно уж и ево, Василья, со всѣми будучими с ним людми ис Крыму отпустит к Москве.

И буде с великими государи ханово величество с юртом в миру бысть хотят, то по желанию великих государеи послан бы был к их царскому величеству ево, ханскои, и посол с ним, Васильем.

И каимакан, то выслушав, у Василя спрашивал: сверх прежних дѣл в грамоте великих государеи к хану, что писано ли, и ему, Василью, говорить о чем указано ли, чтоб он, Василеи, обявил ему, каимакану, имянно.

І Василеи говорил: о чем царского величества в грамоте к ханову величеству писано, о том он, Василеи, не вѣдает, а ему, Василью, по их, великих государеи, указу толко ханскому ближнему человѣку велено говорить, чтоб он ханову величеству донес, чтоб с ними, великими государи, он, Селим Гирѣи хан, прежнею о дружбе ссылку обновил, и покои на обе стороны учинил, и слал бы к ним, великим государем, для договору послов своих честных и вѣры годных людеи и с полною мочью, которым прием і обыкновенная посолская учтивость учинитца и в потребных делех скорое совершение; а буде с ними, великиі государи, хан в миру быть не хочет и послов своих для договору о миру к Москве не посылает, и ево б ханово величество отпустил ево, Василья, со всѣми будучими при нем людми без задержания, и уж ему, каимакану, болшь того говорить нѣчего, потому что прежде сего, сколко он, Василеи, ему, каимакану, о дѣлех и об отпуске своем ис Крыму ни говаривал, а также сверх того по указу великих государеи писал, о том же іх царского величества и подданои гетман Іван Степанович Мазепа; и он, каимакан, в розговорех тѣми словами ево, Василья, і встрѣчает, что отпуску ему ис Крыму нѣт за гонца их Карамагмета. А теперь уже они видят, что великие государи наши от того мирного дѣла отдалятися не изволяют, и что хану желаемо то есть, чтоб гонец их крымскои Карамагмет и Ібраим мулла были отпущены, так и учинить повелѣли, и по их, великих государеи, указу он, Карамагмет, отпущен со всякою их государскою милостию и почитанием, да с ним же чрез надежду отпущон и Ібраим мулла, которои не токмо отпуску, но и живота не годен.

И каимакан говорил: то де учинено добро, что крымскои гонец и Ібраим мулла с Москвы отпущены, то и он, каимакан, об отпуске ево, Васильеве, по словам своим, как ему, Василью, обещался, будет промышлять со всяким радѣнием из грамотою великих государеи, которая к хану прислана, что ему, Василью, дѣлать, потому что де хан ис Крыму вышел и нынѣ обретаетца в далных мѣстех, и он бы, Василеи, от своего разсуждения ему, каимакану, сказал, как бы ім с тою их, великих государеи, з грамотою поступить пристоинеи, не лутче ли бы де, чтоб тоѣ государскую грамому отдал он, Василеи, ему, каимакану, и о дѣлех, о чем наказано говорит, объявил о всем ему подлино, и он, каимакан, послал бы тоѣ их, великих государеи, грамоту к ханову величеству, скорым посылщиком, и о всем, что он по указу великих государеи своих ему обявить, к нему, хану, писал, и ханскои бы указ против того (изволит ли к великим государем он, хан, ково от себя в послѣх послать или укажет отпустит толко ево, Василья, со всѣми людми, а от себя никово не пошлет) был скорѣе.

І Василеи говорил, чтоб он, каимакан, великих государеи з грамотою к ево ханову величеству отпустил ево, Василья, как великих государеи в указе к нему писано, что велено ему, Василью, тоѣ их государскую грамоту вручить самому ханову величеству, и от них, великих государеи, ево на ханствѣ поздравить, потому что хан от Крыму отшел еще недалече.

И каимакан говорил: без указу де ханова величества он ево, Василья, к нему, хану, отпустит не смѣет, и естьли он, Василеи, тои государскои грамоты ему не отдаст, а ему б толко бы о обявлениі слов ево, Васильевых, к хану писать, и тот посылщик, когда до хана доѣдет, и ханово величество велит ли ему, Василью, к себѣ быть или не велит, а укажет тоѣ государскую грамоту у него взять и к себѣ прислать, и у него, Василья, в то время их государская грамота возметца же и то

дѣло поидет в продолжение потому, что хан отчасу идет в далные мѣста от Крыму, а не по Крыму.

І Василеи стоял при том упорно многое время, чтоб он, каимакан, з грамотою великих государеи к хану отпустил ево, Василья, как ему, Василю, говорил того дни и Казнадар баши Мерден Ади ага, что они подумают с ним, каимаканом, отпустят ево, Василья, к хану с провожатыми до Казыкерменя, а от Казыкерменя до Джанкерменя или до того мѣста, гдѣ хан будет водою; а буде ево, Василья, он, каимакан, к хану не отпущает, и он бы писал к нему, хану, от себя наскоро о его ханском указе, чтоб он, хан, указал ему, Василью, царского величества з грамотою быть к себѣ.

И каимакан говорил, что ему того учинит, чтоб без указу ханского ево, Василья, отпустит к нему отнюдь нѣмочно, а и писать де ему к хану о указе, а иногда ево ханскои указ по пріѣзде Магметеве, какои и есть и с тѣм ево посылщиком в дороге, гдѣ проминет, тогда все то дѣло будет непорядочно.

И чтоб конечно тоѣ государскую грамоту он, Василеи, ему отдал, а буде отдать не похочет і он у него отымет насилно, потому что, хотя он, Василеи, указ государеи своих и іcполняет, толко он в руках у них и імѣет учинить по их воли, разве де крымское житие вам полюбилос, что не хочет тои государскои грамоты ему дат і упрямишся і, встав, хотѣл тоѣ государскую грамоту у Василья из-за пазухи отнять.

І Василеи, видя каимаканово таковое дерзновение, и помыслив, что об отдаче тои царского величества грамоты в небытие ханское каимакану (хотя б хан шел и в Крым) их, великих государеи, указ у себя имѣет, а ханово шествие не в Крым, но в далекие страны от Крыму, грамоту великих государеи по тому принуждению ему, каимакану, отдал.

И он, каимакан, приняв великих государеи грамоту, говорил: я де радѣю, как бы наискорѣе дѣло совершить, а вам де знатно, что еще Крым не надокучил и дѣлом не спешить, а нам де и того жаль, что вам и корм даетца, а что де ему, Василью, говорил Казнадар об отпуске до Казыкерменя, а от Казыкерменя водою до хана, и он де говорил так отпустить ево, Василья, в то время буде ханскои указ придет, чтоб быть ему у него, хана, а не без указу, как он, Василеи, хочет. А сверх де того возмет он, каимакан, у него, Василья, и толмача, с Москвы к нему присланного, и пошлет с тою грамотою государскою и своими письмами к хану.

І Василеи говорил, что тому толмачю до хана и ни до кого нѣт никакова дѣла, и ѣхать ему до хана нѣ для чего и нѣ о чем, потому, с чѣм он, толмач, по указу великих государеи к нему, Василю, прислан, то все с своих рук ему отдал, то он, каимакан, говорит и хочет чинить непристоиное дѣло, потому что по их, великих государеи, указу велено их царского величества грамоту вручить ханову величеству ему, Василью, самому, и он, Василеи, к нему, хану, гдѣ б он, хан, ни был, ѣхать готов, а чтоб ему от себя толмача посылать, и то дѣло нестаточное и непригожее и никогда того не будет, а когда уже великих государеи грамоту он, каимакан, у него Василья взял, и он бы посылал ее к хану с своими людми с кѣм хочет, толко б он, каимакан, к ево ханову величеству писал имянно о немедленном ево ханском указе и ему, Василью, об отпуске.

Потом Василеи подал ему, каимакану, гетманскои лист; и каимакан, приняв тот лист, отдал ему ж, Василью, і говорил, чтоб он, Василеи, тот гетманскои лист ему прочитал.

І Василеи от того отговаривался, однако ж для увѣдомления тот лист ему, каимакану, читал, а толмачил Полуехт Кучюмов, и что в том листу изображено, и ему говорено о том, он, каимакан, толко что слушал, а не молвил против ево ни единого слова.

А потом спросил он у гетманского человѣка, у Василья Велецкого, от гетмана к нему, Василью, писма какие есть ли.

И гетманскои человѣк каимакану сказал, что от гетмана к нему ни о чем не писано.

И потом подношено кагве, и отпущены в жидовскои городок по прежнему.

Июля в 4 день присылан к Василью от каимакана сеимень, чтоб Василеи ѣхал к нему, каимакану, на ханскои двор.

І Василеи того дни у него, каимана, был. И каимакан говорил, вчерашнего де дня, что грамоту великих государеи, к хану присланную, он, каимакан, у него, Василья, взял, и он то учинил бутто вѣдая его ханскои указ, потому что вчерашнего де дня в вечеру прислан к нему от хана с листом ево ханским человѣк, і велено ему, каимакану, тоѣ великих государеи грамоту у него, Василія, взять и прислать к хану, и он тоѣ их царского величества грамоту посылает утре июля в 5 день наскоро, и призвал он, каимакан, ево, Василья, для того чтоб он, Василеи, ему конечное слово обявил, что ему сверх прежде обявленных ево слов еще говорить указано.

І Василеи ему, каимакану, говорил, есть ли б по указу великих государеи сверх того, о чем он прежде сего ханским ближним людем также и ему, каимакану, предлагал было, что иное наказано, и ему б, Василью, для чего б у себя хранить, и по многим ево, каимакановым, вопрошениям того не обявит и болши того, чего уже ему, каимакану, у него, Василья, домогатися, потому что он прислан от царского величества в Крым не в посланниках, а в гонцех, а гонцом звычаино великих дѣл нигдѣ не вручаетца.

И каимакан говорил, что он к ханову величеству от себя против вчерашних ево, Васильевых, слов, также и против гетманского к нему, каимакану, листа изготовил и лист, а что в нем написал, о том, ему, Василью, он и обявит, і взяв у язычѣя лист свои, Василью читал, в котором изображено:

– 1-е о приѣзде в Крым с Москвы толмача и о отдаче писем Василью;

– 2-е о обявленіи им, каимакану и Казнадару, государских дѣл, Василью наказанных, а іменно о послѣ крымском к Москве;

– 3-е о листѣ гетманском к нему, каимакану, писанном, что крымскои гонец Карамагметь и Ібраім мулла в Крым отпущены, то і царского величества гонец и ево гетманскои посланец отпущены ж из Крыму были царского величества в сторону, и чтоб хан и ево, каимакана, во лжи не учинил, а указал бы ево, Василья, с прочими к Москве отпустить без задержанія;

– 4-е из гетманского ж листа, о выдаче в сторону царского величества вора и ізмѣнника Петрушки.

І Василеи за обявление того поблагодарствуя ему, каимакану, у него спрашивал: от ханова величества тот посылщик поѣхал и с которых мѣст.

И каимакан сказывал, что тот посылщик от хана послан из Очакова, и того де ради он, каимакан, тою посылкою об нем, Василье, и спешит, чтоб ханскои указ прислан был на предложения ево, по кое время не дошол он, хан, до Акъкерменя, а тоде ныне в Акъкермене ожидают ево, хана, полские послы и іногда не было б для них какои забавы.

І Василеи ему, каимакану, сказал, с полскими послы, как они знают, так и дѣлают, а ему, Василію, до них нѣт дѣла, а толко он, Василеи, просит у него о том, чтоб он, каимакан, по обещанию своему порадѣл междо Московским государством і крымским юртом о добрых и мирных дѣлех.

И каимакан говорил: он де и так крѣпкое радѣние свое об отпуске ево, Васильеве, имѣет, толко де учинилас в том помѣшка от запорожцов, что они тоѣ с Москвы посылку у себя задержали, а есть ли б де та великих государеи грамота хана в Крыму застала, то конечно б все учинилос доброе; и отпущены в жидовскои городок.

А к хану великих государеи з грамотою в тот назначенныи июля в 5 день послан ханскои Чюгодар Арык Агметь.

Июля в 13 день вѣдомо учинилос в Бакчисарае, что казаки, подшед с моря чаиками, за Арбатком близко к чингарам выбрали двѣ татарские деревни и пошли оттуду с немалою добычью; а какие тѣ казаки, донские или запорожские, того невѣдомо, потому что, хотя за ними татарская погоня и была, однако ж языка не взято.

Июля в 18 день посылан от Василья толмач Полуехт к каимакану для вѣдомостеи. И каимакан ему, толмачу, сказал: что помянутои великих государеи з грамотою к хану посылщик ево, Арык Агметь, из Очакова поѣхал июля в 14-м числѣ при воиску достальном, идущим к хану, а замѣшкался де он там для того, что в урочище на Кучюбѣе по аккерменскои дороге от казаков великои калабалык (многолюдство), малыми людми проехать отнюдь немочно, и от хана де в Крым нѣт никакие вѣдомости.

Июля в 22 день вѣдомо учинилос в Бакчисараѣ от хана из Аккерменя, что турскои везир стоит с воиском своим за Дунаем на Урчюке, и присылал к хану чауша, чтобы шол к нему наскоро, и хан де с тѣм чаушом к нему и пошол, а в Аккермене был он, хан, толко одни сутки, и полского посла взял он с собою ж.

Августа в 1 день в Бакчисараи приѣхал от хана человѣк, которои посылан к нему, хану, от сына ево, от Шабаз Гирѣя салтана, и сказывал, что он от хана приѣхал в девятои день везир де турскои в Софиі, а хан Курбан баирам свои, которои у них был июля в 23 день, отправил за мултянскою землею, не дошед рѣки Дуная в Ерыкугу, и отпустил ево с листами на завтрѣе июля в 24 день, а сам хан оттуду хотѣл подыматися в предлежащіи свои путь июля в 25 день.

И августа в 3 день Василеи посылал толмача Полуехта к каимакану о том присылщике провѣдать подлинно.

И каимакан толмачю сказывал, что от хана с листами человѣк приѣхал и об нем, Василье, к нему писано, чтоб пождать его, ханского, в Крым возвращения, а не печалитис, а когда де даст Бог, хан придет в Крым, тогда отпустит ево, Василья, прі себѣ з добрым дѣлом, токмо де подождем от хана еще подлиннои вѣдомости, когда он, хан, увидитца с везирем турским, а преже де сеи вѣдомости хан с везирем еще не видался, а Карамагметь де и Арік Агметь обрѣтаютца при хане, а в Крым не отпущены.

Августа в 10 день из Акъкерменя приѣдучеи, жидовскаго городка житель жид Шмоиль сказывал Василью, что хан, пребыв в Акъкермене нощеденствие, пошол оттуду с присланным к нему от турского везиря чаушом именно, июля в 10-м числѣ и полского посла взял с собою ж.

А посланник полского короля Сабѣжского толмачь, пан Захеріяш, людеи с ним семь человѣк, которого он, жид, сам добре знает, потому что он от него, короля Сабѣжского, преж сего в Крым почасту присылыван; а Петрушка де вор и ізмѣнник живет по прежнему в Белогоротчине с малым своим товариством, перѣзжая для корму по волоских деревнях, а ныне де имянно живет он в деревне Тылсыз.

С того ж июля с 10-го числа вѣдомо учинилос, что послѣ ханского из Крыму выходу от салтана турского прислан в Крым кораблем турскои паша, а с ним прислано казны пять десят кисеи – левков на строене перекопского городка і всеи Перекопи крымскими работниками.

Нурадын салтан из жилища своего с Качи реки пошол в Перекоп июля в 11 день, и сказывали, что собрався там с воиском, поидет на Русь.

Да с ним ж нурыдыном для добычи пошли и кыик (диких) салтанов пять человѣк, при которых будут орды немалые.

Июля в 19 день приѣхал от хана и помянутои Арык Агметь, о котором того ж дня видевся с Васильем, сказывал, жид Исак Чилибиі, что он, Исак, слышал от самаго каимакана, отпущен де он, Агметь, от хана из Видина за два днища от Белиграда, тому ныне семнатцать днеи, и хотѣл де хан итит к Белиграду не бавяся.

А турскои везирь стоить в Нисе.

А цезарского де воиска табору не слышать и чает де и хан там не замѣшкаетца и будет в Крым в скором времени.

Августа в 20 день слышал Василеи от вѣдомых і вѣрных людеи, что в сих днях, что от христиан бусурманом крымским учинилос:

1-е

Палѣи подходил под Очаков, и подсылкою ево немногими людми посад очаковскои выбран і вызжен, и с пол жнецы и косцы поіманы и скот отогнан, и погоня очаковская, то есть очаковскои бѣи Мустаѳа, в трехсот конех самим Палѣем розбит и ушел в самом малолюдствиі, толко сам третей, а достальные всѣ побиты и в полон поиманы, а с Палѣем было воиска казацкого с двѣ тысячи человѣк, он же, бѣи, и ранен в трех мѣстѣхь копеиными ранами.

2-е

На чингарах городок и караулные башни разорены и ссожены, и будучие люди в нем побиты и побраны, да в том же городке взято четыре пушки, да в том же мѣсте неподалеку разорено и вырублено двѣ деревни татарских конными казаками.

Да за Карасовым на устье Карасовском подшедшими в чаиках казаками выбиты и разорены ж три деревни татарских.

І в Крыму с того времени от каимакана розсыланы по всему Крыму нарочитые люди непрестанно, чтоб к Перекопи на строение крѣпостеи камене везли с великим поспѣшением, а наипаче грозя ослушником казнию і всяким разорением.

І Василеи по том Арык Магметеве приѣзде просил каимакана чрез жидовского капычѣя, чтоб он велѣл ему, Василью, с собою видетись самому, и домогся того в три дни и был у него августа в 22 день.

И каимакан Василью по вопрошению ево сказывал: ханово де величество, чаят, уж пришол в Бѣлгород, і везир турскои блиско ж Белаграда; токмо де с ним,

везирем, хан еще не виделся, а в котором мѣсте турское воиско и откуду хан Арыка Агметя в Крым отпустил, того да он, каимакан, сказать не упомнит, а об нем, Василье, ханского указу с тѣм Арык Агметем не прислано, и Карамагмет де, что был на Москвѣ при хане ж, а что де от ханова величества напред сего об нем, Василье, писано, то чрез толмача от него, Василья, к нему присылаемаго, ему вѣдомо, и чтоб ему не печалитца, пождать ево, ханского, в Крым пришествия, а все де то продолжение учинилос от запорожцов.

І Василеи говорил: хотя от запорожцов так учинилос, токмо по видимому знатно, что с великими государи нашими, с их царским величеством, ханово величество в миру быть не хочет, потому что гонец их крымскои Карамагметь, хотя с Москвы и отпущен, и к Москве послов их крымских великие государи и желают і в дружбе и в миру быт изволяют, однако ж они в Крыму тѣх о миру пересылок в дѣло не ставят і воину творить не престают, и ныне нурадын салтан пошол на Рус с немалыми ордами, и от того, кромѣ недружбы, доброго ничего не будет.

И каимакан говорил, мы де о нурадынове походе, что он в Перекоп пошол, вѣдаем, токмо де пошол он туды в небытие ханское для крымскои осторожности, а на Рус поидет, іли нѣт, того де невѣдомо, такмо де по кое время мир не учинитца і военного дѣла каждои с своеи стороны не оставляет.

Потом при інѣх словах спрашивал Василеи у каимакана слехка, як об не о надобном дѣле полские послы ныне у ханова величества тѣ ж, что прошлого году с ним, ханом, і в Адрианополи были или иные и хто именем.

И каимакан говорил, что де тѣ были ис Полши великие послы и многолюдные, а ныне де посланник человѣк среднеи, всего в человѣках в десяти, а імени ево он, каимакан, не вѣдает; потом спрашивал и он, каимакан, а на Москвѣ де полские послы есть ли, и нѣт ли у Московскаго государства ныне какие с ними, поляки, недружбы і воины.

І Василеи говорил, что ему, сидя в Крыму третеи год, о том вѣдать нѣ от кого, а толмач, с Москвы присланои, о том не вѣдает, и нихто с Москвы к нему о том не писал, да і писат нѣ для чего, потому что ему, Василью, об них, поляках, уведомление не нужно; а прежде сего во обоих сторонах на Москве і в Полше живали резиденты, и ныне ему, Василью, от того толмача вѣдомо, что тѣ резиденты во обоих сторонах отправляютца по прежнему, а хотя будет какая с поляки по их зачатию у Московскаго государства и недружба, то Полша и Литва московских воиск крѣпкую силу і всеи Литвы разорение и пленение (что им было от отца их, великих государеи, блаженные і вѣчно достоиные памяти от великаго государя царя і великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея Великия и Малыя і Бѣлыя Росиі самодержца) знают и помнят, потому что было то не в давних лѣтах, всего доныне с сорок лѣт, когда литовские городы взяты были мало не всѣ.

И каимакан спрашивал, тѣ де завоеваные литовские городы по чьим же ныне владѣнием.

І Василеи говорил, что преславнои и великои, и стародавнои город Смоленск і иные при границах обрѣтающиися городы задержаны при Московском государстве.

А Вилня, столичнои город, литовскои с ыными также великими и малыми городами отданы по договором в полскую сторону по прежнему.

И каимакан говорил, какая ж де то воина, что взято і назад оддано.

И ему сказано, что пресветлейшіе монархи, великие государи наши самодержавные, как изволяют, так по даннои им от Бога власти и творят, чаеть вѣдает он, каимакан, и сам, что прежде сего нѣкогда город Азов взят у турского салтана был воиною, а отдан по изволению царского величества по договором же в турскую сторону, а не военным способом они, турки, тот город себѣ одержали.

К каимакан против того умолчал.

А потом каимакан говорил: чаят де и Москва бывала в бусурманских руках, а ныне живет христіанская по прежнему.

І Василеи ему говорил, что того никогда ни от кого не слыхано. Ни в каких летописях не написано, чтоб тот Богом хранимои і непреодолѣмои царственнои град Москва был когда в бусурманских руках.

И потом подношено кагве и отпущены в жидовскои городок по-прежнему.

Августа в 28 день приѣзжал к Василью татарин Близ, перекопскои жител, с неволником московским, и сказывал, что нурадын салтан ис Перекопи на Русь пошол августа в 21 день, а орды с ним и с ыными салтанами пошло с шестнадцать тысечь человѣк.

А 7203-го году сентября в 1-х числѣх в Балаклаве пристали четыре катарги турские, ідущие в Азов с казною салтанскою из запасы янычаром на жалованье; і в том числѣ на однои пашинскои катаргѣ посажен был за пьянство на работу в лопатную греблю размѣннои Аштемир бѣя сын Азамат мурза, которои неволников катаржных наговорил, чтоб пашу и турков всѣх на тои катарге побить и самим уволнитис, и когда они от катарги были отковавы и перекованы были по ногу, а мурза был скован особо. А катарги починивали, алевенты и сеимени поразошлис на базар, а тогда они того пашу и жену, и брата ево Иреиза побили ж также, и сеименеи, и левентов убили с сорок человѣк. Тогда на тот бои збежалис с ыных катарг сеимени ж и левенты и постреляли и порубили их неволников с тритцат человѣк, а досталных похватали и перековали по прежнему, а толко с Азамат мурзою ушло шесть человѣк, и тѣх побитых неволников тела покиданы в море и по берегу собакам на снедение, и на показание иным погребат их заказано, для чего в седмом числѣ сентября ѣздил в Балаклаву из Бакчисарая и каимакан и отпустил в Азов тоѣ вышепомянутую казну на трех катаргах, а та оставлена в Балаклавѣ.

Сентября в 16 день о нурадыне вѣдомость учинилас, что он, ходив на Украину к городом по Донцу обретающимся, и от туду возвратился без добычи, потому что вѣдомо ему там учинилося, что под Казыкермень идут казацкие воиска, і он, пришед в Крым, стоял для осторожности от тѣх россиіских воиск в Перекопи, а в Крым во все мѣста посылал, чтоб татаре шли к нему в Перекоп, а в россиіскую сторону непрестанно посылал от себя для провѣдываня безбашен.

Сентября в 18-м да в 19-м числѣх в Бакчисарае по базару кликали деллялы, чтоб всѣ военные люди шли наскоро к нурадыну салтану в Перекоп, грозя ослушником раззорением и смертною казнью.

А октября в 3 день прислано ис Перекопи от нурадына в Бакчисараи для высылки ж татар, которые есть і в пятнатцать лѣт и ниже, чтоб толко смог кто хотя понужде конем владѣть, а есть ли кто не поидет и тот ослушник (как деллялы непрестанно кликали) повешен будет на воротех своих, а для лутчего поспешения того военного збору, чтоб наскоро ѣхал в Перекопь ханскои и каимакан.

И із Бакчисарая де каимакан в Перекоп поѣхал октября в 4 день.

И успокоилас та тревога их, и от Перекопи воиска роспустя в домы свои с немалою радостию пріѣхали каимакан в 8-м, а нурадын в 10-м числѣх, потому что вѣдомость безбашами подлинная им принесена, что воиск никаких к Казыкерменю нѣт, а шол нѣкакои от Переволочни к Сѣче Запорожскои табор посоль.

Октября с 12-го числа из Белогородчины подлино вѣдомость карачѣями, то есть извощиками, і чрез вѣдовых жидов почала приходить, и так совершенно сталося, что Палѣи пришед там с конными и пѣшими казацкими немалыми воиски ханскои кышлав, то есть зимове, такъ ж по рекѣ Днестру обретающияся городки и местечка, а имянно Маяк Чеберчи, Палонку; да села Гаджи-асан, Кизылбунар, Корган и нѣсколко деревен, а всего говорили с пятнатцат мѣст выпленил или разорил, і выпалил, и пошол с великою добычью.

Октября в 19-и день в Бакчисараи от Станбула кораблем печалная вѣдомость турком пришла, что славнои богатои и люднои греческои на острову Бѣлого моря обретающеися город, именуемыи Сакыз, со всѣю околичностью ис под турского владенья поддался венецыяном за налогі і утеснение от турков таковые: когда они, турки, тот остров во владѣние себѣ приобрѣтали, тогда при здаче греком тамошним жителем обещали, что гарачю, то есть подати, никакие с них не імать, а потом как зачалас у них, турков, воина с римским цесарем, тогда выпросили на плату воиску с три годы по нѣскольку, і вменили то в подать, а потом для нынешнеи воины похотѣлі перед прежним взять с прибавкою і втрое, а в то время подошла к ним венецыиская армата и они на их сторону и поддалися.

І Веницѣи Сакыз приняв, турков осадных служилых людеи, которые там были, не неволилі и ничего им не чинили, а осмотряс, как было пристоино, пашу турского со всѣми бусурманы уволнили і отпустили их, кто похотѣл в Станбул, а сами, осадя тут з галионов и с кораблеи военных своих людеи опасную часть и выбрав из греков немалое число, что наилутчих людеи для лутчаго себѣ того полученнаго одержания, отпровадили их к себѣ в Венецыю.

Турком того города Сакыза пожиток таков:

1-е) на море выходит из него 20 катарг;

2-е) околичности его с сорок великих сел, а все греки иных народов нѣт не единого;

3-е) дерева Сакызу (отчего тот и остров именуетца), ис котораго течет Сакыз на подобіе ладону, бѣлому сады великие. Употребляют ево турки в розных лекарственных потребах;

4-е) жители тамошние около золотных и шелковых всяких матереи и кушаков художеством таковые, что подобных им (сказывают) нѣт подо всѣм турецким владѣнием;

5-е) пристанище корабелное великое изо многих земел, а наипаче идущим из Египта, откуду у них лутчее выживение и удоволствование ѣдомых вещеи; а имянно масло деревянное, пшено сорочинское, ягоды всякіе и лен к Станбулу на половине пути, такъ же и із Родоса, гдѣ живет род крымскях ханов Гирѣев, минуть ево велми трудно.

Октября в 21 день из Белогородчины от ханского сына от Шабас Гирѣя салтана прислан к нурадыну салтану с листами татарин, от которого вѣдомо подлинно учинилос, что загере, то есть запас, которои того ж мѣсяца в первых числех

ис Белогородчины в Каменец Подолскои провожал з белогороцкою ордою он, Шабас Гирѣи, в дороге полскими воиски разбит, и орды побито много и торговые люди, и все, что там было, запасов и товаров взято і он, Шабас Гирѣи хан, ушол в самом малолюдствіи.

Ноября в 8 день каимакан сказывал посылаемому от Василья Аитемирева толмачю Полуехту Кучюмову, что хан от венгерскои земли с воиском возвратился и сѣл на Дунае в струг и, чаят, в Белогородчину будет вскоре, токмо де подлинно, о том не вѣдомо, потому что и о том увѣдомился он от тѣх людеи, которые пришли ныне в Крым караблем раненые и болные, а откуду и с которых мѣст тѣ раненые и болные люди приѣхали и гдѣ у них были бои, того он, каимакан, не сказал.

А после того вѣдомо учинилос от годных вѣры людеи, что бои у них с цесарскими воиски были под Варадыном, и на тѣх боях раненых такъж и болных привезено караблем в Крым к Козловскои пристани з двѣсти семьдесят человѣк с лышком, а воиско крымское, возвратившееся оттуду, идет безо всяки себѣ добычи и крѣпко изнуждало и обесконело.

Ноября в 25 день о хане вѣдомо учинилос, что он, возвратясь, дошед в стругу Дунаем до Урусчука города, пошел оттуду к турскому салтану в Адрианополь.

Да о венецыянех того ж числа сказывали с великим всѣх подивлением, и ставят то все от них в великое умышление, что из Мисюря или из Египта шол галион турецкои в Станбул с великими товарами и пристал ко обычнои сакызкои пристани, и они, венецыяне, тот галион взяв и начальников, хто им владѣет, роспрося и увѣдав, что они пристали к нему о взятие ево не вѣдаіа, не учинили им никакие обиды. І взяв обыкновенную с товаров их пошлину и отпустили их в Станбул безо всякого задержания.

Декабря в 8 день каимакан Апкерим эфенде и с ним муфти, и Кадыкир, и знатные мурзы, и аги, которые живут в Бакчисарае, и із ыных мѣст по присылке от карачбѣев от шеринских и мансуровых ѣздили к ним под Карасов, и была у них там рада, с которои рады каимакан и прочие в Бакчисараи приѣхали декабря в 16 день.

И из тои их рады вѣдомость произшла, что говорилі они, чтоб хан и воиско крымское было в Крыму і остерегали домов своих, потому что к турским воискам на вспоможение походы их в десяти летех по вся годы не токмо безприбыльны, но и с убытком и упадком великим в людех и в конех чинилися, хто побиты, хто померли, хто волочася в такову далную дорогу со всѣм оскудалі и обесконили. І всѣ крымцы от того пропадают, как и нынешняго лѣта в небытие крымских и белогороцких воиск в домех російские воиска казацкие донские и запорожские и Палѣи сколко в Крыму и в Белогородчине мѣст и сел и деревень разорили, і выпленили и выжгли, и приговорили, и постановили на том, что для тѣх вышеписанных причин, то есть безприбылныя на венгры и далекія волокиты и разорения от казаков впред к турским воискам ходить им нелзя. Да і в куране де у них, бусурманов, написано: есть ли де кто имѣет своего блисково неприятеля и інному помогать, а своего терят тому не надобно; и тот свои приговор написав, послали к хану в Адрианопол ево ханского двора с человѣком з Гаджи Эреджепом іменем, и чтоб он, Селим Гирѣи хан, буде ему быть у них ханом, ѣхал к ним в Крым не замѣшкиваяс, а буде он у них быть ханом не похочет, и они де себѣ в Крыму сыщут хана и іного.

А как тот Гаджи Эреджеп из Бакчисарая отпускан и того декабря 21 дня по посылке от Василья там у каимакана прилучилса, і тѣ писма видел толмач Полуехт Кучюмов, к чему и каимакан ему, толмачю, сказывал, что де писано к хану и о вашем ис Крыму отпуске.

На тои же раде был у них, карачбѣев, и нурадын салтан и просил у них воиск крымских с великим желанием, чтоб ему сходить (под час праздничнаго рождества Христа Бога и Богоявлениі времени) на Рус до приходу в Крым ханского, токмо карачбѣи ему в том отказали и сказали, чтоб он буде для добычи итить, хочет и он бы шол себѣ двором своим, куды хочет, і они ему в том не воспрещают ни приговаривают, а воиск своих с ним на безбашѣ не посылают і воины з государством Московским до времени імѣть не хотят.

И нурадын им говорил, что когда они, карачбѣи, воиск своих ему не дадут, и он в Крыму воиска себѣ сыщет и охочего, и постановил себѣ конечно выитит генваря в первых числех, как нов мѣсяц настанет. Токмо Бог милостивый до того намѣренного ево злаго совершения не допустил.

Декабря в 26 день в Бакчисараи приѣхали запорожские казаки Іаков Коваленко с товарыщи три человѣка и по прилучаю виделися на базаре и на постоялом их дворѣ с толмачом с Полуехтом Кучюмовым. И сказывали, что присланы они от кошевого и ото всего воиска против присылки казыкерменскои, и імѣли у себя два листа, один к бѣю казыкерменскому, а другои к хану, о том, чтоб с ними казыкерменцы и з городками для звычаинои запорожцов рыбнои и солянои добычи и обоих сторон торговых людеи безбоязненного проѣзду замиритца, и бѣискои лист отдали они ему, бѣю, и были с ним, бѣем, и к хану лист отдали нурадыну салтану, и нурадын, де приняв тот лист, не роспечатывал толко, поговоря з бѣем, им сказал, что де, чаят, вас не задержим и отпустим вскоре, и отослал тот лист і их, казаков, к каимакану, а каимакан велѣл их отвесть на постоялои двор і давать корм звычаинои.

І чтоб Василью, и гетманскому с ним будучему посланцу Василью Велецкому, написав потребное какое в московскую сторону, писмо послат с ними, а они де то сохранят в целости.

І Василеи Аитемирев в надеждѣ і во упованіи на всемогущего Бога, хотя у татар і в подозреніі, токмо служа великим государем, написав записку потребную образцовою азбукою і для всецѣлаго от злых людеи сохранения устроил еѣ в малую обертку, и подписав, что подать в Посолском приказѣ и, запечатав сургучом, по благодарованному прилучаю ѣдучи к каимакану на встрѣче в Бакчисарае им, запорожцом, Якову с товарыщем Ѳомою, отдал своими руками і приказал им с великим прилежанием, чтоб они ево, Василья, а наипаче себя в соблюденіі того писма всячески остерегали і вручили то писмо великих государеи их царского величества подданному гетману Івану Степановичю.

А гетманскои канцелярист Василеи Велецкиі к гетману за подозрѣнием от бусурман звычаиным своим писмом писать не посмѣл, и для таинои переписки от гетмана никакова знаку ему не дано.

І Селим Гирѣи хан из Андрианополя пришол в Крым в Перекоп февраля в 7-м, а в Бакчисараи в 11-м числѣх.

С ним ж, ханом, пришол на каѳинское пашество сакызскои паша, которои за здачю того города венецыяном имѣл быти удавлен, но за упрошением ево, ханским, от того уволнен і в Крым с ним отпущен, и провожал ево честно от

Перекопи ханскои ближнеи человѣк Шагбулат ага; а когда хан был в дороге, тогда в Белогородчину к нему вѣдомость прішла, что турскои салтан умре; а на ево мѣсто учинен салтаном Мустаѳа Магметя салтана сын.

И как ближнеи человѣк в Бакчисараи из Каѳы приѣхал, тогда Василеи к нему посылал толмачеи в розных числех многажды, чтоб он велѣл ему, Василью, о нуждных как великих государеи, их царского величества, так ж и о юртовых крымских делех с собою видетис, всякими способы.

И он, ближнеи человѣк, во вся времена толмачом отказывал, чтоб пообождать времяни, по кое время хан в диван выидет, или, доложа, хана он, Шагбулат, сам по него, Василья, пришлет, и іными непотребными отговорками, однако ж никогда того не учинил и не виделся.

А февраля в 15 день прислал к Василью с муштулуком жида купчину своего розменнои бѣи Аштемир, что хан по ево доношению, будучи еще в дороге, намѣрил ево, Василья, и с ним будучих гетманского человѣка и прочих ис Крыму к Москве отпустит и чтоб в том он имѣл совершенное надѣяние, что совершитца тот отпуск вскоре.

А Апкерим эфенде по тому ж чрез толмачеи приказывал, что он по обещанию своему об отпуске ево, Васильеве, крѣпко радѣет, токмо де чинитца медление по тому ханские ради немощи, потому что он в диван к ним еще не выходил и они ево не видают.

Февраля в 16 день послано к ширинским и к иным бѣям и карачѣям, чтоб приѣхали к хану в Бакчисараи в думу.

Февраля в 26 день вѣдомость пришла хану от сына ево, от Шабас Гирѣя салтана, из Белогородчины, что он с Крымскою и Белогородцкою ордами, проводя в Каменец загере, то есть запас, і возвратясь оттуду, ходили в Полшу и около Лвова и іных окрестных тамошних городов набрали полону з двадцать тысяч душ.

Марта в 2 день приѣхал в Бакчисараи к хану со обявлением новоучиненного салтана Мустаѳы чауш и привез от него хану каѳтан золотнои марта в 7 день из Станбула, вѣдомо учинилос, что сакызцы под владѣнием турского салтана учинилися по прежнему. А каким способом, того не сказано.

Марта в 8 день посыланому от Василя толмачю Івану Никитину розмѣннои бѣи, ближнеи человѣк, и бывшеи каимакан Апкерим сказывали, что де царского величества присланному отпуск у хана с ними приговорен подлинно, токмо без думы с карачѣями того не будет.

И бѣи и карачѣи в Бакчисараи съѣхалис, и у хана в думе были марта с 15-го числа дни по четыре, и калга и нурадын были ж.

А из думы их вышло слово, что на венгерскую воину постановлено у них итит к турскому салтану в помощь самому хану да нурадыну салтану, а калгѣ быть для осторожности юрту в Крыму и с тѣм намеряннем (а наіпаче с прошением, чтоб ему, хану, самому остатис для ево старости в Крыму, а на венгерскои воинѣ быть с ордами калгѣ и іным дѣтям ево) послан Апкерим эфенде, которои, так же и турскои вышеписаннои чауш отпущены и поплыли в Адріанополь кораблем апреля в 5-м числѣ.

Да с нимъ же, Апкеримом, послан нововзятои і привезенои із Азова апрѣля в 6-м числѣ нужнои язык, взятои на Дону, которои ім сказывал о походе сего лѣта конечно великих государеи воиск на Азов, с которыми, чают, произволения

и победоносного шествия і самого великаго государя царя і великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великия і Малыя і Бѣлыя Росиі самодержца.

А об отпуске Василя Аитемирева в тои их думе карачбѣи приговаривали, чтоб еще задержать и до удобного им времени не отпускат, и хану о том с прошением говорил Апкерим эфенде, выводя себя от лжи по обещанию и по писму ево, что он писал к гетману к Ивану Степановичю о крымском гонцѣ Карамагмете. Буде он также и Ібраим мулла с Москвы отпущены будуть, то і он, Василеи, и гетманскои посланець отпустятся же, і хан к тому ево предложению склонился.

Марта в 29 день был Василеи по призыву розмѣнного Аштемир бѣя у него в Бакчисарае на розговоре, гдѣ он, бѣи, обявил.

Ханову де величеству он, бѣи, о напрасном ево, Василеве, задержані докладывал со всяким радѣнием, і по тому ево докладу хан указал ево, Василія, отпустить, и к царскому величеству будет от себя с ним, Василем, писать.

І Василеи, благодарствуя ему за то отпуску обявление, спрашивал у него, бѣя, своего посла по желанию великих государеи ханово величество к их царскому величеству послать изволитъ ли.

И бѣи говорил, что посылки с ним, Васильем, крымского гонца, ни посла не будет для того, что бѣи и карачбѣи, будучи ныне в думе, тоѣ посылку отговорили, потому вѣдают де они, прислан он, Василеи, з грамотою великих государеи ис статьямі, на чем быть миру к Саоат Гирѣю хану, крымскому их юрту зело с ненадобными, которои грамоты и с статеи хан не хотѣл (по их словам) і слышать, разве де от великих государеи в грамотах писано, о каких добрых дѣлех к нему, Василю, и естьли что есть, і он бы, Василеи, ему, бѣю, о тѣх дѣлех обявил, а он то донесет хану.

І Василеи говорил о дѣлех: указ великих государеи имѣет он, Василеи, сверх грамот их государских толко о том, чтоб ханово величество ізволил старую дружбу, которая імѣлас, обновить і по присланным с ним статям для договору к Москве послать послов знатных людеи і с полною мочью не за один Крым, і но и за турскую сторону, о чем он ханским ближним людем, і ему, бѣю, объявлял уже неодинождытa, а болши того никаких дѣл ни о миру, договоров, ни постановления чинить ему на Москвѣ не наказано, ни в грамотах не писано. А естьли б ханово величество их, великих государеи, желание исполнил и к мирному дѣлу приступ учинил и изволил бы к Москве с ним, Васильем, послат ныне послов своих, то он, Василеи, указом великих государеи своих смѣло их обнадеживает, что учинился б междо Московским государством і крымским юртом такои мир, какои обоим странам надобно.

А естьли ханово величество намѣрил ево, Василя, к Москве отпустит, а своих послов с ним не посылает, то знатно, что крымскои юрт конечно в миру і в дружбе с Московским государством быть не хотят, и чтоб ханово величество указал ему со всѣми людми дать от Бакчисарая до Сѣчи Запорожскои подводы, потому что своих конеи, которых они, Василеи и прочие с ним, имѣли, тѣх давно продали и проѣли, а надѣлися на обещание ханских ближних людеи и ево, бѣиское, что они говорили, когда де отпуск будет, тогда без конеи не будете, а наіпаче всего, чтоб ханово величество приказал ево, Василья, из своих мѣст до Руси проводит в целости, и не явилос бы в том пути от татар какие хитрости, потому что по Бакчисараю обносятца об них слова недобрые; и чтоб он, бѣи, о предложені ево, Васильеве, донес ханову величеству.

И бѣи говорил, о посылке де к Москве посла их конечно отставлено и не будет, потому что нѣ для чего, да и о подводах он от хана слышал, что прежде сего московским послом не бывало, то и ныне наудачно будет ли, а о цѣлости в дороге, чтоб он, Василеи, ни в чѣм не сумневался и не имѣл никакова опасения, велят проводит в целости, а сверх того ѣдет ныне ис Крыму казыкерменскои Темирша бѣи в Казыкермень, и он, Василеи, добро, чтоб поѣхал с ним ж, и потому опасатис будет нѣчего, і о том он, розмѣннои бѣи, с ним, казыкерменским бѣем, переговорит, а слова ево, Васильевы, что он ему говорил о послѣ и о подводах и о всем, донесет ханову величеству со всяким радѣнием сего ж часа, потому что междо Московским государством і юртом крымским пересылки зело ему надобны.

И чтоб он, Василеи, ѣхал к себѣ на подворье, а у него оставил толмача для того, какои ханскои указ на доклада ево будет, чтоб было с кѣм прислат вѣдомость.

І Василеи, поѣхав от него, бѣя, в жидовскои городок, оставил толмача Полуехта Кучюмова, которому он, бѣи, вышед из ханских сараев, сказал, что хан во всем отказал; ни послов к Москве с ним, Васильем, не пошлет, ни подвод не даст, хотя де пѣши поидите, или конми промышляите, как знаете.

А марта в 30 день был Василеи у него, розмѣнного бѣя, в другои рядь и без опсылки, и говорил, обіавиль он, бѣи, по указу ханова величества ему, Василью, к Москве отпуск, когда ж ему для принятия к великим государем листа у него, хана, быть на отпуске.

И бѣи говорил, что указал хан отправит ево со всѣм ближнему человѣку Шагбулату агѣ; и лист к царскому величеству уже готов, толко запечатать, а у хана де ему, Василью, на отпуске не быть.

І Василеи говорил, для чего ханово величество такое нелюбие і невзычаинои поступок к их царскому величеству показует, что, толикое долгое время продержав, не велит у себя быть на отпуске, і велит отправить ближнему чедовѣку, а ему, Василью, к их царскому величеству листа ни от кого іного, кромѣ самого ево хана, принимать недостоино, потому что прислан он, Василеи, от пресвѣтлѣиших монархов великих государеи своих, к государю же, а не к ближним ханским людем, и іх царского величества грамоту подал Сафат Гирѣю, хану самому, і во всем порядок при том хане был пристоинои, а сие дѣло ныне творитца невѣдомо для чего, потому естьли бы великие государи не имѣли к миру склонности и грамоты их государскои к нему, хану, не прислано, то б о том всяко вменилося, а то ныне конечно нѣчто у них начинаетца новое.

И бѣи говорил, сколко де он, Василеи, ни говори, токмо болши того, о чем он, бѣи, ему по ханскому указу объявил, инако не будет, і чтоб он, Василеи, ожидал об отпуске своем вѣдомости от ближняго человѣка, от Шахбулата аги.

Апреля в 5 день Василеи Аитемирев был у ближняго ханского человѣка на отпуске по полудни в дому ево; и ближнеи человѣк говорил, чтоб он, Василеи (хотя і видѣл к себѣ, будучи у них в Крыму, какие случаи і в задержанії досадителства), предал забвению, потому что в таковых междо государствы пересылках, бывающим людем много того случаетца, а ныне де ханово величество указал ево, Василья, со всеми при нем будучими людми ис Крыму отпустит к Москве, і к великим государем посылает с ним, Васильем, свои ханскои лист, ис которого листа он, ага, ему, Василью, обявляет, что писано к их царскому

величеству о том, буде великие государи изволяют с крымским ханом и со всем юртом быт в миру, и тот бы мир учинен был на том, как бывало прежде сего, и присланы б были для договору царского величества послы в Крым, да в том же б договоре замирить и калмыцкого хана Аюку.

І Василеи ему, агѣ, о послѣ крымском к Москве і об отпуске своем, что к великим государем лист хан ему, Василью, отдал сам, и о подводах и о безопасном своем пути говорил тѣ ж вышеписанные слова, что и бѣю розмѣнному и ближнеи человѣк говорил, что у хана ему, Василью, на отпуске быть нѣ для чего, потому что от великих государеи присылка ево в Крым безо всякаго добра, чего хан с юртом и слышать не хотят, а отпуск ему, Василью, чинитца ныне для того, что по его ханскому указу писал к гетману к Ивану Степановичю Мазепе каимакан Апкерим эфенде, буде отпустят с Москвы крымского их гонца Карамагметя, тогда и он, Василеи, і с Крыму отпущен будет же, и потому и сеи ему, Василью, отпуск и творитца, а посолства никакова чинить ему, хану, нѣ против чего для того, хотя от великих государеи грамота к нему, хану, и прислана, токмо дѣло в неи писано то ж, что и с ним, Васильем, и к миру ни мало непотребное и чтоб он, Василеи, к великим государем ханскои лист у него принял, і Василеи ханскои лист у ближняго человѣка принял и отпущон в жидовскои городок, а о подводах Василью отказано, а толко дана одна подводка посланцу гетманскому.

А о провожатых он, ближнеи человѣк, сказал, что пошлет до Перекопи с ним Ода башу да сеименя, а от Перекопи поѣдут они, Василеи, до Казыкерменя с казыкерменским бѣем, а оттуду, как ево Василья допровадить до Сѣчи, ему, бѣю, по ханскому указу приказано.

И із жидовского городка Василеи с протчими поѣхал апрѣля в 7 день.

В Перекопь приехалі апрѣля к 11 день і дожидалис казыкерменскаго бѣя апрѣля до 18-го дня Василеи на своем корму, покупая і воду, а гетманскому человѣку с казаками давалі корм, пшено, сорочинское масло, брага и конскои корм.

А под тот час приѣзду Василева пришли в Перекоп дѣти ханские.

Перекопскои бѣи Саадет Гирѣи салтан от Очакова, провожая в турскую землю кафинского пашу вышеписанного, что приѣхал было с ханом і взят чаушом для того, что сего турского Мустаѳы салтана держит он себѣ за жену тетку ево родную, отцову сестру, и сказывают, что быть ему везирем.

Дашабас Гирѣи салтан, которои воевал в Полше, приѣхал с крымцы с петюсот человѣки из Белогородчины, а ясырю с собою привезли мужеска и женска полу с триста душ.

А бѣи казыкерменскои заѣзжал в Козлов для турскои казны левковои, которая привезена ис Килиі на полугодовое жаловане казыкерменским бешлѣем пяти тысечам человѣком по дватцати по пяти левков на человѣка, а всего им доходит по пятидесят левков на год человѣку.

А в Перекоп, приѣхав апрѣля в 18 день, посылал в Казыкермень по бешлѣев, чтоб для провожанья тои казны приѣхали к Перекопи.

И бешлѣев казыкерменских против 19-го числа вночи приѣхало и дожидалис ево, бѣя, на урочище Копькую от Перекопи в десяти верстах три баирака в трехсот конех и болши.

А в 18 день апрѣля Василеи с ним, бѣем, видѣлся, и бѣи Василью междо многими о дорогѣ разговорами говорил, что де хану посолство к Москве карачѣи отговорили для того, что против прежняго от Москвы к миру нѣт склонения, потому

что засылка де прежде учинилас от гетмана, присылан к Саадет Гирѣю хану Пантелеи Радич и просил от него, хана, посла со обнадеживанием таким, как ныне, і он, Василеи, что учинитца доброе, и хан де, гетману повѣря, гонца своего, Карамагметя, к нему, гетману, дав ему лист і к великим государем послал, и тот де крымскои гонец от гетмана запроважен к Москве и там задержан был не вѣдомо для чего, а он, Василеи, прислан в Крым с таковым дѣлом, что крымскому юрту отнюд непотребно и слышать не надобно, однако ж когда царское величество изволили гонца их крымского Карамагметя отпустит, то и ханово де величество ево, Василья, отпускает и приказал ему, бѣю, от Перекопи до Казыкерменя и от Казыкерменя до Сѣчи Запорожскои допровадить во всякои цѣлости, потому что на тои дороге, что от Перекопи до городков бывает, что иногда подбѣгают калмыки и казаки и чинят шкоды великие, а от наших де крымских и белогороцких татар опасатис нѣчего, разве б де чего не учинилос от ваших.

І Василеи хану за таковую добродѣтел, что вручил цѣлость его в хранение такои честнои особе, благодарствовал, а ево, бѣя, просил, чтоб он приказал ему, Василю, выѣхат за Перекопь и стат гдѣ на корм, потому что в Перекопи будучи конеи им кормить нѣчем. Купить не на что, а каимакан перекопскои во всем отказал.

И бѣи говорил, что за указом ханским не смѣет он ево, Василя, без себя за Перекопь выпустить ни сажени, а поѣдем де дасть Бог утре.

Апреля в 19 день бѣи с казною, а Василеи с людми выѣхали и ночевали в том вышеписанном мѣсте, гдѣ дожидалис бешлѣи, а в Казыкермень приѣхали в 20 день после полудня.

А из Казыкерменя от бѣя с четырми человѣки провожатымі бешлѣями отпущен апрѣля в 21 день.

В Сѣчю Запорожскою приѣхали апреля в 23 день.

И просил Василеи у кошевого атамана Петра Примы провожатых казаков до Переволочни, и кошевои провожатых не дал и велѣл дожидатца в руские городы ватаги, і ватага в Сѣче собралас, і Василеи с тою ватагою из Сѣчи поѣхал апрѣля в 30 день.

К Днепру пришли и в Переволочню перевезлись мая в 6 день, а от Переволочни поѣхали мая в 7 день и ѣхали на городы на Соколку, на Новои Санжаров, на Полтаву, на Опошное, на Зенков, на Лютенку, на Гадач, на Ромен, на Смѣлое, на Конотоп, на Батурин; а к Батурину приѣхав, и у гетмана Ивана Степановича на ѳолварку ево был Василеи мая в 16 день.

И гетман Іван Степанович Василью говорил, чтоб он, Василеи, когда приѣдет к Москве, возвестил ближнему царского величества боярину Лву Кириловичю Нарышкину и думному дьяку Емеляну Игнатевичю Украинцову, что он, гетман, по указу великих государеи на их царского величества назначенную службу из Батурина уж выступил и поидет к Переволочне с поспешением и реименту своего всѣм полком выходить велѣл, а Киевскому с Лубенским полком тою стороною Днепра велѣл он, гетман, итить и при помощи Божіеи ударить под городки и отогнать у них конскія и животинныя стада, которыя у них ходят ныне за миром с запорожцы в полях безопасно, а сам он, гетман, поидет с Переволочны, с поспѣшеніем, толко ему ныне трудно і не дадут поспѣшить днепровые и іных рѣк полые воды великие, да и пришед де к Переволочне, пушечных тягостеи перевозит нѣ на чем, всего там возы пар лип і то не великие, а струги из Киева не бывали і в том от великих государеи опасен он на себя их государского гнѣву.

А другое и то, естьли сеи поход и на Азов царского величества воиск промысл и поіспоздается, то к лутчеи бы вѣдомости и к надежному на неприятеля наступлению, когда вѣдомо будет, что у цесаря с турком будет чинитися и хан ис Крыму на венгры поидет ли или не поидет.

Перевод с татарского писма з грамоты, какову к великим государем крымскои Гаджи Селим Гирѣи хан писал з гонцом посолского приказу с подячим с Василем Аитемиревым в 203-м году маия в 30 день.

В начале писано золотом сице:

Един Бог.

Да в лапе золотом же:

Гаджи Селим Гирѣи ханово величество слово наше,

а потом:

Божиею милостию великие орды великого юрта крымского престола кипчатцкие степи безщетных многих татар и безсмѣтных нагаи тацкие и тевкецкии и межгорских черкѣс великиі государь, ханово величество, свѣлѣишии и храбрѣишии высочаишии я, великиі Гаджи Селим Гирѣи, хан от Бога созданныи, і величество наше всею Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі восточных и западных і сѣверных стран христианских и многих земел государем и обладателем, братиам нашим великим государем царем і великим князем Іоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю, величествам вашим, любителное в дружбе премного много поздравление, а после поздравления вашего сею грамотою извѣстно чиним, что с посланным бывшаго Саадет Гирѣя хана гонцом с Карамагметем агою к светлѣишему нашему ханову величеству в любителнои вашеи грамоте писано, что гонца нашего Карамагмете агу отпустили и о том нам вѣдомо учинили, и чтоб ваших братиіи наших посланных гонцов к бывшему Саадет Гирѣю хану в вашу сторону отпустит мы велѣли, и о том писали, и я, ханово величество, по желанию вас, братиіи наших, ваших гонцов в вашу сторону отпустит повелѣл; а то вам, братиіи нашим, извѣстно, что калмыцкои Аюкаи хан с нашим хановым величеством в дружбе и в братстве, і вы, братия наши, буде желаете с нами хановым величеством из другом нашим с калмыцким Аюкаем ханом в миру быть и меж наших трех государств договоряс укрепитца о миру, прислати б вам в нашу сторону к нашему величеству посла и даст [Бог] доброе междо вами великими государи и нашим хановым величеством, и другом нашим Аюкою дружба будет.

Писано в престолном нашем Бакчисарае 116 году месяца шабана в послѣднем числѣ.

Печать у тои грамоты чернилами, а в неи написано: Гаджи Селим Гирѣи хан.

А в ярлыке тои грамоты написано:

великие орды великого юрта крымского престола кипчацкие степи безщетных нагаи и безсмѣтных татар светлѣишаго Гаджи Селим Гирѣя ханова величества россіиским меж восточных и западных стран многих христиан царем братием нашим великим государем і великим князем Іоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю донести.

На том листу помѣта думного діака Емеляна Игнатевича Украинцова такова:

23 июня в... день великим государем извѣстно, и бояром чтено [36].

---

[36] Статейный список подьячего Василия Айтемирова в Крым 1692–1695 гг. (Публикация А. И. Маркевича) – Одесса, 1896.

№ 37

1696, лютого 8. – Москва
Наказ князеві Федору Волконському, призначеному в місто Чернігів воєводою (про управління казенними, земськими та військовими справами)

Быть на службѣ в Черниговѣ окольничему и воеводѣ князю Ѳедору Львовичу Волконскому, а окольничему и воеводѣ Богдану Ѳедоровичу Полибину ѣхать к Москвѣ; а с ним окольничим и воеводою со князем Ѳедором Львовичем быть на его великаго государя службѣ в Черниговѣ ратным людем, которые и нынѣ в Черниговѣ, солдатскаго строю полковнику Михайлу Франку, да поручикам Степану Садилову, Филиппу Биту, прапорщику Ивану Кечелкину, да капитану Семену Мышкину.

И окольничему и воеводѣ князю Ѳедору Львовичу с Москвы идти на его великаго государя службу в Чернигов с поспѣшеніем, нигдѣ не мѣшкая. Приѣхав в Чернигов, принять у окольничаго и воеводы у Богдана Ѳедоровича Полибина город Чернигов и городовые ключи, и по городу наряд и пищали, и полковые всякіе припасы, и к ним ядра, и знамена, и барабаны, и зелье, и свинец, и фитиль, и ружье, и хлѣбные запасы, и соль, и денежную казну, и приходныя, и расходныя книги, и всякія государевы дѣла, и указныя грамоты, также у ратных людей черниговских жилых стрѣльцов и даточных новоприборных солдат, которые остались послѣ отпуска иных всяких чинов людей, и тому всему велѣть учинить список.

И по тому списку того всего наряда пушек и пушечных запасов и всякаго ружья, и полковых всяких запасов, и денежной казны, и всяких государевых дѣл, и приходных, и расходных книг, и государевых служилых людей пересмотрѣть всѣх налицо; а пересмотря, велѣть им, служилым всяких чинов людем, быть на их государевѣ службѣ с собою вмѣстѣ, а зелье и свинец, и соль велѣть перевѣсить, а хлѣбные всякіе запасы перемѣрить именно.

А что по его смотру великаго государя служилых людей и пушек, и пищалей, и всякаго наряду, и что нынѣ в Черниговѣ на лицо денежныя казны, хлѣбной покупки и остаточных стрѣлецких денег за роздачею, и хлѣбных запасов, и соли, также по скольку человѣк становится на караулах служилых людей, и в которых мѣстах стоят порознь, и во сколько дней перемѣняются, то все велѣть написать в тетради именно порознь по статьям; а пересмотря и переписав и приняв все налицо, и в том во всем с ним, окольничим и воеводою, росписаться; а росписався, писать о том к великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и росписной список за своею рукою прислать к Москвѣ и велѣть подать в приказѣ Малыя Россіи думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову с товарищи.

А приняв город и городовые ключи, и по городу всякое полковое строеніе, и приказныя всякія дѣла, и денежную казну, и хлѣбные запасы сполна, и пересмотря ратных людей всѣх на лицо, велѣт на смотрѣ всяких чинов ратным людем сказать, чтоб они ему, великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, служили со всяким усердіем и вѣрностію, а служба их у него, великаго государя, забвенна не

будет, и его, великаго государя, жалованья нынѣ дают и впредь давать будут по прежнему сполна.

А будучи ему, окольничему и воеводѣ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, на службѣ в Черниговѣ, его, великаго государя, дѣлом радѣть и промышлять неоплошно по городу и по острогу и по воротам, и по башням, и по стѣнам у крѣпостей, гдѣ пригоже, караулов велѣть досматривать почасту, и у государевы казны служилых людей держать для береженія, и смотрѣть того накрѣпко, и на вѣсти в которые годы доведется посылать, и вѣстей про воинских людей провѣдоват почасту всякими обычаи и с великим радѣніем; и смотрѣть и беречь того накрѣпко, чтоб великаго государя служилые люди на караулах и на сторожѣ были в указных своих мѣстах, и стояли в день и ночь с великим береженіем опасно, и по наряду вездѣ б было сполна, чтоб воинскіе люди к Чернигову изгоном безвѣстно не пришли, и украдом и обманом в день и ночным временем над городом и над острогом какого дурна не учинили.

А буде про приход воинских людей учинятся в Черниговѣ какія вѣсти, и окольничему и воеводѣ о тѣхъ вѣстях писать к великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, а для вѣдома и в Кіев к боярину и воеводѣ ко князю Данилу Аѳанасьевичу Борятинскому с товарищи и в иные малороссійскіе городы к воеводам, куда пристойно, с вѣстовщиками о том писать же наскоро; да и черниговскому полковнику о тѣх вѣстях, про воинских людей провѣдав подлинно, сказывать же, чтоб и полковнику тѣ непріятельскіе замыслы были вѣдомы.

А буде у него, полковника, будут вѣдомости про приход воинских непріятельских людей, и он бы, полковник, по вѣрной своей к великому государю службѣ о непріятельских замыслѣх ему, окольничему и воеводѣ, по тому же сказывал, и о промыслу над непріятельскими людьми чинил, и о городовом береженіи радѣл всячески, и посовѣтовав с полковником, дѣлать во всем по указу великаго государя, как пристойно, и смотря по тамошму дѣлу и по вѣстям, чтоб одноличио над городомь и над государевыми людьми каким непріятельским изгоном и обманом какого дурна не учинилось.

Также будучи ему, окольничему и воеводѣ князю Ѳедору Львовичу, на его, великаго государя, службѣ в Черниговѣ, к полковнику, и к старшинѣ городовой, и ко всѣм казаком, и мѣщаном, и к черниговским служивым жилецким и всяким людем держать ласку и привѣт, и их государевых служилых людей казаков и мѣщан и всяких черниговских жилецких людей во всем оберегать, а великаго государя служилых всяких чинов людей от всякаго дурна и воровства унимать, чтоб они не пили и не бражничали и куреннаго питья и табаку и блядни и зерни не держали, и никакого дурна и воровства у них не было, и государева жалованья денег и платья и ружья не пропивали, и зернью не проигрывали, и ни к какому дурну и воровству не приставали; а и того ему, окольничему и воеводѣ, велѣть смотрѣть и береч накрѣпко и заказ учинить служивым всяких чинов русским людем крѣпкой, чтоб, будучи в Черниговѣ, русскіе люди, в лѣтніе и в жаркіе дни изб и мылен не топили, а топили б избы для хлѣбнаго печенія вовремя и в дождевые дни, чтоб одноличио в Черниговѣ от огня было береженіе великое; и объѣзжим головам приказывать о том накрѣпко, чтоб они по улицам и по переулкам в день

и ночь ѣздили безпрестанно, и того смотрѣли и берегли накрѣпко, чтоб от огненнаго запаленья в Черниговѣ было опасно.

А буде которые великаго государя служилые люди учнут каким воровством воровать, и казакам, и мѣщанам, и иным жилецким людем какія обиды и налоги чинить: и ему, окольничему и воеводѣ, тѣх служилых людей от всякаго дурна унимать, и за воровство наказаніе велѣть им чинить, смотря по винѣ, кто чего достоин, чтоб на то смотря, иным не повадно было впредь воровать.

Также и полковнику, и войту, и бурмистром черниговским говорити, чтоб казаки и мѣщане, и всякіе тамошніе жители великаго государя ратным людем всяких чинов по тому ж обид и налогов никаких не чинили, а жили б с ними в совѣтѣ, чтоб великаго государя ратным людем обид и налогов от них по тому ж ни в чем не было.

А буде которые казаки, или черниговскіе жилецкіе люди, каких чинов ни будь, великаго государя ратным людем учнут чинить какія обиды: и он бы, полковник, на казаков и на всяких черниговских жителей давал оборону и управу, и учинил наказаніе, кто чего достоин, по своим войсковым правам.

А буде он, полковник, казаков от дурна унимать, и винным по сыску наказанье чинить не учнет: и окольничему и воеводѣ писать о том к великому государю к Москвѣ, в приказ Малыя Россіи.

А буде приѣдут из которых из иных государств какіе служилые люди на имя великаго государя на вѣчную службу, или из которых земель выходцы и полоняники: и окольничему и воеводѣ тѣх переѣзчиков и выходцов и полоняников велѣть распросить в тѣх мѣстѣх, откуда они приѣхали, мороваго повѣтрія на люди нѣт ли и не слыхать ли? Да буде скажут, что повѣтрія нѣт и не слыхали, и тѣх выходцов и полоняников велѣт распрашивать подлинно о всяких вѣдомостях, которыя належат к охраненію в цѣлости Московскаго государства и малороссійскому краю; а что они в распросѣ скажут, о том писать к великому государю к Москвѣ в приказ Малыя Россіи; а не описываясь, тѣх переѣзчиков и выходцев к Москвѣ не пропускать.

А буде из которых государств приѣдут в Чернигов посланники, или гонцы: и окольничему и воеводѣ тѣх посланников и гонцов по тому ж велѣть распрашивать, из которых они государств приѣхали, и от кого и для каких дѣл к великому государю посланы, и для чого Кіев объѣхали, и королевскія и иных владѣтелей грамоты и проѣзжіе листы, или иныя какія письма с ними есть ли? А роспрося, о всѣм подлинно писать к великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, в приказ Малыя Россіи наскоро, а отписки посылать в Москву чрез уставленную почту.

А кто именно и какіе люди полоняники и выходцы из польскія и из литовскія стороны и из иных из которых земель в Чернигов приѣдут, и в котором году и мѣсяцѣ и числѣ, и которые из них отпущены будут к Москвѣ, или кого за чѣм к Москвѣ отпустить не доведется: и то все велѣть записывать в книги подлинно, да тѣ книги присылать к великому государю к Москвѣ в приказ Малыя Россіи, а малороссійских городов выходцев отпускать по своим домам в тѣ городы, которые за великим государем, и велѣть им жить по прежнему, гдѣ они наперед сего жили со свидѣтельством, и о том в тѣ мѣста, кому там вѣдать надлежит, писать.

А того ему, окольничему и воеводѣ, смотрѣть и беречь накрѣпко, чтоб из непріятельских ни из каких городов и мѣст никакіе люди для воровства, или лазучничества, также бы из московских, и из украинских, и из польских, и сѣверных городов для воровства в Чернигов никто ни к кому не пріѣзжал и не приходил, и измѣны и инаго никакого воровства отнюдь в Черниговѣ ни от кого не было; да и заставным головам о том приказывать же накрѣпко, чтоб они, головы, будучи на заставах и на сторожах, по тому ж смотрѣли и берегли того накрѣпко, чтоб мимо заставъ и сторож из непріятельских городов и мѣст воры и лазутчики, и измѣнники, и боярскіе русскіе бѣглые люди, и крестьяне за рубеж в непріятельскія стороны и в иныя ни в которыя государства никаков человѣк не прошел и не прокрался ни которыми дѣлы; а кого в Черниговѣ, или на заставах в измѣнѣ, і или в ином каком воровствѣ поимают, и про то, сыскивая допряма, чинить наказаніе по указу великаго государя, кто чего довелся.

А буде которые непріятельскіе люди учнут к ним писать какія письма на прелесть, и лазутчиков присылать: и они б такія воровскія письма приносили, и лазутчиков переимав, привозили к нему, окольничему и воеводѣ, а им за тѣ их службы и радѣніе, что они такое воровское дѣло объявят, будет великаго государя, его царскаго величества, милость; да кто такія прелестныя письма к нему, окольничему и воеводѣ, учнут приносить и лазутчиков, переимав, приводить, и тѣх лазутчиков распрашивать о всем подлинно; и что в распросѣ скажут, о том писать к великому государю, и распросныя их рѣчи и воровскія письма присылать в приказ Малыя Россіи без замотчанія.

А буде которые посланники и гонцы и выѣзжіе иноземцы и полоняники, будучи на заставах и на сторожах, скажут, или мимо их от кого будет в Черниговѣ вѣдомо, что в тѣх мѣстѣх, из которых они пріѣхали, или пришли, на люди моровое повѣтріе есть: и окольничему и воеводѣ тѣх всѣх выходцов и полоняников в Чернигов отнюдь пропущать не велѣть, а велѣть держать их за заставою с великим береженіем, и про всякія вѣсти про моровое повѣтріе велѣть таких же людей распрашивать за заставою чрез огонь с великим остерегательством и опасеніем, не сходясь с такими людьми, и тѣ их распросныя рѣчи за заставою велѣть переписывать на новую бумагу чрез огонь дважды и трижды, и первыя распросныя рѣчи за заставою велѣть сжечь, а на новой бумагѣ распросныя рѣчи велѣть прислать к себѣ в Чернигов, по тому ж велѣть переписывать на новую ж бумагу дважды и трижды, да о том писать в Кіев; а для вѣдома и опасности и Войска Запорожскаго обѣих сторон Днѣпра к гетману к Ивану Степановичу Мазепѣ о том писать же, чтоб он от тѣх мѣст велѣл имѣть опасеніе великое, и гдѣ пристойно, учинить заставы и сторожи крѣпкія с великим береженіем.

Да ему ж, окольничему и воеводѣ, будучи в Черниговѣ, велѣть смотрѣть и беречь накрѣпко, чтоб русскіе люди воровски, или какою измѣною чрез Чернигов за рубеж в польскую и в литовскую сторону и в иныя ни в которыя государства, в турки и в Крым никаков человѣк не проѣхал и пѣш не прошел и не прокрался никакими обычаи; а кого в Черниговѣ, или на заставах в измѣнѣ, или в ином каком воровствѣ поимают, и тѣм, сыскивая про их воровство допряма, велѣть чинить наказаніе по указу великаго государя, кто чего довелся, и писать о том к великому государю к Москвѣ, а отписки велѣть подавать в приказ Малыя Россіи.

А буде кто русскіе люди придут в Чернигов из Москвы, или из городов без проѣзжих грамот, или без воеводских отписок; и тѣх людей, взяв в приказную

избу, велѣть распрашивать, для чего у них государевых проѣзжих грамот или воеводских отписок нѣт, и для каких дѣл кто приѣхал, или сбѣжал; а роспрося о всем подлинно, тѣх людей велѣть держать в Черниговѣ до указу великаго государя, а без проѣзжих грамот их не пропускать, и о том писать к великому государю к Москвѣ в приказ Малыя Россіи.

А которые бѣглые люди и крестьяне, сбѣжав из-за кого из русских людей, придут в Чернигов и похотят написаться в государеву службу: и таких людей принимать не велѣть, а имая, присылать их к Москвѣ, и велѣть про них объявлять в приказ Малыя Россіи; а великаго государя ратных всяких чинов людей, которые на службѣ будут с ним в Черниговѣ, во всем вѣдать и расправу меж ими во всяких дѣлѣх чинить по указу великаго государя ему, окольничему и воеводѣ, а казаков и мѣщан и всяких черниговских жилецких людей ни в чем ему не вѣдать, для того по указу великаго государя велѣно судом и всякими расправными дѣлами их вѣдать черниговскому полковнику, и в права их казацкія ни в какія не вступаться; а буде каких дѣл за чѣм вершить будет невозможно, и о том ему, окольничему и воеводѣ, писать об указѣ к великому государю к Москвѣ, а отписки велѣть подавать в приказѣ ж Малыя Россіи.

А будучи ему, окольничему и воеводѣ, в Черниговѣ, великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, в дѣлах радѣть и промышлять и во всем великому государю прибыли искать, и береженіе ко всѣм его, великаго государя, ратным людем держать и дѣлать во всем по сему великаго государя наказу, и смотря по тамошнему, как бы великаго государя дѣлу порухи ни в чем не учинить.

Также ему, окольничему и воеводѣ, великаго государя денежную казну на кружечном дворѣ питейную прибыль и всякіе тамошніе черниговскіе доходы велѣть сбирать с великим радѣніем, служа и ища ему, великому государя, прибыли, и над цѣловальниками смотрѣть накрѣпко, чтоб они его, великаго государя, денежную казну сбирали по тому ж с радѣніем безо всякія оплошки, и сами они их государскою казною не корыстовались, и собрати б той казны кружечнаго двора и всяких черниговских доходов в нинѣшній 204 год с немалою прибылью.

А что в нынѣшній 204 год по его, окольничаго и воеводы, приход той их государевой казны собрано, и что впредь с его приѣзда будет в сборѣ: и о том к великому государю писать, и сборныя книги и перечневыя выписки за своею рукою присылать чрез почту по вся мѣсяцы, для того, чтоб было вѣдомо, по чему на мѣсяц всяких черниговских доходов и кружечнаго двора сбору бывает, и в расход выходит, и велѣть подавать в приказѣ Малыя Россіи; а в расход тѣ деньги велѣть давать на самые нужные расходы, без чего быть невозможно, и на тое дачу велѣть давать чехами, а не серебряными деньгами; а серебряных денег в расход отнюдь не давать, и на чехи серебряных денег не мѣнять, и себѣ без указу великаго государя не имать, и в долги никому не давать; и на какіе расходы что выдет, и тот расход велѣть писать в расходныя книги именно порознь по статьям; и тѣ расходныя книги, что за расходом в остаткѣ будет, по тому ж присылать к Москвѣ помесячно; а хлѣбные наличные запасы, которые нынѣ в Черниговѣ налицо есть, велѣть беречь для дачи его, великаго государя, ратным людем на нужное время с большим остерегательством.

Также и впредь хлѣб велѣть покупать, усматривая тому хлѣбу дешевыя цѣны, чтоб тот хлѣб был в покупкѣ без передачи и для ратных людей всегда было

хлѣбных запасов в готовности на два года; а цѣловальником, которые у хлѣбных запасов, приказать накрѣпко, чтоб они готовые хлебные запасы берегли, и того смотрели накрѣпко, чтоб в житницах не слеглись, и от дождей не помокли, того им всего велѣть смотрѣть и беречь со всяким радѣніемь неоплошно.

А нынѣ сколько того хлѣба налицо, и по чему купят четверть ржи в московскую мѣру, и на сколько того хлѣба ратным людем впредь будет, и что налицо денежной казны серебряных и мѣдных денег чехов и московской присылки и кружечнаго двора и иных доходов, о том по тому ж к великому государю писать подлинно помесячно.

А о войсковых и о городовых и о всяких иных дѣлѣх, о чем доведется писать к великому государю к Москвѣ, и тѣ отписки посылать чрез почту; а смотря по вѣстям и по дѣлу; и с нарочным гонцом, а о малых дѣлѣх с нарочным гонцем не писать.

А буде в приход воинских людей над непріятели учинится какой поиск под городом, или в посылках, и взяты будут языки: и тѣх языков велѣть распрашивать про всякія вѣдомости и про непріятельскіе замыслы подлинно; а роспрося, о всем к великому государю писать, и их присылать в приказ Малыя Россіи.

А будучи ему в Черниговѣ, всякія дѣла дѣлать по указу великаго государя и по уложенью вправду безо всякія волокиты, не наровя никому, ни истцу, ни отвѣтчику, чтоб в дѣлах мотчанія и волокиты никому ни в чем не было; также и казаком и мѣщаном и всяким черниговским жителем и приезжим людем обид и налогов отнюдь не чинить.

И будучи ему, окольничему и воеводѣ, в Черниговѣ, великому государю радѣть и службу свою к охраненіе города Чернигова показать, и ко всяким крѣпостям учинить ему всякую воинскую осторожность и готовость по статьям, не упустя тѣм дѣлам подобнаго времени; а что по статьям учинить, о том писано под сим наказом ниже сего.

1. Земляной вал и всякія городовыя крѣпости, которыя учнут портиться, приказать полковнику и начальным людем, которые нынѣ на его, великаго государя, службѣ в Черниговѣ, накрепко, чтоб он караульщикам своих полков и приказов, гдѣ кто становится, приказал с великим подкрѣпленіем и под жестоким наказаніем, чтоб караульщики у караульщиков городовой вал и всякія крѣпости принимали, осмотря в цѣлости, а без полковничья вѣдома худых мѣст на валу принимать не велѣть, а полковнику и начальным людем извѣщать о том ему, окольничему и воеводѣ, в чьем караулѣ городовой вал и иныя крѣпости попортятся, чтоб о тѣх плохих мѣстѣх было ему, окольничему и воеводѣ, вѣдомо, и того ж часа тѣ плохія мѣста велѣть починивать, чтоб в недосмотрѣ караульных перемѣн тѣ малыя починки до большія порухи не доходили, и не дожидаясь в тѣх мѣстѣх больших дѣл, земляное дѣло починивать безпрестанно, и держать в великом береженіи, чтоб в вешнее и в осеннее время земляному валу и иным крѣпостям без починки, порухи великія не учинилось и от того б многаго городоваго строенія великаго государя ратным людем лишнія работы не было; и смотрѣть ему того, окольничему и воеводѣ, накрѣпко, чтоб великаго государя ратным людем работа была в мѣру, потому что напредь сего от недосмотру многія бывали городовыя дѣла и от того великаго государя ратным чинились великія тягости, и от работы много бывает больных.

2. Солдатскіе полки и стрѣлецкіе приказы и иных ратных людей по городу росписать, и изверстать против людей, чтоб всякой полк свое мѣсто остерегал с великим радѣніем, и крѣпостей в тѣх мѣстѣх, какія доведутся ко охраненію от непріятелей, строить, и всякой бы полк свое мѣсто знал, как его при помощи Божіей оберегать, и чтоб в его половинѣ все было готово, чтоб всякой знал своего начальнаго человѣка мѣсто.

3. Также и пушкарей, или кто вмѣсто пушкарей у того дѣла будут, к пушкам росписать против вышеписанной статьи.

4. Полковнику и начальным людям, которые нынѣ в Черниговѣ, велѣт караул разводить, и смотрѣть самим, и на караул ратных людей на указныя мѣста приводить самому ж полковнику с начальными людьми, гдѣ им, ратным людем стрѣльцам, такое мѣсто будет в Черниговѣ пристойно, и с того мѣста отпущать на караулы начальных людей на то указное мѣсто, а с ними и ратных людей пѣхотнаго строя, смотря по вѣстям, чтоб тѣм строена караулом была крѣпость.

5. В Черниговѣ по городу и по всѣм караулам ходить для досмотра караулов самому ему, окольничему и воеводѣ, а с собою велѣть ходить полковнику и начальным людем по очереди, кто будет караулы вѣдать по суткам и по обычаю иноземскому, чтоб караулы крѣпки и осторожны были, для того, что город Чернигов близко непріятельских пристаниц.

6. Городовыя крѣпости, которыя в Черниговѣ будут непочинены и несдѣланы, и которыя развалились: и тѣ мѣста велѣть сделать и починить со всяким радѣніем и поспѣшеніем неоплошно, чтоб тѣ крепости были во всякой готовности.

7. Которые великаго государя ратные люди по волѣ Божіей заскорбят, и к тѣм имѣть береженіе и призор, и начальным людем приказывать о том накрѣпко, чтоб тѣ больные без призора безвременно не померли.

8. Да окольничему и воеводѣ велѣть смотрѣть и остерегать того накрѣпко, и приказывать почасту, чтоб полковник и начальные люди и его полку ратные люди жили в чистотѣ; а буде есть между ими, ратными людьми, какія женки, или дѣвки, опричь законных жен, и тѣх выбить вон, чтоб великаго государя ратные люди были в чистотѣ, а от нечистых жен свободны.

9. Да и того ему по тому ж остерегать, чтоб великаго государя ратные люди в земляных избахь не жили, потому что приходять от того людем различныя болѣзни, также и жили б не великим многолюдствот, как возможно, чтоб великія тѣсноты не было, для того, что от утѣсненія приходят болѣзни людем и цынга бывает.

10. Да ему ж, окольничему и воеводѣ, велѣть по росписи караулов остерегать; и которые караулы, опричь городовых стѣн и башен, учинены лишніе, а без них по его разсмотрѣнію быти можно, и тѣ караулы отставить; также и у начальных людей в домовых караулѣх осмотрѣть же; и буде есть у них на дворѣ лишніе люди, гдѣ караульщики, и тѣх свести, и учинить о том по своему разсмотрѣнію, чтоб великаго государя ратным людем в тѣх караулах польготить.

11. А как по указу великаго государя полковник и начальные люди будуть с его государевы службы из Чернигова перемѣнены: и им дворов своих и двороваго строенія продавать отнюдь не велѣт, и никому на сторону не отдавать, а отдавать со всяким строеніем тѣх чинов людем, каких чинов в тѣх дворѣх жили, потому что они тот лѣс сѣкли, и строили дворы ратными людьми полков своих.

12. У полковника велѣть быти деньщикам шести человѣкам, а у подполковников по четыре и по три человѣка, у капитанов по одному человѣку, а больше того ратным людем во дворѣх у них не быть, и на них хлѣба пахать и сѣно косить и рыбы ловить и дров сѣчь отнюдь не велѣть, чтоб от того ратным людем обиды и тягости не было.

13. В верхнем городѣ Черниговѣ старыя избы, которыя строены в прошлых годѣх стрѣльцом и солдатом для постоя, велѣть вычинить и построить заново; да вновь же для прибылых ратных людей велѣть избы к прежним избам в прибавку построить из остаточнаго лѣса, которой остался для городоваго строенія, чтоб ратным людем в зимнее время утѣсненія не было, и в земляных избах не жили, чтоб от того ратным людем болѣзни не было; а избы велѣть строить побольше и выше прежних, для того что в прежних избах от многих людей за утѣсненіемь приходят болѣзни.

14. Выписать в Черниговѣ в приказной избѣ из приходных книг, что в прошлом 203 году к городовому строенію изготовлено всяких лѣсных припасов, и что того лѣса к городовому строенію в расходѣ и за расходом в остатки налицо, также к нынѣшнему к 204 году изготовлено сѣна, и гдѣ кошено, о том о всем к великому государю писать именно.

15. Велѣть сказать великаго государя указ полковнику и начальным людем, чтоб они никаких лѣсных припасов не продавали, и строили из того лѣса стрѣльцом избы, чтоб им было в зимнее время стоять нетѣсно и без нужды.

16. Прежняго строенія стрѣлецкія и солдатскія избы, которыя строены до сего великаго государя указу, велѣть переписать и смѣтить, по скольку человѣк в которой избѣ стрѣльцом и солдатом жить можно в зиму; а переписав и смѣтя, так велѣть и учинить; а которымь людем изб не достанет, и на тѣх людей велѣть всѣм великаго государя ратным людем пѣшаго строя строить избы из остаточнаго лѣса, каков есть, а чего не достанет, и то купить, чтоб отнюдь пѣхотных полков ратным людем недовольства и изб тѣсноты и великому государю челобитья отнюдь не было, да и караульни по воротам велѣть починить.

17. А буде прилучится ему, окольничему и воеводѣ, к великому государю писать о нужных каких скорых дѣлах с нарочным гонцом: и тому гонцу писать в подорожной памяти, лѣтом подводу да проводник на подводѣ, да для поспѣшенія подводу в поворот, а зимою с саньми с одними двѣ подводы, а больше того гонцом в подорожных отнюдь подвод не писать; да в тѣх подорожных писать, и гонцом словесно приказывать, чтоб они подводы в малороссійских городѣх имали у полковников и в ратушѣ у войтов и у бурмистров, объявляя им тѣ свои подорожныя памяти, и самовольно нигдѣ в городѣ и на дорогах казацких и крестянских подвод не имали, и никакого безчестія начальным людем и казакам в малороссійских городѣх не чинили, и кормов и питья себѣ у них не домогались, и у казаков на дворѣ, кромѣ мѣщан, не становились, а становились бы, гдѣ их поставять, и были довольны тѣм кормом и питьем, что им дадут добровольно в почесть из ратуши, чтоб от подвод малороссійских городов жителем тягости и впредь о том великому государю челобитья не было; и если тѣ посыльщики учнут в малороссійских городѣх чинить какія обиды и грабеж и безчестіе, и за то им быть от великаго государя в жестоком наказаньи, а взятое доправлено будет на них вдвое; а кромѣ гонцов, никому подорожных памятей о подводах не давать, и людей своих ему к Москвѣ и никуда и ни для чего на подводах не посылать,

чтоб от тѣх подвод малороссійских городов жителем тягости не было; а если он кому даст подорожную память, кромѣ гонцов, которые посланы будут к Москвѣ с самыми нужными дѣлами, или идучи великаго государя с службы из Чернигова к Москвѣ послѣ перемѣны своей велит брать себѣ, сверх указнаго числа, лишнія подводы, и за то от великаго государя быть ему в опалѣ.

А что по сему великаго государя указу учинено будет, о том к великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, писать о всем подлинно, а отписки велѣть подавать в приказѣ Малыя Россіи думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову с товарищи [37].

№ 38

1697, січня 20. – Батурин
Опис ріки Дніпро від Переволочної до Чорного моря

По вашему, великаго государя, вашего царского пресвѣтлаго величества указу велѣно мнѣ, гетману, описати рѣку Днѣпр с урочищами и островами на ней будучими, и с рѣчками полевыми в нее впадаючими. И я, сыскав людей, положенья той рѣки добрѣ вѣдомых, велѣл оную описати чертежем, от самой Переволочной даже до самаго Чернаго моря с рѣками всѣми полевыми с сей и с этой стороны упадаючими; а понеже островов и вѣток и многих урочищ невозможно было на том чертежѣ вмѣстити, для того письмо то есть изображено; а при той рѣкѣ Днѣпрѣ рѣку Бог с рѣчками полевыми до самой рѣки Днѣстра имянно на том же чертежѣ описано; который чертеж и роспись урочищ посылаю чрез посланнаго моего Василія Бойкевича, стараго канцеляриста войсковаго, в приказ Малой Россіи для вѣдома вам, великому государю; тут же и другой чертеж города Таванскаго, нынѣшнее бытіе изображающій, что какіе в нем мѣста во время обстоянія непріятельскаго турецкаго попорчены, а которыя в цѣлости осталися, посылаю в тот же Малороссійскій приказ, понеже нарочно туда человѣка от себя для осмотрѣнія онаго посылал я. При сем отдаюся яко наипокорнѣе премилосердней вашей царскаго пресвѣтлаго величества благостынѣ.

Из Батурина, генваря 20 дня 1697 году.

Островы, рѣчки, вѣтки и иные признаки понад рѣкою Днѣпром по крымской сторонѣ лежащіе, початок свой имѣющіе от Скарбнаго, так именуютца.

1-я вѣтка Лабодиха, а также и остров есть Лободинскій; вѣтка Метелиха, вѣтка Заплавная, рѣчка Конская. Сіи вѣтки Лободинскаго острова и рѣчка Конская скончалися в Корайтебенѣ быстрой.

Вѣтка татарская Подпольная, вѣтка Басанка, вѣтка поперечной Татарки, вѣтка Царовская, и остров Царовской, гдѣ сторожа бывала Войска Низоваго от городков, в часы немировыя. Вѣтка Чаплинка и остров Чаплинскій, вѣтка Евпатиха, а там же и остров Евпативскій. Сіи вси вѣтки и острова взятыя от Татарки и Басанки скончалися у Евпатихи.

Вищщая голова Каира. Первая вѣтка Конская, по вышней головѣ идет под полем; вѣтка Грушовка в том же островѣ Каирском; вѣтка Бѣлеговка вышняя, вѣтка

[37] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. III. – С. 226–234.

другая Бѣлеговка нижняя, вѣтка Перевал и плавля Барабашева, вѣтка Котовка, вѣтка Гниловод, вѣтка Гребениха, вѣтка Волошка, из той вѣтки Волошки рѣчка Желтая в Волонишниво впала озеро; вѣтка Губская вышняя, вѣтка Губская нижняя, вѣтка Шавулиха, вѣтка зовомая Крупіи; вѣтка Чаплынка там же ниже Крупіих, вѣтка Гниловод малый впала в Волошиново озеро; вѣтка кгирла Волошенова; вѣтка Косторская перебойная, вѣтка, зовемая Дурицкая, и остров Дурицкій; вѣтка, зовемая Кривый. Сіи всѣ вѣтки, почав от вышней головы Каира, впали в Днѣпр под Ослам-городом.

Таванскаго острова вышнея голова от Ослам-города на низ; вѣтки Конской вышняя голова; вѣтка Бѣлое озеро в том кгрузѣ, озеро Таванское в том же кгрузѣ; вѣтка Роскопанка, ниже Таванскаго озера. Таванской остров с вѣтками своими скончался в Голой пристани, которая Голая пристань с того называетца, что татары, в полѣ ночуючи, скотину свою там поили. Остров Британскій, ниже Голой пристани, и рѣчище Британское; вѣтка Британь; вѣтка Конская гнилая; вѣтка Хруловая, из той Хруловой вѣтки рѣчище, да там же и островы три есть, зовомые Хруловые, озеро лиман Хруловый на нижней головѣ Хруловой, вѣтка, зовемый Кринки, вѣтка Конская Хруловаго озера идет под полем; вѣтка Турская; озеро Тягинское можетца назвати лиманом; кгирло Глухое вышнее, кгирло Глухое нижнее; Корнѣйков затон и коса Корнѣйкова; урочище гатьки Барабашевы; плавля, зовемая Вчорайшое, вѣтка Конская ниже Вчерашних идет под полем в Лиман великій; роскопонка Алексѣева; вѣтка Голубов прогной; Довгій прогной Алексѣев, бугор Вышній Алексѣев, бугор Нижній Алексѣев; вѣтка прогной Кардашинскій, в Кардашинскій же лиман впадает; вѣтка Алексѣева перебойна, вѣтка Маслова перебойна, вѣтка Боршева перебойна, коса над Кардашинским лиманом Боргунка, вѣтка Бобровая, островки Бобровые, ниже Бобровой; вѣтка Калиновка; а при ней остров Солонецкой; остров Солонецкій; вѣтка, зовемая Радкова, вѣтка Солонецкая, кгирло Солонецкое впадает в озеро Солонецкое, Днѣприще сухое, вѣтка ж в впадает в Лиман с Конскою случився; плавля Краснякова; коса Нетеребская; вѣтка Середына; коса Зборовская; Кгождолова переволока впала в Зборовскій кут; вѣтка прогной Зборовскій; Кгрекова пристань; Кгрекови олхи; пристань Сагайдачнаго; Садки; Ярошов остров; Вербовая сага; Бузовый прогной; Середный прогной, Росоховатый прогной; Васильков прогной; Соленое озеро; перевоз татарскій, гдѣ орда крымская на бѣлогородскую сторону, а Бѣлогородская на крымскую перевозится. Вежа в стрѣлицѣ против Очакова; остров Тендра, один далеко морем починается.

Островы, рѣчки, вѣтки и иные признаки по Чигиринской сторонѣ понад рѣкою Днѣпром будучіе, почавшияся от Скарбнаго, так именуютца.

Остров Козулин и вѣтка Козулина; двѣ вѣтки Темные, а ниже тѣх вѣток перевал Темный, вѣтка ж; старый Днѣпр, над которым есть остров; вѣтка, зовемая есть Бучки, а с тѣх Бучков поперечные Бучки; вѣтка Тихейкая, а там же и Бѣлобородчиха вѣтка ж; вѣтка, зовемая Юсковское, гдѣ и остров Юсковскій, называетца вѣтка Подпольная; вѣтка Боровицкая; рѣчка Псоля, нижняя голова Базавлука; вѣтка Заплавная; вѣтка, зовемая Млинки; рѣчка полевая Грушовка; рѣчка Терновка, ниже Кисловка; вѣтка Кисловка; а там же и Шаховка вѣтка ж; вѣтка Дмитроковка; вѣтка Хвенка; а там же вѣтка Ишевчиха; вѣтка Чаплинка;

вѣтка Шабельная, вѣтка Микольская, а там же Ревучая перевал, вѣтка ж. Тѣ помянутыя всѣ вѣтки впадают в великую воду; а из великой воды и гирла в рѣку Днѣпр впадают от самой Сѣчи.

Остров Скалозубов и рѣчище Скалозубово, посред Днѣпра остров против долины, зовемой Дурной, гдѣ и рѣчище Дурные зоветца; Высшая голова Носаковскаго, а там же есть вѣтка Дармамовка, под полем идущая; вѣтка другая Дармамовка ниже той; вѣтка третья Дармамовка сухая, ниже тѣх двух чрез остров Носаковскій. Днѣприще кривое, а там же есть вѣтка, зовомая Заплавная, взялся из кривого Днѣприща; а там же из того криваго Днѣприща вѣтка взялася, зовомая Жучиха; из того ж кривого Днѣприща взялася вѣтка Крочиха; вѣтка Бобровая зовомая, а взялася она с Днѣпра и впала в кривое Днѣприще чрез остров; вѣтка ниже Бобровой, Яретиков перевал впадает в затон Носаковскій. Всѣ вѣтки взялися от Скалозубова острова, впадают в затон Носаковскій, а из Носаковскаго затону кгирло идет сызнова в Днѣпр.

Остров, зовомый Омелевое, ниже Носаковскаго, выше котораго и вѣтка идет Омелевая ж, а там же, в поля, впадает рѣчка Омелевая. Остров ниже Омелеваго тое и Каменки именуемый, что ниже городков, в пятьнадцати верстах обрѣтается; а там же есть балка и городище Пропастное. Остров Космасный, выщая голова Космахи, вѣтка Космаха, из котораго началася Космашка; Подпольная вѣтка ж, вѣтка Яремовка. Сіи вѣтки три Космаха, Космашка, Яремовка впали в затон Космаскій под Казыкерменем, обрѣтающійся: а рѣчка Дрималовка впадает в тот же затон Космаскій же с поля. Остров Казацкій высшая голова, минув Казыкермень; рѣчище, зовомое Казацкое, в которое впадает Каменка, с поля; вѣтка рѣчище Кривое, впадает в Казацкіе озера, вѣтка Гниловод, впадает в озера Гниловодицкіе. Рѣчище, зовомое середнее Казацкое, которое началося из озерков Казацких же; и то рѣчище Казацкое впало в Днѣпр выше к горѣ Боргуна, гдѣ и остров Казацкій скончался. Остров Тягинскій, и рѣчище Тягинское. Выщая голова Инкгульской, а там же и вѣтка Инкгульская, гдѣ Инкгулец, впадает с поля; островки Сомови. И тот остров Инкгульской кончался у городица, на высшей головѣ, Перевоской.

Высшая голова Веревчиной запады; высшая голова Кошевого острова, а там же островы, зовомые Виноградное и Точковое; вѣтка там же зовется Кошевое, рѣчище Олховое ниже Кошевого; вѣтка Маслова ниже Олхового; островки Кривошкильны; гирло впадает в Днѣпр с Масловых озер; вѣтка Корабелное, высшая голова ниже Кошеваго началася она из Днѣпра; вѣтка другая Борщевка поперечная, вѣтка третья Борщевка подпольная, впала в Лиман под Казерог, ниже Корабельнаго; вѣтка четвертая Борщовая, зовомая середняя, впала в Лиман; Олховое рѣчище впало в Лиман ниже Борщевки, а около Волхового на Лиманѣ два островки есть, зовомые Олховки.

Остров Олховой и Бубликова вѣтки там же в том островѣ, из которого острова, та вѣтка Бубликова впала в Лиман. Коса Бубликова из того ж острова Бубликового входит в Лиман, вмѣстѣ с Днѣпром.

Рѣчки, балки и иные признаки полевые по Чигиринской сторонѣ, над рѣкою Днѣпром будучін, починающіися от Сѣчи до Бугу-рѣки, а от Бугу до самаго Очакова, такименутца.

Третья рѣчка Базавлук впадает в Колотовское и великую воду; а в Базавлук ниже Сѣчи, в полмилѣ с лѣвой стороны, в него впадает Солоная Россошь,

а с правой стороны Каменка полевая. Рѣчка Осокоревочка великая впадает в великую воду; рѣчка Осокоревочка меньшая впадает в ту же великую воду; рѣчка Золотая впадает в Днѣпр против Скалозубова острова; рѣчка, зовемая Дурная, впадает в Днѣпр против поперечной Татарки; рѣчка Носаковка вышняя впадает против острова Носаковскаго в Дремаловку; рѣчка другая Носаковка в ту ж Дремаловку впадает; рѣчка третья Носаковка впадает в ту ж Дремаловку, рѣчка четвертая Носаковка впадает в ту ж Дремаловку. Рѣчка Омелевое впадает в Омелевое рѣчище, против Омелевого острова; рѣчка Каменка, выше Казыкерменя, впадает против острова своего Каменскаго, и против Гребенихи; а ниже той Каменки балка и городище Пропасное, над самым Днѣпром. Рѣчка Дрималовка выше Казыкерменя впадает в затон Космаской, тут Казыкермен у берегу. Рѣчка Каменка ниже Казыкерменя впадает в Казацкое рѣчище; рѣчка Боргунка верхняя впадает в Казацкое ж рѣчище, рѣчка Боргунка нижняя впадает в то ж Казацкое рѣчище. Скеля Бургун против Хрулового острова, на котором городище есть; старинная рѣчка. Рѣчка Тягинка впадает в рѣчище Тягинское, гдѣ и городище Тягинское. Рѣчка Терновка впадает в Инкгульское, с поля. Рѣчка малый Инкгулец впадает в тож Инкгульское, а из Инкгульскаго в Днѣпр против Вчерайших. Рѣчка Веревкина, рѣчка Бѣлозерка впадает в лиман Бѣлозерскій.

Урочище Козей рог на устьѣ Днѣпра, гдѣ Корабельная впадает в Лиман и в Борщовку; рѣчка Солонец малый впадает в Лиман. Рог Станиславов, рѣчка Солонец, ниже Станислав. Семенов рог ниже Солонца великаго; к рѣкѣ Богу. Берег Роська коса у самаго устья рѣки Бога, гдѣ Бог впадает в Лиман; гора Оджакгол, перешед рѣку Бог, над Лиманом. Цари-камыши над тѣм же Лиманом, под самым Очаковым.

Рѣчки, балки и иные признаки полевые по крымской сторонѣ, понад рѣкою Днѣпром сущіе, идущіе от Сѣчи до самой Башни, так именуюца.

Первая рѣчка Мимасирка впадает в Конскую ниже Лободихи; гора Карабатень против старого Днѣпра; гора Баба и балка Бабина там же; рѣчка Рогачик впадает в плавлю свою Рогачицкую; рѣчка Евпатиха против Днѣприща криваго впадает в Днѣпр; рѣчка Мечетная Каирка впадает в Конскую Каирь; рѣчка другая Каирка там же впадает в Конскую Каирь; рѣчка третья Каирка там же впадает в Каирской луг; рѣчка четвертая Каирка западная там же в Конскую впадает; рѣчка пятая Каирка против вѣтки Дурицкой; рѣчка Вуливала против кривых впадает в Конскую; рѣчка Сомова против Кривых впадает в Конскую ж; рѣчка Олешки впадает в остров против Вчерашних, да и луг там же зовемый Олешки ж; луг, зовомый Жолобецкій с прогноями; пристань Борщова; луг Зборовской над Лиманом; Грекова пристань и луг Греков против Зборовской косы, над Лиманом; Сагайдачного пристань и луг там же Сагайдачной, над Лиманом; урочище Сатки ниже Сагайдачнаго, над Лиманом; остров, зовомый Енушовый, там же и рѣчка есть, зовомая Енушевая, над Лиманом; сага Вербовая и пристань Вербовая, над Лиманом; могила Строговая, выше Средняго прогною, над Лиманом; прогной Среднiй над Лиманом; пристань и перевоз, гдѣ перевозится орда крымская на Бѣлогородцкую сторону, а бѣлогородцкая на крымскую сторону к Очакову; а от пристани и перевозу к Башнѣ есть с четверть мили; а острог Застрѣлишный влечется в самое Черное море, ниже башни. Выше той же башни есть остров, зовомый

Тендра на Черном морѣ, на котором, на нижней головѣ того острова, есть семь тополей, а под тѣми тополями вода есть, зовомая Солоткая. И того острова Тендра на вышней головѣ ширины есть згоны, а в иных мѣстах есть ступени на три, индѣ на четыре, индѣ на пять, и на шесть, и на десять, и на двѣнадцать, индѣ и больши; а того острова всего быть может на 35 верст.

Путь от Мишуринскаго рога, из-под Переволочной, к рѣкѣ Богу и пещанному броду идти гребнем до самаго Ингульца, свертывая в право и в лѣво, сущія рѣчки и за рѣкою Богом до Днѣстра.

От Днѣпра пошед, первый стан на вершину рѣчки Омельника, гдѣ и дрова и вода будет.

Второй стан на рѣкѣ Каменкѣ, гдѣ также дрова из тернов и вода будет довольная, на которой Каменкѣ будут броды для табору, а будут и трудныя мѣста, что надобно будет дѣлать и переправы.

Третій опочив на Ингульцѣ, гдѣ воды и дров будет довольно, гдѣ такой брод, что нѣсколько на десять лав может итить табором, а иные мѣста и плесовыя или прогнойныя и крутобережные, а конницею и выше и ниже может перейти.

Четвертой стан на рѣчкѣ Вежцѣ, которую надобно переходить; а там дров и воды в достаткѣ будет, гдѣ такіе мѣста, что можно табором пройти без трудности, а есть и такіе, что и переправы надобно будет дѣлать.

Пятой опочин на рѣчкѣ Аджинкѣ, которая с правой стороны припадает от Черняго лѣса, и катит в Ингул, на которой есть лозье и терн и вода плесами, а идти понад нею, не переходя к Ингулу.

Шестой опочив на рѣчкѣ Ингулѣ, гдѣ дрова также довольные будут, на которой два брода шляховые обрѣтаются, которыми издавна по рыбу ходят, которыми бродами мочно в три и в четыре лавы (веревки) табором пройтить, когда малая вода: а окромѣ тѣх бродов, на иных мѣстѣх переправы дѣлать трудно, для многих плес и берегов крутых.

Седьмой опочив у Сугайліи и у Сугайлейчика, гдѣ дрова будут и вода довольная, а переход будет труден, развѣ дѣлать переправу надобно, на которое мѣсто и турецкое войско шло под Чигирин; а не доходя Сугайлія, будет на шляху, балка Груская, чрез которую табору неудобно переход.

Осьмой опочив над Мертвоводом, которому от Сугайліи надобно гораздо идти день, гдѣ и дрова и вода будет.

Девятой опочив также над Мертвоводом, гдѣ и переходить Мертвовод, которому надобно день цѣлой идти над тѣм же Мертводом; на той рѣчкѣ есть брод, которым мочно табору в десять лав (веревок) итить, а по иным мѣстам и больше веревками можно идти, там дров притрудно.

Десятой опочив на рѣчкѣ Ярбузиной, которая идет в Мертвовод, на которой вода есть, а дров трудно, только переход чрез нее не труден.

Первой надесять опочив у рѣки Бога, у броду Пещаного, гдѣ дѣлали турки мост; там много дров, а для переходу или поромы имѣти, или мост для таборовых тягостей надобно, а на дѣланіе мосту не в дальних мѣстах можно найти деревья способнаго.

От Бога рѣки пошед, первая рѣчка Чертолая, на которой для табору переправы надо дѣлать.

От той другая рѣчка, сухая Чертолая не в дальних мѣстах, которая не трудна будет в переправѣ, а на обоих тѣх рѣчках дров совершенно нѣт.

Третья рѣчка Чакгайлiи, на которой воды и дров можно добыть; от Бога рѣки третiй ночлег может быть.

Четвертой ночлег (когда идти к Тягинѣ или к Бѣлугороду), на Телингулѣ рѣчкѣ, гдѣ дров и воды будет довольно и переправа удобная.

Пятой ночлег на Куяльниках, к которому от Телингула горазло надобно идти день, гдѣ вода есть, а дров скудно, только переправа удобная.

Шестой опочив на сухом Куяльникѣ, гдѣ вода будет, а дров нѣт, а переправа удобная.

Седьмой опочив на третьем Куяльникѣ Грудцком, на котором дров трудно, вода есть, а переправа нетрудная.

А отътуда осьмой ночлег у самой рѣки Днѣстра, хотя к Чаборчи, хотя к Поланкѣ идучи, а переход надобно остерегаясь, с поспешенiем, идти день табором.

А на том переходѣ от рѣки Бога до Днѣпра, кромѣ вышеписанных рѣчек, лежат балки частые, сухiе, которые переходить надобно.

И естьли под Очаков именовати путь, то рѣчку вышеименованную Чайгайли перешед поворотить в лѣво, и имѣти на рѣчкѣ Суберезани ночлег, гдѣ день ходу с прилежанiем, от Чагайлiя; вода там есть, дров нѣт, а переправа нетрудная.

А от того ночлега на вершинѣ Березани, гдѣ вода будет, дров трудно, переправа нетрудная.

От Березани до Очакова полдня ходу, на котором переходѣ есть балки безъимянные, только нетрудные к переходу табором, и близ Очакова совершенно дров нѣт.

А если б войскам Днѣпр переправляться под Орлом, то надобно переходить Омельник рѣчку, правясь на сей шлях, который от Мишуринскаго рогу выше есть описан.

Роспись прислана от г. полковника полтавскаго: списанiе рѣчек сею стороною Днѣпра, и по той сторонѣ Днѣпра. 1697 г. ноября в 20 день.

В началѣ сею стороною начав от Переволочной: 1-я рѣчка Ворскла, 2-я рѣчка Арель, 3-я рѣчка Чапленка, 4-я рѣчка Протовчь, 5-я рѣчка Самарь; 6-я рѣчка Вороная, двѣ рѣчки Осокоревки, одна ниже Пѣсковатаго, а другая против острова Дубоваго; 9-я рѣчка Таволжаная; двѣ рѣчки Вольных выше Таморской головы; 12-я рѣчка Кочкаса; 13-я рѣчка Московка; 14-я рѣчка Конская; 15-я рѣчка Анчакрак; 16-я рѣчка Карачакрак; 17-я балка Маячка; 18-я рѣчка Аталыкова; 19-я рѣчка Бѣлозерка.

По той сторонѣ Днѣпра рѣчки и примѣты, почав от самой Переволочной.

1-я рѣчка Омельник, 2-я балки Свѣдовскiе, ниже Реучег; 3-я рѣчка Свинковка; 4-я рѣчка Доматкан; 5-я рѣчка Савоткал; 6-я балка Хрущовская; 7-я балка Романковская; 8-я балка Котовка; 9-я балка Терямская; 10-я балка Становая; 11-я балка Сажовка; 12-я рѣчка Сура; 13-я балка Звунская, двѣ рѣчки Вовнѣшки; три рѣчки Будилок рядом; 19-я балка Таволжанка; 20-я балка Личная; 21-я рѣчка Вольная; 22-я балка Хортицкая; 23-я рѣчка Бѣлая; 24-я рѣчка Черная; 25-я рѣчка Тарасовская; 26-я рѣчка Грущовка; 27-я Тамаковка; 28-я Каменка другая; 29-я Лисая горка; 30-я Микитин рог; 31-я рѣчка Чертомлик.

Островы Днѣпром, от Переволочной.

1-е остров Поперечный, 2-е остров Хурсин, 3-е остров великій, над Черною лукою; 4-е остров Гречанаго; 5-е остров монастырскій; 6-е остров Гринев; 7-е остров Становый, 8-е остров Кадачок; 9-е остров Сурскій; 10-е остров Княгинин; 11-е остров Козлов; 12-е остров Дубович, над Волнегом; 13-е остров Таволжаный; 14-е остров великій, Личный; 15-е остров Дубовый, над Волным; 16-е остров Хортицкій; 17-е остров Бѣлеев; 18-е остров Бѣлый; 19-е остров Тарасовскій; 20-е остров Тамаковскій; 21-е остров Сулимовскій, выше Товских песков; 22-е остров Скорбный, до самой Сѣчи.

Пороги Днѣпровы.

1-е порог Кодак, волощинова забора; 2-е порог Сурскій; 3-е порог Лоханый; 4-е порог Стрѣлчій; 5-е порог Звонец; 6-е порог Княгинин; 7-е порог Ненасытец; 8-е порог Вовнѣгин; 9-е порог Будило; 10-е порог Товолжный; 11-е порог Личный; 12-е порог Вольный [38].

№ 39

1690-ті. – Пирятин Відомість кількості провіанту на утримання гетьманського двору, встановленого в сотнях Пирятинській, Гурбинській, Множанській, Каплинській та Яблунівській

Реестр много в Пиратінском уездѣ, з якой сотнѣ стацѣй ясневелможному пану гетману мѣють колко вистатчити.

З сотнѣ мѣской: овса 30 осмачок, житной муки осмачок 15, пшеничной муки вусѣм осмачок, гречаной вусѣм осмачок, ячменю вусѣм осмачок, пшона три осмачки, крупув гречаних три осмачки, сѣмя двѣ осмачки, гороху осмачка, солоду пять осмачок, кабанов кормних два, грошей коп тридцать, маку полчетверика, сира дѣжку, масла фаску, меду полведерка, курей десятеро, гусей пятеро, качок пятеро, цибулѣ вѣнкув шѣсть, часнику вѣнкув шѣсть, олѣи кварт двадцять, хмелю чверть.

З сотнѣ Гурбинской: овса осмачок тридцять, житной муки осмачок пятнадцять, пшеничной вусѣм осмачок, гречаной муки вусѣм осмачок, ячменю осмачок вусѣм, пшона три осмачки, крупув три осмачки, сѣмя двѣ осмачки, гороху осмачка, солоду пять осмачок, кабанов два кормних, грошей коп тридцять, маку полчетверіка, сира дѣжку, масла фаску, меду полведерка, курей десятеро, гусей пятеро, качок пятеро, цибулѣ вѣнкув шисть, часнику вѣнкув шѣсть, олѣи кварт 20, хмелю чверть.

З сотнѣ Множанской: овса осмачок тридцять, житной муки осмачок пятнадцеть, пшеничной муки осмачок вусѣм, гречаной муки осмачок вусѣм, ячменя осмачок вусѣм, пшона три осмачки, крупув три осмачки, сѣмя двѣ осмачки, гороху осмачка, солоду пять осмачок, кабанов кормних два, грошей коп тридцять,

[38] Записки Одесскаго общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. 3. – С. 571–580.

маку полчетверика, сира дѣжку, масла фаску, меду полведерка, курей десятеро, гусей пятеро, качок пятеро, цибулѣ вѣнкув шѣсть, часнику вѣнкув шѣсть, хмелю чверть, олѣи кварт 20.

З сотни Каплинской: овса осмачок пятнадцять, житной муки пол осми осмачки, пшеничной осмачки чтіри, гречаной осмачок чтири, ячменю осмачок чтири, пшона двѣ осмачки, крупов двѣ осмачки, сѣмя осмачка, гороху пол осмачки, солоду пол третѣ осмачки, кабанув два кормних, грошей коп пятнадцять, маку полчетверика, сира дѣжку, масла фаску, меду полвѣдерка, курей десятеро, гусей пятеро, качок пятеро, цибулѣ вѣнкув шисть, часнику вѣнкув шѣсть, хмелю чверть, олѣи кварт 20.

З сотнѣ Яблуневской: овса осмачок пятнадцать, житной муки пол осми осмачки, пшеничной осмачок чтири, гречаной осмачок чтири, ячменю осмачок чтирі, пшона двѣ осмачки, крупув двѣ осмачки, сѣмя осмачка, гороху пол осмачки, солоду полтрети осмачки, кабанов кормних два, грошей коп пятнадцять, маку полчетверика, сира дѣжку, масла фаску, меду полвѣдерка, курей десятеро, гусей пятеро, качок пятеро, цибулѣ вѣнкув шѣсть, часнику вѣнкув шѣсть, олѣи кварт двадцать, хмелю чверть [39].

№ 40

1698, серпня 5. – Пирятин
Заява запорожця Тимоша Іваненка із с. Носівка про його перебування у миргородського полковника на зимових квартирах

Року 1698 мѣсяца августа 5 дня.

Пред нами, врядом городовим пиратинским, Феодором Губкою, атаманом, Терентием Олещенком, войтом з бурмистри, постановившися Тимуш Иваненко, жител носувский, повѣдал, же як за порги ходить рок пятий тому ся дѣет, и на тих пяти роках два раза був у приятелей своих, а повернувшися з дороги до Сѣчи зимою тилко з едним оружиом, да зашедши до пана полковника миргородского, випроха в станцѣю, где и стоял на селѣ его панском у Фидоровци, и в Сухорабовци Леско пихотинец, куреня Щербиновского, и из иншими козаками, там перезимовавши, попровадили суд самий полковничий из борошном, и тое сознате его пред урядом нашим казалисмо до книг мѣских записать, що есть и записано в ратушу Пиратинском, року и дня вишписанного. Михайло Якимовіч, писар мѣский пиратинский [40].

---

[39] Стороженки. Фамильный архив. – К., 1908. – Т. 6. – С. 81–82.
[40] Там само. – С. 128–129.

№ 41

1701, серпень
Іменний указ про безмитне перевезення пеньки з українських міст до Архангельського порту

В малороссійских городах купецким людям, которые торгуют пенькою, и на предь сего возили из малороссійских городов за польской рубеж, и продавали пеньку в Ригѣ и в польских городах: впредь и с чистою пенькою за рубеж не ѣздить и не торговать, а возить тое пеньку чрез Ярославль и Вологду к Архангельскому городу, и торговать у города. И по той дорогѣ во всѣх городах до Архангельскаго города с пенькою пропускать их вездѣ без задержанія, и с привозу и с продажи той пеньки его величества государя никаких пошлин с них не имать; и по городам, которыми они будут ѣздить, о вольном проѣздѣ и о пропускѣ тѣх торговых людей подтвердить, и чтоб с того пеньковаго торгу в городах таможенные бурмистры, ни гдѣ никаких пошлин не имали [41].

---

[41] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. II. – С. 172.

№42

1695, березня 30. – Москва
Лист царів Петра та Іоана до австрійського імператора Леопольда І

30 марта 1695 г.

...Известно вам, брату нашему, великому государю, вашему цесарскому величеству, о бывших с стороны нашей воинских промыслех над неприятели креста святаго, когда войска наши по союзу христианскому спомочно вам, брату нашему, великому государю, вашему цесарскому величеству и королевскому величеству полскому и прочим союзником в различных местех крымских татар побеждали и с турскими силами от случения их татар елико возможно отвращали. Яко же и прошедшаго 7202-го лета в жилищах их бусурманских войска наши разорение им учинили. И впредь при помощи Божий тех общих врагов, дондеже они ко правдивым мира договорам с союзники христианскими принуждены будут, воевать повелим. А особно ныне при той же помощи Божии ко общей же нашей благонадежной ползе, мы, великие государи, наше царское величество, генералов наших с воисками нашими приходящаго лета под крепость турскую Азов на реке Дону стоящую, посылаем, и уже передовые полки на ту войну в сем марте месяце рушились. А достальные Богу помогающу пойдут вскоре . И желаем мы, великие государи, наше царское величество, взаимно, чтоб и вы, великий государь, ваше цесарское величество, о том нашем намерении сею нашею, царского величества, любителною грамотою восприяв уведомление с своей страны войска свои крепчайшим наступлением в глубочайшие места. Того ж общаго христианского неприятеля турского салтана нынешняго ж лета, сухим и водяным путем неомедля послать изволили, и наступательной воинской над ним промысл спомочной нам и всему христианству неотложно чинить повелели, дабы тот неприятель отрады себе отовсюду не имея в болшую силу совокуплятись нигде не возмог и от розных краев в злых намерениях и в поганских силах своих христианскими войски развращен и утомлен был. А в том мы, великие государи, наше царское величество, не сумневаемся, что вы, брат наш, великий государь, ваше цесарское величество [буде тот неприятель христианский учнет, когда у вас просить мира, и предлагать к тому пристойные способы], нашей, царского величества, страны, тогда в том

миротворении, по-прежнему своему обнадеживанию, по предложенным вам статьям нашим не запомните, и договоров с ним мирных без нашего царского величества довольствования чинить не изволите, в том мы, великие государи, наше царское величество, на вас, брата нашего, великого государя, ваше цесарское величество, благонадежны. И при сем, дабы ваше цесарское величество, как должайше здрав пребывал и счастливого дел поведения всегда употреблял, братцких желаем.

Писан государствия нашего во дворе, в царствующем велицем граде Москве, лета от создания мира 7203-го, марта 30-го дня, государствования нашего 13-го года [42].

№ 43

1695, травня 17. – Варшава
Новини

У Варшаві дня 17 травня 1695.

На цьому тижні прийшла вість, що резидент московських царів вчора віддав королеві його мості грамоту, суть якої полягає в тому, що вони посилають зі своїми гетьманами численні війська, щоб відібрати Азов, турецьку фортецю над Дніпром. Інші війська з Шереметом і козацьким гетьманом Мазепою вони посилають на Крим. Вони добиваються, щоб у цей час король його мость воював проти Білгородської орди і турецьких військ, також щоб цісар його мость і Річ Посполита боронив Венецію; щоб у цей же час згідно з договорами і своїм обов'язком чинили диверсії проти спільного ворога. Просив також резидент і про розговор, який дістав тут же після аудієнції у Вілянові. Під час цих переговорів він ледь не слово в слово повторив королеві його мості те, що було в грамоті; король, маючи Річ Посполиту у такому становищі, роздумував (?), що відписати царям. До того ж вони додали й таку умову, щоб к. й. мость давав знати про те: де, коли й куди саме він буде відправляти свої війська. Треба б було, щоб королеві порадили ті, котрі на сеймі не хотіли бачити жодної доброї постанови. Хелмінське біскупство підписане й. к. м. хелмінському біскупові. Зі Львова пишуть, що його мость пан Брант, схопивши біля Кам'янця тридцять турків, послав їх до й. мості пана гетьмана, а звідти – до короля й. мості. Ксьондза плоцького біскупа тут вже щохвилини виглядають, бо той обізвався кілька днів тому з Берліна, дня 7 цього місяця. Король й. м. здоровий з милості Божої і перебуває у Вілянові, королевич на сеймі ще на замку через слабкість свого здоров'я, яке вже значно поліпшилось [43].

---

[42] Русские грамоты конца XVII в. // Вопросы истории. – 1972. – № 6. – С. 111.

[43] Публікація та переклад з польської Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2007. – № 3. – С. 14 (Архів Головний Актів Давніх у Варшаві. – Ф. «Архів Радзивилів». – Відділ. II. – Суплементум. – № 670. – Оригінал (?)).

№ 44

1695, грудня 20. – Москва
Лист царів Петра та Іоана до австрійського імператора Леопольда I

20 декабря 1695 г.

...Прешедшаго 203-го году марта в 31 день мы, великие государи, наше царское величество, писали к вам, любезнейшему брату нашему, к вашему цесарскому величеству, о намерении нашем для нашей и всех христианских союзников благонадежныя общия ползы; повелели мы генералом нашим итти под город турецкой Азов для доставания, как того же лета различные наши полки под тот же неприятельской город, а в другую страну под различные неприятелские на реке Днепре стоящие крепости с войсками нашими итти и промысл чинити повелели, и в том походе за помощию Божиею город Казыкермень и прочие днепрские городки взяв, разорили. Також и город Азов в средине совершенно огнем разорили. И повыше того города две крепости взяли, и одну валом земляным и рвами утвердя. Обоя людьми многими засадили. А самой город Азов за многолюдною засадою и крепкими их отпоры к тому для наступления осеннего времени и последствующей зимы не достали, но отступя тот промысл до иного времени отложить повелели. Однако ж, за помощию всемогущаго Бога, мы, великие государи, наше царское величество, в наиболшей наш и всех союзников прибыток в будущую весну самым ранним времянем войска свои под тот вышепомянутой неприятелской город Азов и иные места и де же могут ему вящую шкоду сотворити послать неотложное намерение имеем, которое наше царского величества изволение мы, великие государи, наше царское величество, вам, брату нашему, вашему цесарскому величеству, пространнее повелели донесть, и некоторые дела предложить посланнику нашему урожденному Козме Никитичю Нефимонову не сумневаясь, что вы, брат наш, ваше цесарское величество, повелите у него наказанные ему дела выслушать. А что вашему цесарскому величеству учнет тот наш посланник доносить и тому б ваше цесарское величество изволили верить, а по выслушании на ево наказанные предложения повелели учинити такое обнадежителное соответствование, как во общую нашей, великих государей, ползы и в крепчайшее согласие нерозорванного союзных христианских оружей соединения и во усердное с нашей великих государей, нашего царского величества страны. Сей настоящей войны продолжения потребствовати будет. И при сем мы, великие государи, наше царское величество, от всемогущаго Бога братцки желаем, дабы вы, великий государь, ваше цесарское величество, как должайше здрав пребывал и счастливого дел поведения всегда употреблял.

Писан государствия нашего во дворе, в царствующем велицем граде Москве, лета от создания мира 7204-го, месяца декабря 20-го дня, государствования нашего 14-го году [44].

---

[44] Русские грамоты конца XVII в. // Вопросы истории. – 1972. – № 6. – С. 111–112.

№ 45

1696, лютого 2. – Москва
Царський указ про похід на Азов та збір податку для забезпечення війська

Стольники великих государынь цариц! Великій государь указал вам сказать: в нынѣшнем в 204 году ноября в 27, да декабря в 26 числѣх, по его, великаго государя, указу сказано вам, чтоб вы к его, великаго государя, службѣ строили и запасы свои готовили и во всем были в готовости, а с кѣм в полку с бояриномъ и воеводою вам быть, и гдѣ в указных мѣстѣх и на которой указной срок стать, и о том велѣно вам ожидать его, великаго государя, указу впредь, и нынѣ указал великій государь написать вас к себѣ, великому государю, в стольники, и быть вам на своей великаго государя службѣ под Азовом в Большом полку, с бояриномъ и воеводою с Алексѣем Семеновичем Шеиным, и стать вам на Валуйкѣ на указной срок марта 20 числа, и вы б о том его, великаго государя, указ вѣдали, и на тое его государеву службу к тому указному сроку ѣхали без мотчанья; а которые из вас на смотрѣ не были: и тѣм всѣм быть на той же службѣ. А кому вам на той службѣ быть и список имен ваших указал великій государь вам прочесть на постельном крыльцѣ сего ж числа; а которым из вас для малых лѣт нынѣ на службѣ быть невелѣно и оставлены на Москвѣ, и которые по его, великаго государя, указу в отпуску в городѣх с отцами, и с тѣх с помѣстей их и вотчин крестьянских и с бобыльских и с задворных и дѣловых людей дворов по старым и по новым дачам, по переписным книгам 7186 году, указал великій государь для той службы на жалованье своим, великаго государя, ратным людем взять деньги в розряд, которые за малыми лѣты оставлены на Москвѣ с тѣх за крестьянскіе дворы по полтинѣ за двор, и быть им у великих государынь цариц в стольниках по прежнему; а которые в отпуску с отцами, по 7 гривень с двора; а которые гдѣ в городѣх с отцами ж, а об отпускѣ их великаго государя указа в розрядѣ нѣт, и тѣм быть на той же службѣ. А которые из вас без отпуску ж в сибирских городѣх, и которым из вас по наряду велѣно быть нынѣ на службѣ, а учнут великому государю бить челом, чтоб для болѣзней или за иным за чѣм нынѣ на той службѣ не быть, а взять бы с них деньги: и с тѣх указал великій государь взять деньги ж; за которыми крестьянских и бобыльских по 50 дворов и больше, с тѣх за крестьянскіе и бобыльскіе дворы по 2 рубли с двора; а за которыми крестьянских и бобыльских меньше 50 дворов и с безпомѣстных, по 100 рублев с человѣка; и заплатить вам тѣ деньги в розряд в нынѣшнем же в февралѣ в первых числѣх; а буде кто тѣх денег вскорѣ не заплатит: и тѣм быть на той же службѣ по прежнему наряду; а для того денежнаго взятья, что за вами за кѣм в помѣстьях и в вотчинах крестьянских и бобыльских и задворных и дѣловых людей дворов, взять в розрядѣ сказки за руками, с подкрѣпленіем по указу; а с Помѣстным приказом о том справиться, и для той справки послать из розряда в Помѣстной приказ имен ваших списки; а будет кто что за собою крестьянских и бобыльских и задворных и дѣловых людей дворов утаят, и в сказках своих не напишут, и тѣ утаенные дворы отписаны будут на великаго государя и отданы челобитчиком бесповоротно [45].

---

[45] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. III. – С. 223–224.

№ 46

1711 (не пізніше)
Зі звіту про облогу Азова в 1695 та 1696 рр., створеного на основі щоденника Патрика Гордона та інших джерел

[Осада 1695 г.] / 5-е [июля]

Около 4 ч. дня подошли две остальные армии, почти не встретив в пути противодействия. Генерал [Гордон] выехал на милю из лагеря встретить их и указать другим генералам удобное место для лагеря. Но его совет принят не был – генерал Лефорт разбил лагерь на левом фланге между старой и новой стенами слишком далеко от соседней армии, а генерал Головин расположился позади обеих стен на еще большем удалении (правда, надо учесть, что его величество оставался в этой армии), тогда как генерал Гордон наметил гораздо более подходящие и не такие опасные позиции.

Вечером в палатке генерала Гордона состоялся военный совет, на котором инженеров из других армий не удалось убедить начать земляные работы той же ночью, хотя никто и не возражал.

Этой ночью генерал Гордон наметил два места, где предстояло подготовить позиции для мортир. Траншеи углубили, расширили, и к полудню довели до такого совершенства, что уже можно стало разместить 8 мортир. Они открыли стрельбу по городу и метали бомбы с большим успехом [...]

Вечером на море появилось с 20 галер [...]

7-е. С рассветом несколько судов отправилось из города к турецкому флоту. После полудня они возвратились тяжелонагруженные, а христиане были не в состоянии им помещать из-за недостатка смелости и отсутствия единства в армии.

Армия под командованием генерала Лефорта той ночью соорудила на левом фланге редут с большой насыпью вокруг него, куда поместили 4 больших орудия. Они вели огонь с этой стороны города [...]

7 июля. Около 4 ч. дня турки прошли сквозь сады и совершили ужасный налет на лагерь генерала Лефорта. Ворвавшись в него, они убили многих солдат, нескольких захватили, еще больше ранили и нанесли бы и худший урон, если бы 2 или 3 тысячи солдат из лагеря генерала Гордона не поспешили на помощь через поле, отрезая турок от города. Те, увидев это, отошли в сады и увели пленных. Турецкая конница помогала пехоте, но с появлением отряда из другого лагеря также отступила. С собой они забрали много голов, которые потом насадили на колья вдоль стены.

Ночью в городе веселились, играли на разных инструментах.

У турок были на то причины, ведь им привезли амуницию, провизию и жалованье, да и вылазка принесла немалый успех: потеряв немногих людей, они побили сотни христиан [...]

8 июля. На левом фланге траншеи армии генерала Лефорта продвигались вперед, но медленно, из-за лени и нерешительности инженеров [...]

11 июля. В тот день много орудий в городе было разбито огнем и сделано непригодными, но апроши на левом фланге нисколько не продвинулись.

13 июля. В этот день состоялся военный совет у генерала Гордона, где постановили атаковать ближнюю из каланчей. Поэтому 200 казакам приказали готовиться, и каждому обещали по 10 руб. Для этой экспедиции также отрядили полк солдат с Волги под началом полковника Шарпа.

[...] **14-е.** Генерал Гордон перед тем продвинул свои апроши намного влево, чтобы побудить наступавших на том фланге двигаться быстрее и проложить к ним коммуникации, или же наступать вместе ввиду уже случившихся 4 вылазок неприятеля. Но все без толку – те так и остались саженей на 20 позади [...]

15 июля. Утром принявший русскую веру матрос-немец, чем-то недовольный, дезертировал и пробрался в город... Предатель Яков... сообщил туркам все сведения: что траншеи генерала Гордона далеко впереди других и еще не достаточно защищены, а большой отряд из его армии отбыл с подводами к [реке] Койсуге за амуницией и провиантом; что генералы настроены друг к другу недружелюбно, а значит – подмоги из других армий ждать не приходится; что русские обыкновенно после полудня спят и более уязвимы, нежели в другое время. Воодушевленные всем этим турки решились на отчаянную вылазку... скрытно пробрались через ров и сады справа и оказались в траншеях прежде, чем их обнаружили. Это привело в такой ужас стрельцов (а там был их пост), что они почти не сопротивлялись и в большинстве бросились бежать, побросав оружие. Их так и не удалось заставить собраться с духом и занять редут с орудиями, они и не думали обороняться и в беспорядке отступали... Шум боя услыхали в лагере генерала Гордона, послали в другие армии за помощью и с отборной гвардией поспешили на подмогу... После получасового боя турок выбили из траншей и обратили в бегство. Христиане их преследовали до самого рва, хотя имели приказ лишь занять свои траншеи. Турки же увидели, в каком беспорядке преследователи, повернули и с помощью людей из города и спешившейся конницы, что с криками появилась слева из заросших садов, вновь обратили христиан в смятение и бегство [...]

16-е. Ночью христиане занимались ремонтом и укреплением траншей и редутов, чтобы на будущее уберечься от подобного урона. Турок этой ночью выбили градом бомб и пуль из второй каланчи. Они отошли к крепости Лютик, оставив 20 орудий, разные припасы, амуницию и имущество, немного провианта. Сразу же сообщили на Койсугу, где хранились провиант и амуниция, что свободен путь по воде, и велели доставить все это по реке к каланчам.

[...] **17 июля.** Днем генерал Гордон созвал и провел военный совет, где были высказаны три предложения: послать отряд за Дон, укрепиться в садах на той стороне напротив города и блокировать его оттуда; соорудить линию редутов от позиций генерала Лефорта вниз к реке и окружить город, чтобы воспрепятствовать сообщению его с конницей вне города; укрепить форты у каланчей. Все три предложения одобрили и сочли здравыми, но постановили исполнять лишь первое. Более опытные люди с тем не согласились, возражали против подобного промедления и доказывали, что такими способами и средствами Азова не взять...

19-е. Опять прошел военный совет, и 4 тысячам человек приказали готовиться к переправе через Дон. Командовать этим отрядом назначили князя Якова Федоровича Долгорукого [...]

28-е. Решено склонять осажденных к переговорам; подготовлено за подписями трех генералов и доставлено послание. Через 3 ч. получен письменный ответ с отказом и хвастливыми словами – то есть брошен вызов, и обе стороны возобновили огонь. Надежды на мирное соглашение растаяли, и христиане принялись выдвигать вперед войсковые колонны и траншеи усерднее прежнего; но работе мешали как многочисленный гарнизон [Азова], так и нехватка опыта у христиан. По тому немалую часть работ сделали как обычно, то есть не до конца [...]

30-е. Все горели нетерпением положить делу конец; о штурме, как единственном средстве, толковали те, кто не понимал, что это означает, и больше других желали скорейшего возвращения. Они отстаивали штурм, так что составился проект созыва добровольцев, которые бы сами выбрали себе офицеров. Каждому обещали по 10 руб., а офицеров – наградить особо. Записались солдаты, стрельцы и более 2000 прознавших о том казаков, и еще были желающие из казаков, но солдаты и стрельцы не особенно рвались. Все же, хотя приказали отрядить из каждой армии по 1500 человек, всего записалось 6 или 7 тысяч.

Самые опытные в армиях люди не одобряли такой проект и предсказывали беспорядок и позор, не говоря о больших потерях среди наиболее отважных. Но они остались в меньшинстве, было решено идти на штурм. Для него приготовили лестницы, материал для мостов и укрытий, связки тростника для фашин [...]

2-е [августа]. Провели военный совет, где многие с большим жаром настаивали устроить штурм или общий приступ города в ближайшее воскресенье или понедельник, потом и в пятницу. И даже высказанные кое-кем убедительные доводы не помешали необдуманным решениям генералов. Так что, хотя апроши и отстояли еще на 50–60 саженей от городского рва, условились идти на штурм; добровольцам приказали готовиться к приступу [...]

Отрядам из армий генералов Гордона и Головина было приказано идти на штурм с правого фланга низом вдоль реки, а отряду генерала Лефорта и казакам – на левом фланге. Отряды разместились внутри и вблизи траншей, чтобы с рассветом наступать по сигналу побудки.

5 августа. На рассвете ударил барабан. Командовавший на правом фланге генерал приказал идти на приступ; солдатам выборного полка было предписано наблюдать за больверком слева и непрерывно вести по нему огонь. Но движение шло медленно, хотя нацеленные на больверк выборные солдаты продвигались вперед с большой решимостью и отвагой. 200 или 300 из них даже вскарабкались на бастион и схватились с турками; но другие их не поддержали, так как попали в сады и рвы и скрывались там, не наступая на противника, хотя и несли огромный урон от турок. Те с легкостью и без угрозы для себя расстреливали их со стен как на охоте.

Около получаса христиане бились с неприятелем на бастионах, не входя в город, а в это время на другой стороне приступ и не начинался. Только несколько лодок с казаками, согласно приказу, спустились по реке, понеся небольшой урон от стрельбы с башни, и высадились ниже по течению. Лишь тогда начался приступ на левом фланге, но столь же безуспешно, как и на правом. Солдаты средней колонны сделали вид, что идут на приступ, но были сильно потрепаны и потеряли

людей. Наконец генералы убедились, что люди несут огромные потери, а дело не движется, и дали приказ отступать. Штурм длился около 2 ч.

Среди христиан было убито 1200 человек, и многие из них остались во рвах и около них, и еще вдвое больше было ранено, многие потом умерли. В дивизии генерала Гордона ранило двух полковников, которые вскоре умерли, также ранены подполковник и многие другие офицеры – кто умер, а кто убит на месте [...]

6-е. На другой день созвали военный совет, который решил продолжать осаду и продвигаться дальше, хотя большинство не особенно надеялось на успех [...]

15 августа. Бывший лазутчиком в Азове донской казак рассказал, что свел там близкое знакомство с высокопоставленным турком; если бы он мог с ним поговорить, то, наверное, сумел бы деньгами склонить его, чтобы советовал и убеждал гарнизон сдаться. Этот проект одобрили и, надеясь на переговоры в тот же день, написали письмо, но турки и слышать не хотели ни о каком перемирии. Они принялись стрелять в казака, который, пытаясь заговорить с ними, размахивал шапкой, кричал и показывал издали письмо [...]

2 сентября. Казаки захватили двух пленных; те сообщили, что в этот день ждут нурадин-султана с 10 тыс. татар и 500 янычарами, которых осажденные намереваются провести в город. Пленные также подтвердили, что во время штурма 5 августа убиты бей и янычарский ага. Должность бея, или коменданта, предложили Кубек-мурзе, но он отказался.

Весть о приближении нурадин-султана не привела христиан в уныние, особенно его величество царя. Он участвовал в осаде под видом простого бомбардира, но при этом лично за всем надзирал, несмотря на немалую опасность и риск, неустанно готовил и метал бомбы и достиг в этом большого искусства. Потому и в этом случае он пошел вместе с генералами осмотреть место, где, как говорили, должен был пройти нурадин-султан и посоветовал соорудить 3 редута с линиями коммуникаций. Их построили у реки за сутки и укрепили со стороны моря, города и поля [...]

15 сентября. На направлении колонны генерала Головина заложили мину, подведя ее (как посчитал неумелый минер) под лицевую часть больверка. Минную камеру во избежание перехвата генерал приказал заранее заполнить порохом. Невзирая на протесты авторов [этих строк], решили взорвать мину в надежде, что она проделает большой пролом в стене; тогда находящиеся рядом люди должны пройти сквозь брешь, а другие – занять возможно большую часть стены.

16-е. Около 3 ч. дня солдатам залпом из трех орудий дали сигнал отойти из ближайших окопов и взорвать мины. Вскоре взрыв был произведен, но он не пошел в сторону рва, а взметнул вверх и бросил на христиан землю, камни, доски, бревна и все прочее. Убило около 30 человек и больше ста контузило; в их числе было 2 полковника, подполковник и много других офицеров. Это вызвало среди солдат сильный ужас и неприязнь к иностранцам. Немало огорчен был и его величество. Мина заключала в себе 83 фунта пороха. Таков был третий несчастливый понедельник осады [...]

18 сентября. В лагерь прибыл стольник из Москвы и привез около 70 тыс. руб. – полугодовое жалованье для офицеров и стрельцов и жалованье за несколько

месяцев для прочих солдат... На среду 25-е назначили штурм. Накануне минные камеры заполнили порохом и гранатами и крепко закрыли, подготовили и все остальное для приступа.

25-е. Состоявшийся утром военный совет постановил всем назначенным к штурму в 3 ч. быть наготове в ближних траншеях; по сигналу трех орудий надлежит поджечь мины.

Как только закончили подготовку и надежно защитили лагеря от неприятеля со стороны поля, прозвучал сигнал. Заминированы были небольшая часть куртины, весь фланг и с 2 сажени лицевой стороны больверка, всего около 20 саженей. Но из-за частокола (палисада) за бруствером и сильного южного ветра масса земли, камней и мусора полетела назад на осаждающих, нескольких обожгло и ранило, а троих или четверых стрельцов убило – хотя им и было приказано кому укрыться в апрошах, а кому – отступить подальше. Однако турки оказались так напуганы взрывом, что покинули стену, так что христиане с помощью лестниц перебрались через ров, очень отлогий, старый и поросший травой.

Христиане, что были в средней колонне, ворвались на стену и заняли часть ее против своей колонны – то есть угловой и средний больверки и куртину между ними. Но шедшие в других колоннах не бросились захватывать стены на своих участках. Поэтому турки не понесли урона, собрали резервы со всех позиций, во множестве кинулись на стену, снова сбросили с нее солдат и стрельцов и немедленно заняли стену еще большим числом. Все же солдаты средней колонны не прекратили приступа и держались у наружной стороны стены, во рву и ближайших траншеях. При поддержке с левого фланга они вновь пошли вперед. Нескольким даже удалось забраться на стену, но, невзирая на их доблесть и отчаянное сопротивление, турки опять взяли верх.

Тем временем казаки на правом фланге стали вновь подступать к городу. Так как успех казался тут возможным, командовавший ими дворянин призвал на помощь наступавших по соседству; после чего полковник Чамберс двинулся вперед с батальоном Преображенского полка. Не встретив особого противодействия, он вошел в город у реки и занял позицию среди развалин домов. Но из укрепления сверху велся шквальный огонь, полковника ранило, и еще нескольких людей ранило и убило. Увидев, что помощь не подходит, они отступили. Посланные же на подмогу 2 батальона из дивизии генерала Гордона пробиться не смогли, так как турки, поняв, сколь слабы усилия остальных колонн, ринулись сюда во множестве. Третий приступ предприняли солдаты средней и левой колонн, но тщетно – только потеряли людей.

К тому времени уже наступил вечер, и генералы подали сигнал к отступлению. Солдаты направились к лагерям, оставив дозорных впрочем, числом больше обычного [...]

Теперь, когда всякая надежда взять город пропала, было решено уходить, оставив сильный гарнизон в фортах (городке) у каланчей.

Для этой цели отрядили по 1000 человек из каждой армии, из них сформировали 3 полка под началом полковников и с полным составом офицеров. Комендантом оставили неопытного дворянина по имени Ржевский (?) [...]

[Осада 1696 г.]

13 апреля. Генерал Гордон со своей армией или дивизией отплыл на судах вниз по реке Воронеж к реке Дон. Генералиссимус и другой генерал отбыли вслед за ним.

Май. Казаки сообщили, что в устье реки Дон стоят на якоре 2 корабля и разгружают провизию в Азов. Было решено приблизиться и атаковать их. Поэтому 18 мая суда двинулись вниз по реке и около полуночи подошли к городку у каланчей, названному теперь Новосергиевск. Перед рассветом генерал [Гордон], занявший позиции в малом форте, и остальные, расположившиеся на острове, срочно укрепили траншеями пространство для 2000 или 3000 человек, которых к вечеру и расположили в надлежащем порядке. В удобных местах разместили орудия.

Вечером донские казаки на 40 лодках, по 20 человек в каждой, отправились вниз по реке Каланче. Командующий двинулся следом с 9 галерами и полком пехоты в больших стругах, чтобы атаковать 2 корабля на рейде.

20-е. Еще днем раньше рассудили, что, пока христиане будут атаковать суда на рейде, вражеский гарнизон может слева устроить вылазку на помощь своим, а потому генералу Гордону целесообразно передвинуться на остров со всеми 3 полками и направиться к Азову для проведения отвлекающего маневра. Так он и сделал: полки вышли в пределы видимости неприятеля.

Тем временем отряд турецкой конницы и пехоты вышел из водяных ворот и вскоре после полудня вернулся с 800 людьми, которых высадил стоящий на рейде флот. Незадолго до вечера галеры двинулись обратно вверх по реке. Около полуночи на [русские] суда прибыл сам командующий. Так как оказалось, что вражеский флот состоит из 30 или 40 галер разного вида и размера, вести атаку большими судами сочли слишком рискованным. Казаки на легких небольших судах встали на одном из устий Каланчи за островом в ожидании удобного момента для получения преимущества над турками. Это и удалось незадолго до вечера, когда вражеские грузовые суда двинулись сквозь мелководье в поисках протока для выхода из реки; галеры же стояли далеко в море. Казаки тайно вышли из своего укрытия и на большой скорости двинулись к неприятельским судам, хотя и потеряли сколько-то времени на перетаскивание лодок на 300–400 саженей по мелководью. Тем временем турки, заметив столь решительно надвигающихся казаков, принялись сбивать суда вместе и готовиться к обороне. Но казаки налетели так быстро, что у тех не осталось времени выстроиться в боевой порядок; они попрыгали в лодки и бросились спасаться на галеры. Казаки взобрались на ближайшее судно, бросились хватать добычу и потому замешкались. Это позволило нескольким турецким кораблям отойти, а 6 из них поднялись по реке к городу. Казаки забрали привезенные для уплаты жалованья гарнизону 50 тысяч дукатов и все лучшие вещи, подожгли суда (а их было 3 больших и 10 малых) и увели одно из судов, именуемое ушкола. Много турок было убито, 27 взято в плен. Добыча составила 700 пик, 600 кривых турецких сабель, 400 турецких пищалей и мушкетов, 8000 тюков сукна и много суконной одежды, изрядное количество провизии: сухари, мука, табак, крупа, бекмес (сироп), уксус, а также ядра, много пороха, ручных гранат и бомб [...]

[...] **20-е.** Прибыли генералиссимус и генерал Головин с другим полком. Тогда же подошли сухим путем и полки под командованием генерал-майора Ригемана и, переправившись через реку Дон в Черкасске, расположились лагерем между двумя старыми стенами. В это же время прибыл полковник Джеймс Гордон с 3 полками из Тамбова [...]

[...] **Июнь.** Прибыл адмирал Лефорт с 10 галерами, и еще одна – немного спустя.

5-е. Армия московской конницы прибыла и расположилась лагерем около других; с ней было 10 полков пехоты, без которых сочли двигаться небезопасным [...]

14-е. Появились и подошли к рейду несколько галер и бросили якорь в отдалении: всего было 20 больших и около того малых судов. Взятый на другой день пленный рассказал, что этот флот привез в Азов 4000 человек во главе с пашой [...]

16-е. Соорудив 9 батарей орудий разного калибра и 4 батареи мортир и проложив коммуникации между апрошами, рассудили, что имеет смысл попробовать склонить город к сдаче: ведь из города так и не раздалось ни единого выстрела тяжелых пушек, хотя противник и не переставал вести огонь. Так что с казаком, знавшим турецкий, послали письмо по-русски с переводом. Там, откуда он собрался идти, стали размахивать белым флагом. Казак отправился, но турки принялись по нему стрелять, и он вернулся. Так повторялось еще дважды, но все напрасно. Тогда белый флаг заменили на красный, и тотчас же со всех батарей ударили пушки и полетели бомбы. Это вызвало в городе большой переполох, как нетрудно было заключить по донесшимся оттуда ужасным крикам и стенаниям. Христиане вели огонь из тяжелых орудий до ночи и всю ночь. Бомбы причинили большие разрушения и опрокинули несколько неприятельских орудий.

17-е. Все лодки флота христиан с казаками двинулись к турецкому флоту, намереваясь нагнать страху на турок, но те выслали свои лодки с хорошо вооруженными людьми. Христиане решили не ввязываться в стычку и повернули обратно.

[...] **18-е.** Взятый пленник сообщил, что конницу под началом нурадин-султана и Муртазы-паши, числом в 6000 человек, ждут со дня на день; также призвали попробовать прорваться в город с войском Турначи-пашу. Тот отказался, сказав, что послал к султану за распоряжениями и будет их дожидаться; да он и не видит, как можно попасть в город даже и не беря с собой привезенную амуницию и провиант. А солдатам с пустыми руками нет смысла рисковать и идти на прорыв, так как их могут окружить...

19-е. Вечером черкасы стали пробивать апроши совсем близко к неприятелю; это можно было делать тем безопаснее, что они с обеих сторон были защищены [...]

[...] **20-е.** Апроши отстояли ото рва уже только на 20 саженей и были целиком перекрыты сверху. Рядовые солдаты предложили не двигать их дальше, а бросать землю перед собой наподобие насыпи, выводя ее вперед и заполняя ров, с тем чтобы оказаться в конце концов выше неприятельской стены [...]

[...] **25-е.** Несколько инженеров и фейерверкеров прибыли в лагерь водным путем от курфюрста Бранденбургского, но для них уже почти не нашлось работы:

русские продвигались к городу совершенно новым способом, какого те никогда не видали и не слыхали.

[...] **4 июля**. Так как перебрасывание земли в сторону города оставляло христиан совсем без укрытия, и они оказывались для осажденных видны как на ладони, начали возводить насыпь для укрытия и позади копавших. Сделав ее выше турецкой стены, можно было установить наверху орудия и вести огонь... по городу.

[...] **8-е**. Казаки привели пленника-татарина. На допросе он сказал, что турки еще не потеряли надежды попасть в город и намереваются пробиваться, и что вот-вот ожидают калгу-султана с 6000 человек из Крыма (откуда на подмогу посланы два ханских сына).

9-е. Насыпь подвели так близко ко рву, что в него стала падать земля. Были брошены все силы на ускорение работы. Насыпь позади наступавших довели до такого совершенства, что она стала отличным укрытием и защитой для христиан. Это наводило ужас на осажденных: они видели, что их ров неуклонно наполняется землей, а орудия русских оказались стоящими выше их собственных и всего в 20 шагах ото рва.

10-е. Имперский полковник артиллерии получил под свое командование все батареи, приказал установить орудия в самых удобных местах и с большим успехом вел огонь по городской стене. Инженерам работы было мало. Они занимались минными подкопами, которые уже протянулись далеко вперед и непрерывно продвигались дальше...

15-е. Ночью ров оказался засыпан, а насыпь подвели вплотную к туркам. Тем пришлось втащить орудия внутрь больверка.

[...] **17-е**. Черкасы засели на угловом бастионе снаружи палисадов, устроенных в насыпи. Имевшиеся на бастионе 3 малых орудия турки приковали цепью одно к другому, черкасы попытались утащить орудия, что вызвало сильную суматоху. Турки стали бешено сопротивляться; чтобы не дать им насесть на казаков всеми силами, христиане были вынуждены на других флангах создать видимость общего приступа.

[...] **18-го** утром состоялся военный совет; было решено подготовить общий штурм ко вторнику. Но чтобы не опережать события, решили пока только выбить турок с вала и не вступать в город... Осажденные видели, что насыпь уже нависает над их стеной и не имели возможности делать вылазки – если они и пытались, то сразу вязли в рыхлой свеженасыпанной земле. А так как на помощь войск снаружи не было никакой надежды и ежечасно ожидался общий штурм, турки решились капитулировать, на что христиане выразили согласие. Из города выслали двух человек с письмами к генералиссимусу, прося выпустить их с женами, детьми, оружием и вещами... После обмена посыльными позволение на это было дано. Наибольшей трудностью оказалось то, что турки не хотели выдавать предателя Яшку, или Якова (немца, что перебежал к ним в прошлом году и был причиной многих зол), так как он стал турком и вступил в янычары; но все же в конце концов уступили.

19 июля. Десяти полкам было велено блокировать город и еще восьми – встать коридором, сквозь который осажденных должны были пропустить от ворот у реки к ожидавшим лодкам. Те пристали к берегу ниже города. Турки вышли в полном беспорядке, кто как собрался, вытянули лодки на берег и погрузились вместе

с женами и детьми. Тем временем черкасы и казаки вошли в город и бросились хватать все подряд, хотя этого всеми силами пытались не допустить. Комендант города и ага еще с несколькими важными особами и 16 знаменами вышли в сопровождении охраны. Их подвели к генералиссимусу, находившемуся в седле верхом у берега. Пришедшие положили наземь знамена и отплыли вниз по реке [...]

Казаки в беспорядке отправились вверх по реке и призвали защитников крепости Лютик к сдаче, заявив, что Азов уже сдался. Им не поверили и потребовали оставить заложника, пока турки пошлют человека узнать правду; если же это действительно так, то они сдадутся. На том и сошлись. Посланца из Лютика доставили в Азов, где он увидел все, что хотел. Назад с ним отрядили своего посыльного с предложенными генералиссимусом условиями, ведь теперь склонить к сдаче в плен уже не представляло труда. Но его величество, лично присутствовавший здесь, пожелал проявить такое же великодушие, как и к азовцам – к тому же это был первый случай показать, что московиты, как и другие, умеют принимать капитуляцию... Поэтому вместе с турком и 300 верховыми, послали русского дворянина с тем условием, что гарнизон должен оставить на месте оружие, выйти в чем есть и взять столько провизии, сколько можно унести. Тогда их благополучно доставят к реке Кагальник. Те с радостью согласились и вышли из крепости в количестве 115 человек [...]

22-е. Напротив города бросили якорь несколько [русских] галер. В специально устроенные помещения с них перенесли оружие и снаряжение. Подошли и галеасы, а из фортов напротив города вывели солдат. Плотники занялись работой в турецкой мечети, чтобы превратить ее в христианскую церковь; старую же церковь было велено отремонтировать, и устроить между ними небольшое пустое пространство...

26-го. Его величество вместе с генералиссимусом, генералом Гордоном, инженером Лавалем и некоторыми другими важными лицами отправился на лодках к галерам, стоявшим на якоре в устье реки, и остался там на ночь. На другой день они приплыли на другую сторону к месту под названием Таганрог. Там намеревались устроить гавань и форт для ее защиты от неприятеля. Осмотрев также и другое место чуть дальше, а затем и Лютик, они вернулись [...] Эта экспедиция имела больший успех, чем предыдущая годом раньше, по следующим причинам:

1. Христиане, вдобавок к коннице, имели вдвое больше пехоты, чем раньше.
2. Гарнизон крепости был едва ли не вдвое слабее, чем в первый раз, и состоял в основном из новых и необученных людей.
3. В городе сильно не хватало амуниции, особенно свинца, и не было никакой надежды получить провизию.
4. Не было, как в прошлом году, тройного начальствования армиями (триумвирата) – то есть разногласий и соперничества, командование сосредоточилось в одних руках; следовали также советам лучших специалистов.
5. Подошли на 6 недель раньше и не дали туркам переправить в город провизию, амуницию и подкрепления.
6. Разгром главного флота турок обескуражил осажденных, отнял у них решимость и надежду на успех: они видели, что устье Дона прочно охраняется [русским] флотом и сильными, хорошо укомплектованными людьми фортами.

7. Велась огромная работа по продвижению насыпи к стенам, так что насыпь грозила нависнуть и похоронить турок под собой живыми. Помешать же этому они не могли – ни делая вылазки, так как вязли в рыхлой земле, ни утаскивая землю внутрь города, что было невозможно из-за их малочисленности...

Но главную причину успеха следует видеть в «перводвигателе», то есть его царском величестве, исключительными заботами, стараниями и неустанными трудами которого все было подготовлено к раннему началу похода, построен и оснащен флот в 20 галер, 20 галеасов и 4 бранда...

Во время этой осады было убито и умерло от ран и болезней не более 1000 человек, среди которых славный полковник Левистон, 8 или 10 офицеров и около 30 дворян, а также 2 инженера. Из черкасов, или гетманских казаков, убито 700 человек, в основном во время вылазок из города [46].

№ 47

1696. – Сказання про взяття міста Азова та про славну перемогу

Сказаніе о взятіи города Азова и о преславной побѣдѣ над турки и татары, яже всесильный Господь Бог показа преславному христіанскому народу храбросію и мужеством великого государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца

204 году іюля в 17 день.

В писаніи, каково чтено в Соборной церкви іюля в 31 день, написано:

Іюля в 14 день помощію великаго Бога первую самую каланчу, которая стояла на брегу Дону, взяли и сбили до пошви, да на ней взяты 32 пушки, да мѣлкова ружья и огненных ядер множество, да 3 знамя, да іюля в 16 числѣ в ночи был бой пушечной, и из огненных ядер мешаніе, и от того страхованія и с другой каланчи людей сбили, и тое каланчу взяли, да вожатых взято 14 человѣк, а иные побѣжали, и в рѣку побросались, и пушечной бой их отъяли, и от Дону всякую свободу получили, взяли у них 1000 стругов больших и малых со всякими припасы, и с города башню сбили жь, и из обоза от страха побѣжали жь, и стоят на особом мѣстѣ, и пребираются за море, іюля в 19 и 20 числѣх чаем и до каменного города обону дойтить.

В почтѣ августа 9 числа из-под Азова, какова прислана іюля 31 числа, написано:

Город Азов облегли кругом со всѣх сторон, и учиня шанцы в самых ближних мѣстѣх, и с оте стороны рѣки Дону чинят промысл, и чаем, за Божіею помощію, что к ним врагом конечно пріитти сутки в двои или в трои, а пушками нашими в городѣ до единаго основанія побили и выжгли, только в земляном валу самое малое число еще осталось строенія к рѣкѣ Дону, и то из пушек на вылет избито, и в том строеніи никто у них не пребываеть, а живут с трудностію, высылки от них к нам были 3 жестокіе, ничего не получили, только своих нѣсколько сами потрату учинили, и многих от них взято в языки природных турок, из них один Рап,

[46] Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I (пер. А. М. Некрасова) // Исторический архив. – 1997. – № 3. – С. 197–205.

из татар в нынѣшних скорых числѣх конница их чинили на табар наш напуск, и как им мы отпор учинили доброй, и они отшед от полку нашего, попали было на пристанище наше, гдѣ у нас стоят будары с хлѣбными запасы, и хотя конскіе табуны отогнать, а было их с 4000, и захватя их, у каланчей в заливах многих побили, и взятки взято 3 человека, тамо взято полку нашего сержант Тишенинов с товарищем, а у азовцов идет между собою пря великая, половина хочет сѣсть на смерть в городѣ, а другая хочет итти вон.

Іюля во 2 день из Вѣны в авизах писано:

Из турецкой земли вѣдомо чинят, что большой салтан, тому четыре недѣли, под Адріанополем войска своего, которое в собраніи 100 000 с лишком, пересматривал.

Из волошской земли вѣдомо чинят, московское де войско обрѣтается два дни от Азова, козацкой полевой гетман господин Мазепа со вторым, но и с большим войском пошел под Перекоп.

Хан крымской о том увѣдомившися наступленіи московской силы, пошел в Крым в путь свой, а венгерскую землю оставил на турскаго салтана, и послал двух гонцов, чтоб рать поворотить, а хотя де он и обѣщался турскому салтану с большою силою итти в венгерскую землю, и чает тому не бывать.

Еще нам вѣдомо учинилось от иных стран, что москвичи нынѣ двѣ крѣпости осадили, Азов возлѣ Дону рѣки, а другую крѣпость возлѣ Днѣстра рѣки, а поверх сей крѣпости лежащія крѣпости от турок за сорок лѣт построены, чтоб козаком путь заборонить и устрашить; сіи двѣ крѣпости друг против друга состроены, и чепь через Дон рѣку переложена, сего ради нынѣ взяты без большой трудности, и сего ради чает, что турскому походу в венгерскую землю от того помѣшка учинится, да иного много в авизах писано, и я пришлю впредь, как переведут.

Августа в 18 день из полку присланы в розряд Сеунщики, а кто из них и от котораго города имены о взятьѣ с вѣдомостью присланы, и о том на их имены отмѣчено под статьями.

Стольники.

Казымер князь Александр княж Иванов сын Волконской.

Тован Григорий Ѳедоров сын Жеребцов.

Шинкирей Кирило Иванов сын Хомяков.

Ослам Іуда Васильев сын Болшин.

Да с ними жь от Ильи Дмитріева Мамонова прислан в Сеунщиках Василей Чаплин, а его боярина и воеводы службою и радѣнием тѣ городы:

Казымер разорен.

В Хованѣ оставлены ратные люди.

Шингирей и Ослам пусты, а непріятельскіе люди выбѣжали, и казну вывезли.

Казыкирменской воевода Умербе взят с женою и с детьми, да с ними взято 8 человѣк агій, да иных взято в том городѣ непріятельских людей мноле множество, а боярин и воевода под Казыкирмень пришел іюля в 24 день, а взял в 30 числѣ.

Перевод с римских авизов, каковы присланы чрез почту нынѣшняго 204 году сентября в 7 день.

Из Віѣны августа в 20 день.

Прошлаго вторника приплыл корабль к нам из Смирны с нѣсколькими бумажными товары, которые надлежат греческим и арменским торговым людем, и извѣстил, что из пристанища морскаго их городов посланы были трабалерскіе галіоны на Черное море, а с ними еще пять больших каторг большим поспѣшеніем, чтоб наступленіе страшное от козаков и от москвичь заборонити, а иныя мѣста Азовь с товарищи солдатами укрѣпити; сія война, которая учинилась с московской стороны, сотворяет большой страх в Смирнѣ и в Цареградѣ и в иных мѣстѣх турецкія земли, а подданные салтана турскаго зѣло противны в нынѣшнюю войну иттить, и промеж ими большая смута против владѣтеля своего, которые настоящую войну проклинают, а в Царьградѣ на всякой день большой страх имѣют от московскаго наступленія.

Сей перевод изо Пскова прислан чрез почту сентября в 30 день 204 года.

Октября в 3 день в авизах писано: возлѣ Рены рѣки стоит князь Ловит Фанбадѣев со своим войском, а прибылое де войско собирается под Бруцалом.

Венеціане большую побѣду одержали против турка на морѣ, и взяли осмьдесят шесть кораблей турецких, из тех только осмь свободилося, а иные полонены, а иные разбиты и потоплены; в сем морском караванѣ полонили славнаго турскаго морскаго адмирала Мерзомата со многими тысящи, а шесть тысящ христіан от неволи свободных учинили.

Из Смирны августа в 14 день.

Из турской земли вѣдомо чинят, москвичи и козаки с большою силою впали в Крым, и осадили город Азов, лежащій в усть рѣки Дону, сего ради послано нѣсколько кораблей с людьми на выручку из Царяграда.

Турской салтан намѣрял было итти на Польшу, только москвичи ему большую помѣшку учинили, и намѣренія своего не мог исполнити.

Указал турской салтан князю волоцкому и мендаскому в государствѣ своем собрать множество пшена на пропитаніе войска.

Сія авизы присланы к Москвѣ изо Пскова октября в 14 день.

Особое письмо.

У нас только в авизах писано:

В нынешних числѣх в нѣмецких государствах посѣщеніем Божіим три города земля пожрала и с людьми, из горы пламя исходило, и попалило, и в ином городѣ под землею трясение и шум велій, из того города люди от страха, покинув домы свои, выбѣжали, и цесарь французскаго короля вельми побил, а турской салтан услышал государя нашего под Азов приход, на цесаря сам не пошел, оставил большаго везиря, а сам же ночью из полков назад под Андріанополь ушел, и многих своих пашей нагоня, янычар казнил, и до нынѣ вѣдомость подлинная, пишут, что от цесаря к Москвѣ скоро посол будет.

Список с листа турскаго салтана к цесарю Леополду, каков писал турской салтан:

Махмет, сын прехвальныя славы и надо всѣми иными повелитель, сын Божій, монарх турскій и молдавскій, македонскій и воложскій, царь арменскій и антіохійскій, царь Великаго и Малаго Египта, всея вселенныя изряднѣйшій, между всѣми сыны Махметовыми винославник, венгерскій государь, земнаго рая страж, или хранитель гроба Христова, государь всѣх государей мірских от востока даже и до запада, царей всѣх царь и государь, древа жизни начальник, московскія земли и обѣтованія великій гонитель христіанскій, Бог древа, цвѣтоблюститель

высокія надежды, повелѣваем и поздравляем тебѣ, Леополду цесарю, аще хоцешп и желаеши быти пріятель, отрадножь вѣждь, от того времяни, отнелѣ же разорися мир, бывшія между нами, бѣсовскія обиды сотворены тебѣ от нас дѣлом или войною, догадываемся, яко со иным нѣкоторым королем покусился внити в совѣт, да противу моея силы ратоборствуеши, и в том бо се сотворил еси несмысленно, ничего много не дожидаяся, токмо совершенной погибели, коея воистинну волею ты поискал еси, и сіе объявляю тебѣ, что я на погубленіе твое изыду к тебѣ от востока и до запада, дойду и покажу силы моя и крѣпосcть с великим своим наказаніем и прещеніем, яко да познаеши и узриши, сколько силы государства моего могут, а понеже надѣешися на нѣкоторые свои городки, будто крѣпкіе конечно, порадѣю в конец разорить и искоренить и извергнуть, будто никогда не бывало на свѣтѣ. Сверх же того объявляю вящее исполненіе сіе довольствованіе, яко Богу попущающу, вся твоя земли и городы и страны никогда не будут имѣя покоя, яко устави мысль моя погубити тя купно с людьми твоими без малого времяни и мѣшкоты, и нѣмецкую землю всю разорити и расточити, ничего не оставляя в ней и в государствѣ твоем, токмо вѣчную память страха и пролитыя крови саблею моею сотворенни, тако то вездѣ и сбудется, чтоб то дѣло вездѣ было славно и розглашено повсюду, и чтоб вѣра наша отчасу множилась больше и приращенія пріяла, а по том Бога твоего, ко кресту пригвожденнаго, вѣчно гонить возмогу, его же сила и крѣпость никогда же возможет сотворити тебѣ помощь от моих рук свободити и отняти, впредь паче жь священники твоя уставихом псом на снѣденіе отдать, и сосцы женскія срѣзывати, совершенно добро б ты сотворил, аще бы вѣру свою оставил, и видя б твои подданные, всѣ с тобою обратились, сего довольно для познанія тѣх, яко жь тебѣ написал, и еще твое належит и к воспріятствованію утренняго нашего желательства, я же к тебѣ сотворил есм, объявленнаго.

Список с цесарскаго листа, каков писан к турскому салтану:

Махмет, сын погибели, дѣдич вѣчнаго осужденія, мужу гнилый древа жизни, смрадный блядословниче на Бога, полне всякаго зла писаніе твое не разумное пріах аз Леополд и государь твой, король и царь твой, еже которое яко прах вмѣних, в разум моем едва положил, тѣм же совершенно; ибо псом повелѣно есть лаяти на Господа, коих обыкоша в желѣзах водити, пишешь, что я с нѣкоторым королем пріях совѣт, воистинно небесным царем, на него же положих всю мою надежду, совершенную твою погибель, глупче, страж будто гроба Христова моего пишешься, вменяяся, обаче да не хвалишися тѣм, гоняяся, вѣм добрѣ, псом ввѣряется, да стрегут дворы царевы и дверей государей, они же мечут им по участицѣ хлѣба губам, того ради и мы тебя имѣем, пребываеши даже до нынѣшняго времени в стражбѣ, понеже гордостію написался, и нарицаеши царя и Господа нашего, также де отвѣт творим, яко же в крайном времени познаеши силу распятаго Христа моего, яко безумен не престаеши хулити, и наше благоволеніе узриши, яко во искренних имене твоего от лица земли не будет, и то сотворю до конца вѣка, грады твоя возмутся, и государства от нас и престол твой презрѣн, и в нашем порабощеніи и под властію нашею будут, всѣх паче уставихом Богохульная твоя капища в конец разорити, и в стоялища обратить, а церкви наши воздвигнем, и будет по всей вселеннѣй радость и веселіе всѣм, имя Христово исповѣдающим, тамо жь горе и плач сѣмо и овамо пріидет, лживые же твоя жрецы сотворю, да везут воду, и землю от востока даже до запада погоню всѣми моими

Махметы, егда крови излію, никоея помощи не дам во вся дни, преизрядно к тому сотворил бы, аще бы Святым крещеніем омылся, и аще бы от слѣпоты все поганскія, чѣм одержимы есте, освободились, да унѣе разрѣшеніе епитиміею осуждени будете, а вѣчно не осудитеся, сих же довольно, о них же разсудити можеши наше сердце, и виждь, яко ничто же ниже в мысли нашей имѣем тайно.

Из под Азова из Каланчей писано іюня во 2 день, почта пришла іюня 14 числа в 14 часу дня.

Маія в 3 день, до пришествія великого государя в Черкаск войсковой атаман Фрол Минаев и войско Донское для промыслу над непріятели турскими людьми на Азовское море судми посылали донских козаков 250 человѣк, а с ними атамана Леонтья Поздѣева.

А великій государь в Черкаской пришел маія 9 число, и маія в 10 день с моря Леонтій Поздѣев с козаками пришли в Черкаской объявить ему, великому государю, что они были на морѣ для промыслу над турскими людьми, и сперва осматривая, и подстерегли тѣх их непріятельских людей, стояли на взморьѣ два дни, и в третій день увидыли на морѣ тифских бѣлозерских два коробля, которые шли к Азову, он, Леонтій, с козаками, приплыв к тѣм кораблям, били на них боем, и обступя тѣ корабли в мѣлких судах, бросали на тѣ корабли ручныя гранаты, и стрѣляли из мѣлкаго ружья, а иные донскіе козак и в то жь время тѣ корабли с низу от воды рубили топорами, как бы в них войти, потому что тѣ корабли от воды высоки, и взойти на них отнюдь вскорѣ было не возможно для того, что сперва с тѣх кораблей по них били из пушек, и как подступили они к самым кораблям, из тѣх кораблей бросали в них каменьем, и от кораблей их отбили, и козаки видя, что тѣх кораблей им не взять, отступили, и помысля, пошли прочь, и в то время с кораблей стрѣляли по них, козаках, из пушек дробью, человѣка с 4 ранили, и из тѣх один умре, а отступя от тѣх кораблей, пришли в Черкаской о том объявить, а тѣ корабли в том мѣстѣ на морѣ остались, и по той вѣдомости великій государь своим караваном на фуркатах из Черкаскаго пошел к каланчам, а за ним великим государем войсковой атаман Фрол Минаев, да с ним донских козаков осм сот человѣк судами пришли; того жь числа маія во 12 день из Сергіева изволил великій государь итти на фуркатах в первое морское устье Кутюрминское, а пришед того жь числа изволил итти для досмотру иных устьев морских, и сѣде в козачье легкое судно, а донскіе козаки всѣ пошли с великим государем в своих козачьих судах, и как были на Каярском острову, увидѣли на морѣ больше 9 кораблей, кромѣ мѣлких галер, которые к Азову шли с ратными людьми и со всякими воинскими припасы с бомбы и с пушечною пороховою казною, гдѣ были и станки большіе пушечные.

И маія в 13 день турскіе люди из тѣх кораблей в большія ж в 24 судна, именуемыя тумбасы, нагрузя пороховою казною, бомбы ручныя и гранаты и пушечные станки, фитили и всякіе припасы, отпустили к Азову донским устьем [...] как учали приходить против Караяру, и Божіею помощію, а его великого государи храбрым мужественным повелѣніем, тѣ козаки на тѣ непріятельскія судна били боем.

И того жь числа Божіею поспѣшествующею милостію в пособіем и счастіем великаго государя на том бою 37 человѣк турков живьем взяли, а иных побили до смерти, и в водѣ потопили, и из тѣх судов, именуемых тунбасов, 9 суден взяли, и выбрав пожитки, на морѣ сожгли, и два судна, одно тунбас с пороховою многою

казною, и с гранаты, и с оружіем, и с иными припасы в том суднѣ в шкалу привезли, а себѣ в том погромѣ многую добычу получили, и тѣх судов всѣх на морѣ сожено и взято 11 судов, а людского урону из наших ничего нѣт, и видя турки такое многое жестокое наступленіе, на иных судах побѣжали в море, в свой край, а они, донскіе козаки, того жь числа гнались за тѣми кораблями, ходили в слѣд, и отбили у них два большіе жь коробля, из них один сожгли, а другой прорубя, в морѣ потопили для того, что их к устью привесть было не возможно; такова та побѣда на врагов была велика и прибыльна, что козаки той прибыли в том походѣ не могли раздуванить, и по указу великого государя отпущены были в Черкаской, и тое прибыль сукна и серебреныя вещи и всякіе припасы дуванили по многіе дни, имѣют себѣ из того великую утѣху, такой удачи им давно не бывало.

Да и преж того на взморьѣ взято языков 7 человѣк, которые посланы были с письмами из Азова.

Большаго полку войско под Азов пришло мало не все, послѣдних де ожидаем вскорѣ.

Князь Петр Львов в Черкаском уже переправившись чрез Дон, идет к Азову.

Малый Гордон сего числа пришел под Азов, гетманским надѣемся вскоре быть, про калмыков вѣдомости нѣт.

А взято нѣсколько мозжер, к ним больших 3 тыс. бомб, 5 тыс. ручных гранат, 500 пищалей добрых, 700 копей, 86 бочек пороху, на 3 тыс. человѣк сукон, стрѣл множество.

В листу от гетмана чрез гонца к Москвѣ іюня 19 числа писано:

Турской салтан учинил нынѣ из Царяграда под турецкой городок Очаков высылку, 8 больших кораблей со всякими припасы и с ружьем для обережи того Очакова городка и для осаднаго сидѣнья, да с тѣми жь кораблями был товарной 9 корабль.

И увѣдав про то, гетман учинил против тѣх кораблей высылку, а в той высылкѣ избранных компанщиков было 2 тыс., запорожских черкас 2 жь, и того 4 тыс. человѣк, и учинили с турскими людьми бой великой.

И милостію Всемогущаго в Троицѣ славимаго Бога, и счастіем великаго государя компанщики и запорожцы тѣ всѣ запасы и товарной корабль со всѣм взяли, и многих турков побили, а иных потопили, и живьем взяли, и в Очаков никого не пропустили.

Из под Азова писано іюня 13 числа, а к Москвѣ іюня 24 числа пришло:

Милостію Божіею у нас в добром здравіи и во благоповеденіи, войско великороссійское все под Азовом на указных мѣстах стояло.

Гетманское войско сего числа под Азов придет, город осажен накрѣпко, въѣзу и выѣзду из него никакими мѣрами быти не возможно.

Море и Дон московскими морскими судами заперто ниже Азова, на Дону рѣкѣ сдѣлан вновь земляной город, и осажен людьми и пушками накрѣпко.

Над непріятели поиск чинится за помощію Божіею изрядно, на морѣ корабли и иныя суды непріятельскіе разбиты, о чем вам наперед сего вѣдомо.

А іюня в 10 числѣ приходил к Азову нурадын салтан да кафинской Муртаза паша с своим обозом, и у московской конницы бой с ними был довольной, на непріятельских хребтах ѣхали верст с 10 до самой рѣчки Кагалинки, рубили довольно, на силу нурадын и паша ушли.

Конечно б нурадын взят был, естьли б не замѣнил его собою нижеписанной мурза, языков побрали, бека мурзу нурадынова Омелдеша, то есть кормилицына сына и иных татар, коней и ружья довольно побрано. Из московских войск истинно ни единаго человѣка не убито, и в полон не взято, а которые и ранены, и то легко.

Войско управлял и за непріятели гнал сам боярин и воевода Большаго полку Алексѣй Семенович Шеин.

Конница московская непріятелем себя оказала с охотою изрядною, дай Господи Боже, чтоб и впредь таковы жь были.

Из под Азова іюля 4, а к Москвѣ іюля 16 пишут:

Стоим на широком полѣ, а посреди нас город, по самой городовой вал около города облегли, из города нельзя им, врагом, никому показать своей главы, сидят всѣ вкопаны в земляныя норы.

И из земли и из норы никто из них не выходит на волю, сидят враги нужно.

Слышим по ночам, как волки взвывают, и слышно от них, что их малое число.

И в город к ним пускают огненныя гранаты и из пушек непрестанно большія ядра.

Все у них сжет, и по многое время горит, и из пушек ломает, а они, враги, в то время в норы свои в землю убѣгают, землею себя от страха закрывают, многих в то время, когда они из нор выползают, гранатами и пушками побивают.

А в городѣ раненые и больные многіе лежат, и от гранатов горят, и от того в городѣ у них великой смрад, а в полѣ зѣло много травы зеленой, и цвѣт есть червонной.

По тому полю утаясь, что попозущая змѣя, под большою травою приползают мужики злодѣи, собрався тайно стороною, и учиня себя человѣк за человѣком в двѣ и три веревки, и протянувся по полю змѣи веревками, напускали на роты, а роты ополчились против врагов крѣпко, и они, враги, от страха роты змѣиной свой напуск изменили, побѣжали вспять, ратные наши люди слѣд их врагов прогоняли, и многих копіи кололи и порубили, и многим головы отсѣкали и привозили и живых брали, а достальных их врагов многіе версты прогоняли, и они, враги, за переправу за рѣку вспять убѣжали, и такую ревность и храбрость свою ратные наши люди показали, иные ратные не слыша у себя рук, их врагов рубили и копіи кололи, а ратных людей Господь Бог милостію своею сохраняет.

Почта из под Азова іюля 16 числа объявлает:

Азов кругом валом обвален, и ров у них засыпали, в готовности 3 подкопа, и чаем милости Божіи, в скорых числѣх врагов Креста Святаго прекратить, и под нозѣ монаршескія гнѣздо их покоренить, конница жь их яко псы лают и ѣздят около табаров наших; іюня в 26 день был бой с перваго числа даже до 8, жестокіе от них напуски были силами, что никогда такова бою с татары не бывало, и Божіим милосердіем наши крѣпко и бодро стояли, многих от полков их татар побили, и знатных мурз в полон взяли четыре человѣка и знатных татар много, а против напусков наших ни мало не уступили, быв яко волки, на утек пошли, а наши войски довольно их в слѣд гнали, от нашего полку добрых и удалых голов за церковь Божію и за православную христіанскую вѣру от меча их падоша, в первых: Сила Васильевичь Лихарев, Семен Михайловичь Кабанов, Богдан Матвѣевичь Кузмин Короваев, Кирило Гордѣевичь Греков, Иван Дурной, Карп Мятлев, Андрей Волженской и с отцем своим, Иван Васильевичь Кохановской, Василій Матвѣевичь

Лодыженской, князь Никита Ухтомской, Вилот Палицын, Павел Иванович Корышевской, Семен Тюхменев, Григорій Щербачев, Лев Давыдов, Осип Зыбин, Кирило Пургачов. Пропали без вѣсти: Алексѣй Лихарев, Өедор Хрущов, Дмитрій Воейков. Ранены: князь Петр Гагаринов, Иван Тихменев, Алексѣй Ознобишев, Семен Карпов, Өедор Дурной, Петр Сомов, Аөанасій Тихменев, Богдан Черной, Козма Остафьев, Максим Аничков, Юрья Лодыженской, Андрей Аничков, Аөанасій Чевкин. Козаки яицкіе и саратовцы 500 человѣк пришли іюня в 30 день, люди весьма добрые и оружейные и конные, много нашим ратным людем помочи подали; іюня в 1 и во 2 день были бои с ними жь, татары, премножество их, злодѣев, побили, и лучшаго мурзу убили, у котораго Василей Воейков сидит, и голову его злодѣйскую в обоз привезли, панцырь преузорочной с него взяли и саадак оправной и саблю, великой наѣдник был, а убил его козак яицкой из пищали в самую голову: іюня в 3 день вышли от них наши 3 выходцы, один солдат, другой Сухарева полку стрелец, третій Сонцова человѣк, а сказывают, как пріѣхали они проклятые с бою, великими голосы кричали, и от того воплю стада их конскія многія разбѣжались, для того премного привезли побитых и раненых, а тѣ наши выходцы побрали у них кони, пріѣхали под Азов, говорят, что де не устоит, и Кубес с калмыки нашими разговаривал, чей будет Азов? Того жь дня из Азова пришли два турченина, говорят, что в Азовѣ от пушек и от бомб наших велѣми трудно, также и хлѣба малое самое число, а которой и был, и то из бомб наших все и с землею смешено, боеваго люду с 2000, раненых сто, больных много, раненых премножество, и из-за рѣки Дону из пушек и из мозжеров безпрестанно побивают и много ранят, и никоторыми мѣры, ни днем ни ночью по валу и к рѣкѣ Дону приходу не стало, а мѣж себя пря идет, одни хотят сдать, а другіе хотят там помереть, а все держит нѣмчин да охреяны наши.

Сказаніе о взятіи города Азова, написано сице чрез почту, лѣта 7204 году

По отпуску почты іюля в 7 день во весь день было тихо, молчали всѣ, ждали ежечастно подкопу и приступу, и за два часа донскіе козаки десять знамен с тысячу пять сот человѣк взошли на Азовской земляной вал, а турков, которые на валу стояли, отбив из мушкетов, тѣсня и в город гоня, к ним же в помощ донских козаков небольшое число с атаманом подошло, изжили турков в земляной вал, и отбили у них с той стороны валовую стѣну, а отбив вал, подались было за ними и в город шествовать; но видя, егда ни с которой стороны помощи нѣт, выдали одних, понудились козаки назад на турской вал, гдѣ взяли 6 пушек больших, прикованых на чепях и утверженных сваями глубоко в землю, так едва возмогли воротами тѣ пушки вытащить, сѣли козаки на валу обозом, и с час погодив, еще турки с великим напуском на них прилѣзли, гдѣ козаков нѣсколько, а многіе поранены, не могли турки сбить их с валу, сходили на вал свѣжіе люди, и крѣпясь козаки, погнались за турками в земляной вал к каменному городу, гдѣ была немалая битва, стреляли уже турки по козакам из каменнаго города и с стѣн из пушек ефимками и золотыми, а из фузей сѣчеными ефимками, которые козаки для запаски к шатру приносили, и о всем о том извѣстно, истинная быль, темная ночь разорвала собою, сѣли козаки по прежнему на валу, помочи им козакам к тому удобному дѣлу, приступу, сказывают, как слухздѣ носится, не было для того из большаго обозу, что они, козаки, пошли на вал своевольно без указу, не согласясь с московскими войски, а иные поговаривают, что в московском войскѣ люди к приступу были не

готовы, а черкасы с себя пѣню сваливают, не могли де мы дождаться от шатра указу, когда нам итти к приступу, а гуляем де с лишком двѣ недѣли даром, и многіе де из них гладом тают, истинно де многіе милостыни просили, для того, не дождався указу, и пошли на приступ собою.

Прислали черкасы ко многочестнѣйшему командору Сеунча ясаула, что валовую Азовскую стѣну взяли, и на ней зѣло похвалены, и ясаул подчиван.

Іюля в 18 день готовились всѣми войски к приступу, и становили подкопы жестоки, черкасы из утра порывались на турков к бою, видя их с валу в ямах сидящих, и около Бѣлаго города, яко нетопырей парящих, но указ имѣли, дабы дождався, со всѣми войски начинать сего дня битвы.

В шестом часу дня вышед из Азова стар турчанин, махая шапкою, чтоб не убили, тогда взяли его в шатер, спрашивая, за чѣм ходит, и тот турчанин сказал:

Хотят де азовцы сдаться, для того и прислали его, и подал наше письмо, которое к ним в Петров день о сдачѣ было прислано, а сказал, тому де письму азовцы не вѣрят для того, что печати у того письма нѣту боярской, а чтоб прислать письмо с печатью, тогда азовцы сдадутся; отпущен турчанин назад, и сказано ему, что письмо о сдаче прислано будет.

И того жь числа послали новое письмо с печатью, и приняв турки письмо, думали меж собою с час, потом выѣхав из Азова сам бей, пріѣхал к боярину к шатру, объявляя, что город сдают, и только б де со всѣм животом выпустить вон, и бею сказано, что по их упрошенію вон выпустят, только б они отдали измѣнника Якушка; отговаривался бей, что отдать не возможно для того, что обусурманен, а наши стали упорно, естьли его не отдадут, то город приступом возмут, а их порубят; много было споров, а по спорѣ вывели его, Якушку, связаны руки и ноги, и отдали в шатрѣ, гдѣ кричал Якушка, отсѣките мнѣ голову, а к Москвѣ не давайте.

Взяли Якушку и заковали, сидит нынѣ у каланчей, а везть его к Москвѣ, как и Стенька Разина.

Потом согласились с беем выпустить из города всѣх турков, и допровадить их в целости на море до каравана турскаго, стоящаго в своих судах, а бей обѣщал город сдать с пороховою казною и со всѣми пушками, и руской полон, что нынѣ есть у азовцов, весь отпустить на волю, и полоняников, во время войны которые на боях взяты, свободить же, также и охреянов нѣсколько оставить; добр день и разлучися благая.

А бей ночевал в шатрѣ для того, что аманатов не дал.

Во всю ночь на 19 число іюня мѣсяца в Азовѣ руских полоняников и невольников человѣк с 20 нехристіански умучили, не хотя отпустить на волю, и мучив засыпали живьем в землю, и едва наши обладали городом, и драли с мертвых тусафаны, нашли между мертвых турков руских 6 человѣк невольников, едва живых дышуще, которые от своей братіи падоша, но уже живых не застали.

В Азов воеводы начальные боярин князь Михайло Никитич Львов, да князь Михайло Ивановичь Лыков, Василій Алексѣевичь Соковнин, дьяки, Михайло Щербаков, Иван Бунков поход взяли отсель августа 1 число.

В 19 числѣ в вышеписанный день для пріятія города множество собрались, и дали всѣ город со всею казнoю, с пушками и с порохом, а принял город и ключи и казну описывал боярин князь Михайло Никитичь Львов, а турков выпущено по щету с 3 тысячи человѣк, 24 будары, и провожены до каравана в цѣлости, а сам

бей провожен через обоз к нурадыну салтану для обереженія, чтоб оберег вышедших турков от разбойников; много покинули турки в Азовѣ всяких хлѣбных запасов и всякаго борошна, которой запас и борошно отдан черкасам одним для того, что их черкаским началом принужден город к сдачѣ.

А бей и начальные турки сказывали, сей де город Азов сдали они для того, что у них начальные люди чуть не всѣ побиты, и они почали быть всѣ вольны, мало их почали слушаться, да и межь ими де беем с янычерским головою почала быть ссора, и они де согласясь, принудили к сдачѣ, а к тому де устрашили их черкасы зѣло нагло, на вал к ним взошли, не боясь их многой стрельбы, а хотя де ему, бею, и иным начальным людем за сдачу города и казненым быть от салтана, и им в приступѣ было убитым быть же, а восьли бо де их салтан и не казнит потому, что они сдачею города не виноваты, а виноват де Анаталек паша Кангалой, которой к ним послан на помощь с самой весны в мартѣ мѣсяцѣ, а за своими роскошами к ним на помощь не поспѣшил и опоздал, и их во всей осадѣ выдал, разсудит о том салтан всею правдою; в Азов по переписке в трех погребах пороху 270 бочек, только смок и сыр, да по городу 60 пушек полковых и стѣноломных, да 32 дробовых, да в казенных анбарах 170 пищалей, 30 пансырей, да ядер нѣсколько навалено в углу.

Город весь изрыт бомбами и избит из пушек, и основаніем город не малой и знатной по всему, что живали в нем многіе и богатые люди, и тако сей день город совсѣм принят и умножен ратными людьми, и было торжество и пированіе, а наипаче из пушек стрѣлянье многое, и галеры, которые стояли на морѣ, со всѣми солдаты проводя азовцов к турскому каравану, пріѣхали всѣ под самой Азов, и стоят нынѣ на рѣкѣ Дону под Азовом, а на взморьѣ только осталось в дву городках ратных людей с 500 человѣк, тѣм де там для обереженія стоять до весны.

Невольников руских людей азовцы оставили 29 человѣк мужеска и женска полу, да 20 человѣк полоняников нынешних, взятых на боях, да 6 человѣк охреянов, а иных охреянов обусурманенных поступили к турком, а взяли из них славных воров и заводчиков, которых узнал Флор Минаев, и тѣ охреяны посажены на каланчах, а казнь им будет в Черкаском.

И нынѣ почали город починивать, вновь дѣлать рвы, копать и валы ровнять, всѣми силами труждаются всѣ войска.

Были салтана турского в Азовѣ воеводы: 1 бей Шабан бей сын Алегах, 2 Хасекиса Лан Ахмет ага, комнатной салтанской над Салаками, начальник Асалаки, у салтана само ближній оберегательной полк, 3 капычи паши, маршалок салтанской, 4 Самсоней паша, 5 Чаюш паша, над дворянами голова, 6 кафинскій Кады Ефенди, судія городовой кафинской, тѣ всѣ воеводы с ратными тремя тысящи бешлен и янычан с знамены и с оружіем пришли с войски к шатру к боярину и воеводѣ Алексею Семеновичу Шеину, и знамена и оружіе под ноги коня его боярскаго положили, и у кафтана его боярскаго полу цѣловали, и говорили боярину и воеводѣ, начальный турскій воевода начал рѣчь сими словесы: благодари де Господа Бога, что великій государь ваш и ты, его боярин и воевода, в правдѣ своей устоял, пожаловал де ты нам изволил даровать вмѣсто смерти живот, и совершеніе в нашем дѣлѣ учинил ты, боярин и воевода, все по Бозѣ, как Богу годно, учинил де ты великую себѣ славу, воистинно слово твое праведное, а за твою де правду и впредь, куда ты ни пойдеш, великій Бог пути твоя и всѣ

дѣла твои милостиво совершит и исправит, и изговоря сію рѣчь, отдал городовые ключи.

Чрез почту из-под Азова іюля в 20 день, а к Москвѣ іюля жь в 31 день пишут:

В нынѣшнем в 204 году на службѣ великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, Азовом Большаго полку боярина Алексѣя Семеновича Шеина ратные люди на боях в шанцах іюля с 7 числа іюля по 19 число побито и ранено и от ран и от болезней померло и в полон взято, московских чинов побито: стольников 5, стряпчих 2, дворян 1, жилец 1, и того 9 человѣк; от ран померло: 4 стольников, стряпчей 1, из дворян 1, жильцов 3, и того 10; в полон взято: стольников 4, стряпчей 1, жильцов 3, всего побито и от ран померло 27 человѣк.

Пѣхотных полков, Гордонова полку:

Побито и от ран померло 1 человѣк, полковник 1, капитан-порутчик 1, 45 солдат, 45 стрѣльцов.

От болей померло 2, капитан 1, 2 порутчиков, 106 солдат, 24 стрѣльцов.

Раненых капитанов 3, 1 прапорщик, 86 солдат, 135 стрѣльцов.

Генерала жь Головина полку солдатских полков побито 29, раненых 139, от ран померло 10, от болей померло 82, в полон взято 14; стрѣлецких полков побито 19, ранено 40, от ран померло 12, от болей померло 22, в полон взят 1.

Генерала Регинова ранено 228, побито 67.

Всего выписанных трех полков начальных людей и солдат и стрѣльцов побито и ранено и от болей померло и в полон взято 1175 человѣк, в том числѣ побито и от ран померло 197, ранено 632, от ран померло 22, от болѣзней померло 303, в полон взято 21.

Людей боярских побито 5, от ран померло 2, в полон взято 10.

Войска Запорожскаго козаков по росписям черниговской ранено 25, побити 26, в полон взято 4.

Гадицкаго ранено 99, побито 24.

Лубенскаго ранено 36, побито 46.

Прилуцкаго ранено 73, побито 84, умерло 2.

Охотнаго коннаго полку побито 4, ранено 8, в полон взято 15.

Охотнаго жь пѣхотнаго полку побито 4, ранено 35.

Всего во всѣх полках 1705 человѣк, в том числѣ побито и от ран померло 400, ранено 908, от ран померло 35, от болѣзней померло 303, в полон взято 58.

И всего побито и ранено и в полон взято 2608 человѣк.

Перевод с татарскаго письма, чрез почту полученнаго

Безчастный Нагай под властію своею имѣющему Аюкѣ хану от дальнаго разстоянія ближнему любовію пріятельскою поклоняюся и много поздравляю, и послѣ поздравленія вѣдомо тебѣ чиню, которой посланник твой с письмом и с любезными твоими словами пріѣхал, и мы слово твое по чину воспріяли, и буде Четгана ханова войска придут в наши страны, и ты, Аюка хан, чрез дву человѣк, и при том дву конных наскоро вѣдомость бы чинил, потому что Аюка хан твой юрт с нами за едино, а которой по прошению твоему Хусеин пожалован был в беи, и нынѣ я меньшой его брат беем учинен, и которой на нас с 4 сторон наступаючи, про войско вѣдомо учинил, потому что Хусеин бей как пожалован

в беи, также и я пожалован, а как к брату своему крымскому хану вѣдомости писать с посланным будешь, також де и ко мнѣ милосердствуй, ведомость чини, а буде Аюка хан изволишь в сей нашей странѣ вѣдать, калга салтан со сто десятью тысячами войска людьми пошли в черкаскiе городы на козаков, и черкасы от Москвы приклонились к крымскому, та к нам вѣдомость учинилась, вѣдомость нам учинил руской человѣк полоняник, котораго взял в полон Каплан Гирей салтан с войском, такожде, Аюка хан, твоему здоровью вѣдомость чиню, котораго турскаго салтана юрт наш был не укрѣплен, и нынѣ укрѣпляю, и которыя от салтана посланныя войска перво пришло перед твоим посланником 8 тысячь, и он видѣл, и послѣ сего мѣсяца четыре ста войска пѣхоты с каторгою, в которых числѣх о прiѣздѣ их вѣдомости ожидаем, и ты подлинно вѣдал, и брат твой крымской хан с воинскими людьми нѣсколько конницею сам ли будет, или найбольшим калгу салтана пришлет, из них кто один будет, Аюка хан не только нам тебѣ животов своих пожалѣть, и голов своих не пожалѣть, я о твоем здравiи всегда Бога молил, только нашим юртам в таком разоренiи будучи, и от пожару добрыя посылки тѣ не сыскались, и дал Бог тебѣ бѣлое лицо, Аюка хан, изволишь к нам вѣдомость прислать, и тыбѣ прислал Зендана да Далая, такожде вѣдомо чиню, что Чачага 13 лошадей сыскав, к нам прислал [47].

№ 48

1696, березень 31 – квітня 1
Відписка Олексія Шеїна про початок походу російської армії до Азовської фортеці

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичи, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой Алешка Шеин челом бьет.

В нынешнем 204-м году по твоему, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей, великого государя, службе з Большим полком с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми в низовом походе для промыслу над турецким городом Озовом. И по твоему, великого государя, указу на тое твою, великого государя, службу пошол я, холоп твой, с Москвы марта 15 числе и пришол на Воронеж марта в 31 день, а с Воронежа собрався я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми пойду не мешкая.

А сию отписку послал я, холоп твой, чрез почту и велел подать в розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи.

На документе пометы: 204-го апреля в 4 день чрез почту. Записать в книгу и взять к отпуску [48].

---

[47] Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым. – М.: Типография компании типографической, 1791. – Часть XVI. – С. 251–282.

[48] Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. – 1959. – № 2. – С. 158–159 (Государственный архив Воронежской области. – Ф. Разрядный приказ, 1696 г., д. 1, л. 15. – Подлинник).

№ 49

1696, травня 19–24
Відписка Олексія Шеїна про прихід російської армії в Черкаськ

[Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великая и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой, Алешка Шеин, челом] бьет.

По твоему, великого государя, указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей, великого государя, службе з Большим полком с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми в низовом походе под Азовом для промыслу над тем городом Азовом и над неприятельскими людьми. И по тому твоему, великого государя, указу я, холоп твой, на тое твою, великого государя, службу з большим полком с твоими, великого государя, ратными людьми с Воронежа пошол апреля в 26 день плавною, а на Дон в Черкаской пришел майя в 19 день нынешняго 204 году, а из Черкаского, собрався я, холоп твой, со всеми твоими, великого государя, конными и пешими ратными людьми и, ополчася воинским ополчением, под Азов пойду без мотчания.

И прося у господа Бога милости и у пресвятыя богородицы, и у всех святых помощи и заступления, над турецким городом Азовом и над неприятельскими людьми промысл и поиск чинить стану, сколько той ж милосердый господь Бог помощи подаст.

А что у меня, холопа твоего, в походе под Азовом учнет чинитца, о том к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, я, холоп твой, писать стану.

А сию отписку послал я, холоп твой, через установленную почту и велел подать в розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го майя в 31 день чрез почту [49].

№ 50

1696, липня 15
Відписка Олексія Шеїна про облогу російською армією Азовської фортеці та бойові дії проти кінних загонів кримських, кубанських та ногайських татар

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой, Алешка Шеин, челом бьет.

В нынешнем 204-м году по твоему, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей, великого государя, службе в низовом Озовском походе з Большим полком с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми для промыслу и поиску над турецким городом Азовом морским и сухим пути.

---

[49] Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. – 1959. – № 2. – С. 159 (Государственный архив Воронежской области. – Ф. Разрядный приказ, 1696 г., д. 1, лл. 3–4. – Подлинник).

И по тому твоему, великого государя, указу я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными с конными и пешими людьми пришел к Азову июня в 7-м числе и стал, устроясь обозом, воинским ополчением от Азова в ближних местех.

И за Божиею поспешествующею помощию с того числа над тем городом Азовом промысл и поиск чинитца со всяким желательным радетельством. Немедленно тот город Азов осажден накрепко, въезду и выезду в него и из него нет, сухие и воденые пути, море и устьи донские все заперты московского морского корована судами, а на них многочисленными твоими, великого государя, ратными людьми и пушками те неприятельские пути отняты.

А июня з 10-го числа и сего июля месяца в розных числех приходили к абозу полку моево, холопа твоево, крымской нурадын-салтан, да кафинский Муртаза-паша и Кубек-ага кубанской з двемя ханскими сынами и с ыными со многими мурзами с крымскими татары и с кубанскими нагайцы многолюдством на оборону Азова большого полку моево, холопа твоево, на самые обозы.

И я, холоп твой, прося у господа Бога милости и у пречистые Богородицы, и у всех святых помощи и заступления, с твоими, великого государя, ратными людьми великоросийскими и малоросийскими войски из обозу своево против их выходили, и с теми неприятельскими людьми были бои довольные.

И милостию, государь, Божиею и предстательством заступницы рода християнского пречистые Богородицы, и всех святых помощию и заступлением, а твоими, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, праведными молитвами и счастьем на тех боях многих неприятельских людей побили и в полон языков поймали, и гнали тех неприятельских людей не по одно время от обозу до речки Кагальника, на которых боях взят знатной бек мурза нурадынов Амелдеш и Аталык. И те взятые языки в распросех сказали, что на тех боях знатные мурзы и татаровя, и нагайцы побиты многие, и сам нурадын ранен тяжелою раною. Да на бою ж убит кубанской первой Дулак-мурза и голова ему отсечена, и привезена в обоз, и неприятельские люди той головы по многие дни просили на окуп.

И я, холоп твой, за такую победу воздал благодарение Господу Богу. Да за помощию того ж всесильнаго в троице славимаго Бога полку моево твоими, великого государя, великоросийскими и малоросийскими конными и пешими ратными людьми над городом Азовам чиним ко взятию того Азова воинской промысл днем и ночью непрестанно.

И для крепкого приступу и охранение в том приступе твоих, великого государя, великоросийских и малоросийских конных и пеших ратных людей к городу Азову от шанец учали вал валить земляной. И тем валом и шанцами подошли близь азовских городовых стен к самому рву и ис пушек своих у азовцев роскаты их розбили и пушечную стрельбу у них отбили.

А впредь что у меня, холопа твоего, воинских промыслех над Азовом и над неприятельскими людьми в поисках учнет чинитца, о том к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, я, холоп твой, писать стану. А сию отписку послал я, холоп твой, чрез почту июля в 15 день и велел подать в розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе пометы: 204-го июля 26 день чрез почту. Взять к отпуску и записать в книгу [50].

[50] Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. – 1959. – № 2. – С. 159–161 (Государственный архив Воронежской области. – Ф. Разрядный приказ, д. 1, л. 8–10. – Подлинник).

№ 51

1696, липня 19
Відписка Олексія Шеїна про взяття Азовської фортеці

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой, Алешка Шеин, челом бьет.

В нынешнем 204-м году июля в 15 числе писал к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, я, холоп твой, о приходе своем на твою, великого государя, службу с твоими, великого государя, ратными конными и пешими людьми под Азов и о боях с крымским нурадыном-салтаном, и с Муртазою-пашою кафинским, и с Кубеком-агою кубанским, и с крымскими татары, и с кубанскими нагайцы, и о победе над ними, и что за Божиею помощию полку своево твоими, великого государя, великороссийскими и малоросийскими конными и пешими ратными людьми над городом Азовом чиним ко взятию того Азова воинской промысл днем и ночью непрестанно, и для крепкого приступу и охранение в том приступе твоих, великого государя, ратных людей к городу Азову от шанец учали валить вал земляной и тем валом и шанцами подошли близь азовских городовых стен к самому рву.

А после того тот вал к азовским городовым стенам привалил и ров засыпали. И июля ж, государь, в 19 день милостию всесильнаго в троице славимаго Бога и предстательством пречистые Богородицы, рода християнского помощницы, и всех святых помощию и заступлением, и твоими, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, праведными молитвами и счастием я, холоп твой, полку моево твоими, великого государя, великоросийских и малоросийских войск ратными людьми усердным радетельством и воинским крепким промыслом, и храбростию турской город Азов со всеми в нем осадными сидельцы и с пушками, и со всякими воинскими полковыми и осадными припасы, и с хлебными запасы взяли.

А каким способным промыслом тот город Азов взяли, о том к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, я, холоп твой, писать стану впредь.

А сию отписку послал я, холоп твой, чрез почту июля в 19 день и велел подать в розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го июля в 31 день чрез почту [51].

---

[51] Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. – 1959. – № 2. – С. 161 (Государственный архив Воронежской области. – Ф. Разрядный приказ, д. 1, лл. 5–7. – Подлинник).

№ 52

1696, не пізніше серпня 5
Відписка Олексія Шеїна про військові дії в останні дні облоги Азовської фортеці і капітуляцію турецького гарнізону

Великому государю царю великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой, Алешка Шеин, челом бьет.

В нынешнем 204-м году июля в 19 числе писал к тебе, великому государю, я, холоп твой, о промысле и о взятии города Азова, а каким поведением тот Азов взят, о том писать стану впредь.

И сего, государь, июля месяца в 17-м числе милостию превеликого Бога нашего в троице славимаго и предстательством пресвятые Богоматере девы Марии, и молитвами всех святых, и твоими, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, праведными молитвами и счастием тех военных кровавых трудов радостное облехчение восприяли промыслом и радением моим, холопа твоего.

И Большого полку моего твоими, великого государя, великоросийскими и малоросийскими ратными людьми службою и неусыпным радением во облежении будущие около города Азова земляной вал к неприятельскому рву отвсюду равномерно привалили и из-за того валу, ров заметав и заровняв, тем ж валом через тот ров до неприятельского валу дошли и валы сообщили столь блиско, что возможно было с неприятелем и, к[роме] оружия, едиными руками терзатися, уж и земля за их вал метанием в город сыпалась.

И сего ж июля 17-го числа в пяток твои, великого государя, малоросийские войска по жребию своему в тех трудех пребываящие, при которых неотступно был муж добродетели и в воинских трудех искусны наказной гетман Яков Лизогуб, предворили неприятельской роскат подкопать. И твои, великого государя, ратные люди на турецкой вал Азова города многие взошли.

А малоросийские войска в то ж время на тот ж роскат взошли ж и с неприятели бились довольно, и многих из них побили, и тем роскатом овладели, и с того ж роскату четыре пушки взяли.

А июля ж, государь, в 18-м числе в суботу о полудни неприятели, азовские сидельцы, видя полку моево, холопа твоево, твоих, великого государя, великоросийских и малоросийских войск крепкое на град Азов наступление и промысл радетельной, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали от себя из города для договору двух человек знатных людей. И били челом тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал их, велел город Азов и невольников, которые взяты великоросийского и малоросийского народов, принять, а их бы даровать животом и отпустить их з женами, и з детьми, и с пожитки в их бусурманские краи.

А на знак уверения и твердости в правде оставили у меня, холопа твоего, в обозе дву человек аманатов и того ж числа отдали немчина Якутку, которой изменя, из войск московских ушол к ним в Азов и бусурманился прошлого году.

А в 19-м числе сего ж июля месяца в день недельный часу в другом дни я, холоп твой, с твоими, великого государя, ратными людьми к Азову городу ездил, и азовские жители бей и аги и начальные люди со всеми азовскими сидельцы из города з знамены вышли и невольников вывели, и тебе, великому государю, до били челом, и знамена на землю предо мною, холопом твоим, положили, и тот город мне, холопу твоему, отдали.

И я, холоп твой, знамена и невольников взять у них, а город описать со всеми будучими в нем припасы велел боярину князю Михаилу Никитичю Львову, а их, азовских сидельцов, против их челобитья з женами и з детьми, и с пожитки отпустить в их бусурманские краи.

А что по описи в том городе явилось пушек и пушечных и всяких полковых припасов, и о том к тебе, великому государю, я, холоп твой, послал книги за дьячьею приписью. А воеводою в Азове приказал я, холоп твой, быть до твоего, великого государя, указу стольнику князь Петру княж Григорьеву сыну Львову, а в товарищех сыну его князь Ивану, а с ним пехотных московских стрелецких и салдацких полков с стольники и полковники оставил восмь тысяч человек.

А город Азов приказал я, холоп твой, строить вновь инженером твоими, великого государя, ратными людьми. А в городе велел построить церковь во имя пресвятыя Богородицы похвалы.

И июля ж з 21-го числа тот город строить начали, и то городовое строение ныне приходит в совершение. А как то городовое строение в совершение придет, и о том к тебе, великому государю, я, холоп твой, буду писать впредь и чертеж пришлю. А построя, государь, город за Божиею помощию, с твоими, великого государя, ратными людьми пойду к тебе, великому государю, к Москве чрез Волуйскую степь со всяким опасением и осторожностью от неприятельских людей. А Войска Запорожского обоих сторон Днепра к гетману Ивану Степановичю Мазепе и Белогородского разряду к боярину и воеводе к Борису Петровичю Шереметьеву писал я, холоп твой, о замыслех бусурманских, и в которых местех их поганские войска обретаютца, чтоб ко мне, холопу твоему, в Большой полк о том писали наспех, чтоб с твоими, великого государя, ратными людьми, мне, холопу твоему, дойти было до Волуйки безо всякого опасения.

А которые, государь, неприятельские турецкие люди были на море кораблями и в поле крымские и нагайские орды конницею и те, государь, неприятельские рати все пошли в свои бусурманские краи.

А отписку и книги велел подать в розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го августа 20 день чрез почту [52].

---

[52] Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. – 1959. – № 2. – С. 161–163 (Государственный архив Воронежской области. – Ф. Разрядный приказ, д. 1, лл. 11–14. – Подлинник).

№ 53

1696, серпня 19
Відписка Олексія Шеїна про відновлення мурів Азовської фортеці та повернення російської армії в Черкаськ

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичи, всеа Великие и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой, Алешка Шеин, челом бьет.

По твоему, великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу с твоей, великого государя, службы из-под Азова к тебе, великому государю, к Москве Большого полку моево с твоими, великого государя, ратными конными и пешими людьми пошол я, холоп твой, августа 16-го дня ныняшняго 204-го году и пришол на Дон к Черкаскому августа 18-го числа. А от Черкаского за помощию всесильнаго в троице славимаго Бога пойду чрез степь на Волуйку августа ж в 20 день.

А около города Азова городовое строение роскаты и стены в отделке, а в которых местех города и зубцов в недоделке небольшое, так ж и рвов недочищено, и то все велел я, холоп твой, достроить окольничему и воеводе князю Петру Григорьевичю Львову с товарищи.

А как тот город и зубцы совсем в совершение зделаны и рвы очищены будут, о том к тебе, великому государю, велел я, холоп твой, ему, окольничему и воеводе, писать и чертеж прислать.

А к боярину и воеводе к Борису Петровичю Шереметьеву писал я, холоп твой, чтоб он по твоему ж, великого государя, указу полку своего твоих, великого государя, ратных людей конных и пеших отпустил всех по домам сентября 1-е число 205-го году, а, отпустя ратных людей, шол в Белгород, а в котором числе он, боярин и воевода, в Белгород придет, о том писал к тебе, великому государю, к Москве в розряд и ко мне, холопу твоему, для ведома в Большой полк.

А сею отписку послал я, холоп твой, чрез почту и велел подать в розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу.

На документе помета: 204-го августа в 31 день чрез почту [53].

---

[53] Из истории Азовского похода 1696 г. // Исторический архив. – 1959. – № 2. – С. 163 (Государственный архив Воронежской области. – Ф. Разрядный приказ, д. 1, лл. 1–2. – Подлинник).

ПІВНІЧНА ВІЙНА
(1700 – до 1709 рр.)

№ 54

1717. – Петро Шафіров
Міркування про причини Шведської війни

РАЗСУЖДЕНИЕ,

какие законные причины его величество Петр, великий император и самодержец всероссийский и протчая и протчая и протчая, к начатию войны против короля Карола XII шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентантов во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови християнской и разорением многих земель виновен, и с которой воюющей страны та война по правилам християнских и политичных народов более ведена

Все без престрастия фундаментально из древних и новых актов и трактатов, тако ж и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истинною. Так что в потребном случае может все, а имянно: первое, оригинальными древними, меж коронами российскою и шведскою постановленными трактатами, грамотами, и канцелярийскими протоколами, тако ж многое и безпристрастными гисториями, с стороны российской доказано и любопытным представлено быть.

С соизволения его императорского величества всероссийского собрано и на свет издано в царствующем Санкт-Питербурхе, лета господня 1716 года, а напечатано 1722.

[...]

НОВЫЕ ПРИЧИНЫ НАЧАТИЮ ВОЙНЫ

Мним, что не токмо всей Европе, но и иным отдаленным народам известно, как его царское величество, ныне благополучно государствующий Петр Первый, побужден острым и от натуры просвещенным своим разумом и новожелательством видеть европейские политизованные (обученныя) государства, которых ни он, ни предки его ради необыкновения в том по прежним обычаям не видали, дабы при том, получа искусство очевидное, потом по прикладу оных, свои пространныя государства как в политических, так и в воинских и протчих поведениях учредить мог, тако ж и своим прикладом подданных своих к путешествию

в чужие краи, и восприятию добрых нравов и к обучению потребных к тому языков возбудить. И дабы свое намерение толь удобнее исполнить мог, того ради назначил великое посольство в те страны. В котором первым послом определен генерал-адмирал Франц Лефорт. Вторым – тайной советник и тогда генерал кригскомисар Феодор Головин. Третьим – думной дьяк или статской секретарь Прокофей Возницын. Котораго посольства в свите (в компании) соизволил его царское величество высокою своею особою инкогнито тот путь 1697 году, марта в 9 день, из резиденции своей прежней Москвы восприять.

Но дабы при том король шведской, яко соседственной государь, и чрез котораго владения его царскому величеству в том свите посольства путь иметь надлежало, не возъимел какого подозрения, но подлинно б о том его царского величества походе знать мог, повелел тогда на Москве от оного акредитованному (с верющею присланному) комисару Томасу Книперкрону (которой по том и резидентом королевским назначен) о том объявить, дабы он королю своему и пограничным губернаторам и комендантам про тот его поход объявил. Только с таким объявлением, что его царское величество никаких излишних и особе своей достойных церемоний, кроме безопасного и свободного под свитою того посольства проезду, не требует. И только б оному посольству почтение и прием достойной характеру их по соседственной приязни и по договору учинен был, что помянутой комисар учинить и обещал.

И его царское величество при выходе с Москвы провожал и в Новгород и во Псков к шведским агентам коммерции писал, дабы они его царскому величеству за границу последовали, и комисарам от генерала-губернатора рижского, навстречу тому посольству высланным, о особе его царского величества при том присутствующей объявили, что оные и учинили. Но хотя помянутой генерал-губернатор граф Далберк то известие и получил, однако ж не токмо какое излишнее учтивство для известного присутствия в том посольстве высокой его царского величества особы учинил, но ниже по должности трактату тех послов, по характеру их, принять и препровадить учреждение учинил. Ибо хотя обычай тако ж и некоторая должность по договорам прежним меж коронами российскою и шведскою была послов и посланников со обоих сторон чрез государствы оные, хотя к другому которому потентату посланных, со всякою честию на границе принимать и в землях своих по требованию подводами, а на реках и на морях судами, без заплаты, довольствовать, но и для учтивости всякою живностию и питием и для лошадей конскими кормами взаимно ж обсылать и по знатным городам встречами и визитами от комендантов и губернаторов чтить. Но он, генерал-губернатор, не токмо тем ничем то знатное посольство не почтил, кроме того, что на границу одного шляхтича незнатного Глазнапа выслал, и оному в пути при послах быть и токмо крепкой присмотр за оными и людьми их, а особливо за тою свитою, в которой его царское величество сам изволил меж другими кавалерами, яко волентир, быть иметь, и все их поступки и обращении обсервовать и, почитай, что за честным караулом их держать.

И когда ему о том от послов говорено, чтоб тем людем яко знатным волентиром и при посольстве едучим, такова безпокойства чинить не велел, объявляя ему не тайно, что его царского величества высокая особа междо ими обретается, то он на то ответствовал, что он должен то чинить, последуя указу губернаторскому, которой ему то указом короля своего повелел. В протчем же чрез всю Лифляндию

такое худое довольство всей свите показывали, что не токмо на одних своих лошадях ехать, но и на оные корму, и всем пищу и питья получить и за деньги едва могли, и в мизерных карчмах становиться принуждены. Ибо никакова учреждения к тому по дороге не было учинено, но все с трудностию посылая на стороны, двойною и тройною ценою покупать принуждены. И хотя сперва то простоте и грубости того от губернатора присланного комисара причитали, уповая, что по приезде в Ригу оной губернатор учтивством своим и экскузациею (извенением) то поправит, но в том мнении весьма погрешили. Ибо по приезде к Риге в приеме себе не то что какого излишняго учтивства, но ниже против посланников не получили, и встречены и комплементованы только от рижских бургомистров и мещан, а не от губернатора. И что всего страннее, и в городе им квартер иметь не позволено, но поставлены на предместие в бездельных деревянных дворах, но и о тех сказано, чтоб договаривались об оных с господарями сами. Что все было не токмо против древняго обыкновения, но и против договоров. И поставлен у тех дворов и во всем предместье сильной караул, тако ж и в городе и в цитаделе караулы салдацкия и мещанския умножены, но и по контроскарпу с наружной стороны палисад пекеты поставлены были, и учинены конныя розъезды и патроли, якобы неприятель под городом стоял.

И когда господа послы послали от себя господину губернатору о приезде своем объявить и просить, чтоб с ними было поступлено яко с приятелми, по соседственной приязни, и по древнему обыкновению и по договорам, и была бы повольность людем их безвозбранно ходить для покупок в город. Тако ж, понеже зимней путь уже тогда кончился, и вместо саней надлежало к пути удовольствоваться телегами, того б ради позволено было для управления оных людем их к мастеровым людем в город ходить и те свои нужды управлять, и ежели прилучится за поздным временем кому в городе заночевать. Но губернатор, как тому посланному, котораго насилу и к себе допустил под претекстом, будто с печали о смерти дочери своей тогда болен был, сам и чрез своего посланного по том объявить велел при студеном комплементе, что он сожалеет, что за печалью своею, от которой в болезнь впал, не может отдать господам послам визиту. Что же принадлежит о требовании их, и он даст людем их позволение в город ходить для потреб их, только понеже де сия крепость пограничная, того ради надлежит ему иметь в том по обычаю воинскому осторожность и для того не может позволить, дабы больше шести человек руских вдруг во оной шло и будет за ними для лутчей безопасности караул ходить.

Только при том престерегает, дабы людем своим накрепко заказали, чтоб крепостей городовых не осматривали и близко валу не ходили, ибо в таком случае принужден он будет то им запретить силою.

И когда послы такое от него, губернатора, странное объявление услышали, то велели ему говорить, для чего он так против всенародных прав с ними поступает, и какое может подозрение иметь от их свиты, только в немногом числе людей состоящей. И понеже он ведает, что столько знатных особ при том обретается, то как то мочно ему мыслить, дабы такое противное намерение имея, таким образом оныя ехать себя отважили. Но против того во ответ от него получили, что он многие причтины имеет иметь на них подозрение и будто получил и престороги, что для некакого тайного намерения они под образом посольства пришли. И потом такое учреждение учинил, что никто из посольской свиты не мог в город войтить

каждой без двух салдат с мушкеты. И сверх того на мостах и у всяких ворот оныя осматриваны и более двух часов никому в городе медлить не позволено.

И когда его царское величество, для удовольствия своей куриезиты изволил с несколькими особами из своей свиты в город ходить, то хотя все его подлинно знали, но и ему такой же караул, как вышеписано, приставили и злее поступали, нежели с протчими, и меньше дали времени быть в городе. Также, когда по известной всему свету его величества охоте к морскому делу изволил оной ездить с некоторыми из своей свиты к караблям галанским, которые стояли ниже города, в намерении таком, чтоб их видеть, и нанять из оных один для путешествия своего намеренного, и пошел было тою дорогою, которая от посольских дворов лежала к морю и где весь народ ездит, а имянно от королевских ворот направо посадом, и понеже та дорога в некоторых местах лежит близ конца внешнего коптроскарпа, что по губернаторскому повелению чреззвычайныя на главном валу поставленныя пекеты (как выше объявлено) с великим криком и угрозами, а иныя и прикладываясь ружьем, возбраняли и хотели стрелять, чтоб не ездили будто близ крепостей. На что им ответствовано, что та всенародная дорога (которая и доныне в том же месте, и любопытной может сие и ныне освидетельствовать) и для чего всем вольно, а им невольно. И ежели им противно – чтоб показали другую дорогу.

И понеже другой не было, то с великою нуждою пропустили. Но и тем не удовольствуясь, прислал потом губернатор к послам говорить, и с великим сердцем жалуясь, будто те люди (объявляя о его царском величестве с его свитою) городовые крепости нарочно ездили осматривать и счерчивали, угрожая, что ежели впредь то чинить дерзнут, то, конечно, велит по них стрелять, ибо он де знает довольно, для какого умыслу то чинится. Но понеже послы ведали, что то ложь, ответствовали, чтоб тех их людей арестовали в тех местах подозрителных и дали им знать, то оне сатисфакцию им дадут. На что яко против правды губернатор не мог ответствовать, но прибавил потом в предместье у посольской и его царского величества квартер караулов, и так сурово начали поступать, что его величество по достоинству о вящших впредь злых следованиях своей особе опасатися принужден. И того ради за благо разсудил, не дожидаясь своих послов отъезду, в немногих особах как наискорее от того враждебного народу уехать. Ибо имели господа послы от некоторых доброжелателных иноземцев престороги, что губернатор, ведая подлинно о присутствии высокой персоны его царского величества, ищет притчины его под каким-нибудь претекстом заарестовать, или что и злое над его живо том учинить, и того ради заказано было никого из его царского величества свиты за реку Двину перевозить. И для того принужден его величество повелеть нанять два бота у приезжих людей, дав за один перевоз через реку по 30 червонных на всякой. И тако, переехав сквозь плавучей тогда сильной по Двине лед, изволил пойтить в Митаву и тамо ожидать послов.

Господа же послы за многолюдством своей свиты принуждены для управления экипажу своего еще несколько дней у Риги побыть и претерпеть еще многие грубости от того губернатора и граждан рижских. И понеже их людем свободной вход в город и к порту возбранен был, того ради принуждены все, яко пленныя за караулом ходя, от дискреции (или воли) салдат зависеть, и за всем потребныя вещи вдесятеро платить. И понеже тут от свиты их многих лошадей своих продавать надлежало, и тако, не имея свободы к продаже оных,

принуждены были офицерам и салдатом, почитай, за ничто оные отдавать. И ежели кому потребна была под багаж простая деревенская телега, которая двух талеров не стоила, за такую должны были по 20 и по 30 талеров платить. Сверх того при продаже и покупке тех вещей с посольских людей превеликую пошлину брали, противно договорам. И ежели кто из оных людей, хотя малое что прекословить стал, или с кем бы из жителей какую ссору получил, то тотчас оных с бесчестием и боем трактовали, и за караул против всенародных прав сажали и по несколько дней за арестом держали. И хотя о том от послов губернатору выговаривать посылано, но без всякой сатисфакции то оставлено, и вся вина посольским людем прикладывана.

И когда господа послы, убрався, поехали в путь свой, то на перевозе чрез Двину со всякого человека и лошади и телеги вчетверо больши взяли за перевоз, нежели с купцов взять надлежало, и иные многие грубости, которых бы и злейшим неприятелем в таком характере сущим, показывать не надлежало, тот губернатор показывал. Которые все описывать трудно, и не хотим оными стужения нанесть читателем, о которых всех противных поступках его царского величества послы, по приезде своем ко двору прускому объявляли и протестовали. И потом, когда приехали в Галандию, видевся в Гравенгаге с послом шведским бароном Лилиенро том, по указу его царского величества ему выговаривали и просили, дабы донес о том королевскому величеству с приложением, что его царское величество уповает, что король его тот поступок своего генерала-губернатора не апробует, но его царскому величеству довольную сатисфакцию по правосудию в том учинить изволит. Что помянутой посол не токмо на доношение принял, но и обещал, что король его по соседственной дружбе, конечно, в том его царскому величеству достаточную сатисфакцию даст. Но сие никогда не возпоследовало, но ниже какого ответу против того от королевского шведского двора учинено, но и сверх того от времени до времени всякие досады приумножены. А в бытность его величества в Англии, от двора тайная престорога была, чтобы конечно чрез свейское владение не ездил, объявляя великое персоне его опасение. И ежели землею не сыщет свободного проезду, то король обещал дать конвой до города Архангелского. Ибо когда по возвращении его царского величества в резиденцию из преждепомянутого путешествия его царского величества посол, Прокофей Возницын, которой от великого посольства отделен, и посылан был трактовать о мире с турками в Карловичи, возвращался через Ригу, то оному в Риге паки многие обиды и безчестия учинены. И как у него несколко возов багажу его, почитай, явно и насильством отнято, то помянутой же губернатор рижской никакой сатисфакции ему учинить и по прошению его о сыске онаго пограбленного никакого старания приложить не восхотел, но без всякой людкости ему в том с грубостию отказал.

И когда королевского величества шведского к его царскому величеству присланы были 1699 году чрезвычайныя послы со объявлением о возведении его на престол отеческой, и требуя, дабы его царское величество по прежним договорам и по древним обыкновениям трактат Вечного мира с его королевским величеством подтвердил обещанием и присягою над святым Евангелием, как со обоих стран чинить обыкновенно было тогда и по договорам надлежало, и оным послам как в конференциях от министров его царского величества по указу говорено, так при самом отпуске и от самого его царского величества изустно объявлено, что

его величество предков своих мирные договоры содержать изволит, ежели с стороны короля их никакой противности оным учинено не будет, и его царскому величеству персонально, тако ж и его великому посольству во учиненном от генерала-губернатора рижского графа Далберта афронте и обиде, учинена будет довольная сатисфакция, которой его царское величество от его королевскаго величества накрепко желает.

И во свидетельство, что те все жалобы на него, Далберта, по самой истинне чинятся, утверждает его царское величество своим царским словом и вручает оные помянутым послам сам на письме (и отдал им оныя писма в доме канцлера Головина) с таким объявлением, что ежели б кто от его царского величества служителей дерзнул его королевского величества особе такие досады учинить, то б конечно его царское величество такую сатисфакцию его королевскому величеству дал, какой бы он пожелать изволил. И должен бы тот преступник заплатить то животом своим. И желал при том его царское величество, дабы они, господа послы, то его требование донесли его королевскому величеству изустно. О протчем же, что надлежит до их комисии, повелел его величество им резолюцию учинить министрам своим в конференциях, которые послам по указу государя своего объявили, что его величество указал их с такою резолюциею к королю их отпустить, что он постановленной мир содержать и по содержанию прежних трактатов ратификацию свою присягою подтвердить готов, под такою кондициею, ежели ему на графа Далберта сатисфакция дана будет. А до тех мест, пока оная его величеству дана будет, того учинить не изволит.

И для того повелел их отправить, дав им ответную грамоту к королевскому величеству и копию с прежнего трактата, без обыкновенной ратификации, обнадеживая, что сколь скоро та сатисфакция дана будет, то пришлетца от его царскою величества к его королевскому величеству со обыкновенною ратификациею великое посольство. В противном же случае, ежели паче чаяния, та сатисфакция не воспоследует, то принужден его царское величество, для получения оной, иные меры восприять. И тако те послы, дав обнадеживание о той сатисфакции, с тою экспедициею к его королевскому величеству отъехали. И хотя его царское величество во ожидании той сатисфакции более года терпение имел и многократно, так чрез резидента шведского Томаса Книпера, так и чрез министров своих, при чужестранных дворех обретающихся, шведской двор о той сатисфакции напоминать повелел, представляя злыя следовании, которые в неучинении оной последовать могут. Тако ж, как у двора прускова, тако и чрез посла своего в Гаге, тогда обретающагося, Высокомочным Господам Статам Генеральным, предлагать повелел, дабы они своими добрыми факциями короля свейского склоняли к учинению его царскому величеству достойной сатисфакции, дабы он не принужден был сам оной искать.

Но все то не успело, ибо его царское величество вместо ожидаемой сатисфакции принужден видеть, что король свейской со уничтоживаньем его царского величества жалобы на того губернатора весьма противную всех чаянию резолюцию учинил. Ибо он 1700 году к резиденту своему Томасу Книперу, на Москве обретающемуся, прислал грамоту, в которой он зело в странных терминах ему повелевает объявить его царскому величеству на такое подобие, яко бы он приговор или сентенцию в судном деле меж двумя своими подданными чинил. А имянно, что по жалобам от его царского величества на генерала-губернатора рижского графа

Далберта послам его, от самого его учиненным, о которых оной чрез послов своих возвратившися с Москвы уведомился, повелел тому губернатору на письме свое оправдание принесть, которой, помешан будто будучи нападением от королевских польских войск на лифляискня крепости, того оправдания своего долгое время учинить не мог, но ныне де оное на письме учинил. Из которого он, король, разсуждает, в том весьма его, генерала-губернатора, быть не винна, и те, на него учиненныя от его царского величества жалобы и нанос без основания и неправедно учинены, и чтоб он, резидент, ту, его королевского величества, резолюцию в ответ на прежнее требование его царского величества на письме учинил. Которого указу в последование помянутой резидент подал его царскаго величества в государственную посольскую канцелярию на Москве мемориал с приобщением копии с той королевской грамоты, которую он по требованию от министров его царского величества и подлинную за подписанием королевской руки и печати объявлял.

Из чего его царское величество ясно усмотрел противность короля свейского, и что оной губернатор все то чинил по воле и указу королевскому. И понеже к тому же открылись многия свейския интриги, которыя они тогда чрез своих приятелей у Порты Оттоманской (в Турском государстве) против его царского величества чинили, и оную к начинанию войны против Российскаго империя, по окончании двулетняго в Карловичах заключенного перемирья склонить и ту негоциацию, которую его царское величество чрез посланников своих у Порты о продолжении того перемирья на дальныя лета тогда чинить велел, опровергнуть трудились. И междо иными то и чрез тогдашнего польского посла, генерала великопольского Лещинского, отца известного Станислава Лещинского, тогда у Порты обретающегося, чинили.

А меж тем, как от его королевского величества датского, так и от королевского величества польского, чрез многия присылки и министров, а именно с стороны датской чрез господина этатсрата Гейнса, а с стороны королевского величества польского, сперва чрез генерала-маеора Карловича и господина тайного воинского советника фон Паткуля, а по том чрез господина генерала-порутчика Ланга, о вступлении против короны свейской, яко общаго всех трех корон изконного неприятеля и обидителя, в наступателной и оборонителной трактат и деклярацию войны прошен со объявлением, что они уже к общей обороне и получению государствам своим безопасствия между собою союз учинили и против оной короны войну начали. И тако его царское величество, по здравом разсуждении и разположении, как древних предкам его от прежних королей свейских, так и его величеству от нынешнего короля Каролуса XII вышеобъявленных учиненных обид и афронту (безчестия) разсудил довольно законных причин имети в тот союз с вышепомянутыми их королевскими величествы вступить, и потом и войну против помянутого короля свейскаго объявить, и о том деклярацию на Москве обретающемуся свейскому резиденту Книперкрону для донесения государю своему учинить, со объявлением, чтоб он во время месяца из Москвы, а потом из Российского государства выехал и возвратился в Швецию.

Тако ж и к резиденту своему, при дворе королевском свейском обретающемуся, господину князю Хилкову, повелел его царское величество свой указ послать, дабы он ту деклярацию учинил со всеми обстоятельствы, и причины той войны начинанию объявя, потом ехал от того двора назад.

Тако ж указал его царское величество и при протчих дворех, где министры его обретались, о том же объявление учинить, а особливо в Гаге, как собранию стацкому, так и протчих областей нейтральных министрам, тамо резидуючым, с таким приложением, что его царское величество однако ж примирения с короною Свейскою не отречется, ежели оная того требовать и как его величеству, так и его высоким союзникам, в правых их претензиях удовольство дать похочет.

И тако та война с стороны его царского величества против короны Свейской начало свое восприяла. И уповаю, что всяк безпристрастной из вышеписанного довольно правость оной войны и законныя причины древния и новыя усмотря, не может инако разсудить, что его царское величество не мог оставить как для пользы и интерессу государства своего, так и для отмщения учиненных высокой персоне его обид и безчестий, на которыя никакой сатисфакции от короля свейского получить не мог, оной не объявя. И тако первой артикул о законных причинах сея войны окончав, приступаем

ДО ВТОРАГО, А ИМЯННО

что толь долговременному продолжению сея войны, и пролитию многия крове человеческия, и разорению земель весьма не его царское величество, но никто иной, кроме самого его королевского величества свейского, вина и причина есть.

Сие может толь легчае ныне доказано быть, понеже не токмо всему политическому свету, но и варварам туркам довольно известно, какое непримирительное намерение его королевское величество имеет и како все как с стороны его царского величества, так и от других областей предложенныя ему мирныя пропозиции всегда отвергал, хотя противно тому его царское величество во вся времена с начала войны от примирения с его величеством не отрицался, и готовость свою к тому чрез многия предложении являл. Однако ж, дабы всем по обещанию в начале сего трактата учиненному, довольство читателю учинить, того ради подробно о сем объявляется последующее.

Понеже яко выше объявлено, его царское величество чрез министра своего в Гаге Высокомочным Господам Статам, тако ж и других областей министрам, при декляраци войны и о склонности своей к примирению объявить повелел, и тако его королевское величество великобританское чрез грамоту свою, тако ж и Высокомочныя Господа Статы, чрез своего резидента, добрыя свои средства его величеству предложить повелели. Которыя его царское величество до начатия формальной осады Нарвы снисходительно принять и токмо декляраци от короля свейского о вышеписанной сатисфакции требовал, но по нещастливой баталии под Нарвою меж войсками царского величества и королевскими свейскими приключившейся, и по возвращении своем к Москве чрез резидента оных Господ Статов Генеральных господина Фондергульста, тако ж де и чрез своего посла в Гаге, чинить повелел. Но какую склонность к тому король свейский явил, то известно лутче Англии и Галандии, чрез которых посредства те предложении чинены, ибо его царскому величеству на то за противностью короля свейского, оныя области и никакой резолюции дать не могли.

Но однако ж сие еще не удивительно, понеже его королевское свейское величество, еще в юных летех сущи, и тою и незапною победою подвышенный, мог иметь некоторой резон к невосприятию тех предложений, ибо видел его царское величества войско в той баталии, яко новое, весьма в воинских делех неискусное, и, не чая по той победе оному вскоре в лутчее состояние притти, и пренебрегши регулу от преждебывшаго короны своей славного министра графа Оксенштерна, за благо разсудил войну с Российским империем вдаль продолжать, и оное весьма изкоренить и опровержением союзника его царского величества, его величества короля польского, к тому себе путь очистить, и тако на оного обратился.

И перешед Двину, его войска купно и с помочными его царского величества войски, почитай, без всякого сопротивления ко отступлению от того пасу чрез некоторыя интриги, которыя посол француской при дворе польском учинил, привел, которое, понеже к сему намерению не принадлежит и уже и без того известно есть, мы молчанию предаем. И тако оной, отворя себе путь в королевство польское, вознамерился внутрь оного вступить, и его величество короля польского, ближняго своего сродника, с престола низвергнуть, отвергая все к примирению предложенныя, как чрез цесарского и французского министров, так и чрез партикулярныя от его королевского величества к нему многия посылки, учиненныя ему зело полезныя пропозиции. Междо тем же, его царское величество от претерпенного под Нарвою урону наипаче побужден, видя такого непримирительного на себя неприятеля, неусыпное старание прилагал, войска свои не токмо в прежнюю силу привесть, но и обучением и добрыми офицерами тако учредить, чтоб мог неприятелю своему не токмо доброй отпор учинить, но и паки наступательно против оного войну до получения благополучного миру продолжати в состоянии быть и показать, что хотя король свейской за учиненным словесным договором и данным своим паролем большую часть его царского величества главных генералов и офицеров под Нарвою заарестовал и, яко пленных, в Стекголм отвесть повелел, однако ж и без оных может, с помощию Божиею, войну свою без препятия содержать, что в самом по том деле показалось. Ибо в начале некоторыми партиями и набегами в Лифляндию и Эстляндию неприятельския тамо стоящия войска утомлять и разорять повелел. А потом, когда господин генерал фельтмаршал граф Шереметев дважды генерала Шлипенбаха корпус тамо побил, и тако в тех землях преимущество в поле получено.

Изволил его царское величество, учиня везде в пограничных городах в фортификациях и протчих потребных порядках доброе учреждение, сам, особою своею, пришед с корпусом войска и крепкую фортецу Орешек или Нотебурх, а ныне Шлисельбург нареченную, а в другую компанию город Нишанц взял и Санкт-Питербурх неподалеку от оного, усмотря добрую к жилищу и фортеце ситуацию заложил, где свою и резиденцию изволил учинить и главной гавен не в дальнем от оного разстоянии имеет. И после того 1704 городы Дерпт и Нарву взял, и тако доброе основание на Балтийском море получил.

И хотя меж тем его царское величество не оставлял, несмотря на те свои благополучии, многократно чрез Англию, Пруссию и Голандию мирныя предложения королю свейскому, обще с его королевским величеством польским чинить, но оной ниже слышать того хотел, но час от часу выше в намерениях стал, видя прогрессы свои в Польше, и что во оной многия его партию приняли, оставя верность к законному своему королю. Так что он тамо к тому привел, что от той

партии, противно всенародных прав, без важных причин интеррегнум объявлен, и к новой элекции от тогдашняго примаса королевства кардинала Радеевского собрание назначено.

И понеже его королевское величество польской, по потерянной баталии под Пинчовым, его царского величества помощи просил, того ради изволил его царское величество оную ему послать. Но видя оной быти недовольно, и сам высокою особою своею с прибавочным войском к Вилне и Гродне пошел.

И что потом воспоследствовало и какия разныя на обе стороны прилучаи счастливыя и несчастливыя происходили, о том мы здесь, понеже к намерению нашему не служит, не хощем много распространять, но оставляем то другим гистории описателем. Но токмо то напомянем, что оной король шведской, несмотря ни на которых государей посредства, ниже на мирныя предложения с стороны его королевского величества польского, и пренебрегши все советы верных своих министров, принудил из той своей партии некоторыя малыя особы новую элекцию или избрание учинить на персону (бунтовщика) Станислава Лещинского, бывшаго воеводу познанского, при котором избрании, кроме его генералов и офицеров от войск, кроме трех или четырех человек из сенаторей польских и из его партии, за противностию не было.

И потом видя, что над его царского величества войски под Гроднею ничего приходом своим учинить не мог, обратился в Саксонию и, вошед во оную, несмотря ни на цесарския, и протчих потентатов интерпозиции (ходатайства), тяжкими контрибуциями и угрожаемым конечным разорением в крайнее изнеможение привел. Так что его королевское величество польское принужден, будучи для избавления той своей наследной земли от конечной погибели, на все от него хотя и нерезонабелныя (непристойныя) претензии позволить, и партикулярной мир с ним учинить, в котором, подкуплены и обмануты будучи, известныя полномочныя Имгоф и Фингштен и сверх воли и повеления государя своего, многия нескладныя и предосудительные кондиции внесли.

Но хотя его королевское величество польское на тот час для избавления своих земель и на все то, позволить принужден, под такою кондициею, чтоб он с войски своими из Саксонии до зимы вышел, но оной с нарушением и того своего трактата не токмо всю зиму, но и весну даже до лета тамо с войски своими простоял, и еще тяжчайшими контрибуциями, нежели до того миру были, его подданных изнурял.

И понеже его царское величество видел себя тако одного в войне с его королевским величеством оставленного (ибо его королевское величество дацкой от многих потенций купно, с королем свейским, войски и флотами к миру принужден) изволил паки предложении к миру чрез французского посла, при шведском дворе тогда обретающагося, господина Безенвала, предлагать, и нарочно одного французенина полковника Морельля, с зело склонными кондициями послать, также, как в Голандии, так и в иных местех, о том чрез министров своих трудится, хотя его величества войска тогда, при помощи Божией, и в добром состоянии уже были.

Но его величество король свейской не токмо оных предложений не хотел слушать, но и министры его с великою гордостию и ругательством на те предложении ответствовали, говоря, что их король прежде того с Россиею мира не учинит,

пока, к Москве пришед, его царское величество с престола низвергнет и его государство Всероссийское разделит на малыя княжения и воеводства. И обяжет трактатом все регулярные войска, по европейскому обычаю учрежденныя, перевесть (дабы чрез то Российское государство обнажить сил) и экзерциции, одежды и протчее от его царского величества вновь по обычаю европскому для прославления своего народа введенныя, отставить, и в старыя их обыкности купно со одеждою, бородами паки приведет. И иныя, еще и горшее того злобныя и неслыханныя свои намерения, о священной его царского величества особе разглашали и писали, которыя их король тогда исполнить хотел, чего за странностью и свирепством того дела, пером здесь не дерзаю выразить.

И в надежде непогрешимой того своего высокого предвзятия, раздавал его королевское величество уже многия государства Российского чины за услуги своим генералом, яко же тому ясной довод есть, что господин генерал Шпар, будучи в Берлине в компании многолюдной у господина подскарбия короны польской Пребендовского, хвалился и показывал, что ему того часа патент от короля его на губернаторство московское прислан, которым чином его иныя и поздравляли. Но иныя при том говорили, что еще поссессии (владение) того чина его чают не без трудности, в разсуждении, что еще дальней путь и в Польше сильное стоящее российское войско его царского величества, в том может много препятствовать.

Но он по обыкновенной свейской гордости и тогда у них во обычай было вшедшей, к поругательству ответствовал, что они рускую каналию могут не токмо оружием, но и плетми из всего света, а не то что из земли их выгонить. Которыя ругательства принужден от них его царское величество и весь российской народ не токмо на словах, но и на письме слышать и видеть, снося то все с великодушием. И только его царское величество при многих случаях в Польше и при чюжестранных министрах за жарт (потеху) изволил почасту говорить, что может Бог за ту их гордость покарать и привесть к тому, что как уже в некоторых случаях его российския войска мужество свое против свейских некоторых корпусов показали, так и против главного их войска себя покажут, что они не то что о той своей лае будут стыдится, но и весь свет их самих будет почитать за пущую каналию в свете, когда будут иногда побеждены от тех, которых они, уничтожая, каналиею называли, что потом самым делом при помощи Божией и показалось.

И понеже он, король свейской, набогатя казну свою и войска деньгами саксонскими и собрав оного войска в главном корпусе больши 50 000, кроме того, что имел в корпусе генерала Левенгаупта и генерала маеора Крассова, и все свое намерение в том положил, дабы, вшед в Польшу, его царское величество к баталии принудить.

Того ради видя, его царское величество такого сильного неприятеля и не разсудя за благо внутрь чужаго государства, которое к тому ж было тогда безглавное и на разныя партии разделенное, в баталию вступить, но разсудил за благо помалу с своим войском пред неприятелем к своим ретироватся, чиня оному в маршах на пасах супротивление и утруждая оное партиями и легких войск нападении.

И во многих местех усмотря доброй случай и знатным числом войск на неприятеля нападая, как то под Добрым и в иных местех чинилось, от чего неприятельская гордость и дерзновение час от часу умалятся стало, что продолжено до того

времяни, пока тот неприятель до границы российской близ Смоленска дошел, чая себе и в российской земле такия ж партии (единомышленников) получить и пропитание найтить, как и в Польше.

Но видя, что не токмо к тому надежды не было, но и все пропитание у него от войск его царского величества отнято и отчасти потравлено, отчасти же и пожжено, и везде земля ему нога за ногою от войск российских сильными супротивлениями и реконтрами диспутована (частвительными боями спорены), принужден отложить намерение свое тою ближайшею дорогою по предвосприятому намерению своему до Москвы итить. Но еще, почитай, и не вступя в российские границы, войска свои в великой глад приведенны увидя, принужден поворотится к Украине казацкой, где чая лутчую себе фортуну сыскать, в чем обнадежен был тайно от изменика бывшаго его царского величества гетмана казацкого Мазепы.

И понеже его царское величество на лестную того вора являемую притворную верность был надежен и ведая, что король свейской корпус войск своих под командою генерала Крассова при Лещинском оставил в Польше, для принуждения всего того королевства в свою партию и к возбуждению против его царского величества к войне, а генералу графу Левенгаупту с знатным корпусом из Лифляндии и Курляндии велел итить к себе в соединение, разсудил его величество за благо оной корпус не допустить до соединения с королем.

Но не чая его более в 8 или 9000 человек сильна быть, взяв с собою корпус гвардии своих пехотных, тогда для скорости на кони посаженной в 7000 состоящей и несколько полков драгунских, изволил своею высокою особою итить на оной. А генералу своему фельтмаршалу Шереметеву с министрами и протчими генералами повелел итить на Украину и упреждать прогрессы тамо короля свейского, не допуская его внутрь Украины и не вступая с ним до тех мест в баталию главную, пока по отправленной той экспедиции его царское величество с тем корпусом паки соединится.

И тако воспоследствовало при помощи Божией храбрым его царского величества приводом, счастливая баталия под Лесным и совершенная победа и разрушение того левенгауптского корпуса, в самом действе в 16 000 состоящего, хотя в корпусе его царского величества, не с большим 10 000 во время самой той баталии было.

И учинилось тако ясно сбытие его царского величества вышепомянутому предречению. Король же свейской между тем, вшед в Украину, продолжал тайную свою пересылку с Мазепою и, договорясь с ним о его измене и предательстве к законному и милостивому его государю, ожидал к себе генерала Левенгаупта. И хотя он, услыша потом о его проигрыше, трудился вникнуть внутрь Украины, однако ж от войск его царского величества до тех мест задержан, пока его царское величество сам высокою своею особою к войску в Украину прибыл.

И по его приезде вскоре та проклятая измена Мазепина воспоследствовала, которая, хотя шведам великую надежду и радость, россианом же немалую печаль и сперва смятение приключила. Однако ж Всевышший, яко препинатель всех злых ковов, все то его царскому величеству во благо, а свейскому королю во зло и по том в приключившуюся войску его погибель обратил, как то окончание дела и полученная виктория Полтавская показала. Ибо хотя он, Мазепа, обещал всю по указу и по милости его царскаго величества в своей команде имеющую казацкую или малороссийскую землю и войска под его послушание привесть, но в том

ошибся, ибо большая часть оного народа пребыла в верности и послушании царского величества, а многия от войск царского величества российских к тому понуждены.

И принужден король свейской видеть, что, почитай, в виду от него, российския войска под командою генерала князя Меншикова купно с киевским губернатором князем Голицыным главной город украинской Батурин, где прежде сего гетманы и сей изменник Мазепа резиденцию свою имели, приступом взяли и надежных Мазепиных адгерентов (единомышленников) порубили и в наказание той измены весь оной город огню предали, побрав многия сокровища и провизии от Мазепы для короля свейского изготовленныя.

И тако потом по обычаю тоя земли, по указу его царского величества, новой гетман имянем Иван Скоропацкий вольными голосами выбран и со всеми принцыпалами его царскому величеству присягу в верности учинил, которой и по се число верно его царскому величеству служит. А от изменника Мазепы и те, которых он лестию своею и коварством завел, многия разбежались. И так паки войско царского величества против свейского во всю зиму партиями многия прогрессы (выигрыши) чинило, а оное час от часу кураж свой и силу теряло.

И понеже меж тем по прошению свейских полоняников отпущен по указу его царского величества один пленной свейской полковой аудитор на пароль для прошения короля своего о учинения картеля (договор о розмене и окупе пленных) о розмене на обе стороны пленных (на которой его королевское величество отнюдь с его царским величеством во всю войну до тех мест позволить не хотел, хотя о том чрез посредство многих потенций прошен и чрез отпущенных некоторых свейских пленных офицеров от его царского величества предложение имел), и как оной аудитор возвратился, то с ним министры его королевского величества граф Пипер и Гермелин, знатно видя некоторую уже опасность дел своих, приказывали, что ежели де с его царского величества стороны будет предложение о мире на сходных кондициях, то может быть, что его королевское величество оное примет. И хотя царское величество тогда уже добрую надежду о сукцессе дел своих имел, однако ж того аудитора немедленно паки в шведское войско отпустить, и первому министру своему чужестранных дел господину графу Головкину к швецкому первому министру графу Пиперу писать повелел по желанию их, яко бы от стороны своей о примирении, предлагая к тому зело умеренныя кондиции, а имянно удержание токмо Санкт-Питербурга с Ингриею яко наследною его царского величества провинциею и за город Нарву обещая эквивалент (равномерное награждение). Но на то весьма отказной ответ по том с стороны королевского величества получен.

По чему знатно, что министры оные, видя уже дела короля своего в худом состоянии, без ведома королевского ту комисию тому аудитору дали.

И тако паки воинские действа с стороны российской даже до Полтавской баталии продолжать принуждены, которая последи како в 27 день июня 1709 учинилась, и какая преславная виктория от войск его царского величества над тем гордым неприятелем с разрушением всего его войска и со взятием потом оставшихся от той баталии шведских войск, которые еще в 14 тысячах служащих состояли под Переволочною в полон с 3 генералами и с 306 стаб- и обер-офицерами, тако ж и первой министр граф Пипер с канцеляриею, о том пространно не объявляем, ибо о той баталии выданныя реляции довольно то изъясняют.

И понеже сам король шведской до той баталии за несколько дней в одной партии от войск царского величества ранен в ногу, и видя себя в таком утеснении, показал себя будто некоторым образом впервые склонна к миру с его царским величеством, и еще не доехав до Переволочной прежде отдачи тех своих оставшихся войск, послал тогда сущаго генерала маеора Мейэрфелда к его величеству, однако ж не дав ему ни полной мочи, ни кредитива, ниже паспорту под протекстом таким, будто для осведомления, кто из его генералов, министров и офицеров взят в полон или убит. И будто он ту комисию себе испросил для того, чтоб при том случае мог осведомитца и о своем швагере (свояке) графе Пипере, как он по приезде своем на аудиенции у его царского величества по отправлении комплемента таким образом объявил и просил, дабы ему видетца с графом Пипером, швагером своим.

И на то ему во ответ дано, что не чает его царское величество, дабы он с такою малою комисиею прислан был, с которою трубачи присылаются, и того б ради он объявил здесь, что ему, графу Пиперу, объявить приказано. Инако ж, хотя ему с ним как с пленником и дадут видется, однако ж при одном из его царского величества министре и не позволят ничего тайно о делех говорить, о чем он наперед при той аудиенции не объявит.

И так принужден он объявить, что король приказал ему, графу Пиперу, своим указом сказать, чтоб он трудился заключить мир на основании таком, как прежде Полтавской баталии у него намерено было. И чтоб для получения с вящшими обстоятельствы указов и полной мочи к трактованию о том мирном деле царское величество соизволил его, графа Пипера, отпустить на пароль или на розмену и меж тем бы учинить армистициум (перемирье). И хотя те предложении его царское величество за несходны с тогдашими конъюнктурами быть разсуждал, однако ж повелел его, генерала Мейэрфелда, допустить к графу Пиперу и приказал при тех разговорах быть своему вице-канцлеру барону Шафирову, которые не в ином чем, но в том же содержании, как выше объявлено, состояли.

Но понеже граф Пипер при том объявил, будто он подлинно не помнит, на каком основании тот мир до Полтавской баталии король с его царским величеством заключить намерение имел, и для того желал, дабы он от его царского величества отпущен был для получения подлинного указу и полной мочи к королю, или на розмену, или, по последней мере, на пароль.

Но понеже ему в том отказано, и между тем корпус оставшейся от Полтавской баталии швецкого войска весь принужден его царскому величеству у Переволочни, с генералом Левенгауптом и протчими генералы, положа ружье, отдатца, яко воинские пленники, как вышепомянуто, а король сам в малом числе ушел в Турскую область и протекцию, и тако его царское величество, возвратясь от той экспедиции паки к Полтаве, изволил объявить генералу Мейэрфелду, что ныне его одна пропозиция исполнилась, понеже взятием того корпуса армистициум или перемирье в тех краях совершенно состоялось. И тако б он мыслил, с чем ему к королю возвратитца, и объявил бы, поговоря с графом Пипером, какия могут объявить при таких своему государю и отечеству опасных конъюнктурах к миру ближайшыя пропозиции, объявляя, что его величество и при таком счастливом сукцесе (успехе) войск своих, яко умеренной и миролюбивой монарх, от резонабельного миру с королем их не отречется.

На которое предложение советовав он, генерал Мейэрфелд с графом Пипером наконец объявили, что они иного способа к начатию основательному той мирной негоциации не видят, кроме того, что просят, дабы его царское величество позволил ему, генералу Мейэрфелду, ехать к королю своему, а в Стекхолм к Сенату отпустить бы повелел секретаря королевского Цедергелма. И повелел бы обоим им дать с своей стороны кондиции, на чем изволит с его королевским величеством мир при нынешних конъюнктурах учинить, обнадеживая, что они чают на то королевской и всего их королевства всеконечной склонности. И что для того Сенат будет чрез нарочную посылку просить короля. И тако его царское величество, показуя свой умеренной и миролюбивой нрав, к сему хотя и непримирительному своему неприятелю (которой бы в своем счастии, ежели б Бог до оного его допустил, не токмо такого, но и никакого умерения не показал, но наипаче по намерению своему явленному, его царское величество даже до крайней меры гнал, и его конечного разорения, от чего, Боже сохрани, искал), изволил к тому склониться и повелел своему прежде помянутому вице-канцлеру барону Шафирову свое конечное мнение и кондиции к миру на словах графу Пиперу в присутствии генерала маеора Мейэрфелда и секретаря Цедергелма объявить, дабы оные то при нем сами записали, и дабы граф Пипер с теми посланными как к королю, так и к Сенату в Стекголм писали, которые кондиции зело умеренны были. Ибо его царское величество сверх завоеванной тогда провинции Ингрии и части Корелии, в бариэр Выборк, да из Эстляндии город Ревель себе во удовольство и за претерпенные воинские убытки требовал. Которой последней город Ревель только для того требован в той первой препозиции, дабы при мирных трактатах было что из тех запросов уступить.

И при том помянутой царского величества министр говорил яко бы из себя, но, по-видимому, знано, не без указу, чтоб они то как королю, так и Сенату внушили, что ныне есть еще время с его царским величеством на таких модератных кондициях мир получить, ибо могут такою малою частию из земель от соседственных же своих областей завоеванных одного его царского величества удовольствовав, остатца в поссессии протчих своих земель по прежнему безопасно. Которые его царское величество по получении такой преславной виктории и без того может же оружием своим не токмо одни, но и с многими другими их провинциями получить.

И сверх того, понеже то сами они легко разсудить могут, что не токмо их королевския величества дацкой и польской Август Вторый не оставят взыскивать под сей случай своих обид, от их короля претерпенных, и вскоре возобновят свои союзы, но и другие получат охоту сим добрым случаем пользоватца и от короны шведской что-нибудь оторвать.

И по том уже царское величество не будет в состоянии один без удовольства своих союзников мир на таких кондициях с королевским величеством свейским учинить, но принужден будет и о удовольстве союзников своих попечение иметь и до тех мест войну продолжать.

Что все приняли они с должным благодарением на доношение. И признавали и сами, что то истинна есть. И тако оные с тою комисиею из обоза недалеко от Полтавы отпущены. И понеже все свейские пленные просили, дабы от них всех отпустить в Швецию несколько человек для исходатайствования им определения

в плене их жалованья, того ради его царское величество, яко христианской монарх, милосердуя о них, повелел отпустить на реверс (писменное обязательство) всех протчих пленных генералов и офицеров, двух тогда бывших полковников Тауба и Дикера, несколько подполковников, маеоров, капитанов и других офицеров, которые по чести и совести своей и сами обязались паки на уреченной срок возвратица яко пленники в Россию, хотя с стороны шведской во всю сию войну из российских арестантов и пленных ни единой человек ни на пороль, ни на розмену не был до тех мест отпущен, и ни о розмене, ни о картеле король шведской с его царским величеством и слышать не хотел.

И тако я чаю, что всяк непристрастной и разсудительной человек может из сего признать его царского величества умеренность, когда и по таковом великом счастии и к вящшей его пользе обратившихся конъюнктурах, по разрушении всего главного шведского войска, от миру на гораздо умеренных кондициях отрещися не изволил. Но наипаче склонность свою к тому явил. Против того ж мню, что всяк разумной помыслит, что король шведской, видя победителя своего такое низхождение, те предложении благодарно примет и хотя не во всем на оныя соизволит, однако ж в учтивых терминах на то ответствовать и о назначении места к тракту требовать будет, чего было и с стороны его царского величества без сумнения по тогдашним конъюнктурам, и по его собственному интересу чаяли.

Но в том мнении весьма погрешили, ибо вместо того король шведской прислал из Ачакова, чрез канцеляриста своего фон Кохена, к графу Пиперу свои грамоты, в которых с зело неучтивыми экспрессиями о тех предложениях, которые по его ж собственному прошению и по предложению графа Пипера и генерала Мейэрфелда учинены, пишет, называя оныя с ругательством высокой чести его царского величества безстыдными вероломного бутто неприятеля претензиями, и отвергая оные, и не являя тако никакой с стороны своей склонности к тому примирению, но повелевая токмо, яко бы он победитель был. Междо иным, чтоб граф Пипер домогался себе свободы и был его полномочным и домогался б о том, чтоб царское величество всех его пленных на розмену по образу картелей междо другими потенциями употребляемых освободил. Хотя оной преж сего ни по которому образу к тому не склонялся, дабы картель был учинен, когда его царское величество о том чрез многия области домогался. И при том все те письма изнаполнены были к стороне его царского величества и собственной его особе грубейшими безчестиями, как те оригинальные письма в его царского величества канцелярии и ныне обретающыяся свидетелствовать могут.

И понеже его царское величество из того усмотрел, что сей его неприятель никаким низхождением, кроме оружия, к миру приведен быть не может, как то из по се численных его поступков ясно показалось, того ради, дав на то графу Пиперу ответ краткой, что его царское величество, видя такие себе от короля его на письма безчестия, не может ничего ответствовать, кроме того, что оружием своим, и что будет в том пред Богом и всем светом оправдан, когда та война с пролитием многия крове человеческия продолжена будет.

И тако его царское величество принужден брать свои меры к продолжению сея войны и к пренесению оноя в земли короля шведского в те места, где разсудил быть потребнее. И обновить указ к своим министрам, при дворе дацкого короля,

тако ж и в Саксонии обретающымся, дабы о заключении трактатов о союзе против короля свейского с вящшим прилежанием трудились, и оных склоняли с его величеством общия меры взять.

И не токмо остаточные неприятельские силы из Польши выгнать, но и в его немецкие провинции вшед, оные отобрать и тем тот канал, которым король шведской еще случай иметь мог впредь, паки в королевство польское и потом и в его царского величества области со временем паки войну ввесть, запереть.

И того ради повелел части войск своих итить для блокады Риги, а другой части в соединение корпуса своего под командою генерала-фельтмаршала-лейтенанта Голца, в Польше обретающегося, для изследования вышеписанного своего намерения, для чего и сам высокою особою своею в Польшу чрез почту пойтить изволил. Куда в пути будучи, известие получил, что генерал маеор шведской Крассов с Лещинским, услышав о победе над войски главными под Полтавою, тотчас из Польши ушел.

Тако ж потом и его королевское величество польской Август II, с его царским величеством возобновя паки дружбу и союз, на престол свои, от котораго неправедно и неслыханным образом насилием шведским был отлучен, возвратиться вознамерился, чему правые причины из выданного его тогда манифесту довольно свету известны.

И тако по свидании его царского величества с помянутым королем в Торуне положено, дабы за неприятельским войском в Померанию по воинскому резону последовать, по которому всякому свободно неприятеля своего всюды, где может его сыскать, преследовать.

Но понеже междо тем его цесарское величество, тако ж Англия и Галандия, его царскому величеству представляли и просили, чтоб покою в Германии вступлением во оную не нарушивать, обещая короля шведского к тему склонить, чтоб и он ни его царского величества, ни союзников его впредь из тех провинцей войною не обезпокоивал, того ради его царское величество, тако ж и за поздним временем, то вступление войск своих отложил, и на то ответствовать повелел, чтоб они сперва на то короля шведского склонили, и в том гарантию на себя взять обещали, по которой декляраци и его царское величество себя объявит.

И понеже меж тем и с его королевским величеством датским у его царского величества союз обновлен и война от оного против короля шведского объявлена, того ради его величество изволил учинить со всеми своими союзниками сношение, как им в том деле поступать и какой ответ его цесарскому величеству и морским потенциям (областям) учинить. Которые час от часу в том домогательства свои умножали со объявлением, что они от Сенату шведского и от министров и от губернатора бременского графа Велинга, имянем королевским накрепко обнадежены, что король их на то склонитца, что он высоких северных союзников из своих немецких провинцей атаковать не будет.

И при том оные области объявили, что они для содержания тишины в Германии, при продолжающейся войне с Франциею, принуждены собрать корпус войска и употребить его против того, кто ту тишину нарушить восхощет, в помочь тому, на кого нападение учинитца. И хотя сие весьма противно было его царского величества и его союзников высокому интересу, однако ж дабы всему свету свою умеренность показать, изволил согласитца с своими союзниками и склонить оных к восприятию того, хотя и не полезного их интересу предложения.

И тако повелели объявить чрез министров своих в Гаге, что их величества для угодности его цесарского величества, тако ж и Англии и Галандии, и противно интересу своему, на то их предложение соизволили, токмо чтоб они междо собою постановили, что ежели кто из обоих воюющих стран противно сему постановлению учинит, и либо король швецкой из тех провинцей во единаго из их величеств земли впадение учинить вознамеритца, или они противно сему данному обещанию своему короля швецкого в немецкой земле лежащие провинции атаковать будут, то б они против такого нападателя нападенному корпусом своих войск к тому определенным помогать обязались, и в том гарантию (поруку) на себя переняли.

И по сей декляраций от вышепомянутых областей акт нейтральства (обязательства, что вне войны суть) учинен. Но вместо того, что было, королю швецкому за сию его цесарское величество и протчыя области благодарить, понеже только для его собственной пользы и содержания за ним в немецкой земле провинцей тот акт учинен, но потом ко удивлению всего света явилось, что оной король вместо благодарения, с великою противностию нареканием и угрозами к ним писал, что они будто тем хотят ему руки связать на неприятелей своих воевать и протчая, как то довольно всей Европе известно из отправленных к тем областям и публикованным повсюду его королевским грамотам.

И понеже он тем сам тот акт нейтральства к его пользе учиненной опроверг, того ради его царское величество с высокими своими союзники к тому не обязан стал, и по учиненной декляраций и протестации, введши свои войска в Германию, начали воинские действа против шведских тамо лежащих провинцей, которые каким образом последи окончалися к невозвратному вреду его короля швецкаго, и како генерал его фельтмаршал граф Штейнбок от союзных войск под храбрым приводом его царского величества, тако ж и его королевскаго величества загнан в Тенинг и по блакаде принужден их величествам на дискрецию (в произволение их) сдатца, и как по том город Стетин от войск царского величества к здаче принужден и по его царского величества повелению, королевскому величеству прусскому отдан, дабы тем показать, что его царское величество в империи ничего себе завоевать не желает и протчая, то в самом деле оказалось.

Но он, все то не уважая, продолжал непримирительно свои злые ковы против его царского величества, пребывая в Бендере и возбуждая против оного к войне наследнаго християнству неприятеля турка, что по том 1711 и воспоследствовало.

И оныя неверные, наруша с его царским величеством имеющей трактат тридесятолетняго миру, нечаянно на его царского величества земли чрез хана татарскаго нападение учинили и многих християн из малороссийских и польских украин в пленение увезли.

И понеже его царское величество сию войну к дальному разширению допустить при неоконченной еще Свейской войне не восхотел, того ради изволил особою своею, с знатным корпусом своего войска иттить, против тех неприятелей в воинской поход. И сошедшись с оными на Пруте, по некоторых реконтрах, на которых, хотя турки, кроме татар, пять крат сильнее против войска его царского величества были, однако ж с великим уроном с Божиею помощию отбиты.

Но понеже его царское величество, яко мудрой монарх и воин, не разсудил за благо свое счастие в отвагу отдать, тако ж, имея в войске своем скудость в провианте и фураже, повелел им предложить о мире. Которое предложение они, видя

храбрость и мужество его царского величества и войск его, с радостию приняли и по учиненным трактатам с посланными для того трактования полномочными его царского величества министрами, подканцлером бароном Петром Шафировым и генералом маеором графом Михаилом Шереметевым, мир заключили. При котором его царское величество им от них же взятой город Азов по разорении около его новых фортификаций и вывозе артиллерии и аммуниции уступил. Тако ж на Азовском море и на Днепре новыя фортеции по тому договору разорил. И при том трактате турки королю свейскому ни о чем, кроме свободного проезду во отечество свое, не уговорили. И тако все его факции и подкупы мужественным и мудрым поступком его царского величества опровержены. И намерение его непримирительное к разлитию христианской крови, для которого он тех варваров в Польшу ввел и дабы оною овладев, потом их как в земли его царского величества, так и в Германию в земли неприятелей своих ввести, и оные огнем и мечем запустошить, уничтожено.

И хотя сами турки потом его сначала учтивством, а потом уже с великим принуждением и безчестием принуждали к выходу из их земли и к возвращению во отечество свое, которое они в трактат с его царским величеством выговорили, но он с пренебрежением высокой своей чести и оставлением в дискрецию неприятелей своих всех своих земель, к тому выходу весма склонитца не хотел. Но пребывание свое в турецкой области противно воли тех варваров только для того продолжал, дабы то предвосприятое свое мстительное намерение со временем к действу произвести.

И хотя ему между тем от корон французской и аглинской, а по том и от его цесарского величества римского мирные учинены предложения с прошением, дабы он послал своих министров на съезд с министры против его воюющих держав о примирении, и предложен потом от его цесарского величества город Броуншвиг к тому съезду, но он никакой склонности к тому не показал, но все те посредства отверг. Хотя с стороны его царского величества и высоких его союзников и при благополучии оружия их те предложенныя средства склонно приняты и по желанию его цесарского величества и министры на конгрес посланы.

Но он, король шведской, уничтоживая то, последовал своим афектам (страстям), дабы паки возбудить турков против своих неприятелей, употребляя всякие вымыслы и подкупая министров турских многими деньгами. И хотя было к тому привел, что Порта по многим их единомышленников бунтовщиков поляков и казаков подущениям склонилась паки с его царским величеством мир нарушить и послов ево в жестокое заключение Едикульное посадили, для чего и салтан сам с войски в Андрианополь пошел и далее итти намерен был. Но услыша о счастливых сукцесах и о воинских его, царского величества, в Померании действах, паки остановился и его, короля шведского, чрез Польшу проводить повелел до безопасных мест. И для того указ к хану крымскому и своему кубе-везирю, бендерскому паше Исмаилю, то предложение учинить повелел, дабы он под конвоем их ехал. И хотя они яко особливые его приятели, к тому походу склоняли, однако ж весьма склонить не могли, но наипаче от него весьма озлоблены и приведены к тому, что принуждены для оправдания своего пред салтаном учинясь его неприятельми, советовать салтану, дабы его или силою к тому выходу принудить, или бы ко двору салтанскому привесть, представляя некоторую опасность от пребывания его на границе.

И когда они на то указ салтанской получили и его принуждать к тому или другому пути стали, а он против того весьма упорен явился, то произошла из того славная акция бендерская, на которой его королевское величество показал великую храбрость против турского нападения. Однако ж потом от множества турков преодолен, и люди его все в плен развезены, и он сам по зажжении дома своего принужден из окошка выскача спастися. И при том случае неоднократно ранен. И великой афронт претерпя от побои янычарских, приведен к паше бендерскому, яко пленник.

Но и то его спасение живота его причитаетца к тому, что помянутой бендерской паша обещал янычарам дать 10 000 левков, естли его живого приведут. И потом помянутый король, яко пленник по указу салтанскому к Андрианополю привезен, и держан несколько времяни в местечке Димотике за арестом, пока чрез посредство и ходатайство посла французского Порта склонилась его лутче трактовать, и привезши близ Бендеря в деревне, имянуемой Демердеш, в надеянии чрез того французского посла его склонить к выезду из их земли морем, хотя в том надежда их погрешила. И оной король, пренебрегши все претерпенныя свои бесчестия, раны и побои, от прежняго своего намерения весьма отстать не хотел, но продолжением пребывания своего в турской земле, паки своими факциями против его царского величества войну возбудить трудился.

И хотя потом видеть принужден, что турки, несмотря на его факции, с его царского величества послами трактат предвосприяв, мир паки в Андрианополе учинили, однако ж он противно всех и приятелей своих, особливо же посла французского совету, отнюдь к выходу из Турской области не склонился. И для того оттуда паки послан в Димотику, где после того еще боле года пребывал без всякого почтения и довольства от турок, пока принужден был за скудостию потребного пропитания последи оттуда ехать чрез области его цесарского величества в Померанию, как о том всем известно.

И хотя было как все подданные, так и посторонние чаяли, что он по возвращении своем будет искать с неприятельми своими примирения и пошлет по предложению его цесарского величества и протчих областей своих министров для трактования на конгрес, но паче чаяния их оной король жестоковыйной остался при намерении не токмо с своими неприятельми войну продолжать, но и все имянем его от Сената и министров ево учиненные договоры о секвестрации (взятье в сохранение), которые к его ж пользе о городе Штетине и протчих местех в Померании от российских войск завоеванных учинены, опроверг, и атакованием гварнизонов прусских в Волгасте и на острове Изодуме, его королевское величество прусского к тому привел, что принужден для содержания того своего трактата о секвестрации учиненного, и для упреждения его дальних намерений против себя и протчих соседственных, против его неприятельски поступать.

И учиня о том союз с его царским величеством и с их королевскими величествы великобританским и датским, соединеным оружием с королевскими датскими и королевского величества польского саксонскими войски остров Рюген и город Стралзунт, тако ж блакадою город Висмар добывать, и по взятии оных весьма из имперских провинцей выгнать.

И хотя как прежде начатия тех действительных неприятельств, так и во время оных с прусской и польской стороны, чрез французского посла и другия

пересылки, ему склонные кондиции к добродетельному примирению, как генеральному, так и партикулярному предложены, однако ж он к тому никакой склонности даже до последняго часу не явил. И ниже в какое примирение вступать ни на конгрес в Броуншвиг своих министров по желанию его цесарского величества послать не восхотел. В котором упорстве по се число и по потерянии всех своих немецких провинцей пребывает, несмотря на все советы, которые ему от его приятелей чинятца, тако ж и челобитье и слезы разоренных своих верных подданных, хотя с стороны высоких северных союзников всякое нисхождение и склонность с ним к миру во всяких случаях довольно объявлена, и министры их на конгрес Броуншвицкой, междо которыми и от его царского величества министр несколько лет как определен. И что из того его непримирительного поступка и упорности возпоследствует, то время покажет. И уповаем мы, что из сих вышеописанных обстоятельств, всяк признать принужден будет, что как начинанию, так и продолжению сея еще пребывающия войны и разлитию христианской крови и разорению подданных никто иной, как он сам, король шведской, виновен. Тако ж и против того миролюбивой нрав и умеренность, во всех тех поступках его царского величества, всему свету довольно явно есть.

СИЕ ОКОНЧАВ, ОБРАЩАЕМСЯ К ТРЕТИЕМУ ПРЕДЛОЖЕНИЮ СЕГО НАШЕГО РАЗСУЖДЕНИЯ, А ИМЯННО:

что с стороны его царского величества в сей воине со умеренностию, по обычаю всех политичных христианских народов поступано. А ежели какая когда жестокость и показана, то более для отмщения шведской жестокости к его царского величества генералом, войскам и подданным учинено. Против того же оная война с шведской стороны с начала и до сего времени, не по обычаю политичных народов, но со всякою суровостию нелюдкостию и досадительствы ведена.

Выше сего в сем разсуждении уже объявлено, коим образом его царское величество, не могши получить никакой сатисфакции с стороны шведской, за учиненные ему обиды и афронт, принужден искать себе оной по достоинству оружием. И тако тому начало изволил учинить объявлением о том своим верным подданным духовного, воинского и гражданского чина, собрав оных в тогдашней своей резиденции в Москве, объявляя им о важных и справедливых причинах, для чего ту войну ко обороне государства своего и верных подданных и ко отмщению нанесенной высокой персоне своей обиды и афронту, начать принужден, призвав Всемогущаго в том на помощь при молебном пении в Соборной церкви.

И потом повелел ко обретающемуся тогда на Москве шведскому резиденту Книперкрону послать из государственной посольской канцелярии дьяка или секретаря и ассесора со объявлением о том начинании войны против короля его и для каких причин оная начинается и что его царское величество дает ему, резиденту, позволение на управление дел своих домашних месец времени, по которого б изшествии он выехал со всею фамилиею своею и со всем своим имением в Швецию. А меж тем бы писал о всем том к государю своему. Тако ж послан от его величества указ ко обретающемуся при дворе шведском резиденту князю

Хилкову, дабы он о том же объявлении войны со всеми обстоятельствы и причинами начатию оной, при дворе его королевского величества шведского объявил и от того двора немедленно ехал.

Тако ж повелел его величество и своим при чужестранных дворех обретающимся министрам тем дворам, при которых они обретались, о том же донесть с приложением, что его величество и от примирения паки, ежели ему довольная сатисфакция дана будет, не отречется и в том их медиацию примет. Сверх того повелел его величество всем шведским подданным, комисарам, факторам коммерции и протчим всякаго чина людям, обретающимся во всех местех своего государства, объявить, дабы они немедленно из государства его величества выезжали со всеми своими имениями, которому касатися никому из своих не повелел. И по таком учреждении изволил его величество с войски своими разными коломнами марш к Нарве восприять и, вступя в земли шведского владения, кроме обыкновенных воинских действ, никаких противностей и поношения ни на письме, ни на словах, его королевскому величеству, ниже шведскому народу чинить не допустил. Но елико возможно было, по состоянию тогдашняго его царского величества войска, которое в большой части еще не регулярного состояло, доброй порядок содерживать повелел и подданным никаких обид и разореней чинить не велел. И многие, которые в том преступлении явились, жестоко наказаны.

Напротив того же посмотрим, как с стороны шведской, которые себя повсюду политичным народом прославляют, в том поступлено.

А имянно, сколь скоро при дворе шведском о объявлении войны от двора царского величества ведомость получена, то тотчас преждепомянутой его царского величества министр господин князь Хилков в Стекголме, не только накрепко заарестован, но и все его служители от него отлучены, и потом и все его имение у него отнято, и серебреная посуда его на Манетной двор отдана и в манету переделана. И содержан он во всю сию войну жесточае, нежели пленной, так что он в том аресте и живот свой окончить принужден. Тако ж и секретарь его посольства и многие ево служители от жестоких заключений и нужд померли.

И хотя с стороны царского величества против того в репресалии или отмщение и их резидента Книперкрона (которой сперва сам на пол-года для управления своих дел сроку испросил) равенственно заарестовать повеленно, но однако ж потом в 1709-м году его царское величество оного против реверзу письменного, чтоб свободу нашему резиденту напротив того изходатайствовал от двора своего, в Швецию отпустить повелел. И еще сверх того по том и секретаря королевского Дибена за освобождение оного своего резидента из аресту свободить соизволил.

Но с стороны королевской никогда на то освобождение помянутого его царского величества резидента не соизволено, хотя почасту к тому обещание было. Тако ж все российские купецкие люди с их служительми, прикащиками и работниками, которых несколько сот человек тогда в Стекголме и в прочих шведских городах обреталось, не токмо заарестованы, но и все имении их на короля отобраны. И тотчас без всякого повороту и не оставя им ничего на пропитание, на королевские росходы употреблены, но и сверх того, сами оные к тяжчайшей работе принуждены были, отчего тако ж де, и от заключения в жестоких тюрмах, оные, почитай все, живот свой бедственно скончали.

Потом повелел король шведской ко всем дворам к министром своим писать, объявляя о том начинании войны, употребляя к тому зело безчестные к высокой персоне его царского величества поношении, называя его вероломным неприятелем и протчая, чего между християнскими потентатами чинить не обычай.

Когда же в 1700 году меж его царского величества и его королевского величества шведского войски бой под Нарвою учинился, и хотя тогда его царского величества войска за новостию и понеже вся кавалерия оного весьма не регулярная была, к тому ж от безкормицы большая часть лошадей у оной померло, а пехота, кроме трех полков, вся в рекрутах или новонабранных салдатах, которыя никогда неприятеля не видали, состояла. И тако против регулярного и старого швецкого войска такой отпор, как было надлежало, учинить не могла, но по некоторому несчастливому припадку неприятель случай получил в транжамент российской войтить, и часть онаго войска в средине или корпус баталии обретающегося, опровергнуть.

Однако ж господа генералы с Преображенским и Семеновским полками и с некоторыми другими дивизии господина генерала Головина, тако ж и с другой стороны дивизии господина генерала Вейда, так мужественно бились, что неприятель совершенной виктории даже до ночи получить не мог. И так видя себя в средине у неприятеля и опасаясь по том себе из того злых следований, когда б российские войска себе случаи обрели со обоих сторон получить меж собою коммуникацию, требовал чрез трубачев учинить армистициум или перемирие, и по том и трактовать.

И те трактаты чинились сперва чрез одного генерала маеора да королевского генерала адъютанта с командующими его царского величества генералами, из которых при том случае по герцоге фон Крое (которой во время баталии в неприятельские руки впал). Первой командующей генерал и тайной советник князь Яков Федорович Долгорукой, да с ним генерал-фельтцейхмейстер царевич Меретинской, генерал-от-инфантерии Автамон Михайлович Головин, боярин и губернатор новгородский князь Иван Юрьевич Трубецкой, да генерал маеор Иван Иванович Бутурлин были. (А господин генерал Вейде, яко объявлено, от сего корпуса неприятельскими войски с своею дивизиею отрезан был.)

И тако, по некоторым пересылкам с сими господами генералами тот трактат или акорд учинен на таких кондициях: (1). Чтоб им всем с войском, с знамены, ружьем и частию полевой артилерии свободно отступить. (2). Чтоб на обе стороны пленные освобождены, тако ж и тела мертвые свободно разобраны и погребены были. (3). Чтоб тяжелую артилерию на батареях и в протчих местех при атаке Нарвы сущую, тако ж и большую часть полевой артилерии российской неприятелем оставить. Протчее же все, что при войске обретается, со всеми багажами полковыми и офицерскими, свободно и без задержания купно с войском отвезено быть имеет.

На которые кондиции помянутые генералы его царского величества того ради позволить принуждены были, понеже видели большую часть полков новых в крайнем разрушении. Тако ж де и коммуникацию междо обоими частьми войска, оставшимися от неприятеля, яко вышепомянуто, пресеченну, к тому ж и ретрету или отступление трудно, ибо хотя и имели чрез реку Нарову один мост, но чрез оной пред лицем неприятельским переходить было им трудно.

И для утверждения того договору желали помянутые господа генералы видеть самого короля и получить от него в том подтверждение, что им и позволено. И все пункты оные при нем повторяли, и от короля самого изустно на оные им подтверждение учинено королевским паролем. И при том сам его величество дал на том помянутому господину генералу и тайному советнику князю Долгорукову руку, что по тому акорду все от него сдержано будет.

И в той надежде первые полки Преображенской и Семеновской и протчие дивизии господина генерала Головина с ружьем и с знамены чрез мост свободно переправились. И другим по договору итить сквозь шведское войско повелено в надежде верного содержания их акорду. Но сколь скоро господа шведы увидели войско российское разделено, то забыв данный пароль королевской и учиненной акорд, начали принуждать те полки един по единому положить ружье и отдавать знамены. И тако оных чрез мост перепускали, грабя при том все офицерские и полковые багажи.

Тако ж отняли все полевые пушки и аммуницию, а потом под разными и весьма непристойными претекстами и всех генералов и многих знатных офицеров и гражданских служителей сперва заарестовали, а потом и военными пленниками учинили. Междо которыми и господин генерал Вейд задержан, которой для лечения своей полученной в баталии раны в Нарву с позволения шведского поехал, с полученным обещанием свободного отпуску. Которых по том всех долговремянно в жестоких заключениях шведы держали, как то всем известно, что некоторые из них еще и по се число не свободились, о чем тогда с стороны его царского величества объявлении и протестации при чужестранных дворех чинены.

И хотя с стороны шведской во мнении были, что таким удержанием российских генералов и разрушением большой части войск Российское государство приведено будет в крайнее изнеможение и подвержено шведской дискреции, в которой надежде и ни о каком примирении король шведской слышать не хотел, и послал токмо некоторую часть войска своего в границы российские, почитая Россию уже за побежденную, а сам пошел против короля польского и повелев от себя плакаты к подданным его царского величества за своим подписанием и печатью написанные выдавать, приводя оных к возмущению против государя своего. В которых он его царское величество толь уразительными поношениями озлоблял, что оных ужасается перо мое с почтения к моему всемилостивейшему государю и толь в свете славному монарху выразить. Но для доказательства таких в свете политичном и мню, ниже меж нехристианских народов необыкновенных во оных изображенных экспрессий или речей, прилагается с такого одного плаката копия, из которых несколько и оригинальных за королевским приписанием и печатью и за контрисигнатурою (приписью) бывшаго его первого министра графа Пипера в его царского величества канцелярии обретается.

Но как в том своем мнении с стороны шведской ошиблись и каким образом тот урон с помощию Божиею мудрым управлением и неусыпными трудами его царского величества, не токмо в числе генералов, офицеров и оных войск, но и во обучении и искусстве паки исправлен и награжден, то последующее время не токмо господам шведам, но и всему свету показало. Ибо с стороны царского величества за благо расудено не пером против тех досад и обид, но оружием при помощи Божией ответствовать.

И сперва отогнав неприятеля от границ своих действами воинскими, помалу паки в Ингрию, Эстляндию и Лифляндию вступать начали. И какие потом из того победы и получении многих городов и провинцей возпоследствовали, того мы здесь ради краткости и понеже то и к намерению нашему не принадлежит, изобразить не хощем и тако оставляем то другим историописателем.

Но токмо обращаюсь к прежнему моему предложению о жестоких шведских поступках.

А имянно, что его королевское величество шведское помянутых за паролем его и акордом задержанных российских господ генералов и офицеров и протчих многих гражданских служителей, повелел отослать яко пленных в Стекголм, чрез которой город они будто прямым порядком взятые в плен, чреззвычайно якобы в триумфе ведены пеши до места ареста своего, и тамо содержаны зело жестоко.

И хотя царское величество многократно трудился, как чрез грамоты свои и предложении министерские и других иностранных потентатов, а особливо у королей великобританского и прусского, так ж у Господ Стат Генерал Соединенных Нидерляндов, дабы чрез их посредства короля шведскаго ко освобождению тех за паролем взятых его царского величества подданных, склонить и для того б картель о размене и окупе пленных или на всю войну или на время учинить, как междо всеми христианскими воюющими областьми обыкновенно.

Тако ж, когда уже немалое число с стороны шведской пленных получено и тако из оных несколько на пароль с предложением о том в Швецию отпущено, но не токмо какая склонность с стороны шведской к тому явлена и всегда с великою суровостию отказывано, но и те посланные противу их реверсу назад не отпущены и удержаны.

И то тако продолжалось даже до славной виктории Полтавской, при которой за храбрым и мудрым приводом самого его царского величества, мало не все шведское войско от российского побито и в полон взято.

И как потом его королевское величество требовал уже розмены и окупу полоняников подобием картеля, о том при втором определении объявлено. И хотя его царское величество для политического и воинского резону тогда на то не позволил, и большую часть шведского пленного войска на малой окуп освободить не мог, ибо с российской стороны против того по пропорции мало в Свее арестованных обреталось. Однако ж изволил его царское величество несравнительное великодушие помянутым шведским пленным показать, ибо того ж дни по одержанной виктории взятых в плен фельтмаршала графа Рейншилда и первого министра графа Пипера и прочих генералов и знатных офицеров не токмо к столу своему допустил и со всякою милостию их принял и трактовал, но и шпаги им отдать и во всяком почтении и довольстве содержать повелел.

И по прошению их не токмо к королю генерала маеора Мейэрфелда, а в Стекголм к Сенату королевского секретаря Цедергелма, яко выше объявлено с мирными предложениями отпустить созволил, но и тогда бывших полковников Дукера, которой ныне генерал и губернатор, и Тоуба, ныне генерала и губернатора или наместника стекголмского, и других многих штап- и обер-офицеров на пароль и реверс их за поруками других по них подписавшихся, в Свею отпустить для управления нужд их и для прошения других пленных жалованья и пропитания повелел, но вместо благодарения оные не токмо мало не все не возвратились,

но и оружие против его царского величества и против его союзников, с позволения королевского в настоящей войне употребляли.

Против того ж с шведской стороны ни един из российских пленных ни для какого прошения, кроме розмены, на пароль не освобожден, ни на время не отпущен. И хотя междо тем и до сей баталии его царское величество имел довольные случаи, за арестование помянутых своих генералов и прочих служителей, реванж сыскать, а имянно задержанием на акорд здавшихся гварнизонов Нотенбургского, Канецкого, Иванегородского и потом Дерптского, которые, особливо же последней в несколько тысячах человеках и многих штап- и обер-офицеров состояли.

Но его царское величество, соблюдая свой честный пароль и акорд генералов своих свято, оные гварнизоны без задержания, со всяким довольством и сверх уговору освободить повелел, предложа только им, дабы они при дворе своем объявили, чтоб в воздаяние того наши за паролем и акордом задержанные генералы и офицеры освобождены были. Но то не токмо никогда не воспоследствовало, но еще от короля на его царскаго величества предложении и с поношением ответствовано.

И тако потом принужден был его царское величество репресалии (взаимное возмездие) употребить и по взятии Выборка и Риги те гарнизоны, как з а прежде помянутых своих под Нарвою арестованных генералов и офицеров и удержаных купецких людей в Свее, тако ж и по том с письмами посланного под белым флагом его царского величества малаго фрегата или шнава, с командующым на нем поручтиком Шмитом, которой от шведского шаутбейнахта Лилия с ругательством и оборванием его царского величества вымпеля, со всеми людьми взят и заарестован, взаимно заарестовать и яко военных пленных держать повелел.

Тако ж, понеже ведомость получена, что хотя в Швеции о том, что их пленных генералов его величество так честно содерживать и шпаги им отдать повелел, однако ж его царского величества генералом взаимно такой учтивости не учинили.

И тако повелел его царское величество при входе своем триумфальном ради Полтавской виктории в Москву, в репресалии у оных шведских генералов и графа Пипера шпаги паки отнять и их также, как и его генералом преж сего в Стекголме учинено, чрез Москву пеших весть. Однако ж не в таком жестоком аресте оных, как тамо чинено, но честно и умеренно содержать повелел. И хотя его царское величество и многие другие причины имел за показанные с стороны шведской многочисленные суровости, которые ниже сего изъявлены будут, равное отмщение учинить, но его царское величество по христианскому милосердию и великодушию, на то никогда не изволил поступить, но за благо расудил последовать в том глаголу псаломнику (не ревнуй лукавнующым, ниже завиди творящым беззаконие), но лутче то, призвав Вышняго на помощь иногда оружием мстить, иногда же великодушием преодолевать, нежели жестокостию к пленным или другими досадительствы сию обиду свою мстить.

Кроме того, когда его величество для охранения своего Российского империя на выданные неприятельские в Польше и потом в Малой России манифеста, ради возмущения поляков, тако ж и его величества подданных во ответ и очищение свое и опровержение во оных изображенных клевет, такие же письменные манифесты выдавать принужден был.

И тако последуют для известия читателю и другие с стороны шведской его царскому величеству и его войскам подданным учиненные обиды и досады.

И хотя за давностию времени и не имея подлинной о всем записки, не могу прямым порядком оных всех описать, однако ж что возможно, самою истинною объявлю.

Я при сем ради краткости не хощу еще подробно упоминать о последовательном жестоком содержании прежде помянутых под Нарвою заарестованных и потом яко военных пленных держанных российских генералов и офицеров и прочих чинов людей в руки их тогда и потом впадших, которые многократно так жестоко трактованы и в подземельные тюрмы, где и свету не видали, тако ж и со осужденными на смерть злодеями в одно место посажены были и иныя тому подобныя свирепства претерпеть принуждены, понеже о том и без того довольно уже известно.

Но о том, что кроме того с шведской стороны чинилось, объявлю. А имянно 1704, когда саксонские войска купно с российскими ауксилиарными или помощными войски уступали от шведских войск под командою королевскою обретающихся к шленским границам, отправляя марш свой в Саксонию разными партиями, и когда один шведской великой деташамент (часть войска посланная) напал на одну небольшую российскую партию и оную разбил, то некоторая часть из оной, ретировавшись, засели в одном деревянном доме, просили себе квартиру или пощады. Но шведы по имеющему указу никакой пощады им не дали, но обшедши тот дом, их зажгли и тако немилосердно сожгли. А которых в то ж время в полон брали, и из тех многих потом рубили и кололи, а у других и у рук и у ног пальцы поотрубали, чего и у варвар никогда не чинится. И что то самая истинна есть то явно по тому, понеже 1705 году из тех обрубленных два человека российских салдат пришли в землю царского величества и присланы к Москве, которых его царское величество изволил представлять обретающымся тогда в Москве чюжестранным министром, а имянно тогда бывшему чрезвычайному посланнику ея величества королевы великобританской, господину Витворту, его королевского величества пруского чреззвычайному посланнику господину Кейзерленгу и Господ Высокомочных Стат Генерал Соединенных Нидерляндов резиденту господину фон дер Гулсту, которые сами оных для куриезите осматривали и у рук и у ног персты обсечены обрели. И когда сами их спрашивали, каким образом им то случилося, то оные им объявили, что когда их немалое число в розных партиях в полон взято и марш шведскому войску учинился, то большую часть из них по указу королевскому порубили, а другим таким образом, как и им персты обрубили, и засвидетельствовали они с клятвою, что над ними то учинить повелел сам король и при том, когда им персты рубили, сам был.

В то ж время взятых в плен его царского величества подданных малороссийского народа несколько сот казаков по указу королевскому палками, а не оружием немилосердно и ругательно побито.

1706 году междо его королевского величества польского саксонскими и его царского величества помощными российскими войсками баталия с шведами при Фрауништате учинилась, на которой шведское войско викторию получило. И тако им несколько сот человек, как российских, так и саксонских пленников в руки досталось. И тогда они с российскими пленниками, по повелению командующих генералов такое свирепство и немилосердие показали, какова нигде не слыхано.

А имянно, на третий или на четвертый день после взятья оных в плен, всех немилосердно смерти предали и покололи.

Того ж году поймано на Украине несколько зажигателей, которые многие городы и села его царского величества пожгли, и оные в роспросех сказали, что посланы из них некоторые от самого короля шведского, а другие по указу от его генералов, и велено им, где могут, в землях царскаго величества городы и села и деревни зажигать. И за то дано им некоторое число денег, и впредь больши того обещано, ежели, исправя дело свое, возвратятся.

Когда лета 1708, 1709 король шведской вшел в надежде на измену Мазепину в его царского величества земли, то во многих местах от войск его бедные поселяне мужеска и женска полу, купно и с младенцы, хотя и никакова супротивления не чинили, порублены немилосердно.

Тако ж, когда 1709-го по Полтавской баталии и разбитии шведского войска пришли россиане на место их обозу, то, к великому своему удивлению, у многих знатных генералов и офицеров нашли в конюшнях и скотских хлевинах множество великих святых икон, Христа Спасителя, и пресвятыя Богородицы, тако ж апостольские и других святых, которые из церквей выняты и место простых досок на двери и на другие перегородки употреблены, а из иных шахматные доски сделаны, что не инако яко ради хулы и ругательства учинено, ибо не было такой нужды тамо в простых досках и другом лесе, чтоб без того обойтится невозможно. И то все самая истинна, ибо его царское величество и все его высокие генералы и министры и протчие то очима своими видели.

Когда его королевское величество был в Турской области, то уведали его царского величества полномочные послы, тамо обретающыяся, и писали ко двору его царского величества 1713, декабря в 19 день из Константинополя, что уведомилися они тамо, како король шведский отдал, будучи в Бендере, подданных царского величества великороссийского и малороссийскаго народа со сто человек паше бендерскому, с предложением, чтоб он их отослал в Константинополь к салтану в подарок от него на галеры, которых он от него приняв и отослал. И уже де из них тогда с половину от жестокой работы и померло на галерах и в тюрьме галерной, о чем они, послы, посылали выговаривать голштейнскому при короле шведском тогда бывшему служителю, господину Фабрицию, ибо министра шведского у Порты тогда не было. Тако ж протестовали в том венецийскому и галанскому послам и цесарскому резиденту господину Флейшману и просили их, дабы о том к министрам короля шведского писали, чтоб они о освобождении тех бедствующих христиан с галер постарались, ибо инако изволит его царское величество за то во отмщение из их пленных вдвое или больше на свои галеры посадить.

Но хотя оные о том и писали, только не токмо какова освобождения тем его царского величества подданным, но и ответу на то от шведских министров не возпоследствовало.

Из сего всего может всяк непристрастный разсудить, сходны ль сии поступки с христианскими и политичных народов обыкновении?

Против того же желал бы я, дабы с шведской стороны показано было, что тому подобное учинено с стороны царского величества к ним. Но наипаче явное есть свидетельство его царского величества великодушию и войска российского не кровожелательству то, что когда 1704 году город Нарва от оных приступом с немалым розлитием крови взят, то однако ж сколь скоро его царское величество во оной своею высокою особою пришел, тотчас кровопролитие чинить запретил,

которому повелению российское войско, повинуясь, ко удивлению тогда бывшаго иностранного генерала фелтмаршала Огилвия и других иноземцов, тотчас то исполнило, и ни един человек более по том не убит, что в таких горячих случаях редко от других регулярных войск чинится.

То ж учинено во время Полтавской главной баталии всем тем пленным, которые и в самой огнь квартеру или пощады просили. Тако ж и по взятии штюрмом же в польских Прусах города Элбинга, в котором тогда шведские войска в гарнизоне были, также и в других акциях и случаях. И ежели б кто из шведов или из партизанов похотел во укоризну российскому народу то представить, что пленные их генералы и офицеры в России разосланы по розным городам и некоторые из рядовых употребляются к работам тако ж что будто многия из пленных проданы нехристианом.

И на то ответствуется, что о первом принадлежит – и тако всем известно, с каким почтением генералы шведские и офицеры и с какою вольностию в Москве и в других городах были содержаны. Но когда уведано о жестоком содержании российских генералов и офицеров и о развезении оных по розным городам и о содержании по жестоким тюрмам в Свее, то хотя и помянутых шведских генералов и офицеров развесть с Москвы по городам приказано, однако ж весьма честно и без всякого утеснения оных тамо держать повелено. А протчих офицеров и рядовых в одном месте и не разославши в розные городы держать было и невозможно, ибо известно всем, что их больши 20 000 человек одних воинских людей в плен получено. И ежели бы его царское величество с милосердия своего рядовым денег и провианту давать не определил, то б уже давно с голоду оные померли, а особливо те, которые никакова рукоделия не имеют. И за такое пропитание и охотою своею работы ищут. Ибо не токмо оные, но и все офицеры во все продолжение войны жалованья от короля не имели и для того пропитание свое всем, чем могут, ищут.

И тако из них многие и знатные офицеры, учением детей в школах, тако ж танцов и музыки и действованием кукольных комедей и разными ремеслами, офицером и непристойными, прокормления своего искать принуждены, чего царскому величеству они причесть не могут. Что же о последней укоризне, а имянно о продаже пленных в нехристиянские земли принадлежит и оное произошло от того, понеже ею царское величество с начала сей войны, не имея еще регулярной кавалерии, принужден употреблять нерегуляриую, меж которыми было немало и казаков, которые по обычаю, несмотря на запрещение и указы, некоторых уездных людей в плен побрали, и тайно провезчи, некоторых из оных на свои службы употребили, а иных малое число в соседственные земли по обычаю своему продали.

Но сколь скоро то его царскому величеству донесено, то о том жестокой заказ под смертным страхом во всем его государстве объявить, и на границах губернатором и камендантом повелено, дабы того накрепко смотрели, чтоб из шведских пленных никого ни под каким претекстом за границу не провозили, – и тем то вскоре пресечено.

И тако то гораздо легче, нежели с шведской стороны учинено, что сам король в подарок християн туркам на галеры отдал, как выше объявлено.

Сверх всего вышеписанного, показаны с стороны шведской еще последующыя противности против воинских и политических обычаев.

А имянно, когда 1714 году от его царского величества по прошению королевина высочества принцесы шведской Улрики отпущен шведской пленной ротмистр барон Розенган с российским адъютантом Чебышевым в Свею, которому оного принцесе презентовать и при том и о своих пленных состоянии осведомится и о розмене оных говорить повелено было, но вместо благодарения за то оной адъютант Чебышев в Свее заарестован и по се время яко пленный содержится.

1715 году отправлена от господина князя Голицына из Лифляндии в шведской флот с письмами одна полугалера с капитаном-порутчиком Дашколием, с письмами шведских пленных по прежнему обычаю, понеже из шведской стороны непрестанно такие пересылки к россианом бывали. Но оной капитан-порутчик со всеми людми без всяких причин тамо задержан и по се число. Тако ж и другой морской порутчик, господин Мишуков, того ж году с такими ж письмами на брегантине посланной, с тою брегантиною и с людьми равенственно задержан же.

И потом того ж году по прошению отпущен шведской генерал маеор Горн по данному от него реверсу в Свею, по котором и другие шведския генералы пленныя поруками подписались, что исходатайствовать ему против себя и некоторых других шведских пленных розмену российского генерала господина Автамона Головина, или буде на то соизволено не будет, то возвратится паки назад. Но не токмо он не возвратился, и на то никакой резолюции не воспоследствовало, но посланная с ним полугалера со всеми его царского величества на оной людьми, противно воинских обыкновеней, задержана.

И как слышим, что которые на сих всех судах посланные офицеры и протчие люди обретались, те все взяты за арест и посажены в заключение, яко воинские пленные, хотя с российской стороны ни единой шведской во всю войну не был задержан, но все со всякою учтивостию трактованы и паки назад отпущены суть.

И хотя б еще и иные такие и сему подобные междо политических народов необыкновенные, и не токмо против обыкностей военных, но и всенародных прав учиненные с шведской стороны поступки собрать и объявить возможно, но мы, уповая, что и из того, что выше объявлено, довольно всяк усмотреть и разсудить может, с которой стороны склоннее и по обыкновенным христианских народов регулам поступано.

И тако сие окончеваем, уповая, что сим нашему намерению и обещанию с начала сея книжицы данному довольство учинили.

И тако, любезный читателю, мню, что уже довольно из сея книги или разсуждения выразумел, чего для сия война начата, и толь долго продолжается, и кто оной причина, и с которой стороны как во оной поступано. Но понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют – одне для незнания, другие же по прелестным словам ненавистников, зря отечество наше возвышаемо Богом, третие, понеже тунеядцы, ныне не на вышней степени суть и того для противо оных ответствую.

Вначале против вторых, понеже зависть не весть почитати полезное, а злоба ничем утолитися может, по примеру разбойников в злобе сущих, когда господин дому, оным хотя все сокровище свое отдаст, то и тем никогда их не удовольствует, но взяв оное и живота его лишат, хотя во оном и никакая им польза есть.

Третиим же яко ответа недостойным, им же святый апостол и ясти воспрещает и яко корень всем злым празность есть.

Того ради, не умножая ко оным разсуждения, обращаюсь к первым, иже доброй совести суть, но точию неведения ради негодуют, того ради сие им объявляю.

Перво надлежит нам взять слово святаго Никодима во Евангелии сущее, к негодующим на Христа жидам реченное, егда закон наш судит человеку аще не слышит от него и прежде и разумеет, что творит, тако и нам надлежит ведать и по том разсуждать. И аще бы из сих негодователей желал со мною прение иметь, мню не вящше б двух слов вопрошал: (1). Для чего сия война начата? (2). Для чего так долго продолжается? Лутче б хотя и с великою уступкою, но помиритися?

На что ответствую. О первом не надлежит вящше ответствовать, ибо в сей книге уже довольно явно есть выше сего. Но на второе пространно ответствую: продолжение сея войны не от нас, но от неприятеля, как явно является из вышеписанных посылок и предложений к шведам, не точию, когда оне в силе были, но и по крайнем силы их разрушении под Полтавою.

Отвещал бы негодующий, что неприятель для того не мирится, что много у него взято и не хочет того уступить. А когда б отдали, то б был мир, понеже и без того прежде жили и с ними ж войны бывали, и брав городы, отдавали, для чего ныне не так?

ОТВЕТСТВУЮ:

Прежние времена не суть равны нынешним, ибо шведы тогда о нас не так разсуждали и за слепых имели, как о том славной историк Пуфендорф пишет в книге «Ведения во Истории» (которая ныне переведена и напечатана на славенском языке) о руском народе.

И что не токмо одни шведы, но и другия и отдаленныя народы всегда имели ревность и ненависть на народ российской и тщились оной содержать в прежнем неискустве, особливо же в воинских и морских делех.

То явно из последующаго, что обретается в гисториях прежних секулов или веков. А имянно.

Лета 1533-го в Любеке городе общим всех поморским городов согласием установлено, дабы навигация к Нарве не была. А кто бы дерзнул туда ездить, то бы у всех был безчестен и не вольно бы ему ничем торговать. Сие же установлено для того, дабы от немецких людей, к Нарве приходящих и в Нарву русскую или Ивангород преселящихся, не обучалися русские навигации, воинских регул и пушечного художества. Ибо так разсуждали иноземцы, что Россия самою большею Севера частию владеющая, если себе флот построит и при Нарве гавен и магазин оружейный сделает, то не токмо в Ливонию, но и во всю Германию с войски своими пройдет, подобно как турок от генувесцов прибыли купеческой ищущих, навигации обучився и флот построив и Гелеспонт перешед, Царьград взял и скоро Македонию, Иллирию и всю Морею пленил.

Сие пишет гисторик Август Туан в книге 36 на страницах 309 и 310, да Иоанн Лонцений «О власти морской», книга 1, глава 2, страница 16. И по тому долго карабли купеческие к Нарве не ходили.

А когда при царе Иоанне Васильевиче купцы любские начали ездить к Нарве, учинилося на них отвсюду роптание и была о том распря пред цесарем Фердинандом в Вене. И цесарь, преклонен к стороне любской, позволил купцам любским ездить в Россию, а заповедь навигации руской так истолковал, что только оружия и оружейных припасов в Россию вывозить заповедано, а ездить с иными товарами невозбранно, объявляя, я де уповаю на любских граждан, что они крепко наблюдать будут, дабы вызовом оружия на Русь не учинилося бедство Немецкому государству. – Тот же гисторик там же, страница 310 и 311.

Однако любские купцы не только иные товары, но и серу, железо, медь красную и зеленую и свинец и протчую аммуницию вывозить в Россию начали, за что шведский король Ерикус (хотя тогда в миру был с царем Иоанном Васильевичем) вельми на любчан сердитовал и карабли их на море брал. – В том же aукторе, страница 311. И тогда любчане чрез послов своих просили у царя Иоанна Васильевича заступления и помощи против короля шведского. Но царь Иоанн ответствовал оным, что готов их заступать в своей земле, куплю деющих, а в чужей стране помогать им не может для того, что имеет мир с королем шведским. – В том же гисторике, страница 312.

Зри зде, каковым себе являет король шведский царю Иоанну Васильевичу и каковым царь Иоанн Васильевич к шведскому королю.

1558 году царь Иоанн Васильевич в Нарве, которая во владении его была, торговое руское место иноземским купцам определил. И тот час тут агличаня, голанцы и французы великим множеством приходить начали, что вельми нелюбо было магистру ордина Ливонского, тако ж и архиепископу рижскому. И жаловались они пред Фердинандом цесарем о том, яко о обиде всему Римскому имперню деемой, но то не успело к препятию помянутой навигации. – Тот же Туанус в книге 51, странице 1010.

1557 году, писал Густав Первый, король шведский, до короля дацкого сии слова: понеже агличане новый и необыклый путь чрез море Ледовитое в Россию к пристани святаго Николая себе отворили, плавающе мимо Норвегии, что всем окрестным государствам и моря Балтийского поселником и городам неоцененную гибель нанесет, эгда заповедные всякого рода воинские инструменты и оружие в Россию вывозят, которыми россиане против протчих христиан презельне вооружитися и образом силы турской в Азии и Африке превозмогше и владения над Европою пожелати возмогут, того ради приятельско желаю, дабы король Фридерик (дацкой) и для оберегательства своих корыстей и для отвращения гибели от протчих христианского имени членов изволил оную агличаном навигацию препяти. – Иоанн Лонцений, историк шведский в книге 5 истории, на странице 334, печатаной в Стекголме, во втором издании.

Того ж году тот же Густав король своим и общим купечества именем писал то ж и до королевы аглинской Елисабеты. И она ему сей ответ подала: я де моим подданным свободу плавания, куды они хотят получившым, запретить не могу, однако хощу заповедать, дабы оружия в Россию не возили. – В книге того ж Лонцения, там же.

Тако ж и недавно шведской министр граф Штейнбок писал к королю своему по победе у Нарвы, дабы не продолжал войны долго и тем бы не обучил россиян, от чего великую опасность являл.

Из чего довольно мочно видеть, что ныне так невозможно делать, как прежде. Еще ж вящше объявляю, что при Нарве с протчими взят был с нашей стороны в полон доктор Григорей Корбонарий, которой ясно сказывал, что шведы давно имели намерение в войне против россиян и зделан был проэкт, чтоб Новгород, Псков, Олонец, Каргополь и город Архангелской завладеть, дабы с иностранными областьми весьма купечество у России пересечь, которые его слова тогда междо веры и недоверия приняты. Но по том, когда Рига и Ревель взяты, то от многих из их же подданных и пленных о том подлинное свидетельство явилось, что конечно такое их намерение было давно, но ожидали свободного времени.

Но когда за бунт стрельцы переведены и начали регулярное войско заводить, тогда всеконечно взяли резолюцию о войне вскоре, о чем явно резидент их Книпер в жестоких словах предлагал – для чего регулярные войска заводят, чего пред тем не бывало, и что король их не может терпеть. Но смерть отца сего короля, а его молодыя леты удержали. Однако ж по двух или трех годах подлинно хотели начать войну, хотя б и наша не предварила.

Того ради разсуди, какая была всегдашняя злоба сих соседей, еще при начатии рощения российской славы и введения добрых порядков? Каково ж ныне, когда господь Бог так прославил, что оныя, от которых, почитай, вся Европа опасалась, ныне от нас побеждены суть?

И могу сказать, что никого так не боятся, как нас. За что Господу сил да будет в выну хвала, нам же помощию его в таковую высокую степень возшедшим (чрез премудрое управление и неусыпные труды всемилостивейшаго царя и государя нашего, учредившаго и обучившаго в России регулярное на земли войско, какова прежде не бывало, и устроившаго карабельной и галерной флот, о котором кроме имяни от веку в России и не слыхано) не негодовать или скучать подобает, но терпеливо понести оную и трудолюбно искати с его же помощию добраго и безопасного конца сея войны.

Помысли, егда отдачею на сем крае моря допустим так злобнаго соседа паки внутрь себя, то какова добра впредь ожидать имеем? И не посмеетца ль весь свет, что, претерпя уже 17 лет и получа такия в свете славы, паче же безопасства, паки подвержем себя всегдашнему бедству и вечному стыду без всякой нужды? Ибо с помощию Божиею такую ныне войну имеем, о которой едва слышим, где оная есть, и яко бы то во Индии делалось.

Но хотя б славу, честь и прибыток уничтожа, учинить мир (по мнению негодующих) и допустить паки так близко сего соседа, как пред тем было, то какой покой обрящем? Воистинну не покой, но бедство, ибо уже довольно видеть из вышеписанных мочно, что когда в России и на уме ничего не бывало, какие промыслы и злохитрые коварства оные против государства нашего имели. Но ежели ныне, исполня то все, чего оные опасались, и так глубоко им досадя, паки себя обнажим, то подумай, оставят ли они нас в покое, дабы всегда могли нас боятца? Воистинну, никако, но будут искать того, чтоб так нас разорить, чтоб век впредь не в состоянии были какие знатные дела чинить. И не только чтоб им нас

боятся, но всегда б так над нами быть, дабы никогда не смели ничего против их учинить, и тако бы мы сами себе враги и разорители были.

И тако сие объявя, прошу, благосклонный читателю, принять сие разсуждение, от малого таланта моего сочиненное приятно, и верить, что хотя оное не высоким и ученым слогом сочинено, но самою истинною с основанием представлено и из верных актов собрано.

И сим чиню сему окончание [54].

№ 55

1700, серпня 19. – Москва
Царський указ про збір війська на війну проти шведського короля

Великій государь указал: свѣйскаго короля, за многія его к нему, великому государю, неправды, и что во время его государева шествія чрез Ригу от рижских жителей чинились ему, великому государю, многія противности и непріятства, идтить на его свѣйскаго короля городы своим великаго государя ратным людям войною; а на той своей великого государя службѣ быть в полку фельдмаршелка и адмирала Ѳедора Алексѣевича Головина стольникам и стряпчим и дворянам московским, жильцам да стольникам же великих государынь цариц всѣх, по спискам, да тѣх же чинов дѣтям их и свойственникам, которые в службу поспѣли, опричь тѣх московских чинов людей, которые написаны в ученье ратнаго строю, и стать им всѣм на той службѣ в Новѣгородѣ на указные сроки; которые сами живут на Москвѣ и от великаго Новагорода в трех стах верстах и меньше: тѣм сентября 1, а которые от Новагорода далѣ трех сот верст, тѣм сентября ж 15 числа нынѣшняго 1700 году. Да с ним же фельдмаршелком и адмиралом Ѳедором Алексѣевичем на той службѣ быть генералам: Автоному Михайловичу Головину, Адаму Адамовичу Вейдѣ, князю Никитѣ Ивановичу Рѣпнину с пѣхотными полками. А которые московских чинов люди на той службѣ, за своими нуждами, быть не похотят: и с тѣх взять в свою великаго государя казну деньги, за которыми, по переписным книгам 186 года, крестьянских и бобыльских и за дворных и дѣловых людей по пятидесят дворов и больше, с тѣх по два рубли с полтиною с двора, а за которыми меньше пятидесят дворов и за которыми крестьян нѣт, с тѣх по сту по двадцати по пяти рублев с человѣка; а которые явятся больны, и буде выздоровѣют: и тѣм стать на той службѣ в Новѣгородѣ, послѣ сроку в мѣсяц; а буде тѣ больные в мѣсяц не выздоровѣют: и с тѣх взять, с крестьянских и с бобыльских их дворов по рублю с двора, а которые на тое службу огурством своим не поѣдутъ: и тѣм будет казнь. И для той нынѣшней службы им, московских чинов людям, во всяких истцовых дѣлах, оприч татиных и разбойных и убивственных дѣл, отсрочить до своего великаго государя указу. И сей свой великаго государа указ в розрядѣ записать в книгу, а московских чинов людям о том на Постельном крыльцѣ сказать; а в городы о высылкѣ послать свои великаго государя грамоты, а в приказы об отсрочкѣ в дѣлах памяти [55].

---

[54] *Шафиров П. П.* Разсуждение о причинах Свейской войны (1717, 1722) // Россию поднял на дыбы...: В 2 т. / Сост., предисл, вступительные статьи к документам Н. И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 1987. – Т. I. – С. 461–549.

[55] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. IV. – С. 74–75.

№ 56

1701. – Фрейштадт
Анонімні повідомлення іноземців-сучасників про початок Північної війни, надруковані у місцевому листку

О поражении москвитян под Нарвой и почему они никогда не станут твердой ногой в Лифляндии и не в состоянии будут ничего сделать против Польши

Милостивый государь!

Всякого по справедливости до крайности удивляет поражение москвитян под Нарвой. Такая большая армия, состоявшая более, чем из 80 000 человек, не только не могла, после почти девятимесячной осады, овладеть Нарвой, не особенно сильно укрепленной, но даже, захваченная 20-го ноября врасплох в своем лагере гораздо слабейшим шведским войском, под предводительством короля Карла XII, была разбита, и весь лагерь со всею артиллериею из 150 орудий, 30 мортир, весь багаж и 25 обер-офицеров (генералов и других начальников), между коими находился сам генерал-фельдмаршал герцог фон Крои, достался шведам в плен и добычу. Если бы это были все только одни москвитяне, то никто бы, знакомый с храбростью и военным искусством шведов, этому не удивился; но так как офицеры были большею частию немцы, шотландцы, датчане и из других известных своею храбростью наций, то это еще удивительнее и скорее должно почесться за дело Божеское, чем человеческое. По поводу этаго происшествия мне пришло много серьезных и замечательных мыслей, между прочим то, что не без основания можно сказать, что это поражение обошлось москвитянам дороже, чем прежния: потому что они переступили границы, назначенные самим Богом их государству, и поэтому не могут иметь никакой удачи, так как опытом доказано, что всякому государству самим Богом назначены известные границы, через которые они не могут переступить, какие бы труды и усилия они не употребляли, и если они поступят вопреки Божественному определению, то будут наказаны за это стыдом и позором. Это подтверждает и Ап. Павел, постигший божеское и человеческое, в Деян. Ап., гл. 17, зач. 26, где он пишет: «от одной крови Бог произвел весь род человеческий, для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию». Эти Богом назначенные пределы или границы можно видеть как в древних, так и в новых государствах. Всякий раз, как только ассирияне и персы хотели распространить свои границы за Геллеспонт, они терпели только поражения; для древних римлян такой роковой границей были на Востоке – Евфрат, а на Западе – Эльба, за которые они тщетно старались распространить свои владения, как об этом можно прочесть у Рихтера в «Аксиомах» стр. 37 и след. Также, когда Тиверий, в правление Августа, осмелился со своими римскими легионами перейти через Эльбу, некий дух в женском образе навел на него ужас и приказал ему возвратиться назад. В виду этого предопределения Траян приказал прекратить попытки распространять римские пределы за Евфрат. Подобным же образом доказано, что река Танаис и гора Кавказ были в древности столь же роковыми для всех царей и монархов,

и они не могли переступить этих границ. С существующими в настоящее время государствами случилось то же самое. Почему турки, несмотря на все их могущество и свирепость, не могли утвердиться на Западе, за Венгрией, и два раза тщетно осаждали Вену? Потому, отвечаю я, что этого не дозволяли Богом назначенные для них границы. Французы до сих пор, после многократных, тщетных усилий, не могли утвердиться за Альпами в Италии, и впоследствии исполнить это будет им еще труднее, равно как, с другой стороны, Рейн представляется роковою для них границею относительно Германии.

По всем соображениям, подобною роковою границею представляется Лифляндия и Ливония для Московского государства, котораго царь властвует далеко на востоке и распространил свою власть над половиной великой Азиатской Татарии, на пространствах 500 миль, до огромного государства Китая, как это можно видеть из описания путешествия в Китай русского посланника Избрандта; но на Западе, в Лифляндии и Ливонии, московские монархи к течение двух столетий не могли прибрести ни одной мили. В прошлом столетии московский тиран Иван Васильевич какие ни употреблял для этого усилия, но все напрасно; в нынешнем столетии царь Михаил Федорович, дед нынешнего великого князя, думал, что с надлежащего пункта начинает дело, осадив город Ригу в 1656 г., в то время, как шведы впутались в опасную и тяжелую войну с поляками, но должен был со стыдом и позором уйти назад. Точно также и с нынешним предприятием царя не могло быть иначе, потому что он захотел поступить вопреки определению Божию, да еще к тому же против верности и веры, как нарушитель мира; да и впредь не может быть лучше, если он не запомнит этого определения и не обратит своей от Бога полученной власти с большим правом в другую сторону, против турок и татар. За сим остаюсь и проч. N.

6 января 1701 года.

О том, что осада и освобождение Нарвы во многом похожи на осаду Вены турками и что победа шведов в некоторых отношениях важнее для христиан победы их под Веною

Милостивый государь!

Осада Вены турками в 1683 и блестящая победа христиан, которую они одержали при ее освобождении, есть, без сомнения одно из самых замечательных событий этого века и одна из самых достохвальных побед христиан, какую только они одерживали, в течение долгаго времени над своими исконными врагами. Эта осада Вены и победа христиан под ее стенами во многом похожи, по моему мнению, на осаду Нарвы москвитянами и на победу над ними шведов при ее освобождении; только шведская победа еще важнее. Вена была тогда оплотом христианства против турок; тем же самым служит Нарва в Лифляндии с шведской стороны против Москвы. Турки были убеждены, что если они овладеют Веной, то вся Германия будет лежать у их ног, вследствие чего они, и тот, и другой раз употребляли все усилия, хотя и напрасно, чтобы овладеть этим городом. Москвитяне не менее убеждены, что от завоевания крепости Нарвы зависит обладание всей Лифляндией и даже более, вследствие чего они и прежде, и теперь, предполагая, что выбрали самое удобное время, тщетно нападали на этот город. Турки нарушили мир с императором из-за самаго ничтожного предлога;

подобное же сделали и москвитяне, нарушив мир, который они незадолго перед тем утвердили большим посольством к шведскому королю. Спасение обоих осажденных городов зависело от храбрости освобождавших; оба города были осаждены огромными армиями, из которых турецкая состояла из 200 000, а московская более чем из 80 000 человек. Турецкою армиею предводительствовал великий визарь, между тем как султан находился поблизости, в Белграде; московскою армиею предводительствовал сам царь; в обоих местах был употреблен в дело сильный огонь. Как христиане под Веной, полагаясь на свое правое дело, с веселием и необычайной храбростью напали на турок, точно также и шведский король не испугался великой опасности, но сказал, что он надеется на свое правое дело, полагается на Бога и готов подвергнуть опасности свою жизнь за благо своих подданных: Бог скорее поможет при малочисленности сил, чем при их многочисленности. Наконец, еще и в том сходны оба осажденные города, что оба имели храбрых комендантов: Вена – графа Штаренберга, Нарва – графа Горна, и оба храбро выдержали осаду.

До сих пор обе осады были одинаковы; но в их освобождении и в одержанных при этом победах заключается та разница, что турецкая армия не обезопасила себя укреплениями, а московская защитила себя хорошими ретраншементами. Турецкая армия состояла из одних только турок, и поэтому христианам легче было рассеять этих варваров, не могущих твердо стоять в сражении, и обратить их в бегство; между тем как московская армия имела настоящих христианских обер-офицеров, опытных в войне и умевших противупоставлять неприятелю острие своего оружия. Христианское войско под Веной состояло более чем из 60 000 человек, шведское же едва из 25 000. Под Веной христиане овладели почти всем турецким лагерем, турецкую же армию обратили в бегство; под Нарвою шведы захватили не только весь московский лагерь, состоявший из артиллерии, амуниции, провианта и багажа, но, вместе с тем, всем генералитетом, большею частию обер и унтер-офицеров и почти всею армиею и положили на месте больше 20 000 человек. И так как эта только что начатая московско-шведская война похожа по своему началу на бывшую турецко-венгерскую, то желательно, чтобы она не была похожа на нее по продолжительности и кровопролитию, но скорее пришла бы к своему окончанию...

9-го января 1701 года.

О том, что в предпринимаемой воине весьма много значит, имеет ли государь счастливых или несчастливых генералов; также о том, какое значение имеют в сражениях justiciae causae (оправдательные причины) и когда сам государь должен принимать участие в военных предприятиях

Милостивый государь!

Эти примечаемые при освобождении шведами Нарвы необыкновенные обстоятельства навели меня, в свою очередь, на некоторые размышления, так что я почти готов сказать, что поражению москвитян немало способствовала замеченная неудача на войне герцога фон Крои, как генерал-фельдмаршала, и я могу этого, все-таки храбраго, человека присоединить к числу несчастливых генералов. В 1690 г., когда турки осаждали Белград, был он послан его императорским величеством в этот город, в котором, впрочем, был комендантом генерал

Аспермонт; но когда этот город, несмотря на все свое сопротивление, был взят штурмом турками, герцог фон Крои, вместе с немногими оставшимися, едва успел спастись на судах. В 1693 г. императорские войска решились, под начальством помянутаго герцога, снова завоевать Белград, но принуждены были, при приближении турецкого войска, со стыдом отступить. Таким образом, этот, все-таки храбрый, князь есть один из несчастливых генералов нашего века и может быть сравнен с покойным князем фон Вальдеком, тоже отличавшимся замечательными военными неудачами, как это показывают примеры, бывшие с ним во время польских и нидерландских войн. И как, с одной стороны, весьма много значит, чтобы государь, предпринимая войну, имел счастливых генералов, так, с другой стороны, весьма опасно, если, по Божьей воле, его постигнет неудача.

Далее я приметил, что для офицеров и простых солдат имеет большое значение справедливость войны, которую они ведут. Мудро сказал языческий поэт:

Frangit et attolit vires in milite causa,
Quae nisi justa subest, excutit arma pudor.

И нигде яснее не обнаружилась справедливость этого изречения, как при освобождении шведами города Нарвы. Шведский король, несмотря на все убеждения императорского и французского посланников, с неописаною храбростию решился на освобождение (Нарвы), сказав, что он полагается на свое правое дело и надеется на Бога, после чего обратился к своему войску с решительным вопросом: хотят ли они вместе с ним положить жизнь свою в предстоящем сражении, и когда они отвечали на это утвердительно, он двинулся со своим несравненным войском вперед и напал на огромное и занимавшее выгодную позицию московское войско, окончательно струсившее и растерявшееся, и при всеобщем смятении разбил его и захватил в плен, так что к нему очень хорошо можно применить победное изречение Юлия Цезаря: Veni, vidi, vici. Одержанная им победа ясно выразилась в его боевом истинно-христианском возгласе: с помощию Христа! Так что здесь исполнилось то, что говорит Липсиус: altus animus Deoque fisus per obstantes catervas explicuit sua victor arma.

За сим идут рассуждения автора письма о значении счастия на войне, с цитатами из Флора и Цицерона.

Наконец, должно считать большою мудростью со стороны этого юного короля (Карла XII) и то, что он сам лично предпринял освобождение Нарвы и не поручил этого дела кому либо из своих генералов, потому что в делах первостепенной важности, каковым было это освобождение, крайне необходимо присутствие верховного главы или князя; и, если бы сражение было проиграно, то Нарва и даже, без сомнения, нечто и большее, были бы потеряны, тогда как теперь дело приняло совсем другой оборот: ибо московское войско совершенно разбито. Но было бы иначе, если бы освобождение не удалось, или неприятель был бы принужден только отступить. Победа эта, при которой столько офицеров попало в плен, похожа на ту, которую одержало баварское войско над французско-веймарскою армиею, при Дютлингене, в 1643 году, потому что тогда попали в плен главнокомандующий веймарскою армиею, генерал-лейтенант Ранцау, четыре фельдмаршала, генерал-майор Шёнбах, 7 обер-офицеров, 7 обер-лейтенантов, 4 майора, 90 капитанов и ритмейстеров, 98 лейтенантов, 52 фендриха и корнета.

Таким образом можно сказать, что под Нарвой остался цвет московского войска, и впредь, если захотят изобразить несчастную осаду, то будут называть ее Нарвскою, а про потерпевшего поражение будут говорить, что с ним случилось тоже, что с москвитянами под Нарвой.

12 января 1701 года.

О том, что московско-шведская война после этого поражения не кончится и сделается еще ожесточеннее

Шведская победа под Нарвой есть событие, достойное великой славы, заслуживает удивления потомства и должна быть отнесена к числу знаменитейших героических подвигов всех времен. Однако же не следует думать, что этим оканчивается дело и что Московское государство вполне уничтожено. Это только как бы отрицательное доказательство правоты дела со стороны шведов, так что москвитянам будет тем труднее выступить с доказательством будущей победы, говоря юридическим языком. С шведской же стороны этим проложена хорошая дорога к будущим успехам; но еще много встретится препятствий и затруднений прежде, чем будет достигнута предположенная цель, а огромное Московское государство будет унижено и принуждено к приличному миру. Вступающий в борьбу с таким могущественным варварским государством похож на человека, желающего свалить огромное и старое дерево: он наносит ему многочисленные удары, но долгая и постоянная работа должна, наконец, свалить дерево. Или государь, принужденный иметь дело с варварским государством, похож на человека, намеревающегося убить дикого зверя: он наносит ему один за другим жестокие удары; но животное, почувствовав раны, свирепеет еще более и старается всеми силами отмстить своему врагу, который, таким образом, находится в это время в большей опасности, чем до нанесения раны животному. Хотя известно, что счастливое начало подает надежду и вероятность на хорошее и победоносное окончание; но царь московский, чтобы отмстить шведам, поднимет все свое государство, и так как известно, сколь оно обширно и сколько сильных варварских племен оно в себе заключает, то поэтому должно полагать, что как только он действительно это предпримет, Лифляндия сделается театром многих кровавых дел и, как таковая, будет наводнена громадною толпою татар и других восточных народов. Однако, должно предполагать, что шведы своим храбрым и правильно устроенным войском победят это множество и с честию окончат войну, что уже и предсказано хорошим началом, поелику Тацит говорит: ut belli est initium, ita fama in caeteros, особенно если шведы не впадут в гордость и не будут презирать врага.

Далее автор письма рассуждает об изменчивости счастия на войне, и, приведя примеры этой изменчивости из только что окончившейся войны Австрии с Турцией, заключает письмо такими соображениями:

На эту турецкую войну во многом похожа теперешняя шведско-московская, так что, по всей вероятности, много будет потрачено труда и пролито крови прежде, чем достигнут примирения; ибо справедливо говорится, что легко начать войну, но трудно ее окончить: в то время как начало ее зависит от воли всякого, мир находится в руках победителя, который даруетего, когда и как он хочет.

24 января 1701 года.

Ответ на предыдущее и о том,
что понесенное московским царем поражение есть Божие наказание
за его высокомерие и дерзость, порожденные в нем
сопровождавшим его до сих пор счастием

Милостивый государь!

В полученном мною 24-го числа сего месяца письме справедливо сказано, что высокомерие и самоуверенность суть такие пороки, которые могут, говоря вообще, человека повергнуть с высоты счастия в величайшее несчастие. Высокомерие предшествует падению, и люди, ослепленные высокомерием и надменностью, могут пренебрегать предусмотрительностью, необходимою во всех человеческих поступках, и если они от природы одарены необходимым разумом, то пренебрегают им и считают его лишним, а неприятеля считают незаслуживающим большего внимания. Это доказывают безчисленные примеры древней и новой истории.

(В пример приведено презрительное отношение персов к Александру Македонскому и австрийцев к шведам в 30-ти-летнюю войну, печально окончившееся для тех и других.)

Самый же новый пример, что высокомерие и самоуверенность порождают несчастие, представляет теперешний царь, который успел приобрести себе великую в свете славу, победив во многих сражениях татар и завоевав у них большую область, также покорив турецкую крепость Азов и распространив свои владения от Белаго до Черного моря. Но когда он сделался от такого ласкательства счастия высокомерным и рассердился на еще юного шведского короля, как будто сей последний должен был переносить все, что бы царь ему ни сделал, то и счастие его претерпело столь сильный переворот, и этот храбрый король (т. е. Карл XII) доказал, что не всегда верх остается за старшим и что борода делает мужа, но не делает героя, главный двигатель котораго есть сердце, скрытое в груди, которое можно познать только из прекрасных дел. Наступившее для царя несчастие происходит также и от его жестокости, которую он обнаружил в казнях, когда он, два года назад, велел казнить несколько тысяч подданных, обвиненных в бунте, из которых несколько сот умертвил сам, как палач. Этим он еще больше отвратил от себя сердца своих подданных. За подобные жестокости были изгнаны Дионисий, против Калигулы, Нерона, Домициана и многих других было поднято оружие. Трагик Сенека справедливо сказал: violenta imperia, nemo tenuit diu, moderata durant. Царь мог иметь перед глазами примеры древних и новых тиранов, жестокость которых повсюду доводила их до позорного конца. В этом случае мне никогда не нравились извинения, подобные тому, что царю приходится иметь дело с народом, который только подобными мерами может быть удержан в повиновении; подобные объяснения ничего не значут.

(Здесь автор письма приводит подходящие цитаты из Сенеки и Тацита.)

Поэтому царь находится в опасности потерять свою репутацию в делах с внешними врагами и свое царство и жизнь в делах с внутренними. Однако я ему этого не желаю, но, напротив, желаю, чтоб он был в лучших обстоятельствах и, вместе с тем был счастливее.

26 января 1701 г.

О том, что москвитяне, из политических видов, скрывают свои великие потери под Нарвой и стараются их умалить; однако скорее следует верить не им, а шведам

После общих рассуждений о том, что «частью из стыда, частью из политических рассчетов, чтобы не особенно смутить союзников, а также и подданных, потери в сражениях представляются всегда в гораздо меньшем виде, чем были в действительности», о русских говорится следующее:

Москвитяне, хорошо умеющие разглагольствовать о своих делах, не противоречат своим природным качествам, когда уменьшают понесенные ими потери; но я полагаю, что для них было еще постыднее, что они, без большой потери людей, бросили весь лагерь и, как малодушные трусы, допустили уничтожить свою и своего царя репутацию, тем более, что с шведской стороны с большими клятвами стараются уверить, что шведов, овладевших лагерем, было не более 9000 человек. Итак как московское войско, свыше 80 000, находилось в укрепленном лагере, под предводительством храбрых иностранных офицеров, разрушение же моста лишило их возможности бежать, и они позволили разбить себя и целиком захватить в плен 9000, то я не могу понять, как могут москвитяне утверждать, без великого для себя стыда и позора, что с их стороны пало не более 4000 человек, когда даже шведы доводят свою потерю до 3000 человек.

Что же касается до того, вследствие каких побуждений католическое духовенство завидует блестящей победе шведов, о чем находится известие в сообщении из Регенсбурга, то тут действует или ненависть к протестантской религии или старинная злоба после Немецкой (30-летней) войны. Несколько дней тому назад появился здесь один францисканский монах, вздумавший открыто говорить, что шведы, если бы они были честные люди, не должны были нападать на москвитян с тылу, но должны были бы, как честные солдаты, сойтись с ними лицом к лицу, и что крестьянин, проведший короля в тыл русского лагеря, был не человек, а воплощенный дьявол, нагнавший шведов на русских.

Далее идет молитва, сложенная католиками против лютеран, в которой первые просят у Божьей Матери защиты «от этих бранденбургских церберов» и «английских нехристей».

О полезном намерении датского короля учредить постоянное земское ополчение

В Москве в случае войны сельский народ сгоняется, как скот, и бояре или дворяне должны, по повелению царя, являться на конях; но так как это народ неопытный и к войне несклонный, то и заслуживает, по большей части, плохую славу в этом деле.

Далее говорится о войске турецком и венгерском. Про венгров автор говорит, что это «воинственный, храбрый народ, тогда как москвитяне, напротив, представили в прошлом году под Нарвой плохое доказательство своей храбрости» [56].

[56] Отзывы иностранцев-современников о великой Северной войне (пер. Ф. Вестберга) // Русский архив. – 1896. – № 1. – С. 6–16.

№ 57

1705, березня 14. – Москва
Лист англійського посла Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

Седьмаго числа текущаго мѣсяца я имѣл честь подробно познакомить вас с затрудненіями, на которыя преимущественно жалуются проживающіе здѣсь англійскіе купцы.

По этому поводу я 11-го марта передал графу Головину памятную записку, перевод которой при сем прилагаю. Он может понадобиться для лучшаго уразумѣнія отвѣтов, которые получатся от царских министров.

Позвольте мнѣ также сообщить вам нѣкоторыя свѣдѣнія о боевых силах царя и об их военной организаціи, которая совершенно несходна с прежней.

Москвитяне прежде регулярнаго войска не имѣли, а в минуты опасности каждая область призывалась выставить десятаго, двадцатаго, тридцатаго человѣка. Эти ратники обязаны были сами содержать себя, а по окончаніи похода распускались по домам, к обычным своим занятіям.

Дѣд царя, Михаил Федорович, первый устроил четыре полка пѣхотной стражи, названной стрѣльцами; а отец нынѣшнаго государя, Алексѣй Михайлович, потерпѣв многія тяжелыя неудачи в войнах, веденных им с Швеціей и Польшей, и убѣдясь, как мало необученная толпа пригодна для военнаго дѣла, прибавил еще 16 полков, которые вмѣстѣ с прежними, составили войско в 20–24 тысячи человѣк. В мирное время большая часть его оставалась в Москвѣ, гдѣ под стрѣлецкія жилища отведена была обширная слобода; остальные стрѣльцы располагались гарнизонами в разных пограничных мѣстностях. Это устройство, кажется, дано было стрѣльцам по образцу турецких янычар. Но по тому же примѣру стрѣльцы уже через нѣсколько лѣт стали обнаруживать слишком явное неповиновеніе властям, опасное для страны. В теченіе шести лѣт они оказались виновными в четырех ужасных мятежах, во время которых умертвили значительное число дворян, ограбили дома их, вынуждали государей покидать город ради личной безопасности, и вообще чинили всякіе безпорядки. Когда их простили за послѣдный бунт, они всѣ подписали новую грамоту, в которой, обѣщая смириться, отдавали себя и семьи свои на саміи лютыя пытки в случаѣ, если когда-нибудь снова измѣнят закону и дисциплинѣ. Несмотря на это, в 1698 году, в отсутствіе государя, вспыхнул новый мятеж. Он мог окончиться низверженьем царя с престола, если бы не был подавлен генералом Гордоном.

Послѣ стольких явно измѣннических поступков немыслимо было долѣе полагаться на обѣщанія и раскаяніе мятежников, по чему по возвращеніи царя нѣсколько тысяч стрѣльцов выслано было охотиться за соболями, в Сибирь, других отправили рыть траншеи в Азов, а несчастные остатки этой рати, незамѣшанные в бунтѣ, изводяться теперь в Литвѣ и на границах Ингерманландіи. Имя стрѣльцов предано забвенію, московскіе дома их снесены, и едва ли что-нибудь осталось от них, кромѣ воспоминанія об их преступленіях и казнях.

В замену этого войска царь начал формировать регулярные полки и устраивать их по нѣмецкому образцу. По наиболѣе достовѣрным исчисленіям, которыя мнѣ удалось добыть, в его арміях числиться теперь до ста тысяч человѣк, кромѣ

казаков. В этот счет включены войска, расположенные в Литвѣ и Ливоніи, шеститысячный отряд, дѣйствующій в Саксоніи, и всѣ гарнизоны обширнаго пространства от Астрахани, Азова и Кіевскаго края до Смоленска, Нарвы и Архангельска.

В виду этих расчетов, вы, конечно, потрудитесь замѣтить, что «тмы» москвитян, обыкновенно наполняющія газеты, изчезают при ближайшем наблюденіи, и хотя царь, как неограниченный повелитель над жизнью и имуществом своих подданных, и мог бы выставить в поле многочисленные толпы, как, пожалуй, и дѣлывали нѣкоторые из его предков, они, надо полагать, не в силах содержать большаго количества регулярных войск, чѣм теперь. Когда царская армія потерпѣла пораженіе под Нарвой в 1700-м году, в ней было не болѣе 32 000 человѣк, хотя русскіе перед битвой, и шведы послѣ сраженія увѣряли, будто москвитян было болѣе ста тысяч. И в прошлом году, при взятіи Нарвы, в царском войскѣ было только 12 000 пѣхоты и столько же драгун. Русскіе лагери бывают очень пространны вслѣдствіе закона, которым на каждые 6 пѣхотинцев полагается повозка, лошадь и слуга, ненужные в день боя, и сильно мѣшающіе передвиженіями, что, впрочем, сознается, и эти порядки будут, кажется, измѣнены в настоящую или в слѣдующую кампанію.

Высылаю вам список всѣх сил, назначенных для дѣйствія в Лифляндіи и Литвѣ в теченіе нынѣшняго лѣта. Из них лучшыя – от 36-ти до 40 тысяч человѣк – двинутся в поле, а остальныя расположатся в Нарвѣ и по окрестным гарнизонам. Здѣсь разсчитывают, что к ним присоединится еще гетман Мазепа с 15-ю или 20-ю тысячами казаков, с которыми регулярное войско должно сойтись около Кіева. Но еще до сих пор остается нерѣшенным, постарается ли царская армія соединиться с королем польским, как предполагалося в концѣ прошлой кампаніи, или осадить Ригу. Послѣднее много вѣроятнѣе.

Пѣхота вообще обучена очень хорошо, и офицеры говорили мнѣ, что не могут надивиться рвенію простых солдат к дѣлу с тѣх пор, как им выяснили лежащія на них обязанности. Оба гвардейскіе полка и полк ингерманландскій хорошо вооружены и хорошо одѣты, а большая часть остальных полков довольно посредственно снабжена амуницией и огнестрѣльным оружіем. Как бы то ни было, на всю эту армію можно смотрѣть покуда не иначе, как на собраніе рекрут, потому что большинство полков сформировано не болѣе двух лѣт тому назад. Эта слабая сторона могла бы, конечно, в значительной степени восполниться способными офицерами, но, как слышно, в них, особенно в генералах, чувствуется большой недостаток. Всѣ здѣшніе плотники и кузнецы в данное время заняты выдѣлкой рогуль, которыми рѣшено снабдить всѣ батальоны, так как пик русскіе не употребляют.

Я имѣл уже честь сообщить вам, что здѣсь негдѣ добыть рослых и сильных лошадей, потому в царской арміи собственно кавалеріи нѣт, зато государь в послѣднее время сформировал 16 драгунских полков, преимущественно из дворян и землевладѣльцев, которые обязаны отправлять службу, как простые солдаты, но на собственный счет. Они ѣздят на легких татарских лошадях, и выдержали нѣсколько удачных стычек с шведскими отрядами в Лифляндіи; но сомнительно, чтобы в правильном бою они могли устоять против шведских кирасир, которые имѣют значительное преимущество перед ними, так как снабжены и лучшими лошадьми, и лучшим оружіем.

Что касается казаков, они нѣсколько похожи на имперских гусар, и скорѣе пригодны для секретов и перестрѣлок, чѣм для правильных военных дѣйствій. Из них одни вооружены коротенькими, ржавыми ружьями, другіе – луками и стрѣлами. Они обязаны являться на службу по призыву царя и в том количествѣ, в каком царь сочтет нужным созвать их.

Артиллерія в настоящее время замѣчательно хорошо устроена и генерал Огильви говорил мнѣ, что ни у одного народа не встрѣчал такого умѣнія обходиться с своими пушками и мортирами, как прошлаго года у русских под Нарвой. Недавно отлито сто новых мѣдных орудій разных калибров, большая часть которых уже отправлена в Смоленск со многими мортирами, с значительным запасом бомб, гранат, пороха и прочих боевых припасов, которых здѣсь вполнѣ достаточно, так как за послѣдніе годы открыты многія залежи прекрасной желѣзной руды, а селитры с Кавказа доставляется даже болѣе, чѣм нужно. Русскіе начали также выдѣлывать мушкеты и пистолеты, добыв нѣсколько оружейников из Берга, из владѣній курфирста пфальцскаго; эти мастера изготовили оружіе для многих полков, но видѣнные мною образчики их работы очень неудовлетворительны. Со временем, впрочем, оружейное дѣло здѣсь, вѣроятно, усовершенствуется.

Содержаніе всей этой арміи обходится царю не болѣе двух третей той цѣны, в которую то же количество войск обошлось бы всякому другому из европейских государей, так как русскіе, имѣющіе достаток, обязаны нести службу на собственный счет или за крайне незначительное вознагражденіе; расходы идут единственно на иностранных офицеров и на простых пѣхотных рядовых. Я, впрочем, нахожу, что здѣсь даже суммы, необходимыя для таких расходов, собирать очень затруднительно. Это одна из причин того, что большинство солдат одѣто и вооружено не так, как бы можно было ожидать, глядя из далека. Богатство страны отнюдь не соотвѣтсвует ея пространству: золотых и серебряных руд еще не розыскано; торговля далеко не стоит на надлежащей степени развитія, хотя и возрастает с каждым днем.

Чтобы помочь этому недостатку в деньгах, купцы послѣ начала войны обложены многими новыми повинностями, преимущественно же их обязывают обмѣнивать опредѣленное число наличных ефимков на мѣстную государственную монету, что крайне выгодно казначейству, так как оно, приняв наличный ефимок в шестидесяти копѣйках и, расплавив его, чеканит из него сто двадцать копѣек.

Царь, находясь при своей арміи, до сих пор никогда не являлся ея начальником; он состоит только капитаном бомбардирской роты, и несет всѣ обязанности этого званія, а молодой царевич, сын его, числится солдатом в гвардейском Преображенском полку. Это, вѣроятно, дѣлается с цѣлью подать примѣр высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным дѣлом, не воображая, как, по видимому, воображало себѣ прежде, что можно родиться полководцем, как родишься дворянином или князем. В этом году между фельдмаршалом Шереметевым и фельдмаршалом Огильви, как слышно, идет спор, которому из них достанется высшее начальство и кто будет командовать в случаѣ, если им придется дѣйствовать вмѣстѣ. Прошлаго года такого вопроса не возникало; у каждаго из них была отдѣльная армія. Хотя генерал Шереметев старшій фельдмаршал, Огильви – болѣе старый воин; он не хочет уступить, а потому, надо полагать, постарается убѣдить государя, чтобы его величество сам принял на себя верховное начальство; тогда оба фельдмаршала будут равно подчинены ему.

10-го марта сюда прибыл из Воронежа царскій вице-адмирал, голландец Крюйс, и сегодня же вечером думает на почтовых отправиться к Ладожскому озеру, гдѣ примет на себя командованіе собранным вокруг Петербурга небольшим флотом, который, по словам Крюйса, будет состоять из двѣнадцати 24-х–30-ти пушечных фрегатов, 8-ми меньших судов, 4-х бригантинов, 4-х брандеров и 7-ми галлер.

Скажу, кстати, нѣсколько слов о большом царском флотѣ, который строится в Воронежѣ, – городѣ, расположенном на Дону (Танаисѣ), приблизительно за 400 англійских миль от Москвы. Там уже почти готово 40 или 50 военных судов. На самом большом из них поставлено 80 или 90 пушек, но в водѣ оно сидит только на 13 футов, потому что плоскодонно. Первый опыт кораблестроенія был не особенно удачен: плотники употребили в дѣло сырой лѣс, потому корабли и галлеры стали распадаться уже года через два послѣ постройки, не принеся ни малѣйшей пользы. Но эти суда теперь сломаны, и, благодаря усердію нѣскольких корабельных мастеров из англичан, замѣнены новыми, которые (по словам офицеров) очень прочно и хорошо построены. В будущем году большинство из них можно будет спустить вниз по рѣкѣ, хотя, как мнѣ передавали из очень вѣрнаго источника, понадобится почти два года, чтобы провести их из Воронежа в Азов вслѣдствіе короткаго лѣта и перекатов, на которых они будут стоять в ожиданіи половодія. Впрочем царь, чтобы сколько нибудь помочь бѣдѣ, дѣлает приспособленія вродѣ тѣх, которыя употребляются в Голландіи для подъема военных судов на эллинги. Цѣлью его настоящей поѣздки отчасти и было желаніе взглянуть, насколько этот опыт окажется удачным.

Выход из Дона в Черное море ниже Азова тоже очень затруднителен по причинѣ обильных песков, которые заволакивают устье рѣки, и, при береговых вѣтрах, лежат не глубже девяти футов под водою. Потому царь в низинѣ Меотійскаго болота, милях в десяти от Азова, основал еще новый город, названный Таганрогом, гдѣ предполагается построить мол, далеко выдающійся в море, для защиты судов от непогоды и для их зимней стоянки. В этих двух гаванях в настоящее время находится двѣнадцать больших военных кораблей и восемь галлер, но на каждом суднѣ не болѣе трех свѣдущих матросов, остальной же экипаж состоит из русских, еще не обучившихся дѣлу.

Так царь положил широкое основаніе развитію своих морских и сухопутных сил. Мощью собственнаго генія, почти без сторонней помощи, он достиг успѣхов, превосходящих всякія ожиданія, и вскорѣ, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для сосѣдей, особенно для Турціи.

Его величество произвел также коренныя измѣненія в одеждѣ русских. Во всем этом большом городѣ, не встрѣчается ни одного человѣка, занимающаго нѣкоторое положеніе, иначе как в нѣмецком платьи. Одною из самых трудных задач было склонить москвитян к разлукѣ с длинными бородами: многіе из знатнѣйших бояр разстались с ними в присутствіи царя, только потому, что его волѣ противиться было нельзя. Простые люди, впрочем, не так легко поддавались новой модѣ, пока у городских ворот не стали взимать штрафов со всякаго входящаго или выходящаго с необритою бородою, причем плата требовалась каждый раз, как бы кто часто ни проходил воротами. Таким образом, наконец, и простой народ заставили покориться.

Царь совершил также много других великих реформ, чрезвычайно полезных странѣ. Хотя доброе дѣло еще не доведено до совершенства, надо удивляться, как

много его величество сдѣлал в короткое время, не вызвав никаких смут; это должно приписать единственно счастливым способностям государя, его любознательности и трудолюбію. Не взирая на неудовлетворительныя стороны своего воспитанія, от трудом и наблюдательностью пріобрѣл почти универсальныя познанія.

Список царских войск за 1705 год.

Пѣхота:

Полки	Гренадерских рот	Батальонов	Всего людей
Преображенскій гвардейскій………	1	4	2500
Семеновскій гвардейскій…………	1	4	2500
Ингерманландскій, состоящій под чальством любимца царскаго, Александра Даниловича………………………	1	4	2500
Огильви…………………………	1	3	1900
Шереметева………………………	1	2	1300
Репнина…………………………	1	2	1300
Шенбека…………………………	1	2	1300
Чэмберса…………………………	1	2	1300
Шарфа……………………………	1	2	1300
Гордона…………………………	1	2	1300
Гулича……………………………	1	2	1300
Редера……………………………	1	2	1300
Буша………………………………	1	2	1300
Купера……………………………	1	2	1300
Шведена…………………………	1	2	1300
Августова………………………	1	2	1300
Дельдена…………………………	1	2	1300
Мевеса……………………………	1	2	1300
Балка………………………………	1	2	1300
Англера…………………………	1	2	1300
Скота………………………………	1	2	1300
Денисриттера……………………	1	2	1300
Келлинга…………………………	1	2	1300
Геринга…………………………	1	2	1300
Шаховскаго………………………	1	2	1300
Дедита……………………………	1	2	1300
Бильса……………………………	1	2	1300
Стрекалова………………………	1	2	1300
Бишофа…………………………	1	2	1300
	29	65	41 900
Бомбардирская рота, принадлежащая к составу Преображенскаго полка, в которой царь состоит капитаном……………………………			150
			42 050

Драгуны:

Полки	Эскадронов	Всего людей
Бауера………………………………	6	1200
Рена…………………………………	6	1000
Пфлуга………………………………	6	1000
Горбова……………………………	6	1000
Астафьева…………………………	6	1000
Морелля……………………………	6	1000
Сойста………………………………	6	1000

Игнатуса	6	1000
Кропотова	6	1000
Ифланда	6	1000
Грегори	6	1000
Волхонскаго, князя	6	1000
Мешерна	6	1000
Гагарина	6	1000
вновь сформированный	6	1000
вновь сформированный	6	1000
	96	16 200

ИТОГО: пѣхоты ... 42 050
драгун ... 16 200

Генералы:

Огильви – фельт-маршал;
Шереметев – фельт-маршал;
князь Репнин – генерал от инфантеріи;
Брюс – генерал от артиллеріи;
Шёнбек – генерал-лейтенант (по пѣхотѣ);
Розе – генерал-лейтенант (по кавалеріи);
Чэмберс – генерал-маіор (по пѣхотѣ);
Шарф – генерал-маіор (по пѣхотѣ);
Верден – генерал-маіор (по пѣхотѣ);
Рен – генерал-маіор (по кавалеріи) [57].

№ 58

1705, жовтня 6. – Табір під Гродно
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

6-го октября я имѣл честь сообщить вам, что царь с большинством двора отправился в Тикоцын. Там саксонскіе генералы и прочіе сановники короля Августа в теченіе трех дней принимали его с большим почетом, а князь Вишневецкій торжественно встрѣтил его приблизительно в милѣ разстоянія от укрѣпленій, во главѣ литовской арміи, которая возвращалась из своего похода к Варшавѣ.

14-го вечером его величество прибыл сюда в сопровожденіи двух или трех лиц, а 15-го в Тикоцын отправлено тринадцать небольших полевых орудій, за которыми завтра послѣдуют три пѣхотные полка. Остальной арміи тоже приказано быть готовой к выступленію, как только подойдут отряды из Курляндіи, которых ждут с часу на час, так как 12-го октября они уже были в Ковно. Царю хочется двинуть всю армію к Тикоцыну и там рѣшится на битву с королем шведским, если он пойдет в ту сторону, так как коронація совершилась. Генерал считает, однако, состояніе арміи не на столько удовлетворительным, чтобы она могла успѣшно выдержать встрѣчу со шведами на полу-дорогѣ, особенно в эту позднюю пору года; поэтому он совѣтует царю выждать, пополнить армію за зиму и открыть дѣйствія раннею весною; на случай же если бы шведы рѣшились

[57] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 52–65.

искать русских, – ожидать их здѣсь, за рѣкою, так как занятую позицію генерал удержать надѣется. На котором из этих планов остановятся, еще неизвѣстно, это может зависѣть от успѣхов соединенной саксонской, литовской и московской кавалеріи, которая выступила из Тикоцына под начальством Меншикова и намѣрена дойти до Вислы, так как главная цѣль ея – отодвинуть поляков за Вислу, а, в случаѣ неудачи, на возвратном пути оградить всѣ переправы через Буг.

Львовскій округ снова объявил себѣ за короля Августа, самый же Львов добровольно отдался под защиту гетмана Мазепы, который затѣм с своими казаками двинулся к Сендоміру.

В послѣднем письмѣ я имѣл честь сообщить вам о доброй вѣсти, полученной царем, что мятеж, начатый в Астрахани горстью стрѣльцов, совершенно подавлен. Дней через восемь или десять главных зачинщиков из Москвы ожидают сюда, а казакам в награду за их услугу отправлено двадцать тысяч рублей.

Мятеж этот, не будь он так счастливо подавлен в самом началѣ, мог повлечь за собою крайне опасныя послѣдствія, так как недовольство русских всеобщее; да еще и не вполнѣ достовѣрно, чтобы, дѣйствительно, все так успокоилось, как увѣряют здѣсь; не даром фельдмаршал Шереметев на почтовых отправился из Курляндіи в Москву; и сам царь кажется возвратится туда на зиму, хотя до сих пор полагали, что он проведет зиму в Литвѣ [58].

№ 59

1706, серпня 7. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

31-го іюля (11-го августа) я имѣл честь сообщить вам, что 22-го іюля ст. ст. любимец царскій, Александр Данилович, подвинулся до Полоннаго на Волыни с значительным отрядом, состоящим из драгун, трех тысяч калмыков и четырех тысяч казаков, из тѣх, которые оставили Украину и переселились к донским отмелям, под покровительство царя за много лѣт до общаго возстанія казацкаго народа против Польши, и образовали отдѣльную группу с собственным гетманом или начальником во главѣ. Эти силы составляют около 20 000 человѣк, а через нѣсколько времени к ним присоединятся четыре новообразованные драгунскіе полки.

28-го іюля ст. ст. фельдмаршал Огильви со всею пѣхотой еще оставался в Кіевѣ, гдѣ его подкрѣпили полки, служившіе в прошлом году в Курляндіи. В Кіев всѣ войска прибыли в хорошем состояніи; послѣдних рекрут ожидают через нѣсколько дней и тогда армія достигнет полнаго состава в тридцать тысяч человѣк, с которыми фельдмаршал (как он пишет мнѣ) думает послѣдовать за кавалеріей в Польшу, куда идет и Мазепа с своими казаками. При их приближеніи, однако, князь Любомирскій (один из членов обширнаго рода, который вновь перешел на другую сторону) покинул Волынь и отогнал оттуда всѣх жителей, так что русскіе для своего продовольствія, пожалуй, не найдут ничего, кромѣ опустѣлых домов и подножнаго фуража в полях.

[58] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 173–175.

Эти передвиженія вызваны намѣреньем сдѣлать диверсію в пользу короля польскаго, который, при приближеніи шведов, вмѣсто того, чтобы возвратиться в Саксонію (как здѣсь ожидали), идет в окрестности Гродно с коронной арміей и с 7000 саксонской кавалеріи, большая часть которой собрана им из курфиршства незамѣтно, малыми отрядами послѣ недавней злосчастной битвы на силезской границѣ.

Извѣстія о такой вѣрности со стороны короля сильно подняли дух русскаго двора; он в настоящее время снова заговорил о помощи союзнику, и, если королю удастся продержаться еще нѣкоторое время, царя, я думаю, можно будет склонить к уплатѣ ему части субсидій, которыя так долго и так неразумно удерживались, когда король в них особенно нуждался. Как бы то ни было, предложеніе, сделанное в Москвѣ прусским посланником, признать Станислава и заключить сепаратный мир, оказывается совсѣм несвоевременным; русскій двор полагает, что, в виду измѣнившихся обстоятельств, и сам король прусскій измѣнит свой взгляд на дѣло, хотя, кажется, для такого предположенія основаный мало. Еще на днях Кайзерлинг предложил своему правительству, как бы от себя (хотя вѣроятно с вѣдома здѣшних министров), на случай, если дѣла Польши примут совсѣм безнадежный характер, выбрать, с общаго согласія Пруссіи, царя и короля польскаго, какое-нибудь третье лице и предложить ему польскую корону. Но в отвѣт на этот проэкт, он с послѣднею почтой получил маленькій выговор за излишнее расположеніе к сѣверным союзникам, а вмѣстѣ и приказаніе впредь заботиться только об интересах своего государя, который рѣшительно приглашает его признать Станислава и никого другаго. Ему кромѣ того поручено секретно заявить московскому двору, что рѣшеніе короля неизмѣнно, и что он потому еще раз обращается к царю с увѣщаніем своевременно воспользоваться выгодами сепаратнаго мира. Тайну, я полагаю, требовалось сохранить главным образом от польскаго двора, но его уполномоченный именно первый и получил извѣстіе об этих переговорах, хотя, кажется, Шафиров уже и кается, что оказал ему такое довѣріе.

Из всего сказаннаго вы изволите усмотрѣть, что предложенія короля прусскаго пока встрѣчают здѣсь мало успѣха, да и не могут расчитывать на успѣх, пока королю польскому удается задерживать шведов в литовских пустырях; но если он потерпит новую неудачу, русскій двор, по всѣм вѣроятіям, прекратит игру или… [...] к Минску; армія их, которая высказывает даже намѣреніе двинуться к Вислѣ, вынуждена будет возвратиться к Смоленску, так как на границѣ не оставлено никаких сил, кромѣ шеститысячнаго отряда бригадира Горбова, расположеннаго в Полоцкѣ на Двинѣ.

4-го августа нарочный привез сюда печальное извѣстіе, что начальный президент, граф Головин, скончался 31-го іюля от горячки, в небольшой деревушкѣ, приблизительно в 150 милях от Кіева. Ему шел только 47-й год, и кончина его тѣм поразительнѣе, что в Москвѣ не было и слуха о его нездоровьи. Вы легко можете представить себѣ, как это событіе потрясло здѣсь всѣх и как тяжело царю в настоящих обстоятельствах лишиться человѣка, который один почти вел всѣ важнѣйшія дѣла и, занимая высокое положеніе, пріобрѣл в них большую опытность. Граф пять лѣт был губернатором Сибири, а в 1689 г. в качествѣ посла заключил мир с Китаем; в 1697 г. при большом посольствѣ в Голландію он был вторым лицем, а затѣм до самой смерти – начальным президентом посольской канцеляріи и генерал-адмиралом русскаго флота. Внѣшнія сношенія, монетное

дѣло, снабженіе арміи, кораблестроеніе, назначеніе офицеров, расплата с ними – все было в его вѣдѣніи; множество лиц, приходивших в сношеніе с ним по этим разнообразным дѣлам, имѣют полное основаніе жалѣть о нем, вспоминая его доступность, добрый нрав и вѣжливое обращеніе. Англичане в особенности потеряли в нем сильнаго покровителя. Три лица имѣют наиболѣе надежды занять его мѣсто: Головкин, великій камергер царскій, сыновья котораго, надо полагать, посѣтили герцога Марлборо в настоящую капманію; Апраксин – брат одной из вдовствующих цариц и адмирал; наконец князь Долгорукій, состоящій послом в Польшѣ, который заслужил уваженіе царя своим поведеніем на этом постѣ.

Большинство англійских купцов на днях отправилось в Архангельск по своим торговым дѣлам, а перваго числа туда же выѣхал и консул с лицом, отправленным бургомитстрами, чтобы принять табак, сложенный в Архангельскѣ и Вологдѣ. Так самая существенная и трудная часть моих переговоров наконец закончена и надѣюсь не встрѣтить новых затрудненый вслѣдствіе смерти графа Головина, хотя, случись она ранѣе, я потерял бы почти всякую надежду на успѣх [59].

№ 60

1706, серпня 14. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

7-го числа текущаго мѣсяца я имѣл честь сообщить вам, что царь со всею пѣхотою находится в Кіевѣ, и намѣревается послѣдовать за своей кавалеріей на Волынь; но я получил письма из Кіева от 2-го (13-го августа), которыя извѣщают, что его намѣренія измѣнились, так как, по мнѣнію государя, неразумно было бы двинуться за шестьдесят или семьдесят нѣмецких миль в эту позднюю пору года и при худой погодѣ, потому пѣхота остается в прежнем лагерѣ, кавалерія же остановилась в Полонном впредь до дальнѣйших приказаній. Эта перемѣна отчасти явлется слѣдствіем смерти графа Головина, и король польскій, на этот год по крайней мѣрѣ, не может разсчитывать ни на какую диверсію; он предоставлен своей судьбѣ.

1-го августа н. ст. король польскій с летучим отрядом прошел миль пять за Гродно к Новогрудку, неподалеку от Минска; туда же, говорят, двинулось и нѣсколько шведских отрядов. Князь Радзивил, великій канцлер литовскій, который в прошлом году был в Гродно с остальными сенаторами и удостоился особеннаго вниманія короля, перемѣнил лагерь, и в настоящее время несет ту же должность при новоизбранном Станиславѣ.

Тѣло графа Головина приказано бальзамировать, и его не привезут сюда, пока царь сам не возвратится в Москву, чтоб присутствовать на его похоронах. В то же время Апраксину приказано принять на себя всѣ обязанности, лежавшыя прежде на графѣ, кромѣ иностранных дѣл, которыя в настоящее время вѣдает Головкин. Он, вѣроятно и будет утвержден в этой должности.

В послѣднем письмѣ своем я имѣл честь извѣстить вас об отъѣздѣ консула в Архангельск, а также о том, что с ним бургомистры отправили уполномоченнаго для пріемки остальнаго табака.

---

[59] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 296–300.

Теперь по дѣлу купцов, остается рѣшить только два вопроса: в первых – установить сортировку пеньки, создать учрежденіе, которое бы вѣдало упаковку ея, так как в торговлѣ пенькою встрѣчаются крупныя злоупотребленія. Нѣсколько мѣсяцев тому назад покойный граф Головин согласился на это, и царь два раза присылал бургомистрам указы об устройствѣ такого учрежденія, но они и русскіе торговцы до сих пор мѣшкают исполненіем этих указов, опасаясь, как бы провѣрка не оказалась для них невыгодною.

Второй вопрос – уменьшеніе пошлин, платимых иностранными кораблями при входѣ в Архангельскую гавань, гдѣ года два тому назад введена новая такса в полдоллара с ласта для поддержанія в порядкѣ маяков и буйков. В письмѣ моем от 4-го (13-го іюня) 1705 года вы найдете подробныя свѣденія о том, как граф Головин сначала согласился на мои предложенія, потом отмѣнил свое рѣшеніе, отсрочив дѣло до зимы; затѣм снова обѣщал издать общія правила для всѣх иностранцев. Все уже шло к концу, когда нашелся документ, указывающій, что в прошлом году русское судно в Амстердамѣ уплатило пошлин до трехсот флоринов, т. е. много болѣе того, что взимается в Архангельскѣ. Тогда покойный министр отказался от всяких разговоров о какой бы то ни было сбавкѣ и отправил положительное приказаные взимал пол-доллара с ласта со всѣх голландцев. Я, однако, добился отсрочки для англичан, пока не приведу в извѣстность, сколько иностранныя суда платят лоцманских, буйковых и иных сборов при входѣ в Темзу. Нѣсколько недѣль тому назад я просил консула Гудфелло написать своим корреспондентам, чтобы они прислали свѣденія по этому предмету; надѣюсь, они не откажутся скорѣе выслать ему опредѣленныя справки, чѣм дадут мнѣ возможность, наконец, установить умѣренную таксу, которая затѣм и будет принята за постоянную. Искренне желаю, чтобы перемѣна, свершившаяся в управленіи адмиралтейством, не вызвала новых затрудненій [60].

№ 61

1706, серпня 21. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

В письмѣ своем от 24 іюля (4 августа) я имѣл честь сообщить вам, что король прусскій приказал своему посланнику объявить о намѣреніях берлинскаго двора признать Станислава королем польским и предложить царю посредничество для сепаратнаго мира.

7-го (18 августа) я также писал вам о подтвержденіи этого приказанія; но с послѣдней почтой тому же посланнику, напротив, дано порученіе выяснить русскому двору, что король, государь его, встрѣтив и в королѣ шведском болѣе ревностнаго противника всякаго мирнаго договора, чѣм предполагал, видя, что часть поляков в Литвѣ все еще держится короля Августа, – рѣшился отсрочить свое признаніе, пока результаты войны опредѣлятся с большею ясностью. Он в то же время присылает царю новыя увѣренія в дружбѣ. Эта неожиданная перемѣна также изумила здѣшній двор, как и предыдущее заявленіе, но встрѣчена с большим удовольствіем, хотя в ней скорѣе выидят проявленіе нерѣшительности короля,

[60] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 300 – 303.

чѣм знак добраго расположенія. Так по крайней мѣрѣ я заключаю по словам Шафирова, который познакомил меня со всѣм этим дѣлом, хотя посланник и выразил желаніе сохранить его в тайнѣ, что, кажется, вызывается серьезными причинами, преимущественно желаніем, чтобы король польскій и его министры не узнали о намѣреніях берлинскаго двора, пока они не приведутся в исполненіе.

Здѣсь прошел слух, будто фельдмаршал Шереметев покинул свои войска, возвращающіяся из Астрахани, и на почтовых поѣхал к арміи в Кіев, не заѣзжая сюда.

По свѣдѣніям от 9-го (20 августа) из Вильны в Литвѣ, король польскій все еще стоит в окрестностях Новогрудка с саксонской кавалеріей; коронная же армія стоит перед ним вдоль рѣки Шары.

16-го августа ст. ст. Шафиров в сообществѣ с польским уполномоченным, генерал-маіором Арнштедом, выѣхал отсюда на свиданіе с царем в Кіев, гдѣ, со времени кончины графа Головина, присутствіе его признано было необходимым. На дорогѣ, однако, он встрѣтил контр-ордер от имени его величества и сегодня же поутру возвратился сюда [61].

№ 62

1706, серпня 28. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

21-го августа (1-го сентября) я имѣл честь сообщить вам о неожиданном возвращеніи Шафирова, главною причиною котораго признают полученное царем извѣстіе, будто шведы намѣреваются вторгнутся в Силезію или Саксонію. Шафирову поручено разспросить иностранных уполномоченных, не получали ли они свѣдѣній по этому поводу и как взглянут на такое предпріятіе союзники, которые, судя по тому, в чем прошлою зимой Паткуль обнадеживал здѣшній двор, взяли или намѣрены взять курфиршество под свое покровительство. Ни Кайзерлинг, ни я, однако, не слыхали, чтобы по этому дѣлу когда нибудь принято было какое-нибудь решеніе, хотя о нем как-то и возникали толки в Берлинѣ.

Письма из Варшавы от 10-го и из Кенигсберга от 16-го августа полны тѣми же извѣстіями, которыя царь получил в Кіевѣ, и которыя, вѣроятно, основаны на том, что король шведскій отказался от преслѣдованія саксонцев и перешел Вислу обратно с своею арміей. Но все это пока только слухи, потому и не стану тревожить вас сообщеніем разных толков, возникших здѣсь по поводу этого маневра, так как вы узнаете истину прежде, чѣм мои письма дойдут до ваших рук, а нам она высниться, вѣроятно, через почту или через двѣ.

Впрочем Шафиров просил меня заявить вам, что, в случаѣ, если бы король шведскій как нибудь стал угрожать имперіи или предпринял диверсію в пользу Франціи или Венгріи, царь заодно с королевой охотно примет против него всѣ мѣры, которыя ея величество сочтет нужными для защиты общаго дѣла.

При этом Шафиров разсыпался в увѣреніях по поводу дружеских чувств царя к ея величеству и его готовности сдѣлать все возможное, чтобы заслужить ея

---

[61] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 303–304.

уваженіе. Я полагаю, что теперь увѣренія их вполнѣ искренни, так как царь на опытѣ убѣдился, что надежды его на расположеніе других дворов были напрасны, а король прусскій, на котораго он надѣялся по преимуществу, своим послѣдним поступком утратил всякый кредит: русское правительство готово даже вѣрить, что он при чем нибудь в настоящем движеніи короля шведскаго.

В прежних письмах своих я имѣл честь сообщить вам, что царь намѣревается отправить кого-нибудь в Англію. Он очень затруднялся выбором лица для такого порученія; наконец остановился на одном нѣмцѣ – Гюйзенѣ. Он прежде состоял учителем голландскаго языка при молодом царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, в мартѣ же 1705 г. отправлен был в Берлин, а оттуда в Вѣну, гдѣ, полагаю, лорд Рэби и сэр Степней знали его, потому я не стану утомлять вас его характеристикой, замѣчу только, что главный покровитель Гюйзена – любимец царскій, Александр Данилович. Офиціяльнаго званія он носить не будет, как не носил его при дворах, при которых состоял прежде.

Царь нѣсколько раз обращался к королю польскому с очень серьезными настояніями об освобожденіи Паткуля, но покуда совершенно безуспѣшно; и русское правительство начинает терять всякую надежду на успѣх, так как король держит теперь генерала в болѣе строгом заключеніи, чѣм когда-нибудь, повара же и слуг его отправили в Кенигштейн по обвиненію в том, что они содѣйствовали отправкѣ писем, которыя Паткуль писал в свое оправданіе.

Царская армія все еще расположена лагерем у Кіева; полагают, что туда же прибыл в настоящее время и фельдмаршал Шереметев; однако шеститысячному отряду, который он привел обратно из Астрахани, приказано идти прямо в Петербург.

24-го іюля ст. ст. генерал-лейтенант Майдель, командующій шведскими войсками в Кареліи, переправился через Неву с отрядом в 2000 человѣк и, разграбив нѣсколько деревушек в Ингріи, 30-го отступил вслѣдствіе слуха, что русскія войска собираются в окрестностях и что часть петербургскаго гарнизона разбила шведскій отряд в четыреста кавалеристов, оставленный на большой выборгской дорогѣ. Я получил письмо от вице-адмирала Крюйса, написанное 7-го августа ст. ст. с «Олифанта», стоящаго на Кроншлотском рейдѣ, в котором Крюйс сообщает, что непріятель очень мало тревожил его в этом году, только крейсеры от времени до времени встрѣчались друг с другом. 4-го показалось тринадцать шведских кораблей; они стали на якорь в шести узлах от русскаго флота, близ шведскаго берега, и оставались еще там в день отправки письма, не предпринимая никакого нападенія.

Король польскій с своими саксонскими войсками по прежнему стоит в окрестностях Новогрудка [62].

№ 63

1706, вересня 4. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

28-го августа (8-го сентября) я имѣл честь сообщить вам, что, по послѣдним извѣстіям, царская армія стоит в Кіевѣ. 18-го августа ст. ст. царскій любимец, Александр Данилович, обвѣнчался там с молодой особой, состоящей в родствѣ

[62] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 305–308.

с царским домом. 20-го туда прибыл из Астрахани и фельдмаршал Шереметев и встрѣчен был его величеством очень ласково; полагают, однако, что вряд ли ему поручено будет начальство над армiей до зимы, когда, говорят, фельдмаршал Огильви будет уволен от службы.

21-го царь покинул армiю и прямо проѣхал в Петербург, в сопровожденiи только двух или трех слуг, с цѣлью осенью поразсѣяться около своих кораблей, а к зимѣ возвратиться в Москву.

23-го вся армiя выступила из Кiева: пѣхота, под начальством фельдмаршала Огильви направилась к Дубнѣ – небольшому городку, расположенному близ Луцка на Волыни; Меншиков же с кавалерiей двинулся к Слуцку, так как ему приказано при первом требованiи соединиться с королем польским и (говорят) слѣдовать за королем шведским в Саксонiю или куда бы он ни двинулся.

Король польскiй нѣсколько времени тому назад расположил свои войска у Новогрудка. Теперь письма из Вильны от 2-го сентября н. ст. сообщают, будто он, получив извѣстiе, что шведы продолжают свое движенiе к Калишу, на силезской границѣ, направился к Слониму на рѣкѣ Шарѣ [63].

№ 64

1707, травня 21. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

Вчера сюда из Германiи прибыла цѣлая партiя писем, по двѣ другiя, отправленныя ранѣе, все еще не присланы и неизвѣстно, гдѣ онѣ остановлены.

Я не слыхал, чтобы со времени послѣдней почты получались письма из армiи, а потому не могу сообщить вам никаких дальнѣйших извѣстiй о положенiи дѣл в Польшѣ.

Нѣсколько мѣсяцев тому назад я имѣл честь сообщил вам, что сюда привезены плѣнными многiе из зачинщиков Астраханскаго мятежа. На этой недѣлѣ их подвергли пыткѣ, стараясь вынудить признанiе, какова была цѣль бунта, кто ободрял их к мятежу и кто именно убил воеводу и чужеземцев? Нѣкоторые из них оказались крайне стойкими, но другiе, по словам лица, присутствовавшаго при допросѣ одного или двух мятежников, показали, будто цѣлью возстанiя было смѣнить настоящее правительство и предупредить гибель отечества от нововведенiй, нарушающих старинные обычаи и вѣрованiя. Один из них признался, что с отрядом в 1400 человѣк отправлен был в Царицын и думал, не потерпи он только пораженiя от казаков, подняться вверх по Волгѣ до Казани. Он разсчитывал, что за это время силы его возрастут до 7000 человѣк; из Казани он полагал прямо идти на Москву, гдѣ надѣялся, что к нему присоединится двойное количество недовольных; здѣсь он намѣревался захватить царя или по крайней мѣрѣ потребовать от бояр отчета, жив царь или мертв, и гдѣ он? Но к каким собственно боярам полагали обратиться мятежники, от них дознаться не могли. Точно также ни один не дал удовлетворительнаго отвѣта на вопрос, кто посовѣтовал отправить посла к крымским татарам с предложенiем присоединиться к движенiю. Один из них сознался, что он ударил в набат для призыва к оружiю, но мятежники не

[63] Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 308–309.

могли или не захотѣли показать, кто именно повинен в убийствѣ воеводы и иноземцев. Полагают, что их будут пытать еще раз или два в надеждѣ вынудить новыя признанія [64].

№ 65

1707, травня 28. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

Еще одна почта прибыла сюда из Германіи, но два прежніе пакета, в которых находились и пять писем из Англіи, отправленных между 18 марта и 8-го апрѣля ст. ст., вѣроятно утрачены. Они захвачены Сенецким, генерал-маіором литовской арміи, который до сих пор стоял на сторонѣ царя, но теперь перешел к королю Станиславу и отбил 30 000 рублей, отправленных из Смоленска арміи князя Вишневецкаго, перерѣзав конвой, а затѣм отступил к Быхову – небольшой литовской крѣпостцѣ на Днѣпрѣ. Генерал-лейтенант Бауер преслѣдует его с отрядом русских войск.

Здѣсь получены письма от генерал-лейтенанта Аллара от 6-го мая ст. ст. из окрестностей Митавы, куда он подвинулся с арміей в 14 000 человѣк в надеждѣ вызвать шведов на бой. Но генерал Левенгаупт, располагая только шести-восьми тысячным отрядом регулярнаго войска и нѣкоторыми польскими силами, все время отступал перед ним.

Письма из арміи от 4-го мая ст. ст. сообщают, что царь поѣхал наблюсти за выступленіем пѣхоты из зимних квартир и распорядиться возведеніем нѣскольких новых укрѣпленый в Дубно. В Кіевѣ и других укрѣпленных мѣстах в той сторонѣ останется только гарнизон в шесть тысяч человѣк; охрана же Волыни поручается гетману Мазепѣ с его казаками, которые уже и готовятся к походу. Предполагают, что главным театром военных дѣйствіи будет Литва, почему наслѣднику-царевичу государь приказал учредить обширные магазины в Смоленскѣ и Могилевѣ; кромѣ того на этой границѣ образуется небольшая армія из новобранцев. Главныя силы сосредоточиваются на Вислѣ и, говорят, готовы принять битву со шведами, в случаѣ же пораженія испытать татарскій способ веденія войны, т. е. заморить непріятеля голодом, если окажется невозможным побѣдить его.

Дней восемь тому назад сюда прибыл из лагеря Пушкин, один из главных сановников царских, и привез ряд приказов, свидѣтельствующих о рѣшимости государя продолжать войну с большей энергіей, чѣм когда-либо: опредѣлено по всей странѣ забрать в рекруты пятаго человѣка; главные города укрѣпить; дворянству повсемѣстно велѣно вооружиться и вооружить своих слуг; никому из лиц, состоящих на царской службѣ, не позволено отлучаться из Москвы без особаго разрѣшенія; на Волгѣ набирают нѣсколько тысяч татар; короче, все становится на такую ногу, будто обстоятельства требуют самых крайних мѣр. Вы легко можете представить себѣ, какое волненіе эти стѣснительные указы производят в народѣ, который вообще рѣшимостью не отличается. В случаѣ неудачи можно ожидать мятежа, который, вѣроятно, будет роковым для множества иностранцев, как было при мятежѣ Астраханском.

---

[64] Сборник императорского русскаго историческото общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 398–399.

Старшим шведским офицерам, получившим в прошлом году разрѣшеніе проживать в Москвѣ, приказано готовится к отправкѣ в Нижній Новгород и в два другіе города, лежащие пониже на Волгѣ. Впрочем все еще есть нѣкоторая надежда на размѣн плѣнных, так как на днях отсюда отправляют в Стокгольм полковника, подполковника, маіора, капитана и поручика, а оттуда ждут в свою очередь такое же число русских офицеров. Шведскому резиденту, Книперкрону, тоже сообщено, что он может отправиться в Швецію под условіем, что жена и дѣти его останутся в Москвѣ заложниками впредь до прибытія русскаго резидента из Стокгольма. Книперкрон, однако, отказывается выѣхать на таких условыях, тѣм болѣе, что его отпускают не на полную свободу, а с обязательством возвратиться в случаѣ, если ему не удастся согласить шведское правительство на общій размѣн плѣнных. Он полагает, что переговоры эти может вести с своим правительством также удобно на письмѣ, как и лично.

Датскій посланник прибыл в Кіев только 10 мая ст. ст., так как болѣл на пути; прусскій же посланник еще туда не пріѣзжал [65].

№ 66

1707, травня 28 травня. – Москва
Витяг із листа Чарльза Вітворта

Наняв дом для Матвѣеву – ему оказали особенный почет. Я, правда, сначала помѣщен был во дворцѣ, принадлежавшем покойному генералу Лефорту, и перешедшем по смерти его в собственность царя, но помѣщеніе это было так запущено, что, казалось, будто я пріѣхал искать в нем смерти. Потому я просил позволенія нанять себѣ на собственный счет другой дом – единственный подходившый к моим потребностям во всей слободѣ, но получил обидный отказ со стороны русскаго правительства, между тѣм как польскій посланник свободно жил в нем и до моего пріѣзда, и позже. Я наконец должен был удовольствоваться домом, доставшимся казнѣ за долги, и сдѣлал это по просьбѣ вдовы хозяина (муж ея был слугою у консула Гудфелло), чтобы спасти ее от опасности быть изганной из собственнаго жилища. Мнѣ пришлось выстроить новыя конюшни, исправить все зданіе сполна на собственный счет и, кромѣ того, платить ежегодную ренту старушкѣ-вдовѣ, так что царю не пришлось истратить ни копѣйки на мое помѣщеніе. Между тѣм здѣсь конфискуется такое множество домов, что вошло в обычай давать даровое помѣщеніе в них не только уполномоченным иностранных государств, но часто и лицам, состоящим на царской службѣ: так с тѣх пор как я живу здѣсь, один дом отведен был Стайлсу, другой – вице-адмиралу Крюйсу, третій – генералу Шведену. Впрочем я все-таки очень доволен любезностью, оказанной Матвѣеву, в надеждѣ, что она расположит его заступиться за наших купцов, когда приведется… [66]

---

[65] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 399–402.
[66] Там само. – С. 402–403.

№ 67

1707, червня 4. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

Послѣ отправки послѣдняго письма моего от 28-го мая (8-го іюня) из арміи в Москву прибыли двѣ почты, помѣченныя 15-м и 20-м мая ст. ст. из Якубович – квартиры, расположенной в милѣ от Люблина.

Шафиров, наконец, извѣстил меня о полученном от князя Меншикова разрѣшенія допустить свободную торговлю русскими кожами в текущем году, прибавляя, что никто и не думал препятствовать вывозу кож, уже купленных иностранцами. Слѣдовательно это дѣло надо считать разъясненным к удовольствію англійских купцов, которые и намѣреваются нагрузить значительное количество кож в Италію.

Что же касается новых буйковых и маячных пошлин, которыми предполагалось обложить корабли, приходящіе в Архангельск, царь вполнѣ поручил это дѣло генерал-адмиралу Апраксину; он же не даст ему дальнѣйшаго хода, не установив предварительнаго соглашенія с купцами. Но адмирал находится теперь при флотѣ между Петербургом и Кроншлотом, а потому вряд ли порученный ему вопрос рѣшится ранѣе будущей зимы. Шафиров также не прислал отвѣта касательно пересмотра пошлин, взысканных с табачной компаніи, но я повторил свое ходатайство о ней.

Шафиров пишет мнѣ также, что очень рад слуху, будто я, по примѣру посланников прусскаго и датскаго, собираюсь, для удобства в веденіи дѣл, слѣдовать за царем во время кампаніи. Я отвѣчал, что так как царь ни в прошлом году, ни в началѣ нынѣшняго года, кажется, не выражал желанія видѣть иностранных уполномоченных в своем лагерѣ, я не заручился инструкціями от ея величества, но поспѣшу извѣстить королеву о полученном приглашеніи и буду ждать ея приказаній. Если вы найдете неумѣстным мое присутствіе в лагерѣ в настоящее время, потрудитесь пожалуйста сообщить, не найдет ли ея величество удобным, чтобы я, в случаѣ согласія русскаго двора, переселился в Смоленск или в другой какой либо пограничный город поближе к арміи для большаго удобства в полученіи извѣстій и для того, чтобы ближе стоять к дѣлам, если что затѣется. Здѣсь за отсутствіем обоих посланников и главных сановников царских, я совсѣм остался без дѣла, тѣм болѣе что дня через три, четыре и англійскіе купцы всѣ выѣдут в Архангельск.

Датскій посланник собирается выѣхать из Кіева только 20-го мая ст. ст., прусскій же посланник – дня четыре послѣ него, так что они вряд ли прибудут в армію ранѣе конца этого мѣсяца.

Приходящія письма сообщают очень мало политических новостей: армія, не теряя времени, подвигается к условленному пункту – Варшавѣ. Однако предположенный сейм в Люблинѣ отсрочен на нѣсколько дней, так как пока дворян на него собралось очень немного; они, однако, не теряют надежды на новое избраніе, для котораго имѣют в виду кого-то из иноземцев, но кого именно, я узнать не мог, да и вообще мнѣ думается, что замыслы их останутся безуспѣшными. Русскіе еще не знают, когда король шведскій собирается покинуть Саксонію.

В послѣднем письмѣ я имѣл честь сообщить вам, что генерал-маіор Синецкій, захватив обоз с русскими деньгами, отправленными князю Вишневецкому, отступил с своею добычей и с тремя или четырьмя тысячами поляков к Быхову – крѣпостцѣ на Двинѣ. Теперь же получено извѣстіе, что генерал-лейтенант Бауер окружил его и весь его отряд в этом городкѣ, и увѣрен, что заставит непріятеля сдаться, как только подоспѣют артиллерія и обоз, высланные из Смоленска [67].

№ 68

1707, липня 23. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

По отправленіи послѣдней почты из арміи, дѣйствующей в Польшѣ, пришли письма, помѣченныя 4 текущаго мѣсяца ст. ст., но они не упоминают ни о какой существенной перемѣнѣ в положеніи дѣл. Хотя шведы своего движенія из Саксоніи еще не начинали, для наблюденія за ними кромѣ отряда драгун, под начальством генерал-маіора Генскина, еще приказано откомандировать для разъѣздов вдоль Вислы, племянника гетмана Мазепы с 12 000 казаков. Ему велѣно даже приблизиться к силезской границѣ, но в случаѣ, если бы непріятель двинулся ему на встрѣчу, – отступать, уничтожая за собою весь фураж вплоть до Варшавы.

Сейм, говорят, постановил, наконец, объявить междуцарствіе и перебраться в Варшаву для новаго избранія, хотя многіе сенаторы, кажется, очень неохотно присоединились к этой резолюціи. Вы вѣроятно прежде меня из другаго источника услышите, каковы будут послѣдствія такого рѣшенія и есть ли еще надежда на мир с Швеціей, для переговоров о котором – как мнѣ передавали здѣсь – царь письмом от 4 іюля ст. ст. уполномочил князя Голицына, прежняго воеводу астраханскаго.

Около трех дней тому назад в окрестности Москвы прибыло около тысячи казаков. Здѣсь они расположились лагерем на время, пока не получат жалованья платьем и деньгами, а затѣм пойдут вслѣд за своими товарищами – к Смоленску. Нѣкоторые из них пришли очень издалека, из Терка – городка на Каспійском морѣ, ближайшаго к персидской границѣ.

Вчера я получил из Архангельска письмо, помѣченное 12-м іюля ст. ст., с извѣстіем, что туда из Гамбурга только что прибыла галлера, пробыв в пути шесть недѣль. Хозяин этого судна сообщает, что между 71 и 72° с. широты, как раз по ту сторону Нордкапа, встрѣтил семь больших французских военных кораблей, из которых два гнались за ним на разстояніи четырнадцати узлов. Эта новость очень смутила англійских купцов: они опасаются, как бы суда русской компаніи, нагруженныя товаром почти за два года, не попали в руки французов, когда большая часть англійскаго конвоя возвратится в Англію [68].

---

[67] Сборник императорскаго русскаго историческаго общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 403–406.
[68] Там само. – С. 406–407.

№ 69

1707
Листи Георга Йогана фон Кейзерлінга і Г. Ф. фон Льошоффеля до пруського короля Фрідріха

I.

Люблин, 1707 года, 11-го июля н. ст.

Вседержавнейший великий король, августейший государь и повелитель! Всеподданнейше и всенижайше повергаю к стопам вашего королевского величества донесение о происходившей вчера попойке; обыкновенно сопряженная со многими несчастными происшествиями, она вчера имела для меня весьма пагубные последствия.

Ваше королевское величество соблаговолит припомнить то, что почти всюду рассказывали в искаженном виде обо мне и некоей девице Монс, из Москвы – говорят, что она любовница царя. Эта девица Монс, ее мать и сестра, лишенные почти всего, что имели, содержатся уже четыре года под постоянным арестом, а ее трем братьям преграждена всякая возможность поступить на царскую службу, а также им запрещен выезд из государства. Я, по несчастию, хотя невинным образом, вовлеченный в их роковую судьбу, считал себя обязанным, столько же из сострадания, сколько по чувству чести, заступиться за них, и потому, заручившись сперва согласием Шафирова и князя Меншикова, я взял с собою одного из братьев, представил его царю и Меншикову, и был ими благосклонно принят.

Вчера же, перед началом попойки, я, в разговоре с князем Меншиковым, намекнул, что обыкновенно день веселья бывает – днем милости и прощения, и потому нельзя ли будет склонить его царское величество к принятию в военную службу мною привезенного Монса. Кн. Меншиков отвечал мне, что сам он не решится говорить об этом его царскому величеству, но советовал воспользоваться удобной минутой и в его присутствии обратиться с просьбой к царю, обещая свое содействие и не сомневаясь в успешном исходе. Я выжидал отъезда польских магнатов, – почти все они присутствовали на пиру и, скажу кстати, выражали все время большую преданность вашему королевскому величеству; в этом отношении особенно заявил себя епископ Куявский (Cujavien), упомянув о должном удовлетворении за ограбленных (spolurten) московскими войсками подданных вашего королевского величества. Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет.

Я возражал с подобающим смирением, что его царское величество напрасно негодует на девицу Монс и на меня, что если она виновата, то лишь в том, что, по совету самого же князя Меншикова, обратилась к его посредничеству, исходатайствовать у его царского величества всемилостивейшее разрешение на бракосочетание со мной; но ни она, ни я, мы никогда не осмелились бы предпринять

что-либо противное желанию его царского величества, что я готов подтвердить моей честью и жизнью. Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я (canaille und Hure, das er sie sowohl als ich debauchirit hatte).

На это я возразил, что предоставляю ему самому судить, справедливо ли то, что он о себе говорит, что же касается до меня, то никакой честный, правдивый человек не обличит, тем менее не докажет справедливости возведенного на меня обвинения. Тут царь удалился в другую комнату, князь же Меншиков не переставал забрасывать меня по этому поводу колкими, язвительными насмешками, которых наконец не в силах был более вынести. Я оттолкнул его от себя, сказав: «Будь мы в другом месте, я доказал бы ему, что он поступает со мной не как честный человек, а как...», и проч. и проч. Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня ее отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня взбесило и послужило поводом к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым. Вслед затем, я хотел было уйти, но находившаяся у дверей стража, ни под каким предлогом не выпускавшая никого из гостей, не пропустила и меня. Затем вошел его царское величество; за ним посылал князь Меншиков. Оба они, несмотря на то, что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жесткими словами, и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь. Я принужден был вернуться домой на кляче моего лакея, – свою карету я уступил перед обедом посланнику датского короля, рассчитывая вернуться в его экипаже, который еще не приезжал.

Теперь всенижайше повергаю благосклонному усмотрению вашего королевского величества все это происшествие: оно для меня чувствительнее самой жизни. Высокопросвещенный ум вашего королевского величества столько же, как чрезвычайное великодушие и глубокая любовь к правде, коими восхищается и удивляется весь мир, позволяют мне надеяться не только на милостивое снисхождение к этому делу, но и на правосудие и возмездие со стороны вашего королевского величества.

Клянусь Богом, что все обстоятельства (species facto), изложенные мною, совершенно верны: все польские магнаты, бывшие на пиру, могут засвидетельствовать, что поведение и обращение мое были безукоризненны и что до их отъезда (за несколько минут до происшествия), несмотря на сильную попойку, я все время был трезв. Но положим даже (чего в действительности не было), что я был пьян и произвел какое-либо безчинство, подвергать меня за это строгому аресту и бдительному надзору совершенно неуместно, и если бы я был частное приглашенное лицо, а не носил бы священного звания уполномоченного посла вашего королевского величества (то, что уважается даже самыми необразованными народами), то и тогда не следовало обращаться со мной так постыдно и беззаконно. Я не прошу о мести. Ваше королевское величество, как доблестный рыцарь, сами взвесите этот вопрос, но я слезно и всенижайше умоляю ваше королевское величество, как о великой милости, уволить меня, чем скорее, тем лучше, от должности при таком дворе, где участь почти всех иностранных министров одинаково неприятна и отвратительна. Если ваше королевское величество соблаговолите согласиться, можно благонадежно поручить ваши интересы моему секретарю,

урожецу Кёнигсберга и верноподданному вашего королевского величества. Он смышлен в делах, обладает уже некоторою опытностью в переговорах, и ему известны все мною здесь добытые сведения.

Если я осмелюсь, со всею моей верноподданническою преданностью, ради которой я готов жертвовать всем на свете и даже моей жизнью, высказать мое ничтожное мнение, то я доложу, что нейтралитет, который ваше королевское величество соблюдали до сих пор, не может долее существовать, не повредив интересам вашего королевского величества; так как царь снова отступает от границ вашего королевского величества, то король шведский с родины двинется и заслонит вас. Кроме затаенной злобы, ваше королевское величество никакой выгоды от царя ждать не можете, и ваше королевское величество имели бы самый законный повод к нарушению нейтралитета, как в оскорблении, мне нанесенном (что выражает полное презрение к вашему королевскому величеству), так и в том, что обещания вознаградить ваших ограбленных подданных не исполняются. Я даже убежден, что не подвергся бы вчерашнему со мной обращению царя, он мог еще прежде в Москве так поступить со мной, если бы он не таил против меня злобного негодования, вследствие последней моей с ним беседы. Легко может быть, что случившееся со мной происшествие преднамеренно было отложено до отступления царя от границы. Как будет царь обращаться со мной впоследствии времени, и будет ли он стараться загладить свою гнусную вину, не знаю, ибо первым моим движением, по возвращении домой, было составить всеподданнейшее обо всем донесение вашему королевскому величеству и безотлагательно переслать письма через курьера в Варшаву.

С болезненным нетерпением и с полнейшею покорностью буду ожидать всемилостивейшего высочайшего повеления. Препоручая себя благоволению и милости вашего королевского величества, пребываю со всеподданнейшей преданностью и непоколебимой верностью до конца жизни своей, вседержавнейшего, и проч. и проч.

Георг Иоганн фон Кейзерлинг.

II.

Варшава, 1707 г. 13-го июля

Вседержавнейший великий государь, августейший король повелитель! Не далее как четверть часа тому назад получил я с люблинской почтой письмо тамошнего, вашего королевского величества посла, Кейзерлинга. Он пишет о том, как сильно опасается предстоящего большого пиршества, устраиваемого царем, в день своего тезоименитства в прошлое воскресенье, в Якубовицах (Jacubowitz), в полуверсте от города; опасается обычных при подобных пирах разгула и бесчинства, и как охотно откупился бы хоть дорогой ценой, лишь бы не присутствовать на пиру; но быв приглашенным генерал-адъютантом его царского величества, он не мог отклонить приглашения, не подвергая себя опасности потерять всякое значение при том дворе.

Сию же минуту привез мне курьер от него же прилагаемое всеподданнейшее донесение о случившемся с ним бедствии и ужасных оскорблениях, которым он подвергся, умоляя переслать донесение безотлагательно. Упомянутый курьер рассказывает, что и датский посланник должен был, несколько дней тому назад,

проглотить горькие пилюли: царь, получив от него в подарок собаку, на ошейнике которой было вырезано имя блаженной памяти покойного короля датского, воспользовался этим случаем, чтобы дать понять посланнику, что насколько хороши были прежние государи его нации, настолько ныне царствующий король никуда не годится; таким образом, названный посланник едва не подвергся тому же бедствию, в какое попал, ради интересов вашего королевского величества, Кейзерлинг, содержащийся, по повелению царя, под арестом и бдительной стражей. Один Бог может постичь существование такого народа, где не уважается ни величие коронованных лиц, ни международное право и где с иностранными сановниками обращаются, как с своими рабами. Так как я принужден поспешить отправкой нынешней почты, то лишен возможности составить отдельное всеподданнейшее донесение о том, что происходило на минувшей неделе между конфедератами в Люблине.

Закончу всенижайшее свое послание приложением полученной мною копии дневника (Diarium per copuam) секретаря Гольвеля (Holwell) и подлинное послание епископа Куявского (Cujavien). На последнее ваше королевское величество соблаговолите обратить внимание: конфедераты, несмотря на происходящее эти дни обнародованное междуцарствие (Interregnum publicisten), ни мало не спешат выборами, но напротив, намерены отныне согласоваться с последующими событиями, и нынешняя их попытка к публикованию междуцарствия (pas in publicirung Interregni) клонит к тому, чтобы крайней мерой, склонить шведского короля и короля Станислава к скорейшему, разумному согласованию. Проект опубликования междуцарствия (Project der publication Interregni) я также получил, но, по недостатку времени, не могу перевести с польского, – не замедлю однако с следующей почтой переслать его со всею нижайшею преданностью, с которой пребываю, вашего королевского величества, и проч., проч. и проч.

Г. Ф. фон Лёшеффель.

III.

Люблин, 1707 г., июля 16-го, н. ст.

Вседержавнейший, великий король, всемилостивейший король и государь! Всенижайше повергая вашему королевскому величеству мое донесение, от 11-го числа сего месяца, о случившейся со мною трагедии, накануне царских имянин, на пиру, в 6 часов вечера, я составил его в полночь и с большою поспешностью, так как узнал через одного городского купца-немца, что некоторые польские магнаты намереваются послать курьеров с вестью о происшествии в Варшаву и даже Бреславль. А потому, не желая откладывать ни минуты уведомлением вашего королевского величества о всем случившемся, я отправил с своим курьером до Варшавы краткое донесение о происшествии, какое мог я составить в короткое время и при помощи одной моей памяти, не имея еще возможности переговорить с кем-либо о случившемся. Надлежит однако обратить внимание на следующия упущенные в этом деле обстоятельства и подробности: во-первых, князь Меншиков первый начал грубить мне непристойными словами, вследствие чего его императорское величество в негодовании удалился, тогда как я только возразил, что благородный человек не упрекнет меня в безчестном поступке, и тем менее никогда не докажет того; но когда князь Меншиков не переставал обращаться

со мною с насмешкой и презрением и даже подвигался все ближе и ближе ко мне, я, зная его всему миру известное коварство и безрассудство, начал опасаться его намерения, по московскому обычаю ударом «под ножку» сбить меня с ног – искусством этим он упражнялся, когда разносил по улицам лепёшки на постном масле, и когда впоследствии был конюхом. Я, вытянутой рукой, хотел отстранить его от себя, заявив ему, что скорее лишусь жизни, нежели позволю себя оскорбить, и не считаю доблестным человеком того, кто осмелится меня позорить.

Во-вторых, когда тут несколько офицеров нас развели друг от друга, его царское величество сам обратился к Меншикову с словами: «Ты всегда затеваешь то, чего сам не понимаешь, и я должен отвечать за все твои глупости, и потому советую тебе помириться с Кейзерлингом».

Свидетелем этого происшествия был бригадир фон Нетельгорст (Nettelhorst), состоящий на польской коронной службе; он всенижайше прилагает тут свое письменное свидетельство и готов, во всякое время, присягнуть. Статс-секретарь тайный Шафиров на днях признался (в справедливости всего происшедшего) датскому королевскому послу.

В-третьих, князь Меншиков собственноручно вытолкнул из комнаты и вдоль лестницы при мне находившихся лакея и пажа (прочая прислуга отправилась домой с экипажем). Потом, вернувшись, спросил меня, зачем я хочу с ним ссориться?

На что я отвечал, что я не начинал ссору и никогда не начну её, но не позволю никому на свете оскорблять меня. Тогда он сказал, что если я не считаю его благородным человеком, то и он меня таковым не считает, что как я первый позволил себе его толкнуть, то и он может меня толкать, что действительно он тут же и исполнил, ударив меня кулаком в грудь и желая вывернуть мне руку; но я успел дать ему затрещину и выругал его особливым словом.

Тут мы схватились было за шпаги, но у меня ее отняли в толпе, как легко можно догадаться, по его же наущению.

В-четвертых, вслед за сим его царское величество в ярости подошел ко мне и спросил, что я затеваю и не намерен ли я драться? Я отвечал, что сам я ничего не затеваю и драться не могу, потому что у меня отняли шпагу, но что если я не получу желаемого удовлетворения от его царского величества, то готов, во всяком другом месте, драться с кн. Меншиковым.

Тогда царь с угрозой, что сам будет драться со мной, обнажил свою шпагу в одно время с князем Меншиковым; в эту минуту те, которые уж меня держали за руки, вытолкнули меня из дверей, и я совершенно один попал в руки мучителям или лейб-гвардейцам (Leib-garde) князя Меншикова; они меня низвергли с трех больших каменных ступеней, и мало того, проводили толчками через весь двор, где я нашел своего лакея одного (паж поехал за экипажем).

Ваше королевское величество, обладая столь светлым умом, рассудите сами по нижеизложенным обстоятельствам, что не я, а князь Меншиков затеял ссору, ибо: по первому пункту я не имел ни злобы, ни малейшего неудовольствия против него, доказательством тому могут служить все мои всенижайшия донесения, в коих до сих пор я не только не упоминал об его ежедневных глупостях, но скорее писал о нем только все хорошее. По второму пункту, ясно, как Божий день, что он начал оскорблять меня непристойными словами, сам же его царское величество в том обвинил и требовал, чтобы он помирился со мной. Третий же пункт

ясно доказывает, что Меншиков не только не имел никакого намерения мириться со мной, а напротив, хотел еще сильнее оскорбить, вытолкнув своеручно мою прислугу из дверей и снова обратясь ко мне с дерзкими словами. И можно ли было ожидать миролюбивых попыток в отношении меня от дерзкого любимца, который никогда не уступает даже самому царскому величеству, и как бы ни был неправ, всегда оставляет за собой последнее слово. Что же касается четвертого и последнего пункта, то его царское величество и также князь Меншиков стараются уверить, что они непричастны отвратительному обращению со мной и что оно случилось помимо их приказания. Но мой слуга, поджидавший меня во дворе, готов присягнуть, что князь Меншиков сам кричал в окно, чтобы меня вытолкали со двора. Наконец, тут запирательство ни к чему не служит, потому что по всем законам, тот, кто может и должен отвратить зло, а между тем дозволяет его, сам становится преступником. Более всего говорит в пользу моей невиновности то, что на следующий же день князь Меншиков несколько раз присылал ко мне своего генерал-адъютанта фон дер Раупе (Raupe) и по том генерал-лейтенанта Ренне (Ronne) убеждать меня, ни о чем случившемся не доводить до сведения вашего королевского величества; а если донесение уже послано, предлагал, с помощью подставных лошадей, вернуть моего курьера и обещал при этом, с своей стороны, полное молчание и удовлетворение. Это требование я однако отклонил тем, что мне невозможно не доводить до сведения вашего королевского величества то, что вы должны узнать. Но до начала всех этих подсылок и искушений (Tentamina) явился ко мне один майор собственного его царского величества полка, и объявил, от имени царя, что вследствие моего дурного поведения вчерашний день, и того, что я обозвал князя Меншикова ругательным словом, и тем опозорил дом царя, я должен удалиться от двора его царского величества.

На это я отвечал, что всем известно, что не я, а князь Меншиков начал ссору, и я не произнес бы ругательного слова, если бы он меня не взбесил и не вынудил к тому своим обращением. Я предоставлял на рассуждение его царского величества: не равносильна ли вынужденная и под влиянием насильственно произведенного во мне охмеления происшедшая вспышка, при которой легко, быть может, я погрешил против должного уважения к его царскому величеству, о чем сильно сокрушаюсь, – обращение, которому я подвергся? Я охотно принимаю повеление его царского величества, тем более, что сам решился никогда не являться ко двору, где вынес столько оскорблений и грубых выходок, разве только явлюсь тогда, когда на то воспоследует особенное повеление вашего королевского величества, которому все уже известно. Майор старался было уверить, что его царское величество ничего не знал о дурном со мной обращении стражи, и что я, конечно, получу должное за это удовлетворение; но я отвечал, что глубоко признателен за предложение, но никакого удовлетворения принять не могу, не узнав сперва высочайшей воли вашего королевского величества по этому предмету.

Потом уже я догадался, что царь действует с намерением меня смутить и побудить к скорейшему примирению, так как вскоре после этого объяснения явились упомянутые выше послы и искушения (Tentamina). Но я не желал и не смел скрывать это дело от вашего королевского величества, и потому царь вскоре решился отправить к вашему королевскому величеству курьера, в лице фон

Брукенталя (Brukenthal), генерал-адъютанта князя Меншикова, в прошлый вторник; но в 12-м часу ночи мне было еще раз предложено примирение через генерал-лейтенанта Ренне (Ronne). Нельзя полагаться на правдивость со стороны князя Меншикова, и потому легко мог себе представить, как много вымышленного поручено генерал-адъютанту всенижайше передать вашему королевскому величеству; кое что я уже слышал об этом через доверенного слугу князя Меншикова.

Видит Бог, совесть моя чиста; все что я сообщил вашему королевскому величеству – сущая правда. Меня утешает мысль, что высокопросвещенный ум вашего королевского величества слишком безошибочно проницателен, чтобы какие-либо ухищрения и выдумки могли бы ввести вас в обман и вынудить ошибочное заключение, и потому всеподданнейше уповаю на великую милость и непоколебимую справедливость (aequitaet) вашего королевского величества и не сомневаюсь в благоприятном для меня решении. Тем не менее, препоручаю себя вам и благоволению вашего королевского величества с полнейшей покорностью к вашему, государь, решению единственному, как воле Божией, пред которым я благоговею и которое признаю.

Я убежден, что многие немецкие офицеры, слышавшие и видевшие все, охотно засвидетельствовали бы мой рассказ, если бы не были на службе московского царя, и не подвергали бы опасности откровенным признанием свою честь и жизнь. Из посторонних же лиц был только бригадир Нетельгорст (Nettelhorst), и тот находился вдали от происшествия. Правда, тут присутствовали некоторые поляки: коронный канцлер (Cron-untercanzler) Шембек (Shembek) и маршал конфедератов (Marshal von der confoederation) Денгоф (Dohnhof). Но они, также как датский королевский посланник, были в это время в большой зале, столь далеко от места происшедшей ссоры, что почти ничего, или очень мало, могли видеть и слышать. В следующие дни князь Меншиков, видимо, старался склонить польских магнатов на свою сторону, убеждая их высказываться в своих письмах в его пользу, и в этих видах предлагая им (как мне сообщил упомянутый бригадир Нетельгорст) различные подарки. Но, насколько мне известно, никто ими не прельстился, а все соболезнуют о постигшем меня злополучии, и жалеют о существовании столь чудовищных московских обычаев, которых я сделался жертвой. Они уверяют, что сочувствие их по поводу этого скандального происшествия не будет на стороне двора. Все они были приглашены прошлый вторник на свадьбу в дом генерал-лейтенанта Ренне (Ronne); но узнав, что его царское величество будет на свадьбе маршалом (marshal) и князь Меншиков будет на ней присутствовать, никто, кроме упомянутого маршала конфедерации (marshal von der confoederation) Денгофа (Dohnfof) и кульмского казначея (land kammerer) Рыбинского, не принял приглашения – так свежо еще потрясающее воспоминание! Князь Меншиков намекнул на этой свадьбе датскому королевскому посланнику, который готов подтвердить его слова, что если бы я не доносил вашему королевскому величеству, то ссору нашу можно было бы легко покончить; доказательство, что они сами чувствуют передо мною свою вину. Но мне совсем неприлично скрывать от вашего королевского величества дело столь важное, как по моим обязанностям в отношении вашего королевского величества, так и по тому, что дело это произведет во всем свете сильное впечатление, как нечто чудовищное, небывалое до сих пор в летописях истории.

Три дня тому назад, офицер царской службы, немец, подозвал к себе, на многолюдной улице, одного из моих слуг и сказал ему, что слышал, будто ссора наша прекращена, и царь меня удовлетворил великолепным подарком. Я сам убежден, что двор имел это намерение, но считал бы себя самым низким человеком и недостойным неоцененной милости и покровительства вашего королевского величества, если бы позволил себя ослепить даже всеми сокровищами Москвы, и тем уменьшил бы авторитет и уважение, которыми так основательно пользуется во всем мире ваше королевское величество. Царский двор может отречься от того, что происходило в зале, где были только офицеры, состоящие на царской службе, но он не может отвергнуть то, что видели сотни сбежавшихся из города любопытных обывателей и других посторонних лиц; как после неистовых толчков вниз по лестнице и других оскорблений, я, не переводя дух, очутился вне двора, на мосту, перед воротами и поджидал лошадь, за которой отправился мой слуга. Тогда пришли еще двое из лейб-гвардейцев (Leib-guarden) князя Меншикова; один из них, ругая меня самыми непристойными словами, два раза ударил меня кулаком в затылок, и тем едва не сбил меня с ног. Все это можно было отлично видеть из окон дворца, и однако никто не вступился за меня.

Неслыханный позор, которому подвергся министр вашего королевского величества, так велик, а нарушение международного права – есть преступление столь важное, что вызванный ими гнев вашего королевского величества будет совершенно основателен. Славой, которой пользуется ваше королевское величество во всем мире, вы обязаны не рабской лести, но действительному достоинству ваших превосходных качеств; самое даровитое перо не в состоянии воздать должную хвалу, за благо, которое ваше королевское величество совершает ежедневно; посему, если один из королей французских так энергично вступился за своего посланника, подвергшегося в Риме в 1662 году позору, не столь еще ужасному, какой я перенес, что потребовав продолжительного возмездия, заставил loco delicti каяться и сохранить по себе долгую память, то, конечно, нельзя сомневаться, что ваше королевское величество, обладая еще более отважным духом и мужеством, тем скорее защитит силу международного права и геройски потребует возмездия за варварское преступление, совершенное в ущерб величию и славы вашего королевского величества. Я не осмелился бы так подробно излагать свое мнение на счет этого дела, если бы здешний двор не выказывал такое презрение к международному праву, нарушение которого он ставит ни во что. Но несмотря на все вышесказанное, я со всею моей верноподданнической преданностью всецело повергаю себя всемилостивейше вашей воле, даже и в том случае, если ваше королевское величество, в виду своих интересов, не соблаговолит требовать должного возмездия от его царского величества. Можно однако положительно сказать, что если вашему королевскому величеству заблагорассудится явно выразить свое неудовольствие по поводу этого происшествия, царь скорее уступит (zu kreize krichen), нежели станет действовать против вашего королевского величества. Если ваше королевское величество желает получить какую-либо выгоду со стороны Польши, и с этой целью пожелает встать в более дружеские отношения с шведским королем и королем Станиславом, то вы не могли бы найти вашим действиям лучшего повода, в чем конечно согласится весь здравомыслящий свет. Все сознают, как необходимо развить в этом диком народе сознание необходимости свято соблюдать международное право, нарушаемое им так часто. В крайнем

случае ваше королевское величество может, под предлогом дальнейшего необходимого расследования, тянуть дело до того времени, пока царь не будет вынужден отступить, что наверное случится, когда король шведский начнет наступление; тогда ваше королевское величество предпримет меры сообразно обстоятельствам и самые верные для своих интересов. Между тем, я вероятно уже буду отозван, равным образом и фон дер Лихт (von der Licht) не может долее оставаться при дворе вашего королевского величества, вероятно мой секретарь тут, а секретарь Волков, при вашем дворе, вступят в отправление наших должностей. Я хорошо знаю царя и его министров, и потому знаю, как они трусят даже перед одним королем шведским; они никогда не станут в враждебные отношения с вашим королевским величеством, и скорее согласятся на всякие миролюбивые сделки, чтобы только удержать теперешний нейтралитет вашего королевского величества.

На днях получены здесь письма, писанные даже ранее дня тезоименитства царя из пехотного отряда, находящейся при Остоги (Ostogu) и Ровне (Rowna); в них сообщается слух о полученном будто бы мною приказе от имени вашего королевского величества, обнародовать отозвание (avocatorien) всех на царской службе находящихся подданных вашего королевского величества. Хотя двор знает, что слух этот ложен, тем не менее начинают безпокоиться, как бы он ни оправдался.

Я более не вхожу ни в какие сношения с царскими министрами, и переехал бы в Варшаву, если бы сильная боль в правом боку, вследствие низвержения моего с высоких каменных ступеней, оказавшаяся серьезнее, чем я предполагал, не принудила меня обратиться к помощи придворного лейб-медика, другого доктора тут не имеется. Бог весть, буду ли я в состоянии предпринять завтра, или послезавтра, путь в Варшаву, куда отправляется завтра вечером его царское величество со всей своей свитой. Так как все происходило не в пределах Московского государства, но на нейтральной земле (loco tertia), я буду совершенно в праве, под предлогом нездоровья, после позорного обращения со мной, продлить здесь свое пребывание.

Дошло наконец до того, что его царское величество не только дал письменное обязательство республике возвратить, в будущем 1708 году, к Мартынову дню, недавно взятую крепость, со всей артиллерией и военными припасами, но даже сейчас же отправлен приказ губернаторам Полоцка и Смоленска выдать старосте Огинскому, всегда державшего сторону царя, литовский гарнизон, взятый в плен в упомянутой крепости Быхов (Bychow), если только он добровольно уже не вступил в службу московского государства. Послан также приказ гетману казаков, Мазепе, уступить республике взятую в свое владение, пять лет тому назад, отделившуюся в момент восстания Украину, и особенно очистить крепость Бялую церковь (Bialoviekow), в которой и повелено водворить польские войска коронной армии (cron-armee).

Наконец все здесь присутствовавшия сословия республики принуждены были решиться обнародовать междуцарствие (interregnum); таким образом, оно получило прошлый понедельник свою законность; акт о сем (das instrumentum) еще печатается, но на днях, быть может даже завтра, он будет всенародно возвещен герольдом (per tubam); сейм же (conselium) снова здесь собирается 11-го августа, чтобы обсудить и решить о мерах, необходимых для охранения свободы Польши

и основных ее законов. Полководцы и другие военные чины отправляются в польскую армию, которая сосредоточивается около Сандомира, оттуда двинется в Краков, и с этих пунктов будет наблюдать за движениями неприятеля, и по возможности противодействовать им. Прочие же магнаты большею частью намерены здесь поселиться.

Предполагают, что коронные полководцы (kron-feldherrn) могут собрать до 250 хоругвей; но силу каждой определяют не более, как от 30 до 40 человек. 14-го числа этого месяца кульмский государственный казначей (Land-Cammerer) представил в Якубовицах его царскому величеству отряд из 36 польских хоругвей и тысячу немецких конных (mondirten) драгун и других кавалеристов, угостив обедом царя, его генералитет, а также многих польских магнатов. Сюда прибывшие с его царским величеством три драгунские полка и еще три полка, прибывшие вскоре после приезда князя Меншикова, выступают отсюда в Варшаву, где предполагает быть через два дня и его царское величество; но все эти полки слабы, потому что многия части их откомандированы к отряду генерал-лейтенанта Гейнске (Hainske). Полк генерал-майора Ренцеля (Rentzel) остается еще здесь и едва ли чрез три-четыре месяца кавалерия будет готова.

Недавно прибывшее сюда войско казаков, состоящее из отряда от пяти до шести тысяч человек, должно также двинуться к Сандомиру, чтобы быть ближе к польской коронной армии и поддерживать в ней преданность царю. Хотя царь употребил все усилия, чтобы склонить к себе конфедеративную республику, и та видимо ему благоволит, но тем не менее, доверия друг к другу нет, а поляки всегда будут следить с которой стороны дует ветер, и будут держать сторону сильного. К тому же, князь Вишневецкий (Wisnoviecki) объявил себя за Станислава; вследствие чего его царское величество приказал генерал-лейтенанту Бауру (Baur) сколь возможно преследовать Вишневецкого по всей Литве, и отнять у него остальные хоругви.

Здесь еще ничего положительного неизвестно о выступлении из Саксонии армии шведского короля, и потому двор еще не решил, какие меры ему следует предпринять. Путешествие в Варшаву совершается, во-первых, из любопытства, так как его царское величество, изъездив всю Польшу, не видел еще ее главного города, а также и потому, что тут уже все запасы и продовольствие издержаны, и дальнейшее пребывание было бы в близком уже времени невозможным. На днях распространили при дворе слух о происшедшей будто бы битве в Брабанте, между высокими союзниками (Hohe Allyrten) и королем французским, причем первые наголову (totaliter) разбиты, и даже сам герцог Мальбрук убит. По этому поводу ясно было выражено пристрастие к Франции, старанием обнародовать эту весть; но вчерашния письма совершенно опровергли быстро распространившийся слух.

Сию минуту получил я печатную прокламацию (документ) о решении междуцарствия (das Instrument von dem concluro der In-terregni); но возрастающая слабость не дозволяет мне продолжительного занятия, и потому я всеподданнейше прилагаю только копию с прокламации на польском языке; вместе с сим отсылаю еще другую копию секретарю посольства Лёльхёффелю (Lollhoffel) в Варшаву, дабы он мог переслать ее в переводе вашему королевскому величеству. Впрочем препоручаю себя высочайшей милости и благоволению вашего королевского величества, и припадая к стопам вашим, пребываю с всеподданнической преданностью и несокрушимой верностью до конца жизни моей, вседержавнейшего, и проч. и проч.

Георг Иоганн фон Кейзерлинг.

IV.

Варшава, 1707 года, 30-го августа н. ст.

Вседержавнейший, великий государь и пр. и пр. Всеподданнейше и всенижайше довожу до сведения вашего королевского величества, что пережитые мною неприятности почти совершенно заглажены и устранены, вследствие высочайшего вашего желания, и к полному удовлетворению вашего величества, а также к общему удовольствию его царского величества, князя Меншикова и моего собственного, следующим образом. В двух письмах, в которых я нашел полное себе удовлетворение и копии которых я тут же всеподданнейше прилагаю, его царское величество и князь Меншиков признают необходимым сегодня же совершить надлежащим образом военный суд над лейб-гвардейцами (Garde-du-corps), преступление коих уже обнаружено; тот же, который меня действительно ударил, должен быть приговорен к смерти, и приведен на место казни; в то самое время, но никак не ранее, мне снова будет дана аудиенция у его царского величества для принесения благодарности за полученное удовлетворение и для испрошения от имени вашего королевского величества помилования ратнику, который впоследствии должен будет явиться, также в цепях и оковах, ко двору вашего королевского величества, благодарить меня за дарование ему жизни.

Никогда не добился бы я такого полного удовлетворения, если бы в начале уже поспешил согласиться на примирение. Но я слишком хорошо знаю дух этого двора и этой нации, и с намерением отклонял до сих пор отправление требуемого письма к князю Меншикову, хотя я вполне сознавал, что ничего не могло быть для меня удобнее и пристойнее, как написать приличное извинение за ссору, происшедшую от неумеренного употребления вина, и потому только лишь вчера отправил я письмо, чтобы тем придать ему еще большую цену и вынудить приговор телохранителя к смертной казни. Между тем, его царское величество в продолжении всего времени не переставал оказывать мне свою монаршую милость, а князь Меншиков, особенно вчера и третьего дни, с тех пор, как я решился написать требуемое письмо, не перестает выражать, в отношении меня, самое дружеское расположение, что подтвердит вашему королевскому величеству здешний секретарь посольства, в неоднократных всеподданнейших своих донесениях.

Тайный государственный секретарь (der Geheime Etats-Secretair) Шафиров прислал мне сегодня связку писем к фон дер Лихту, сообщив мне при этом, что в них заключается особое повеление его царского величества, склонить сколь возможно ваше королевское величество на дозволение продлить мое пребывание при дворе его царского величества. Вследствие чего прошу ваше королевское величество и впредь располагать мной по всемилостивейшему своему усмотрению и воле своей; повергнув всецело свою жизнь служению вашему королевскому величеству, высочайшая ваша воля будет принята мною всегда с восторгом и покорностью верноподданного. Так как тайный государственный секретарь Шафиров, не говоря о его постоянном выражении преданности вашему королевскому величеству и неуклонном старании поддерживать хорошия отношения между вашим королевским величеством и его царским величеством, совершенно добровольно и успешно содействовал к прекращению нынешней ссоры, то всенижайше предоставляю на высочайшее усмотрение вашего величества,

не найдете ли нужным, в знак милости и благоволения вашего королевского величества, подарить ему теперь недавно милостиво обещанных жеребцов для его завода, цена которых была ему при этом объявлена в 600 талеров. Если подарком будут служить жеребцы, следует принять во внимание, что Шафиров не может их принять иначе, как уведомив о том его царское величество; соответственную же сумму можно было бы без всякой огласки препроводить полковому квартирмейстеру, Лансону, в Кёнигсберге, которому Шафиров сам может поручить покупку лошадей. Еще осмелюсь всенижайше просить, не соблаговолит ли ваше королевское величество пожаловать всемилостивейший рескрипт генерал-лейтенанту Ренену (Ronnen), как усердно содействовавшему к доставлению приличного удовлетворения; хвалясь высочайшей милостью вашего королевского величества, я обещал ему рескрипт, который да будет дозволено мне сообщить ему вместе с уверением в высокоценимой монаршей милости и благоволения к нему вашего королевского величества.

Все остальное, касающееся Statum publicum, находится еще в прежнем положении, и вероятно изменения последуют только тогда, когда узнают что-либо подробное об решительном и действительном приближении королевской шведской армии. Хотя и поговаривают о том, что еще девять пехотных полков должны прибыть сюда в самом непродолжительном времени, и что будто решено, в случае появления неприятеля, не уступать ему переправу через Вислу, я, однако, вполне убежден, что когда вся сила шведской армии двинется на Польшу, его царское величество, без сомнения, отступит к Литве со всеми своими регулярными войсками. Тут все еще живут надеждой, что недоразумения между их величествами императором и королем шведским еще не прекратились, и что скоро обнаружатся новые требования со стороны Швеции; в этой уверенности, тут начались распоряжения к продолжительному пребыванию; все близлежащия деревни переписываются, и уже приступлено к раскладке для расположения войск по квартирам; пехоту размещают теперь же, а кавалерию будут размещать в непродолжительном времени.

Князь Репнин, генерал московской пехоты, и в отсутствии фельдмаршала Шереметева главнокомандующий всех войск в Литве, прислал сюда вчера свое всеподданнейшее донесение его царскому величеству о том, что он уже решительно отправил генерал-лейтенанта Баура (Baur) с сильным отрядом против князя Вишневецкого и Сапеги, с тем, чтобы преследовать их до Гольштинии и Курляндии. Легко может случиться при этих обстоятельствах, что московские войска снова овладеют Курляндией, в таком случае, всеподданнейше прошу ваше королевское величество сообщить мне свое мнение о том: следует ли вновь делать представления относительно бывшего секвестра этого герцогства, к чему царь в настоящую минуту склонится охотнее прежнего; что же касается моего верноподданнического и скромного мнения, то я полагаю, что в этом деле выгоды вашего королевского величества не будут так верны и существенны, какими оне были в прежния времена, и потому, быть может, было бы разумнее дождаться при упомянутом случае предложения со стороны царя, нежели нам самим их представлять.

Здесь всякий день ждут приезда полководца (Cron-Feldherr) Синявского с супругой, и надеются узнать через них что-либо положительное на счет переговоров с князем Рагоцким.

Впрочем, препоручаю себя высочайшей милости вашего королевского величества, проч. и проч.

Георг Иоганн фон Кейзерлинг.

А. Копия с письма к князю Меншикову (полные титулы).

Если, намедни, в день празднования тезоименитства его царского величества, в Якубовицах, я, при излишней и вынужденной выпивке, совершенно против воли, впал в неприятное столкновение с вашим сиятельством, то в настоящую минуту пользуюсь случаем принести чистосердечно свою повинную и уверить, что все случившееся меня тем более огорчает, что исключая этого обстоятельства, я всегда пользовался милостями и вниманием вашего сиятельства, также как и я, с своей стороны, всегда старался выразить должное вам уважение. Так как при вышеупомянутом безчинстве легко могли сорваться с языка некоторые непристойные выражения, оскорбившия ваше сиятельство, то, не колеблясь, спешу повиниться в том вашему сиятельству, тем более, что слова эти были не умышленны, но только следствием недоразумения и вспышки от избытка вина. И потому покорнейше прошу ваше сиятельство, последовав обычному великодушию, милостиво предать полному забвению эту ссору, и сохранить мне высокочтимое мною благоволение и дружеское расположение; просьба моя тем убедительнее, что я с своей стороны смею уверить, что пребываю с прежними искренними и горячими чувствами и с должным уважением, и проч. и проч.

Б. Копия письма к его царскому величеству (полные титулы).

Ваше царское величество выказывали во всех своих действиях столь высокое великодушие, а также всегда так снисходительно смотрели на проступки и вспышки, легко происходящие от выпивки, что я дерзаю и теперь надеяться на милосердие и благоволение вашего царского величества, и смею думать, что ваше царское величество смилуется и не подвергнет дальнейшему своему гневу то неприятное столкновение, которое произошло в день празднования высокого вашего тезоименитства, между князем Меншиковым и мною, единственно вследствие недоразумений и вспышки, при разгоряченном состоянии, от слишком неумеренного употребления хорошего вина. Вместе с тем смиренно смею уверить ваше царское величество, что как и прежде никогда не погрешал против подобающих вашему царскому величеству верноподданнических чувств, так и теперь ни о чем на свете столь не сожалею, как о совершенном в тот день, вполне неумышленным образом, проступке моем, и потому с удовольствием смиренно в нем каюсь перед вашим царским величеством, и с глубочайшим прискорбием вспоминаю о проступке, происшедшем вследствие чрезмерной выпивки. Тут же случилось и то обстоятельство, что некоторые из лейб-гвардейцев не только столкнули меня со ступеней, самым непростительным и опасным образом, но даже трое из них преследовали меня через всю площадь до моста, и в то время, когда я, еле очнувшись, после такого насильственного низвержения, ждал только своего слугу, который должен был привести мне лошадь, так как карета моя еще не возвращалась, один из них так сильно ударил меня два раза в затылок, что я едва не свалился с ног. Подобное насильственное обращение с уполномоченным (publiquen) королевским министром неслыханно, и тем более преступно, что священное международное право, признанное всюду всеми иностранными министрами неприкосновенным, оскорблено самым постыдным, и попирается самым грубым

образом. Сама слава вашего царского величества требует сильного возмездия на такое страшное насилие, ибо покровительствовать и охранять международное право составляет первую и самую священную обязанность всех властей сего мира. И потому, смиренно льщу себя надеждой, что ваше царское величество поступите с той любовью к справедливости и с тем несравненным великодушием, столь прославленном всем светом, не только вознегодуете на позор, мною перенесенный, но и даруете должное удовлетворение, в виде примерного наказания преступников за оскорбление, сделанное в лице моем величию всемилостивейшего моего государя и короля, доставите мне приличное удовлетворение, чтобы таким образом было даровано требуемое правосудие, столь сильно стесненному Juri gentium. Это справедливое возмездие не только укрепит неразрывными узами дружелюбные отношения между всемилостивейшим моим государем королем и вашим царским величеством, но оно придаст еще более блеску вашей славе, и обессмертит ваше величие и ваше имя, заинтересованные в этом деле, уже прославленные всем миром, и возбуждающия во мне еще сильнее те чувства преданности интересам вашего царского величества, так что вся моя жизнь будет выражать чувства самой искренней и усердной любви и верноподданнейшего уважения.

V.

3-го сентября 1707-го года. Варшава

Вседержавнейший, великий король, всемилостивейший король и государь! Вашему королевскому величеству уже было всеподданнейше подробно донесено, каким образом, в день празднования тезоименитства его царского величества, в Якубовицах, произошли неприятности между царским любимцем, князем Меншиковым, и мной; хотя причиною тому было лишь личное столкновение, оно однако, при неумеренном употреблении вина, приняло такой серьезной характер, что я не только выбранил князя Меншикова жесткими словами, но даже рукой ударил его по лицу, а так как в эту минуту вошел его царское величество и я не в силах был преодолеть primos motus; то последствия легко могли бы быть еще злосчастнее, если бы тут же не вытолкали меня из дверей; сбежавшаяся же за дверьми многочисленная прислуга князя Меншикова, к несчастью, сочла своею обязанностью не только столкнуть меня вниз по лестнице, но даже двое из телохранителей упомянутого князя действительно ударили меня несколько раз на площади, где не было никого из моей прислуги. Теперь же со смирением и преданностью спешу всеподданнейше донести вашему королевскому величеству, что по поводу этого неприятного столкновения моего с князем Меншиковым, последовали с его и с моей стороны приличные и при подобных случаях обычные объяснения, и его царское величество даровал мне полное и блестящее удовлетворение за обиды, понесенные мною помимо его воли и ведения, следующим образом: было наряжено строгое следствие над телохранителями для дознания того, кто ударил меня; оказались двое виновных, и их, без дальнейшего допроса, в силу военного суда, произведенного на месте, по приговору, – копию которого под литерою А всеподданнейше прилагаю, – 1-го сентября осудили к смертной казни; но в уважение того, что они дворяне, и хорошего происхождения, положено их расстрелять (arquebusiren). Когда генерал-лейтенант Ренне сообщил мне этот

приговор, и даже привез ко мне на дом его оригинал, одобренный его царским величеством и собственноручно им подписанный, и когда я с своей стороны выразил ему свое одобрение, он дал мне понять, что князь Меншиков весьма желает видеть меня, чем скорее, тем лучше, и что если я соглашусь сейчас же, в 5 часов пополудни отправиться к князю Меншикову, то меня встретят с восторгом, со всей предупредительностью и со всеми возможными почестями, и что там увижу я и его царское величество. Так как князь Меншиков еще прежде прислал мне приветствие через здешнего секретаря посольства вашего королевского величества Лёльгёффеля (Lollhoffel) с уверением в непоколебимости прежнего своего дружеского расположения ко мне, прибавляя любезно, что он страшится встречи со мной, то я решился поехать, в тот же день, в назначенный час, впервые после вышеупомянутого горестного столкновения, в дом князя Меншикова, где его царское величество почти всегда занимается судебными делами (Curalien). Едва въехал я в ворота, как уже князь Меншиков вышел почти со всеми здесь находящимися генералами на первую галерею своего дома, где и ожидал меня. Его гоф-маршал, генерал-адъютанты и камер-юнкеры встретили меня у кареты, генерал-майоры Бан и Гейне на лестнице, сам же князь Меншиков ожидал меня несколькими шагами далее, на вышеупомянутой крайней галерее, честь, которую он едва ли оказывает другим иностранным министрам, даже при первом приеме их. Оффициальные наши приветствия выражали обоюдные наши чувства дружбы и удовольствия снова друг друга видеть, но, спустя некоторое время, проведенное вместе в комнатах, мы удалились (a parte) в сторону к окну отдельной комнаты, и объяснились по поводу ссоры, происшедшей от неумеренной выпивки. По общему нашему соглашению, ссора эта не только будет предана полному забвению, но даже послужит в будущем к подкреплению нашего благорасположения и дружбы. В это время вошел его царское величество, по своей привычке, без всякой церемонии, и смею всеподданнейше уверить ваше королевское величество, что давно не видал я его царское величество таким веселым и довольным, как в эту минуту: он обнял меня, и не позволив мне вымолвить слова, поспешил сказать, что устал от всхода по лестнице, потому что чувствует себя еще очень слабым после перенесенной болезни. Вслед за тем последовала веселая беседа, оживленная шутками его царского величества и князя Меншикова и продолжавшаяся до тех пор, пока не пришли доложить князю Меншикову и его супруге, о приезде жены гетмана (Gross-Feldherrin) Синявского, накануне прибывшей сюда; вскоре вошла она сама; тогда его царское величество пошел один со мной в отдаленную галерею; тут я стал выражать свою благодарность за милостиво дарованное мне такое полное удовлетворение, а также свои извинения по поводу случившегося, но царь остановил меня следующими милостивыми словами на немецком наречии:

«Als Gott mine Seele kennt, ik silfst recht trurig darower gewest bin, doch wie alle tosammen voll gewesen sind, war Gott lof dat nu alles wedder got worden, un ik ju alle taid lew hab, un alles nicht mehr gedeneken».

То-есть: «Сам Бог свидетель, как глубоко сожалею я о случившемся; но все мы были пьяны; теперь же, благодаря Бога, все прошло и улажено; я уже забыл о ссоре и пребываю благосклонно и с любовью преданный вам».

Затем государь спросил новые газеты и снова удалился в комнату князя Меншикова, куда и сам князь возвратился, оставив жену гетмана (die Crohn Gross-

Feldherrin) у своей супруги. Возобновившаяся беседа, при часто подносимых кружках вина, продолжалась весело до 7-ми часов вечера; потом мы перешли в комнаты супруги князя Меншикова, где обедали за небольшим столом, так как приглашенные к обеду были только: его царское величество, жена гетмана, жена старосты, овдовевшая княгиня Радзивил, князь Меншиков, его супруга, я, князь Долгорукий и генерал-лейтенант Ренне. Его царское величество все время не переставал быть в наилучшем расположении духа, и когда потом при прощаньи я стал ходатайствовать от имени вашего королевского величества за преступников, его царское величество предоставил все на благорассмотрение вашего королевского величества, сказав при этом, что хотя он и будет очень занят все утро следующего дня, но приказ к совершению казни уже дал, и я могу действовать, как мне заблагорассудится.

Вследствие сего, вчера, в 10-ть ч. утра, целый эскадрон лейб-гвардейцев провел этих двух преступников, в оковах и цепях, мимо здешнего дворца вашего королевского величества, по главнейшим улицам предместий и города, до большой площади Краковского предместья перед так называемом Казимирским дворцом, где имеют свое помещение его царское величество и князь Меншиков. Приговор был уже почти исполнен: (московский) русский поп уже дал преступникам свое наставление к принятию смерти, уже благословил их распятием, уже даны были им свечи в руки, глаза были повязаны и уже командир, майор Иоанн Котлер, скомандовал к прикладу, как тут находившийся уже секретарь вашего королевского величества, Лёльгёффель (Lollhoffel), объявил помилование, привезенное генерал-адъютантом князя Меншикова, фон Брукенталем (Bruckenthal), и обнародованное впоследствии от высочайшего имени вашего королевского величества, и снова весь эскадрон привел преступников ко мне, во дворец вашего королевского величества, куда прибыли в то же время королевский датский посланник Грунд (Grund) и разные другие офицеры, приглашенные мною к обеду; тут виновные, на дворцовой площади, пали ниц и со смирением благодарили за милостиво дарованную им вашим королевским величеством жизнь. Потом, по моему требованию, они были освобождены от цепей и, по обычаю, угощены мною водкой, которую выпили во здравие вашего королевского величества и его царского величества, командующие же офицеры приглашены были мною к обеду. Я всеподданнейше остаюсь в уповании на высочайшее благоволение вашего королевского величества по поводу полученного мною, вследствие высочайшего вашего желания, такого блестящего удовлетворения и совершенного прекращения недоразумений и неприятностей, происшедших единственно от излишней выпивки, в чем погрешили в тот день даже сами лейб-гвардейцы.

Впрочем, препоручая себя высочайшему милосердию и благорасположению вашего королевского величества, и припадая к стопам вашим, пребываю со всеподданническими чувствами и непоколебимою верностью до конца жизни моей, все пресветлейшего и проч. и проч.

Георг Иоганн фон Кейзерлинг [**].

[**] Обида прусского посла. Георг Иоганн фон Кейзерлинг // Русская старина. – 1872. – Т. 5. – С. 805–844.

№ 70

1707, серпня 10
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

Объявляю вам, что 5 000 казаков, каторыя под камандою племянника вашего господина Вайнаровского, ис которых уже 500 человѣк побѣжали, а дасталныя, чаю, недолго подержатца, каторых вели на границах ловить и указ по правам чинить. Того ради пишу к вам, дабы вы, по обнадеживательному слову к нам о кумпаніях, во всѣх малоросійских палкех конечно нынѣшне[й] осенью и зимою определѣеніе учинили и неотложно к будущей кумпаніи оныи готовы были, ибо из нынѣшних присланых некумпанейских ничего добра, развѣ худа есть, понеже, не имѣючи опредѣленного жалованья, толко на грабеш и тотчас домой уйдут. Как я пред сим писал, а нынѣ горазда подтвержаю, чтоб вы немедля как возможно шли скоряя в Гродню и, напримѣр, чтоб конечно в первых числех сентября стали в Гроднѣ. А сѣдлы и протчее уже три недѣли как повезли с Москвы чрез Смоленск, куды и ты от себя (в) встрѣчю пошли.

Августа в 10 день [70].

№ 71

1707, серпня 21
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

Понеже совершенно и неотложно непріятель идет сюды и уже на границу передовыя пришли, того ради подтвержаем, дабы вы крѣпость Успенскую как наискоряя отделывали и к оборонѣ оной и всего краю трудились, також в Полонном на год или на два правіянту собрать тамошнему полковнику Кошелеву вспомогли, також казакам в Бѣлой Церкви и протчих мѣстах тоже чинить приказали. А ежели непріятель к вам будет правитца, то наперед вашего племянника туды отпустим для помочи вам совсѣм.

В 21 день августа [71].

№ 72

1707, серпня 22
Лист гетьмана Івана Мазепи до Петра I

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій. Полномощный вашего царского величества, всемилостивѣйшего моего государя, собственною рукою вашею монаршею до мене, вѣрного своего подданого, писаный указ воспріял я с подобающею помазаннику Божію честію и преисполненным подданскою вѣрностію сердцем. Который, по должности уряду моего гетманского, не дримателнѣ, но тщателнѣ исполняя, велѣлем тыж козаков, якіи

---

[70] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 44.

[71] Там само. – С. 61.

с службы вашего царского величества военной с под комменды племенника моего Войнаровского бѣжали, имать, в колодки забивать и к себѣ в Кіев, да воспріимут по дѣлом своим по правам войсковым, для постраху прочім, привозить. А о устроенія во всѣх рейменту моего полках компаніи с всяким тщателным прилежаніем буду старатися, дабы тот премощный вашего царского величества указ самым совершенством исполнен был. При сем себе самого премилосердной монаршей вашего царского величества милости навсегда вручаю и высокодержавную его ж десницу покорнѣ лобызаю. Вашего царского величества вѣрный подданый и слуга найнижайшій Иван Мазепа гетман.

З обозу под Кіевом, августа 22 року 1707 [72].

№ 73

1707, серпня 22. – З обозу під Києвом
Лист гетьмана Івана Мазепи до графа Гаврила Головкіна

Сіятелнѣшій и превосходителнѣйшій господине, господине и истинный мой пріятелю. Премощный его царского величества, всемилостивѣйшего моего царя и государя, указ, собственною его ж монаршею рукою до мене, гетмана, о избѣгших пятисот козаках с под комменды племенника моего Войнаровского с службы военной и о устроенія компаніи в полках рейменту моего писаный, воспріял я с подобающею честію, о чом и в листѣ вашей велможности, а именно о тых непостоянных бѣглецах, подтверженіе получил. Исполняя убо, по должности и вѣрности моей подданской, монаршое его царского величества, всемилостивѣйшего моего государя, повелѣніе, того ж часу поставилем всюда в пристойных мѣстцах сторожу и росписав велѣлем в полки рейменту моего унѣверсалы, приказуя в них тых непостоянных бѣглых козаков, оставивших службу монаршую, имать и, в колодки забивши, до себе провадить; с которых самых до того бѣгу проводцев кажу вѣшать, а прочіих, до указу монаршого, в крѣпком вязеню держать и по правам войсковым карать. А о устроенія во всѣх рейменту моего полках компаній предлагалем полковникам премощный его царского величества указ, который оны исполнити долженствують. И, за поворотом своим к домам, старатися о том, дабы воля и повелѣніе монаршое свое воспріяло совершенство, не отрицаются, токмо трудность в том усмотрѣвают, что в указѣ его царского величества изображено, дабы тая компанія чрез осень и зиму устроена конечнѣ была и к будущей кампаніи выготована, а войско рейменту моего всю осень здѣсь фортификаціи Печерской проживет, а зимою всяк по трудах цѣлолѣтних похочет господарства своего убогого осмотрѣти, хто не мѣет хлѣба, заробити и в оный на пришлый поход приспособитися; над то и в том, узнают не меншую трудность, что всякому з них полковнику надобно полк свой увесь в поле выпровадити, товариство, кони и оружье пересмотрѣти и разсудително войско перебрати, хто будет угоден, а хто неугоден до компанійской службы, а в морозы и в снѣги зимным временем с конми товариство выпроважати небезбѣдно и небезтрудно. И разсуждают они, полковники, что лутче б было, когда бы весною

[72] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 287.

повелѣнное устроевалося. Обаче я все тое полагаю на премудрое всемилостивѣйшего моего царя и государя, его царского величества, разсмотрѣніе, которого полномощный указ, аки Божій, понеже помазанника его, исполнити всячески старатися буду, повинуяся во всем волѣ его ж монаршой. А вашей велможности ниско кланячися, при неотъемлемой моей склонности, пріязнѣ и любвѣ навсегда пребываю вашей велможности всего добра зычливый пріятель и слуга Иван Мазепа гетман рукою власною.

З обозу под Кіевом, року 1707 августа 22 [73].

№ 74

1707, серпня 28. – З обозу під Києвом
Лист гетьмана Івана Мазепи до графа Гаврила Головкіна

Сіятелнѣйшій и превосходителнѣйшій господине, господине и истинный мой пріятелю. Писал я до вашей велможности через нарочного моего куріера 24 августа, извѣстуя, что по указу его царского величества, всемилостивѣйшого моего государя, собственною его ж монаршою рукою писаному и в почтенном вашое велможности листѣ изображеном, на непостоянных тых козаков, которіи, оставя службу монаршую, с под комменды племенника моего Войнаровского к домам избѣжали, поставилем на приличных мѣстцах сторожу и приказалем их унѣверсалами моими, во всѣ рейменту моего полки розослаными, сыскивати, имати и здѣсь в Кіев провадити. А нынѣ получилем из городов вѣдомость, что в полках по домам нѣгдѣ тыи бѣглецы не обойскались, двох токмо з полку Переяславского до Кіева припроважено, которыи сказивают о себѣ, что еще от Вислы от племенныка моего Войнаровского к домам бѣжали. Пишу убо до того ж моего племенныка, повѣдая ему, дабы всѣх под коммендою своею козаков зревижовал и извѣстил мнѣ писаніем своим, хто имяны, з якого полку и сколко числом поуходило от его товариства. О чом писаный от мене до его, Войнаровского, лист посылаю до рук вашое велможности и велце прошу переслать оный до рук надлежащих, понеже я весма не знаю, гдѣ он, Войнаровскій, нынѣ обрѣтается, и не вѣдаю, куда мѣю до его посылати нарочного моего гонца. Коней 500 по указу его царского величества, всемилостивейшего моего государя, в листѣ вашей велможности изображеном, послалем з добрим приставом до Мѣнска, которому приказалем тые всѣ конѣ вручити сіятелнейшему князю его милости Михаилу Михаиловичу Голицину, его царского величества енерал-маіору; а послалем тое пятисотное число коней 25 августа. И сіе вашой велможности обявив, пребываю навсегда вашой велможности всего добра зичливый пріятель и слуга Иван Мазепа гетман рукою власною.

З обозу под Кіевом, августа 28 року 1707 [74].

---

[73] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 288–289.

[74] Там само. – С. 289–290.

№ 75

1707, вересня 25
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

Писмо ваше, писанное из обозу от Кіева сентября 3-го дня, до нас дошло, по которому увѣдомились о строеніи Печерской крѣпости, и надѣемся, что оная вашими трудами в сих числех уже совершилась. Чрез министров наших получили мы вѣдомость, что желаніе ваше было, дабы войска регименту вашего, пребывающіе при Кіевѣ, нынѣ роспустить по домам. И того ни по которому образу учинить невозможно, понеже непріятель тому уже 6-й день нынѣ, как от войск наших, пребывающих около Варшавы, всего в 15-ти милях обрѣтался, а нынѣ, чаю, уже гораздо ближе. И какое ево есть намѣреніе, о том подлинно несвѣдомы; и когда получим о намѣреніи ево подлинную вѣдомость, тогда немедленно о войсках ваших опредѣлим. Однако не изволь во учрежденіи оной крѣпости плошитца, дабы оная совсѣм ко осадному времени была готова. Також изволь нѣкоторую часть малоросійских войск купно с великоросійскими во оной гварнизон опредѣлить на зимовье [75].

№ 76

1707, жовтня 7. – З обозу під Києвом
Лист гетьмана Івана Мазепи до графа Гаврила Головкіна

Сіятелнѣйшій и превосходителнѣйшій господине, господине и дражайшій мой пріятелю. Лист вашей велможности, милостивѣйшего моего государя, о возвращеніи будто Бѣлой Церкви и Украины сегобочной в поссессію Рѣчи Посполитой Полской, по прилежном господина Сѣнявского, гетмана великого коронного, прошенію, до мене от вашей велможности данного, получил я с подобающею честію сего дня, октоврія 7 дня, з которого совершенно вырозумѣв волю его царского величества, всемилостивѣйшего моего государя, яким образом мѣю коммиссаром ляцким или писаніем, когда кого от себе з тым указом монаршим пришлют, или словесно, когда ку Бѣлой Церкви сами прибудут, отвѣтствовать и як их без исполненія намѣренного ими дѣла отправить должен буду по указу монаршом и по наставленію вашей велможности во всем том справитися, хотя уже перед сим, когда до мене каштелян волынскій писал, извѣстуя о своей коммиссіи и о воспріятом для одобранія Бѣлой Церкви и прочіих сегобочних украинных городов своем пути, не инною, токмо тоею ж раціею ответ до его учинилем, что Украины невозможно им в поссессію отдати, покамѣст мнѣ не привезут указу такого монаршего, который бы был рукою самого его царского величества, всемилостивѣйшего моего государя, закрѣпленый рукою. А якій до мене писал лист з Варшавы о том же едином интерессѣ господин Сѣнявскій, гетман великій коронный, той я, в сем моем писаніи заключив, посылаю до рук вашей велможности, а себе самого непремѣнной его ж любвѣ,

---

[75] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 106–107.

пріязнѣ и ласцѣ навсегда предаю. И есм вашей велможности всего добра зичливый пріятель и слуга Иван Мазепа гетман рукою власною.

З обозу под Кіевом, октоврія 7 року 1707 [76].

№ 77

1707, жовтня 10. – З обозу під Києвом Лист гетьмана Івана Мазепи до графа Гаврила Головкіна

Сіателнѣйшій й превосходителнѣйшій господине, господине и истинный мой пріятелю. Изволил перед сым всемилостивѣйшій мой царь и государь, его царское величество, своею монаршою собственною рукою писати до мене, вѣрного своего подданого и всенижайшого слуги, полагая свой монаршой гнѣв, по донесеніи князя Волконского, будто з его ж монаршой служби з под коменды племенника моего Войнаровского пятсот козаков бѣжали в домы свои, о чем и ваша велможность особнѣ в листѣ своем изволилесь писати и обявити, что тое великому государю есть противно. Я убо, як скоро получилем тое всемилостивѣйшого моего царя и государя, его царского величества, писаніе и вашой велможности лист, так зараз того ж часу до помененного моего племенника Войнаровского писалем и тот лист до рук вашой велможности через почту послалем, приказуючи ему, Войнаровскому, дабы он о тых бѣглецах полный учинил розыск и прислал мнѣ оных роспись наскорѣ. А нынѣ якую воспріялем в листѣ его, Войнаровского, через нарочного посланца до мене принесеном, цедулу, о том писаную, тую в сем моем листѣ до вашой велможности посылаю, гдѣ извѣствует он, Войнаровскій, что ни един козак з под его коменды в дом з-за Васли не бѣжал, токмо еще з сей стороны Васли тридцет и девять чоловіка утекло, которых и роспись до мене прислал, тут же до вашой велможности посылаемую. Тыи токмо козаки, перебраніи и, по общом совѣту и согласію з князем Волконским, межи рѣками Саном и Вислою оставленіи, числом 440 человѣка, будучи от енерала Бема утиснены и не имѣючи ани для коней корму, ани для себе борошен гдѣ взяти, аще и уступили были ку Замостю, обаче и там на такую ж скудость налучивши, для крайней нужды врозь розбѣглися и наказного своего остановили, которій когда тут прибыл, того ж часу казалем в кайданы залити и за караул отдати; якій вымовлят и себе, и тых бѣглецов, свое товариство, что болш нелзя было им там без конских кормов и без борошенных запасов состоятися и мусѣли крайнею притѣснены нуждею розбѣгтися. О чем всем совершеннѣй ваша велможность з тоей Войнаровского цедули вирозумѣвши, изволь по особливой своей ку мнѣ милости и любви донести всемилостивѣйшему моему царю и государю, его царскому величеству. Явленную в том вашей велможности пріязнь и призрѣніе должен буду, донелиже живу, отслуговати, яко той иже есм вашой велможности всего добра зичливый пріятель и слуга Иван Мазепа гетман рукою власною.

З обозу под Кіевом, октобрія 10 року 1707 [77].

---

[76] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 465.

[77] Там само. – С. 291.

№ 78

1707, жовтня 14
Лист Петра I до фельдмаршала Бориса Шереметєва

Господин оелтьмаршал.

Понеже определили мы ныне, дабы Копоской и Быховской магазеины ведать совсем вам, а Полоцкой господину генералу Репнину, того ради не изволте плошитца и каждой из вас свои магазеины исправлять, чтоб возможно было впредь спросить на ком, и которые поветы определены в Полоцкой магазеин провиянским збором, тому прислать к нему, господину генералу, ведомость, дабы он ведал, по чему збирать. Пехотным полкам, которые с вами, ежели за утесненіем в Минску всем на зимовье поставитца невозможно, то изволь из оных некоторые поставить на кватеры в Новгородцком воеводстве или где в ыных местех, толко б от Минска недалеко. Полковника Геренка отправь в Кіев и отпиши об нем к князь Дмитрею Голицыну, дабы ево учредил там в новой Печерской крепости камендантом, а полку ево без указу от нас иному полковнику никому не отдавай. Шляхтича Вежицкого, буде он еще у вас, то никуда не посылай и вели его в Минску четвертовать и тело ево, по обычаю розняв на четыре части и воткнув на кольях, по дорогам поставить, а протчих ево товарищей казнить и прибить листы винам их, за что казнены.

Piter.

Из Вороны, в 14 день октября 1707 [78].

№ 79

1707, жовтня 16
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

Господин гетман.

По полученіи сего писма малоросійскіе войска ригименту вашего, пребывающіе под Кіевым, изволь роспустить по домам [и сам в Батурин ехать], однако при отпуске объявить указ всем, дабы конечно к генварю были во всякой готовности для того, ежели непріятель будет зимою править путь свой к Кіеву, чтоб возможно ему было учинить отпор. А ежели походу их зимою не будет, то войскам своим и до весны изволь приказать быть в домах, толко чтоб всегда в поход были готовы. Из Великой Полши подлинные имеем ведомости, что в Кракове было и ныне есть моровое поветріе, а из малоросійских войск там доволно было людей; того ради изволь приказвать, дабы осторожны были от оново в ваших краех, понеже не бес таких, которые могут оттуды збежать или за болезнью отпущены будут, чтоб от них не принеслось оное поветріе в наши краи, от чего сохрани, Боже [79].

---

[78] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С.138.

[79] Там само. – С. 139.

№ 80

1707, листопада 7. – Київ
Лист гетьмана Івана Мазепи до російського посла в Стамбулі Петра Толстого

Копія с писма господина гетмана Мазепы от 7-го ноября, из Кіева.

Посланець мой, по желанію одного доброхотного человѣка, в Ясах пребывающаго, посланный от меня тайно туда, возвратился нынѣ оттуду и в донесеніи своем предложил мнѣ все то, о чем тот доброхот велѣл ему донесть, а имянно о том, что Порта Оттоманская конечно и непремѣнно намѣриваетца зачать воину с его царским величеством или сей приходящей зимы чрез татар или на веснѣ явственно сами собою, не дожидаяся совершенства мирными договоры утверженных и опредѣленных лѣт, для чего под видом аммуницыи и гварнизону велѣно в Бендер двѣсти пушек припровадить, и войска по тысячѣ и по двѣ тысячи туда ж часто прибывает, хотя даволно есть всяких в той Бендерской фортеціи аммуниці и людей гварнизонных. Також де и сераскеру-пашѣ указано там зимовать, каторой под покрытіем резыденціи всякое чинит тайно на войну пріуготовленіе. О посланцах полских, каторые были от Лещинского у Порты, тот же доброхот говорил моему посланцу, что чрез тѣх посланцов аще Порта и не дала жадного отвѣту на писмѣ до Лещинского, покрывая внутренную вражду к его царскому величеству, скрывая оную пред послом нашим, но токмо от себя крайней везирь отписал к Щукѣ, подканцлеру литовскому, обаче тайно послали писма к королю шведцкому и к Лещинскому на руки сераскера-паши силистрійского с таковым указом, дабы он тѣ писма послал до них чрез нарошного посла чрез Венгерское государство; каторой указ сераскер-паша изполняя, послал с тѣми писмами одного знатного агу повелѣнным путем; каторой, ѣдучи чрез Ясы, презентовал оные тому доброхотному человѣку, в дву мѣшечках златоглавных заключенные, одно до короля шведцкого, а другое до Лещинского надлежащіе, и вопрошал ево и прочих началствующих волоских, учинилось ли меж царским величеством и королем шведцким примиреніе, или нѣт; на каторой вопрос отвѣтовали они, что не знают; а тому агѣ дан указ, дабы он, прибыв там, гдѣ надлежит, присмотрѣлся совершенно шведцким войскам, могут ли оными одержать войну с его царским величеством, когда не наступателную, то бы оборонителную, и дабы то с королем шведцким и с Станиславом утвердил, чтобы они сь его царским величеством не мирилися без согласія и вѣдома Порты, хотя б о том от его царского величества и желаніе было и хотя б из того миру усматривали себѣ какую ползу. Поощряют и возбуждают к той войнѣ турков, а наипаче сераскера, от партіи Станислававой враждебные поляки, предлагая благополучное нынѣ время, какого впредь не могут имѣть, да и сам сераскер весма до противныя страны приклоненный, что изо многих причин из самых писем познавается, понеже никогда уже ко мнѣ дружески не пишет, как пред тѣм обыкл было, но всегда упоминается о обидах, бутто от наших всегда Бѣлогородцкой ордѣ наносимых, и повелѣвает мнѣ то поголовщину платить, то лошадей сыскивать, чиня меня власно стадником или стражем стад их, бѣлогородцких; каторой и нынѣ ко мнѣ чрез посланца своего о том лист писал, а словесно тому своему посланцу велѣл мнѣ предложить, что естьли тѣ обиды не будут награждены, то найдут турки и татары ко отмщенію своих обид

способ. Я не знаю, каким способом их удаволствовать, не имѣя в руках злодѣяв и не зная оных, гдѣ обретаются; к тому не хочет сераскер разсудить, что от давных времен запорожцы с татарами, а взаимно татары з запорожцами, никогда смирно и мирно не живут, но всехда одни других окрадывают и розбивают. Тот же доброход обѣщался дать знать, с чѣм посол турской от короля шведцкого и от Станислава возвратится; каторой тѣм же путем на Ясы поѣдет, и надѣятся он извѣстен быть от помянутого посла о всем. А не токмо преждереченный доброжелателный человѣк, но и святѣйшій патріарх Іерусалимскій, нынѣ в Ясах пребывающій, тож самое подтвержает, что Порта непремѣнно со шведом и с Лещинским хочет и самым дѣлом склоняется в союз военный вступить и войну или зимою или весною сь его царским величеством начать, и жалѣеть он того, что многократного его листовного донесенія не внимают и в ни во что вмѣняют, для чего болши уже о том писать не хочет, но токмо крайне нынѣ престерегает и о намѣреніи турецком извѣствует. Получил я от паркалапа сороцкого вѣдомость, что в сих мимошедших чисел проѣхал чрез Сароку посланец, от воеводы кіевского к сераскеру-пашѣ посланной, с вѣдомостью; что посол турецкой, о катором выше помянуто, уже от короля шведцкого и от Станислава отпущен и все по желанію Порты там исправил, о чем сам он, посланец, в Сарокѣ явственно говорил. А всѣ тѣ посланцы не индѣ гдѣ пристанище имѣют свое, токмо у Потоцкого, стражника коронного, которой их с людми своими до сераскера отпровождает, и чрез него наипаче воевода кіевской и Станислав ѳакцуют и сватаются с турками, как о том оный паркалап сароцкій пишет [80].

№ 81

1707, листопада 10
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

По полученіи сего писма малоросійскія войска регименту своего, пребывающіе под Кіевым, изволь распустить по домам [и сам в Батурин ѣхать]; однако при отпускѣ объявить указ всѣм, дабы конечно к генварю были во всякой готовности, для того, ежели непріятель будет зимой править путь свой к Кіеву, чтоб возможно было ему учинить отпор. Ежели поход зимою не будет, то войскам своим и до весны изволь приказать быть в домах, толко чтоб всегда в поход были готовы. Сей уже второй указ к вам посылаем.

Ноября в 10 день [81].

№ 82

1707, листопада 16
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

Писмо ваше, писанное октября от 24-го числа, до нас дошло [купно и с предложенными при том пунктами], на которое отвѣтствуем. О роспускѣ войск малоросійских уже два указа к вам посланы с нарочными куріеры, и надѣюсь, что до

[80] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 494–496.

[81] Там само. – С. 150.

вас дошли. А что вы писали о Украйнѣ, ежели поляки будут там занимать квартиры силно, и о том разсудили мы, что лутче того невозможно учинить, дабы вам на Украйну послать нѣсколко своих войск и поставить квартиры хотя по малому числу для лица, и тѣм от поляков отговариватца вам, что поставлены там ваши люди. О Бѣлой Церкви инова нечева сказать, толко что был вам указ по данной в Жолквѣ от нас грамотѣ полским послам оную подать, но когда Вишневецкой измѣнил, а сіе мѣсто брата его, и в тот час прислан другой указ, велѣно то до времени удержать, а по том другова указу собственного от нас не имѣешь; того для скажи, что о том писал ко мнѣ, и тѣм отговаривайся.

Ноября 16-го дня [82].

№ 83

1707, листопада 22
Універсал польського короля Станіслава Лещинського

Universales literae regis Stanislai ad defunktum ducem Ionnem Mazepan anno 1707, на Україну

Станіслав Перший, Божою милістю король польський, великий князь литовський, руський, пруський, мазовецький, жмудський, київський, волинський, подільський, інфляндський, смоленський, сіверський чернігівський, etc.

Усім загалом, і кожному зокрема, кому це належить знати, особливо, однак, вельможному, потомственним, шляхетним, хоробрим гетьманові, наказному, полковникам, отаманам, осавулам, молодцям і всій черні нашого Запорозького Задніпровського Війська і всієї України, з офіруванням наших королівських ласк і милим привітанням, до відома доводимо. Той Бог, перед яким схиляється вся земля, який розпоряджається долями всіх країн світу, у справедливості своїй святій ніколи непомильний, в милосерді на віки ласкавий, після покарання так багатьма нещастями Корони Польської за її злочини і пихи, знову взявся повертати люд свій до власної вітчизни, і відірваний під чуже і незнане до того панування преславний народ козацький віддавати під найвищу опіку спадкових Українних Уз, найясніших королів польських, коли нас під бойовим і ніколи незламним союзом з найяснішим королем його милості шведським, братом нашим наймилішим, у клятвенній війні проти спільного ворога, царя московського, виставляє всім на огляд найперший, даючи бажання звернення до нього і відібрання тих усіх провінцій і країв, які, навіть без війни, видерті в Польського Королівства неслушними і несправедливими трактатами, а до найбільш особливих, залічуючи преславну Українську землю з її воєводствами, звертаємося до вірностей ваших, як король польський, справжній і з віків пан України, до своїх підданих, як ласкавий батько до заблукалих дітей, закликаючи всіх і кожного зокрема, щоб ви, скинувши з себе ярмо чужого і несправедливого панування, до давніх свободи, волі і під рідне спадкове панування Королівства Польського поверталися і згадали собі старих часів Україну, яка плинула молоком і медом, обіцяючи безпечно то по нас і будучи певними, що не тільки в перших оздобах

[82] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 158.

і достатках бачити і зберігати ваші вірності прагнемо, але й у досконаліших і більших блаженствах утвердити і як синів єдиної і неподільної вітчизни, пригорнувши до спільної матері Речі Посполитої, в правах, помістях, угіддях безпеці і всіх свободах навіки утвердити хочемо і старатися будемо. Відчувайте себе тоді всі і всі в безпеці і довіряйте нам, як своєму королю і пану спадковому, наслідуючи у цей час у всьому свою найгіднішу усіляких почестей голову і нам любого вельможного Іоана Стефановича Мазепу, гетьмана наших Військ Запорозьких, віддаючи на його ім'я наш і Речі Посполитої послух. Через це як безпеку й охорону від усілякої своєї руїни отримаєте всі, так і шану і ласку королівську до всього свого народу матимете, яку, даруючи милостиво і батьківським серцем, цей універсал для загального відома по всіх полках і публічних місцях об'явити й оголосити рекомендуємо; а для більшої ваги і віри, власною рукою підписавшись, печатку Речі Посполитої притиснути повеліли.

Дано в таборі під Свєнтом над Віслою дня 22, місяця листопада, року Божого MDCCVII, панування Нашого III.

Король Станіслав (L. G.)

Антоні Бишевський,
секретар його королівської милості [83].

№ 84

1707, грудня 9
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

Посылаем мы к вам господина Кикина, которому наказали словесно вам о нѣкотором дѣлѣ. По чему изволте поступать и, что он будет вам говорить, вѣрить.

В 9 день декабря [84].

№ 85

1707, грудня 10. – З Батурина
Лист гетьмана Івана Мазепи до графа Гаврила Головкіна

Сіятелнѣйшій и превосходителнѣйшій господине, господине и истинный мой пріятелю. Двократнѣ получилем от его царского величества, всемилостивѣйшего моего государя, еден с Полоцка, а другій с Питербурга, в едном интерессѣ писаный указ, дабы я, с Кіева отпуская войско реименту моего по домам, приказал в поготовости до походу зоставать, куда военный случай позовет и если

---

[83] Переклад з польської Олексія Кавуна / Переписка и другие бумаги шведского короля Карла XII, польского Станислава Лещинского, татарского хана, турецкого султана, генерального писаря Ф. Орлика и киевского воеводы Иосифа Потоцкого на латинском и польских языках // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Университетская типография, 1847. – № 1. – С. 20–21.

[84] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 178.

нашествіе [от которого сохрани, Боже] непріятелское сеей настоящей зимы будет. Я убо, исполняя доброхотным сердцем всемилостивѣйшего моего царя и государя, его царского величества, монаршое повелѣніе, яко еще в Кіевѣ при отпуску войск реименту моего приказовалем словесно полковникам, сотникам и всей старшинѣ, дабы войско все в готовости до походу держали и никуда не роспущали, так, возвратившися с Кіева и прибывши в дом мой до Батурина ноеврія 28, повторилем тот же мой ординанс унѣверсалами, во все полки розослаными, чтоб войско реименту моего неисходно в готовости в домах своих на службу военную пребывало и никуда за промыслами своими обыклыми не удалялося. Листы от вашой велможности, до рук моих присланые, надлежащіе святѣйшему патріарху Іерусалимскому, господареви его милости мултанскому и послу его милости, у Порты Отоманской пребывающему, того ж часу, нимало у себе не удержая, як скоро от куріера моего воспріялем, послалем чрез вѣрного человѣка, жителя нѣжинского, жону и дѣти мѣючого и часто в волоской и мултанской землях в посылках от мене биваючого, которому приказалем, дабы сам з рук своих отдал писма святѣйшему патріарху Іерусалимскому, которые его святѣйшеству надлежат, если еще в Ясах его святѣйшество застанет, а когда там не обращет, то с прочіими листами, чтоб господареви его милости отдал; и надѣюся, что в цѣлости рук належитых дойдут, понеже тот мой посланецъ человѣк есть певный, справный и разумный. Дай токмо, Боже, дабы тое самым совершенством собылося, о чом ваша велможность изволил до мене по любвѣ своей писати, чтоб сераскера-паши неблагодарного если не голова была отъята, то хотя б уже оттуду его зведено и перемѣнено, понеже по видимому явственнѣ познается, что он нашой сторонѣ великій есть недоброхот, являя свою склонность непріателевѣ то посылкою послов своих до враждебной стороны, то любезным оттуду до себѣ посылаючихся посланников пріймованіем, от которого до сих времен мѣл уже давно стати в обозах непріятелских посел, а надѣюся, что тое поселство не в ползу интерессом его царского величества, всемилостивѣйшего нашего государя. Да и от хана нынѣшнего кримского такожде до противной стороны ординовано посла, особу в Кримском ханствѣ знатную, прозываемого Сеферсех-мурзу, о котором пишет до мене господарь его милость мултанскій, чрез куріера моего, якого я посылалем нарочно с писмами, до посла его милости надлежащими, а от вашой велможности до рук моих присланными, туда, в мултанскую землю, и извѣствует, что тот ханскій посел тым же трактом на венгерскую землю, яким и турецкій посел ишол, воспріял путь свой до Лещинского. Господин Синявскій, гетман великій коронный, якій лист писал до мене о консистенціи войск коронных в воеводствах Брацлавском, Кіевском и Подолском, тот я для вѣдома его царскому величеству, всемилостивѣйшему моему государю, до рук вашей велможности посылаю, а до его, гетмана, отписалем, что того учинить невозможно, понеже в Брацлавском и в Кіевском воеводствах мало не всюда козаки живут, полковников и сотников своих имѣют, а и в Подолском, вниз рѣки Днѣстра и Бугу, также де всюду козацкіе жилища под властію реименту моего обрѣтаются, гдѣ если бы полскіе войска похотѣли ити на зимовые кватери, то без кровопролитія не обойдутся, и певне козаки не похотят до себе поляков допустити. Не знаю ж, если гетман коронный доволен будет тым моим респонсом и похочет предсявзятіе свое отставить, или нѣт; а я писалем до полковников и старшины тамобочной, чтоб они всячески консистенцій зимовых поляком в помянутых воеводствах боронили и не допускали

их туда. Изволил ваша велможность напоминати мнѣ в листѣ своем почтеннѣшом, чтоб я всячески запорожцев старался унимать от своеволи, злодеянія и воровства и чтоб обиды и шкоды Бѣлогородской ордѣ и нагайцом наградить; а я не знаю и сам, як тот непостоянный и непослушный народ от такой своеволи унять и яким способом помянутой шкодуючой и обидимой ордѣ награжденіе учинить, понеже многажды до Сѣчи писал, наказывая войско тамошнее и устрашая гнѣвом жестоким монаршим, дабы воров межи собою, яко противников и разорителей мирных договоров, искореняли и на горлѣ карали, но ничтоже тыми моими писаніями и наказаніями успѣлем; и недавним временем нарочно посылалем на Кош с таковым же упоминателным писаніем сотника конотопского, гдѣ з его явственнѣ насмѣялися и кони всѣ у оного покрали, за которые в замѣну отдали бездѣлныя шевлюги, и хотя прошлый атаман кошовый Петро Сорочинскій всячески старался тых воров искоренити и в общей радѣ постановил был их ловити и до мене присылати, однак древній собака Костя тот порадок помѣшал и чернь збунтовал, дабы того атамана перемѣнили, что и совершилося. А имати тых воров мнѣ, сокривающихся по лугах, нелзя, и искати вѣтра в полю невозможно, и не знаю сам, яким образом от таковаго самоволія и воровства тот непослушный народ уняти, ибо, хотя и пишу до Сѣчи, устрашивая войско тамошнее жестоким гнѣвом монаршим, неласкою моею и отмщеніем орды Бѣлагородской и Нагайской, обаче тыми моими наказаніями всуе труждаюся, понеже воровство тое между запорожцами не искореняется и не умаляется, но паче расширается и умножается, когда и теперь пишет до мене Юсуф, сераскер-паша силистрійскій, через нарочного своего посланника, жалѣючися на тых воров, которыи в Бѣлагородщизне 3060 овец заняли и отогнали, и требуючи возвращенія так стад прежде сего, яко и овец, теперь покраденых; а я и сам не знаю, что имѣю возвращати, не знаючи тых злодѣев и не имѣючи их в руках. Тот же сераскер-паша посылал до мене чрез двох компанійцев реименту моего, нарочно по прошенію его ж, сераскеровом, от мене для того ординованых, едного злодѣя з тых троих, которых орда в Бѣлагородщинѣ на воровствѣ поймала и до сераскера припровадила. А присылки того гултая и я сам требовал, хотячи подлинно извѣститися, откуду тые вори в Бѣлагородщину приходили для воровства коней; для чего послалем был и двох компанійцев, людей надежных, которыи когда того вора при посланнику сераскеровом в Уманщину припровадили, тогда уманци, едного ж духа и нрава з запорожцами, обокрали оного и упустили, для чего нарочно послалем до Умани и велѣлем сотника тамошнего и атамана, в кайданы заливши, сюда припровадити, гдѣ будут по ты зоставати совокупне з тыми компанійцами в вязеню, покамѣст того гултая не зыщут и не поставят его в Батуринѣ. А якій лист писал до мене помянутый сераскер-паша силистрійскій, тот я до рук вашей велможности посылаю. Столник его милость Кантакузин пишет и извѣствует, что турки ни единого внѣшняго не мѣют на воіину пріуготовленія, кромѣ внутрних своих междоусобных ссоров и вражды; однако ж удивляется тому, что так сераскер-паша силистрійскій и хан нынѣшній кримскій послов своих послали в противную сторону до короля шведского и до Станислава, и имѣет мнѣніе, что тое посолство отправуется не без вѣдома и не без указу Порты, а тайны тоей не может изслѣдовати. При окончаніи сего писма возвратился куріер мой Хомицкій от двору его царского величества с листом вашей велможности,

в котором вычиталем указ, дабы была осторожность от непостоянных греков, разсѣвающих между турками плевели. Я убо призывалем к себѣ з Нѣжина Ананія, который тут, в Малой Россіи, управляет индуктою от господина Савы Рагузинского, и допрошалем, если у нас в Малой Россіи бывают якіе греки без всяких промыслов купецких; который учинил мнѣ отвѣт, что о таковых плевосѣятелех не знает и без купецких промыслов греки пріѣзжать сюда не обыкли; обаче приказалем я ему, чтоб таковых греков, которыи б сюда пріѣзжали не для промыслов своих обыклых купецких, но паче в лазутчиках, удерживал и мнѣ давал знати. А я прошу себѣ указу, як мнѣ з греческими пріѣжжаими купцами поступать. При сем вручаю мя непремѣнной вашой велможности пріязнѣ, любвѣ и ласцѣ и пребываю навсегда вашой велможности всего добра жичливый пріятель и слуга Иван Мазепа гетман рукою власною.

З Батурина, декеврія 10 року 1707 [85].

№ 86

1707, грудня 17
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

На нынѣшней почтѣ чрез министров наших из Минска получили мы писма Дашкова, которой живет нынѣ во Львовѣ при полских министрах, и от протчих, в которых пишут, что зѣло жалуютца поляки на войск малороссійских, которые под командою племянника вашего Венеровского, а особливо в грабежѣ добр граѳа Денова, с которых писем при сем посылаем к вам копіи. И понеже сей Денов маршалок всей Рѣчи Посполитой и великая в нем есть сила, того ради надлежит вам сіе сыскать накрѣпко и обидимаго удоволствовать.

Декабря в 17 день [86].

№ 87

1707, грудня 18
Указ Петра I про утворення губерній та про набір людей на роботи з укріплення Москви

Расписать городы частми, кромѣ тѣх, которыя во стѣ верстах от Москвы, к Киеву, к Смоленску, к Озову, к Казани, Архангелская.

На работѣ быть на Москвѣ для ѳортоѳикаціи с Москвы с трех дымов по человѣку.

Декабря 18 д. 1707 [87].

---

[85] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 443–447.

[86] Там само. – С. 190–191.

[87] Там само. – С. 191.

№ 88

1707, грудня 24. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

17 декабря ст. ст. я имѣл честь сообщить вам о чрезвычайной дѣятельности царя по приведенію в порядок дѣл в Москвѣ: совѣты собирались ежедневно без перерыва, военныя распоряженія для предстоящей кампаніи закончены, между прочим сдѣлано распоряженіе об организаціи двадцатитысячнаго дополнительнаго войска и о пополненіи арміи тридцатью тысячами новобранцев. Так как прошлаго года военных дѣйствій происходило мало или, можно сказать, вовсе не происходило, вы могли бы удивиться, каким образом в полках могла оказаться такая убыль людей, если бы не слыхали о безпорядочном веденіи дѣла кавалерійскими офицерами в великой Польшѣ. Драгун осталось около 16 тысяч человѣк из 30 тысяч: ректруты набирались силою, потому множество солдат бѣжало; напримѣр из одного драгунскаго полка, недавно отправленнаго отсюда в Петербург, убѣжало 700 человѣк; из одиннадцати пѣхотных полков, расположенных здѣсь, развѣ найдется один, который потерял бы менѣе 200 человѣк, хотя еще два мѣсяца тому назад они доведены были до полнаго комплекта. Эти безпорядки особенно усилились вслѣдствіе недостатка пригодных офицеров, способных внушить солдатам их обязанности и должным образом позаботиться об их содержаніи (в немногих полках, расположенных в Москвѣ, найдете болѣе двух капитанов и трех поручиков на 1 200 рядовых).

Его величество озабочен также заготовкою денег для жалованія и снабженія своих войск, потому он должен был вникнуть в баланс доходов и расходов, для чего потребовал отчета от всѣх управленій, и, найдя, что, несмотря на удвоеніе налогов за послѣдніе годы, доходы замѣтно уменьшились, назначил коммиссію, которой поручил изслѣдовать причины такого уменьшенія и доложил ему о них. Но, хотя царь никогда так ревностно не занимался гражданскими дѣлами, наплыв разнородных забот до того велик, и времени для глубокаго обсужденія их так мало, что придется удовольствоваться поверхностным изслѣдованіем и отчетом. Я, однако, надѣюсь, что и такое изслѣдованіе повлечет за собою нѣкоторыя перемѣны в пользу торговли, на улучшеніе которой я не примину при случаѣ обратить вниманіе царя, хотя, конечно, в настоящее время его единственная цѣль – добыть для текущих расходов возможно больше денег, так как в них ощущается чрезвычайный недостаток.

Вы, вѣроятно, уже слышали, что отряд царских войск, получив нѣсколько мѣсяцев тому назад приказаніе разорить помѣстья короля Станислава на силезской границѣ, выжег нѣсколько деревень, а также городок Лиссу, гдѣ находилась в полном дѣйствіи суконная фабрика. Мастеров с этой фабрики привезли сюда с цѣлью построить такой же завод в Москвѣ, но они подали царю прошеніе о разрѣшеніи им возвратится домой, так как желаемой фабрики они устроить не могут за недостатком шерсти и прочих матеріялов.

День или два тому назад Кикин возвратился от гетмана Мазепы, а 21-го декабря ст. ст. подполковник Рикман отправлен отсюда в Воронеж с порученіем собрать отряд пѣхоты и драгун и присоединиться к казакам для подавленія остатков недавняго мятежа на Дону.

22-го декабря царь лично выбрал нѣсколько молодых людей лучших фамилій для отправки их за границу будущим лѣтом.

Вчера один из англійских инженеров получил приказаніе проложить прямую дорогу от Москвы к Петербургу, и партія рабочих назначена для прорубки лѣсов по его указанію. Ходят также слухи, будто вдовствующая царица и царевна Наталья, сестра государя, отправятся туда до наступленія весны, но я полагаю, что никакого опредѣленнаго рѣшенія еще не принято, и что оно будет зависѣть от хода дѣл в Литвѣ, куда его величество возвратится вскорѣ послѣ Рождества.

Письма из Минска от 13 декабря ст. ст. сообщают, что шведскій отряд, выдвинувшійся до Пултуска, перешел обратно за Вислу, как полагают, вслѣдствіе недостатка провіанта и неожиданной оттепели, испортившей дороги; потому и московскія войска (кавалерія и пѣхота), которым отдан был приказ быть на готовѣ к выступленію по первому распоряженію, все еще стоят на прежних квартирах. Генерал-лейтенант Гольц, прежде командовавшій в Данцигѣ, стоит в Брестѣ с десятью тысячами драгун.

Я из хорошаго источника получил извѣстіе, что к депутату князя Рагоцкаго, проживающему в Минскѣ, прибыл курьер от князя с приказаніем сообщить царю о намѣреніи Оттоманской Порты объявить войну его величеству, в доказательство чего присланы князем подлинные документы, которые произвели здѣсь тѣм большее впечатлѣніе, что турецкій посланник провел нѣсколько времени у короля Станислава. Очень вѣроятно, что и поѣздка Кикина к Мазепѣ касалась этого дѣла [88].

№ 89

1707, грудня 29
Лист Петра I до гетьмана Івана Мазепи

Господин гетман.

По возвращеніи от вас господина Кикина, мы чрез устное его к нам доношеніе о всем увѣдомились, и за то благодарны. И за являемую вѣрность вашу к нам непремѣнную милость нашу обѣщаем. А что вы желали, и то по желанію вашему все исполнено.

«Piter».

Из Москвы, в 20 день декабря 1707-го [89].

---

[88] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 441–444.

[89] Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Государственная типография, 1912. – Т. 6. – С. 200.

№ 90

1707, грудня 31. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Гарлея

Мнѣ придется прибавить немногое к отчету, отправленному мною 24-го декабря (4-го января), так как с тѣх пор двор вполнѣ занят был церковными службами и празднествами по случаю Рождества Христова.

Послѣднія письма из Минска отправлены 23-го декабря (3-го января). В то время обѣ арміи занимали прежнее положеніе, так как мосты, наведенные королем шведским через Вислу, снесены льдом. До сих пор, однако, все еще полагают, что король намѣрен двинутся на Литву при первом морозѣ, потому что армія его по прежнему сосредоточена в Куявіи.

26-го декабря н. ст. князь Меншиков прибыл в Минск для совѣщанія с фельдмаршалом Шереметевым и с царскими министрами. Они распрелѣлили снабженіе зимних квартир провіантом по числу людей и лошадей, по системѣ, принятой для имперской арміи, а затѣм князь возвратился в свою главную квартиру, но разлад между ним и Шереметевым скорѣе возрос, чѣм уменьшился вслѣдствіе этой встрѣчи.

Датскій посланник находится на возвратном пути в Москву, прусскій же посланник, полагаю, проведет всю зиму с царскими министрами в Минскѣ, так как туда же вскорѣ ожидают и самаго государя, отъѣзд котораго из Москвы назначен на 10-е января.

Гетман Мазепа снова сообщил о намѣреніи турок объявить разрыв с Россіей, и вмѣстѣ с тѣм извѣщает его величество, что король Станислав употребляет всѣ усилія склонить казаков на свою сторону пышными обѣщаніями, и присылал к ним нѣскольких довѣренных, из которых один попался в руки гетману. По словам Мазепы эти интриги совершенно поколебали главных казацких начальников, но он не рѣшается принять насильственныя мѣры против них, в виду значенія и связей этих лиц среди казачества; он обѣщает, однако, сдѣлать все возможное, чтобы мягкостью склонить их снова на сторону царя, а также чтобы остальные не уклонялись от своих обязанностей.

Разсказывают, будто генерал-маіор Мерсей согласился, покинув службу императора, прибыть в Россію в качествѣ старшаго генерал-лейтенанта [90].

№ 91

1708, березня 13
Лист князя Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Его царскаго величества войска запорожскаго карсунскому полков. Андрею Кандибѣ доброго здоровія желаю.

Получил в. писмо, из которого уведомился, что всемилостивѣйшій государь пожаловал тебя в полковники. И тѣм тебя поздравляю и желаю вам всякого

[90] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 39. – С. 444–445.

щастія и разумѣю, что как в бытность свою при мнѣ обѣщался царскому величеству в вѣрности быть, так и нынѣ оное содержишь. Не мислите, яко бы царское величество неизвѣстен ввѣрных своих сынах; но когда время придет, всякой вѣрной пріймет воздаяніе по дѣлом своим. Какія вѣдомости будете имѣть, не оставляйте меня без извѣстным; а я какія вѣдомости имѣю, не опускаю необъявя! Поляки противной стороны, которые стоят близ Полойного и Острогу и Дубна, пошли на уход к Сокали. Полку вашего корсунскаго был у меня сотник, а которой сотни я неизвѣстен, и говорил мнѣ, что он имѣет лошака дикова; прошу вас, прикажите оного сотника сискать и оного лошака прислать, за которого ему деньги заплачу.

Князь Дмитрій Голицин.

Из Киева 13 марта 1708 году [91].

№ 92

1708
Звернення шведського генерала Карла Левенгаупта до російського народу

Его королевского величества шведского
моего всемилостивеишаго короля и государя
главной командир и генерал аншеф над воиски шведскими
Я
Карл Эмиль Левенгаупт, граф,

Объявляю с сим всем и каждем от хвалного всероссиского народа: что королевское шведское войско токмо в том намерении в России прибыл, дабы с помощию Божиею как удоволствование о многократных неправедливостях, от чужестранного в прошедших годах царствующаго в России министерство Швецию приключенных, так и надлежащая безопасность впред нашему государству учиненна быть имела, да всероссиской народ свобожден от несносного ига и ярости, с кем вышепомянутая чюжестранная министерия для собственной своей умысле, по долгом уже времяни россиских подданных досадна и утесняла, от чего де многие своему государству доброжелателные россиские подданные не токмо лишились своего имения, но и жестоким да россыским образом в конечное разорение и к тому доведены, чтоб и живот им не мил был, а некоторая часть в немилостию и в ссылку послана. Таким способом и подобным образом королевское шведское войско тщитца будет, дабы хвалныи всероссиской народ для собственнои своеи благополучия и безопасности к освобождению от иностранных тягостнаго утеснении и безчеловечного мучительство имел свободное и волное избрание законнога и праведливога государя, под которово державу всероссиской народ к жизну да имению охранен быть может, и с кем Швеция в благословенным ...озом и в надежном соседстве ...желюбно жить мог, чрез тогоде ...жба между обоими государствами ...ползе обоих сторон непременно ...одержана быть имеет, что так не ...удается, пока мест чюжестранным позволяется по

[91] *[Гумилевский Ф.]* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 298.

их охотою да себе радеющыи для собственных их умысл над Российской империи верных поданных так полно и яростно государствовати, да еще к тому друже …их их соседов потрудити и доса …ти. В том его королевского …личества правом и законном намерении все те российского народа, которые с королевским величеством соглано поступают и равное имяют мнение, яко други почитаны, и не токмо к жизну да всю их имению в ево высоком королевском защищении и протекции содержаны и охранены будут, но им наипаче обещаетца особливое крепкое споможение, понеже его королевское величество намерен того ж часа оружие свое положить и удержать, как то, что выше обявлено, до самои конец изполняется.

Карл Эмиль Левенгаупт

(печать гербовая) [92]

№ 93

1708 (?)
Записка про війну шведську за царювання Петра I і про бій з Левенгауптом

Война между царем и королем шведским различными многих годов боями и победами, знаменитая на нашем веку была. Но если кто (как достоит) любопытно изследовать захочет, какое к начатию оной войны побуждение было, и от чего такая вражда завязалася, которая обоих государей, и оба народа в такое сердце привела, что и сами победители ближе были к страху, нежели побежденные, пускай заглянет в российския летописи, или прочтет недавно народоявленную апологию (очистку); тут найдет многия причины, которыя в начатии противу шведа войны, государеву правость явно и ясно доказуют; и если оные на счет положить, всякая из них особо достойна была давно отмщения. Сии причины сызнова оглавлять лишнее кажется, однако ж подражая миро-писателям, на малых дщицах, положения государств вмещатъ обыклым, оныя здесь, для тех, которым инде, их изыскивать не сручно, вкратце намекну.

Тесны шведом показалися свои пределы, для того соседству налоги чиня, порубежных русских часто утеснять стали и подъосталь отняли у них своим насильством могие городы и страны; тым еще неудовольствовався и в достальное государево владение заехать жадничали и замышляли, а подавало им в том надежду русских в правильность военанью неискуство, в котором начаялися да всуе, что русские во всьо закоснеют. И с тым намерением, чтоб русским с европейскими народами сообщение отсечь, Балтийское море вкруг заступили. Правда, что русские неоднократно завладенные города и страны их оружием спорить порывалися. Да мало удачи бывало; для того больше от войны скучив, нежели забыв досаду, сокращали ссору перемирием; но дружба, которую многократно сводили, всегда была, или за старыя обиды, или от новых нападков подозрительна.

Давно уже довелося было шведов в оных обидах унимать, однако ж государь, помня заключенные союзы, не вымещал им, покамест зломышленным наветом

[92] Подметное воззвание Левенгаупта. 1708 г. / Сообщ. Н. Н. Мурзакевич // Русская старина. – 1876. – Т. 16. – № 5. – С. 172–173.

рижских озлоблением его не задрали. Те то наветы, напоследок его терпеливодушие победили, и так за оружие принявся, на шведа наступил. Правда, что сперва наперво несчастливо, ибо тот час в первом сражении обоз потерял; но оной урок сказать так, что опыт был его великодушия, и что в первом походе погрешено, то к вящшему искуству и осторожности подало, так что после той над собою победы, лучше узнал и смелее возставил силу свою; ибо другим набором солдатским, будто новым оружья приплодом, Русь оную потерю вскоре заверстала. И государь с лутчею по том удачею, военное приготовление тщательно устроив, не переставал всякими мерами и способами противиться королю шведскому, который как сам военнаго сердца был, так и солдат в войне искусных при себе имея, то самое ему за зло стало, что сыскался такой, кто бы его задрал. Долго и многотрудно русских, к правильному воеванию еще не во всьо за обычных, сжимал. Но покамест оружие сюда и туда переносилося, и война, как пожар, который ветром раздувает, от часу распространялася, русские будто в каком училище и смеляе и искуснее воевать обыкали.

А между тем государь с шведом примирения желательно пpоискивал, да вотще, ибо он победами занощив, когда было ему самому мир с находкою захватывать, отвергал, и уже разныя страны, невозбранно запустошив всеми силами по призыву изменника Мазепы, засел было Украину, такого сильнаго неприятеля, который во внутренность отечества врезался было, тым трудняе было выживать, что уже немалая часть Украины к нему было пристала, и российскими силами противу государя ратуя, русских и пуще многоразличным напусками томил, но напоследок впав в отчаянный случай, и войско свое потерял и сам утомился, а и тут еще досыта не навоевался; ибо сызнова противу государя всю силу отоманскую вооружил; но государь и сей войны тягость, от себя отвалив, жесточае наступил на Швецию, которую по сю и по ту сторону Балтийскаго моря, хотя вооруженным великобританским флотом защищалися, в крайнюю нужду приведши, мог оную и еще воевать, однако ж славнее сделал, что помирился.

Но надлежит зачать предприятое дело для того все подробно сея войны поведение, из подлинных записок того, который оную сам в действо производил и производить велел, оглавлю от начала до конца.

Но видняе будет всего онаго дела поведение из полных записок того, который в действо производил и производит ведел от начала до конца все оной войны подробности означив.

Давно уже Мазепа пожалован был от государя малороссийским гетманом, где выше меры своей обогатился, так высоко произведен был, что разве только было ему упасть, а слесть казалося не возможно; но он, забыв кому толикое властелинство должен, оное благодеяние пренебрегая в обиду себе ставил, что не больше получил и недовольствуяся, под начальным всея Украины владением, задолго вздумал из-под власти выбиться, на которые злоумысленные происки и поготову сподвигла его война шведская, и подала ему причину неотложно изменить государю, ужас его брал на толикое дело подступить. Однако ж долго ему казалося, другаго такого случая ждать к своему начинанию, а се, многие другие единомышленники из казаков, в том ему способствуя, иныя его ласканием, иныя его дачею, а иныя по особливым своим замыслам бунт подняли: человек он был лукавый и всякаго под видом ласкания обманывал, в то тщился, чтоб его обычай ни с чем не разнился, и в чужия нравы переходячими ухватками, вкрадывался; приветливость, которою большая часть придворных людей

друг друга почитательно обманывают, умел такими гладкими словами прикрашать, будто бы на деле еще больше, сулил одних словом в злохитростных поступках, некому было его перемудроватъ; и хотя сыскалися такия люди, которыя, усмотря в нем худыя приметы, доносили государю, чтоб не очень ему вверялся, то и твердили, што под притворною добродетелию обман скрывает. Однако ж государь инако об нем думая, так всьо на него подозрение уничтожил, что и доносителей, которые на него доводили, да не доказали, к нему ж отсылал, начаявся, что все то на него по придворной вражде напрасно затевается, знатно што по себе смечая, и по своей добродетели не усумнился об его верности, надлежало весьма неоплошно примечать, и пристальнее оберегаться злопагубных онаго человека коварств; но он упорчевым своим искательством, так хитро из всякой на себе неверки выкрутился, что потаенное его с шведом сообщение, хотя неоднократно было сказано, однако ж не поверено, аж да той поры, как уже явною изменою отозвался, и себя откровенно неприятелем означил со всеми, которые его возмущением государю злохотствовали; к шведу передался в той надежде, что государеву силу из Украины вытеснить, но не удалося. До того еще швед окружил Саксонию, Силезию и Польщу и оныя страны грабежем и податьми разорив, ворвался в Украину; по призыву Мазепину, но недешево ему стал оный зов, который и самаго его и Мазепу в гибель врынул; ибо последовавшия по том, хотя разныя, да равныя бедства обеих постигли; правда что сперва швед невозбранно чрез Днепр переправився, одним слухом всю Украину устрашил, и смело придвинувся к войску российскому неподалеку стал обозом, где иное подъездами, иное разорением и зажиганием сел, деревень и городов русских, задирая на бой вызывал. Но государь, предусматривая, что в запустошенной стране неприятелю не надолго станет протарей, и что скорее ослабеет, нежели обробеет, на том положил, чтоб без большаго урону своих людей, ни наступаючи, ни отступаючи, усиливание и напуски его отводить, покамест он вотще изрываючися безвремением и нуждою изтомлен, хотя не скоро, да надеждно побежден быть может; как угодовано, так по том и сделалось; ибо сверх других приключившихся ему противностей, настала такая лютая зима, что множество солдат от жестоких морозов оцепенев померли, от чего в войске немалый ущерб сделался; и так швед опасался, что не пройметса силою, которая при нем была. Генералу Левенгаупту с 0000* войска из Польши велел к себе быть, и указал всяких военных запасов, и припасов подвесть; но не утаилося от государя Левенгауптово к королю на помощь подспешение, и уведав подлинно, которым путем пробирается, отрядил Галицына против его идтить с 0000** тысячами человек льогкаго войска. Галицын, повинуясь указу и собою охотяся с неприятелем переведаться, как найскоряе поспешил, не проронив в том своем походе никакой досужаго полководца должности. А и сам государь, хотя своим присутством солдат ободрить, с небольшим своих придворных людей числом, туда ж ускорил. И дошед до N. N.***, Галицын усмотрел, что неприятель, выступив из своего обозу, или на себе нажидая, или напустить в строй стал,

* Армия Левенгаупта состояла из 16 000 челов тысящми.

** Войско князя Голицына, предназначенное для преследования Левенгаупта, и коим лично предводительствовал потом император Петр I, не превышало 11 000 человек; во время сражения при д. Лесной, присоединился к оному еще 4 т. отряд Бауера.

*** До деревни Лесной.

и сам насупротив тот час (и надобно было поспешить) построился, и с великим устремлением на неприятеля наступил; с обеих сторон отважно сразилися, и с таким упорством билися, что хотя в обеих полках от меткаго орудия и от пушек много людей падало, однако ж ни с одной ни с другой стороны строй с места не тронулся, и одни вместо других преемно промеж лежащих, рядом так как в строю стояли, тел, на упалыя места новыя шерьонги наступали, ужо было и начальныя люди учреждаючи, полковые в зад и в перед обороты устали, и солдаты от натужнаго и непрестаннаго боя труда, из мочи выбилися, когда вдруг будто сговоряся с обеих сторон битися перестали, и отдохнув малое время, сызнова за ружье схватилися, и пуще прежняго друг на друга наперли; опять на обе стороны много крови пролито; потом приметили русские, что неприятель стал потрусивать, хотя едва чувственно, однако ж мало по малу не перестав биться и не нарушив строю, стал уступать и в ближний, который позади его был лес вобрався, тела побитых в кучи сметал из-за которых, также из-за дерев стал крепко отпор чинить, покамест в другой раз истомився, оружие положили, и огнь унялся; но с пол часа погодя [...] загорелся, и тогда уже лесное убежище шведом ненадежно показалося, или для того, что промеж дерев строй уставить несручно было, или больше для того, что поопаслися, чтоб русские, заехав позади, обоз их не отхватили. И так исподволь стали из лесу к своему обозу выбираться, где вновь построившись с таким устремлением, на русских рынулися, будто бы уже хотя помереть готовы были; но русские с места не тронувся, напуск их храбро вытерпели, и немало времени, потом еще сумнительною на обе стороны удачею бився, напоследок уже в сумерки, по упорном целых девять часов бою, русские стали одолевать. Левенгопт, видя нужду неминучую, велел своим в обоз отступать, скрывая побег под видом военнаго послушания; и как уже не слышать ни видеть было неприятелей, государь не велел за ними гнаться, довольствуяся тем, что поле одержал, а се, и то предостерегая, чтоб ночною порою не было от неприятеля какаго подлогу, а назавтрее, еще до свету, отправил несколько рот драгунских, для осмотрения обоза Левенгоптова, но оные [...] уже Левонгопта в стану не застали; ибо он бывшим прошлаго дня боем в крайнее безсилие пришел, в такой страх впал, что одною только утечкою, спасение себе получить чаял. И так в самую глубокою ночь с великим поспешением собрався, остаток войска своего в брод чрез реку N * перевел; но и за рекою, сзади и спереди российское оружие его обхватило, ибо государь предусмотрением своим случай предваряя, за день еще до того послал полковника Левонтьева за ту ж реку, и велел стеречь неприятеля, если б за реку переправился; к тому же другую конницу того же дня отправил в погоню, и случилося, что передовые встретив, а задние настиг его, с обеих сторон так сжали, что уже шведам и обороняться весьма не в мочь стало, иные лошадьми растоптаны, многие полонены, а больше побиты. Одним словом, окроме сто пятдесяти человек, которые с Левенгоптом ушли, все пропали и обоз со всеми полковыми снарядами и с казною потеряли **.

---

* Чрез речку Леснянку.

** Сражение при д. Лесной достопримечательно в особенности тем, что было первым правильным, в коем россияне с равным и даже меньшим числом войска одержали победу. Левенгаупт, покинув всю свою артиллерию и обоз, достигнул Карла XII с армиею, не превышающею 6 т. человек. Победа сия доставила несомненныя выгоду Петру, по влиянию своему на военныя и политические дела Малороссии.

Редко где упорнее и задорнее сражение бывало. Никогда до того времени русские так себя знать не дали, и свою храбрость лучше не оказали, как при оном случае, что и сам Левенгопт засвидетельствовал (когда король шведский русских уничтоживая, а его укоряя, в робкость ему приписал, что дал себя победить таким, которых без оружия, одними плетьми смирить было можно) не обинуяся сказал, что и русские солдаты (которым, так плохо ставит) люди и скоро де Ваше величество с своим накладом их мужество узнает [93].

№ 94

1708, жовтня 26. – Макошине
Лист Олександра Меншикова до Петра I
про зраду Івана Мазепи

Господин полковник.

Сего октября в 23 день доносил я вашей милости о том, что намерен был я ехать к гетману Мазепе в Борзну, о чем того ж дня и к нему, гетману, чрез писмо от себя дал знать. И на другой день, то есть в прошлое воскресенье, при приезде нашем в Мену приехал к нам от него, гетмана, полковник Анненков, которой, по отправлении от него извычайного комплемента, сказал, что прислал ево гетман ко мне нарочно объявить про свой приезд в Батурин. И того ж часу оному полковнику приказал я от себя до него, гетмана, послать нарочного наскоро с тем известием, что я к нему еду. Тем же времянем прибыл до меня его милость князь Голицын, с которым мы с того ж дня на понеделник о полуноче, переправившись здесь Десну, поехали в Батурин наскоро, куда в половину дня приехали, и его, гетмана, тут не изобрели. А сказали нам тутошние наши офицеры, что в воскресенье в вечеру из Батурина наскоро поехал до Короба три мили, а при Батурине токмо Анненков полк нас встретил. А сердюки все, также и прочие тутошние жители, убравшись, в замок засели, и, розметав мост, стояли по городу в строю з знамены и с ружьем и с пушками, к которым посылал я полковника Анненкова ради розговору, для чего так с нами, яко с неприятелеми, поступают. И ево, полковника, в город не пустили, також и к нам из города никого не выпустили; а отвечали з города, что чинят они то по указу. И видя мы такой их злой поступок, вскоре от Батурина поехали до Короба, где чаяли ево, гетмана, застать. И отъехав полторы мили до местечка Новых Млынов, получили тут ведомость, что уже он, гетман, под Оболонью и Десну переправился. И чрез сие злохитрое ево поведение за истинно мы признаваем, что конечно он изменил и поехал до короля швецкого, чему явная есть причина и то, что племянник ево, Войнаровской, будучи при мне в прошлой пяток, то есть в 22 день сего октября, в самую полночь, без ведома и с нами не простясь, к нему уехал. И с того времяни уже ко мне ни о чем он, гетман, не отзывался и ни на единое писмо мое не ответствовал. Также по отходе своем от Батурина ни единого полка из руских с собою не взял, но всех заранея розослал по сторонам. А драгунов, которых пред тем всегда он при себе употреблял и никуда без них не ездил, оставил при Стародубе. И тако об нем инако разсуждать не

---

[93] Записка о войне шведской, в царствование Петра великаго веденной, и о сражении с Левенгауптом, найденная в делах того времени // Военный журнал. – 1833. – № 1. – С. 41–53.

изволте, толко что совершенно изменил. И для того за благо вашей милости советую, что при таком злом случае надлежит весма здешний простой народ утвердить всякими обнадеживаниями чрез публичные универсалы, выписав все ево, гетманские, к сему народу озлобления и тягости, и чтоб на ево ни на какие прелести не склонялись, понеже когда он сие учинил, то не для одной своей особы, но и всей ради Украйны. И бес того не пройдет, чтоб каких не было от него здесь прелестных уневерсалов или тайных каких факцей. Прочее то все отдаю в ваше высокоздравое разсуждение. И за сим здравие вашей милости, моего всемилостивейшаго государя, деснице вся содержащего в сохранение предаю.

Александр Меншиков.

От Макошина, октября 26 дня 1708.

P. S. При заключении сего получил я от вашей милости писмо, от 24 дня сего месяца изо Брянска писанное, на которое ответствую. О росходе людей донесу вашей милости сам, когда, даст Бог, очи ваши увижу, и табель с собою привезу. За Десну по указу вашему начали мы перебиратца с сего числа. При сем еще доношу вашей милости, что в здешней старшине, кроме самых вышних, також и в подлом народе с нынешняго гетманского злаго учинку никакова худа ни в ком не видеть. Но токмо ко мне изо всех здешних ближних мест съезжаются сотники и прочия полчаня и приносят на него ж в том нарекание, и многие просят меня со слезами, чтоб за них предстательствовать и не допустить бы их до погибели, ежели какой от него, гетмана, будет над ними промысл, которых я всяким обнадеживанием увещеваю, а особливо вашим в Украйну пришествием, ис чего они, повидимому, в великую приходят радость [94].

№ 95

1708, жовтня 27. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

3-го октября англійскій флот вышел из Архангельскаго порта при благопріятном вѣтрѣ. Оба молодые Нарышкины находятся на военном суднѣ «Тильбюри»; надѣюсь, что они благополучно прибудут в Англію еще до полученія вами настоящаго письма моего. Граф Головкин отправил было архангельскому губернатору приказаніе помѣстить молодых людей на голландскій корабль и не допускать их отправленія в Англію, но, к счастію, распоряженіе это пришло уже слишком поздно...

...Послѣднія письма из царской арміи помѣчены 16-м текущаго мѣсяца. Главная квартира ея находилась в то время в Погарѣ, большом селеніи, в четырех нѣмецких милях от Стародуба; шведская же армія расположена была на небольшой рѣчкѣ – Веплѣ, в таком же разстояніи от Стародуба; но я не мог разузнать ничего положительнаго ни о движеніях и намѣреніях шведов, ни о том, на сколько удобно для них снабженіе провіантом в занятой мѣстности, хотя достовѣрно, что нѣкоторый провіант им добывать удается, так как, говорят, многіе черкасы повѣшены за доставленіе муки и водки в шведскій лагерь. Его царское величество

[94] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 864–865.

был в Брянскѣ и отправился в Стародуб. Обѣ эти мѣстности снабжены сильными русскими гарнизонами; русскіе кромѣ того выжгли окрестные посады и селенія на сколько успѣли и разставили отряды во всѣх городках, способных оказать какое-либо сопротивленіе непріятелю, потому не легко догадаться, гдѣ король шведскій расположится на зимнія квартиры до генеральнаго сраженія, котораго все еще ожидают.

Важнейшее произведеніе этих мѣстностей – пенька. Лучшая пенька и в наибольшем количествѣ идет из Брянска, Стародуба, Погара и Почепа, но здѣсь слышно, будто большая часть сдѣланных запасов сожжена; остальную же часть их, в виду расположенія обѣих армій, крестьянам трудно, да пожалуй и невозможно будет вывезти зимнем путем; потому в будущем году торговля пенькою должна будет сильно пострадать (как я имѣл честь предупреждать вас в письмѣ 1/12 сентября); опасаюсь, что снабдить флот ея величества пенькою из Архангельска в той же мѣрѣ, как в предъидущіе годы, вряд ли удастся [95].

№ 96

1708, жовтня 29. – Погребки
Наказ Гаврила Головкіна сердюцькому полковникові Дмитру Чечелю

По имянному великого государя указу полковнику Чечелю, командующему замок Батуринской.

Понеже ведомость имеем о зближении неприятелском к Десне и о намерении его, переправясь оную, итти к Батурину, того ради указал великий государь во оной за̀мок для лутчаго отпору неприятелю в тот гварнизон прибавить к малоросийским ратным людем полк великоросийской пехоты, как тож для лутчаго отпору неприятелского и в Стародуб и в Новгородок-Северской наши великоросийские ратные люди посажены были. И для того оных неприятель и добывать не стал. И того ради надлежит господину полковнику Чечелю в тот замок немедленно великоросийских людей впустить и обще со оным в наступление неприятелское отпор чинить, к которому замку на выручку сам великий государь со всем войском особою своею быть изволит.

По имянному великого государя указу подписал Посолского приказу президент граф Гаврило Головкин.

Из села Погребков, октебря в 29 день 1708-го [96].

---

[95] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 100–101.

[96] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 918.

№ 97

1708, жовтня 31. – Батурин
Лист Олександра Меншикова до Петра I

Господин полковник.

Доношу вашей милости, что я прибыл сюда сего числа пред полуднем и случился сь его милостию князем Голицыным, которой пред моим приездом сегодня ездил к замку для розговору, которому как старшина, так и товарыщство единогласно отвещали, что без нового гетмана нас в город не впустят, а гетмана де надлежит им выбирать общими голосáми. И пока де швед из здешних рубежей не выступит, по то время и гетмана им обирать невозможно. И пополудни привели мы полки сюда к реке и хотели чрез мосты вместе итти. Тогда из замку выслали шесть пушек, и оные навели против нас на мосты, которые уже прежде приходу нашего были у них розбросаны. И того ради отошли мы по реке ниже. И как по берегу построились, тогда выехали к нам из замку пять человек и об реку кричали, чтоб мы не ходили, а буде силою пойдем, то станут бить. Просили мы их, чтоб к нам для розговору дали человек двух или трех, и в той отказали з бранью и отъехали прочь.

Потом в дву лотках малых переправили мы на ту сторону гранадиров человек с 50, что увидя, те, кои при мостах с пушками стояли, тотчас с великою тревогою в город побежали и нам мосты очистили, которые направя, стали мы чрез реку перебиратца. И сея ночи совсем переберемся, а в завтра з Божиею помощию будем чинить промысл, ибо ни малой склонности к добру в них не является, и так говорят, что хотят до последняго человека держатца. Прочее, что в завтра будет у нас чинитца, о том вашей милости доносить будем. За сим здравие вашей милости, моего всемилостивейшаго государя, деснице вся содержащаго в сохранение предаю. Александр Меншиков. Князь Дмитрей Галицын.

От Батурина, октября 31 дня 1708 году [97].

№ 98

1708, жовтня 31
Указ Петра I почепським козакам
про зраду гетьмана Івана Мазепи

Божiею споспѣшествующего милостiю, мы, великiй государь, царь и великiй князь Петр Алексѣевичь, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи самодержец, наше царское величество, объявляем города Почепа вѣрным нашим подданным, сотнику, атаману, войту, и бурмистрам, и казакам, и всему поспольству: извѣстно нам, великому государю, учинилось, что гетман Мазепа, забыв страх Божiй и крестное свое к нам, великому государю, цѣлованiе, измѣнил и переѣхал к непрiятелю нашему, королю шведскому, обманул с собою старшину и 3 полковников, и отдав их в руки непрiятелю, ради особливаго интереса своего, с таким

[97] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 906.

умысломъ, дабы народ малороссійской предать в порабощеніе и под владѣніе польское и церкви Божіи и святые монастыри во оскверненіе во унію. Чего ради посланы наши, великаго государя, указы к преосвященному кіевскому митрополиту, и архіепископу черниговскому, и епископу переяславскому, и генеральной старшинѣ, и полковникам, и сотникам, и атаманам, и прочимъ чинам, дабы на обраніе новаго гетмана, по правам и вольностям своим вольными голосами, съѣзжались в Глухов; а вам, вѣрным нашим подданым города Почепа, сотнику, и атаману, и войту, и бурмистрам, и казакам, и всему поспольству повелѣваем, дабы к воровству того измѣнника, бывшаго гетмана, не приставали и его ни в чем не слушали, но служили по прежнему нам, великому государю, вѣрно, и во знак той непремѣнной вѣрности свой к нам, великому государю, сами и войску казацкому велѣли цѣловать крест в том, что служит вам, нам, великому государю, по прежнему, как отцу нашему, блаженныя памяти, великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, так и нам, великому государю, при прежних вольностях своих непоколебимо, со всякою усердною вѣрностію. Да нам же, великому государю, извѣстно учинилось, что помянутый измѣнник гетман Мазепа хитростію своею без нашего указа, аранды и иные многіе поборы наложил на малороссійской народ, будто на плату войску, а в самом дѣлѣ ради обогащенія своего: и сіи тягости повелѣваем мы нынѣ с малороссійскаго народа отставить [98].

№ 99

1708, листопада 1. – Батурин
Лист Олександра Меншикова до Петра I

Господин полковник.

На писмо вашей милости, которое получил и чрез сего куриера, ответствовать ничего не имею. Токмо о здешнем доношу, что прешедшей ночи выслано было из крепости от воров к нам писмо, в котором объявляли извычайною своею палитикою, что они при первой своей верности и нас в гварнизон пустить хотят, толко б их свободно совсем выпустить, и на то б дать им на три дни сроку. И как пришло утро, тогда, не дождавшись от нас на то свое писмо отповеди, начали по нас стрелять ис пушек, не видя никакова от нас действия, и посад кругом города зажгли. Потом на вышепомянутое их писмо, написав отповедь, послали мы к ним з Зажарским с тем, чтоб свободно выходили, не боясь никаких опасностей. И Зажарского в крепость впустили и писмо наше в кругу прочли, на что сказали, что отповеди нам учинить неколи. И хотели ево, Зажарского, убить, потом выпустили ево вон, сказав ему многими голосами, что мы де все здесь помрем, а президиума в город не пустим. И с сея ночи с помощию Божиею будем мы над ними надлежащий чинить промысл. За сим здравие вашей милости, моего государя всемилостивейшаго, деснице вся содержащаго в сохранение предаю.

Александр Меншиков.

От Батурина ис предместья, ноября 1 дня 1708 году [99].

---

[98] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – Т. IV. – СПб., 1830. – С. 423–424.

[99] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 906–907.

№ 100

1708, листопада 2. – Батурин
Повідомлення Олександра Меншикова царю про взяття Батурина

Господин полковник.

Доношу вашей милости, что мы сего числа о шти часах пополуночи здешную фартецию з двух сторон штурмовали, и, чрез помощь Божию и вашего оружия щастием, по двучасном огню, оную взяли. И сею викториею вашей милости поздравляю. И сего часу еду я сам в город и по том о всем обстоятелно вашей милости донесу.

Александр Меншиков.

Из Батурина, ноября 2 дня 1708 году, о 2 часу пополуночи. Господину полковнику от Преображенской лейб-гвардии, октебря в 29 день 1708-го [100].

№ 101

1708, листопада 3. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Послѣднія свѣдѣнія из арміи помечены 24-м октября ст. ст. из Юровков, мѣстечка, расположеннаго неподалеку от Стародуба, на Деснѣ; но они не дають точных свѣденій ни о движеніи шведов, ни о стычках, почти ежедневно происходящих между врагами с перемѣнным счастьем.

Разбив генерала Левенгаупта, его величество, говорят, немедленно отправил генерал-адьютанта Брюкенталя к королю Августу с извѣстіем о побѣдѣ и с другими сообщеніями; а князь Меншиков недавно получил в подарок прекрасное оружіе при письмѣ от королевскаго фаворита, Фицтума, который, между прочими любезностями, высказывает, что вскорѣ будет имѣть честь снова представиться князю. Имѣют ли всѣ эти слухи основаніе большее, чѣм подобные им, преднамѣренно распространявшіеся за границей разсказы прошлой зимы, – вам лучше знать.

В нѣскольких предъидущих письмах я сообщал вам, как шведы переправились через Неву и вторглись в Ингрію близ Ямбурга, откуда установили постоянныя сообщенія с своим флотом. Простояв тут около шести недѣль и не предприняв ничего, они намѣревались переправиться обратно на судах; но при этом арьергард их разбит был адмиралом Апраксиным. Подробности этого дѣла вы усмотрите из слѣдующаго отрывка его рапорта, помѣченнаго из Ямбурга 22 октября.

Получив извѣстіе, что всѣ шведскія силы двинулись к морю, к небольшому селенію Криворучью и готовятся пересѣсть на корабли, я 12-го текущаго мѣсяца рѣшился послѣдовать за ними с пятью батальонами пѣхоты, одним батальоном

---

[100] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 918.

гренадер, двумя тысячами драгун, нѣсколькими отдѣльными отрядами и казаками. 15-го я приблизился к непріятелю на разстояніе семи верст (восемь верст равняются шести англійским милям), при чем развѣдочныя партіи захватили в плѣн шведскаго лейтенанта, который сообщил, что пять непріятельских батальонов засѣли в крѣпкій ретраншмент и мало-по-малу переправляются на корабли. 16-го на разсвѣтѣ я со всѣми своими войсками подошел к шведскому лагерю и, расположившись в разстояніи мушкетнаго выстрѣла, предложил непріятелю сдаться. Получив отказ, я приказал аттаковать. Начатая в 10 часов, аттака продолжалась недолго при сильной пальбѣ с обѣих сторон, пока маіор Греков с своими гренадерами и нѣсколькими другими батальонами не пробрался через воду в траншеи, в тыл непріятелю, который пришел в полное разстройство; они потеряли около 600 человѣк убитыми на мѣстѣ, а затѣм еще человѣк 300 рѣшившихся было отступать в воду. Остальные шведы, разбѣжавшись по лѣсам, тоже или побиты или попались в плѣн. Перед тѣм они убили всѣх своих лошадей, которых мы насчитали около шести тысяч в траншеях. Непріятельскій фолт, при котором находились адмирал и контр-адмирал, энергически стрѣлял по нас в продолженіе всего боя, не нанося никакого вреда; а генерал-маіор Любекер, начальник всего отряда, все время оставался зрителем с адмиральскаго корабля. Мы захватили в плѣн маіора, пять капитанов, четырех лейтенантов, четырех прапорщиков, четырех канониров, 46 унтер-офицеров и 93 солдата. С нашей стороны убиты один подполковник, один маіор, шесть капитанов, два лейтенанта, 49 унтер-офицеров и солдат; ранены: подполковник, маіор, три капитана, семь поручиков, один прапорщик и 207 солдат. Кром того, один прапорщик и два солдата захвачены в плѣн.

29-го октября ст. ст. по случаю этого успѣха совершено было молебствіе при трех залпах с валов и с Кремля.

Из Германіи за послѣднія двѣ недѣли, письма опять не доходят [101].

№ 102

1708, листопада 5–6 (?)
Чолобитна мешканців Лохвиці царю

Божиею милостию пресветлейшому вседержавнейшому государу нашему, царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея Великия Малыя и Белия Росии повелителеви, под всемилостивую оборону монаршую прибегающе, всепокорственно до лица земли падающе, поклоняемся. Вашего царского пресветлого величества зайшло к нам, верним своим подданим, в смущении тяжком и страсе бедствующим, всемилостивое потешительное в особной грамоте царское слово, яковое мы усе граждане старшини лохвицкии для послушанья всенароднаго веселисмо, многочастне громогласно читати, даби всем явственна била вашего царского пресветлого величества милость и отческое благоутробие и чадолюбивая оборона, за яковое премилостивое монаршое извещение и за усердное ку церквам Божиим попечение сторинно всиединодушно духовнаго и мирскаго чина начальнии и подначальнии со всеми жительми града и весей за премногую монаршую

[101] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 104–107.

милость лицем до земли раболепное вашему царскому величеству чинить благодарное поклонение едиными усти и серци извествуючи иж неизменъно подданий все застаем, яко и всегда заставали, и ради би на назначоное место Глухов путь шествовати по повелению вашего царского пресветлаго величества. Только под сей час не меем начального, кому би в городе радети, яко атаман и войт только застаем. А що вашему царскому изволительному повелению не противни и неотступни. А города нелзе так оставити без досмотрующаго, о тое вашого царского величества, яко защитника и милостивого оборонца всеей Малой Росии, милостивно и горливо упрошаем. А самих начальних наших здесь нет и сами о них не ведаем, где обретаются. И по стократно при покорственном чоломбитий нашом просячи, записуемся всегдашними подножками рабами и достовернейшими подданами под скридла вашего пресветлейшаго царского величества бути, яко и назавше зостаем в нижайшое подножие. Пресвятому монарсе, великоросийскому малоросийскому державце, государу, цару и обладателю, и милостивому отцу и великому добродею найподолние слуги и подножки все единомислностью, як козаки и посполитие люде лохвицкие, покорно челом бием и в сей суплецех подписуемся [102].

№ 103

1708, листопада 9
Грамота Петра I українському народу

Божію споспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петр Алексѣевичь, самодержец всероссійскій и прочая. Объявляем чрез сіе вѣрным нашим подданным, Войска Запорожскаго генеральной старшинѣ, полковникам, ясаулам, сотникам, и куренным атаманом, и казакам, и прочим всякаго чина гражданскаго и купеческаго людям, и поселянам, и всему малороссійскому народу, сим нашим великаго государя указом: что понеже нам извѣстно учинилось, како непріятель наш, король шведской, видя изнеможеніе сил своих и не имѣя надежды оружіем противо численных наших храбрых великороссійских и малороссійских войск стояти и побѣду, по гордому своему предвоспріятію, над оными, такоже и над землями нашими получити, когда по претерпѣнном многом уронѣ войск своих у Смоленскаго рубежа, принужден был воротиться, не вступя во оныя; и скорым и коварным своим походом хотя упредить войско наше в малороссійской край, по призыву и присылкѣ измѣнника Мазепы вошедши, оной завоевать, и города знатнѣйшие взяв, во оные засѣсть и потом сію землю тяжкими податьми, налогами и плѣненіем людей, даже до конечнаго разоренія привесть, как он то и в Коронѣ Польской и в великом Княжествѣ Литовском и в Саксоніи, в которые под образом защитителя вошел, також учинил. И дабы по том сію малороссійскую землю, по истощеніи оной, отдать под иго польское и в порабощеніе Лещинскому, незаконно от него выбранному королю, которому он то обѣщал в учиненном с ним союзѣ, дабы вмѣсто Курляндіи, Жмундіи и Лифлянд польских, которые Лещинской шведу уступить обѣщал,

---

[102] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 876.

оному сей малороссійской край завоевав отдать, а измѣнника Мазепу в Украйнѣ самовластным князем над вами учинить, в чем он от него, измѣнника богоотступнаго, бывшаго гетмана Мазепы, был обнадежен, что он ему в том его намѣреніи допоможет, как то послѣди измѣны его явилось; которой, забыв страх Божій и присягу свою при крестном цѣлованіи нам, великому государю, учиненную, и превысокую к себѣ нашу милость, без всякой данной к тому причины, измѣнил и перешел к королю шведскому, объявя наперед о себѣ генеральной старшинѣ и полковникам при нем будучим, будто имѣет наш царскаго величества указ, идти против непріятеля для воинскаго промысла с нѣсколькими компанейскими полками; и когда перешел рѣку Десну, то приближась к войску шведскому, поставил войско при нем будучее в строй к баталіи и потом объявил старшинѣ злое свое намѣреніе, что пришел не биться со оными, но под протекцію его королевскую, когда уже то войско, по его соглашенію, от шведа окружено было. Тако ж он, измѣнник Мазепа, пошед к шведу, оставил в городѣ Батуринѣ сердюцкаго полковника Чечеля, да нѣмчина Фридриха Кенексика и с ними нѣсколько полков сердюцких, да из городовых полков не малое число казаков в гарнизонѣ, и подкупя их деньгами, приказал им наших царскаго величества ратных людей не пускать, в том намѣреніи, дабы тот город и в нем обрѣтающійся Войска Запорожскаго пушечной великой снаряд, королю шведскому со многим числом пороху и свинцу и иных припасов отдать, дабы он тѣм против нас воевать и малороссійскій край поработить мог. Что мы вѣдав, отправили к тому городу генерала нашего от кавалеріи князя Меншикова с частію войска, который пришед к оному, посылал неоднократно от себя, нашим великаго государя указом, к помянутому полковнику Чечелю и Фридрику Кенексику и ко всему гарнизону говорить, чтоб они войска наши в тот город впустили добровольно, без всякаго сопротивленія, объявляя им измѣну Мазепину; но они, по наущенію помянутаго измѣнника Мазепы, слушать того не похотѣли, и по наших царскаго величества войсках стрѣляли; того ради вышеписанной генерал наш князь Меншиков, по нашему указу, учинил к тоту городу приступ, и оной милостію Божіею, приступом взял, и тѣ единомышленники Мазепины за учиненную нам, великому государю, противность и измѣну воспріимут достойную казнь. И тако видя он, король шведской, то свое намѣреніе, храбрыми оружія нашего поступками пресѣкаемо, и знатное войско свое с генералом Левенгауптом, нашим царскаго величества собственным приводом, с помощію Вышняго, на голову побито, что от 16 000 онаго и 3000 человѣк не ушло, гдѣ всѣ пушки, и знамена и прочіе войсковые клейноды и обоз свой, в 8000 возах состоящій, со многими имѣніи, в Польшѣ и Литвѣ и Курляндіи награбленными, в добычу нашим оной и с 1500 знатных полоняников оставил. Тако ж, сверх того, в Ингріи войско его шведское, под командою генералъ-маіора Либекера в 12 000 состоящее, прошедшаго мѣсяца, октября в 12 день, побито, а именно когда тот Либекер, переправясь чрез рѣку Неву, стал между С. Петербургом и Нарвою, хотя тамо вред учинить нашим войскам и уѣздам, то наши войска, под командою адмирала нашего Апраксина, ему тот путь к возвращенію паки чрез Неву заступили и пресѣкли; для чего тот генерал Либекер, видя себѣ опасность, приближился к берегу морскому; сдѣлав траншамент, во оном стал и послал к адмиралу шведскому, в близости с флотом карабельным обрѣтающемуся, прося чтоб его с людьми на флот перевез и тако от конечной погибели спас, и потом видя оный Либекер войска наши, мужественно на себя наступающія, не видя иного спасенія, велѣл

всей конницѣ своей, которой было при нем 6000, лошади свои пострѣлять, и все войско в мѣлких судах, с флота шведскаго присланных, на корабли вывозить; что увѣдав наши войска, мужественно на траншамент непріятельской наступя, оной взяли, и войска шведскаго с 2000 человѣк во оном найденнаго трупом положили; многіе же, которые в тѣ суда сѣсть и уѣхать не могли, в морѣ потонули, а иные по лѣсам разбѣжались и тамо побиты, и многое число их наши в полон взяли и весь обоз их получили; и тако все то войско разрушено. Тако ж усмотря он, король шведской, непрестанной здѣсь свой ущерб в войсках своих, и когда Стародуб, Почеп и Погар и Новгород Сѣверской, по введеніи во оные гарнизонов, не дерзал добывать, принужден в цѣлости и не зацѣпляя оставить, потеряв при Стародубѣ и в прочих мѣстах в Украйнѣ нѣсколько тысячь человѣк, которых как великороссійскія наши войска, так и вѣрные наши подданные, малороссійскаго народа жители, побили и в полон побрали, от чего было он в такое состояніе приведен, что намѣрен был бѣжать для спасенія своего паки назад в Польшу на Волынь, как всѣ полковники и перебѣжчики из войска его сказывали, ежели б от проклятаго измѣнника Мазепы, от того бѣга не удержан и в Украйнѣ обнадеживая его не остановлен. И в таком безсиліи себя усмотряя король шведской, и потеряв надежду гордо в мыслях своих напредь сего крѣпко положенной уже побѣды, воспіемлет прибѣжище к слабым способам, а именно, издавая к вѣрным нашим подданным малороссійскаго народа прелестныя свои письма во образ пасквилев, в которых не устыжается нашу высокую особу и славу безчестными клеветы и фальшивствами ругати. И в *первых*: нарекати, будто мы, великій государь, сію войну на него без причин праведных начали, и немилосердо подданных его мучить указали; которое все на нас явственная ложь есть, ибо как мы сію войну, ради обороны государств наших и привращенія от предков его, за мирными договоры отлученных от россійскаго государства, неправедно многих вѣковѣчных наслѣдных земель, а именно Ижерской и Корельской, и под игом его стенящих православных церквей и подданных наших благочестивых, из которых многіе насильно в лютерскую вѣру превращены, тако ж и особливо за учиненныя собственной особѣ нашей и послам нашим безчестьи в Ригѣ от губернатора Далберта, на котораго он, король шведской, нам, по прошенію нашему никакой обороны и управы не дал, но во всем тот его к нам безчестный учинок оправдал. И мы тако ту войну, по обычаю всѣх иных христіанских потентатов, по предшествующих многих добродѣтельных способах и учиненных протестаціях, на него, короля шведскаго, начали, и никогда подданным его мученія никакого чинити не повелѣвали, но наипаче плѣнные их у нас во всякой ослабѣ и без утѣсненія пребывают, и по христіанскому обычаю содержатся; хотя он, король шведской, наших плѣнников великороссійскаго и малороссійскаго народа, из которых большая часть за паролем неправедно задержаны, у себя мучительски держит и гладом томит и помирать допускает, и ни на какую размѣну, ни на окуп не позволяет, хотя ему оное от нас, по христіанскому обычаю, сожалѣя о вѣрных своих подданных, многократно предложено есть. Но что злѣе того, по Фраустатскому бою, взятых наших в полон великороссійскаго народа ратных людей, генералы его, на третій день послѣ взятья, ниже у бусурман слыханным, тиранским образом ругательно посѣчь и поколоть повелѣли, а иным нашим людям, взяв оных он, король шведской, им пальцы у рук обрубить, и тако их отпустить повелѣл; тако ж когда на часть одну малороссійских войск, в великой Польшѣ бывших, напал и оную

разбил, которые видя изнеможеніе свое, оружіе положа, пощады от него просили, но он, в ругательство малороссійскому народу, оных обошед и оружіе у них обрав, немилосердо палками, а не оружіем, до смерти побить их повелѣл, как и нынѣ в нѣскольких деревнях многих поселян, несопротивляющихся ему, с женами и с дѣтьми порубить повелѣл. А в церкви благочестивыя войска шведскія, в поруганіе православію, лошадей своих ставят. Из сего довольно его короля шведскаго зѣльную злобу и желательство к кровопролитію православных христіан великороссійскаго и малороссійскаго народа и ненависть к благочестію всѣм усмотрѣть возможно. *Второе:* объявляет он, король шведской, прельстительно всѣм малороссійскаго народа жителям, дабы они спокойно со всѣми своими пожитки в домах своих жили и отправляли торговлю и прочее; но под сею ласкою прикрыт есть яд смертоносный его злоковарнаго намѣрения, ибо тѣм образом приманя оных, хощет он их потом ограбя и всего имѣнія лишив употребить то на пропитаніе, гладом тающему своему войску, дабы тако удобнѣе мог собственными имѣній наших подданных вышеобъявленным образом поработить их Лещинскому и измѣннику Мазепѣ, и от вѣры православной и церквей христіанских отлучить, обращая оныя в кирхи свои лютерскія уніятскія, как он то в королевствѣ польском и Великом княжествѣ Литовском чинил и церкви православныя грабить и осквернять допущал, а именно: в Минскѣ, в Борисовѣ, а особливо в Могилевѣ, как оттуда в войско наше могилевскіе благочестивые монахи и священники заподлинно со слезами писали, послѣдующія мерзости, запустѣнія, которыя шведы тамо чинили, что изо всѣх церквей потиры и оклады святых икон серебряные ободрали и пограбили, и которые и сохранены были, о тѣх мученіем духовных, довѣдався побрали, по церквам, во время службы Божіей, с собаками ходили, и что наивящшее всего и ужаснѣе, в церквѣ Соборной Могилевской святѣйшей сакрамент, тѣло Христово, на землю выброся, и оный потир похитя, вино из онаго пили, також и народы сліонскій, саксонскій, польскій и литовскій, таким же прельщеніем обманув, и назвався им оборонителем вольностей их, потом же, ограбя их до основанія, их же награбленным имѣніем, войско свое учредя, оных самих воевал и до основанія разорил и права и вольности их переломал и в Слезіи больше седмидесять римских костелов, лютерскими в неволю учинил. Того ради повелѣваем, напоминаем и престерегаем мы, великій государь, наше царское величество, всѣх своих вѣрных подданных малороссійскаго народа милостиво, дабы сих прелестей непріятельских, тако ж и богоотступнаго измѣнника Мазепы прелестных писем не слушали и от непріятельских набѣгов, в которых мѣстах войск наших не прилучится, в их наступленіи укрывались с имѣніем своим в безопасныя мѣста и того смотрѣли, чтоб к поживленію непріятелю ничего не оставалось, дабы от того непріятель вящшее истощен быти мог и из малороссійскаго края как наискорѣе выступить принужден был, как и от смоленских границ он принужден отступить с великим уроном. Сей же коварственный непріятель наш хощет в тѣх же своих прельстительных письмах внушить народу малороссійскому, будто б онаго прежде права и вольности от нас, великаго государя, ущерблены, и города их от воевод и войск наших завладѣнны, напоминая им, дабы мыслили о своих прежних и старых вольностях; и то может каждой разумной из малороссійскаго народа признать, что то самая явная лож, и токмо ради возмущенія, всѣенныя непріятельскія плевелы, ибо как с начала отец наш, блаженныя памяти, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайлович,

самодержец всероссійскій, по принятіи под высокодержавную свою царскаго величества руку малороссійскаго народа, по постановленным актам, оному привиліи и вольности позволил и утвердил, тако оныя и до нынѣ от нас, великаго государя, им безо всякаго нарушенія и ущерба свято содержаны бывают, и ни одно мѣсто, сверх онаго постановленія, войски нашими великороссійскими до сего военнаго случая не осажено; а которыя для обороны от непріятеля осажены, и из тѣх, по изгнаніи непріятельском и отдаленіи онаго, паки люди великороссійскіе выведены будут, как то из Почепа и Погара уже учинено, а в которых нынѣ и есть, и из тѣх тако ж, по отдаленіи от оных непріятельском, великороссійскіе гарнизоны выведены будут, и можем непостыдно рещи, что никоторый народ под солнцем такими свободами и привиліями и легкостію похвалитися не может, как по нашей царскаго величества милости, малороссійской, ибо ни единаго пенязя в казну нашу, во всем малороссійском краю, с них брать мы не повелѣваем; но милостиво их призираем, с своими войски и иждивеніи, малороссійской край, святыя православныя церкви и монастыри, и города и жилища их, от бусурманскаго и еретическаго наступленія обороняем. А что непріятель напоминает народу малороссійскому, думать о прежних и старых своих вольностях; и то все старым жителем сего народа, чаю самим, а младым от отцов их извѣстно, какія они, до приступленія под высокодержавнѣйшую отца нашего блаженныя памяти, великаго государя, его царскаго величества руку, вольности и привиліи, как во свѣтских дѣлах и житіи своем, так наипаче во отправленіи благочестивой вѣры имѣли, и коль тяжко утѣсняемы под польским игом были, и какими несносными обидами и ругательствы сей народ от них мучен, и как церкви святыя в костелы римскіе и уніятскіе превращены были. И тако он, король шведской, напоминаніем тѣх старых вольностей и сам явно народу малороссійскому свое коварное намѣреніе явил, что он их паки в польскія и Лещинскаго, також и измѣнника Мазепы порабощенія привесть намѣрен. Что же принадлежит о той фальшивой укоризнѣ непріятельской, будто по указу нашему малороссійскаго народа домы и пожитки попалены и разорены; и то все подлоги непріятельскіе, к возмущенію народа малороссійскаго, от него вымышленные; ибо мы, войскам своим великороссійским под смертною казнію запретили, малороссійскому народу никакого раззоренія и обид отнюдь не чинить, за что уже нѣкоторые самовольные преступники, при Почепѣ и смертію казнены; а ежели что мало от жилищ их или хлѣба пожечь принуждены были, по крайней нуждѣ, дабы непріятелю к пропитанію то не досталось, и дабы он тѣм принужден был, не имѣя жилища и пищи, погибать, что уже и учинилось при Стародубѣ, ежели б тот измѣнник Мазепа далѣе его не потягнул, о чем выше пространнѣе изъявлено. И то все мы, великій государь, тѣм, кто такой убыток претерпѣл, обѣщаем, по изгнаніи непріятельском из земель наших, милостію своею наградить, и чтоб тѣм претерпѣнным своим убыткам писали они и подавали росписи; и тако б видя вѣрные наши подданные малороссійскаго народа сіи лжи непріятельскія, а нашу к себѣ государскую милость и оборону отчизнѣ своей, от всѣх прелестей непріятельских уши затыкали и не внимали; тако ж ежели какіе прелестные универсалы или подсылки от бывшаго гетмана, богоотступнаго измѣнника Мазепы, гдѣ явятся: и тѣх бы отнюдь, яко измѣнничьих, не слушали, и по них не исполняли, но приносили б их к нам, великому государю, и трудились бы оному непріятелю и сообщнику его, измѣннику Мазепѣ, хотящему церкви святыя и весь сей малороссійской край благочестія

лишить и поработить, всякую шкоду приключать, и загонами и по лѣсам и переправам людей их побивать, и за вѣру православную, за святыя церкви и за отчизну свою мужественно против оных стоять, и от нападенія онаго, из городков некрѣпких, сел и деревень, в наступленіе непріятельское, жители б сами особами своими, с женами и с дѣтьми и с пожитки скрывались, и непріятелю отнюдь никаких живностей и хлѣба и никакого харча не оставляли, а особливо ни по каким универсалам короля шведскаго и вора измѣнника Мазепы на продажу и так не привозили, под опасеніем за то смертныя казни; но чинили б над ними непріятели всякой военной промысл, дабы его при храбрых войсках наших великороссійских и малороссійских, с помощію Божіею, как наискорѣе побѣдить; и малороссійской край, отчизну свою, от нападенія и раззоренія и от намѣреннаго порабощенія освободить и из онаго изгнать. Чего ради мы, великій государь, наше царское величество, и сами высокою особою своею, на оборону малороссійскому народу, сюда в войско наше прибили. При сем же объявляем, что кто из малороссійскаго народа, из непріятельскаго войска возмет в полон генерала, тому за онаго дать 2000 рублей, за полковника 1000 рублей, а за иных офицеров, за каждаго по расчету, против чина их, а за рядовых, рейтар, солдат и драгун по 5 рублей; а за убіеніе каждаго непріятеля, по свидѣтельству явному, по 3 рубли из казны нашей давать укажем. И сіи указы, за нашею государскою печатью выдать, и оные по городам при ратушах, а по селам по церквам прибить, и всему малороссійскому народу прочитать повелѣваем [103].

№ 104

1708, листопада 9. – Глухів
Лист Гаврила Головкіна до Петра Толстого про обряд прокляття Івана Мазепи

Мой государь Петр Андреевич.

Вашей милости, чаю, уже по прежнему моему письму, посланному к вам от реки Десны ноября 2-го дня, известны о победе, при помощи Господней, по полученной над неприятелским швецким генералом Либекером в Венгрии и по нечаянной николи измены гетмана Мазепы, с которого писма при сем дупликат посылаю. И после того мы сь его царским величеством сюды в Глухов прибыли, где знатнейшия полковники и старшина казацкая по выданным указам его царского величества собрались, дабы нового гетмана по своим обыкновениям изобрать, которое сего ноября в 6 день учинилось. И пред тем обранием над персонаю бывшаго гетмана Мазепы следующим образом уничтожение учинено. В начале ево диплом от его царского величества изодран и от его светлости князя Меншикова и от меня, аки обор-комергера, и обоих нас того ордина святаго Андрея ковалеров, во образ Мазепы, от его царского величества ему напред сего всемилостивейше данной орден снят, которого он чрез изменнические свои поступки себя ныне недостойным сочинил. И та ево персона напоследи ногами с лесницы столкнута и по том от ката взята и до виселицы, которая на рынку

[103] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – Т. IV. – СПб., 1830. – С. 426–431.

обреталась, на веревке тощена, а тамо уже его, Мазепина, учиненная измена к своему суверену без всякой далной причины к разорению сего народу, и что оный от всех чинов отставлен и изменником и шелмом деклярован, явственно всему народу обьявлен. Герб ево от ката изодран и изтоптан, ево сабля от того ж ката переломлена и по персоне теми обломки ударена, и напоследи помянутая ево персона на виселицу повешена. Между тем чины и старшина сего народа в соборную церковь собрались, ис которой оные, по отправленному обыкновению своему молебному пению и казанию вышли пред ту соборную церковь на площадь, где все, и казаки, и жители, стояли, и по своему обыкновению во избрание нового гетмана вступила по своим древним правам и волностям. К тому от его царского величества, по древнему обыкновению, господин князь Долгорукой, яко пленипотенциариус и министр, депутатом определен был, где от них со общим позволением сего всего народа полковник стародубской господин Скуропатцкий в новые гетманы избран и от его царского величества всемилостивейше подтвержен. И все сие дело изрядным веселием при пушечном стрелянии окончалось. Впрочем сей изменник (за что Богу буди благодарение) в сем народе нималого приступу не имеет, ибо все состоят весма твердо и при ево царском величестве и привозят повседневно от неприятелей многих полоняников и ис тех малых казаков, которых он, изменник Мазепа, к неприятелю обманом завез, купами паки к нам приходят сами. Того ради его царское величество по своему природному милосердию и благоутробию всем тем, которые от помянутого изменника обманом увезены, или сами доброволно с ним к неприятелю предалися, срок на четырех недели поставить повелел, что которые в то время оттуду паки к нам возвратятся, хотя они о той Мазепиной измене и ведали, и те не токмо от его царского величества в милость восприемлемы и прощены, но сверх того тако при их чинах и имении оставлены будут; которые же по сему его царского величества объявленному милостивому указу на то время не возвратятся и те указы преслушают, и против тех, аки шелмов и изменников своей отчизны, будут найжесточайше поступать. Те ж полоняники сказывают, что помянутой изменник Мазепа в таковом состоянии и почтении у шведов содержится, что около оного всегда швецкой кавалерии по триста человек неотступно обретается; и где в которой храмине спит, и тамо внутри оной караул швецкой бывает. А егда в каляске в дороге ездит, тогда с ним сидит один офицер швецкой. Из увезеных с ним, Мазепою, старшин ушли, было, первой ево конфидент обозной Ломиковской да судья Чуйкевич и в некоторой месте (о котором еще неизвесны) заперлись было, но шведы оных достали. При сем же объявляю милости вашей, что я пред несколким временем получил от вас писма июля от 29-го под нумером 18-м, да августа от 16-го и 29-го чисел под нумером, да третьего дни чрез нарочного вашего куриера италианца писмо под нумером 21-м сентября от 17-го, ис Константинополя отпущенные, ис которых содержание о всем выразумел и належащее великому государю доносил и ответовать пространно на них ныне времени не имею. Таково первое писмо послано к вам от меня ноября в 9 день 1708-го, из Глухова.

P. S. Изволишь, ваша милость, все сие дело при Порте уничтоживать и вменять не в важное и предостерегать того твердо, дабы не было от него, изменника Мазепы, какой факции и подсылки к привождению Порты в войну с нами. А что, ваша милость, в писме своем под нумером от [...] числа сентября изволишь к нам писать о денгах обещанных [...] что приятели во оных отказали, и можете, ваша

милость, оные занять тамо червонными, толко б за оные платить денгами по два рубли. И ваша милость те денги изволь взять и дать векселя, по которым мы по два рубли за червонной немедленно заплатим на Москве. А мы с своей страны о присылке векселя на те червонные трудимся. И изволил его царское величество двоекратно писать к Москве к господину Саве Рагузинскому, чтоб он на те червонные прислал сюда вексели с нарочным своим человеком, по которому бы вам дали в Цареграде те червонные. Однако, может быть, что сей посланной умешкает, того ради в запас изволишь оные на вексели взять, також потрудится, чтоб против того заплатити мутьянскому господарю за прежде взятые от него левки по той же цене. А мы милость вашу утверждаем, что по присланным от вас векселям немедленно денги заплатим [104].

№ 105

1708, листопада 10. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Уже с мѣсяц сюда не доходит достовѣрных извѣстій о дѣйствіях непріятельских армій под Стародубом. Послѣднія письма помечены 29-м октября из Погребков, большаго села, расположеннаго в миле от Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ находится царская главная квартира. Государь прибыл туда 27-го с отрядом, который конвоировал его от самаго Смоленска. Шведы стояли по ту сторону Десны, пытались перебраться, но были отбиты. Прибавляют, что в случаѣ, если бы переправа эта удалась, царь намѣрен был дать сраженіе.

Эти письма не сообщают подробностей о положеніи армій и, что особенно странно, не упоминают о факте, который способен дать новый оборот всему дѣлу и подтверждается такими разнообразными путями, что не допускает ни малѣйшаго повода к сомнѣнію в нем. Я говорю о переходѣ гетмана Мазепы со всей его семьей и со всѣми его богатствами на сторону короля шведскаго. Гетман – человѣк лѣт семидесяти; он пользовался полным уваженіем и довѣріем царя; своих детей у него нѣт, есть только один племянник; гетман, управляя цвѣтущей провинціей, в которой долго пользовался властью, немного уступающей власти монарха, собрал большія сокровища. Принимая все это во вниманіе, трудно отдать себѣ отчет, вслѣдствіе чего или ради чего он в таких преклонных, старческих лѣтах рѣшился передаться новой средѣ и новой дѣятельности.

О днѣ и путях, вообще об обстоятельствах этой измѣны я не могу сказать ничего положительнаго. Одни говорят, будто Мазепа передался королю с десятью тысячами человѣк и с значительными запасами провіанта и снарядов; другіе – будто с ним было только два полка, из которых один покинул его, как только проник его замыслы; третьи – что он захватил с собою только семью и сокровища. Здѣсь, однако, есть письмо от одного высокопоставленнаго лица, который сообщает в общих выраженіях, будто с гетманом измѣнили многіе из старших офицеров и часть лучших казацких войск, но будто царскіе полки успѣли отбить часть обоза измѣнников, также будто царь уже отдал приказ об избраніи новаго гетмана

[104] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 910–912.

и о возстановленіи нѣкоторых казацких вольностей, в надеждѣ этим путем удержать остальное казачество вѣрным присяге. С слѣдующей почтой надѣюсь сообщить что нибудь болѣе опредѣленное.

В послѣднем письме (от 3/14 текущего мѣсяца) я имѣл честь отправить вам реляцію об успѣхе, одержанном 16-го октября ст. ст. адмиралом Апраксиным при аттакѣ арьергарда шведских войск в Ингріи во время посадки их на корабли. Из остальных частей этих войск королевскій флот перевез большинство в Ревель и только небольшой отряд возвращен для занятіи гарнизона в Выборгѣ. Извѣстіе об этом отступленіи подтвердил мнѣ и вице-адмирал Крюйс в письме от 20-го октября из Петербурга, куда русскій флот только что возвратился, не предвидя болѣе никакой опасности на побережьи Финскаго залива.

Рѣшеніе генерала Любекера вывести свои войска из Ингріи на судах объясняют здѣсь очень своеобразно: разсказывают, будто шведы, разбив горсть русских драгун и захватив одну или двѣ обозныя фуры, нашли в них платье начальника русских войск, бригадир-генерала Фразера, а в карманѣ его – странное письмо от вице-адмирала, в котором Крюйс умолял генерала Фразера зорко слѣдить за шведами, и подавал ему надежду на скорое и значительное подкрѣпленіе, так как, по словам его, в Нарвѣ стоит шесть тысяч человѣк, в Новгородѣ – пять тысяч пѣхоты и 12 000 драгун, в Ладогѣ – три или четыре тысячи, и всѣ эти отряды в избыткѣ снабжены провіантом и припасами всякаго рода. Письмо это испугало генерала Любекера, и он немедленно написал о нем адмиралу Анкерштирну, указывая на опасность, грозящую сухопутной шведской арміи со стороны превосходных сил непріятеля, если не вывезти ее немедленно на судах флота. Адмирал первоначально отказал, но Любекер послал к нему маіора с повтореніем своей просьбы, прибавляя, что, если он не исполнить ее, отвѣтственность на гибель королевской арміи ляжет на него. Тогда адмирал согласился принять людей, но без обоза и без лошадей; почему генерал вынужден был перебить всѣх лошадей. Русскіе нашли близ шведскаго лагеря около шести тысяч конских трупов. Вряд ли можно допустить, чтобы шведы имѣли о положенійи дѣл в Ингріи свѣдѣнія до того ошибочныя, что повѣрили такому письму. Но так как изложенный мною разсказ сообщен мнѣ самим вице-адмиралом, передаю его для ваших соображеній.

За послѣднія три недѣли почта из Германіи опять не приходит; не знаю, однако, кѣм она перехвачена – поляками или казаками [105].

№ 106

1708, листопада 11. – Київ
Лист Дмитра Голіцина до Гаврила Головкіна

Мой государь Гаврила Ивановичь.

Здравие вас, моего государя, да сохранить Бог навеки. Посланной от вас, моего государя, киевской рейтар, мне явился и писмо вас, моего государя, и пакеты с писмы и грамоты чрез оного получил. И оные пакеты по письму вас, моего государя, как об них изъевлево, послал с нежинским жителем Волошенином,

[105] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 107–110.

которого мне привел прикащик Савы Рагузинского и объевил, что он доброй человек и в таких делах заобычен. А к господину Дашкову письма и грамоты, которые велено объевить черкаским полковником и сотником, послал с киевскими рейтары против письма вас, моего государя. Для печати грамот посылал в Печерской монастырь и велел набрать слова, которые скорея. И на печать оных грамот набраны были слова менщие. А когда прибыл посланной адъютант Резанов и сказал, что велено оные грамоты печатать средними словами, и те слова доколь набрали и затем в печати время продолжилось. И напечатано оных грамот 634, и оные посылаю к вам, моему государю, наперед. И мало не все к готовости приходят, токмо не высохли, и вскоре пошлю к вам, моему государю. А вдруг, мой государь, послать опасно, понеже имеем ведомость, что швед все наши пасы переенял. И того ради посылаю по части, дабы не все вдругъ пропали, ис которых могут иные, мой государь, провезены быть. А оного адъютанта с словами отправил ноября 12 числа. Доношу ж вам, моему государю. По должности своей мне розсудилось: зело б изрядно, дабы указ государев повелел архиереем и всем духовным учинить консиль проклятию на оного изменника Мазепу и которые с ним старшина уехали; и розослали б от себя по Украине печатные уневерсалы и велели во всех церквах публично объевить; и в оных уневерсалах написать: ежели кто оттуду не возвратитца, вечно проклят будет, а которые возвратятца, разрешение получат, понеже то они учинили противо веры християнской и своего государя и отечества своего. И мню, ежели то учинят, и оные старшина, которые у Мазепы, будут искать способ, как бы им к нам уйти; и которые к ним с нашей стороны были ласкавы, и оные от них отвратятца, понеже здешней народ пребезмерно властей почитают, и о том зело будут иметь страх. Которые грамоты розосланы, что быть по прежнему волностям, арендам не быть, и народ зело то приемлет за благо. Токмо, мой государь, у иных многие есть прежние жалованные грамоты, которые противны оным указом, дабы арендам быть, и с теми поехали к государю киевской войт и протчие просить, чтоб их вновь изволил подписать. И зело б потребно, дабы таких грамот вновь не подписывать, а быть по нынешнему состоятельному указу, которой грамотами в народе объевлен, чтоб ис того конфузии паче в народе не учинить. Сие донесши по должности своей, в большее разсуждение отдаю вам, моему государю. Всегдашний вас, моего государя, слуга князь Дмитрий Галицын.

Из Киева, 11 дня ноября 1708 году.

К письму приложены две маленькие записки следующего содержания:

«Доношу вам, моему государю. Поехал к государю роменской сотник Пирожской, которой доброжелателен Мазепе и тайно роставил около Нежина своих казаков. И когда оной прибудет, изволиш, мой государь, его спросить, для чего он казаков роставил».

«Мне мнитца, войт киевской о измене Мазепиной ведал, понеже зело к нему был добр и никаких поборов на них не накладывал, и все доходы войт с урядом междо собою делили. И недавно дал ему деревню дворов со ста. И когда ко мне он, войт, приходил, то в великом сумнении был. А на Подоле будет дворов больше 2000, а людей соберется тысячь пять и с студентами» [106].

---

[106] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 931–933.

№ 107

1708, листопада 12. – Глухів
Повідомлення київського митрополита Іоасафа Кроковського про зраду Мазепи та про обрання нового гетьмана Івана Скоропадського

Иоасаф Кроковский, Божиею милостию, православный архиепископ, митрополит киевский, галичский и Малыя России.

Всѣм, кому сие писание явлено будет, всякого духовного и мирского чина людем, благопослушливым нам в Дусѣ Свята Сыном благословение архиерейское, извѣстно творим: благочестивѣйшему монарсѣ нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, бывший гетман Иван Мазепа измѣнил и пристал ко еретическому королю шведскому, малороссийския отчизни отчуждяся, хотя оную под иго работы лядской поддати и храму Божия на проклятую обратити унѣю. Сего ради Духу Святому и нам, малороссийским архиереви, так изволившим чужд стался церкви Святыя православнокатолическия, и общение правовѣрных, и всѣ его единомысленники с ним самоизволнѣ от его царского пресвѣтлаго величества до противные части шведения удалившийся от матери нашея церкви Святыя Восточные суть отвержени и прокляты. К сему же на разметалых домов их аще кто-либо соизволяя измѣнѣ той и предавшися до их части будет, таковым всяк не токмо от церкви Святые Восточные от общения тайн Святых, но и от сопребывания православных изверисется, и весма чужд будет, архиерейско повелѣваем. Божием же поспѣшествующею помощию повелѣнием пресвѣтлѣйшаго монархи нашего, его царского величества и нас, малороссийских архиереов, соизволения, волными всего воинства малороссийского голосами, вмѣсто бывшого гетмана избран ест муж благоразумный, его же разум и значная заслуга всей отчизнѣ извѣстна есть добрѣ, могущий рейментарской радѣти властию, благородный господин Иоан Скоропадский, бывший полковник стародубовский. О том при всяком безстрашии и благонадеждном пребывати вседаровитого Бога, молити пастырско повелѣваем: Да подаст им православному монарсѣ нашему побѣдные над врагом почести совершенно восприяти. Нам же в тишинѣ их тихое и безмятежное жити пожити, их мы от усердия архиерейского желающе любви вашей навсегда себе вручаем. Сей бы указ наш народно в церкви прочитати, и ко дверем церковным прибить.

Дан в Глуховѣ 1708 го ноеврия 12 дня.

Копія [107].

[107] Інститут рукопису НБУВ. – Ф. VIII. – Спр. 1776. – Арк. 11–12.

№ 108

1708, листопада 12
Указ, оголошений у Ближній канцелярії.
Про прокляття за зраду гетьмана Івана Мазепи та обрання на його місце Івана Скоропадського

Благоволенієм великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, сын его государев, благородный государь, царевичь и великій князь Алексѣй Петровичь, изволил из Преображенскаго пріитить к Москвѣ, и был в ближней канцеляріи; а при нем, государѣ царевичѣ, были министры, и слушали настоящих из приказов докладных дѣл, а из той канцеляріи изволил он, благородный государь царевичь, послѣ литургіи пріитить в Соборную и Апостольскую церьковь Успенія пресвятыя Богородицы, и слушав молебнаго, о побѣдѣ непріятеля свѣйскаго короля, обычнаго пѣнія; а молебное пѣніе совершали преосвященный Стефан, митрополит рязанскій и муромскій, с прочими митрополиты и архіепископы и со Освященным Собором. А за благородным государем царевичем у молебнаго пѣнія были бояре: князь Петр Ивановичь Прозоровскій, князь Михайло Алегуковичь Черкасской, Тихон Никитичь Стрѣшнев, Алексѣй Петровичь Салтыков, генеральный президент и московскій комендант и сибирских провинцій судья князь Матвѣй Петровичь Гагарин; окольничіе: князь Петр Лукичь Львов, князь Михайло Андреевичь Волконскій, думной дьяк Автоном Иванов сын Иванов; стольники комнатные: князь Ѳедор княж Юрьев сын Ромодановскій, Иван Иванов сын Бутурлин; стольники: Матвѣй Алексѣевь сын Головин, Юрья Степанов сын Нелединской-Мелецкой, князь Богдан княж Иванов сын Гагарин, и прочіе их царскаго величества, в той предпомянутой церквѣ, московских и иных разных чинов служилые и приказные люди и купецкаго чина множество во время того пѣнія были ж. А по молебном пѣніи, бывшаго гетмана Ивашку Мазепу, которой по внѣшнему образу был сосуд потребен, а потом явился сосуд діавол, понеже по письму царскаго величества к сыну его государеву, благородному государю царевичу, за его, Ивашкину, к нему, великому государю, измѣну, что он оставя свѣт, возлюбих тьму, от нея же внутреннія ослѣпоста ему зѣницы, и в той слѣпотѣ, с праваго пути совратясь и отъѣхав ко мрачной адовѣ пропасти, пристал к его государеву недругу свѣйскому королю, и от того в арміи генералам и прочим командирам и офицерам и рядовым в полку, над тѣм непріятелем учинил нестроеніе. И за такое его богомерзское, а ему, великому государю, и всему государству непотребное дѣло, преосвященные митрополиты и архіепископы и со всѣм освященным собором, того врага креста Христова, предали проклятію и анаѳемѣ вѣчно, чего он сам себѣ по дѣлам своим, от всегубителя душ получил. А обраніе малороссійскаго и Запорожскаго Войск, обѣих сторон Днѣпра, в гетманы Ивана Ильина сына Скоропадскаго, стародубскаго полковника, при том молебном пѣніи, для вѣдома сказано всѣм предстоящим всякаго чина людям [108].

---

[108] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. IV. – С. 431–432.

№ 109

1708, листопада 17. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

В письмѣ от 20/31 октября я имѣл честь отправить вам копію с письма, написаннаго мною графу Головкину по поводу оскорбленія, нанесеннаго русскому послу; вчера же мною получен отвѣт, который прилагаю в переводѣ. Из него вы изволите усмотрѣть, что московскій двор ожидает рѣшенія ея величества по вопросу об удовлетвореніи. Затрудняюсь сдѣлать дальнѣйшій шаг в этом дѣлѣ, пока не узнаю насколько ея величество найдет удобным исполнить желаніе царя или какое удовлетвореніе будет предложено ею.

В том же письмѣ вы найдете пространный отчет о переходѣ гетмана Мазепы на сторону шведов, о распоряженіи русскаго правительства касательно изображенія гетмана, и о выборѣ новаго гетмана на его мѣсто. К этим данным прибавлю нѣсколько новых черт, сообщенных мнѣ из других источников. За нѣсколько дней до измѣны, Мазепа притворился опасно больным; он, казалось, потерял всякую надежду на выздоровленіе, что крайне смутило двор; по настоянію гетмана приняты были мѣры к выбору другаго лица на его мѣсто в его же присутствіи. Граф Головкин ожидал только царскаго приказанія ѣхать в Украину.

В то же время князь Меншиков, проходя с отрядом кавалеріи вблизи гетманскаго мѣстопребыванія, рѣшился посѣтить старика и отобѣдать у него, захватив с собою нѣскольких приближенных и горсть своих гвардейцев. Пріѣхав в резиденцію гетмана, Батурин, князь нашел там русскаго полковника с двумя пѣхотными полками, которые царь всегда держал при особѣ гетмана, в видѣ его гвардіи.

Князь немедленно отправил полковника в батуринскій замок, обнесенный крѣпкою каменной стѣною, освѣдомиться о здоровьи гетмана; но полковник, подъѣхав к замку, нашел мосты поднятыми; на стѣнах стояли пушки и выставлен был гарнизон. Удивленному такими приготовленіями, посланному князя передали, что гетман выбыл из замка, оставив в нем полковника Кенигсека (саксонца, принявшаго православіе, поселеннаго и служащего на Украине) комендантом замка с приказаніем не допускать в него никого до возвращеніи гетмана, потому комендант не может ни вступать в переговоры, ни принять княжескаго посланца. Князь, заподозрив плохія шутки, возвратился к своим войскам, а вскорѣ затѣм встрѣтил нѣскольких казаков, которые объяснили ему все. Князь немедленно отправил с этим извѣстіем нарочнаго к царю, который чрезвычайно изумился, услыхав о такой бѣдѣ, но тотчас же принял рѣшеніе овладѣть батуринским замком и назначить новаго гетмана прежде, чѣм другіе казаки успѣют пристать к измѣнѣ.

Дѣло это поручено было князю Меншикову с тремя или четырьмя тысячами человѣк. Он явился к замку, который оказался недостаточно подготовленным к оборонѣ. Князь приказал немедленно произвести аттаку и вскорѣ взял замок приступом. Благодаря этой энергіи, казаки захвачены были врасплох: полковник Кенигсек, смертельно раненый в самом началѣ дѣла, еще не успѣл расположить своих людей в должный порядок; затѣм начались несогласія между самыми

защитниками замка. Едва овладѣв замком, московскія войска повѣсили Кенигсека, прочих же важнѣйших плѣнных отправили к царю. Прибавляют, будто самый город выжжен до тла, но об этом я точных свѣдѣній не имѣю.

Переговоры Мазепы с королем шведским, по видимому, велись давно. С год тому назад двое из старшин казацких (генеральный писарь и генеральный судья) прибыли в царскую армію, обвиняя гетмана в сношеніях с шведами. Но – так как в то время в вѣрности его не сомнѣвались и так как обвинители не могли представить ни достовѣрных свидѣтелей, ни неоспоримых документов, кромѣ чего-то вродѣ письма, будто бы составленнаго Мазепой с цѣлью возбудить казаков к мятежу, написаннаго рукою того же генеральнаго писаря, – доносчикам стали грозить пыткой. Чтобы избежать срама и муки, несчастные заявили, что всѣ показанія свои дали по злобѣ на гетмана. Царь велѣл отправить их к Мазепѣ и выдать их ему головой; Мазепа же приказал казнить их вмѣстѣ с двумя или тремя сообщниками по доносу. Отправив затѣм к королю нѣсколько времени тому назад любимца своего, Быстрицкаго, гетман отвлек от себя подозрѣнія, которыя могли возникнуть по этому поводу, извѣстив царя, будто Быстрицкій измѣнил и убѣжал.

Из письма графа Головкина вы увидите также, что шведская армія перешла Десну, хотя уже слишком поздно, чтобы спасти Батурин, а также что царь рѣшился дать генéральное сраженіе, как скоро сосредоточит войска свои. Если дѣло дойдет до сраженія, оно рѣшит судьбу всей войны. Здѣсь с самаго начала октября постоянно держатся морозы, выпал и снѣг; но, по видимому, в мѣстности, занятой арміями, климат умѣреннѣе, так как 12-го ноября Десна еще не замерзала...[109]

№ 110

1708, листопада 20
Постскриптум у листі Олексія Дашкова до Гаврила Головкіна

Извольте сюды написать до гетманов, ежели бы какие факции Мазепа сеять восхотел, дабы тому здесь не верили, а я от него разумеваю тому быти; еще же постаратца, как возможно, чтоб от Мазепы оторвать Орлика и Ламиковского, понеже без них Мазепа факции делать не может. Еще же не изволили вы объявить в универсалах царского величества, что вся сия бысть в народе отягчения для его, вора Мазепы, оболгания, что Кочюбею голову отсекли и прочим, великое было отягчение и ругание, аще и чрез указы монаршеские. Однако же, для его оболгания и сие пред народом казацким, разумеваю, быти приятно[110].

---

[109] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 110–114.

[110] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 877.

№ 111

1708, листопада 21. – Київ
Лист Дмитра Голіцина до Гаврила Головкіна

Мой государь Гаврила Ивановичь. Здравие вас, моего государя, да сохранить Бог на веки. Доношу вам, моему государю. Когда я из Батурина прибыл в Киев, уведомился, что в Белой Церкви от Мазепы оставлен призидиум – полк сердюцкой с полковником Бурляем, в котором, сказывали, 800 человек, и есть ево, Мазепины, некоторые пожитки. И я всякими спосабами старался, дабы оных к себе привлечь без оружия и успокоить. И, с Божию помощию, счастьем всемилостивейшего государя, чрез способ доброй полковника Бурляя уговорил, и замок Белоцерковской и пожитки Мазепины у него приняли. И посажены в замок их киевского гварнизона 300 человек. А пожитки велел в Киев привести. А оному сердюцкому полковнику с полком велел к Киеву итти. И буду держать в Киеве до указу государева. А при уговоре оному полковнику за отдачю фортеции обещано дать 100 рублев, сотником по 40, казаком по 2 рубли. Писал в Нежин и велел Анненкову с полком из Нежина идти в Белую Церков. А в Нежине оставил 2 полка. Доношу ж вам, моему государю. Мазепа прислал от себя на сию сторону Днепра в Чигирин Макеевского и ясаула генералного Гамалея для возмущения и прелести здешнего народу, дабы всех, на сей стороне живущих, возмутить, а возмутя и собрав всех, итти за Днепр в Малоросийской край. И учинил Макеевского полковником чигиринским, и оной около Чигирина многих возмутил. А мне возбранить им того неким, понеже я при себе не имею конных людей, чем возбранить. И зело, мой государь, потребно, дабы указ государев повелел прислать к нам вскоре конные полки, с которыми мог бы старатца, дабы до болшего разширения оной прелести не допустить. И некоторых на сей стороне утверждал к верности, которые ко мне приезжали и обещались быть верны. Токмо оные ветры, когда противная сторона будет силняго, то они туда и склонятца. И без конницы трудно что учинить, чтоб оных обнадеживать и утверждать. А ежели со обеих сторон Днепра люди возбунтуютца, зело вам тяжко будет. А на сей стороне Днепра поселены многие местечки и села и деревни от Киева даже до Бугу и до Днестра, меж которыми старинные местечки, которые были под поляками, и в оные посажены ево, Мазепины, слуги, и все галдуют ему и за истинну признают. На сей стороне поселено жителей сь 50 000, и за таким случаем зело потребно, дабы Белоцерковской замок не упустить. А одним полком оной замок держать трудно. А ис киевского гварнизона людей в прибавку послать некого, понеже которые люди ныне есть, и теми киевской гварнизон не доволен. Прошу вас, моего государя, для Бога умилосердися, изволь постаратца, чтоб вскоре конница к нам прислана была. Всегдашний вас, моего государя, слуга князь Дмитрей Голицын.

Из Киева, 21 дня ноября 1708 году [111].

---

[111] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 947–948.

№ 112

1708, листопада 23. – Ромни
Лист гетьмана Івана Мазепи до полтавського полковника Івана Левенця

Список с письма изменника Мазепы к полковнику полтавскому, писанного из Ромна ноября въ 23 день.

Пусть то вашей милости і всему полку тамошнему Полтавскому не будет в подивленье, что мы для певных, пилных і велми нужных для целости отчизны нашей малоросійской стягаючихся по указу наяснейшаго короля его милости шведцкого из Гадяча на время до Ромны съехали, зоткуда по прежнему управивши, что належить, повернемся до Гадяча, а ваша милость яко перед сим в верности ждали вести и горливости к отчизне матце зоставал, так и ныне не уводячися жадными хітрыми прелестми московскими хоти оную непорочно сохранити; и народ тамошниї всячески утверждай, чтоб ни в чем Москве не верили, и ждали бы так и в полку и всему місту, как в Лубенскомъ уведши людей бедные природным себе ошуканством. И шалберство ли не учинила, когда певное число войска московского вернувшися в город, імелое будто для обороны оного, у которого Александр Данилович не в далеком нас давался разстояниї. Со всеми своими войсками леч и гды войска силные короля его милости шведцкого тогда почали наступати в малом числе, тедві полону той Александр Данилович, ломя голову утечкою спасся и забегл, где безвести. Чи в полки слободцкие, чи ж на іншие, где места в границу московскую, а где Москва. Что в Смелом была забравшившехъ людей тамошнихъ як быдло з женами и з детми, погнала в Московщину до Курска. Что сталось в прошлый понедилок, а до того ваша милость может отвагу и мужество московское (в которые непотреба целиком жадной надейся покладати и в том разсудити). Что войска шведцкие в двух сотням своїх людей числе в прошлую суботу напавши на генерала Рена, под которого под командою под 4000 было Москвы, не толко их разгромили, с поля збили, але аж до Корибутова гнали и на целую милю землю трупом московским услали. Також то их отвагою мочно прото всякому горливому отчизне малоросійськой сынове разсудити тое, же Москва не уборон и та всей раз утогнула лечь русновати. И народ малоросійской вскоре знати, для чего хоти ваша милость і талу іє затягне за целость отчизны, прав волностей войсковых застоновлятися, и люде утверждати. Что б были постоянные и ничего не обовлялися, поневаж для защищения того полку войска короля его милости шведцкого будут там вскоре у ваших містей, а то и вашей милости заявим. Ему ж зычим доброго от господа Бога здоровя.

Вашей милости зычливый приятель Іван Мазепа, гетман рукою власною [112].

[112] *Сергійчук В.* Вивезений архів Мазепи // Сіверянський літопис. – 1997. – № 5. – С. 23–25.

№ 113

1708, листопада 24. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Послѣднія письма из украинской арміи помечены 18-м ноября ст. ст. из Путивля на Сеймѣ. Оттуда русскіе думали двинуться к Ромнам на Сулѣ, как к наиболее удобному пункту для защиты Украины, а также с цѣлью охранить сообщенія с Кіевом и Польшею.

Король шведскій расположил свои войска в мѣстности между Батуриным и Нѣжиным, изобилующей провіантом всякаго рода, но он, говорят, ощущает недостаток в артиллерійских снарядах и припасах, потому что разсчитывал на склады, собранные Мазепой и попавшіе в руки царских войск в Батуринском замкѣ.

Здѣсь продолжает держаться слух, будто царь рѣшился попытать счастья в новой битвѣ прежде, чѣм шведы займут зимнія квартиры и успѣют обзавестись платьем, лошадьми и пополнить ряды новобранцами. В шведской арміи насчитывают около двадцати шести тысяч человѣк годных к строю, так как генерал Левенгаупт, после понесеннаго пораженія, едва мог привести королю около трех тысяч человѣк, остальные же люди его арміи разсѣяны во всѣ стороны; большинство из них спаслось в Литву. В царской арміи насчитывают около пятидесяти тысяч человѣк, так как его величество немедленно пополнил полки, пострадавшіе под Лѣсным, людьми из смоленскаго гарнизона и новобранцами.

Многія из знатных лиц, нѣсколько недѣль тому назад вызванных в Смоленск, а оттуда приглашенных царем в Брянск, возвратились сюда, получив приказаніе взять в рекруты по одному человѣку со всякаго двадцатаго дома, а также собрать нѣсколько тысяч лошадей, которых дворянство обязано доставить царю по умѣренной цѣнѣ.

Вчера день рожденія князя Меншикова праздновался здѣсь с большою торжественностью. Царевич-наслѣдник, вся знать, старшіе сановники, датскій и прусскій посланники и я – приглашены были во дворец князя на большой обѣд; при чем пили за здоровье царя, ея величества, королей датскаго и прусскаго, при залпах из двадцадти пушек при каждом тостѣ. Вдовствующую царицу и царевен угощали в то же время в отдѣльных покоях. Все торжество до самаго конца прошло при общем удовольствіи [113].

№ 114

1708, листопада 24. – Львів
Лист Олексія Дашкова до Гаврила Головкіна

Сего числа приехала сюды жена воеводы руского Яблоновского от противной стороны от Станислава трактовать с воеводою белским. И он мне сказывал, воевода белской, что не будет того слушать. Шведы сюды, конечно, намеряют и Станислав; и ежели сюды придут, и Синявской пожалеет маетностей своих

[113] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 114–115.

и противится им не может, чтоб не сошол до них. Того ради верные наши все говорят: ежели не придут войска московские, яко желают тысячь 6 или 7, то, розбивши войска здешния и всех оных загорнувши, пойдут на Украйну, тогда, как нам ни выстерегатися, то Мазепа штуку какую-нибудь зделает там (какоя ныне доведался, что факцыи делала между королем шведцким и Мазепою княгиня Долская, мать Вишневецких, и о том ныне ведают все верные наши – мечник и протчие). А ежели войска наши сюды придут, тогда комуникацыю у шведа с Станиславом могут отрезать. А шведы с Станиславом, послушавши, уйдут, где далее. Итако могло быть с пользою [114].

№ 115

1708, початок грудня
Постскриптум у листі Олексія Дашкова до Гаврила Головкіна

В пошкрыпте написано: «О измене крестопреступника Мазепы, как мог, тако здесь толмачил; и что по тому, как станут поговаривать, немедленно пришлю с ведомостью. А и прежде сего моя правда была, престрегал я о том доволно; что ж, когда не изволили тому верить. Гетман Синявской объявил ныне мне, что оный Мазепа недавно до него присылал резидента его, которой при Мазепе был, с тем, что он с ним единомыслил и открывал, что идет до шведа. И гетман Синявской сказывает: для того на той час ни мне открыл, ниже до вас писал, дабы не разумели, что он нарочно то чинит, хотя Мазепу от милости монаршеской отринуть. А и прежде он о том писал до вашего сиятельства в лист, перенятой от воеводы руского, до Тарла писанной, послал. И ему вы за то отписать никакова благодарения не изволили, хотя я и благодарствовал ему за то. И того ради он и не объявил на Мазепу, а сказывает, что приказал с резидентом, чтоб он того не чинил, и он не хочет. И ныне говорил гетман Синявской, чтоб конечно прислать сюда войска повелели з добрым генералом, чтоб заслонить Украйну и не допущать отсюду никаких ведомостей, а ни Сапегов туды, а ни Станислава, чтоб горшаго чего там не учинили, егда придут. Изволте иметь великую осторожность, чтоб оный сабака Мазепа чего не учинил с татарами, чтоб не впровадил на нас факцыями. А что-нибудь может там быть, понеже изволте прочесть лист той, которой писан от воеводы руского до Тарла: тамо будет информацыя. Еще же (когда объявил Синявской сей секрет, не имеет ли с Мазепой коинтелигенцыи) и егда Синявского резидент ныне обретается, которой при Мазепе был, и ежели онаго с собою взял Мазепа, чтоб чрез него сюды каких не было факцый, однако ж, всему сему слову предваряя, изволте написать до Синявского, что и Украйна доселе не отдана была чрез факцыи Мазепы, и деклеровать отдачю Украйны. Также, ежели возможно, какой корпус доброй и под добрым генералом, оторвав, сюды прислать для удержания здесь сих, зело полезно будет».

Далее А. И. Дашков писал: «А я опасен зело татаров.

И писал ныне до господаря волоского добрые газеты... И писал же я, что не так Мазепа учинил, как обещал шведу, и за то ныне у шведа сидит во узилищах.

---

[114] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 877.

Ежели оберут гетманам Скуропацкого, надобно иметь и на него око, понеже он есть крефтура, Мазепина: он его возставил и обогатил. Резидент Мазепы есть здесь. Что повелите ему чинить и куды ехать, ожидати будем указу. Гетманскому сему посланному прикажите дать подарок, понеже Синявской нашим всем дает, которые приезжают» [115].

№ 116

1708, грудня 5. – Київ
Лист Дмитра Голіцина до Гаврила Головкіна

Мой государь Гаврила Иванович.

Здравие вас, моего государя, да сохранить Бог на веки. Прежде сего писал я к вам, моему государю, о черкаских полковниках, которые были в Полше. А ныне оные полковники приехали ко мне в Киев и объевили: велено им по указу Огинского зимовые квартеры иметь здесь на Украине. А когда уведали о измене Мазепиной, полков их казаки побежали по домам. И полковников киевского, белоцерковского и сотников чигиринского, каневского утверждал и обнадеживал государевою милостью, которые обещались и крест целовали верно государю служить. А гадецкого полковника, мой государь, удержал в Киеве до указу вины ради такой, понеже он Мазепе свой и полк свой в Киев не привел, а сказал: полк ево пошол иным трактом. И оттого я сумневаюсь, понеже имеем ведомость, что Мазепа в Гадечах, и был при нем канцеляриста Мазепин изо Львова, и оного от себя отпустил с половины дороги, а сказал, бутто он с ним не поехал. А слышу, мой государь, что оной полк стоит от Киева вниз по Днепру. И я послал указ того полку к старшине, дабы они с казаками и с пушки в Киев пришли. А когда придут, о том впредь вам, моему государю, донесу. И чаю, мой государь, пря пушках разве есть старшина, а казаком не чаю быть – все розбежались. Всегдашний вас, моего государя, слуга князь Дмитрей Галицын.

Из Киева 5 дня декабря 1708 году [116].

№ 117

1708, грудня 8. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Всѣ письма, которыя вы изволили писать по поводу несчастнаго случая с русским послом, благополучно дошли по назначенію. Надѣюсь, что на долю моих писем от 1 и 22-го сентября, от 13-го октября и 17-го ноября ст. ст. выпало тоже счастье или что до вас по крайней мѣрѣ дошли копіи, пересланныя мною иным путем. Из них вы узнаете, что я предпринимал по этому непріятному дѣлу, почему и не стану утомлять вас подробным повтореніем сказаннаго о рѣзком донесеніи

[115] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 868–869.
[116] Там само. – С. 948.

посла, сдѣланном им сгоряча, о первоначальном крайнем недовольствѣ русского двора, о его послѣдующей умѣренности и рѣшимости положиться на мои увѣренія о дружеском расположеніи и заботливости ея величества и терпѣливо ожидать удовлетворенія. В настоящее время жду извѣщенія о волѣ королевы: о том, насколько ей угодно будет принять во вниманіе требованія царя и что она предложит взамѣн их. Не думаю, чтобы казнь оскорбителей доставила удовольствіе царю, но он желал бы смертнаго приговора над ними для устрашенія других, а также чтобы ему предоставлено было право помилованія ради поддержанія достоинства Россіи и ея представителей в прочих государствах. Такой порядок обычен в Германіи при подобных чрезвычайных случаях; его придержались и здѣсь года два тому назад когда, при ссорѣ прусскаго посланника с князем Меншиковым, Кайзерлинг подвергся непріятностям со стороны нѣскольких гвардейцев.

При письме лорда Сундерлэнда от 24-го сентября я получил копію письма ея величества к царю, но трудно сказать, когда сюда прибудет оригинал, отправленный в Гаагу, и еще труднѣе предвидѣть, когда и гдѣ мнѣ представится возможность вручить его государю. Из перевода письма графа Головкина ко мнѣ от 8-го октября вы усмотрите, что предложеніе мое о поѣздкѣ в армію отклонено, частью ввиду ея постоянных передвиженій, а частью под предлогом несчастной размолвки с Англіей (по примѣру подобных отношеній к венеціянскому послу в Лондонѣ), собственно же из желанія, чтобы я не увидал слишком близко разстройства дѣл в русской арміи. Это ясно из того, что на всѣ торжества меня приглашают наравнѣ с другими уполномоченными иностранных государств, при тостах же ея величеству всегда отдается должное предпочтеніе перед прочими коронованными особами. Пока я пошлю копію с письма ея величества Шафирову и прибавлю надлежащія увѣренія с цѣлью утвердить русское правительство в его настоящем добром настроеніи, которое установилось на столько, что, полагаю, ни де Во, ни иному орудію недоброжелательства не удастся разрушитьего. Впрочем на разстояніи около шестисот англійских миль от арміи и при отсутствіи прямого, свободнаго сообщенія с нею, мнѣ невозможно наблюдать за разными лицами и их интригами.

Я долго боролся с этим неудобством, и не раз вынужден был дѣйствовать по соображенію, скорѣе предусматривая возможное, чѣм зная дѣйствительность; также я и в настоящем случаѣ слѣдил за первыми попытками русскаго двора к репрессаліям, пока не получил послѣднюю декларацію в письмѣ Шафирова от 12-го ноября. Царь слишком осторожен, чтобы его можно было склонить на такой шаг без крайней необходимости.

Изо всего этого вы усмотрите, что дальнѣйшій ход дѣла зависит от рѣшеній, которыя приняты будуть в Великобританіи. Не сомнѣваюсь, что они явятся согласными с обѣщаніями ея величества и с славою ея царствованія. Если мнѣ позволено будет всепокорнѣйше высказать свои мнѣнія, я полагал бы, что честь ея величества и справедливость требуют огражденія международных прав в владѣніях королевы и удовлетворенія за обиды, нанесенныя ея подданными, тѣм болѣе когда этого удовлетворенія ищут так умѣренно и дружелюбно. Невозможное поведеніе полицейских, ненужныя, дерзкія оскорбленія,

нанесеныя ими лично послу, судя по разсказам самаго Матвѣева и датскаго посланника, конечно представляют собою неслыханную наглость, и я, на основанiи достовѣрных данных, убѣжден, что царь, подстрекаемый иноземцами, служащими у него здѣсь и за границей, а также примѣром лорда Манчестра в Венецiи, твердо рѣшил получить надлежащее удовлетворенiе. Я надѣюсь достигнуть, чтобы выбор этого удовлетворенiя предоставлен был ея величеству, но полагаю, что исполнить требованiе царя на этот раз совершенно необходимо, особенно ввиду нѣкоторых обстоятельств, вызвавших в нем охлажденiе к Англiи: таково признанiе короля Станислава (котораго Генеральные Штаты сочли возможным не признать) и притом в такое время, когда царь предлагал вступить в великiй союз, – признанiе, о котором царь не был даже предувѣдомлен; между тѣм дворы вѣнскiй и берлинскiй соблюли эту любезность, и она была принята здѣсь с большим удовольствiем. Затѣм был отвергнуто предложенiе царя вступить в «великую алліянцыю». Оно быть может оказывалось невыгодным, даже невыполнимым при настоящих обстоятельствах; желательно бы, однако, по крайней мѣрѣ распространить нареканiе по поводу отказа на прочих союзников. В случаѣ неудачной битвы со шведами, царь дѣйствительно быть может удовлетворится очень немногим, но в нем останется затаенное неудовольстiе и оно рано или поздно может отозваться очень непрiятно: в будущем торговля Великобританiи с Россiей может представить столько выгод, особенно для сбыта наших шерстяных издѣлiй, что Англiи стоит озаботиться добрыми отношенiями с его царским величеством и всѣми мѣрами выразить ему уваженiе и дружеское расположенiе.

Письма от 28-го прошлаго мѣсяца увѣдомляли, что армiи расположены в четырех нѣмецких милях одна от другой: царская – в Лебединѣ, а шведская – в Вроминовѣ, а вчера генерал-адмирал Апраксин получил от государя письмо от 29-го с извѣстiем, что его величество рѣшился дать сраженiе и, в случаѣ успѣха, немедленно отправится в Воронеж, куда и адмиралу приказано явиться в таком случаѣ безотлагательно.

Адмирал прибыл сюда из Петербурга два дня тому назад; за ним пришло пять полков пѣхоты и два драгунских полка, всего около семи тысяч человѣк лучшаго войска, так как, со времени отступленiя генерала Любекера и уничтоженiя его кавалерiи, в Ингрiи ничто опасенiй не возбуждает. Я разговаривал с некоторыми офицерами; они обо всей этой експедицiи разсказывают самыя странныя вещи и вполне потверждают слухи о паникѣ, произведенной письмом вице-адмирала, без которой шведы могли бы стать полными хозяевыми края и итти куда им угодно по открытый странѣ. Один партизан, Кевинт, с сотней кавалеристов, не пожелав лишить свой отряд лошадей, перебрался обратно через Неву, не встрѣтив сопротивленiя. Он увел с собою четыреста или пятьсот лошадей, принадлежащих офицерам, остальныя же – около семи тысяч – по приказанiю генерала были убиты вблизи лагеря [117].

[117] Сборник императорского русскаго историческою общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 116–120.

№ 118

1708, грудня 9. – Фастів
Лист білоцерківського полковника Михайла Омельченка (родича Семена Палія) до Петра I

Божиею поспешествующею милостию, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князю Петр Алексеевич, всея Великия и Малия и Белия России самодержец, и многих государств и земель, восточных, западных и северных, отчичу, дедичу, наследнику, государю и обладателю, вашему царскому священнейшему величеству до стоп ножных зо всем товарыством главу мою скланяю. Бувши ми на служобе монаршой, вашого царского священнейшего величества за указом изменника теперешного бувшого гетмана Мазепи через целое лето в Полщи з гетманами коронными под комендою велможного его милости пана Окгинского, гетмана полного Великого княжества Литовского, а по указу ясневелможного его милости пана воеводи белзского, гетмана великого коронного, от Люблина повернулисмо и за ординансом его милости пана Окгинского в свое крае поспешилисмо. А любо ву дорозе и заходил нас ординанс от его ж милости пана Окгинского, таковий же бысмо вертались знову назад, теди уже нелзя было, поневаж зашла нас нестатечная ведомость о измене бувшого гетмана Мазепи, муселисмо поспешати днем и ночу до жилища своего, отколь немедленно з верностью своею отзываемся до вашого царского священнейшего величества зо всем полку моем товариством. И он же, изменник и клятвопреступник Мазепа, почитаючи нас давно изменниками, будбыто мы лядскую сторону держали, що теперь на нем, клятвопреступнику самом, з его единомышленники показалося, и полковника ву нас взял и волности наше козацкие поламал, староcт всюда по Украене по местечках и селах своех понасылал отманно, пока [защизну] от козаков десятину бчолную не уважаючи чи пятеро, чи четверо выбирал, панщину уставичную, хоч козак на служобе, тут дома робили и неудобные тяжести и незносние долегливости убогим козакам чинил. А на остаток уже изменивши, нас совсем в пропасть заслал. А тут полковников свежих понасилал: Гамалею в Белую Церков, Кандибу в Корсунь и Умань, Мокиевского в Чигирин. А прежде сего сердюков полк в Белую Церков управил, абы нам якие творити пакости и утеменжене. И кгди бы князь его милость з Киева не попередил и не знял отталь сердюков, то бы нам пришло до остатной руени. А теперь благоздарити Бога безпечнисмо же люд свой ратный там уставил. Ми хвалим Бога щосмо выбилися з подданства полского, а склонились до пресветлейшого монархи нашого, вашого священнейшего величества. А он, изменник, злокозненною мислию своею по вся времена нас называл изменниками. И теперь повторе глави наше до стоп монарших вашего царского пресветлого величества скланяем и з верностью нашою отзываемся и покорственно просим вашого царского пресветлого величества о волности наше. А ми на всякую службу по указу вашого царского прес[ветлого] величества кождого часу зостаем готови. Радибысмо сами до лица вашого царского прес[ветлого] величества подножию главы подклонити, тылко по указу князя, его милости, задержалисмося, а того ради отбавляемся сторони полской, абы под сюю за мешанину чого не подумали. А другая много того изменника есть прелестников, абы людей не прелщали, а не юдили того накрепко треба нам пилновати.

Ожидаючи пре то на указ монарший вашого царского прес[ветлого] величества, сами себе под стопи монаршее склонивши, зостаем вашому царскому пресветлому величеству во всем верные подданые и нижайшие подножки. Вашого царского пресветлого велич[ества] Войска Запорозкого полковник белоцерковский Михаел Емелианович з сотниками, атаманами и зо всем товариством.

З Хвастова, 9-го декабря 1708 года.

Мевши ми совет все в верность притти до пресветлейшого монархи нашого, вашого царского священнейшего величества, прибивши до его милости князя в Киев, присягу чинили, сведчачи верности наши вашему царскому священнейшему величеству, при которих все ми голови свое положити готови за ваше царское священнейшее величество, а теперь о милости всем полком просим [118].

№ 119

1708, грудня 15. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Письма из Лебедина от 4/15 декабря сообщают, что обѣ арміи стали располагаться по окрестным селеніям на зимнія квартиры, слѣдовательно помыслы о генеральном сраженіи, по видимому, оставлены, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. В концѣ прошлаго мѣсяца генерал-лейтенанты Ренн и Генскин посланы были с двумя отрядами выбить шведов из передовых постов, но об этой экспедиціи не дано никакого отчета, что заставляет предполагать, что она не увѣнчалась особенным успѣхом.

Один из важнѣйших казацких офицеров, перешедших было к королю шведскому с Мазепой, возвратился к русским и получил помилованье от царя. Он разсказывает, будто два других полковника тоже имѣли намѣреніе возвратиться, но это намѣреніе было открыто и шведы арестовали их. Таким образом, с Мазепой произвольно остаются развѣ двѣ или три сколько-нибудь выдающіяся личности, да кромѣ того сотни три или четыре простых казаков, ищущих только случая к бегству. Шафиров увѣряет, что прочее казачество пребывает вѣрным царю и служит ему с большею преданностью и усердіем, чѣм можно было ожидать: казаки всѣх шведов, попадающихся им в руки, или убивают, или забирают в плѣн; к королю пристают только мѣстности, в которых расположены его квартиры.

Здѣсь дѣлаются большія приготовленія к новому пополненію арміи. Кромѣ обычнаго набора, требующаго болѣе времени, выбрано около пяти тысяч бойких молодцов из людей, работавших на московских укрѣпленіях, и они немедленно будут отправлены в Сѣвск на Украину с двумя новообразованными полками. Сюда также должны прибыть шесть пѣхотных и два драгунских полка из Ингріи; нѣкоторые офицеры уже пріѣхали, самые же полки ожидаются недѣли через двѣ.

Генерал-адмирал Апраксин выѣхал в армію на прошлой недѣлѣ, а царевич-наслѣдник ожидает приказанія выѣхать на встрѣчу к его величеству в Новгород-Сѣверскій [119].

---

[118] Письма и бумаги императора Петра Великого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Т. 8. – Вып. II. – С. 941–943.

[119] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 120–122.

№ 120

1708, грудня 15. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до лорда Сундерленда

Хотя я уже сообщил господину статс-секретарю Бойлю о том, что имѣл честь получить ваши письма от 10 и 24-го сентября, и от 1 и 5-го октября, считаю долгом выразить еще вам лично глубочайшую благодарность за ваше благосклонное внимание ко мнѣ.

Не стану утруждать вас утомительным повтореніем данных мною отвѣтов, так как о них, конечно, уже доложено вам.

Здѣшній двор снисходителен насколько возможно в виду значительнаго оскорбленія, нанесеннаго послу его, и соглашается выждать, какое рѣшеніе ея величеству угодно будет принять по вопросу об удовлетвореніи; от этого рѣшенія будет зависѣть и дальнѣйшій ход дѣла. Царь рѣшился достигнуть удовлетворенія сколько-нибудь соразмѣрнаго оскорбленію, но выбор того или другаго способа для достиженія этой цѣли предоставляется усмотренію королевы. Нѣт сомнѣнія, что любезное письмо ея величества поддержит это доброе настроеніе до выясненія ея дальнѣйших намѣреній. Здѣсь не удивляются и тому, что еще никто не назначен для поѣздки в Россію с выраженіем сожалѣнія королевы, так как и не ожидали, чтобы подобное назначеніе могло состояться прежде, чѣм дано будет удовлетвореніе в самой Великобританіи. Если удовлетвореніе это будет полно и ясно выражено, может быть окажется даже возможным склонить царя не настаивать на торжественном посольствѣ, тѣм болѣе, что неопредѣленное положеніе дѣл и постоянное пребываніе царя в арміи, вдали от Москвы, представляют много неудобств для пріема такого посольства. Впрочем Вам лучше судить, какіе пути наиболее удобны... [120]

№ 121

1708, грудня 18
Указ Петра І про утворення губерній та розпис до них міст

Великий государь указал, по именному своему великого государя указу, в своем великого государя великом Российском государстве для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним росписать города.

И по тому его великого государя именному указу, те ґубернии и к ним принадлежащие города, в ближней канцелярии росписаны, и табели за подписанием его государевой руки, начальствующим тех губерний, которые прилучилися, быть в армии розданы, велено им в тех губерниях о денежных сборах и о всяких делах присматриваться, и для доношения ему, великому государю, о тех губерниях готовым быть, где он, великий государь, укажет. А именно те губернии учинены.

---

[120] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 122–123.

I. Московская

Москва, а к ней города по большим дорогам, до определенных городов с верстами.

По Новгородской: Клин 85. По Углицкой: Дмитров 60. По Ярославской: Переславль Залесской 120, Ростов 180, Кострома 300, Любим 330. По Володимирской: Юрьев Польской 130, Володимир 140, Суздаль 160, Шуя 230, Лух 280.

По Коломенской: Коломна 90, Зарайск 120, Переславль Рязанской 180, Михайлов 180, Гремячей 230, Пронеск 230, Печерники 250.

По Коширской: Кошира 90, Венева 140, Епифань 210.

По Тульской: Серпухов 90, Тула 160, Дедилов 180, Крапивна 200, Оболенск 210.

По Калужской: Таруса 90, Ярославец Малой 105, Алексин 130, Медынь 130, Калуга 180.

По Смоленской: Можайск 90, Боровск 90, Верея 90, Царев Борисов 97.

По Волоцкой: Звенигород 40, Руза 75, Волоколамск 90.

И того 39 городов.

II. Ингерманландская

Санктпетербург, а к нему города: Нарва, Шлиссельбург, Великий Новгород, Псков, Ладога, Порхов, Глов, Опочек, Изборск, Остров, Старая Руса, Луки Великие, Торопец, Бежецкой Верх, Устюжна Железопольская, Олонец, Бело озеро, Ржева пустая, Заволочье, Дерптской уезд, Каргополь, Пошехонье, Ржева-володимирова, Углич, Ярославль, Романов, Кашин, Тверь, Торжок; всего 29 городов.

В той же губернии кроме вышеписанных городов, города: Ямбург, Копорье отданы во владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову.

III. Киевская

Киев, а к нему города: Переславль, Чернигов, Нежин, Новобогородицкой, Сергиевской, Каменной Затон, Бельгород, Ахтырка, Богодухов, Мурахва, Сенное, Болхов, Сумы, Краснополье, Межиречи, Золочев, Буромля, Рублевка, Городное, Суджа, Лебедянь, Мирополь, село Вена, Белополье, Олшанка, Севеск, Курск, Мценск, Путивль, Карачев, Кромы, Рыльск, Брянск, Орел, Новосиль, и того 36. Да из Азовской губернии приписаны в розряде для близости к Киеву города, а что от тех городов до Киева и до Азова верст, и то писано ниже сего:

	До Киева	До Азова
Алешня	350	655
Вольной	333	627
Хотмыжской	355	607
Карпов	373	600
Красной Кут	293	665
Колонтаев	300	660
Обоянь	420	600
Коломак	280	680
Харьков	340	600
Валки	230	650
Салтов	300	560
Яблонов	360	560
Короча	360	560
Нижегольск	380	540
Старой Оскол	420	620
Ливны	54	740

И того 17 городов.

Да в розряде ж приписан Трубчевск, да по росписи господина Голицына приписано из Смоленской губернии: Белев, Болхов.

А до тех городов:

	От Киева	От Смоленска
До Белева	730	409
до Болхова	690	450

Всего в Киевской губернии и с тем что приписаны в розряде и по росписи господина Голицына, 56 городов.

IV. Смоленская

Смоленск, а к нему города: Дорогобуж Белая, Рбеловль, Вязьма, Серпейск, Мосальск, Мещевск, Зубцов, Погорелое Городище, Старица, Козельск, Лихвин, Борисово Городище, Перемышль, Воротинск. И того 16.

Да из Киевской губернии приписан вместо Трубчевска Одоев; а от него до Киева 820, до Смоленска 200 верст. Всего в Смоленской губернии 17 городов.

V. Архангелогородская

Город Архангельской, а к нему города: Колской Острог, Пустозерской Острог, Кевроль и Мезень, Устюг Великий, Тотма, Соль Вычегодская, Чаронда, Устьянския волости, Вага, Вологда, Галичь, Соль Галицкая, Унжа, Чухлома, Парьфеньев, Судай, Кологривов, Кинешма. И того 20 городов.

VI. Казанская

Казань, а к ней города: Яик, Терек, Астрахань, Царицын, Дмитровской, Саратов, Уфа, Самара, Симбирск, Царев Санчурск, Кокшанск, Свияжск, Царев Кокшанск, Алатыр, Цывилск, Чебоксары, Кашпир, Ядрин, Кузьмодемьянск, Яренск, Василь, Курмыш, Темников, Нижний Новгород, Арзамас, Кадом, Елатьма, Касимов, Гороховец, Муром, Мокшанск, Уржум, Балахна, Вязники, Юрьевец-Повольский. И того 36.

Да к Казани, к Астрахани, к Симбирску, к Уфе пригородки. К Казани: Лаишев, Алатырь, Арской Малмыж, Тетюши, Оса, Мензелинск, Заинск, Старой-Темшинск, Новой-Темшинск, Тиакс, Билярск, Малинск.

К Астрахани: Гурьев, Яицкой, Красной и Черной Яры.

К Симбирску: Белой Яр, Ярыклинск, Тагаев, Яшалск, Уренеск, Корсунь, Малой Корсунов, Аргаш, Тальской, Сурской.

К Уфе: Бирской, Село Каракулино, Соловарной.

К Пензе: Рамзаевской, городки ж построены в казанских дворцовых селах: Сарапуль, Елабуга, Кукарс, Рыбной. И того 34.

Да по словесному в Ближней канцелярии объявлению казанского воеводы Кудрявцова, из Азовской губернии приписано в сию Казанскую губернию Пенза. Всего в Казанской губернии и с селы 71 город.

VII. Азовская

Азов, а к нему города: Троицкой, на Таган-Рогу, Миюс, Павловской, Сергиевской да Никоновской у каланчей, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы, Норовчатовское городище, Троицкой остров, Красная слобода, Саранск, Керенеск, Инсара, Шацкой, Новопавловской, Битюг, Валуйки, Палатов, Тополи, Новой

Оскол, Черивской, Изюм, Тор, Царев-Борисов, Маяцкой, Лиман, Каменка, Купчинка, Савинской, Сенковской, Чуднов, Двуречное, Гороховодка, Мартовица, Чугуев, Змеев, Козлов, Чернявск, Борисоглебской на Хопре, Петровской на Медведице. Да к Саранску и к Инсаре пригородки.

К Саранску: Атемар, Шечкеевской, Инзарской.

К Инзаре Потишской.

Да в сию ж Азовскую губернию приписаны в розряде из Киевской губернии города Изюмскаго полка для того, что Изюм с другими городами все Азовской губернии: Бишкин, Печенега, Андреевы Лозы, Острополье, Булыклея, Бельской, Верхососенск, всего 52 города.

В Азовской губернии города приписные к корабельным делам: Воронеж, Коротояк, Острогожской, Олшанск, Костянск, Землянеск, Орлов, Усмань, Демшинск, Белоколодской, Романов в степи, Соколск, Доброе Городище, Ряской, Скопин, Лебедянь, Ефремов, Донков Елец, Усерд, Чернь, Талицкой, Урыв, Сапожок, Битюцкия села. Итого 25 городов.

VIII. Сибирская

А в ней города: Тоболеск, Енисейск, Илимской, Тара, Березов, Сургут, Тюмень, Томской, Мангазея, Иркутской, Кузнецкой, Туринск, Нарым, Верхотурье, Якуцкой, Нерчинской, Красный Яр, Пелымь, Кецкой.

Поморские: Кунгур, Пермь великая, Чердынь, Солькамская, Кай городок, Яренск, да ныне приписана вновь Вятка, итого 26, да к Вятке 4 пригородка, всего 30 городов.

Итого в 8 губерниях 314; да приписных к корабельным воронежским делам 25; всего 339 городов, кроме Копорья и Ямбурга, которые отданы во владение светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову [121].

№ 122

1708, грудня 22. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

15/26 декабря я увѣдомил вас, что получил копію с письма ея величества к царю и отправил перевод его Шафирову; 16-го я получил самый оригинал, хотя не знаю, по какой счастливой случайности он дошел сюда так благополучно, так как при нем не получено ни другаго письма, ни какого бы то ни было разъясненія.

Судя, однако, по тому, что почтовое управленіе требует с меня сто пятнадцать рублей за доставку, предполагаю, что оно пришло обыкновенным путем. 17-го я увѣдомил Шафирова о полученіи этого письма и просил сообщить, когда я могу имѣть честь вручить его государю.

Я получил также письма от Шафирова (от 10-го декабря), в которых он сообщает, что по дѣлу об оскорбленіи посла не может болѣе сказать ничего, пока не получен отвѣт на первыя предложенія русскаго двора по вопросу об удовлетвореніи.

---

[121] Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. – Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986.

Что касается дѣл его величества, Шафиров увѣряет, что они находятся в самом лучшем положеніи: казаки, увлеченные Мазепой, один за другим, возвращаются по домам; на прошлой недѣлѣ, например, один полковник возвратился с пятьюстами конницы, служившей охранной гвардіей гетмана, при котором, слѣдовательно, остался только один полк из трехсот человѣк, не болѣе, и тѣ только ждут случая убѣжать. Говорят, будто, видя это, шведы содержат Мазепу и его приверженцев под строгим присмотром, и даже в спальнѣ гетмана поставили стражу. Шафиров прибавляет, что царь не намѣрен располагаться на зимнія квартиры, не желая дать передышки шведам.

Далѣе письмо из лагеря от 12-го декабря извѣщает, что отряды непріятельских армій часто сталкиваются около маленьких деревень, разсѣянных вблизи главных квартир, из которых русская расположена в Лебединѣ, шведская же – между Ромнами и Гадячем. В Гадячѣ четыре тысячи человѣк, которых царь намѣрен аттаковать. Тоже письмо прибавляет, что 21-го ноября коронный гетман Сенявскій на голову разбил кіевскаго палатина Потоцкаго при Конецпольском, при чем захватил четыре пушки, четыре мортиры и около тысячи плѣнных.

Письмо это написано генералом Аллартом, который извѣщает еще, будто генерал Флемминг стоит на Одерѣ с 12 000 человѣк, и будто король Август поѣхал в Англію.

Из всего вышесказаннаго вы усмотрите в каком благоприятном свѣтѣ русскіе продолжают представлять положеніе своих дѣл. О справедливости этих извѣстій лучше можно судить, конечно, сопоставив их с шведскими реляціями.

Сегодня вечером царевич-наслѣдник выѣзжает на встрѣчу его величеству в Сѣвск [122].

№ 123

1708, грудня 23. – Лебедин
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій господин, мой особливый благодѣтель!

Царскаго величества полки обрѣтаются нынѣ в Полтавѣ и для корреспонденціи и посыланія писем надлежит учинить почту от Полтавы до Сум. Понеже его царское величество имѣть будет гаупт-квартиру и всю армію в Сумах: того ради указом премилостивѣйшаго моего государя вашему превосходительству объявляю, дабы изволили повелѣть помянутую почту учредить, которая-бы могла быти в корреспонденціи писем без задержанія. Впрочем пребываю вашего превосходительства

Ко услуженію готовѣйшій Борис Шереметев.

Декабря 23 дня,

1708 года.

В Лебединѣ [123].

---

[122] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 123–125.

[123] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 317–318.

№ 124

1709, січня 5. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Судя по примѣрам, приведенным в вашем письмѣ от 2-го ноября и в письмѣ сэра Вальполя от того же числа, донесеніе посла было крайне несдержано и непріязненно. Этого, впрочем, легко было ожидать. В первом порывѣ, под впечатлѣніем обиды или поддаваясь наущеніям недоброжелательных лиц, он увлекся за границы осторожности и уверенности, приличных послу. Не смотря на это, я в письмѣ своем от 22-го минувшаго октября уже сообщил Шафирову, что отнюдь не желаю настаивать ни на чем, способном сколько-нибудь затронуть его репутацію. Вашими сообщеніями и всѣми свѣденіями, которыя вы можете доставить мнѣ в будущем, я воспользуюсь, чтобы конфиденціяльно дать ему знать через пріятелей, какими данными обладаю для оправданія правительства королевы на случай, если бы сам Матвѣев или русскій двор заставили меня позаботиться об оправданіи. Этого, впрочем, надѣюсь, не случится, так как за послѣднее время двор не только не настаивал на первоначальной рѣзкости обвиненій, но еще старался смягчить их.

Не стану утомлять вас переводом писем, в которых ни факты, ни изложеніе не заслуживают вашего вниманія; скажу только, что по этому дѣлу я вел правильную корреспонденцію с графом Головкиным и с Шафировым с цѣлью ослабить силу первых впечатлѣній, воспользоваться благодушным настроеніем этих сановников и постепенно приготовить их к отказу в требованіях, которыя, я знаю, несовмѣстимы с законами Великобританіи и с господствующей там свободой личности. Ради этого я старался исправить ошибочныя воззрѣнія их на данный случай: они хотѣли подвести под понятія о государственной измѣнѣ, об убійствѣ или разбоѣ то, что являлось только обманным полученіем приказанія и невѣжественным его примѣненіем для нарушенія законов международнаго права, – нарушенія, вдобавок, значительно смягченнаго немедленным вмѣшательством правительства и его заботой выразить свое неодобреніе случившемуся.

Я также обращал вниманіе их на замечательный примѣр Голландіи, гдѣ португальскій резидент по распоряженію суда подвергся аресту за долги, а также на извѣстный эдикт, изданный по этому поводу голландскими и вестфрисландскими штатами 29-го марта 1651 г. Примѣр этот свидѣтельствует, что русскій посол не первый попал в такую бѣду, и что Великобританія не единственная страна, в которой иностранные уполномоченные не изъемляются из круга дѣйствія законов, ограждающих свободу и собственность.

Таковы наиболѣе существенные мотивы моих пространных писем, которыя, как вы увидите из приложеннаго к моему донесенію от 17-го ноября письму графа Головкина от 12-го, привели русскій двор к рѣшимости дождаться заключенія ея величества по вопросу о способѣ удовлетворенія. Хотя царь, по видимому, все еще настаивает на первых своих требованіях, он, кажется, начинает прислушиваться к разумным разоблаченіям. Вновь упоминать обо всем этом в письмах своих к Шафирову болѣе не стану, пока не узнаю, как будет принято царем письмо ея величества, копію с котораго я выслал 10-го декабря, но еще не получал никакого отвѣта.

31-го числа прошлаго мѣсяца я извѣстил графа Головкина и Шафирова, что процесс против оскорбителей уже начат был прежде, чѣм в Англію успѣли притти какія-бы то ни было жалобы или извѣстія о желаніях русскаго двора; это достаточно убѣждает в готовности министров ея величества дать удовлетвореніе, и в искренности их увѣреній по этому поводу. В настоящее время ожидаю рѣшенія суда, но, полагая, что закон не допустит казни или вообще публичнаго наказанія полицейских, осмѣливаюсь представить на ваше усмотрѣніе, не окажется ли возможным путем каких либо чрезвычайных мѣр помочь настоящей бѣдѣ и устранить всякіе поводы к затаенному неудовольствію, которое впослѣдствіи может отозваться к невыгодѣ купцов, к стѣсненію их торговли и в ущерб нашим національным интересам, как я уже имѣл честь пространно излагать вам в донесеніи своем от 8-го декабря ст. ст.

Письма из арміи от 26-го декабря подтверждают вѣсть, что замыслы царя против Гадяча разрушены: слухи о готовящейся экспедиціи дошли до короля шведскаго и он предупредил ее, подойдя на помощь. Не многим успѣшнѣе оказалась и экспедиція генерала Алларта к Ромнам: шведы успѣли выйти оттуда со всѣм своим обозом; генерал нашел в городѣ только небольшой запас хлѣба и нѣскольких больных. Гарнизона не оказалось. Но хотя меч и не разил, с обѣих сторон тѣм не менѣе погибло немало народу от жестоких морозов, случившихся во время описанных передвиженій.

Король шведскій с своей арміей подвинулся до Бобрика (в одной милѣ от Лебедина) и размѣстил всѣ свои силы в двух огромных селах, лежащих в полумилѣ одно от другаго. При его приближеніи царь отодвинул свою главную квартиру в Сумы, оставив в Лебединѣ только генерал-лейтенанта Ренна с арьергардом, составленным из драгун. В то же время его величество приказал генералам Гольцу и князю Голицыну с пятнадцатью, частью пѣхотными, частью драгунскими полками, переправиться через Днѣпр и преградить путь королю Станиславу, который, по слухам, идет через Волынь на соединеніе с королем Карлом с семью шведскими полками и с значительным польским отрядом. С генералом Гольцом выступил и новый гетман Скоропадскій с нѣсколькими тысячами казаков.

Вчера царевич-наслѣдник выѣхал в Сѣвск навстрѣчу его величеству; а сегодня поутру два пѣхотные полка, прибывшие из Ингріи, выступили отсюда к арміи. За ними безотлагательно послѣдуют еще другіе четыре полка, да и два оставшіеся полка драгун останутся здѣсь не долго. В суммѣ всѣ эти полки составят около семи тысяч человѣк.

Считаю долгом, в заключеніе этого донесенія, ознакомить вас с письмом, полученным мною от генерала Огильви (оно помечено 20-м октября из Лиля), в котором он упоминает, будто в распоряженіи его новаго господина находится 20 000 отборнаго войска, которыми его свѣтлость изъявляет вновь желаніе воспользоваться в слѣдующем году; затѣм он дѣлает краткое сообщеніе о событиях послѣдней кампаніи, как бы в видѣ предисловія к настоятельным, обращенным ко мнѣ просьбам возобновить переписку с ним, выслать ему подробный отчет о положеніи дѣл в Россіи, о силѣ царской арміи, о средствах, которыми царь располагает к продолженію войны, а также давать подобныя сообщенія с каждою почтой, пока обстоятельства не измѣнятся. В письмо ко мнѣ вложено было еще письмо к секретарю государеву, нѣкоторыя мѣста котораго еще болѣе странны. Генерал и у него просит таких же сообщеній о дѣйствительном положеніи

Россіи, прибавляя, что в случаѣ, если любимец царскій будет устранен от начальства над арміею, для командованія ею в качествѣ фельдмаршала можно будет найти опытнаго и талантливаго генерала, способнаго поправить русскія дѣла. Он далѣе выражает предположеніе, что царь в настоящее время сожалѣет, что, не сдержав своих обѣщаній, не выплачивая субсидій королю Августу, дал саксонским министрам возможность лукаво смастерить мир, и тѣм обмануть довѣріе и полномочія, которыми их удостоил король. Огильви прибавляет, что войска курфюрста находятся в лучшем видѣ чѣм когда либо, и «вѣроятно поступят на службу к союзникам (которые этого желают), если – замѣтьте – не найдется для них другаго, болѣе желательнаго дѣла». Это «заметьте» очень выразительно и может быть достойно вашего вниманія...[124]

№ 125

1709, січня 7. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій
господине, господине!

Были у меня из Пирятина Свѣчки и просили, дабы я писал к вашему превосходительству, чтоб их милостиво принять изволили, а оные Свѣчки зѣло изрядно службу свою к царскому величеству показали в нахожденіи шведов к Пирятину, город удержали и шведов в город не пустили; а если бы при том они не были, мню, что шведы были б в Пирятинѣ, и за оных прошу вашего превосходительства, дабы их милостиво принять изволили, в чем надѣюсь, что прошеніе мое исполнить изволите, а гдѣ мнѣ повелите, охотно готов отслужить.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,
генваря 7 дня,
1709 года[125].

№ 126

1709, січня 7. – Київ
Другий лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій господине, господине!

Вѣдомость из Польши имѣю: Лещинскій и шведы, которые при нем суть, обрѣтаются на прежних мѣстах в воеводствѣ Люблинском; и заподлинно пишут: шведов с пол 3000, да поляков с 2000; гетман коронный Синявскій в Ярославлѣ; король Август из Вѣны прибыл в Саксонію, и по Ярмолке Липской, конечно,

---

[124] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 127–132.
[125] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 1–2.

сподѣваются выходу его с войски в Польшу. Пишут ко мнѣ из Браславля полковник Григораш да немировскій сотник Рудченко, что Огинскій идет в воеводство Браславское, и передовые хоронгви уже пришли и стоят в близости их мѣст, и великія людем чинят обиды, от чего люди в великом страхѣ, и требуют от меня повеленія, как им с ними поступать, и ваше превосходительство изволь указами их опредѣлить, дабы у них с поляками не учинилась какая конфузія. Доношу вашему превосходительству, изиман на сей сторонѣ Днѣпра шпиг, который был послан с письмы от короля шведскаго и Мазепы к Лещинскому, и у онаго шпига вынуто письмо, и со онаго список при сем письмѣ посылаю к вашему превосходительству. Когда Гадячскій полк шел из Польши и онаго полку старшину и нѣсколько козаков удержал без всякаго подозрѣнія, ради того что швед в Гадячѣ, и оная старшина и козаки просили меня, дабы я отпустил их к вашему превосходительству, а я, не списався с вашим превосходительством, отпустить их не мог, и о том прошу вашего совѣту, повелите ль их к себѣ отпустить.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,
генваря 7 дня,
1709 года [126].

№ 127

1709, січня 9. – Суми
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой особливый благодѣтель!

Его царское величество, наш премилостивѣйшій государь, указал от обрѣтающихся полков при вашем превосходительствѣ, о которых явнѣе в письмѣ объявлено его сіятельства господина графа Головкина, послать в Ромну, а вмѣсто тѣх к вам взять из гварнизона роменскаго полка, которые нынѣ стоят в том гварнизонѣ под командою полковника господина Лесіи. И к оному полковнику указ послан с таким опредѣленіем: когда полки, от вашего превосходительства посланные, в Ромну прибудут, тогда полковнику, отдав свой гварнизон присланному полковнику, идти по вашему указу к вам в соединеніе. Того ради ваше превосходительство изволите быть извѣстен, и по объявленному вышепомянутаго господина письму учинить, а посланному полковнику в Ромны дать указ, ежели непріятель к Ромнѣ будет приступать, тогда б отпор чинил до послѣдняго человѣка. Также изволите о сем престеречь, дабы во время их маршу как в Ромну, так и из Ромна от непріятеля оные были охранены от обрѣтающагося при вас кавалеріи и прочаго коннаго войска. Впрочем пребываю вашего превосходительства

Ко услуженію, отовѣйшій слуга твой
Борис Шереметев.
Из Сум,
генваря 9 дня,
1709 года [127].

---

[126] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 2–3.
[127] Там само. – С. 318–319.

№ 128

1709, січня 12. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Я получил очень любезное письмо от Шафирова, писанное 4-го января ст. ст. из Сум. В нем он заявляет, что, ознакомившись с переводом письма ея величества, он нашел в нем выраженія искренней дружбы ея к царю, и передал о нем государю, доложив вмѣстѣ с тѣм о моем желаніи лично вручить оригинал его величеству. На это Шафирову приказано отвѣтить мнѣ, что, в виду настоящих обстоятельств, при внезапных маршах и контрмаршах, вызываемых продолжающеюся компаніей, мнѣ пріѣзжать в лагерь неудобно, тѣм менѣе царю возможно назначить мнѣ какой либо пункт для встрѣчи. Потому его величество желает, чтобы письмо королевы я препроводил почтою, отложив личное представленіе до болѣе удобнаго времени. Шафиров прибавляет, что об эмиссарѣ де Во у него никаких свѣдѣній нѣт, но что и в случаѣ его пріѣзда я могу быть совершенно спокойным: пріѣзд этот ни в чем не может повредить дружелюбным отношеніям между дворами русским и великобританским, если со стороны Англіи будет сдѣлано все нужное для утвержденія этой дружбы, между прочими дано будет и надлежащее удовлетвореніе за оскорбленіе посла...

Шафиров пишет, что генерал Гольц получил приказаніе разыскать короля Станислава и, при возможности, принудить его к битвѣ, если справедливы слухи, будто он с подкрѣпленіем, составленным из шведских и польских полков, идет через Волынь на Украину. С генералом Гольцем отправлены также генерал-лейтенант Голицын и генерал-маіоры фон Вертен, Гордон Ашинтауэльскій и Ифланд. Они кромѣ того надѣются встрѣтиться с коронной арміей, так как на эту экспедицію вызывал их гетман Сенявскій.

Разсказывают, будто в средѣ высших офицеров московской арміи произошло нѣкоторое разстройство: генерал-маіоры Штольц и Макушев получили оставку; генерал-лейтенанту Пфлугу и генерал-маіору Кирхену позволено отправиться в Германію для свиданія с их семьями, но они должны возвратиться к веснѣ. Бригадир Фасман и один полковник-голландець подверглись аресту за грабеж и другіе безпорядки, произведенные ими в Черкасах. На одном большом обѣдѣ царь также крѣпко побил своего любимца, но на слѣдующій день пришел к нему и прежняя дружба возстановлена [128].

№ 129

1709, січня 19. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

12/23 текущаго мѣсяца я имѣл честь сообщить вам о своем намѣреніи написать графу Головкину письмо, согласно вашим инструкціям от 2 и 2-го ноября. Из прилагаемаго перевода вы усмотрите, что я высказал графу при этом случѣ. Я всячески избѣгал всего, способнаго в чем бы то ни было возобновить спор о подроб-

[128] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 132–134.

ностях ареста, но, постоянно замѣчая, что русское правительство преимущественно обижается поступками, несправедливо приписываемыми сэру Вальполю, а также выдумкой, будто арест произведен был одним или двумя лицами по наущенію врагов царя именно с цѣлью оскорбить его посла, – я счел положительно необходимым должным образом выяснить эти обстоятельства хотя бы в общем отчетѣ.

В тоже время я в длинном письмѣ к Шафирову свободнѣе и довѣрчивѣе высказался и о самых фактах и об условіях удовлетворенія; при чем дал ему замѣтить, что в случаѣ, если московский двор ожидает большаго, чѣм возможно по законам Великобританіи, королева может быть и склонится к чрезвычайным средствам удовлетворенія, но в таком случаѣ ея величество почтет себя мало связанною какими бы то ни было обязательствами перед царским правительством или даже совершенно свободною от них. При этом я предложил Шафирову четыреста фунтов в случаѣ, если дѣло уладится к обоюдному соглашенію обѣих сторон. Недѣли через три я имѣю основаніе ожидать рѣшенія русскаго двора...

...На этой недѣлѣ почта из-за границы сюда не прибыла; письма же из арміи от 12-го января сообщают о попыткѣ короля шведскаго захватить небольшой казацкій городок, Веприк, в котором было около тысячи человѣк русскаго гарнизона. Разсказывают, будто король дѣлал три штурма, которые всѣ были отбиты; наконец шведы отказались от своего намѣренія, потеряв полторы тысячи человѣк; между прочими, говорят, смертельно ранен генерал Реншильд. Эта новость, однако, еще требует подтвержденія.

Судя по маневрам шведской арміи, полагают что король намѣрен подвинуться к Бѣлгороду, главному городу на Донцѣ, откуда можно войти в сношеніе с мятежными казаками на Дону, которые все еще появляются от времени до времени летучими партіями, недостаточными, впрочем, чтобы причинить значительное зло или выйти в поле в соединенном отрядѣ. Бѣлгород лежит также на пути в Воронеж, гдѣ стоит царскій флот. Кромѣ того письма из лагеря увѣряют, будто король и Мазепа все еще не оставляют своей рѣшимости пройти к Москвѣ. Будущая осень скажет, удастся ли им привести это намѣреніе в исполненіе [129].

№ 130

1709, січня 19. – Суми
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Высокопочтеннѣйшій и превосходительнѣйшій господин, господин, мой древній благодѣтель!

На полученныя писанія вашего превосходительства из Сосниц и Холмов инаго не отвѣтствую, токмо признаваю, что ваше превосходительство о посылкѣ в Раменскій гварнизон полков имѣете новопредложенный указ царскаго величества; також его величества обрѣтающаяся при здѣшнем мѣстѣ конная и пѣхотная

[129] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 134–136.

армія содержится в благосостояніи, – и дальних вѣдомостей не имѣем. Впрочем пребываю вашего превосходительства

Ко услуженію готовѣйшій слуга Борис Шереметев.

Из Сум,

генваря 19 дня,

1709 года [130].

№ 131

1709, січня 21. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій господине, господине!

Прежде сего писал я к вашему превосходительству, по письмам браславскаго полковника Григораша, да немировскаго сотника, о приходѣ поляков на Украину и обидах людем, от чего живут в страхѣ, а нынѣ писал ко мнѣ бѣлоцерковскій полковник, что Огинскаго поляки в полк его упорством находят, к Бердичеву, в Бистрик, в Сингуру и к Троянову. Из Бѣлой Церкви писал Григорій Анненков и прислал два листа от сотников уманского и немировскаго, в которых пишут: поляки стоят в Трояновѣ и в иных мѣстах, и великія чинят людем обиды и разоренія; да писал богуславскій полковник Самусь, и прислал лист, который к нему писан от браславскаго полковника: поляки идут в Украину и великія чинят людям обиды и разоренія; и с онаго листа список при сем письмѣ посылаю к вашему превосходительству. Вѣдомость из Польши имѣю: Лещинскій и которые при нем суть шведы, обрѣтается в прежних мѣстах, в Люблинском повѣтѣ; коронные войски отступили в Подгорье к Тарнову.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,

генваря 21 дня,

1709 году [131].

№ 132

1709, січня 25
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Благороднѣйшій и превосходительнѣйшій господин, мой особливый благодѣтель!

Разных мѣст жители козаки присланы к нам от кавалеріи, которые взяты, признавая с непріятельской стороны и измѣнника Мазепы, и из оных 2 человѣка посылаются к вашему превосходительству, а что они в допросах своих говорили,

---

[130] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 319.
[131] Там само. – С. 3–4.

тому при сем вѣденіе. И когда они привезены будут, изволь ваше превосходительство приказать их принять и потом их допросом освидѣтельствовать; и ежели они *по свидѣтельству явятся к непріятельской и измѣнничьей сторонѣ неприличны* – о свободѣ их учинить по своему высокому разсужденію. Впрочем пребываю вашего превосходительства

Ко услуженію готовѣйшій слуга твой
Борис Шереметев.
В Сумах.
Генваря 25 дня,
1709 года.

1709 г., генваря в 21 день, присланные от Ивана Черняка, который поѣхал от господина гетмана в Крым, козаки Полтавскаго полку Семен Васильев, Григорій Савин в допросѣ сказали:

Приданы де они ему, Черняку, из Полтавы в провожатых, откуду поѣхав, прибыли они с ним в Сѣчу Запорожскую, в навечеріи Рождества Христова, и запорожцы приняли их лескаво. И посланное письмо от господина гетмана к ним принял в радѣ атаман кошевой, читал оное пред всѣм войском вслух, и по прочтеніи того письма отослал его, Черняка, от рады прочь, на постоялый двор. И потом кошевой атаман, також судья тамошній, брося свои шапки на землю, положили на них трости свои войсковыя, и учал кошевой говорить во весь народ, что он чин свой сдает, а для чего, о том они не прислушались. Что видя, запорожцы закричали всѣм войском на него, кошеваго атамана: чего ряди он чин свой оставляет, развѣ же для того, что хочет Мазепѣ служить, а не царскому величеству? И подняв трость с земли, отдали ему паки насильно. И он, кошевой атаман, взяв трость, учал кланяться на всѣ стороны, и говорил по всему войску: нынѣ де кому мы будем служить, понеже прежде были письма от Мазепы, а теперь от новаго гетмана Скоропадскаго. И против тѣх его слов всѣ запорожцы закричали, что они повинны служить царскому величеству, яко единому вѣрному государю, потому что их отцы и сродники при его величеству обрѣтаются. И кошевой против сего, кланялся, всѣм говорил: зѣло де добро, что вѣрѣ святой православной произволяетесь. Потом, по дву днях, собрав раду, призвали Черняка и говорили, чтоб он посланныя с ним от господина гетмана письма к хану крымскому, отдал им для прочтенія, понеже надобно им вѣдать, не писано ль в них чего противнаго о них, запорожцах. И он тѣ письма им отдал, которыя, они отпечатовав, чли пред всѣми в радѣ. И когда прочли, то говорили всѣ, что в тѣх письмах ничего противнаго не писано, и подпечатав оныя, паки отдали ему, Черняку, и придав к нему в провожатых трех человѣк козаков, отправили в Крым с честью: и с тѣми своими козаками послали они, запорожцы, от себя лист к хану, а что в нем писано, о том они не слыхали. При их бытности в Сѣчѣ, запорожцы всѣ были тамо, конница и пѣхота в сборѣ, и по их отъѣздѣ, на другой день вышло из Сѣчи тысяч с пять конницы и пѣхоты в Казань и в село Новое (которое близ Казани), гдѣ и до нынѣ стоят. Когда они с Черняком пріѣхали в Перекоп, то тамо Каймакана не застали, понеже он поѣхал провожать до Порты стараго хана; а обрѣтается нынѣ в Перекопѣ новаго хана сын, Батырь-

Кгирей, султан, который Черняка принял ласково, и по четырех днях отпустил его к Бахчисараю, придав ему провожатых. И Черняк, при отъѣздѣ с Перекопи, послав их козаков с письмом своим к господину гетману, и они поехали с Перекопи по отъѣздѣ его, Черняковѣ, на другой день. И при самом их отъѣздѣ принес к ним, козакам, от упомянутаго ханскаго сына проѣзжій лист перекопскій писарь и спрашивал их чрез толмача, с каким листом Черняк к хану ѣдет, знают ли они. И они ему отвѣтовали, что о том не вѣдают, что в тѣх листах писано, а чают, что в них також изображено, как и к запорожцам, ибо в Сѣчѣ при них лист гетманскій читан, дабы они с измѣнником Мазепою не соглашались, и ни в чем ему не вѣрили. И писарь говорил, что сего де никогда не учинится, чтоб хан, оставя учиненный с царским величеством мир, повѣрил письмам того измѣнника Мазепы прелестным. Притом спрашивал их тот писарь о бунтовщикѣ Булавинѣ, что гдѣ он. И когда они сказали, что он уже давно порублен, то он, писарь, отвѣтствовал, что сіе правда. И еще спрашивал их, гдѣ нынѣ бунтовщик Некрасов и Беспалой, понеже прислано от них в Крым человѣк с 40 прошать на помощь орды, которые их присланные задержаны в Крымѣ до пріѣзду от Порты новаго хана, и чает он, что им хан ни в чем не повѣрит и с Крыму яко бунтовщиков не выпустит; а о Некрасовѣ и Беспалом он, писарь, им сказал, что стоят они нынѣ в 10 тысячах войска в Темрюкѣ и намѣрены идти на слободскіе города. Он же писарь говорил, что хан де их новый умедлил пріѣздом своим в Крым за тѣм, что в Бѣлогородчинѣ взбунтовал Дзяур-Мурза, котораго он пока не усмотрит, но тѣх мѣст в Крыму не будет. И по том их тот писарь, дав провожатых, одного татарина, и с Перекопи отправил. И ѣхали они Сѣчу, гдѣ их кошевой атаман принял ласково, и при отправленіи их говорил, чтоб они, козаки, донесли господину гетману, дабы он к ним прислал клейнот войсковых сколько-нибудь, понеже обыкновенно прежніе гетманы при полученіи гетманства клейноты к ним в знак своей ласки присылали, а сей де к нам ни одного лоскута не прислал. И отправил с ними вмѣстѣ кошевой атаман из Сѣчи с листом к царскому величеству посланцов своих, двух полковников с несколькими козаками, с которыми они ѣхали вмѣстѣ до Переволочны, и тамо они, оставя их, поѣхали наперед; однако ж и тѣ посланцы запорожскіе хотѣли за ними немедленно ѣхать. А в листах с ними от запорожцов, как они козаки сами, при прочитаніи их в радѣ, слышали, писано, чтоб царское величество повелѣл по прежнему их прошенію снесть город Каменный Затон и самарскіе городки, а они всѣ готовы за сіе идти на службу его царского величества, гдѣ повеленіе будет, хотя до послѣдняго человѣка. А Войско Запорожское, которое вышло в Казань, стояло при их бытности по прежнему тамо и никуда о походѣ их не слыхали.

Да Черняк приказал им господину гетману донести, что в Бѣлогородчинѣ обрѣтаются нынѣ послы шведскій и польскій, а к кому они пріѣхали и зачѣм, о том он, Черняк, ничего им не сказал [132].

---

[132] [*Судиенко М.*] Матерналы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 320–324.

№ 133

1709, лютого 2. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Мой слуга, оскорбляемый пьяным человѣком вблизи часоваго, стал звать на помощь; почему и отведен был в тюрьму вмѣстѣ с оскорбителем на основанія стараго постановленія брать под стражу равно лиц призывающих на помощь, и лиц, против которых она понадобилась. Это произошло несмотря на то, что мой слуга шел в сопровожденіи солдат из моего караула (царь ставить караул ко всѣм иностранным уполномоченным, чтобы защитить их самих и домочадцев их от насилія простолюдинов и общаго здѣсь недоброжелательства к иностранцам).

Из прилагаемых писем моих к графу Головкину и Шафирову вы усмотрите, что случаем этим я намѣревался воспользоваться единственно с цѣлью облегчить соглашеніе по вопросу об оскорбленіи московскаго посла в Лондонѣ, потому я и не донес вам о нем своевременно, соображая кстати, что все совершающееся здѣсь мало извѣстно в других странах, а также что подобныя происшествія не в диковинку в странѣ, гдѣ международное право мало знакомо и мало соблюдается. Но так как его величество настаивает на оскорбленіи, нанесенном его послу, долгом считаю сообщить вам о случаѣ, приключившемся со мною, дабы вы могли воспользоваться им возможно лучше или для смягченія требованій русскаго двора, или потребовав соотвѣтствующаго удовлетворенія и с своей стороны.

Несколько дней тому назад сюда прибыл уполномоченный от князя Рагоцци и венгерских мятежников, прожив перед тѣм мѣсяца четыре или мѣсяцев пять в Смоленскѣ. Он немедленно заявил о своем пріѣздѣ мнѣ, в качествѣ посланника, и другим иностранным посланникам, но привѣт, которым мы всѣ отвѣчали ему через его же слугу, был крайне холоден и достаточно показал ему, что ни один из нас не желает признать его дипломатическаго характера.

Император имѣет здѣсь представителем только секретаря, т. е. лице, титул котораго не пользуется на Москвѣ ни кредитом, ни вѣсом. Тѣм не менѣе вчера секретарь этот пришел в посольскую канцелярію узнать, в качествѣ чего принимается здѣсь этот венгерец и предъявить словесный протест против признанія за ним офиціяльнаго характера, который как бы намекает на суверенитет, независимый от императора. Курбатов, за отсутствіем Шафирова вѣдающій подобныя дѣла, был очень осторожен в своих отвѣтах: он высказал только, что передаст графу Головкину о запросѣ и протестѣ секретаря, а покуда не может отвѣтить ничего опредѣленнаго.

Хотя в письмах из лагеря новостей мало, и ни граф Головкин, ни Шафиров давно ничего новаго не сообщали, в одном из писем от 21 января я, однако, нашел подтвержденіе извѣстія об осадѣ и взятіи Веприка. Русскіе увѣряют, будто при штурмѣ шведы потеряли убитыми четырех полковников (обоих графов Шперлинг, Тауба и Фритца), двух подполковников (Фунча и Мемелля), трех маіоров, семь капитанов, девять поручиков и прапорщиков, тысячу триста восемьдесят пять рядовых; ранеными же – тысячу солдат и двадцать или тридцать офицеров. Со стороны русских при осадѣ убиты: один маіор, три капитана, два поручика, два

прапорщика, сто шестьдесят семь солдат; ранено 150 солдат; захвачено в плѣн 896 человѣк, между ними полковник, подполковник и маіор, которым дано право ходить по городу без конвоя.

Я также видѣл копію письма от Мазепы к королю Станиславу, помѣченное 5 января из Роми. Оно, говорят, перехвачено было на дорогѣ. В нем бывшій гетман от своего имени и от имени всей Украины признает короля повелителем, и приглашает его поторопиться на помощь, обнадеживая, что при приближеніи короля возстанут не только казаки, но отчасти и русскіе. Я слышал, будто по царскому велѣнію на письмо Мазепы издан отвѣт, и надѣюсь вскоре достать копію с этого отвѣта [133].

№ 134

1709, лютого 8. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій господине, господине!

Получил вашего превосходительства письмо, в котором изволите писать, дабы Мировичев из-за караулу свободить. Доношу вашему превосходительству: оных Мировичев не я задержал, а присланы они из Переяславля за караулом, по доношенію золотоношского сотника, что оные имѣли пересылки с измѣнниками, которые нынѣ при шведу, и об них просил меня переяславскій полковник, чтоб их свободить, и я велѣл о том писать до вашего превосходительства, дабы за вѣдомом вашим отпущены были, чтоб в них не показалось какой фальши, и по письму вашего превосходительства оных Мировичев отпустил с таким паролем, чтоб им неотступно быть при вашем превосходительствѣ.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,
февраля 8 дня,
1709 году [134].

№ 135

1709, лютого 9. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Два дня тому назад Стайльс показал мнѣ письмо, полученное им с послѣднею почтой из Лондона, в котором брат его пишет, будто Матвѣев до сих пор должен ему полторы тысячи фунтов стерлингов, и вмѣсто уплаты, вопреки всѣм данным обязательствам, написал ему из Голландіи очень невѣжливое письмо с заявленіем, что не очистит этого долга, пока не получить от ея величества удовлетворенія

---

[133] Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 138–141.
[134] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 4–5.

за оскорбленія и убытки, понесенные им при арестѣ. В то же время нѣкто Тессинг, один из амстердамских корреспондентов Стайльса, подает ему мало надежды когда-нибудь получить деньги обратно, прибавляя, что многіе другіе кредиторы Матвѣева находятся в том же положеніи. Чтобы не лишиться такой значительной суммы, Стайльс рѣшился сообщить все дѣло его величеству, но я просил его обождать, пока не выяснится, какой отвѣт царское правительство пришлет мнѣ на мои послѣднія письма; тогда Стайльсу легче будет сообразить, какія мѣры могут быть приняты и от каких представленій можно ожидать наибольшей пользы как ради общественных, так и ради личных его интересов. Отвѣт этот, впрочем, придет нѣсколько позже, чѣм я ожидал, так как царь выѣхал из лагеря.

Письма от 4-го февраля из главной квартиры в Сумах сообщают, что шпіоны, плѣнные и дезертиры единогласно показывают, будто король шведскій, принимая во вниманіе значительные потери, понесенныя при осадѣ Веприка, затрудненія, возникшія для дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе занятія Ахтырки князем Меншиковым, ежедневно возростающій недостаток в провіантѣ и опасность, представляемую настоящими мѣстами расположенія шведских сил (мѣста эти низменны и подвержены большим наводненіям при оттепели), – рѣшился отодвинуться со всею арміей к Полтавѣ, городу, лежащему на Ворсклѣ; оттуда же, он, как вообще полагают, отступит к Днѣпру.

Всѣ эти слухи довѣрчиво и радостно приняты русскими, которые, в случаѣ если шведы отодвинутся так далеко, с своей стороны намѣреваются отойти к Кіеву. Впрочем они и теперь пользуются зимними квартирами без особеннаго стѣсненія: его величество, предоставив во избѣжаніе всякой распри между князем Меншиковым и фельдмаршалом Шереметевым, начальство над арміей царевичу-наслѣднику, сам отправился в Воронеж. Оттуда его ждут в Москву. Пробыв здѣсь день или два, он проѣдет в свой дорогой Петербург, о чем уже извѣстил царевну, сестру свою, которой тоже придется со всѣм двором еще раз предпринять это путешествіе.

С прошлою почтой я имѣл честь известить вас о перехваченном письмѣ Мазепы к королю Станиславу, в котором бывшій гетман признает покровительство короля и просит его помощи. В воззваніи, изданном по этому поводу к казакам, царь указывает, что Мазепа стремится не основать независимую республику, как было заявлял в первоначальном своем манифестѣ, а подчинить Украину прежнему игу Польши, за что ему королем Станиславом обѣщано княжество Сѣверское. Царь также обнародовал извѣстіе, что захваченный шпіон показывал, будто переносил письма от Мазепы к архіепископу черниговскому, к глуховскому сотнику, к князю Четвертинскому и к атаману, т. е. высшему сановнику Глухова. На своих показаніях он стоял и при очной ставкѣ с нѣкоторыми из этих лиц, но, подвергнутый пыткѣ, сознался, что послан был Мазепою в Глухов без писем, единственно с цѣлью ложным доносом навлечь на означенных лиц подозрѣніе и немилость царя, и что за это ему обѣщана значительная награда.

Так как оба эти документа напечатаны на польском языкѣ и вѣроятно уже достигли Германіи, не стану утруждать вас дословным переводом их. Замѣчу только, что в этом отвѣтѣ не обращено никакого вниманія на утвержденіе Мазепы, будто многія части Россіи склонны к мятежу [135].

---

[135] Сборник императорскаго русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 141–143.

№ 136

1709, лютого 11. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій господине, господине!

Получил вашего превосходительства письмо, в котором изволите писать о Дмитріѣ, чтоб его из-за караулу свободить на прошеніе тещи его Дмитряшковой, за котораго ставит она себя порукою, что оный клятвою своею обѣщается содержать вѣрность к царскому величеству, – и по желанію вашего превосходительства рад бы то учинить, токмо невозможно, понеже писал об нем до двора царскаго величества, на что указу еще не получил, и аще вашему превосходительству оный потребен и об нем изволите писать до двора царскаго величества, а о винѣ его сами ваше превосходительство извѣстны.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,
февраля 11 дня,
1709 года [136].

№ 137

1709, лютого 16. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Извѣстно только, что князь Меншиков с кавалерійской дивизіей генерал-лейтенанта Ренна застигнут был в одном городѣ между Ахтыркой и Полтавой и на голову разбит шведами; но ни об обстоятельствах дѣла, ни о понесенных потерях, не упоминается.

Царевич-наследник был опасно болен, но в настоящее время совершенно поправился.

О поѣздкѣ царя в Воронеж извѣстій нѣт; хотя, говорят, его величество оставил армію и многія знатныя лица выѣхали отсюда на этой недѣлѣ с цѣлью встрѣтить его в Воронежѣ, гдѣ должен состояться большой совет. На нем быть может подвергнется обсужденію и дѣло об оскорбленіи посла, по тому я постарался дать уѣхавшим такія свѣдѣнія об этом событіи, которыя, вѣроятно, склонят их к разумным и умѣренным взглядам...

P. S. Сію минуту получил копію письма из Ахтырки от 1-го февраля. Дѣло князя Меншикова происходило 27-го января близ Опошни. Он рисковал попасться в плѣн и потерял 300 человѣк, у шведов же убито только 17 человѣк. 28-го король со всею арміей двинулся к Ахтыркѣ, но, узнав, что там русскіе готовы встрѣтить его, остановился, не доходя двух миль. 29-го партія русских и казаков неожиданно ворвалась в Опошню, перебила около ста шведов, захватила 53 человѣка в плѣн и освободила 48 человѣк русских, взятых в дѣлѣ 27-го [137].

---

[136] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 5–6.
[137] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 144–145.

№ 138

1709, лютого 21. – Лохвиця
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой особливый благодѣтель!

Вашему превосходительству инаго к доношенію не имѣю, токмо – в здѣшних мѣстах недолго времени буду продолжать, – пойду в скорости к Миргороду, ближе к непріятелю, понеже здѣсь бывшія части войска непріятельскія всѣ рушились, оставя Миргород вправѣ. А разсуждаю, что оныя соединеніе чинять к Полтавѣ, понеже и сего числа от свѣтлѣйшаго князя получил вѣдомость, что сам король шведскій, бывши около Краснаго Кута, с разореніем тамошних городов и с позженіен к Полтавѣ отступати начал: и того ради разсуждаю, что в ту мѣру к Полтавѣ идет, дабы запорожцев чрез Мазепину факцію к себѣ совокупить. Того ради вашему превосходительству я заблаго разсуждаю, дабы вы изволили послать в Запорожье добраго человека, который бы мог их к нашей сторонѣ привлекать и смотрѣть их намѣренія и склонности к которой сторонѣ, и с нами б непрестанно корреспондовать; в чем больше предаю в ваше высокое разсужденіе. А по вышепомянутой княжой вѣдомости, два полка запорожскіе, при которых полковники Несулей да Шугайло, и одному полковнику велѣно идти по письму княжому к миргородскому полковнику Апостолу, а другой, забирая правую сторону, к нему.

Слуга твой Борис Шереметев.
Из Лохвиц.
Февраля 21 дня,
1709 года [138].

№ 139

1709, лютого 23. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Недѣлю тому назад я имѣл честь сообщить вам, что 27-го января кавалерійская дивизія генерал-лейтенанта Ренна потерпѣла пораженіе, потеряв около 300 человѣк, и прибавил, что подробности этого дѣла неизвѣстны. Теперь до меня дошли слухи, будто русских в этом дѣлѣ убито около трех тысяч человѣк, а также будто в другом дѣлѣ со шведами очень пострадал второй гвардейскій – Семеновскій – полк.

В письмах одного значительнаго офицера говорится, будто секретарь князя Меншикова увѣрял его, что в будущем маѣ король Август непрѣменно вторгнется в Польшу с войсками, обѣщанными союзникам, и что император уже дал на это свое согласіе. Послѣднему извѣстію я повѣрить не могу; не особенно довѣрял бы и первому (подобные слухи здѣсь распространялись часто), если бы письма гене-

[138] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 324–325.

рала Огильви не дали серьезнаго повода ожидать чего либо подобнаго, как вы изволите усмотрѣть из прилагаемаго отрывка моего донесенія от 15/26 января, который посылаю на случай, если бы, по несчастію, оригинал пропал и столь важное извѣстіе не дошло до вас.

Я сейчас только получил любезное письмо от князя Меншикова, помѣченное 13 февраля из Бѣлгорода, в котором он извѣщает меня, что супруга его разрѣшилась сыном; секретарь же князя приложил подробный отчет об этом событіи.

9-го февраля его величество прибыл в Бѣлгород из Ахтырки. Вечером пріѣхал и князь ингерманландскій (так теперь титулуется князь Меншиков) со всею свитой. 11-го княгиня разрѣшилась сыном, который и окрещен на слѣдующій же день. Царь был воспреемником и нарек новорожденному имя Лука-Петр. Имя Луки дано в память калишской побѣды, одержанной в день св. Луки, государь дал также роскошный обѣд по этому случаю. В то время как гости сидѣли за столом, гонец привез радостную вѣсть, что король шведскій аттаковал кавалерію генерала Ренна, но, послѣ энергическаго сопротивленія, был отброшен; шведов преслѣдовали на пространстве цѣлой мили, при чем у них отнято четыре знамени и перебито множество людей. В тот же день генерал Ренн прислал литавры, отнятыя у непріятеля, и извѣстіе, что убитых непріятелей насчитано до 500, между прочим 16 драбантов и нѣсколько человѣк из офицеров, окружавших короля, под которым убита лошадь. Вряд ли бы он и сам спасся, если бы только его узнали. Прекрасно держались в этом дѣлѣ конные гренадеры, которых при каждом полку состоит по эскадрону. Они не уступали непріятелю ни шага, и пощадили только одного маіора и одного субалтерн-офицера из драбантов, хотя о пощадѣ горячо просили многіе, особенно один полковник. Со стороны русских из болѣе значительных офицеров убиты только подполковник Тирелль и один капитан из конных гренадер; число убитых рядовых не обозначено. Кавалерія теперь расположена в Городне и Богодуховѣ; туда же через день или два собирается князь ингерманландскій.

Царь, подарив новорожденному значительное помѣстье и пожаловав его поручиком своей лейб-гвардіи, в тот же вечер выѣхал в Воронеж, куда и прибыл 13-го. Долго ли его величество останется там и проѣдет ли в Петербург, еще неизвѣстно [139].

№ 140

1709 (?), березень (?)
Лист князя Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Вѣдомости я получил из Бендер, что запорожцы хотят ударити в краинскіе порубежные городи. Того ради для изустнаго разговору велѣл я полковником быть к себѣ и ваша милость как найскорѣй пріѣдь ко мнѣ.

Князь Дмитрій Галицин [140].

---

[139] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 145–147.

[140] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 299.

№ 141

1709, березня (?). – Лубни
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой древній благодѣтель!

Вашей вельможности писаніе из Лукомля, вчерашняго числа писанное, с приложенными цыдулы о запорожцах получил, из которых увѣстяся благодарствую. И выразумѣв из тѣх вѣдомостей, вашему превосходительству совѣт свой объявляю. Зѣло потребно в Манжалѣевку, в Поток, в Кременчуг, в Омельники для охраненія тѣх мѣст, чтоб запорожцы, переправясь, незапнаго нападенія не учинили, послать регулярных от пѣхотных полков по баталіону, или по скольку надлежит, обрѣтающихся при вашем превосходительстве, и при них от кумпаніи по вашему высокому разсужденію; и в тѣх мѣстах, осмотря удобнаго мѣста, дабы сделать мост, или перевоз, как возможно посылать легкія партіи за рѣку Псел для поиску над запорожцы; а хотя б над ними поиску и учинить не возможно, то б написав письма к развращенію их запорожцев от Мазепиной прелести, разметать в удобных мѣстах, дабы тѣ письма достались в руки запорожцам, из которых бы они, запорожцы, могли выразуметь прелесть измѣнника Мазепы и воровство кошеваго, – что предаю вашего превосходительства в разсужденіе. Что ж еще в тѣх вѣдомостях упоминается о Крымской и Бѣлогородской ордах, якобы имѣют быть в совокупленіе с запорожцы, и того я за правду не признаваю, ибо имѣю я вѣдомость с Воронежу чрез посыльнаго генерала-адъютанта Савелова, именно подтверждают султан турецкій и хан крымскій, что они мир содержат, и к своим посылают под смертною казнію, дабы они, к развращенію мира с нами, ни во что не вступали. О чем подлинно изволите увѣститься от него, Савелова. Також, что ваше превосходительство, в бытность свою здѣсь, в совѣтѣ с нами изволили предложить о посылкѣ дву полков к Галагану в Чигирин за Днѣпр, о том и нынѣ вашему превосходительству доношу, изволите приказать оное исполнить, ежели какія препоны нѣт. О том я написав до его царскаго величества письмо, разсуждая нынѣшніе случаи и объявляя свое мнѣніе, послал с помянутым своим генералъадъютантом, из котораго изволите с его сіятельством господином министром князем Григоріем Өедоровичем Долгоруким то письмо выразумѣть, и что надлежит к лучшему пополнить; в чем вдаюсь на ваше высокое разсужденіе, – и то письмо соизволите прислать с ним-же господином Савелевым. Впрочем пребываю вашего превосходительства

Ко услуженію готовѣйшій слуга твой Борис Шереметев.

Из Лубны,

марта, 1709 года.

P. S. Для переписки в маетностях Мировичевых пожитков и лошадей послан от нас капитан Дубасов, которому предложено чрез указ, дабы он, описное все запечатав, оставил там до указу, и до вашего б превосходительства ѣхал и роспись за их и за своею руками объявил вашей вельможности; понеже в то без совѣту вашего превосходительства вступать не буду, токмо скот во время потребен будет здѣсь на полки солдатам [141].

[141] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 325–327.

№ 142

1709, березня 2. – Луком'я
Лист гетьмана Івана Скоропадського
до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласкавый пріятелю, п. полковнику корсунскій.

Дякуем велце в. м., жечь подлуг указу нашего о Самусевѣ довлити засланному пилное старане мѣем, о котором любо в дѣлѣ от нас писанном з листа в. м. такого здается немѣти побейзленя, однак щоб приходит и до подобенства. Зачим еще хоти в. м. прикладати стараня пилного до того и всякими способами вышнировувати о нем тоей рѣчи, а наибарзѣй того челядника отправленнаго пріймы в. м. до себе, которій, так разумѣем, если що по нем Самусевѣ о виправѣ куда имѣній его провидѣв может в. м. обявити. А в. м. що может, чи то от отого челядника, чи з иншой стороны провидати, нам ознаймуй. Так же о ордѣ и о запорожцах и их оборотах и намѣреніях як можеш, чрез подданих своих людей изволь вивидовайтися, и нам донести. И если бы якіе колвек люде чи то до Сѣчѣ Запорожской, албо на затяги к запорожцам имѣли выриватися, на таковых мнѣ в. м. пилную сторожу и оних припиняти и от тоей предся взятой дороги отворочати и цѣля не допускати приказуй.

Пилно пилно о все тое в. м. жадаючи, ему ж зичим от Господа Бога доброго здоровя: з Лукомя марта 2 року 1709.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій, гетман войска его царского пресвѣтлого величества запор. [142]

№ 143

1709, березня 9. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Позволяю себѣ безпокоить вас присылкой извлеченій из писем моих от 8/19 декабря и 5/16 января по дѣлу об оскорбленіи, нанесенном русскому послу.

Я надѣялся получить сегодня окончательное рѣшеніе по этому непріятному дѣлу, но из перевода письма графа Головкина вы увидите, что русскій двор избѣгает рѣшительнаго заявленія и намѣрен выждать, какому наказанію ея величество велит подвергнуть оскорбителей для удовлетворенія Россіи. Я полагал, что в письмах 17-го января и 4-го февраля выяснил ваши намѣренія с такою полнотой, что вызову русское правительство на какое нибудь рѣшеніе. Но читая неопредѣленные, безсодержательные отвѣты русских министров, видя полное незнакомство их с британскими учрежденіями, можно заподозрить, что они вовсе не читали моих писем или умышленно извращают их смысл. По извлеченію из одного письма Шафирова вы вполне убѣдитесь, что они воображают, будто еще не все возможное сдѣлано для их удовлетворенія: они не только настаивают на первоначальном требованіи смертнаго приговора оскорбителям, но еще безраз-

---

[142] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 299–300.

судно надѣются на присылку сюда чрезвычайнаго посла, хотя вы именно предлагали таким посольством замѣнить всякое другое удовлетвореніе. Вы увидите, что я, в своих отвѣтах, особенно указывал на текст вашей инструкціи и приглашал их отвѣтить опредѣленно, принимают они ваши предложенія или нѣт. Так как знатныя лица, с которыми царь обыкновенно совѣщается по дѣлам особенно важным, находятся в настоящее время в Воронежѣ, – письма мои придут очень своевременно; опасаюсь только, не рѣшились ли они тревожить вас возможно долѣе, так как Шафиров отклонил предложенный мною подарок, впрочем в очень вѣжливых выраженіях.

Извѣстія, сообщенныя в письмѣ Шафирова, содержат новыя подробности о послѣднем дѣлѣ генерал-лейтенанта Ренна. 11-го февраля король со своими драбантами, с шестью кавалерійскими полками и с двумя полками пѣхоты (из которых один принадлежал к королевской гвардіи) намѣревался напасть врасплох на три полка драгун в Красном Кутѣ, которые, отступив на полмилю к Городнѣ, застали там Семеновскій гвардейскій полк и два полка конных гренадер. Окрѣпнув таким образом, русскіе приняли бой и послѣ жестокой схватки заставили непріятеля удалиться в большом безпорядкѣ и преследовали его на пространствѣ полутора миль. Пятьсот шведов убито на мѣстѣ, многіе ранены, два барабанщика захвачены в плѣн. Король сам находился в большой опасности. Тѣ же письма прибавляют, что шведы не раз старались застичь таким образом московскую кавалерію врасплох и принудить ее к генеральному сраженію, но все безуспѣшно. Между тѣм, непревывно тревожимые сильными партизанскими отрядами, они принуждены постоянно переходить с мѣста на мѣсто и до сих пор не могли занять зимних квартир. Впрочем теперь мы, вѣроятно, скоро услышим, гдѣ шведам удалось занять их, так как на Украинѣ рѣки начинают вскрываться и наводняют окрестность, что заставить на время прекратить военныя дѣйствія с обѣих сторон.

Послѣднія письма из Бѣлгорода сообщают от 26 февраля, что в другой экспедиціи значительная удача выпала на долю фельдмаршала Шереметева. 13-го он с сильным отрядом двинулся от Сум к Гадячу. 14-го ему донесли, что 1200 шведов (драгунскій полк полковника Альбентиля и 130 пѣхотинцев) расположились в небольшой деревнѣ близ Веприка. Фельдмаршал отрядил против них генерал-маіора Бема с порядочными силами. Генерал аттаковал непріятеля 15-го в восемь часов утра, и послѣ горячаго боя взял и разрушил старый замок, в котором заперся непріятель. Сам полковник, сем старших офицеров, пятнадцать младших и около девяноста солдат захвачены в плѣн. Русским достались кромѣ того около трех тысяч лошадей (главным образом из корпуса фельдмаршала Реншильда) и значительный обоз. Говорят, что в Воронежѣ было празднество по этому поводу; здѣсь же его не было, хотя вчера отчет об успѣхѣ генерала Бема был напечатан во всеобщее свѣдѣніе; он в главных чертах сходен с приведенным разсказом, но подробная опись добычи составлена так странно, что я не могу не познакомить вас с нею: кромѣ офицеров, видите ли, захвачено 48 человѣк обозной прислуги, 2 знамени, 39 мушкетов, 19 пистолетов, 31 сабля, 8 карабинных портупей, 11 мундштуков, 31 плащ, 4 хлыста, 5 поясов, 5 сѣдел с пистолетными чахлами, 11 курток и затѣм... три тысячи лошадей и значительный обоз!

Послѣ этого дѣла шведы, говорят, отошли миль на двадцать за Гадяч, выжигая окрестность между собою и русскими войсками. Здѣсь ходят также темные слухи

о позднѣйшем дѣлѣ фельдмаршала Шереметева и его неудачѣ, но я не слыхал подробностей этого дѣла и вообще не знаю о нем ничего, достойнаго передачи.

Я вообще должен замѣтить, что ни министры, ни какія бы то ни было письма из лагеря, кромѣ присылаемых сюда совершенно частными путями, никогда не упоминают о неудачах русских войск, так что им вполнѣ довѣрять нельзя. Ясно, однако, что королю шведскому пришлось розочароваться во многом и сдѣлать нѣсколько шагов, по видимому неудачных, на сколько можно судить при отсутствіи болѣе подробных извѣстій. В одном письмѣ из Кіева (от 14-го февраля) генерал-маіор Гордон пишет, будто, по мнѣнію лучших судей, дѣла шведов в отчаянном положеніи; им может помочь развѣ соединеніе с королем Станиславом, если он приведет подкрѣпленія, достаточныя, чтобы измѣнить положеніе и вынудить переход казаков на его сторону. Покуда казаки скорѣе держатся пасивно, не проявляя расположенія ни к той, ни к другой сторонѣ.

Его величество все еще находится в Воронежѣ и намѣрен пробыть там до открытія слѣдующей кампаніи, не посѣтив Петербурга. Сестра государева, царевна Наталья Алексѣевна, и немногія знатнѣйшія дамы ѣдут к нему отсюда. Весною будет спущено семь или восемь кораблей, в шестьдесят-семдесят пушек каждый. Царь очень занят дѣлами, а для развлеченія приказал выслать себѣ отсюда свой токарный станок.

В Воронежѣ совершено также нѣсколько крупных казней над мятежными казаками [143].

№ 144

1709, березня 9. – Москва
Додатковий лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Хотя я и отдал вам полный отчет о сношеніях своих по извѣстному дѣлу о московском послѣ, прошу позволенія прибавить еще слова два болѣе частным образом.

Из очень хорошаго источника я получил извѣстіе, что Матвѣеву дан строжайшій выговор; он почти совершенно утратил довѣріе царя. Несмотря на это, его донесеніе о подробностях дѣла, о сужденіях иностранных дворов, его отчеты первому министру, наущенія нѣкоторых иноземцев и преимущественно послѣдніе успѣхи над шведами склоняют русское правительство к рѣшимости настаивать на крайних требованіях, предпочесть болѣе прочным выгодам немедленное возмездіе и удовлетвореніе чувству собственнаго достоинства; по чему нельзя ожидать, чтобы желаніе обязать ея величество и мудрая предусмотрительность взяли верх. Всѣ заботы поглощены данной минутой, вдобавок не всегда достаточно понимаемой.

Система управленія и преимущественно судебная практика в Россіи отличаются от системы и практики Великобританіи болѣе, чѣм здѣшній суровой климат от мягкости воздуха Англіи, по тому немудрено, что здѣсь их понимают плохо. Что же касается до доводов русскаго правительства и пріемов его мышленія, – они так слабы и всегда опровергались с такою полнотой, что я не только считаю

---

[143] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 148–152.

нужным прибѣгать к новому опроверженію, но, в надеждѣ удовлетворить русскій двор сколько-нибудь, еще полагаю предоставить ему почет послѣдняго слова; потому выжидаю только, дадут ли мнѣ положительный отвѣт для сообщенія вам?

Из одного мѣста в письмѣ графа Головкина вы усмотрите, что теперь русскій двор прямо ожидает парламентскаго акта, хотя прежде он только слегка намекал на такое удовлетвореніе. Надо полагать, надежды в этом смысла возбуждены были в Матвѣеве русскими купцами в Лондонѣ, так как, говорят, московскіе их корреспонденты увѣряют, что такой акт будет издан. Не получив, однако, от вас никаких сообщеній такого рода, я отнюдь не поощрял этих притязяній, хотя, по моему мнѣнію, подобный акт, дѣйствительно, представлял бы собою самое почетное удовлетвореніе царю и наиболѣе пригодный путь для британской націи поправить случившееся и предупредить безпорядки в будущем.

Право мира и войны, заключеніе союзов – неоспоримые прерогативы королевы, а потому и установленіе опредѣленных отношеній к иностранным уполномоченным, как необходимая отрасль иностранных сношеній, должно быть вполнѣ предоставлено ея величеству и ея совѣту, с изъятіем его из общей системы управленія, тѣм болѣе в виду всеобщего распространенія законов международнаго права и принимая во вниманіе, что интересы и достоинство Великобританіи заставляют ее дорожить добрыми отношеніями ко всему человѣчеству.

Существует еще много других вѣсских соображеній, о которых, конечно, нѣт надобности говорить человѣку ваших знаній и вашей опытности; потому я позволю себѣ только прибавить, что я, хотя и настаивал на отвѣтѣ на предложенія ваши, в то же время конфиденціально освѣдомлялся у Шафирова, будет ли парламентскій акт, осуждающій оскорбленіе послу, как преступленіе, и выражающій сожалѣніе царю, – если его удастся добыть – признан достаточным удовлетвореніем, послѣ котораго королевѣ незачѣм будет расходоваться и снисходить на снаряженіе знатнаго лица для чрезвычайнаго посольства. Все это я, впрочем, сдѣлал на столько осторожно, что мой запрос не может возбудить никаких ожиданій. Через нѣсколько дней надѣюсь сообщить вам, каков будет отвѣт Шафирова [144].

№ 145

1709, березня 20. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Корсунскому полковнику Андрѣю Кандибѣ доброе здоровье.

Великого государя нашего его царского величества в указѣх из Кіева посланных к вашей милости писано, велано вам писать к нам и прислать вѣдомости по вся недѣли, что у вас и в полку вашем чинится и ваша милость о том к нам не пишете, о чем не помалу дивимся, и по указу всемилостивѣйшого нашего царя и великого

[144] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 153–155.

государя, конечне до нас ваша милость пишите и присылайте ко мнѣ вѣдомости и по вся недели: что у вас и в полку вашем каких вѣдомостей будет.

Князь Дмитрій Голицин.

Из Кіева марта 20 1709 году.

Под'оним подписом приписано слѣдующее:

Вѣдомо нам учинилось: Мазепа послал в Полшу к Лещинскому с писмами многих шпіонов. И вам бы служа царскому величеству вѣрно приказать своему полку в городах, в мѣстечках, в селах, и деревнях престерегати и смотрети прилѣжно недреманнить оком всяких проѣзжих и прохожих людей, как в Полщу, так и из Полщы ѣдучих, и естли таковіе шпионы являтся, ловить и прислать к нам немедленно [145].

№ 146

1709, березня 25. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Полковнику корсунскому Андрѣю Кандибѣ. Доброго здоровья желаю.

Получил вашей мил. писмо, в котором пишете привѣтствіе о пріездѣ моем в Кіев, за что благодарствую; а что пишете многое время вы на службѣ, и дабы вас отпустить в домы, и вы стоите за Калпи – болотах, я дивуюсь, для чего напрасно там стоите; велѣно вам перестерегать шведского короля и та служба вскоре окончается; а что пишете о долгу своем на Василіѣ Ждановѣ, чтоб он заплатил, о том надлежит вам писать к гетману, понеже то дѣло гетманское.

Князь Дмитрій Голоцин.

Из Кіева 25 марта [146].

№ 147

1709, березня 26. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Сюда о враждующих арміях новостей приходить мало. Обѣ онѣ расположены на зимних квартирах и, по видимому, останутся на них до іюня, до спада вод, пока не покажется подножный корм и не поправятся дороги. Послѣднія извѣстія помѣчены 10-м марта: в то время царскія войска стояли в Бѣлгородѣ, Богодуховѣ, Сумах и в других близлежащих мѣстностях; шведы же зашли около десяти нѣмецких миль за Полтаву по направленію к Запорожью и к татарской границѣ. Разсказывают, будто король Карл вступил в переговоры с татарами и отправил двух или трех нарочных в Турцію.

Судя по письмам от 20-го марта, его величество все еще находится в Воронежѣ, гдѣ рѣки вскрылись, хотя еще стоят довольно сильные морозы. Дѣлаются большія приготовленія к спуску семи или восьми кораблей, которые препровождены

---

[145] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 299.

[146] Там само. – С. 300.

будут в Товаров, – мѣстечко, лежащее в пяти или шести милях ниже по Дону; там устроены новые доки. Говорят также, будто царь сам спустится в Азов с сорока или пятидесятью военными судами, уже стоящими на Дону. Они выстроены были голландскими мастерами лѣт восемь или девять тому назад из сыраго лѣса, потому сильно повреждены, несмотря на починки, которым подвергались время от времени. На это путешествіе царь, надо полагать, рѣшился, подозрѣвая замыслы шведов; собственно его нельзя назвать безопасным и своевременным, так как и возстаніе не вполнѣ усмирено, и непріятель стоит слишком близко.

Русское правительство все еще надѣется на короля Августа и ожидает его окончательная рѣшенія через генерал-адъютанта Брукенталя, который не сегодня – завтра должен прибыть из Саксоніи. Так как я упоминал об этом в трех или четырех письмах, не сомнѣваюсь, что которое нибудь из них благополучно дошло до вас.

Князь Меншиков был в Воронежѣ, но думал возвратиться в армію к 20-му, а послѣ его отъѣзда выѣдут оттуда также князь Гагарин и другіе сановники. Пріѣзжал еще в Воронеж генерал-адъютант короля шведскаго; с какою цѣлью – я достовѣрно узнать не мог. Городскіе слухи утверждают, будто рѣчь шла о мирных предложеніях; вѣроятнѣе, однако, что цѣлью его был обмѣн плѣнных, захваченных в теченіе послѣдней кампаніи... [147]

№ 148

1709, березня 27. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше письмо, в котором пишете о состоянии запорожцов и за обявленіе благодарствую и впредь надлежит о том всякими способами развѣдывать, а какое извѣстіе получите, пишите к нам; бывшему корсунскому старостѣ о долгу вашем говорил и он обѣщался заплатить и по нем приказал я собрать поруки, чтоб он никуда не ушол; сотника Дробявку для прошення вашего отпущу, усмотря время.

Князь Димитрій Галицин.

Из Кіева 27 марта 1709 года [148].

№ 149

1709, березня 28. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій господине, господине!

Писал ко мнѣ чигиринскій полковник Галаган, что запорожцы стоят по крайним городам от Днѣпра в Келебердѣ и в Переволочной, и на сей сторонѣ прельщают народ, по которым прелестям с городов сей стороны козаки многіе к ним,

[147] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 157–158.

[148] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 301.

запорожцам, переходят, и на сей сторонѣ в народѣ внушают, чтоб старшину побили, а сами к ним шли, что уже и является. Многіе своевольцы купами ходят и разоряют пасѣки, и я говорил фелдмаршалу Гольцу, чтоб хотя один полк в Чигирин послал, а сам с полками имѣет рушиться марта 29 числа для слученія с гетманы Синявским и Огинским. Прежде сего писал я к князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукову о бѣлоцерковском полковникѣ Михайлѣ, о чем и ваше превосходительство извѣстен; нынѣ повторне потверждаю, хотя явнаго подозрѣнія за ним не вижу, токмо мнѣніе мое здает мнѣ, что он полковником учинен от Мазепы за то, что факціи дѣлал над Палеем, и нынѣ разглашается здѣсь, что Палей будет по прежнему в тот полк, также тому полку великая досада есть в проѣздах в Польшу, и того ради, чтоб по нынѣшній час не учинил чего, и о том изволите посовѣтовать с князь Григоріем Ѳедоровичем. За объявленіе вѣдомостей вашему превосходительству благодарствую, а я, какія вѣдомости имѣю, не опускаю, не обьявя. Посылал генерал-маіор Ифлент партію под мѣстечко Степань, в котором было сапѣженских драгун 50 человѣк, да волохов нѣсколько хоронгв, и оных та партія побила, и в полон взяли одного вахмистра, драгун одиннадцать человѣк, и взятые языки сказывают: генерал шведскій Красов и Лещинскій в Жолквѣ, Шмигельскій и воевода кіевскій в Торчинѣ, рейнментарь сапѣгин Копец, да обозный литовскій Грудицкій в Володимірѣ. Прислал ко мнѣ архіерей кіевскій письмо, и просил, дабы оное отослать к вашему превосходительству, и оное письмо при сем письмѣ посылаю.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,
марта 28 дня, 1709 года[149].

№ 150

1709, березня 31. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...По видимому, Матвѣев все еще негодует на Великобританію, и, не пробудь я так долго на своем настоящем постѣ, я бы удивился нѣкоторым показаніям его и нѣкоторым мѣстам в двух его письмах. Ваш отвѣт от 11 января так любезен и привѣтлив, что он бы неминуемо должен был произвести глубокое впечатлѣніе на каждаго разумнаго и обходительнаго человѣка; потому я отправил перевод его графу Головкину на случай, если бы Матвѣев не отдал вам должной справедливости. Так как русскій двор еще не высказался по поводу письма и предложеній ея величества, надѣюсь, что ваше письмо придет достаточно своевременно, чтобы вызвать благопріятное рѣшеніе. С вашей стороны сдѣланы всѣ уступки, которых только возможно было ожидать. Принимая во вниманіе, что попытки посла вызвать мой арест – о чем, как я знаю из хорошаго источника, он хлопотал не раз, – до сих пор оставались безуспѣшными, полагаю, что теперь всякая опасность миновала. Ваше письмо так полно и убѣдительно, что мнѣ не оставалось ничего прибавить по этому поводу, и я только дал болѣе подробный отчет о высоких и нежданных милостях, которыми ея величеству угодно было отличить

[149] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 6–7.

молодых Нарышкиных. Надѣюсь, что этот выдающійся знак уваженія королевы к Россіи и к царскому семейству будет оцѣнен должным образом и что в нем не усмотрят затаенных намѣреній или опасеній.

Затронув этот предмет, не могу не отмѣтить нѣскольких строк, встрѣченных мною в Лейденской газете 5 февраля, так как это газета офиціяльная. В извѣстіях из Лондона от 25 января читаем: «молодые русскіе, родственники царя... и т. д. ... пріѣхали для изученія языка, законов и *религіи Великобританіи*». В гарлемских газетах, по поводу оскорбленій, нанесенных послу, я также встрѣтил нѣсколько выраженій, способных осложнить дѣло и невыгодно повліять на невѣжественный и – по природѣ – недовѣрчивый народ.

Послѣднія видѣнныя мною письма из арміи помѣчены 15-го марта. В это время русскій авангард стоял в Котельвѣ на Ворсклѣ, и состоял из трех драгунских полков и отряда казаков. Шведы (три конных и два пѣших полка) стояли в разстояніи мили от этого мѣста, в Опошнѣ; главная же квартира короля расположена была в Будищѣ, еще на милю далѣе к Полтавѣ (так эти имена обозначены на картѣ, в письмах же они нѣсколько переиначены). Шпіоны и плѣнные говорят, будто король думает оставаться на этих квартирах до Троицына дня, окружил их заставами и приказал снабдить их большими запасами провіанта для продовольствія арміи. Мазепа стоит отдѣльно в трех милях далѣе к Запорожью, как полагают в надеждѣ завязать сношенія с ним, хотя пока старанія его остаются безплодными: два отряда, отправленные им к запорожцам, совершенно уничтожены, из третьяго же едва возвратилось человѣк полтораста.

9-го в мѣстечкѣ Десковѣ триста русских драгун аттаковали два пѣхотных казацких полка сторонников Мазепы и, говорят, перебив большую часть непріятелей, захватили четырнадцать плѣнных, которых по том заключили в Богодуховѣ, гдѣ находится главная квартира царских войск. Остальныя части русской арміи расположены в Сенном, Ахтыркѣ, Сумах и других окрестных мѣстностях; генерал Гольц в Кіевѣ, а генерал-маіор Ифланд с отрядом драгун подвинулся до Полоннаго и Острога на Волыни. Генерал-маіор Крассау с шведскими полками окопался на Припети, а король Станислав дошел до Люблина.

Его царское величество отправил генерал-адъютанта к крымским татарам с значительной суммою денег.

Письма из Воронежа от 24 марта сообщают, что царь все еще находится там, но кажется отложил намѣреніе ѣхать в Азов. Шведскій офицер, о прибытии котораго в Воронеж я увѣдомлял – генерал-аудитор, взятый в плѣн и выпущенный на честное слово. Он прибыл для переговоров о размѣнѣ плѣнных, но на каких условіях – я не слыхал. Я видѣл, однако, много писем из арміи, сообщающих, что проѣздом он проронил нѣсколько слов, будто ему дано порученіе разузнать, насколько царь склонен к міру и будто, в случаѣ некоторой надежды на успѣх, за ним послѣдует другой уполномоченный. Принимая во вниманіе, что предложенія о посредничествѣ, которыя дѣлались со стороны короля прусскаго, постоянно отвергались, в чем я еще недавно убѣдился по рескрипту его Кайзерлингу, мало вѣроятно, чтобы король шведскій дѣйствительно начал переговоры от себя в обстоятельствах, при которых он не может ожидать благопріятных условій мира, когда и честь, и интересы его так глубоко затронуты; к тому же он вѣроятно сильно возмущен обнародованным русским двором в началѣ февраля жестким и грубым отвѣтом на его послѣдній манифест. Если королю французскому обѣщанием

немедленнаго вознагражденія или картиной каких нибудь будущих выгод удастся склонить короля шведскаго на уступку Ингріи за денежное или другое соотвѣтствующее вознагражденіе, мир несомнѣнно может быть заключен завтра же, в противном же случаѣ на заключеніе его теперь слѣдует разсчитывать менѣе, чѣм когда нибудь. Но по этому поводу я так подробно писал во всѣх предъидущих своих донесеніях, особенно 23 января (3 февраля), 24 іюля (4 августа) 1706 г. и 5/16 февраля 1707 г., что не стану тревожить вас повтореніем сказаннаго.

Хотя послѣднія письма ваши по счастливой случайности и доходили по назначенію, почтовыя сообщенія все еще слѣдует считать неблагоустроенными и невѣрными, потому я должен снова просить вашего распоряженія о заготовленіи дубликатов всѣх приказаній, отправляемых вами на мое имя в текущем году, и о высылкѣ их мнѣ в Архангельск с одним из первых кораблей.

Это письмо прилагаю к предъидущему своему донесенію потому, что гонец, который должен был выѣхать отсюда четыре дня тому назад, все еще задерживается почему-то в Москвѣ [150].

№ 151

1709, квітня 4. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій господине, господине!

Получил я вѣдомость, что от шведскаго короля и от Мазепы есть посланники у хана крымскаго и в Бендерѣ Юсуп-Паша, и поворот им будет паки в шведское войско, чаю, по той сторонѣ Днѣпра за Полтавою, и ваше превосходительство, посовѣтовав с князь Григорьем Ѳедоровичем Долгоруким, извольте приказать оных пристеречь.

О котором генералѣ шведском, который сказывался под именем прусскаго короля, прежде сего к вашему превосходительству писал, и оный нынѣ пойман и привезен в Кіев, а имя ему граф Дона, с которым я, за болѣзнію его, пространнаго разговору не имѣл, только он объявил два проѣзжих листа, один от правителей прусских, другой от Лещинскаго, и сказал, что он ѣхал к шведскому королю; да и писал ко мнѣ генерал-маіор Ифлент, что он с гетманы Синявским и Реуцким видѣлся в мѣстечкѣ Жеревцах, и был консиль, на котором положили в оном мѣстѣ стоять десять дней и ожидать фелд-маршала Гольца, – Лещинскій и Красов около Ярославля, и Синявскій, воевода кіевскій, и Шмигельскій около Бродов, староста бобровскій в Торчинѣ. Писал ко мнѣ чигиринскій полковник Галаган, что запорожцев на сю сторону Днѣпра переправилось с 400 человѣк, которые разглашают, что шведскій король с войски хочет Днѣпр перебираться того ради, чтоб тѣм народ возмутить.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,
апрѣля 4 дня, 1709 года [151].

---

[150] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 158–162.
[151] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 7–8.

№ 152

1709, квітня 4. – Лубни
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой древній благодѣтель!

Вчерашняго дня вашего превосходительства писаніе получил, из котораго выразумѣв совѣт ваш, за благо воспріял, и доношу, что ради нынѣшняго случая имѣют посылатися в назначенное мѣсто от вашего превосходительства за Днѣпр два драгунскіе полка с бригадиром Черноцовым, да к тому с той стороны посланные генерал-маіор князь Григорій Волконскій с полком своим да с пехотным из Кіева ж Сербина; а которые два полка прибудут в Переяславль имѣють, по прежнему одержатися там до будущаго случая. Посланный от меня из Голтвы шпиг с листами в Полтавскій полк возвратился; а что оный здѣсь сказал и что сотники писали, список посылается при сем. За посыланіе от вашего превосходительства ради уготовленія судов и поромов благодарствую и повторне прошу, да изволите для переправы тѣх полков еще чрез свой указ подтвердить; в чем на ваше превосходительство имѣю надѣяніе и пребываю.

Ко услуженію готовѣйшій слуга твой Борис Шереметев.

Из Лубны,
апрѣля 4 дня, 1709 года.

1709 года, апрѣля в 4 день, явился в Лубнах генерал-фельтмаршалу Шереметеву козак кобыляцкій Герасим Лукіянов, который был посылан из Голтвы Полтавскаго полку в городы с письмами от него фельт-маршала, и сказал:

Посланные с ним 6 листов всѣ он привез в Кобыляк, и объявил сотнику Ерофею Иванову. И из тѣх листов он сам сотник в Бѣлики и в Новый Сенжаров отвез, а достальныя он, Герасим, разнес в Соколку, Кишинку и Кереберду. И до приходу его, Герасимова, было запорожцам разглашено от Мазепы, что он, фельтмаршал Шереметев, и князь Меншиков измѣнили и прибудут к ним в войско. А когда тѣ листы в кругу читали, тогда стали дознаваться, что то подлинно Мазепа обманывает, и стали многіе запорожцы смятеніе имѣть и уходить.

Всѣх запорожцев с кошевым нынѣ, слышил он, с 4000 человѣк, и из тѣх половина с ружьем, а другая половина ружья не имѣет, и жалованья они от короля шведскаго по се число не брали ничего, только на станціях у жителей берут хлѣб и всякій харч силою, и хозяевам ни в чем воли нѣт.

Кобыляцкій сотник ему говорил, что он с своею сотнею желает к миргородскому, только не возможно ему отъѣхать, за тѣм что гультаи запорожцы и простаки не допускают. Был он, Герасим, в Будищах, и тогда запорожцев от кошеваго было, а сколько, не знает, а слышил от кобыляцкаго сотника, что в двѣ тысячи их запорожцев. Тот же сотник кобыляцкій говорил, что на завтрее того дня, как он был поутру, будут запорожцы присягать, что им служить у шведскаго короля, и кошевой с тѣми запорожцы остался сам; а с которыми козаками он, Герасим, был и вмѣстѣ пив, то между ими слышал, также и ему сказывали про свою братію, что их в такую погибель ввел кошевой и привел их к шведу, а король де им ничего не дает, также и в Сѣчѣ им быть нельзя, для того что по сей и по той сторонѣ Днѣпра московскія войска, и гдѣ им с тѣм кошевым быть, не знают.

А которые козаки, вышеписанных мѣст жители давніе, и тѣ говорят, что они к шведу приставать не будут, и за христіанство свое помрут, токмо не возможно им нынѣ затѣм, что наши многіе в их городкѣ, а когда будет лѣтнее и удобное время, то они всѣ пойдут к московскому войску.

Слышал он, что к Полтавѣ шведы пріѣзжали для осмотру и из Полтавы убили одного человѣка из пушки; тогда отъѣхал.

А как он, Герасим, пріѣхал в Кобыляк, тогда, забрав мать свою, и жену, и дѣтей, пріѣхал совсѣм к миргородскому полковнику в Голтву.

В письмѣ из Кобыляка от сотника Ерофея Иванова к миргородскому полковнику:

Универсалы всѣ боярина Бориса Петровича полку нашего в городы разослал и вычитал при общем народѣ и вашей милости ознаймую, что теперь кошевой с Войском Запорожским намѣрен путем своим к Мазепѣ на помощь – будто Москву бить; но многое козацство пронзает словами, и не хотят идти на Москву держатися государевы руки, и кошевой говорил, что не на царя иду воевать, только за безчинность москвитян. А мы теперь как в неволѣ с старшинством своим зостаем, что скажем, склоняемся усты, и сердцем держимся руки государевой и непремѣнно в вѣрности желаем зостать.

Во 2 письмѣ к миргородскому из Кереберды от наказаннаго сотника Романа Подуста и атамана, марта 29 дня:

Покорне и повторне вашей милости доношу, дабы ваша милость на нас не имѣли своего гнѣву, что трудно мнѣ было – первое, что я, будучи наказным, – другое, отходячи Войско Запорожское с города нашего, запрещали нам, дабы мы к вашей милости не склонялись; но и сам кошевой устне чрез сторожа нашего приказывал вашей милости чуждатися; а и теперь нашедши нѣкоторый сотник Бурак в город наш: трудно нам чинить по охотѣ своей, но чиним уже по волѣ их. Просим вашей панской милости город наш имѣть в ласкавости, мы уже яко приблудные не имѣем у кого просити рады и милости и никому жадныя кривды не учинили, только надѣемся на Бога и на вашу панскую милость, просячи вас о ласкавом призрѣніи [152].

№ 153

1709, квітня 9. – Голтва
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой древній благодѣтель!

Вашему превосходительству во извѣстіе объявляю: посыланная наша партія из Голтвы от нерегулярных возвратилась, которая под Новым Сенжаровым счастливое нападеніе учинила и запорожцев 60 человѣк побили и 12 взяли живьем, а что тѣ взятые в допросѣ сказали, тому при сем посылаются допросныя рѣчи.

Слуга твой Борис Шереметев.

Из Голтвы,

апрѣля 9 дня, 1709 году.

---

[152] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 327–331.

Взятые запорожцы под Новым Сенжаровым сказали:

Когда кошевой Костка ходив с запорожцы под Цариченку, слышал он, что побито их, запорожцев, 30 человѣк и от московскаго войска 100, да в полон взято 90 человек, и с побою пришел он в Новые Сенжары.

И со взятых москвич в подарок в Крым к хану с шведскими посланники послали 4 человѣка, чтоб к шведу приходили в помощь, и прибытія в скорости ожидают; достальной полон взят к королю.

Кошевой и с ним старшина ѣздили к королю и Мазепѣ, и присягали, что быть с их стороны, и взяли у Мазепы жалованья по полтинѣ 2000 рублей на курень.

И даны ему кошевому от короля и от Мазепы клейноты.

Король обѣщал к празднику запорожцам всѣм по 4 рубли и по кафтану.

Кошевой нынѣ стоит в Новых Сенжарах. При нем войска 38 куреней, по 300, и по 200, и по 150 в куренѣ, и из них большая часть в шведскую сторону, а другія хотят к сторонѣ московской, и в том промежь ими чинятся ссоры и драки; а буде жалованья давать от короля и от Мазепы не будут, то будут московской сторонѣ.

Под Сенжарами чрез Ворскл сдѣлан мост на козлах, и хотѣл кошевой, совокупись с частію от войска шведскаго, идтить под Нехворощу, и часть конечно и пошли.

Запорожцев нынѣ в Переволочинѣ стоит меньше 1000 человѣк, и престерегают, чтоб с которую сторону не пришли московскія войска, также и Днѣпр престерегают.

Да из них же один человѣк сказал, что в Сѣчѣ нынѣ оставшіе запорожцы выбрали новаго кошевого Петра Сорочинскаго, который писал до Переволочны и до других мѣст, дабы к вору Костику кошевому запорожцы не приставали и дожидались от него извѣстія [153].

№ 154

1709, квітня 9. – Луком'я
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласкавій пріятелю пане полковнику корсунскій!

Ознаймуем в. м., же его царского пресвѣтлого величества генерал фелдмаршал лейтенант, его милость г. Голц писал до нас о том, что генерала маіора князя его милости Григорія Семеновича Волконского от корпусу своего ординовал к Чигирину, а в. м. заслал он же, фелдмаршал, своим листом потягуючи в тую же до Чигирина дорогу. Пишем теди нарочно до в. м. и пилно приказуем, абы в. м. зо всим товариством полку своего за одобранем сего нашего указу рушився з домов ишов спѣшно взлучене до генерала маіора князя его милости Волконского и зостаючи з его милостію в едном согласію не допущал тамобочных легкомислних людей переходити до измѣнической сторони, и до превротной запорожской купи, и ежели военних гдѣ позовет случай, имѣеш по силѣ с полчанамы своими под непріятелем чинити промысл; а вишовши з дому и зостаючи

[153] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 332–334.

в дорозѣ, почасту о своем поведенію до нас не омешкуй в. м. отписоватися. При сем щасливого поволенія и доброго в. м. зичим от Господа Бога здоровя з Лукомя априля 8 року 1709.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій гетман Войска его пресвѣтлого величества Зап. [154]

№ 155

1709, квітня 9. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше письмо, в котором пишете о запорожцах и о ордѣ, и за обявленіе благодарен. И вам бы по вѣрной своей службѣ царскому величеству, и впредь о всяких вѣдомостях и о ордѣ, в каком намѣреніи вывѣдивать, как возможно, и по часту к нам писать, а хану не чаю быти, развѣ какіе маліе люди.

Князь Дмитрій Галицын.
Из Кіева 9 апріля 1709 году [155].

№ 156

1709, квітня 10. – Луком'я
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласкавій пріятелю, г. полковнику корсунскій.

Присланніе от в. м. пятьдесят коней одослали есмо до Прилук; а товар рогатій, яко тут не маешь гдѣ з оним дѣтися, на той сторонѣ в полку в. м. в належитом дозорѣ нехай будет до далшого нашого указу. П. Степан Бутович, асаул наш войсковій генералній, донес нам, же зоставил-там едних коней сорок, а в. м., толностадину прислалесь з вѣдомостей, що мѣти мѣет до озной меня годного, не занехивай нам доносити; а мы в. м. зичим з господином генералом маіором князем Григоріем Семеновичем Волконским на службѣ монаршой доброго здоровя и щасливаго поваженія.

З Лукомя апріля 10 1709 року.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Зап. [156]

---

[154] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 301.

[155] Там само. – С. 302.

[156] Там само.

№ 157

1709, квітня 12. – Луком'я
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

З донесенія листовнаго, так от генерала маіора князя его м. Григорія Семеновича Волконскаго, яко и от в. м. до нас присланного извѣстилисмося, же переволочанскіе жители бунтовщиками запорожцами уведенніе сполне з ними при своем упорѣ оружіем воинства, его царскаго пресвѣтлого величества поконаны зостали, якого кровопролитія меж бунтовниками невинных сжалься Боже. Таким подобіем неуважніе и неразсудніе люде, дай Боже, а бы сами прійшли до упомятанія, и оставивши легкомысленность в належной своей подданской его царскому пресвѣтлому величеству найдовалися вѣрности; в том же нынѣшнем листѣ своем писалем в. м. ознаймуечи нам, же до Новаго Кодаку и до Сѣчи послани с напомненем козаки от князя его м. Волконскаго; а о подездѣ виправленом з паном полковником чигиринским под Кодак, если повернулся, и що там сталося, неознаймуем в. м.; що вперед будет дѣятися о всем вирази нам в. м. извѣстно. При сем в. м. Господу Богу поручаем.

З Лукомя. Апріля 12 1709 года.

В. м. зичливій пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царскаго пресвѣтлаго величества Зап.

При том цѣдула такова: видомо нам з цедули в. м., же ординовалесь товарищества своего певную часть пилноваты на двох мѣстцах измѣннических посланцов до Юсуп Паши посиланих, за що не помалу дякуем в. м. [157]

№ 158

1709, квітня 12 (?)
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой древній благодѣтель!

Вашему превосходительству поздравляю сим настоящим торжественным праздником Свѣтлаго Христова Воскресенья, и ради онаго поздравленія, яко присному своему благодѣтелю, посылаю племянника своего. А о бытности моей в партіи нынѣшней под Решетиловкою, что учинилось, донесет вашему превосходительству устне тот же мой племянник. Да вчерашняго дня получили мы извѣстіе, о которых, надѣюсь, что и ваше превосходительство извѣстны. Первое от свѣтлѣйшаго князя генерала от кавалеріи господина Меншикова, что сего мѣсяца в 11 день непріятель в 4000 шведов и в 3000 запорожских козаков, перебравшись Ворсклу, напавши на дивизію господина генерала лейтенанта

---

[157] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 302–303.

Рена, под Сокольною будучею, отакировал, который, за помощію Божіею, так онаго непріятеля утрактовал, что, оставя у наших с 800 человѣк на мѣстѣ купно с полковником Галленштерном, побѣжал, и при переправѣ при себѣ будучія пушки Ворсклу подарил, также и сами многіе топились; а наши в знак оной побѣды, с полковником и с маіором, с 4 капитаны, с поручиком, и с другими офицеры, и с рядовыми непріятельскими, счастливо отошли. Второе, что господин генерал-маіор Волконскій с полковником Яковлевым посылали с камелдрованными драгуны и с солдаты полковника Шарфа в Переволочну, и тамо будущих запорожцев, воров и измѣнников, и переволоченских жителей порубили и покололи многих, а другіе от страха и сами в рѣку Ворскл бросились и тонули, а иные, которые были на лошадях, ушли, – и оную крѣпость всю разорили и пожгли, також и суды по томуж пожгли; а чрез взятых языков увѣдомились, что сидѣло во оной крѣпости запорожцев и тамошних жителей с 3000 человѣк, на том бою взято знамя и пушка. И за сіе мы Господу Богу воздали благодареніе. И сицевую счастливую побѣду прошу вашего превосходительства, дабы соизволили объявить во всѣх регментах малороссійскаго народа. Впрочем пребываю вашего превосходительства

Ко услуженію готовѣйшій слуга Борис Шереметев [158].

№ 159

1709, квітня 13. – Говтва
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой особливый благодѣтель!

Вашего превосходительства благопріятнѣйшее писаніе, писанное из Лукомля 13 дня сего мѣсяца, я получил того ж числа невредно, и при том писаніи приложенная цедула, на что отвѣтствовать не имѣю, токмо о полку пѣхотном, который назначен был в Кременчуг, дабы его не посылать, буди по воли вашего превосходительства.

О здѣшем поведеніи доношу. Посланная наша партія из Голтвы под Новый Сенжаров, при которой, ради престереганія от непріятельских людей, за Пслом, на Решетиловском трактѣ, сам стоял, – и оная партія 13 дня, при помощи Божіей, счастливое нападеніе учинила и многих запорожцов и мужиков, которые показали себя в противности, порубила и поколола, а нѣсколько живьем взяла, а достальные ушли в замок и заперлись, а которые не могли уйтить в замок, и тѣ многіе, бѣжав, от страхованія чрез рѣку Ворскл, перетопли. И под тѣм мѣстечком наши слободы всѣ выжгли, и в самом замкѣ дворы горѣли ж, понеже тогда был вѣтр немалый, и надѣемся, что много выгорѣло. А что взятые под Новым Сенжаровым запорожцы в допросах сказали, также и сего числа, при отъѣздѣ своем из Голтвы, от шведскаго войска взятый драгун объявил, тому при сем ведѣніи посылается.

---

[158] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 331–332.

Полковника Колбасу, который обрѣтается в Гадичѣ, да соизволите ваше превосходительство с командою его взять к себѣ, понеже там нынѣ обрѣтается с полком полковник сумскій.

Слуга Борис Шереметев.

При отъѣздѣ из Голтвы, апреля 13 дня, 1709 года.

P. S. Сего моменту получили мы вѣдомость, что в Лютенку прибыло волохов и сердюков легкой конницы с 3000 человѣк, которые намѣреніе имѣют бить на наших и достать добраго языка: того ради вышепомянутаго полковника Колбасу до показующаго случая брать не благоволи.

Взятые в Новых Сенжарах сказали:

Запорожцев с кошевым к шведу пристало 6000 человѣк, и нынѣ пристают из городов козаки, и таким пристальцам кошевой дает по полтинѣ человѣку, на которую дачу дано ему от шведскаго короля 6000 рублев, а запорожцам дано по 3 рубли человѣку.

11 дня апрѣля кошевой с запорожцы и при них Мазепиных компанейцов полк и шведскаго войска 8000 конницы пошли под Соколку на генерала поручика Рена. В Сенжарах оставлено от запорожскаго войска при возах с куреня по 5 человѣк. А как они, запорожцы, из Сенжаров выходили, и тогда того мѣста жителям и козакам говорили, что как будуть на них бить войско московское, уходите за Ворскл.

И по тому приказу, как пришли московскіе люди, они бѣжали за Ворскл, и много их от того войска на побѣгѣ порублено и потопилось в рѣкѣ Ворсклу.

Межь запорожцы чинится немалая распря в том, что многіе хотят на сторону московскую, а другіе на шведскую, и говорят, как увидят, ежели Москва побьет гдѣ шведов, то они пойдут на сторону московскую, а буде шведы побьют, то на шведскую.

Взятый от шведскаго войска драгун Гильштена полку в допросѣ сказал:

Оный полк Гильштена, Кинфенделя и Хелма полки ж стояли в деревнѣ, а как зовут, не знаем.

Апрѣля 11 дня рано, оные Гильштена и Хелма полки, совокупясь с финскими ретарскими регименты, и с каким числом не знает, под командою генерал-маіора, а признавает, Штакельберга, пошли за рѣку Ворскл на московское войско, а как отошли от той рѣки 4 мили, сошлись с войском московским 12 дня апрѣля и учинили бой, в котором бою скоро московское войско их с мѣста сбили и много побили, а достальных разогнали.

По том пришли 2000 или больше запорожцев, и тоя акціи не застали, а был ли у них с московским войском бой, или нѣт, не знает; того ради как московское войско одержало акцію, он бѣжал за рѣку и больше того не видѣл.

В ротѣ, в которой он служил, было 75 человѣк, и по той акціи, видѣл, что осталось человѣк с 10, а в других ротах и полках, сколько побито и от бою осталось, не знает [159].

---

[159] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 334–337.

№ 160

1709, квітня 13. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...В письмах моих от 9 и 31 марта ст. ст. вы получили полный отчет о настоящем положенiи дѣла по несогласiям нашим с русским двором и о продолжающемся уклоненiи этого двора от объясненiй по поводу предложенiй ея величества. К сказанному в этих письмах не могу прибавить ничего и теперь, не могу высказать и основательных сужденiй о намѣренiях русскаго правительства, пока не получу отвѣта на три письма своих и не узнаю о впечатлѣнiи, произведенном вашим письмом к послу, которое отправлено вмѣстѣ с моим послѣдним письмом и содержит в себѣ столько доказательств дружелюбiя и вниманiя ея величества, что должно бы изгладить самое закоренѣлое предубѣжденiе. Кромѣ того не может же невѣжество простираться до непризнанiя голоса цѣлой нацiи удовлетворенiем болѣе почетным, чѣм простая формальность судебнаго приговора, которая требуется русским правительством.

Вчера из Воронежа прибыл сюда один из любимцев царских, Кикин, но ни консулу, ни Стайльсу еще не удалось найти случая поговорить с ним; они надѣются, что это удастся им сегодня или завтра, и тогда я быть может узнаю, за чѣм стало наше дѣло. С ближайшею почтой, слѣдовательно, надѣюсь дать вам отчет болѣе удовлетворительный или на основанiи слов Кикина, или на основанiи отвѣта русскаго двора, так как 24 марта Шафиров писал прусскому посланнику, что ничего не может сказать по дѣлу об оскорбленiи Матвѣева, так как ему не удалось еще добиться окончательнаго рѣшенiя...

Я увѣдомил Стайльса о милости, оказанной ея величеством его родственнику вслѣдствiе ходатайства царя, а также при первом случаѣ не замедлю сообщить двору о продолжающейся особенной благосклонности ея величества к юным родственникам царя. Они еще не могли дать государю отчета о милостивой аудiенцiи у королевы, так как с послѣднею почтой никто из купцов не получал писем из Лондона, а письма Нарышкиных обыкновенно приходять в кувертѣ на имя консула.

3-го апрѣля его царское величество еще находился в Воронежѣ; о поѣздкѣ же его в Азов ничего опредѣленнаго извѣстно не было. Он намѣревался предпринять эту поѣздку в случаѣ, если бы корабли поспѣли к отправкѣ на прошлой недѣлѣ; в противном же случаѣ, полагают, царь останется в Воронежѣ до открытiя кампанiи. Послѣднее вѣроятнѣе, так как письма из армiи от 26-го марта увѣряют, будто запорожцы на днях приняли сторону короля шведскаго. Около восьми тысяч запорожцев взялись за оружiе, а один запорожскiй отряд напал на полк русских драгун, состоящий под командою бригадира Кэмпбелля, и захватил в плѣн маiора с пятнадцатью или шестнадцатью рядовыми.

Всѣ прiѣзжающiе из Воронежа утверждают, будто за послѣднее возстанiе на Дону до восьми тысяч человѣк казнено в разных мѣстностях различными казнями. Такая строгость и примѣр запорожцев могут повлечь за собою худыя послѣдствiя, если лѣтом король шведскiй будет дѣйствовать успѣшно...[160]

---

[160] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 162–164.

№ 161

1709, квітня 16. – Лубни
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой древній благодѣтель!

Инаго вашей вельможности нынѣ к доношенію не имѣю, токмо какову потвердительную вѣдомость вчеряшняго дня взятаго под Голтвою от нашей партіи в степи шведскаго драгуна получили о одержаніи викторіи над непріятелем за Ворсклом от господина генерала-поручика Рена, тому при сем извѣстіе посылается. О чем Бога просим, дабы оное так по его к нам щедротам исполнилось. А когда я о том подлинно получу извѣстіе от свѣтлѣйшаго князя генерала от кавалеріи господина Меншикова, или от господина Рена, о том до вашего превосходительства немедленно учиню извѣстіе. Впрочем пребываю вашего вельможества.

К услуженію готовѣйшій слуга Борис Шереметев.
Из Лубен. Апрѣля 16 дня, 1709 года.

1709 года, апреля в 15 день, взят из войска шведскаго драгун Ян Милтрулис Уболит Рейтефельшт регимента, который взят под Голтвою, в допросѣ сказал:

Апрѣля в 11 день, из степи, а из-под котораго мѣста, не знает, ходили они за рѣку Ворскл, 3000 шведской кавалеріи и 4000 казаков запорожских под командою генерала-маіора Круса, на московское войско.

И как отошли 4 мили от оной рѣки, и 12 дня апрѣля о половинѣ дня сошлись с войском московским, и учинили бой с тѣм московским войском токмо одни шведы, а козаки стояли за рѣкою, которая была под оным мѣстом; и во оном бою скоро московское войско их со мѣста сбили, и много порубили, и достальных разогнали; а козаки, видя тот бой, кричали, и убоясь, не бившись побѣжали назад.

Что от того их войска побито подлинно и от того бою осталось, не знает, для того что как московское войско одержало акцію, он побѣжал, только видѣл, что оный генерал-маіор и полковники ушли [161].

№ 162

1709, квітня 20. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Если мое послѣднее письмо (от 13-го апрѣля) попадет в ваши руки ранѣе этого, вы будете удивлены продолжительным молчаніем здѣшняго двора в отвѣт на ваши предложенія об удовлетвореніи и на другія чрезвычайныя проявленія вниманія и дружбы ея величества; но прошлою ночью я получил письмо от графа Головкина, помѣченное 14-м текущаго мѣсяца из Воронежа. За поздним

[161] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 337–339.

полученіем его я не мог изготовить перевода к этой почтѣ, потому позволяю себѣ послать вам копію.

Сущность письма графа такова: доложив царю мои письма от 28-го февраля и другія, прежде написанныя, граф получил приказаніе сообщить мнѣ, что его величество не может принять окончательнаго рѣшенія, пока не узнает, какой приговор будет произнесен оскорбителям в Англіи; что парламентскій акт является только защитою в будущем, а не удовлетвореніем в настоящем; что отправкою чрезвычайнаго уполномоченнаго может только восполниться часть удовлетворенія, по моим увѣреніям, неосуществимая при наших учрежденіях; а потому его величество желает предварительно узнать, как поступите вы, чтобы затѣм сообразить, какое удовлетвореніе возможно признать соотвѣтствующим оскорбленію, независимо от дружескаго расположенія ея величества царь несомненно высоко цѣнит это расположеніе, но, во вниманіе к собственному достоинству, не может допустить, чтобы оскорбители остались безнаказанными. Особенно строгому взысканію должны подвергнуться шериф и полицейскіе пристава. Без этого ничто не будет имѣть характера удовлетворенія. Граф увѣдомляет меня также, что письмо мое от 30-го марта не застало царя в Воронежѣ, но что он сообщит его величеству о почестях и благосклонности, которых молодые Нарышкины удостоились со стороны королевы, и которыя, без сомнѣнія, признаны будут выраженіем дружбы, хотя собственно молодым людям приказано было сохранять инкогнито и только заниматься ученіем. Граф прибавляет, что касательно пропуска кораблестроительных матеріялов не мог добыть никакого новаго рѣшенія.

Почта на проѣзд в Воронеж обыкновенно употребляет не болѣе трех, четырех дней, потому странно, как мое послѣднее письмо с приложенною к нему копіею вашего письма к послу и с отчетом о пріемѣ молодых Нарышкиных не пришло туда в двѣнадцать дней, тѣм болѣе что недѣлю тому назад я здѣсь получил увѣдомленіе, что письмо это благополучно достигло назначенія. Наконец до меня из нѣскольких хороших источников доходят слухи, что царь извѣщен о благосклонности ея величества к Нарышкиным и выражал большое удовольствіе по поводу этого проявленія дружбы со стороны королевы, хотя и не имѣл в виду вводить вас в расходы или хлопоты, а потому приказал им путешествовать в качествѣ частных лиц.

Вообще все письмо представляется мнѣ очень неясным, но вы лучше в состоянии будете судить о нем, когда ознакомитесь с ним в переводѣ. С своей стороны замѣчу только, что, признавая законное наказаніе оскорбителей, письмо королевы и порицаніе цѣлой націи недостаточным удовлетвореніем за обиду, к которой посол дал несчастный повод неосторожным веденіем собственных частных дѣл, русское правительство в то же время не дает никакого удовлетворенія по поводу оскорбленія, нанесеннаго мнѣ: одного из старших слуг моих, без всякой вины с его стороны, держат в тюрьмѣ двадцать четыре часа и это остается без всякаго удовлетворенія, даже без всякаго вниманія.

Принимая в соображеніе, как долго граф Головкин оставлял мое письмо без отвѣта, а также и то, что Шафиров не отвѣчал мнѣ на три письма, я не вижу основанія торопиться возраженіем, а потому подожду, пока почта привезет извѣстіе о приговорѣ, вынесенном присяжными оскорбителям Матвѣева. Впрочем, не взирая на всѣ эти кажущіяся колебанія, я не сомнѣваюсь, что все окончится благополучно; опасаюсь только, как бы царь не стал ожидать присылки особаго уполномоченнаго по данному случаю.

Дня два тому назад я получил очень любезное письмо от князя Меншикова, помеченное 9-м текущаго мѣсяца из Харькова, которым он рекомендует мнѣ родственника своего Василья Арсеньева, отправляемаго в Великобританію для изученія мореплаванія, и просит, не достану ли я Арсеньеву паспорт от ея величества, из чего заключаю, что этот господин, в настоящее время состоящій при арміи, намѣрен ѣхать сухим путем. Если вам угодно будет исполнить это желаніе князя, можете прислать паспорт с каким-нибудь судном в Архангельск, так как при нынѣшнем состояніи почты этот путь вѣроятно окажется кратчайшим и вѣрнѣйшим. Покуда же воспользуюсь случаем, чтобы удостовѣриться, насколько князь изъявит готовность употребить свое вліяніе по вопросам об удовлетвореніи в дѣлѣ посла и о пропускѣ кораблестроительных матеріялов.

Князь в письмѣ своем упоминает о весьма странной новости: будто Голландія и Великобританія освободили короля Августа от обязательств, вызываемых их гарантіею договора его со шведами. Князь прибавляет, что об этом в арміи получено нѣсколько извещеній, подтверждаемых перехваченным письмом короля Станислава, которое прислано в русскій лагерь коронным гетманом Сенявским. Прилагаю копію с письма генерала Гольца князю Меншикову, из котораго увидите, что, по слухам, новость эта прислана шведскими уполномоченными из Лондона и из Гааги. Считаю долгом увѣдомлять вас о всѣх подобных слухах. Вы, надѣюсь, получили и мой недавній отчет о письмѣ генерала Огильви ко мнѣ, в котором он излагает взгляды своего новаго государя.

Князь Меншиков пишет, что шведы расположились в мѣстности, образующей как бы остров, русскіе же заняли удобнѣйшія мѣста вокруг них и ежедневно высылают небольшія партіи, которыя иногда приводят плѣнных и дезертиров – как офицеров, так и рядовых, – которые перебѣгают часто. По словам князя, большинство запорожцев возвратилось к своему долгу; потому они намѣрены выбрать новаго кошеваго. В недавней схваткѣ, однако, казаки убили около шестисот русских, потому не вѣрится, чтобы большинство обратилось к царю; напротив, слышны опасенія, как бы мятеж не распространился далѣе, на Дон.

Его величество отплыл в Азов 10-го апрѣля с четырьмя военными кораблями и шестью бригантинами. В это время года теченіе очень быстро, потому царь на легком бригантинѣ надѣется достигнуть цѣли своего путешествія в семь или восемь дней, хотя от Воронежа до Азова почти тысяча англійских миль. Корабли придут позже, когда успѣют. С царем выѣхал один из ближайших сановников его, Пушкин, который, по слухам, будет отправлен в Турцію. Царевич-наслѣдник и князь Гагарин прибыли сюда два дня тому назад, а царевну ожидают в самом непродолжительном времени; адмирал же останется в Воронежѣ, пока не получит вѣсти о благополучном прибытіи царя в Азов.

Это письмо пойдет через Кіев, так как здѣсь неизвестно, благополучно ли достигли назначенія письма, направленныя чрез Вильну и Кенигсберг; да и послѣднія письма, полученныя мною из Великобританіи, помечены еще 28 января н. ст.

Весенніе разливы здѣсь очень значительны и причинили большіе убытки. Еще десять дней тому назад всюду лежал снѣг, морозы были настолько сильны, что по рѣкѣ переходили льдом, теперь же все растаяло, кроме снѣга, лежащаго в лѣсах, а жары также велики, как іюльскія в Англіи [162].

---

[162] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 165–169.

№ 163

1709, квітня 20. – Москва
Додатковий лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

В последнем донесении моем вы изволите найти отвѣт графа Головкина по поводу оскорбленія, нанесеннаго послу, но я из других рук получил лучшія свѣдѣнія: князь Гагарин через консула и Стайльса настойчиво увѣряет, что царь дал первому министру положительное приказаніе покончить этот разлад; он очень доволен дружеским расположеніем ея величества, на посла же гнѣвается в такой степени, что одно время думал лишить его половины имущества, хотя граф постоянно скрывает все, способное повредить Матвѣеву и в собственных реляціях посла, и в ваших и в моих письмах. Нѣт сомнѣнія, что и мое письмо пришло в Воронеж своевременно, но утаено от царя; не трудно понять теперь, почему помѣшали и моему пріѣзду в лагерь. Царь обращал очень мало вниманія на все это дѣло, когда о нем заходила рѣчь, что случалось не раз, между прочим, за три дня до отъѣзда государя в Воронеж. Адмирал раздѣляет мнѣніе царя; предложенія ея величества признаются достаточными и прочими министрами, кромѣ графа, которому хотѣлось бы продлить разлад и довести его возможно далеко в интересах и к чести своего родственника. Шафиров поддерживает графа, чтобы не противодѣйствовать ему. Может быть также, что цѣль этого молчанія – дать послу время поставить собственный условія. Но вы лучше чѣм кто бы то ни было усмотрите, что эта невѣжливая медлительность со стороны Шафирова и графа, это невниманіе к письму ея величества, это умышленное молчаніе, отклоненіе вопроса о пропускѣ кораблестроительных матеріялов и невниманіе к аресту моего слуги – собственно клонятся в нашу пользу. Правда, приглядываясь к нравам Россіи и русскаго двора, подобным поступкам не должно придавать особеннаго значенія. Пока мѣропріятіям перваго министра постараюсь противупоставить вліяніе фаворита.

На случай, однако, если бы московскій двор стал рѣшительно настаивать на присылкѣ из Англіи чрезвычайнаго уполномоченнаго с объясненіем, замѣчу, что, в виду наступающаго лѣта и неудобств сухопутнаго проѣзда в Россію, трудно предположить, чтобы он мог пріѣхать ранѣе будущаго года, когда корабли прибудут в Архангельск. Как бы то ни было, полагаю, что все дѣло скоро уладится, а потому прошу позволенія напомнить вам прежнюю свою покорнѣйшую просьбу – о возвращеніи меня в Англію. Здоровье мее сильно страдает от здѣшняго климата. Если ея величеству угодно будет даровать мнѣ эту милость, отзывныя грамоты могут быть высланы в Архангельск, что даст мнѣ возможность выѣхать зимним путем. Кстати, если бы графу Головкину удалось затянуть примиреніе до зимы, я увѣрен, что малѣйшій намек на мое отозваніе ускорил бы рѣшеніе дѣла согласно вашим желаніям.

Еще раз поручая себя вашему милостивому покровительству, пребываю с полным уваженіем и т. д. [163]

---

[163] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 170–171.

№ 164

1709, квітня 26. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій
господине, господине!

Получил вашего превосходительства письмо, в котором изволите писать о Палеѣ, что он прислан к вашему превосходительству, котораго для свиданья с дочерью изволите отпускать в Кіев, и прежде его отпуску изволите мнѣ ознаймывать, дабы бѣлоцерковскій полковник Михайло, услыша об нем, не был в сумнѣніи, и по прежнему с вашим превосходительством и князь Григорьем Ѳедоровичем согласію онаго полковника держал за тайным караулом, когда полки разставлены были около Хвастова; а когда полки рушились и онаго полковника взял я в Кіев, и нынѣ за караулом в Кіевѣ. О котором генералѣ прежде сего к вашему превосходительству писал, и нынѣ у онаго взял за паролем письмо, в каком интересѣ он ѣхал. Из онаго письма список послал к князь Григорію Ѳедоровичу Долгорукову, из онаго письма изволите ваше превосходительство увѣдомиться об нем. Из Литвы вѣдомость имѣю: в Ковнѣ стояло шведов 2000, и в Слуцк пріѣхал шведскій генерал, а при нем конницы с 200 человѣк, и из Слуцка поѣхал в Вильно, а из Вильны, соединясь с иными шведы, которые в Ковнѣ стояли, будто пошли к Ригѣ, тому пятая недѣля; сапѣженское войско стоит от Слуцка даже до Вильны и до Колова, и в Коловѣ стоит сам Сапѣга, а к походу приготовленія никакого нѣт, токмо великія контрибуціи берут; Амара стоит в Бобровскѣ. С другой стороны из Польщи вѣдомость имѣю: Лещинскій изо Львова вышел и воевода кіевскій и Шмигельскій случился с Красовым, старосту бобровскаго ждут к себѣ вскорѣ и, совокупясь, хотят идти на гетманов. Повторне из Польши пишут: Лещинскій реторовался паки во Львов из Браславля, который не долго там продолжит, и пойдет к Раготину, гдѣ генерал Красов в близости оных мѣст обрѣтается; Шмигельскій в Брежинах с легкими был людьми и подъѣзд выправлял; староста бобровскій к Берестечку и будто шведов транспорту ожидает. Писали ко мнѣ Бѣлоцерковскаго полку старшина, что около Бугу собралось запорожцев гультаев с 3000 человѣк и больше, людей грабят и разоряют, и хотят идти для разоренія в полку их города Умани; да бреславскій полковник Григораш писал, что они, своевольцы, в полку его мѣстечко Чечельник разорили, и к оной старшинѣ и к бреславскому полковнику писал я, дабы на оных своевольцев отправили людей, чтоб оных могли ускромить.

Вашему превосходительству всегдашним пріятелем князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева,
апреля 26 дня. 1700 года [164].

---

[164] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 9–10.

№ 165

1709, квітня 27. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Я снова, от лица совершенно непрошеннаго, получил самыя настойчивыя увѣренія, что царь оставил дѣло посла без вниманія; что хотя первому министру и неловко сразу прекратить его, он вынужден будет уступать мало по малу, и вѣроятно воспользуется случаем высказаться, когда из Англіи придет извѣстіе, какому наказание подвергнутся оскорбители.

Царь очень утѣшен особенными милостями, оказанными ея величеством молодым Нарышкиным, хотя сначала был не совсѣм доволен ими за то, что они принимают эти милости и доставляють вам столько забот. Как бы то ни было, нынѣшним лѣтом они должны отправиться в плаванье. Его величество также не раз в частных разговорах высказывал особенное уваженіе и дружеское расположеніе к королевѣ.

Король Август еще не заключил никакого договора с царем. Он просил милліон долларов, но ему отказали, заявив только в общих выраженіях, что в случаѣ, если он в настоящее время прибудет в Польшу, русскій двор окажет ему поддержку, какая окажется возможной.

Письма из Харькова от 19-го апрѣля ст. ст. сообщают, что генерал-маіор Крузе с тремя тысячами шведской кавалеріи и четырьмя тысячами казаков намѣрен был захватить врасплох генерала Ренна, стоявшаго в Сокольнѣ, приблизительно с отрядом в восемь тысяч русских. Но шведы встрѣтили такое горячее сопротивленіе, что принуждены были отступить в большом безпорядкѣ, оставив пятьсот человѣк на мѣстѣ кромѣ многих, потонувших при переправѣ через маленькую рѣчку, на которой мост был сломан. Полковник Гульденштирн погиб в битвѣ, а один подполковник, один маіор и три капитана взяты в плѣн. Запорожскіе казаки не подоспѣли во время.

Граф Дона, прусскій дворянин, состоящій генерал-лейтенантом на службѣ короля Станислава и посланный им к королю шведскому с сорока офицерами, взят в плѣн близ Кіева со всѣми своими спутниками [165].

№ 166

1709, травня 4. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...В послѣднем письмѣ своем я извѣщал вас также, что отряд из трех тысяч шведов и четырех тысяч казаков под начальством генерала Крузе, напав в Сокольнѣ на генерала Ренна, под командою котораго находилось восемь тысяч русских, был отбит и потерял пятьсот человѣк кромѣ убитых во время преслѣдованія. Подполковник и другіе офицеры, захваченные в плѣн в этой битвѣ, показали, что король шведскій по прежнему занимает квартиру в Будищѣ, войска же свои

[165] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 173–174.

расположил так, чтобы блокировать русскій отряд, стоящій в Полтавѣ. Они в шведской арміи все еще насчитывают до 28 000 человѣк со включеніем больных; кромѣ того, говорят, будто весной король ожидает около 20 000 рекрут из Курляндіи, частью под начальством генерал-маіора Скита, частью же под командой генерал-маіора Крассау. Казаков, перешедших на сторону короля шведскаго, они насчитывают до 15 000 и прибавляют, будто весной их подкрѣпят нѣсколько тысяч татар.

Письма из Харькова от 26-го апрѣля сообщают, что трава подросла достаточно для косьбы, потому русскія войска собираются к Красному Куту. Один из русских отрядов, повстрѣчав полторы тысячи казаков, перебил или перехватал большинство их, а забранный в плѣн начальник казаков немедленно четвертован на мѣстѣ. Русскіе также разрушили мост, построенный шведами через Днѣпр у Переволочны и выжгли город, гдѣ устроен был весьма значительный непріятельскій магазин. Так кампанія открылось успѣшно для царской арміи.

Я уже имѣл честь увѣдомить вас, что его величество выбыл из Воронежа на легком бригантинѣ, приказав четырем военным кораблям слѣдовать за собою вниз по Дону до Азова, куда сам прибыл 20-го. Он надѣялся возвратиться в Воронеж в концѣ текущаго мѣсяца [166].

№ 167

1709, травня 4. – Корсунь
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Корсунскому полковнику Андрею Кандибѣ.

Писал ко мнѣ атаман корсунскій: в. м. с полком пошли в погоню за непріятелем к Бугу. Желаю вам, дабы щасливо над оними имѣти одолѣніе и прошу, что у вас будет чиниться, пишите ко мнѣ часто, а я 5 числа июня из Корсуня пойду к Чигирину.

Князь Дмитрій Галицин.
С Корсуня 4 мая. 1709 году [167].

№ 168

1709, травня 11. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Немного позже отправленія письма моего, писаннаго вам недѣлю тому назад, я узнал, что с тою же почтой отправлено приказаніе отозвать из Великобританіи молодых дворян и всѣх вообще русских волонтеров, состоящих во флотѣ ея вели-

[166] Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 175–176.
[167] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 303.

чества, поручив их попеченію Львова, русскаго, проживающаго в Амстердамѣ и завѣдывающаго всѣми царскими подданными, отправленными за границу. Стайльс получил и показал мнѣ копію этого приказа, даннаго генерал-адмиралом Апраксиным в отвѣт на письмо Львова от 18-го декабря. Апраксин настойчиво указывает на необходимость ближе ознакомить молодых людей с морским дѣлом, так как это ознакомленіе составляет собственную цѣль их путешествія. Строки, касающіяся юношей, таковы: «Нарышкиным, князю Долгорукому и обоим графам Головиным, гдѣ бы они ни находились, прикажите немедленно отправиться к вам; в случаѣ же, если бы они прибыть не захотѣли, вы имѣете поѣхать за ними сами и перевезти их, наблюдая, чтобы они прилежно обучались мореплаванію, как вам о том его величество болѣе подробно наказывал».

Здѣсь в этом распоряженіи видят не проявленіе какой-либо непріязни к Великобританіи, а слѣдствіе причин и соображеній частнаго характера. Брат Стайльса часто жаловался на русских волонтеров и просил освободить его от заботы о них, так как, вслѣдствіе их безпорядочнаго поведенія, он не может ни удерживать их в повиновеніи, ни принудить их к пристойному образу жизни. Русское правительство полагает, вѣроятно, что обученіе молодых людей пойдет успѣшнѣе под опекой Львова, который в то же время пожнет немалыя выгоды, располагая не только личностью, но и деньгами опекаемых. Не знаю, в какой мѣрѣ эти соображенія вліяли на принятое рѣшеніе, на сколько ему содѣйствовал наш друг Матвѣев; но, как бы то ни было, оно могло явиться своевременнѣе, чтобы не дать повода видѣть в нем открытое выраженіе охлажденія или неудовольствія со стороны русскаго двора. Консул, как бы от себя, дал понять нѣкоторым представителям здѣшняго правительства, будто таково и мое воззрѣніе. Мнѣ интересно будет узнать, сообщил ли вам русскій двор о своем рѣшеніи, так как он обязан был сдѣлать это в виду ясно выраженнаго вниманія ея величества к молодым людям. Очень сожалею о них: рожденіе, богатство, личныя качества их требовали бы лучшаго воспитанія, чѣм то, которое можно получить в Амстердамѣ. Не сомнѣваюсь, что высшія милости, оказанныя молодым людям королевою, оставят в нѣжных душах их чувство благодарности, тѣм болѣе что положеніе их, по-видимому, измѣнится к худшему.

По дѣлу посла не могу сказать ничего новаго, так как русскіе министры откладывают окончательное рѣшеніе до тѣх пор, пока не узнают, к какому наказанію оскорбители присуждены в Англіи. Процесс их вѣроятно, уже и окончился, но, так как почта ходит крайне неправильно, трудно сказать, когда вѣсть о присужденном наказаніи дойдет до царя. Послѣднія письма, полученныя мною из Великобританіи, помѣчены 1-м февраля ст. ст., хотя они на три почты свѣжѣе всѣх писем, полученных купцами. Надѣюсь, что до вас дошли письма, в которых я передавал просьбу князя Меншикова о паспортѣ от ея величества родственнику его, Василью Арсеньеву, отправляемому в Англію для изученія мореплаванія.

4/15-го текущаго мѣсяца я имѣл честь увѣдомить вас, что шведскіе офицеры, взятые в плѣн в дѣлѣ при Сокольнѣ, показывали, будто лѣтом король ожидает прибытія двадцати тысяч новобранцев. С тѣх пор мнѣ удалось видеть письма из Петербурга от 18-го апрѣля с показаніями шведскаго офицера, захваченнаго близ Выборга, который подтверждает это показаніе, прибавляя, что около десяти тысяч из них уже находятся в Курляндіи под начальством генерал-маіора Скита, и что

значительное число новобранцев поспѣшно садится на суда в Выборг и Або, остальная же часть ожидаемых двадцати тысяч должна прибыть из Швеціи, не считая войск из Бремена и Помераніи, состоящих под начальством генерала Крассау.

Если таким значительным подкрѣпленіям удастся благополучно соединиться с королем шведским, относительное положеніе враждующих сторон совершенно измѣнится и Россіи угрожает большая опасность.

Прусскій посланник, Кайзерлинг, получил от своего государя разрѣшеніе возвратиться в Германію на нѣсколько мѣсяцев для поправленія здоровья, но не воспользуется данным позволеніем и останется здѣсь, пока не минет большая часть кампаніи. Полагаю, что и датскій посланник не выѣдет ранѣе, так как он еще не извѣщен о назначеніи себѣ преемника, да и вообще уже три мѣсяца не получает писем из Копенгагена [168].

№ 169

1709, травня 11. – Москва
Додатковий лист Чарльза Вітворта
до статс-секретаря Бойля

Если письмо мое от 20-го апрѣля или высланный вам 27-го дубликат его достигли ваших рук, вы увидите, что дѣло об оскорбленіи посла идет хорошо и вѣроятно, также благополучно окончится, не взирая на отозваніе русских волонтеров из Англіи. Очень непріятно, если бы и консулу, и Стайльсу, и мнѣ пришлось разочароваться в извѣстіях, доставленных нам разными, и вполнѣ достойными довѣрія, лицами. Не смотря на это, распоряженіе об отозваніи русских представляется, при настоящих обстоятельствах, очень не любезным отвѣтом на ваши дружескія заявленія и заслуживает, чтобы вы по крайней мѣрѣ выказали равнодушіе к нему, чтобы министры почувствовали всю его неблаговидность. Впрочем, надѣюсь, вы и на этот раз окажете благосклонность молодым людям и перешлете их на одной из яхт ея величества, дабы русскіе могли убѣдиться, что вы руководствуетесь болѣе достойными и болѣе прочными принципами, чѣм они. Как я уже писал вам не раз, опасеніе разлада всегда оказывает на русскій двор дѣйствіе болѣе сильное, чѣм чувства чести и благодарности, а потому, по моему мнѣнію и по мнѣнію всѣх лиц, хорошо знакомых с Россіей, нѣкоторая холодность будет не безполезна, и вы можете удобно проявить ее, отозвав меня без указанія на какой бы то ни было повод к такому отзыву.

Не стану скрывать, что имѣю особенныя причины сердечно желать этого, но могу увѣрить вас, что не позволил бы себѣ так часто повторять свою просьбу, если бы не признавал отзыва полезным для дѣла и для достоинства ея величества [169].

[168] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 176–179.
[169] Там само. – С. 179–180.

№ 170

1709, травня 12. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше писмо, в котором пишете о держанной викторіи над запорожцы, и тою побѣдою вас поздравляю, а за обявленіе благодарствую, а что пишете, чтоб та служба ваша явна была, и я как преждѣ сего к вам писал и ныне подтверждаю, не мните того, чтоб сия вѣрная служба у царского величества забвенна була, но каждой воспріимет воздаяніе, а иные повышеніе чинов. Вѣдомость имѣю: Лещинской и генерал Красов уступили, Рейментаровскій пошел к Вигоцку, и смятеніе междо ими, когда услышали о помощи в их государевих войсках с фелдмаршалом Голцом, и конечно пойдут к Вислѣ.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 12 мая 1709 году [170].

№ 171

1709, травня 18. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Прилагаю копію донесенія, отправленнаго мною с прошлою почтой, главною цѣлью котораго было – сообщить вам об отозваніи русских волонтеров. Дня два тому назад Кикин горячо увѣрял Стайльса, что это дѣло не имѣет никакого общественнаго значенія, а вызвано единственно желаніем поручить молодых людей заботам Львова в виду дошедших сюда слухов, будто настоящій попечитель их слишком мягок, уступчив с ними, и особенно мало обращает вниманія на обученіе их морскому дѣлу. В то же время родственники молодых людей, кажется, увѣрены, что Львов домогается опеки скорѣе над деньгами, чѣм над лицами, а потому постараются склонить царя к отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія еще до наступленія зимы.

Московская армія снова имѣла успѣшное дѣло со шведами 7-го мая близ Опочны – города, лежащаго на Ворсклѣ, почему на валах сегодня поутру раздавались пушечные выстрелы, иностранным же уполномоченным министрами сообщена следующая реляція:

Князь Меншиков на глазах шведов перекинул нѣсколько мостов через Ворсклу, перешел рѣку с отрядом, составленным из кавалеріи и пѣхоты, и аттаковал ретраншемент, защищаемый шестью или семью сотнями людей, из которых большинство легло на мѣстѣ, а маіорь Лоде, три капитана, шесть офицеров и сто семь рядовых взяты в плѣн с двумя пушками, со знаменем и двумя барабанами.

Другой шведскій отряд, состоявшій из двух пѣхотных и трех кавалерійских или драгунских полков под начальством генерал-маіора Розе, отступил к недавно

---

[170] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 303–304.

усиленным ими укрѣпленіям Опочны. Русскіе бомбардировали укрѣпленія в теченіе двух или трех часов, но не сочли возможным итти на штурм и стали отступать; они еще не успѣли перейти рѣку обратно, когда король шведскій подоспѣл с большею частью своей кавалеріи и в дефилеях напал на арьергард отступающих, однако довольно безуспѣшно, так как постоянным огнем русской артиллеріи и пѣхоты принужден был отойти в безпорядкѣ. Дѣло это происходило в разстояніи мили от главной квартиры короля в Будищѣ, куда шведскія силы и возвратились с его величеством, предварительно испепелив Опочну.

Письма из Кіева от 27-го апрѣля увѣряют, будто генерал Гольц и его отряд находятся на разстояніи одного перехода от коронной арміи, и, соединившись с ней, постарается аттаковать короля Станислава, который, говорят, все еще стоит с своим войском неподалеку от Львова.

16-го царь думал выѣхать из Азова, чтобы возвратиться к арміи. Его величество отправил в Константинополь одного из своих офицеров просить у Порты пропуска через Геллеспонт одному или двум военным корабям для дѣйствій против шведов в океанѣ. Такой проэкт невыполним; сделанный запрос – скорѣе попытка вывѣдать расположеніе Турціи. В Архангельскѣ стоят два корабля, которые уже предназначались было для упомянутой цѣли, но она, как полагают, оставлена; да это и желательно, так как выполненіе подобнаго намѣренія повлекло бы дурныя послѣдствія для здѣшней торговли.

Завтра генерал-лейтенант Бауер, проживщій здѣсь нѣсколько мѣсяцев для излеченія ран, выѣзжает обратно в армію. Он говорил мнѣ, будто, вопреки реляціям, русскіе под Лѣсным понесли очень значительныя потери.

Здѣсь все еще идут толки, хотя и не достовѣрные, будто король Август возвратится к союзу. Если это так, королю шведскому, пожелай он заключить мир, придется испытать такой же отказ, какой царь испытал три года тому назад...[171]

№ 172

1709, травня 18. – З обозу
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой древній благодѣтель!

Инаго к доношенію вашему превосходительству не имѣю, токмо в надеждѣ такой пребываю, что по заключенному нашему во Голтвѣ генеральному совѣту, исполнить соизволите. Однако ж кои назначены партіи для поиску над непріятелем по тому генеральному заключенію, надлежить приказать, дабы командиры имѣли себя в опасности; понеже полковник миргородскій сего числа объявил полученныя вѣдомости чрез шпигов, кои возвратились от Решетиловки, якобы от неприятельскаго войска часть приготовилась под Голтву. И хотя о том ваше превосходительство извѣстны, токмо вѣденіе о сем не оставляю, и сіе предаю вашего

[171] Сборник императорскаго русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 181–183.

превосходительства в высокое разсужденіе, и желаю извѣстіе, как в оном ваше превосходительство изволите учинить; також господину адъютанту Ушакову, который нынѣ в Голтвѣ, походѣ в партіи с донскими козаками велѣно исполнять по вашим указам; а от нас по тому генеральному заключенію партіи отправятся завтрашняго числа. При отпускѣ сего получил я вашего превосходительства письмо, что при помощи Божіей Сѣча взята, за которое зѣло благодарствую, и желаю, дабы всемогущій Бог вящую побѣду над такими измѣнниками даровал. Впрочем пребываю вашего превосходительства

Ко уваженію готовѣйшій слуга Борис Шереметев.

Из обозу от Булыклейки.
Мая 18 дня, 1709 года [172].

№ 173

1709, травня 21. – З-під Говтви
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласкавій пріятелю, п. полковнику корсунскій и богуславскій.

В державлисмо сего часу от сиятельнѣйшаго князя Голѣцина, воеводы кіевскаго, певніе вѣдомости о том, же непріятельскіе сапѣжинскія партіи почали около Корца, Звягля, Полонного, Судилкова и Чуднова являтися, абы теди в полках ваших и Бѣлоцерковском якови таковіе партіи не учинили урону и разоренія. Писалисмо и прежде и тепер недавно до превосходительнѣйшаго г. генерала маіора князя Волконскаго, а бы вас оттоль отпустити изволил; як теды отпустит, возвратѣтеся ви з полками своими не в домы, але мімо домы, так поспѣшаючи и тягнучи, гдѣ бисте могли надѣятися непріятельского нашествія, и латво ему отпор держати, а повертаючи туда, описатися до сіятельнѣйшаго князя воеводы кіевского не омешкайте, так теж всякой належитой быти осторожности старайтеся войсковой, а бысте, уховай Боже, с непріятельских поездов на выше менованных мѣстцах показуючихся яковой не понесли шкоды; рейментарско теды в. м. тое приказавши им же зичем доброго здоровя.

З обозу под Говтвою 21 мая 1709 року.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій гетман, Войска его царского пресвѣтлаго величества Зап. [173]

---

[172] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 339–340.
[173] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 304.

№ 174

1709, травня 22. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Корсунскому полковнику Андрѣю Кандибѣ доброго здоровя желаю.

Получил ваше писмо, в котором пишете о взятіи Сѣчи, и за оное обявленіе благодарствую. А я вѣдомость от Польши имѣю по пришествію фельдмаршала Голца к Подкаменю, и в нечаянiи старосты бобровскаго напали волохи и поляки, против которых он выступил з двумя полками, и оніе сапѣжинцы начали уступати и навели на самого Сапѣгу, гдѣ со всѣм войском в приуготовленіи стоял и на себѣ ожидал и с ним, Сапѣгою, учинили бой, на котором боѣ скоро наши с мѣста збили, многих побили, а протчіе разбежались, и у них, сапѣжинцов, взяли в полон полковника, прапорщика и немалое число рядових, 10 знамен, 2 пары литавр; с нашей стороны убито 1 поручик, 13 человѣк драгун; ранено 24 человѣка.

Князь Дмитрій Галицин.

Из Кіева 22 мая 1709 году [174].

№ 175

1709, травня 24. – Зіньків
Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій господин, мой древній благодѣтель!

Сего мая 23 дня явилися нам выходцы из войска шведскаго полковника гадицкаго Тращинскаго челядники Иван Кучуровец, Денис Щуровскій, да Мазепина писаря Орлика челядник Семен Ладанов, и оные при сем посылаются к вашему превосходительству. А что нам о неприятельских оборотах объявили, о том вашему превосходительству они донесут сами. Впрочем пребываю.

Слуга твой Борис Шереметев.

Из Зинькова.
Мая 24 дня, 1709 года [175].

---

[174] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 305.
[175] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 340.

№ 176

1709, травня (?). – З-під Говтви
Лист гетьмана Івана Скоропадського
до корсунського полковника Андрія Кандиби

Дякуем в. м. за повторное виразнѣйшее о взятіи Сѣчи Запорожской извещеніе нам присланное, а же в. м. ознаймуеш, же з полком своим отойшол в домы, теды лист наш чрез почту до превосходительнѣйшаго г. его мл. князя Волконскаго отправленный до в. м. и до п. полковника богуславского писаный до рук в. м. был не дошел, в котором мы по вѣдомостях от сіятельнѣйшаго г. его милости князя Галицина, воеводы кіевскаго, нам донесених о том, что партій сапѣжинскіе почалы около Корца, Звягля, Полонного, Чуднова и Судилкова являтися, указали есмы в. м., а бысте не вдомы, але мимо доми шли в совокупленіе с полком Бѣлоцерковским там, гдѣ приличнѣй мощно будет тым – то являючимся сопѣжинским партиям отпор давати, абы они там людем нашим яковый, уховай Боже, не учинили шкоды и руины. Таковый теды указ наш и теперь повторяем, абися в. м. з полком в домах не роскошуючися, але тилко борошна себѣ и товариству в возни приболтавши за раз и шоол к Чуднову, куда и Бѣлоцерковскому и Богуславскому полкам ити росказалисмо, и там на приличном гдѣ мѣстцу ставши пилное на партіи непріятельскія, абы якового в людех наших поучинили урону и разоренія, имѣл охощо. Рейментарско в. м. приказавши, ему зичим доброго здоровя.

З обозу под Говтвою.

В. м. зичливій пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Запр.

При оном унѣверсалѣ цѣдула такова: за присланe пернача и корогви дякуем в. м.[176]

№ 177

1709, травня 27. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина
до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше писмо, в котором пишете, указ к вам от гетмана прислан, велѣно полку твоему и Богуславскому итти в случение к Бѣлоцерковскому полку, о чем вы требуете, что вам спѣшноль итти, или поволи? Нынѣ в том острова случая нѣт, и Белоцерковской полк токмо отошел от Хвастова 5 миль и стал, и вашим полкам по писму моему велено итти, для того, что сапѣжинскіе подъѣзди явились было около Корца и скрито стояли по лесам и хотѣли идти к Чуднову, и опасно

[176] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 305–306.

было того, что ваших полков не было, чтоб внезапно набѣгом в скорости не учинили какова разоренія; а когда разбили Сапѣгу и оные сапѣжинскіе подѣзды утихли, мнѣ разсудилось, что вам спѣшно итить не надобно, токмо ко мнѣ почащше пиши, и о том я вам буду давать знать.

Князь Дмитрій Галицин.

Из Кіева 27 мая 1709 году [177].

№ 178

1709, червня 1. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій и почтеннѣйшій господине, господине!

Писал ко мнѣ из Бѣлагорода господин Неплюев: пойман донской козак и привезен в Бѣлгород, который был при Некрасову, и сказал: послал его Некрасов в малороссійскіе городы для возмущенія народа и для призыву к нему, Некрасову, на берды, с пятью-десятьми человѣки, и оный вор с двѣнадцатьми человѣки был в городках Кременчугѣ, Власовкѣ, в Голтвѣ, и в тѣх городах эсаулам, которые у сотников ходят, сказывали, чтоб людей возмущали и подговаривали к вору Некрасову идти на берда, в Кременчугу Федьку Далеску, в Власовкѣ Андрею Савостіанову, Харку Ларіонову, в Голтвѣ Сидору да Семену, и тѣ эсаулы сказывали ему, что по их прельщенію многіе обѣщались к нему, вору, на берда идти, а товарищи его тридцать восемь человѣк остались за Днѣпром на сей сторонѣ для такаго ж возмущенія и прельщенія. Также подлинную имѣю вѣдомость, что к Орлику примыкаются шпіоны с прелестными письмами и были в Корсунском, и Чигиринском и Уманском полках и в Черкасах, и в Мощнах, и в Каневѣ. Изволишь ваше превосходительство указ от себя послать тѣх эсаулов побрать, и чтоб не могли уйтить, и в городы указами крѣпко подтвердить, дабы таких возмутителей перестерегали и ловили, чтоб оные не прельстили из народу кого к своему воровству.

При сем остаюсь вашему превосходителъству всегдашним пріятелем и слугою князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева, іюня 1 дня. 1709 года [178].

---

[177] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 306.

[178] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 10–11.

№ 179

1709, червня 5. – З-під Багачки
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласковій пріятелю, п. полковнику корсунскій.

Любо вѣдомо нам учинилося, же в. м. з полком своим з волѣ сіятельнѣйшаго князя его милости Димитрія Михайловича Голицина з намѣренной под Чуднов возвратившися дороги знайдуется в дому (яко о том мѣем от его ж сиятельства вѣдомость), однак иж тепер военное есть время, а до того, куды завзялисмя певность, же непріятель всѣх нас общій король шведскій будучи принужденній под Полтавою, и оголоженій з войском своим мѣет кудас, а без мала чи не до Днѣпра удатися, теди жадаем в. м. нерозгощаючися пространно в дому приказали всему полку своего товариству в належитую до походу военного приспособившися поготову так знойдоватися, яко би с могло до походу, куда наш зайдет в. м. о порушеню ординанс, зо всѣм полком належите двигнутися. Для сего мѣешь в. м. в совокупленіи товариство полку своего все держати, не роспускаючи по домах. О чом пишем лист наш и до пана полковника богуславского. О сем предложивши, зичим в. м. доброго от Господа Бога здоровя.

З обозу под Богачкою. Июня 5 року 1709.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Запр. [179]

№ 180

1709, червня 8. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше писмо, в котором пишете: вѣдомость имѣете, что запорожцы, которые из Сѣчи ушли, собрались в Очаковѣ, тисячи с полтари, и хотят итти для разоренія в полк ваш, и вы для лучшаго охраненія с полком хочете выходить в степь и то вы чините изрядне, что осторожность имѣете; и не престанно надобно вам соглашаться з драгунскими полками, которые под командою Ченцова.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 8 июня 1709 [180].

---

[179] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 307.
[180] Там само.

№ 181

1709, червня 8. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Я провел нѣсколько дней за городом и, так как за это время ничего замѣчательнаго не случилось, я с двумя послѣдними почтами не безпокоил вас письмами, поручив секретарю своему извѣщать сэра Тильсона о текущих дѣлах.

Вы конечно, слышали от него, что шведы осадили Полтаву – город, расположенный на небольшом холмѣ близ Ворсклы, один из значительнѣйших городов Украины как по числу жителей, по занимаемому им пространству, так и по выгодному своему положенію: он прикрывает Украину от запорожских казаков и стоит на перепутьи к донским казакам и к татарам. Первоначально он был только обнесен земляным валом и палисадами против татарских набѣгов, но царь, предположив, что шведы на зиму намѣрены расположиться и его окрестностях, отправил туда генерал-маіора Волконскаго с значительным гарнизоном и приказал укрѣпить город, что и было исполнено: сооружено нѣсколько наружных верков, недостаточных, чтобы противустоять арміи, снабженной сносной артиллеріей, но так как недостаток в порохѣ доходит у шведов до того, что они не могут истратить количества пороха, необходимаго для пробитія бреши, им приходится искать других средств аттаки.

Однажды шведы подвели было мину под самую стѣну и вкатили в нее десять бочек пороху, но осажденные открыли подкоп, захватили бочки как раз перед взрывом и отбили начавшійся штурм непріятеля, причинив ему немало вреда. За тѣм в город без малѣйших потерь удалось войти подкрѣпленію в 1200 человѣк под начальством бригадира Головина (родственника князя Меншикова) и полковника Ура (датчанина); причем каждый солдат внес с собою пуд пороху и полпуда свинца. При первой вылазкѣ, однако, Головин имѣл несчастіе попасться в плѣн, полковник же убит. Вся русская армія в настоящее время сосредоточена на другом берегу Ворсклы и надѣется освободить Полтаву. Полагают, что, по возвращеніи царя, русскіе рѣшатся на генеральное сраженіе, как совѣтуют многіе генералы. Впрочем такіе слухи повторялись часто и прежде, но не оправдывались. Пока русскіе домогаются открыть сообщеніе с осажденными, шведы же стараются помѣшать всякому сообщенію. Таково было расположеніе непріятельских армій по извѣстіям от 31-го мая; результатов этой важной осады ждут с нетерпѣніем. 25-го партія русских перешла Ворсклу и отогнала около тысячи непріятельских лошадей, а 26-го другой отряд захватил около ста лошадей, принадлежавших генералу Крузе, и нѣсколько слуг этого генерала.

Тѣ же письма извѣщают, что 11-го мая полковник Яковлев подошел к Сѣчѣ, одному из важнѣйших пунктов казачества. Склонить населеніе к покорности мягкими средствами ему не удалось; казаки, напротив, послали за помощью к татарам; тогда полковник приказал рыть траншеи, поставил баттареи, затѣм штурмовал Сѣчу с суши и с воды, и овладѣл ею послѣ трехчасоваго сопротивленія. В ней найдено около ста пушек; триста важнѣйших казаков взято в плѣн, остальные перебиты.

О соединенiи русскаго отряда под начальством генерала Гольца с польской армiей вы вѣроятно давно уже слышали. 8-го мая в Базилевѣ состоялся военный совѣт, на котором рѣшено идти к Львову тремя колоннами. 13-го генерал Гольц подвинулся до Подкаменной, неподалеку от Брод, но не успѣл расположиться лагерем, как услыхал, что в окрестностях появилась литовская армiя из 5000 конницы под начальством Сапѣги. Генерал немедленно выступил, захватив с собою пикет, бывших при нем гвардейцев и четыре драгунских полка; застал непрiятеля расположенным на полянѣ между двумя лѣсами и, послѣ горячей схватки, разбил его на голову. Драгуны преследовали бѣгущих на сколько могли на своих лошадях, измученных переходом. Около двухсот врагов легло на мѣстѣ, около восьмисот погибло во время преслѣдованiя. Сапѣга сам храбро распоряжался на лѣвом крылѣ; лучшiй из его полковников убит возлѣ него; офицер, которому поручен был бунчук (т. е. конскiй хвост, служащий знаменем военачальника), захвачен в плѣн, также как и другiе сорок офицеров; взято еще три знамени, шесть польских значков и двѣ пары литавр. У русских убиты только один лейтенант и пятнадцать драгун; раненых сорок два. Генерал Огинскiй, стоявшiй на разстоянiи мили от мѣста схватки, узнав об удачѣ Гольца, отправил тысячу человѣк легкой кавалерiи преслѣдовать бѣгущих, в надеждѣ на полный успѣх, так как непрiятель был совершенно разсѣян.

Все, сообщенное мною, составляет извлеченiе из реляцiи генерала Гольца. Он прибавляет, что из его солдат в дѣлѣ собственно принимало участiе не болѣе 1500 человѣк... [181]

№ 182

1709, червня 10. – Лубни
Лист Олександра Меншикова до корсунського полковника Андрія Кандиби

Г-н полковник корсунскiй!

Получили мы вѣдомость, что короля шведскаго с Мазепою в Очаков не пустили и того ради он, король, принужден бѣжать иным трактом чрез Каменец и прочiя мѣста; того для изволите вкупе з господином генералом маiором Волконским и протчими тамошними полковникамы малороссiйскими всемѣрно тракт ево перестерегать и конечно тщиться их изволить, и ему генералу маiору изволите быть послушны, понеже о том пространно писано от нас к нему, велено того смотрѣть вкупе с вами. Впротчем пребываем в. м. охотный слуга, Александр Меншиков.

Из Лубен. – Июня 10 – 1709 году [182].

---

[181] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 183–186.
[182] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 311.

№ 183

1709, червня 15. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

8/19 іюня я имѣл честь сообщить вам нѣсколько извѣстій об осадѣ Полтавы. 17-го шведы все еще стояли под этим городом, но не одержали почти никакого успѣха, а в послѣднее время едва стрѣляли с своих баттарей, заботясь преимущественно помѣшать сообщенію осажденных с царскими войсками, установить которое русскіе до сих пор пытались безуспѣшно. В шведском лагерѣ, говорят, провіанта мало, вода дурна, казаки и другіе летучіе отряды, нападая на пасущіеся табуны, в нѣсколько пріемов угнали у шведов около четырех тысяч лошадей; но особенно ощутителен недостаток в порохѣ, и дезертеры показывают, будто между королевскими войсками идут постоянные разговоры об обратном переходѣ за Днѣпр.

Царь, возвратясь в армію 3-го іюня, нашел ее в полном составѣ и в очень хорошем видѣ. Его величество сам писал сюда, что рѣшился дать шведам генеральное сраженіе может быть уже в этом же мѣсяцѣ; надлежащія приготовленія к этому рѣшительному дѣлу совершаются с большим усердіем.

Генерал-адмирал Апраксин прибыл сюда из Воронежа нѣсколько дней тому назад, а 13-го отправился в Петербург для охраны ближайшей границы, на которой, по слухам, шведы думают предпринять в этом году значительную диверсію. Говорят, будто генерал Левенгаупт собрал в Выборгѣ около 13 000 человѣк и будто к Кроншлоту должно прибыть тридцать шесть кораблей.

Вы изволите помнить, что зимою около семи тысячь лучших московских войск выслано было из той мѣстности в главную армію на Украину. Их думают замѣнить тремя или четырьмя тысячами калмыков, которые нѣсколько времени тому назад прибыли к Петербургу, тремя пѣхотными полками из Пскова, одним из Смоленска, одним из Нарвы, и драгунским полком бригадира Фельзе. Кромѣ того адмирал захватил с собою отсюда шестьсот человѣк для личной охраны, да за ним вслѣд выступят еще один или два полка новобранцев... [183]

№ 184

1709, червня 17. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Стайльс показал мнѣ письмо московскаго посла к брату его от 18/29 апрѣля, из Гааги, совершенно сходное с тѣми, которыя он писал ранѣе. Матвѣев выражает в них нѣсколько соображеній об охраненіи чести своего государя, но гораздо болѣе распространяется об убытках, будто бы понесенных им, и за которые он надѣется получить скорое вознагражденіе, согласно обѣщаніям, данным его свѣтлостью и вами.

Когда сюда придет извѣстіе о наказаніи, назначенном оскорбителям в Великобританіи, здѣшній двор, я увѣрен, выскажется. Пока я старался ближе

[183] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 187–188.

ознакомить его с обычаями Англіи и выяснить ему, как мало основаній представляется судить шерифа с такою строгостью; однако успѣха я не имѣл: здѣсь или не понимают самых тщательных объясненій, или не довѣряют им. В отвѣтах своих на самыя горячія мои заявленія и увѣренія в дружественном расположеніи ея величества, русскій двор всегда был холоден и уклончив; его воззрѣнія на честь так необычайны, что формальный приговор только потому, что он невозможен, все еще представляется им удовлетвореніем болѣе вѣсским, чѣм голос цѣлой націи и письменное извиненіе, до котораго снизошла королева... [184]

№ 185

1709, червня 17. – Москва
Додатковий лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Послѣ отправленія моих частных писем от 1-го и 11-го мая ст. ст. князь Гагарин нѣсколько раз по собственному почину возобновлял перед консулом и перед Стайльсом увѣренія в том, что царь приказал графу Головкину покончить дѣло об оскорбленіи посла и что все завершится благополучно. Зато с другой стороны я вынужден сообщить вам, что поведеніе адмирала Апраксина совсѣм не таково: до поѣздки в Воронеж он, казалось, вполнѣ удовлетворялся нашими представленіями, но двор, по видимому, измѣнил его воззрѣнія. В день рожденія царя, будучи навеселѣ (а если когда-нибудь русскій говорит правду, так именно в охмѣленіи), он очень горячо доказывал Стайльсу, что мы подстрекали народ на обиду русскому послу, но что придет время разсчета. Послѣ же, при отъѣздѣ в Ингрію, когда Стайльс стал ходатайствовать пред ним за нѣскольких англичан, состоящих на царской службѣ, адмирал спросил, почему русскіе должны оказывать уваженіе націи, нанесшей их представителю оскорбленіе, которое слѣдовало бы вымѣстить на мнѣ, на консулѣ и прочих наших соотечественниках? Все это высказано было, правда, с принужденной улыбкой, но с видом, достаточно обнаружившим яд, скрытый на сердцѣ говорившаго. В то же время они едва касаются всего, что могло оскорбить мое достоинство за время моего пребыванія в Россіи.

Изо всѣх этих обстоятельств я заключаю, что русское правительство будет соображать свои рѣшенія с ходом военных дѣйствій; в случаѣ побѣды над шведами, оно станет требовательным, развѣ перспектива мира с Франціей склонит его к болѣе разумному поведенію. Этого мира, как я уже имѣл честь сообщать вам в нѣскольких письмах четыре года тому назад, царь всегда опасался; я знаю, что и теперь извѣстіе о нем будет очень непріятно его величеству, особенно при настоящих условіях.

Признаюсь, не малым испытаніем моему терпѣнію было видѣть такую грубость и такое неразуміе наряду с вашей предупредительностью, и в то время, когда Россія, по ходу дѣл своих и ради торговых выгод, нуждается в дружбѣ ея величества. Русскій двор никогда никакой сколько-нибудь видной услугой не отплатил за постоянное расположеніе Великобританіи к Россіи [185].

---

[184] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 188–189.
[185] Там само. – С. 189–191.

№ 186

1709, червня 22. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...В настоящее время могу прибавить немногое, и это немногое по опрѣделенности стоит не выше догадок:

Письма из арміи от 9-го іюня ст. ст. сообщают, будто царь не измѣнил намѣренія вызвать шведов на генеральное сраженіе, для чего переправил нѣсколько полков через Ворсклу. С тѣх пор здѣсь никаких извѣстій не обнародовано, но ходят слухи о большой битвѣ, кончившейся, по словам нѣкоторых, успѣшно для русских; но, так как гонец из арміи прибыл два дня тому назад, подробностей же битвы еще не обнародовано, не похоже, чтобы слухи эти были правдивы. Как бы то ни было, большинство убѣждено, что совершилось что-то важное, о чем вы, может быть, получили болѣе свѣжія извѣстія через Польшу.

Надѣюсь по крайней мѣрѣ дать вам болѣе достовѣрныя свѣдѣнія с будущею почтой [186].

№ 187

1709, червня 25. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Ясневельможный и превосходительнѣйшій господине!

Изволил ваше превосходительство прислать к нам вѣденіе на раскольщиков в Чолховшинѣ о писанных о чинящихся от них подданным вашего превосходительства Роиским жителям обидах и в завладѣніи грунтов, сверх даннаго им повторнаго универсалу, и дабы им интересоваться запретить, и того ради послан нынѣ в Кіев к господину Лантрату указ; велѣно о том розыскать, и по розыску, ежели то явится, и за то их наказать, и велѣно им владѣть по данному от вашего превосходительства повторному универсалу.

Вашего превосходительства повольный слуга князь Дмитрій Голицын.
Из Кіева,
іюня 25 дня, 1709 году [187].

---

[186] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 193.
[187] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 12.

№ 188

1709, червня 25. – Київ
Додатковий лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій и почтеннѣйшій господине, господине!

Получил вашего превосходительства письмо, в котором изволите писать о посылкѣ подметнаго письма, которое подкинуто в Нѣжинѣ, и прислал оное письмо нѣжинскій полковник, а в том письмѣ писано на нѣжинскаго эсаула Тарасенка, что он измѣнничьи письма у себя таил, и я хотѣл к вашему превосходительству писать на нѣжинскаго полковника, для чего он так своевольно дѣлает, неприличныя себѣ письма берет, которыя надлежало было отдать коменданту, а он, не объявя, долгое время держал у себя, и знатно он знал, что на онаго плута писано, и таил, а то письмо давно подкинуто, и если б то письмо было писано о каком государственном дѣлѣ и требовано скораго исправленія, а то б дѣло, за удержаніем не пришло к доброму концу, не без бѣды ему было, и если впред такія письма, гдѣ подкинуты будут, и подписаны великороссійским командиром, прошу вашего превосходительства, прикажите, не удержав, отдавать, гдѣ есть коменданты, а гдѣ нѣт, в Кіев присылать, понеже именной мнѣ его царскаго величества указ есть того перестерегать, и о том я вѣдаю, что у того Тарасенка выняты из кармана Мазепины и иных измѣнников письма, которыя нынѣ у меня, а как свобожден, о том не извѣстен, и знатно, что в оном Тарасенкѣ признают такую злость и подметывают на него письма.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем и слугою князь Дмитрій Голицын.

Из Кіева, іюня 25 дня, 1709 года [188].

№ 189

1709, лютий–червень. – Москва
Повідомлення газети «Ведомости» (№ 1–9) про хід бойових дій в Україні

Ведомости. – № 1. – 25 лютого 1709:

В писме царскаго величеста, настоящаго февраля в 18 день, с Воронежа писано.

Сего ж февраля, в 15 день. К его царскому величеству писал из армеи господин генерал от кавалерии князь Меншиков.

Февраля де в 10 день, король шведской с конницею пришел до Краснаго Кута, где стоял генерал маеор Шомбурх, в шести наших драгунских полкех.

[188] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 12–13.

И пришед, из Краснаго Кута наших выбил, которые отступили до села Городни, которое от Краснаго Кута с милю. Где стоял господин генерал порутчик Рен, и увидя онои неприятельское наступление, Семеновской и драгунские полки отпустил, толко оставил при себе гранодерские полки. Да Семеновского двести, также и других полков по несколке рот что потребно, и учинил со оным доброй отпор, где гнали неприятеля назад до самаго Краснаго Кута.

И в том месте разов пять, и болши наши их, а неприятели наших помыкали, однако ж напоследок Божиею помощию наши их прогнали, и на той потребе близ пяти сот их на месте пропало, где и под самим королем лошадь убита. Да в полон взяли у них четыре знамя, литавры, также маеора от рейтар, да и королевских драбантов капрала, и шести человек капралов же и рядовых, да два цырюлика.

Печатано в Москве лета года 1709, февраля в 25 день.

Ведомости. – № 2. – 6 березня 1709:

Реляция прислана с Воронежа марта в 5 день.
В нынешнем 1709 году, февраля в 23 день.

К его царскому величеству на Воронеж писал из местечка Глинска, господин фелтмаршал Шереметев.

Февраля в 14 число, по ведомостям о взятых языков и от шпигов, отправил он к местечку Решевке партию, с генералом маеором Бемом, которой пришел ко оному местечку, и обрел неприятеля с полком драгунским, и со стом тритцетью члки пехоты, под командою полковника Алдейтена, и оных отаковали 15 числа, в 8-м часу по полуночи. И неприятель, увидев оную нашу наступающую на них партию, в порате себя поставили за рогатками в три ряд обметаными, где наши спешась наступили и по крепком бою от рогаток их отбили, и принудили с потерянием в замок ступить, потом наши за ними последовали и замком овладели счастливо.

Тот вышеписанной неприятелской драгунской полк, и пехоту со всем побили, и вышепомянутого коменданта полковника Алфеита с прочими обер и ундер офицеры и рядовыми в полон взяли.
А сколко их в полон взято, о том при сем роспись.
Вышепомянутой полковник Алдфеит.

Офицеров.
Капитанов 2. Порутчик 1.
Прапорщиков 4. Обозных 2.
Ундер офицеров 13.
Всего обер и ундер офицеров 22.
Капралов и рядовых 91.
Челядников и прочих неслужащих 48.

На той же акции свободился из неволи наш маеор нарвскаго полку, которой взят был к ним в полон на бою, что был под Добрым.

Еще взято.

Знамен 2. Фузей 39.
Пистолетов 16.
Перевязей 8. Сум драгунских 7.
Мушкетов 11. Епанечь 31. Чепраков 4.
Партупеев 5. Седел с олстры 5.
Кавтанов 11.

Лошадей взято фелтмаршала Реиншилда и прочих офицерских и полковых всех с 3000.

Также и багаж многое число побрано.

Наших на той акции ранено.

Маеор 1. Капитан порутчик 1.
Порутчик 1. Прапорщиков 2.
Сержантов 3. Капралов и салдат 72.
Побито.
Ундер офицер 1.
Капралов и салдат 15.

Печатано в Москве лета 1709, марта в 6 день.

Ведомости. – № 3. – 28 квітня 1709:

Ведомость получена от светлейшаго князя господина господина * Меншикова, апреля в 28 день.

Апреля в 11 день, неприятель в 4000 своих людей с 4 пушками, да в трех тысячах изменников запорожцов, под командою генерала маеора Круза отправил на некоторую часть кавалерии нашей на сю сторону реки Воркслa, под местечко Соколки стоящую, где указу пас свой имел господин генерал лейтенант Рен.

Во 12 день, оный неприятель, переправясь помянутую реку, и обшед наших отакировал, что наши видя отважа себя прямо в глаза оному бросились, и учинили жестокой бой, и за помощию Божиею оного неприятеля наши збили, так что с 800 человек купно с полковником Гилдемштерном на месте, да подполковника, маеора, четырех капитанов, порутчика, и других офицеров, также и ундер офицеров, и рядовых доволное число оставил, а с досталными оный неприятель побежал паки за Воркслу, которого отправленные наши два полка при той переправе паки нагнав так их, шведов, [а особливо изменников запорожцов] рубили, сколко могли, кроме того, что сами многие в той реке потопились, и во знак своей виктории помянутыми четырмя пушками оную реке подаровали.

А с нашей стороны при той потребе с пятдесят человек пропало.

Также с неприятелской стороны приехали к нашим два ротмистра с тремя хорунгвями волоскими, купно с знамены, которые изявляют желание свое, быть в службе царскаго величества.

Печатано в Москве 1709 лет, апреля в 28 день.

---

* Так в тексте. Вероятно описка. Должно быть иначе – «господина генерала».

Ведомости. – № 4. – 18 травня 1709:

Ведомость.
В нынешнем 1709 году, апреля в 29 день.

Писал к его царскому величеству из армеи, господин генерал от кавалерии князь Меншиков, что командированной полковник Иаковлев, пришед в Запорожье с тремя полками, и увидя запорожцов противных, которые собравшись в местечке Переволочне засели, где их, запорожцов, было с три тысячи человек, и с ними полковник запорожской Зилнец.

И апреля во осьмый надесять день, учинили с нашими бой, почали стрелять из пушек, и потом наши к ним приступили, и почали оную крепость штюрмовать, и по двучасном многом огне, мстию Божиею, и его царскаго величества счастием, Переволочинской замок взяли, и их на месте болши тысячи человек порубили, кроме тех, которые по куреням побиты и сожжены. А досталные бежав топились в реках в Днепре и в Ворсле.

В том замке взято три пушки, знамя, четыре значка казачьих, и двенатцать человек воров первых, понеже живых их брали мало, но всех рубили, и тот замок со всем разорили.

А с нашей стороны побито обор офицеров два, ундер офицеров и салдат дватцать два.

Ранено, обор офицеров двое, ундер офицеров и салдат шестьдесят три человека.

Печатано в Москве лета гс дня 1709 г, маиа в 18 день.

Ведомости. – № 5. – 19 травня 1709:

Ведомость.
Прислана от господина генерала князя Меншикова маиа в 18 день.

По полученным ведомостям от Полтавы, неприятель оную крепость уже несколко раз жестоким приступом отаковал, и хотя с великим уроном отбит, и чрез выласки многие людей потерял, однако ж до сего времяни помянутой город в крепкой блокаде держится, для чего за благо разсудил, дабы силную какую подвесть над неприятелем диверзию, и оной крепости отдых учинить, и для определения сего действа призваны, господа генералы при армее здесь будущие, в 6 день сего мсца на воинской совет, а имянно, господин генерал князь Репнин, господа генералы лейтенанты, Брюс, маеор Шамбурх, на котором совете предложено, за милю в низ реки Ворсклы силной партии конной и пешей переправитца, и итти к Опошне, которая партия под командою господина генерала Белинка, определена с другою партиею под командою господина генерала квартирмистра Голца, здесь в лице неприятеля чрез мост перебратся, и неприятеля, в ретражаменте стоящаго, отаковать, а господину генералу порутчику Белинку в то ж время велено сзади наступать, и обще поиск чинить. И когда чрез мост наши перебралися, сординована некоторая часть кавалерии под командою господина генерала Шамбурха, и полковника Кропотова, в тож время итти под Будищи, и отаковать незапным нападением гаутв квартир неприятелскую, где и изменник Мазепа обретался, [по которому предложению] против седмаго дня сего мсца, до света,

с Божиею помощию, наперед зачали войска наши чрез мост в лице неприятеля переходить, и хотя безмерно великие болота, и глубокие воды, наша конница многажды и в плав перебиратца принуждена, однако ж изрядным порядком, не смотря на все трудности, и жестокой пушечной огонь, без медления прямо на неприятелской ратражамент [в котором четыре шквадрона конницы, и триста члк пехоты обреталось] войска наши пошли. И Божиею помощию одною шпагою неприятеля из крепкаго ретражамента выбили, и бежать врознь принудили, по которой тревоге хотя все неприятелские полки в Опошне будучие, а имянно три конных, да два пехотных обреталось, на сикурс выступили, и в ордере баталия построились, однако ж и те по первому огню недождався шпажного бою, с великою конфузиею и стыдом убежали, и в город ретрет свой приняли. [А ежели бы при сем случаи по определенному воинскому совету, господин генерал порутчик Белинк, с командированными своими возмог за трудными переправы и далными обходы приспеть, тоб ни одного члка изовсех помянутых неприятелских людей не спаслось.] Однако ж при сей потребе, поле неприятелскими телесы доволно услано, и болше четырех сот на месте изобретено, две пушки медные зело изрядны со всею амунициею. Одно знамя драгунское, два барабана, взято, один маеор, трое капитанов, один порутчик, один прапорщик, два вахмистра, и со сто человек рядовых драгун и салдат живьем побрано. Да в то же время несколко сот бедных подданных людей освобождено, которые от неприятеля из разных мест для всякой работы загнаны были.

Наши же войска за неприятелем под самую городовую стену следовали, что неприятель видя, все предместье зажег и со всею конницею и пехотою в замок ушел, чего ради мы с господами генералами князем Репниным, и господином Брюсом, к помянутому городу Опошне пошли, и осмотря все расположения оной крепости, изобрели некоторую трудность, что оное место штурмовать без урону многих наших людей немочно. А потом також получили подлинную ведомость: что король шведской в седми полках на сикурс спешит, и что в Будищах неприятель силно стоит, послал на контраорден к господину Шамбурху, а в Опошенской замок пометав несколко десятков гранат, велел порядком отступить, и круг города разставленные рогатки и полисады зажечь, и ратражамент их розрыть, видя неприятель, и войском нашим во обоз возвратится, что видя неприятель, и получа себе сикурс, паки выступил, и строю нашему помешку учинить хотел, но весма наступать не осмелился, и за пушечною стрелбою назад уступить принужден. При сей потребе особую Божиею милость причитаем, что при такой безмерной трудной переправе, и крепком ретражаменте, малыми людми многим тысячам противитись им могли. Неприятель так рабски поступил, и в таком страхе побежал, что и ручное оружие в воде побросал. А наших драгун и салдат около шестидесят человек убитых и раненых изобретено.

От Полтавы також имеем ведомость, что многие полки неприятелские оттуду на сикурс к Опошне, и к Будищам отправлены. Но не сумневаемся, что исполнится наше намерение, помянутой Полтавской крепости отдых учинить, и малые некоторые потребности которые туда желают отправить, что господин генерал лейтнант Рен при случае то учинить может, а наипаче ежели господин фелтмаршал по писму нашему с дивизиями своими туда приближится, и неприятелю також некоторую диверзию чинить будет, о чем ожидаем вскоре ведомости.

Роспись что при помянутой потребе наших драгунских и пехотных полков побито и ранено.

Драгунских,
ранено:

ундер офицеров и рядовых 23.

Побито:

офицер 1

ундер офицеров 19
и того и с ранеными 43.

Пехотных,
ранено:
офицеров 1
рядовых 20.

Побито:
капралов и рядовых 5
и того с ранеными 26

Всего драгунских и пехотных полков
побито и ранено:
офицеров 2
ундер офицеров и рядовых 67.

Печатано в Москве лета гс дня, 1709 г. маиа в 19 день.

Ведомости. – № 6. – 27 травня 1709:

Ведомость.
Полученая из обозу от Полтавы, от светлейшаго князя господина Меншикова: маия в 26 день.

От господина полковника Иаковлева уведано, что он в первый надесять день сего мсца, пришед под Сечу, всяким добрым способом домогался к стороне црскаго величества оную склонить, но получа ведомость, что воры не токмо чтоб в то намерились, но и посланнаго своего сорочинского [которого послали они к орде] в его споможение себе ожидали, и тем нашим время продолжать хотели, что оной Иаковлев видя, начал шанцы весть, и промыслом доставать, и на судах и на лодках ко оному приступать приказал, которой штюрм чрез три часа продолжился.

И за помощию Божиею оной город достали, в котором многих изменников порубили, такожде и живьем побрали, старшин и казаков, с 300 человек.

А что их изменников всех пропало, такожде взято пушек и прочих вещей, о том пространно вредь будет описано, понеже за скорым отпуском имянно пописано. Такожде и третьяго дня с неприятелем учинился реконтр в линее нашей при шанцах. А в то ж время наши из города выласку учинили, при чем неприятелей доволное число побито, а наши пост свой одержали, и которые выходили на выласку из города, с наболшим уроном назад в город возвратились. А вчерашняго числа легкая наша партия переправся на другую сторону. Неприятелских лошадей болши тысячи к нам пригнали.

И сего дня по утру с другой стороны наша ж партия около ста лошадей крузовых, купно с его людми к нам привели, а иных при том случае многих побили.

Печатано в Москве лета гс дня, 1709 го, маиа в 27 день.

Ведомости. – № 7. – 31 травня 1709:

Ведомость.

От светлейшаго князя генерала господина Меншикова, из обозу от Полтавы получена маиа в 31 день.

Получили мы две радостные ведомости от изрядной над неприятелем победе. Первую от войск црского величества в Полше сущих, что полторы тысячи комондрованных наших драгун, с старостою бобруским, в 5000 легулярного войска, и в несколких хоронгвях поляков состоящих учинили бой, на котором оной неприятель так разорен, что все не узнали надлежащаго пути, куда бы им способно было бежать. И из оных многие побиты, другие ж в полон взяты, и во знак виктории с некотрыми клейноты в наших руках остались.

Чем, таюжде и что с нашей и с неприятелской стороны побито и ранено, и тому при сем роспись.

Роспись

Что при потребе маиа 13 дня, под Лидуховым, с нашей и с неприятелской стороны побито и ранено и взято.

С нашей стороны убиты:

1 порутчик
15 драгун
45 ранены.

Всего наших при той потребе побитых и раненых и с офицерами, 61.

С неприятелской стороны взято в неволю:
от хоронгв,
един бунчужник, которой имеет ранг полковничей: имянем Новоселский.

5 хорунжих
7 товарыщов
12 пахолков
От рейтарии.
1 корнерт
1 капрал
1 ефрет капрал
18 рядовых
И того 46.

При том же взято бунчук, 6 знамен от пансырных и гусарских хоронгвей

3 штандарта
2 пары литавр
и иные военные припасы.

Второе.
Из Литвы от коменданта Ржевскаго:

Командирован он в партию 150 казаков, да 60 салдат, под командою от лейб гвардии капрала Дурного, да салдата Игнатьева. Которые были у тех казаков и салдат обы за капитанов. И те наши командрованные при местечке Подлушкар, встретясь с несколкими хоронгви неприятелских волохов и поляков, учинили бой. На котором помощию Божиею наши неприятелей так преодолели, что на месте 210 чловек купно с ротмистром, с двумя порутчиками с двумя же хоронжами положили.

Да в полон взяли, знамя, бунчюг, литавры, и 45 члк товарыщства. Да непрятелского обозу 40 телег.

Печатано в Москве лета 1709 го, маиа в 31 день.

Ведомости. – № 8. – 13 июня 1709:

Ведомость получена июня в 13 день.
Прешедшаго маиа, в 19 день.

Писал к царскому величеству, из Броду, господин генерал фелтмаршал лайтенант Голц, что после бывшей акции с старостою бобруйским Сопегою [на которой всевышний Бог викторию нашым стастливо одержати даровал, и что гетман Огинский за побеглыми неприятелми силную партию того же числа в погонь послал, и] маиа в 18 день, посланная оная партия Огинского, гнались за старостою бобруйским, и оставшимися при нем малыми хорунгви даже за Сокал, и при Крылове чрез Буг реку к дубинке оных прогнали, и по скаске полоняников которых привезла Огинского партия с пятьдесят члк [между которых болшая часть рейтар и драгун,] что от корпуса бобруйскаго старосты более двух тысяч члк пропало, и двадцеть седмь знамен, да один штандарт взяты, из которых наши четырнатцеть знамен получили, и многих знатных полских ротмистров и товарыщей, а болая часть немецких офицеров драгунских и рейтарских побито. Но токмо главные офицеры ушли.

Печатано в Москве лета 1709 го, иуня в 13 день.

Ведомости. – № 9. – 21 червня 1709:

В писме власная руки его црскаго величества,
ко благороднейшему гсдрю црвичу, писано,
из лагару от Полтавы в 15 день иуня.

Обявляю вам, что пред несколкими днями ординован был генерал лейтенант Гетшхин в двух тысячах пятистах драгун и полком Астраханским пешим [которой в том же числе] к Старому Сенжарасу, в котором городе был генерал маеор Круз с тремя тысячми пятию сты шведами, и наши неволники в Веприке взятые, к которому месту хотя и чрез три реки почитай вплав перешли, однако ж третьева дни оное место отаковали, и штурмом оной город взяли, и с седмьсот члк шведов, которые в городе были, порубили. Обоз весь, и королевской казны около [как сказывают шведы взятые] двух сот тысяч талеров взяли, и при том осмь

знамен купно с маеором и с несколкими офицеры, и малым числом салдат. [понеже живьем не брали]. А генерала которой во время наступления сего из города выбрался, с поля збили, и прогнали. наших неволников тысячю двести седмьдесят члк свободили. А наших при сей акции с осмьдесят чловек побито, и сто пятьдесят ранено.

Получено и печатано в Москве иуня в 21 день, 1709 го лета [189].

№ 190

1709, липня 2. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше писмо, в котором пишете: прислан к вам указ от гетмана Скоропадшаго, чтобы вы с полком шли к Чигирину в совокупленіе к Переясловскому полку. И я прежде сего к вам писал и нынѣ подтверждаю, чтоб вы с полком шли к Днѣпру и смотрѣли тѣми трактами, которые от Переволочной лежат, разбитих шведов. Изволил государь ко мнѣ писать, что шведскіе войска всѣ разбиты и разбежались в'рознь, и бегут человик по пяти и по десяти и болше к Днѣпру и хотят переплавливаться на нашу сторону около Переволочной. Того ради я с пехотою из Кіева иду и писал к Белоцерковскому и Богуславскому и Бреславскому полкам, чтоб шли тѣми ж тракты, которые от Переволочной лежат, и смотрѣли б оных разбитых шведов, так же собрать вам полку своего осталих всѣх казаков к пріезду моему в Корсунь и приказать по всѣм селам и деревням мужикам, дабы оних шведов и измѣнников Мазепу и Орлика и иних перестерегать и ловить, за что милость государева, жалованье дано будет. А что о тѣх разбитих шведах и мазепинцах увѣдаеш непрестанно, ко мнѣ писати, гдѣ в' пути буду обретаться.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 2 іюля 1709 году [190].

№ 191

1709, липня 6. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Неожиданное пораженіе всеи шведской арміи под Полтавой и разгром ея до того полны, что вы, конечно, получите извѣстіе об этом событіи прежде, чѣм настоящее письмо дойдет до вас. Царь прислал своим министрам 27-го іюня из лагеря следующее сообщеніе:

«Сегодня рано поутру непріятель со всей своей арміей – с пѣхотой и кавалеріей – аттаковал нашу кавалерію, которая, выдержав продолжительный натиск

---

[189] Ведомости. – 1709. – № 1–9.

[190] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 308.

непріятеля, и нанеся ему значительный урон, наконец, должна была отступить, но снова остановилась по обѣ стороны нашей пѣхоты, выстроенной в боевой порядок впереди нашего лагеря. Видя это, шведы расположили свои линіи против нашего фронта и начали вторую аттаку, но приняты были так хорошо, что немедленно должны были уступить нам поле сраженія при весьма незначительном уронѣ с нашей стороны. Мы захватили множество знамен и орудій, взяли в плѣн фельдмаршала Реншильда, четырех генерал-маіоров: Шлиппенбаха, Штакельберга, Гамильтона и Розе, перваго министра короля шведскаго, графа Пипера, с секретарями его, Гермелином и Дитмаром, всѣ их бумаги, нѣсколько тысяч офицеров и солдат, число которых мы еще и теперь в точную извѣстность привести не успѣли. Словом – всю армію постигла судьба Фаэтона. Что касается короля шведскаго, не знаем еще, убит он или находится в числѣ плѣнных. Генерал-лейтенанты Бауер и Голицын отправлены с сильным отрядом драгун преследовать разсѣянные остатки непріятельской арміи».

Эта реляція привезена сюда 1-го іюля особым гонцем, впереди котораго ѣхал трубач; он то трубил, то выкрикивал разныя подробности одержанной побѣды. Его царское величество перешел Ворсклу и расположился вблизи непріятеля еще дней за пять до генеральнаго сраженія. В эти дни никаких значительных столкновеній не происходило, так как, при приближеніи московских отрядов, шведы каждый раз отступали к своему лагерю, чтобы укрыться и не попасть в какую-нибудь засаду. 26-го вечером генерал-лейтенант Ренн, командовавшій авангардом русской арміи, сам выѣхав ночью с одним из своих развѣдочных отрядов, приблизился к передовым постам шведов, услыхал в лагере непрерывный шум и, опасаясь, как бы непріятель не предпринял чего либо, немедленно приказал своей кавалеріи сѣсть на конь, и занять один проход, раздѣлявшій арміи. Не успѣли русскіе выполнить это приказаніе, как явилась шведская конница и аттаковала генерала. Он около часа выдерживал натиск непріятеля, пока не получил извѣстія, что русская пѣхота в строю и все в русском лагерѣ готово к бою. Тогда он отступил, располагая свои полки частью на лѣвом, частью на правом крылѣ арміи. При этом отступленіи шведы двинулись было вперед в надеждѣ смѣшать отступающих, но встрѣченные горячим огнем из семидесяти или восьмидесяти орудій, сами пришли в безпорядок. Подоспѣвшая на помощь шведская пѣхота аттакована была в свою очередь пѣхотою русских и также вынуждена отступить, при чем встрѣтила генерала Бауера, который с сильным отрядом успѣл обойти ее с тылу. Большинство побросало оружіе, и остальная часть боя представляла собою только преслѣдованье бѣгущих. Из значительных офицеров первым сдался в плѣн лично царю генерал-маіор Шлиппенбах, а вскоре за ним – фельдмаршал Реншильд – фельдмаршалу Шереметеву. Его величество принимал самое горячее участіе в дѣле во все продолженіе боя: шляпа его прострѣлена, он смѣнил четыре лошади. К восьми часам утра все было окончено. Царь пригласил шведских генералов к обеду; с ними обходились очень любезно. Царь между прочим спросил генерала Реншильда о численности шведской арміи в день битвы; но генерал отвѣчал, что этого в точности не знал ни он, ни кто бы то ни было в шведской арміи, кромѣ самого короля, который один получал полковые списки и никогда не показывал их никому, но что, по догадкам, со стороны шведов в дѣлѣ было около 30 000 человѣк, в том числѣ 19 000 регулярного войска, остальное – казаки. Царь

спросил затѣм, как они рѣшились проникнуть так далеко в глубь обширной страны с таким незначительным войскам; Реншильд отвѣтил, что не все в шведской арміи дѣлалось согласно с совѣтами генералов, но что они, как вѣрные подданные короля, обязаны были безпрекословно выполнять приказанія своего монарха. Царь снял с себя собственную шпагу, и передал ее Реншильду, прося сохранить ее на память в знак уваженія к преданности фельдмаршала своему королю.

Говорят, будто русскіе едва потеряли пятьсот человѣк, но генерал-лейтенант Ренн тяжело ранен. Из шведов успѣют бѣжать развѣ очень немногіе. Мазепа с своими казаками охранял обоз за нѣсколько верст от мѣста битвы.

Король Карл ранен был в ногу за нѣсколько дней перед боем в небольшой стычкѣ с генералом Ренном, а в день боя проѣзжал по рядам своих войск в коляскѣ, которую пушечное ядро разбило вдребезги; ложе короля найдено было на землѣ и многіе полагали, что он убит. Но письма от 30-го іюня, полученныя здѣсь, сообщают, что он успѣл бежать с Мазепой и двумя тысячами конницы. Они, говорят, направились к Днѣпру; очень сомнѣваются, однако, удастся ли им перебраться через рѣку. 30-го же сам царь собирался выступить вслѣд бѣглецам; генерал Бауер уже отправлен за ними. Между плѣнниками находится и молодой принц Виртембергскій.

За два дня перед боем получено было извѣстіе, что фельдмаршал Гольц разбил генерал-маіора Крассау и захватил в плѣн его жену и весь его обоз.

Полтавскую побѣду здѣсь праздновали в теченіе трех дней со всевозможными проявленіями радости: с московских укрѣпленій дано нѣсколько тысяч выстрѣлов; было два обеда: один у царевича-наслѣдника, другой у князя Гагарина.

Перед битвой сюда прибыли письма из Полтавы от 17-го іюня, сообщавшія подробности о положеніи обѣих армій. Я видѣл опрос, снятый с одного шведскаго артиллериста, взятаго втораго іюня при фуражировкѣ. Он показывал, будто шведы подвели мины под городскія стѣны в двух мѣстах, но осажденные открыли их вовремя. Желая поберечь собственныя войска, которых осталось не болѣе 19 000, король работу в траншеях поручил пяти тысячам запорожцев, за что обѣщал отдать город им на разграбленіе. Несмотря на такое состояніе арміи, в ней ходили слухи, будто король не оставляет намѣренія двинуться на Москву, если настоящая кампанія увѣнчается каким-нибудь успѣхом. Хлѣба и мяса в шведском лагерѣ было достаточно, но ни водки, ни пива не было, пороха же оставалось так мало, что паролью запрещено было говорить об этом. Шведская артиллерія состояла из двадцати пяти пушек, именно из четырех восьмифунтовых орудій, четырех гаубиц и восьми шестифунтовых пушек; остальныя орудія были полевыя. Бомб оставалось не болѣе ста. Солдаты одѣты были сносно. Король захватил было с собою много запасов из Польши, но в одном лѣсу на пути в Украину уничтожил тяжелую артиллерію и сжег множество фур, понтонов и одежды. Перед этим всякому, у кого одежда поизносилась, дозволено было замѣнить дурное платье новым.

Московская же армія состояла приблизительно из 70-ти тысяч человѣк, в изобиліи снабженных всѣм необходимым; только осажденный город терпѣл нужду в провизіи и мог продержаться недѣли три, не болѣе. 13-го в ночь царь с частью своей арміи перешел было рѣку на выручку Полтавы, но, признав дороги

непроходимыми для пѣхоты и артиллеріи, приказал войскам отступить обратно к своему лагерю, пока пути не станут болѣе удобными. 14-го генерал-лейтенант Генскин с шестью полками кавалеріи и с полком пѣхоты отправлен был к Старым Сенжарам, гдѣ шведы оставили большинство плѣнных при небольшом гарнизонѣ из нѣскольких казаков. Неподалеку, однако, стоял и генерал-маіор Крюйс с тремя кавалерійскими полками. Генерал Генскин отрядил часть своих войск занять эти полки, с остальными же аттаковал город с такой энергіей, что часа через два, даже менѣе, взял его приступом. В нем было около тысячи двух сот плѣнных; они во время штурма напали на гарнизон с тыла. В этом дѣлѣ генерал Генскин захватил восемь знамен, а затѣм преслѣдовал генерал-маіор Крюйса до самаго шведскаго лагеря.

В тот же день новый гетман Скоропадскій с четырьмя полками регулярных воиск и с нѣсколькими тысячами казаков аттаковал генерал-маіора Крейца, расположеннаго в нѣкотором разстояніи от шведскаго лагеря, и через нѣсколько часов принудил его отступить к главной квартирѣ короля. 15-го генерал-лейтенант Ренн с нѣсколькими полками драгун и нѣсколькими сотнями татар перешел Ворсклу, спѣшил два полка и поставил их в лѣс, в засаду, с остальными же силами двинулся к шведскому лагерю. Король сам выступил к нему на встрѣчу с двумя полками кавалеріи, бросился на драгун и с чрезвычайной горячностью погнал их к засадѣ. Но здѣсь его встрѣтил такой залп, что он вынужден был в смятеніи возвратиться к лагерю. В этом-то дѣлѣ король и был ранен в ногу. 16-го генералы Аллард и Ренн заняли позицію по сю сторону рѣки, 21-го вся армія послѣдовала за ними...

Эта побѣда, вѣроятно, значительно измѣнит положеніе дѣл на всем сѣверѣ, и первый, кажется, почувствует перемѣну король Станислав, так как его царское величество, кажется, рѣшился двинуться в Польшу прежде, чѣм шведы успѣют собрать новую армію. Но признает ли царь теперь претензіи короля Августа – еще вопрос, развѣ он, получив извѣстіе о совершившихся событіях, поторопится подписать договор с царскими министрами [191].

№ 192

1709, липня 10. – Браславль
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби та полкового обозного Павла Чиганчука

Корсунскому полковнику Андрею Кандибѣ, Бѣлоцерковскаго полку обозному Павлу Чиганчуку.

Как прежде сего к вам писал и нынѣ подтверждаю: надобно вам смотрѣть и перестерегать трактов, ежели короля шведскаго турки за границу вышлют, чтоб ево изловить. А как с ним турки поступят, надобно вам всякими способами вывѣдывать, и какіе вѣдомости будете имѣть, пишите до полков великороссійских, и стоять вам там для перестереги шляхов до указу, усмотря мѣсто, гдѣ шляхи

[191] Сборник императорскаго русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 194–200.

сходятся; а в Очаков посылать тайно вывѣдывать и по степям посылать, будто для звиря, и гдѣ кого найдут, и от них развѣдывать, а обид и разоренія тамошним обывателям отнюдь не чинить. Писал ко мнѣ генерал князь Волконскій, что он взял в полон шведов 500 человѣк и 2000 лошадей, а с королем шведским только перевезлось шведов и запорожцев и волохов и жидов з жонками и с хлопцами человѣк 300 и из тѣх нѣт ста человѣк шведов, и у тѣх мало у кого есть ружья. Присланные от вас Мазепины слуги мнѣ обявляли и Волконской подтверждает, что запорожцы всѣ уходят от шведа. Какіе вѣдомости будете имѣть или письма, ко мнѣ прислать в Кіев, а я, чаю, вскорѣ увижу царскаго величества очи и вашу службу предложу и, дай Боже, повелѣнное нам от царскаго Величества в поимкѣ короля шведскаго учинить окончаніе.

Князь Дмитрій Голицин.
Из Браславля 10 іюля 1709 г. [192].

№ 193

1709, липня 13. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Неделю тому назад я имѣл честь сообщить вам извѣстіе о великой побѣдѣ, одержанной его величеством 27-го іюня под Полтавой. Граф Головин и Шафиров разослали об этом дѣлѣ иностранным уполномоченным слѣдующій отчет, в нѣкоторых подробностях не вполнѣ сходный с отчетом, отправленным вам мною.

Двадцатаго іюня вся русская армія перешла Ворсклу и расположилась лагерем на разстояніи неполной нѣмецкой мили от шведов. 24-го она еще подвинулась на четверть мили и окопалась, чтобы предохранить себя от внезапных нападеній. Кавалерія расположена была справа, под прикрытіем довольно густаго кустарника и двух или трех редутов, хорошо снабженных людьми и орудіями. На этой позиціи царскія войска рѣшились изготовиться к битвѣ, но король Карл предупредил их: 27-го рано поутру он со всей своей арміей прошел дефилеи и аттаковал русскую кавалерію с такой яростью, что принудил ее после горячаго сопротивленія отступить от редутов к траншеям. Собравшись там снова, русскіе драгуны аттаковали в свою очередь и разбили правое крыло шведов, захватив при этом в плѣн генерал-маіора Шлиппенбаха.

В тоже время князь Меншиков и генерал Ренцель с отрядом, составленным частью из пѣхоты, отправлены были к Полтавѣ с цѣлью не допускать помощи со стороны шведов и аттаковать часть непріятельских войск, оставленных в траншеях. По дорогѣ они, дѣйствительно, встрѣтили шведскій резерв, приблизительно в три тысячи человѣк, из которых большинство, послѣ кратковременнаго боя, или пало, или сдалось в плѣн. Князь возвратился к главной арміи, а генерал Ренцель двинулся дальше и, по незначительном сопротивленіи, принудил генерал-маіора Розе, оставленнаго было в траншеях с тремя полками, сдаться на волю побѣдителя.

---

[192] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 310–311.

Между тѣм шведская кавалерія, отступив к своей пѣхоте, выстроилась в боевой порядок на разстояніи четверти мили от русскаго лагеря, царь же с своей стороны выдвинул двѣ линіи своей пѣхоты, поручив третьей охрану траншей, а на обоих крылах расположил кавалерію. Начальство над правым крылом он поручил генералу Бауеру, так как генерал Ренн был ранен в первоначальной схваткѣ. Князь Меншиков командовал на лѣвом крылѣ (гдѣ ожидали главнаго боя), а его величество – центром. Около девяти часов бой открылся с обѣих сторон, и уже через полчаса и шведская кавалерія, и шведская пѣхота были совершенно разбиты. Пѣхотѣ не удалось собраться снова, так как русскіе холодным оружіем тѣснили их к лѣсу, и вскорѣ захватили в плѣн генерал-маіора Штакельберга, а затем генерала Гамильтона, фельдмаршала Реншильда, принца Виртембергскаго, нѣскольких полковников и других офицеров, а также нѣсколько тысяч рядовых. Вокруг Полтавы все пространство на три мили было усѣяно мертвыми тѣлами, так что русскіе насчитывают от восьми до десяти тысяч убитых шведов, при самых незначительных потерях с своей стороны.

Его царское величество дал всевозможные доказательства личной храбрости и мудрой распорядительности. Его шляпа прострѣлена насквозь мушкетной пулей, а под князем Меншиковым ранено три лошади.

Собственно побѣда принадлежит десятитысячной первой линіи русской пѣхоты, так как вторая линія даже не ходила в аттаку. Носилки короля шведскаго найдены раздробленными в куски. Генерал-лейтенанты Голицын и Бауер отправлены преслѣдовать непріятеля с гвардейскими, двумя другими пѣхотными и десятью драгунскими полками.

Двадцать восьмаго вслѣд за ними выступил князь Меншиков с бóльшим пѣхотным отрядом и есть извѣстіе, что эти войска почти настигли непріятеля, бѣгущаго со всевозможной поспѣшностью и бросившаго около трех тысяч обозных фур. Граф Пипер, Цедергельм и секретар короля, Дибен, не находя спасенія, добровольно явились в Полтаву.

Кромѣ упомянутых плѣнных, захвачены еще три полковника: Апельгрин, Горн, Эйншильд, шесть подполковников, четыре маіора, одиннадцать кавалерійских капитанов, сорок два пѣхотных, один капитан-поручик, два драбанта, пятьдесят три поручика, пятьдесят три человѣка корнетов и прапорщиков, около двухсот прочих офицеров и двѣ тысячи пятьсот двадцать восем рядовых, всего 2978 плѣнных. Русскіе отняли также четырнадцать знамен и двадцать девять значков у драгун, девяносто три у пѣхоты и один от валлахов, всѣ четыре орудія, бывшія в дѣлѣ со стороны шведов, и четыре пары литавр. Рабочіе, призванные хоронить убитых, насчитывали 8619 убитых шведов, кромѣ погибших во время бѣгства; русскіе продолжают увѣрять, что с своей стороны потеряли не болѣе тысячи человѣк.

Что касается самого короля и остатков его арміи, здѣсь ни о положеніи, ни о числѣ их точных извѣстій нѣт. Одни говорят, что король отступает с тремя или шестью тысячами шведов, другіе – что при нем восемь тысяч отборной кавалеріи и нѣсколько тысяч казаков, стоявших с Мазепой при обозѣ неподалеку от мѣста боя. Слышно, будто шведы окопались у Днѣпра и стараются отбить или хотя бы занять русских, пока приготовляют лодки и другія приспособленія для переправы; но есть также слухи, будто они сдались русским со всѣм обозом, будто только король успѣл бѣжать с шестьюстами всадников.

Будь послѣднее извѣстіе достовѣрно, оно могло бы послужить поводом для пушечной пальбы и для прочих выраженій общей радости, но ничего подобнаго не слышно, хотя извѣстія из лагеря получены еще дня три или четыре тому назад. Курьер, прибывшій оттуда 2-го іюля, привез только извѣстіе, что армией царь провозглашен генерал-маіором, а также распоряженіе внести его величество этим чином в списки воинскаго приказа.

Таков офиціяльный отчет; писем же от частных лиц об этом дѣлѣ я еще не видал [193].

№ 194

1709, липня 15. – Браславль
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше писмо, в котором пишеш, увѣдомился ты от купцов, бивших в Очаковѣ, что король шведскій пришел под Очаков, и то твое писмо опоздало, а я подлинную имѣю вѣдомость, что король шведской в Очаковѣ, токмо там нечаго долго ему жить, или его к нам пришлют или за границы свои вышлют. Того ради смотрѣть вам недреманным оком: если его за границу вышлют, чтоб его изловить, а кто изловит, обѣщанное жалованье пятьдесят тысячь дано будет, а буде вашею неосторожностью уйдет, то и с вас взискано будет; да вѣдомость же имѣю, что Мазепа отлучился от короля шведскаго и около Бугу ходит в малолюдствіи, и вам надлежит о том подлинно провѣдать, и развѣдав, о том ко мнѣ писать, и постараться, как бы ево изловить; конечно смотрѣть и престерегать короля шведскаго.

Князь Дмитрій Галицин.
З Браславля 15 дня іюля [194].

№ 195

1709, липня 16. – Ладижин
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Корсунскому полковнику Андрею Кондыбѣ, Бѣлоцерковского полку обозному Павлу Чиганчуку доброго здоровья желаю!

Письма ваши получил и присланные мазепинцы приняты. И то вы учинили изрядно; которая ваша служба явна будет царскому величеству, а царское величество на сей недѣлѣ будет в Кіевѣ. Прежде всего к вам не однократно писал и нынѣ подтверждаю: надобно вам непрестанно о непріятельских оборотах провѣдывать секретно, и как тут с королем шведским поступить, а я чаю, конечно,

---

[193] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 200–204.

[194] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 308–309.

что король шведскій недолго в Очаковѣ будет жить, или ево к нам пришлют, или за границу вышлют, и естли за границу вышлют, надобно недреманным оком смотрѣть, чтоб ево не упустить и изловить и непрестанно подлежит вам о всяких поведеніях списываться с князем Волконским и с переясловским и з бреславским полковники.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Ладыжина 16 іюля 1709 г. [195]

№ 196

1709, липня 17. – Решетилівка
Лист Олександра Меншикова до корсунського полковника Андрія Кандиби

Благороднії господин полковник корсунскій!

Понеже послан от нас указ к г. генералу маіору Волконскому, велѣно стоять ему по Бугу и смотрѣть на непріятеля, ежели оной пойдет чрез Буг, дабі не перепустить. Того ради и в. м. изволите вкупѣ с прочими полками быть при нем, генерал-маіорѣ, по Бугу и на крѣпко того смотрѣти. Впротчем пребываем в. м. охотнѣй слуга Александр Менщиков.

Из обозу от Решетиловки. Іюля 17 – 1709 г. [196]

№ 197

1709, липня 20. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

В письмах своих от 6-го и 13-го іюля я имѣл честь сообщить вам о великой побѣдѣ, одержанной царем под Полтавою, и о слухах, будто остальная часть шведской армій положила оружіе. Все это вполнѣ подтвердилось неожиданным и странным путем, как увидите из прилагаемой реляціи, привезенной сюда князем Долгоруким 15-го числа текущаго мѣсяца. Хотя другой гонец прибыл сюда и ранѣе, все содержалось в тайнѣ, дабы доставить князю честь и удовольствіе первому сообщить радостныя вѣсти.

Я писал, что за частью шведской кавалеріи и пѣхоты, которой удалось отступить с поля битвы, отправлены были в погоню в самый день побѣды генерал-лейтенанты Бауер и Голицын с сильным отрядом; на другой же день – 28-го – за ними вслѣд еще с бóльшими силами выступил князь Меншиков; но настиг он непріятеля только 3-го. Шведы занимали очень выгодную позицію у подножья возвышенности между Днѣпром и Ворсклой. Захватив в плѣн шведскаго квартир-

---

[195] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 309.

[196] Там само. – С. 310.

мейстера и нѣскольких валлахов, князь узнал, что король с горстью лучших кавалеристов перебрался через Днѣпр часа за три перед тѣм, оставив за собой прочих бѣглецов под начальством генерала Левенгаупта, который, вѣроятно, сдастся при первом предложенiи со стороны русских. Получив эти свѣдѣнiя, князь немедленно выступил со всѣми своими силами (не болѣе девяти тысяч человѣк) и отправил Левенгаупту предложенiе сложить оружiе, так как всѣ пути отступленiя отрѣзаны, в противном же случаѣ обѣщал быть безпощадным. В отвѣт на такое предложенiе явились генерал-маiор Крейц, полковник Дюкер, подполковник Траутфеттер и генерал-адъютант Дуглас с переговорами о капитуляцiи, на которую князь дал согласiе. Она была подписана им и генералом Левенгауптом. В силу этой капитуляцiи непрiятель, сверх ожиданiя располагавшiй еще приблизительно пятнадцатью тысячами отборных войск (преимущественно кавалерiйских), сдался военноплѣнным и в тот же день передал генерал-лейтенанту Бауеру оружiе, артиллерiю, аммуницiю, полевую казну, канцелярiю, литавры, знамена, штандарты, барабаны и проч. Возвратилось и большинство казаков, моля о помилованiи, но Мазепа с нѣсколькими ближайшими сообщниками перебрался за Днѣпр еще за нѣсколько времени до короля шведскаго. Пока неизвѣстно, каким путем он бѣжал; однако надѣялись, что ему не удастся скрыться, так как в погоню за ним и за королем отправлено нѣсколько тысяч войска регулярнаго и иррегулярнаго. Этот отряд уже настиг арьергард бѣглецов, перебил двѣсти человѣк на мѣстѣ и захватил с сотню плѣнных. Так столь прославленная на весь мiр шведская армiя стала добычею его царскаго величества; печальной участи едва избѣгла тысяча кавалеристов, бѣжавших с королем. Может быть в цѣлой исторiи не найдется подобнаго примѣра покорнаго подчиненiя судьбѣ со стороны такого количества регулярных войск.

30-го iюля царь выступил из лагеря под Полтавою, чтобы лично принять участiе в преслѣдованiи непрiятеля, и настиг Меншикова тотчас послѣ сдачи Левенгаупта. Из прилагаемого списка вы усмотрите, что сдавшаяся армiя состояла из 16 285 человѣк – это весь остаток тридцати четырех старых шведских полков, принимавших участiе в роковой битвѣ; полки эти насчитывали в своих рядах до 24 000 бойцов. Тут же найдете опись орудiям небольшой шведской артиллерiи, опись же знаменам, штандартам, барабанам и литаврам, обѣщанная в реляцiи, осталась неприложенною по небрежности переписчиков.

Со стороны русских в битве погибли только: один бригадир, один полковник, два подполковника, два маiора; других офицеров и солдат убито 1344 человѣка; ранены: генерал Ренн, который благополучно поправляется; пять полковников, пять подполковников, восемь маiоров, вообще, со включенiем означенных лиц, раненых офицеров и солдат насчитывают три тысячи двѣсти девяносто три. Всего кавалеристов и пѣхотинцев, убитыми и ранеными выбыло из строя только четыре тысячи шестьсот тридцать шесть человѣк, – число очень незначительное для такого громаднаго успѣха.

Эти письма помѣчены 9-м iюля ст. ст. из Полтавы и подтверждаются письмами генерала Бауера и нѣкоего Сильтмана, резидента короля прусскаго, который взят в плѣн с графом Пипером, и, по видимому, очень радуется окончанiю тяжкой кампанiи, утомительной и тѣм болѣе непрiятной, что резиденту не дозволено было сноситься ни с Кайзерлингом (как приказано было данными Сильтману инструкцiями), ни с прусским двором непосредственно.

О королѣ шведском я не мог еще услыхать ничего достовѣрнаго. Одни говорят, будто он добрался до Текина, турецкаго города на Днѣпрѣ, на границѣ Валлахіи; другой – что он находится в Очаковѣ, татарском городѣ на Черном морѣ. Здѣсь ходят слухи, будто царь приказал потребовать его выдачи от сераскира. Его царское величество в настоящее время находится, вѣроятно, в Кіевѣ; армію же его предполагается раздѣлить: одна часть под начальством генерала Бауера пойдет в Польшу, другая же под начальством фельдмаршала Шереметева – в Ливонію.

Вы догадываетесь, что здѣсь происходили празднества чрезвычайныя, но вполнѣ сообразныя обстоятельствам: нѣсколько дней кряду раздавалась пушечная пальба и давались большіе обѣды.

Прусскій посланник, Кайзерлинг, завтра или послѣзавтра выѣзжает к арміи. Я уже сообщал вам, что он получил от короля разрѣшеніе возвратиться на нѣкоторое время в Германію для устройства личных своих дѣл, но не намѣрен был выѣзжать до зимы. Эту внезапную поѣздку в армію поясняют тѣм, что резидент Сильтман имѣет передать ему что-то устно, а потому просил позволенія ѣхать в Москву; царь же нашел болѣе удобным выписать посланника в армію. Очень вѣроятно, что оттуда он отправлен будет к прусскому двору с какими-нибудь соображеніями по поводу настоящаго положенія Польши и Швеціи, как его нѣкогда отправляли для переговоров из Гродно.

Кайзерлинг всегда изъявлял готовность вступиться за интересы ея величества, и особенно старался уладить несогласія по поводу оскорбленія московского посла; потому присутствіе его в лагерѣ, надѣюсь, будет очень полезно: он может разузнать о намѣреніях русскаго двора и выслѣдить, за чѣм дѣло стало.

Я уже воспользовался недавнею побѣдой, чтобы написать письмо непосредственно его величеству и указать ему на ряд проявленій уваженія и дружбы со стороны королевы и всей англійской націи, обнаруженных по поводу случая с Матвѣевым. Я также поручаю Кайзерлингу дать дальнѣйшія разъясненія, буде они понадобятся, а, ввиду неаккуратности почтоваго сообщенія и потери времени на пересылку писем из арміи в Москву, затѣм из Москвы в Лондон, просил его немедленно по прибытіи в Германію отправить вам отчет о настроеніи царскаго двора.

Я с 1-го февраля ст. ст. до сих пор не имѣл счастья получать писем из Великобританіи, хотя к купцам дошло нѣсколько писем от 4-го іюня. В этой существенной непріятности, как я слышал, виноват берлинскій почтмейстер, который продолжает отправлять письма на мое имя через Бреславль, почему я рѣшительно не знаю, что в Англіи или в Голландіи сдѣлано для удовлетворенія посла; между тѣм опасаюсь, как бы одержанный успѣх не сдѣлал русскій двор менѣе доступным и снисходительным. Так как отношенія к сѣверу заслуживают особеннаго вниманія с вашей стороны, я приложу всѣ старанія не давать никакого опредѣленнаго хода этому дѣлу, пока не получу ваших дальнѣйших инструкцій.

В армію отправлено нѣсколько лучших дьяков Посольскаго приказа, как здѣсь полагают, для перевода захваченных у шведов бумаг и писем. Вѣроятно также, что теперь предприняты будут и переговоры, которые потребуют большаго числа рук [197].

---

[197] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 205–211.

№ 198

1709, липня 25. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Писмо ваше получил чрез козака, которой был в Очаковѣ вождом с посланним от гетмана Скоропадского, и оной козак паки к вам отпущен.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 25 июля 1709 году [198].

№ 199

1709, липня 27. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

6-го и 13-го іюля я имѣл честь отправить вам донесеніе о великой побѣдѣ царя под Полтавою, 20-го же увѣдомил вас, что остатки шведской арміи, представлявшие собою еще около пятнадцати тысяч отборнаго войска, положили оружіе и сдались без малѣйшаго сопротивленія князю Меншикову, с которым было не болѣе десяти тысяч человѣк. С князем, правда, отправлено было тридцать полков, но вслѣдствіе быстроты движенія, за ним едва поспѣла половина их, прочіе же он оставил далѣе чѣм на полу-пути, так как русскіе и не воображали, чтобы у непріятеля могло остаться болѣе семи тысяч человѣк в сплоченном отрядѣ.

Плѣнные разсѣяны по разным городам Украины и будут доставлены в Москву не ранѣе зимы. Полагают, что зимою царь совершит торжественный въѣзд в столицу. Пока графом Пипером и Цедергельмом подписан договор о размѣнѣ московских плѣнных, проживающих в Стокгольмѣ. Этот размѣн, котораго русскіе напрасно домогались нѣсколько лѣт, первый плод чудесных успѣхов царскаго оружія.

Здѣсь получены достовѣрныя извѣстія, что король шведскій и Мазепа бѣжали в Очаков – татарскій город на Черном морѣ, куда за ними отправлен князь Лобанов с отрядом царских войск. Князь занял всѣ дороги с цѣлью захватить бѣглецов; ему из арміи будут посланы еще новыя подкрѣпленія. В то же время его величество отправил нарочнаго к оттоманскому правительству, требуя выдачи короля и его свиты, прибавив, говорят, нѣсколько угроз на случай отказа.

Таковы наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія, которыя я мог собрать, хотя другіе предполагают, будто король уже тайно бѣжал из Очакова с Мазепою и тремя-четырьмя другими лицами; но этот слух плохо вяжется с извѣстіем о его тяжелой ранѣ.

Между прочими в руки царя попал секретарь ея величества, Джеферис, который увѣдомил меня о своем плѣнѣ прилагаемым письмом. В нем вы найдете

---

[198] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 311.

краткія свѣдѣнія о битвѣ (хотя с небольшими погрѣшностями в числах) и о нѣкоторых несогласіях Джефериса с Сильтманом. Я уже писал графу Головкину в его пользу, прусскій же посланник позаботится установить добрыя отношенія между ним и прусским резидентом, когда прибудет к арміи, куда выѣзжает 23-го, оставляя, впрочем, здѣсь большую часть своего багажа.

Сегодня отправляется к арміи и царевич-наслѣдник. Он 23-го должен прибыть в Кіев, гдѣ предстоят торжественныя молебствія и празднества, с особенными приношеніями пресвятой Дѣвѣ Маріи, заступничеству которой благочестіе русских главным образом приписывает успѣх царя. По окончаніи этого торжества, князь Меншиков с большею частью кавалеріи выступит к Люблину, оттуда же прямо направится к Варшавѣ; фельдмаршал же Шереметев с пѣхотой поспѣшно двинется в Литву и постарается вытѣснить шведов из Курляндіи. Движеніе это конечно, направлено против Риги. Здѣсь заготовляется большой артиллерійскій обоз, независимо от обозов, уже заготовленных в Смоленскѣ и Полоцкѣ. Царь питает личную вражду к Ригѣ, генералов привлекают ея богатства, потому ей неминуемо угрожает осада или вторженіе, если шведы не позаботятся предупредить такое бѣдствіе. Я счел нужным заблаговременно увѣдомить вас об этом ввиду интересов британских подданных, проживающих в Ригѣ, которых и кромѣ того постараюсь предупредить об угрожающей им опасности через Кенигсберг...

...Вижу, что дѣло московскаго посла все еще не окончено, благодаря медлительности процесуальных форм; но со стороны ея величества очевидно ничто не упущено; я с слѣдующею же почтой буду писать графу Головкину и, хотя нельзя сказать, чтобы доводы мои всегда имѣли надлежащій вѣс, надѣюсь, они на этот раз успокоят русскій двор, пока суд не произнесет приговора; а послѣ приговора и царь выскажет свое окончательное рѣшеніе. Мнѣ же до того времени было бы очень пріятно получить или копію с акта, охраняющаго посольскія привиллегіи, или какія либо свѣдѣнія о нем, дабы я мог указать русскому двору, на сколько в этом законодательном актѣ приняты в соображеніе интересы его царскаго величества. До сих пор я имѣл возможность дать по этому поводу только общія указанія, заимствованныя из газет.

Извлеченіе из письма Джефериса сэру Чарльзу Витворту

Русскій лагерь под Полтавою, 9-го іюля 1709 г. (20-го іюля н. ст.).

С тѣх пор как я удостоился назначенія секретарем ея величества при королѣ шведском, я еще не имѣл случая познакомиться с вами. Все то, о чем мнѣ приходится увѣдомить вас в настоящее время, без сомненія, покажется вам настолько же удивительным, насколько оно славно для монарха, при котором вы акредитованы. Короче, его царское величество одержал полнѣйшую побѣду над шведами. Вся шведская армія, состоявшая из 21–22 т. человѣк, или перебита, или захвачена в плѣн с канцеляріей, генералами и офицерами, не исключая графа Пипера и фельдмаршала Реншильда.

Я еще не знаю, какая судьба ожидает меня. Государь обѣщал резрѣшить мнѣ свободный возврат в Англію, канцлер Шафиров мнѣ покровительствует, Сильтман же, состоявшій при королѣ шведском резидент от короля прусскаго, относится ко

мнѣ вполнѣ враждебно и старается увѣрить царских министров, будто я состоял на шведской службѣ.

Трагедія, о которой я упомянул, началось 28-го минувшаго мѣсяца под Полтавою, когда шведы аттаковали русских, расположенных на выгодных позиціях и в ретраншментах, и окончилась 1-го іюля, когда шведы отступили от Полтавы с остатками своей арміи к Днѣпру, намѣреваясь перейти за рѣку, но это им не удалось, и они вынуждены были сдаться военно-плѣнными. Так побѣдоносная, многочисленная армія разстроена менѣе чѣм в два года, преимущественно вслѣдствіе презрительнаго своего отношенія к непріятелю и особенно вслѣдствіе того, что король никогда не хотѣл прислушаться ни к одному мнѣнію своих совѣтников, которые, могу увѣрить вас, признавали необходимым вести эту войну совсѣм иным путем.

Король шведскій с двумя или тремя тысячами кавалеріи перебрался через Днѣпр. Полагают, что в настощее время он благополучно добрался до Польши [199].

№ 200

1709, липня 27. – Москва
Додатковий лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Причина поспѣшности Кайзерлинга – полученное им письмо от графа Головкина, в котором посланик извѣщается, что, если он, не дожидаясь специяльных инструкцій, готов принять на себя поѣздку к королю прусскому с нѣсколькими предложеніями большой важности, царь очень желает его пріѣзда в армію, так как предполагает войти с его государем в ближайшія сношенія по поводу настоящих обстоятельств. Однако, чтобы не возбуждать зависти в прочих уполномоченных иностранных государств, Кайзерлингу предложено предпринять это путешествіе как бы под предлогом совѣщанія с прусским резидентам, захваченным при послѣдней битвѣ. Посланник принял сдѣланное предложеніе, не взирая на то, что недавно получил разрѣшеніе возвратиться в Германію по своим частным дѣлам, письмо же графа показал мнѣ конфендиціяльно, хотя, вѣроятно, меня посвящать в секрет предположено не было.

О каких предложеніях идет речь – сказать не могу, но догадываюсь, что они однородны с тѣми, которыя дѣлались из Гродно в 1705 году: королю, вѣроятно, обѣщается поддержка в его претензіи на Эльбинг и предлагается епископство вармійское или владѣніе Курляндіей, а может быть возстановленіе юнаго герцога в его владѣніях под покровительством короля польскаго, как это было до сей поры. Взамѣн этого царь, с своей стороны, вѣроятно, желает содѣйствія Пруссіи в новом распоряженіи престолом Польши, в сохраненіи Ингріи за Россіей, а может быть даже в выполненіи болѣе обширнаго проэкта раздробленія шведских земель – раздробленія, представляющаго собою основную цѣль Сѣверной войны.

Как я имѣл честь сообщать вам в нѣскольких письмах, нѣт сомнѣнія, что король Август в теченіе послѣдних двѣнадцати мѣсяцев улаживал договор с Россіей. Я имѣю основаніе полагать, что и Данія снова склоняется на что-то

---

[199] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 212-217.

подобное, так как секретарь бывшаго посла, Измаилова, увѣрял меня, будто во время пребыванія его с царем в Воронеже, от Долгорукаго пришло предложеніе касательно вмѣшательства Даніи в настоящую войну при условіи, если ей обещаны будут вспомогательное войско до 8000 человѣк и значительная ежегодная субсидія. Но так как Измаилов увѣрил царя, что король датскій не может объявить разрыва Швеціи без согласія союзников, предложенія эти не обратили на себя большаго вниманія; теперь же они становятся осуществимѣе и датскій посланник всего болѣе опасается, как бы русскій двор не заключил внезапнаго мира. Он подозрѣвает, не ради ли этих цѣлей отправляется Кайзерлинг, быть может по требованію военноплѣнных шведов. Его оставляют в этих опасеніях, хотя я далеко не надѣюсь, чтобы здѣсь думали о таком осторожном и умѣренном мирѣ, особенно с тѣх пор, как русскіе генералы вполнѣ надѣются возвратиться на польское раздолье, царь же, вслѣдствіе послѣдних успѣхов, легко может увѣровать в непобѣдимость своих войск. Таков общій дух русской націи: подчиняясь случайностям, он невѣроятно поднимается или совсѣм падает при малѣйшей перемѣнѣ. На этом основаніи не думаю, чтобы имѣлось ввиду посредничество короля прусскаго.

Кайзерлинг полагает, что царь легко склонится к миру, если ему предоставят все захваченное его войсками и если польскія дѣла устроятся согласно с его желаніями. Станислава там не станут терпѣть долѣе, развѣ шведы оправятся скорѣе, чѣм предполагают. Если посланник найдет царя по прежнему расположенным возстановить короля Августа, он не заявит неудовольствія, но если царь станет колебаться или спросит Кайзерлинга о его мнѣніи, он постарается устранить такого опаснаго и безпокойнаго сосѣда в интересах Константина Собѣсскаго или его брата.

В первое время по моем пріѣздѣ царь серьезно искал посредничества ея величества, и я позволил себѣ выразить мнѣніе, что полезно было бы тогда предложить это посредничество, предоставив осуществленіе его времени и обстоятельствам. Таким образом дѣло во всякое время находилось бы в руках ея величества, но в ту пору мнѣніе мое не нашло одобренія, теперь же посредничество здѣсь вряд ли примут, или по крайней мѣрѣ царь примет его не с удовольствіем; оно, во всяком случаѣ, не будет имѣть надлежащаго значенія, развѣ русскій двор снова первый заговорить о нем.

Как бы то ни было, ввиду возможнаго вліянія дальнѣйших тревог на сѣверѣ на теченіе войны союзников с Франціей, я убѣждал Кайзерлинга склонять царя к умѣренности и внушать ему, что лучшее условіе прочнаго мира – гарантія Англіи и Голландіи при содѣйствіи короля прусскаго. Я не имѣю повода сомневаться в добрых намѣреніях и стараніях Кайзерлинга, но болѣе ничего сдѣлать не могу, пока вы не потрудитесь выслать дальнѣйшія инструкціи для моего руководства в настоящих важных обстоятельствах, хотя, при таком отдаленіи от двора и арміи, я оказываюсь почти безполезным; посылаемыя мною извѣстія приходят слишком поздно для ваших соображеній, и недостаточно провѣренными для исторіи.

Касательно дѣла с послом, не смогу сказать ничего новаго, пока не услышу, какой приговор произнесен против оскорбителей. Очень вѣроятно, что декларація здѣшняго двора соображена будет с требованіями, которыя, по его мнѣнію, могут быть предъявлены вашему положенію и вашему дружелюбію; дай он сколько-нибудь простора благодарности или благоразумію, он предоставил бы

все вашему усмотрѣнію и соображенію, так как для поддержанія его чести перед свѣтом уже сдѣлано достаточно; но русскіе плохіе судьи в таких деликатных вопросах, и ничего подобнаго нельзя ожидать на зарѣ их перерожденія. Вѣроятно, напротив, что они пожелают прибытія особаго уполномоченнаго именно по данному случаю, хотя бы только для того, чтобы он посмотрѣл на них и на их армію в полной славѣ...[200]

№ 201

1709, липня 29. – Глухів
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласкавій пріятелю, п. полковнику корсунскій!

З листу пана полковника богуславского вѣдомо нам есть, же в. м. по монаршом его царского пресвѣтлого величества и нашом гетманском повеленіи в том же указѣ выраженних пилно, якую вашей милости чулось и бодрость до исполненія указу похваляем; тут же желаем, абы в. м. неквапячися (не спѣша) ку домови до далшего монаршого указу, и воспочивши вимордованним коло Уманѣ конями засмотрувался на поведеніе тамтейшого краю и на оборот короля шведского и Мазепи, куда з Тяшнѣ свой далшій завзяти похотят оборот, що колвек теды будет мѣти, неумедлѣвай нам чинити извѣстно, жадаем и ему ж зичим доброго от Господа Бога здоровя.

З Глухова июля 29 году 1709.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Запр.

При оном подленном унѣверсалѣ приложена цѣдула такова: о ханском в Бендер до короля шведскаго походы еще перед извѣстіем вашим видомо нам. За видомость о оборотѣ короля шведскаго и Мазепы в листѣ от в. м. присланном выраженную дякуемо и впредь що за озмеш доносити нам неомешкувай, жадаем и полк Бѣлоцерковскій нехай з в. м. обрѣтается; унѣверсали до вас посилаем, подлуг которых хотитѣ поступить [201].

№ 202

1709, липня 29. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Чтобы не утруждать вас дальнѣйшим дешифрированьем, позволю себѣ сослаться на прежнія мои донесенія, особенно на длинное письмо мое 23-го января (3-го февраля) 1703–6 г. и на первую часть другаго письма от 26-го ноября (7-го декабря) 1706 г. Прикажите пожалуйста отыскать в архивѣ эти письма, а кстати

---

[200] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 217–221.

[201] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 311–312.

и нѣкоторыя другія: от 16-го (27-го) мая (середину письма), от 14-го (25-го) сентября (один из послѣдних пунктов), от 10-го (21-го) ноября (середину письма) – всѣ 1705 года; далѣе письма 18-го (29-го) апрѣля (середину), от 24-го іюля (4-го августа; начало) оба 1706 года. В них вы найдете наиболее существенныя данныя по вопросам о посредничествѣ ея величества, о завоеваніях царя на балтійском побережьи и о прочих здѣшних дѣлах. Коль скоро еще что либо дойдет до моего свѣдѣнія, не премину довести до вашего свѣдѣнія все, что узнаю.

Извѣстіе о пребываніи короля шведскаго и Мазепы в Очаковѣ снова подтвердилось. Добавляют, будто они допускаются только в город, так как мѣстный губернатор не разрѣшает им проникать в крепость; он также не позволяет им выѣхать в Константинополь без предварительнаго разрѣшенія Порты. Между тѣм царь отправил к своему послу в Константинополѣ нарочнаго с инструкціей – требовать их выдачи... [202]

№ 203

1709, кінець липня
Послання Карла XII про полтавський погром у Стокгольм урядовій раді

Довольно долго уже мы из Швеции не получали никаких известий, да и не имели случая посылать писем отсюда. Между тем дела шли здесь хорошо и все обстояло благополучно до 28-го прошлаго месяца, когда мы при городе Полтаве в Украйне приняли сражение с русскою армией и в начале прогнали неприятеля из возведенных им шанцев и укреплений, но после, когда возобновилось побоище (причем мы сами, вследствие полученной за несколько дней перед тем огнестрельной раны в ногу, не могли сидеть на лошади и делать нужныя распоряжения), то по воле судьбы и по несчастной случайности наши войска потерпели урон и особенно большая часть пехоты была изрублена, «так что можно было ожидать в скором времени такого превосходства над неприятелем, что он вынужден будет согласиться на все наши требования. Но случилось, что 28-го прошлаго месяца, по несчастной случайности, шведское войско потерпело урон в сражении, что произошло вовсе не от храбрости или перевеса численности неприятеля, ибо он сначала был повсюду обращен в бегство, но самая местность и положение были так благоприятны для неприятеля и так укреплены, что шведы чрез то понесли ущерб, хотя они, в пылу отваги, несмотря на выгодныя для неприятеля условия, везде атаковали и преследовали его, что и привело к тому, что большинство пехоты погибло и самая конница потерпела большой урон. Потеря весьма велика, но принимаются меры к тому, чтобы вследствие этого неприятель не получил перевеса и не приобрел самомалейшей выгоды». Однако, в высшей степени необходимо, чтобы военная сила была возстановлена и приведена в состояние отражать вредные замыслы и нападения неприятеля. Посему объявляем вам нашу милостивую волю и повеление, дабы вы со всею тщательностию и елико возможно скорее приказали «набрать» (recrutera) «дома (т. е. в Швеции) совершенно новые земские полки» пехоты (образовать новые пехотные полки как

---
[202] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 221–222.

гвардии, так и остальной инфантерии) взамен бывших здесь в походе, озаботясь снабжением их одеждою, оружием, знаменами, музыкою, палатками и всеми нужными принадлежностями, какия были у прежних. Кавалерия также много пострадала, но так как нельзя в точности знать количества убыли, то «желательно было бы, чтоб все мызники, обязанные содержать коннаго солдата, изготовились к новой поставке рекрут, особенно для остготской кавалерии, которая должна быть совершенно вновь набрана» (то взамен каждаго из находящихся здесь конных полков вы истребуете запасное войско на случай последующей надобности, назначив из остающихся дома кавалерийских и пехотных полков некоторое число офицеров, которые примут на себя заботу сформировать и обучить новые пахотные полки и заместительную кавалерию, так нам нельзя назначить новых офицеров, пока не получится точное сведение, которые из прежних офицеров еще остаются в живых). Равным образом вы имеете сделать распоряжение, чтобы все еще остающиеся дома полки, как конные, так и пешие... [Были готовы явиться к нам на театр войны, когда мы впоследствии их потребуем. Лагерь при Оссове (т. е. Очакове) на берегу Чернаго моря, 11-го июля 1709 года] «были готовы по первому востребованию отправиться в поход, дабы, если встретится надобность, послать тот или другой полк на место тех, которые теперь вновь набираются, то они были бы наготове. Весьма важно теперь не падать духом и не предаваться малодушному бездействию, а напрягать все силы, чтобы поправить дело, дабы вскоре привести все к желаемому концу. И предполагают, что, несмотря на понесенный урон, можно будет в скором времени так стеснить неприятеля, что он вынужден будет исполнить все требования. Необходимо также по возможности принять меры к набору гвардии и изыскать средства к отправлению ея, на что потребуется значительное число людей и, кажется, можно на это получить часть селитроваров. Некоторое число офицеров с немногими рядовыми гвардии уцелели вместе с некоторою частью пехоты, а попавших в плен к неприятелю мы надеемся выменять. Между тем русские пленные должны быть содержимы в Швеции строго и не пользоваться никакою свободою, пока не окажется возможным обменять их особенно знатным русским, находящимся в плену, не следует давать ни малейшей воли, не допускать к ним никого, будь то швед или кто-либо другой; не позволять им вести какую бы ни было переписку, а напротив, содержать их в строжайшем заключении до тех пор, пока можно будет отсюда войти с неприятелем в какое-либо соглашение о размене»[203].

№ 204

1709, серпня 3. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

1-го августа сюда прибыл сэр Джеферис; ему разрѣшено отправиться в Великобританію через Архангельск, если он сможет удостовѣрить мнѣ, что дѣйствительно находился на службѣ ея величества (русскій двор, кажется, еще нѣсколько

[203] Карл XII. [Письмо о полтавском сражении. 1709 г] / Публ. Я. К. Грота // *Грот Я. К.* Труды Я. К. Грота из русской истории. Исследования, очерки, критические заметки и материалы. – СПб., 1901. – Т. 4. – С. 157–159.

сомнѣвается в этом, как вы увидите из прилагаемаго перевода письма графа Головкина). Очень вѣроятно, что они желали бы устранить Джефериса с своей дороги и пользуются случаем подвергнуть его хлопотам продолжительнаго и утомительнаго пути или же желают затруднить ему возвращеніе к прежнему посту, так как они перехватили нѣсколько писем Джефериса, которыми, по его мнѣнію, могут быть недовольны. Как бы то ни было, он не желает предпринимать этого путешествія в столь позднее время года и рѣшается остановиться здѣсь, пока не получит приказаній ея величества или пока мнѣ удастся доставить ему паспорт для возвращенія через мѣстности, занимаемыя арміею, или через Петербург и Выборг. Опасаюсь что ни тот, ни другой маршрут не будет допущен (хотя ходатайствовать о разрѣшеніи буду с слѣдующею же почтой); зато может быть с приближеніем царских сил к Литвѣ вновь откроется прямая дорога через Смоленск и Кенигсберг.

Пока было бы весьма умѣстно выслать Джеферису, ради большаго удобства и безопасности при проѣздѣ каким бы то ни было путем, паспорт от ея величества.

Так как Джеферис только что вернулся из арміи, он может дать вам самый подробный отчет обо всем, что там дѣлается, потому позволю себѣ, сославшись на его донесеніе, прибавить только нѣсколько слов:

Старшіе офицеры шведской арміи, которых ожидали здѣсь и которые уже были в пути, впредь до въѣзда царскаго во дворены будут в Раненбургѣ (помѣстьи князя Меншикова, верстах в 400 от Москвы, по воронежской дорогѣ). Граф Пипер, однако, все еще остается при арміи, а Цедергельм отправлен к королю шведскому, если сможет найти его, или к регентству, в Стокгольм. Генерал Мейерфельд также слѣдует за царем. Его порученія к его величеству, офиціяльно извѣстныя, касаются погребенія убитых, списка плѣнных и ходатайства о хорошем обращеніи с ними; нѣт, однако, сомнѣнія, что ему поручено что нибудь и по дѣлу об обмѣнѣ, а Джеферис предполагает, что рѣчь пойдет отчасти и о мирѣ. Что же касается до плѣнных солдат, из них двѣ или три тысячи нѣмцев поступили на царскую службу, а около четырех тысяч природных шведов будет прислано сюда для работы на укрѣпленіях.

Московская армія должна выступить к Кіеву 48-го іюля; а царь, Шереметев и генерал Бауер направятся через Литву и, если окажется возможность, приступят к бомбардированію Риги.

Слышал я также, будто князь Куракин, человѣк вполнѣ благовоспитанный, исполнявшій дипломатическія порученія в Римѣ и в других мѣстах, отправлен будет к ея величеству, и слышал я это из хорошаго источника; но так как граф Головкин ни о чем подобном не упоминает, надо полагать, что дѣло это еще не окончательно рѣшено.

Что касается короля шведскаго, Джеферис сообщает, будто, по мнѣнію русских министров, он благополучно выбрался из Очакова в Венгрію или Польшу; но здѣсь по этому поводу ходять самые разнообразные слухи. Генерал Бауер, в письмѣ ко мнѣ от 17-го іюля, увѣдомляет, что король и Мазепа по прежнему проживають в Очаковѣ, другіе же увѣряют, будто короля и не впускали туда, и будто он направился в Валлахію. Через нѣсколько дней всѣ эти сомнѣнія должны выясниться [204].

---

[204] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 222–224.

№ 205

1709, серпня 10. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

3-го (14-го) числа текущаго мѣсяца я имѣл честь увѣдомить вас о прибытии Джефериса и о его рѣшимости остаться в Москвѣ, пока он не получит приказаній от ея величества или паспорта для проѣзда через Польшу, так как он не желает предпринимать труднаго путешествія в Архангельск, – единственнаго, дозволеннаго ему пока русским двором для возвращенія в Англію. Он дал вам полнѣйшій отчет обо всем, что происходило в шведской и русской арміи до 18-го іюля, т. е. до дня его высылки в Москву. С тѣх пор мною получены письма от 31-го из Кіева с извѣстіями о дальнѣйшей дѣятельности царя.

Его величество прибыл в Кіев 23-го со всѣм двором, с князем Меншиковым и со всѣми старшими офицерами гвардейских и драгунских полков; 24-го всѣ они присутствовали на торжественном богослуженіи в соборѣ, гдѣ совершалось молебствіе и гдѣ профессором богословія и философіи мѣстной академіи произнесена была рѣчь, соотвѣтствующая торжеству. Затѣм митрополит угощал высоких гостей роскошным обѣдом. 25-го царь и князь осматривали укрѣпленія у Печерскаго монастыря, расположеннаго верстах в четырех от Кіева, извѣстнаго своими пещерами и мощами, которыя цѣлыя столѣтія остаются совершенно нетлѣнными и чрезвычайно почитаются греко-восточною церковью.

В тот же вечер прибыл курьер от русскаго генерала, стоящего под Очаковым, с извѣстіем, что король шведскій, получив от сераскира разрѣшеніе отправить нарочнаго в Стокгольм, сам выѣхал из Очакова под видом этого нарочнаго; но через день бѣгство обнаружилось и в погоню отправлено было двѣсти турок. Короля нагнали и привезли в мѣстный административный центр – Бендеры (Текин).

27-го к его царскому величеству прибыл хіас, т. е. посланный от сераскира поздравить с славною побѣдой, возобновить увѣренія в дружбѣ и сообщить, что король и Мазепа находятся в руках турок.

28-го возвратился с дальнѣйшими подробностями русскій капитан, отправленный к сераскиру кіевским губернатором. Он сообщил, что король и Мазепа расположились лагерем на лугу перед городом под стражей из двухсот турецких солдат и в небольшом ретраншментѣ. Король предлагал пашѣ триста тысяч червонцев за допущеніе в крѣпость и нѣкоторыя другія услуги, однако безуспѣшно, так как паша твердо рѣшился ничего не предпринимать в этом дѣлѣ без особых приказаній от Порты. Мазепу же со всѣми его слугами паша обѣщает выслать царю, как измѣнника. Пока он отказался отвести бывшему гетману жилище в городѣ под строгим предлогом, что в Бендерах не найдется дома, пригоднаго для человѣка, котораго не могли удовлетворить принадлежавшіе ему в Россіи дворцы; кромѣ того, когда капитан заявил, что Мазепа в платьѣ может быть прячет яд, с цѣлью покончить с собою при случаѣ, у гетмана отобрали одежды и обыскали их очень тщательно. Но, как ни настаивал капитан на том, чтобы его допустили к Мазепѣ, этого ему не дозволили из опасенія, как бы он не нанес оскорбленія старику.

29-го нѣсколько богатых медалей роздано офицерам, отличившимся в дѣлѣ против генерала Левенгаупта прошлою осенью.

31-го его величество и князь должны были выѣхать на почтовых в Польшу и настичь русскую кавалерію, уже выступившую на соединеніе с фельдмаршалом Гольцем, с которым они отправятся в Варшаву, гдѣ ожидают встрѣтить короля Августа. Они надѣются, что короли датскій и прусскій тоже предпримут это путешествіе, или – вѣрнѣе – царь и князь желали бы этого.

Пѣхота под начальством фельдмаршала Шереметева, генералов Брюса и Бауера прошла большую часть пути к Минску в Литвѣ. Прусскій посланник Кайзерлинг 29-го іюля ст. ст. встрѣтил часть их в Борзнѣ, недалеко от Чернигова; я получил письма от него и от генерала Бауера, помѣченныя этим числом. Оба они сообщают, что царская армія из Минска четырьмя колоннами двинется к Ригѣ, гдѣ всѣ части его должны встрѣтиться через одиннадцать недѣль, не позже. Их цѣль – правильная осада Риги. Царь, прибыв в Варшаву, намѣрен отправить генерала Гольца с его отрядом к Данцигу, чтобы вполнѣ отомстить за униженіе, которое, как русскій двор признает в настоящее время, нанесено было царскому войску три года тому назад.

Несмотря, однако, на всѣ эти приготовленія к дѣятельному продолженію войны, слышатся кое-какие толки о мирѣ:

24-го вечером граф Пипер прибыл в Кіев и помѣщен в крѣпости. Полагают, что он там и останется до тѣх пор, пока его вмѣстѣ с другими военноплѣнными не перевезут в Москву, т. е. до начала декабря, когда царь намѣрен совершить торжественный въѣзд в столицу. Уже отдано приказаніе соорудить нѣсколько тріумфальных арок. 29-го граф Пипер очень продолжительно бесѣдовал с царем и его министрами в квартирѣ графа Головкина; затѣм один из секретарей Пипера послан был в Стокгольм.

Датскій посланник также получил письма от Шафирова, помѣченныя 31-м іюля, с извѣстіем, что царь отправил было генерала Мейерфельда к королю шведскому с формальным предложеніем прежних условій мира; но затѣм послал измѣненныя условія, лучшія или худшія – не сказано. Шафиров прибавляет только, что русское правительство еще не теряет надежды захватить короля шведскаго, и тѣм облегчить соглашеніе. Царь и князь утомлены военными трудами и, насколько можно судить по слухам, рѣшились будущею зимой заключить мир, если только он может состояться с выгодою для Россіи.

25-го в Кіев снова прибыл уполномоченный от князя Рагоцци. Это то же лице; которое присылали к царю прошлым лѣтом, и которое надѣялось получить отвѣт через нѣсколько дней. Уполномоченный этот увѣряет, будто Талуба отзывается и должен выѣхать из Москвы недѣли через двѣ. Потрудитесь вспомнить, что я писал вам зимой о пріѣздѣ этого господина в Москву с званіем чрезвычайнаго венгерскаго посла, а также о том, как никто из иностранных уполномоченных – между прочими и я – не сочли удобным признать его в этом достоинствѣ до полученія особых распоряженій от наших дворов. Потому я до сих пор имѣл с ним только случайные разговоры, но секретарь мой бесѣдовал с ним вчера, и он ничего не высказывал о возвращеніи своем домой. Он сообщил также, что три раза просил разрѣшенія следовать за арміей, однако постоянно получал отказы; русское правительство указало ему пребываніе в Москвѣ. Княгиня Рагоцци находится в Люблинѣ, выжидая случая свидеться с его царским величеством.

Не могу не упомянуть о странном извѣстіи, полученном в Кіевѣ 28-го минувшаго мѣсяца ст. ст. в письмѣ от краковскаго почтмейстера, помѣченном от

24-го н. ст. Рѣчь идет о кровавой битвѣ во Фландріи, в которой будто бы маршал Вильяр с арміей в 130 000 человѣк на голову разбил союзников. Но так как письмо умалчивает о времени и мѣстѣ битвы, не говорит ни о каких подробностях ея, надѣюсь, что извѣстіе это – польское измышленіе, раскрывающее только стремленія извѣстных лиц. Как бы то ни было, я не совсѣм спокоен, тѣм болѣе, что почта из Германіи снова задерживается три послѣднія недѣли, и я не получал писем из Голландіи с 5-го іюля н. ст., т. е. с самаго начала осады Турнэ.

Здѣсь на днях были ужасные пожары. 4-го августа сгорѣли новый дворец князя Гагарина и около пяти тысяч других домов, из которых многіе принадлежали знатнѣйшим лицам. На следующую же ночь таже судьба постигла около ста других домов, а 8-го загорѣлся собор. Самый храм успѣли отстоять, но ризница и прилегающія лавки уничтожены огнем [205].

№ 206

1709, серпня 10. – Москва
Додатковий Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

В письмах моих вы найдете извѣстіе о намѣреніях царя против Данцига и Риги. Исполненіе этих намѣреній будет, конечно, зависѣть от возможности, но позднее время года не может представить препятствій там, гдѣ приказанія не допускают прекословія, люди не считаются ни во что, и труды не цѣнятся. К тому же русскіе переносят усталость и холод легче всякаго другаго народа. Ввиду интересов ея величества, связанных с судьбою названных городов, долгом считаю отправлять вам возможно своевременныя и частыя извѣстія обо всем, что их касается.

Не могу также не увѣдомить вас, что царь и его министры открыто выражали радость по поводу извѣстія о побѣдѣ маршала Вилльяра. Я уже писал вам, что вѣсти о ваших успѣхах послѣдняго времени смущали их; они, как я не раз имѣл честь сообщать вам, особенно опасались общаго мира; на днях же царь прямо высказал моему корреспонденту, что желал бы продолженія войны еще в теченіе трех лѣт. Я не вывожу из этого, чтобы царь был особенно расположен к Франціи, но русскій двор опасается вашего возвышенія, как бы вы ни пріобрѣли возможность сломить его честолюбивые замыслы новым Травендальским миром; а может быть царь даже мечтает стать посредником в вашей распрѣ, так как, чувствуя за собой успѣх и силу, русскіе легко становятся докучливыми, и способны на самыя дикія предположенія.

Его величество также не раз заявлял моему корреспонденту о своем намѣреніи в слѣдующем году перевести торговлю из Архангельска в Петербург. Это, конечно, может зависѣть исключительно от его воли развѣ в случаѣ, если до того времени будет заключен мир, но в его власти помѣшать всей архангельской торговлѣ, как он не раз мѣшал ея отдѣльным отраслям разными необдуманными запрещеніями.

В Гаагѣ в теченіе предстоящей зимы Матвѣева заменит князь Долгорукій [206].

---

[205] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 225–230.
[206] Там само. – С. 230–231.

№ 207

1709, серпня 12. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Позвольте мнѣ только исправить ошибку в строках по поводу мирных переговоров, о которых мнѣ передали неточныя данныя: датскій посланник показал мнѣ письмо, в котором Шафиров разсказывает, будто вскорѣ послѣ битвы король шведскій прислал генерала Мейерфельда с предложеніем заключить мир на условіях, которыя царь предлагал прошлою зимой; рускій же двор в отвѣт отправил совершенно иныя условія; это ясно доказывает, что успѣх на столько же умножил требованія русских, на сколько он сломил претензіи короля Карла.

Здѣсь получены письма из Кіева от 3-го августа, сообщающіе, что князь Меншиков выѣхал в Польшу, а царь, чувствуя приступы лихорадки, остался в Кіевѣ и намѣревался пробыть там день или два, пока не поправится. Князь Гагарин, к которому прибыл гонец, прибавляет, будто король шведскій бѣжал водою и надѣется в началѣ сентября возвратиться в свое отечество; подробности этого бегства, однако, неизвѣстны; не знают также, каким путем он отправился. Если это извѣстіе справедливо, вы скорѣе получите подтвержденіе его из других источников, чѣм от меня [207].

№ 208

1709, серпня 17. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Со времени отправленія двух писем, прилагаемых в дубликатах, я не получал никаких извѣстій о движеніи русской арміи в Польшу и Литву, кромѣ письма, помѣченнаго 12-м августа ст. ст. из Смоленска, от одного артиллерійскаго маіора, англичанина. Он сообщает, что прибыл в этот город для заготовленія нѣскольких мортир и надлежащих снарядов, которые через двѣ недѣли должен доставить к князю Меншикову; но мѣстныя дороги все еще переполнены польскими партіями, и, если онѣ не будут устранены, маіору нелегко достигнуть Данцига, который князь намѣревается бомбардировать, чтобы отличиться с своей кавалеріей и гвардіей прежде, чѣм эти части соединятся с главной арміею под Ригой.

Сегодня ожидают прибытія в Москву четырех тысяч плѣнных шведов. Их распределят между русскими дворянами, поручив этим лицам содержать их и употреблять на фортификаціонныя работы вмѣсто такого же числа крестьян, которых до сих пор приказано было выставлять с тою же цѣлью.

Пока не получено точных свѣдѣній, проживает ли еще король шведскій в Бендерах или выѣхал в свои владѣнія...[208]

---

[207] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 231–232.
[208] Там само. – С. 232–233.

№ 209

1709, серпня 21. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил ваше письмо, при котором и другіе писма от бывшаго чигиринскаго сотника, Василія Невѣнчанаго, в которых письмах вы и он, Невѣнчаной, пишет: приносит свою повинность к царскому величеству, и на его к вам письмо вы отвѣтствовали, обнадеживая ево государевою милостію; чтоб без всякаго сумнѣнія к вам шел, и то вы учинили изрядно. Слышу я, что многіе запорожцы, будучи у турках, побусурманились, а иных силно побусурманили. И тебѣ б ему же царскому величеству вѣрно и по должности христіянской, как возможно постараться, чтоб всѣх козаков, которые там обрѣтаются, привлечь к нам, обнадеживая их милостію государевою, что в винах их простить изволит. А когда Василій Невѣнчаной к вам прибудет и ево пришлите ко мнѣ.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева, 21 августа 1709 года [209].

№ 210

1709, серпня 24. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

На прошлой недѣлѣ я получил от Кайзерлинга письмо, помѣченное 7-м августа ст. ст. из Кіева. Рѣшаюсь занять вас нѣсколькими извлеченіями из него, не взирая на то, что Кайзерлинг, вѣроятно, уже пріѣхал в Германію и, согласно данному мнѣ обѣщанію, сам писал вам обо всем, касающемся интересов ея величества.

Он прибыл в Кіев 31-го іюля ст. ст., как раз перед отъѣздом князя Меншикова в Польшу на соединеніе с генералом Гольцем в палатинатѣ Бѣлецком, откуда князь двинется в Варшаву со всею кавалеріей, за исключеніем восьми полков, которые с фельдмаршалом Шереметевым и генералом Бауером идут в Литву. Его величество между тѣм заболѣл разстройством желудка и чѣм то вроде лихорадки, вслѣдствіе которой должен был отложить предположенное путешествіе на нѣсколько дней. Тѣм не менѣе он немедленно принял посланника в своей опочивальнѣ и разговаривал с ним часа три, при чем передал всѣ подробности полтавской побѣды, которая главным образом должна быть приписана личной доблести, энергіи государя и бдительности генерал-лейтенанта Ренна, в настоящее время произведеннаго в генералы-от-кавалеріи.

Неожиданную капитуляцію генерала Левенгаупта объясняют тѣм, что всѣ шведскія войска, за исключеніем трех старых полков, отказались итти в дѣло, совершенно упав духом от предъидущих неудач и не заботясь ни о себѣ, ни о своей доброй славѣ.

---

[209] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 312–313.

По наиболѣе достовѣрным из дошедших до Кайзерлинга извѣстій, король шведскій и Мазепа все еще находятся в Бендерах под строгим надзором; но слухи, доходящее сюда с разных сторон по этому поводу, до того разнорѣчивы, что я не знаю, чему вѣрить. Послѣднія письма из Кіева от 15-го августа вовсе не упоминают о мѣстопребываніи короля.

Я уже писал вам, что генерал Мейерфельд снова прислан королем шведским в Полтаву с мирными предложеніями; но, так как генерал не мог предъявить ни полномочій, ни иных письменных приказаній, а ссылался единственно на условія, уже предложенныя графом Пипером (условія, по слухам, очень выгодныя для русских), прося отпустить графа на честное слово для свиданія с королем, – всѣ эти переговоры не дали никакого результата, и генерал Мейерфельд выѣхал обратно с отвѣтом царя, что шведы в лицѣ генерала Мардерфельда так плохо исполнили данное слово послѣ битвы под Калишем, что на это слово русскіе вновь положиться не могут, тѣм болѣе что у самого королевскаго посланнаго не оказалось даже паспорта, так что со стороны царя не малою милостью было свободно отпустить его обратно.

Цедергельма же отправили не к королю, а прямо в Ригу через Смоленск и Полоцк, и Кайзерлинг полагает, что русскій двор не расположен заключать внезапнаго мира. Его величество собственноручно написал королю Августу два письма, приглашая его возвратиться к союзу. Успѣх этих писем вам в данную минуту конечно, уже извѣстен. В случаѣ, однако, если бы король отклонил сдѣланное предложеніе или стал медлить рѣшеніем, на его мѣсто найдется другой кандидат и русскій двор не будет горевать о перемѣнѣ. Его величеству очень желательно свидѣться гдѣ-нибудь на границѣ с королем прусским, потому он останется в Варшавѣ на нѣкоторое время. С цѣлью устроить это свиданіе 1-го текущаго мѣсяца в Берлин отправлен резидент Силькман, Кайзерлинг же послѣдует за ним по тому же дѣлу 9-го или 10-го. Между прочим думают занять Эльбинг и передать его королю прусскому при условіи, что все, нужное для осады, доставлено будет им. Такое событіе повлекло бы за собою важныя послѣдствія.

Нѣкто Нидецкій, пріѣзжавшій два года тому назад в качествѣ депутата от князя Рагоцци к царю, прибыл к Кіев с такими же полномочіями, какими снабжен был Талуба, который отзывается. Но, получив извѣстіе об отозваніи только в письмѣ своего преемника, а не от самого князя, Талуба затрудняется подчиниться сдѣланному распоряженію, не взирая на то, что, по словам Кайзерлинга, его ежедневно ожидают в Кіев для прощальной аудіенціи.

Кайзерлинг, не находя удобным говорить о дѣлѣ Матвѣева лично с царем, имѣл продолжительное совѣщаніе о нем с великим канцлером, графом Головкиным, и с вице-канцлером Шафировым (эти титулы – пожатые ими плоды послѣдней побѣды).

Министры эти продолжают настаивать на присужденіи оскорбителей к публичной казни, хотя бы только для формы, ради удовлетворенія посла. По их мнѣнію, парламентскій акт предоставляет выгоды только для других иноземцев, русскій же посол и при нем остается неудовлетворенным; но Кайзерлинг полагает, что со временем Матвѣеву придется помириться с своим положеніем, особенно если сюда прибудет высокопоставленное лицо с извиненіем в случившемся

и привезет с собою копію парламентскаго акта, что было бы положительно пріятно его величеству. От Матвѣева они не получали извѣстій с начала іюня, но с каждым днем надѣются услыхать об окончаніи процесса. Полагают, что, послѣ произнесенія приговора, князь Куракин будет отправлен в Великобританію. 6-го прибыли по назначенію мои письма к графу Головкину и к Кайзерлингу с отчетом о вашем письмѣ от 10-го іюня и о дальнѣйшем преследованіи оскорбителей. Посланник сообщает, что они имѣли большой успѣх: насколько он мог замѣтить, министры склонны покончить непріятное дѣло, даже рады возможности покончить его.

Надѣюсь, приговор рѣшительно будет произнесен в следующую сессію. Если предстоит отправка в Россію знатнаго лица, лице это может быть избавлено от немалых расходов и хлопот, если ему удастся прибыть своевременно, чтобы застать царя в Польшѣ, гдѣ присутствіе его будет полезно и в других отношеніях. Царь не думает возвратиться сюда ранѣе декабря. Есть слухи о его намѣреніи предпринять при возможности поѣздку в Петербург, но мало вѣроятій, чтобы он покинул Польшу прежде конца кампаніи и не увидав своих войск расположенными на зимнія квартиры.

Здѣшній посольскій приказ сообщил мнѣ, что ему поручено снабдить Джефериса паспортом и провожатыми до Смоленска, так что дней через восемь или десять он думает выѣхать отсюда и отправиться через Литву в Кенигсберг, гдѣ будет имѣть честь ожидать ваших послѣдующих распоряженій.

Сюда прибыло около четырех тысяч шведских плѣнных; они расположены на квартиры к обывателям, а четыре полка, под конвоем которых они препровождались, пошли далѣе к Петербургу.

Письма от 15-го августа из Кіева сообщают, что царь вполнѣ оправился и 16-го поутру намѣревался выѣхать в Польшу; письма же ота 7-го извѣщают, что генерал Бауер с своим драгунским отрядом дошел до Гомеля.

До 11-го августа ни британскій, ни голландскій флот еще в Архангельск не прибывали [210].

№ 211

1709, серпня 25. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до сера Тильсона

В порядкѣ отправленія почты произошла перемѣна: вмѣсто того, чтобы отправляться отсюда по вторникам, в полдень, она будет впредь отправляться по четвергам в 6 часов утра; потому мнѣ едва хватит времени написать нѣсколько слов и выставить в заголовкѣ число болѣе свѣжее, чѣм то, которое выставлено в отчетѣ моем к статс-секретарю. Вы легко поймете, что со вчерашняго дня я мог получить новыя извѣстія развѣ во снѣ.

Из Германіи снова двѣ недѣли не приходит никаких писем, так что послѣднее дошедшее до меня письмо ваше помѣчено 1-м іюля. Я с сердечным нетерпѣніем ожидаю извѣстія об окончаніи вашего русскаго процесса, так как до конца этого

[210] Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 237–241.

процесса здѣшній двор не придет ни к какому рѣшенію; послѣ же (как Кайзерлинг несомнѣнно уже сообщил г. статс-секретарю) царское правительство ожидает пріѣзда знатнаго лица с поздравленіем по поводу примиренія. На это поздравленіе вам отвѣтят посольством князя Куракина. Сдѣлав все это за время пребыванія царя в Польшѣ, можно уберечься от многих издержек и больших хлопот. Это дѣло было бы очень кстати поручить лорду Рэби, если он может принять его на себя.

Царь будет здѣсь ранѣе половины декабря, но послѣ непродолжительнаго пребыванія в Москвѣ возвратится в свой любимый Петербург, гдѣ и дождется открытія следующей кампаніи, если мир не будет заключен в теченіе зимы.

Русскіе министры подозрѣвают, что процесс и удовлетвореніе со стороны Англіи отсрочены по моему наущенію. Это измышленіе так забавно, что я не дам себѣ труда разубеждать их, тѣм болѣе что жажду поближе взглянуть на солнце, глубоко устав от суровости здѣшняго климата [211].

№ 212

1709, вересня 1. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Письма от 20-го августа ст. ст. увѣдомляют, что царь, совершенно оправившись от своей болѣзни, двинулся 15-го к Полонному, одному из волынских городов, гдѣ князь Меншиков раньше него стоял восемь дней, приблизительно с двѣнадцатью конными полками.

Царевич-наслѣдник, пріѣхав десятаго, 12-го отправился туда же и, я думаю, всѣ они в настоящее время находятся уже около Люблина.

Перед отъѣздом его царскаго величества прибыл курьер от короля шведскаго; содержаніе его депеш неизвѣстно, хотя большинство думает, что онѣ заключали нѣсколько новых предложеній относительно перемирія. Около этого же времени граф Фризен пріѣхал из Саксоніи, чтобы увѣдомить царя о намѣреніи короля Августа соединиться с его величеством в Варшаве с пятнадцатью конными и драгунскими полками.

Шведскій король и Мазепа, по слухам, все еще находятся в Бендерах, гдѣ вслѣдствіе особенных и не раз повторенных приказаній Порты их теперь содержат очень хорошо, потому надежда на выдачу Мазепы, кажется, напрасна; король же шведскій, как полагают, остается там единственно с цѣлью совершенно оправиться от раны.

18-го числа прошлаго мѣсяца армія фельдмаршала Шереметева подвинулась до Литвы, и теперь идет далѣе к Курляндіи.

Два пѣхотных полка идут сюда; они послѣдуют за четырьмя другими в Петербург; это тѣ полки, которые были вытребованы прошлою зимой для присоединенія к главной арміи.

До меня дошли слухи, будто около шести тысяч плѣнных шведов и нѣмцев поступили на царскую службу и теперь получают такое же содержаніе, как русскіе.

---
[211] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 241–242.

Между ними есть нѣсколько капитанов, маіоров и других болѣе или менѣе значительных офицеров. Приняв участіе в тріумфальном въѣздѣ царя, который предполагается приблизительно в срединѣ декабря, – они будут распредѣлены по различным гарнизонам: в Азов, Астрахань и т. д., что значительно умножит могущество царя и безопасность страны.

Датскій посланник, Грунд, получил извѣстіе, что преемник его, Юэль, прибудет на фрегатѣ из Кёнигсберга в Нарву. Уже посланы распоряженія о его пріемѣ и о снабженіи его всѣм необходимым для проѣзда сюда. Если Юэлю по каким либо особым соображеніям не дано было приказанія ѣхать именно этим путем, путь выбран весьма неудачно ввиду настоящих обстоятельств, так как, прибыв сюда, посланник вряд ли сможет увидать царя ранѣе декабря.

18-го и 19-го августа в Архангельск прибыло нѣсколько передовых судов британскаго флота, оставивших своих спутников, а также сопровождавшій их конвой, невредимыми по сю сторону Колы; они, вѣроятно, прибудут в Архангельск не сегодня-завтра, хотя и встрѣтились с неблагопріятным вѣтром. Голландскій флот слѣдует за ними в разстояніи пятнадцати миль.

Три почты из Германіи не пришли и я не получаю никаких извѣстій из Великобританіи послѣ письма, помѣченнаго 4-м іюля ст. ст.

Царь старается вновь заключить большой союз с королями датским и прусским, а также с королем Августом [212].

№ 213

1709, вересня 8. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Письма из Архангельска от 25-го минувшаго мѣсяца извѣщают, что британскій флот благополучно прибыл в устье Двины, но противные вѣтры мѣшают ему подняться вверх по рѣкѣ; потому я еще не получал пакета, о котором Тильсон упоминает, как о посланном на одном из военных кораблей. Зато я имѣл честь получить ваше письмо от 26-го іюля; оно попало в мои руки вчера, письмо же от 19-го до меня еще не дошло.

Я получил также приложенный к письму проэкт мѣр, которыми вы полагаете удовлетворить его величество по дѣлу об оскорбленіи посла, и не примину отправить его с слѣдующею же почтой, при письмах, графу Головкину и Шафирову. Я сердечно желаю успѣха предположеніям ея величества, особенно ввиду невозможности подвергнуть оскорбителей наказанію, на котором (как вы видѣли по моим письмам и особенно по письму от 24-го августа (4-го сентября) и сообщенному в нем отчету о переговорах Кайзерлинга в Кіевѣ) преимущественно и постоянно настаивал здѣшній двор. Может быть прусскій посланник сам писал вам и о подробностях этих переговоров. Есть еще обстоятельства, способныя затруднить дѣло: я имѣл несчастіе (теперь приходится признать это несчастіем) возбудить в министрах подозрѣніе, будто процесс затянулся главным образом по моей винѣ, будто я помѣшал вам удовлетворить русскій двор вслѣдствіе моего личнаго

[212] Сборник императорскаго русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 243–245.

нерасположенія к нему. Русское правительство, конечно, не раз подавало повод к такому нерасположенію, но, принимая во вниманіе прежнее мое поведеніе, оно могло бы отдать мнѣ справедливость в том, что никогда мои личныя страсти ни мало не вліяли на дѣла. Извѣстіе о таком подозрѣніи я получил от Кайзерлинга, и оно подтвердилось из другаго источника, достойнаго довѣрія; нѣкоторыя лица даже довели свою догадливость до того, что вообразили, будто Матвѣев арестован был по моему наущенію! Обвиненіе это до того чрезвычайно, что я бы не счел нужным упоминать о нем, если бы дѣло не шло о предположенном моем полномочіи. Не могу представить себѣ, как могли возникнуть подобные слухи; развѣ к ним подали повод мои постоянныя увѣренія в неразумности требованій касательно смертнаго приговора или по крайней мѣрѣ о полнѣйшей его невозможности в Англіи, и мои предложенія замѣнить эти требованія другими средствами удовлетворенія, способными и оградить достоинство царя, и расположить ея величество к дальнѣйшим проявленіям своего дружелюбія. В этих соображеніях, увидя, что с одной стороны вы затрудняетесь присылкою сюда знатной особы исключительно по дѣлу Матвѣева, с другой же – начинаете сомнѣваться, состоится ли приговор и будет ли он соотвѣтствовать желаніям русскаго двора, я весной пытался предложить через Кайзерлинга тот же проэкт, который вы присылаете мнѣ в настоящее время, но он не встрѣтил ни малѣйшаго сочувствія. Тогда я не счел нужным утруждать вас отчетом об этой попыткѣ, но теперь опасаюсь, как бы царскіе министры не предположили, что прежній проэкт возобновлен ради личных моих выгод и соображеній.

Опасаюсь вообще, как бы отсрочка приговора и внезапный перерыв процесса не представили непреодолимаго препятствія к окончанію дѣла, так как русскіе министры постоянно заявляли, что не могут признать никакого удовлетворенія достаточным, если оскорбители не будут наказаны или если над ними по крайней мѣрѣ не будет произнесен строгій приговор, хотя бы только pro forma. Потому сдѣлаю смѣлый шаг, на который рѣшаюсь крайне неохотно, так как не уполномочен на него вашими инструкціями: напишу Шафирову частное письмо, и заявлю, что, в случаѣ согласія русскаго двора на дѣлаемыя вами предложенія, процесс может возобновиться в слѣдующую сессію, причем ея величество отмѣнит рѣшеніе суда, публично заявив, что дѣлает это по требованію царя. Таким образом достоинство его величества будет в извѣстной мѣрѣ ограждено, особенно если законодательство наше дозволит придать заявленію соотвѣтствующую форму; затѣм всѣ эти обстоятельства дѣла могут быть изложены в газетах.

Я буду очень рад, если таким или иным путем, наконец, положится конец скучному дѣлу, для котораго я не жалѣл ни трудов, ни забот, причем не могу не выразить удовольствія и глубочайшей благодарности за то, что мои скромныя старанія до сих пор всегда оцѣнивались так благосклонно. Полагаю, однако, что русское правительство будет требовать чрезвычайнаго посольства именно по данному дѣлу, и что, ввиду своих необычайных успѣхов, оно окажется очень мало сговорчивым. Желал бы ошибиться в настоящем случаѣ.

О королѣ шведском я болѣе ничего не слыхал. С приближеніем русской арміи к Польшѣ извѣстія будут приходить сюда еще позднѣе и еще с меньшей полнотой; вы получите их скорѣе помимо меня.

Джеферис поутру ѣдет в Кенигсберг, потому предпочитаю отправить письма свои с ним, а не с почтой, хотя они вслѣдствіе этого, быть может, и пробудут в дорогѣ нѣсколькими днями долѣе [213].

№ 214

1709, вересня 8. – Москва
Додатковий лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Так как письмо ваше я получил вчера поздно вечером, а Джеферис выѣзжает сегодня рано поутру, спѣшу прибавить, что, строжайше слѣдуя вашим приказаніям, я сохраню участіе посла в составленіи присланнаго проекта в тайнѣ, тѣм болѣе, что малѣйший слух об этом участіи не только может помѣшать успѣху дѣла, но может стоить Матвѣеву головы. Таковы обычаи здѣшняго двора. Опасаюсь только, не зашел ли уже Матвѣев слишком далеко и не лишил ли он себя возможности исполнить данное обѣщаніе, неосторожно возбудив гнѣв царя в слишком сильной степени, чтобы его возможно было успокоить словами или даже самыми горячими доводами Матвѣева, в значительной мѣрѣ утратившими прежній вѣс при дворѣ. Сюда из арміи прибыл один из моих пріятелей, который послѣ полтавскаго боя видѣлся с царем почти каждый день; он увѣрял меня, будто Матвѣев в опалѣ, будто и царь, и любимец его упоминают о нем с негодованіем, но будто Шафиров еще, по видимому, расположен к нему и настаивает на удовлетвореніи. Прибытія знатнаго лица с извиненіями, очевидно, ожидают. Меншиков не мѣшается в это дѣло, что же касается царя – разсказчик не мог передать мнѣ его взгляда, так как его величество никогда при нем об оскорбленіи посла не упоминал. Стайльс жаловался на поведеніе Матвѣева с его братом и царю, и Меншикову; его увѣрили, что долги посла будут уплачены, хотя бы ему пришлось продать для этого послѣднюю деревню. Эта жалоба, конечно, не мало повредила Матвѣеву.

То же лицо передавало мнѣ, что при нем царь и всѣ его министры радовались слухам о побѣдѣ французов, а также будто царь выражал желаніе, чтобы вам еще года три не удалось заключить мир; он опасается, как бы вы иначе не поддержали шведов. В этих видах он старается, для противовѣса вам, возстановить союз с королями датским и прусским, а также с королем Августом. Слышали, как он однажды высказал, что не будет ничего опасаться, если этот союз ему удастся.

На случай, если бы русскій двор встрѣтил затрудненіе принять ваш проэкт, позволю себѣ почтительнѣйше предложить на ваше усмотрѣніе, не будет ли признано удобным воспользоваться услугами короля прусскаго, который в письмѣ к царю мог бы указать на чистосердечіе королевы, на разумность ея предложеній и на мнѣніе иностранных дворов о соблюденіи достоинства Россіи в этом дѣлѣ... [214]

---

[213] Сборник императорского русскаго исторического общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 245–248.
[214] Там само. – С. 248–250.

№ 215

1709, вересня 15. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Прилагаю перевод письма, отправленнаго мною графу Головкину по этому поводу, а также отрывок моего письма Шафирову с предложенiем царю написать письмо королевѣ с заявленiем о готовности забыть обиду и о своем желанiи – чтобы ея величество прекратила преслѣдованiе виновных. Опасаюсь, что, за крайней поспешностью, послѣднее обстоятельство недостаточно выяснено было мною в донесенiи, отправленном вам двѣ недѣли тому назад. Я также писал Кайзерлингу и генералу Брюсу, который еще недавно обѣщал мнѣ употребить всѣ старанiя для благополучнаго окончанiя этого дѣла. Надѣюсь, что его помощь будет нам очень полезна, так как он очень хорош и с царем, и с князем Меншиковым.

Вы увидите также, что я рѣшился просить его величество как об особенной милости, чтобы он принял меня в качествѣ посла по дѣлу Матвѣева. Исполненiе такого порученiя, очевидно, не может быть прiятно никому, но дѣйствую, покоряясь вашему приказанiю и в надеждѣ избавить вас от забот и расходов по отправкѣ другаго уполномоченнаго по этому дѣлу. О результатах своих попыток надѣюсь узнать через мѣсяц, но есть вѣроятiе, что вы услышите о них ранѣе, так как упомянутыя письма, надо полагать, застануть двор в Варшавѣ. Ввиду этого переписка наша становится совершенно безплодной.

Фельдмаршал Шереметев с пѣхотой должен прибыть под Ригу в концѣ текущаго мѣсяца [215].

№ 216

1709, вересня 22. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

Что касается ошибки посла касательно моих представленiй, она объясняется главным образом запиской г. прокурора Боррета сэру Вальполю о деятѣльности суда в осеннюю сессiю, перевод которой на голландскiй язык отправлен был мною графу Головкину. В ней упомянуто только «дѣло, возбужденное именем королевы против Томаса Мортона и других», а потому граф (как вы усмотрите из письма его от 14-го апрѣля, вложеннаго в мое письмо от 20-го апрѣля ст. ст.) вообразил, что ни шериф, ни полицейскiе не подверглись судебному преслѣдованiю. Я не мог представить себѣ тогда, чтобы краткая отмѣтка прокурора, составленная обычным дѣловым слогом, могла подать повод к недоразумѣнiям. Но получив извѣстiе о случившемся, я немедленно постарался разъяснить дѣло Шафирову в письмѣ от 18/29 мая, причем, как вы увидите по прилагаемому извлеченiю из этого письма, имѣл счастiе подойти очень близко к тому, что вы сами изволили написать послу по тому же поводу.

---

[215] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 250–251.

Я уже предлагал от себя нѣсколько путей к разрѣшенію возникшаго несогласія, и между прочим проэктировал нѣчто, очень похожее на проэкт, присланный теперь вами, но так как русскій двор, в то время, казалось, не соглашался ни с одним из моих предложеній, я не безпокоил вас упоминаніем о них.

Я чуть было не забыл отмѣтить, что Матвѣев заявляет, будто упоминаемый им приказ отправлен был ему царем 29-го мая из окрестностей Полтавы; между тѣм царь не возвращался из Азова в лагерь до 3-го іюня...

Я получил письмо от Кайзерлинга от 3-го сентября ст. ст. из Варшавы, куда он прибыл только утром того же дня, так как задержан был в пути недостатком в лошадях. Он также долго не мог добыть лодок при переправѣ через Пилицу и Вислу, так как всѣ лодки были захвачены шведскими и польскими войсками: каждая сторона стремилась задержать другую за этими рѣками.

В Варшавѣ ходили слухи, будто генерал Крассау посадил пѣхоту на плоты, а сам с кавалеріей идет слѣдом за ними вдоль берега от Сендомира к Варшавѣ, чтобы за тѣм отступить далѣе к Помераніи или к Ливоніи, смотря по надобности. Но московскія войска наступают с такою быстротой, что выбор, вѣроятно, будет зависѣть не от него.

Король Станислав уже издал манифест, в котором предлагает, чтобы, в видах общаго блага, и он, и король Август отреклись от престола и прибавляет, будто рѣшился принять корону от Швеціи единствѐнно с цѣлью предупредить распаденіе королевства.

Шафиров также написал мнѣ 6-го сентября небольшое, но очень любезное письмо из Люблина, гдѣ в этот день находился царь со всѣм своим двором. Он пишет, что король Август уже прибыл в Польшу, и будто, соединившись с ним, русскіе намѣреваются розгромить маленькую армію генерала Крассау, если она не успѣет уйти вовремя. Он присовокупляет, что очень желал бы услыхать об окончаніи дѣла, возбужденнаго вслѣдствіе оскорбленія Матвѣева, но что пока о нем не получено никаких извѣстій. Привожу эти строки вице-канцлера, дабы вы могли усмотрѣть, что ни письмо московскаго посла, ни ваш проэкт удовлетворенія еще не дошли до царскаго двора.

Вчера к датскому посланнику прибыл нарочный из Нарвы с письмами от 12-го сентября ст. ст. и с извѣстіем, что преемник его – Юэль – прибыл туда 2-го, так как его задержали в морѣ шведскіе корабли, крейсирующіе у нарвской гавани, и пропустили далѣе только послѣ упорных пререканій...[216]

№ 217

1709, вересня 29. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Переговорив с датским посланником о прибытіи его преемника, я должен просить у вас разрѣшенія исправить небольшую ошибку в прежнем своем отчетѣ, происшедшую оттого, что нѣкоторые факты были мнѣ переданы не точно. Г. Юэль прибыл в Нарву 3-го сентября н. ст., а его посланный отправлен был сюда 20-го н. ст.

---

[216] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 253–256.

Пререканія его с шведами происходили так: 16-го августа н. ст. он выѣхал в море из Пиллау, а на слѣдующій день встрѣтил небольшой шведскій фрегат, расположенный на якорѣ; у небольшаго островка, Энсгольма, у берегов Ливоніи. При приближеніи датскаго судна фрегат вышел к нему на встрѣчу и спросил, куда он идет? Юэль предложил шведам спустить шлюпку и прислать кого-нибудь на борт за отвѣтом. Шведы возразили заявленіем, что считают датчан достаточно предупрежденными о том, что продолжать путь к Нарвѣ нельзя и силою помѣшают им в случаѣ, если они не переменят курса. Вскорѣ затѣм шведы пустили два ядра. Когда эти увѣщанія и выстрѣлы не оказали дѣйствія, фрегат выслал втораго лейтенанта своего увѣдомить Юэля, что пущеныя ядра – только начало, и что, в случаѣ дальнѣйшаго невниманія к сдѣланным предупрежденіям, фрегат даст залп цѣлым бортом. Юэль предоставил шведам действовать по усмотрѣнію и продолжал путь. Тогда фрегат подошел так близко, что командир его, лейтенант Скроу, мог закричать и спросить, намѣрены ли датчане нарушить мир? Юэль отвѣчал, что не желает ни давать повода к такому нарушенію, ни мѣшать шведам в выполненіи того, что они считают нужным. Скроу сам прибыл на борт датскаго судна и заявил, что данныя ему приказанія вполнѣ опредѣленны, и он вынужден будет прибѣгнуть к силѣ, если датчане поплывут далѣе, что, кромѣ того, они, и минув его, не достигнут Нарвы, так как три другіе фрегата, крейсирующіе по близости, несомненно возобновят тѣ же настоянія; если посланнику не угодно вернуться, остается только послать нарочнаго к адмиралу Анкерштирну за новыми инструкціями. Юэль изъявил согласіе, тѣм более, что за стихшим вѣтром ему пришлось стать на якорь. Он написал любезное письмо адмиралу, который прислал такой же отвѣт с своим сыном. Молодой человѣк оставался на суднѣ Юэля вплоть до входа датскаго судна в нарвскую гавань.

Даю мелочныя подробности этого факта, так как и онѣ могут пригодиться вам при настоящих обстоятельствах. Юэль теперь находится в Нарвѣ, ожидая указаній, гдѣ представиться его величеству; прежній же посланник, Грунд, на прошлой недѣлѣ отправил нарочнаго узнать, гдѣ и когда царю угодно будет принять его в прощальной аудіенціи.

Письма от адмирала Апраксина от 11/22 сентября сообщают из Нарвы, что он в тот же вечер отправляется к своей арміи в Ливонію, так как получил приказаніе бомбардировать Ревель сколько окажется возможным, но к рѣшительной аттакѣ не приступать.

Из Петербурга от 5-го сентября ст. ст. сообщают, что оставленныя там войска выступили на соединеніе с генерал-адмиралом, слѣдовательно всякая мысль о вторженіи к Кексгольму, по видимому, оставлена. Один артиллерист, бѣжавшій с шведскаго корабля 30-го августа, показывал, что королевскій флот расположен в Беркензундѣ и состоит из двадцати кораблей (в числѣ которых семь пятидесятипушечных), но что суда эти плохо снабжены командой и провіантом, что между экипажем много больных, а также что им приказано плыть обратно к Карльскрону в концѣ сентября.

21-го текущаго мѣсяца ст. ст. генерал-маіор Горн, генерал-адъютант Канифер, и секретарь Тепати, вслѣдствіе особаго царскаго указа, из квартир своих переведены в общую тюрьму, о чем предупреждены были только за два часа. Теперь они содержатся всѣ трое вмѣстѣ в отдельной комнатѣ под строгим

присмотром. Им позволено только держать одного слугу. Говорят, будто это репресалія со стороны царя, так как его величество получил извѣстіе, что в Стокгольмѣ князь Долгорукій и прочіе русскіе пленные содержатся очень плохо и – главное – в очень нездоровых помѣщеніях. Если такова дѣйствительная причина перемѣщенія, приходится искренно пожалѣть о лицах, страдающих и здѣсь, и в Стокгольмѣ.

Джеферис прибыл в Смоленск 15-го сентября ст. ст. и намѣревался 18-го продолжать свой путь к Вильнѣ; потому, надѣюсь, вы услышите о его благополучном прибытии в Кенигсберг прежде, чѣм это письмо дойдет до вас. В таком случаѣ он в состоянии будет дать вам самыя лучшія свѣдѣнія об арміях, направленных в Польшу и Литву.

Сейчас, заканчивая это донесеніе, я имѣл честь получить ваше письмо от 26-го августа с копіей письма, отправленнаго мнѣ 22-го, копію с письма ея величества к царю, приказаніе мнѣ принять на себя сан посла по дѣлу об удовлетвореніи московскаго правительства и копію с вашего письма Матвѣеву. Время едва дозволяет мнѣ выразить вам глубочайшую благодарность за почетное порученіе и увѣреніе, что в случаѣ, если на такое назначеніе мое послѣдует согласіе царя, я постараюсь исполнить возложенное на меня порученіе с возможным достоинством и с возможной бережливостью.

Особенно не могу не высказать самой искренней признательности за благосклонныя выраженія, с которыми вы изволите обращаться ко мнѣ по данному поводу и за вашу великодушную заботливость о моих личных интересах. Если мнѣ удастся благополучно закончить дѣло Матвѣева и возвратиться в Великобританію, буду просить разрѣшенія повторить вам эти выраженія преданности и благодарности лично... [217]

№ 218

1709, жовтня 6. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Два письма ваших получил, в которых пишеш о посылкѣ Мозепина слуги, которой от него ушол, и о разграбленіи от запорожцев бурок. Того ради дабы вам позволить итти для охраненія к городам полков своих. Я рад бы то учинить, чтоб вас отпустить в домы, но не могу, для того, что я не знаю, как вы оставлены и для чего; буду о том стараться, как бы вам отпуск учинить. А что писал ты Ошпаку, то не мое дѣло, надобно о том вам писать к гетману.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 6 числа октября 1709 г. [218]

---

[217] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 256–260.
[218] *[Гумилевский Ф.]* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 313.

№ 219

1709, жовтня 8. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Письмо ваше и в нем двѣ цедули получил, в которих пишешь, что бреславскій полковник списывается с ханом крымским и ягорницкій губернатор недоброжелателен к сторонѣ государевой; и то зѣло изрядно чинишь, что вѣрность свою к государю показуешь, таких дѣл перестерегаеш, и впред надлежит вам того перестерегати, токмо таким способом, дабы о том никто не мог дознаться и всякими способами подлинно доискиваться, чрез кого тѣ дѣла идут; а сія ваша служба донесена будет царскому величеству и не будет забвенна.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 8 октября 1709 году [219].

№ 220

1709, жовтня 15. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил в. м. писмо и в нем цедулу, в которых пишете о посылкѣ ко мнѣ козака, который был при Невѣнчанном, и о Волошенинѣ, которой из Бендер пріехал, дабы мнѣ от них словесно увидомиться. За обявленіе о них благодарствую и зело то дѣлаете изрядно, что в дѣлех государевых престорогу имѣете. А что оной Волошенин обявил, будто турки хотят мир разорвать, и тому не надобно достовѣрно вѣрить. Понеже он человик простой и может от каких простых людей слышал. Я недавно от посла царскаго величества, которой при дворѣ солтанова величества обрѣтается, имѣл вѣдомость, что турки не только, чтоб им мир разорвать, но они имѣют страх, чтоб царское величество не изволил мир разорвать. И впредь надобно вам имѣть пересторогу, токмо не вовсе надобно волохами, которые оттуду будут пріезжать, вѣрить, могут они и шпіонами пріезжать и таких паче надобно перестерегати. О вас писал я до двора царскаго величества, чтоб вас отпустил в доми; ожидаю указу; да посилал к вам три указы обнадежеванные казакам, которые при противной сторонѣ обретаются и в. м. с оными указы пошлитѣ добрых козаков, чтоб их перезывали к сторонѣ государевой. А я яко христіянин есмь, обнадеживаю их, что здоровье их ничем небудет вредимо.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 15 октября 1709 г. [220]

---

[219] *[Гумилевский Ф.]* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 313.

[220] Там само. – С. 313–314.

№ 221

1709, жовтня 20. – Москва
Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля

...Надѣюсь, что вы не откажетесь прислать мнѣ в своих инструкціях особенныя указанія касательно церемоніяла, желательнаго при аудіенціи. Церемоніял, которым прежде довольствовался лорд Карлейль, принаровлен был вообще к учрежденіям и к характеру восточных народов, и крайне невыгоден ея величеству в данных обстоятельствах. Царь измѣнил учрежденія своего государства, принаровив их к учрежденіям государств европейских, а так как, со времени этого преобразованія, я первый буду имѣть честь явиться здѣсь в качествѣ посла, мнѣ необходимо действовать особенно осторожно и осмотрительно. Потому-то мнѣ и приходится еще и еще раз просить вас не отказать в положительных инструкціях: в случаѣ если вы признаете удобным, чтобы я держался стараго церемоніяла, не слѣдует ли взять от царя формальнаго заявленія, что он не потребует инаго пріема для своих послов в Великобританіи и не допустит иных пріемов в Россіи для послов императора или каких бы то ни было коронованных особ, могущих прибыть послѣ меня. Если, наоборот, вы склонны поставить церемоніял на современную ногу, не откажитесь прислать мнѣ проэкт, указаніе на пункты, которых вы считаете необходимым требовать и которым взамѣн готовы подчиниться в Великобританіи. Я не рѣшусь сдѣлать ни малѣйшаго шага в дѣлѣ такой важности без опредѣленных приказаній от вас, хотя и знаком нѣсколько с практикой других дворов; обсуждать же с вами церемоніял пункт за пунктом, дѣлая его предметом особой переписки, невозможно: это потребовало бы слишком много времени.

Все это я говорю из предосторожности, так как постараюсь, если удастся, получить аудіенцію частнаго характера.

Не знаю, как вам угодно будет отправить мнѣ вѣрительныя граматы: с нарочным или почтою? Если вы признаете достаточным остановиться на почтѣ, которая довольно безопасна, приходится желать, чтобы вы прислали мнѣ инструкціи недѣлею или двумя ранѣе грамат, в обыкновенном пакетѣ, что возбудит менее подозреній и любопытства. Будет очень неудобно, если граматы не придут сюда в началѣ января; так как я постараюсь, чтобы царь принял меня и отпустил до отъѣзда своего в Петербург, предположеннаго на февраль.

Я должен увѣдомить вас о больших приготовленіях, которыя дѣлаются здѣсь для пріема короля Августа. Вряд ли он рѣшится бросить дѣло свое в Польшѣ в настоящем неопредѣленном положеніи, но так как русскій двор чрезвычайно желает его пріѣзда, мнѣ приходится просить ваших инструкцій для опредѣленія моих отношеній к нему. Предполагается брак сына его, наслѣдника саксонскаго, со второю дочерью вдовствующей царицы. Это конечно путь к обезпеченію за ним польскаго наследства, если польская корона еще будет признана стоющею забот.

Вы вѣроятно уже через Германію слышали о том, что сюда ѣдет генерал-маіор Іордан для переговоров о бракѣ царевича-наслѣдника с принцессой Вольфенбютельской. Этот брак готовится давно; чѣм кончатся переговоры – увидим.

Здѣсь говорять, будто старик Мазепа умер в Бендерах в началѣ сентября и что король шведскій по прежнему живет там, все еще не оправившись от ран. Впрочем подобные слухи так часто распространяются здѣсь без достаточнаго основанія, что мнѣ и упоминать-то о них не хочется; особенно с тѣх пор, как в Москвѣ прошла молва, будто король шведскій со всей своей свитой (около 1500 человѣк) отправлен в Валлахію под строгим конвоем из янычар [221].

№ 222

1709, листопада 1. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Получил вашей милости писмо, в котором пишете о набѣгѣ в Ягорлик шведов и запорожцов и о взятіи губернатора ягорлицкаго и чтоб к вам прислал козаков палѣевых. О том надобно вам писать к гетману; ныне Бѣлоцерковскій полк в разсылкѣ; а как соберется, пошлю указ, чтоб к вам шел.

Князь Дмитрій Галицин.
Из Кіева 1 ноября [222].

№ 223

1698–1709
Журнал, або Поденні записки Петра I

В 1698 году, когда его царское величество государь россійскій был в чужих краях (как о том пространно объявлено в книгѣ Разсужденія о войнѣ со шведами), тогда 4 полка стрелецких, Чюбаров, Калзаков, Гундермаркова, Чернова, которые были на Луках Великих, забунтовали, и пошли к Москвѣ; и когда о начатіи бунта получил вѣдомость в Вѣну при самом отъѣздѣ в Италію, тогда, оставя оный путь, воспріял путь свой в Россію: в котором пути недалеко проѣхав Краков, получил другую вѣдомость, что оных, не допустя к Москвѣ, боярин и воевода Шеин и генерал Гордон, при монастырѣ Воскресенском за 40 верст от Москвы, разбили, и, перехватав, посадили по разным мѣстам за караул, и начали оными розыскивать: чего для возможно б было ѣхать в Италію и Францію, однако ж в разсужденіи то имѣл, что прочіе стрѣльцы, хотя сему бунту и неточны, однако ж сумнѣніе на них надлежало имѣть; ибо оная пѣхота устроена была образом янычар турецких (которые, правда, и воздали по янычарски) и всегда были за одно (что по том и явилось; ибо один стрѣлецкой сын Стенька Москвитин лѣт 13, когда его отца и дядю за бунт казнили, ушол в Астрахань, и там через 4 года возмущал, и напослѣди намѣренія своего достиг, как то в сей исторіи ниже сего о Астраханском

---

[221] Сборник императорского русскаго историческаго общества. – СПб., 1886. – Т. 50. – С. 261–264.
[222] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 314–315.

бунтѣ, а именно: в 1705 году ясно покажется): того ради опасаясь, дабы от прочих в небытии его государевом паки какова замѣшанія не было, неотмѣнно продолжал путь свой в Россію; и при том своем возвращеніи, ѣдучи чрез Польшу, свиданіе имѣл с королем польским Августом Вторым в мѣстечкѣ Равѣ, гдѣ смотрѣли нѣсколько полков саксонских, и была екзерциція; потом позвали обоих государей генерал лейтенант Флеминг к себѣ на вечер, гдѣ между разговорами король Август государю говорил, что много поляков противных имѣет, и примолвил, что ежели над ним что учинят, то б не оставлен был. Против чего государь отвѣтствовал, что он готов то чинить, но не чает от поляков тому быть; ибо у них таких примѣров не было; и просил его, дабы от своей стороны помог отомстить обиду, которую учинил ему рижскій губернатор Далберг в Ригѣ, что едва живот спасся; что оный обѣщал. И так друг другу обязались крѣпкими словами о дружбѣ без писменнаго обязательства и разъѣхались, и взял государь путь свой к Москвѣ.

А приѣхав в Москву, учинен был розыск о помянутом стрѣлецком бунтѣ чрез 6 недѣль, и по заслугѣ того зла большая часть их казнены, а прочие в Сибирь посланы: по том, имѣя недовѣрствіе о прочих: того для всѣ полки стрѣлецкіе скасованы и распущены по городам, куды кто похотѣл.

А вмѣсто их почали набирать прямое регулярное войско, котораго велено набрать осьмнадцать полков пѣхотных, и два драгунских; в двѣ дивизіи генералов Автонома Головина и Адама Вейда (о котором регулярных полков наборѣ резидент шведскій Книперкрон в сильных терминах предлагал; для чего регулярные полки заводят, каких не бывало? И что тогда мир со всѣми сосѣдьми был: на что ему отвѣтствовано, что по распущеніи стрѣльцов никакой пѣхоты сіе государство не имѣло, без чего быть нельзя, как о том и в книгѣ Разсужденія о войнѣ на 77 листу упоминается). А генерал князь Рѣпнин послан был в Низовые городы по рѣкѣ Волгѣ стоящіе для набора солдат в его дивизію, которых велено ему набрать* полков, которые от вышеписаннаго времени начали сбирать, и в 1699 году всѣ набрали опредѣленное число, а именно:

В Москвѣ

В дивизію генерала Автонома Головина

Полки	Число людей
Иваницкаго	1308
Ивана Трейдена	1304
Матвея Трейдена	1322
Девсина	1286
Мевса	1222
Больмана	1211
Фливерка	1180
Бильса	953
Да драгунскій Шневенцов	996

* Понеже в подлинникѣ не означено, сколько числом полков велено набрать, то искано было в черненых списках и поправливанных государевою рукою сего журнала, но нигдѣ числа сих полков не сыскано; и является, что при сочиненіи онаго дѣйствительно нигдѣ не найдено было подлиннаго извѣстія о сем; ибо в спискѣ шестаго черненья находится приписка государевою рукою на полѣ тако: которых велено ему набрать (число написать), слѣдственно, если бы в тѣ времена могли какое вѣрное свѣдѣніе о сем сыскать, то бы конечно не оставили послѣ такого повелѣнья сіе число означить. (*Примітка автора*).

В дивизію генерала Вейда

Полки	Число людей
фон Шведенов	1306
Ивана фон Делдена	1205
Вилима фон Делдена	1192
Николая Балка	1187
Юнгеров	1185
фон Верденов	1181
Александра Гордона	1079
Федора Балка	1011
Да драгунскій Гулцов	800

В Новѣ Городѣ

Романа Брюса	843
Ивана Кулома	858

В Низовых городѣх

В дивизію генерала князя Рѣпнина

Кашпира Гулица	1100
Ивана Буша	1100
Николая фон Вердена	1100
Захарья Кро	1100
Алексѣя Дейдюша	1000
Петра фон Буковина	1000
Ивана Бернера	1000
Павла Бернера	1000
Ивана Англера	1000

Офицеры во всѣх тѣх дивизіях в то же время из дворян набираны и учены; и тако удивительно сей корпус был, понеже как офицеры, так и солдаты всѣ двоелѣтніе суть были рекрутны. Во время же сего набиранія в вышеписанном 1699 году государь путь свой воспріял в Азов: и оттоль с десятью кораблями и двумя галерами ходили ко Крыму, ко городу Керчи, гдѣ стоял турецкій капитан паша Асан с четырьмя кораблями и с девятью галерами, котораго пашу принудили чрезвычайнаго посланника россійскаго Украинцова пропустить морем для его посольства в Царь город (ибо они весьма не хотѣли морем пропустить, но землею везть), понеже с турки тогда мира не было, но только двоелѣтнее перемиріе. По исправленіи ж сего дѣла возвратился государь к Москвѣ осенью; а в началѣ зимы пріѣхал саксонскій генерал маіор Карлович, чрез котораго учинен наступательный союз против Швеціи, между Россіею и королем польским, яко курфирстом саксонским, по вышеписанному в Равѣ обѣщанію, и подписан в Преображенском в 11 день ноября 1699 года, в котором оба сіи государи согласились и постановили противу Швеціи всчать войну; однако же с таким опредѣленіем, что королю польскому оную зачать того ж года; а государю россійскому по полученіи вѣдомости от своего чрезвычайнаго посланника Украинцова из Царя града об

объявленіи с турки мира, или на какое время армистиціи: при том в том трактатѣ и то именно постановлено, чтоб между собою вѣрную и постоянную дружбу и союз содерждать, и никаким образом от того себя отвращать не допускать: но паче против непріятелей друг другу вѣрно соединенною рукою вспомогать, и никому из обоих сих высоких союзников никаких мирных предложеній не слущать и не принимать без соизволенія другаго под высоким паролем, и каким образом операціи государю россійскому в провинціях Ингерманландіи и Кореліи со всею силою производить, а королю польскому своими саксонскими войски в Лифляндіи и Естляндіи; король же польскій обѣщал и Рѣчь Посполитую польскую к сему ж дѣлу привесть стараться. По заключенію ж того трактата вышепомянутый генерал маіор Карлович объявил, что у них уже в Ригѣ нѣкоторый комплот готов, когда войско их к тому городу приближится, который учинен чрез шляхтича лифляндскаго Гендрика Паткуля, котораго тогда ж он, Карлович, представил государю для изустнаго объявленыя о том, который до того времени тайно в его свитѣ был: и по том вышеписанной генерал маіор от двора отпущен.

В том же 1699 году іюля 16 дня учинен с его королевским величеством датским чрез его присланнаго тогда ко двору здѣшнему чрезвычайнаго посланника Етатсрата Павла Гейнса трактат дружбы оборонительный противу всѣх непріятелей обоих счих государств, дабы, ежели бы кто на кого из них нападеніе учинил, то другому всею силою вспомоществовать; також ни в какія времена обоим сим государям с другими державами никаких трактатов, которые сему обязательству предосудительны быть, или дѣйству онаго каким образом препятствовать могут, не постановлять; а в артикулѣ сепаратном изъяснено, что тот трактат заключенный совершенную силу и дѣйство имѣть будет по заключеніи мира с турками.

Того ж года исправлена друкарня в чистотѣ печати, и начали многія книги переводить и печатать инженерскія, артилерійскія, механическія и прочих художеств, также и историческія и календари.

Тогда ж почалась школа навигаторская, также и прочих наук школы начало свое воспріимать по малу стали, також и разныя художества, и приумножены школы латинскія и вновь заведены нѣмецкія и других языков.

Того ж времени государь дал позволеніе всѣм своим подданным ѣздить во инстранныя европейскія государства для обученія, которое прежде было запрещено под казнію, и не точію позволил на сіе, но еще к тому их и понуждал.

Тогда ж учинил россійскій орден святаго апостола Андрея, того ради, понеже народ россійскій первое начало христіянскія вѣры от него воспріял.

В том же году начал государь всѣ грамоты, отправляемыя ко другим христіанским государем, и ратификаціи или подтвержденнія грамоты подписывать собственною своею рукою, что прежніе россійскіе государи мало чинили; а употребляли вмѣсто подписи только печать.

Тогда ж за благо разсудил старинное платье россійское (которое было на подобію польскаго платья) отмѣнить, а повелѣл всѣм своим подданным носить по обычаю Европейских Христианских государств, також де и бороды повелѣл брить.

По окончаніи ж сего 1699 года опредѣлено торжество новаго года генваря с 1 числа, а прежнее сентября с 1 числа отставлено; и оное дѣйствительно начало

свое воспріяло с 1700 года, для котораго торжества в Москвѣ была в соборной Успенской церквѣ по литургіи отправлена предика чрез архіерея рязанскаго Стефана при благодарственном молебеном пѣніи по обычаю новому лѣту: по том была троекратная пушечная стрѣльба, и феерверки, на Красной площади и в знатных мѣстах сдѣланы были ворота на подобіе тріумфальных, також у многих знатных домов украшены были ворота вѣтвями от разных дерев и иллуминаціями.

Король польскій по учиненіи вышепомянутаго трактата против Швеціи при окончаніи того 1699 года, как тогда вѣдомости от польскаго двора были, отправил свои саксонскія войска напеpед в Курляндію и на границы лифляндскія, под командою генерала порутчика Флеминга, к которому войску пріѣхал из Москвы и генерал маіор Карлович; командующаго генерала Флеминга при войскѣ не застал, понеже оный отъѣхал для женитьбы в Саксонію: того ради принужден все открыть прочим генералам, дабы времени подоженнаго не пропустить: ибо по согласію с нѣкоторыми лифляндцы положено было у них, чтоб город Ригу внезапно о праздникѣ Рождества Христова приступом взять. Но понеже сіе намѣреніе за медленностію с саксонской стороны, которая в отлучкѣ командующаго генерала Флеминга учинилась для того, что прочіе генералы о сей диспозиціи, кромѣ Флеминга не вѣдали, и указа не имѣли, и едва на то согласиться могли, в дѣйство не произошло для того, что генерал Далберг, в Ригѣ командующій, получил о том их приходѣ вѣдомости напеpед, и учинил надлежащую предосторожность, и велѣл для лучшей обороны посады пожечь. Того ради в началѣ 1700 года напали сперва саксонскія войска на Кобор-Шанц, который атаковали и взяли, и посажен тамо комендант саксонских войск полковник Востромицкій; а послѣ того пошли к Динаминду, и ко оному приступали, на которых приступах генерал маіор Карлович убит; а потом, когда к войску возвратился генерал Флеминг, и учинил другій приступ, и комендант динаминдскій не допустя, чтоб город штурмом взят был, марта 25 дня сдался на акорд, и опредѣлен во оном городѣ комендантом полковник Кауниц с 1200 человѣк солдат. В то же время, как вѣдомость из саксонской арміи имѣли, пришол к Ригѣ на сикурс шведскій генерал маіор Мендель с 5000 шведских войск, и совокупяся с рижскими гарнизонными полками, саксонцов отбил, которые ретировались к Юнгфер-Гофу неподалеку от Риги, и тут сдѣлав мост чрез рѣку Двину перешли, а пушки бросили в воду; послѣ того 5000 человѣк войск литовских к саксонцам на сикурс под командою Потоцкаго пришли, и сдѣлав батареи, чрез рѣку Двину по шведам стрѣляли из пушек. Над тѣми саксонскими и литовскими войсками главным командиром тогда был герцог курляндскій Фердинанд.

Король датскій того ж 1700 года 20 марта, как о том вѣдомость получена, начал войну противу герцога Голштейн-Готторпскаго, и разорил трои шанцы, которые оный герцог построил было на границах, в предосужденіе датчанам, чрез вспоможеніе шведских войск, противно учиненных между ими договоров. И понеже в городѣ Тенингѣ был шведскій гарнизон под командою генерала Баннера, того ради король датскій оный бомбардировал и в формальной осадѣ держал, которую оставить принужден 3 іюня для того, что по вѣдомости аглинскій и голландскій флоты на сикурс шведам пришли в Зунд, и король шведскій особою своею учинил дессант при помощи оных флотов с войски своими

в Зейляндію близко Копенгагена, которые флоты стояли тогда на морѣ у Копенгагена, и из тѣх флотов бросили нѣсколько в Копенгаген бомб; и тако датскій король, не возмогши противу оных стоять, принужден от Тенинга уступить; и дабы спасти столицу и землю свою, учинил зѣло предосудительный мир в Травендалѣ 18 августа, исключа короля польскаго, с которым он против Швеціи тогда в союзѣ обрѣтался.

Король польскій, как тогда писали, в іюлѣ мѣсяцѣ особою своею прибыл к арміи своей в Лифляндію со всѣми саксонскими войсками, с кавалеріею и инфантеріею, с фельдмаршалом своим Штейдау и прочим генералитетом, и чрез Двину близ Дамсдорфа переправился по мосту, учиненному на судах, на рижскую сторону, взяв с собою артилерію; и шведов принудил бѣжать, на котором дѣйствіи шведы потеряли полковника Рибендера и нѣсколько обер-офицеров и многих рядовых, между которыми многіе на мѣстѣ пали, а другые в полон побраны.

А іюля 30 дня король польскій, как слышно было, со всею арміею своею приближась ко шведам, которые построясь стояли на высоком мѣстѣ под командою генерала Веллинга, сам с лѣваго крыла кавалеріею своею их атаковал и разбил, и многих в полон взял, а достальные шведы ретировались к Ригѣ, за которыми он послѣдовал, и потом город Ригу дѣйствительно осадил; и как начал бомбардировать, и нѣсколько уже бомб в город бросили, тогда французкій, агдинскій и голланскій послы предлагали, чтоб города не бомбардировать, защищая свое в Ригѣ купечество; и по тому их предложенію то бомбардированіе оставил, и взял за то с жителей города Риги, как вѣдомости гласили, знатную сумму денег, и с войском отступил к Кокенгаузену, и ту крѣпость взял.

Его царское величество, будучи тогда в Москвѣ, получил вѣдмость от вышеупомянутаго чрезвычайнаго посланника Украинцова, что он с турки в Константинополѣ іюля в 3 день 1700 года заключил трактат мирный на 30 лѣт, в котором постановлено у Днѣпра рѣки поселенные и отторгнутые от Порты Отоманской городки, Таван, Казыкермен, и Нустрет-Кермень, и Сагис-Кермень разорить, и дабы впредь никогда на тѣх мѣстах городкам и никакому поселенію не быть, а быть тѣм землям паки во владѣніи Отоманскаго государства; по разореніи же из тѣх городков военные его царскаго величества и прочіе люди со всѣми пушками и воинским приуготовленіем и со всѣми своими пожитки и провіантом безбѣдно и безопасно в свои земли да возвратятся, и при выходѣ оных никакое им непріятство, урон и убыток от турецких подданных, татар и прочих народов, да не наносится. Азов город и к нему принадлежащіе всѣ старые и новые городки с землями и мѣстами в державѣ его царскаго величества да пребудут.

По полученіи же той вѣдомости и по воздаяніи Богу благодаренія за учиненіе такого полезнаго мира, в 1700 году в августѣ мѣсяцѣ государь шведам войну объявил. А до сего времени удержался от войны для того, что при заключеніи трактата с королем польским, во оном постановлено, той войны не всчинать, пока мир или армистицію с турки на довольное время получит; а каких ради причин та война объявлена, то в помянутой же книгѣ Разсужденія о войнѣ объявлено.

Того ж августа мѣсяца с Москвы начали войска отходить, а именно: в 22 день с первою частью генерал маіор Бутурлин пошел (при котором корпус и государь

сам присутствовал с двумя полками гвардіи Преображенским и Семеновским), а потом и прочые слѣдовали, как могли убраться.

Государь прибыл особою своею в Новгород 30 августа, и в ту его бытность приѣхал в службу герцог фон Крой.

А губернатор новгородскій князь Трубецкій, имѣя указ ити к Нарвѣ и оную блоковать, пошел из Новагорода к Нарвѣ на перед сентября 1 числа; а с ним были пѣхотные полки солдатскіе Романа Брюса, Ивана Кулума, два новгородскіе старые стрѣлецкіе, Захарья Вестова, Мирона Баишева, да два псковскіе стрѣлецкіе ж, Юрья Вестова, да Козодавлева, в которых во всѣх четырех полках стрѣлецких, кромѣ двух солдатских, было 2184 человѣка, да Новгородскаго разряда всѣ дворяне.

И прибыл оный князь Трубецкій с тѣми полками к Нарвѣ 9 числа сентября.

А сентября ж в 23 день прибыл к Нарвѣ помянутый корпус с генералом маіором Бутурлиным, в котором были помянутые два полка гвардіи. В них было людей: в Преображенском 1698, в Семеновском 1238, в Лефортовском (сей полк старый) 1018. Фливерков, Юнгоров, фон Шведенов, и перешед рѣку Нарову, стали в лагерь от рѣки близко к лагерю Трубецкаго.

Государь изволил себѣ изобрать квартиру на острову помянутой рѣки у пильной мельницы.

А до прибытия государева под Нарву за два дни приѣхал присланный по желанію его величества от короля польскаго генерал лейтенант барон фон Алларт с нѣсколькими артилерійскими и инженерскими штаб и обер офицеры.

В 29 день государь был на взморьѣ для осмотра, гдѣ дѣлать крѣпость для внезапнаго прихода непріятельскаго с моря.

В 30 день бомбардирская рота ходила ближе к городу для осмотра мѣст, гдѣ дѣлать батареи и кетели. Тогда ж вышел ротмистр Боур из Нарвы в россійскій лагерь, чрез котораго получено извѣстіе, что в крѣпости Нарвской в осадѣ пѣхоты находилось 1300 человѣк, да 400 человѣк мѣщан и 200 человѣк кавалеріи. Провіанта и дров довольно в городѣ: и понеже у них людей было не много, того для с контроскарпа караул сняли, и замешали их щеблем, и мосты наплавные к лагерю отломали и разбили.

Октября в 1 день прибыл генерал Вейд с дивизіею; с ним пришли полки пѣхотные: фон Верденов, Ивана фон Делдена, Вилима фон Делдена, Николая Балка, Федора Балка, Александра Гордона, да драгунскій Гульцов, и стали в лагерь со стороны порогов, которые выше города.

Верьховная команда в дѣланіи апрош, батарей и кетелей и линій, вручена генералу поручику Алларту. И той же ночи октября против 2 числа дан был указ, чтоб дѣлать апроши, по которой работѣ непріятель жестоко с города стрѣлял; при той работѣ 2 человѣка убито и 4 человѣка ранено.

Октября во 2 день учинил непріятель из города вылазку конницею и пѣхотою: но когда усмотрѣл оный, что повсюду имѣют наши осторожность, и против того нападенія из апрош по них выстрѣлили, тогда они паки в город возвратились и из нѣскольких пушек из города в апроши стрѣляли, и бомбы бросали, от которой их стрѣльбы тогда 4 человѣка ранено.

В 3 день продолжали работу апрош, и того ж числа осматривал тое работу государь. Того же дня изо Пскова привезено было 34 мѣдных пушек разных

калибров, которыя не исправны были станками и прочим, да 3 мортиры мѣдных же, из которых только каменьем можно было бросать, и при том привезено нѣсколько аммуниціи.

В 4 день продолжали работу апрош у Нарвы, и того же числа зачали и у Иваня города дѣлать апроши ж.

В 5 день начата дѣлать у Нарвы батарея под 16 пушек, и один редут, при которой работѣ ранено 2 человѣка солдат.

В 6 день продолжали той батареи работу, и начали другую батарею у Иваня города на 8 пушек; а между тѣм продолжалася работа апрош, которыя дѣлал сержант от бомбардир Василей Корумин; при которой работѣ ранено 2 человѣка.

В 8 день под Иванем городом на горѣ сдѣлана батарея на 8 шлангов, с которой в город видѣть было можно. В тот день убито 4 человѣка.

В 11 день привезено из Новагорода 29 пушек разных калибров, и нѣсколько мортир, и нѣкоторая часть аммуниціи. Того ж числа приѣхал в лагерь короля польскаго чрезвычайным посланником генерал маіор Деланг.

В 13 день построены два кешеля, каждый на восемь мортир; один по правую, другій по лѣвую сторону батарей; и того ж числа на батареи начали пушки таскать людьми, в чем немалый труд был, к тому ж колеса и лафеты ломались, понеже все было старое и не исправленное: того ради никакого добраго чаяныя о будущем дѣйствыи представить было не можно.

В 14 день прибыл фельдмаршал граф Головин с нерегулярною конницею, а именно: дворяне московскіе и смоленская шляхта с их слугами, которых всѣх было около 5000 человѣк; да генерал Автоном Головин с достальными полками своей дивизіи с Десвиновым, Матвѣя Трейдена, Иваницкаго, Мевса, Болмановым, Билсовым, да драгунским Шневенцовым, которые стали между Трубецкаго и Бутурлина лагерей.

В 15 день еще построена батарея под 15 пушек и один кетель на 8 мортир.

В 16 день с прилѣжаніем продолжали работу начатых батарей и кетелей, и привезено в лагерь 12 мортир с нѣсколькими тысячами бомб.

В 17 день государь своею особою заложил один кетель на 8 мортир по лѣвую сторону города близ Наровы рѣки.

В 18 день для пробы бросили в город четыре бомбы.

В 19 день еще одна батарея на 12 пушек заложена; и тако всѣ батареи были в готовности, и пушки на них поставили.

В то же время дѣлали линію контраваллаціон; а циркумваллаціон дѣлан был против двух только дивизій, Вейдовой и Трубецкаго.

В 20 день два часа пополудни начали с батарей вдруг из пушек стрѣлять, також и с кетелей бомбы метать: того ради и напріятель крѣпко из пушек оборонялся. В тот день побито 20 человѣк и 15 ранено, в том числѣ капитан гранадерскій ранен.

Октября в 21 день при атакованіи у Иваня города убито 2, ранено 5 человѣк, и продолжалась по городу пушечная стрѣльба и бомбардированье, от чего в городѣ был пожар, однако же вскорѣ утушен.

В 22 день по нашим апрошам и батареям неприятель из города крѣпко стрѣлял, гдѣ 23 убито и 20 человѣк ранено.

В 23 день пришол с моря корабль с товаром, на котором были купцы армяне.

В 26 день отправлен из лагеря с нерегулярною конницею главным командиром боярин Борис Шереметев по дорогѣ к Ревелю, и велено ему прилѣжно смотрѣть и развѣдывать о неприятельских подвигах, и стараться ради лучшаго извѣстія языка достать, и потом имѣл он с неприятельскою партіею, которая состояла в 600 человѣках, в 9 милях от Нарвы акцію, и оных разбил и взял в полон маіора шведскаго Паткуля и капитана поручика Адеракса, да с 26 человѣк рядовых, которых тогда же прислал в лагерь.

А на той акціи наших убито 46, да ранено 72 человѣка.

Тот маіор Паткуль объявил, что он от генерала Веллинга откомандирован для провѣдыванія о россійских войсках, и чтоб из них достать кого в полон.

О генералѣ Веллингѣ сказал, что он в 5000 кавалеріи стоит при Вейзенбергѣ, и короля шведскаго вскорѣ ожидали; ибо шведское войско тогда все в маршѣ обрѣталось.

В 27 день отправлен к королю польскому министром князь Григорій Долгоруков.

В 28 день была из города стрѣльба и в апрошах убито 5 человѣк, ранено 8, да в лагерѣ генерала Вейда убито 5 человѣк.

В 30 день наших убито 1 капитан и 1 солдат, да 4 человѣка ранено.

Ноября в 5 день имѣли работу в починкѣ кетелей и батарей, и того дня убито 16 человѣк, да 20 ранено.

В 6 день имѣли военный совѣт, в котором нѣкоторые предлагали, дабы дѣлать бреш; ибо всѣ батареи и кетели были в готовности, однако ж как взяли извѣстіе о пушечных ядрах, и усмотрѣли, что ядер и пороху было мало, того для то отложено до обожданія, когда привезено будет большое число ядер и пороху.

В том же совѣтѣ опредѣлено послать два полка стрѣльцов к полисадам Иваня города, чтоб как возможно их вырубить, и занять пост, что и учинено. И тоя ж ночи, ноября против 7 числа, они подходили под Иван город и без великаго сопротивленія оные полисады взяли с потеряніем только 23 человѣк, и тут засѣли.

В 8 день в полдни была из города вылазка, и от той вылазки стрѣльцы с того поста выбиты.

В 10 день перед вечером из обоза ушел к неприятелю капитан бомбардирскый Гуморт. Сей все состояніе нашего войска неприятелю объявил: ибо был в гвардіи Преображенскаго полка у бомбардирской роты капитаном вторым, и во особливой был милости государевой; понеже его величество и сам у той роты был первым капитаном.

Против 13 числа в старый полисад Иваня города стрѣльцы паки засѣли и линію сдѣлали.

В 13 день послѣ полудни была из города вылазка, и стрѣльцов паки из шанцов нижних выбили.

Того же числа государь указал послать к Москвѣ всѣх офицеров шведской націи, которые были в службѣ его под Нарвою, для опредѣленія в другіе полки, которые против шведов не были употреблены, с той причины, что помянутый Гуморт природный швед, быв в службѣ, ушол, и повелѣл оных повысить чинами.

Против 18 числа государь пошел от арміи в Новгород для того, чтоб идущіе достальные полки побудить ко скорѣйшему приходу под Нарву: а особливо, чтоб

имѣть свиданіе с королем польским: по отступленіи его от Риги ради совѣта о общих намѣреніях, и для того и генерала фелдмаршала графа Головина, который был первым министром у политических дѣл, изволили взять с собою ж: а команда над войском поручена герцогу фон Крою, да генералу комисару князю Якову Долгорукову.

По заключеніи вышепомянутаго Травендальскаго мира с королем датским, король шведскій в скорости учинил транспорт с войски в Лифляндію, а именно: к городу Пернову для сикурса Риги; но когда услышал, что саксонцы уступили, тогда обратил свое намѣреніе сикурсовать Нарву, и вышед с войски, в 18 000 состоящими (а иные сказывали меньше) ноября в 18 день, он, король шведскій, пришел на сикурс к Нарвѣ; а в 19 день по утру часу в 10 или в 11 прямо на пост, гдѣ стояли стрѣльцы, напал (и понеже тогда от неискуства так рѣдко по линіи наши люди поставлены были, что по нѣскольку сажен один от другова, и то во един человѣк), гдѣ зѣло с малым сопротивленіем в линію вломилися, и дивизію Трубецкаго прогнали, и нѣкоторые полки дивизіи Вейдовой и Головина, которые близ оной Трубецкаго дивизіи стояли, также прогнали.

В то же время герцог фон Крой усовѣтовав с генералом порутчиком Алартом, да с генералом маіором Лангом, присланным от короля польскаго к государю, при которых был и полковник от гвардіи Блюмберг, из ретраншамента выѣхали с нѣкоторыми чужестранными офицерами и своими служителями, и шведскому полковнику графу Штейнбоку на пароль сдались, который их к войску своему привез и содержал учтиво; однако ж ружье и шпаги у них обрал.

Потом раздвоясь неприятели, пошли одни на дивизію генерала Вейда, другіе на дивизію генерала Головина, и у генерала Вейда сперва людей в конфузію привели и с одного конца сбили, однако ж потом по довольном бою отбиты, гдѣ и сам он генерал Вейд, и нѣсколько полковников ево дивизіи тяжко ранены; и ежели б наша конница по должности своей поступала, тобы можно уповать о викторіи, но оная побѣжала чрез рѣку Нарову в плавь, в которой больше 1000 человѣк потонуло.

А в дивизіи Головина також новые полки смяли, которые в конфузіи побѣжали к Наровѣ к мосту, который сдѣлан был плавный, и нещастіем оный от множества людей, как служащих, а болѣе неслужащих, разорвался, гдѣ многое число людей и багажа потонуло: но когда они, неприятели, дошли до поста двух полков гвардіи, тут оных одержали, и продолжался бой близ рѣки Наровы даже до ночи, куды и та половина неприятельских людей, которая была против дивизіи Вейдовой, пришла; однако ж неприятеля далѣе авансировать не допустили; потом как настала ночь, тогда с обоих сторон стрѣльба убавилася.

И когда гораздо стало быть темно, тогда генерал комисар князь Долгорукой и прочіе генералы с общаго совѣта послали князя Козловскаго, да маіора Пиля к королю предлагать о удержаніи оружія, котораго князя Козловскаго в темнотѣ, не допустя к королю, убили, а маіор Пиль принужден за темнотою ж возвратиться назад.

Потом тот час начали в шведском войскѣ на трубах трубить и стрѣльба с их стороны перестала.

И для того тою ж ночью против 20 числа вскорѣ послан ото всего генералитета генерал маіор Бутурлин к королю, чтоб и на другій день оружіе было удержано,

и при том требовать свободнаго отступленія, которому генералы шведскіе по повелѣнію королевскому в присутствіи самого короля дали слово, что россійскому оставшемуся войску свободно на утрѣе отступать со всѣм ружьем и знаменами, только без артилеріи. И потом оный генерал маіор Бутурлин пріѣхал в дивизію Вейдову освѣдомиться подлинно о ево состояніи, гдѣ обрѣл, как ево генерала Вейда самого, так и полковников нѣкоторых, как вышепомянуто, раненых, и возвратясь к генералитету, о том объявил; потом вскорѣ всѣ наши генералы позваны к королю, гдѣ учиненный договор подтвержден словом самого короля, и при том от нашего генералитета требовано было всей артилеріи, которую шведы взяли в шанцах; и король сам сказал: что де артилерія ваша у нас уже за спиною, и отдать не надлежит; против котораго его королевскаго отвѣта просили паки, хотя б одни полковыя пушки велѣл отдать; против чего сказал послѣднее, и обѣщал отдать из полковых пушек только 6; однако ж послѣ и тѣх не отдали.

В 20 день по утру по учиненному договору наши оставшие начали отступать, наведя паки мост, и наперед пошла дивизія генерала Головина, в которой и оба полка гвардіи, которая и перешла безо всякаго супротивленія. Но когда Вейдова дивизія пошла, тогда неприятель не токмо у них ружье и знамена стал отнимать, но и платье и прочее с них грабити.

А на другій день к генералам россійским прислал король своего генерала адьютанта Лагаркрона с шквадроном кавалеріи, и велѣл их арестовать и отвесть в Нарву к коменданту Горну, к которому их привели в большую нетопленую залу, и приставили к ним жестокій караул, и были тут до вечера не ѣдчи; а ввечеру хотя и разведены порознь по квартирам, однако ж содержаны были за жестоким же арестом, гдѣ и герцог фон Крой и генерал порутчик Аларт и прочіе с ними уѣхавшіе, також содержаны были, яко плѣнные, и приставлены были к ним по одному офицеру к каждому в камеру, и пред дверьми по два часовых, которые денно и ночно при них безотлучно были, и что они при себѣ имѣли, то все у них обрали. И хотя тѣ генералы просили короля, для чего тот пароль не содержан; однако причли им в причину то, что для чего комисары наши денежную казну вывезли, о которой прежде при разговорѣх и сами они не упоминали, и потом тѣ генералы и при них взятые штаб и обер-офицеры, яко плѣнные отосланы в Ревель, и оттоль отправлены морем в Стокгольм, о во всю ту бытность как в Нарвѣ, так и в Ревелѣ содержаны были зѣло жестоко; а кто имены взяты россійскіе генералы и штаб и обер-офицеры, тому при сем реестр.

Генерал фелдмаршал герцог фон Крой.
Генерал фелдцейгмейстер принц Александр Имеретійскій.
Генерал комисар князь Яков Долгорукій.
Генерал от инфантеріи Автоном Головин.
Генерал от инфантеріи Адам Вейд.
Губернатор новгородскій князь Иван Трубецкій.
Генерал маіор Бутурлин.

ПОЛКОВНИКИ.
Карл Иваницкій.
Вилим фон Делдин.
Яков Гордон.

Александр Гордон.
Гульц.
Вест.
Петр Лефорт.
Блюмберг – сей не яко плѣнник, но болѣе своею волею, оставя свою команду к неприятелю ушел наперед.

ПОДПОЛКОВНИКИ.
Гордон.
Балцер.
Князь Дмитрій Мещерскій.
фон Виттен.
Маіоров – 6.
Капитанов – 14.
Порутчиков – 7.
Прапорщиков – 4.
Сержантов – 4.
Фееверков и бомбардиров – 9.
Лейб-медикус Карбонарій.
Лѣкарей, аптекарей и прочих не служащих – 8.

УБИТЫ ПОЛКОВНИКИ.
Фливерк.
Болман.
Кулом.
Девсин.
Кров.
Ухарев.

ПОДПОЛКОВНИКИ.
Кондрат фон Верден.
Питер Минстерман.
Маіоров – 3.
Инженер – 1.

Присланные от короля польскаго в помочь взяты в полон:

Генерал лейтенант Алларт.
Генерал маіор Деланг.
Обер инженер – 1.
Инженер капитан – 1.
Полковник – 1.
Подполковник – 1.

УБИТО.
Полковник – 1.
Инженер – 1.
Адьютантов – 2.
Капитанов – 3.
Служителей герцога фон Кроа и прочих генералов – 9.

Нашей артилеріи было у Нарвы.

Больших пушек, которыя тогда привезены из Новагорода и изо Пскова 63, в том числѣ картаунов и 30 фунтовых 4; 24 и 18 фунтовых 26; достальныя 33 пушки были 12, 10 и 6 фунтовыя.

Мортир 3 и 2 пудовых – 25.

Гоубиц пудовых – 7.

Полковых пушек 3 фунтовых – 50.

И тако шведы над нашим войском викторію получили, что есть безспорно: но надлежит разумѣть, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовскій был (который пред тѣм назывался Шепелева); два полка гвардіи только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войски, никогда не видали. Прочіе ж полки, кромѣ нѣкоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздным временем великій голод был; понеже за великими грязьми провіанта привозить было не возможно, и единым словом сказать, все то дѣло, яко младенческое играніе было: а искуства ниже вида; то какое удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторію? Правда, сія побѣда в то время зѣло была печально чувственная, и яко отчаянная всякія впредь надежды, и за великій гнѣв Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о том подумать, во истинну не гнѣв, но милость Божію исповѣдати долженствуем: ибо, ежели бы нам тогда над шведами викторія досталась, будучи в таком неискуствѣ во всѣх дѣлах как воинских, так и политических, то в какую бы бѣду послѣ нас оное щастіе вринуть могло, которое оных же шведов уже давно во всем обученных и славных в Европѣ (которых называли французы бичем нѣмецким) под Полтавою так жестоко ни зринуло, что всю их максиму низ к верху обратило: но когда сіе нещастіе (или лучше сказать великое щастіе) получили, тогда неволя лѣность отогнала, и ко трудолюбію и искуству день и ночь принудила, с которым опасеніем и искуством как час от часа сія война ведена, то явно будет из слѣдующей при сем историі.

Послѣ разбитія при Нарвѣ полки в конфузіи в свои границы пошли, которых велено пересмотрѣть и исправить генералу князю Репнину, который тогда с дивизіею своею и с одним старым полком Бутырским прибыл с низу в Новгород, и пошел было к Нарвѣ; но не дошед услыша о оном нещастіи, по указу возвратился из Самары по прежнему в Новгород.

А по осмотру генерала князя Репнина в Новѣгородѣ в тѣх дивизіях, кои были под Нарвою разбиты и пришли в Новгород, людей явилось на лицо:

Дивизіи Автонома Головина и с гвардіею	– 11 628.
Дивизіи генерала Вейда	– 9040.
Дивизіи губернатора новогородскаго князя Трубецкаго	– 2299.
И того:	22 967.

И тако при той осадѣ наших от голода померло в шанцах, и на бою побито, и потонуло в рѣкѣ Наровѣ, и дорогою идучи к Новугороду от стужи и с голода померло около 5800 и до 6000.

А нерегулярная конница, переплыв чрез рѣку Нарову, спаслася, кромѣ потопших.

А неприятелей сколько побито, подлинно знать было за упадком своим не возможно, а слух был, что около 3000.

И по том отправлены были обѣ тѣ дивизіи Вейдова и Головина во Псков; но понеже тѣ генералы Вейд и Головин взяты в полон, того для учинен над оными войсками главным командиром, генералом аншефом вышепомянутый Борис Шереметев, а генералу князю Репнину с новыми его полками велено зимовать в Новѣгородѣ, и был он там нѣкоторое время губернатором.

Из тѣх наших оставленных войск тоя зимы от Новагорода и Пскова, также от Ладоги и ото Гдова над неприятелями чинили партіями поиски, також и с неприятельской стороны были партіями наѣзды в Ладожскій и Гдовскій уѣзды и к Печерскому монастырю, однако ж над нашими людьми великих поисков не имѣли (кромѣ того, что они сожгли около Ладоги и около Печерскаго монастыря нѣсколько сел и деревень; а жители из тѣх сел и деревень ушли). Наши же козаки своими набѣгами, от Печерскаго монастыря в Ливонію, немалую також шкоду учинили, и многих побивали, и в полон брали.

О королѣ шведском имѣли тогда вѣдомость, что он от Нарвы пошел к Дерпту, и около онаго с войски своими имѣл винтер-квартиры и екзерцировал и комплектовал свои войска.

Государь намѣреннаго свиданія с королем польским не мог тогда вскорѣ учинить, но сперва намѣрил в Москвѣ ради всяких опредѣленій побывать. И тако государь из Новагорода с гвардіею тоя зимы пошел к Москвѣ, и по прибытіи его государевом на Москвѣ выдан указ, чтоб собрать часть колоколов со всего государства с знатных городов от церквей и монастырей для дѣланія пушек и мортир, что чрез ту зиму и исправлено, и сдѣлано пушек брешштикен 100, полевых 6 и 3 фунтовых 143, и того 243; мортир 9 пудовых 6, 3 пудовых 6, и того 12; гоубиц больших 13 (и по веснѣ та артилерія отпущена в Новгород). Того же времени дан указ боярину князю Борису Голицыну, велено набирать драгунскіе полки, которые начал той же зимы, и набрал 10 полков, числом в каждом по 1000 человѣк.

У тѣх полков были полковники:

князь Никита Мещерскій.
Семен Кропотов.
князь Иван Львов.
Александр Мулина.
Афанасій Остафьев.
Новиков.
Полуевктов.
Жданов.
Дюмон.
Михайло Зыбин.

И в 1701 году тѣ полки отпущены во Псков к генералу Шереметеву.

Да в Новѣгородѣ набрано 2 полка; у оных были полковники:

Девгерин.
Морелый.

Тѣ полки были в Новѣгородѣ и в Ладогѣ.

В бытность его государеву в Москвѣ 1701 года, генваря во 12 день учинен с королем датским между обоими государствами, россійским и датским, чрез мининстров, со стороны россійской чрез ближняго боярина и Посольской канцеляріи президента Федора Алексѣевича Головина, а со стороны датской чрезвычайнаго посланника Павла Геннса, еще трактат о перепускѣ в службу россійскую трех полков инфантеріи и трех кавалеріи; також ежели б война у Франціи с союзники короля шведскаго началась с Англіею и Голландіею, то должен король датскій всѣми силами морем и сухим путем противу Швеціи дѣйствовать.

И хотя тот трактат с королем датским и учинен, и война в недолгое время потом между Франціею и Англіею и Голландіею всчалась, а именно в 1702 году; однако ж ни войск его не прислано, ни же он, король датскій, противу Швеціи неприятельски поступил, даже до полученія главной Полтавской баталіи, как о сем ниже сего явится.

Генваря в 31 день государь путь свой восприял с Москвы для свиданія с королем польским в Биржу, и ѣхал на почтовых подводах на Можайск, на Вязьму, на Дорогобуж, на Смоленск, на Витебск, на Полоцк, на Друю, на Динобург, и прибыл в Биржу в 17 день февраля, гдѣ увидѣлись с королем польским Августом.

В 20 день февраля государь и король из Биржи поѣхали для осмотра в Динаменд, гдѣ был гарнизон саксонскій, и оттуда в Митаву.

В 25 день из Митавы возвратились паки в Биржу, гдѣ учинен между обоими тѣми государями трактат в подтвержденіе прежняго, и в 26 день февраля заключен, в котором обѣщано королю в помощь денег 200 000 ефимков, да присылки войск от 15 000 до 20 000 пѣхоты, и нѣкоторое число амуниціи.

Февраля в 27 день для исполненія вышеписаннаго договора из Биржи государь путь свой восприял в Москву, и прибыл в 8 день марта, и по тому договору дал указ генералу князю Репнину, чтоб собрався шел немедленно в помощь к саксонским войскам, по которому указу генерал князь Репнин собрався с 19 полками пѣхотными из Новагорода пошел к Ригѣ в мартѣ мѣсяцѣ в слученіе к саксонскому войску, которое тогда было под командою саксонскаго генерала фелдмаршала Штейнау в Лифляндіи близ Кокенгаузена, и пришел к тому мѣсту с помянутыми полками іюня в 21 день.

Також по договору помочныя деньги с Москвы и аммуниція из Смоленска к королю отправлены.

Король шведскій в том же 1701 году в маіѣ мѣсяцѣ пошел от Дерпта, как вѣдомости были, в 25 000 человѣках своего войска к рѣкѣ Двинѣ против помянутых саксонских и польских помощных войск; а в Ливоніи у Дерпта оставил с нѣкоторою частію войск своих генерала маіора Шлипенбаха.

Потом получена вѣдомость от генерала князя Репнина, что іюня в 23 день саксонскій генерал фелдмаршал Штейнау с генералитетом учинил консиліум, на котором опредѣлено, чтоб дѣлать траншамент для опасенія от сильнаго неприятельскаго прихода, на которую работу командировано было россійских солдат с перемѣною по 4000 человѣк; по тому ж генеральному опредѣленію отправлены 4 полка россійских в помочь к саксонским полкам, которые поставлены были на пасах против Риги, чтобы шведов не допустить до Курляндіи, и стали тѣ россійскіе 4 полка от Риги за 10 верст; а перед ними и назади стояли саксонскіе полки.

В 5 день іюля генерал фелдмаршал Штейнау получил вѣдомость от Риги, что король шведскій с войском от Дерпта к Ригѣ пришел, и намѣрен чрез рѣку Двину от Риги на курляндскую сторону перебраться, и по тѣм вѣдомостям генерал фелдмаршал Штейнау (как о том писал помянутый же наш генерал князь Репнин) собрався с саксонскими полками противу шведов пошел; а генералам саксонскому Ребелю с саксонским солдатским полком, да с полевою артилеріею россійскому генералу князю Репнину (оставя при траншаментѣ 4 полка россійских) с достальными велѣл слѣдовать за собою ж, которые на другій день за ним послѣдовали. Против 9 числа в ночи генерал князь Репнин пришед, стал в лагерь от Риги за 8 миль.

А генерал Ребель пошел вперед до рѣчки, которая от того мѣста в 5 верстах.

Того ж 9 числа по утру рано король шведскій в 14 000 чрез Двину рѣку у Риги незапно на судах перешел, и с саксонцами учинил бой, и оных разбил и обоз их взял, и по тѣм вѣдомостям генерал князь Репнин того же числа случился с саксонским генералом Ребелем, при котором была артилерія; и оный Ребель объявил ему указ помянутаго генерала фелдмаршала, чтобы стоять с ним вмѣстѣ и далѣ не ходить, для того что он, генерал фелдмаршал, по разбитіи от неприятеля от Риги идет к ним в слученіе, который вскорѣ к ним и прибыл, и учинил косиліум, на котором положено, чтоб россійским и саксонским войскам отступить на время в Курляндію ко границѣ польской, к мѣстечку Боуску, для удовольствія людей в провіантѣ; а при Кокенгаузенѣ оставить два полка саксонских, драгунскій, да солдатскій, да третій солдатскій же россійскій; и по тому опредѣленію іюля в 11 день пошли, а во 12 день не дошед до Боуска за полторы мили, при переправѣ у рѣчки саксонская кавалерія остановилась для того, что имѣли тогда вѣдомость, что неприятель пришел к Боуску, и оным овладѣл, и для того пошли к Биржѣ, и пришли в 13 день; а на другій день в Биржѣ был консиліум, на котором положено, чтоб генералу князю Репнину с россійскими войсками отступить к Динаборку для того, что около Биржи провіанта было мало. В то же время получена вѣдомость из Курляндіи, что шведскаго войска было в Митавѣ 8 полков, которые напали незапно на магазейны короля польскаго и оные разорили, также и канцелярію его королевскую взяли, и офицеров саксонских, которые были в Митавѣ больные и раненые, всѣх побили; но понеже саксонцы были еще тогда у Биржи, того для король шведскій оставя в Митавѣ и в Боускѣ свои гарнизоны, и разложа на оные городы тяжкую контрибуцію; а сам собрався с большею частію войск, котораго тогда числили уже в 30 000, пошел из Курляндіи за саксонцами к Биржѣ, что генерал фелдмаршал саксонскій Штейнау услышав, Кокенгаузен (выведши из него людей и артилерію) порохом подорвал, и сам с саксонскими войски от Биржи принужден отступить в Польшу; а генерал князь Репнин с россійским войском пошел к россійским границам на Друю и на Опочну ко Пскову в слученіе к генералу Шереметеву, и пришел во Псков августа в 15 день. А полк, который отпущен был из Кокенгаузена, случился с ним генералом князем Репниным, будучи в маршѣ близ Пскова.

В то время между поляками великое несогласіе произошло, и кардинал примас Радзыевскій принял партію шведскую, и писал к королю шведскому именем всей Рѣчи Посполитой со объявленіем, что ему, примасу, и Рѣчи Посполитой до того, что король их всчал войну, им дѣла нѣт; и потом чрез факціи и тайныя

пересылки он, примас, купно с Сапѣжинским домом короля шведскаго призывали и просили, чтоб он в Польшу шел, против котораго их требованія король к ним отвѣтствовал, объявляя, что он вѣдает о том, что король их неправедно без соизволенія их и всей Рѣчи Посполитой своею волею наруша имѣющіеся шведскою и польскою коронами трактаты, войну начал, от чего может не малый вред Рѣчь Посполитая понести; и при том желал от них, дабы они поляков к тому привели, чтоб короля своего от престола отлучили, и обнадеживал их, что он не токмо Рѣчи Посполитой какое препятство чинить будет, но и вспомогать во отлученіи короля от престола им станет. В той же матеріи король шведскій на имя и всей Рѣчи Посполитой писал, и то письмо к нему, примасу, адресовал, прося его, дабы он при удобном случаѣ оное полякам объявил, и к тому их склонял.

И получа он, примас, тѣ короля шведскаго письма, старался то дѣйствительно исполнить, и от того времени начал он купно с Сапѣгами, с королем шведским наивящщую корреспонденцію продолжать и к его сторонѣ поляков склонять, а против своего короля явныя факціи умножать.

Потом король шведскій, как имѣли тогда вѣдомости, взял город Биржу, гдѣ обрѣл немалое число артилеріи и прочих воинских припасов, и расположил войско свое в октябрѣ мѣсяцѣ на винтер-квартиры в Курляндіи, а сам с 6000 возвратился в Лифляндію, в крѣпость Динаменд, гдѣ был саксонскій комендант Кауниц с саксонскими и рускими войски (которыя от корпуса генерала князя Репнина были в той крѣпости оставлены под командою подполковника Шварца), в декабрѣ мѣсяцѣ принудил на акорд сдаться, и руских людей морем отпустил до Колберга и оттоль в Саксонію, которых потом король польскій прислал к россійскому войску.

И понеже по усильному требованію поляков, которое чинилось по факціям часто упомянутаго примаса и его адгерентов, король польскій Август сего года начал выводить из Польши войска свои, а поляки никаких предвоспріятій не чинили для обороны своей: ибо не были в одном согласіи, и раздѣлились на двѣ партіи: того ради шведы имѣли случай свободный ко вступленію своему в польское королевство безо всякаго супротивленія.

В то же время в Литвѣ дом Огинских согласясь с нѣкоторыми из фамилій литовских с Заранком и с Бѣлозеры, востали противу дома Сапѣжинскаго и собрали себѣ один против другаго немалыя партіи и войски, от чего учинилась у них междоусобная брань и немалое кровопролитіе; но понеже Огинскаго партія Сапѣжинскую преодолѣла и сына гетмана Сапѣги изрубили; и для того Сапѣги уже явно от короля польскаго отложась, просили у короля шведскаго помощи, и требовали скораго его вступленія в Польшу, который тогда, как имѣлася вѣдомость, охотно 6000 человѣк кавалеріи к ним в маетности на помочь послал, на которых Огинскій собрал к себѣ 12 000 человѣк литвян; а король шведскій, увѣдав о его усиліи, из Лифляндіи пошел сам в Литву, и сошелся с Огинским в Жмуйдах в декабрѣ же, гдѣ Огинскій принужден был с упадком своим отступить; а король за ним гнался, и на маршѣ взял себѣ квартиру в маетности принадлежащей дому Огинских, в которому мѣсту Огинскій подослал свою партію и королевскую квартиру зажег, от чего король в немалом страхѣ был; а послѣ того он, король шведскій, по помянутому согласію кардинала и Сапѣг и всю свою армію из Курляндіи и Лифляндіи в Литву привел и разло-

жил по квартирам, и начал с жестокостію выбирать контрибуціи с противных себѣ, и многое число их деревень пожег, а в Курляндіи Митаву и Либав укрѣпить велѣл курляндским обывателям. И так по вступленіи короля шведскаго с войски, помянутый примас и Сапѣги с их адгеренты его короля шведскаго просили, чтоб он далѣе в Польшу шел для детронизированія (или низверженія) короля польскаго.

Того же года курфирст бранденбургскій коронован в Кенигсбергѣ королем пруским, також и супруга его, и с тою нотификаціею к государю присылан был от него, короля, тайный совѣтник фон Принцен, а с поздравленіем и признаніем короля и королевы в Берлин посылан был его царскаго величества посол, пребывающій тогда при датском дворѣ, господин Измаилов.

Тогда же получены вѣдомости, что шведское войско чрез транспорт намѣрилось воинское нападеніе учинить к городу Архангельскому, того для послан указ к воеводѣ архангелогородскому князю Алексѣю Прозоровскому, дабы на малой Двинкѣ (рѣкѣ), для обереженія и караула, построить вновь цитадель на 1000 человѣк, и от помянутых неприятельских войск имѣть опасеніе.

В сем же 1701 году лѣтом государь ради лучшаго учрежденія войск своих, был в Новѣгородѣ и Псковѣ, и тамо тѣ городы фортификаціями укрѣпил, сколько время допустило, и полки гвардіи того лѣта были при нем в Новѣгородѣ, и осенью возвратился паки в Москву.

В бытность же его государеву в Новѣгородѣ, писал от города Архангельскаго помянутый воевода князь Алексѣй Прозоровский, что в іюлѣ мѣсяцѣ приходили шведских 5 фрегатов и 2 яхты, и из оных 3 фрегата да яхта остановились на морѣ против Кусковой деревни; а два фрегата да яхта за 3 часа до ночи пришли ко Двинскому Березовскому устью, и караул, обрѣтающійся тогда на том устьѣ, состоящій в 15 человѣках с одним офицером, взяли и побили, и так Березовское устье прошли: а как вошли в малую Двину, гдѣ новую крѣпость строили, тогда обрѣтающійся при строеніи той крѣпости штапный офицер Животовскій, собрав 700 человѣк солдат и посадя на мѣлкія суда, поѣхал к тѣм шведским судам; и хотя со шведских фрегатов стали стрѣлять из пушек, и нѣсколько человѣк наших солдат ранили, а иных и побили; однако ж, когда от новой крѣпости с батарей по шведским судам начали из пушек, а с судов из ружья стрѣлять, и не допустя до крѣпости один фрегат и яхту разбили, тогда люди с них нѣкоторые на мѣлких судах ушли в море, а иные с тѣми разбитыми судами потонули; а другый фрегат ушел за вышеписанными своими мѣлкими судами в море. И тако вышепомянутый фрегат и яхту взяли, на которых обрѣли 13 пушек и басов, 200 ядер, 850 досок желѣзных, 15 пуд свинца, 5 флагов.

На тѣх же взятых судах найдено побитых тѣл, один порутчик и четыре человѣка солдат.

И оставшіе шведскіе 3 фрегата и яхта, которые не входили в устье, да фрегат же, который ушел с Двинки, на морѣ стояли против Кусковой деревни, и в той деревнѣ дворы и варницы сожгли, и пошли в море; а по вѣдомостям на вышеписанных шведских судах было всѣх людей человѣк с 1000.

Помянутыя разбитыя суда из воды выняв, привели к городу Архангельскому со упущенными на низ их флагами; а над ними поставлены были россійскіе флаги.

По полученіи той вѣдомости послан был указ к вышеобъявленному воеводѣ князю Прозоровскому, дабы тѣ взятыя шведскія суда, починя, поставил в удобном мѣстѣ; а бывших на той акціи офицеров велено перемѣнить чинами, а солдат наградить деньгами.

В том же 1701 году посланными ото Пскова партіями неприятелю гораздо докучали и землю Лифлянскую разоряли (понеже болѣе опасались наступленія от неприятеля, неже сами наступали), между которыми партіями и сія нарочитая учинена.

Сентября в 4 день генерал Шереметев посылал изо Пскова сына своего Михайла Шереметева, который, переправясь за рѣку Выбовку, у Ряпиной мызы нашел неприятелей 600 человѣк, под командою маіора Розена, и оных побил, и вышеписаннаго маіора да 80 человѣк солдат, 3 штандарта и двѣ пушки с аммуниціею и с довольным числом мѣлкаго ружья и обоз взял, и никто из неприятелей не ушел, кромѣ одного прапорщика.

Того же года в декабрѣ мѣсяцѣ в послѣдних числѣх генерал Шереметев чрез шпіонов увѣдомился, что неприятельское войско обрѣталось близ Дерпта под командою генерала маіора Шлипенбаха, по которым вѣдомостям изо Пскова пошел он, взяв с собою 8000 человѣк кавалеріи и инфантеріи, и полевую артилерію; а пред собою послал сильную партію, дабы подлинно о неприятелѣ увѣдомиться, в каком числѣ войск оный обрѣтается, которая партія вскорѣ и возвратилась назад с нѣсколькими человѣки, взятыми лифляндскими обыватели, которые сказали, что генерал маіор Шлипенбах подлинно стоит от Дерпта в 4 милях в 7000 человѣках кавалеріи и инфантеріи. Тогда помянутый генерал Шереметев маршем своим начал поспѣшать; а пред собою паки сильную партію противу неприятеля командировал, которая сошлась с неприятельскою партіею, и оную атаковала, и по щастливом бою оную неприятельскую партію наши разбили и многих в полон взяли, так что ни единый не ушел, и оных полонеников привели к генералу Шереметеву; и когда он от полонеников о неприятельском состояніи подлинно увѣдомился, то немедленно на неприятеля прямо пошел, котораго с 3 мили отступя от прежняго их мѣста к нашим ближе у деревни Ересфер стоящаго в ордерѣ баталіи генваря в 1 день 1702 года обрѣли, который тот час с нашими в бой вступил (и яко новое войско не практикованое, к тому же и пушки наши не приспѣли), и большую часть наших в конфузію привел и ретироваться принудил; но когда артилерія наша прибыла, которою неприятеля одержали, и паки немедленно в ордер баталіи устроясь, неприятеля атаковали, и по 4 часном бою с поля сбили, который, покинув свою артилерію, бѣжать принужден, котораго нѣсколько миль гнали.

Оный неприятель на сем бою потерял большую часть своего войска, понеже мертвых сочтено болѣе 3000, и обоз весь нашим достался.

ДА В ПОЛОН ВЗЯТО:

Полковник Густаф Еншилд.
Полковник Ливен.
Маіор Нолк.
Ротмистр Врангель.
2 человѣка капитанов, Паден, Дабергій.
3 человѣка порутчиков, а именно: Гарунген, Функ, Гелт.

ПРАПОРЩИКИ.

Вильгельм фон Штицен.

6 человѣк унтер-офицеров.

350 человѣк рядовых.

8 знамен и штандартов.

4 пушки полковых.

Наших на том бою убито около 1 000 человѣк.

При том бою были неприятельскіе полки:

КОННЫЕ.

Полковника Вахмейстера состоящій в шляхетных ротах.

Полковника Еншильда Финляндскій.

Генерала маіора Шлипенбаха Ливонскій.

Графа Штейнбока.

1 баталіон под командою маіора Бреса.

Полк полковника Бранта.

ПѢХОТНЫЕ.

Полковника Кампенгаузена.

Полковника де ла Гардія.

Баталіон полковника Ливена.

Баталіон подполковника Стакельберга.

Полк полковника Титта.

За сію побѣду было благодареніе Богу на Москвѣ с немалою пушечною и из мелкаго ружья стрѣльбою, и был великій феерверк.

За ту ж побѣду генерал Шереметев пожалован чином фелдмаршала и учинен кавалером ордена святаго Апостола Андрея, с чем к нему посылан был поручик от бомбардир Александр Меньшиков; также и прочіе как штапные, так и обер-офицеры, по чинам своим награждены.

В то же время начат дѣлаться в Москвѣ в Кремлѣ городѣ цейггаус.

Государь по имѣющимся тогда вѣдомостям как подтверждали, яко бы неприятель намѣрен был отправить свой флот к городу Архангельскому в маіѣ мѣсяцѣ, с 5 баталіонами гвардіи, пошел с Москвы к городу Архангельскому.

Между тѣм же временем, будучи в Ладогѣ с нѣкоторою частію войска, окольничій Петр Апраксин увѣдомился, что шведскій вицеадмирал Нумберс со шнавами и большими ботами в 5 судах ходил на Ладожском озерѣ от Кексгольма и от Орѣшка для разоренія по берегам Ладожскаго озера наших сел и деревень и монастырей.

По которым вѣдомостям посылал он полковника Тыртова с полком его в 30 лодках в Кексгольмскій уѣзд, гдѣ нѣсколько деревень разорили, и сошлись со оным вицеадмиралом на озерѣ в тиш, и имѣли бой, на котором бою хотя оный полковник от неприятеля из пушки картечем и убит, однако ж наши люди из тѣх шкут шведских 2 сожгли, 1 потопили, 2 взяли, на которых было 6 пушек.

В іюлѣ мѣсяцѣ он же, окольничій Апраксин, собрався из Ладоги, ходил с корпусом своим в Ингрію против шведскаго генерала Кроніорта, и сошлись на рѣкѣ Ижорѣ, и тут был с конницею их бой, гдѣ неприятельская конница от наших

с мѣста сбита (для того, что на выручку к ним пѣхота их не поспѣла) и принуждены, разбросав нѣсколько фурманских телѣг, ретироваться к своей пѣхотѣ.

На том бою шведов побито и ранено немалое число.

ДА ВЗЯТО В ПОЛОН.

Ротмистр барон Углій – 1.
Унтер офицеров – 7.
Рейтар и драгун – 95.

На другій день послѣ того бою генерал Кроніорт ретировался к мызѣ Дудоровской со всѣми полками, и потом пошел к Канцам; а он, окольничій Апраксин, поворотился к рѣкѣ Назѣ.

Іюля в 15 числѣ отправлен был изо Пскова от фелдмаршала Шереметева на Чудское (или Пеипское) озеро генерал маіор Гулиц с партіею в лодках, который іюля в 19 день на том озерѣ сошелся со шведскими четырьмя шкутами, и учинил с оными бой, и одну от тѣх 4 шкут (называемую виват) с пушками и со всѣми припасы взял, но нечаянно оная взорвалась и потонула.

Іюля в 17 день увѣдомился фелдмаршал, что генерал маіор Шлипенбах паки собрав войско и полевую артилерію, пришел к Сайгѣ мызѣ, по которым вѣдомостям он, фелдмаршал, паки пошел против онаго, а пред собою послал нарочитую партію, которые наѣхали на непріятельскій форпост, стоящій за трудною переправою; однако ж перешед оную, тот форпост разбили, и командира того форпоста маіора, также порутчика, да 27 человѣк рейтар в полон взяли; потом и все наше войско чрез оную переправу перебралось, и хотѣли непріятеля атаковать, но непріятель от той мызы уступил в такой скорости, что нѣкоторыя вещи от своего багажа покинул при мызѣ Платорѣ, и перешед рѣку Амовжу, мост разрубил и поставил нѣсколько своих людей с пушками, чтоб наших не перепустить, а сам стал далѣе ретироваться: но наши три полка к рѣкѣ Амовжѣ пришед, помянутых непріятелей отбили, и чрез рѣку мост сдѣлали, и перешед по оному, отправили перед собою козаков, татар и калмыков за непріятелем. Сами ж за оными слѣдовали чрез великія три переправы, и непріятеля дошли при мызѣ Гумоловой, от тоя рѣки в 15 верстах, гдѣ непріятель в ордер баталіи против наших построился, и усмотря нашу авангардію, начал атаковать, дабы их от главнаго корпуса отлучить (понеже прочее войско за вышеписанными переправами за авангардіею не успѣло), от котораго наша авангардія принуждена ретироваться к вышеписанным переправам ко главному войску, о чем увѣдомясь фелдмаршал, послал ко оным на помощь полковников Боура и фон Вердена с драгунскими полками, которые непріятеля одержать також не могли, и принуждены паки ретироваться. Во время той ретирады непріятель отбил у наших 2 пушки и 3 гоубицы мѣдныя и нѣсколько знамен и обоза: но как скоро о том нещастіи фелдмаршал увѣдал, тот час с пѣхотными полками к непріятелю пришел, а именно: прежде ускорили с полками своими пѣхотными полковники Лим, да Айгустов и фон Шведин, и перешед чрез переправу, с непріятелем в бой вступили и онаго удержали, пока прочая пѣхота подоспѣла; и тогда непріятеля как с фрунта, так и с флангов атаковали, и онаго с помощію Божіею с поля сбили, и не только у онаго нашу взятую артилерію, знамена и обоз весь взяли, но и на мѣстѣ много трупом положили, так что непріятель с малыми людьми конницы принужден бѣжать к городу Пернову, за

которым фелдмаршал, оставя пѣхоту с нѣсколькими драгунскими полками, пошел и переслѣдовал в нѣскольких милях онаго паки разбил.

На том бою взято у неприятеля в полон:

ПУШЕК

Мѣдных – 6.
Желѣзных – 9.
16 знамен.
25 барабанов.
Да взятыя наши возвратили 2 пушки и 3 гоубицы.

ЛЮДЕЙ

Полковник Бракель.
Подполковник Глазенап.
Маіор – 1.
Капитанов – 5.
Порутчиков – 5.
Квартермистр – 1.
Сержантов – 9.
Подпрапорщиков – 2.
Капралов – 15.
Каптенармус – 1.
Рядовых рейтар – 36.
Драгун – 1.
Солдат – 238.

А достальные от пѣхоты почитай всѣ на мѣстѣ трупом положены, а конница побѣжала, как выше помянуто, к Пернову.

С нашей стороны побито полковник Юрья Лим, обер-офицеров человѣк с 10, урядников и рядовых человѣк с 400.

РАНЕНО

Полковник Сава Айгустов и нѣсколько десятков штаб и обер-офицеров и нѣсколько сот рядовых.

По окончаніи же сея викторіи фелдмаршал с войском стал при помянутой мызѣ Гумоловой, и посылал партіи (для разоренія земли), которыя разорили мѣста Каркуз, Гемелт, Смиртин, Ракобор, и при том немалое число деревень.

Іюля в 22 день фелдмаршал, переправясь чрез рѣку Амовжу с войском, шел Рижскою дорогою до озера Вильяна.

Августа во 2 день он, фелдмаршал, пошел с войском в Керепскую мызу и далѣе по Маріенбургскому тракту; а по сказкѣ взятых языков увѣдомился он, фелдмаршал, что в Маріенбургѣ, так и в мызѣ Мензелѣ, обрѣталось неприятельских людей число немалое.

Августа в 5 числѣ по тѣм вѣдомостям фелдмаршал пошел к помянутой мызѣ Мензѣ, в которой сидѣл подполковник с конницею и пѣхотою и с пушками, а перед собою он, фелдмаршал, послал полковника Вадбольскаго с полком, который, не доѣхав той мызы Мензы, одного шведскаго капитана взял и людей его разбил.

А когда дошел до вышеписанной мызы, то оную обрѣл укрѣпленную около каменнаго дома земляною крѣпостью и полисадами, которую осадя оный

полковник, послал к фелдмаршалу со извѣстіем, что ее с одним полком достать не может.

В 6 день фелдмаршал к той мызѣ пришед, приказал по оной из пушек стрѣлять, а под тою стрѣльбою драгуны подшед под полисады, подсѣкли оные, и забросав ров, деревянное строеніе зажгли. Тогда неприятель начал бить шамады и на дискрецію сдался; во оной крѣпостцѣ взято людей 158 человѣк, 4 пушки с аммуниціею и прочими всякими воинскими припасы.

Потом от взятых в полон увѣдано, что генерал маіор Шлипенбах с отстаточными от баталіи намѣрен ити в городок Волмер, гдѣ обрѣталося их людей с 1000 человѣк с артилеріею.

И по тѣм вѣдомостям отправил фелдмаршал с генералом маіором фон Верденым к Волмеру 4 полка; а сам с остаточною конницею и пѣхотою пошел к Маріенбургу, и августа в 14 день пришед к озеру, которое под тѣм городом, велѣл к городу приводить апроши, и учинили нѣсколько батарей и кетелей, с которых зачали бомбы бросать и пушками бреш дѣлать.

В 20 день августа генерал маіор фон Верден с полками от Волмера возвратился, и объявил фелдмаршалу, что неприятелей у Волмера нѣсколько нашел, которые по малом супротивленіи на дискрецію сдались, с которыми взято двѣ пушки и нѣсколько знамен, а город разорили: между тѣм же временем посылана была партія к Ригѣ, которая не дошед миль за пять до Риги, встрѣтилась с их неприятельскою партіею рижскаго губернатора с сыном графом Далберком в 50 человѣках конницы, которая партія от наших разбита, и из оных взят сержант с нѣсколькими рядовыми.

А между тѣм временем во всѣх брегадах у Маріенбурга чрез озеро плоты для штурма уже были приуготовлены; тогда неприятель учинил акорд, чтоб назавтрѣе город принять, а людей отпустить: но наши прежде положеннаго времени поплыли на плотах к городу, по которых неприятель из пушек жестоко стрѣлял. Потом наши дали знать, что они не для штурма, но для приема города идут, и тако стрѣльба удержана, и комендант маіор Тиле, да два капитана вышли в наш обоз для отданія города по акорду, по которому акорду наши в город пошли, а городскіе жители стали выходить вон: в то же время от артилеріи капитан Вулф, да Штикюнкер вшед в пороховый погреб (куда Штикюнкер и жену свою неволею с собою взял), и порох зажгли, гдѣ сами себя подорвали, от чего многих их и наших побито, за что как гарнизон, так и жители по договору не отпущены, но взяты в полон. Потом из той крѣпости взяли пушки и прочее, а город разоря оставили.

А что в нем взято людей и пушек, тому при сем реестр:

Комендант маіор Тиль – 1.
Капитанов – 8.
Комисаров – 2.
И с ними всяких чинов служащих 356 человѣк.
Неслужащих – 32 человѣка.
22 пушки.

И потом он, генерал фелдмаршал Шереметев, поворотился во Псков.

В сем 1702 году король шведскій, как тогда вѣдомости имѣли, будучи со всею своею арміею в Литвѣ, час от часа болѣе в силу приходил, и поляков и литвян многих к своей сторонѣ склонял, а которые ему были противны, и тѣх отягощал

сбором великих контрибуцій, которых столько набрал, что уже на дачу жалованья своей арміи не требовал присылки из Швеціи, но наипаче излишнія и во Швецію отсылал.

В ту его бытность с войски в Литвѣ, хотя знатнаго поиска литвяне над ним учинить не могли, однако ж, как тогда писали, частые партіями набѣги на него от войск литовских под командою Вишневецкаго и Огинскаго и Заранка и других были, между которыми и сія нарочитая стычка была, что гетман Вишневецкій напал на шведскаго генерала Хуммергелма и онаго разбил, гдѣ с 4 000 человѣк на мѣстѣ оставил, а того генерала с шестью ротмистрами в полон взял: нѣкоторые из поляков доброжелательные отчизнѣ своей видя от короля шведскаго так великое разореніе в их королевствѣ, и слыша о намѣреніи его далѣе вступать в Польшу, посылали к нему депутатов с предложеніями о договорѣ. Король шведскій объявил тогда им, депутатом, что никаких их предложеній слушать не будет по тѣх мѣст, пока в Гродню не придет, и ни с чем их отправил. Кардинал примас Радзѣевскій того же года пріѣзжал в Варшаву к королю польскому нарочно, и склонял его, чтоб он, король, учинил со шведом союз обще с Рѣчью Посполитою и вступил в войну против Россіи, представляя ему из того многіе авантажи, а в противном случае опасность от наступленія короля шведскаго; но король в том ему отказал. Он, король польскій, стараніе имѣл между домами Огинских и Сапѣгами ссору прекратить, обѣщая Сапѣгѣ удовольствовать; но упомянутый кардинал примас до того чрез факціи свои не допустил, и будучи тогда при королѣ польском, о всем, что ни чинилось, давал ему знать, и паки просил его, короля шведскаго, дабы низверженіе с престола короля польскаго дѣйствительно произвесть, и совѣтовал ему о скором его для того вступленіи в глубь Польши. Король шведскій по тому желанію примасову и его адгерентов из Литвы восприял поход в глубь Польши, и начал с арміею своею к Варшавѣ приближаться; а король польскій, увѣдомясь о том его короля шведскаго с войски походѣ, из Варшавы ретировался в Краков, и на Посполитое рушеніе универсалы выдал, которые кардиналу примасу и его совѣтникам гораздо противны были, показуя он, король польскій, склонность свою к Рѣчи Посполитой, и дабы жалобы их отвратить, по желанію их велѣл саксонским своим войскам из Королевства Польскаго в Саксонію на время отойти; однако же с таким опредѣленіем, чтоб тамо их укомплектовали, и в готовности б паки ко вступленію в Польшу обрѣтались.

Король шведскій маія в 11 день наперед в Варшаву пріѣхал в 500 кавалеріи, с ним же нѣсколько сот было и сапѣжинцов, и потом вскорѣ и армія шведская к Варшавѣ пришла, и собирали на войско свое деньги и провіант. Туды же вскорѣ к королю шведскому пріѣхали кардинал примас, да коронный казначей Лещинскій (отец Станиславов), с которыми король шведскій имѣл совѣты о низложеніи короля Августа с престола, которые ему не только то отговаривали, но к тому его и побуждали. В то время в Варшавѣ из чужестранных министров были только двое, посол французкій да посланник прускій; а прочіе всѣ с королем польским были в Краковѣ.

Польскій король, будучи в Краковѣ, войскам своим из Саксоніи велѣл приближаться к Кракову, которых, как слух обносился, и пришло в іюнѣ мѣсяцѣ 20 000 человѣк, да коронная войска собралось к нему, королю, около 12 000, и собрався со оными, пошел противу шведов, и остановился под Пинчовым; что увѣдав,

шведскій король из Варшавы пошел с своею арміею, состоящею в 18 000, против его, польскаго короля, и нашел его под вышепомянутым мѣстом Пинчовым іюля 19 дня, который не токмо близ себя высокое мѣсто имѣл, на котором пушки поставлены были, но и окружен был многими болотами, и по утру рано подобрался к саксонскому войску, и как увидѣл саксонцов, что их и поляков много, то велѣл свой фрунт перемѣнить и в полциркуля сочинить; и когда саксонцы сіе увидѣли, то думали, что малый деташамент, и так дали им довольное время построиться. А как уже ближе шведы подошли, тогда в саксонском войскѣ учинилася тревога, и лозунг выстрѣлили из дву пушек; а из третей пушки выстрѣлить не успѣли: и хотя сперва генерал Флеминг с двумя полками кавалеріи ко шведам приближился; однако ж ничего не учинил и вскорѣ ранен, и по том шведы напали на поляков, и понеже полякам нарочно фальшиво внушали, будто бы саксонцы со шведами согласились к разоренію их, и для того они скоро всѣ в рознь разбѣжались, и только из них 60 человѣк побитых осталось. А потом шведы напали на лѣвое саксонское крыло, которым командовал генерал фелдмаршал Штейнау, но оный нѣсколько полков шведских в конфузію привел, но они скоро паки построились, и перво лѣвое крыло, а потом и все войско саксонское, в конфузію пришло, и оставя на боевом мѣстѣ 4000 побитых, разбѣжались; а король польскій ретировался в Краков. И так шведы побѣду получили и всю артилерію и обоз взяли. На сей баталіи из шведов много побито и ранено, тут же герцог Голштинскій, зять короля шведскаго, из пушки ядром так ранен, что по двух часах умер.

Послѣ сей нещастливой баталіи под Пинчовым король польскій возвратился в Краков, и тамо взяв рекрут из Саксоніи, укомплектовал свою армію.

Шведскій король получа в дополнку к своему войску из Помераніи 8000 человѣк, августа в 11 день туды же к Кракову пришел, но польскаго короля там уже не застал: ибо он оттоль иным трактом путь свой в Варшаву восприял, и по прибытіи своем заарестовал в Варшавѣ французкаго посла, именуемаго Герона, за то, что он хвалился, что многих из поляков к тому привел, дабы на польскій престол возставлен был нѣкоторый из французких принцов, и за арестом выслал онаго посла до границы шленской, а оттуда велѣл его отпустить.

Сей французкій посол чинил предложенія и королю шведскому, дабы возставить на польскій престол одного из французких принцов. И хотя тогда он, король шведскій, неотмѣнное намѣреніе имѣл короля Августа детронизировать; однако ж он тѣх предложеній его слушать не хотѣл; ибо желаніе имѣл он, король шведскій, из поляков на тот престол кого возставить.

В сентябрѣ же мѣсяцѣ поляки многіе воеводства и повѣты на Посполитое рушеніе съѣхались под Сендомиром от Кракова миль с 20, и дѣла никакого потребнаго себѣ не учинили, только заводили на сенаторов бунты, гдѣ воеводу калишскаго в колѣ рыцарском до смерти убили, который был посылан к королю шведскому послом, и видя сенаторы между поляками конфедерацію, всѣ по домам разъѣхались.

В бытность шведскаго короля в Краковѣ, пріѣзжал к нему цесарскій посол Цинцендорф, предлагая ему Принципал своего медіацію к миру, но шведскій король ему в том отказал, и дал знать, что он желает быть свободным от всѣх пропозицій, и как с вышеписаннаго города Кракова он, король шведскій, 100 000 ефимков и с околичных онаго мѣст не малую контрибуцію взял, то пошел к Варшавѣ.

Король польскій, услыша о походѣ короля шведскаго, пошел в польскія Прусы, и тамо в Прусах бывшый нѣкоторый шведскій деташамент разбил.

В том городѣ шведскій король смотрѣл роту Волохова, которым велѣл екзерцицію свою показать, как они в акціях бьются и атакуют, и с ними сам чинил нападеніе на свой лагерь, при котором случаѣ учинилось ему нещастіе, что, упадши с лошади, зѣло жестоко разшибся, так что на лицѣ, на ногах и во многих мѣстах тѣла его немалыя раны были, и для того всегда в квартирѣ был и никому не показывался, от чего был всюды слух, яко бы он умре; а как исцѣлился, то пошел с войском своим к Сендомиру.

Когда наступила зима, то король шведскій войска свои разставил в Варшавѣ, Яновцѣ, Казимирѣ и Сендомирѣ и около тѣх мѣст, и собирал довольныя деньги и провіант на войско.

Король польскій тогда зимовал в Торунѣ, и войско его разставлено было в польских Прусах.

Король польскій в том же 1702 году, видя неприятельскую силу, а непостоянство в поляках, посылал от себя Фицтума к королю шведскому прямо с требованіем о мирѣ, чтоб ради древняго между ими свойства учинил, обѣщая ему учинить за убытки награжденіе: но шведскій король не только того чинить, но и слышать не хотѣл.

Государь в бытность свою в сем году у Архангельскаго города повелѣл устье рѣки Двины укрѣпить батареями и шанцами, и заложил на взморье новую крѣпость, и нарекли имя ей Новая Двинка: а между тѣм послан указ к генералу князю Репнину, чтоб он с дивизіею своею и с двумя баталіонами гвардіи шел к Ладогѣ, куда и артилерію велено отправить.

Потом, когда увѣдали подлинно, что флот неприятельскій к городу Архангельскому не будет, тогда его величество с вышереченными пятью баталіонами гвардіи августа в 5 день от города Архангельскаго учинил морем транспорт, на 4 своих и на 6 нанятых голландских и аглинских кораблях мимо Соловецкаго монастыря к деревнѣ Нюхче, а оттоль сухим путем до деревни Повѣнца чрез пустыя мѣста и зѣло каменистыя. А пришед на Повѣнец, гдѣ было изготовлено нѣсколько карбусов, амбаркировались на оных чрез Онежское озеро, и рѣкою Свирью, до деревни Сермаксы, у Ладожскаго озера лежащей, щастливо в 5 или в 6 дней (стоя по ночам), прибыли, отколь хотѣли чрез оное озеро до Ладоги ити; но препятствіе учинилось за противным вѣтром, чего для от Сермаксы пошли сухим путем к Ладогѣ и пришли сентября в 5 день, гдѣ стоял генерал князь Репнин со своим генеральством, и гвардіи 2 баталіона и артилерія.

В 22 день прибыл его величество в лагерь окольничаго Петра Апраксина, который стоял у рѣки Назіи.

Между тѣм же временем прибыл изо Пскова генерал фелдмаршал Шереметев, и при том смотрѣли его, окольничаго Апраксина, корпус, и оставя у него конницу и один полк стрѣлецкій, всю пѣхоту присовокупили к большому корпусу, и в 25 день пошли оттоль с корпусом к городу Нотенбургу, и ночевали за 20 верст от города: а артилерію за неимѣніем лошадей тянули людьми.

В 26 день сентября о 12 часах ночи посылано от войска 400 человѣк преображенских солдат для занятія поста у города, которые пришед без всякой утраты оный пост заняли, и тоя же ночи подошли два неприятельскія судна для досмотра,

какіе гости в их сосѣдство пришли, по которым наши нѣсколько залпов дали, и убили неприятельскаго бомбардира и 5 человѣк солдат. Тогда в городѣ уже узнали, что неприятель есть, стали стрѣлять из пушек, и хотя жестоко стрѣляли, однако ж нашим вреды не было и закрылись свободно, только убили одного порутчика от гвардіи Борзова, потом до свѣту пришли 2 баталіона Преображенскаго и Семеновскаго полков.

В 27 день по утру о 7 часах пришло и все войско наше под Нотенбург (или Орѣшек), и стало в лагерь на мысу от города ниже по рѣкѣ Невѣ верстах в двух, и уставило обоз свой. Того же дни в городѣ на башнѣ послѣ обѣда, когда уже подлинно узнали осаду, поставили королевское знамя в знак осады своей, и желая помощи от своих.

В 28 день ничего знатнаго не учинилось, кромѣ того, что по вышеписанному знаку пришли 3 шкуты из Корѣлы к городу с запасом и с людьми, а с нашей стороны продолжали апроши дѣлать.

В 29 день и 30 день двѣ батареи да два кетеля на пушки и мортиры сдѣланы, при которой работѣ 1 рядовый солдат только убит. Того же числа с 50 судов с Ладожскаго озера с полмили сухим путем чрез лѣс волочены в Неву рѣку, и тоя ж ночи 12 мортиров да 31 пушка, а именно: 19 18 фунт. Да 12 12 фунт. на батареи и кетели поставлены.

В 1 день октября о 4 часах по утру 1000 человѣк Преображенскаго и Семеновскаго полков в суда посажены и на другую сторону Невы посланы, гдѣ неприятельскій шанц был, дабы оный взять, и приход неприятелю занять, которое учинилось без потерянія единаго человѣка, понеже неприятели, дав один залп из шанца, тот час побѣжали. Того же дня на той сторонѣ под Нотенбургом пост заняли с траншаментом, и 3 полка там быть опредѣлены. Того же дня послано писмо от нашего фелдмаршала к коменданту тоя крѣпости с трубачем, хочет ли он тое крѣпости на способный договор сдать, потому что у него со всѣх стран путь сикурсу отнят; на сіе писмо послѣдовало изустное учтивое соотвѣтствованіе к фелдмаршалу от коменданта, в том состоящее, что он благодарит за милостивое объявленіе сея жестокія осады; но том же желает 4 дни срока, дабы ему в Нарву к вышнему своему командиру генералу Горну послать о сем с вѣдомостью, и увѣдать о том его намѣреніе: на что ему отвѣтствовано пушечною стрѣльбою и бомбами со всѣх наших батарей и кетелей залпом; еже о 4 часах послѣ полудня начато и продолжено даже до приступа.

Того же дня у нас рядовый солдат из пушки убит, а другій ранен.

Во 2 день октября о 10 часах по утру явилась неприятельская партія в 400 человѣках пѣхоты, да в ротѣ драгунской состоящая с четырьмя полевыми пушками на той сторонѣ Невы рѣки у пильной мельницы, не далеко от взятаго шанца, у котораго караул наш во 100 человѣках стоял, на которых неприятели жестоко напали; которую стрѣльбу наши услышав, тот час добрую партію послали, которые неприятеля ретироваться принудили (понеже тогда еще не гораздо искусны были в воинском дѣлѣ), и за ним слѣдовали, который хотя и с добрым порядком ретираду имѣл, однако ж 3 пушки нашим покинуть принужден, також одного капрала и 7 рядовых в полон взяли. С нашей стороны 10 человѣк убито, и нѣсколько ранено. С неприятельской же стороны убито 64 человѣка (как о том во взятьи от командира той партіи самого увѣдано есть). Сею партіею с неприятельской стороны

командировал маіор Ліон; с нашея же стороны командовал Кенигсек, полковник и посланник польскій (который с вышепомянутым маіором пред тѣм были вмѣстѣ во французкой одной службѣ).

В 3 день ничего знатнаго не учинено, кромѣ того, что барабанщик из крѣпости с писмом от комендантши именем всѣх офицерских жен, в той крѣпости обрѣтающихся, к фелдмаршалу прислан, моля его о позволеніи, дабы могли из крѣпости выпущены быть ради великаго безспокойства от огня и дыма и бѣдственнаго состоянія, в котором они обрѣтаются; и на то им учинен отвѣт от капитана (его величества) бомбардирской компаніи Преображенскаго полка, который тогда на батареях был, и не хотѣл времени пропустить, дабы вобще с сим прошеніем для отвѣта к фелдмаршалу в обоз послать, послѣдующим образом отвѣтствовал им писменно, что он с тѣм к фелдмаршалу не ѣдет, понеже вѣдает он подлинно, что его фелдмаршал тѣм разлученіем их опечалити не изволит; а если изволят выѣхать, то изволили б и любезных супружников своих вывесть купно с собою.

И с тѣм того барабанщика потчивав, отпустил в город; но сей комплимент знатно осадным людям показался досаден, потому что по возвращеніи барабанщика тот час великою стрѣльбою во весь день на тое батарею из пушек докучали паче иных дней, однако ж урона в людях не учинили.

Того же числа на другой сторонѣ Невы апроши и батареи сдѣланы на 6 пушек и на 2 мортира.

В 4 день октября взята неприятельская конная партія, в 12 человѣках состоящая, с корнетом в 4 милях от города, по посылкѣ чрез партію нашу, которая посылана была из обоза окольничаго Апраксина, и привезены тѣ взятые в наш лагерь; а того ж вечера о 8 часах от вышеименованнаго капитана бомбардирскаго на острову (который меж крѣпостью и нашими апроши) пост занят, и по учиненном закрытіи 300 человѣки осажен для близости к городу.

В 5 день нѣкоторые охотники под командою полковника Гордона хотѣли было взять неприятальскія шкуты и суда, стоящія под крѣпостью; но понеже сіи суда на берег взволочены и цепьми прикрѣплены были: того ради не могли они сего своего намеренія за великим огнем из крѣпости исполнить, но принуждены довольствоваться добычею, которую они в тѣх судах получили, а именно: ветчину, масло, крупы и сухари, и тѣ суда разрубили, и при том 15 человѣк наших побито, а именно: капитан 1, урядников 3, да рядовых 11, да ранен капитан с восьмью рядовыми.

В 6 день был великій пожар в крѣпости, который учинился от нашего каркаса.

В 7 день велено сбирать охотников к приступу, которых нарочитое число записалось.

В 8 день ничего знатнаго не учинилось.

В 9 день розданы лѣсницы для приступа, понеже хотя бреш в 2 башнях и куртинѣ учинен, однако ж ради великой высоты стѣн зѣло крут всход был, а болѣе стрѣлять было не возможно, понеже у пушек запалы зѣло разгорѣлись, и всякому офицеру назначено мѣсто к приступу, и отданы принадлежащія суда. Того же дня сдѣлан и летучій мост чрез Неву.

В 10 день октября знатнаго ничего не случилось, но токмо одному нашему пушкарю на батарѣе отстрѣлена из города из пушки рука.

В 11 день октября в воскресенье рано о 2 часах учинился великій пожар в крѣпости, и потом наши охотники к приступу, которые с своими судами с полмили на озерѣ стояли, указ получили к нападенію чрез три выстрѣла из 5 мортиров залпом, и о полчетверта часа рано начало приступа со всѣх сторон к крѣпости учинили, который тѣм охотникам не гораздо удался; того ради посланы подполковник Семеновскаго полка князь Голицын, а потом Преображенскаго полка маіор Карпов (который вскорѣ жестоко картечем ранен сквозь ребра и руку) с командированными. И так сей приступ продолжен был в непрестанном огнѣ 13 часов, а именно: от получетверта часа с утра, до полупята часа послѣ полудня, однако ж на бреш ради крутости и малаго мѣста земли около города и сильнаго супротивленія неприятельскаго за краткостію наших приступных лѣсниц (которыя в иных мѣстах больше полуторы сажени коротки были) взойти и овладѣть не могли; а неприятели с одной стороны строеніе, которым было наши защитились, каркасами зажгли, и непрестанно дробом по нашим из пушек стрѣляли, також бомбы непрестанно зажигая со стѣн катали, от чего великій и несносный вред нашим учинился: чего для уже указ послан был для отступленія, но оный посланный ради тѣсноты пройти до командира не мог; а командующій подполковник князь Голицын суда велѣл порожнія отпустить, понеже стали люди нѣкоторые от той неприятельской жестокой стрѣльбы бѣжать, и когда сіе замѣшкалось, тогда от бомбардир поручик Меншиков суда сбирать начал, и еще нѣсколько человѣк людей к берегу явно привел для переѣзда на помочь нашим. Тогда неприятель, видя такое десператное дѣйство наших, также в 13 часов толь утомлен, ударил шамад, по которому шамаду послан секретарь Шафиров, да поручик Жерлов в город; а из города комендант выслал поручика с акордными пунктами, и по учиненной пересылкѣ оные пункты того ж вечера от фелдмаршала подписаны, и той же ночи наши во всѣ три бреша для занятія поста впущены, а по городу еще стоял караул шведскій, понеже в договорных пунктах положено для убиранія их три дни, а в тѣ дни караулу их быть.

Во 12 день по утру получена вѣдомость, будто генерал Кроніорт идет на сикурс: того ради с тѣм на бреш пріѣхал бомбардирскій капитан Преображенскаго полка, и о том сказал генералу маіору Чамберсу (который тогда на брешѣ команду имѣл: ибо первый командир ради труда перемѣнен), и чтоб немедлѣнно караулы смѣнить по городу, а наипаче у погреба пороховаго; о чем оный генерал маіор коменданту сказал о караульной перемѣнѣ, который не хотѣл своих свесть, однако ж наши, опасаясь вышереченных вѣдомостей, силою то учинили, и пошед по стѣнам от бреша генерал маіор на право, а вышереченный капитан на лѣво, караулы свои поставили.

В 14 день гварнизон по договору с распущенными знаменами, барабанным боем и с пулями во рту, с четырьмя желѣзными пушками сквозь учиненный бреш вышел, и на данных судах отпущен со всѣми своими вещьми к шанцам. Того же дня генерал фелдмаршал с генералитетом в город пошли, и по воздаяніи Богу благодаренія при троекратной пушечной и из мѣлкаго ружья стрѣльбѣ, тогда переименована сія крѣпость Шлюсенбургом, что сіе имя потом с помощію Божіею дѣйствительно сталось: ибо сим клячем отворились ворота в неприятельскую землю, также объявлены тогда чины за труды показанные во время осады сея крѣпости от бомбардир поручику Меншикову губернатором шлюсенбургским,

подполковнику от гвардіи князю Голицыну полковником от гвардіи Семеновскаго полка, маіору от гвардіи Карпову подполковником от гвардіи ж Преображенской, и пожалованы деревнями, також и прочіе офицеры, и рядовые, каждый по достоинству своих трудов, были награждены деревнями и золотыми монетами; недостойные ж, особливо тѣ, которые с приступа побѣжали, нѣсколько десятков рядовых ошельмованы, а именно гонены сквозь строй, и лица их заплевав, казнены смертію.

В той крѣпости найдено артилеріи и прочих воинских припасов:

МЕДНЫХ

1 мортир – 2 пуд.

Пушек разных калибров – 21.

В том числе 1 лита при дѣдѣ царя Ивана Васильевича.

ЖЕЛЕЗНЫХ

Гоубиц от 16 фунт. до 3 пуд. – 9.

Пушек разных калибров – 107.

ГРАНАТ

Гранат ручных – 4780.

Бомб – 160.

Ядер – 11 114.

Картечей – 391.

Пороха бочек – 270.

Солдатских фузей – 1117.

Шпаг – 300.

Лат – 172.

Шишаков – 90.

Пик – 180.

И прочих воинских припасов как свинца, так селитры, сѣры, смолы, желѣза, солдатских сум, пушечных станков, колес, форм, лопаток, кирок, тесел, топоров, фашинных ножей, желѣзных клинов, молотов и гвоздей многое число.

Во время приступа из россійскаго войска побито и от ран померло, а именно:

ПОБИТО

маіор 1, капитанов 8, порутчиков 9, адъютант 1, прапорщик 1, сержантов 8, капралов и солдат 380, барабанщик 1.

ОТ РАН ПОМЕРЛО

маіор 1, капитанов 2, порутчиков 2, сержантов 2, солдат 93.

РАНЕНО

капитанов 9, порутчиков 6, прапорщиков 7, сержантов 5, каптенармус 1, подпрапорщик 1, солдат 899.

Под вышеписанным городом октября с 1 по 11 число того ж мѣсяца воинских припасов изошло:

Пушечных ядер от 6 до 18 фунтовых – 8144.

Бомб 3 пуд. – 2581.

Гранат ручных 2 фунт. – 4471.

Пороха пудов – 4371.

По взятіи же той Шлюсенбургской крѣпости еще той же осени оная укрѣплена новыми болверками кругом всего города, к которой работѣ приставлены были ради надзиранія из знатных персон.

А ИМЕННО:

Адмирал и канцлер Федор Алексѣевич Головин.

Постельничій Гаврило Иванович Головкин.

Губернатор Александр Данилович Меншиков, которому сіе губернаторство дано при взятіи Шлюсенбургской крѣпости.

Думный дворянин Никита Зотов.

Кравчій Кирило Нарышкин.

Потом его величество с полками гвардіи и со взятыми мѣдными пушками и знаменами путь свой воспріял к Москвѣ, оставя в Шлюсенбургском гварнизонѣ 3 полка пѣхотных под командою полковника и коменданта Юнгора; а прочіе полки отпущены на зимовыя квартиры во Псков и в Ладогу.

Его величество прибыл в Москву декабря в 6 день.

И имѣл торжественный вход с полученными того года в Лифляндіи и в Шлюсенбургѣ плѣнники и с воинскими знаки слѣдующим образом.

1. Шел полковник Ридер с баталіоном своего полка строем с распущенными знамены и с барабанным и литаврным боем.
2. За ним слѣдовали 150 человѣк плѣнных шведов.
3. Потом шло нѣсколько рот командированных полков, между которыми такоже шли шведскіе пленные.
4. За ними слѣдовали два полка гвардіи, Преображенскій и Семеновскій.
5. Потом несены 2 морскіе флага.
6. За флагами шла рота бомбардирская, при которой его величество, яко капитан, присутствовал.
7. За тою ротою везена взятая у неприятеля артилерія, пушки и мортиры.
8. Потом слѣдовал баталіон мушкетеров, между которыми 100 человѣк шведских плѣнных офицеров ведено.
9. Послѣ всего везена на 20 возах взятая неприятельская амуниція, ружья и прочее.

И сей торжественный вход был Тверскою улицею в Воскресенскія ворота чрез Китай и Мясницкою улицею: для чего сдѣланы были трои Тріумфальные вороты: 1. у Казанской церкви; 2. за Никольскими вороты на Лубянкѣ; 3. на Мясницкой. И во время входа его величества в тѣх воротах его величество привѣтствовали как первые духовные, так и прочих чинов люди и школьники.

В том же 1702 году прислан был к его царскому величеству из Литвы от гетманов литовских Вишневецкаго и Огинскаго каноник виленскій Бѣлозер, просить о помощи войск против неприятеля, також и о помощных деньгах.

И по тому его прошенію отправлены в Литву 2 полка стрѣлецких с полковниками Нечаевым и Протопоповым, також дана нѣкоторая сумма денег на войско литовское.

А декабря 31 дня, 1702 года фелдмаршал Шереметев по вѣдомостям шпіонов посылал изо Пскова к Нарвѣ и к Иваню городу с полковником князем Вадбольским сильную партію драгун в трех полках, да в 1000 козаков, которые незапно напали на неприятельскую конницу и пѣхоту, которая стояла в Ивангородском

посадѣ, гдѣ их числом было больше двух тысяч человѣк, и оных разбили, и знамена и барабаны у них взяли, и гнали их до самой Нарвы, и близ Нарвской стѣны сожгли четыре шкуты, и взяли в полон одного маiорскаго сына, одного мызника, да солдат и рейтар человѣк с тридцать; также по мызам и деревням, которыя прилегли к Нарвѣ, не малое число людей побили, и в полон побрали, и оныя мызы и деревни близ Нарвы лежащiя сожгли.

В то же время города Олонца поп Иван Окулов, увѣдав о неприятелѣ, которые стояли в Корельском уѣздѣ на рубежѣ, собрав охотников из порубежных жителей пѣших с 1000 человѣк, ходил за шведскiй рубеж и разбил неприятельскiя, Рутозейскую, Гиппонскую, и Сумерскую, и Керикурскую, заставы. А было в тѣх мѣстах неприятельских людей человѣк с 600, из которых побито человѣк около 400, а достальные ушли; тут же взял нѣсколько рейтарских знамен, барабанов, ружья всякаго и лошадей довольно: а провiанта брали наши люди столько, сколько могли с собою взять, а достальное, чего не могли забрать, все сожгли.

На Москвѣ государь был декабря от 6, февраля до 15 числа 1703 года; а потом пошел на Воронеж.

А губернатор Меншиков поѣхал на Олонецкую верфь (что называлось прежде Ладейное поле; а Олонецкою верфью названо того ради, что опредѣлено на нем дѣлать морскiя суда), для заклада нѣскольких судов морских, также и при Шлюсенбургѣ велено ему сдѣлать нѣсколько барок для возки артилерiи и провiанта к Канцам и нѣсколько мѣлких карбусов. Он же той зимы по нѣкоторым вѣдомостям ходил Ладожским озером к Корелѣ, чая оную незапно взять; но сiя експедицiя не удалась, понеже неприятель свѣдал и возвратились без воинскаго дѣйства, только взято в полон нѣсколько десятков обывателей уѣздных.

И быв государь на Воронежѣ нѣсколько недѣль, паки оттоль возвратился по зимнему ж пути к Москвѣ, и оттоль прибыл в Шлюсенбург 21 числа марта; а генералу фелдмаршалу Шереметеву дан был указ, чтоб он с полками шел к Шлюсенбургу.

А о королѣ шведском имѣли тогда вѣдомость, что был с войском своим в Жмуйдах и в Гроднѣ; а потом около Варшавы и Сендомира.

Апрѣля в 23 день генерал фелдмаршал Шереметев с корпусом пѣхоты, который был в прошлом 1702 году при Орѣшкѣ, пошел к Невскому шанцу (который называли Канцами), при которых войсках и государь сам присутствовал.

В 24 день, не дошед до крѣпости за 15 верст, посылал фелдмаршал в 2000 пѣхоты, под командою полковника Нейтарта, и Преображенскаго полка капитана Глѣбовскаго, водою для занятiя поста, которые против 25 дня в ночи щастливо к городу пришли, и на неприятельских драгун во 150 человѣках, у самаго рва стоящих напали, и сбив их, у ворот градских 2 человѣка взяли. И при том щастливом дѣйствiи зѣло смѣлым сердцем и мужественно на один бастiон малыми людьми нѣсколько из той партiи взошли, и когда бы другiе помогли, то б сей шанец без атаки взят был: но понеже оный командир о том указа не имѣл, но послан токмо для занятiя поста и взятья языков, также и об фортецiи не были извѣстны, того ради учинить того не смѣл.

В 26 день рано генерал фелдмаршал с войски, при нем будучими, пришед к помянутому городу, стал лагерем близ неприятельскаго вала, который у них был заведен ради построенiя не малаго города, но еще не совершен и так оставлен.

Того же числа в ночи генерал инженер Ламберт, с командированною пѣхотою апроши зачал дѣлать в ближнем разстояніи у города, а именно в 30 саженях, которому неприятели из города непрестанною пушечною стрѣльбою докучали, однако ж без великаго вреда. Между тѣм же пришла артилерія к лагерю водою на барках из Шлюсенбурга.

В 28 день в вечеру государь, яко капитан бомбардирскій с 7 ротами гвардіи, в том числѣ с 4 Преображенскими, да с 3 Семеновскими управяся, поѣхал водою в 60 лодках мимо города для осматриванія Невскаго устья и для занятія онаго от прихода неприятельскаго с моря.

В 29 день со взморья с тѣми людьми возвратился в лагерь, оставя там 3 роты; а батареи и кетели в то время были уже готовы и для того той же ночи на тѣ новыя батареи начали ставить пушки и мортиры.

В 30 день о полудни как пушки и мортиры со всѣми изготовили, тогда фелдмаршал посылал в город к коменданту Опалеву трубача со увѣщательным о сдачѣ города писмом, который трубач там умедлил часов с 6, того ради послан барабанщик, чтоб немедленно трубача отпустили. Потом оный трубач с писмом от коменданта возвратился, в котором за обѣщаніе акорда возблагодарил; а о сдачѣ крѣпости отговаривался, что вручена им от короля для обороны, и что принуждены оборонять; и по той от них отповѣди тот час с наших батарей учинена по городу из пушек стрѣльба, а с кетелей из мортир бомбардированіе начато, а именно из 20 пушек 24 фунтовых, да из 12 мортир вдруг залпом: которая зачата послѣ полудни о 7 часу, и было из пушек 9 выстрѣлов, а из мортир во всю ночь даже до утра (то есть послѣ полуночи до 5 часа) непрестанно.

Маія в 1 день на расвѣтѣ в 5 часу неприятель стал бить шамад. Тогда от наших пушечная стрѣльба и метаніе бомб унято, и высланы тогда из города офицеры с прошеніем, чтобы для акорда принять от них аманатов, и по тому их прошенію из города в лагерь аманаты приняты капитан да порутчик; а в их мѣсто даны к ним в атаманы ж от нас от гвардіи Семеновскаго полка капитан, да преображенскій сержант, и тѣ их капитан и порутчик фелдмаршалу объявили, что прислал их комендант от всего гарнизона просить у него акорда, и чтоб им дано было на нѣсколько времени срока (в которое бы время могли они написать от себя о сдачѣ города акордные пункты), который им позволен на два часа, с чем тѣ аманаты пришед в наши апроши сказали маіору своему Мурату, в то время на валу будучему, что от фелдмаршала им приказано, дабы комендант их писал акордные пункты немедленно; по которым их словам комендант написав акордные пункты, выслал от себя из города с тѣм же маіором не мѣшкав, и просил против того маіора еще аманатов. Против чего того маіора приняв генерал маіор Чамберс, отвел в лагерь к фелдмаршалу вмѣстѣ с присланными напред капитаном и порутчиком; а вмѣсто маіора из наших к ним посланы Семеновскаго полка маіор, да прапорщик, и с тѣм присланным маіором акордные пункты совершены на том, что им город отдать со всею артилеріею и аммуниціею; а гварнизон их отпустить в Выборг. И по совершеніи того акорда маія в 1 день послѣ полудни в 10 часу Преображенскій полк введен в город, а Семеновскій в контроскарп. Артилерія, аммуниція и прочее у них принято, и караул по городу вездѣ наш разставлен; а гварнизону дано было на нѣсколько дней срока для убиранія в свой путь.

А что в той крѣпости артилеріи, аммуниціи и прочаго получено, тому при сем роспись.

МЕДНЫХ

Пушек – 5.

Мортира – 1.

ЧУГУННЫХ

Пушек – 70, в том числѣ 7 коротких дробовиков.

Мортир – 2.

Бомб мортирных – 42.

Бомб гоубичных – 13.

Пороха бочек – 195.

Ядер, картеч, шуфл, банников, фитиля, колец, огнестрѣльных люксткугулей, гранат, калифоніи, сѣры, подъемов, гирь мѣдных и желѣзных, ломов, стали, гвоздей, топоров, котлов, рогаток, свинца, желѣза, цепей желѣзных, якорей, труб мѣдных, пожарных и прочих войинских припасов многое число.

Во 2 день за оную полученную над неприятелем побѣду о взятіи крѣпости, а наипаче, что желаемая морская пристань получена, учинено было благодареніе Господу Богу при троекратной стрѣльбѣ из пушек и из ружья.

Потом фелдмаршал шел в город, котораго не доходя близ градских ворот комендант тоя крѣпости полковник Яган Опалев с офицеры встрѣтя, поднес ему городовые ключи.

И того же числа вышепомянутый комендант Опалев и при нем будучіе офицеры и солдаты и прочіе жители из города выпущены, и поставлены были у полисадов у Невы рѣки до указа.

Того же дня в вечеру получена вѣдомость от наших караульщиков о приходѣ на Взморье неприятельских кораблей, и что они пришед к устью Невскому, учинили в город лозунг о своем приходѣ двумя выстрѣлы пушечными (будучи в той надеждѣ, что люди их в городѣ сидят), и для того по приказу фелдмаршала велено в вечеру и по утру в нашем обозѣ стрѣлять из пушек шведскій лозунг по дважды, чтоб на тѣх кораблях не дознаемо было помянутаго города взятье; дабы сим их обмануть, и какій над ними поиск учинить, что и удалось; понеже по тому лозунгу прислали с адмиральскаго их корабля бот, или шлюпку для лоцманов. Из той шлюпки выходили солдаты и матросы на берег; и наши, которые на караулѣ укрывся в лѣсу были, одного из них поймали, а достальные ушли, который матрос сказал, что над тою пришедшею ескадрою командует вице-адмирал Нумберс. Потом пришли 2 шведскія судна, шнава и большый бот, и стали перед устьем на якорь, для того что опоздали, и в устье войти не могли.

По которым вѣдомостям маія в 6 день, капитан от бомбардиров и поручик Меншиков (понеже иных на морѣ знающих никого не было), в 30 лодках от обоих полков гвардіи, которые того ж вечера на устье прибыли и скрылись за островом, что лежит противу деревни Калинкиной к морю; а 7 числа пред свѣтом половина лодок поплыли тихою греблею возлѣ Васильевскаго острова под стѣною онаго лѣса и заѣхали оных от моря; а другая половина с верьху на них пустились. Тогда неприятель тот час стал на парусах и вступил в бой, пробиваясь назад к своей ескадрѣ (также и на морѣ стоящая ескадра стала на парусах же для выручки оных), но узкости ради глубины не могли скоро отойти лавирами; и хотя неприятель жестоко стрѣлял из пушек по наших; однако ж наши не смотря на то,

с однюю мушкетною стрѣльбою и гранаты (понеже пушек не было), оныя оба судна абордировали и взяли; а маія 8 о полудни привели в лагерь к фелдмаршалу оныя взятыя суда, бот адмиральской, именованный Гедан, на оном 10 пушек 3 фунтовых, да Шнява Астрел, на которой было 14 пушек. Людей на оных было всѣх 77 человѣк, из того числа побито:

Порутчиков – 2.
Штурман – 1.
Подштурман – 1.
Констапелей – 2.
Боцманов – 2.
Боцман-матов – 2.
Квартермистр – 1.
Да волонтеров, матросов и солдат – 47.

В ПОЛОН ВЗЯТО

Штурман – 1.
Матросов и солдат – 17.
Кают-юнг – 1.

И тѣ полоненики сказали, что они с тѣми судами посланы были в город к коменданту Опалеву с писмами, и тѣ писма найдены в тѣх судах; и тогда шведы, которые из гарнизона Канецкаго вышли и задержаны были у города, увидѣв тѣ взятыя суда, дознались, что для того у нас шведскій лозунг стрѣляли и их задержали.

В 9 день тот Канецкій гарнизон по акорду отпущен в Выборг.

Маія в 30 день за тое (никогда прежде бывшую) морскую побѣду было благодареніе Богу с троекратною стрѣльбою из пушек и ружья, и при том командиры тоя партіи, которые викторію получили, бомбардирскій капитан и поручик Меншиков, учинены кавалерами ордена святаго Андрея, а потом спустя с недѣлю и постельничый господин Головин, в той акціи бывшій, удостоен тою ж кавалеріею, которыя им наложены чрез адмирала графа Головина (яко перваго того ордена кавалера); а прочим офицерам даны медали золотыя с цепьми; а солдатам малыя без цепей.

Во время той канецкой атаки и прочих дѣйств были над войсками командующіе: генерал фелдмаршал граф Шереметев, генерал князь Репнин, генерал маіор Чамберс, генерал маіор от артилеріи Брюс.

При них было инфантеріи два полка гвардіи, Преображенскій, Семеновскій, которыми командовал генерал маіор Чамберс, в них 7 баталіонов; в дивизіи генерала князя Репнина 20 баталіонов; у генерала маіора Брюса 10 баталіонов; да с новогородскими дворянами был окольничій Петр Апраксин, да с ним же два полка драгунских Девгерина и Морцов.

В бытность государеву под Канцы присыланы были от Великаго княжества Литовскаго послы, господин Халецкій, староста мазырскій, с товарищи, просить у него, государя, для дѣйств противу шведов в Литвѣ и Лифляндіи на вспоможеніе войск россійских, и субсидій денежных на их литовское войско; и по учиненным тогда с тѣми литовскими послами согласіям, послано из Москвы чрез Смоленск в Литву на войска литовскія 30 000 рублев денег, такожде дан указ в Смоленск генералу маіору Корсаку, чтоб он с частію тамошней конницы шел

в Литву в слученіе с войски литовскими, и с двумя стрѣлецкими полками, которые туда прежде были отправлены для дѣйств над общими неприятели.

В то же время по прошенію помянутых послов литовских послан указ к гетману Мазепѣ, чтоб он о возвращеніи от Палѣя Бѣлоцерковской крѣпости Рѣчи Посполитой, и о успокоеніи тамошних бунтов чинил великое стараніе, и Палѣя к тому пристойным способы приводил, и престерегал бы того, чтоб подданные к Россіи принадлежащіе козаки к тому бунту не приставали.

В том же году в маіѣ мѣсяцѣ получена в лагерь к Канцам вѣдомость из Смоленска от боярина и воеводы Петра Солтыкова, что апрѣля 12 будучіе за литовским рубежем стрѣлецкіе полки Нечаева и Протопопова имѣли близко Биржи со шведами бой, на котором шведов с 700 человѣк трупом положили, и 17 пушек с амуницією и иными воинскими знаки у них взяли.

Между тѣм временем по прошенію его королевскаго величества польскаго и литовских гетманов Вишневецкаго и Огинскаго, посылан на помочь к региментарю литовских войск к Михайлу Халецкому под город Быхов на Днѣпрѣ стоящій (гдѣ был гарнизон противников сапѣжинцов), с малороссійскими войски стародубскій полковник Михайло Миклашевскій с 15 000 человѣк.

Потом как ко оным малороссійским войскам в слученіе на помощь прибыл из Смоленска генерал маіор Богдан Корсак со смоленскою, бѣльскою и рославскою шляхтою и с рейтары, и тот город чрез шестимѣсячную осаду сапѣжинцы здали, который со всею артилеріею и жителями и их имѣніями отдан Рѣчи Посполитой.

По взятіи Канец отправлен воинскій совѣт, тот ли шанец крѣпить, или иное мѣсто удобнѣе искать (понеже оный мал, далеко от моря, и мѣсто не гораздо крѣпко от натуры), в котором положено искать новаго мѣста, и по нѣскольких днях найдено к тому удобное мѣсто, остров, который назывался Люст Еланш (то есть веселый остров), гдѣ в 16 день маія (в недѣлю пятидесятницы) крѣпость заложена и именована Санктпетерсбург, гдѣ осталась часть войска (которыми брали Канцы) с генералом князем Репниным; а генерал фелдмаршал Шереметев с нѣкоторою частью войск пошел к Копорью. А генерал маіор фон Вердин ото Пскова с нарочитою частью пѣхоты осадил Ямы, которыя оба мѣста с малым супротивленіем сдались (понеже были малолюдны и малы), и гарнизоны отпущены в Нарву.

По овладѣніи оных мѣст указано генералу фелдмаршалу Шереметеву Ямы фортификовать, что и учинено, и потом оная новая крѣпость названа Ямбургом.

Во время той работы приходил шведскій генерал маіор Горн из Нарвы на фелдмаршала Шереметева, чая незапно напасть на наших безоружных, которые тогда крѣпость дѣлали, но в том наши остереглись; и когда неприятель пришел, наши уже были в строю, и онаго гораздо трактовав, проводили даже до Нарвы, гдѣ гораздо неприятелей много побито, понеже безопасно с вышеписанною надеждою пришли.

В то же время, когда фелдмаршал был у Ямбурга, посыланы были частыя партіи от Ямбурга к Нарвѣ и к Иваню городу, которыя с нарочитым авантажем возвращались; также и неприятель от Нарвы посылал свои партіи к драгунским полкам, которые стояли близ Ямбурга и в другую сторону к Печерскому монастырю, которыя неприятельскія партіи от обоих тѣх мѣст с убытком возвращались.

Между тѣм временем государь от Петербурга ходил с двумя полками гвардіи, да с четырьмя драгунскими против генерала шведскаго Краніорта, котораго у рѣки Сестры стоящаго нашли; и хотя неприятель чрез переправу жестоко боронился и непрестанно из 13 пушек стрѣлял; однако ж бывшій тогда в авангардіи полковник драгунскій Рён с драгунами прежде перешел, несмотря на тое жестокую стрѣльбу, и переправою овладѣли, и онаго неприятеля от моста отбили, и многих побили; а с достальными он, Краніорт, ретировался к Выборгу. Сія акція такое тѣсное мѣсто между лѣсами имѣла, что гвардіи не возможно было мимо драгун пройти, также и драгуны не всѣ мѣсто к бою имѣли.

По возвращеніи оттоль к Петербургу государь поѣхал на Олонец во урочище Ладейное поле для дѣла морских судов, гдѣ заложил 6 фрегатов и 9 шнав; а оттоль возвратился с одним фрегатом и с 6 ластовыми судами (которыя за нѣсколько мѣсяцев там уже дѣланы были); имя первому фрегату было дано Штандарт; в тот образ, понеже тогда четвертое море присовокуплено.

Того ж 1703 года октября в 1 день учинен еще между его царским величеством и королем польским в подтвержденіе прежних трактат, в котором обѣщано его королевскому величеству послать его царскаго величества войск в слученіе к его саксонским войскам инфантеріи 12 000, да давать субсидій 300 000 рублев.

И по тому договору тѣ войска и субсидіи (или помощныя деньги) отправлены князем Дмитріем Голицыным, яко с обер-комисаром.

Октября в первых числѣх, когда увѣдали, что вице-адмирал шведскій Нумберс от устья Невы пошел с ескадрою своею для зимованія к Выборгу, понеже тогда настали уже морозы и лед показался на рѣкѣ; и тогда по его отходѣ государь с одною яхтою и с галіотом ходил на море для осматриванія Котлина острова, и вымѣряв фарватер и осмотря, положили там дѣлать в морѣ крѣпость.

В 24 день октября государь с полками гвардіи пошел к Москвѣ; а фелдмаршал Шереметев от Ямбурга, отпустя свои полки на винтер-квартеру во Псков, поѣхал к Москвѣ ж; а у Ямбурга оставлен с 5 полками пѣхотными и с двумя конными окольничій Петр Апраксин, и тут со оными зимовал.

С Москвы ѣздил государь на Воронѣж, и тамо будучи, сдѣлав модель крѣпости, которую дѣлать в морѣ у Котлина острова, послал со оною губернатора Меншикова (понеже оный при вымѣриваніи того мѣста был), который той же зимы оную и построил, и нарекли оной имя Кроншлот.

В том же 1703 году, по имѣющимся вѣдомостям из Польши, по желанію кардинала примаса в Варшавѣ сейм (хотя онаго король Август и не апробовал, и сам при том не был, но был в Прусах) начался, на котором шведской партіи гораздо умножилось, а особливо лютерской вѣры поляки всѣ к шведам пристали.

В то же время король шведскій отправил с знатною частію войск в польскіе Прусы генерала Рейншильта к Торуню, гдѣ был тогда король польскій; и как шведы приближилися к Торуню, тогда король польскій, оставя в Торунѣ не малый гарнизон саксонцов, поѣхал в Маріенбург.

Тогда ж еще король шведскій командировал генерала Штейнбока с знатною частію войск к городу Замостью, чтоб оный достал, дав ему небольшую артилерію; ибо в надеждѣ был, что ту крѣпость без великаго труда достанут: но помянутый генерал Штейнбок не только исполнил короля своего желаніе, но еще с убытком возвратился, оставя там убитых генерала маіора Горна, и иных многих знатных офицеров и рядовых, для того что он артилеріею снабден не был.

Сам же король шведскій с нѣкоторою частію кавалеріи своей пошел к Варшавѣ для укрѣпленія при своей сторонѣ поляков, и там не долго побыв, пошел в польскіе Прусы, и идучи в пути, сошелся с саксонским генералом фелдмаршалом Стейнау, при котором было с 15 000 человѣк войск саксонских, и при рѣкѣ Нарве при Пултовскѣ учинен был у него постиргун, чая, что еще не скоро шведское войско туда придет; а король шведскій пришед и переплыв рѣку 11 маія, на тѣ саксонскія войска напал, и их в такую конфузію привел, что, не постояв ничего, в город Пултовск побѣжали; а за ними король шведскій с такою запалчивостію и скоростію гнался, что с ними ж, саксонцами, вмѣстѣ в город вломился, и сквозь город в другія ворота саксонцов выгнал. При сей експедиціи обрѣталось при шведском королѣ, как слух был, только 5 полков кавалеріи; однако ж получил побѣду: ибо болѣе 1000 человѣк саксонцов побито было, и ста с два в полон взяты, между тѣми плѣнными обрѣтались генерал лейтенант Бест, и полковник Сейнт-Пауль, також не малое число артилеріи и аммуниціи, и почитай весь багаж шведам в добычу достался. От шведов, как тогда гласилось, в то время побито только 100 человѣк.

Король польскій, будучи тогда в Маріенбургѣ, держал сенатус-консиліум о дѣиствах противу шведов, гдѣ представляли польскіе магнаты, чтоб умножить войск; что король шведскій увѣдав, и в первых числѣх іюня мѣсяца прибыл под Торунь, и совокупясь с генералом Рейншильдом, город осадил.

Король польскій, увѣдав о приходѣ короля шведскаго и оставя Маріенбург, не окончав своих воспріятых намѣреній, пошел тогда к Люблину.

В Торунѣ саксонскій гарнизон около города жилища сжег, и жестоко из города пушечною стрѣльбою оборонялся, и король шведскій видя, что гарнизон силен, и за великим супротивленіем скоро взять онаго не возможно, того для продолжил тое осаду даже до глубокой осени, и велѣл свозить в обоз взятую от саксонцов и поляков артилерію и аммуницію в разных мѣстах; и когда артилерію и аммуницію всее свезли, тогда в первых числѣх октября Торунь велѣл бомбардировать, и жители того города просили саксонскаго генерала Ребеля, который гарнизоном командовал, чтоб город сдал; и хотя он еще держался, однако ж потом принужден по их прошенію учинить, и октября 14 числа на дискрецію город отдал, гдѣ саксонскіе солдаты, которых еще в остаткѣ было болѣе 4000 человѣк, плѣнниками учинены, и посланы были в жестокой зимѣ едва не наги во Швецію, и из них многіе руки и ноги ознобили. С сего города взял король шведскій 100 000 ефимков; да с монахов и с монахинь за то, для чего они во время осады в городѣ в колокола звонили, 60 000 ефимков, а фортификацію городовую велѣл разорить.

В том городѣ и кругом онаго в Прусах польских король шведскій много получил богатства, и великое число взял артилеріи, и совокупя с тѣм, что взято было прежде, отправил на судах рѣкою Вислою до Гданска, а изо Гданска на кораблях морем отвезли в Стокгольм, також и денег многое число контрибучных, которыя остались за удовольством арміи.

Король польскій Август, будучи в Люблинѣ, имѣл сейм и приумноженіи войск, однако ж факцій кардинальских не преодолѣли, и нѣкоторые доброжелательные ко отечеству хотѣли ево, кардинала, тут же на сеймѣ убить; но он хитростію, яко

лисица, от того избавяся, противу всего, что польскіе магнаты на оном постановили, протестовал, чем короля шведскаго болѣе подвиг к гордости.

В ноябрѣ мѣсяцѣ, когда король шведскій овладѣл Маріенбургом, тогда еще болѣе в Польшѣ власть свою зачал являть, а именно: в том городѣ велѣл полицію учредить по шведскому маниру, и лютерским пасторам велѣл в католицких церквах казанья читать.

По взятіи городов Торуня и Маріенбурга король шведскій взял еще в декабрѣ город Елбинг со всею коронною артилеріею, которая туды, яко в регулярную фортецію для сбереженія была собрана, и магистрат того города вынесли ключи, и отдали шведам собою без соизволенія мѣщан, и зимовал тогда король шведскій в польских Прусах.

Февраля в 19 день 1704 года приѣхал к Москвѣ турецкій посол Мустафа ага, который принят на приѣздѣ, и к государю на аудіенцію допущен был с церемоніею публично; а приѣзд его в том состоял, первое: султан в грамотѣ своей писал, объявляя, что он восприял престол султанскій; второе, как в той грамотѣ султанской, так и в его посольских представленіях чинены выговоры, что будто по договору не надлежало было строенію городов быть; а со стороны россійской строятся близ Азова Троицкій, да на Днѣпрѣ Каменный Затон и на Воронѣжѣ всякія суда, и чтоб тѣ построенные города и суда были отставлены: и как к султану о том со стороны нашей отвѣтствовано, то упомянется ниже сего в отвѣтной грамотѣ.

Государь потом из Москвы восприял путь чрез Олонецкую верфь (гдѣ осматривал заложенныя суда) в Санктпетербург, и прибыл марта в 19 день.

А маія 9 числа ходил на море до Котлина острова ко Кронгшлоту на флейтѣ Вельком, который нагружен был артилеріею, и оную артилерію при себѣ на тое новую крѣпость поставил. Потом положено, чтоб корпусу, который в 1703 году был при Петербургѣ, атаковать Корелу, а фелдмаршалу Шереметеву с тѣм корпусом, который был при Ямбургѣ, и зимовал во Псковѣ, атаковать Дерпт (или Юрьев Ливонскій).

Между тѣм же получена вѣдомость изо Пскова от фелдмаршала Шереметева, что когда он, фелдмаршал, будучи во Псковѣ, увѣдомился подлинно о неприятельской ескадрѣ, которую имѣл тогда неприятель на Пейпском (или Чюцком) озерѣ, в 13 судах состоящую: того ради он, фелдмаршал, отправил изо Пскова генерала маіора фон Вердина с частью пѣхоты в лодках, чтобы при самом взломаніи льда вышепомянутую ескадру из устья Амовжи рѣки не выпустить; по которому указу вышепомянутый генерал маіор пришел в устье Амовжи, гдѣ увѣдомился от взятых рыбаков, что оная ескадра уже в курсѣ от Дерпта обрѣтается, и по тѣм вѣдомостям пошел к неприятелю на встрѣчу, и встрѣтя их против городка Кастерска, вступил с ними в бой, на котором помощію Божіею оных неприятелей так побил, что ни едино судно не ушло; но всѣ с людьми, пушками и аммуниціею в руки нашим достались, только одна яхта, именуемая Каролус, от метанія гранат взорвалась; а сколько на них взято людей, пушек и аммуниціи, и какія тѣм яхтам имена, тому при сем роспись:

Имена яхтам и по скольку на которой пушек:

Каролус (взорвался) – 14.
Вахт-Мейстер – 14.
Улрика – 10.

Виват – 10.
Дерпт – 10.
Викторія – 10.

Особливым образцом сдѣланныя.

Олифант – 8.
Нарва – 6.

Брегантины.

Шлипембах – 4.
Нумберс – 4.
Шторм-Фелт – 2.
Горн – 4.
Шкютте – 2.

И того 13 судов, на них пушек – 98.

На вышеписанных судах в полон взято:

Капитанов – 3.
Порутчиков – 9.
Пастор – 1.
Лѣкарь – 1.
Волонтер – 1.
Унтер-офицеров – 8.
Каптенармусов – 2.
Констапелей – 2.
Арсинмес – 1.
Шкиперов – 2.
Капралов – 2.
Боцманов и матросов – 55.
Пушкарь – 1.
Солдат – 49.
Лоцман – 1.
Всего всѣх чинов – 138.
А прочіе побиты.

Маія 20 числа в намѣренный поход воинскій под Корелу пошли Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій полки, и дивизія генерала князя Репнина, водою вверьх рѣкою Невою в судах; также полковник драгунскій и комендант санктпетербургскій Рен, переправясь с полком своим драгунским и с выборною конною ротою дворян новогородских чрез Неву рѣку на Выборскую сторону, пошел туда ж, а артилерія в ластовых судах стояла уже в готовности у Шлютелбурга.

И того ж маія 20 числа в ночь получена вѣдомость из обоза от окольничаго Петра Апраксина, который по указу стоял тогда (с пятью полками пѣхотными и с двумя конными), перешед от Ямбурга на взморье, на устьѣ рѣки Наровы (для блокады города Нарвы с моря), что неприятельскій вице-адмирал Депроу со флотом пришел морем к самому Нарвскому устью, и начал по тому обозу с кораблей стрѣлять из пушек и метать бомбы, чтоб как пройти ему рѣкою на помощь к Нарвѣ, и провесть провіант и людей, также и сухим путем от Ревеля генерал

маіор Шлипенбах с войском конечно намѣрился прити оборонять Нарву, и вице-адмиралу свободный к городу проход учинить.

И по оной вѣдомости тотъчас принуждены поход оный под Корелу отставить, и возвратились к Петербургу, и оттоль пошли тѣ войска к Нарвѣ в 21 числѣ маія сухим путем, и пришли первые к Нарвѣ, гдѣ господин Апраксин стоял с обозом, в 26 день того ж мѣсяца; и собирались к вышепомянутому мѣсту оные полки на устьѣ Наровы близ помянутаго обоза маія до 30 числа. Между тѣм же ото Пскова пришли драгунских 3 полка, Остафьев, Горбов, Флюков; а мост чрез Нарову в то время пѣхотными полками, которые были под командою господина Апраксина, выше его обоза уже был наведен.

В 30 день вышепомянутые пѣхотные и конные полки, кромѣ тѣх, что у Апраксина, переправлены по учиненному мосту на другую сторону рѣки Наровы, на которой город Нарва, и стали в лагерь, и город кругом блоковали, а артилерію велѣли везть сухим путем из Петербурга, что с великим трудом учинено; а часть аммуниціи морем в лодках возлѣ берегов везли.

А господин Апраксин оставлен был в траншаментѣ своем, гдѣ и прежде стоял, на устьѣ Наровы с пятью пѣхотными и двумя конными полками, которые послѣ всѣ переведены к Иваню городу для блокады онаго.

Тогда неприятельскій флот стоял еще на морѣ при устьѣ Наровском, из котораго іюня в 3 день по великом штурмѣ сорвало с якорей 2 судна с провіантом и с людьми, и прибило тѣм штурмом близ устья и посадило на мѣль, которыя от наших взяты с двумя их поручиками и с 70 человѣки солдат и матросов: в то время из неприятельскаго флота нѣсколько воинских кораблей стояло так близко берега, что оные можно из пушек разбить; но тогда артилерія наша еще не бывала, но только нѣсколько желѣзных пушек было в полках у господина Апраксина стараго и зѣло худаго литья, из которых двѣ привезли, и как почали стрѣлять, то обѣ при первом выстрѣлѣ разорвало, и пушкарей одного ранило, другаго убило; и по полученіи из города нѣкоторых полонеников увѣдано, что комендант нарвскій ожидает вскорѣ на помощь к себѣ от Ревеля генерала маіора Шлипембаха с войски, и против того вымышлена послѣдующая воинская стратагема (или хитрость), дабы неприятелей из города выманя, от знатных языков о всем вѣдомость получить; и для того іюня в 8 день заведено нѣсколько наших пѣхотных и драгунских полков скрытно на Колыванскую (или Ревельскую) дорогу к каменной Санкт-Петерс-Кирхѣ к урочищу Тервако, а именно: пѣхотныя, Семеновскій, Ингерманландскій, которые имѣли синій мундир; а на драгунскіе собраны были и надѣты синія епанчи, и прибраны знамена таких же цвѣтов, подобно как у шведских войск бывают; а с другую сторону наше войско убравшись строем шло, аки бы на отпор оному на сикурс идущему мнимому свѣйскому войску, и тако притворные шведы учиня из двух пушек шведскій лозунг (и против того и с города тот час равною стрѣльбою учинили отвѣт, по том вскорѣ из четырех пушек, на что також получили из города отвѣт; и когда уже в надеждѣ были, что неприятеля конечно обмануть), начали к нашему войску сближаться, и как передовыя партіи сошлись, начали наши нарочно уступать, и в смущеніи к войску бѣгать, да и самое войско в лагерѣ також нарочно аки бы мѣшалось; и тѣм тако нарвинскій гарнизон прельщен, что конечно они чаяли генерала маіора Шлипембаха к себѣ на помощь идущаго; и как оба войска сошлись, и по нѣскольким залпам как из пушек, так и из

мѣлкаго ружья, рускіе будто уступать в смущеніи и непорядочной стрѣльбѣ, а притворные шведы порядочно идучи, и залпы стрѣляючи, будто к городу пробиваться стали; то комендант Горн видя, выслал из Нарвы для провѣдыванья и провожанія в город (мня приход своих войск) подполковника Маркварта с нѣсколькими офицерами и за ними нѣсколько сот пѣхоты и конницы.

И тако тѣ офицеры въѣхали в самыя руки мнимаго войска Шлипембахова, кричучи велько м (то есть добро пришли), и от них в полон взяты, что увидя, прочіе шведы, из города идущіе, в великом страхѣ назад побѣжали.

Но в залогѣ поставленные драгуны под командою полковника Рена, також и Преображенскаго полка солдаты выскоча на них напали и до самаго контрскарпа их гнали, и нѣсколько сот побили, и нѣсколько десятков в полон взяли, а именно:

Вышеписанный подполковник Маркварт.

Ротмистр Коноу.
3 прапорщика.
Рейтар.
4 капрала.
10 рядовых.
1 драгун.
1 матрос.

Солдат.

1 капрал, 10 рядовых, 2 гобиста.
И иных разных чинов людей 12 человѣк.
Всего 46 человѣк.

И тако сим изрядным и хитрым воинским умыслом Нарву в великое смятеніе и отчаяніе привели, и о всем состояніи оной от тѣх извѣстных офицеров со удовольством увѣдомились.

Во время того дѣйствія имѣли вышнюю команду, а именно: с мнимой шведской стороны сам государь; с россійской генерал князь Репнин, да губернатор ингерманландскій Меншиков.

Потом начаты дѣлать к Нарвѣ апроши и батареи и кетели с иванегородской стороны.

Тогда же пріѣхал призванный в службу его величества фельдмаршал лейтенант Огилвій, которому у Нарвы команда поручена: потом его величество и с генералитетом ѣздили к Вайварским горам, гдѣ велено дѣлать линіи 2 для препятія неприятельскаго сикурса.

Между тѣм же получены многія вѣдомости от Дерпта от генерала фелдмаршала Шереметева, что атака дерптская іюня в первых числѣх началась: однако ж зѣло медленно шла; а в 27 день іюня в полдни неприятель учинил из Дерпта вылазку под командою полковника Тизенгаузена и подполковника Бранта, с которыми было человѣк с 1000; однако же оные от наших так встрѣчены, что вышереченный подполковник со знатным числом офицеров и солдат на мѣстѣ остались, и при том в полон взяты 2 капитана, 1 прапорщик, 7 солдат.

И для того, что атака медленно чинится, его величество в 30 день іюня от Нарвы путь свой во оный лагерь к Дерпту восприял до Сыренска сухим путем; а оттоль чрез Цейпское озеро на двух взятых шведских яхтах.

Іюля в 3 день прибыл его величество к Дерпту, и осмотря ситуацію того города, указал батареи и кетели дѣлать из-за Амовжи рѣки против ворот, именуемых Руских; понеже тут только старый мур или стѣна одна каменная была с одним равелином земляным, а апроши весть на той сторонѣ, гдѣ город, от горы чрез болото к башнѣ, называемой Пейсторн, близ ворот, именуемых Пуских стоящей; а старыя апроши только для вида содержать слѣпыми; понеже оныя не в удобном мѣстѣ, а именно, не в том мѣстѣ, гдѣ фортеція слабже, но гдѣ всѣх мѣст крѣпчае, ведены были только для того, что сухо мѣсто.

В 4 и 5 числѣх пушки на батарею и мортиры в кетели поставлены.

В 6 день по полудни начат бреш стрѣлять в башню, именуемую Рускія ворота.

В 7 день продолжали оную стрѣльбу по той же башнѣ.

В 8, 9 и 10 числѣх стрѣляли по куртинѣ, между Руских ворот и Пейсторн.

В 11 день стрѣляли в помянутую башню, Пейн нареченную; между тѣм же оныя апроши приведены до самой рѣки, и сдѣлана батарея, на которой поставлены 6 гоубиц и 7 пушек.

Во 12 день стрѣляно по всѣм вышеписанным трем брешам по новой непріятельской работѣ. Того же вечера посланы 300 человѣк солдат с подполковником с Михайлом Жидком для захвачиванья поста у самых полисад от рѣки Амовжи против Руских ворот, при том же и мост чрез рѣку навели для помочи нашим (понеже в приближеніи линій не малый труд был от неприятельской стрѣльбы); что неприятели увидѣв, почаяли приступу быть, тот час многолюдством вышли и крѣпкій отпор давать учали; что принуждены и с нашей стороны помощь своим дать: то видѣв неприятель, своих людей паки умножил; против того и с нашей стороны также учинено: и тако по росло дондеже нашим мѣста не было (ради многолюдства); а неприятель то видя, вящще прибавливал своих, и чтоб наших при таком случаѣ отбить; и наши видѣв, что указа в закопываніи исполнить не возможно, мужественным сердцем прорубая полисад, вломились к неприятелю, и онаго в бѣг обратили, и равелин (который защищал Рускія ворота) шпагою взяли, на котором пять неприятельских пушек обрѣли, которыя поворотя чрез бреш, в ворота стрѣлять почали, при которой стрѣльбѣ и в вышеренную воротнюю башню вошли, выломав одни затворы; а у других неприятель еще крѣпко держался: но когда наши крѣпко и к другим приступали, то неприятели в своей десперацiи привезти полкартаун, дробом по наших стрѣляли, чрез который способ вящще сами свои затворы воротные разорили (между тѣм же, как комендант сказывал, 4 барабанщика, которые шамад били, убиты; понеже в стрѣльбѣ наши не слыхали); но потом чрез трубача шамад трублен, и сіе едва в жестоком своем распаленіи наши услышали и с великим трудом озлобленных солдат уняли. По том чрез необычайную милость (понеже уже наши в воротах были) на аккорд выпущены без знамен и ружья: но когда комендант о оном зѣло бил челом, как чрез посланнаго в город полковника Рыдера, так потом и сам выѣхав просил, на которое ево прошеніе ради мужественнаго их супротивленія позволено офицерам шпаги, и третьей долѣ солдатам ружье отдать. И тако сей праотечественный город чрез помощь Вышняго, и мужеством войск наших возвращен іюля в 13 день.

Сей огненный пир пребывал от вечера даже до другаго дни до 9 часов. На том нечаемом приступѣ побито наших 1 полковник, прочих офицеров 16 персон, солдат с 300 человѣк, да ранено с 400.

А с неприятельскую сторону, как оные сами сказали, побито в приступѣ 1 подполковник, 12 капитанов, 8 порутчиков, 10 прапорщиков, 780 человѣк урядников и солдат.

В сем же городѣ взято артилеріи:

МЕДНЫХ

Пушек – 8.

Дробовиков – 5.

Фалконетов – 8.

ЧУГУННЫХ

Пушек – 76.

Мортир – 18.

Гоубиц – 6.

Дробовиков – 11.

При взятіи города было россійской артилеріи:

Пушек – 24.

Мортир – 15.

Гоубиц – 7.

По взятіи оной крѣпости и по осмотрѣніи оной учинено благодареніе Богу с троекратною пушечною и мѣлкаго ружья стрѣльбою. И по тому государь возвратился паки в обоз к Нарвѣ чрез Чуцкое ж озеро на тѣх же шведских яхтах со взятыми в Дерптѣ конными и пѣхотными знамены іюля 17 числа.

А между тѣм временем артилерія из Петербурга к Нарвѣ в наш лагерь уже была привезена; а ранѣе того исправиться было не возможно для того, что везли оную, как выше помянуто, сухим путем.

Іюля в 20 день послѣ полуден видна была великая метеора образом бомбы, которая от зюйд-оста летѣла на норд-вест, и весьма была велика и высока.

Іюля в 30 день, в воскресеніе по отправленіи Божественныя службы, по учиненному лозунгу, в полдень в обозѣ из трех пушек начали с батарей из пушек у Нарвы бреш по бастіону Викторіи стрѣлять во обоих фасах онаго, також из мортир бромбардировать, и с начала учинена та стрѣльба залпом, и по том непрестанно продолжена (и от того учинилось в городѣ немалые пожары, между которыми взорвалась лабораторія неприятельская с превеликим огнем и треском от бомб и гранат в ней лежащих): оная была даже до 9 дня августа мѣсяца по вся дни; пушечная от утра даже до вечера каждаго дни; а из мортир и ночи не преставая.

Того же іюля 30 дня пришли полки пѣхотные от Дерпта под командою генерала маіора фон Вердена в обоз к Нарвѣ, и поставлены с той стороны выше Нарвы, и вели шанцы слѣпые.

А фелдмаршал Шереметев с конницею пошел к Виварским горам к вышепомянутым линіям.

Августа во 2 день взяли 2 человѣк шведских урядников у Иваня города, которые посланы были для досмотра караулов наших.

В 3 и 4 числѣх были из Нарвы 2 перебѣжчика: драгун, да гранодер.

В 6 день во время службы Божіей получена в лагерѣ вѣдомость, что с бастіона, именуемаго Гонорафас, и с него земляный бруствер обвалился весь в ров (знатно, что от многаго метанія бомб наших), и тою землею рва большая часть

засыпана, между тѣм же стрѣльба по бастіону Викторіи непрестанно продолжена, и уже не малый бреш учинен, и для удобнѣйшаго разоренія фланков на мортиры сдѣланы новыя кетели у контроскарпа на 5 мортир, с которых бомбы метаны непрестанно на неприятельскіе фланки (с которых могли очищать стрѣльбою бреш), и тѣм великый вред пушкам их приключило, так что на двух двойных фланках осталась одна пушка от 70. Того же числа послѣ полудни посылан в апроши из Дерпта выпущенный по договору шведскій комендант полковник Шкитте, дабы видѣлся с комендантом нарвенским Горном, для увѣренія, что Дерпт взят, и какая милость от государя ему, коменданту, и всему дерптскому гарнизону показана, и при том послано от господина втораго фелдмаршала Огильвія к помянутому нарвенскому коменданту об объявленіи того с барабанщиком писмо; но Горн с ним видѣться не похотѣл, только видѣлись нѣкоторые офицеры, и на то писмо обѣщал Горн отвѣт дать на завтрѣе, и просил до тѣх мѣст армистиціум: но генерал фелдмаршал того ему не позволил, но послал того ж вечера с полковником Повишем писмо к нему, коменданту, увѣщательное о сдачѣ, чтоб он видя, что бреш учинен, и Бог сам бастіон Гонор разрушил, сдался, обѣщая ему по прикладу иных гарнизонов государеву милость, и честный акорд предлагая; что ежели того не примет и до приступа допустит, то б уже никакой милости себѣ по том и договора не ожидал; и при отданіи того писма велено ему сказать, чтоб он, комендант, на сіе заутра с барабанщиком писменно отвѣт учинил; а между тѣм стрѣльба и бомбардированіе (как из больших, так и из малых 6 фунтовых мортир) от наших продолжено было, чтоб неприятелю не дать разоренных своих крѣпостей и бреша задѣлывать. Между тѣм же по контрскарпу сдѣлана линія для мушкетеров, дабы наших идущих на штурм очищать могли.

В 7 день выслал нарвенскій комендант Горн отвѣтное писмо с барабанщиком, в котором он отговаривался, что города сдать без указа короля своего не может, но чает его оборонять довольно до выручки, и будет ожидать крайней мѣры (и при том наносил нѣкоторыя хульныя слова), и того же числа отправлен воинскій генеральный совѣт о приступѣ, и по добром расположеніи, присовѣтовали генеральный приступ учинить, и указано генералу фелдмаршалу Огильвію опредѣлить и росписать к тому приступу изо всѣх полков командированных людей.

Августа в 8 день приступныя лѣсницы в апроши скрытно отнесены, також и со всѣх полков пѣхотных и из драгунских гранодеры взяты и в апроши посланы, которым велено непрестанно на бастіоны гранаты метать из ручных мортиров, також сдѣлана противу фланка бастіона Викторіи у самаго контроскарпа батарея из 4 пушки для стрѣльбы во время штурма.

И того ж 8 числа ночью против 9 дня посланы в апроши для штурма, и отстрѣливанья оные к тому командированные люди; а по утру 9 дня и прочая пѣхота, выступя из обоза, стала не подалеку от апрош; а пред тѣм посланы в ров с лѣсницами винные солдаты, которые бѣжали из полков по домам, и велено им оныя лѣсницы ставить ко обрушенному бастіону Гонору; и того же числа по полудни о 2 часах тот приступ начался по данному лозунгу из 5 мортир к бастіону Викторіи, гдѣ учинен бреш под командою генерала порутчика Шенбека; а к бастіону Гонору, у котораго фас обвалился, под командою генерала маіора Чамберса, к равелину против бастіона Глоріи под командою генерала маіора Шарфа, всѣ с лѣсницами ж; и тако тот приступ со всѣх стран толь мужественно от офицеров

и рядовых учинен, не смотря на все от неприятеля учиненное жестокое супротивленіе и взорваніе под брешом подкопа и скатыванія множества великих штормфат (или приступных бочек) и прочаго, в три четверти часа наши на бастіоны, перво на Гонор, под командою генерала маіора Чамберса Преображенскаго и прочих полков взошли, и неприятеля огнем своим ко уступленія стѣн принудили, потом на бреш и на третій бастіон чрез равелин взошли, и тако за ними гнались даже до стараго каменнаго города; и комендант, видя такое мужественное наступленіе, велѣл немедленно ворота того стараго города затворить и шамад бить (и сам рукою кулаком в барабан бил); но наши того слушать не хотѣли (и многих барабанщиков побили), и на стѣну того города немедленно взошли и в ворота вломились: и тако далѣе и в замок вошли, гдѣ не малое число шведов побито, и едва иванегородскій комендант ворота Иваня города от наших затворить возмог; ибо они до самых ворот за бѣгучим неприятелем гнали, и всѣ кругом сдѣланныя крѣпости у Иваня города овладѣли, и всего того меньше двух часов было. И тако сей гордый комендант нарвенскій в бѣдственную погибель и расхищеніе гарнизон и граждан упорностію своею привел; и ежели бы солдаты наши не были от кровопролитія уняты, то бы мало кто остался. И того же числа посылан тайный секретарь Петр Шафиров к Иваню городу, и говорил, дабы комендант немедленно сдался на милость и волю царскаго величества, инако же бы потом не ожидал себѣ никакой милости и пощады; на что именем его офицер отвѣщал: дабы дали ему срок посовѣтовать и выслать предложеніе свое на писмѣ.

Августа в 15 день отправлено в Нарвѣ за побѣду Господу Богу̂ благодареніе при троекратной пушечной и мушкетной стрѣльбѣ.

В 16 день иванегородскій комендант по учиненной пересылкѣ сдался на договор, и выпущен гарнизон без знамен и барабанов с ружьем, и провожена часть его по желанію их сухим путем; а другая морем на судах в Ревель, третяя в Выборг.

А что в сих крѣпостях взято в полон людей, и получено артилеріи и аммуниціи; також сколько с россійской стороны на том приступѣ побито и ранено, тому при сем роспись.

В НАРВѢ ВЗЯТО В ПОЛОН.

Генерал маіор и комендант барон Горн.
Полковники.
Лот, Ребиндер, Опалев, Ферсен, Мурат и того 5 человѣк.
Подполковников – 4.
Маіоров – 5.
Ротмистров – 3.
Капитанов – 19.
Порутчиков – 62.
Адъютант – 1.
Корнетов – 4.
Квартермистров – 4.
Дворян – 4.
И того: 117.
Артилерійских офицеров и служителей – 125.
Солдат – 1600.

С начала осады было в гарнизонѣ нарвском.

Пѣхоты – 3175.
Конницы – 1080.
Артилерійских – 300.
И того: 4555.
Артилеріи и прочих припасов получено: мортир 29, в том числѣ мѣдных 4.
Гоубиц мѣдных – 2.
Дробовиков 9, в том числѣ мѣдных – 7.
Пушек 392, в том числѣ мѣдных – 50.
Да 2 пушки мѣдяжныя ж 2 фунтовыя из земли выкопаны.
Фалконетов – 10.
Дробовиков коротких чугунных – 63.
Фузей – 11 200.
Пистолетов – 1592 пары.
Ядер пушечных – 65 241.
Картечь – 3706 выстрѣл.
Бомб – 4647.
Ручных гранат – 34 328.
Пороха – 2449 центнеров.
Лат и кирасов – 1183.

Дробовых пуль, гранатиых трубок, фитиля, свинца, сѣры, селитры, шпаг, и клинков, баіонетов, кашкетов, шишаков, сапогов, башмаков довольное число.

В ИВАНѢ ГОРОДѢ АРТИЛЕРІИ ПОЛУЧЕНО.

Чугунных

Мортир – 7.
Гоубиц – 4.
Дробовиков – 22.

Пушек 95, в том числѣ мѣдных 13, фузей 370, лат 450, шишаков 639, ядер 16 155, пороха 2041 центнер; гранат, картечей, пуль, фитиля, свинца, селитры довольное число.

При той атакѣ было россійской артилеріи:

Пушек – 66.
Мортир больших – 26.
Малых мортирцов – 7.
Гоубица – 1.

В ту осаду выстрѣлено по городу:

Пороха – 10 003 пуда.
Ядер – 12 358.
Бомб – 5714.

С россійской стороны на тѣх приступах побито:

Полковник – 1.
Подполковник – 1.
Маіор – 1.
Капитанов – 3.
Порутчиков – 2.
Прапорщик – 1.

Урядников – 13.
Писарь – 1.
Капралов и солдат – 335.
Барабанщик – 1.
И того: 359.
РАНЕНО:
Полковников – 2.
Подполковников – 2.
Маіоров – 4.
Капитанов – 15.
Порутчиков – 11.
Урядников – 64.
Писарей – 2.
Капралов ит рядовых – 1237.
Барабанщиков – 3.
И того: 1340.

В том же 1704 году король шведскій старался, дабы королем польским возставить воеводу познаньскаго Лещинскаго; а кардинал Радзѣевскій хотя его был и единомышленник, однако ж не желал того, чтобы Станислав был возстановлен; но чтоб кого выбрать из Франціи из принцов крови; а и поляки, которые шведской партіи были, склонности не являли ко Станиславу, чтоб он королем возстановлен был: но не смотря на то король шведскій прибыв в Варшаву 12 іюля, онаго Станислава Лещинскаго королем польским возставил; и оный чрез епископа познаньскаго королем проклямован, чем коронный гетман Любомирскій, и прочіе поляки были весьма не довольны: и по том оный коронный гетман Любомирскій по немногом времени от шведской партіи отступил, и пристал к законному своему государю королю польскому. В том году и во время выбиранія Станислава королем, был король польскій Август в Сендомирѣ, гдѣ учинена конфедерація противу Станислава и его адгерентов, и учинен маршалком конфедераціи мечник коронный граф Денгоф, с которой конфедераціи поляки ко всѣм государям протестаціи свои объявили, что противно их волѣ Станислав выбран от короля шведскаго, и они его не признавают.

По том король польскій был в Ярославлѣ; а король шведскій за ним с войски к Сендомиру ходил, також и к Ярославлю, и были между шведскими и саксонскими войски в разных мѣстах партіями стычки.

Того же года король шведскій 11 сентября Львов взял, и тамо заарестованных турок и татар, дав на дорогу денег, отпустил.

В то же время имѣли вѣдомость, что король Август незапно пришед в Варшаву, взял шведов с 600 человѣк в полон с их знатными офицерами, и при том и бискупа познаньскаго, котораго по взятіи в Рим сослал, и едва не поймал и примаса и кардинала Радзѣевскаго: а по том король Август собрав саксонцов, поляков, и присовокупя россійскіе помощные полки, осадил город Познань; что услыша король шведскій немедленно пошел с своим войском его атаковать; того для король Август оставя осаду армію свою распустил разными колоннами, из которой 11 полков саксонской кавалеріи ко Кракову на квартиры пошли, а 4000 саксонской инфантеріи с 500 кавалеріи и 8000 человѣк помочных войск россійских

пошли к Саксонiи, и наперед шли саксонцы, которыми командовал генерал Шуленбург, и как слух был, что на маршѣ близ города, называемаго Лешня, король шведскiй с 8000 своей кавалерiи их атаковал; но Шуленбург учинил баталiон де каре: и хотя шведы пятикратно на них жестоко нападали; однако преодолѣть не могли, и поле оставили саксонцам, гдѣ со шведской стороны убито и ранено с 1200 человѣк; да взято в полон 100 человѣк, 4 штандарта, пара литавр; и послѣ той акцiи, он, король, саксов, идущих другою колонною, гдѣ и рускiя войска были, догнал и под Фрауштатом имѣл с ними бой, и поле одержал; однако ж большая часть отошли в Саксонiю, токмо багаж и нѣсколько пушек король шведскiй получил.

Во время нарвскiя осады прiѣзжал к государю гетман полный литовскiй Огинскiй, и стражник литовскiй Заранок просить помощи против непрiятеля.

Також прислан был тогда от его королевскаго величества и от всей Рѣчи Посполитой польской великiй и полномочный посол воевода хелминскiй господин Дзялинскiй, с которым августа в 19 день заключен наступательный и оборонительный союз противу Швецiи, которым государь обѣщал им под команду короля их дать на помощь 12 000 пѣхоты со пристойным удовольствованiем как артилерiи, пороха и иных припасов, и с довольством жалованья им надлежащаго безо всякаго за проторы от Рѣчи Посполитой воздаянiя; а Рѣчь Посполитая как корона, так и княжество литовское обѣщали содержать, и в 1705 году имѣть на лицо кавалерiи 21 800, пѣхоты 26 200, на которое войско государь обѣщал послать 200 000 рублев, и в предбудущiя лѣта, пока та война пребывать будет, и шведы в Польшѣ обрѣтаться будут, и они поляки столько на лицо войска имѣть будут, обѣщано на всякiй год давать по двѣсти тысяч рублев безо всякой претензiи: они ж тѣм трактатом обязались, что ежели неприятель из Польши изженется, тогда как король и Рѣчь Посполитая даже до учиненiя общаго с неприятелем покоя всѣми силами в государствах свѣйских воевать, крѣпости добывать, и сѣдалище войны туды ж перенести; також он, посол, по силѣ своей полной мочи просил его царское величество, именем его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой о немедленной помощи и вступленiя войск в Польшу, опричь того что во оном трактатѣ обѣщано, в Польшу послать 12 000 войск россiйских.

Между тѣм же временем отправлен был от Нарвы генерал маiор Рен во Естляндiю с нѣсколькими полками драгунскими, и имѣл с неприятельскою конницею (которая была при урочищѣ Везенберг, под командою генерала маiора Шлипембаха), нарочитую акцiю, и неприятеля с мѣста сбил, и взял в полон полковника Вахмейстера с нѣсколькими персонами обер-офицеров и с нѣсколькими десятками рядовых, да двѣ пушки и нѣсколько знамен.

Августа в 19 день его величество из Нарвы путь свой восприял в Дерпт со всѣми министрами и генералитетом для показанiя им оной Дерптской фортецiи, и прибыл в Дерпт августа 28 дня, и быв там нѣсколько дней его величество, (отпустя министров своих и генералитет в Нарву), воспрiял свой путь на Псков и на Новгород (и был в новой Ладогѣ, который город вновь поселить велено жительми старой Ладоги на самом Ладожском озерѣ, гдѣ впадает во оное озеро рѣка Волхов, которое мѣсто его величество прежде присмотрѣл сам за полезное быть к коммерцiи); и по том его величество поѣхал на Олонецкую верфь, и прибыл на Олонецкую верфь (а что там дѣлалось, о том упомянется ниже сего).

В то же время генералу князю Репнину дан был указ, чтоб он по трактату учиненному с королем польским и Рѣчью Посполитою в 12 полках, в том числѣ с 6 пѣхотными и с 6 конными, от Нарвы шел за Литовскій рубеж к Друѣ и к Полоцку, и будучи в маршѣ имѣл корреспонденцію о неприятельских обращеніях с литовскими гетманами; ибо имѣли тогда вѣдомость, что неприятель имѣл свой марш к Биржѣ, по которому указу он, генерал князь Репнин, пошел, и с ним два генерала маіора при конницѣ Рен, при пѣхотѣ Шарф: и пришед во Псков сентября в 8 день, генерала маіора Рена с драгунами отправил он за литовскій рубеж к Друѣ, и велѣл оному случася с генералом маіором Корсаком (который был у Друи со смоленскою шляхтою, да с рейтарским и драгунским и двумя стрѣлецкими пѣхотными полками) чинить с совѣта литовских гетманов над неприятелем поиск.

По том он, генерал князь Репнин, сентября в 25 день с пѣхотными полками пошел, раздѣляся на два тракта, а именно: генерала маіора Шарфа с тремя пѣхотными полками отправил прямо к Полоцку; а сам с другими тремя полками пошел другим трактом, который лежит к Друѣ, за генералом маіором Реном: и в 27 день, будучи в маршѣ, получил он вѣдомость, что бирженскій гарнизон неприятель взял, и для того генерал маіор Рен до Биржи не доходя поворотился назад к Друѣ, куды и генерал князь Репнин с пѣхотою прибыл, гдѣ были и литовскія войска; и по нѣскольких днях с совѣта гетмана Вишневецкаго опредѣлили итти генералу маіору Рену с драгунскими полками паки к Биржѣ; а перед собою послать партію, чтоб о неприятелѣ подлинно увѣдомиться, куда он, генерал маіор Рен, и пошел, и чрез нѣсколько дней получена от него, генерала маіора Рена, вѣдомость, что шведы увѣдав о партіи, которую он посылал (с полковником Флюком в 1200 человѣках), разоря Биржу ретировались в Курляндію и артилерію вывезли, только застали в Биржѣ одного артилерійскаго поручика и 2 пушкаря.

По том он, генерал князь Репнин, в октябрѣ мѣсяцѣ пошел на винтер-квартиру в Полоцк, а генералу маіору Рену велѣл итти с драгунскими полками к Жмудам, куда и гетман Вишневецкій с литовским конным войском послѣдовал.

Государь по прибытіи своем на Олонецкую верфь осматривал корабельныя работы и заложенные 6 фрегатов и 9 шнавов, обрѣл уже почитай всѣ в отдѣлкѣ, и спустил их при себѣ на воду, и еще заложил корабль длиною в 110 футов.

Октября в 1 день с Олонецкой верьфи поѣхал, и прибыл со оными фрегатами и шнавами в Петербург того ж октября в 5 день; и при прибытіи своем в Санктпетербург, осмотря мѣсто на берегу рѣки Невы, заложил для строенія кораблей адмиралтейскую верфь, и указал оную фортецією укрѣпить: а заложа оную, побыв немного в Санктпетербургѣ, поѣхал сухим путем в Нарву, и прибыл туда ноября во 12 день.

Ноября в послѣдних числѣх от генерала князя Репнина получена из Полоцка вѣдомость, что с полковником Флюком посылана была другая партія в 1000 человѣках, который случась с войском гетмана Вишневецкаго в Жмудах, напали на сапѣжинское войско, котораго конницу всее разбили, и нѣсколько сот пѣхоты, также и 6 пушек взяли: а о шведском войскѣ имѣли тогда вѣдомость, что которые были при границѣ Курляндской, и оные пошли большая часть к Ригѣ, а достальные не большое число осталось в Курляндіи по гарнизонам.

И по тѣм вѣдомостям генерал князь Репнин вскорѣ отправил из Полоцка генерала маіора Шарфа с тремя полками солдатскими, да с двумя стрѣлецкими в Вильню для занятія поста.

По возвращеніи государя с Олонецкой верфи в Нарву, из Санктпетербурга призван был в Нарву турецкій посол Мустафа Ага, гдѣ дана ему Абшит-аудиенція, и на представленія его, о чем выше помянуто, к султану турскому грамотою отвѣтствовано о строеніи городов и судов с резоны и сильными доказательствы, что все то чинится не противно мирному трактату, поставленному между Россіею и Портою, и сослалось болѣе в том на представленія посла при Портѣ Оттоманской пребывающаго господина Толстаго, и с тѣм оный отправлен чрез Москву в Царь град.

Декабря в 6 день государь из Нарвы путь свой восприял к Москвѣ, и прибыл на Бутырки того ж декабря в 15 день, и жили на Бутырках до 19 числа для того, что дожидались из Нарвы и Дерпта артилеріи, взятых шведских мѣдных пушек и мортир, и дождавсе тѣх, вошли в Москву с тріумфом декабря в 19 день, для котораго торжественнаго входа сдѣланы были семеры вороты Тріумфальные; а вход был слѣдующим образом:

1. На переди шла рота гранодеров, пред которою ѣхал капитан гвардіи князь Василій Лукин сын Долгоруков.
2. По том шли два баталіона гвардіи Преображенской, между которыми в срединѣ несены неприятельскіе воинскіе знаки, а именно: флагов морских 14, знамен сухопутных 40.
3. За ними слѣдовал своею особою государь с генералитетом.
4. По том шли половина полка гвардіи Семеновской, между которыми в срединѣ везены были взятыя шведскія 80 пушек мѣдных.
5. Шли половина полка Ингерманландскаго, между которыми шел плѣнный генерал маіор и комендант нарвскій Горн и прочіе плѣнные штаб и обер офицеры, которых 159 человѣк.
6. В замкѣ был генерал фелдмаршал Огилвій; и сей торжественный вход был по Тверской и по Мясницкой улицам до Преображенскаго тѣм же путем, как по взятіи Шлюссенбурга: и в первых Тріумфальных воротах, которые сдѣланы были богатым иждивеніем на Красной площади у Казанской церкви встрѣтил государя Стефан митрополит рязанскій, и говорил ему, государю, похвальную рѣчь: а в других воротах у Иконнаго ряда привѣтствовали латинских и греческих школ учители с учениками ораціями.

Також и в прочих воротах от знатных и ученых людей были поздравленія.

А с Кремля и с Китая изо всѣх пушек во время того входа была стрѣльба.

На Москвѣ его величество был декабря от 19 февраля по 18 число 1705 года. И по том поѣхал на Воронѣж; а князя Меншикова тогда государь отправил с вышепомянутыми полками в Польшу к Полоцку; и прибыл его величество на Воронѣж февраля в 22 день, гдѣ был апрѣля до 19 числа; осматривал корабельныя и прочія работы, и спустили на воду о 80 пушках корабль именуемый Старый дуб; и по том паки поѣхал к Москвѣ, и прибыл апрѣля в 27 день.

В тѣх же числѣх получена вѣдомость, что генерал маіор Рен, будучи в Жмудах, посылал партію с полковником Остафьевым, который наѣхал шведов и сапѣжинцов, и оных побил со 100 человѣк, да в полон взял шведов 9, сапѣжинцов 6.

Нашихъ на том бою убито 16 человѣк, да ранено 8. По том в скором времени получена вѣдомость, что генерал маіор Рен посылал партію ж, которая на дорогѣ в корчмѣ наѣхала шведскаго сержанта, посланнаго из Риги к войску сапѣжинскому с писмами, и того сержанта, також и сапѣжинцов нѣсколько человѣк в том мѣстѣ взяли: да по посылкѣ от него ж, генерала маіора Рена, полковник Горбов в Жмудах, в мѣстечкѣ Плунгах, напал на шведов, гдѣ было их с 600 человѣк, и был с ними бой, на котором бою шведов нѣсколько десятков человѣк побито, также нѣсколько и в полон взято, а достальные ушли.

Маія в 5 день намѣрен был его величество с Москвы ѣхать на почтѣ к арміи в Полоцк; но за жестокою тогда приключившеюся болѣзнію, лихорадкою, был на Москвѣ до 30 числа того ж мѣсяца; гдѣ взяв день рожденія своего, на другій день, то есть 31 дня по утру рано поѣхал с Москвы на почтѣ к войску до Полоцка, и прибыл в Полоцк іюня во 12 день: а прежде того государева прихода уже в Польшѣ с войски обрѣтались генерал фелдмаршал Шереметев и фелдмаршал Огильвій, и всѣ случилися в Полоцкѣ обще с войски под командою генерала князя Репнина.

Іюня в 14 день получена вѣдомость из Санктперебурга от вице-адмирала Крейца в Полоцк о приходѣ неприятельском к Котлину острову, и каким образом то дѣйствіе было, тому при сем слѣдует:

РЕЛЯЦІЯ

Іюня в 4 день по утру, когда вѣтр был W. N. W., увидѣли неприятельскій флот, на всѣх парусах идущій к Котлину острову, состоящій в 22 кораблях, в том числѣ 7 кораблей линѣйных от 64 до 54 пушек, 6 фрегатов от 28 до 36 пушек, 2 шнавы, 2 бомбардирскіе, 2 брандера, еще два судна по 40 пушек плоскодонныя, одно судно с провизіею. Командовал тѣм флотом адмирал Анкерндтерн, вице-адмирал Депру, шаутбенахт Шпар, и не дошед до Кроншлота с милю небольшую, стали на якорь; а около 10 часа пред полуднем из онаго неприятельскаго флота 6 фрегатов, подняв парусы, пошли под самыя пушки кроншлотскія; також фрегатов наших и галер стоящих у онаго к нашим пловущим рогаткам, которыя на якорях лежали поперег фарватера между косы Кроншлотской и Котлина острова, и как стали приближаться, то из наших галерных пушек, да с батареи, именуемой святаго Іоанна, оных втрѣтили, от чего немедлѣнно поворотились паки к большому флоту, и пошли к Копорскому берегу, и высадя на берег 1000 человѣк, нѣкоторыя небольшія жилья там пожгли.

На другій день, то есть іюня в 5 день по утру, вѣтер был W., изрядная погода; около 8 часа неприятельскій флот весь начал приближаться к нашей ескадрѣ, и стали на якорь от нас в пушечном выстрѣлѣ; а шаутбенахт Шпар с своею ескадрою стал у Котлинской косы от Веста близ берега (гдѣ имѣл пост полковник Толбухин, с одним только полком и тремя полковыми пушками), и палил из пушек своей ескадры на тое косу довольно; однако ж ни малаго поврежденія оною стрѣльбою нашим не учинил, для того что помянутый полковник Толбухин во время той стрѣльбы людям велѣл лечь; а пред полуднем в 11 часу неприятель под тою стрѣльбою посадя людей своих в боты и шлюпки, под командою полковника Нирота пошел к берегу; и как близко подошли и стали выходить на берег, и уже 128 человѣк гранодеров вышли на берег, а прочіе за ними поспѣшали с рогатками,

тогда наши встав начали по них стрѣлять, как из мѣлкаго ружья, так и из трех пушек дробью, от чего неприятель пришел в конфузію, и тут их на мѣстѣ осталось с 40 человѣк, да в полон взято 31 человѣк (между которыми нѣсколько человѣк было офицеров); а достальные с берега побѣжали в той конфузіи на свои суда, и будучи в такой конфузіи тѣ свои суда опрокинули, от чего многое число их потонуло; а между тѣм из наших помянутых трех пушек огонь непрестанно продолжался, от котораго в ретирадѣ неприятель, також не малое число людей своих потерял, и взяли наши одну шлюпку, да 8 чухонских ботов с аммуницією, с провіантом и прочим багажем.

(В то время взятый шведскіе офицеры между прочими разговорами сказывали, что пред нѣсколькими днями шведскій генерал Мейдель был у адмирала Анкерштерна на кораблѣ, гдѣ они согласились, чтоб адмиралу Анкерштерну флотом овладѣть Котлин остров и ескадру россійскую разорить; а генералу Мейделю пришед к Петербургу оным овладѣть же, и учинить им между собою коммуникацію; однако ж то их намѣреніе не сбылось, но со стыдом и с великим уроном людей своих принуждены отступить как ниже помянется).

Іюня в 6 день неприятель паки атаковал нашу линію и батарею святаго Іоанна, но то не долго было: ибо принуждены были ретироваться. Тогда одного человѣка у нас убили, да 6 человѣк ранили, и от 6 до 10 числа неприятельскіе флагманы имѣли консиліи; а в 10 день неприятель на батарею святаго Іоанна и на нашу авангардію довольно из пушек стрѣлял, и бомбы и гранаты метал; однако нашим никакого вреда не учинили, только им с наших батарей и с кораблей зѣло жестоко докучали пушечною стрѣльбою. По том стала быть тишь, и неприятельскій флот стал назад отходить, и для того командующій наш вице-адмирал Крейс распустил красный флаг на своем кораблѣ с большаго топа, також и комендант в Кроншлотѣ; против чего и адмирал Анкерштерн спустил свой шведскій флаг, и стал подымать красный, и не дотянув до топа паки спустил, а наш вице-адмирал на своем кораблѣ тот флаг держал до самаго вечера, и поставя свои корабли в одну линію с галерами против неприятельских бомбардирских кораблей; что увидя неприятель едва успѣл тѣ бомбардирскіе корабли шлюпками своими ко флоту своему прибуксировать; по том наши приближась своими бомбардирскими судами, начали на ескадру вице-адмирала Депруа бомбы бросать, чего для принужден он с своим кораблем завозом выбираться, и вся ево ескадра отступать, и послѣ того с неприятельскаго флота ни одного выстрѣла не было; а с наших галер по неприятельскому флоту непрестанно стрѣляли. Наших людей в то время убито матросов и солдат 13 человѣк, да ранено 19 человѣк.

В 11 день непріятельскый флот начал отступать, и с бомбардирских судов мортиры выгружать, для того что оныя от наших пушек разбиты, и другіе свои корабли починивали; а наши в то время разставливали по пристойным мѣстам привезенную тогда из Санктпетербурга артилерію. В то же время получена о генералѣ Мейделѣ вѣдомость, что он к Петербургу с войском приближился, и для того изо флота нашего отпущено в Петербург 2 шнавы и 7 галер.

В 15 день было тихо и всѣ флагманы были на кораблѣ у шаутбенахта Шпара в гостях, гдѣ на литаврах и трубах довольно играли; а с нашей батареи, именуемой с. Іоанна, из одной пушки и гоубицы выстрѣлили по кораблю адмиральскому, и так трафило, что с того корабля рѣзныя галлереи сшибло, и по том того же

часа изо всѣх мортир и пушек привезенных из Петерберга по адмиральскому и шаутбенахтскому кораблям вдруг стали стрѣлять, от чего неприятель пришел в великую конфузію, и спустя парусы шлюпками назад буксировались, и всѣми мѣрами трудились, чтоб от наших пушек и гоубиц отступить свободно, чтоб до них не доносило; и так отступили, что не возможно было уже из наших мортир и пушек их достать.

16 день неприятель стоя поперег фарватера, от нашей линіи в 3 верстах, починкою в своем флотѣ исправлялся даже до 21 числа.

21 день пришли в наш флот из Санктпетербурга еще 2 бомбардирскіе шмака; тогда командующій вице-адмирал Крейс велѣл галерам якори вынимать, что видя неприятель минуты в 4 со всѣми судами форденвинт пошли; а с плоскодоннаго их судна подошед к батарѣе нашей выпалил изо всего нижняго лага, потом другою стороною выпалил другим лагом, и на послѣди из дву задних пушек, и потом пошли в море.

Іюля в 5 день увѣдомились наши от пойманных мужиков, что неприятель со флотом своим стоит у березовых островов, и при нем много мѣлких судов и плотов связано; чего для наши по тѣм вѣдомостям також начали укрѣпляться, и разставили кругом острова в пристойных мѣстах артилерію, и распорядили людей, и к полковнику Толбухину на косу людей прибавили.

В 14 день по полуночи в 3 часу увидѣли паки неприятеля в 24 судах идущаго подлѣ Выборскаго берега; а около 5 часа отдѣлили от флота 4 корабля линейных, и пошли к зюйду около Котлина острова; а адмирал Анкерштерн с большим флотом стал к сѣверу (или к норду) Котлина острова, и отправил 2 шнавы вперед, которыя стали на якорях в 4 саженях воды; а флот неприятельскій весь с мѣлкими при себѣ имѣющимися судами разставил в полкруга, також и помянутые 4 корабля равноже стали у зюйда и пошли к острову, сколько глубь допустила; тогда от нас по кораблю адмиральскому из 5 пушек выстрѣлили по его водяной линіи, так что он того же часа пушки свои принужден был с стороны на сторону перетаскивать для наклоненія корабля на штюр-борт; по полуночи в 6 часу неприятель начал всею своею силою из верхних и нижних пушек с обоих сторон с кораблей против острова стрѣлять; однако нашим никакой вреды не учинил, для того что двѣ тысячи двѣ стѣ человѣк солдат под командою полковника Толбухина лежали на землѣ в прикрытом мѣстѣ, и по неприятелѣ ни единаго выстрѣла не было; а пред полуднем неприятель посадя людей своих в мелкія суда послал к берегу, и как они подошли недалеко от берега; тогда наши по неприятелѣ жестоко из пушек стрѣляли; а как оные пришли к берегу гораздо ближе в мушкетную стрѣльбу, и как стали выходить, воды было им выше колѣна, и отшед недалеко, стало быть в нѣкоторых мѣстах глубже, а иные и дна не доставали, иные же по горло в водѣ; а из наших 15 пушек непрестанно стрѣляли ядрами и картечами; от чего оные неприятели пришли в конфузію, и хотя из них нѣкоторые вышли было на берег; однако ж оные в той конфузіи всѣ побѣжали назад в свои суда, из которых судов многіе опрокинулись, и тогда 35 человѣк неприятелей на берег наши выхватили; а в 1 и 2 часу неприятель со всѣм флотом стал назад подаватися, тогда стрѣльба перестала; неприятельских судов было ботов и шлюпок 29; того же числа к берегу принесло с 400 человѣк мертвых неприятельских тѣл, тогда же взято в полон 3 капитана, 2 порутчика, 2 прапорщика, 7 унтер-офицеров, да рядовых 21 человѣк.

В нашем траншаментѣ убито 29 человѣк да 50 ранено.

В 15 день по полудни в 2 часу непріятельскый флот пошел прочь; а с нашего берега оных бомбами провожали; а которые 3 корабля близ острова стояли, принуждены были канаты свои отрубить.

Августа в 19 день командующій вице-адмирал Крейц за тѣм шведским флотом пошел с галерами с полтретьи мили от острова, и как стали близко крейсеров шведских в выстрѣлѣ, и тогда с одного корабля по нашим галерам стрѣляли из пушек с обѣих сторон, вѣтр так силен был, что наши галеры против воды на веслах ити не могли, и тогда по таком трактованын неприятелю пощастило от нас уйти.

Наших тогда убито 3 человѣка, да ранено 13 человѣк.

И тако во время всего того дѣйствія неприятелей в полон взято 66 человѣк, в том числѣ:

Капитанов – 3.
Порутчиков – 2.
Прапорщиков – 2.
Унтер-офицеров – 7.
Рядовых – 52.

1 шлюпка, 8 чухонских ботов с аммунициею, с провіантом и прочим багажем.

Да по отходѣ неприятельском побитых тѣл, которыя остались на берегу, и потоплых, которых принесло к берегу, перечтено с 450, кромѣ тѣх, которыя потонули, на море унесло, и которыя послѣ из воды вытасканы, о которых неприятели взятые сами сказывали, что с 1000 человѣк во время того дѣйствія всѣх пропало; тогда же по берегу и в водѣ найдено 500 фузей, которыя заряжены пулями разсѣчеными на четверо и обвиты лошадиными волосами, да сверьх обыкновенной пули еще по 4 пули не больших.

Нашиx матросов и солдат во все то дѣйствіе

Убито – 46 человѣк.
Ранено – 88.

Наших кораблей тогда было не много, и тѣ гораздо малопушечны, а именно:

Олифант – 24 пушки.
Думокрахт – 24 пушки.
Кроншлот – 24 пушки.
Стандарт – 24 пушки.
Нарва – 24 пушки.
Петербург – 24 пушки.
Шлютельбург – 24 пушки.
Михайло Архангел – 24 пушки.

ШНАВЫ

Дерас – 12 пушек.
Яким – 12 пушек.
Мункер – 12 пушек.
Копорье – 12 пушек.
Фалк – 12 пушек.
Иван город – 12 пушек.

Из того числа двѣ шнавы отпущены были в Петербург, о чем помянуто выше в реляціи.

2 брандера, да 7 галер больших.

В тѣх же числѣх по согласію с адмиралом Анкерштерном приходил к Петербургу от Выборга сухим путем шведскій генерал Мейдель в десяти тысячах войск, у которых, как выше помянуто, соглашеносъ было с адмиралом Анкерйштерном, дабы в одно время наступленіе учинить, адмиралу Анкерйштерну флотом к Котлину острову, а генералу Мейделю в сухаго пути к Петербургу, а именно: пришел оный генерал к Петербургу на остров называемый Каменный, іюня 24 дня, гдѣ со оным чрез Неву рѣку генерал маіор и обер-комендант Петербургскій Роман Брюс, собрався с полками, имѣл не малый бой, и онаго неприятеля с того острова сбил, который с немалым уроном на Выборгскую сторону паки с поспѣшеніем ретировался. По отбитіи же онаго неприятельскаго войска на том острову, гдѣ они были, найдено приготовленных нѣсколько тысяч фашин, также и туров, и в четырех мѣстах сдѣланы были батареи; и тако помянутый неприятель никакого себѣ авантажа не получил, кромѣ того, что двѣ малыя пустыя деревни сжег. По том вскорѣ получена вѣдомость, что оный неприятель пришел к Невѣ близ Шлютельбурга, и сдѣлав батареи, перешел с знатною частью войска за рѣку Неву, и наши как водою, так и сухим путем на перешедших напали, которых с того мѣста сбили, и окоп взяли; и по отбитіи неприятель со всѣм войском приступил к пильной мельницѣ (на рѣкѣ черной близ Шлютельбурга), гдѣ сидѣло наших в малом траншаментѣ 200 человѣк, и сдѣлав батареи, посылал барабанщика, чтоб сдались; однако ж наши не смотря на то, что неприятель в великом числѣ войск приступал, сидѣли крѣпко и сдаться не хотѣли; что увидя неприятель начал из пушек стрѣлять и троекратно приступал; но с великим уроном от того траншамента отбит. И тако тѣ воинскія дѣйствія у Кроншлота и у Петербурга с нашей стороны щастливо окончались.

Іюня в 15 день в Полоцкѣ по отправленіи воинскаго совѣта генерал фелдмаршал Шереметев, да с ним генералы лейтенанты Розен, да Чамберс опредѣлены из Полоцка в поход против неприятельских войск под командою генерала Левенгоупта, которые тогда были в Курляндіи близ Митау; и на перед пошел генерал лейтенант Розен с осмью драгунскими полками, а генерал лейтенант Чамберс с тремя пѣхотными полками с Купоровым, с Повишевым, с Шонбековым, марш свой взял іюня в 15 день. По том и генерал фелдмаршал Шереметев пошел в 27 день іюня, и со окупилися драгунскіе с пѣхотными полками у Друи, которых было всѣх 11.

Іюля в 1 день его величество пошел из Полоцка со всею арміею к Вильнѣ.

И пришли в Вильно іюля в 15 день.

А в 22 день того же мѣсяца получена вѣдомость от генерала фелдмаршала графа Шереметева, что он с войском неприятельским под командою генерала Левенгоупта имѣл большую баталію в 19 день іюля в Курляндіи у Мур мызы нещастливую с потеряніем артилеріи. Сія потеря учинилась таким образом, что он, фелдмаршал Шереметев с кавалеріею, когда приближался к неприятелю, а пѣхота и пушки еще не поспѣли, тогда не дождався оных, старым обычаем безстройно ударили на неприятельскую кавалерію, которую так сломили (что нѣкоторые из них явились послѣ в Прусах); но генерал Левенгоупт с пѣхотою отступил к лѣсу, а наши вмѣсто того, чтоб дождаться пѣхоты, и атаковать неприятельскую пѣхоту, ударились обоз грабить неприятельскій, а тѣм временем наша пѣхота приспѣла, которую Левенгоупт атаковал и с поля боя сбил; а кавалерія наша увидя то, ушла,

а пушки наши неприятель назавтрѣе нашел; и тако сами своей потери виновны. На том бою убиты из наших 3 полковника драгунских, а именно: Кропотов, Игнатьев, Сухотин: и нѣсколько десятков обер и унтер офицеров и нѣсколько сот рядовых.

Также получена вѣдомость, что 31 іюля саксонскій генерал лейтенант Паткуль неподалеку от Варшавы имѣл 4000 саксонцов и 3000 поляков; но шведы, увѣдав об нем, с 4000 человѣками на него напали, и по учиненном бою шведы саксонцов побили, и весь их багаж взяли, и при том полонили помянутаго генерала лейтенанта Паткуля, которому потом в Стокгольмѣ голову отсѣкли. Сей генерал лейтенант Паткуль был урожденец лифляндскій и от шведов вассалом или подданым признан; а понеже у него маетностей своих не было, то он с юных своих лѣт при саксонском дворѣ пажем был, и из пажев дослужился до такого чина; но он как другіе подданные шведскіе по выданным плакатам в зачатіе войны на возвратился, для того что не чаял должности своей быть возвращаться, и хотя за него от многих государей заступленіе Швеціи чинилось, однако ж король шведскій вмѣня его за подданнаго своего казнил.

По вѣдомостям тогда бывшим от фелдмаршала Шереметева государь из Вильны августа в 1 день с частію войск россійских пошел в Курляндію (оставя прочее войско под командою генерала фелдмаршала Огильвія в Вильнѣ) для преслѣдованія неприятельских войск под командою генерала Левенгоупта, которые тогда обрѣтались по вышереченной баталіи еще в Курляндіи.

Августа в 6 день прибыл государь в Биржу, гдѣ тогда был генерал фелдмаршал Шереметев, и тут дожидался полков до 10 числа. В 10 день августа пошли из Биржи, и перешед три мили случилися с драгунскими полками, которые тогда стояли под командою генерала маіора Рена.

В 11 день получена вѣдомость, что неприятельскія войска под командою генерала Левенгоупта пошли к Ригѣ, по которой вѣдомости государь с помянутою кавалеріею прибыл ко Двинѣ рѣкѣ, и во 12 день поѣхал к Рижской фортеціи в вид, гдѣ были с три часа против Кобор шанца, и тѣм временем осматривал государь неприятельских крѣпостей тогда из Кобор шанца стрѣляли по нашим из пушек, и того же числа пошли к Митау, гдѣ в замкѣ оставлен был гарнизон неприятельскій.

В 14 день государь прибыл в Митавское предмѣстье, и стал на квартирѣ; потом пѣхотные полки под командою князя Репнина пришли, и стали за рѣкою не дошед до города за милю, а конница пришла при государѣ с генералом маіором Реном прежде.

В 15 день генерал князь Репнин пришел с пѣхотными полками ближе к Митау, и стал близ крѣпости за рѣкою, а полки гвардіи стали в городѣ.

В 16 день дан указ в войско, чтоб во всяком баталіонѣ изготовлено было по 200 туров и по 600 фашин для атаки замка Митавскаго.

В 19 день посылано от генерала маіора Рена в замок Митавскій к неприятелю писмо, чтоб они из замка по мѣщанским домам из пушек не стрѣляли, також и бомб не метали, понеже тот город и в нем жители суть неутральны. Против котораго они на другій день отвѣтствовали, что чинить того не будут, ежели из онаго не будут над замком их чинить промысла, и чтобы для того их офицеру осмотрѣть, что им и позволено, также обѣщано, что из города над замком ничего дѣлать не будут.

Против 28 числа в ночи от слобод наши пришли и пост заняли на самых гласиасах и закрылись, а коммуникацій сдѣлать не успѣли к слободам.

В 28 день в полдни неприятель учинил нападеніе на наших, и вышед из замка под жестокою стрѣльбою своих пушек, одною частью с фланка, а другою в мѣстѣ с гранодерами прямо от вала на наших наступили и наших из апрош выбили: ибо оным двух огней вытерпѣть было не возможно, к тому ж коммуникаціи от моста не было сдѣлано; також и еще третей пушечный огонь наши получили, когда от вала отступили, и хотя в безмѣрном огнѣ были чрезвычайно, однако не бѣжали, но тихо отступали со стрѣльбою: а неприятели тогда легли на наш вал, и со онаго стрѣляли; а другіе тогда оный вал разрывали, и уже сей пост был отчаян: но как одна рота первая, потом командированных еще двѣ, от гвардіи Преображенской под командою капитана Головина в помочь пришли (а наши тогда уже отбиты были до самаго моста), то так мужественно шпагами назад на неприятеля бросились, котораго удивительно (понеже уже наш вал им яко бруствер, и сверьх того свои пушки они имѣли себя обороняющія), отбили, и с великим смущеніем их прогнав, паки засѣли и одержали. На сей вылазкѣ наших убито один офицер и нѣсколько десятков рядовых, да ранено офицеров с 13, в том числѣ капитан от гвардіи князь Долгорукій, да рядовых со 150 человѣк.

И послѣ той вылазки неприятель еще крѣпко в замкѣ сидѣл и боронился: но когда изготовили артилерію, то сентября в 1 день посылано было в замок к неприятелю писмо, что ежели возмут контроскарп, то уже не надѣялся бы добрий акорд получить. На что он отвѣщал, что ему сего отвѣта в скорѣ дать не возможно, и просил срока до утрѣя; но в том ему отказано, и потом, то есть во вторый день помянутаго мѣсяца в воскресенье тот час трактовать начали из 5 мортир непрестанно от 5 часов по полудни до 6 утру, и непрестанно бомбардировали. Тогда в замкѣ шамад ударили: а в 3 день по полуночи в 6 часу комендант выслал из города двух капитанов для договора и с ними пункты; а от нас тогда выслана в город Преображенскаго полка маіор фон Керхин, капитан Алексей Головин, сержант Александр Кикин, и посланы с ними пункты, против их пунктов в отвѣт; и потом на акорд сентября в 4 день в 9 часу сей замок сдался, а в 5 день оный принят, в котором офицеров и урядников и рядовых солдат шведских в гарнизонѣ было с 900 человѣк, под командою полковника шведскаго Кноринга; а что в том замкѣ обрѣли артилеріи и прочих припасов, тому при сем роспись:

Пушек 290, в том числѣ 10 на станках, а прочія без станков.
Мортир – 23.
Гоубиц – 35.
Ядер пушечных – 13 505.
Картечь – 866.
Трои машинки новой инвенціи, на 2-х по 2 мортирца 6 фунтовых.
На 3-м 4 мортирца 4 фунтовых.
Бомб – 2125.
Пороха 191 центнер.
Гранат ручных – 7340.
Кузница походная.
11 желѣзных мельниц.
Ракетных мѣдных станков – 4.

Прочих же воинских припасов, а именно: свинца, также мѣдных и желѣзных всяких припасов взято многое число.

И когда караулы наши стали у шведов принимать, тогда под церковью в погребѣ, гдѣ кладутся тѣла князей Курляндских, увидѣли наши, что их тѣла из гробов выброшены и ограблены, что видя не смѣнили; но призвали полковника Кноринга, у котораго взяли во свидѣтельство писмо, что его люди то сдѣлали, и потом приняли всѣ караулы.

В то же время отправлено к крѣпости, именуемой Боуску, два полка инфантерiи под командою полковника Николая Балка, да полк драгунскiй, и нѣкоторая часть артилерiи с капитаном порутчиком бомбардирским Корчминым для атаки той крѣпости, и как оные полки к той крѣпости августа в 26 день пришли, и учинили атаку, то безо всякаго супротивленiя оная крѣпость в 14 день сентября на акорд сдалась, и по тому акорду оную крѣпость наши люди приняли, а гарнизон шведскiй (который был в той крѣпости состоящiй в 500 человѣках под командою шведскаго подполковника и коменданта боускаго Гачкина), отпущен в Ригу.

В той Боуской крѣпости получено артилерiи и принадлежащих к тому припасов, а именно:

Мортир – 4.
Гоубиц – 8.
Пушек – 46.
Бомб – 293.
Пушечных ядер – 3780.
Картечь – 1184.
Ручных ядер – 4059.

Между тѣм же получена вѣдомость с Москвы чрез писма боярина князя Бориса Голицына (который вѣдал тогда приказ Казанскаго дворца), что в Астрахани стрѣльцы забунтовали и воеводу Ржевскаго с прочими нѣкоторыми знатными убили, и в городѣ засѣли, и против тѣх вѣдомостей указано туда ити в поход фелдмаршалу Шереметеву с нѣкоторою частью войск из армiи: с двумя сквадронами драгун и баталiоном пѣхотным полковника Карташева, да в тот же поход велено к нему ити в слученiе пѣхотным же трем полкам из Петербурга, одному Билсову, другому из Смоленска, третьему с Москвы Архангелогородскому, и к тому в прибавку велено взять нѣсколько баталiонов из Казанскаго гарнизона; а каким образом помянутый фелдмаршал Шереметев Астрахань от бунтовщиков достал, и что с тѣми бунтовщиками учинено, о том послѣ приложится екстракт.

В 12 день сентября государь от Митавы путь свой воспрiял ко Гроднѣ на Кейданы и на Ковну, куда и генерал князь Репнин с пѣхотными полками послѣдовал; а в замкѣ Митавском оставлен был бригадир Сава Айгустов с полком, да генерал маiор Боур с нѣсколькими полками кавалерiи, для прикрытiя от Риги. Между тѣм же, когда государь был в Митаву, послан был указ в Вильну к фелдмаршалу Огильвiю, чтоб он из Вильны со всѣми полками шел к Городнѣ, по которому указу он и учинил.

В 16 день пришел государь в Гродню, а в 22 день пошел из Гродни в Тикатин. В 24 день смотрѣл там саксонских войск, которые тогда у Тикатина стояли под командою саксонскаго генерала маiора Шуленбурга.

В 29 день государь был у гетмана Вишневецкаго, и смотрѣл литовскаго войска, которое от саксонскаго стояло не далеко.

Между тѣм же временем генерал князь Репнин с пѣхотными полками от Митау пришел в Гродню.

Октября во 2 день из Тикатина государь паки пошел в Гродню для управленія солдатам в Гроднѣ зимовых квартир, а губернатора шлюсенбургскаго господина Меншикова оставил с частью кавалеріи у Тикатина для отправленія партій к войску шведскому, которое тогда стояло в Варшавѣ, куда и гетман литовскій Вишневецкій придал свою партію.

В то же время получена вѣдомость, что король шведскій Станислава Лѣщинскаго короновал чрез архіепископа львовскаго, и под тою протекціею короля шведскаго Станислав начал употреблять королевскую власть и раздавал чины. В то же время кардинал примас Радзѣевскій умер, и вмѣсто его Лѣщинскій опредѣлил примасом помянутаго архіепископа львовскаго; а король польскій по возвращеніи своем из Саксоніи в Тикатин, как ниже упомянуто, учинил примасом и архіепископом гнѣздинским епископа Шенбека. В то же время король Август учинил польскій орден Бѣлаго Орла, и оным жаловал польских магнатов и россійских министров и генералитет, которые к сторонѣ его были доброжелательны.

И октября в 7 день помянутый губернатор Меншиков отправил к Прагѣ полковника Горбова с 500 россійских драгун и с 200 саксонцов, и оный Горбов, пришед к Вислѣ, сапѣжинцов и воеводу кіевскаго близ Варшавы, при Прагѣ стоящих, с поля сбил, и нѣсколько человѣк в полон взял, гдѣ провіанта и скота в добычу получил немало; потом случась с полковником Шомбурхом (который к нему от Нура был послан) и с генералом маіором Синицким, который был отправлен от гетмана литовскаго Вишневецкаго с драгунами и нѣсколькими рейтарскими ротами, паки пошли к Прагѣ к мосту, гдѣ неприятели стояли для закрытія того моста в рогатках, а именно: гвардія Лѣщинскаго, которую атаковали и побили, а пушки и знамена с немалым числом людей в полон взяли, а именно:

Подполковник – 1.
Капитанов – 6.
Прапорщиков – 6.
Сержантов – 12.
Капралов – 20.
Рядовых солдат – 330.
Пушек – 4.
Из того числа одну за скоростію в рѣкѣ потопили.
Знамен – 6.

Наших на том бою убито:

Капитан – 1.
Рядовых – 13.

Ранено:

Прапорщик – 1.
Рядовых – 36.

И того убито и ранено – 51 человѣк.

Октября 13 дня из Городни государь поѣхал паки в Тикатин, и прибыл в 14 день, гдѣ подлинно освѣдомились о вышепомянутой викторіи.

В 15 день поѣхал из Тикатина к войску в мѣстечко Нур. Между тѣм король польскій Август пришел в Тикатин октября против 21 дня в ночи, гдѣ государь по возвращеніи от Нура встрѣтил его, короля, от Тикатина за милю, и Лѣщинскаго взятыя знамена королевскому величеству подарил, и оттоль поѣхали в Гродню, куды и прибыли вмѣстѣ октября в 30 день, и были в Гроднѣ декабря до 5 дня.

Потом государь, вруча свое войско королевскому величеству под командою фелдмаршала Огильвія, из Гродни поѣхал к Москвѣ декабря в 7 день, и при отъѣздѣ своем губернатора шлюсенбургскаго господина Меньшикова опредѣлил к кавалеріи генералом, и ѣхал государь на Минск, на Смоленск, и приѣхал к Москвѣ в 19 день (а Преображенскій баталіон, который был отпущен наперед из Гродни со взятою из Митау шведскою артилеріею и аммуниціею, дожидался под Москвою в селѣ Рождественском), и шли чрез Москву с тѣми взятыми пушками и знаменами строем.

Государь на Москвѣ был декабря с 19, генваря по 13 число 1706 года, в котором числѣ его величество получил вѣдомость, что король шведскій идет к Гроднѣ для атаки наших войск, по которым вѣдомостям путь свой предвосприял к войску до Гродни на почтѣ на Смоленск, и потом прибыл в Дубровну генваря в 25 день, гдѣ встрѣтил государя генерал господин Меншиков, который тогда ѣхал от Гродни, и объявил, что туда к нашей арміи проѣхать не возможно для того, что неприятель Гродню обшел, и намѣрен гродненскій траншамент доставать, чего для потом и король польскій из Гродни выѣхал в Саксонію, и взял с собою в конвоѣ из наших 4 полка драгунских. Правда, что тогда немалая опасность была: ибо войска россійскія, будучіе в Гроднѣ, имѣли тогда зѣло мало при себѣ провіанта, к тому же конные полки были в розни, только при главном пѣхотном корпусѣ было в Гроднѣ конных два полка, а достальные были с генералом лейтенантом Реном от Гродни милях в 10 и в 12, а иные и далѣ, и тѣ також не всѣ (ибо 4 полка взял с собою король, как выше помянуто, для конвоя), да с генералом маіором Боуром в Курляндіи было 6 полков, и собраться скоро не успѣли; а собрались уже спустя послѣ прихода неприятельскаго к Гроднѣ: ибо неприятель их маршем своим предварил, и со всѣм своим корпусом, как с конницею, так и пѣхотою, вдруг нечаянно пришел и коммуникацію ко Гроднѣ, как с помянутым Реном, так и отовсюду отнял, и того для принужден государь нѣсколько времени жить в Дубровнѣ, и потом паки в Смоленск прибыл в 29 день генваря, и был тамо до 2 числа февраля, и оттоль паки путь свой восприял в Польшу.

Февраля в 4 день государь прибыл в Оршу, и тут был с недѣлю, гдѣ собрали нѣсколько войска, а именно, пришел тогда Преображенскій баталіон (который был на Москвѣ), и прочих нѣсколько сот старых солдат командированных разных полков, да новых солдат и рекрут, которые были приведены с Москвы: полк Низовой, что был Алексея Головина, и других рекрут с 4000 человѣк; а с преображенскими и другими старыми солдатами было с 6000 человѣк, и пошли с тѣми со всѣми войски до Минска; а в Оршѣ оставили командиром порутчика от гвардіи Норова, и с ним старых солдат человѣк с тридцать, и нѣсколько десятков рекрут, и велѣли в Оршѣ готовить ему магазейн.

И хотя между тѣм (с самаго того времени, как генерал Меншиков в Дубровну приѣхал), и часто в Гроднѣ к фелдмаршалу Огильвію от государя указы были посыланы, дабы он из Гродни с войсками ретировался к своим краям, однако же тѣ указы (сперва, пока еще неприятель не отступил от Гродни) не доходили для того, что куріерам проѣхать было не можно; а как уже от Гродни неприятель не много для тогдашних морозов и выгоды своим людям отступил, тогда первый с указом туда проѣхал порутчик от гвардіи Семеновскаго полка Петр Яковлев тайным образом, нарядяся в польское мужичье платье, потом и другіе один или двое проѣхали, и конечно было неприятель намѣрен был гродненскій траншамент доставать, к чему было и фашины начали они готовить, но по том оное оставили, опасаясь великаго урона.

Между тѣм же временем получена вѣдомость, что корпус собранных войск саксонских и помощных россійских, который вышел из Саксоніи в Польшу, под командою генерала Шуленбурга у Фрауштата февраля 3 дня шведскій генерал Рейншильд разбил; а каким образом то дѣлалось, и сколько саксонцов и россійских войск там было, слѣдует при сем полученная оттуда реляція.

В 1706 году генваря в 25 день, когда вышепомянутый генерал Шуленбург увѣдомился, что помянутый неприятель обрѣтался в великой Польшѣ в 15 000 войска, тогда по указу королевскаго величества польскаго с саксонскими и россійскими помощными войсками из Саксоніи пошел в Польшу; а перешед рѣку Одр генваря в 27 день вступил в Польшу, и потом продолжали марш февраля до 1 числа, и пришли близко к мѣстечку Фрауштат, гдѣ тогда стояли шведскія войска под командою помянутаго генерала Рейншилда, и не дошед того мѣста за милю, остановились на полѣ.

И февраля во 2 день (а по новому штилю февраля 13) по утру рано генерал маіор Востромицкій (который был в службѣ россійской) приѣхал к россійским полкам, который тогда ими командовал, и приказал из пушки для сигнала, и на тот сигнал пришла наперед саксонская конница драгуны и рейтары, потом и пѣхота, для того что саксонскія войска случились тогда на зади россійских полков с милю; в том же саксонском войскѣ были 3 баталіона французов, и как оныя войска всѣ собрались, тогда пошли к неприятелю ближе к Фрауштату, что увидя неприятель, из помянутаго мѣста выступил, и поставил людей своих в парад зѣло часто; чего ради командующій саксонскій генерал Шуленбург мыслил, что тот неприятельскій корпус состоит в 8 или в 10 000, а не в пятнадцати, и надѣялся, что он неприятеля сильнѣе, а именно было с ним 10 000 саксонскаго и от 5 до 6 тысяч (кромѣ больных и оставших в обозѣ) россійскаго войска, которые построя, пришел к неприятелю ближе, и поровнявся с Фрауштатом, оставя оный в правѣ, куда заведены были нѣсколько баталіонов саксонских, а послѣ их в той же линіи поставлены были 3 баталіона французов, между которыми французами и россійскими людьми поставлены были 12 пушек, которыми командовали тѣ же французы; и понеже генерал Рейншильд вѣдал, что тѣ французы в неволю от короля польскаго были набраны, и охотнѣе желали королю шведскому служить, нежели польскому; того для на них прежде нападеніе учинил, которые не токмо против их стали борониться, но наждав неприятеля на себя, и положа ружье неприятелю отдались; россійские же полки хотя по неприятелѣ и выпалили нѣсколько залпов; однако ж рано стали стрѣлять, и тою стрѣльбою никакой вреды

им не учинили; ибо неприятель в линію, гдѣ французы стояли, вломился, и 12 пушками саксонскими овладѣл, которыя оборотя по россійских, начал из оных стрѣлять, также и из мѣлкаго ружья жестокую учинил стрѣльбу, от чего россійскіе люди пришли в конфузію, и от жестокой стрѣльбы разбиты, с большою же частью неприятель людей своих отдѣлясь, наступил на саксонскую кавалерію, которая также в конфузію пришла, и нѣкоторые шквадроны отворотили и побѣжали, что видя саксонская пѣхота, стала також ретироваться, и к побѣгу способа искать, на которых неприятель жестокую ж учинил стрѣльбу, как из пушек, так и из мѣлкаго ружья; от которой как саксонцов, так и руских немалое число побито, а именно: одних саксонцов на мѣстѣ положено около 4000 человѣк, кромѣ раненых и 2000 взятых в полон; а осталось саксонской инфантеріи малое число, которые собрався шли к своему обозу отходом, и отстрѣливались, и из обоза их неприятель выбил, и обоз их взяв, за людьми далѣе не пошел (а кавалерія саксонская, бѣгучи назад, посѣтила россійскій обоз и оный разграбила); россіяне також многіе побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с тѣми неприятель зѣло немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругательски положа человѣка по 2 и по 3 один на другаго, кололи их копьями и багинетами; и тако из россіян спаслось живых и с ранеными с 1600 человѣк, которые разными дорогами вышли; и тѣх оставших в Саксоніи собрал по разным мѣстам полковник Ренсель, и вывел их с собою с великим трудом разными тракты чрез Цесарскую и Бранденбургскую земли для того, что в Саксоніи им быть от тамошняго правительства не позволено и провіанта не дано, и потом оный Ренсель привел их в Польшу к арміи россійской, которые случились у Люблина в 1707 году, как о том помянется ниже: при сей баталіи с неприятельской стороны, как послѣ слух обносился, побито с 1500 человѣк, кромѣ раненых.

В тѣ числа, а именно февраля с 15, марта до 13 числа государь был в Минску для корреспонденціи с главным корпусом войск, которые обрѣтались при Гроднѣ, и для екзерциціи пѣхотных новых полков, которые тогда пришли от Смоленска и из других мѣст, и потом, когда уже вѣдомости помалу стали быть от Гродни лучше, тогда государь отправил генерала Меншикова с драгунами, дабы как возможно доѣхал к войску, чтоб оное приближить к своим краям, а сам из Минска путь свой взял чрез Смоленск и Торопец к Петербургу.

В Нарву прибыл в 20 день марта, и взял тут праздник Свѣтлаго Христова Воскресенія, который тогда был 24 марта, и потом на той же недѣлѣ в пятницу 29 числа в ночь поѣхал в Петербург.

Маія в 3 день заложили Петербургскую крѣпость каменную, и были в Петербургѣ до 1 дня іюня.

В то же время получена из Польши от генерала Меншикова вѣдомость, что войска россійскія из Гродни, по отступленіи оттоль войск неприятельских, щастливо отошли, и будут марш свой продолжать к Кіеву и Чернигову: и когда приближились уже к Тикатину, тогда о отходѣ оных неприятель увѣдомился, и за ними слѣдовал в погоню, и как Припеть рѣку в верховьѣ перебрались в самое разлитіе вод, и пошли правою стороною вниз той рѣки к Кіеву, тогда неприятель остался за тою рѣкою Припетью, и шел лѣвою стороною, и видя, что уже наших нагнать ему не возможно, поворотился к Дубнѣ, и потом пошел на Волынь.

И по тѣм вѣдомостям іюня в 1 день государь из Петербурга путь свой восприял на Украину к войску.

Іюня в 5 день прибыл государь в Нарву, и был тут до 9 дня; а в 9 день из Нарвы поѣхал до Гдова сухим путем, а ото Гдова до Пскова водяным путем на Шнавѣ, и пришел во Псков против 11 дня способным вѣтром, и ночевал на Шнавѣ в устьѣ рѣки великой, не доѣзжая Пскова за 10 верст, и на завтрѣе, то есть 12 дня, пришел рѣкою великою ко Пскову.

Изо Пскова путь свой взял в 13 день на Луки великіе, на Смоленск сухим путем на почтѣ, и прибыл в Смоленск в 16 день, куда приѣхал и генерал князь Меншиков, и из Смоленска поѣхали в 19 день водою в низ Днѣпром, и приѣхали до Орши в 21 день, гдѣ государь смотрѣл солдат Преображенскаго баталіона и прочих.

И того же числа в ночь паки поѣхали, и приѣхали в Могилев в 22 день, гдѣ осматривали драгунскіе полки, которые пришли из Курляндіи с генералом маіором Боуром.

И потом водою ж поѣхали в 23 день к Быкову, гдѣ был тогда генерал порутчик литовских регулярных войск Синицкій, и звал к себѣ в город; но государь не был для того, что уже вѣдали, что оный Синицкій тайно с неприятелем имѣет согласіе; к тому же подполковник Витераній, стоя за его величеством, нѣкоторыми признаками дал знать, чтоб опасались, и оттоль вскорѣ поѣхали, и приплыли к одной деревнѣ, которая от Быкова была милях в 3 или 4, гдѣ были приготовлены подставныя лошади, и оттоль путь свой восприял сухим путем до Гомля на почтѣ с малыми людьми (а прочих отпустил Днѣпром водою), и прибыл в Гомель в 27 день, гдѣ обрѣл генерала князя Репнина с пѣхотными полками, которых поставленных в строю, его величество смотрѣл сам (которые зѣло обрадовались, что вышед из такого бѣдства увидѣли своего государя, и при том отдали достойное почтеніе). Тогда же генерал князь Репнин репортовал государя, что пред тремя днями до прибытія его государева в Гомель первая часть пѣхоты в 6000 под командою генерала маіора Чамберса отпущена из Гомля рѣкою Сожею на судах к Кіеву, а за ними послѣдовали генерал фелдмаршал Огильвій, и генерал лейтенант Аларт к Кіеву водою же: и тут в Гомлѣ государь взяв праздник тезоименинства своего, на другій день, то есть іюня 30 дня путь свой восприял сухим путем к Чернигову, и генерал князь Репнин с достальною пѣхотою того же дня пошел к Кіеву.

Государь прибыл в Чернигов іюля в 1 день, и ночевав тут, поѣхал водою, Десною рѣкою, к Кіеву.

В Кіев прибыл в 4 день іюля, а полки собрались к 8 числу, и был в Кіевѣ іюля с 4 по 20 число августа. В тое бытность государь усмотрѣл, что Кіевская фортеція имѣет зѣло худую ситуацію: того ради за благо разсудил фортецію сдѣлать в ином мѣстѣ, для которой за удобное мѣсто изобрѣл монастырь Печерскій (к тому же и для того, что вся Украина оное мѣсто над мѣру в почтеніи имѣют), которое горазло удобнѣе Кіева, гдѣ государь фортецію размѣрял, и заложил в 15 день августа (при чем был сам один инженером).

Между тѣм временем о неприятелѣ получена вѣдомость, что оный с войсками своими, в 22 000 состоящими, с Волыни пошел в Саксонію, в которую вступил в августѣ мѣсяцѣ; а генерала Мардофельда оставил в великой Польшѣ, недалеко

от Шленской границы с 6000, при котором еще от 8000 до 9000 поляков станиславских обрѣталось, и Станислава с его свитою с собою же в Саксонію взял; а каким образом то его вступленіе было, и что у него в бытность его тамо происходило, и как другія державы от той его бытности в страхѣ и робости пребывали, о том за благо разсудили здѣсь вкратцѣ объявить.

При вступленіи своем в Саксонію он, король шведскій, из своей главной квартиры при Круммене 26 августа по новому 1706 года выдал универсал ради объяленія всѣм жителям, в котором первое, объявил он причину вступленія своего, что он вступает ради утушенія неправедно всчатой на него войны, дабы уже на него болѣе из той земли наступленія не было; и хотя было ему надлежало равномѣрно с ними поступать, как и курфирст их король Август с начала с ним войны в его шведских провинціях и границах себя показывал; однако ж он им милостиво объявляет, что всѣ и каждые, которые в их домах останутся, и пожитков своих никуды не вывезут, но доброхотно и без прекословія то, что для содержанія войск его шведских на них положено будет, дадут и поставят, в его королевскую протекцію приняты, и свободно свои домы, пожитки, маетности и отправленія купечества имѣть будут, и тѣх, которые противиться дерзнут, какого состоянія и чина оные б ни были, признавает за неприятелей, и со оными и их маетностьми и пожитки огнем, или мечем поступлено будет.

Саксонскіе обыватели на то королевское обѣщаніе не весьма надѣялися, но в Саксоніи пребывать опасались, и от большой части в Брандербургію и в прочія с Саксоніею пограничныя провинціи с движимым своим имѣніем ретировались, и ея королевино величество курфирстин саксонская с своим принцом выѣхала в Берлин: но лаузницкіе жители, куда король шведскій первое свое вступленіе в Саксонію имѣл, отправили к нему, королю шведскому, депутатов своих для объявленія ему о их покорности, такожде по повелѣнію короля Августа в стрѣчу к нему, королю шведскому, высланы были его саксонскіе министры, Имгорф и Финигстейн, со многими представленіями; но король шведскій не смотря и не слушая никаких их представленій в Саксонію вошел, и в Лаузниц прибыл, и сперва никому никакой обиды от войск его не чинено, но содержан добрый порядок.

Король Август, хотя всѣм в крѣпостях и городах комендантам, також и войску своему, тогда в Саксоніи бывшему, повелѣл крайним образом оборонятися и не сдаваться, однако ж никакого от оных супротивленія шведам при вступленіи их в Саксонію не чинено.

А которые рускіе послѣ Фраунштатской баталіи в Саксоніи остались, и тѣх правительство саксонское отослали из Саксоніи, и полковник Ренсель, который тѣм малым оставшим корпусом командовал, отошел к Ренѣ рѣкѣ, и когда увѣдал о требованіи шведском от цесарскаго двора, чтоб тѣх остальных руских ему выдать, то упомянутый полковник Ренсель препроводил их чрез Шлезію в Польшу.

Король шведскій, когда уже его арміи в Лаузницѣ болѣе провіанта не стало, тогда велѣл оный к богемской границѣ, даже до мѣстечка Орнова итти, и от богемских чинов требовать, чтоб только на малое время за наличную плату в Богеміи обрѣтаться; от чего цесарскій двор в робость пришел, и будучи тогда в войнѣ со Франціею, мнили, что шведскій король весьма французкому королю тѣм какого облегченія учинить ищет.

Между тѣм присланы в Саксонію к королю шведскому от разных дворов министры от цесарскаго граф Вратислав, от аглинскаго милорд Малбург да Степней, от французкаго Безенвальд, от дацкаго фон Есен, от прускаго фон Принц и от баварскаго курфирста, которые ему сильныя представленія чинили о удержаніи его от тяжких контрибуцій и он разоренія Саксоніи; но от тѣх представленій мало слушал, и послѣ того в глубь Саксоніи вступил, и мимо Дрездена и Кенигштейна пришел к Лейпцигу, который город, також и Виттенберг и всѣ другіе города, кромѣ Дрездена, Кенигштейна, Сойменстейна и Столпена, отперли ему ворота.

Земские статы присылаіи к королю шведскому депутатов для контрибуціи трактовать; но понеже они пространно в подаванных своих предложеніях с церемоніями, как в земских сеймах употребляют, писали; тогда король не доволен ими был, и хотя своим министрам тѣ их предложенія принимать велѣл, однако ж писменнаго отвѣта им чинить не велѣл, а велѣл отвѣствовать им словесно то, что все надлежит исполнять по волѣ его королевской; но понеже зѣло тяжкая контрибуція наложена и сбирана была: того для земскіе статы потрудились, не возможно ли сердце его королевское умягчить, чтоб контрибуціи уменьшить, и предложили ему, что они лютеранской вѣры: но сіе все вотще было: ибо против того велѣл им король сказать, что он за потребно разсудил, чтобы они и церковныя отчины, також церковных и школьных служителей велѣли в платеж для вспоможенія землѣ контрибуцій ввесть. И когда переписныя книги королю поданы были, то усмотрено, что во оной землѣ обрѣталось 5 810 778 шоков: того для велѣл он помѣсячно с каждаго шока, иногда по 4, иногда по 3, иногда по 2, а иногда паки по 4 цесарских грошей наложить, и с жесточайшею екзекуціею сбирать, кромѣ того, что еще шведскіе солдаты ординарнаго пропитанія от хозяев, у кого кто стоял, требовали. Потом предложено было королю, что нѣсколько из оных токов опустошены были, что впредь с сих пустых мѣст заплаты не будет; но король шведскій сіе уничтожил, и остался в прежней своей резолюціи, и с жестокостію поступать с жительми начал, так что от того многіе службу шведскую принять принуждены были: однако же и саксонское войско при выходѣ своем к Ерфорту усмотря, что уже до такой крайности дошло, само разорять стало; якоже генерал Шуленбург, из Лейпцига выѣзжая, 20 000 ефимков со онаго города доправил.

Когда шведы в началѣ с жителями саксонскими приятельски обходилися, и еще сносные контрибуціи сбирали, тогда многіе на то надѣяся, вывезенныя пожитки паки в Саксонію привезли, которые шведы при выходѣ из Саксоніи с собою взяли.

Король шведскій сам своею особою с 1000 конных за генералом Шуленбургом в погоню пошел, но его догнать не могли; партію волохов за ним командировал, которые на его обоз напали и 2 офицеров, да 19 драгун в полон взяв возвратилися. А Станислав при шведской инфантеріи в Саксоніи обрѣтался.

Король польскій, видя, что принужден будет во всем королю шведскому подвергнуться, постановил сперва с ним перемиріе; а потом, видя такое разореніе земли своей, послал к королю шведскому двух своих полномочных министров, тайнаго совѣтника и камер-президента Имгофа, тайнаго же совѣтника Фингистейна трактовать о мирѣ; и когда приѣхали тѣ министры к королю, начали они в мирные конференціи вступать, и сентября в 24 день со шведским министром

графом Пипером, который их обольстил, что при прибытіи их короля все премѣнено будет, и ко удовольствію его происходить будет, в Алтранштатском шляхетном замкѣ, который 2 мили от Лейпцига, гдѣ была главная квартира короля шведскаго, мир заключили, и весьма предосудительный трактат написали на данном им от короля бланкетѣ, будучи подкуплены от шведа, по которому король короны польской, також и от союза с Россіею отрекся, и министра россійскаго тайнаго совѣтника фон Паткуля шведам выдать, и остаточное аукзиліарное войско россійское на жертву шведам предать обѣщал.

А каким образом вышеупомянутый генерал лейтенант фон Паткуль в Саксоніи заарестован и шведам выдан, и потом от короля шведскаго казнен, о том также в кратцѣ здѣсь слѣдующее изображено.

Когда он, генерал лейтенант Паткуль, будучи в Саксоніи, увѣдал о том мирѣ, чинимом между королем Августом и шведским, то он яко россійскій аукторизованный и укредитованный министр при дворѣ его королевскаго величества польскаго, чинил сильныя представленія и препятствія министрам саксонским о заключеніи онаго, за что оные на него злобны были; и потом его позвали якобы в тайную конференцію ночью, и под образом того вызова, взят офицером с солдатами и заарестован, и в крѣпость Зонненштейн отвезен и содержан в особливой каморѣ, сперва с честным трактаментом; но потом объявлено оному Паткулю, ежели он даст такое писменное обязательство (или реверс), что против короля польскаго и саксонских министров отмщенія ему не искать, и чрез год и 4 мѣсяца из саксонских областей выѣхать ему вон, то он свобожден будет, в чем он, Паткуль, отрекся, и сказал, что де сіе неразсудное требованіе, понеже де то касается до чести его государя, чего он без воли его учинить не может, что королю польскому и саксонским министрам показалось болѣе противно, послали его в тюрму и содержали жестоко, и хотя о том безчестном заарестованіи Паткуля, яко министра и генерала поручика россійскаго, многократно господам саксонским министрам, бывшый тогда в Саксоніи министр господин князь Дмитрій Голицын писменно протестовал; однако ж несмотря на то, при заключеніи партикулярнаго мира с королем шведским, по принужденію короля шведскаго, саксонскіе министры онаго Паткуля отдали на жертву королю шведскому сентября 9 числа, сего 1706 года, написав его в мирных трактатах бѣглецом и измѣнником шведским, и отвезли скована в Кенигштейн (с ним же послали за арестом и коменданта зонненштейнскаго, на котораго имѣли подозрѣніе, якобы тот комендант ему, Паткулю, во отправленіи писем и в прочем, будучи за арестом, помогал); а потом оный Паткуль отвезен зѣло безчестно в Дипгольцвальд за жестоким караулом 50 человѣк шведских солдат, и содержан был при шведской арміи яко злодѣй с год, и потом не смотря ни на какія предстательства других государей при выходѣ из Саксоніи в Польшу близ мѣстечка Казимера, октября в первых числѣх 1707 года четвертован, и особливо удивленію достойно, что офицер шведскій, который при екзекуціи онаго Паткуля был (и послѣ колесованія, хотя не скоро еще, едва ему живу сущу, голову допустил отсѣчь), от короля шведскаго чина своего лишен: ибо король не приказывал ему скоро голову отсѣчь, пока не замучится до смерти.

Того мирнаго трактата король польскій ратификацію подписал, будучи в Польшѣ в Петриковѣ 20 октября, которую контрасигнировал обер-маршал Флюг, и вышепомянутый мир по королевскому указу 1 декабря в Дрезденѣ публикован; однако ж не торжественно, как обыкновенно, но в тихости.

В ту бытность короля шведскаго в Саксоніи цесарскій двор в немалом страхѣ обрѣтался, и пребывающаго при своем дворѣ прускаго министра спрашивали: что его принципал намѣрен чинить? Который отвѣщал, что король прускій ни во что не вступится, но в тишинѣ пребывать будет; а во осторожность свою крѣпости воинскими припасы снабдил и оныя крѣпил. А потом он, король прускій, не восхотя раздражить короля шведскаго, ради близости онаго, по желанію его королевскому Станислава Лѣщинскаго за короля польскаго признал.

Цесарь римскій також убѣгая от неприятельства со Швеціею, по желанію короля шведскаго, его, Станислава, за короля польскаго признал, и цесарскій двор от близости короля шведскаго немалую робость имѣл, так что когда многіе польскіе вельможи по учиненном мирѣ у короля Августа со Швеціею, требовали принца Евгенія Савойскаго на престол, то хотя им зѣло сіе приятно было; однако ж за страхом шведов онаго не отпустили и ничего не предвоспринимали, пока Германія от шведскаго страха чрез ожидаемый выход их из Саксоніи освобождена не будет.

Выше сего упомянутый присланный нарочно от цесарскаго двора к королю шведскому граф Вратислав ни в какія дѣла со шведскими министры вступить допущен не был, для того что король шведскій требовал на пред исполненія своих запросов, а именно:

1. Чтоб ему венгерскаго графа Цобера, который нѣкоторый афронт приключил его шведскому послу в партикулярном домѣ, выдать.
2. Протестанскую религію во имперіи в прежнее состояніе, как по минстерскому договору (по которому король шведскій гарантом) надлежит паки привесть.
3. Сатисфакцію дать, что россійскія помощныя войска чрез Богемію и Шлезію в Польшу пропущены.
4. Чтоб учиненный мирный Алтранштатскій трактат гарантировал.

Еже все двор цесарскій исполнить обѣщал, кромѣ отдачи церквей во Шлезіи, однако ж и в том цесарь уступить принужден был; ибо шведы до исполненія той отдачи из Шлезіи, в которую они при выходѣ из Саксоніи зашли, не выступили, и принужден цесарскій двор допустить, что шведскій король во Шлезіи людей вербовал, и такія ж, как и в Саксоніи, немалыя контрбуціи собирал, и исполнял все то, что токмо Англія и Голландія, а особливо Дюк Демалбург, от него желали, положа в своем намѣреніи, дабы со шведом модератно, или униженно поступать, и ему во всем угождать, пока лучшія конъюнктуры явятся.

Послѣ сего паки обратимся до дѣйств с россійской стороны.

По вѣдомости о походѣ короля шведскаго ради вступленія в Саксонію в августѣ мѣсяцѣ отправлен генерал Меншиков с кавалеріею в Польшу на помощь королевскому величеству польскому и Рѣчи Посполитой; понеже не было того в мысли, чтоб король Август о мирѣ с королем шведским так безчестном намѣреніе имѣл, как выше сего об учиненіи онаго объявлено.

Тогда же из Кіева послан был от государя указ в Петербург к генералу маіору и обер-коменданту Роману Брюсу, дабы он артилерію и прочую препарацію к Выборгскому походу готовил.

И потом августа с 20 числа государь путь свой взял на почтѣ сухим путем до Петербурга чрез Стародуб, Смоленск, Луки Великіе и Псков, а ото Пскова до

Нарвы водою, и пріѣхал в Нарву сентября в 4 день, из Нарвы во флот (стоящій тогда у Котлина острова) прибыл в 7, а в Петербург в 8 числѣ.

В сем сентябрѣ мѣсяцѣ получена вѣдомость от генерала господина Меншикова, что они подлинную имѣли вѣдомость о королѣ шведском, что он с войсками своими в Саксонію уже вступил; а генерал шведскій Мардефелт оставлен тогда был в Польшѣ для содержанія Лѣщинскаго, на котораго он с кавалеріею россійскою пошел.

В 4 день октября конные и пѣхотные полки под командою генерала маіора Романа Брюса и бригадира Шомбурга, переправясь чрез Неву рѣку, пошли к Выборгу, за которыми и государь послѣдовал, и отошед 20 верст до урочища Осиновой рощи, остановились и ночевали, и стояли тут за великим дождем и вѣтрами до 6 числа.

А 6 числа послѣ полден пошли, а в 7 день в вечеру пришли к Сестрѣ рѣкѣ, и переправясь, стояли для собранія и отдыха от ненастья до 9 числа октября.

В 9 день подполковник Путятин отправлен с партіею к шанцу, который от Выборга в 7 милях (гдѣ было неприятельской конницы человѣк со 100, которые провѣдав о том подъѣздѣ, ночью против 9 число, зажегши шанец, ушли).

В 9 день в вечеру пришли к тому сожженному редуту (или шанцу).

В 10 день пошли с того мѣста, а бригадир Шомбург пошел со всею конницею на перед, и в вечеру с конницею пришел за милю от города Выборга к жестокой переправѣ, гдѣ были у них сдѣланы 2 шанца, в которых было их людей с 400 человѣк и 2 пушки, и тут наши конные спѣшась, и взяв с собою також 2 пушки, к тѣм шанцам учинили атаку, перво из 2 пушек по оных стрѣляли, потом оных неприятелей одними шпагами из шанец выбили и пушки их взяли, при котором бою наших побито 5 человѣк, да нѣсколько ранено.

По том бою на тѣх переправах занял пост, и тут ночевал подполковник Яков Шамардин с драгуны, також и прочіе драгунскіе полки близко той переправы ночевали.

В 11 день пришли к Выборгу конные полки по утру, а пѣхотные первые в вечеру, а послѣдніе по утру рано 12 числа.

Октября 12 ж дня отправлены были Преображенскаго полка сержант Михайла Щепотьев, да бомбардир Автоном Дубасов, да 2 от флота унтер-офицера Скворцов, да Наум Синявин на малых пяти лодках с 48 человѣки командированных солдат и гранодеров к торговым шведским кораблям, которые тянулись от города в море; но пока лодки сыскивали, тѣм временем оные корабли поотянулись далѣ, потом стал быть туман, и скоро ночь наступила, которые посланные ради темноты наѣхали на адмиральскій бот, зовомый Есперн, на котором было 5 офицеров, 103 человѣка солдат, и 4 пушки, который бот оными лодками атаковали, и взяли побив большую часть людей, а достальные ушли под палубу, гдѣ наши их заперли; потом пришел на ту стрѣльбу другій бот их на выручку, который наши из пушек со взятаго бота отбили, и взятый бот привезли к лагерю. На сем бою наших от 48 человѣк остались 18 живых и в том числѣ только 4 нераненых. Их неприятелей побито офицеров 2, капитана 2, порутчика 1, прапорщик; да солдат, которых перечтено тѣлами, 73 человѣка, да живых взято в полон 23 человѣка солдат и трое женских персон; и тако сія неслыханная акція с великим мужеством учинена; ибо атаковали и взяли в двое сильнѣе себя, и в таких малых лодках,

между которыми только одна была такая, что 15 человѣк умѣстилось, а в прочих по 7 и по 5 человѣк; а привезли наши 18 человѣк неприятелей с ружьем 23 человѣка. А из вышереченных 18 человѣк, 4 нераненых, да 4 или 5, которые легче были ранены, так что могли помогать, а прочые по истиннѣ так тяжело были ранены, что с мертвыми лежали на палубѣ.

С вышепомянутаго октября 12 дня, даже до 27 дня того ж мѣсяца дѣйствія над городом Выборгом никакого не было, понеже артилерія еще из Петербурга не была привезена, токмо между тѣм из города были в разныя числа 3 вылазки на ближних наших людей, которые ближе под городом стояли для дѣланія апрошей, однако ж удачи им не было, но больше сами с немалым уроном назад отходили, и между тѣм же получена вѣдомость с дороги от Петербурга, что артилерія за грязною дорогою и от худых лошадей для безкормицы за поздным временем остановилась: того ради по учиненному военному совѣту велено привезть нѣсколько мортир для бомбардированья, дабы не даром отступить, а большую артилерію поворотить в Петербург.

Потом как вышеписанныя мортиры привезены и поставлены на кетели, в 22 день начали город бомбардировать и каркасы бросать, и продолжили оное четверы сутки, от чего в городѣ было 5 пожаров: потом войско за поздным временем отступило к Петербургу, и государь прибыл ноября 4 дня в Петербург.

Ноября в 15 день приѣхал из Польши в Петербург порутчик от гвардіи Петр Яковлев от генерала господина Меншикова, и привез зѣло изрядную вѣдомость, что с генералом шведским Мардофельдом под Калишем имѣл он, генерал, щастливую баталію, за которую того же дня в Петербургѣ было благодареніе Богу при троекратной пушечной стрѣльбѣ кругом всего города, и за полученіе оной вѣдомости помянутый порутчик от гвардіи Яковлев пожалован в маіоры в кавалерію: а каким образом оная баталія была, о том объявлено слѣдующею при сем реляціею:

РЕЛЯЦІЯ

О бывшей баталіи у войск соединенных россійских и польских и саксонских под командою его королевскаго величества Августа со шведским генералом Мардофельдом при Калишѣ в 1706 году, октября 18 числа.

Пред нѣскольким временем, егда войско наше стояло при Петриковѣ, получена у наших вѣдомость чрез прежде посланныя партіи, что вышепомянутый неприятель (который пред тѣм был от наших в близости) уступил в даль к Калишу, и услыша о том наши, пошли в слѣд неприятеля; однако ж он, ни мало похода своего не оставляя, пришед к Калишу и переправясь чрез рѣку Просну, стал лагерем, с таким желаніем, дабы с нашими генеральную баталію дать, к чему всяко тщился и себя весьма укрѣплял: но наши, не смотря на неприятельскія крѣпости, которыя круг себя имѣли, яко жестокія переправы, рѣки, болота и прочія, положили со оным генеральную баталію дать.

И в 18 день октября, по отправленіи воинскаго совѣта, учредя полки всѣ к баталіи в три линіи, опредѣлили войска, на правом крылѣ россійское войско под командою генерала Меншикова, на лѣвом саксонскіе, а польскіе раздѣлили на двое, с россійскими гетман полный коронный Ревускій, а с саксонцы гетман великій коронный Синявскій; с неприятельской стороны также поляки были на

двое по крылам, под командою воеводы кіевскаго Потоцкаго, и воеводы троцкаго Сапѣги, и по полудни о дву часѣх зачалася пушечная стрѣльба, и потом вскорѣ оба фрунта сближились и в бой вступили; и как неприятельская пѣхота на наш корпус наступила, то наши не много пожались, понеже пѣхоты при себѣ не имѣли: однако ж генерал Меншиков вскорѣ приказал нѣскольку шквадронам драгунским против шведской пѣхоты спѣшиться, а с праваго крыла конницѣ на оную наступить, который огонь продлился близ трех часов, и помощію Божіею наши неприятеля сломили и полную викторію получили; и только часть конницы неприятельской шведской ушла, а пѣхота вся побита и взята так, что на мѣстѣ неприятелей положено с четыре тысячи, или болѣе человѣк шведов, да с тысячу поляков и волохов. Неприятельскаго войска на той баталіи было: шведской конницы четыре тысячи, да пѣхоты три тысячи, да поляков и волохов двадцать тысяч человѣк (которые ушедши от баталіи, на другій день в обозѣ сдались), и из того числа, что (кромѣ помянутых побитых) шведов живьем наши взяли, также и что на той баталіи взято пушек, знамен и барабанов, и сколько наших убито и ранено, тому при сем реестр.

Реестр, что во время вышепомянутой баталіи взяли, россійское войско и саксонское, шведов и поляков, и всякаго ружья, и что россійских убито и ранено.

РОССІЙСКІЕ ВЗЯЛИ.

Офицеров шведских.

Генерал от пѣхоты Мардофельд, который над шведским войском команду имѣл.

Полковники.

Маршалк, Миллер, Горнов.

Подполковники.

Барон Горн, Иссендорф, Мумонт, Гилденштерн.

Маіоры.

Барон Фельт, Опон, Буш, Шилинг, Курси.

Капитанов – 23.

Порутчиков – 35.

Прапорщиков – 18.

Адьютантов – 4.

Ротмистр – 1.

Всего офицеров – 94 человѣка.

Урядников и рядовых, Красова, Мерлина, Маршалкова полков, рейтар и драгун 294 человѣка.

Пѣхоты.

Французких дву региментов.

Мумелева – 257.

Функова – 236.

И того французов – 493 человѣка.

Саксонскаго Герцова полка – 376.

Шведскаго Горнова полка – 503.

И того пѣхоты 1 372.

В том числѣ барабанщиков – 22.

Всего офицеров и урядников и рядовых 1760 человѣк.

САКСОНЦЫ ВЗЯЛИ.

Капитанов – 4.

Ротмистров – 3.

Да которые шведы пред баталіею и по баталіи засѣли в город Калиш, и послѣ баталіи на другій день его королевское величество на акорд взял.

Маіор – 1.

Капитанов – 8.

Порутчиков – 14.

Прапорщиков – 6.

Урядников и драгун – 800.

Да послѣ баталіи ж на другій день его же величество взял в обозѣ польском воеводу кіевскаго Потоцкаго со всѣми при нем будучими поляки, и онаго воеводу его королевское величество польскій свободил, только он не долго на волѣ своей побыл; ибо нѣсколько времени послѣ того Шмигельскій славный партизан против шведов и станиславцов онаго паки взял в полон с женою его и с нѣсколькими другими знатными поляками и дамами польскими. Тот Шмигельскій был партіи россійской, и дан ему был чин генерала маіора, и по должности надлежало было ему тѣх взятых отдать генералу Меншикову, яко тогдашнему главному командиру; но он тѣм невольникам дал себя в обман обѣщаніями прибыльнаго себѣ брака и иными воздаяніями, и не только их свободил, но еще увез генерала маіора Флюка и иных руских офицеров, которые у него были как друзья в гостях; а потом и к противной сторонѣ перешел, и хотѣл он их ко шведскому королю и Станиславу в Саксонію весть, только они нашли способ от него уйти.

И всего взято на той баталіи в полон шведов кромѣ поляков:

Офицеров – 142.

Урядников и рядовых – 2 456.

И того – 2 598 человѣк.

Полковой музыки что наши взяли:

Трубачев – 4.

Гобоистов – 5.

Янычарских чюрмачов – 4.

И того – 13 человѣк.

Да на той же баталіи взяли россійскіе войска:

Пушек полковых мѣдных – 3.

Знамен – 26.

Литавр – 3 пары.

Барабанов – 22.

Фузей солдатских – 400.

Поляки и саксонцы взяли:

Польских знамен – 54.

Да драгунских – 5.

Наших на той баталіи убито:

Полковник – 1.

Маіор – 1.

Капитанов – 3.

Прапорщиков – 2.

Урядников и рядовых – 77.

И того убито – 84 человѣка.

Да ранено:

Подполковник – 1.
Маіор – 1.
Капитанов – 6.
Порутчиков – 5.
Прапорщиков – 8.
Урядников и рядовых – 303.
И того – 324.
Всего наших убито и ранено 408 человѣк.

Послѣ той викторіи королевское величество польскій просил у генерала князя Меншикова взятых на той баталіи шведских полоненников на размѣну (по установленному обычаю между всѣми христіянскими воюющими потентанты), русских, обрѣтающихся в Стокгольмѣ, на которое прошеніе князь Меншиков, хотя без особливаго указа государева и не смѣл поступить; однако ж по желанію королевскому отдал ему тѣх шведских полоненников на своеручный королевскаго величества реверс.

Король Август послѣ баталіи начал размышлять, держаться ли ему учиненнаго мира со Швеціею, или еще щастія своего искать: но понеже Саксонія, откуда сикурс и деньги на армію получал, все в шведских руках было, склонился он тот мир содержать; однако ж пошел прежде в Варшаву, и там был благодарный молебен за оную благополучную Калишскую баталію, потом пошел ко Кракову, не объявя об учиненіи своего мира ни польским магнатам, ни министру россійскому, при нем бывшему.

И прибыл во Дрезден в декабрѣ мѣсяцѣ, а 19 декабря король Август был у короля шведскаго в Лейпцигѣ, и обѣдали явно за одним столом король шведскій, король Август и Станислав, и сидя за столом, оказывали между себя внѣшнія удовольствія, и имѣл король Август с королем шведским немалое время тайные разговоры.

И потом король шведскій был у короля Августа в Дрезденѣ, и имѣли уже между собою свиданія.

Декабря в 10 день государь путь свой восприял из Петербурга в Нарву, а оттоль намѣрен был ѣхать к Москвѣ; но тогда получена вышепомянутая вѣдомость от генерала Меншикова чрез нарочнаго курьера, что король польскій Август, учиня, как выше помянуто, тайно партикулярный мир со шведами, уѣхал ко шведскому королю в Саксонію, и по тѣм вѣдомостям государь для того пошел в Польшу, дабы оставшую без главы Рѣчь Посполитую удержать при себѣ, понеже тот мир учинен без вѣдома оной.

И в 15 день декабря из Нарвы государь поѣхал к войску в Кіев чрез Луки Великіе на Смоленск, и прибыл в Кіев декабря 24 дня, гдѣ взяв праздник Рождества Христова 25 и в тое ж ночь путь свой восприял к Острогу.

В Острог прибыл декабря против 27 дня, гдѣ тогда главную квартиру имѣло пѣхотное войско, и стоял тут фелдмаршал граф Шереметев; а оттоль прибыл в Дубню, гдѣ имѣл квартиру генерал князь Репнин со своею дивизіею, и не много помѣшкав, поѣхал до Жолквы.

В Жолкву прибыл в 28 день, гдѣ были в собраніи фелдмаршал граф Шереметев, генерал Меншиков и прочіе генералы и россійскіе министры, также и нѣсколько персон польских сенаторов съѣхались.

И от вышепомянутаго 28 декабря был все в Жолкве, даже до 30 апреля 1707 года, где и праздник Пасхи взял, и между тем действія никакова не было (понеже пехотные полки стояли на зимних квартирах в Дубне, в Острогe и около в ближних местах; а драгунскіе около Жолквы и Яворова), а неприятель тогда зимовал в Саксоніи. Тут же в Жолкве был генеральный совет, давать ли с неприятелем баталію в Польше, или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не давать: понеже, ежели б какое нещастіе учинилось, тобы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталію при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет: а в Польше на переправах, и партіями, также оголоженьем провіанта и фуража, томить неприятеля, к чему и польскіе сенаторы многіе в том согласились.

В ту же его государеву бытность в Жолкве пріезжали к нему послы Речи Посполитой от собранія их изо Львова, и обще советовано о кандидатах на польскій престол; понеже после отреченія короля Августа от короны польской, объявлен тогда был от примаса и всех чинов Речи Посполитой онтер-регнум; однако же, как видимо будет ниже из сей исторіи, никого на тот престол не обрано, пока его королевское величество польскій Август Вторый по щастливой викторіи над шведами под Полтавою паки в Польшу на престол свой возведен: ибо он, король Август, между тем тайную пересылку с государем имел, и его о том просил, дабы паки возведен был на престол польскій, что и учинено.

Апреля в 30 день государь пошел из Жолквы в Дубню, где смотрел всех пехотных полков под командою генерала князя Репнина.

Из Дубны государь поехал в Люблин маія в 5 день, и прибыл маія 8 дня, и имел свою квартиру в местечке Якубовичах, которое от Люблина в полумиле, и там был до 28 дня маія.

Между сим временем получены ведомости о неприятеле, что он усиляся из Саксоніи марш свой взял паки в Польшу, и по вступленіи во оную, получил к себе еще из Помераніи шведов 9000 человек; и тако армія его состояла, как ведомость тогда имели, в 54 000 человеках, и для того имели опасеніе, дабы не вступил тогда в россійскія границы; чего для к Москве послан от бомбардир капитан порутчик Василій Корчмин, которому велено на Москве Кремль и Китай фортификовать, что и учинено.

В 28 день государь путь свой воспріял в местечко Казимер, где конные полки сбирались под командою генерала порутчика князя Гессен-Дармштатскаго, и прибыв в Казимер в 29 день маія, смотрел драгун, которых было там при Висле 12 полков.

Іюня в 3 день из Казимера государь путь свой воспріял паки к Люблину на Стенжицы для управленія с польскими гетманы и сенаторы потребных дел; а помянутым драгунским полкам указано стать около Стенжиц, где обыщут лучшіе конскіе кормы, и прибыл в Люблин 8 дня.

Между тем получена ведомость, что около Борисова генерал порутчик войск литовских Синицкій со своими единомышленниками противными поляками отбил посланную с Москвы денежную казну, которой было 40 000 рублев, и увез в Быхов, и побил при том несколько посланных людей, и объявил себя шведской партіи противно учиненной присяге, и в той Быховской крепости засел с немалым гарнизоном: и для добытія оной крепости отправлен с частью войска генерал

поручик Боур, которую он по четырех недѣльной осадѣ достал, и онаго Синицкаго, яко клятвопреступника и злодѣя, с его единомышленники взял в полон, а генералу князю Репнину и генералу поручику Алларту дан был указ, велено с Волыни ити с войски к Быхову для вспоможенья генералу поручику Боуру; а потом как генерал поручик Боур Быхов достал, то генералу князю Репнину дан указ ити со своею командою в Минск, и из Минска в Вильно; а генералу поручику Алларту велено быть в Варшаву, куда государь намѣрен был ити; гдѣ он, Алларт, пожалован в полные генералы, и послан в Копос с командою для дѣланія тамо траншамента.

Из Люблина государь путь свой восприял до Варшавы 6 дня іюля, а в Варшаву прибыл 11 дня, и изобрал себѣ квартиру дом в предмѣстіи варшавском бывшаго маршалка короннаго Билинскаго, и был тут от 11 іюля до 4 числа сентября, и в мѣсяцѣ іюлѣ он государь в Варшавѣ зѣло был болен лихорадкою с 10 дней, а при нем был тогда от гвардіи баталіон Преображенскій конный под командою маіора князя Долгорукова.

Из Варшавы государь пошел сентября 4 дня на мѣстечко Венгрово, и ѣхал до Тикотина тихо, ожидая вѣдомости о непріятелѣ, и смотрѣли на его обороты: ибо оный в тѣ числа уже перебирался рѣку Одер, и шел из Саксоніи паки в Польшу, раздѣляяся на три части: с первою сам король шведскій на Краков; вторая часть на Познань; третія между Кракова и Познани; и для того у Варшавы остался со всею конницею генерал князь Меншиков.

В Тикотин государь прибыл 10 дня сентября, и был до 14 дня. Между тѣм получена вѣдомость от генерала князя Меншикова, что непріятель рѣку Одер перебрался и идет к Вислѣ; и когда непріятель к Вислѣ приближился, тогда помянутый генерал князь Меншиков от Варшавы ретировался за рѣку Вислу, в предмѣстіе, именуемое Прагу, и потом, оставя форпост при Прагѣ, отступил в Литву чрез Бѣлый Сток к Зенцолам, гдѣ имѣл квартиру, и кавалерія в тѣх же мѣстах разложилась на кантонир-квартиры; а фелдмаршал Шереметев имѣл тогда квартиру с пѣхотою в Минскѣ.

Сентября 14 дня государь путь свой восприял из Тикотина, и прибыл в Гродню 16 дня, гдѣ стояли Преображенских три баталіона, а четвертый, о котором выше помянуто, с маіором князем Долгоруким из Варшавы взят был при нем, государѣ.

Из Гродни государь путь свой восприял до Вильны сентября 21 дня, гдѣ стояла пѣхота под командою генерала князя Репнина и генерала поручика Чамберса.

В Вильнѣ государь был сентября от 24, октября до 10 дня.

А октября 10 дня из Вильны путь свой восприял паки назад в Меречь, куда велѣл быть от коннаго корпуса для совѣта генералу князю Меншикову, на котором положено, дабы пѣхотѣ наперед ити к своим границам, ежели непріятель наступать станет; а конницею его обезспокоивать и отступать позади.

Из Мереча паки государь путь свой восприял в Вильну октября 11 дня; а генерал князь Меншиков того же числа поѣхал назад к корпусу конному.

В Вильну его величество прибыл в 13 день, между тѣм же получена вѣдомость, что непріятель пошел в польскіе Прусы и ко Гданску на квартиры; тогда его величество из Вильны того же дня путь свой взял в Петербург на Полоцк, на Невль,

на Луки Великія, и прибыл на Луки октября 18 дня послѣ полудни, и осмотря там новую фортецію, пошел в ночь против 19 числа рѣкою Ловотью водяным путем на Новгород, на Ладогу, и оттуда до Шлютенбурга сухим путем; а от Шлютенбурга пошел паки водою, и прибыл в Петербург 23 числа октября в вечеру, и был в Петербургѣ декабря до 1 числа, для учрежденія тамо всяких надлежащих порядков.

И потом из Петербурга путь свой восприял к Москвѣ, и прибыл декабря 5 дня, и был на Москвѣ декабря от 5 генваря по 6 число 1708 года.

Генваря против 6 числа государь путь свой восприял из Москвы ко Смоленску, и прибыл во Смоленск 8 дня; а в вечеру против 9 числа из Смоленска паки путь свой восприял в Польшу, и прибыл в Копос 9 числа, гдѣ тогда имѣли винтер-квартиры генерал Аларт, да генерал маіор князь Голицын с нѣкоторыми пѣхотными полками (тут же был и магазейн); и по осмотрѣніи на другій день, то есть 10 числа, из Копоси поѣхали в Минск, и оттуда прибыл в Дзенцолы 12 дня, гдѣ имѣл винтер-квартиру генерал князь Меншиков с большею частію войска, и тут был до 19 дня; а в 19 день получены о непріятелѣ вѣдомости, что оный, раздѣля войско свое на 2 части, маршировал одною частію ко Гроднѣ, а другою к Дзенцолам; чего для государь из Дзенцол поѣхал, и прибыл в Гродню 21 дня, из Гродни путь свой восприял 26 дня на Меречь, на Карповичи, и прибыл в Вильну 28 дня.

А неприятель пришел тогда во Гродню 26 ж дня послѣ отбытія оттоль государева, из Гродни часа с два спустя с немногими людьми; а пред тѣм до прихода неприятельскаго ко Гроднѣ отправлен был с партіею бригадир Мильфельд с таким указом, дабы под Гроднею на рѣкѣ чрез мост неприятеля не перепустить; а ежели неприятель будет силен, и в таком случаѣ велено ему мост разрубить: но оный бригадир по указу не сдѣлал, и неприятеля чрез мост пропустил, и за то оный взят был за арест, и потом, подкупя часовых, ушел к неприятелю (однако ж на Полтавской баталіи взят был россійским войском в полон, и по суду разстрѣлян).

В то же время оставшаяся наша конная партія (или аріер-гард), напала в Гроднѣ на караул, который стоял при главной квартирѣ короля шведскаго, и оный караул едва не весь порубили, гдѣ и самаго короля шведскаго едва не поймали. На том бою наших убито 19 человѣк, ранено 9, потом наша пѣхота вся пришла ко Двинѣ к мѣстечку Бѣшенковичам, и в прочія около Двины лежащія мѣста, и вскорѣ тогда наступила распутица, чего для неприятель с войском своим принужден был стать на квартиры.

В то время россійское войско, будучи в своем маршѣ, немалую нужду претерпѣло, и многое число людей, так и лошадей померло от не имѣнія провіанта и фуража, понеже тогда россійскія войска ретируючись, малое что неприятелю оставляли. Но понеже государь для замѣшанія поляков в Польшѣ баталіи дать не хотѣл, того ради всегда, якобы опасаяся шведов, войску своему повелѣвал ретироватися, и тѣм шведам подана причина далѣе к россійским границам поступать, что государю послѣ к великой пользѣ учинилось, как то в концѣ сего 1708 под Лѣсным с генералом Левенгоуптом; а в 1709 под Полтавою баталіями окажется, и под образом той ретирады государь путь свой восприял тогда в Петербург, куда и прибыл марта в 27 день.

Апрѣля в 19 день государь путь свой восприял водою к Шлютенбургу на буерѣ для встрѣчи своей высокой фамиліи цариц и царевен, которыя тогда с Москвы к Петербургу путь свой имѣли, а именно:

Царица Парасковія Федоровна (супруга блаженныя и вѣчнодостойныя памяти царя Іоанна Алексѣевича) со дщерьми своими царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Парасковьею Ивановною.

Царевны же.

Наталія Алексѣевна.

Марія Алексѣевна.

Федосья Алексѣевна.

И для того отправлены были к Шлютелбургу наперед 9 буеров, и когда в Шлютелбург государь прибыл, и на другій день, то есть 20 числа, от Шлютелбурга за 8 верст их встрѣтил, и прибыл с ними в Шлютелбург вмѣстѣ, и для того стрѣляли с города изо всѣх пушек, и был тамо до 25 дня.

В 25 день государь со оными приѣзжими с Москвы гостями на помянутых буерах пошел, и как стали приближаться к Петербургу, тогда верстах в 4 от Петербурга встрѣтил на яхтѣ адмирал Апраксин и поздравлял пушечною стрѣльбою: а когда в Петербург прибыли, тогда с города стрѣляли из пушек.

Маія во 2 день государь пошел с фамиліею своею на море ко Кроншлоту, и быв там три дни, возвратился в Петербург.

Маія в 6 день отправлен был морем шаутбенахт Боцис (для нападенія в неприятельскую землю в Финляндію) с 9 скампавеями и 7 брегантинами к городу Бургоу, к которому и пристали маія 10 числа благополучно, и высадя на берег людей с 300 человѣк, и тѣми людьми то мѣсто разорили, гдѣ с 300 дворов предали огню, и кругом онаго многія мызы и деревни, которыя не платили контрибуцій, сожгли же, и как в городѣ, так и по мызам и деревням не мало пожитков побрали: в том десантѣ неприятелей побито с 200 человѣк солдат, да в полон взяли порутчика и нѣсколько рядовых, да 4 человѣка бургеров. В то же время сожгли 15 шкут торговых, которые тут зимовали, и взяли с них в полон 4 человѣка матросов и 4 пушки чугунных: взятые в полон сказали, что генерал Мейдель и сам был в Бурговѣ, и за нѣсколько часов перед приѣздом наших людей оттоль уѣхал, и полком своим, которые тогда около Бургоу по деревням стояли, и по разореніи того мѣста помянутый Шаутбенахт, миновав шведскій флот (который лежал при березовых островах), возвратился ко Кроншлоту безо всякаго потерянія. В тѣх же числах посылан был к березовым островам полковник Толбухин в 300 человѣках на лодках, который на березовых островах, и по неприятельскому берегу до Выборга разорил нѣсколько деревень, и сжег по берегу шведскаго готовленаго в заморскій отпуск брусья около 100 000 и 2 шкуты и 1 бот, да в полон взял рейтара 1, солдат 2 человѣк. И как помянутый полковник ко Кроншлоту возвратился маія 14, тогда еще к березовым же островам и к рѣкѣ Хмѣлевкѣ посылан подполковник Островскій на 7 лодках больших в 200 человѣках, и взяли на боту выборгскаго знатнаго купца, и одного голландскаго шкипера, и 4 матросов, которые приѣзжали для осмотрѣнія и отпуска за море брусья, который шкипер по распросѣ о неприятелѣ со своими людьми отпущен.

О королѣ шведском имѣли тогда вѣдомость, что он со всѣм своим войском около Минска обрѣтался, откуда он отправил Станислава Лѣщинскаго в Польшу

с генералом маіором Крассовым в 8000 человѣках, и потом король шведскій с великим поспѣшеніем марш свой продолжал к россійским границам.

В том же году подданный россійскій донскій козак Булавин забунтовал, и полковника князя Юрья Долгорукова, который посылан был на Дон для высылки бѣглых людей, убил, к которому пристали едва не всѣ донскіе козаки и признали его, Булавина, за войсковаго атамана (для чего государь принужден был на Дон послать с частію войска для усмиренія тѣх бунтовщиков маіора от гвардіи князя Долгорукова, между которыми войски отправлен с ним был и баталіон гвардіи Преображенской); и тако тот случай весьма был королю шведскому в пользу.

И когда король шведскій усмотрѣл, что нѣкоторый россійскій корпус под Борисовым, под командою генерала Алларта и генерала лейтенанта Гейскина обрѣтался, тогда отправил он 1 000 человѣк для осматриванья рѣки Березы. В то же время и шведская авангардія туда же наступила, гдѣ с тѣми россійскими войски имѣли стычку; и как они усмотрѣли, что та переправа уже у них занята, то потом, обратясь на лѣвую сторону, отступили в низ по рѣчкѣ Березѣ даже до Свишлиц сквозь непроходныя лѣса и болота на 15 миль; и понеже тѣ мѣста повсюду были разорены и опустошены, то не токмо провіанта, но ниже фуража тамо обрѣталось, гдѣ великую скудость они имѣли, и в лѣсу во многих мѣстах учинены были засѣки; и хотя королю шведскому его генералы о таком худом маршѣ не совѣтовали, однако ж он не смотря на то, что тѣ мѣста от болот непроходимыя и в пропитаніи разоренныя, по тайному согласію с черкаским гетманом Мазепою марш свой продолжал.

Іюня 10 получена в Петербург к государю от генерала князя Меншикова вѣдомость, что неприятель рѣку Березу при урочищѣ Сапѣжинской Березинѣ в 5 милях от Головчина перебрался.

В 20 день его величество был на морѣ у Кроншлота, и прибыл назад в Петербург в 22 день, гдѣ тогда получена другая вѣдомость, что неприятель конечно к нашим границам приближается. В то же время генерал адъютант короля шведскаго Канифер у рѣки Березы в 300 волохах, напал на наших козаков, гдѣ оные стояли осторожно; и оных волохов прогнали, из которых 30 человѣк на мѣстѣ положили и 4 человѣк живых взяли.

Іюня в 25 день государь из Санктпетербурга по вышеписанным вѣдомостям путь свой восприял ко Смоленску и к мѣстечку Горкам, которыя недалеко от Смоленска, гдѣ тогда обрѣталося войско; а в Ингріи и Естляндіи вышнюю команду тогда над войсками и гарнизонами поручил генералу адмиралу графу Апраксину.

За государем послѣдовали до Нарвы высокоупомянутая его величества прибывшая из Москвы фамилія, государыни царицы и царевны, и ѣхали на Копорье и Ямбург, для показанія им тѣх новозавоеванных крѣпостей, с которых на пріѣздѣ и на отпускѣ стрѣляли из пушек, а в Нарву прибыли в 27 день, и взяли тут праздник святых апостол Петра и Павла, то есть 29 день тезоименинства его величества, гдѣ при благодареніи Богу, стрѣляли с города из пушек трижды, и чинена была на рѣкѣ Наровѣ на плотах огненная потѣха. В 30 день из Нарвы государь, простяся с своею фамиліею, восприял назначенный путь свой ко Смоленску и к мѣстечку Горкам, и между тѣм на дорогѣ, отъѣхав ото Пскова, получена вѣдомость

чрез ротмистра Антона Девіера, что король шведскій рѣку Березу под мѣстом Головчиным перебрался, и наши от того паса отступили, таким образом, как слѣдует реляція.

РЕЛЯЦІЯ

В 3 день іюля наше войско пришло к рѣчкѣ Бибичь, против мѣстечка Головчина, и по оной рѣчкѣ учинили постригун, в срединѣ генерал фелдмаршал Шереметев, и с ним генерал от кавалеріи князь Меншиков; а на правой рукѣ генерал Аларт, да генерал лейтенант Флюк; на лѣвой рукѣ генерал фелдмаршал лейтенант Гольц, да генерал князь Репнин.

В 14 день в 3 часу по полуночи, при случившемся туманѣ и дождѣ неприятель с пѣхотою на понтонах чрез рѣку между дивизіи князя Репнина и корпуса фелдмаршала, гдѣ было болото, перешел, и чрез оное (гдѣ не чаяли) на дивизію князя Репнина, от которой дивизіи много было командированных к переправам и мостам для коммуникаціи чрез переправы с прочими дивизіями, напал перво с пѣхотою, потом и кавалеріею, и тщились онаго отрѣзать от главнаго войска, который до того их не допустил, но по довольном сопротивленіи ретировались к лѣсу, а кавалерія тогда напала на генерала фелдмаршала лейтенанта Гольца, который также ретировался.

И хотя во время того неприятельскаго перехода с россійской стороны много в том неприятелю помѣшательства чинили, однако же не так, как надлежало; понеже тогда дивизіи генерала князя Репнина солдаты, на которых они напали, во многих командированіях были для коммуникацій с другими дивизіями на переправах, и от того сія дивизія перво пришла в конфузію: однако ж неприятель от того труднаго перехода болѣе людей своих потерял; да и сам король с лошадью упал в грязь, отколь едва драбанты его спасли, и как чрез оную рѣку переправилися, то пошли на правую сторону к Могилеву; а генерал фелдмаршал Шереметев с корпусом своим ко Шклову пошел (и тамо он чрез Днѣпр перебрался), а прочія дивизіи по указу назад отступили к Копоси и к Горкам.

На той акци от дивизіи генерала князя Репнина убито и от ран померло:

Генерал-маіор фон Шведен.
Обер-офицеров – 5.
Урядников и солдат и неслужащих – 113.
И того – 118.

Ранено.

Штаб и обер-офицеров – 11.
Урядников, рядовых и неслужащих – 207.
И того – 218.

Послѣ акціи безъизвѣстно пропало:

Порутчик – 1.
Урядников, солдат и неслужащих – 408.

С неприятельской же стороны гораздо болѣе пропало и побито, как вѣдомости от полковников имѣли, около 1200 человѣк.

В 20 день іюля в бытность государеву в Горках получена вѣдомость из Азова от губернатора Ивана Толстаго, что вышепомянутых бунтовщиков козаков донских булавинцов, которые приходили к Азову в 5000 человѣках, счастливо от

города Азова отбили, и с половину их на мѣстѣ трупом положили, а прочіе разбѣжались. В то же время и главнаго вора бунтовщика Булавина в Черкаском козаки убили, и государю паки покорились: и тако тот главный бунт утишен, чего для было в арміи благодареніе Богу с троекратною пушечною и мѣлочнаго ружья стрѣльбою; а которые того бунтовщика товарищи были по другим городкам козачьим не малое число, тѣх маіор от гвардіи князь Долгорукій тѣм же лѣтом побил и переказнил, и тако к осени весьма тот бунт искоренен.

Іюля от 13 августа по 1 число государь был в Горках, и между тѣм осматривал свое войско, и крѣпил посты, а знатных дѣйств не было: ибо король шведскій в то время с войском своим стоял у Могилева безо всякаго дѣйства.

Августа в 1 день в вечеру получена вѣдомость от генерала поручтчика Рена, что посланная партія в мѣстечкѣ Смольянах в Кляшторѣ атаковала генерала адъютанта короля шведскаго и знатнаго партизана Канифера в нѣскольком числѣ драгун и волохов, и онаго генерала адъютанта и нѣсколько драгун и волохов живых взяли, а прочих побили.

В 3 день государь по полудни смотрѣл пѣхотных полков, и была екзерциція. Того же дня в вечеру привезен помянутый генерал адъютант Канифер с нѣсколькими волохи к гауптквартирѣ.

В 4 день получена вѣдомость, что неприятель под Могилевым Днѣпр перебрался.

А понеже король шведскій, будучи в надеждѣ на измѣну Мазепину и на бунт донскій, также и запорожских козаков, которые в то время с Мазепою за одно уже были, еще к российским границам приближался, и в таком гордом мнѣніи был, что не хотѣл прежде послать указа к генералу Левенгоупту, дабы он со своим корпусом, который состоял в 16 000, к его арміи приближился; однако ж потом, хотя он и послал указ к Левенгоупту, дабы он шел к нему в слученіе, но то уже было поздно, и россійскія войска, как ниже явится, путь ему пресѣкли; а король шведскій между тѣм со своею арміею на одном мѣстѣ не стоял же, и гонялся за рускими и туда и сюда, как о том ниже сего показано будет; а руская армія всегда ретировалась ко своим рубежам, и все, что могла пред собою найти, употребляла для себя, а иное жгла, дабы неприятелю не досталось; однако ж по правую сторону еще шведы могли нѣчто малое для пропитанія себѣ получать, а с лѣвой стороны, гдѣ рускія войска шли, ничего им не оставляли. Между тѣм же Сапѣга с князем Вишневецким соединился, а король шведскій еще и Синявскаго коронного гетмана к ним же присовокупить старался весьма: однако ж он, яко честный господин, на то не склонился.

В 6 день получена вѣдомость из Копоси от генерала поручтчика Рена, что за Днѣпром против их явилось неприятельских нѣсколько полков конных, а по полудни получена вѣдомость от генерала маіора Волконскаго, что неприятель марш свой взял ко Пропойску.

В 9 день объявлен был указ всему войску, чтоб готовы были к походу, по которому указу и пошли немедленно ко Мстиславлю.

А в 11 день государь с половиною пѣхоты прибыл во Мстиславль, а достальная пѣхота пришла на другій день, то есть августа во 12 день.

В 16 день от фелдмаршала лейтенанта Гольца получена вѣдомость, что неприятель с частію войска своего к Чирикову пришел, а другую часть отправил

к Гомлю; и того ж числа отправлен из Мстиславля до Рясны с Преображенским и Семеновским полками генерал маіор князь Голицын.

В 17 день поутру государь изо Мстиславля путь свой восприял до Рясны, гдѣ кавалерія обрѣталась, и прибыл в Рясну того же числа, и осматривал тамо драгунскіе полки. Между тѣм же получена вѣдомость, что неприятель к Чаусам пришел, и того же дня по тѣм вѣдомостям указано всей кавалеріи (и гвардіи, которая тогда была на лошадях), при Ряснѣ будучи, по полуночи в 3 часу итти в поход к рѣкѣ Пронѣ. Того же числа присланы от генерала маіора Волконскаго 2 вышедшіе от неприятеля из-за рѣки Прони ротный квартермистр, да драгун, которые сказали, что того числа неприятель будет со всѣм перебираться рѣку Проню, и при их отходѣ оттуда один мост был готов; а другій отдѣлывали, и того же числа от того мѣста возвратились, и шли милю назад в правую сторону до деревни Долгичь.

В 19 день из Долгичь послан был указ к генералу маіору Волконскому, чтоб освѣдомился подлинно о неприятельском обращеніи, куда оный намѣрен итти, и старался б достать языков, и того же числа, от Долгичь отъѣхав 2 мили, в деревнѣ Ермаковкѣ получена вѣдомость, что генерал маіор Волконскій с своим полком и козаками и волохи напал на неприятельскій обоз, и нѣсколько шведов побил и 2 в полон взял.

В 20 день, отъѣхав от Ермаковки 2 мили, пришли в Крычов, и тут получили вѣдомость, что неприятель в мѣстечко Чириков вступил, которое от Крычова в 5 милях; чего ради всему обозу указано перебраться за рѣку Сожу чрез мост, который от того мѣста с милю, и остановиться: а государь с Преображенским и Семеновским и с нѣсколькими полками драгунскими, переправясь оную рѣку у самаго Крычова, в брод пошли по другой сторонѣ подлѣ оной рѣки по той же дорогѣ, переправяся 3 рѣчки небольшія зѣло болотистыя.

В 21 день государь с полками гвардіи пошел до деревни Борисович, которая от того моста, что на Сожѣ, с милю; но как по прибытіи во оную деревню получили (от генерала поручика Рена, который пас свой имѣл тогда при помянутом мѣстѣ Чириков у рѣки Сожи) о неприятелѣ подлинную вѣдомость, что он у Чирикова пост занял, то, не мѣшкав, поѣхал государь до помянутаго паса, гдѣ стоял генерал поручик Рен, а гвардіи велѣно обождать указа о маршѣ; а наперед для вѣдома к генералу поручику Рену отправлен был адьютант Бартенев, который возвратясь от него, Рена, репортовал тож, что неприятель пост у Чирикова занял, и тогда ночевали в деревнѣ Вепринѣ. Того же вечера слышна была стрѣльба у Чирикова.

Того же числа посылан был в деревню Борисовичи адьютант Маврин, которому велено подполковнику от гвардіи Кирхену сказать, чтоб он с гвардіею как можно поспѣшал.

В 22 день по утру государь из Веприна поѣхал до помянутаго паса к генералу поручику Рену; потом неприятель, видя, что с нашей стороны тот трудный пас остережен, пошел от того мѣста.

Тогда оставя тут партію для охраненія того паса, возвратились к деревнѣ Веприну.

В 23 день от Веприна пошли в Борисовичи. В то же время получена вѣдомость от генерала маіора Волконскаго чрез взятых языков, что неприятель пошел в верьх по рѣкѣ Сожѣ к Крычову, и для того пошли к деревнѣ Лабжицам.

В 24 день от деревни Лабжиц пошли к Крычову, гдѣ получили вѣдомость, что неприятель идет ко Мстиславлю; и в то время государь пошел с полками гвардіи и нѣсколькими драгунскими (которые у Крычова были с генералом поручиком Флюком) в верьх рѣки Сож 3 мили до Страколы, и там ночевали, и на другій день по утру переправились рѣку Остру, которая впала в Сожу. Того же 25 числа переправились чрез рѣку Сожу по мосту, потом паки с полмили отъѣхав, прибыл государь к корпусу фелдмаршала Шереметева.

Того же числа в вечеру приказ был, чтоб войско к походу все было готово.

В 26 день имѣли консиліум, на котором опредѣлено как кавалерію, так и инфантерію раздѣлить на три дивизіи, и стоять из них каждой на опредѣленных пасах.

Тогда же получена вѣдомость от генерала адмирала графа Апраксина из Нарвы, что он іюня в 29 день посылал козацкую партію по Ревельской дорогѣ во 100 человѣках конных, которая партія у рѣки Семы напала на неприятельскую заставу, гдѣ с 50 человѣк рейтар было, и оную заставу разбили, и взяли одного порутчика и 5 человѣк рейтар, и человѣк с 20 побили, а достальные разбѣжались, и привезли тѣх плѣнных к нему, и тот взятый порутчик сказал, что близ Ракобора стоят неприятельских два полка, в том числѣ один рейтарскій, другій пѣхотный, и по тѣм вѣдомостям он генерал адмирал, взяв с собою полк драгунскій, полковника Монастырева и 3 баталіона пѣхоты, и нѣсколько сот козаков, пошел неприятеля атаковать, и августа в 15 день, пришед к рѣкѣ Семѣ, гдѣ прежде неприятельская застава разбита, нашли при той рѣкѣ небольшую крѣпость, в которой было 150 человѣк рейтар и 40 человѣк солдат, и оную взяли; и понеже оные жестоко боронились: того ради всѣ побиты, только осталось живых 4 человѣка, чрез которых извѣстясь, что тѣ 2 полка стоят от них в близости, пошел к ним с драгунскими наскоро, куда и пѣхотѣ велѣл за собою поспѣшать; и как пришли близко, тогда увѣдав неприятель, начал было ретироваться к мѣстечку Ракобору, который тракт им наши драгуны пресѣкли, и онаго одержали, и принудили к баталіи; и как скоро россійская инфантерія приближилась, то велѣл им построиться, и на неприятеля пошел, который видя, что так наступательно слѣдуют, дав один залп, кавалерія побѣжала, а и пѣхота начала ретироваться к мѣстечку Ракобору, которых наши драгуны и солдаты болѣе дву миль провожали, и от пѣхоты ни один человѣк не ушел, которых на мѣстѣ перечтено мертвых 916 человѣк, также и из рейтар немногіе ушли.

А сколько взято в полон людей и прочаго, тому при сем роспись:

При той акціи взято в полон:

Подполковник Шлипембах (сын генерала маіора Шлипембаха).
Обер-офицеров, ротмистров и капитанов – 6.
Порутчиков – 5.
Прапорщиков – 4.
Унтер-офицеров и рядовых – 228.
Всего – 244.

Да отпущено в Ревель раненых унтер-офицеров и рядовых 25 человѣк.

Ружья.
Фузей со штыками – 525.
Алебард – 24.

Наших побито.

Капитан порутчик – 1.
Драгун – 11.
Козаков – 4.
И того – 16.

Ранено.

Маіор – 1.
Капитанов – 3.
Драгун – 41.
Козаков – 8.
Всего убито и ранено – 69.

Потом вся главная армія, в Литвѣ стоящая, пошла к рѣчкам Напам Бѣлой и Черной, и там по опредѣленію по оной стали постирунгом, дабы неприятеля держать.

А гаупт-квартиру тогда имѣли при мѣстечкѣ Добром.

В 29 день августа в вечеру отправлен был генерал маіор князь Голицын с нѣсколькими баталіонами пѣхоты на неприятеля, который тогда стоял близко Доброго за рѣчкою Черною Напою, гдѣ был бой, на котором шведов немалое число побито: а каким образом той бой был, и то объявляется слѣдующею при сем реляціею.

Когда неприятель помянутаго же 29 дня со всѣм войском приступил к рѣчку Черную Напу, то нашего войска растояніем с малую милю в виду, и его правое крыло стояло против нашего лѣваго от корпуса своего немалую четверть мили поотдалясь: того ради по отправленном генеральном консиліи за благо разсудили онаго с помощію Вышняго атаковать, хотя от нас за двумя вышепомянутыми рѣчками с топкими болотами, и еще за нѣкоторою протокою, из тоя же рѣчки исходящею, стоял, и к той атакѣ командировали помянутаго генерала маіора и полковника от втораго полка гвардіи князя Голицына и с ним 8 баталіонов пѣхоты, да генерала лейтенанта Флюка с 30 шквадронами драгун, которая пѣхота, перебрався чрез пасажи на то неприятельское крыло, в котором было больше 5000 неприятельской пѣхоты и нѣсколько тысяч кавалеріи, мужественно на оных напала, и по жестоком бою (котораго с два часа с непрестанным огнем было) храбро с поля сбила, при котором бою неприятелей больше 2000 на мѣстѣ боевом положено, да по послѣдней мѣрѣ столько ж ранено, а достальные разогнаны одною тою нашею пѣхотою; понеже кавалерія не могла поспѣть за морастом, и понеже вся неприятельская армія на тот наш деташамент могла б напасть и оный разорить, понеже за вышеобъявленными пасами трудно было оный сикурсировать: того ради повелено помянутому деташаменту возвратиться паки за вышепомянутую рѣчку Черную Напу, еже с добрым порядком и учинилось, и ретировались в виду всей арміи, и принесли с собою шесть неприятельских знамен. И тако сія акція в лицѣ всей неприятельской арміи с помощію Божіею зѣло мужественно учинена.

И за то помянутому генералу маіору князю Голицыну дали кавалерія ордена Святаго Андрея.

В 30 день в вечеру, оставя тот пас, пошли к Мстиславлю, а оттоль к Мигновичам; а неприятель за нами слѣдовал, пред которым наша кавалерія по деревням

провіант и на полях стоячій хлѣб и строеніе всякое жгли для оголоженія неприятеля, и чтоб не было оному пристанища. А когда неприятель стал приближаться к нашим границам, тогда мили за 3 до деревни Мигновичи сентября в 9 день, была с нашею кавалеріею реконтра, гдѣ неприятелей нѣсколько побито, и два штандарта и литавры, также одного ротмистра и нѣсколько десятков рядовых взяли, потом неприятель перво пѣхотою своею, потом и кавалеріею ночью зѣло скоро марш свой восприял назад (сей неприятельскій марш от Доброго за нами был не в прямом намѣреніи на Смоленск, но для обмана, дабы нас от тѣх жестоких переправ отманя, самому легче в Украину вступить и соединиться с измѣнником Мазепою), за которым наше войско також слѣдовало; и в 10 день сентября пошли в Соболев, гдѣ получили подлинную вѣдомость, что неприятель уже Сожу рѣку перешел со всѣм войском, и к Украинѣ марш свой восприял.

Тогда же получена вѣдомость, что генерал Левенгоупт от Риги идет со знатным корпусом во слученіе своему королю; того для учинен воинскій совѣт, что дѣлать, понеже неприятель маршем обманул, и трудный пас уже перешел; на котором совѣтѣ положено, чтобы для престороги за главным войском неприятельским ити генералу фелдмаршалу Шереметеву с главным россійским корпусом на Украину, а добрую часть отдѣлить на Левенгоупта и его атаковать, которое дѣло государь взял на себя, куда отдѣля корпус пошел без обоза, токмо с одними вьюками.

В 15 день государь пришел в село Григорково, и тут получил подлинную вѣдомость чрез взятых языков, что Левенгоупт маршем своим зѣло стал поспѣшать: для чего и государь с полками своими маршем поспѣшал, в котором маршѣ имѣли вожа жида, подкупнаго от шведов, который нас фальшивым маршем к Днѣпру привел, сказывая, что Левенгоупт еще не перешел чрез оный (который ужи три дни как перешел), куда стали было переправляться, и подлинно б он ушел, если бы не встрѣтился шляхтич Петрокович, и сказал о том истинну, и правдивым вожем был (а оный жид за то злодѣйство повѣшен), и продолжали тот марш из Григоровка сентября от 16, даже до 27 числа. Между тѣм послан был генерал лейтенант Флюк с партіею для взятья языков; а потом и генерал князь Меншиков, который хотя неприятеля и дашел, однако ж языков не получил, чего зѣло желали; ибо подлинной вѣдомости не имѣли, в какой силѣ оный корпус состоит; а слух был, будто только оный в восми тысячах человѣках состоял: однако же явилось послѣ в оном корпусѣ людей 16 000, а не 8000.

В 27 день дошли онаго неприятеля у деревни Долгих Мхов, который за рѣкою на горѣ со всѣм войском стоял и мост разорил; и когда наши конные на берегу явились, неприятель тот час пѣхоту и пушки к берегу подвинул, и стал по нашей конницѣ стрѣлять, против того и с нашей стороны 5 пушек привезено, и также стали стрѣлять; потом неприятель пушки свои отвез; а пѣхотѣ велѣл лечь, но наши пушки оных тогда стали подымать: того ради сим маниром не возмогли избавиться, и оная пѣхота ушла в лѣс; потом и все войско неприятельское из вида ушло, и наступила ночь; а наши тою ночью два моста сдѣлали, и по утру, то есть в 28 день сентября, перебрався, пошли за неприятелем, и о полудни онаго дошли у деревни Лѣсной в парадѣ стоящаго, к которому пришли лѣсом густым, гдѣ были болота и переправы жестокія, что зѣло трудно было ко оному прийти: того ради искали вожа, чтоб с инаго удобнаго мѣста атаковать; и когда нашли вожа, то указал государь в том мѣстѣ оставить полковника Кампеля с 1000 человѣк конных,

да пред тѣм полковником бригадир Фастман послан с 700 драгун за рѣку Сожу, дабы неприятельскій мост разорить; понеже чаяли Левенгоупта в малом числѣ; и когда лоцман привел в удобное мѣсто, и начали пѣхоту спѣшивать (для того, что была оная на лошадях), и нѣсколько драгунских полков спѣшено ж (понеже пѣхоты мало было), и строиться к баталіи, дабы неприятеля атаковать, и только 3 полка пѣхотные спѣшились и 1 драгунскій (а именно: 2 полка гвардіи, да полк Ингерманландскій и Невскій драгунскій), тогда нечаянно неприятель из лѣса пѣхотою на два наши полка Ингерманландскій и Невскій фрунтом напал, однако же неприятелю мѣста не уступили, но мужественно бились; и понеже неприятель гораздо сильнѣе был, и с лѣваго своего крыла стал фланг занимать: того ради Семеновскій полк против оных пришел и в бой вступил; но неприятель так люден был, что и у онаго фланга захватывать стал: того ради послали по Преображенскій полк (котораго тогда только 3 баталіона было, а четвертый был, как выше помянуто, на Дону), да баталіон Астраханскій, которые уже гораздо в право было отошли для атаки на лѣвое неприятельское крыло, тот час поворотились и со фланга на неприятеля нападеніе учинили, которых увидя неприятель, и не дождався оных, назад в лѣс уходить начал, за которым сквозь лѣс гнались, и 4 пѣхотныя знамя, 2 пушки, и полковника Шталя и генерала адъютанта Кноринга, и иных нѣсколько офицеров взяли (которые единогласно сказывали, что их было в бою 13 000, кромѣ авангардіи 3000, которая у Пропойска была); и когда оных сквозь лѣс прогнали к их конницѣ, тогда наша конница с пѣхотою совокупились, и на оном полѣ всѣми людми на обѣ стороны в главный бой вступили, который нѣсколько часов продолжался, гдѣ неприятеля с поля паки сбили ж, который ушел ко своему обозу; а наши стали на боевом мѣстѣ, гдѣ взято 8 пушек и нѣсколько знамен, и понеже на обѣ стороны солдаты так устали, что болѣе не возможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом мѣстѣ сѣли, и довольное время отдыхали, разстояніем линѣй одна от другой в половинѣ пушечнаго выстрѣла полковой пушки, или ближе; в то время с нашего праваго крыла нѣсколько раз из 3 пушек стрѣлено во фланг неприятельскій, а от них стрѣльбы не было (сей случай зѣло дивно было видѣть, будто бы неприятели между собою были так кротки, и близко друг от друга сидя отдыхали); потом в пятом часу по полудни генерал порутчик Боур с 3000 драгун пришел, а к неприятелю авангардія, которая была у Пропойска (для дѣланія мостов чрез Сожу) в 3000 такожде пришла, и потом наши паки неприятеля атаковали, гдѣ превеликій жестокій был бой, и перво нѣсколько залпов выпалили, а потом с баіонетами и шпагами прямо на неприятеля пошли, и помощію побѣдодавца Бога неприятеля со всѣм с поля сбили, и достальныя пушки и обоз взяли, и совершенную викторію получили, при котором окончаніи превеликая началась вьюга со снѣгом, и потом тот час ночь наступила, и тако оставшійся неприятель случай к уходу получил; а наши, гдѣ кого та вьюга застала, тут и ночевали. Сей бой начался в 1 часу по полудни, а окончился в 7, вычитая тѣ часы, что отдыхали, которых было с 2 часа. Неприятелей на боевом мѣстѣ с 8000 побито; а за бѣгучим неприятелем на другій день по утру государь командировал генерала лейтенанта Флюка с нѣсколькими полками драгунов и нѣсколько от козаков и калмыков: а потом и генерал князь Меншиков с достальною кавалеріею послан за неприятелем же, и велено ему ити на Украину ко главному корпусу, которых неприятелей оный

генерал лейтенант догнал у Пропойска, и больше 500 человѣк оных побил, и нѣсколько сот в полон взял, гдѣ и достальный их обоз больше 2000 телѣг взял, также и по дорогѣ, и по лѣсам бѣгущих неприятелей козаки и калмыки много побили. В то же время и бригадир Фастман, который был за Сожею на переправѣ, также вред немалый учинил неприятелю.

Потом октября в 1 день генерал маіор Инфлант близ самаго королевскаго войска, на тѣх же достальных разбитых неприятелей паки напал, и больше 200 человѣк побил, знамя, 3 офицеров и 200 рядовых в полон взял.

Сія у нас побѣда может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и по истиннѣ оная виною всѣх благополучных послѣдованій Россіи, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталіи, как ободреніем людей, так и временем; ибо по девятимѣсячном времени оное младенца щастіе произнесла; егда совершеннаго ради любопытства кто желает исчислить от 28 дня сентября 1708, до 27 іюня 1709 года.

Во время сей баталіи, как выше помянуто, на мѣстѣ побитых тѣл перечтено 8000, да сверьх того в разныя акціи у Пропойска и в других мѣстах бѣгущих неприятелей побито и взято в полон, также каковы были пред баталіею сильны неприятельскіе полки и наши, и сколько наших убито и ранено, и что взято у неприятелей знамен, артилеріи, аммуниціи и прочих побѣдоносных знаков, тому при сем роспись.

Описаніе наших полков, сколько было на баталіи под Лѣсным, и каковы сильны людьми, кромѣ тѣх, которые из оных командированы были в разныя мѣста, и на сей баталіи не были.

Пѣхотные полки.

Преображенскаго – 3 баталіона.
Семеновскаго – 3.
Ингерманландскаго – 3.
Баталіон Астраханскій.
В них было людей – 4830.

Драгунскіе.

Лейб регимент генерала князя Меншикова.
Невскій.
Владимирскій.
Троицкій.
Тверскій.
Сибирскій.
Ростовскій.
Нижегородскій.
Смоленскій.
Вятскій.
В них было людей – 6795.
И того было на баталіи 11 625 человѣк.

Из того числа было откомандировано с Фастманом и фон Кампелем 1700, и за тѣм в бою было 9925 человѣк.

Да при окончаніи баталіи пришли драгунскіе полки с генералом лейтенантом Боуром.

Кіевскій.
Новогородскій.
Пермскій.
Нарвскій.
Ямбургскій.
Каргопольскій.
Устюжскій.
Копорскій.

В них было людей – 4076.

И с тѣми было людей (кромѣ тѣх, кои были командированы) 14 001 человѣк.

Из того числа наших:

Ранено – 2856.
Побито – 1111.

Сколько неприятельских полков было.

Пѣхотные.

Беренбург.
Нилендер.
Левенгоупт.
Делагардіи.
Сакан.
Врангель.
Банир.
Естерботен.
Елзиніер.
Аболинер.

Драгунскіе.

Цей.
Шлитер-Фельт.
Скоге.
Брант.
Шлипенбах.
Веннерстат.

Рейтары.

Аболенингер.
Корельскій.
Адольсван.

Всего по сказѣ взятых генералов адъютантов Левенгоуптовых во оных полках рейтар и драгун и пѣхоты было 16 000.

В полон взято людей, пушек и знамен.

Офицеров.

Полковников – 2.
Генерал адъютантов – 3.
Воинскій судья – 1.
Комисар – 1.

Ротмистров – 3.
Капитанов – 7.
Аудиторов артилерійских – 2.
Порутчиков – 12.
Адьютантов – 2.
Квартермистров – 5.
Прапорщиков – 17.
Кригс-фискал – 1.
Унтер-офицеров – 21.
Капралов и рядовых – 798.
Волонтир – 1.
Всего – 876 человѣк.

Пушек – 17.
Знамен – 44.
В том числѣ рейтарских и драгунских – 10.
Пѣхотных – 34.

По окончаніи той баталіи на том мѣстѣ у Лѣснаго стояли 3 дни, гдѣ на завтрѣе было благодареніе Богу при троекратной стрѣльбѣ из пушек и из ружья.

И потом октября во 2 день государь с полками гвардіи и прочею пѣхотою путь свой восприял ко Смоленску: в то же время октября 3 дня государь заѣзжал в Чаусы для посѣщенія генерала порутчика князя Дармштатскаго, который был на помянутой Левенгоуптской баталіи, и жестоко ранен, от которой раны послѣ вскорѣ тут же в Чаусах умре (котораго тѣло послѣ привезено во Смоленск и погребено честно).

В Смоленск государь прибыл октября 8 дня с полками гвардіи, и пошел в город с тріумфом со взятыми полонениками, и их знаменами и артилеріею: а когда к городу стали приближаться, тогда с города была изо всѣх пушек стрѣльба, и потом когда в город вошли и стали на площади, тогда как с города из пушек, так и солдаты из мѣлкаго ружья стрѣляли троекратно.

Между тѣм временем генерал фелдмаршал Шереметев с главною арміею обрѣтался около Стародуба и прочих тамо лежащих мѣст, гдѣ и министры были. В то же время послан от генерала Левенгоупта к королю шведскому с вѣдомостію (что он от россійских войск побит) маіор, который маіор заѣхал в Стародуб, чая, что король шведскій всею Украиною овладѣл, котораго маіора козаки того города взяв, привели к помянутому фелдмаршалу нашему, и оный пред фелдмаршалом сказал, что он послан от Левенгоупта к королю своему с вѣдомостью, что войска их побиты. И тако фелдмаршал со всѣм тамо присутствующим генералитетом и министрами нашими о той нам щастливой баталіи увѣдомилися прежде от того маіора: а куріер от государя с тою вѣдомостью пріѣхал к фелдмаршалу и к министрам послѣ.

Тогда же октября в 19 день в Смоленскѣ получена вѣдомость от генерала адмирала Апраксина о приходѣ шведскаго генерала маіора Либекера в Ингрію, и что он с уроном немалым на кораблях морем оттоль ушел, как слѣдует реляція.

По окончаніи у Ракобора щастливой акціи генерал адмирал по прибытіи в Нарву получил вѣдомость из Петербурга, что неприятель от Выборга идет

к Невѣ рѣкѣ, и по тѣм вѣдомостям немедленно поѣхал в Петербург, и по прибытии в Петербург учинил постригун по Невѣ как пѣхотою, так и конницею (но тогда было при Петербургѣ войска зѣло мало) для удержанія неприятеля; и для того галерный шаутбенахт граф Боцис с восьмью скампавеями стоял между рѣк Мьи и Мойки, да с пятью брегантинами руских, над которыми имѣл команду. Капитан поручик Гельма стоял близ Ижоры рѣки.

Августа 28 к вечеру генерал адмирал получил от помянутаго Шаутбенахта писмо, что против того мѣста, гдѣ он стоял, явился неприятель, и начал дѣлать батарею, и по тому его писму туда стали сближаться наши войска на отпор к тому мѣсту.

Августа в 30 день по утру генерал адьютант ѣздил до Тосны рѣки для осмотренія того мѣста, и на дорогѣ встрѣтились ему наши часовые, и донесли ему, что неприятель явился ниже Тосны верстах в 3; и когда против того мѣста генерал адмирал приѣхал, и увидѣл, что неприятель стоит в парадѣ, и что первое мѣсто для обмана учинил, послал, чтобы с постригунгов к тому мѣсту люди поспѣшали; но за дальностью не поспѣли, понеже всѣ шли ко Мьѣ рѣкѣ: между тѣм неприятель, связав по 8 понтонов вмѣстѣ, наметав досками, и поставя людей, шел чрез рѣку Неву на греблѣ, при том имѣли в лѣсу тайно сдѣланныя батареи и пушки, и как понтоны шли к другой сторонѣ, с берега из пушек чрез рѣку жестоко стрѣляли, куда приспѣли наши на двух руских брегантинах подпоручик Наум Синявин, да поручик Лоренц, и по понтонам неприятельским с брегантин жестоко из пушек стрѣляли так, что неприятеля привели в конфузію, от чего принужден был ретироваться к своему берегу и сходить с понтонов; но потом неприятель с батарей поворотил пушки и начал стрѣлять по нашим брегантинам, и на котором брегантинѣ был Синявин, так разбил, что с нуждою отшел, и с другою также учинили, и людей нѣсколько побили и ранили, и для того принуждены были отступить; что видя неприятель, паки под своею пушечною стрѣльбою отправил к нашему берегу людей на пяти понтонах, на каждом человѣк по 300, и перешед тотъчас начали дѣлать траншамент, куда с нашей стороны приспѣло драгун только человѣк с 400, и потом с баталіоном пѣхоты маіор волохов, при котором было 3 пушки, и пошли на неприятеля, и по трех часном огню принуждены были отступить; понеже неприятель безпрестанно прибавливался; а нашим сикурса за дальностію получить было не возможно. При переходѣ неприятель в Ингерманландію имѣл по вѣдомостям от мужиков надежду, что было по берегу нѣсколько готовленнаго провіанта, от котораго надѣялся корпус свой пропитать, опасаясь от такой великой переправы отдалиться; а понеже провіант был убран в крѣпость; а чего не возможно было убрать, весь сожен: от чего в такую нужду пришли, что принуждены солдаты их побитых лошадей ѣсть, и от того немалое число солдат к полкам нашим ушло, что видя неприятель, принужден вступить в глубь Ингерманландіи и расположился между Дудоровской и Скворицкой мыз, чая себѣ довольство к пропитанію получить; однако ж того сыскать не мог, но с нуждою прокормленіе имѣл, к тому ж и наши партіями непрестанно докучали; а в главный бой за малолюдством вступить опасались.

Потом неприятель отступил к Копорью и оттуда к морю; тогда генерал адмирал получил извѣстіе, что неприятель со всѣм корпусом перестрѣляв лошадей, стал убираться на корабли, для чего нарочно адмирал их Анкерштерн со флотом

пришел к урочищу Сойкиной горы, и по тѣм вѣдомостям октября 12 числа собрався с пятью баталіонами пѣхоты, да с баталіоном гранадер и с 200 драгун и с нѣсколькими нерегулярными конными, за неприятелем пошел; а пред собою отправил нерегулярных нѣсколько в партію, чтоб достать знатнаго языка, которая партія возвратилась и привезла взятаго порутчика, от котораго извѣстились, что неприятель подлинно убирается на корабли, и уже осталось только 5 баталіонов, которые укрѣпились траншаментом и засѣклись лѣсом, и тѣ перевозятся непрестанно, и по тѣм вѣдомостям стали поспѣшать к неприятелю, и когда приближились в мушкетную стрѣльбу, тогда послан к ним в траншамент Ингерманландскаго полка вахмистр Стразбург с барабанщиком, чтоб сдались; но неприятель отказал, для чего тотъчас приказано к неприятельскому траншаменту приступать, на которых неприятель из траншамента жестоко стрѣлял; однако ж офицеры наши и солдаты не смотря на то шли смѣло; а маіор Греков и порутчик Наум Синявин с гранадеры траншамент обошли морем в брод, и тако неприятеля от моря отрѣзали и привели в конфузію, который хотѣл оттоль еще в другій траншамент засѣсть, но наши не дали, и за ними во оный траншамент вошли, и неприятеля побили так, что ни един не ушел, но или убит или взят; а сколько взято, тому слѣдует реестр. Во время сего штурма адмирал Анкерштерн зѣло жестоко по нашим с кораблей стрѣлял, однако ж вреды великой не учинил.

На сей акціи неприятелей побито болѣе 900 человѣк, да в полон взято:

Маіоров – 1.
Капитанов – 6.
Ротмистр – 1.
Порутчиков – 6.

Да один порутчик, который прислан из Копорья в Нарву послѣ баталіи.
Полковых квартермистров – 3.

Адъютант – 1.
Прапорщиков – 2.
И того штап и обер-офицеров – 21.
Унтер-офицеров, капралов, драгун и солдат – 186.
Пастор – 1.
Лѣкарь – 1.
Всего – 209 человѣк.

Да лошадей побитых и поколотых оставил неприятель болѣе 6 000.
Наших побито.

Вологодскаго полка подполковник Грос.
Капитанов – 5.
Капитан-порутчик – 1.
Порутчик – 1.
Прапорщик – 1.
Драгун и солдат – 49.
И того – 58.

Ранено.

Подполковник – 1.
Маіор – 1.
Капитанов – 3.

Порутчиков – 4.
Прапорщиков – 4.
Драгун и солдат – 207.
И того – 220.
Всего убитых и раненых 278 человѣк.

Октября в 20 день государь из Смоленска поѣхал на почтѣ к войску на Украину (гдѣ был фелдмаршал Шереметев), а пѣхотѣ, которая была на Левенгоуптской баталіи, от Смоленска велѣл слѣдовать за собою.

Октября 27 государь прибыл чрез Новгородок Сѣверскій к войску, и имѣл тогда квартиру в мѣстечкѣ Погребках, от Новгородка с милю; а неприятель с войском стоял на другую сторону рѣки Десны, разстояніем от Новгородка мили с двѣ. Октября в 29 день в Погребках получена подлинная вѣдомость от генерала князя Меншикова о измѣнѣ гетмана Мазепы (который чаял всю Украину к своему зломыслію привесть); но понеже того не мог учинить, того ради с небольшими людьми, которые были на его платѣ, а имянно: тысячи с полторы и с своими единомышленники и с старшины ушел к королю шведскому.

На другій день послѣ того приѣхал в Погребки князь Меншиков и с ним кіевскій губернатор князь Дмитрій Голицын, и между тѣм отправлялся воинскій совѣт, на котором положено, дабы помянутому князю Меншикову с частію войска ити добывать Батурин, гдѣ Мазепины единомышленники полковник Чечель, да генеральный есаул Кениксек с черкасами засѣли.

В 31 день октября по указу отправлен он генерал князь Меншиков с войсками к Батурину.

Ноября в 1 день государь прибыл в мѣстечко Субочево, куда приѣхали 3 полковника черкаскіе, стародубскій и нѣженскій, да переяславскій.

Того же дни послѣ полудня неприятель при мѣстечкѣ Чеплѣевкѣ поставил пушки на той горѣ, гдѣ был их лагерь, в три ряда, одни на верьху, другія в полгоры, третія на низу, и начал по наших стрѣлять; а наши хотя в тот же день малый бруствер имѣли перед собою, однако ж так равное мѣсто было, что только в один человѣк с нуждою за оным бруствером укрыться могли, а в четыре человѣка стать было не возможно от неприятельской стрѣльбы: того ради принуждены тот пас оставить, и пошли к мѣстечку Воронечу; а неприятель рѣку Десну перешел.

И пришли 3 дня в тот городок Воронеч, и там нѣсколько времени были, гдѣ и получили от князя Меншикова вѣдомость, что город Батурин (гдѣ Мазепи измѣнник имѣл свою резиденцію) достали не со многим уроном людей, и первых воров полковника Чечеля и генеральнаго есаула Кениксека с нѣкоторыми их единомысленники взяли; а прочих всѣх побили, и тот город со всѣм сожгли и разорили до основанія, гдѣ зѣло много измѣнника Мазепы богатства взяли; тут же был заготовлен им Мазепою для войск шведских великій магазейн, который також сожжен.

И по тѣм вѣдомостям пошли в Глухов, куда государь прибыл в 5 день.

А генерал князь Меншиков от Батурина приѣхал на другій день.

7 числа по указу государеву козаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубовскаго Ивана Скоропадскаго.

8 числа приѣхал в Глухов кіевскій, черниговскій, переяславскій архіереи.

А 9 дня предали клятвѣ Мазепу оные архіереи публично; того ж дня и персону онаго измѣнника Мазепы вынесли, и сняв кавалерію (которая на ту персону была надѣта с бантом), оную персону бросили в палачевскія руки, которую палач взяв, и прицепя за веревку, тащил по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и по том повѣсил.

В Глуховѣ ж 10 дня казнили вышепомянутаго Чечеля и прочих измѣнников, Мазепиных единомышленников, взятых в Батуринѣ.

Из Глухова государь пошел с войском 16 числа, и ночевал в Красном.

Из Краснова 19 числа пошел, и прибыл того же числа в Терны.

Ноября в 20 день государь пошел из Тернов, и прибыл того же числа в Хоружевку, гдѣ генерал князь Меншиков объявил, что черкасы мужики в нѣкоторых мѣстах при Деснѣ стоящем с полтораста человѣк шведов порубили и в полон взяли.

В 21 день государь прибыл в Ольшанку.

В 22 день прибыл в мѣстечко Марковку.

И тут были до 24 числа; а оттоль пошли в Путивль, чрез степь в превеликой мороз и вьюгу, маршировали на село Михайловку: между тѣм же временем опредѣлено в город Полтаву ввесть наш гарнизон, куда и отправлен полковник Келин с пятью баталіонами.

Ноября в 26 день государь из Путивля прибыл с войски в Лебедин.

А о королѣ шведском имѣли тогда вѣдомость, что он в то время маршировал с войском своим к Ромну.

Ноября в 30 день государь ѣздил к мѣстечку Веприку, гдѣ был наш гарнизон, в полуторѣ тысячах человѣк; а около по деревням стояли драгунскіе полки с генералом лейтенантом Реном; а оттоль ѣздил для осматриванія Гадяча, гдѣ неприятельских было 3 полка, и потом государь возвратился паки в Лебедин декабря 3 дня.

Потом отправлен был воинскій совѣт, на котором положено, чтоб большой части войску ити и добывать Гадяч; а генералу Аларту ити к Ромну, гдѣ была гаупт-квартира короля шведскаго, в таком намѣреніи, что ежели король не пойдет на сикурс Гадяча, то Аларту не приближаться к Ромну, но добывать Гадяч: буде же пойдет на сикурс, то от Гадяча отоступить, а Аларту в Ромен вступить, дабы одно из двух сдѣлать, что и послѣдовало.

Декабря в 7 день с большею частію войска пошли к Веприку, и оттоль к Гадячу.

Тогда же получили вѣдомость, что король шведскій со всею арміею идет на сикурс; и тако ночевав у Веприка, возвратились к Лебедину: а Аларт вступил в Ромен (отколь неприятель вышел); в то время мороз был чрезвычайный, так велик, что птицы на воздухѣ мерзли; и хотя наши большую часть дороги шли возлѣ лѣсу, также ночевали около деревень; однако же со 150 человѣк ознобили руки и ноги и нѣсколько десятков померло, а неприятель чая о нас, что станем Гадяч штурмовать, того для в одной долинѣ с войском милях в 3 на степи двои сутки стоял, дабы во время штурму на нас напасть, гдѣ как их взятые генералы и офицеры послѣ сказывали, в войскѣ их от мороза померло, и руки и ноги ознобили нѣсколько тысяч человѣк.

Праздник Рождества Христова государь взял в Лебединѣ, и на другій день из Лебедина поѣхал в Сумы, куда и прибыл 26 дня декабря.

Между тѣм временем писали польскіе коронные и литовскіе гетманы, чтоб для удержанія Рѣчи Посполитой от Лѣщинскаго и старосты бобруйскаго Сапѣги, также и от генерала маіора Красова отправить в Польшу наше помощное войско, по которому их прошенію отправлен в Польшу генерал фелдмаршал лейтенант Гольц с тремя полками пѣхоты, да с тремя же полками драгун.

По отступленіи наших войск от Веприка король шведскій со всѣм войском пришел к Гадячу и оттоль к Веприку, гдѣ был наш гарнизон, и оное мѣсто троекратно штурмовал; однако же от наших во всѣ штурмы отбиты: но потом, когда уже у наших пороха не стало, отдались на дискрецію (генваря 6 1709 года). Сей город козацкій сдѣлан образом редута четвероугольный немалой величины, что нашим с трудностію было обнять, к тому ж вал был без бастіонов, не имѣя жадной дефенсіи, также ров мѣлкій, который тогда снѣгом занесло.

Пушек наших имѣли только 3 полковых.

Во время тѣх штурмов неприятель людей потерял не мало, а имянно, побиты:

3 полковника, в том числѣ 2 брата графы Штерленки.

43 обер-офицеров.

1200 рядовых (как сами послѣ сказывали), кромѣ раненых, которых в Гадяч отвезли; в то ж время ранены фелдмаршал Рейншильд, да генерал маіор Штакельберг.

При государѣ в Сумах было два полка гвардіи, да Ингерманландскій и Астраханскій, а прочіе имѣли винтер-квартиру в Лебединѣ и в других мѣстечках и деревнях около лежащих.

А неприятель король шведскій стоял тогда с войсками своими разложась от Ромна к Гадячу.

В сем же 1708 году имѣли вѣдомости, что в Польшѣ генерал шведскій Красов публиковал универсалы, превращяя поляков к своей сторонѣ, и собирал великія контрибуціи; а Станислав Лѣщинскій намѣрился было держать трибунал в Петриковѣ; но оный трибунал поляки (которые держались при союзѣ учиненном с Россіею) разогнали, також город Калиш, гдѣ шведы и их стороны поляки были, приступом взяли, примас Шейнбек ретировался в Шлезію с папежским Нунціусом, бывшим тогда при дворѣ польском; а брат ево вице-канцлер Шейнбек уѣхал в Дрезден; князь Вишневецкій и бискуп Куявскій и многіе другіе сенаторы, воеводы и старосты с фамиліями своими выѣхали в Королевец, во Гданск и в прочія мѣста; а бискуп Варминскій по принужденію Станислава Лѣщинскаго большую королевскую коронную печать отдал воеводѣ рускому Яблоновскому, и тогда раздавал Станислав великіе королевственные чины, между которыми и Потоцкаго, воеводу кіевскаго, объявил великим коронным гетманом вмѣсто графа Синявскаго, львовскаго архибискупа примасом королевства на мѣсто Шейнбека, а вышепомянутаго Яблоновскаго великим канцлером учинил.

1709 года генваря в послѣдних числѣх получена вѣдомость, что неприятель с войсками своими пошел по дорогѣ, которая лежит к Красному Куту, и прочим

тамо лежащим местечкам, по которым вѣдомостям генерал князь Меншиков с драгунскими полками пошел к Ахтыркѣ.

А государь пошел в Ахтырку ж, и прибыл февраля во 2 день, гдѣ были февраля до 8 дня.

Потом государь путь свой взял в Бѣлгород, и прибыл февраля 9 дня.

Между тѣм временем получена вѣдомость от генерала лейтенанта Рена, который тогда имѣл постригун с 10 драгунскими полками от Городенка до Краснова Кута, что из оных два полка команды его король сам атаковал, от чего принуждены были оные пост свой оставить и уходить: но как скоро он, генерал лейтенант, о том увѣдомился, тот час послал ко всѣм драгунским полкам указы, чтоб оные против неприятеля были готовы: между тѣм же один неприятельскій рейтарскій Смоляндскій полк незапно нашел на наших гранодер и драгун, которые тогда были спѣшены и поставлены в прикрытіи за засѣкою во рву, и от оных неприятель в великую конфузію приведен: в то же время приспѣли еще наших нѣсколько шквадронов конных, и гнали неприятеля назад до самаго Краснаго Кута; сіе чинилось по лѣвую сторону Городенка, а с правой стороны король шол на него, генерала лейтенанта Рена, и хотѣл паки атаковать позади онаго; однако же то не удалось, и полк рейтарскій другій в конфузію от наших приведен, и с великим потеряніем людей отогнан, гдѣ и драбантов его королевских нѣсколько человѣк на том мѣстѣ побитых осталось. Во время того дѣйствія у неприятеля взято 2 драбанта и нѣсколько десятков человѣк рейтар и драгун, да нѣсколько штандартов и пар литавр; а по вѣдомости взятых и король тогда был в немалом страхѣ и ретировался сам в одну мельницу, которая нашими людьми была окружена: и ежели б не застигла ночная темнота, то б он конечно тут взят был; но как застигла ночь и приступило к той мельницѣ все его войско, и тѣм свободился, и болѣе король тамо ничего уже не газардовал: но по сожженіи нѣкоторых городов и мѣстечек около лежащих пошел с войском к Опошнѣ, набрав с собою довольное число скота и провіанта, и оной провіант от посланной нашей партіи на другій день у них близко Опошни отбит.

Февраля 12 дня государь путь свой восприял из Бѣлагорода к Воронежу, и прибыл на Воронеж в 14 день, гдѣ осматривал карабельных работ.

В то же время получена вѣдомость от фелдмаршала Шереметева с Украйны из мѣстечка Глинска.

Что февраля в первых числѣх, когда он, фелдмаршал, по вѣдомостям от взятых языков, пошел с Преображенским полком и еще с тремя пѣхотными, и с десятью конными полками против неприятельских войск, которыя тогда были под командою генерала маіора Крейца, и не дошед мѣстечка Рашевки, которое между Гадяча и Глинска лежит, февраля в 14 день отправил к оному мѣстечку генерала маіора Бема с двумя баталіонами Преображенскими, да с Астраханским полком и с двумя гранодерскими ротами, и за ними послал для сикурсу 5 полков кавалеріи; и как ко оному мѣстечку пришли, тогда обрѣли неприятеля с полком драгунским и со 130 человѣками пѣхоты под командою полковника Алфенделя, и оных атаковали в 15 день. Неприятель же, увидя оную нашу наступающую на них партію, в парадѣ себя постановил за рогатками в три ряда обметанными, гдѣ наши спѣшась наступили, и по крѣпком бою от рогаток их отбили, и принудили

с потеряніем многих людей в замок вступить; потом наши за ним послѣдовали, и замок щастливо овладѣли.

Тот вышеписанный неприятельскій драгунскій полк и пѣхоту со всѣми побили, и вышепомянутаго коменданта Алфенделя с протчими обер и унтер-офицерами и рядовыми взяли в полон; а сколько их взято в полон, тому при сем роспись.

Вышепомянутый полковник Алфендель.

2 капитана.

1 порутчик.

4 прапорщика.

2 обозных.

13 унтер-офицеров.

Капралов и рядовых – 91.

Челядников и прочих неслужащих 48 человѣк.

Всего – 162.

На той же акціи свободился из неволи один наш маіор, который взят был к ним в полон на бою под Добрым.

Знамен взято – 2.

Также ружья и протчей амуниціи немало.

Там же взято лошадей фелдмаршалка Рейншильда и протчих генералов и офицеров, также и полковых всѣх около 2000, и багаж их весь нашим в руки достался.

Наших на той акцыи ранено:

От гвардіи ж маіор Бартенев, капитан порутчик Карачаров, которые оба умерли: ибо тяжело были ранены.

Порутчик – 1.

Прапорщиков – 2.

Сержантов – 3.

Капралов и солдат – 72.

Побито.

Унтер-офицеров – 1.

Капралов и солдат – 15.

Да в тѣх же числѣх в разныя партіи по разным дорогам чрез бригадира Чернцова и генерала адьютанта фелдмаршалова Савелова и порутчика Репина взято неприятелей, шведов и противной стороны поляков 57 человѣк, в том числѣ прапорщиков 2, унтер-офицеров 2.

Апрѣля в 7, да в 8 числѣх, как на Воронежѣ воды вскрылись, государь спустил на воду 4 корабля, в том числѣ 2 семидесятные, 1 осмидесятный, имянуемый Орел, да один же пятидесятный, имянуемый Ласка.

В 8 день государь был на устьѣ Воронежа рѣки в Тавровѣ, гдѣ осматривал корабли, которые там стояли в гаванѣ.

Из Таврова государь путь свой взял апрѣля в 9 день на судах рѣкою Доном в Азов и в Троицкій, для омотренія тамошних мѣст, и прибыл туда в 22 день.

Того же числа по прибытіи его в Азов получена вѣдомость с Украйны из арміи от генерала князя Меншикова, что апрѣля в 11 день неприятель в 4000 своих людей с 4 пушками и в 3000 измѣнников запорожцов под командою генерала маіора Круза отправил против нашей кавалеріи на сію сторону рѣки

Ворсклы у мѣстечка Соколна стоящих, гдѣ по указу пас свой имѣл тогда генерал лейтенант Рен.

И во 12 день оный неприятель, переправясь помянутую рѣку, и обшед наших атаковал, что наши видя, отважа себя прямо на онаго пошли, и учинился жестокій бой, и за помощію Божіею онаго неприятеля наши сбили, так что оных с 800 человѣк купно с полковником Гилденштерном и подполковником и маіором с 4 капитаны и с протчими нѣсколькими обер-офицерами и с довольным числом рядовых на мѣстѣ осталось; а с достальными оный неприятель побѣжал паки за Ворсклу, котораго отправленныя наши партіи при той переправѣ нагнав их, шведов, а наипаче измѣнников запорожцов немало порубили, кромѣ тѣх, которые многые сами потопились: при том взяли у них 4 пушки; с нашей стороны при том бою убито с 50 человѣк, и потом переѣхали к нашим от неприятеля два ротмистра с тремя хоругвами волоскими и с знаменами, и остались оные в службѣ россійской.

Апрѣля 26 числа из Азова государь пошел на брегандинах морем к Троицкому, и прибыл того же числа в вечеру.

Маія в 13 день получена тамо вѣдомость от генерала князя Меншикова из арміи, что неприятель город Полтаву формально атаковал и нѣсколько раз жестоко ко оному приступал, но с великим уроном всегда был отбиван, и чрез вылазки от наших людей потерял немало: однако ж оный город в блокадѣ еще крѣпко содержал: того ради за благо разсудили с совѣту всего генералитета учинить неприятелю какую диверсію, и маія против 7 дня командирована знатная часть наших войск конных и пѣхотных, и из оных с одною частію отправили генерала маіора Белинка в низ Ворсклы рѣки, которому велѣно ити к Опошнѣ в круг; а с другою частью пошел генерал князь Меншиков сам с лица неприятеля атаковать в ретраншаментѣ, который был за Ворсклою, и для того велѣл тою ночью немедлѣнно чрез оную рѣку сдѣлать 3 моста, и соглашенось, когда наши чрез мосты перейдут, чтоб и генерал маіор Белинк на неприятеля к Опошнѣ наступал; а для сикурсу тогда в готовности стоял с достальною частію войск генерал князь Репнин, и смотрѣл, куда неприятель сильнѣе на наших наступит, и оных намѣрен он сикурсировать. И как скоро первая часть под командою генерала князя Меншикова пѣхота чрез сдѣланные мосты, а конница чрез болото и рѣку в плавь против 7 числа на разсвѣтѣ (не смотря на неприятельскую жестокую из ретраншамента пушечную стрѣльбу и трудную переправу) перешли и к ретраншаменту приступили одними шпагами, и неприятеля с великим уроном из того ретраншамента выбили, и принудили их бѣжать в рознь, в котором было 4 шквадрона конницы и 300 человѣк пѣхоты, и потом наши слѣдовали за неприятелем к самой Опошнѣ, по которой тревогѣ хотя 3 конных и 2 пѣхотных полка на сикурс из Опошни выступили и построились; однако же и тѣ по первому огню пришли в конфузію и ретировались в Опошню, и предмѣстье у Опошни зажгли, а сами с конницею и пѣхотою в замок ушли, и потом как наши увѣдали, что король сам к Опошнѣ с семью полками на сикурс от Будищ стал приближаться, а генерал маіор Белинк за трудными переправами и за дальним обходном в слученіе поспѣть не мог; то наши отошли добрым порядком: а во время того бою неприятелей с 600 человѣк на мѣстѣ побито и взято 2 пушки с аммуницією, 2 знамя, 2 барабана.

Да взято ж людей.

Маіор – 1.

Капитанов – 3.

Порутчик – 1.

Прапорщик – 1.

Урядников и рядовых с 300 человѣк.

В то же время свободили нѣсколько сот малороссійских людей, которые от неприятеля из разных мѣст для всякой работы были загнаны.

Наших драгун и солдат убитых и раненых около 600 человѣк.

Потом вся наша армія пришла к рѣкѣ Ворсклѣ, и стала против города Полтавы за рѣкою против неприятельскаго лагеря.

В тѣх же числѣх для укрепленія полтавскаго гарнизона к прежним в прибавку отправлен в город бригадир Алексѣй Головин с 900 человѣк, и в виду от неприятеля щастливо в город вошли.

В 15 день отправлена была легкая наша партія за Ворсклу, которая напала на неприятельскія конскія стада, и побив караульных людей, больше 1000 лошадей отогнали; в то же время взяли в полон нѣсколько человѣк слуг генерала маіора Круза.

Маія в 17 день командированы от нас нѣсколько сот гранодер, дабы на мосту, который чрез рѣку Ворсклу был, пост взяли; гдѣ тогда неприятель имѣл редут с пушками, и наши зѣло бодро тамо стоящих неприятелей атаковали; и оных по жестоком бою прогнали: понеже ради глубоких болот, чрез которыя наши по груди ити принуждены были, неприятеля гонить, ниже толь скоро окопаться могли, и то усмотря неприятель паки остановился, и как из мѣлкаго ружья, так и из пушек сильно по нашим стрѣлял, от чего с нашей стороны нѣсколько десятков человѣк побито и ранено; того ради помянутые гранодеры паки назад отступили.

Между тѣм учинил наш гарнизон из города Полтавы вылазку и атаковали в низу горы стоящих неприятелей с толикою храбростію, что они их из сдѣланных от них апрошев выбили, и до берега рѣки прогнали: но понеже неприятель непрестанно к своим болѣе сикурсу присылал: того ради возвратилися наши в добром порядкѣ паки в город, и неприятель за оными не слѣдовал, и было того огня с пол часа, в котором нѣсколько сот шведов побито, наибольше же того ранено: потом стрѣляли из наших шанец по неприятелѣ из пушек картечами толь жестоко, что принуждены были оные из форпостов своих выступить, и наши потом пред очами неприятеля работу свою в день продолжали и не за много шагов от мосту новую редуту сдѣлали, из которой уже конечно на неприятеля с добрым дѣйством стрѣляли; потом же наши во всю ночь свою работу спокойно и без препятія продолжали, что еще и 18 числа, такоже и послѣдующей ночи чинено: на 18 число в ночи волохи наши чрез рѣку Ворсклу переправясь с 2000 неприятельских лошадей, которых на той сторонѣ рѣки пасли (побив прежде поставленной при оных караул), отогнали, и оных к войску привели.

Маія в 19 день получена вѣдомость в Троицком о разореніи воровской запорожской крѣпости Сѣчи, гдѣ измѣнники запорожцы сидѣли, к которой посылан тогда был с нѣкоторою частью конницы полковник Петр Яковлев, и оную взял и многих запорожцов побил, и оное их воровское гнѣздо разорил.

Протчіе дни до 27 числа маія государь, будучи в Троицком, чинил всякія учрежденія в морских и сухопутных дѣлах, которых довольно было, для того, что не был там болѣе десяти лѣт.

И маія в 27 день из Троицкаго государь путь свой воспріял в армію к Полтавѣ чрез степь на Изюм и Харьков.

Между тѣм же маія в 31 день получена вѣдомость, будучи (из Троицкаго) в пути от генерала фелдмаршала лейтенанта Гольца, обрѣтающагося тогда в Польшѣ с помощными войсками, что будучи у Ледукова отправил он 1500 человѣк командированных наших драгун против войск польских противных, которыя тогда были под командою старосты бобруйскаго Сапѣги в 5000 человѣк регулярнаго войска, кромѣ поляков, гдѣ наши имѣли щастливый бой; ибо на оных неприятелей незапно напали и всѣх разбили, и из оных многих побили: а сколько в полон взято людей и протчаго, тому при сем роспись.

Роспись, что при том дѣйствіи под Ледуковым с неприятельской стороны взято в полон.

От хоронгвей 1 бунчучной Новосельскій.

5 хорунжих.

20 товарищей.

От рейтар.

1 корнет.

Капралов и рядовых – 12.

Всего – 48 человѣк.

При том же взято бунчук, 14 знамен, от панцырных и гусарских хорнгвей двѣ пары литавр, и иныя военныя орудіи.

С нашей стороны побито.

Порутчик – 1.

Драгун – 15.

Ранено – 25.

Всего побито и ранено 41 человѣк.

Государь прибыл из Троицкаго к войску к Полтавѣ іюня 4 дня, и по прибытіи іюня в 13 день намѣрены были с войском перебираться чрез рѣку Ворсклу и итти на неприятеля; но за великими трудными переправы того учинить не могли, и того для поворотились паки назад.

Между тѣм же временем подполковник наш Юрлов чрез шпіона прислал вѣдомость, что он со взятыми из Веприка нашими плѣнными в старом Санжаровѣ содержится от неприятеля за караулом, гдѣ неприятель не зѣло люден: того для по тѣм вѣдомостям отправлен генерал лейтенант Гейншин с партіею драгун, от котораго іюня в 14 день получена вѣдомость, что он помянутый город взял, и шведов нѣсколько сот побил и наших болѣе 1000 человѣк офицеров и солдат из неволи свободил, между которыми и помянутый подполковник Юрлов, когда услашал нападеніе от наших на неприятеля, караульщиков своих побив, к нашим вышел.

Іюня в 15 день генерал лейтенант Рен с нѣсколькими драгунскими полками и с нерегулярными конными неподолеку от неприятельскаго обоза чрез рѣку Ворсклу перешел, и спѣшивши там два полка драгунскіе в лѣсу в скрытіи поставил, и потом партію в 500 драгун состоящую со всѣми нерегулярными людьми,

даже до шведскаго обоза наперед послал, дабы оными неприятеля выманить, и сколь скоро шведы сію партію увидѣли, то того часа король сам своею особою, имѣя при себѣ 6 полков, на оную ударил, и как наши нарочно до самаго лѣса (гдѣ наши драгуны в прикрытіи стояли) бѣжали, и неприятель за оными с великою фуріею даже до того мѣста гнался, и тогда весьма нечаянно в прикрытіи лежащіе драгуны великіе залпы по оном дали, что он принужден до обоза своего ретироваться, и наши за оными чрез нарочитую часть поля гнались, и многих от неприятелей порубили; потом же помянутый генерал лейтенант без жаднаго урона назад чрез Ворсклу возвратился, оставя нѣсколько людей на оной сторонѣ для содержанія переходу чрез помянутую рѣку.

Между тѣм учинен воинскій совѣт, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталіи (яко зѣло опаснаго дѣла), на котором положено, дабы апрошами ко оной приближаться даже до самаго города.

Іюня в 16 день оныя новыя апроши начаты, чтоб сдѣлать с городом коммуникацію, и тогда шведы своею поперечною линѣею не допустили, к тому ж рѣка и болотистыя мѣста тому препятствовали; между тѣм же имѣли мы корреспонденцію, с городом бросаючи письма в бомбах пустых чрез неприятельскія линіи, в которых из города дали знать, что у них пороха почитай за нѣт; а неприятель сапами уже сквозь валик из палисад вкопался, и хотя наши абшнит сдѣлали; однако ж долго держаться не могли: того для учинен геннеральный совѣт, на котором положено, что иного способа нѣт о выручкѣ города, только что перейтить рѣку к неприятелю и дать главную баталію.

Іюня в 19 день пошли со всею арміею в верьх от Полтавы по Ворсклѣ рѣкѣ 2 мили, гдѣ стоял генерал лейтенант Рен с кавалеріею.

В 20 день перешед вся наша армія чрез рѣку Ворсклу, и по ту сторону оной стала, и готовили фашины; потом 25 числа пошли далѣе со всею арміею, и стали с четверть мили от неприятеля к вечеру, дабы неприятель не мог принудить к главной баталіи, прежде нежели ретраншамент будет учинен; и дабы оный на нас нечаянно не напал, и учинили ретраншамент чрез одну ночь; наша же кавалерія на правой рукѣ между лѣсов поставлена была и пред оною нѣсколько редут сдѣлано, и людьми и пушками осажены (над которыми командовал бригадир Айгустов).

В 25 день іюня увѣдомились, что король шведскій пӧдъѣзжал сам осматривать россійскій лагерь, и наѣхал ночью на россійскую козацкую малую партію, которая стояла не осторожно, и нѣкоторые из оной козаки сидѣли при огнѣ, что он усмотря, наѣхал с малыми людьми, и одного из них, сошед с лошади, сам застрѣлил; которые козаки вскоча из трех фузей по нем выстрѣлили, и прострѣлили ему в то время ногу, которая рана ему весьма жестока была.

В 26 день государь осматривал оную ситуацію, и неприятельскій лагерь для дѣйства против неприятеля; но оный неприятель по своей обыкновенной запальчивой отвагѣ в том нас упредил, и потом каким образом вступил в главную баталію, тому слѣдует при сем реляція.

В 27 день по утру весьма рано почитай при бывшей еще темнотѣ на нашу кавалерію как конницею, так и пѣхотою своею с такою фуріею напал, чтоб не токмо конницу нашу раззорить, но и редутами овладѣть; однако ж в том много оной противности нашел, и только двумя редутами (которые тоя ночи зачаты были и не

отдѣланы) овладѣл; а протчим никакой вреды учинить не мог, так что 6 баталіонов пѣхоты и нѣсколько десятков шквадронов кавалеріи его с праваго крыла от главной арміи при том оторваны и в лѣс уйти принуждены. Главное же неприятельское войско с немалою тратою пробилось сквозь оные редуты, гдѣ 14 знамен и штандартов от неприятеля наша кавалерія получила, и многократно конницу неприятельскую збивала, но всегда от пѣхоты неприятельская конница сикурс получала (и при том генерал порутчик Рен в том жестоком бою ранен); а нам так скоро из ретраншамента пѣхотою своей кавалеріи выручить тогда было не возможно; того ради дан указ генералу порутчику Боуру, дабы оный с кавалеріею уступал в право от нашего ретраншамента, дабы тѣм время получить к вывожденію нашей пѣхоты из ретраншамента; однако ж приказано оному крѣпко того смотрѣть, чтоб гора у онаго во флангѣ, а не назади была, дабы неприятель не мог нашу кавалерію под гору утѣснить; также уступать велѣно до тѣх мѣст, пока неприятель с пѣхотою на онаго будет наступать; а ежели с одною кавалеріею, тогда велѣно биться: и тако оный по указу тотчас учинил, и когда оный с нашею кавалеріею стал ретироваться, а неприятель на онаго наступал, тогда неприятель получил наш ретраншамент во флангѣ себѣ, к которому на лѣвой угол генерал Левенгоупт с пѣхотою гораздо приближился; а имянно саженях в 30; но оттуда из пушек отбит. И тако неприятель увидѣл, что его гоньба за конницею не весьма ему прибыльна, от оной престал, и в нѣкотором логу (далѣе пушечной стрѣльбы) в парат стал к лѣсу; между тѣм же послан генерал от кавалеріи князь Меншиков, и генерал лейтенант Ренцель с пятью полками конницы и с пятью баталіонами пѣхоты на оную вышепомянутую оторванную пѣхоту и конницу в лѣсѣ, которые пришед оных атаковали, и вскорѣ с помощію Божіею на голову побили, а генерала маіора Шлипембаха взяли; а генерал маіор Розен ретировался к своим апрошам под гору и засѣл в редуты, за которым послѣдовал генерал лейтенант Ренцель, который редуты неприятельскіе оступил, и послал барабанщика, чтоб оные сдались, которые просили сроку; но оный им болѣе получаса того не дал, потом генерал маіор Розен со всѣми при нем бывшими из редут вышед ружье положили и на дискрецію сдались. В то же время из ретраншамента на обѣ стороны выведена на фланги пѣхота для того, ежели б неприятель атаковал ретраншамент, чтоб свободно из онаго стрѣльбѣ быть можно было; а выведенным на стороны со флангов онаго атаковать: но когда увидѣли, что неприятель от прохода своего сквозь редуты еще сам в конфузіи находится и строится у лѣсу, тогда и их фрунта ретраншамента пѣхота выведена (а в ретраншаментѣ оставлены генерал маіор и полковник от артилеріи Гинтер, да подполковник Бой, при которых были полки гранодерскій, Лефортовскій, Ренцелев, Троицкій, Ростовскій, Апраксин, да из протчих дивизій по нѣскольку сот, и из оных 3 баталіона посланы с полковником Иваном Головиным в монастырь на гору для коммуникаціи с городом, дабы тот пас в руках наших был для всякаго случая, да с гетманом Скоропадским генерал маіор Волконскій с 6 полками драгун, которые всѣ на бою генеральном не были), и шесть полков нашей кавалеріи взято с праваго крыла и позади пѣхоты обведена и поставлена на лѣвом крылѣ. И тако наша армія стала в ордер баталіи, и положено атаковать неприятеля; потом во имя Господне неприятельскій главный корпус атаковали, который не дожидаясь на мѣстѣ, такожде на нас пошел; и тако о 9 часу пред полуднем генеральная баталія началась прежде между

нашего лѣваго, а непріятельскаго праваго крыл; а потом и во весь фрунт обѣих войск, в которой хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились; однако ж то все далѣе двух часов не продолжалось: ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребет показали, и от наших войск с такою храбростію вся непріятельская армія (с малым уроном наших войск, еже наивящше удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, так что шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами и баіонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные пред баталіею строились, гнаны; при том в началѣ генерал маіор Штакельберг, потом же генерал маіор Гамильтон, такожде послѣ фелдмаршала Рейншильд, и принц Виртенбергскій купно со многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысяч рядовых, которые большая часть с ружьем и с лошадьми, отдались и в полон взяты. Непріятельских трупов мертвых перечтено на боевом мѣстѣ и у редут 9234, кромѣ тѣх, которые в розни по лѣсам и полям побиты, и от ран померли, которых счесть было не возможно; а во время той баталіи король шведскій велѣл себя раненаго возить в качалкѣ, которая послѣ найдена была, и у оной одна дрога пушечным ядром отстрѣлена. А сколько пушек, знамен и литавр взято, также сколько с нашей стороны людей побито и ранено, тому послѣдует роспись. И тако милостію Всевышняго совершенная викторія (которой подобной мало слыхано), с легким трудом и малою кровію против гордаго непріятеля чрез самаго государя персональной, храброй и мудрой привод, и храбрость начальных и солдат, одержана; ибо государь в том нужном случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступал как доброму приводцу надлежит, гдѣ на нем шляпа пулею прострѣлена, и в смѣдельном орчакѣ фузейная пуля найдена. При сем же и сіе вѣдать надлежит, что из нашей пѣхоты только одна передняя линія с непріятелем в бою была, а другая до того бою не дошла. По окончаніи сего щастливаго бою государь обѣдал в обозѣ своем в полатках или шатрах, и при том всѣ наши генералы, штапы и обер офицеры, такожде и шведскіе плѣнные генералы были; во время той баталіи первый шведскій министр граф Пипер, увидя, что ему спастись не возможно, сам пріѣхал в Полтаву купно с секретарями королевскими Цедергельмом и Дибеном; и потом он, Пипер, приведен был в помянутую же ставку к государю, и с протчими плѣнниками трактован тут же за столом, гдѣ сидѣл шведскій фелдмаршал Рейншильд и протчіе генералы: между тѣм же государь выхвыляя мужество и храбрость фелдмаршала Рейншильда в воинских дѣлах, пожаловал ему шпагу свою, и позволил ее носить. Того же числа в вечеру за достальным непріятелем в слѣд посланы генерал порутчик и полковник от гвардіи князь Голицын с гвардіею, да генерал порутчик Боур с драгунскими полками; на завтрѣе ж в 28 день іюня князь Меншиков туда же послан.

В 28 день пріѣхал в Полтаву шведскій генерал маіор Меіерфельд от короля шведскаго под видом нѣкотораго будто комплимента: только за благо разсудили его задержать, и поставить с другими плѣнниками; ибо он от короля не токмо кредитиву, но ни паспорта не имѣл; и потом он дал по прошенію своему реверс, по которому он тогда отпущен в Стокгольм, отколь за него отпущен послѣ генерал маіор Бутурлин.

В 29 день (то есть в день тезоименинства государева) было благодареніе Богу за полученную преславную викторію на боевом мѣстѣ при троекратной пушечной и мушкетной стрѣльбѣ.

В 30 день государь за неприятелем же путь свой восприял, и хотя всякое прилѣжаніе чинено, дабы неприятеля как скорѣе догнать, однако же онаго (понеже оставя большую часть своего багажа, наскоро к Днѣпру бѣжал) не могли прежде 30 іюня догнать, котораго числа его недалеко от Переволочны под горою при Днѣпрѣ стоящаго обрѣли, и от взятаго в полон полковаго квартермистра и нѣскольких ворохов увѣдомилися, что король шведскій до того за 3 часа с нѣсколькими стами конных чрез Днѣпр переправился с великою трудностію, и генералов маіоров Шпара и Лагеркрона с собою взял; генерала же Левенгоупта над оставшеюся арміею главным командиром оставил (измѣнник же Мазепа с нѣсколькими стами своими единомышленниками козаками еще прежде короля за Днѣпр перебрался и ушел в турецкую область), к которому генерал князь Меншиков без потерянія времени, со обрѣтающимися под своею командою войском (котораго не больше 9000 было), к Переволочнѣ приближился; и понеже от взятых полонеников было увѣдано, что неприятели не зѣло к бою охоту имѣли: того ради послал он к сдачѣ их наговаривать, и при том им объявить велѣл, чтоб они разсудя (что все убѣжище и спасеніе их пресѣчено) сдались; в противном же случаѣ не ожидали б себѣ пощады: против чего генерал Левенгоупт генерала маіора Крейца, да полковника Дюкера, подполковника Траутфетера и генерала адъютанта графа Дукласа к генералу князю Меншикову прислал, и о аккордѣ трактовать велѣл, который по нѣкоторым разговорам и учинен, и от него, генерала князя Меншикова, и генерала графа Левенгоупта подписан, по которому неприятель (состоящей еще паче всѣх чаянія в 14 030 человѣках вооруженных, в которых большая часть кавалеріи было) ружье свое, яко воинскіе полоненики, положа сдались, и оное еще того дня купно со всею артиллеріею и принадлежащею к тому воинскою казною, канцеляріею и всѣми знамены, штандарты, литавры и барабаны посланному генералу лейтенанту Боуру отдали. И тако Божіею помощію вся неприятельская толь в свѣтѣ славная армія (которая бытіем в Саксоніи немалой страх в Европѣ причинила) к государю россійскому в руки досталась: ибо от оной кромѣ немногих сот, которые за королем чрез Днѣпр в турецкую землю ушли (из которых по том еще с 200 побито, также болѣе 260 человѣк от посланной нашей партіи взяты, при которых генерал аудитор и иные знатные были), никто не убѣжал; но всѣ побѣдоносному россійскому оружію сдаться принуждены.

А что от неприятеля артиллеріи, штандартов, знамен, также и прочаго в добычу на баталіи Полтавской, и потом при Переволочнѣ получено; такожде сколько людей в полон взято, и сколько из войск наших при том побито и ранено, тому послѣдует при сем роспись.

Роспись, что во время баталіи у Полтавы взято в полон людей, также пушек, штандартов, знамен и прочаго

Первый министр и королевскій совѣтник граф Пипер – 1.
Да при нем тайный королевскій секретарь Цедергельм.
Секретарь Дибен.
И того – 2.

Канцеляристов – 2.

Генералов.
Генерал фелдмаршал и королевскій совѣтник граф Рейншильд – 1.

Генералы маіоры.
Шлипенбах, Розен, Штакельберг, Гамилтон, и того – 4.

Полковники.
Князь Виртенбергскій, граф Горн, Апелгрин, Енштет, и того – 4.
Капрал от драбантов – 1.

Подполковники.
Сас, Фридрик, Кангейм, Адольф, Палм, Гендрик, Ребиндер, Юліус, Маденврангель, Спенс, и того – 7.

Маіоры.
Яган Вейдемеер, Стрик, Рейпер, Беер, и того – 4.
Ротмистров – 16.
Капитанов – 18.
Драбантов – 5.
Порутчиков – 59.
Корнетов и прапорщиков – 61.
Адъютантов – 5.
Полковых квартермистров – 6.
И того штаб и обер-офицеров, кромѣ генералов – 186.
Урядников и рядовых – 2587.
И того штаб и обер-офицеров, урядников и рядовых – 2773.

Да неслужащих.
Обер-крикс-комісар – 1.
Крикс-комисаров – 4.
Крикс-фискаль – 1.

Заротных и неслужащих.
Провіантских служителей и всяких чинов и волонтиров – 45.
И того с неслужащими – 2824.
Да сверьх вышеписанных взято королевскаго двора служителей:
Камергер Карл Гинтер – 1.
Кухмистер – 1.
Доктор медицины – 1.
Духовник королевскій – 1.
Штаб фелдмедикус – 1.
Дворовой и полевой аптекарь – 1.
Фелд-камерир, или росходчик – 1.
Квартермистров королевских – 2.
Камер-шрейбер, или писарь – 1.
Футер маршал – 1.
Трубачев, лакеев, кучеров, и прочих нижних чинов – 29.
И того – 40.
Всего людей 2864.

Роспись, что у Переволочны при Днѣпрѣ осталаго войска сдалось, и при них взято артиллеріи, штандартов, знамен и прочаго

Генералов.
Генерал и рижскій губернатор граф Левенгоупт.

Генерал маіоры.
Крейц, Круз, и того – 2.
Генерал-фелдмаршалковы адьютанты 2 брата графы Дукласы Бонде.
Генерал аудитор Штерн – 1.

Рейтарскіе полки.
Лейб-регимент.
Подполковник Агендурн – 1.
Маіор Яков Брили Стрейман – 1.
Ротмистров – 15.
Порутчиков – 17.
Корнетов и прапорщиков – 16.
Адьютант – 1.
Квартермистр – 1.
И того обер-офицеров – 50.
Урядников и рядовых – 941.
И того обер-офицеров и рядовых – 991.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 137.
Всего – 1129.

Смолянскаго.
Ротмистров – 4.
Порутчиков – 6.
Корнетов и прапорщиков – 8.
И того обер-офицеров – 18.
Урядников и рядовых – 265.
И того обер-офицеров и рядовых – 283.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 40.
Всего – 324.

Остергоцкаго.
Ротмистров – 3.
Порутчиков – 8.
Корнетов и прапорщиков – 3.
И того – 14.
Урядников и рядовых – 280.
И того обер-офицеров и рядовых – 294.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 31.
Всего – 325.

Корѣльскаго.
Полковник Фонгерц – 1.

Подполковник Фрейден Фелд – 1.
Маіор Бринхелт – 1.
Ротмистров – 4.
Порутчиков – 3.
Корнетов и прапорщиков – 8.
Адъютант – 1.
И того – 19.
Урядников и рядовых – 312.
И того – 331.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 47.
Всего – 378.

Шведскаго Адольсфанова.
Полковник Фелтлешерт – 1.
Подполковник Энц-Крон – 1.
Маіор Карл Принцештерн – 1.
Ротмистров – 8.
Порутчиков – 10.
Корнетов и прапорщиков – 6.
Адъютант – 1.
Квартермистр – 1.
И того 29.
Урядников и рядовых – 260.
И того – 280.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 72.
Всего – 362.

Лифляндскій Адолсфан.
Полковник Андер Рамсверт – 1.
Подполковник Платар – 1.
Ротмистров – 2.
Порутчиков – 2.
Корнетов и прапорщиков – 3.
Адъютант – 1.
Квартермистр – 1.
И того – 11.
Урядников и рядовых – 68.
И того – 79.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 27.
Всего – 106.

Оболянскаго.
Ротмистров – 6.
Драбантов – 2.
Порутчиков – 9.
Корнетов и прапорщиков – 5.
Адъютант – 1.
И того – 23.

Урядников и рядовых – 391.
И того – 414.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 7.
Всего – 422.

Нордершхонскаго.
Маiор Голд – 1.
Ротмистров – 10.
Порутчиков – 11.
Корнетов и прапорщиков – 11.
Адъютант – 1.
Квартермистр – 1.
И того – 35.
Урядников и рядовых – 427.
И того – 462.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 10.
Всего – 472.

Зидершонскова.
Ротмистров – 7.
Порутчиков – 2.
Корнетов и прапорщиков – 7.
Адъютант – 1.
Квартермистр – 1.
И того – 18.
Урядников и рядовых – 282.
И того – 300.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 42.
Всего – 343.

Ниляндскаго.
Маiор Карл Яган Ганстерн – 1.
Ротмистров – 13.
Порутчиков – 17.
Корнетов и прапорщиков – 15.
Адъютант – 1.
Квартермистр – 1.
И того – 48.
Урядников и рядовых – 662.
И того – 710.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 63.
Всего – 774.

Крузова.
Капитанов – 2.
Порутчиков – 3.

Корнетов и прапорщиков – 6.
Адъютант – 1.
И того – 12.
Урядников и рядовых – 174.
И того – 186.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 7.
Всего – 193.

И того в 11 полках рейтарских:
Полковников – 3.
Подполковников – 4.
Маіоров – 5.
Ротмистров – 72.
Капитанов и драбантов – 4.
Порутчиков – 88.
Корнетов и прапорщиков – 88.
Адъютантов – 9.
Квартермистров – 6.
И того – 279.
Урядников и рядовых – 4062.
И того – 4341.
Полковых аудиторов – 6.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 483.
Всего – 4830.

Драгунских.
От гвардіи драгун.
Подполковник Ернстет – 1.
Маіор – 1.
Капитанов – 4.
Порутчиков – 6.
Корнетов и прапорщиков – 8.
Адъютант – 1.
И того – 21.
Урядников и рядовых – 350.
И того – 371.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 38.
И того – 409.

Трейтерфельтова.
Полковник Тауб – 1.
Подполковник Антон фон Фреман – 1.
Маіор – 1.
Капитанов – 10.
Порутчиков – 11.
Корнетов и прапорщиков – 12.
Адъютант – 1.
Квартермистр – 1.

И того – 38.
Урядников и рядовых – 305.
И того – 343.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 109.
Всего – 459.

Таубова.
Маiор – 1.
Капитанов – 9.
Порутчиков – 10.
Корнетов и прапорщиков – 7.
Адъютант – 1.
И того – 28.
Урядников и рядовых – 371.
И того – 399.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 67.

Шлипембахова.
Подполковник Кунгарс – 1.
Маiор – 1.
Капитанов – 14.
Порутчиков – 15.
Корнетов и прапорщиков – 15.
Адъютантов – 2.
И того – 48.
Урядников и рядовых – 497.
И того – 545.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 3.
Всего – 548.

Алфенделева.
Маiор – 1.
Капитанов – 10.
Порутчиков – 13.
Корнетов и прапорщиков – 10.
И того – 34.
Урядников и рядовых – 323.
И того – 357.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 2.
Всего – 360.

Дикерова.
Полковник Дикер – 1.
Маiор – 1.
Капитанов – 7.
Порутчиков – 11.
Корнетов и прапорщиков – 12.

Адъютант – 1.
Обозной – 1.
И того – 34.
Урядников и рядовых – 378.
И того – 412.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 64.
Всего – 476.

Меерфельдова.
Маіор – 1.
Капитанов – 17.
Порутчиков – 20.
Корнетов и прапорщиков – 17.
Адъютант – 1.
И того – 56.
Урядников и рядовых – 529.
И того – 585.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 357.
Всего – 942.

Гилденштернскова.
Полковник Гилденшерн – 1.
Маіор – 1.
Капитанов – 6.
Порутчиков – 11.
Корнетов и прапорщиков – 10.
Квартермистр – 1.
Обозной – 1.
И того – 31.
Урядников и рядовых – 226.
И того – 257.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 4.
Всего – 261.

Вернештетскова.
Полковник Вернештет – 1.
Подполковник фон Шпабе – 1.
Маіор – 1.
Капитанов – 7.
Порутчиков – 4.
Корнетов и прапорщиков – 6.
Адъютант – 1.
И того – 21.
Урядников и рядовых – 299.
И того – 320.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 12.
Всего – 332.

Виртенбергскова.
Капитанов – 8.

Порутчиков – 6.
Корнетов и прапорщиков – 10.
Квартермистр – 1.
И того – 25.
Урядников и рядовых – 601.
И того – 626.
Полковых аудиторов и комисаров – 2.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 30.
Всего – 658.

Гельмскова.
Полковник Гельм – 1.
Капитанов – 10.
Порутчиков – 16.
Корнетов и прапорщиков – 14.
И того – 42.
Урядников и рядовых – 434.
И того – 476.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 7.
Всего – 484.

И всего в 11 полках драгунских:
Полковников – 5.
Подполковников – 4.
Маiоров – 9.
Капитанов – 102.
Порутчиков – 123.
Корнетов и прапорщиков – 121.
Адъютантов – 8.
Квартермистров – 4.
Обозных – 2.
И того – 378.
Урядников и рядовых – 4313.
И того – 4691.
Полковых комисаров и аудиторов – 4.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 693.
Всего – 5388.

Пѣхотных.
Лейб-гвардiи.
Полковник Магнус Пассе – 1.
Подполковник Клас Юнг – 1.
Маiор граф Оксенстерн – 1.
Капитанов – 4.
Порутчиков – 19.
Корнетов и прапорщиков – 31.
Адъютант – 1.
И того – 58.

Урядников и рядовых – 1350.
И того 1408.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 55.
Всего – 1464.

Юнкепинскова.
Полковник Кронман – 1.
Подполковник Кристап – 1.
Маіор Штенокс – 1.
Капитанов – 14.
Порутчиков – 13.
Корнетов и прапорщиков – 11.
Адъютантов – 2.
Квартермистр – 1.
И того – 44.
Урядников и рядовых – 449.
И того – 493.
Заротной – 1.
Всего – 494.

Зидерманлянскаго.
Подполковники Сак, Бруншелт – 2.
Капитан – 1.
Порутчиков – 3.
Корнетов и прапорщиков – 5.
Квартермистр – 1.
И того – 12.
Урядников и рядовых – 276.
И того – 288.

Вестергоцкаго.
Полковник Фок – 1.
Капитанов – 8.
Порутчиков – 7.
Корнетов и прапорщиков – 5.
И того – 21.
Полковых аудиторов и комисаров – 2.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 3.
Всего – 25.

Вестшкоцкова.
Капитанов – 5.
Порутчиков – 9.
Корнетов и прапорщиков – 10.
Квартермистров – 2.
И того – 26.
Урядников и рядовых – 400.
И того – 426.

Вестмарлянскова.
Капитанов – 5.
Порутчиков – 8.
Корнетов и прапорщиков – 7.
Адъютант – 1.
Квартермистр – 1.
И того – 22.
Полковых аудиторов и комисаров – 3.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 3.
Всего – 28.

Кармарлянскова.
Капитанов – 5.
Порутчиков – 5.
Корнетов и прапорщиков – 6.
Квартермистр – 1.
И того – 17.
Урядников и рядовых – 304.
И того – 321.

Остерготскаго.
Капитанов – 5.
Порутчиков – 4.
Корнетов и прапорщиков – 4.
Адъютант – 1.
И того – 14.
Урядников и рядовых – 803.
И того – 817.
Полковых аудиторов и комисаров – 2.
Всего – 819.

Уплandскаго.
Урядников и рядовых – 14.

Делакарлскаго.
Капитанов – 6.
Порутчиков – 3.
Корнетов и прапорщиков – 6.
Адъютант – 1.
Квартермистров – 2.
И того – 18.
Урядников и рядовых – 370.
И того – 388.
Полковой аудитор – 1.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 43.
Всего – 432.

Ивермолянскаго.
Капитанов – 7.
Порутчиков – 6.

Корнетов и прапорщиков – 11.
И того – 24.
Урядников и рядовых – 392.
И того – 416.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 12.
Всего – 428.

Енштетскаго.
Маіор Рамзе – 1.
Капитанов – 5.
Порутчиков – 4.
Корнетов и прапорщиков – 5.
Адъютант – 1.
И того – 16.
Урядников и рядовых – 405.
И того – 421.

Всего в 12 полках пѣхотных:
Полковников – 3.
Подполковников – 4.
Маіоров – 3.
Капитанов – 65.
Порутчиков – 81.
Корнетов и прапорщиков – 101.
Адъютантов – 7.
Квартермистров – 8.
И того – 272.
Урядников и рядовых – 4763.
И того – 5035.
Полковых аудиторов и комисаров – 9.
Заротных и неслужащих всяких и волонтиров – 117.
Всего 5161.

Штандартов от кавалеріи – 14.
Знамен драгунских – 29.
Знамен от пѣхоты 93, в том числѣ 6 знамен от лейб-гвардіи.
И того – 136.

Пушек – 4.
Литавр – 4.
В том числѣ от лейб регимента одни серебряныя.

Артилерійскіе обер и унтер-офицеры и прочіе служители.
Полковник Биноуб, который от раны умер – 1.
Подполковник Пост Апелман – 1.
Маіор – 1.
И того – 3.
Капитанов – 4.
Капитан порутчик – 1.
Порутчиков – 6.

Адъютант – 1.
Прапорщиков – 6.
Штик-юнкеров – 15.
Сержантов – 11.
Писарей и фуріеров – 28.
Бомбандиров и учеников – 13.
Пушкарей и учеников – 49.
Помощников и миниров – 62.
И того служащих – 200.

Неслужащих.
Фелдцейгмейстер – 1.
Обер-шталмейстер – 1.
Квартермистр – 1.
Пасторов – 2.
Аудитор – 1.
Цейгвартер – 1.
Лѣкарь – 1.
Обер-вахмейстер – 1.
Унтер шталь и вахмейстеров – 4.
Нотаріус – 1.
Унтер-адъютант – 1.
Фуріеров – 19.
Всяких мастеровых и иных нижних чинов – 301.
И того неслужащих – 335.
Всего вышних и нижних и с неслужащими – 535.

Артилеріи.
Пушек мѣдных – 18.
Гоубиц – 2.
Мортир – 8.
Да во время баталии взято – 4.
И того – 32.
Штандартов и знамен – 127.
Да во время баталыи взято – 137.
И того – 264.

Всего во время баталіи у Полтавы и у Днѣпра при Переволочнѣ людей взято:
Верховных штаб-офицеров – 59.
Обер-офицеров – 1102.
Унтер-офицеров и рядовых и артиллерійских служителей – 16 947.
Неслужащих и королевскаго двора с служительми – 18 746.

Наших при Полтавѣ на той баталіи побито и ранено.
От кавалеріи побито:
Полковник Лов – 1.
Маіоры:
Василей Кропотов, Ерст, Гелт, и того – 3.
Капитанов – 12.

Порутчиков – 7.
Подпорутчиков и прапорщиков – 8.
Унтер-офицеров – 22.
Капралов и рядовых – 571.
И того с офицерами – 624.

Ранено:
Генерал лейтенант Рен – 1.
Полковники:
Якоб Шамордин, Леонтьев, и того – 2.
Подполковники:
Михайло Нащокин, Петр Похвиснев, князь Петр Горчаков, и того – 3.
Маіоры:
Иван Видман, Матвей Кушников, Матвей Неѣлов, Степан Загрязской, и того – 4.
Капитанов – 26.
Порутчиков – 18.
Подпорутчиков и прапорщиков – 19.
Унтер-офицеров – 59.
Капралов и рядовых – 1322.
И того с офицерами – 1454.
И того побито и ранено – 2078.

От инфантеріи побито.
Бригадир Феленгейм – 1.
Полковник Нечаев – 1.
Подполковник Козлов – 1.
Капитанов – 6.
Порутчиков – 6.
Подпорутчиков – 2.
Прапорщиков – 4.
Унтер-офицеров и рядовых – 691.
И того с офицерами – 712.

Ранено.
Бригадир Полонскій – 1.
Полковники:
Лесли, Инглис, Воейков, и того – 3.
Подполковники:
Корет, Кошелев, и того – 2.
Маіоры:
Ларіонов, Козлов, Бухгольц, Чамберс, и того – 4.
Капитанов – 4.
Капитанов порутчиков – 7.
Порутчиков – 8.
Подпорутчиков – 3.
Адъютантов – 3.
Прапорщиков – 6.
Урядников и солдат – 1784.
И того с офицерами – 1825.

От артилеріи побито.
Сержант – 1.
Канонеров – 3.
Фузилеров – 5.
И того – 9.
Ранено.
Канонеров – 2.
Фузилеров – 9.
И того – 11.
И того от кавалеріи и от инфантеріи побито – 1345.
Ранено – 3290.
Всего побито и ранено – 4635.

Потом был благодарный молебен в другой раз, а послѣ молебна присудствующим на той баталіи генералитету и прочим чинам объявлены слѣдующія награжденія.

Фелдмаршалу Шереметеву пожалованы великія деревни.

Генерал князь Меншиков объявлен вторым фелдмаршалом.

Генерал князь Репнин пожалован кавалеріею и деревнями.

Генералу фелдцейгмейстеру Брюсу дана кавалерія.

Генералу лейтенанту Рену дан чин полнаго генерала.

Генералу Аларту дана кавалерія.

Генералу лейтенанту князю Голицыну даны деревни.

Генералу лейтенанту Ренселю дана кавалерія.

Министры.

Из верховных комнатных, граф Головкин пожалован в канцлеры.

Их тайных секретарей барон Шафиров в подканцлеры.

Князь Григорій Долгорукій пожалован деревнями и чином тайнаго дѣйствительнаго совѣтника.

Боярин Иван Мусин Пушкин в тайные совѣтники.

Также и иные многіе повышены чинами и пожалованы вотчинами и всѣх штапных и обер-офицеров жаловал государь золотыми портретами с алмазы и медальми золотыми же по достоинству их чинов; а солдатам медали серебреныя, и даваны были деньги.

На послѣдок как министры, так генералитет, офицеры и солдаты, возблагодаря государя за милость и за такія награжденія, просили его, дабы во знак трудов своих, как в сію преславную баталію, так и в прочих воинских дѣйствіях понесенных, изволил принять чин в сухопутном войскѣ генерала, а на морѣ шаутбенахта (понеже до той Полтавской баталіи, и во время дѣйствія во оной баталіи имѣл только чин при гвардіи своей полковником), и по тому их прошенію государь изволил принять чин сухопутной генерала лейтенанта; а на морѣ шаутбенахта, и то подтвердилось общим всѣх генералитета, министров, офицеров и солдат поздравленіем.

Іюля в 11 день полон весь шведскій отправлен в Смоленск, а оттоль велѣно розвесть к Москвѣ и по другим городам, а иные отправлены в Кіев.

Потом вся армія пошла от Полтавы 13 дня, и пришла в мѣстечко Решетиловку того же числа, и тут нѣсколько дней пробыли для управленія войска: понеже у Полтавы ради духу от мертвых тѣл и долговременнаго стоянія двух армій великих долѣе стоять было не возможно. Тут же государь повелѣл плѣнным шведам двум компаніям, одной пѣхотной, другой конной дѣлать екзерцицію для вѣденія, каким образом у них употребляется: тут же по суду разстрѣлян бригадир Мильфелд, который быв в службѣ государевой ушел к шведам (под Гроднею в 1708 году, как о том выше помянуто, и по разбитіи шведской арміи при Полтавѣ поиман). Тут же в Решетиловкѣ опредѣлено генералу фелдмаршалу графу Шереметеву ити со всею пѣхотою и частью кавалеріи для блокады города Риги; а генералу фелдмаршалу князю Меншикову с большею частію кавалеріи велено ити в Польшу в слученіе генералу фелдмаршалу лейтенанту Гольцу для выгнанія Лещинскаго и генерала маіора шведскаго Красова, чтобы Рѣчь Посполитую от них свободить и законнаго их короля Августа паки на престол возвесть; и по расположеніи арміи и полону, пошли каждый в свой путь іюля 15 числа: а государь отправя всѣх путь свой восприял к Кіеву іюля 19 числа на Лубны, на Березань, и прибыл в Кіев в 22 день.

В 25 день генерал фелдмаршал князь Меншиков прибыл с драгунскими полками в Кіев, и побыв тут недолгое время, пошел в свой путь.

Государь в Кіевѣ пробыл августа до 15 числа, и в ту его бытность в Кіевѣ префект школ кіевских Феофан Прокопович при всенародном собраніи в соборной церквѣ Святыя Софіи в присудствіи государевом говорил панигирик, или слово похвальное, которое напечатано слов и рѣчей его в томѣ 1 на стран. 21.

Августа с 15 числа государь из Кіева путь свой восприял в Польшу; а в 18 день прибыл в Поллонное, гдѣ был три дни, и от турецкой стороны имѣли тогда вѣдомости, что король шведскій и с Мазепою измѣнником пріѣхали с поспѣшеніем к турецкому городу Ачакову, но в тот город паша их не пустил, опасаясь султана; и для того по нѣкотором времени поѣхали они к Бендеру, гдѣ их сераскер бендерскій принял честно, и сам совсем своим домом встрѣчал и из пушек стрѣлял. По прибытіи же своем король шведскій тот час послал в Царьград к Портѣ послов своих для постановленія союза с Портою; и потом государь паки поѣхал на Дубню на Красной Став, гдѣ на 24 число ночевал; и потом на другій день прибыл к своему войску, которое стояло недалеко от Люблина под командою генерала фелдмаршала лейтенанта Гольца, гдѣ у помянутаго Гольца отъобѣдав, к вечеру прибыл в Люблин: в тоже время встрѣтил государя Огинскій, гетман литовскій.

Августа в 28 день пріѣхал в Люблин к государю от короля польскаго Августа верховный конюшей господин Фицтум с поздравленіем полученною Полтавскою викторіею, и просил именем своего государя короля польскаго, чтобы государь изволил путь свой возъимѣть в Торунь для свиданія с вышепомянутым королем, который шел тогда из Саксоніи с саксонскими своими войсками в Польшу в 14 000 человѣках состоящими.

Тогда же имѣли вѣдомость, что шведскій генерал Красов и Станислав Лѣщинскій, услыша о Полтавской баталіи, сочиняли и разсылали вѣдомости весьма тому противныя, дабы еще поляки держалися при сторонѣ Станиславовой. И как поляки подлинно увѣдомилися о помянутой баталіи, и что государь сам в Польшу идет, и за ним генерал фелдмаршал князь Меншиков с войском послѣдует; а из

Саксоніи король польскій Август с саксонским войском в Польшу вступил, и по тѣм вѣдомостям знатные поляки, бывшые в противной сторонѣ, Яблоновскій, Дзялинскій, Щука и многіе иные, усмотря, что вся надежда их пропала, оставя Станислава и Красова, пристали к бискупу хелмскому, и просили чрез онаго у короля Августа прощенія. И как генерал Красов о том увѣдал, что знатные из поляков от Станислава отложились, собрався со всѣм войском и набрав довольное число польских лошадей, такожде и провіанта, из Польши пошел в Померанію, куда и Станислав со всею своею фамиліею послѣдовал; а понеже он, Красов, шел из Польши во Померанію чрез земли короля польскаго, гдѣ ему как в проходѣ чрез ту землю, так и в субсистанціях отказано было: того для намѣрилися было он в Саксоніи мимоходом посѣтить для собранія по прежнему контрибуцій: однако же отдѣленная часть россійских войск, которыя в слѣд его шли, до того не допустили; и так он прошел в Померанію.

Сентября во 2 день получена от короля польскаго Августа чрез нарочно присланнаго от него Шпигеля вѣдомость, что он с войски своими уже в польскія границы вступил, и обрѣтался близ Кракова, и паки чрез онаго подтверждено о персональном свиданіи с государем.

И по полученіи тѣх вѣдомостей государь из Люблина путь свой восприял сентября 7 числа, и прибыл к коронному войску, которое стояло тогда у рѣки Вислы у мѣстечка, именуемаго Сольцы, под командою гетмана Синявскаго, и онаго войска смотрѣл, которое стояло в строю и с троекратною стрѣльбою из пушек и из мѣлкаго ружья государя поздравляли.

По том вскорѣ в помянутое мѣстечко Сольцы приѣхал от короля польскаго генерал фелдмаршал граф Флеминг со объявленіем, что его король государя ожидает для свиданія в городѣ Торунѣ: и для того государь указал дѣлать на Вислѣ 10 судов немалых с поспѣшеніем, и за тѣм в Сольцах изволил пробыть 12 дней.

Между тѣм же сентября в 8 день приѣхал в Солец к государю от короля прусскаго камергер фон Камкен с грамотою и с поздравленіем о полученной Полтавской викторіи и со объявленіем, что его король такожде с ним, государем, для общих интересов персонально видѣться желает; и был оный камергер у государя на приватной аудіенціи и грамоту королевскую подал, и по том был на конференціях с министры россійскими, в которых ему по указу объявлено, что государь, по имѣющей древней дружбѣ и любвѣ к его королевскому величеству, персональнаго с ним свиданія желает; и дабы к тому свиданію он, король, назначил мѣсто, и напред о том увѣдомил, и с тѣм помянутый камергер отпущен.

Сентября в 12 день государь смотрѣл екзерциціи короннаго нерегулярнаго войска, которую екзерцицію дѣлали, выѣхав из обозу своего, гусары с копьями.

В 20 день, как суда изготовлены были убрався на оныя, восприял путь свой рѣкою Вислою к Варшавѣ; тут же ѣхали наши министры и короля польскаго Августа генерал фелдмаршал граф Флеминг и конюшей Фицтум; а в конвоѣ и в гребцах был тогда за государем Вятскій пѣхотный полк с полковником князем Алексѣем Голицыным.

В 23 день в вечеру прибыли в Варшаву, и государь изволил быть на дворѣ польскаго маршалка Бѣлинскаго. Тут же был бискуп луцкій Виговскій и нѣсколько сенаторов польских, между которыми был и князь Радзивил, великій канцлер литовскій, которые всѣ купно государя поздравляли полученною Полтавскою

баталіею, и благодарили, что тою баталіею паки возвратил им законнаго их короля и спас их вольность, и быв в Варшавѣ до ночи, возвратился ночевать на судно свое; а по утру в 24 день сентября поплыли до Торуня. Князь Радзивил и прочіе знатные польскіе господа государя провожали даже до Торуня. В 26 день не доѣзжая Торуня за милю, король польскій встрѣтил государя на двух маленьких прамах, которые обиты были красным сукном; и как приѣхал король Август к судну государеву, тогда государь его, короля, встрѣтил, и между собою имѣли поздравленіе и любительные разговоры о состояніи своего здравія и случившихся дѣл; а наипаче о преславной Полтавской баталіи, и немного тут помедля, оба сіи государи пошли на королевское судно, или прам, на котором изготовлен был стол с кушаньем, за которым сидѣли и обѣдали, и в том суднѣ ѣхали до города Торуня; а как прибыли к городу и пристали к берегу, то вышед из судна, сѣли оба верьхами на лошадей и поѣхали в город. При самом городѣ по сторонам стояли королевскіе драбанты на лошадях, а в городѣ мещане торунскіе всѣ были в строю, и были у короля даже до 5 часа ночи: а против двора королевскаго всѣ жители торунскіе стояли и дожидались возвращенія государева в свою квартиру, которая тогда приготовлена была в городѣ; потом государь в 5 часу ночи прибыл в свою квартиру, до которой сам король провожал с своими министрами и генералитетом, за которыми послѣдовали королевскіе драбанты и торунскіе жители, и кричали виват.

В 28 день король со всѣми своими генералами и министрами обѣдал у государя; понеже тогда был день воспоминанія бывшей баталіи под Лѣсным с генералом шведским Левенгоуптом.

Сентября в 29 день и в 30 имѣли оба государи консиліи о подтвержденіи союза прежняго, который нарушен был партикулярным принужденным от короля шведскаго миром, который тогда король польскій Август учинил без вѣдома Рѣчи Посполитой, и опредѣлили министрам своим о том имѣть конференціи.

Октября во 2 день приѣхал в Торунь генерал фелдмаршал князь Меншиков и репортовал государя, что он полки кавалеріи оставил под командою генерала Рена при рѣкѣ Вислѣ недалеко от Торуня, и того же дня по указу государеву велѣно ему быть на конференціи обще с министрами у генерала фелдмаршала саксонскаго графа Флеминга.

И в ту бытность государеву в Торунѣ учинен с ним, королем польским Августом, новый трактат наступательный и оборонительный противу Швеціи.

Да еще сверьх того со оным же учинен трактат оборонительный между их величествы государем россійским и королями польским, датским, прусским.

Октября 6 числа государь смотрѣл Торунской фортификаціи, которая отчасти была от шведов разорена; а в 7 день оба государя по городу гуляли.

Того же 7 числа октября приѣхал в Торунь чрезвычайный посланник от короля датскаго барон фон Ранцов с поздравленіем государю о викторіи Полтавской, такожде и для домогательства, дабы королю его с ним государем в союз наступательный и оборонительный против Швеціи вступить.

Октября в 8 день король был у государя и обѣдали вмѣстѣ.

И того же 8 числа помянутый чрезвычайный посланник датскій барон фон Ранцов имѣл с министры россійскими конференціи, на которых ему объявлено,

что о заключенiи наступательнаго и оборонительнаго трактата, между государем и королем его против Швецiи имѣет указ россiйскiй посол, обрѣтающiйся при дворѣ его короля, князь Василей Долгорукiй, от котораго по нѣскольком времени послѣ получено и извѣстiе, что он при дворѣ датском учинил трактат между государем и королем датским противу Швецiи, и его королевское величество датское в войну противу Швецiи уже вступил, который трактат потом от обоих государей ратификован.

Между тѣм знатные поляки, которые было выѣхали из Польши в разныя мѣста, паки собрались в Польшу к своему законному королю Августу, такожде залускiй бискуп Варминскiй из Рима тогда приѣхал, котораго король Август паки возставил в чин великаго канцлера короннаго. По смерти Огинскаго Поцѣй, литовскiй подскарбiй, объявлен гетманом литовским; а граф Дейнгов другим гетманом; прочiе же поляки, которые были в сторонѣ шведской, признавая пред королем Августом вины свои, просили прощенiя, которых он по прошенiю государеву простил. И тако в Польшѣ помощiю государевою всѣ смятенiя и несогласiя между ими утишились.

Того же 8 числа октября был у короля польскаго турецкiй посол, который его величество поздравлял щастливым возвращенiем в Польшу, и обнадѣживал его дружбою и добрым сосѣдством султана своего.

Против 9 числа октября государь ночевал на суднѣ своем, а по утру в 10 день пошел в путь рѣкою Вислою к Марiен-Вердеру для свиданiя с королем пруским, которое мѣсто ради того свиданiя прежде было назначено; а король Август провожал государя от Торуня до мѣстечка Свѣчь, которое разстоянiем 8 миль, и ѣхали оба вмѣстѣ на одном суднѣ.

В 12 день король с судна сшел, и поѣхал сухим путем к тому мѣстечку, гдѣ стояло саксонское войско; а государь ночевал на суднѣ, и по утру рано приѣхали в Свѣчи, и был государь у короля, потом смотрѣли саксонскаго войска, которое поздравляло государя троекратною из пушек и мѣлкаго ружья стрѣльбою; и по смотренiи того войска государь обѣдал у короля и ночевал в том мѣстечкѣ.

Между тѣм Сапѣга, староста бобруйскiй, прислал к государю, прося заступленiя и прощенiя у короля и Рѣчи Посполитой в своей винѣ, что он был на непрiятельской сторонѣ; на что государь дал ему свой пароль, по которому он Сапѣга сам приѣхал, и потом войско свое по указу королевскому отдал Поцѣю, гетману литовскому.

Октября в 14 день государь простясь с королем польским, путь свой взял паки водою до Марiен-Вердера, для свиданiя с королем пруским; а король Август остался в Свѣчѣ при своем войскѣ.

В 15 день октября послѣ полуден в вечеру, когда государь на судах пристал к берегу близ Марiен-Вердера, тогда от короля пруcкаго высланы были нѣсколько карет цугами, потом и сам он король выѣхал и государя встрѣтил от Марiен-Вердера в полу милѣ на берегу рѣки Вислы, потом любительно поздравилися и сѣли оба их величества в одну карету, и как к замку приближилися, то поздравляли государя пушечною стрѣльбою; а в замкѣ стоял в строю пѣхотной полк и нѣсколько конных шквадронов, и как въѣхал в замок, тогда поздравляли помянутые стоящiе в строю тремя залпами, и приѣхали в королевскiй дом, гдѣ

был публичный и церемоніальный стол, и в одном том дому оба сіи государи квартиру имѣли.

На другій день у короля был такой же церемоніальный стол.

В 3 день, то есть 17 октября, имѣли тайный совѣт, и повелѣли министрам своим о дѣлах, принадлежащих ко общим интересам, имѣть конференціи.

И при том свиданіи по имѣющим между министров конференціям заключен между государем и королем пруским оборонительный обыкновенный трактат. [...] [223]

№ 224

1707–1709. – Аксель Гілленкрок Сказання про виступ його величності короля Карла XII з Саксонії і про те, що під час походу до Полтави, при її облозі та пізніше трапилось

В то время, когда король Карл XII находился с шведскою армиею в Саксонии, я приказал, согласно повелению его величества, изготовить карты всей Саксонии, и занимался также составлением большой генеральной карты Польши. Когда карты были кончены и представлены мною королю, он изъявил свое благоволение, и при этом отдал мне на сохранение большую печатную карту всей России, полученную им в подарок от короля Августа. Я отозвался по этому случаю: «Имея теперь карты Саксонии, Польши и России, я желал бы иметь также верныя специальныя карты Лифляндии, Псковской губернии, Ингерманландии и Петербурга. Статься может, что Ваше величество, вышед из Саксонии, направите путь туда». Король отвечал: «Мы можем иметь другой план: выгнать неприятеля из нашей земли, и овладеть Псковом. На этом основании, вы должны составить диспозицию к атаке». Я отвечал: «Так как этот план самый верный и самый лучший, то и желаю, чтобы Господь Бог благословил его». Я просил короля о позволении требовать от Фортификационной конторы высылки плана Пскова и всех находящихся там карт Псковской земли. Король не только изъявил согласие на мою просьбу, но и приказал вызвать несколько инженерных офицеров для употребления их при осадах. На вопрос: «Сколько именно я желаю?» Я отвечал: «Довольно шести офицеров с теми, которые уже состоят при армии. А если потребуется больше, то можно взять из лифляндских гарнизонов». Король приказал немедленно написать об этом генерал-квартирмейстеру и директору Пальмквисту.

В следствие королевскаго повеления, Пальмквист прислал мне план крепости Пскова. Судя по чертежу, укрепления состояли из одной наружной стены, с воротами, и двух внутренних в городе. На плане были обозначены многия решетки, без профиля, как и самый план, и несколько малых внешних верков. Сколько могу припомнить, карта сия имела в длину и ширину около аршина. Карта Псковской земли имела 5/4 аршина в ширину, и от 5 до 6 аршин в длину. На ней были

[223] Журнал или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра великаго с 1698 года, даже до заключенія Нейштатскаго мира. – СПб., 1770. – Часть первая. – С. 1–249.

показаны реки, водопады, немного леса и несколько деревень. Мне были присланы следующие инженерные офицеры: 1 капитан, 3 поручика и 2 кондуктора. Псковский план и карту показывал я королю, который нашел их неудовлетворительными и отозвался: «Фортификационная контора должна иметь плохия сведения о неприятельской земле, если не прислала лучших карт». Я отвечал: «Ежели будет время, то я постараюсь достать лучшия карты и запастись лучшими сведениями». Король сказал: «Когда Фортификационная контора увидит ваши карты, то полюбуется ими». Я выразил желание «исполнить все к удовольствию его величества», и король принял это весьма милостиво. Мне было приказано снять копии со всех саксонских карт для короля Августа, который просил об этом, и никому не говорить о сем распоряжении. В неделю работа была кончена и представлена королю Августу.

При частых совещаниях с королем, я вознамерился начертать проект о походе армии чрез Польшу до Пскова, об осаде этой крепости, об устройстве магазинов для сохранения армии в Лифляндии и т. д. Проект сей был так подробно изложен, что занимал шесть мелко исписанных листов. Вот вкратце его содержание: «В 1707 году, армия должна стать на зимния квартиры в Плоцкой области и Мазовии, от города Торна до Остроленки и Пултуска. В Швецию и Померанию послать повеление, чтобы вся излишняя пехота была перевезена, при первом вскрытии моря, в Ригу, для усиления армии генерала Левенгаупта. Генерал Левенгаупт, как скоро получит приказание, должен выступить со столькими пушками и мортирами, сколько их нужно для осады Пскова, и потом соединиться с армиею короля. Весною 1708 года, лишь только дороги установятся, продолжать поход к Литве, занять позицию вдоль Немана в уездах Слонимском, Новогрудском и Слуцком, и там собрать возможно большое количество провианта».

«Армия, усиленная пехотою генерала Левенгаупта, должна двинуться со всею артиллериею, и вытеснить неприятеля, между Двиною и Днепром, из Смоленскаго воеводства внутрь России. Неприятель сожжет, вероятно, деревни, чтобы тем воспрепятствовать дальнейшему походу короля к Москве».

«Во время сих движений, генерал Левенгаупт, снабженный кавалериею и необходимою для рекогносцировки пехотою, должен стараться собрать сведения о силах неприятеля, и потом занять позицию в Псковском уезде при Березине, в окрестностях города (?) Долгинова, для прикрытия и подкрепления тех войск, которыя будут собирать провиант для королевской армии. Королевская же армия остановится на верхнем Днепре, перед Дорогобужем и в Белом уезде. Литовския войска должны следовать за отступающим неприятелем в Смоленскую область и безпокоить его разъездами. Генерал, командующий под Ригою, должен собрать как можно более пехоты из Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и с острова Эзеля, и сформировать из них полки, которые, будучи подкреплены малым числом кавалерии, должны быть в готовности к немедленному выступлению по получении приказа».

«В начале благоприятнаго времени года, должна выступить армия короля, вместе с 3 или 4000 литовцев и кавалериею королевских валахов, и кратчайшими дорогами следовать в Псковскую область. Литовская армия остановится в Смоленском воеводстве, чтобы тревожить и наблюдать неприятеля. Неприятель, по всему вероятию, отступить к Новугороду с большею частию своей армии».

«Тогда генерал Левенгаупт должен тронуться с своим корпусом, и идти чрез Полоцк в Псковскую область, чтобы атаковать неприятеля с тыла, если часть неприятельскаго войска, заняв дефилеи, станет препятствовать движению армии короля. Как скоро соединятся обе армии, надобно отправить одного генерала, с несколькими тысячами драгунов и малым числом пехоты, для принятия всех пушек и мортир, которыя он должен охранять до времени бомбардирования и осады Пскова, и не допускать сюда неприятельских подвозов».

«Генерал, стоящий под Ригою, должен тотчас выступить, и послать часть своей пехоты к Пскову. Остальныя войска пойдут чрез Эстляндию и так окружать Нарву, чтобы туда не могло проникнуть ни одно известие. Финляндская армия должна выступить в то же время и следовать к Неве по дороге в Петербург, если бы неприятельская армия ретировалась из Ингерманландии к Новугороду».

«Когда армия короля вступить в Псковскую область, то, полагаю я, можно будет отрядить генерала Левенгаупта с достаточным корпусом для вытиснения неприятеля из Ингерманландии. Финляндская армия могла бы переправиться чрез Неву с несколькими пионерами и известным числом брусьев, связанных железными скобами в виде моста, и от Ладоги двинуться к Петербургу, который, если прикажет король, тотчас можно сжечь. Из армии надобно отрядить 2000 кавалерии в Ингерманландию, чтобы там набрать всех годных в пехоту людей для ея усиления, а потом помогать королевскому флоту в раззорении петербургской гавани и тамошняго флота. Остальная часть финляндской армии должна идти к Пскову и бомбардировать сию крепость. Между тем, армия короля продолжает свое дальнейшее движение, и именно мимо Старой Руссы, если позволять дороги, или мимо Новагорода, вместе с корпусом генерала Левенгаупта, который, неослабно наблюдая неприятеля, ретирующегося из Ингерманландии, всегда может соединиться с армиею короля. Корпус сей должен непременно всегда оставаться на большой дороге из Москвы в Новгород, чтобы встретить неприятеля, если бы он решился дать сражение, чего однако ж я не предполагаю. Если дороги у Старой Руссы будут проходимы, то, конечно, оне должны быть заняты для сообщений с Псковом. Королевских валахов и литовский корпус можно послать на раззорение и сожжение Рославльскаго уезда до Торопца, чтобы неприятель или партии его не могли больше приходить в Псковскую область. Потом, литовский корпус, с несколькими драгунами, можно употребить на доставку провианта для армии из уездов Наркапольскаго (?) и Великолуцкаго. Когда армии короля и Левенгаупта оттеснять неприятеля за Волгу, тогда было бы весьма полезно укрепить на этой реке удобное место и там заложить магазины; ибо отнюдь не должно переходить за Волгу раньше овладения Псковом, осаду котораго надобно кончить в 1709 году, если только крепость не сдастся после бомбардирования. Нарва, полагаю я, не устоит после падения Пскова. Чтобы принудить Нетебург (ныне Шлиссельбург) к капитуляции, надлежит послать из Кексгольма корабли в Ладожское озеро, которое они должны очистить от неприятеля, и кроме того захватить и сжечь все неприятельския суда, если таковыя будут находиться при деревнях или городах, в окрестностях Ладожскаго озера. Небольшая крепость Ладога может быть взята также финляндскою армиею».

«Если и по очищении всей Ингерманландии, неприятель не согласится на мир, тогда можно перейти за Волгу и продолжать поход к Москве, чтобы принудить

неприятеля к миру. Литовскую армию равным образом можно было бы двинуть к Москве. Польской армии надлежит вторгнуться в Украину, и стараться привлечь на свою сторону казаков, чтобы выгнать неприятеля, как из Украины, так и из Северскаго края».

Проект сей был у меня уже готов на тот случай, если бы король отказался от своего плана относительно Пскова. Я всегда старался побудить короля к благоразумному намерению, именно идти на Псков и выгнать неприятеля из своей собственной земли, а не углубляться в страну неприятельскую. Этого я никогда не советовал, но постоянно противоречил такому плану.

Король, простояв почти целый год в Саксонии, приказал мне изготовить маршруты к выступлению армии, которые и были разосланы в полки и к саксонским коммиссарам, долженствовавшим заботиться о продовольствии. 22-го августа 1707 года армия выступила различными колоннами, и заняла позицию на Одере, до решения силезских дел в Вене. Затем двинулась армия в Польшу и расположилась на кантонир-квартирах от Калиша, мимо Слупцы, где была главная квартира, до Познани (19-го сентября). Неприятель, предпринявший рекогносцировку из Калиша, был атакован и разбит авангардом. Взятые при этом случае в плен показали: «Что царь отступил, с своею армиею за Вислу и Буг, и первую реку занял дивизионом драгунов, которые сожгли мост при Торне и расположились в Плоцком округе для наблюдения за нашею армией. Брест также был занят дивизионом неприятельских драгунов».

Лишь только рекруты пришли к полкам, король повелел мне изготовить марш-ордеры до Варшавы на Висле и до Винницы, где с 4-го ноября находилась главная квартира. Армия заняла кантонир-квартиры в Куявском и Иновраплавском округах, ожидая постройки мостов. Но как, при наступлении холодов, мосты были снесены сильным пловучим льдом, то армия и осталась здесь до замерзания рек. В течении этого времени, я занимался, по воле короля, диспозициями зимних квартир в округах Плоцком и Мазовецком.

28-го декабря 1707 года двинулась армия, чтобы переправиться в различных местах чрез Вислу, и занять квартиры от Остроленки и Пултуска до Торна. В городе Добрине, куда 1-го января 1708 года прибыла главная квартира, его величество приказал мне, по прошествии нескольких дней, направить движение армии чрез Мазовецкий лес к Гродно. Неприятельский авангард оставил при нашем приближении Пултуск, и отступил к Тикочину, к своей армии, расположенной от Гродно до Вильны и Самогитии. Русския войска, стоявшия в Бресте, ретировались к Минску. Я сказал королю, что «жаль оставлять так скоро такия хорошия квартиры». Но король возразил: «Армия довольно отдохнула в Саксонии. Из этого ничего не выйдет. Да и не нужно заботиться о новых зимних квартирах». Я отвечал: «По воле вашего величества, маршруты будут немедленно изготовлены. Осмелюсь однако ж всеподданнейше доложить, что, по собранным мною сведениям, в Мазовецком лесу мало деревень, дороги очень дурны, и, как говорят, там укрывается шайка разбойников из Польши. Его величество сказал: «Разбойники не могут сделать нам ни малейшаго вреда. В деревнях мы не будем останавливаться, а только пройдем чрез них; дороги же не могут быть хуже прежних».

Армия, получив маршруты, выступила тремя колоннами в лес. При начале онаго, собралась неприятельская партия для воспрепятствования нашему походу;

однако ее вскоре прогнали. В середине леса одна дефилея была завалена срубленными деревьями. Король тотчас приказал уничтожить засеку.

При этом движении, король едва не подвергся несчастию. Один мародер выстрелил из леса и ранил лошадь трабанта, ехавшаго по правую сторону короля. Отряд трабантов бросился отыскивать выстрелившаго, однако не нашел. Отдано было приказание полкам жечь все деревни, а людей, которыми будут атакованы, убивать, что и было исполняемо. Армия таким образом весьма скоро подвигалась к Гродно. Неприятель с такою же скоростью отступал по мостам, близь Гродно, за Неман. Король атаковал лично, с 600 всадниками, неприятельский ариергард овладел мостом, прогнал неприятеля и занял (28-го января) Гродно. В следующую ночь неприятель старался захватить здесь короля, однако не имел в том удачи, но сам был разбит и прогнан.

Армия получила приказание выступить на разсвете и как можно скорее переплавиться чрез Неман. Я должен был составить маршрут до города Минска, именно таким образом, чтобы армия шла на неприятеля четырьмя колоннами, но неприятель поспешно оставил свои зимния квартиры и отступил за Березину в Смоленский и Витебский округи. При отступлении русские сожгли все мосты и, сколько было можно, фуража. Король дошел за пятнадцать миль до Минска. Здесь движение было изменено вместе с главною квартирою, которая, под прикрытием лейб-регимента и драгунов полковника Гельмса (Hielms), расположилась в городе Сморгоне (8-го февраля). В это время перешел сюда русский бригадир Мюленфельд и обратился с своими предложениями к фельдмаршалу Реншильду. Вскоре заговорили везде, даже в свите короля, о походе на Москву. Между прочими льстивыми словами, генерал-маиор Лагеркрона утверждал, что «неприятель не осмелится воспротивиться походу короля на Москву». Генерал-маиор Аксель Спарре сказал его величеству: «Есть старинное предвещание, что один из фамилии Спарре должен быть губернатором в Москве». Король очень этому смеялся, и заметил, что речь генерал-маиора Спарре клонится к получению от короля слова «быть ему, Спарре, московским губернатором, если шведы овладеют сим городом».

Подобныя льстивыя речи, равно как то обстоятельство, что король часто бывал у фельдмаршала и несколько раз говорил с русским бригадиром, очень меня тревожили и безпокоили. Я боялся, что его величество, увлекшись лестию, решится на опасный план, идти к Москве. Я откровенно сообщил свои опасения советнику канцелярии Гермелину и просил его, при случае, переговорить о столь опасном походе с графом Пипером. Он отвечал, что «уже говорил с фельдмаршалом о движении на Псков, и фельдмаршал отозвался только, что король давно составил план, о котором никто ничего не знает, и, вероятно, со славою исполнит свое намерение». Советник Гермелин просил меня, «при случае изложить мои мысли, касательно движения на Псков, фельдмаршалу и даже самому королю, когда речь зайдет об операционном плане».

Чрез несколько дней я пошел к фельдмаршалу и застал его одного. В разговоре я заметил: «Если неприятель, при отступлении, решится дать сражение, то нашу армию едва можно собрать в две недели». Фельдмаршал отвечал: «Неприятель не решится, а отойдет к своим границам». Я возразил: «Русские поступают благоразумно, стараясь обезопасить свой тыл и соединение с своею

землею. Мне кажется, и нам было бы гораздо лучше, если бы его величество решился следовать по псковской дороге для изгнания неприятеля из нашей земли, чем отваживаться на Москву; а об этом все толкуют». Фельдмаршал отвечал: «Уверяю, что ни я, ни кто другой не может знать намерения короля. Пока мы отдыхаем, он работает в своих мыслях больше, нежели мы думаем». Я сказал: «Господь да сохранить его; потому что неудачный план и проигранное сражение могут иметь пагубныя следствия». Фельдмаршал отвечал: «Король, конечно, храним Богом, и я твердо уверен, что Господь его не оставит, и что он достославно совершить свои намерения».

Спустя еще несколько дней, пошел я, с тем же предложением, к графу Пиперу, который тотчас спросил меня: «Известно ли мне, что неприятель атаковал лейб-драгунов в квартирах, и оттеснил их. Из этого видно, что неприятель старается вредить нам, где только может». Я отвечал: «Если неприятель остановится, то, я боюсь, что, против ожидания, он может наделать нам много вреда. Армия его расположена так, что может быть сосредоточена в десять дней». Граф отозвался: «Я говорил об этом королю, и просил его не пренебрегать неприятелем, а поступать осторожнее, чтобы не подвергнуть себя несчастию». Вскоре после этого, король приказал мне заняться распоряжениями насчет кантонир-квартир. Я спросил: «Займет ли его величество квартиру в городе Мархове», на что король не изъявил согласия, но спросил «Нет ли, по близости, другого города?» Я сказал: «Есть городок Радошковичи, но жилища в нем так плохи, что его величество не найдет ни в одном доме и третьей части необходимаго помещения». Король объявил, что «ему довольно этого». По разсылке в полки назначения новых квартир, король отправился туда (15–17 августа).

Пока армия стояла на квартирах, случилось мне быть однажды у графа Пипера. Между прочим, он спросил у меня: «Много ли полков перед главною квартирою?». Я отвечал: «Гвардия с двумя пехотными и четырьмя конными полками; а валлахи, с литовскими войсками, охраняют переправы чрез Березину». Граф сказал: «В таком случае, неприятель не может тревожить нас на наших квартирах». Я, с своей стороны, заметил, что «при настоящем расположении, нечего бояться неприятельской атаки, и с Божиею помощию, мы управимся с неприятелем, если только его величество бросит опасное намерение идти на Москву, а лучше останется в своей собственной земле. Я могу сказать утвердительно, что если король отважится на поход в Россию, таким же образом как он ходил в Польшу, то непременно и себя и всю армию свою подвергнет величайшему бедствию». Граф отвечал, что он то же самое говорил королю, и просил его, ради Бога, быть осторожнее и не пренебрегать неприятелем, так как армия, им ведомая, есть основа всего, и лишившись ее, он, быть может, лишится и короны. Но просьбы мои не помогли; он до того упрям, что не хотел и слушать ни какой благоразумной причины. Я думаю, что он до тех пор не переменить своих мыслей и намерений, пока с ним не случится беды, а тогда все дело уничтожится само собою. Нам ничего инаго не остается делать, как молить Бога, да руководствует и управляет Он нашим королем».

Я занялся тогда изготовлением карты Витебскаго, Полоцкаго и других смежных округов. Король пришел ко мне посмотреть сию работу. Между прочим,

его величество сказал: «Ну, вот мы и на большой московской дороге!». Я отвечал: «До Москвы еще довольно далеко». Король возразил: «Когда тронемся с места, то, конечно, приедем туда». Я заметил: «Неприятель употребит, вероятно, все средства к воспрепятствованию нашего похода». Король сказал: «Неприятель не может остановить нас. Как вы думаете об этом, скажите свое мнение». Я отвечал: «Полагаю, что неприятель не отважится вступить в сражение с вашим величеством. Но русские будут, для лучшей обороны, окапываться на всех трудных для нас местах». Король сказал: «Все эти окопы ничего не значат, и они не могут мешать нашему движению». Я заметил: «Когда неприятель увидит, что не может остановить движения нашей армии, то непременно начнет жечь в своей земле». Король возразил: «Если он не выжжет своей земли, то я сожгу все». Я отвечал: «Со временем, ваше величество убедитесь, как опасно углубляться в неприятельскую землю, не имея прочных сообщений с отечеством». Король сказал: «Мы должны отважиться на это, покаместь нам благоприятствует счастье». Я отвечал: «Обманчиво полагаться на счастие. Ясное тому доказательство ваше величество изволите видеть на французском короле, который до тех пор был счастлив во всех своих предприятиях, пока не сделал ошибки, отодвинув так далеко от Франции свою армию до Гохштедта, на Дунае, где она была почти совершенно истреблена. Не имея возможности оправиться, он все таки отваживался на новыя сражения, и всегда терял их». Король воскликнул: «Бедный француз! Он несчастлив! Ему уже не поправиться». Я отвечал: «Франция государство сильное, французы народ умный. После перваго удачнаго дела, они скоро отдохнут». Король сказал: «Этого не будет! Француз в беде». Я отвечал: «Это во власти Божией. Господь да избавить ваше величество от подобной беды! Я страшусь опасных последствий». Его величество возразил: «Тут нет ни какой опасности. Будьте покойны». Я просил короля не гневаться, если я свои чистосердечныя мысли выразил в разговоре, быть может, не совсем осторожно. Король тотчас отвечал мне с обычным благоволением: «Нет, мы на это не гневаемся; ведь мы говорили только о французах». Еще прежде объяснялся я с генералом Левенгауптом касательно предприятия на Псков. Генерал объявил, что план составлен весьма хорошо. Тогда я просил представить этот план, при случае, королю, также фельдмаршалу и графу Пиперу; но генерал Левенгаупт сказал, что он уже представлял, и что король отозвался: «Дороги к Пскову идут чрез большие леса, и весьма затруднительны». Кто сообщил королю столь ошибочное известие о Псковской губернии, стране прекрасной и плодородной, гораздо лучше Лифляндии, этого я не мог узнать, или генерал Левенгаупт не умел мне сказать. При сближении срока к открытию похода, пехотные полки, стоявшие далеко, получили повеление выступить к Минску. Полки кавалерийские следовали к ближайшим квартирам кавалерии при Радошковичах. Были ли известны неприятелю сии действия, не знаю; только вскоре показалась неприятельская армия и стала при второй переправе чрез Березину, именно при Борисове и Березе. Тогда король приказал мне написать маршрут до Могилева. Я доложил его величеству: «Туда ведут три большия дороги. На двух, с нашего леваго фланга, неприятель укрепился в окопах, а третья, от Слуцка до Могилева, как говорят, во многих местах болотиста, и кроме того, по словам крестьян, ее охраняют татары». Король решился идти по этой дороге.

В то время, когда армия, выступив 12 июня, следовала к местечку Березе Записенской, встретил я, с квартирмейстерами и конвоем, толпу татар, немедленно атаковал их и преследовал до Березины, при чем 100 татар были убиты или утонули. Татары оставили после этого свой лагерь, и я также воротился. В деле сем был ранен принц Вюртембергский.

Как скоро были готовы мосты чрез реки, армия подошла к Белицам, где укрепился неприятель. Мы расположились с левой стороны, на большом поле за рекою. Так как большая дорога из Белиц в Оршу шла мимо нашего лагеря, то я заметил королю: «Не угодно ли ему будет избрать сию дорогу в Оршу, чтобы вывести армию из лесов». Его величество, отвергнув этот план, приказал идти к Могилеву по дурным проселочным дорогам, требовавшим много исправлений, и продолжать путь к городу Головчину, где находится большая дорога в Могилев. Таким образом, мы с большими затруднениями продолжали наше движение до Головчина (30 июня). Неприятель стоял впереди нас, и снял все мосты. Король приказал мне раскинуть лагерь для полков, за ним следовавших, именно для гвардии, Далева полка, Вестманландскаго, лейб-регимента и лейб-драгунов. Валлахи и остальная часть армии заняли позицию на других полях, за лесом. Неприятель ретировался на всех пунктах через реки. Я начертил карту сих рек. Оне были так глубоки, что вода доставала до груди человека средняго роста. Король дал мне шесть эскадронов валлахов для рекогносцировки переправ, находившихся недалеко от неприятельских ретраншементов. Выслушав мою реляцию, король сам поехал туда, чтобы обозреть влево лежавшую точку переправы, признанную мною наиболее удобною. Его величество решился атаковать здесь неприятеля и оттеснить его. Но как понтонные мосты еще не были готовы, то король тронулся в ночь на 4-е июля, и перейдя на другую сторону реки Бабича, которая разделяла, при Головчине, обе армии, при чем вода доставала солдатам под мышки, выстроил гвардию на небольшом поле, впереди неприятельских ретраншаментов. Гвардия двинулась под огнем неприятельской артиллерии, чтобы атаковать русских с тыла. Неприятель постепенно выходил против гвардии из своих окопов, и, после упорнаго дела, был обращен в бегство Далевым полком. Полки Вестманландский и Упландский подоспели к концу сражения. Правое крыло неприятеля было отделено от центра большим лесом, и потому не могло поддерживать его; войска этого крыла отступили за Днепр, большая часть к Шклову, другия к Быкову, и расположились по ту сторону Днепра, на дороге в Могилев и Смоленск. Король не преследовал неприятеля, а остался на поле сражения. Когда похоронили убитых и сделаны были распоряжения к отвозу раненых, армия выступила (7-го июля) к Могилеву, где его величество расположился (9-го июля) с несколькими полками лагерем. Прочия войска были размещены в деревнях от Шклова до Могилева.

Между тем как мы озабочивались снабжением армии провиантом, в котором уже оказывался недостаток, я предложил идти со всеми войсками к Орше, где мы могли достать запасы из смежных округов. Король, не одобрив моего предложения, отозвался, что «он отправил генерал-адъютанта Каннифера с валлахами для сбора провианта с тех округов». Но валлахи были прогнаны неприятелем, и сам Каннифер попался в плен. Тогда армия начала терпеть большую нужду, особенно в хлебе. Король вознамерился, по этой причине, перейти чрез Днепр, и впервые

расположился лагерем (5-го августа) по ту сторону реки, пред Могилевом. По переходе всей армии за Днепр, поход был продолжаем до города Зинькова (Чирнкова), где неприятельский ариергард был атакован и прогнан за реку Сожу. При отступлении русские зажгли мосты и расположились в ретраншементах по ту сторону. Король приказал мне приготовить маршрут до Мессилова. Армия продолжала идти до селения Малатицы, недалеко от местечка Добраго (28-го августа). Неприятель стоял со всею армиею позади большаго болота, находившегося при речке Беляне (Белоль), и окопал сильно все переправы. Здесь армия отделилась от короля, потому что малая местность не позволяла сосредоточить всех сил. Генерал-маиор Роос, с 4 полками пехоты и 1-м кавалерии, занял позицию при плотине, лежавшей чрез болото. Неприятельские форпосты были расположены на высоте сей плотины, а в конце оной, в одном доме, стоял караул. Король приказал мне съездить туда, осмотреть размещение полков, и сказать потом, не должно ли изменить позицию. Я доложил его величеству, что «генерал-маиор Роос занимает не ту позицию, которая была ему назначена, но стоит при ближайшей от главной квартиры плотине, равно как и генерал-маиор Спарре. Притом, полки размещены так тесно, что, в случае тревоги, кавалерия не могла бы тронуться с места. Тогда король приказал генерал-маиору Роосу не трогаться с места, хотя бы неприятель и обстреливал его своею артиллериею; но если пальбы не будет, то в сумерки перенести позицию выше, на поле. Пока распоряжались переменою позиции, начало светать (31-го августа). Неприятель, пользуясь туманом, неожиданно атаковал полк полковника Букваля (Buckvall), который только что хотел разойтись по своим палаткам, и в начале нападения потерпел большой урон, пока солдаты не взялись за оружие. Когда же подоспели на помощь прочие полки, неприятель, оттесненный к болоту, потерял много убитых.

Король решился атаковать неприятеля в позиции его при Добром, и с этою целию расположился в полумили от оной, при Валовниках (3-го сентября). Его величество приказал мне, вместе с фельдмаршалом, сделать рекогносцировку неприятельскаго лагеря. Приблизившись к оному, мы нашли его покинутым и зажженным. Мы не встретили даже ни одного человека из неприятельскаго ариергарда, который следовал за армиею по большой дороге к Мстиславлю, равномерно сожженному неприятелем. На другой день (4-го сентября) король выступил, с намерением занять позиции на большой дороге от Мстиславля к Смоленску, надеясь принудить русских к сражению. Но как неприятель не имел с собою обоза, то и успел убраться в свой укрепленный лагерь позади большой болотистой реки, в четырех милях от Смоленска. При движении нашей армии к Райкову, один неприятельский отряд напал на полк полковника Альбедиля, был однако ж отбит. Казаки зажигали все деревни и истребляли все запасы. Король повелел стараться тушить огонь.

На следующий день король решился приблизиться к неприятелю. Когда армия двинулась (10-го сентября), неприятель стоял с 10 000 корпусом драгунов за одною рекою, на высоте. Его величество приказал гвардейским гренадерам, вместе с 6 эскадронами, составлявшими мое прикрытие, перейти влево от нас небольшую реку и овладеть лагерем. С сими войсками король пошел вверх по реке. Встретившийся его величеству фельдмаршал, с остготским кавалерийским полком, сказал: «Здесь, кажется, дойдет до сражения». Король подтвердил его слова

и приказал двинуть все прочие полки. Когда фельдмаршал уехал, король лично произвел атаку с одним полком. Я следовал позади с 6 эскадронами и бросился на неприятеля. В средине сражения, лошадь короля была подстрелена, и его величество пересел на коня убитаго генерал-адъютанта Туре-Горда (Thure Hard). Пораженный неприятель отступил по дефилее, при одном селении. Фельдмаршал поскакал с одним кавалерийским полком атаковать неприятеля в тыл и отрезать ему путь к упомянутой дефилее; но, наткнувшись на непроходимое болото, принужден был переменить свое направление, и воротился к королю тогда, когда сражение кончилось и неприятель исчез. Король приказал мне расположить лагерь на этом поле.

На другой день (11 сентября) король подвинулся ближе к неприятелю, и расположился в виду его ретраншементов, которые, находясь за рекою, с обеих сторон были окружены болотами. Здесь невозможно было пройти, потому что неприятель сильно укрепил все выходы. Мы простояли на этом месте несколько дней. Король вошел однажды в мою палатку, и сказал, чтобы я посоветовал ему, каким бы образом двинуть дальше армию. Я отвечал: «Не зная плана вашего величества и предполагаемой вами дороги, я не могу сообщить и своего мнения». Король отозвался, что у него нет ни какого плана. Я сказал: «Ваше величество изволите милостиво шутить со мною. Я знаю, что ваше величество имеете план, и куда намерены идти». Король отвечал: «А я не знаю, куда нам идти с армиею, если вы не выберете дороги». Я сказал: «При таких обстоятельствах, мне весьма трудно сделать какое-либо предложение». В эту минуту на форпостах послышалась тревога, и король тотчас от меня уехал.

На другое утро король опять пришел ко мне и спросил: подумал ли я о средствах к дальнейшему движению армии? Я отвечал: «Так как я не знал, что ваше величество говорили со мною не шутя, то и не думал об этом». Король уверил меня, что он вовсе не шутил. Я сказал: «Мне трудно исполнить волю вашего величества, потому что и прочие господа генералы предложат свое мнение». Король возразил: «Да что же они могут мне присоветовать, когда не знают ни дорог, ни положения страны? Только вы можете подать мне совет, а генералы от вас же получат сведение о дорогах и местности». Я сказал: «Не могу не сознаться, что ваше величество говорите сущую истину. Но я должен подумать об этом обстоятельнее, и собрать обо всех дорогах вернейшия известия». Король приказал мне все исполнить и дать ему ответ.

Лишь только король уехал от меня, я пошел к фельдмаршалу и объявил ему: «Король два дня требует от меня совета, куда должно направить дальнейшее движение армии. Так как предмет сей до меня не касается, то я и не осмелился присоветовать что-либо королю, и теперь прошу ваше высокопревосходительство, как фельдмаршала, дать его величеству такой совет, какой для службы вашего государя вы найдете лучшим и полезнейшим». Фельдмаршал поблагодарил меня за открытие всего мною сказаннаго, и прибавил: «Я еще прежде говорил с графом Пипером, который часто давал советы королю, чтобы и теперь он присоветовал что нибудь. Но граф Пипер, изумленный моими словами, отвечал: "Черт советовал прежде, пусть он же и теперь советует"». Я просил фельдмаршала, ради Бога «устранить всякую неприязнь и зависть, которыя могли быть между ими, и подать королю единодушный, полезный совет». Фельдмаршал отвечал, что он охотно

поступит таким образом, и просил меня сказать ему, как бы вывести армию. Я сказал: «Советовать я не смею; но все, что мне известно о дорогах, охотно передам вашему высокопревосходительству». Фельдмаршал взял при этом свою карту, и спросил меня: «Какия сведения имею я о дорогах?». Я отвечал: «Мне известно, что неприятель укрепился на большой дороге, идущей чрез Смоленск в Москву. Идти по этой дороге невозможно, потому что неприятель, если будет принужден оставить какую либо позицию, все сожжет и уничтожит». Фельдмаршал согласился со мною. – «Другое средство вывести армию состоит в том, чтобы переправить ее назад за Днепр и расположить в Витебской области. Я обозначил здесь все деревни». Фельдмаршал заметил: «Король не согласится на это. Неприятель стоял там на квартирах всю зиму, даже до июня, следовательно или мало, или вовсе не найдем ни провианта, ни фуража». Я продолжал: «От вашего высокопревосходительства зависит переговорить обо всем этом с королем, как разсудит его величество». Фельдмаршал спросил меня: «Какия еще есть дороги?». Я отвечал: «Третья дорога лежит от нас вправо; она ведет в Северский край, где можно найти достаточное количество запасов. Только надобно заметить, что все тамошние жители вооружены, а в одном городе стоит русский гарнизон». Фельдмаршал возразил: «Город ничего не значит. Король всегда может овладеть им, а казаки не помешают нам». Я сказал: «В этом случае я не могу быть советником; я сообщил только то, что узнал о стране». Фельдмаршал объявил, что он переговорит обо всем с королем, и спросил меня: «Ежели король пойдет в Северский край, то каковы туда дороги?». Я отвечал: «Есть две дороги, отделенныя одна от другой лесом, имеющим в длину девять польских миль; на каждой миле встречаются небольшия деревни, где довольно фуража, но нет провианта». Фельдмаршал спросил наконец: «Каким образом, по вашему мнению, можно было бы расположить армию на квартирах?» По карте указал я ему, что армию короля можно расположить от Пацанова до Стародуба; корпус же Левенгаупта разместить в самом Стародубе и в окрестностях, так, чтобы он собирал провиант для всех войск. Его высокопревосходительство, совершенно одобрив мой проект, просил меня сообщить все это графу Пиперу.

Я тотчас же пошел к графу Пиперу, и сказал ему от имени фельдмаршала: «Король спрашивает у меня совета. Но я не могу подавать его величеству советов; на это имеете право ваше сиятельство и фельдмаршал». Граф Пипер отвечал: «Сожаления достойно, что мы должны говорить чрез повереннаго. Единственная причина недоразумения между нами состоит в том, что я заметил королю и фельдмаршалу, что они ни сколько не подумав, отважно стремятся к цели. Но его величество и фельдмаршал меня же подняли на смех. А я давно сказал: прийдет такое время, что сам король не будет знать, каким путем следовать ему, потому что он не составил себе плана. Вы очень хорошо сделали, что не дали королю никакого совета, а сообщили волю его величества фельдмаршалу». Граф спросил меня потом: «Какия дороги имеются в виду?» Я передал графу все сказанное мною пред сим фельдмаршалу. Выслушав меня, он сказал: «Король не воротится за Днепр. Он сочтет это посрамлением, и лучше на все отважится. Если же король решится идти в Северский край, то я думаю, что русские не осмелятся жечь все, как жгут теперь, и что казаки перейдут к нам». Я отвечал: «Не могу этого ни знать, ни утверждать, а только предполагаю, что казаки не допустят жечь свой

край, если мы пойдем туда». Граф послал к фельдмаршалу приглашение отправиться вместе с ним к королю; потом еще раз спросил меня: нет ли еще других мер, кроме трех, мною упомянутых? Я сказал, что кроме этих дорог, других не знаю. Тогда граф произнес: «Так пусть король выбирает любой путь!»

После совещаний обоих графов с королем, меня также позвали к его величеству. Когда я вошел, у короля были граф Пипер, фельдмаршал и генерал-маиор Мейерфельд. Король принял меня очень милостиво и ласково, взял за руку и подвел к своему столу, за которым писал граф Пипер. Граф сказал мне, в присутствии короля, что его величество решились идти в Северский край, и попросил, чтобы я сделал ему очерк движения генерала Левенгаупта к Стародубу. Я спросил: «Где же генерал Левенгаупт?» Его сиятельство отвечал, что он не знает, где теперь генерал Левенгаупт, но полагает, что ему предписано следовать к Шклову. Король заметил, что он слышал от валлахов, будто бы генерал Левенгаупт стоит при городе Лисянке (Lisianka?), и спросил меня, знаю ли я, где этот город? Я отвечал: «Знаю, и если ваше величество прикажете, то составлю записку о дорогах из Лисянки и Шклова к Стародубу».

Получив приказание, я составил в своей палатке описание обеим дорогам, принес эту записку королю, и в его присутствии отдал графу Пиперу. Король спросил меня: «Сколько дорог идет через лес, и есть ли там деревни, при которых можно было бы останавливаться?». Я отвечал: «Есть две дороги и деревни для ночлегов; но дороги очень плохи и требуют исправления». Тогда фельдмаршал сказал королю: «Так как Гилленкроку известны дороги и местность, то было бы всего лучше, если бы он написал записку о том, что, по его мнению, должно еще иметь в виду». Король одобрил это, и я поспешил домой, написал две записки и представил их королю, который, милостиво приняв от меня бумаги, прочитал их вместе с фельдмаршалом. Затем фельдмаршал написал приказы генералам, и король решился выступить на следующее же утро, потому что иные полки три недели не получали хлеба, и в фураже был величайший недостаток. Я вызвался найти хлеб для некоторых полков, только не для всей армии, и принимал также на себя собрать недельный запас фуража, так что в течении этого времени Левенгаупт будет в безопасности. Король, отклонив мое предложение, приказал составить маршрут. Основываясь на том, что в Кричев идут три дороги, надлежало двинуть армию столькими же колоннами.

Когда были готовы маршруты, король приказал мне отдать генералу Лагеркроне следующий ему маршрут и вместе с тем повестить квартирмерстерам, чтобы они собрались за час до разсвета при лейб-регименте. Передав Лагеркроне маршрут, я вручил ему также небольшую карту с означением значительнейших мест в Северском крае. На другой день (15-го сентября) выступил прежде всех, до разсвета, Лагеркрона, а потом рано утром, двинулась и вся армия к Кричеву. Когда армия расположилась здесь лагерем (19-го сентября), воротился посланный к генералу Левенгаупту с королевским повелением, ибо он не мог пробраться сквозь неприятельския войска, занявшия все промежуточныя дороги.

На другой день армия пошла далее. По просьбе моей, я получил позволение ехать к генерал-маиору Лагеркроне, чтобы руководствовать его проводником. Тут нашел я маиоров Апельгрепа и Коскуля, наблюдавших за постройкою мостов. Вскоре приехал и генерал Лагеркрона. Я хотел переговорить с его проводником

о прямой дороге через лес, чтобы он не повел отряда по другой дороге, но Лагеркрона отозвался, что у него есть лучшия сведения о дорогах, нежели те, которыя были сообщены мною. Колонна его немедленно пустилась в поход.

На другой день король прибыл на то место, где я провел ночь в ожидании армии. Король получил письмо от Лагеркроны, в котором сей генерал писал, что он стоит при засеке и нашел проселочную дорогу к деревне Лесной. Я справился в своей записке обо всех дорогах и сказал королю: «Опасаюсь, что генерал не найдет дороги, о которой пишет, и что он стоит с своим отрядом не там, где следует». Король возразил: «Ежели он пишет, что нашел проселочную дорогу, то, верно, эта дорога вам неизвестна». Я отвечал: «Когда армия тронется, можно будет видеть, попадет ли генерал-маиор Лагеркрона на нашу дорогу. В противном случае, он заблудится».

По приходе армии в лагерь, не видно было и следов отряда Лагеркроны. Нельзя также было получить сведений о его движении, ибо все жители разбежались из деревни. Я доложил его величеству, что мой проводник уверяет меня, будто нет никакой другой проселочной дороги к Лесной, и потому генерал находится не на настоящей дороге. Король отвечал: «Так как он пишет определительно, что нашел проселочную дорогу к деревне Лесной, то мы должны подождать, пока придем туда, а он наверное предупредит нас».

На следующий день, когда армия пришла в отстоявшую на две мили от Лесной деревню, где было несколько крестьян и один польский дворянин, мы узнали, что никто из наших не проходил здесь мимо, к Лесной, и что там также нет никаких войск. Обо всем этом я донес королю, но его величество почитал невозможным, чтобы Лагеркрона ошибся, и прибавил: «Завтра увидим, предупредил ли он нас в Лесной и работает ли над мостом». Когда король пришел в Лесной (25-го числа), генерала там не было, даже ничего не было слышно об нем. Тогда его величество сказал мне: «Ну, теперь я вижу, что Лагеркрона наделал глупостей», и спросил меня: «Что делать в этом случае?» Я отвечал: «Написать ему, если угодно вашему величеству, что как он идет уже по большой дороге к Стародубу, то и должен там остановиться». Король сказал: «Об этом нет надобности писать. Ежели он идет по этой дороге, то, конечно, займет Стародуб».

Я отозвался: «При всем моем желании, боюсь, что этого не случится, если генерал не получит повеления вашего величества». Король сказал: «Тогда он будет сущий дурак. Но невозможно, чтобы он был так глуп, как вы думаете», и спросил: «Почему я думаю, что Лагеркрона не пойдет на Стародуб?» Я отвечал: «Лагеркрона подумает, что переправа чрез реку Ипуть опасна, и притом ему приказано укрепиться на оной, в случае если предполагает найти там неприятеля. Следовательно, он лучше пойдет туда, чем останется при Стародубе, чтобы обезопасить движение вашего величества». Король сказал: «Он не так глуп, и не сделает такого крюка, чтобы идти к нам на встречу. Я уверен, что этого не случится, но что он займет Стародуб». Затем его величество потребовал от меня мнения, что теперь предпринять? Я предложил: «Пустить вперед гвардию и Далев полк с отрядом Кациуса и занять позицию при Мглине. Потом может двинуться армия, смотря по обстоятельствам». Король изъявил согласие на мое предложение, и сам пошел вперед с своею гвардиею. Пехота переправилась через реку Бизич вброд, и вода доходила людям подмышки. На походе получил король донесение генерал-

маиора Крузе, что его колонна была атакована неприятелем, котораго он разбил, причем неприятель потерял 400 человек.

В двух милях от местечка Мглина король решился остановиться при одном селении на стародубской дороге (25-го сентября, при Коссинице) и выждать известия об отряде Лагеркроны. Между тем он приказал укрепить позиции в Мглине и в окрестных деревнях. Генерал-маиор Крейц, который вел предпоследнюю колонну, хотя и получил сведение о встрече отряда Левентаупта с неприятелем, однако жители не могли сообщить ему подробностей о происходившем сражении.

1-го октября приехал к королю маиор Апельгреен с донесением от г. м. Лагеркроны. Король тотчас спросил: «В Стародубе ли Лагеркрона?» Маиор отвечал: «Нет, потому что неприятель за два дня занял здесь позицию с 2000 русских, кроме казаков». Король возразил с неудовольствием: «Лагеркрона просто помешался: дошел до Стародуба и не занял его! Что причиною такого поступка?» Маиор отвечал: «Когда г. м. Лагеркрона находился в полумили от Стародуба, все полковники предлагали занять позицию в этом городе. Но генерал сказал, что он не имеет на то повеления, и потому не может атаковать находящихся там казаков, если они не впустят его добровольно». Король сказал: «На это и не нужно было особеннаго повеления. Он выбрал себе дорогу без предписания, был у Стародуба, следовательно надлежало, без особеннаго приказания, занять здесь позицию, и тем не допустить сюда неприятеля. А казаки не стали бы ему сопротивляться». Маиор отвечал: «Все полковники просили о том генерала, но он не согласился, а решился двинуться к вашему величеству, и теперь стоит только в четырех милях отсюда». Король спросил еще: «Почему он не воспрепятствовал неприятелю жечь деревни?» Маиор отвечал: «Генерал старался воспрепятствовать тому; но неприятель везде скрывался от шведов, и зажигал деревни, лишь только мы приближались к ним. Все это было производимо с такою скоростию, что генерал ничего не мог сделать, несмотря на все старания». Прочитав письмо г. м. Лагеркроны, король сказал мне: «Лагеркрона поступил необдуманно, и просит теперь повеления, куда ему идти. Его глупости уже не поправишь. Но вы должны указать ему место, где он может ожидать дальнейших приказаний». Я отвечал: «Не получив точных сведений о Стародубовском округе, потому что все жители разбежались, я полагаю, если ваше величество одобрите, отправить его в деревню, лежащую влево от стародубской дороги, где он найдет провиант, впредь до дальнейших распоряжений». Король изъявил согласие, и послал с этим повелением маиора Апельгреена.

Через день по отъезде маиора, пришедший рекрут Далева полка, из отряда генерала Левенгаупта, показал, что неприятель атаковал отряд сего генерала в одиннадцать часов утра, и что сражение продолжалось до вечера. Неприятель остался на поле битвы, насупротив Левенгаупта, и разложил сторожевые огни, что сделал, с своей стороны, и генерал Левенгаупт. За тем генерал приказал отступить пехоте, со всеми лошадьми и обозом, ночью, как можно тише. Солдат, принесший сие известие, заблудился и попал на дорогу, по которой шла армия короля. Он не знал о потери, понесенной Левенгауптовым отрядом в этом сражении, но уверял, что потеря неприятеля значительна, так как на поле осталось много убитых. Когда я передал королю слова солдата, его величество объяснил их таким образом, как будто солдат наговорил это со страху, и уверял меня, что

Левенгаупт разбил неприятеля. Но когда то же известие было подтверждено и другими пришедшими солдатами, король, убедившись в уничтожении всех своих замыслов, старался скрыть свою досаду. Несколько дней был он очень безпокоен, так что ночью приходил в мою квартиру, где полковник Карл Гардт спал со мною в одной комнате. Мы оба должны были занимать короля обыкновенными разговорами, потому что король страдал безсонницею. С тою же целию мы отправились и на квартиру его величества, и между тем, как мы вели беседу, король лежал на постели нераздетый.

По получении известия от генерал-маиора Лагеркроны, что Левенгаупт примкнул к нему с остатками своего корпуса, король решился выступить с армиею (11 октября) и идти по стародубской дороге. Полковник Гамильтон был откомандирован, с 1000 конников, в тыл неприятеля, который жег деревни и выгонял жителей. Генерал Левенгаупт сошелся с королем на первом ночлеге, и сообщил о сражении при Лесной следующия сведения: «В одиннадцать часов, в Михайлов день, вступил он с неприятелем в сражение, продолжавшееся до темной ночи. Потом он занял небольшое поле при деревне Лесной. Неприятель также остановился, и с обеих сторон были зажжены сторожевые огни. Генерал думал идти в ту ночь к Пропойску; но как неприятель расположился с сильным отрядом не допускать его до переправы через реку Сожу, то он нашелся вынужденным оставить обоз и артиллерию, чтобы только спасти остальныя войска по узкой лесной дороге, находившейся с леваго неприятельскаго фланга. Это и удалось ему в такой мере, что он сохранил 6700 человек». Король приказал распределить сих людей по другим полкам своей армии, а 18-го октября продолжал движение и остановился за милю перед Стародубом. Здесь получено было известие, что Стародуб занят 10 000 русских и казаков, и что неприятельская армия идет к Батурину впереди шведских полков, которые также имели повеление следовать, мимо Стародуба, к Батурину.

Когда армия отошла за несколько миль от Стародуба, явился казацкий офицер, посланный Мазепою, с одним лифляндским кистером, который говорил по-немецки и по-казацки (по-малороссийски). Г. м. Крейц повстречался с ними на дороге, и сам сопровождал казака к королю. Офицер просил короля, переменив маршрут, идти на Новгород-Северский и там занять позицию. Король обещал следовать этим путем, и приказал мне взять офицера с собою на квартиру. Когда мы обедали, пришел слуга казацкаго офицера из Новагорода-Северскаго с известием, что фельдмаршал Шереметев идет туда со всею армиею.

Офицер просил меня уговорить короля к немедленному отправлению отряда для занятия там позиции. Я тотчас пошел к его величеству, и передал совет офицера. Король обещал, но промедлил до вечера. Тогда только приказано было г. м. Крейцу идти к Новугороду-Северскому с несколькими полками кавалерии и пехоты. На следующее утро, король хотел выступить с остальною армиею туда же. Крейц подошел к Новугороду за милю, и взял здесь несколько пленных, пробиравшихся в город. Пленные показали, что русская пехота уже заняла город, и что фельдмаршал Шереметев стоит в полумили отсюда, за большим болотом. Г. м. Крейц донес обо всем этом королю, который и ускорил своим движением для атаки неприятеля. Но прежде нежели армия пришла на место, Шереметев уже переправился через Десну в Новгород. Король приказал навести через Десну

мосты при шанце, находившемся в полуторе мили от Новагорода; армия же была расположена (25 октября) по деревням в одной миле от города. Неприятель укрепился окопами на другом берегу реки, и построил батареи при всех переправах. Так как батареи мешали производству работ, то король решился не переправляться здесь через Десну.

Тремя милями ниже по реке, явился к королю Мазепа (29 октября). Что говорил он с его величеством, я не знаю; но король вознамерился перейти Десну тремя милями ниже. Хотя неприятель и старался воспрепятствовать переправе, однако был оттеснен (2 и 3 ноября), и тогда армия двинулась дальше. На походе было получено известие, что неприятель занял и сжег Батурин (3-го ноября), а потом русский отряд отступил к своей главной армии. Не смотря на то, король пошел к Батурину, и армия расположилась (8 ноября) на квартирах по деревням, по сю сторону реки Сейма.

Граф Пипер прислал за мною, и когда я явился, сказал мне: «Мазепа говорил со мною и просил, чтобы король оставил гарнизон в городе, называемом Гадячем, который сильно укреплен и может быть очень полезен в том отношении, чтобы удерживать неприятеля вдали от четырех округов». Я отвечал: «Я знаю, где лежит Гадячь, но мне неизвестно, так ли он хорошо укреплен и так ли важен, как говорит Мазепа. Если королю будет угодно занять этот город, то, по моему мнению, слишком смело отделять на такое пространство гарнизон от армии: до Гадяча больше восемнадцати шведских миль (180 верст)». Граф отозвался: «Да, не близко!»

На другой день король позвал меня к себе, и когда я пришел, Мазепа и фельдмаршал находились у его величества. Король повторил мне предложение Мазепы, потребовал моего мнения, и услышав мой отзыв, сказанный накануне графу Пиперу, согласился, что Гадячь слишком далеко от армии. Его величество спросил у меня другаго мнения. Я отвечал: «Есть город, называемый Ромны, при реке Суле, текущей в шести милях от Гадяча. Там, коль скоро будет угодно вашему величеству, ближе поддерживать войка, находящиеся в Гадяче». – Король и фельдмаршал обратились к Мазепе, который сказал: «Ромны город хороший; в округе можно поместить армию; и Ромны ближе шести миль от Гадяча». Король решился занять Гадячь; армию же направить к Ромнам. Мне было приказано распределить квартиры в роменском округе.

Полковник Дальдорф, с своим и еще одним пехотным полком, был откомандирован для занятия Гадяча. Армия расположилась (16–18 ноября) в окрестностях Ромен, где была главная квартира. На этом переходе полковник Дюкер отделился с своим полком от пехоты, пошел к местечку Смелому, и был атакован неприятелем. Однако подоспела к нему на помощь пехота из деревни Хмелевой, и неприятель был оттеснен. В то же время неприятель атаковал пехоту, стоявшую с обозом в деревне Хмелевой, и стал ее сильно теснить; но полковник Дюкер, пришедший на помощь, отбил неприятеля. Тогда полки сии отправились далее, для занятия квартир в Роменском округе.

Мазепа, по приходе с своими казаками к Гадячу (19 ноября), имел дело с неприятелем, занимавшим небольшой город Веприк, в одной миле от Гадяча. Принужденный отступить к Гадячу, Мазепа сам приехал в Ромны. Полковник его Апостол перешел к неприятелю, который стоял при реке Псёл, три мили ниже

Гадяча. Главныя же силы русских были расположены при Лебедине и Сейме, в четырех милях выше Гадяча. В сих позициях обе стороны простояли до 15 декабря спокойно, кроме стычек, происходивших между разъездными партиями.

В это время король отдал при главной квартире приказ возвратить всех с фуражировки, о чем известили меня инженерные офицеры. Я тотчас отправился в главную квартиру для точнейших сведений. На дороге я встретил короля, который и воротился со мною в мою квартиру. Его величество сказал, что не может допустить, чтобы неприятель безпокоил нас на квартирах, и потому хочет прогнать его. Я отвечал: «Мы находимся в неприятельской земле и иначе не может быть. Но слава Богу, до сих пор неприятель не причинил большаго вреда армии вашего величества». Король отвечал: «Мы должны прогнать неприятеля дальше для того, что бы занять лучшия квартиры, а теперешния никуда не годятся». Я сказал: «Мне весьма прискорбно, что эти квартиры не нравятся вашему величеству. Однако сомнительно, чтобы в другом месте мы нашли квартиры лучше и безопаснее». Король возразил: «Вокруг Гадяча, говорят, есть лучшие города и селения». Я отозвался: «По собранным мною сведениям, по ту сторону Гадяча, до степи, есть, действительно, несколько городов, но мало деревень. Малочисленность же селений зависит будто бы от того, что, при вторжении татар, все жителя спасаются, с имуществом и скотом, в городах». Король сказал: «Собранныя вами сведения неверны; я утверждаю, что там есть большия деревни и города, и лучше стоять там, нежели здесь». Я отвечал: «Я сказал только то, что мне было сообщено». Король велел приготовить маршруты и вышел от меня.

В тот же день поспешил я к фельдмаршалу, который, выслушав волю его величества, отвечал мне быстро: «По моему мнению, всего лучше и надежнее прогнать неприятеля». Заметив, что фельдмаршал одинаково мыслить с королем, я удержался от дальнейших возражений. На возвратном пути повстречался я с графом Пипером, шедшим в главную квартиру. Он подозвал меня к себе, и спросил: «Что опять за глупость, что король хочет выступать?» Я отвечал, что ни какой причины не знаю, кроме того, что король недоволен настоящими квартирами». Граф отвечал: «Король сам виноват. Если бы план, касательно Стародуба, был выполнен надлежащим образом, то мы имели бы лучшия квартиры. Впрочем, и теперешния квартиры, кажется, довольно хороши, потому что полки уже запаслись на долгое время провиантом и фуражем. Я, с своей стороны, имею фуража на два или на три месяца». Я сказал: «Дай Бог, чтобы его величество остался здесь, а я уверяю, что ни около Гадяча, ни в другом месте, нигде не найдем таких безопасных и удобных квартир». Граф пошел к королю с тем, чтобы убедить его величество остаться в настоящем расположении.

Вся армия выступила 17 декабря 1708 года, и все полки, стоявшие по реке Суле на квартирах, пошли в другия деревни на Коралле. Прочие полки подвинулись к Суле, и заняли очищенныя квартиры. Когда я прибыл, с квартирмейстерами и валлахами короля, к деревне Липовой Долине, то наткнулся на неприятельский разъезд из 150 драгунов. Они были разбиты, взяты в плен, и из них спаслись только четыре человека. Командовавший офицер сказал мне, что царь выступил со всею армиею для нападения на Гадячь. Я спросил: известно ли царю, что шведская армия на походе? Офицер отвечал, что царь ничего об этом не знает, но получит теперь известие от четырех спасшихся драгунов. Я донес это королю,

после чего его величество немедленно отправил в Гадячь две партии своих валлахов с приказаниями к полковнику Дальдорфу. Однако валлахи не могли попасть туда, потому что неприятельския войска уже находились перед Гадячем. Они донесли, что неприятель зажег предместье Гадяча. Король выступил на другой день (18 декабря) и пошел к Гадячу, откуда неприятель отступил после сожжения предместья. Король занял город. Но как большая часть домов была сожжена, то и третьей части войск нельзя было разместить под кровлею, от чего, при сильной стуже, полки лишились многих солдат.

Король стоял здесь до сочельника. За день перед этим, он приказал мне изготовить маршруты к Веприку, и я должен был тотчас же составить их за королевским столом. Я представил его величеству, что армия на этом походе, при чрезвычайной стуже, может подвергнуться большому несчастию, и прибавил, что, по моему мнению, гораздо лучше воротиться на прежния квартиры и разрушить валы Гадяча. Фельдмаршал сказал: «Полковник говорит дело, и этот план, кажется, самый лучший». Но король возразил: «Нет! Этого я никогда не сделаю». По воле короля, я написал маршруты, которые тотчас же были отправлены по полкам.

В сочельник, рано утром, выступила армия и двинулась к Веприку. Когда увидели нас неприятельские часовые (форпостов неприятель не выставил по причине жестокой стужи), то находившиеся здесь 6000 человек отступили с величайшею поспешностию к своей армии, которая стояла при Лебедине, в трех милях от Веприка. Но пехота и казаки, в числе слишком 2000 человек, остались в Веприке, заперли и завалили ворота. Король приказал гвардии атаковать их; однако, по неимению топоров для разломки ворот, и штурмовых лестниц для перехода через вал, его величество решился обложить Веприк двумя полками кавалерии и двумя полками пехоты. Прочие полки последовали за королем до одной деревни, в полумиле от Веприка, где и простояли весь праздник Рождества Христова, пока длилась страшная стужа, похитившая многих солдат. Поелику не многие могли быть размещены по домам, то большая часть людей построила вокруг огней соломенные щиты. Король приказал сказать веприкскому коменданту, чтобы он немедленно сдался военнопленным с своим гарнизоном; в противном случае, город будет взят приступом, гарнизон истреблен, а он повешен на воротах. Комендант отвечал: «Зная, что король уважает отличающихся храбростию, он не думает, чтобы его величество, в случае победы, поступил так жестоко, ибо, по повелению царя, он должен защищаться до последней возможности».

После Рождества Христова, когда стужа уменьшилась, король приказал мне написать маршрут к городу Зинькову, и расположить полки на постоянных квартирах. 30-го декабря, король прибыл в Зиньков.

5-го января 1709 года, король отправился с фельдмаршалом к Веприку, не известив меня об этом, а вскоре после, когда я еще спал, пришел ко мне камер-юнкер, Густав Адлерфельд, и спросил: «Известно ли мне, что его величество пошел брать Веприк?» Я отвечал: «Решительно ничего об этом не знаю». Затем Адлерфельд спросил: «Не поеду ли я туда, и в таком случае он последует со мною?» Я сказал: «Сейчас узнаю я в главной квартире, кто отправился за королем». Узнав, что с его величеством поехали все генералы, также полковники Зигрот и Карл Гардт, я поспешил в Веприк с камер-юнкером Адлерфельдом. По

приезде мы узнали, что король и фельдмаршал выехали с генералом Штакельбергом и полковником Зигротом, которым было поручено составить диспозицию к атаке Веприка. В этом деле я не принимал ни какого участия. 6-го января, в день, назначенный для приступа, был я, вместе с прочими полковниками, в комнате короля. Его величество дал прочесть фельдмаршалу написанную диспозицию. Фельдмаршал заметил: «Ваше величество вмешиваетесь в дело Гилленкрока». Король отвечал: «Это не осада, но приступ. Мы сами распорядимся им». Потом король приказал мне выслушать диспозицию штурма, которую фельдмаршал и прочитал громко в присутствии его величества. По прочтении бумаги, его величество и фельдмаршал спросили моего мнения. Я сказал: «В диспозиции не может быть никакой перемены, потому что она имеет три надлежащие отдела, которые надобно принимать в соображение при всех атаках. Единственное мое замечание состоит в том, что люди со штурмовыми лестницами слишком открыты, так как приступ будет днем, и если эти люди погибнут, то и лестниц некому приставить к стенам». Король отвечал: «Ничего подобнаго не случится; я буду орудиями обстреливать вал, так что неприятель и не посмеет выглянуть». Тогда я предложил изготовить несколько фашинных мантелетов (переносных щитов), под прикрытием которых можно идти до вала, и постоянными выстрелами, не допускать неприятеля вредить людям с штурмовыми лестницами. Король отозвался: «Такия затеи не нужны, потому что орудия будут обстреливать вал. В полдень последует приступ, и вы увидите, как быстро ворвутся солдаты в Веприк».

На приступ пошли полковники де Фритм, графы Каспар и Яков Сперлинги и Альбедиль. Солдаты, которые несли штурмовыя лестницы, были, большею частию, перебиты, и только две лестницы достигли вала. Вообще же было убито слишком 1000 человек, и много ранено. Фельдмаршал получил контузию в грудь в то время, когда ехал через поле к драгунам, которые должны были подвинуться к самому валу и стрелять в неприятеля из пистолетов.

После этого неудачнаго дела, король приказал генералу Левенгаупту послать от своего имени к веприкскому коменданту офицера, и сказать ему, что мы ночью опять будем штурмовать, непременно возьмем город, и тогда нет никому пощады. Если же он сдастся военнопленным, то все могут надеяться на хорошее обращение и на сохранение своего имущества. Комендант отвечал: «Если бы его величество сделал это предложение при самом начале, то он тотчас же и охотно согласился бы быть его пленником». Затем комендант сдал ночью один пост нашим войскам, а через день гарнизон был отведен в Зиньков, где получил хорошия квартиры. На полковника Ранка возложено наблюдение за пленными и попечение об их продовольствии.

В Зинькове пришла королю мысль: разделить военнопленных на партии в 300 человек, и так обменивать их. Я одобрил столь благодетельную меру; но она не состоялась. Когда вся пехота расположилась в Зинькове и Лютенке на квартирах, король получил известие, что неприятель занял несколькими драгунскими полками места, предназначенныя мною для квартирования наших войск, а именно: Городню, Козьмино, Опошну, а Полтаву четырьмя полками пехоты. Ольтва, на Псёле, также была занята. В следствие этого известия, полковник Дюкер был откомандирован с 600 человеками для атакования неприятеля в Городне. Он действительно выгнал оттуда русских (20 января) и взял несколько пленных.

Шведская армия была слишком разбросана; генерал-маиор Крейц стоял, с одинадцатью полками кавалерии, слишком за четырнадцать шведских миль (140 верст) от главной квартиры. Неприятель же находился от нас, со всею армиею, только в трех шведских милях, так что если бы он вздумал атаковать, то я опасался дурных для нас последствий. Об этом докладывал я королю, но его величество отвечал, как и всегда, что «неприятель не посмеет атаковать нас». Граф Пипер уверил меня, что он, при удобном случае, переговорит об этом с королем. А как неудачное дело при Веприке весьма огорчило короля, то и надлежало обождать несколько времени, пока король успокоится.

Когда неприятель усилился в Опошне, в трех милях от главной квартиры, король вознамерился вытеснить его оттуда, и приказал достать мне проводников. Король выступил с 6 полками кавалерии в вечерния сумерки (27-го января), и мы следовали всю ночь, так что через час после разсвета (28-го января) достигли Опошны. Неприятель выслал против нас несколько эскадронов; но, увидев шедших впереди валлахов, и заметив движение других полков, готовившихся к атаке, он поспешно воротился в местечко, преследуемый до самой Ворсклы полком полковника Таубе и королевскими валлахами.

Король тронулся с прочими полками, чтобы отрезать неприятеля от реки, но, по причине чрезвычайно крутаго спуска, невозможно было сойти к реке. Король принужден был воротиться и поспешно пройти чрез город. Встретив неприятеля, стоявшаго в числе 8000 человек при Ворскле, король тотчас атаковал его и прогнал. Неприятель потерял более 1000 человек убитыми и 150 пленными. Король остановился в Опошне. В тот же вечер отправлен был генерал-адъютант Дюваль с приказанием в Зиньков, чтобы два полка пехоты шли с г. м. Роосом в Опошну, а прочие полки и артиллерия, под начальством г. м. Крузе, в Козьмино, и ожидали бы короля при Котильве. Г. м. Крейц, стоявший на другом берегу Псёла, занял позицию на этой стороне, в Ольтве. В Опошне оставлено было только 60 драгунов для надзора за 150 русскими пленными. Король решился выступить к Котильве с 6 полками. Я напомнил королю, что 60 драгунов, оставленных с русскими пленными, подвергнутся опасности, если его величество выступить из Опошны, прежде нежели прибудет пехота. Король сказал: «Неприятель прогнан, и сюда не воротится». При приближении короля к Котильве, неприятель отступил. На другое утро получено из Опошны известие, что неприятель атаковал находившихся там 60 драгунов, и не только освободил своих пленных, но и взял в плен команду.

Между тем как король стоял при Котильве, явился шведский обер-аудитор Эренкас (Ehrenkas), отпущенный на слово для переговоров об обмене пленных. Эренкас разсказывал, что когда неприятель вел его во всю дорогу, около полумили, до города, с завязанными глазами, он слышал движение неприятельских войск вправо от себя в деревнях и других местах. Тогда я сказал его величеству: «Опасаюсь, не намерены ли русские предпринять что нибудь против г. м. Крейца и полков, расположенных за Псёлом». Король отвечал: «Крейц, верно, примет меры, чтобы неприятель не нанес ему какого вреда, если бы на то решился. Но я не думаю, чтобы русские решились». По прибытии в Котильву графа Пипера с главною квартирою, аудитора отослали назад. Обмен пленных не состоялся.

Затем король выступил (9 февраля) по направлению к Ахтыркам, где находился неприятель со всею своею кавалериею. Король приказал атаковать русский авангард, который не принял, впрочем, сражения, а отступив с кавалериею через город, зажег оный. Сии неприятельския войска отошли к Богуденке и Красному Куту, чтобы здесь занять позицию. После этого, г. м. Гамильтону поручено было отправиться с полком чрез Ахтырки и Лебедин, сжечь там все и потом воротиться на прежнюю квартиру, в Будищи.

Король выступил (11 февраля) с гвардиею, Далевым полком, артиллериею и кавалерийскими полками к Красному Куту, где стояли 10 000 неприятельских драгунов, которых его величество приказал атаковать 21 эскадроном. Неприятель, потеряв 2000 человек, отступил к Богуденке. Король остался с кавалериею на ночь у Городни. На другой день (12 февраля) прибыли пехота и артиллерия, и с сими войсками последовал его величество за неприятелем к Богуденке. Но как разнесся слух, что неприятель ретировался со всею армиею в Белгородский округ, то король двинулся (13 февраля) к Коломаку. На этом пути сожжены были все деревни и города, оставленные самими жителями.

В Коломаке король приказал мне осведомиться о дорогах в Азию. Я отвечал: «Азия далеко отсюда, и вовсе не в этой стороне». Король возразил: «Мазепа сказал мне, что Азия недалеко отсюда. А мы должны туда идти, чтобы можно было сказать: мы были в Азии!» Я отвечал: «Ваше величество, изволите шутить со мною, и, конечно, не думаете о походе в Азию». Король сказал: «Я не шучу. Вы должны осведомиться о дорогах туда». Я отвечал, что немедленно это исполню, и тут же прибавил, что Азия отдалена от нас на несколько сот миль. От короля пошел я к Мазепе, и просил его сообщить мне сведения о дорогах в Азию. Мазепа спросил меня: для чего мне нужно знать о дорогах в Азию? – Я отвечал: «Ваше превосходительство сказали королю, будто Азия отсюда недалеко, и потому его величество, приказав мне осведомиться о дорогах, намерен туда идти». Мазепа очень испугался и сказал, что он пошутил с королем. Я отвечал: «Ваше превосходительство сами видите, что его величество славолюбивый государь, который часто, без всякой пользы, идет далее и далее. Иногда такой разговор опасен». Мазепа обещал тотчас сходить к королю и просить его о перемене намерения. Возвратясь к королю, я сказал: «Я был у Мазепы с тем, чтобы узнать от него о дорогах в Азию, так как все здешние жители, у которых я спрашивал об Азии, ничего об ней не знают. По этой причине я должен был обратиться с вопросом к Мазепе, который уже говорил с вашим величеством». Король спросил: «А что отвечал Мазепа?» Я сказал: «Он очень испугался, потому что просто шутил с вашим величеством. Он обещал немедленно явиться перед вашим величеством с извинением». Король много смеялся и сказал: «Вы так напугали старика, что он заболеет». Я отвечал: «Не моя будет вина, если он захворает или умрет. Я его не просил шутить с вашим величеством. Я думал, что ваше величество непременно хотите предпринять поход в Азию».

Король приказал мне составить маршрут для обратнаго похода к Опошне. Полки двинулись затем 15 февраля 1709 года. В это время настала такая оттепель, что вскрылись все реки, а по дорогам было столько воды, что она покрывала почти орудия и обозныя фуры. Наконец, с величайшею опасностию переправились мы через Ворсклу, к Опошне (19 февраля). Здесь получил король известие, что

неприятель атаковал полк полковника Альбедиля (в Рашевке, 15 февраля), при чем несколько сот человек было частию убито, частою взято в плен и с полковником; обоз также был захвачен. Остатки полка спаслись за Пселом, в Лютенке, где стояла пехота. Г. м. Крейц, известясь об этом, хотел поспешить полку на помощь; но он подоспел уже тогда, как неприятель со всеми своими силами, простиравшимися до 20 000 человек пехоты и кавалерии, отступил к Локавичу. Крейц занял между тем позицию в деревнях, вдоль Псела. Король перенес (3 марта) свою главную квартиру в Будищи, а Опошна была занята двумя полками пехоты, 2 полками кавалерии и всею артиллериею. Прочие полки стояли, по Ворскле, до Полтавы, и в селениях около этого города. По причине вскрытия всех рек, гарнизону Гадяча приказано было оставить сей город и занять позицию в Лютенке, при пехоте. Четыре пехотные полка отправлены в Решетиловку для соединения с генерал-майором Крейцем, который находился там с 10 полками кавалерии, чтобы наблюдать за фельдмаршалом Шереметевым, стоявшим с 20 000 войска при Ольтве. Остальная часть пехоты расположилась на квартирах в Будищах. Находясь в Будищах, король часто ездил к Полтаве с полковником Зигротом. Долго не мог я узнать, какия были намерения короля. Наконец, один казацкий офицер, состоявший при Мазепе, разсказал мне, что подполковник Зильфергельм вел переговоры с казацким полковником Левеным, находившимся с русскими в Полтаве. Этот полковник хотел доставить нам случай напасть врасплох на Полтаву. Но переговоры не имели успеха. Неприятель, узнав про это, арестовал и выпроводил из города казацкаго полковника.

Не знаю, присоветовал ли кто королю осаду Полтавы, или неудавшиеся переговоры подали к тому повод. Дело в том, что, чрез несколько времени, король пришел ко мне с полковником Зигротом и сказал: «Капитан Эллер занял, с 200 человек, на одной дороге такую выгодную позицию, что никто не может пройти в Полтаву». Я отозвался: «Положение Полтавы, должно быть, необыкновенно, ежели один пост может запереть целый город». Король и полковник Зигрот, подтвердив это, заметили, что Полтава лежит высоко, что хотя внизу, по берегу Ворсклы, есть дорога, однако ж она понята водою, и потому никому нельзя миновать поста капитана Эллера, и что, наконец, повелено Эллеру укрепить пост, наименовав это укрепление Эллербургом. Говоря это, король казался очень довольным и веселым; он просил меня съездить, с несколькими офицерами, к Полтаве, и для удобнейшей рекогносцировки местоположения взять прикрытие от генерала Гамильтона. Я поехал с несколькими офицерами и изследовал все, по возможности.

Когда я воротился, король пришел ко мне с полковником Зигротом и спросил, в том ли виде нашел я местность, как говорено было его величеством? Я отвечал: «Так как вода покрывает всю дорогу, то, конечно, нельзя, идя в город, миновать ретраншамент капитана Эллера, или посты, охраняющие дорогу с суши». Король прибавил: «И патрули Эллера не должны допускать до этого». Полковник Зигрот показал мне, в присутствии его величества, небольшой изготовленный им рисунок Полтавы. Король спросил меня: «Верен ли рисунок?» Я отвечал, что хотя в поспешности и не мог подробно разсмотреть Полтавы, однако нахожу рисунок Зигрота довольно верным. Король приказал мне составить новый чертеж и представить его величеству. Чертеж, мною составленный, не вполне согласовался

с рисунком Зигрота, особенно в отношении к цитадели, находившейся на высшем пункте. Король приказал послать несколько инженерных офицеров, не удастся ли им снять Полтаву и изготовить возможно точный план. Рассмотрев мою работу, король отозвался, что план верен, и чтобы по этому чертежу я расположил атаку. Я спросил: «Разве ваше величество намерены осаждать Полтаву?» Король отвечал: «Да, и вы должны составить диспозицию осады и сказать нам заранее, в какой день мы завладеем городом; так делает Вобан во Франции, а вы здесь маленький Вобан». – Я отвечал: «Дай Бог, чтобы я заступал при вашем величестве место Вобана. Но я полагаю, что и сам Вобан, великий инженер и генерал, увидел бы себя в немалом затруднении, потому что не имел бы под рукою того, что нужно для осады». Король отвечал: «У нас довольно всего, что может быть нужно против Полтавы. Полтава крепость ничтожная». Я отвечал: «Крепость, конечно, не из сильных; но, по многочисленному гарнизону из 4000 русских, кроме казаков, Полтава не слаба». Король сказал: «Когда русские увидят, что мы хотим атаковать, то, после перваго выстрела, сдадутся все». Я отвечал: «Такая случайность совершенно от меня сокрыта. Я только наглядно могу судить о положении крепости и о гарнизоне. Не могу также не думать, что бы неприятель, заняв сию позицию, не защищал ее до последней крайности. Если же это случится, то пехота вашего величества может погибнуть». Король возразил: «Мы не много употребим пехоты при осаде, а пошлем запорожцев Мазепы». Я просил короля обдумать, как мало можно полагаться на запорожцев, когда с ними нельзя говорить без переводчика, и как они несведущи в осадных работах. Я уверен, что они наскучат работою и разбегутся, коль скоро из среды их будет убито несколько человек. Тогда все-таки шведская пехота должна, ко вреду своему, продолжать осадные работы». Король отвечал: «Уверяю, что запорожцы сделают все по моему желанию, и ни один из них не побежит. Мы прикажем хорошо платить им». Я заметил еще: «Если бы и можно было употребить запорожцев на работу, то у нас нет пушек для сделания бреши, или для разрушения палисадов». Король отвечал: «На это у нас достанет пушек, и вы сами видели, что Бинов пробивал иные домы, которые толще палисада». Я возразил: «Нисколько не сомневаюсь, что он может пробить палисад, когда попадет в него. Но вопрос в том, может ли он уничтожить сто или несколько палисадов?» Король сказал: «Если может пробить один, то может и сотню». Я отвечал: «Конечно, это возможно, но опасаюсь, что когда Бинов собьет сто палисадов, то не останется ни пороха, ни ядер». Король отозвался: «Вас не должно затруднять это дело. Вы привыкли к большим осадам, и когда не имеете всего нужнаго, то везде видите невозможность. Мы должны изворачиваться тем, что имеем в своем распоряжении, точно так как и неприятель должен довольствоваться своими наличными средствами». Я сказал: «Я поступил бы непростительно и неблагородно в отношении вашего величества, если бы создавал затруднения там, где их нет. А где нет затруднений, там я с величайшим удовольствием и радостию исполню желание вашего величества. Я только предвижу, что не достигну цели с малым числом орудий, и с апрошами могу сделать только то, что подойду ближе к неприятельским веркам. Тогда пехота должна будет одна брать Полтаву с величайшими усилиями, предполагая упорную оборону неприятеля; а ваша пехота, находясь в дурном состоянии, может погибнуть». Король сказал: «Говорю наверное, что дело не дойдет до штурма. Они сдадутся».

Я заметил, что не вижу и не понимаю, как это может случиться без особеннаго счастия. Король, усмехнувшись, отвечал: «Мы совершим необыкновенное дело, и приобретем славу, и честь». Я сказал: «Бог знает, необыкновенное ли это предприятие. Я только страшусь необыкновеннаго окончания дела». «Приготовьте только план и проект, возразил король, а потом, когда мы поведем атаку, вы увидите, как скоро она будет кончена». Между тем явился из Полтавы переметчик, русский поручик. Он сообщил мне длину валов, но без профиля. Я изготовил, как мог, план, определив известные пункты инструментами. В это время (24-го апреля), король поехал к г. м. Крейцу, стоявшему у Решетиловки, потому что неприятель двинулся его атаковать; но так как Крейц стоял с своими полками позади большаго болота, то движение это не имело последствий. Король приказал двинуться сим полкам к Полтаве и расположиться в ближайших деревнях. По возвращении, король пришел ко мне с полковником Зигротом, посмотреть изготовленный мною план. Король одобрил план и признал местность вполне удовлетворительною. Я сказал, что хочу повести атаку прежде всего на пригород, на ту сторону, где стоит высокая деревянная башня над городскими воротами, а потом уже атаковать русское предместье, ибо перебежавший поручик сказал, что в русском городе только один колодезь, а в пригороде колодезей много, и русские берут из них воду. Следовательно, до получения дальнейших известий о местоположении, должно предположить атаку отсюда. Вместе с тем я всеподданнейше просил его величество «обдумать, сколь малую пользу принесет взятие Полтавы, и какой великий вред может произойти в случае неудачи». Но король отвечал: «Я атакую и возьму город». Разсматривая мой план, король спросил меня: «Каким образом думаю я составить апроши?» Я отвечал, что хочу составить только три паралели, с простою между ими комуникационною линиею, дабы в первую ночь дойти до рва». Король отвечал: «Дельно, и вы должны так поступить». Я начертил карандашем проект апрошей, который его величество одобрил. При этом я сказал: «Ежели я получу достаточное число лопат и рабочих, то надеюсь в первую же ночь дойти до рва». Король отвечал: «Получите все по вашему желанию», и спросил: «Сколько надобно людей для первой ночи?» Я оказал, что определить в точности не могу до тех пор, пока не узнаю свойства земли, вынутой при рытье; однако, по самой меньшой мере, надобно по 300 человек на каждую паралель и соединительную линию. Кроме того, нужно иметь еще других людей для подноски фашин и туров. Король, по видимому весьма довольный, сказал: «Вы получите все, что желаете». Он приказал мне изготовить проект и дать знать инженерным офицерам, чтобы они, по первому повелению, могли отправиться в Полтаву.

Генерал-маиор Крузе был послан с несколькими кавалерийскими полками и несколькими сотнями казаков против неприятельскаго отряда, который стоял по другую сторону Ворсклы, в двух милях от Днепра, с тою целию, чтобы переманивать на свою сторону наших казаков, которые находились против их по сию сторону Ворсклы. Г. м. Крузе прогнал неприятельский отряд.

Король приказал мне назначить для армии позицию и квартиры в окрестностях Полтавы. Так как в сих окрестностях было не много деревень, то я назначил их для пехоты, стоявшей перед Полтавою, а кавалерия должна была расположиться подальше, и содержать себя фуражировкою. Король одобрил мой проект

и повелел мне, в последний день апреля, быть с инженерными офицерами под Полтавою, чтобы 1-го мая открыть апроши.

30-го апреля отправился я с инженерными офицерами к Полтаве, где нашел короля с Далевым полком. Его величество приказал мне в тот же вечер открыть траншеи. Я попросил позволения изследовать местность около пригорода с инженерными офицерами, чтобы в темноте они не заблудились. Король отвечал: «Нет надобности в подробном изследовании места. Где бы ни начали, все равно». Я стал умолять его величество взять терпение на эту ночь, а в следующую начать работы. Сначала король не соглашался, но, по убедительной просьбе моей и Зигрота, изъявил наконец согласие. Я тотчас же поехал со всеми инженерными офицерами осматривать Полтаву. Попавшийся на дороге фельдмаршал попросил меня показать ему укрепления Полтавы. Я повел фельдмаршала на небольшое возвышение, откуда он мог обозреть крепость. После внимательнаго обозрения он сказал: «Укрепления плохи, и я уверяю вас, что, по первому выстрелу короля, они сдадутся». Я отвечал: «Укрепления не важны; но гарнизон состоит из 4000 человек русской пехоты, кроме казаков». Затем фельдмаршал уехал, а я продолжал рекогносцировку с офицерами. Найденный мною под городом лесок в 200 шагов длины, поросший кустарником, назначил я для работы, потому что почва земли была хорошая, не каменистая, не покрытая травою, как в тех местах, где домы предместья были выжжены. В тот же день я показал это место королю, и он одобрил мой выбор.

1-го мая 1709 года я приказал открыть траншеи, разставив часовых едва в двадцати шагах от края рва. Причиною, почему неприятель не мог слышать нашего приближения, был русский обычай, в следствие котораго, при наступлении темноты, все караулы вокруг валов безпрестанно окликают друг друга; например: «Добрый хлеб и доброе пиво!» Во время этого крика, король сам побежал через поле и довольно громко позвал своего генерал-адъютанта. Я просил короля говорить потише, чтобы не встревожить неприятеля, ибо тогда он начнет стрелять и помешает рабочим окопаться. Лишь только я сказал это королю, как неприятели смолкли, перестали окликать друг друга и зажгли вокруг всего вала огни. В то же время они начали бросать на поле светящаяся ядра. Попуганные люди все прибежали ко мне в лесок, где я находился, потому что я приказал инженерным офицерам, которые вели апроши, и тем, которые были при рабочих, искать себя возле леса, если надобно будет об чем спросить, или что-нибудь донести. После такой тревоги, неприятель начал неумолкно стрелять с вала, от чего все запорожцы, долженствовавшие работать, разбежались. Я заметил королю, какую сумятицу столь ничтожное происшествие может наделать между народом, подобным запорожцам, которые ничего в таких делах не смыслят; но его величество возразил: «Это не беда; мы скоро их воротим». Король приказал своему генерал-адъютанту собрать запорожцев, а я приказал, впредь до повеления, прикрывавшим их командам прилечь на поле. Через час, неприятели стали стрелять реже, заметив, что наши не двигаются вперед.

Во время тревоги у траншеев, полковник Апельгрен был, со многими другими офицерами, за ужином у фельдмаршала, который разсказывал, что король сейчас приказал открыть траншеи под Полтавою, и что, по первому выстрелу его величества, город немедленно сдастся. Пока фельдмаршал это говорил, неприя-

тельские выстрелы не умолкали. Тогда фельдмаршал сказал гостям: «Неужели русские до такой степени безразсудны, и станут защищаться?»

По возвращении запорожцев, я подвинул служивших им прикрытием солдат на прежнее место, и объявил повеление короля, что они не должны удаляться отсюда, хотя бы неприятель постоянно бросал светящиеся ядра; что, напротив, они обязаны крепко держаться на своих местах до разсвета, а потом, в порядке и тишине, отойти к траншеям. Таким образом проработали над апрошами всю ночь. Однако ж до разсвета не могли окончить всех трех паралелей и их комуникационных линий, особенно ближайшей ко рву, которая имела еще не больше сорока шагов в длину. Комуникация от этой паралели к другим не могла быть окончена, потому что шла зигзагом. И так надлежало и днем работать над нею сапами, и по этой причине нельзя было занять оной. Но две другия паралели были заняты войсками и исправляемы днем.

На следующую ночь комуникационная линия была почти готова до передней паралели. Тогда я спросил короля: «Не благоугодно ли ему будет штурмовать до разсвета, и не прикажет ли занять позицию при палисадах за рвом». Король, не изъявив согласия, сказал, чтобы я прошел с сапами через ров и заложил мину под валом, дабы можно было видеть, как это будет сделано. Я отвечал: «Охотно исполню желание вашего величества, но должен предупредить, что подобная работа идет медленно». Король отвечал: «Нужды нет! Нам надобно упражняться в таких работах».

Вскоре по том король получил известие от отряда, расположеннаго при Будищах, также от полков, находившихся при Опошне, что неприятель, со всею своею армиею, стоит на другом берегу Ворсклы, и что он захватил (7 мая), вместе с двумя орудиями, один наш пехотный пост, который должен был препятствовать переправе через реку. Король сказал мне, что хочет отправиться в Опошну, и чтобы я обращался с своими требованиями к фельдмаршалу. В отсутствие короля, мина и сапы были продолжены через ров. Когда мину довели до вала, капитан Кронштедт заметил, что и неприятель, с своей стороны, вел работы. Тотчас уведомил он об этом фельдмаршала, и спросил, позволено ли будет уничтожить неприятельскую мину, ибо иначе нельзя продолжать свою мину. Фельдмаршал позволил. Окончив мину, капитан зарядил ее; но неприятель вытащил из нашей мины порох, и таким образом предприятие не осуществилось. Возвратись из Опошны, король узнал с неудовольствием о сей неудачной попытке, и решился наконец штурмовать и утвердиться у палисадов. Это удалось после незначительнаго сопротивления; наши утвердились там, и комуникация через ров была возстановлена. Неприятель оградил себя на валу бочками, равно как и в пригороде, по нескольку линий одна за другою. Я приказал пробить вал в предместье, и сделал длинную паралель, в которой могло поместиться около 2000 человек, если бы король еще раз вознамерился идти на приступ. Эта паралель прикрывалась самым валом, который был выше того места, где наши стояли. Король не решился однако ж на это, а положил уничтожить пушками слабые досчатые ретраншементы неприятеля. Намерение короля оказалось неудобоисполнимым, потому что артиллерия не имела большаго запаса ни в ядрах, ни в порохе. Даже пехота, расположенная у апрошей, перестала стрелять от недостатка пороха. Ободренный тем неприятель наносил нам большой

вред своею стрельбою, лишь только швед выказывался из-за траншей у песочных мешков. Вследствие этого, король решился зажечь палисады для распространения пожара в неприятельских ретраншементах, на валу. Но неприятель, увидев приближение огня, отодвинулся с своими бочками и досками, и принялся тушить пожар. Я заметил королю, что «все наши подобныя предприятия не выгонят неприятеля из Полтавы, если мы не решимся на штурм; но что прежде надобно или сбить или сжечь деревянную башню». Король отвечал, что не согласен на штурм, а сжечь башню сей час прикажет. Я сказал: «Без штурма, нет надобности в уничтожении башни». Артиллерия направила огонь на башню; однако зажечь ее не удалось, потому что неприятель тушил пожар, а артиллерия, по недостатку снарядов и орудий, не могла постоянно поддерживать огня. Неприятель явился со всею своею армиею и расположился на другой стороне Ворсклы. Река была разделена на два рукава, и ближайший к нам был укреплен ретраншементами на всех переправах, для удержания неприятеля. Наконец, русские решились занять позицию на нашей стороне, в небольшом, прилегавшем к болоту, лесу. В ту же ночь, когда это было исполнено (16 июня), несколько тысяч неприятельских драгунов утвердились, под утро, с правой стороны при деревне Петровской, куда был назначен один Мейерфельдов полк, для наблюдения плотины на Ворскле; но полк сей был послан на другой пункт. Утвердившись у Петровской, неприятель окопал себя ретраншементами. С левой стороны, в четверти мили от главной квартиры, неприятель производил в тот же день ложную атаку несколькими эскадронами кавалерии и казаков. Король сам отправился туда, и, оставив меня на возвышении, у одного леса, для наблюдения неприятельских движений, приказал «немедленно атаковать неприятеля нашею пехотою, скрытно стоявшею в долине, если бы он вознамерился проложить себе путь в Полтаву». Наша артиллерия, находившаяся на той же высоте, обстреливала ретраншементы русских, так что они не могли продолжать с успехом своих работ. Неприятель имел, правда, батарею из 4 орудий в узком лесу, однако ж она не слишком нам вредила. Я приказал поставить еще небольшую батарею, под высотою, на равнине, чтобы взять неприятеля во фланг, если бы он вздумал двинуться вперед.

Между тем король был ранен при переправе через Ворсклу с леваго берега. Его величество приехал ко мне на возвышение и сказал, чтобы я, ни под каким видом, не пускал неприятеля к городу, но чтобы генералы Спарре и Штакельберг немедленно атаковали его пехотою. Король уехал, и я вовсе не думал о возможности случившагося несчастия. Вскоре однако прискакал генерал Лагеркрона и сказал, что король ранен. Испуганный, я спросил: «Не убит ли?» Но Лагеркрона, отвечав *нет*, уехал от меня без дальнейших объяснений. Приехавший потом генерал-адъютант Дюваль приказал мне, именем короля, явиться к его величеству, лишь только будут кончены все нужныя распоряжения. На вопрос мой о здоровье короля, он отвечал: «Король ранен в ногу и лежит в постели». Когда была кончена батарея и поставлены орудия, я отправился к его величеству и донес о сделанных мною распоряжениях к задержанию неприятеля от переправы. Король остался всем очень доволен.

В это время пришел фельдмаршал и донес королю, что ночью неприятель построил на поле, перед Петровскою, семь небольших редутов, обставил их пушками

и занял пехотою. Фельдмаршал показал мне в своей книге план расположения сих редутов, и объявил королю, что неприятель перенес свой лагерь в ближайшую к Полтаве деревню. Король приказал мне внимательно следить за всеми предприятиями неприятеля, и обо всем доносить ему.

После полудня фельдмаршал призвал к себе на возвышение генерала Левенгаупта и всех генерал-маиоров, испросил у них, именем короля, мнения: что должно предпринять теперь против неприятеля? Генералы отвечали: «Лучше всего снять осаду». Фельдмаршал возразил: «Его величеству это неугодно. Вопрос состоит в том, находите ли вы полезнейшим идти на неприятеля и прогнать его, или мы должны ждать, пока он сам наступит на нас?» Генерал-маиор Аксель Спарре сказал, что «по его мнению, лучше идти на неприятеля». Прочие же генералы, вместе с Левенгауптом, заметили, что «опасно наступать на неприятеля, так как дорога; по словам Гилленкрока, болотиста». Фельдмаршал спросил меня: «Каким образом полагаю я не допустить неприятеля до переправы?» Я отвечал: «Когда стемнеет, то можно, если ваше превосходительство одобрите, и ежели будет на то воля короля, заложить ретраншемент на той стороне болота, где стоит неприятель, чтобы обезопасить связь с прочими ретраншементами и редутами, находящимися у реки». Фельдмаршал и генералы признали это также за лучшую меру для преграждения неприятелю дороги в город, если бы он вздумал пробиваться. Генерал-маиор Штакельберг вызвался помогать в эту ночь при работах. Я, между тем, просил, чтобы вся пехота была готова для прикрытия работ, если бы неприятель захотел прорваться. Фельдмаршал изъявил свое согласие и обещал переговорить об этом с королем.

Под вечер был я у его величества, где находился и фельдмаршал. Король, хорошо знакомый с местностию, спросил: как хочу я заложить ретраншемент против неприятеля? Я показал королю на карту и объяснил, что заложу ретраншемент по сю сторону болота, дабы оставаться в соединении с редутами. Потом предполагал я заложить несколько малых редутов, внутри ретраншемента, чтобы защищать их в случае атаки неприятеля. Малые редуты должны быть усилены палисадами. В продолжение сей работы, вся пехота может остаться на ночь в небольшом лесу, под ружьем. Король был доволен моим проектом, я приказал мне привести его в исполнение. В сумерки, двинулся я и г. м. Штакельберг, вперед с работниками, под прикрытием пехоты, и работа шла так быстро, что была готова к разсвету, и войска уже занимали свои места. Те же войска, которыя находились в лесу, отошли туда, где стояли днем. На разсвете неприятель, увидев ретраншемент, начал обстреливать его со всех батарей и пехотою, однако ж не причинил большаго вреда. Когда на нашем ретраншементе были положены мешки, то и наши солдаты стреляли по неприятельским рабочим, лишь только они ставили тур. По этой причине, работы русских во весь день подвигались вперед медленно, так как большая часть рабочих была убита. Следующую ночь неприятель был покоен; раздавался только стук перевозимых орудий, а под утро все смолкло. На разсвете (20-го числа) оказалось, что неприятель со всею своею армиею перешел к Петровской.

За неделю до того дня, как был ранен король, граф Пипер присоединился с своею канцеляриею к армии, расположенной в виду Полтавы. Вскоре поехал он с советником Гермелином и секретарем Фейфом на высокую гору, где была атака,

и откуда можно было видеть весь лагерь неприятеля и все работы. Я разсказал графу как о намерениях неприятеля переправиться через Ворсклу в город, так и о работах, предпринятых для воспрепятствования сей переправе. При этом я сказал утвердительно, что «атака на Полтаву никогда не будет иметь успеха, хотя бы его величество целый год продолжал нападения». Граф спросил: «Какия тому причины и препятствия?» Я отвечал: «Причины те, что у нас нет ни ядер, ни пороха, как для малых орудий, так и для пехоты, и все выстрелы, теперь нами слышимые, принадлежат неприятелю, а не нашим. По этой причине мы теряем много людей; необходимые простые посты в апрошах, для наблюдения неприятеля, подвергаются величайшей опасности. Досчатый ретраншемент, построенный неприятелем в пригороде, можно бы столкнуть ногою, но чтобы сбить его, для этого мы не имеем ни ядер, ни пороха, а на штурм его величество не решается. Я обо всем докладывал королю, но он и слышать о том не хочет. По моему мнению, ничего не остается королю, как снять осаду и найти для армии хорошия квартиры. Если же этого не будет, нам грозит большое несчастие. Или король будет убит, потому что он подвергает себя всем опасностям, а это тревожит и рядовых, и офицеров, которые, как я сам слышал, говорят между собою: король хочет быть убитым; или, если неприятель решится подать помощь Полтаве, сражение может иметь для нас несчастный исход. В таком случае, мы все погибли, ибо, без особеннаго счастья, никто отсюда не выйдет, так как мы отдалены от отечества на несколько сот миль».

Через несколько дней фельдмаршал спросил меня: «Каково идет осада?» Я отвечал: «Очень плохо, и даже нет надежды, чтобы король овладел Полтавою». Тут я спросил у фельдмаршала: «Зачем король это предпринимает?» Фельдмаршал сказал, будто король должен иметь занятие до прибытия короля Станислава. Я возразил: «Такое времяпровождение стоит не дешево; король, теряя множество людей, мог бы, конечно, найти лучшее занятие». Почти через неделю после раны, полученной королем, неприятель поднялся со всею своею армиею, и расположился за плотиною Ворсклы, в четверти мили от Полтавы (25-го июня). При этом движении русских выдвинулась и шведская армия и стала в боевом порядке перед Полтавою: кавалерия, справа и слева, в двух линиях; пехота, в средине, в одной линии. Генерал-маиор Крейц был послан с отрядом для наблюдения за движениями неприятеля. Возвратясь, он донес, что неприятель остановился у реки, где плотина. Около полудня король получил известие, что неприятель укрепляет свою позицию окопами, это можно было видеть и в зрительную трубу. Тогда король решился, со всею пехотою и тремя кавалерийскими полками, перейти на другое место, насупротив неприятеля. Фельдмаршал, с остальною кавалериею, расположился у деревни, по близости неприятельскаго шанца. Когда я кончил расположение лагеря для пехоты, король приказал мне последовать за фельдмаршалом и отыскать место, где бы можно было поставить обоз всей армии. Так как я нашел место, где обоз имел позади себя лощину, а половина фронта и левый фланг были прикрыты недоступною глубокою долиною, то весь обоз и поместился здесь с своим прикрытием.

Королевский лагерь был очень тревожим казаками, и потому фельдмаршал приказал мне ночью заложить перед оным укрепление. Однако ж этого не было сделано, потому что рабочие, из запорожцев, не являлись до самаго утра, а на

высоте, у реки, был поставлен пехотный караул, который не допускал казаков так смело нас тревожить.

Генерал Левенгаупт просил у фельдмаршала прикрытия для обозрения лагеря и позиции русских. Фельдмаршал сказал: «Не нужно. Я знаю место, где стоит неприятель, также хорошо как и то, которое мы занимаем».

Наконец король решился, после совещания с графом Пипером и фельдмаршалом, дать сражение, в понедельник 27-го июня. Что случилось при этой несчастной битве, изложил я в особой реляции [224].

№ 225

1708–1709
Службові записки драгунського капітана Симеона Куроша (уривки)

Славен его царское величество государь наш Пётр Алексеевич во веко веков. Великую пред богом добродетель имя того ради имеет оны правде.

Писал Семион Курош афицеров да драгунов в баталии капитан и кавалер.

* * *

Уже сему времени прошедши службу у кавалера и полковника Грага порутчиком был ранен под Нарвою и обласкан чином. А в Нарве учинен был велик вред свеям, те и так мы со афицеры и солдаты грозновали, что свеи плакались аж. Боком и грудию ранены, не мошен был во штурм баталины и бился со свеи, и добыча досталась нам же богата, и трофейны всяк оружия и провиянт, и свейски всяки людишки и солдаты, и бабы, и девки, и детки. А множ чинить блуд стали там же, и государь Петр Алексеевич (храни его Боже преблагий) бранился грозно и отступ дал разгулке и само же шпагою бил солдат да драгунов, а одного до смерти забил. Другие все и мы убоялись и падали, усмиривши себя. Под водительством же всемилостивейшего кавалера Александра Даниловича Меншикова под Калишовым доказал за храбростию и радением чин капитанский. За раною послед Калишевой баталии пребывал в отчине своей: а повеление государя (храни его Боже) вышло собирать швадрон из шляхты смоленской же для оберега от свейского Каролуса пограничия Российского. Как я капитанском чине пребывал и закал воев имети [...] службою драгунскаго полку в швадрон образовати. В сей швадрон пошли и взяты были люди разны званий шляхтетски. Младые в допреж дети шляхетские да рейтарския, да стрелецкие и прочие. Был и черен люд за должностию коновалов и кузнецов и прочи низостно должностны такога и седельщики. А ружии да всяко оружии да амуничные наряды да платие каждый по своему разумению и достатку обретал. И мушкеты и пищали и фузеи и проча сабли

---

[224] *Гилленкрок А.* Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось. [Пер. с нем., введ. и примеч. Я. Турунова] // Военный журнал. – 1844. – № 6. – С. 1–105. [Пер. по изд.: «Östreichische militärische Zeitschrift», 1842, H. I–3].

всяк кто где покупали и похоти тот и добывал. А казна не отпускала ничего, как швадрон сей армейской не был, а был ладмилиско устроя и обретания. Кои шляхетски дети уйти похотели, тех государевым словом и делом остановляли и остались те служить. Другие кавалеры были смирены и обязаны. Многи бедны были же от многих наследных причин и тех в складчину пестовали. А начальный был тут полковник Михаил Фаддеич Чулишов, кавалер достойный и благодетель нам. Верен государю был Чулишов кавалер и жесток мер имети. Батоги и шпецрутены от отецтва своего жаловал ото всяко играния и пьянства и блудства же утешал народишко. Однако ж паче и славе [...] клятвы и сладости бытия от всяко не проковало. Истинне избаве было батоги и розги. Во драгунской службе я был и знать имел. По сему делу оправления шли скоро, но и же недоброга было многи. И драгуны и кони были, где добрые, а где худые. А многие шляхетские дети страшились звуку пальбы, особливо в плутонги стояти. И палить принимались экзерцицио со всяко оружие крупного и мелко калибру. И палить принимались, дабы не токо народу приохотить и обвыкнуть, а и животины охотить к пальбе батальной же. Службою ехали день за день ко кордону, и стоящи там у городков стали обретаться службу дозорну несть. Я сам со поручтиком Сурожеем да прапорщиком татарином объезживали тех, кто стоял где, дабы догляд шел над кордоном. А пороху мало было и провиянту мало. Посланы были людишки в Смоленск и воротились и с порохом с 2 5/2 пуды [...] и хлеба 2 воз и друго провиянту.

Ныне август 1708 году.

Государь милостив и благодетель наш Пётр Алексеевич изволил дать приказ об усилении кордонов черными людьми, дабы конфуз свейскому Карлусу чинить. Рогаты да завалы со засеки в лесах учинить же и всем, и салдатам, и драгунам, и шляхте бережение великое иметь. Черные люди со охотою те древа рубили, однако ж со воровскою пользою себе. От завалов и засек те древа таскали по дворам. Мы тех имали и в батоги били. Государь милостив и благодетель наш Петр Алексеевич был с войсками на походе из Ливонии. Куриеры поручения доставляли лошадей, загонявши в смерть, и ноги лошади ломали о древа на засеках свои же. И те куриеры часто пеши вертались с опозданием по времению. Фураж да провиянт да проча еда добывалась по обычаю в городках да деревнях и пред кордонами и за пред. Особливо брали в хуторах и поселках богатых жидовых и прочих. Там было всяко много и вдосталью давали бумаги с печатию государевой и те не плакали, а давали. Кои провинились, тех били и силили. Сам государь наш Петр Алексеевич (храни его Боже) також повелел. Швадрон ходил полно вдоль кордону дозорно. Становились постоем в городках. Вино и пиво собирали до обозу. А некой чины шляхетские пили невмочь. Поносили таковых зело, а також били батожьём государевым именем. А блудовство всё же являлось. Имали по закутам драгунов швадроных шляхетов. Были дети те млады и проходу от сих блядовии девкам да бабам никакого нету. Полковник наш и кавалер достойный Михаил Фаддеич Чулишов страшать всех тех, кто дерзок, велел и бити в батоги. Ибо сие зло Богу противно. Стали прибывать войска государевы от литовски земель да швадроны от неприятеля уступать изволили. А везде хлеб жгли государевым соизволением и разоряли везде, дабы неприятелю не далось. Полки солдатския да швадроны были князя и кавалера Волконского и генерала и кавалера Бора.

Солдаты и драгуны и гренадиры были добрыя и при полной исправности и амуничной и воинской достойности. Однако ж остат следоват ариергардны зело грязны и босы и в лаптях диких черных и рваныя в лоскуты и опалены и ранены. И у тех солдат кони были худы и тощи. И наши дивились, как со свеями справятся оне так. Давали провиянту им своего. Шляхта роптала, де своего и так тут нету. Прибывали драгуны с неприятельский полонеными людьми. Тех драгунов украшали свейския платия и богаты шпаги и сапоги и проча. А свей те наги и разуты и в тряпье всяком дряном. Драгуны с офицерами их били и богопротивное свершали с ними и продавали кому похочет, а иных живота лишали. Высокие дозволяли сие ибо говорили государь (хр. е. б.) де чрезмерно на свеев зол и дозволяет всяко. А шляхтичи нашего швадрону Козок Абрам и Савелий Бравский и другие одного вьюношу наружностию красного сторговали всклад и с тем богопротивное делали. Вослед другим давали и дерзких полоняников скопили и в вотчины свои отправляли со караулы обозными оказиями [...]. Повелением князя и благодетеля Волконского пошли на татарский городок дозором. А как прибыли до татарского, то видеть изволили Божию милостию самого государя нашего Петра Алексеевича, да храни Господь преблагий его Отца нашего во веки веков. Был государь добр к нам и полковника нашего Михаила Фаддеича Чулишова хвалил за деяния ратные. Были же посланы послед за добытием провианта и фуражу по округ и добро справя все прибыли в татарский. Прибыли в татарский и о полки драгунския другие государевы. Те драгуны были тока с баталии со авангардом Карлоусовым и приведши полоняников. Мало тех били и силили поелику слух пошел, что государь зол на бесчинства. А офицеры тех драгунов зело однако ж злы и недоброжелательны и поносят свеев. А на грудях некой носят знаки свейские офицерские трофейные в баталиях взятыя со вензеля Карлоусовами сбиты да спилены. А высоки чины его царского величества то добрят (одобряют) паки бляхи те в батальном поединичестве добыты и собою храброси благия являют. А кои драгуны безлошадны были, тех офицеры посылали по деревням коней брать. А селяне уже жито в рожь и овес собирать починали и от того бунты учинялись. Драгуны их рубили и лошадей брали. А по полям и лесам имали тех, кто уховался и рубили же дерзостных, а тех всех, кто поклонно падаял, тех в работы разные брали. А были и таки драгуны, кто с крестианами бунташными уховался в лесях. Так посылали других драгунов из швадронов добрых именных имати тех, кто утекнул, а те верталисъ пеши и наги. Також случалось, что в лесях воевати неспособно, а порох берегли до баталии со свеями и в палаши ходили, а те разбойны их били и грабили и бивали и коней брали. Его царское величество гневались и велел государь наш преблагий имать всех тех и вешать, где придется. И мы вместях с гвардией и гранодирами то сполняли. А битых и всяких раненых довольно было, паки злодеи оборонялись резво и умело. Коих сломали, тех вешали, других побивали, а были те, что в леси ушли ни с чем. Мы ж с геройством гордо пред очи государевы предстали и нас он благодарил. В ожидании неприятеля повелел государь устроить экзерциц оружный. И много солдат да драгунов ту экзерциц творили. И сам его царское величество наблюдал и поправления давал. Многие нехочи поносными словами пожалованны были от его царского величества. Пальбу экзерционую чинили офицеры да унтеры со всеми солдаты да драгуны по всем лагерям. Пороху навезли где доброго, а иным худого. С того

пальба разна была. У коих бухало добро и пули били добро, а у других шипели пули и падали наземь и целки живы стояли и дыр не случалось. А с того то было, что некой хитрые солдаты не по плутовству и нерадению, а по бережению пуль в картузы патронные не клали, а палили тока огнём. А те, кто не поклали да и дерзили ещо, были в батоги отправлены и биты на козлах в пример другим. Экзерцицию офицеры чинили впред и вельми зрили, чтоб солдаты не хвосты у патронов кусали, а перед с пулей зубьями брали и кусали, а за щёку, чтоб не клали, а в дуло аки на старой пищалев манир. На швадрон наш дано было экзерцицного пороху того десяти фунтов от коего только пол швадрона стрелить могла. А с палаши да сабли да шпаги ходили добро. Скопно али парно да со штыки да багинеты да хоч о двурук хоч на свейску маниру палаш об одну руку, а фузея с багинетом о другу. А тех полоняников свейских кои были исправные, вояки брали в ту экзерцицию. Давали шпаги тупые, дабы глядеть падко, как те колются и рубят. А те шведы, кои не хотели ту чинить экзерциц, тех били и раздевали донага и, связав попарно, гвоздил и в раз по два. А были и таки, коих нарочно стравляли, и те бились, а мы все зрили. То нарочь удумано было, дабы удалость их выявлять и себе брать. Швадронные шляхтичи наши по обычаю заносились пред солдатами. Драгуна Козьму Солтысика повешали даже под барабан. Его царское величество приказал, чтоб спесь дворянску унять впредь. Округ всего лагеря ставились кордоны с гвардейских полков и швадронов. Коныя гранодиры, кто шатался имали и в лагерь загоняли. Его царское величество зело обеспокоен дезертициями солдат да драгунов. Обозы с провиянтом стали подходить часто. Провиянт, каша да хлеб и мясо и вино хлебное, было роздано по полкам. Прибыли ариергарды армии государевой, кои с авангардусом Карлоуса постоянно бились тесно. Были те солдаты да драгуны грязны да рваны и много раненых. Карлоус должен был уже прийти сюда, и его царское величество велел шамад бить и смотр войскам делать. А те драгуны да гранодиры, кои из баталий мелких вышадши были, – те отдыхали и с калмыки да со тататаре кумыс пили сдобря водкой, а потом с соседским полком на кулаки дрались. Де мы, корили, бились и животы лишались, а де вы ховались и свеев убоялись. И в дальний швадрон шатались и лаялись матерью и полковники не знали, что и делать. Государевым повеленцим самые злостные ималась и вещались и в батоги бились на козлах пред всем фрунтом. И нашим из швадрона двоим тоже досталось, драгуну Акинфию Краску и Ивану Софийкину. Вешаны были за шею. А у Краска так от удавления язык выпал, то даже до средины грудей доставал, и многе дивились тому и глядеть ходили всякие. Повелением его царского величества чрез нашего полковника Чулишова велено было продавать шляхтичам трофейно оружие худое и амуницию и всяко прочее трофейно, а денги от сего получатся, то их по полкам в казны раздать. То делали, но с неохотою великой паки, лучше оружие салдаты себе брали, а каптенармусам больше все изломано и бито давали и те то нам давали. А были таки шпаги с палаши столь зарубьями были избиты, аки пилы и точить таки шпаги долго вельми надобно. Избиться таки шпаги ужо было немочно. А всё это за денги шляхтичей делалось и чинилось надлежало и рекрутам давать.

16 август. 1708 г.

Повелением его царского величества чрез нашего полковника и кавалера Чулишова был отправлен со 20 драгунами в Смоленск за рекруты и амуничностью

и всяки припасы. Пока добирались, два раза атакованы шишами были, однако ж славно отбились, хочь двух драгунов стеряли да троих раненых получили. Прибыв в Смоленск, устроились и до воеводы и кавалера Петра Самойловича Салтыкова достались и его царского величества бумагу казали и дали. А рекрутов не дали, паки те два дни с полком ушли до войск. И мы тех рекрутов в дороге видали, и всё, что надлежало, по той бумаге дали и сверх того со взаимною симпатию и денги обрета кож и сала и бечёв и точилов дали. То всё на возы фуриерския поклали. Всех кормил его превосходительство господин губернатор и воевода и кавалер Пётр Самойлович Салтыков и в бане всех парил и тама баб давал толстых и зело красных и спать клал, а утром отправлялись и торопились, дабы к его царскому величеству войски успеть ко баталии с Карлоусом. А вместях с нами еще 30 драгунов со рекруты соединившись, и то было во благо, паки со добром с таким боялись от татей дорожных не уберечься. А у выезда со Смоленску караулы и чиновны люди нам досмотр чинили и сторговать схотели провианту и проче. А мы тех людишек чиновных матерно лаяли и били добро маниром фухтельным. И его царского величества наказ сполняли и бумагу государеву казали и губернаторову казали и честь не уронили.

В дороге было покойно. Прибыли до бивуаков его царского величества, сдали все по бумаги. И получали всё по полки каптенармусы. А то были мундиры со кафтаны разных сукон и целы штуки сукна, а пугов к им не случилось. Амуничны портупеи, и сумки, и кошали драгунския, и цельны кожи, и сапоги немецкия большия, и другия малыя, и щиблетов с кожи, и сармяги с казырками, и беза казырков, и башмаки немецкия, и сапоги яловыя, и сафияны, и щиблеты сафияны беза казырков аки немецка кавалерия. Всё по провиянту то: мясо в сухине и пресно и солоно, и сало в бочках, хлеб и мука в сухарях и в мешках, крупы в мешках, ячнева, гречка, просяна и овсяна. Пиво и вино и водка в бочках. Всё подали и что положено себе брали. А в те поры Карлоусовы свеи уже подступать стали. Разиезды их уже наши видали. Все полки в позиционость привелись государем. Пошли работы ещё скорея по рогатки и всяки дреколья ловушками. Наших, шляхтичей то ж государь велел колья тесать для рогаток. Все тесали и я в чине капитанском и прочия офицеры и прочия драгуны. После ставили те рогатки и рыли ями и плетенки ставили. А как свеи подошли, нас в дело не пустили; а оставили в ариергардии для прикрытия тылу государева. Многия шляхтичи роптали де уж, они ба показали свеям, как у них сабли востры и каки оне удалые да отважные вои. До баталии большой дело не дошло. Сказывали, Карлоус убоялся нас и пошел в обход. Вслед ему двинулись некои и наши полки под водительством фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева. Наш шквадрон оставил его царское величество на службу прежную в дозорах и стеречь пограничие с Литвой. Сам его царское величество государь наш преславный со гвардию в конь и другими некоторыми полками, кои за Карлоусом вослед не пошли, двинулся на встречу свейскому генералу Левенгаупту, кой со войски на подмогу своему королю Карлоусу шёл из Рыги. Мы ж стали как и прежде дозором ходить. От его царского величества указ был важнейший нам о преследе и уничтожении разбойных ватаг. Те тати и шиши развелись в премногом числе по мере войск стояния и дезертирования солдат и проходу от их никокого не было. И его царское величество государь наш Пётр Алексеевич сказал нашему полковнику и кавалеру Михалу Фадденчу Чулишову,

а им и нам, что де мы главна сила супротив злодиев тех, ибо шляхта у нас вся в драгунах и все верныя и предастце никто злодеям. И ещё сказал государь, что де те подбивают крестиян чёрных бросать всё да и на Дон бежать с ими к атаману Булаве и хозяев и благодетелей своих предавать и бить. Убили те тати дворянина Маслова со женою и чадами и челядью, как те из-под Брянску ехали в Санкт-Петербург. Сам видел на месте следы злодейства того. Были все обезглавлены и раздеты донага, и возле дороги вдоль колы были вкопаны и на те колы головы всех вздеты, а тела нагие сидели у колов спинами приваливши со срамными местами надруганными. Наши некоторы блевать стали и честить стали тех шишей. А тамошние смерды чёрные сказывали, будто дело это атамана Ясменя и что татей тех многа и нам не справиться. Тех крестиан наши били и грозили им вдругорядь не сомневаться в грозе и удали драгунов его царского величества. По лесам за шишами теми рыскать резону быть не могло. Полковник наш и кавалер Чулишов объявил, что будем шишей из берлог выманивать. В Драгобуже пустили слух о государевом обозе богатом из Рославля городка идущем в Санкт-Петербург. И везут де в том обозе богатого добра всяко. И меха, и злато, и серебро, и посуду разну богату, и подарки всяки, и оружие, и порох. А охрана из рекрутов прибраных недавно. Пускали же те слухи некой из наших драгунов в кружале нарочь в пьян упитые мол. А до того все швадроные обозные фуры в сторону к Рославолю были посланы и схоронились оне в верстах полуста от монастырни.

Мы всем швадроном прибыли до схрона того и полшвадрона в конь стали, а пол аки в конь в сармяги рекрутовы одели и в охран стали, а другие пол швадрона по фурам укрылись под парусинову обтягу. Так и двинулись к Монастырне. Как надлежало вперёд выслали обереги из пяти драгунов на манир лазутчиков. Те вертались чрез полверсты и говорили нам, как и что на дороге и обочь. Так день один в дороге прошёл в спокое. И некои шляхтичи, кои роптали, боясь пуль засадных, спокойны стали и многие баить принялись, что затейность эта ничем окончиться. На ночь готовность была скрытая. Полковник и кавалер Чулишов Михал Фаддеич настрого приказал драгунам из фур не вылезать до темени. Лазутчиков татей опасаясь. Как темень пришла, все повылезли и тихо, схоронно в фузеи оборону приняли окружну. Так прошла ночь. Было тихо и спокойно. Чуть рассвет заниматься стал, всех драгунов, что по фурам сидели, обрат посадили. И двинулись. И всё было как и было. Некои даже песни петь принялись. Так до Монастырни и доехали. Те драгуны, кои по фурам сидели, повылезли и приказа нашего полковника кавалера Чулишова не внемлили, а пошли по своим коням. Однако ж делали всё в вечеру и скрытно, а не хотели, как Михаил Фаддеич приказывал де ночевать в фурах. Утром опять собрались и двинулись из Монастырни по дороге на Смоленск. Но на той дороге людно было. И где тут быть татям. Солдаты да мужики в заслонах стояли от свеев в обереr. Засеки да завалы мешали двигаться фурам. Шляхтичи роптали и поносить стали нас и затейность ту Михаила Фаддеича Чулышова, полковника и кавалера нашего. Швадроный писарь Довмонт Саманков по приказу полковника нашего и кавалера Михаила Фаддеича Чулышова писал бумагу с государевою печатаю, чтоб бесприпятственно пропускали на пиках (пикетах) да заставах наш обоз. Так до Смоленска добрались. Ночь прошла в городе на воеводски подворье. Пред тем... подсылы сделали в кружала да кабаки драгунов ложныя слухи делать. В том спомог кавалер

и воевода Пётр Самойлыч Салтыков. Нас, начальных офицеров, угощал добро внову и баню справлял и баб красных давал. А иные шляхтичи роптали, де мол им тако же прилагалось, и озоровать принялись. Еле уломали их и утром в путь отправились. И время пристало. Недалеко от [...] увидали лазучики наши несколько верховых и те, ток увидали дозор, за бугры скрылись. Были те в солдатских кафтанах, а в шапках русских. Дальша стали ехать с великою осторожностью и бережением. Оружия и фузеи и пистолеты держали курыки воздевши. Так дорога до вечеру шла. А ночью мы обстреляны были из ружий да пистолей. И пока мы стреляли в темень, все стихло. До утра все зрили в темень, глаз не смыкавши. А утром в путь вновь двинулись. Кавалер Михал Фаддеич приказал оберегаться грозно, потому как тати нарочь обстреляли ночию, чтоб мы неспаны были и хилы. К полудню стрельба зачалась с дозором нашим. Двое тока доскакали до нас и то изранены. Одного в голову и ногу ранили, а другого в спину. Тока прискакали, пальба началась по нас со всех сторон. От дыму и воплев невозможностно было ни зрить ни команды отдавать. Фуры сбились на обочину, и все драгуны из фур повыпрыгали и палить по кустам зачали. А разбойные тати хитры оказались и из лесу не казались, и пальбу прекратили враз. И я, и другая офицеры команды отдавать стали драгунам нашим, чтоб за шишами в леса скакали. Но никто не скакал, а все оборону занимали. Тока после получасу как выждали, то все же в[...]дели плутонги и ступили в лес. Нашли там одного мертвяка татя и одного раненого в плечо татя. Тот стенал и материл нас. Притащили его и пытать стали, что де и как. Разбили пятки добро и ножом персты ковыряли и на сраме порох жгли. Тот тать сказывал, что атаман велел им десятку тревожить нас, драгунов, и что Ясмень про затею со фургоны со драгуны скрытая он ведает, а напасть всей силою он будет через три версты. По ту пору драгуны наши еще двух татей притащили и стали их пытать, и те також показали. Тогда полковник наш и кавалер Михаил Фаддеич Чулишов приказал немедля всем на конь и порядком боевым двигаться по дороге, а фуры, чтоб сзаду шли. И мы всего грозную швадроную силой по дороге поскакали. Чрез версты две остановились. Фуры двинулись вперёд, а весь швадрон, разделившись пополам, повернул в лес и по обочине недалече от дороги двинулся. И шли неспехом, а так, чтоб на равном пути от обозу и видеть его хвост. Чрез версту у обоза пальба занялась, а за тем у нас в передке у драгунов биться стали с шишами. Все драгуны поскакали меж деревов и окружать стали те места посеред дороги с фурами. И дело в послед пошло в палаши и сабли, тако ж как стрелили по одному и другому разу и перезаряжать недосуг было. И побили мы тех разбойных с десятков пять и самого атамана Ясменя ранетого взяли в полон. Некои из татей верхами успели уйти. Одинадцать из наших убитых были и осемь ранеты. Все драгуны до того осерчали, что стащили полоняников дюжину в кучу и пытать стали. И полковник наш Михал Фаддеич Чулишов сам дознание вёл, а мы помогали ему. Дознались, что недалече от сель лагерь ихний и таме постройки, и жилие, и бабы, и добро всяко. А те, кто сказывал, другие шиши, что не сказывали, похотели душить и рвать, а мы не дали, и били и тех, и других. Собрались и в фуры убитых и раненых поклали и разбойных татей, повязав, поклали и убитых тож. Пол швадрона с фурами двинулась в Смоленск, а мы с другой частию пошли до лагеря разбойного. Вели нас двое татей покладистых. За то мы обещались пустить их после. Чрез часа три стали

подходить к месту. Дозорного ихнего вьюношу стрелили и тот с древа пал будто глухарь битый. В лагерь ворвались и нашли там баб дюжану да вьюношей троих, да девок пять, да старцев двоих. Тех, кто за оружие похватался, тех с ног сбили и били долго. А потом баб по обычаю силить да бесчестить принялись. С того две с них от етения таковового Богу душу отдали. Рёв и плач стоял несусветный. Потом всех пороли и в розги и в батоги. В ухронах понашли и окорков и хлебов и бочонки с вином хлебным. Насытились и, гоня пред собою полоняников, двинулись на дорогу ко Смоленску. А вёрст до полуста до Смоленску было, и до пути те двое татей утекнуть хотели, и мы их стреляли. Я порешил, что попалить надобно все схроны разбойные в лесу, но поручик Мартынов сказал, что отъехали уж много, да и запалить можно древа и лес весь. По дороге нагнали обоз наш. Вонь стала от мертвяков несносна и полковник Чулишов проказал схоронить тела. Татей закопали наскоро, а наших драгунов схоронили пристойно и, прочтя молитву, палашом «виват» отдали. Крест дубовый ставили ещо добрый. Ночевать пришлось в поле меж лесов. Ставили «ванбург» в бережении от нападения других татей и спали. В ночь и наши ранены и разбойные голосили и стенали. Повелел полковник и кавалер Чулишов их всех водкою поить або боль стихла в пьяну. К утру один наш и двое разбойных преставились. Схоронили и их тож. К полудню добрались до Смоленску. Допреж выслали дозор, и тот дозор аки гонцы упредил воеводу и кавалера Петра Самойловича Салтыкова от баталии нашей предостойной и виктории славной над ратию врагов его царского величества. В Смоленску отдыхали два дни. Ели и гуляли. Ясменя и других опосле пыток и допросов на площади сказнили принародно. Ясменя за ребро подвесили, а других на колья, а баб да вьюношей в каторги отписали.

Были даны рекруты к нам из детей шляхетских добрых. Пошли дозором ко границе с Литвою. По городкам заставы ставили, где по скоку придётся драгунов со унтерофицером. И ставили шляхтичей добрых и сполнитных. И разностно по тем городкам швадроном ходили и проверяли и экзерциц чинили. По примеру его царского величества государя нашего и благодетеля Петра Алексеевича жёстко требовали, чтоб экзерциц сию сполняли добро и всемерно. Драгуны по обычаю ходили атаковать в конь и без конь в пики и штыки аль в рубку на свеев манир, кады обе руки оружоны, в правай шпага, а в левой фузея с багинетом али ещё с чем. Случались увечные и битые, но то было добрым знаком, что экзерциц взаправду была. Пред делом в Малороссии многих добрых коней побрали у нас в полки по государеву указу. И гранодиров побрали в полки. Те, как в амуници и с коньми и оружны, так и ушли. А сказать надобно, что само лучше и исправно им давалось. К нам жа присылали слабо увечных и подранков со баталии со Левенаупом. Так в пример прибыл в швадрон гранодир Илья Сом. Из детей поповских смоленских. При деле с Левенаупом сказывал и другие говорили, что взял в полон кавалера свейского по чину не меньше полковника. Сбил его в баталии конём, а опосля фухтелем по темю бил. Тех свеев, кои сикурс оказать думали, посёк и пострелял и гренаду последню спользовал. От той гренады за близостию разрыва его, удальца, самого ранило рванью чугуной в бок и щёку. Когда жа кавалер свейской в сознание войдя, то супротив Сома драться внову стал. Тот его кулачно прибил не до смерти и праву руку чуть тому не свернул. И взял он того свея в полон тогда. Петлёй ременной тому руки окрутил, а опосля ноги того протиснул

над руки. И руки окрутченыя сзаду оказались. Таковым и привёл в полон. От полковника своего и кавалера князя Мещерского получил чин капрала и медаль опосля. У нас капралом и стал служить и даже шляхтичи наши пред героем сим не заносились, а почитали и взаймы завсегда давали. Сама служба гранодиров коных пред гранодирами инфатерныимя и другими прочими солдатами и драгунами зело тяжка. Надобно силу иметь и сноровку недюжаю. Во баталиях оне всегда впереди идут поелику, как коней оне завсегда получают добрых пред другими драгунами и обычно трофейных больших немецких. Бьются со свейскими рейтарами тяжелыми на равных, а то и часто верхи берут. В деле пользоют весь драгунский ратный персонал и палаш и фузею со штык и пистоли. Сверх того гренады и мушкетоны и мортирицы имеют и пользуют. Ломом да дробом со картечь заряженные те мортирицы страшной урон неприятелю чинят. То все ведают. У нас же в швадроне таковых мало. Всех добрых побрали в полки. А бывает и оплохи случаются в службе тех славных гранодиров. Как им гренады от рук надо запаливать, надобно спешно кидать, чтоб в руках не ухнуло. Однако ж и выжидать потребно, чтоб ранее не кинуть и неприятель в ответну не подобрав не метнул. Сам зрил издаля, как один рекрут себя погубил разрывом. Части по томе соберали в кучу. А гранодиры какие гренады от рук запаливают, а какия фитиль тот в зубья берут и от зубов запаливают и кидают. Таковым маниром руки для баталии свободны. Те мортирицы гранодиры и для пальбы с навесу пользуют. Упирают в землю и палят. И гренады навесом летят. Из мортириц сих дробом со ломом со свинец куски али гвозди и с седла могли палить, али в суму гранодирскую уперев, аль прям с руки на пистолев манир. И такие были, что удало палили со руки. Был у нас гранодир некой Фрол Воронов, у того от сего манира кости в плече съехали. Сие под стать тока могутным гранодирам. Сие всё описано для тех, кто в воинской службе не пребывши, а воинские и так всё ведают. По виду гранодиры от драгунов разнятся тока ростом могутным, коньми, трубками на перевязях с фитилями да сумами большими, чем лядунки драгунов. Да шапки островерхи у гранодиров со кисти. Шапки те сразу и отличают оных от прочих драгунов. А чтоб та шапка не висела у них на манир колпака скоморошного на бок, то вставляют оне внутро прокладку кожи разной. Та и высится дыбом. У нас драгуны все почитай молоды. Иным некоим и пятнадцати годов нету. Много от молодости в головах зла озорного. Глумятся и чванятся друг пред дружкою непрестанно и окрестных крестиян обирают и бьют. Говоря де шиши те и многих салдат беглых покрывают, и сами разбойные дела творят. А как дозором куды идём и места проходим, где вотчины кого из наших, то свара начинается меж шляхтичей. За своё живое добро заступ творят. У нас все шляхтичи и горды тем, что вместе единую цитаделю держат. Но бывают и дела негодные. Невозможно было уберечь баб и девок в городках да деревнях от бесчестия и етения шляхтичей. Прочих драгунов да солдатов способно было держать в узде, понеж оне звания подлого и казнь чинить способно. Наши не боялись. Однажда в одном городке, где застава была, баб так силили, что мужики за копия да топоры взялись и меру пришлось применять. Селян где добром, а где оружно приспокоили, а зачинщиков самых вредных в батоги ласкать пришлось. Баб да девок собрали ко двору, полковник наш и кавалер Михаил Фаддеич Чулишов бранить стал способно, де сами под драгунов лезут и виноваты. Чтоб де не лезли б, то и надругательства не

случалось ба. А случалось и еще злее. Два кавалера в нашем швадроне кобылу приходовали и не раз. А были ещё, что миловалися аки суки с кобели. Многи видали и я сам видал. Огласку решили не вести. Вьюноши были добрыя из шляхетских семей добрых, а дело то по пьяну было да по младости. И в том ища велику беду имеетца швадроны искорд. Поелик без жен обретатца. А многи шляхтичи молоды и здоровы и всеми зло и добро. Зло в бесчинствии постояном, а добро в младости силе неунынии и радости жизнения. Я и то взгрустну бывает по разлюбезности моей Аринии Саввишне в вотчине обретающей со чады мое. Самион Самионыч, Иоан Самионыч, Евдокии Самионочны. Свидания приходят редко и сердце тоскует непрестанно. Уж и в месяц разок, то и то мало. И братец Пётр Семионыч наш по своим тож скучает и маетца. А уж не прогневлю Бога и паведаю, что баб етил не мало, а спокою и любови аки со своею ненаглядной матушкой Ариной Саввишной не ведал и не чаял. Сие внемлю и писано сие всё для памятства да в науку сынам Семиону Семионовичу и Иоану Семионовичу, дабы пред служебную путем и дорогам про сие опыт поимели. А приде срок придет враз во швадрон его царскому величеству государю нашему Петру Алексеевичу честию и живо том служить. И по велению государя нашего и благодетеля Петра Алексеевича всех иноземных немецких попов, аки окажетца не пускати через кордоны и гнать, а ежели будут лукавством проходить, то бить и поступать с ими жёстко. Мы не пускали. А одного изуитца, кой два раза похотел проскочить, вздели за ногу на древо и так и оставили. А рясу ево да порты сымали, так оставили, и висел тот изуит срамом наруж, а мы уехали. Чрез двадцать ден где-то, проезжали там по оказии одной. Видели того изуитца уже мертвога. И вороны его оклевали до кости и патроха гнили. А нам не жалко было. Поелику те изуитцы злейшие враги веры православной, отечества и самого государя нашего. Тех кристиан чёрных, кои хозяев своих предавали и бежали об обоз и с жены и с чады и прочи, мы назад вертали добром, а там ужо хозяева решали, кого под батоги, а кого куды. А кои огрызались да оружно, то били тех. Живота лишали, а баб их силили. А потому уж оне неприятели самого государя. До хозяев дале гнали их кто мог. А служба разна. Тяжка особливо в зиму. И мороз и холод и с тем в дозор ити тяжко. Водкою да табаком драгуны спасаютца. Многи кои из отчизны прибывали на табак сей рычали и плевали, а потом и возлюбили и пользовали с преблагим удовольствием. Да и узна то, что его царское величество государь наш сие зелие приемлет, то и подавно приемляли. Многая шляхтичи женаты были хоть и млады. И просились ко любезным своим и от отчин бумаги шли со просьбами от родителей и жен их. А отпускали с превеликой неохотою або вертания по артикулу предписаному не соблюдатца. И таково донимало это нас офицеров. Наказывали батожно и службою караульною аль дозорную сложной в непогоду аль в мороз иль в ночь. Аки устав предсказывал, да и то невмочь пользовали по непонятности многая пуктов (пунктов). Да и устав тот немецкой и мало к нашей швадроной службе пригож. Да не прогневитца его царское величество государь наш преблагий. Отягща службою не видали триумфия, когда вступал его царское величество со войска в Смоленск со свеями полонеными опосля баталии с Левенаупом. Но сказывали очевицы, что с гордостию и виватностью. То зьело приятно и счастливо. Много наших драгунов зимою простудою хварают и те болезни от великих

морозов да холодов случались. Я и другие таких холодов и не помним. Аж птицы и звери мёрзли и падали. Много всяких ярыг нисчих да шишей от тех холодов великих обретаться стали. Мы их хватали и пытали. Кто от владыки своего бежал от голоду, кто со салдатов, кто ещо как. Мы их в Смоленск гнали скопно али в Монастырню. Там уж решали, кого куда. Особь с каторги шла. Прибывали воинские куриеры со приказами и почтою. Говорили, что войска его царского величества свеев бьют в Малороссии. Что Карлоусу королю не даетца взять на акорд городок крепостной в той Малороссии. Уж по весне в априле пришло послание от его царского величества на отправление набраных в Смоленске рекрутов и у нас опять жа гранодиров да драгунов побрали. И ити должны были те в Малороссию. Всего побрали у нас в швадроне по указу 20 душ. Шляхтичам нашим слабинка вышла, поелику многи гранодиры да драгуны, что увечны к нам прибывали, поздорову стали и в ту партию вошли. До июля жили надеждою, что и нас государь призовёт в армию. Однако ж так и несли дозорну службу и разбойных имали и били. А пришло известие о славной виктории над Карлоусом под Полтавою крепостию. Мы всем швадроном, окромя застав да дозоров, за здравие его царского величества чары подымали не единожды. А тока пришло послание в Рославль, где наш полковник и кавалер Михаил Фаддеич Чулишов квартировал, что ему надлежало пред государем явитца в Смоленск по собору всех особ важных чинов округ на чествовании виктории преславной. Мы ж все службу, как несли, так и были поелику поставлены были его царским величеством и благодетелем нашим Петром Алексеевичем (да храни его Боже всевышний). А как прибыл наш полковник и кавалер Михаил Фаддеич Чулишов, то и сказывал. Вошёл его царское величество в Смоленск со гвардию всею и все полки инфантерныя и кавалерский и со артилерию, а посред полоненных свеев вели коих по новоманерному шветами (шведами) именуют. А Карлоус ихний швецкой не сполпался, а бежал со другие свои драбанты. А многих генералов и чинов высоких его царское величество в полон побрал и они были. А генералы и князия и кавалеры преблагия Меншиков Александр Данилович и Голицын Михаил Михалович погнались со драгунские полки за Карлоусом в след. Однако ж ушёл Карлоус в турецки земли. Нам по росписи в том времени впервой, как и всему швардрону реястровому, пришло обмундирование и амуничность, и оружее, и весь прочий приклад, как всякому драгунскому швадрону положено. А много было и сукна, и сапог, и оружий из швецкого трофеннога. То службу нашу, как ему, нашему государю, поведано было о воинских наших викториях со разбойными ратями и брежения его царского величества покою и блага и мы сполняли то добро не счадя живота своего. Пред теми знаменами мы государя благодарили колени преклоняши [225].

---

[225] Записки служебные (дневник) Симеона Куроша, капитана швадрона драгунского рославского же // Смоленская шляхта (Историческая библиотека Б. Г. Федорова. – Т. 9). – М.: Аграф, 2006. – Т. 1. – С. 470–480.

№ 226

1709
Щоденник військових дій російської армії під Полтавою

Апреля 1 числа. Неприятельская армия приходила до Полтавы, против которой войск его царскаго величества выслана партия. По сильном сражении неприятельская партия збита и прогнана; на боевом месте мертвых тел оставил неприятель 32; в плен взято 6 человек, из которых от ран померли 4, а оставшиеся допросами показали, что было их в партии послано 300 человек, для взятья языков. От войска царскаго величества убито 6 человек да ранено 9 человек.

Апреля 2 числа. При битье такта и отворении города Полтавы, неприятельская партия учинила нечаянное нападение на Полтавскую крепость, но внезапно напала на пикет войск царскаго величества, которой учрежден был пред посадом и стоял в рогатках. И по учинении всем караулом по неприятелю залпа убито 8 человек, после чего неприятель пошел наубег, в числе оных 8 человек подняты, двое еще живые, которые в допросе сказали, что посланы для взятья языков, чтоб известиться, сколько во оной крепости войск царскаго величества находится; а король их намерен оную крепость атаковать и для атаки будет вскоре сам король.

Апреля 3 числа. На самом рассвете приступило к Полтавской крепости неприятельское войско, из котораго 1500 человек в тот же час пошли на штурм, но по многом сопротивлении были отбиты, при валах крепости сочтено неприятельских тел 22, да из тяжко пораненых взято в плен 9 человек, которые допросами показали, что они надеялись оную крепость взять, потому что оная безоборона, и валы во многих местах низки.

Апреля 4 числа. По полудня несколько полков неприятельскаго войска пришли к Полтавской крепости и атаковав оную в ночи начали делать шанцы. На оных из Полтавской крепости выслана вылазка в 700 человек салдат, в том числе одна рота гренодеров, которые с неприятелем более часу в жестоком огне были, но когда неприятелю следовал сикурс, то из крепости выступила вторая партия в 700 человек, в подкрепление первой. И збив неприятеля, побрали их инструменты, да 100 человек убили, да в плен взяли 6 человек; от войска царскаго величества убито 32, ранено 27.

Апреля 5 числа. По полуночи в 1-м часу учинил неприятель Полтавской крепости штурм, которой продолжался до самого света. Неприятельское войско, не смотря ни на какие сопротивления, сперва следовало без всякаго страха смерти; как до 400 человек увидели убитых и войска царскаго величества на валах число многое, отступили. При валах крепости видимо было побитых неприятеля 427 чел., от войска царскаго величества убито 62, ранено 91.

Апреля 6 числа. Вночи неприятель к Полтавской крепости вел апроши, на которого выслано войска царскаго величества 1500 человек, в том числе 300 гренодеров с пристойным числом штаб и обер офицеров, которые мужественно и храбро поступая, от работ неприятеля отбили и до 60 человек побитых видимо было. От войска царскаго величества убито 22, ранено 31.

По возвращению в крепость неприятель большим числом приступая, оные работы отправлял и закрытие учинил.

Апреля 7. Неприятель при Полтаве продолжал работу шанец, куда брошено до 30 бомб и выслано 1500 мушкетеров, с которыми неприятель имел прежестокую баталию, выбит из апрошей, и работы разрыты. Неприятельских тел побитых видимо было до 200; от войска царскаго величества убито 82, ранено до 150 человек.

Апреля 8. Неприятель при Полтаве паки работу шанец продолжал и в другую сторону шанцы вести начал. Войско царскаго величества пешия и конныя к Полтаве приближались и стали чрез реку Ворсклу; такожде и неприятель к оной реке приближался, но за топкими болотами перейти было невозможно. По сближении обоих войск производилась пальба из пушек, но неприятельская артилерия весьма мала была и того ради неприятель с немалым уроном едва пушки мог отвесть. С неприятельской стороны видимо было побитых до 30, от войска царскаго величества не убит ни один, ранено пушкарей 2.

Апреля 9. При Полтаве в шанцы ввез неприятель и установлял артилерию, а осажденные валы Полтавской крепости утверждали. Легкие войска, въехав в лагерь неприятельской, учинили нападение на лагерь неприятельской, причем до 10 человек порублено, в плен взят 1, оной допросом показал, что король, не взяв Полтавы, бою с войсками царскаго величества дать не хочет.

Апреля 10. При Полтаве с другой стороны неприятель шанцы к Полтаве вел и приближался к валу, на которого выслана паки вылазка 120 человек, которые чрез несколько часов, жестоко бившись, от дела шанец неприятеля отбили. С стороны неприятельской до 300 человек убито; от стороны царскаго величества убито 107, ранено 63.

По возвращении вылазки в крепость неприятель паки дело возобновлять начал и вел шанцы близь валу и палисад вырубил.

Апреля 13. При Полтаве на вторые апроши выслана была вилазка из Полтавской крепости, 400 человек мушкетеров, которые неприятеля от дел апрошей отбили и чрез всю ночь до дела не допустили. Неприятельских тел видимо было до 60, а со стороны царскаго величества убито 23, да ранено 38 человек.

Апреля 14. Шведский король Карл, усмотрев крепостной вал у Полтавской крепости, один вал низок, трем тысячам мушкатеров повелел идти на приступ, которые днем на самые низкия места от Ворсклы приступ чинили. Осадные сильной отпор чинили, что до 500 трупами положили. Всех защищающих крепость до 4000 на валах король увидев, повелел отступить. От войска царскаго величества убито до 142 челов., ранено 182.

Апреля 15. Неприятель вблизь Полтавы начал работою транжементы для стояния войскам и вел подкоп под Полтаву; король стал в Будищах, а протчие полки в Опошне и в Новых и Старых Санжарах. Войска царскаго величества, стоящия на второй стороне реки Ворсклы, и хотя видели Полтавскую крепость от неприятеля и весьма утесняему, токмо помощи учинить не могли, потому что берега реки Ворсклы весьма топки и болотны.

Апреля 16. Неприятель Полтавскую крепость бомбардировал из трех мортир, и линию привел до палисада, и палисады жег и рубил. Из крепости выслана вылазка в 600 мушкетеров, которыя во выходе, несмотря ни на какое сопротивление

противных, наступили на ведущих оную линию, и до 50 человек покололи, а прочие ушли в апроши. От войска царскаго величества убито 17, ранено 18.

Апреля 18. Сего числа Полтаву атакующей неприятель уже несколько раз жестокие чинил приступы, но претерпевал в войске великие уроны. Осажденные с великою трудностию в крепкой осаде содержались и того ради войска его царскаго величества генералитет имели военной совет, как бы Полтавской крепости учинить помощь, на котором определено за милю от Полтавы вниз реки Ворсклы сильным партиями конницы и пехоты переправиться и идти к Опошне генералу Белингу с командою, с другою генералу Гольцу в лице неприятелю через мост к транжементу, и чтоб части кавалерии под командою генералу Шамбурху, и полковнику Кропотову в то же время атаковали гаубт-квартиру шведскую.

Апреля 21. Неприятель от реки Ворсклы начал вести апроши и делал батарею противу батарей на другой стороне реки Ворсклы, зделанной войсками царскаго величества, построя и поставя пушки, с неприятельской батареи пушки збили, а вышедшие на вылазку из Полтавской крепости из зачатых апрошей неприятелей выгнали, и побито 27 человек; от войска царскаго величества убито 5, да ранено 7.

Апреля 22. Неприятель, приближась к Полтавской крепости, вал по ночам проходил сапами. И в ночи реченного числа выслана из оной крепости вилазка мушкетеров 300 и 200 гранодеров, и из определенных к работе побили 38, в плен взяли 22; от войска царскаго величества убито 2, ранено 9. По возвращении в крепость неприятель оную работу паки продолжал.

Апреля 23. При Полтаве усмотрен подведенной подкоп; из камор подкопных порох вынули и ожидали приступу. Желательный пролития крови король Карл, того ж числа, приуготовя 3000 человек, к приступу повелел подкопа рукав зажечь, и по зажжении рукава неприятель спешно из апрошей бросился, хотя вскоре по взорвании вбежать в крепость. Но как подкопу не взорвало, а приступные были в близости, и не имея лесниц вспять возвратились; тогда несколькими залпами были провожены и 60 человек побитых оставили; от войска царскаго величества не убит ни один.

Апреля 24. Шведский король Полтавскую крепость сам осматривал и, видев от реки Ворсклы помянутой один вал невысокий и ко взятию безоборонной и на нем пушек мало было, при присутствии своем повелел 3000 иметь приступ, которой пополудня в 4-м часу учинен. Осажденные чинили доброй отпор и 400 человек трупами положили. Король, видев, что на валу защищающих крепость двое числа приступных, велел отступить. От войска царскаго величества убито 71, ранено 49 человек.

Апреля 25. При Полтаве проходящих сапами земляной вал, сделанной машиною с крюком, вынуто из сапов 11 человек без потеряния от войска царскаго величества ни одного человека, да в сапах вала найдено тем же инструментом побитых до 24-х, а прочие убежали. Таким образом неприятель сапами доставать крепость отменил и только единым метанием бомб приводил в несостояние, а артилерию при оной атаке имел малую.

Апреля 26. При Полтаве легких войск царскаго величества партия, состоявшая в 500 человек, разделясь надвое и переправясь чрез реку Ворсклу и в Семеновке

неприятельских войск рейтар порубила 26 человек да в плен взяты 4 человека; от войска царскаго величества убито 4, да ранено 8.

Майя 9. Бригадир Алексей Головин в ночи з 900 пехоты пришел до неприятельскаго лагеря и на первом карауле был спрошен от караульного, что пароль и лозунг; реченной бригадир сказав по немецки и объявил, что командирован в апроши и тако впущен. По прошествии лагеря вшед в неприятельской лагерь и потом в апроши, и порубил до 200 человек, и щастливо вошел в Полтавскую крепость. От войска царскаго величества убито 18, ранено 32. Король Карл, слышав о набиении и о проходе с войском бригадира Головина чрез весь лагерь и вшествии в Полтаву, пришел в дишпарад, и в великой ярости многажды обнажал шпагу и говорил, что те, кои сей пропуск учинили, достойны смерти, ибо неслыханное неосмотрение и неосторожность учинили, и всех бывших в первом карауле, осудя на смерть, повелел арестовать.

Майя 17. Под Полтавою от войска царскаго величества командирован один баталион гренодеров для занятия посту по ту сторону реки Ворсклы близ моста, где неприятельской имелся редут. Реченная партия, перешед реку Ворсклу и атаковав оной транажемент, неприятеля выбили. Неприятель немалым числом сикурса подтвержден, паки во оной транажемент вшел. Того ради помянутые гренадеры отступили, а по неприятеле из лагеря из пушек ядрами и картечами произвожена сильная пальба, от которой принужден был неприятель из транжамента паки выступить; а войска царскаго величества командированные в глазах у неприятеля работу свою в день продолжали, и за немного шагов от мосту редут сделали и артилерию вооружили.

Того ж числа из города Полтавы вышедшая вылазка 1500 мушкетеров пришли на нижние апроши, и неприятелей из апрошей выбила, и до берегу реки Ворсклы гнала, и по прогнании возвратилася в город. Онаго огня было с полчаса, в котором до 200 неприятелей побито; с стороны царскаго величества убито 38, ранено 42 человека.

Майя 22. Войска его царскаго величества, бывшия в осаде Полтавской, усмотрев веденые неприятелем мины под вал Полтавской крепости, перерыли и до исполнения действа не допустили.

Майя 29. При Полтаве неприятель линию близ Мазуровского вала работою продолжал, и палисады Полтавские рубил, и ставил внизу горы, хотя с валу Полтавской крепости из ружья и метанием гранат от работы неприятеля отбивали, и потерял он 13 человек рядовых, однако оную работу старался окончать в ночи паки трудился; во время ночи выкинуты были огни, и чрез всю ночь метали гранаты, и оная линия до городового валу не допущена.

Майя 30. При Полтаве в ночи всеми силами трудился неприятель провесть линию к Мазуровскому валу из шанец. Защищая оную работу, производилась из пушек сильная пальба. Осажденные, защищая крепость, палили из ружья и метали гранаты, дабы не допустить привесть линию к валу, а потом и бомбы зажигая с валу спущали. Таким образом по спущении девяти бомб неприятель, почувствовав немалой упадок, вовсе оную работу оставил; на месте видимо было мертвых неприятельских тел до 30, а от войска царскаго величества убито 8, да ранено 6 человек.

Июня 1. Под вечер брошено от неприятеля в Полтавскую крепость 32 бомбы, от которых очинился в городе великой пожар, во время того пожару неприятель

чинил сильной приступ с двух сторон, и уже было взошел на вал крепости со знаменем, и барабанщик бил взятье. Осадные мужественно устремились на возшедших на вал и всех штыками покололи. Шедшие на приступ, будучи покреплены сикурса пятью стами, паки сильной приступ чинили, токмо по многом сопротивлении отбиты. Неприятельских тел видимо было на валу и при валах до четырех сот, на приступе видимо было неприятелей до 3000 человек, в крепости находились войска до 5000, а с вооруженными малороссианами более семи тысяч; и того ради крепость сильно обороняли, а от войска царскаго величества убито 107, ранено 87 человек.

Июня 2. От шведского фельдмаршала Рейншилда прислан был в Полтаву барабанщик к коменданту и осажденным, который объявил, чтоб он, комендант, и осажденные здались на акорд, какой изберут сами, и чтоб учинили заблаговременно, понеже в приступное время акорд дан не будет, хотя б оного и требовали, но все будут побиты. Комендант ответствовал, мы уповаем на Бога, а что объявляешь, о том мы чрез присланные письма, коих 7 имеем, известны, также знаем, что приступов было 8, и из присланных на приступ свыше 3000 при валах Полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет, и со оным ответом барабанщик отпущен.

По отпуске из крепости барабанщика, не умедлив ни часу, выслана из Полтавской крепости вылазка в 1000 мушкатеров с пристойным числом офицеров на нижния неприятельския шанцы от реки Ворсклы к болоту, в которых было неприятельскаго войска 700 и 6 пушек.

По выходе из крепости с великим поспешением, к неприятельским шанцам вскоре пришед, из оных неприятеля выбили и гнали к реке Ворскле в весьма топкое болото, где б все были побиты, ежели бы не поспешила в немалом числе неприятельской сикурс. Высланные на вылазку, взяв 4 медные пушки, а у двух железных заклепав запалы, возвратились в крепость благополучно. Неприятельских тел видимо было 200 да в плен взято 18; с стороны царскаго величества убито 29, ранено 43.

Июня 3. Для возобновления разоренных шанец, которые стояли от Ворсклы под горою, от неприятеля выслана команда до 1000 человек, что усмотрев, при наступлении ночи выступили из Полтавской крепости 1500 человек для выбития неприятеля и разрытия оного шанца. Сия вылазка, спешно пришед и приближась к шанцам, с неприятелем учинила баталию и напоследок, прогнав его, вошла в шанцы, и оные разрыла до основания, чего ни сам неприятель, ни его сикурс паки не возвратились. На разсвете в Полтавскую крепость привезено чугунных 2 пушки; с стороны неприятельской побито во оных шанцах 178 да в полон взято из раненных 9, с стороны царскаго величества убито 43, ранено 52.

Того ж числа начат работою редут близ Полтавы против городка к реке; неприятель, оное видя, отправил партию для препятствия в той работе, против которой выслано из Полтавы гренодеров две роты да столько ж мушкатеров. По вступлении в бой неприятель сбит и прогнан с потерянием 70 человек; с стороны царскаго величества ранен 1 капитан, рядовых 19 да убито 6 человек.

Июня 4. Великий государь изволил написать своеручное благодарительное писмо к коменданту и всем осадным, похваляя их службу и извествуя о благо-

получном своем прибытии к армии, и что с помощию Божиею он, великий государь, немедленно приложит старанние освобождения города Полтавы, чтоб в том упование имели на Бога; притом напоминал, чтоб оне осадные о своих недостатках и в которых местах какие опасности, письменно прислали. Оное письмо немедленно в бомбу положено и в Полтаву брошено. По прочтении о прибытии его царского величества учинилась великая радость и по всем церквам был звон и молебствия к Богу со излиянием от радости многих слез о здравии его царского величества и о победе на противныя. К его царскому величеству из Полтавской крепости писал комендант Келинг, уподобляясь апостолу Фоме, что он от радости не уверялся о воскресении Господнем, пока сам не узрел, и что равным образом и он, и осажденные с ним, пока не осяжут своим зрением его великого государя и не узрят входящего в Полтавскую крепость, не поимут веры. И затребовал, чтоб к нему до 50 пуд. пороху брошено было.

От лица всех граждан к его царскому величеству писал протопоп и просил сими словами: Господи, спаси нас, погибающих, приди и неукосни, простри руку помощи и зими из глубины зол; онде писма из Полтавской крепости в лагерь в бомбы брошены и войско царскаго величества, которые прочитав, его царское величество повелел в город Полтаву в бомбах метать порох.

Июня 5. В 10-м часу в город Полтаву начали бросать порох в бомбах. Неприятель хотя и видал, что многое число в Полтаву бомб бросают, и дознал, что в оных порох мечется, потому что ни одной взорвания не учинилось, но препятствия в том метани учинить не мог.

Июня 12. Находившиеся в осаде в Полтавской крепости к реке Ворскле начали работою батарею, на которых неприятель из апрошей выслал 300 человек для препятствия дела оной батареи. По вступлении в бой неприятель, видя многих побиваемых и свое изнеможение, возвратился в апроши. Неприятелей на сем сражении побито 75; от войска царского величества убито 5 человек.

Июня 16. Царское величество изволил иметь военный совет, на котором предложено перейти через реку Ворсклу со всею армиею и иметь генеральную баталию, потому что апроши до города вести для топких и болотистых мест невозможно, и неприятель своею поперешною линиею не допустит. По тому совету его царское величество повелел генералу Галарту с 12-ю пехотными, а генералу лейтенанту Рене с конными 12-ю и 3-мя пехотными полками 17 июня переправиться чрез реку Ворсклу, и первому стать левее от Полтавы, у лесу против неприятельских редут, а другому стать направе и учинить транжаменты.

Июня 17. Войска его царского величества генерал Галарт с 12-ю пехоти. и генерал-лейтенант Рен с 12-ю конными и 3-мя пехотными полками к реке Ворскле пришли, при которой стояли неприятельские конные и пешие полки, и не допущали до переправы через оную реку. Пехотными командовал генерал мазор Лагеркрон, а конными мазор Гамелтон.

Реченные генералы с войсками царского величества при присутствии царского величества, несмотря ни на какие неприятельские сопротивления, перешед чрез реку Ворсклу, конные против конных учинили несколько залпов. И как сказано ружье по погонам вынимай палаши, то точас неприятель в бегство обратился.

Пехотные полки по переправе чрез Ворсклу становились в ордер де баталии, неприятель бью не дал и от реки пошел на убег.

Войско царского величества, пришед на показанные места, начали делать транжаменты. Неприятель паки с немалым числом конницы и пехоты приступил в том намерении, чтоб с оных мест сбить и дело транжаментов воспрепятствовать, но от войска царскаго величества с великим уроном прогнан.

Того дня при переправе реки Ворсклы при приходе к делу транжаментов сочтено побиенных 391; с стороны царского величества убитых 68, ранено 32 человека.

Июня 18. Король Карл с фельдмаршалом князем Реиншильдом и генералитетом и с несколькими человеками конными деланные тражаменты войска царского величества осматривал, и видев оные в отделке и в них многое число войска царского величества, говаривал Рейшильду: «От Шлезии, Саксонии и Польши, как от стад скотских, питалась моя армия млеком и мясом и довольствовалась кожами и делала, что хотела. Королевства Пруское и Дацкое нечто противное предпринять дерзнули, и вся Европа от оружия войска моего устрашилась. Ныне вижу войск московских силу и, что хотят, то делают, а удержать и воспрепятствовать их намерениям армия моя не в состоянии, ибо не токмо чрез толь трудную переправу перешел неприятель, но он же и победу одержал».

Июня 19. Царское величество с генералом князем Меншиковым и с лейб эскадроном изволил перейти Ворсклу и прибыть в транжаменты генералов Галарта и генерал лейтенанта Рене и персонально их и все войско их, обретающееся при них, благодарил за доброй поступок и труд, что они по указу в добром порядке и регуле перешли переправу, и неприятеля сбив с поля, на показанных местах стали и транжаменты учинили.

Того ж числа царское величество изволил послать статьи к послу своему, обретающемуся при дворе королевского величества дацкого, князь Василью Долгорукову, для подачи его королевскому величеству дацкому, о утверждении мира с его царским величеством и о начатии войны его королевским величеством с шведскою короною, обещая помогать его королевскому величеству дацкому на содержание той войны по миллиону на каждый год, доколе война будет продолжаться.

Июня 20. Царское величество с армиею изволил перейти чрез реку Ворсклу и стать розстоянием за версту от неприятельской армии.

Июня 21. Подведенные под Полтаву два подкопа усмотрены и из камор оных бочки с порохом выбраны, осажденные были в готовности и ожидали повсечасно приступа. В третьем часу пополудни зажгли неприятели подкопные рукава и по зажжении с 3000 пехоты спешно бежали к Полтавской крепости в том намерении, чтоб по взорвании чрез полые места вбежать в Полтаву. Когда приближались к стенам Полтавским, а подкопов ни одного не взорвало, то не имея при себе лесниц, ничего для своего спасения не изобрели другаго, кроме того, что бегством спасать живот, коих на побеге из мелкаго ружья и из пушек картечами, а потом и ядрами трактовали.

С другой стороны города Полтавы бывшей неприятель в шанцах начал было штурмовать сильным образом, но увидев своих, от города возвратившихся, приступ оставили и отошел в апроши. В обоих местах сочтено неприятельских трупов 207 человек, и многие ранены; с стороны царскаго величества убито 24, ранено 37 чел. Того же числа с начала вечера неприятель учинил к Полтаве приступ

тремя тысячами человек, которым от самаго короля изустно сказано, чтоб не взяв Полтавы не возвращалися. Оной приступ продолжался чрез всю ночь, неприятель два раза на вал всходил, и сбиван с великим уроном, которому прислан был сикурс до 500 человек, но как день настал, то приступные вкопалися в вал и проходили сапами; на оных выслано из города до 500 человек мушкетеров, которые до 80 человек побили, а прочие бегством спаслися. На тех приступах на валу и около валу и в прочих местах неприятельских мертвых тел до 500 лежало; с стороны царскаго величества убито 192, ранено 191.

Июня 22. С самаго вечера к городу Полтавы учинен приступ от всех сторон, и чрез всю ночь был штурм, во многих местах неприятель на вал всходил, но комендант показал несказанную храбрость, ибо он сам во всех нужных местах присутствовал и сикурсировал. И сей жестокий приступ продолжался до втораго часа пополуночи; во 2-м часу пополуночи неприятель получил многолюдный сикурс, и потом начался паки штурм преужасный. Жители полтавские все были на валу; жены, хотя и не были на валу в огне, токмо приносили каменья и прочее.

Весь вал кровью был облит и мертвых тел наполнен, в таком жестоком огне бились до четвертаго часу пополуночи. В исходе четвертаго часу неприятель от штурма отбит и из шанец выбит, причем сочтено мертвых неприятельских тел 1676. От войска царскаго величества и граждан убито 272, ранено 603.

Видев неприятель, что войско царскаго величества в близости находится и намерено иметь баталию близкаго ради расстояния, имел немалой страх, чтоб нечаяннаго нападения не учинено было, а притом ведал неприятель, что послан царского величества указ и хану Аюке о бытии с сорокью тысячами калмыков в немедленном времени. Но хотя и повсечасно опасался их приходу и нападения, токмо от Полтавы отступить не хотел. А того ради велел фельдмаршалу своему Рейншильду писать к фельдмаршалу войск царского величества (графу) Шереметеву, дабы назначен был день генеральной баталии.

Фельдмаршал Шереметев по указу его царскаго величества с фельдмаршалом Рейншильдом 29-е число июня, то есть на день верховных апостол Петра и Павла, согласно назначили быть генералной баталии, и утвердили за поролем военным, чтоб до онаго сроку никаких поисков чрез партии и подъезды внезапными набегам от обоих армий не чинить.

Июня 24. Царскаго величества достальная армия чрез реку Ворсклу прешла и в четверти мили от неприятельского лагеря учиня транжамент, повелел стать, где по указу его царскаго величества делали транжамент, которой в следущею ночь окончен. Кавалерия царскаго величества стала между транжамента и лесу; и около того места с обоих сторон был лес и болота. Его царское величество указал от лесу до лесу сделать шесть редутов, которые осаждены людьми под командою бригадира Айгустова, и поставлена артилерия. Тогда был военной совет о назначении места генеральной баталии. Войско его царскаго величества стояло близь Ворсклы, а предложено быть баталии на полях полтавских и о том учинить согласие фельмаршалу Шереметеву с фельдмаршалом Рейншильдом.

Июня 25. Царское величество изволил осматривать неприятельской лагерь, и назначил от попершой линии 6 редутов в линию к неприятелю сделать 4 редута,

дабы неприятель нечаянно не мог учинить нападение, а ежели б похотел, то б попершой линии редутов без великой трудности пройти не возмог, а место попершой линии между лесами и болотами положение имело не весьма пространное; итак четырмя реченными редутами может разрезана быть неприятельская линия в обе стороны. И тогда дня два редута работою начаты, и в ночь отделаны, и людьми и артилериею осаждены, и поручены реченному ж брегадиру Айгустову в команду.

Того ж числа изволил смотреть 24 полка конные и вручить в главную команду от кавалерии генералу князь Александру Данилову сыну Меншикову, придав к нему двух генералов лейтенантов Боура и Рене и несколько генералов маэров и брегодиров, а во время баталии указал стать оным конным полкам на обеих крылах инфантерии изволил дать план.

Потом изволил пересмотреть артилерию, и учинив престойныя учреждения, вручил генералу лейтенанту от артилерии Брюсу и дал план о постановлении артилерии во время баталии.

По захождении солнца изволил иметь военной совет и расписать инфантерию по дивизиям, как стать во время баталии, и учинил план и назначил места артилерии.

Июня 26. В первых часах ночи Семеновскаго полку унтер-офицер, изменив, уехал к шведскому королю и говорил, чтоб в предбудущую ночь, то есть на 27 число, учинил нападение на войско царскаго величества и тем принудил к баталии, доколе не придет хан Аюка с 40 000 калмыков, а калмыки будут 28 числа. От царскаго величества послан указ, чтоб всячески от него, короля, приход свой скрывали и тайно пройти старались, а когда придут калмыки, то до генералной баталии не допустят и всю армию его королевскую могут по рукам разобрать. Как король Карл услышал о войске калмыцком, весь изменился и пришел в великую робость и ходил до полутора часа безгласен в размышлении, оттого наипаче в ноге болезнь умножилась. Реченной изменник говорил королю о одержании победы над войсками царскаго величества образом таковым, что в войске царскаго величества имеется полк новобранной, на котором мундир простаго серого сукна, которой в баталиях еще не бывал, чтоб поставить лучшаго войска весма густо и на оной полк учинить сильное нападение и разорвав линию, полки того крыла отрезать, и таким образом может привесть всю армию в робость и получить викторию; а от гвардии Преображенскаго и Семеновскаго, також и от Ингермонландскаго и Астраханскаго полков имел бы опасение, ибо оные полки мест не уступят.

Король, обратясь, просил фельдмаршала и генералитет завтрашнего числа, то есть 27 июня, в шатры царя московскаго на обед, и приказал фельдмаршалу Рейнширту, чтоб с начала ночи против 27 числа войско было в строю во всякой готовности к баталии. Фельдмаршал Рейншилд начал было предлагать, что баталии назначено число 29-е, король затряс головою и дал знать, чтоб о том не говорил.

Царское величество пополуночи в 5-м часу изволил прибыть к фельдмаршалу Шереметеву, где его царскому величеству репортовано, что от гвардии Семеновского полку ундер-офицер изменил и уехал в войско к шведскому королю. Тогда царское величество по остроте ума своего изволил дознать, что оной

изменник королю будет предлагать о разорвании линии чрез новонаборной полк, и повелел с пехотного Новгородского полку снять мундиры и надеть на новонабранной Апраксин полк, а новонабранного полку серой мундир простаго сукна надеть на Новгородской пехотный полк, и тако острозрительным своим разумом предусмотрел будущее и прехитрил навет противных.

И того ж утра был военный совет, на котором многое изволил отменить и учинить план за подписанием собственной руки.

По полудни в первом часу изволил смотреть пехотные полки и расписывать по дивизиям, из которых первую царское величество своею персоною изволил принять в правление, а протчия разделил по генералитету. Фельдмаршал и генералитет просили его царское величество, чтоб в баталию не приобщался, на что изволил сказать, чтоб о том более ему не говорили; всю инфантерию изволил вручить генералу фельдмаршалу Шереметеву, и повелел оной стать в линию и артилерию по местам поставить.

По расположении полков изволил прибыть пред гвардиею и повелел быть пред себя штаб и обер офицерам, и потом сняв шпагу, едва не со слезами изволил говорить. «Самовидцы вы коликие, храмы Божии неприятели наши в стойла конские обратили, олтари осквернили, святыню, на которую и зрети не достойны, зверски ногами попирают, образами святыми ругаются, посмеваются истинной вере и закону; не могу боле терпети толикаго уничтожения святой веры, но желаю паче умереть, нежели синцевое зло видеть; прошу вас, прехрабрые мои воины, мужайтеся, яко добрые и христолюбивые воины, знайте, что Господь крепок во брани и праведное оружие сильною своею мышцею подкрепляет, помощник вам и есть и будет, но видя меня купно с вами на раны и на смерть готова, дерзайте за истинну веру, матерь церковь и любезное отечество, и за жизнь вашу, други мои. Отечество, за которое ныне кров проливать и полагать наши души готовимся, дано мне от Бога на сохранение, а не для расхищения противным; того ради повершайте богоугодной сей подвиг, в котором вам предки наши благочестиве князи российские, Владимир, Борис и Глеб и Александр и прочие святые своими молитвами помощники будут». Таковое увещание повелел чинить и во всех ротах.

Когда изволил приехать пред дивизию генерала лейтенанта князя Голицына, то призвав такожде штаб и обер офицеров, изволил говорить и увещать и иметь упование на Бога, яко с нами есть и будет, то сим щитом веры имате угасить силу огненную и притупить острие противных оружие, возможете от немощи, будете крепки во брани и обратите в бегство полки чуждых, сим щитом веры заградите уста северных львов и челюсти их на нас отверстые расторгните. Вместе бо, яко верующим вся возможна. Потом изволил просить о добром подвиге, каков подлежит явить добрым и благочестивым воинам за благочестие и веру за матерь церковь и за целость отечества. Сверх того упоминал о суетном кичении неприятельском, что уже в Москву войску своему и квартиры расписал, и генерал маеора Шпара в Москву пожаловал генерал губернатором, и государство Российское похваляется разделить на малые княжества, наконец подтвердил свой приказ, бывшей при Левенгаубтской баталии, которые на бою уступят место неприятелю, почтутся за нечестных и в числе людей счисляемы не будут и таковых в кампании не принимать и гнушаться их браку. Оной приказ повелел объявить при

пороле в полках и просил штаб офицеров, чтоб увещевали обер и ундер офицеров и солдат к доброму отпору неприятеля.

Реченной генерал лейтенант князь Голицын, слышав сие великаго государя увещание, говорил: «Великодержавный государь царь и великий князь Петр Алексеевич! Ваше царское величество изволил труд наш и верность и храбрость добрых солдат видеть на Левенгаубтской баталии; чрез целый день в огне стояли с неприятелем, токмо шереног не помешали и места неприятелю не уступили, четыре раза от пальбы с неприятелем ружье разгоралось, что действовать и в руках держать было невозможно, четыре раза сумы и пазухи и карманы патронами наполняли, позади фрунтов, от падших пуль едва видима была земля; ныне войско то ж, и мы рабы твои те ж уповаем таков же иметь подвиг». Великий государь, уклоня шпагою, изволил сказать, уповаю, и отъехал к дивизии генерала Галарта.

По прибытии к дивизии Галартовой, повелел призвать полковников от полков и изволил говорить: «Король Карл и самозванец Лещинской привлекли к воле своей вора изменника второго иуду гетмана Мазепу, которые клятвами обязались между собою отторгнуть от России народы малороссийские и учинить княжество особое под властию его вора и изменника Мазепы, в котором ему быть великим князем и иметь у себя во владении казаков донских и запорожских, и Волынь, и все роды казацкие, которые на сей стороне Волги; таковою тщетною надеждою льстясь, сей вор изменник уповал на помощь оным обещателям своим собрать малороссийского и казацкого войска до дву сот тысяч и сверх того просил у султана турецкого в помощь дву сот тысячь, обещая платить ему повсякгодно по милиону монеты. Такожде просил о помощи хана крымского и Буджацкую орду, обещая знатную сумму денег и равномерным числом помочи служить для исполнения сего зломышленного дела, призвал шведского короля с пятьюдесятью тысячами, и Лещинского с двадцатью пятью тысячами в Малороссию, но помощию Божиею казацкие народы и малороссийские противные нам смиренны и в верности при нас состоят. Войско короля шведскаго чрез баталии и партии и чрез лютость мороза прошедшей зимы умалилось до шестнадцати тысяч. Лещинского войска разбито и разогнано, султан от помощи отказал и крепкими указами крымскому хану и ордам Буджацкой орде подтвердил о недаче помочи изменнику Мазепе и Лещинскому, и о содержании мира с нами ненарушимо, итак ныне шведскаго войска при короле Карле токмо тридцать четыре полка, но и те весма от войск наших утружденные. Прошу добраго вашего подвига, дабы неприятель не исполнил воли своей и не отторгнул бы толь великознатного малороссийского народа от державы нашей, что может быть началом всех наших неблагополучий»; потом просил о добром отпоре неприятелю штаб офицеров, чтоб они увещевали обер офицеров и урядников и рядовых к доброму отпору против неприятеля.

Июня 27. Во втором часу пополуночи шведский король из транжамента армию свою вывел, а за раною на ноге верхом на лошади сидеть ему было невозможно. Того ради сидел на уготованной качалке, которую возили две лошади, имея в руках обнаженную шпагу.

По выступлении неприятельской армии из транжемента без всякого умидления ковалерии генерал князь Меншиков послал к его царскому величеству и к

фельдмаршалу Шереметеву с известием, что шведский король со всею своею армиею идет, а сам, построя конные 24 полка, пошел против неприятеля.

В начале третьего часа пополуночи ковалерия царскаго величества вступила с неприятелем в бой, и несколько раз неприятельскую конницу с поля боя сбивала, но оную сикурсировала инфантерия, а також два чрез целый час кавалериею его царскаго величества препятствован ход всей неприятельской армии.

В 4-м часу послан от его царскаго величества генерал-адъютант к реченному генералу от кавалерии князю Меншикову, дабы конные полки от батареи отвел и стал бы от ретранжамента его царского величества влеве, а от горы вправе.

Генерал князь Меншиков чрез присланного генерал-адъютанта доносил царскому величеству, что в войске его царского величества упадок весма малой, а неприятельской многочислен, и когда б не сикурсовала кавалерию неприятельскую их инфантерия, то вся б неприятельская кавалерия, от кавалерии его царскаго величества была порублена, а отвесть кавалерии невозможно, что и дальнее расстояние фрунт от фрунта бывает до сорока сажен, и ежели сказать направо кругом, то тем придется дерзости неприятелю, и неприятель может за хребтами следовать, а во оном случае и справиться будет невозможно. И того ради просил его царское величество, чтоб изволил прислать в сикурс несколько полков пехотных. Таким образом по прошествии неприятеля к редутам средней линии удобнее можно удержать и далее не пропустить.

В 5-ом часу неприятель пришел на первые два редута, которые в ту ночь зачаты делать и еще были не окончаны, со многою трудностию и с немалым упадком войск своих оными двумя редутами овладел; видел неприятель достальные два редута в линию к армии его построенные и к проходу войск его одною стороною трудны и неудобны, потому что место не пространное и те редуты придут на самую середину линии его, и могут разделить армию его надвое, трудился оным дву редутами овладеть, но как увидел в войске своем немалой упадок, повелел отступить и приказал весьма тесно сомнутся армии в том намерении, чтоб пройти одною стороною; и как пошел, то оные два редута отрезали от линии его шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов кавалерии, которые для того принуждены были уступить в лес.

Во время одного прохода кавалерия его царского величества с неприятельскою кавалериею на палашах рубились и, въехав в неприятелскую линию, 14 штандартов и знамен взяли, причем ранен генерал лейтенант Рен, а под генералом князем Меншиковым ранены две лошади. От его царского величества вторично прислан был генерал-адъютант к реченному генералу князю Меншикову, чтоб с кавалериею отступил и стал на показанном месте.

Генерал князь Меншиков со оным генералом адъютантом взятые штандарты и знамена отослал его царскому величеству и всепокорнейше чрез реченного генерал адъютанта доносил, что неприятель и достальными редутами овладеет, ежели с кавалериею отступить и оставить редуты без сикурсу, а при сикурсе ковалерии того учинить и поперешной линии шти редутов пройти не возможет. В 6-м часу неприятельская вся армия была уже близь шести редутов поперешной линии, и того часа от его царского величества дан был указ реченному генералу князю Меншикову, чтоб с генералами лейтенантами Гескиным и Ренцелем и с пятью полками конными и с пятью батальонами пехоты шел на вышеупомянутые

шесть баталионов и несколько эскадронов конницы, которые отрезаны от главной неприятельской армии чрез редуты и стоя в лесу, а генерал лейтенанту Боуру с кавалериею уступить от неприятеля и стать в праве от транжамента, чтоб гора была во фланге, а не сзади.

Генерал князь Меншиков с генералами лейтенантами Гескиным и Ренцелем и с пятью конными полками и с пятью баталионами пехоты на вышеупомянутые неприятельские шесть баталионов и несколько эскадронов конных, стоящих в лесу, пришел, которые на дискрецию царскому величеству не здались и ружья положить не хотели. По сильном супротивлении 6 баталионов по жестоком бою все побиты; конные три полка напав на конницу порубили, причем командующий генерал маэор Шлипембах в полон взят, а генерал маэор Розен с конным и одним эскадроном ушел в апроши, которые были у Полтавы; за оным следовал в погоню генерал лейтенант Ренцель, приступая к апрошам, послал барабанщика, чтоб здались, но ушедшие в апроши просили времени не больше получаса; времени им было не дано, после чего оной генерал-маэор Розен со всеми при нем бывшими, из транжамента вышед, ружье положил и на дискрецию его царскому величеству здался.

По отступлении кавалерии от поперешной линии редутов неприятель всеми силами на оставшие 8 редутов наступал, хотя овладеть, но с великим уроном отбит и со многою трудностию поперешную линию редутов прошел и следовал за генералом лейтенантом Боуром. Как поровнялись неприятель против ретражамента царскаго величества и крыло его армии было в близости транжамента, из транжамента царского величества из пушек картечами и ядрами произвожена была сильная пальба, и неприятель, увидев великий упадок в войске, удержал гоньбу за Боуром и отошед в лаговину, далее выстрела полковой пушки остановился.

Сии действа войска царскаго величества кавалерии были до генеральной баталии.

О генеральной баталии

Царское величество, получа известие от генерала князя Меншикова, что шведский король со всей армией идет, и заченающаяся у кавалерии баталия была слышна, изволил стать на колени пред образом Спаса Нерукотворного образа животворящего древа Креста Господня, и изволили взять от образа животворящий крест и, знаменовавшись, целовал и возложил на себя, говоря: «Ты мне щит, и шлем, и непобедимое оружие на враги, на тебя единого упование мое», и с великим излиянием слез изволили говорить: «Суди Господи обидящим меня, побори борющих меня, прими оружие и щит и восстань в помощь мою» и по том: «Заступница христиан непостыдная» и прочие молитвы. Также приносил моление благочестивым князьям российским сродникам своим, да помоществуют святыми своими молитвами. Фельдмаршал Шереметьев и весь генералитет пехотных полков вошли в шатер к его царскому величеству; великий государь изволил говорить фельдмаршалу о вероломстве и о несдержании пароля короля шведского, что назначен был день генеральной баталии и от обоих сторон тако было соглашение за паролем, потом изволил сказать: «На зачинающего Бог» и повелел, чтобы все шли к врученным им командам и ожидали указу, а сам его

величество, выступя из шатра, сел на лошадь имянуемую Лизет, и выехал из транжемента, и уже в то время в великом огне кавалерия его величества с неприятельскою кавалериею и инфантериею обреталась.

Великий государь, подняв руки к небу, изволил говорить: «Суди Господи и разсуди прю мою от человеца неправедна и льстива и избави мя», окончив изволил въехать в транжемент, а инфантерия тогда стояла, вся под ружьем во всякой исправности.

Великий государь изволил осмотреть все пехотные полки и артиллерию и изволил говорить генералу-фельдмаршалу графу Шереметьеву: «По известиям ведомо, что при неприятеле находится только 34 полка, а корпус его состоит в 47 полках; и ежели вывесть все полки, то неприятель увидит великое излишество и в бой не вступит, но пойдет на убег; того ради подлежит умалить число полков», и указал оставить в транжементе полки гренадерский, Лефортовский, Ренцелев, Троицкий, Ростовский, Апраксин да три батальона послать к монастырю для коммуникации с Полтавою, но как в реченных полках объявлено остатся в транжементе, а его царское величество изволил проезжать и осматривать полки, тогда тех полков от солдат прошен, чтоб пожаловал повелеть им выйти и быть в баталии. Великий государь благодарил за такую верность и изволил говорить: «Неприятель стоит близ лесу и уже в великом страхе, ежели вывесть все полки, то не даст бою и уйдет, того ради надлежит и из прочих полков учинить убавку, дабы через оное умаление привлечь неприятеля к баталии». Солдаты в слезах едва говорить могли: «Коликие труды и тяготы несли, ожидая сего дня, ныне остаемся в транжементе». Великий государь изволил сказать: «Молите Бога о победе: с бывшими равною милостию будете пожалованы».

В исходе 6-го часа повелел из транжемента выводить пехотные полки и при выходе указал кропить святою водою, которая тогда была освящена.

В половине 7-го часа полки стали в ордер баталии и были во всякой исправности: первые батальоны стали в первой линии, а вторые батальоны во второй линии [...] вышепоказанный изменник урядник Семеновского полку указывал королю через трубу полки гвардии и говорил, что не все полки пехотные выведены, а Новгродский пехотный полк, на котором был надет мундир серого сукна, называл новонабранным.

Король самым лучшим пехотным двум батальонам повелел сомкнуться так плотно, чтоб могли уровняться с одним батальоном обмундированных в серые мундиры, и приказал, чтоб по сбитии оного отрезать левое крыло от главной линии.

В начале 7-го часа по указу царского величества от кавалерии генерал князь Меншиков с шестью драгунскими полками стал на левом крыле против правого неприятельского крыла, а генерал-лейтенант Боур с 18-ю драгунскими полками стал на правом крыле инфантерии; и оная линия пред неприятельскою была больше шестью полками.

Неприятель стоял в ложбине у леса без действия.

Царское величество повелел фельдмаршалу из правого крыла вывести из линии драгунских 6-ть полков и с генерал-майором Волконским идти к гетману Скоропадскому и, отойдя, остановиться и наблюдать неприятельские движения;

и ежели усмотрит, что неприятель, не дав бою, пойдет на уход к войску малороссийскому, обретающемуся при гетмане, чтоб ускорили в помощь к гетману Скоропадскому и генералу Долгорукову; а о вступлении в баталию ожидать указу.

Фельдмаршал царскому величеству предлагал, чтоб полкам из линии не выходить и умаления фронта не чинить, а учредить и с флангов на неприятельскую линию, царское величество фельдмаршалу изволил говорить: «Победа не от множественного числа войск, но от помощи Божей и мужества бывает; храброму и искусному вождю довольно и равного числа, смотря сколь регульное и исправное [...]».

Генерал от инфантерии князь Репнин согласуя фельдмаршалскому предложению, говорил, надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным. Великий государь изволил сказать: «Больше побеждает разум и искусство, нежели множество, а притом и неприятель более возымеет страх, видя не трубемое излишество, и воинство к ревности наипаче поощряется, познав от того доброе о себе мнение и надежду государя».

По выведении из линии шести полков драгунских и по отшествии в показанное место, неприятель видя уравнение линии полков из ложбины начал выступать. Царское величество изволил стать среди линии и, обратясь к войску, сказал: «За отечество принять смерть весьма похвально, (опасение?) смерти на бою – вещь всякой хулы достойна» и повелел армии следовать таким образом, чтоб генералитет и главные командиры до полковника следовали по порядку в своем чине; впереди изволил ехать его царское величество, по нем фельдмаршал Шереметьев, за фельдмаршалом генералы, за оными генерал-лейтенанты, а по них генерал-майоры и бригадиры, по том следовали полки линиею.

По приближении к неприятельской армии изволил остановиться и обратясь знаменовал оную шпагою крестообразно и притом изволил сказать: «Господин фельдмаршал, вручаю тебе мою армию; изволь командовать и ожидать приближения неприятеля на сем месте». По том, уклоня шпагою, изволил ехать к первой своей дивизии.

Фельдмаршал приказал генералам командовать своими генеральствами, и тако и до полковника приказ отдать.

В начале 9-го часа началась пушечная пальба ядрами, а потом картечами из батарей, которые были сделаны на новый манер. Как неприятель приближался и стал расстоянием с небольшим в 25 сажень в ордер баталии, то первый залп учинен от войск царского величества так сильно, что в неприятельском войске от падших тел на землю и ружья из рук убиенных громкий звук учинился, который внушал, якобы огромные здания рушились; чаятельно от того залпа урону неприятельского около пяти тысяч.

Потом учинен залп от стороны неприятельской, и тако обе армии залпы по залпу чинили, и пламя огненное всюду разливалось. Оные войска стояли, как неподвижные стены, во всякой исправности регула, и не слышно было никакого шума, кроме командующих повелений и того места колебаний. Учрежденный неприятельский полк шел наступательным боем и приближался с великим дерзновением на Новгородский пехотный полк наступил, и хотя первый батальон и мужественное чинил сопротивление, только против двойного числа устоять не мог,

и неприятель, сбив оный на штыках, сквозь прошел и старался отрезать левое крыло от главной линии.

Тогда его царское величество своею персонoю во время самого жестокого огня между первым и вторым батальонами изволил проехать и повелел второму батальону под предводительством своим сикурсировать первому; как второй батальон с неприятелем на штыках сразился, то сбитое первого батальона, которые остались от побиения, в присутствии его величества вскоре с примкнутыми штыками на неприятеля наступили и, поколов всех, в линию пока стали; и так среди самого фронта всей линии в наижесточайшем огне его царское величество изволил пристуствовать, пока не ввел в линию батальон, в которе время на голову его царского величества шведской пулей пробита шляпа; и оное присутствие царского величества столь великую пользу учинило, что во оном бы случае надлежало конечно чаять, что неприятель от левого крыла девять полков отрезал. Сего ради действия, его царское величество не послал никого из генералов, но собственною персоной, не щадя дражайшего своего здравия, в самую крепчайшую и, тако рещи, кипящую брань вступил, по истине ибо ни фельдмаршал, ни генерал не мог бы того исполнить, ибо неприятель уже первой батальон прошел и близко было, чтоб намерение его действием исполнилось. И того ради его царское величество своею персоною среди всего фронта, где повсюду пламя огненное зримо было и пуля как град летела, без малейшего страха обращался, ревнуя по благочестию и защищая живот подданных войск и целость отечественную; и кто же бы к таковому приближению смерти мог его царское величество понудить, кроме любви Божей, веры и отечества? И таковые ради его веры и подвига даровал Бог победу на противные, осенил Господь над главою его свыше и великие ради веры его, любви к Богу и его ради заслуг препоясал Бог немощныя свыше силою, ибо все счастье реченной баталии и победа от единого оного исправления зависела.

Тогда драгунские полки левого крыла с неприятелями драгунскими полками рубились на палашах, и тогда под генералом князем Меншиковым ранена третья лошадь, и по малым времени неприятельские конные полки правого крыла начали уступать; шведские генералы просили короля об отсутствии из смятной баталии, но он о том прежде не хотел и слышать, пока носилки, на которых сидел, несколько раз пушечным ядром были побиты и не упали с ним на землю, но потом склонился на прошение генералов своих, которые его на лошадь верхом посадили. Король еще не сел хорошенько на лошадь, как оная пулею убитая упала, и язва повредилась. Таковой ради болезни король пришел в беспамятство; того ради генералы посадили его в карету генерала Мардафелта, запряженную шестью парами лошадей, и с ним отправили драбантов, и когда король опамятовался, спросил, где граф Пипер и потребовал его к себе, но ему донесено, что граф Пипер остался в транжементе при Полтаве.

В полудесятом часу вся армия неприятельская с места сбита и к лесу прогнана; пехотные полки стали на местах своих в ордер баталии, и как оные драгунские еще гнались в след за неприятелем, и всюду слышен был гром оружия.

В то самое время часть конницы дерзновенно ворвалась в транжемент шведского короля, которой был сделан при Полтаве. Тогда граф Пипер хотел жечь письма кабинета королевского, но видя сильное дерзновение войск царского

величества, подвиги и вход в реченый транжемент, купно с тайным королевским секретарем Цыдергелмом и секретарем Дибеном из оного транжемента выехали. Как приехали к городу Полтаве, то Пипер объявил о себе, что первый министр королевский, чтоб был в крепость впущен; в транжементе взят весь кабинет королевский в целости и два миллиона ефимков саксонской монеты, да найдены носилки королевские, на которых король ездил во время баталии, разбиты пушечным ядром. По уведомлении о королевских разбитых носилках царское величество весьма сожалел о здравии королевском и, видев баталию окончен-ную, благополучно изволил прибыть перед первою своею дивизиею и, уклоня шпагою, изволил говорить: «Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленные и вожделенные, потами труда моего ради вас! И как телу без души, так и мне и государству без вас быть невозможно; вы особливую имеете любовь к славе Божей и благосостоянию Святых Божьих церквей и отечеству, за целость того живота не имеете хранить и на тысячу смертей готовы, каковового подвига и любви никто не может показать более; храбрые дела ваши вечно имуть меня ублажати». На сие генерал-лейтенант Голицын в кратких словах его царскому величеству отвечал: «Мужественною крепостью от Бога утвержденный благочестивый государь, кто тя достойно может ублажить похвалами, кто ли не имать повелений твоих усердно исполнять? В тебе утверждалось сердце наше; ты един шествуеши по Святым заповедям непорочно и остротою разума и храбростью и смыслом учения всех обогащаешь». Тогда видимы были пленные. Они, стада скотские, гнаны уже без всякого строю и учреждения; великий государь, указуя на оных шпагою, изволил говорить: «Те то ругатели и посмеятели истинного нашего благочестия и веры, сии то разорители и опустошители Церквей Божих и страшных и пречистых тайн уничтожители – сим воздал Бог мести по делам их, сии хвалящиеся низложить меня с престола, а вас едиными шомпулами из государства, как скот, изгнать ныне видите через помощь Божию и ваше острейшее оружие подленно стадами, яко скот, гонимых». Потом изволил учинить приказ, чтоб не допускали до фронта ставить по обычаю военному. В то же время перед его царское величество пленные шведские генерал-майоры Штакельберх и Гамельтон купно с штаб и обер офицерами представлены, которых его величество повелел отвести в транжемент.

Тогда приведен пред его царское величество принц Витенбургский, сродник королевский, и с ним некоторое число штаб и обер офицеров. Великий государь повелел в транжемент отвести, а шпаг снимать не указал.

Генерал от кавалерии князь Меншиков прибыл к его царскому величеству; великий государь изволил обнять и поцеловать его во главу и при том изволил милостиво похвалить отменный труд его от прочих.

Генерал князь Меншиков царскому величеству в кратких словах говорил речь следующую: «Аще бы мой сей вождь израильтянский не престал в молении перед Богом за согрешения Израиля, пожрала бы их земля; аще бы и не ты, благочестивый государь, предстал в самое лютейшее и погибельнейшое время, в которое неприятель Новгородского пехотного полку первый батальон сбил и уже начинал отрезать левое крыло от главной линии, на котором крыле он с 6-ю полками кавалерии находился, в оное самое лютое время огня к тому погибающему месту изволил прибыть и исправить, каковового дела кроме Бога и тебя, великого государя, никто б

мог исправить; сам Бог тебя, помазанника, на сие подвигнул и тобою спас люди своя, ибо ты за любовь Божию не сотворил милости с собою и не пощадил здравия веры ради твоей и молитв ради праведных сродников твоих, благословил Бог оружие твое и даровал тебе победу на враги твоя». По окончании того глагола уклонил шпагу и уклонясь до седла конского и мало умедля, лежал перед великим государем, потом, встав, рапортовал его царскому величеству, что неприятель разбит, и с поля сбит, и прогнан, и уже стати против войск его царского величества не в состоянии, и доносил, что генерал-фельдмаршал Реиншильд взят, между тем дал знать шпагою, чтоб фельдмаршал был введен: и того часа два вахмистра, держа в руках раздвоенный повод конского мунштука, перед ним ехали, за фельдмаршалом введены штаб и обер офицеры драгунских полков и около их следовала рота конная с обнаженными палашами, а перед фельдмаршалом Реиншильдом ехал ротмистр, а позади конвою поручик.

Царское величество благодарил князя Меншикова и повелел вести мимо его величества в транжемент, а шпаг снимать ни с единого не указал. После сего изволил спрашивать князя Меншикова о упадке конного войска, который его царскому величеству под клятвой доносил, что более пяти или шести сот упадку в кавалерии нет. Великий государь с просьбою изволил указать, чтоб он, князь Меншиков, приказал во всей коннице объявить именное его величества повеление, чтоб с великою прилежностью трудились искать короля шведского, обещая тому, кто найдет живого, пожалование ранга генеральского и сверх того награждение в сто тысяч рублей, кто ж и мертвое тело его найдет, оный высокою милостью пожалован и награжден будет знатною суммой денег. И генералу князю Меншикову повелел быть при его величестве.

Пленные, стоящие близ фронта, в числе которых многие были солдаты и драгуны с ружьем и на лошадях, по указу его царского величества разосланы по дивизиям.

Около всей Полтавы мили на три на всех полях и в лесах мертвые неприятельские тела лежали.

Для известия

Войска царского величества были в баталии только первые батальоны и один второй батальон Новгородского полка по исчислению 17 полков, то есть третья часть, которыми вся неприятельская армия сбита и опровергнута, а вторые батальоны, кроме Новгородского, и шесть полков пехотных, которые в транжементе, и три батальона посланные к Полтаве и шесть полков драгунских выведенных из линии, итого 30 полков в баталии не были.

Царское величество по осмотрении войска своего указал между линией перед фронтом поставить походную церковь и шатры свои царские и повелел готовить трапезы пространные.

В 1-м часу пополудни изволили быть в церкви и слушать благодарный молебен, и пели «Тебе Бога хвалим», причем производилась троекратная пальба из пушек и из мелкого оружия.

Из церкви прямо изволил приехать перед фронтом. Фельдмаршал Шереметев, отдав честь шпагою и обратясь к фронту, сказал: «Ружье на караул», и тогда во всей армии играла музыка и били по литаврам и барабанам, а когда ружье поставлено на караул, то уклонили знамена и весь генералитет штаб и обер офицеры

уклонением оружия, конные до седла, а пешие до земли, учинили поклонение и, став, держали ружье на карауле. Тогда фельдмаршал поздравлял царское величество счастливою победою над противным и благодарил его царское величество за защищение веры и отечества; о числе побитых и пленных шведов обстоятельно рапортовал его царскому величеству, что на месте Полтавской баталии и редутов сочтено побитых неприятельских тел 9334, кроме лежащих в разных местах по полям и лесам, в плен взяты первый министр королевской и тайной советник граф Пипер, тайный королевский секретарь Цыдергелм, кабинет секретарь Дибин, и весь кабинет королевский, и лагерь, и коммиссариат с большой королевской казною, также и генерал фельдмаршал Реиншильд, генерал-майоры Шлипембах, Розен, Штакельберг, и Гамильтон и принц Витенбергский, сродник короля Карла, да штаб и обер офицеров 186-ть, урядников и рядовых 2587 и двора королевского служителей, всего 2874; штандарт и знамен от кавалери 43, от инфантерии 93, в том числе шесть знамен лейб гвардии, а прочему за скоростию времени исчисления не учинено.

Во втором часу пополудни царское величество изволил прибыть в шатер свой царский, который пребагато был убран и пространством весьма велик, работы хинской и из богатых материй сделан. При вшествии от придворних его царского величества с великою радостию поздравлен.

Весь генералитет и штаб офицеры пришли в шатер, прочих же полков обер офицеры стали около шатра, а полы шатра были подобраны.

Великий государь повелел гвардии Преображенского полка гренадерской роте стать у шатра его царского величества на караул, а гренадерской роте Семеновского полку идти в транжементы для принятия пленных генералитета штаб и обер офицеров и приведение к шатру его царского величества, роте конной лейб регимента быть при шатре его царского величества в строю на лошадях, а из оной командированы два капрала с обер офицером для принятия в Полтаве и приведение к его царскому величеству первого королевского министра графа Пипера и при нем обретающихся, а церемония действа того поручена была от кавалерии генералу князю Меншикову.

Шести полкам, оставленным в транжементе, и шести конным, которые были выведены из линии, итого 12-ть полков, его царское величество повелел придти и стать во фронт для осторожности от неприятеля.

В третьем часу пополудни реченные пленные к шатру его царского величества приведены и о том того часу его царскому величеству от генерала князя Меншикова донесено, великий государь повелел ввести в шатер свой царский. Между тем как оные в шатер царского величества входили, его царское величество изволили иметь разговор с фельдмаршалом Шереметьевым.

По входе учинили его царскому величеству поклонение до земли, причем реченый генерал князь Меншиков пленным объявил, чтоб шпаги его царскому величеству, яко победителю, приносили. Первый граф Пипер, встав на колени и вынув шпагу, держал в руках; великий государь повелел принять генералу князю Меншикову. По нем фельдмаршал Реиншилд, став на колени и вынув шпагу, держал в обеих руках; великий государь повелел принять оному же князю Меншикову, который по повелению его царского величества принимал шпаги у всего генералитета и у князя Витенбергского, а от штаб и обер офицеров принимал генерал Аларт.

По отобрании шпаг его царское величество спрашивал фельдмаршала Реиншилда о здравии королевском, который его царскому величеству доносил, что король государь его за четверть часа прежде окончания баталии от повреждения раны в ноги в великой болезни изволил отбыть от армии, поруча оную в правление ему, фельдмаршалу.

Великий государь фельдмаршала Реиншилда за то его объявление о здравии королевского величества Карла пожаловал шпагою российскою.

В начале 4-го часа его царское величество пленному графу Пиперу и фельдмаршалу Реиншилду и всему генералитету, штаб и обер офицерам изволил говорить: «Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой король Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал, я его весьма ожидал и сердечно желал, чтоб он со мною в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволили пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать».

Потом изволил пожаловать фельдмаршала Шереметьева и генералитет и штаб и обер офицеров столом и указал обедать в шатрах его величества, и изволил идти в шатры столовые, которые были сделаны из богатой материи китайской и персидской работ, полы и земля усланы были коврами.

По вшествии пока от всех поздравлен благополучною викториею и реченными князем Меншиковым объявлено было графу Пиперу и генералу фельдмаршалу и генералитету, что его царское величество жалует их к руке. После всего все пленные и российский генералитет и штаб и обер офицеры целовали руку царского величества, потом великий государь изволил всех жаловать из своих рук приказною водкою и садился за столы. Во время обеда, как пили про здоровье его царского величества и высочайшую его царского величества фамилию и счастливое оружие, и тогда производилась пальба из пушек.

Фельдмаршал граф Реиншилд во время обеда имел раговор с фельдмаршалом графом Шереметьевым, в котором между прочим упоминали, что от него, Реиншилда, всегда государю его королю представляемо было о прекращении войны и утверждении с Россией вечного мира, и те его слова засвидетельствовал и королевский тайный советник граф Пипер, и ежели бы государь король изволил оные его представления принять за благо, то не дошла Швеция до толикого падения и разорения; повсечасно тщались взятое возвратить, но не возвратя вящее разорение наследовали.

Великий государь изволил сказать: «Мир мне паче всех побед любезнейше».

Сверх того в разговорах как Реиншилд, так и граф Пипер с фельдмаршалом Шереметьевым употребляли, что им не чаятельно было, чтоб столь регульное войско Россия имела, и не верили генерал-лейтенанту Левенгоубту, что Россия пред всеми имеет лучшее войско, но уповали такое, какое было при первом походе Нарвском или мало поисправнее того. Левенгоубт секретно им объявлял, что войско непреодолимое, ибо он через целый день непрерывный имел огонь, а из линии фронта не мог выбить, хотя ружье в огне сколько крат от многой пальбы разгоралось, так что невозможно было держать в руках, а позади фронтов не видима была земля за множеством падших пуль, но все то не за сущее, но в басне вменено было.

Фельдмаршал граф Шереметьев говорил, войско царского величества только первые батальоны, т. е. одна треть, была в баталии, а вторые вновь поставленные ни единого патрона не употребили.

Того ж числа царское величество повелел гвардии Семеновского полка полковнику князю Голицыну с гвардиею на лошадях верхом и генерал-лейтенанту Боуру с шестью драгунскими полками идти в погоню за ушедшим с бою неприятелем со всяким поспешением; и так оный сверхрадостный день, торжествами побед знаменитый, окончился.

Июня 28-го. Царское величество изволил иметь въезд в крепость Полтавскую. Пред городскими воротами встретили его царское величество комендант той крепости Келинг, и говорил речь следующую: «Вниди храбрейший Александра, милостивейший Веспасиана, премудрейший Соломона, благочестивый великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич! Мафусаиловых лет сжития и Августова обладательства от Бога тебе желаем».

Великий государь изволил сойти с лошади и целовал главу коменданта, изволил сказать: «Блаженная глава, совершавшая блаженный подвиг, и надежда моя о тебе не обманула меня».

Войска царского величества, бывшие в Полтавской крепости в осаде, стояли в строю и держали ружье на карауле, музыка в полках играла, знамена уклоняли до земли, со всей крепости учинен один залп из пушек.

По вшествии в собор великий государь изволил слушать благородного молебного пения, и указал во время чтения Святого Евангелия и выноса креста и при выходе из церкви со всей крепости учинить из пушек три залпа.

Комендант царскому величеству доносил, что пороху только полторы бочки и восемь ящиков с патронами.

Великий государь повелел полкам стать по стене городской и учинить три залпа, которые и учинены.

По выходе из церкви великий государь изволил осматривать всю крепость и притом усмотрел, что земляной вал едва не весь сапами был прокопан и часть городской крепости из разломенных хоромных бревен палисадом была отгорожена. О сей отгородок комендант его царскому величеству доносил, что неприятель четыре раза через вал в оном месте в крепость врывался, потому что вал весьма низок и с великою трудностию едва был выбит, приступы были весьма жестокие, войска пехотного введено было в Полтавскую крепость три полка, в которых было 4182 человека, в сикурс с Головиным прибыло 900, да жителей городских набрано было и вооружено 2600, пушкарей было 91, итого 7773 человека; из того числа ныне на лицо здоровых 4944, раненых и больных 1195, итого на лицо 63 (?) побито и померло во время двухмесячной осады 1634 человека. На приступе неприятелей побито более пяти тысяч человек. Во время атаки Полтавской крепости усмотрены и вынуты 7 подкопов, а заправляли пушки обломками железными и каменьем, потому что ядер и картечи давно не имели. Великий государь изволил ходить под крепостным валом и видев все валы крепости облиты кровью и едва не все прорыты сапами, такому мужественному и крепкому терпению и труду зело удивлялся и притом милостивно изволил похвалять их службы, что его царскому величеству не только видеть такую крепкую осаду, но и читать и слышать нигде не случалось. Сего ради коменданта всемилостивейше пожаловал

повышение по чину, и золотою монетою, и суммою денег весьма не малою, штаб и обер офицеров медалями золотыми, а унтер офицеров и рядовых монетами серебрянными и не взачет годовым жалованьем.

Того ж числа приехал в Полтавскую крепость генерал-майор Мардафельт под видом, яко бы для отдания комплимента и поздравления царскому величеству от короля Карла, не имея о той посылке никакого письменного свидетельства; того ради арестован по той вине, что он взят был при Калишевской баталии в полон и получил себе увольнение под обязательством таким, чтоб из Стокгольма освободить из плена генерала российского, а генерал российский из плену против его был не выпущен, и за то оставлен он был по прежнему в плену.

[...]

От обоих армий была соглашенность под военным паролем, точию шведский король не содержал пароля, в ночи на 27-е число нечаянно со всею армиею учинил нападение и тем уповал одержать победу. Но на правосудие Божие за клятвопреступление воздало мзду достойную, видите покровенные поля мертвыми телами неприятельскими, а король сам с половиною армии ушел с баталии. Начальнейшие мурзы калмыцкие драли на себе волосы, грызли пальцы, скрежетали зубами, били в грудь и говорили, когда б они были во время баталии, то б не ушел нежели король, но не единый человек, но все бы были порублены или связанные на арканах приведены.

Потом спрашивали, коликое число от войска царского величества в той баталии побито; фельдмаршал сказал, побито от войска царского величества 1346-ть. Калмыки говорили, напрасно эти головы пропали, они б, не допустя неприятеля до войск царского величества, по рукам разобрали; оное калмыцкое войско было самое лучшее выборное и доброконное и поистине не мог бы не един из неприятелей от них бегством спастись.

Фельдмаршал обещал того ж часа о их приходе донести царскому величеству.

По полудни в 6-м часу фельдмаршал Шереметьев царскому величеству о прибытии калмыцкого войска донес.

Его царское величество указал начальным людям, которые были у него, фельдмаршала, быть к штату его царского величества, чего ради от фельмаршала послан адъютант, который их привел, и поставя сажень за сто, велел сойти с лошадей и привел пеших к шатру царского величества, после чего, по докладу фельдмаршалскому, введены в шатер царского величества. Калмыки, великого государя увидев, учинили три земные поклонения и, став на колени, говорили поздравления на своем языке.

Великий государь благодарил за приезд на указанной срок, калмыки, кланяясь великому государю, говорили, что приезд их бесполезный, и не что полезное могут его величеству сделать.

Великий государь изволил им сказать, что его царское величество тою их службою, что на указанный срок приехали, доволен и жалует из своим царским жалованьем 120 000 рублев. Калмыки, став на колени, паки благодарили его царское величество и притом просили его царское величество, чтоб пожаловал персонально их войско и военное их искусство изволил видеть. Великий государь объявил, что завтрешнего числа его царского величества тезоименинство; мурзы

и все начальные люди поздравляли царское величество, кланялись в землю и, став на колени, поздравляли долгим веком и благополучным царствованием. Великий государь пожаловал их руки и изволил сказать, чтоб они, мурзы и все начальные люди, были в шатры его царского величества завтра на обеде, которые паки чинили три земные поклонения, потом из шатра царского величества вышли и приехав в войско милость и жалованье царского величества всем объявили, и радость во всем их войске была чинена по их обычаю через всю ночь.

Того ж числа его царское величество повелел тела побиенных российского войска собрать и положить в един курган, и всей армии стать в круг оного кургана, и от всех полков быть священникам для отпевания убиенных. Во время отпевания великий государь в горьком рыдании и слезах пребыл и изволил говорить: «О благочестивые воины во благочестии сущие, за благочестие побиенные, всем яко имати дерзновение у Бога молитвами своими помоществуете мне на враги, которые тщатся и истинное благочестие наше истребить и храмы Божии с землею сравнять». По отпении изволил учинить троекратное поклонение и при том изволил сказать: «Никто не может более, как сии, несли тяготу дневную и нощную за любовь Божию, матерь церковь, и целость Отечества, и за него, великого государя, положили ж души свои, и кровью венчалися, и подвиги страдальческие явили». Потом, взяв лопату, первые своими руками начал прикрывать тела землею с многим лиянием слез, и тогда вся армия учинила из ружья три залпа и музыка играла на погребение. По обратии кургана изволил поставить крест с надписанием года, месяца и числа: «Воины благочестивые за благочестие кровью венчавшиеся, память повсегодно будет на сем месте совершаема июня 27-го дня». Потом изволил повелеть собрать побиенные неприятельские тела и предать погребению, по достоверному исчислению побиенных 13281-н собрано, бывшие в плену пасторы по указу царского величества уволены для отпевания и погребения.

Жителям полтавским и народам малороссийским, в близости обретающимся, повелено собрать побиенных лошадей и обрыть землю, дабы от духоты не воспоследовало бы какое зло.

С 28-го на 29-е число в ночь все полтавские поля очищены.

С начала вечера во всех полковых церквах было всенощное бдение и молебные пения с преклонением колен о здравии великого государя.

Того ж числа пригнаны 1000 волов к армии его величества, которые взяты у неприятеля под Соколками июня 8-го числа, а достальные 400 отданы на четыре драгунские и на один пехотный полк и на малороссийское войско, обретающееся при гетмане Скоропадском, и на войско волохов, которые обретались в службе.

Июня 29-го. Войско царского величества стояло в параде, фельдмаршал и генералитет и штаб офицеры от всех полков были в походной церкви на всенощном бдении и поздравляли его царское величество долгим веком и благополучным царствованием. По отпуске заутрени царское величество изволил придти в шатер часу в 8-м по полуночи, куда от всех полков приходила музыка для поздравления его царского величества, которым пожаловал сумму денег не малую.

В 10-м часу генералитет и штаб офицеры от полков приходили для поклонения и поздравления царского величества, такожде позволено было и пленным шведским генералитету штаб и обер офицерам для поклонения иметь приход

пред его царское величество, которые, пришед в шатер, говорили поздравления. Великий государь жаловал к руке и изволил всех просить в шатры свои обедать.

Российский генералитет был в пребогатом мундире, всюду видимо было золото и серебро, а конных полков на всех офицерах был мундир богатый и множество ради золотых и серебряных позументов мало где сукно виделось, такожде и всех армейских полков штаб и обер офицеры были в богатом мундире. Того ж часу вся армия четвероугольно около шатров царского величества стала по Божественной Литургии; когда пето Благодарное молебное пение о здравии великого государя, тогда от всех полков учинены три великие залпы из ружья и три из пушек. Царское величество по Божественной Литургии изволил придти в шатер свой царский и весь генералитет штаб и обер офицеры войска его величества и пленные его царскому величеству чинили поздравление.

Тогда в шатер царского величества вошли калмыцкого войска знатные мурзы и начальные люди 150 человек, а прочие стали около шатра. Народ был весьма крупный и здоровый, а мундир на них был особого рода; оные, став на колени, поздравляли царское величество, да даруй Бог тысячу лет здоровья и вышнею власть сего мира и всегдашними благополучиями и победами на противных благословит.

Шведские пленные видению оного народа весьма удивлялись и спрашивали, какой сей народ и войско, и говорили, что они дотоле таковых не видали.

Генерал князь Меншиков говорил, король ваш Карл просил вас в шатры царского величества на обед, а его освященное царское величество повелел хану Аюке калмыцкому прислать 10 000 добрых кухмистров приспешников и поваров, которые вчерашнего числа и прибыли.

Пленные с прилежанием на них смотрели и говорили, государь их король ускорением баталии прежде предложенного срочного числа, т. е. июня 29-го, спас свое и всего своего войска здравие.

Великий государь всех бывших в шатре изволил жаловать к руке и многих генералитета и штаб и обер офицеров жаловать изволил повышением чина и великими вотчинами и знатными суммами денег, и всему генералитету и штаб и обер офицерам указал за их храбрые дела сделать золотые медали, а унтер офицерам, капралам и рядовым серебряные; из своих рук изволил жаловать приказною водкою, потом изволил идти в столовые шатры, и начался обед, на котором шведские пленные были, когда пили про здравие его царского величества, фамилии и счастливого оружия войск его царского величества и флота, тогда из пушек произведена была пальба. По окончании стола весь генералитет с штаб и обер офицерами отошли к полкам, а его царское величество с министрами и дому своего служителями, калмыцкими мурзами и начальными людьми и пленными генералитетом штаб и обер офицерами изволил идти и проходить все полки. Перед каждою ротою поставлены были с питьем ушаты и печеные мясо и хлеб; великий государь, почерпая ковшом и поздравляя штаб и обер офицеров и солдат, изволил прикушивать. Тогда ж его царское величество изволил приказать калмыцким мурзам и начальным людям, чтоб они на конях делали по их обыкновению увеселительные действия.

Мурзы сами седши на лошадей перед его царским величеством чинили действия следующие.

1-е. Бросили платки на землю и несколько отъехав, на всем конском бегу, не сходя с лошадей, те платки с земли схватывали.

2-е. Расскакавшись на лошадях, метали трости вперед и подбегая ухватывали с руки.

3-е. Во время ж бега конского укрывались на сторону за лошадей столь искусно, что и видеть их было невозможно.

4-е. Шляпы пометав на землю, на бегу конском на копья подымали.

5-е. На самом бегу конском расстоянием трех аршин с лошади на лошадь перескакивали.

6-е. В самом бегу конском лошадей расседлывали и, вздымая седла для показания, паки оседлывали.

7-е. Метали шляпы вверх и на бегу пробивали из луков стрелами.

8-е. Поставляли знак великостью человека и окружали чертой около 10 сажень ширины и на бегу конском за двадцать сажень расстоянием стреляли из луков и стрелами все трафили во оной круг черты.

9-е. Метали друг в друга дротиками и един до другого не допущая ухватывали рукою и бросал обратно в бросавшего.

10-е. В самом конском бегу копьями с друг друга с головы с нимали надетые шапки.

11-е. Упоминаемые малые копейца метальные на месте перерубали саблями и, воткнув в землю несколько копей, на всем конском бегу накидывали арканы и выхватывали из земли.

По сих действиях скакали на конях и вдруг останавливались и обращались направо и налево столь круто, как бы то пеший стоя на земле чинить мог, и чинили поединки на саблях и прочие увеселения.

Пленные с ужасом на те их действия смотрели и сжимая плечи говорили: воистину государь наш король с оным народом никогда баталии и дать не хотел.

Того ж числа послан от его царского величества генерал князь Меншиков в погоню за ушедшим неприятелем с ротою лейб-эскадрона.

Июня 30-го. Царское величество изволил идти в погоню за неприятелем к Переволочне. С его царским величеством пошла лейб-эскадрона рота да пехотные полки Астраханский, Ингерманландский на лошадях. Генерал князь Меншиков и генерал-лейтенанты с князем Голициным и Боуром следовали в погоню за неприятелем, но ранее тридесятого числа догнать не могли. Неприятель по пути все тягости метал и фурманы с пожитками, но войско царского величества не касаясь ни к чему следовало за бегущим неприятелем.

Того ж числа взят от войска неприятельского в плен полковой квартермистр и несколько волохов, служащих в войске неприятельском, которые допросами показали, что они из войска неприятельского возвратились от Переволочна для забрания некоторых оставшихся на дороге с пожитками фурман и что войско королевское стоит при Переволочне у Днепра под горою, а государь их король тому часа с три с несколькими стами при нем конных переправился через Днепр и при нем генерал-майор Шпар и Лагеркрон, а куда пошел, о том неизвестно, над войском главную команду получил генералу Левенгоубту, а войска при нем, при генерале Левенгоубте, двадцать тысяч.

Изменник Мазепа с казаками не со многим числом прежде короля за Днепр убрался и объявил он, Мазепа, под защищение турецкого султана, при отъезде оставил письмо за печатью, которое велел вручить королевскому величеству, а кроме короля никто б того письма читать не дерзал, и оное письмо по прибытии королю вручено; по прочтении король повелел в самой скорости перебираться за Днепр.

С генералом князем Меншиковым в погоню за ушедшим неприятелем с Полтавской баталии войска следовало 9000.

Того ж числа к его царскому величеству послано о прибавке войск, и посланные царское величество встретили в пути.

Великий государь изволил послать указ к генерал-майору Волконскому, чтоб следовать к Переволочну с шестью полками кавалерии с великим поспешением.

Генерал князь Меншиков, не приближаясь к неприятелю и не давая знать о малом числе войска обретающегося при нем, остановился от неприятельского войска в таком расстоянии, что едва глаз зрением мог постигать.

Потом велел гвардии спешиться и поставя лошадей во фронт и склепать, малому числу людей приказал остаться и действовать, всходить на коней и с коней на землю, чтоб неприятелю дать знак стоящего войска линиею, а сам с реченными генералами и с гвардиею и с конными полками пошел к неприятелю. Неприятель стоял у Днепра под горою в самом крепком месте, но крайнее его обдержало бедство, что не имел провианта больше как на один, а с нуждою на два дня. Генерал князь Меншиков послал трубача к генералу Левенгоубту, чтоб он на дискренцию царскому величеству сдался и рассмотрел, что всякой надежды ко спасению лишены и как питомство, так и пути ко убежищу не имеет.

Того ради увещевал, чтоб не пролить напрасно крови, а учинены они будут военнопленными и никакого озлобления и насилия не будет им чинено, ежели же противно сему поступят, то имеет указ взять через оружие. Левенгоубт просил времени на 10-ть часов, но генерал князь Меншиков никакого времени дать им не хотел и пошел с войсками ко фронту неприятельскому. Как приблизился и стал не далее мушкетного выстрела, то послал вторично о сдаче на дискрецию его царскому величеству и ежели намерен иметь баталию, то велит войску, указуя на фронт лошадей с малым числом людей, придти.

Неприятель, видев фронт не малой в дали стоящей, исчисляя до 7-ми тысяч, такожде и перед собою стоящий фронт исправного войска до 10 тысяч, учинил военный совет, иметь ли баталию, или на дискрецию его царскому величеству сдаться, и во оном совете многие не согласны были.

Левенгоубт, указуя на гвардию, стоящую во фронт, говорил, я их видел на баталии при Лесном и вы видели их на полях полтавских, видите и здесь стоящих, а питомства кроме на один день, а с нуждою на два, не имеем. Когда всею армиею не могли побода получить, ныне меньшою частью, что можем учинить. Тогда прислан был от князя Меншикова паки трубачей, чтоб последний ответ учинен был не медля. И ежели вступят в бой, то никакой пощады и милости не будет им учинено.

Военным советом утвержено послать генерал-майора Укрейса, да полковников Дюкера, и подполковника Раутферта, и генерал-адьютанта Дукласа, не будет ли каких трудных предложений о сдаче на акорд, которые в шатер князя Меншикова приняты, и пункты договорные о сдаче чтены. По прочтении никакой противности в них не найдено, которые с генералом-адьютантом с графом Дукласом к генералу Левенгоубту отосланы; Левенгоубт при собрании всех штаб и обер

офицеров велел читать, причем войску шведскому положить ружье и сдаться на волю и милость его царскому величеству и денежную казну, артиллерию и прочия военные вещи и ружье отдать. Которые договорные статьи генерал Левенгоубт подписал, и прислал (приказал?) таковые же договорные пункты для подписания светлейшему князю Меншикову прислать, которые он подписав отослал к Левенгоубту.

Во втором часу пополудни генерал-лейтенант Боур с шестью драгунскими полками перед неприятельский фронт пришел; неприятель стоял во фронте. Российский фронт перед неприятельским был только треть, 6000, а неприятельского шестнадцать тысяч, кроме служителей, которых было свыше тысячи, но силою Божиею и страхом неприятель связан, на каждого российского неприятелей было по три человека.

Но реченный генерал князь Меншиков командовал, три батальона от гвардии, и как гвардии батальоны пришли и стали подле фронта неприятельского у кавалерии шести полков на правом крыле, то от шести полков драгунских командировано по одному эскадрону, которым назначено было обирать и относить ружье, положенное от неприятеля, за фронт и отводить пленных.

От генерала князя Мешикова послан генерал-адъютант к генералу Левенгоубту, чтоб из фронта велел отступать по два конных и по одному пехотному полку и приходить конным перед конными, а пехотным перед гвардиею и учиня ружье на караул и к ноге и по том полагать. Во первых пехотные гвардия королевская и конные лейб регимент и лейб драгуны пришед перед фронт войска царского величества и отдав ружьем честь полагали и вынимали шпаги и снимали сумы и клали при ружье, притом просили милости о содержании акорда.

Драгуны отводили их на место особое, где несколько эскадронов в линии четырехугольной стояли, и отведя в средину пленных поставляли, куда и двести человек оставленных при вышеписанных лошадях пришли ж и стали в линию.

Определенные обирали положенное ружье и клали в кучи и так все неприятельские полки выступали по три вдруг; а каких чинов сколько взято, тому при сем прилагается табель.

А бунтовщики запорожцы и малороссияне, бывшие при гетмане Мазепе, переправлялись через Днепр вплавь, причем великое множество перетонуло.

При сей же сдаче переволоченской взято знамен и штандартов 142.

Артиллерии.

Пушки	*Фунты*
4	6
1	5,5
12	3
2 русских взятых в Веприке	3
Итого 19	
2 гаубицы	16
Мортир	*Пуды*
4	6
4	3
2 пушки железные	3

Всего пушек, гаубиц и мортир 31.

Всего при Полтаве и при Переволочне взято:

Знамен и штандартов	278
Шпаг и палашей	32 842
Фузей и мушкетов со штыками	21 632
Сум патронных и гренодерских	22 232
Ремней погонных	15 222
Лошадей драгунских с седлами и муштуками и при них по паре пистолетов	12 672
Сум переметных	9000
Ящиков с патронами	244
Труб	23
Литавр	18 пар
В том числе одна пара серебрянных.	
Габоев	118
Барабанов	280
Пушечных ядр	1600
Пороху	220 пудов.

Кабинет королевский и со многими дорогими вещами и с двумя миллионами ефимков; сверх того вышеозначенного при Переволочне взято полковой казны ефимков и польской монеты и российских мелких денег с четыреста тысяч, да изменника Мазепы взято рублевой монеты и мелких денег больше трех сот тысяч, и много в фурманах золотой и серебряной посуды, материи золотой и серебряной, мехов соболиных, соболей и вещей дорогих с каменьями и тысяча семьсот девяносто шесть фурманов генералитета и штаб и обер офицерских с разными пожитками, которын привезены к Полтаве и отданы на разделение войску.

По принятии пленные разведены врозь, дабы не имели согласия, на карауле почти все поголовно стояли бессменно.

Пленные генералы и полковники были розданы генералам и полковникам российским.

При вышеписаной Полтавской баталии и сей переволоченской сдаче освобождено из плена войска царского величества штаб и обер офицеров, урядников и рядовых всех чинов – 2900 человек.

Оные пленные во время пятилетнего пребывания армии в Польше в разных партиях и подъездах и сражениях и на баталиях были взяты и так через помощь Божию освобождены все, и не един пленник содержавшийся при оной армии в неприятельских руках не остался.

При реченой же Полтавской баталии и сей переволоченской сдаче взято генералитета штаб и обер офицеров, их фамилии и родственниц и при них служительниц 1657; в том числе несколько прачек дому королевскому, несколько камердинеров, лакеев и хлопцев 3402, богатых шатров, цуков, лошадей, карет число многое.

По положении ружья и по сдаче дознал неприятель, что видимый фронт – лошади, на которых приехала гвардия, а не войско, и того ради многие драли на себе волосы, грызли пальцы и скрежетали зубами.

При той же сдаче взято бунтовщиков мазепинского войска 220-ть человек.

Шведский король, переправясь через Днепр, следовал к границам турецким 7-мь дней, и за неимуществом хлеба питался конским мясом.

Июля 1-го. Царское величество изволил прибыть к Переволочну, и изволил стать в шатре генерала князя Меншикова. По вшествии его царского величества в шатер генерал князь Меншиков его царскому величеству рапортовал о взятии в плен ушедших неприятельских войск с Полтавской баталии военных 16 295, хлопцев 3402, а с ним войска только 9000, и все стоят на часах и во фронт бессменно. Царское величество изволил объявить, что через три часа будет шесть драгунских полков, с его царским величеством прибыла рота лейб-эскадрона и пехотные полки Ингерманландский и Астраханский числом 2200 человек; из оных повелел прибавить на опасные караулы три батальона, а четвертый батальон прибавить к фронту, перед шатром царского величества стояли роты гренадерские Преображенского и Семеновского полков, к которым в прибавок стала рота лейб-эскадрона и батальон Ингерманландского полка, и тако фронт главной линии не был более двух тысяч.

В исходе третьего часа прибыли шесть конных полков драгунских числом пять тысяч шестьсот человек; всего войска царского величества было при Переволочне шестнадцать тысяч восемьсот человек.

Царское величество повелел пленных генералов и штаб офицеров ввесть перед его царское величество, которые генералом князем Меншиковым в шатер царского величества введены и, став на колени, благодарили его царское величество за показанную милость в содержании доброго акорда.

Царское величество спрашивал Левенгоубта о здравии королевском и о его ране. Левенгоубт объявил, что рана весьма трудная. Потом изволил спрашивать, что король приказал при отлучении от армии. Левенгоубт объявил, когда отошедшая армия с Полтавской баталии вся собралась к Днепру, то государь его король оную армию вручил ему, Левенгоубту, причем он его королевскому величеству докладывал, ежели пойдет неприятель в великой силе, иметь ли баталию или с армиею следовать, куда повелит, и провиант на армию откуда получать, а ныне на лице провианта с нуждою имеется дня на три.

Король сказал, что военным советом утвердите, то и исполните; потом король говорил об отбытии своем и о разлучении с армией, что он чувствует равную болезнь, как бы и душа его с телом разлучилась, но то ему велит неволя делать; потом спрашивал, куда изволит отъзжать, дабы знал о состоянии армии его королевскому величеству доносить.

Король сказал, что едет он к султану турецкому требовать от него помощного войска, через которое бы мог похищенное возвратить и неприятелю воздать равномерно.

Потом его королевское величество написал письма к генералу Красову, бывшему в Польше с 10 000, в которых дал знать о своем несчастии и велел немедленно с армиею из Польши выступить, а генералам Лагеркрон и Шпару и драбантам и от кавалерии 1000 человек перебираться через Днепр.

При самом отъезде сказал: «Более медлить здесь не могу», и следуя к перевозному судну, говорил: «Простите, други мои, верные истинные, граф Пипер и Реиншилд, когда б я вашего совета слушал, воистину не был бы не благополучен», и поцеловал Левенгоубта и двух генерал-майоров сел в судно, причем сказал, лучше бы мне не благополучному сей Днепр был гроб, нежели мое от вас разлучение.

Царское величество тот час изволил послать указ к фельдмаршалу лейтенанту фонъ-Гольцу, который стоял с армией его царского величества с двадцатью полками в Волыни, дабы он прилежно наблюдал, чтоб король Карл не пропущен был в соединение к шведскому войску, стоявшему в Польше с генералом Красовым.

И того часа изволил послать в погоню за королем шведским бригадира Кропотова с двумя драгунскими полками, потом изволил выйти из шатра к обер офицерам, которых при том шатре стояло до 1000 человек, и осмотря изволил возвратится в шатер.

Тогда князь Меншиков доносил его царскому величеству, что по объявлению генерала Левенгоубта провианта нет более, как на один день, и то с нуждою, а с пришедшими полками с ним с князем Меншиковым провианта взято было на шесть дней, и при себе имеет только на два дня. А у пришедшего вторичного войска провианту только на шесть же дней.

Царское величество повелел один эскадрон послать к Переволочну, другой в ближние места для отыскания провианта; какой может найтись, из наличного взять две доли. Для перевозки указал с каждого полку послать по 50 лошадей и чтоб провианту до двух тысяч четвертей привезено было до полудня второго числа.

Июля 2-го. Жители переволоченские и окрестные, слышав повеление государя своего, отрыли множество ям и всякий желал, чтоб у него провиант брали. И тако указанное число провианта взято и к армии привезено и пленным на всякого унтер офицера, капрала и рядового роздано по одному четверику. Тогда генерал Левенгоубт просил генерала князя Меншикова, чтоб провиант выдан был и на обер офицеров, потому что оным год и семь месяцев жалованья не давано, ибо везенная казна на дачу жалованья всему войску королевскому с ним, Левенгоубтом, в прошлом 1708-м году сентября 28-го при Лесном войском царского величества взята, а которые офицеры имели багаж, весь при Полтаве и здесь обобран. Генерал Меншиков докладывал его царскому величеству о даче провианта штаб и обер офицерам; великий государь, слыша несчастие толиких военных людей, по природному своему милосердию, поступок такого владетеля, предавшего в жертву гордому своему мнению толиких верных подданных, которых надобно было быть ему отцом и хранителем, всемилостивейше указал штаб и обер офицерам выдать, и изволил оных военных обнадежить милостию, что изволит учинить свободных через поруки и реверсы с переменою повелит по частям отпускать их, и таковым милостивым обещанием от крайнего отчаяния надеждою доброго упования были обрадованы.

Притом же изволил объявить, что всем пленным провианту по два четверика на месяц дается, а которые будут трудиться в казенных работах, тем платиться сверх провианта по три копейки на день; ежели кто желает мастерствами своими трудится, не возбраняется.

А кто пожелает на службу определиться, оной на равном содержании будет, как и войско его величества.

Потом указал всех пленных до унтер офицера жен, которых мужья в плену, отдать мужьям.

Пленные, слышав толикое милосердие царского величества, заливались слезами и, возводя очи к небу, били в груди и говорили, исполни, Боже, желание сердца сего монарха, но многих жены еще остались в обозе при Полтаве и того ради и видеть их уже отчаялись.

Того ж числа изменники, бывшие при Мазепе, числом более двух тысяч, без ружья пришли и стали расстоянием двух сот сажень от войска царского величества и послали с прошением к его царскому величеству о милостивом прощении, оные, аки скот, шли на руках и коленах. Великий государь пожаловал вину их, милостиво отпустил и гетману Скоропадскому послан милостивый указ о прощении и отпущении им вин, которого милостивого объявления должность была поручена генерал-майору Волконскому. Когда оный генерал-майор с 24-мя человеками стал приближаться, то оные стали на колени, лились слезами, ибо они уповали, что за столь важную вину измены будут казнены смертью, но по объявлении им милостивого указа учинили троекратные поклонения до земли, реченый генерал-майор спросил их о числе; оные объявили 2700 человек и при том просили его, чтоб исходатайствовал милость у его царского величества, чтоб пожаловал, дал очи свои видеть.

Реченый генерал-майор о том их прошении царскому величеству донести обещал.

По докладе царское величество по своей природной милости обещал тем их прошениям пожаловать и повелел, когда изволит смотреть взятых в плен, стали б с пленными на левом крыле.

Когда об оном им сказано, то все были в отчаянии живота и всю ночь в слезах и молении без сна препроводили и готовились к смерти.

Того ж числа несколько сот пленных жен штаб и обер офицерских мужьям бывшим в плену отданы, которые, охватя друг друга, лились слезами, били в груди и кричали громко, Творец неба и земли, еже желает сердце царя Петра, даждь ему.

Того ж числа послана вторая партия в погоню за шведским королем: 2000 доброконных драгун под командою генерал-майора Волконского. Посланы указы к полковникам малороссийским и легкому конному войску калмыков, бывшему при фельдмаршале лейтенанте фон Гольце, чтоб со всяким поспешением следовал за шведским королем и пути к турецкой области перехватывали.

Июля 3-го. Царское величество повелел полученные корысти складывать на возы и приготовляться к походу и изволил смотреть взятые в плен знамена, пушки, ружья и прочие вещи, чего ради с Переволочна и прочих в близости лежавших местечек собрано 500 подвод о четырех конях. При разборе пленных вещей найдены у многих знатных генералов и офицеров образы Спасителевы и Богоматери и апостолов и прочих Святых, которые употреблены вместо простых досок в столы и в кровати, а на иных и шахматные доски сделаны были.

Царское величество, видев со многим излиянием слез лобызая, покланялся Святым образам.

Пленные поставлены были в шеренги, как надлежало весть к Полтаве, а конные царского величества полки, по два человека у каждого ряда пленных стояли позади неприятельского фронта и ожидали прибытия царского величества; изменники малороссийское стояли на левом крыле.

В 11-м часу пополуночи царское величество изволил мимо всего фронта ехать и указал шведских пленных генералитета штаб и обер офицеров их фамилиям ехать в каретах и колясках, а обер офицеры на фурах по 8-ми человек. По проезде неприятельского строя приблизился к стоящим изменникам малороссиянам и изустно вину их отпустил, токмо изволил (приказать) впредь сабель и никакого оружия не носить.

Того ж числа переяславский полковник Томара с войсками царского величества, гнав за шведским королем, взял в плен генерала аудитора, генерала крикс-камисара, капитанов 3, рядовых 60-т человек, которые допросом показали, что шведский король намерен был тракт свой иметь на Подолию и соединиться с Лещинским и Красовым, но Мазепа подговорил в турки.

Июля 4-го. Царское величество с армией и пленными от Переволочна восприял поход к Полтаве. Во время похода изволил все опасности наблюдать, ибо пленного неприятельского войска было 16 295 челов., их служитилей 3402, а войска царского величества было 14 800.

Гетман Скоропадский с войском царского величества, казаками и черкасами с 45 тысячами, с которыми стоял он, гетман, от Днепра до Сорочинца по рекам Груне и Теме, пришед, стал в лагере шведского короля, а генерал князь Григорий Долгорукий, который стоял на пасе по реке по Пслу с конными четырмя и пехотными двумя и с четырмя полками легких войск волохов, калмыков и казаков, итого с десятью полками, пришед стал от королевского транжемента к лагерю царского величества.

Июля 5-го. Бригадир Кропотов догнал некоторую часть войска неприятельского, ушедшого с Полтавской баталии, и из оных 200 человек порубил, а 260 в полон взял; в том числе взяты генерал аудитор 1, цалмейстер 1, которых того ж часа отправил к его царскому величеству и за прочими следовал далее.

Всюду было уже известно и преславной Полтавской баталии и о счастливом взятии при Переволочне до стольного неприятельского войска, и ведали публичное его царского величества прибытие с пленными к Полтаве и о торжестве, о победе и для видения съезжались многие тысячи народа и поставляли на полях Полтавских шатры, наметы и палатки, и везде зримы были ярмарки и торги с питьями и харчами и всякими товарами, такожде пригнаны были великие стада скотов для продажи, и от гетмана Скоропадского пригнано на войско царского величества 200 волов, и 500 баранов, и 200 куф вина привезено, и такого множественного числа народу едва великие полтавские поля могли вместить.

Того ж числа двумя партиями войск царского величества разбито за Друею в 5-ти милях сапежинское войско, причем взят в плен капитан 1, рядовых 4; побито 50.

Изменники запорожцы, которых было числом 15 000, ушед с Полтавской баталии и скитались, многие пришли с повинною к его царскому величеству; великий государь вину их будто отпустить изволил и указал по малороссийским городам поселиться.

Шведская волоша по разбитии при Полтаве пробиралась до волоской границы, из которых многие побраны в плен.

Июля 6-го. Царское величество с армией и пленными, взятыми у Переволочна, изволил приближаться к месту, где была генеральная баталия, войско царского величества стояло в линии на месте, где был бой, а казаки и калмыки стояли в линии, откуда изволил шествовать царское величество с армиею и пленными. По правую руку стоял гетман Скоропадский с войсками казацкими и малороссийскими и волохами, по левую калмыки, между которых линий было расстояния пятдесят сажень для торжественного шествия.

Пленные, взятые при Полтаве, все поставлены на местах линии, где стояли во время баталии, перед ними знамена и прочие вещи, кроме ружий, положены были на землю.

Царское величество изволил шествовать перед гвардиею Преображенского полка, яко полковник. Знамена и штандарты и артиллерия и прочие вещи взятые несены и везены по обычаю пленному; 125 фур везено шестернями мушкетов, фузей, пистолетов, шпаг и палашей, потом веден плен генералитет, штаб и обер офицеры, по них ведены унтер офицеры капрали и рядовые и прочие чины.

Пленные, видев армию царского величества в четверо большую, нежели каковую видели во время баталии, о великости ее удивлялись, ибо тогда стояло в строю и следовало с его царским величеством регулярных пятьдесят четыре полка, в них 83 500, кроме артиллерийских служителей 2000, да иррегулярного стояло в строю 91 000, обоего 176 500, видели и все поля Полтавские народу наполненные.

Когда оные пленные между линией калмыков и казаков шли, калмыки, смотря на пленных, скрежетали зубами, ломали руки, грызли пальцы и прочие престрашные свирепости образы являли; пленные от великого их страха страшилися на них и глядеть, а прочие закрывали глаза шляпами и имели страх, дабы некоторая часть плена не отдана была им, ибо у них было слышно, что калмыки пленных пекут и едят и кровь их пьют, и того ради взводя глаза на небо с криком говорили, спаси нас Боже, и рассуждали, когда б сии человекоедцы были при баталии Полтавской или при переволоченской сдаче, то б не один человек из них не мог спасен быть.

Благодарили государя короля своего, что ускорил баталию прежде их прихода, благодарили ж и генерала Левенгоубта, что окончил немедленно акорд. Равным образом и казаки, которые в линии стояли на правой стороне, с великою свирепостью на них глядели за их чинимые им обиды и разорение и невинные убийства.

По приводе пленные постановлены к пленным, взятым под Полтавою, войско прибывшее с царским величеством стало по местам в линию, на которых была баталия.

Пленных стояло в линии 19 171. Великости ради оной линии и толь регулярного и славного во всей Европе войска, которого великая Польша и Литва, Пруссия и Датское и Саксонское королевства трепетали, казалось оное неодолимо, но помощиею Божиею малым числом войск его царского величества разбито и в плен взято.

Как полки стали по местам в линии, царское величество изволил в походной церкви слушать благодарного молебного пения, на котором чтены благодарные молитвы с преклонением колен, и во всех полковых церквах молебствия

отправлены были и приносимы благодарения победодавцу Богу с преклонением же колен. По окончании молебного пения учинено три залпа из ружья и пушек. Царское величество повелел тайного королевского советника и первого министра графа Пипера взять канцлеру Гавриле Иванову сыну Головкину, фельдмаршала Реиншилда фельдмаршалу Шереметьеву и принца Витенбергского князю Меншикову, генерала Левенгоубта генералу Репнину, прочих пленных генералов изволил вручить российским генералам, штаб и обер офицеров российским штаб и обер офицерам. Унтер офицеры, капралы и рядовые и не служащие разведены по дивизиям.

В Полтаве и во всех полках с вечера петы всенощные бдения.

Июля 7-го. Царское величество в походной церкви изволил слушать благодарного молебна пение, на котором чтена молитва с преклонением колен и пето «Тебя Бога хвалим». Полки его царского величества стояли в линии, и пленные все поставлены были в линию же перед фронтом; при чтении Святого Евангелия и изнесении животворящего Креста и, когда осеняем был оным царское величество, тогда от войска учинены были из мелкого ружья и из пушек три великие залпы.

По благодарном молебном пении великий государь изволил выехать перед фронтом всей армии и, обнажив шпагу, изволил объявить изустно о пожаловании князя Меншикова генерал-фельдмаршалом к кавалерии; вдруг от всей армии ружье поставлено на караул, причем князь Меншиков благодарил царское величество за всемилостивейшее пожалование фельдмаршалского чина.

По объявлении фельдмаршала князь Меншиков отъехал к кавалерии, где ружьем честь ему отдана, и ожидал прибытия царского величества; по прибытии царского величества к драгунским полкам князь Меншиков отдал честь шпагою и уклонением до седла, а войско держало ружье на карауле и знамена уклоняли до земли.

Великий государь фельдмаршалу князю Меншикову изволил говорить: «Вручаю тебе кавалерию мою и желаю от тебя видеть таковую же верную службу, каковую ты явил мне и всему отечеству при Полтавской баталии и при Переволочне».

Потом изволил прибыть перед фронт пленных, и графу Пиперу и фельдмаршалу Реиншильду и генералу Левенгоубту и генерал-майорам и прочим изволил говорить: «27 июня по зову брата моего короля Карла обедали вы в шатрах моих на невке, ныне всех вас совокупил, прошу отобедать в шатры мои». Також де изволил указать фельмаршалам графу Шереметьеву и князю Меншикову, чтобы команды их генералитет и штаб и обер офицеры обедали в шатрах его царского величества, и потом вскоре изволил приехать в шатер свой царский и пожаловал граф Головкина канцлером, Петра Шафирова под-канцлером, а прочих жаловал кавалериями и вотчинами и немалою суммою денег, и всей армии бывшей при Полтавской баталии за год и медали серебрянные, а не бывшим за полгода жалованье не взачет выдать приказал.

Тогда ж царское величество пожаловал шпагами графа Пипера, генерала Левенгоубта и четверых генерал-майоров.

Пленные, принимая шпагу, целовали руку царского величества и говорили: «Умножит Бог лета и жития твоего и желание сердца твоего исполнит».

Фельдмаршал граф Шереметьев предлагал царскому величеству, показываемые милость его царским величеством к пленным побуждает его не памятовать свирепости и жестокосердие неприятеля, которое он варварски оказал над пленными его величества, а его царское величество всю оную жестокость предает забвению. Великий государь фельдмаршалу изволил сказать: «Неприятеля подобает побеждать во первых оружием, а потом и милостию, милосердие Божие всегда милость свою изливает на нас, того ради и нам должно подражать человеколюбию его и когда Той дарует нам бесчисленные милости, то и мы должны даровать требующим».

Войско царского величества пришед стало около шатров царского величества образом батальона крие; пленные унтер офицеры, капралы и рядовые и не служащие отведены по дивизиям, а генералитеты и штаб офицеры вошли в наметы, в которых были рвы копаны и изо рвов земля выкладена выше ординарной полуаршином вместо столов.

Перед полками царского величества поставлены были печеные мясо, и хлебы, и питье, и пленным отпущены были хлебы, питье и вина, во время обеда была многая пушечная пальба, по окончании обеда принесено было несколько шпаг, снятых с генералитета, штаб и обер офицеров, которые показываны пленным генералитету и штаб и обер офицерам и по всем шатрам носимы для объявления штаб и обер офицерам, чтоб на клинках тех шпаг прочли надписи якобы оных прочесть трудно, а что и разбирается, то наимоверно; пленные никакого ответа не учинили; призван под-канцлер Петр Шафиров; реченный Шафиров при рассмотрении на клинках надписей говорил, безумные сии надписании и детские веракушки, однако велено ему прочесть точно как вырезано, Шафиров чел: Немецкая кровь все приводит во благо: королева храбрость сотворит победить врагов; силу к бегству предатися; горе вам саксонам, полякам, казакам и москалям. По том Шафиров взял оную шпагу и в чтении притворил, якобы написано было: «Льва шведского и северных львов ярость пременилася в робость зайцев», через которое притворное изречение дал знать всем репримент за самохвальные их на реченных клинках надписи.

Царское величество шведскому генералитету изволил говорить: «По зову короля вашего и вас в шатрах моих трактовал, теперь прошу вас на расписанные вами квартиры в Москву».

Тогда подканцлер Шафиров сказал: умным того довольно; Реиншильд говорил: мы повеленное государя нашего короля, хотя и зажмуря глаза, исполняли, и тем дал знать, что они к тому принуждены были.

Канцлер граф Гаврила Иванов сын Головкин первому королевскому министру графу Пиперу в разговоре употреблял слова следующие: царское величество, великодушный христианский политишный государь по своему милосердию не единому из вас и малейшого озлобления учинить не изволит, как король ваш взятых за договором под Нарвою содержал в земляных тюрьмах и со осужденными на смерть злодеями, и в 1704-м году российское войско, данное в помощь польскому королю, в Шленских границах отправляло марш в Саксонию разными партиями, тогда знатная часть войска шведского напала на небольшую российскую партию и оную разбила, некоторые из разбитых засели в одном деревянном доме и просили себе пощады, но шведы по указу короля своего и тот дом сожгли,

малая часть в плен взята, из оных некоторых порубили, а у прочих у рук и у ног пальцы поотрубили, каковое бесчеловечия и варвары не творят над пленными.

Таковых злодейски поруганных бедных людей в 1705 году несколько человек вышло в Москву, которых его царское величество изволил представлять чужестранным министрам, бывшим тогда в Москве, а именно: чрезвычайному посланнику ее величества королевы великобританской господину Витворту, королевского величества прусского чрезвычайному посланнику господину Кейзерлингу, высочайших господ Генеральных Штатов Соединенных Нидерландов резиденту, господину фон Дергулсту, которые персонально осматривали у оных у рук и у ног персты и сами их спрашивали, каким образом им учинилось. Оные объявляли, неколикое число в разных партиях взято было в плен, а поход шведскому войску учинился, то большую часть по указу королевскому порубили, а у иных у рук и у ног персты отрубали, и с клятвою утверждали, как им пальцы рубили, в оное время сам король присутствовал; да за взятых же в плен малороссийского войска несколько сот казаков по указу королевскому палками, а не оружием ругательно побиты.

1706 году польские и саксонские войска с поможным российским имели баталию со шведами при Фрауштате, на которой шведское войско через измену французов викторию получило и несколько сот российских и саксонских в плен было взято, тогда шведы с российскими пленными по повелению командующего генерала так свирепо и не милосердно поступили, каковы свирепства нигде не слыханы, и по взятии в плен в 4-й день покололи.

1708–1709 годах шведский король в надежде на измену Мазепину вшел в Малороссию и во многих местах от войск его бедные поселяне мужеска и женска полу злыя мучения притерпели, и младенцы побиты, многих пленных офицеров в работы употреблял, и хотя многие и сих злейшие еще свирепости и бесчеловечия над российскими оказывали, но его царское величество рассуждая, все оное, яко подлое и недостойное высоким и державным политичным особам творить, великодушно сносить изволил и напротив того никакого озлобления пленным королевского величества чинить не изволил.

Шведский король переправился через Днестр и прибыл в Бендер. Бендерский паша послал курьера в Царь-Град к верховному визирю с известием о прибытии шведского короля в Бендер.

Июля 8-го. Упоминаемый изменник унтер офицер Семеновского полка посажен на кол. Царское величество во известие о сей преславной баталии изволил послать всего государства во все знатные города своеручные объявления с курьером. По приближении курьеров и въезде в каждый город до командующего в городе провожала музыка на трубах, которою народ поздравляли благополучною победою над королем шведским. Таковыя всерадостные известия, как скоро народ получал, то везде с крайним поспешеством шли к церквам и слушали благодарных молебных пений, воздая благодарение правосудию Божию за благословение оружия и дарование победы его царскому величеству над противныя; по окончании молебного пения во всех городах производилась из пушек пальба, и у всех церквей звон колокольный; народы непрестанно приходили к церквам, и просили священников петь молебное пение о здравии великого государя, и едва

священники для питья и явства получали время, а исходя из церквей брали из домов своих деньги и раздавали неимущим, собирали отовсюду просящих Христова ради имени, вводили их с великою честию в дома свои, поставляли им трапезы богатые, служили им вместо рабов и веселилися с ними, яко и со други своими, примиряли враждующих, рукописания должная без денег должникам возвращали и к местам святым для поклонения приходили и тако всю седмицу в духовном оном торжестве препроводили. Вестники принесшие таковые радости из общенародного собрания великими суммами награждаемы были.

Июля 9-го. Отдано на дуван войска 1796 фурманов со всякими богатствами, что в них ни было, которые взяты у Переволочна, и был дуван и ярмарка войска великая; олово и медь продавали в деле в семь и восемь копеек за фунт, а серебра в семь и восемь рублев, конские и домовые уборы и всякое питье и прочие вещи продавались в полцены отдавали; оная ярмарка продолжалась по 13-е число июля.

Следующая партия войск царского величества в погоне за шведским королем нагнала изменнического Мазепина войска компанейцев 150, которые положа ружье просили помилования, взяты в плен.

До полудня гвардия царского величества чинила экзерциции при присутствии его царского величества; за регулное и исправное учение великий государь пожаловал многих переменою чинов, а урядников и рядовых питейным погребом.

По полудни изволил смотреть экзерциции калмыцкой, которая отправлялась следующим порядком.

Воткнуто было полукопье в землю, а около того со всех сторон проведена была черта на двадцать сажень длины и ширины; войско калмыцкое разделено было на четыре части, каждая состояла из 10 000. Первая часть выехала в панцырях с саблями, с луками и всем конским бегом скакала по полю, держа обнаженные сабли в руках, и потом вдруг остановясь, обращалась на право и на лево, разделясь на разные части и скача по полю, паки вдруг непомешательно становилась в строй, а потом на всем конском бегу мимо воткнутого копья пущали стрелы вверх, которые падали в реченую черту у копья. После того разделялись на четыре части и на всем конском бегу окружа оную четырехугольную черту пущали по нескольку стрел; так густо летели, как густой град.

Потом теми же четырмя частями представляли некоторой вид сражения линия с линией на саблях; и с немалым удивлением зримы были регулы воинского их действия в разрыве линии, в шествии наступным и отступным боем и различные действия оборотов; в действах оных нималого помешательства не произошло.

Потом въехала вторая часть; сверх платья надето было подобием, яко кирасы из кож самых твердых, спереди и сзади, и на головах по образу шлемов с таким же ружьем, и действовала равно, как и первая часть.

Потом въехала третья часть, имеющая сабли и в руках копья длинные.

Потом въехала последняя часть, на головах и на всем теле были конские кожи наделанные сухие; оные действовали же копьями, в конском бегу останавливались, обращались и соединялись весьма исправно без помешательства линий.

Сверх того особое действие показывали; особое действие в разорвании линий, уклоня копья в полконя и припадши на конские гривы с великим криком чинили напуски, и прочия многия действия были им чинены.

Царское величество оною их экзерцицию изволил быть доволен и милостиво похвалил, повелел пожалованную сумму 120 000 рублев отдать, которая того ж числа им выдана. Потом вскоре от его царского величества сказан им отпуск. Хану Аюке изволил послать сорок соболей и несколько шкун золотой и серебрянной материи и медаль золотую, а начальным людям и мурзам пожаловал по нескольку косяков атласов, камок и мехов бельих.

Калмыки о такой милости его царского величества и награждении радовались и за его царского величества здравие по обыкновению своему той день и ночь отправляли моления.

Июля 10-го. Царское величество изволил смотреть экзерцицию пехотных полков и за регульное и поспешное действо учения штаб и обер офицеров многих пожаловал чинами, а унтер офицеров и рядовых пожаловал погребами с питьями.

Канцлер граф Головкин и под-канцлер Петр Шафиров осматривали и описывали кабинет королевский, в котором найдены многие вещи с дорогими камениями, и посуда золотая и серебрянная, и прочие сокровища, которые король Карл получил в Саксонии, Польше, в Шлезии и в Гданьске, и многие отысканы письма изменника Мазепы, которыми призывал он короля Карла в Малороссию, обещая всю его армию на своем пропитании содержать и войсками малороссийскими до полутораста тысячам помоществовать, да в помощь у султана, и у хана, и у Буджацкой орды многие помощные войска исходатайствовать, и бусурману угодно, чтоб малороссийские казацкие народы от России были особое княжение, а не под Российскою державою.

Во оном кабинете найдена сабля с золотой оправой и со многим дорогим каменьем, которая по цене была около 100 000 рублев.

Сею саблею его царское величество изволил подарить короля Августа в знак братства и любви.

Когда его царскому величеству о той сабле донесено, то повелел об оной содержать в тайне.

Гетман казацкий с полковниками и начальными людьми пожалованы в шатрах царского величества столом. Царское величество изволил похвалить их службу, гетмана, штаб и обер офицеров указал пожаловать в знак храбрых их дел медалями золотыми, и на разделение войску, обретающемуся при нем, 100 000 рублев, да на четыре тысячи войска волохов, казаков и калмыков по 5 руб. на человека, итого 20 000 р., и об отпуске их в домы изволил сказать им изустно; оные за милость его царского величества много благодарили, кланялись.

Около 7-го часа пополудни изволил смотреть экзерциции конных полков, и изволил похвалить за исправность их учения, при том многих из штаб и обер офицеров изволил переменить чинами. При смотре всех реченых полков и пленные шведские генералитет, штаб и обер офицеры были, токмо в отдалении от строевого места.

Июля 11-го. Царское величество в городе Полтаве со всем генералитетом и министрами изволил у коменданта кушать; комендант по повелению царского величества писал к фельдмаршалу Реиншильду, что он, фельдмаршал, до того времени писал к нему, коменданту, чтоб от него с войском в крепости Полтавскую был

выпущен, за что обещал дать ему с осадными сумму денег знатную, ныне он, комендант, просит его, фельдмаршала, не требуя от него обещанного награждения, и кого изволит при себе взять в крепость Полтавскую отобедать.

Фельдмаршал Реиншильд с графом Пипером и с генералитетом в Полтаву по уволению на обед приехал.

По обеде его царское величество в городе Полтаве по валам изволил ходить, в которое время фельдмаршал Реиншильд и королевский первый министр граф Пипер и генералитет, видя Полтавскую крепость нерегулярною, дивились, что в толь долгое время взять не могли и знатной упадок в войске претерпели. Граф Пипер, указуя на штаб и обер офицеров, говорил: смотри, какие сей крепости были роскоты и башни высокие, а указуя же на унтер-офицеров и рядовых: сии то не оборимые стены и никакими хитростями и силами военными не преодолее [226].

№ 227

1710, середина січня. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби

Корсунскому полковнику Андрею Кандибѣ, доброго здоровья желаю!

Получио в. м. писмо, в котором изволите писать о вѣдомостях про короля шведскаго и про турков, и за обявленіе благодарствую. Вам надобно осторожным быть: слышу я, что поляки и жиды проѣзжают от Лещинскаго к шведскому королю с письмами; вам таких людей, а паче жидов, перестерегать; а чтоб тебя переменить, о том старался и стараюсь и чаю тебя велят переменить.

Князь Дмитрій Галицин.

При оном письмѣ приложены цедулы таковы:

А) Посылаю к вам пятнадцать реляцей о щасливой викторіи на шведы, из оних отошлѣте к Иваненку, бреславскому полковнику, пять, а десять роздай, кому сам знаешь.

Б) Писал к ближнему столинику кіевскому воеводѣ и намѣстнику смоленскому князю Дмитрію Михайловичу Галицину римского государства граф и канцлер, всероссійского государства и кавалѣр и тайной совѣтник Гаврило Иванович Головкин, а к нему писал чресвичайный посол, пребывающій при дворѣ солтанова величества г. Толстой генваря 7 д. 1710 г.

Настоящаго генваря в 3 день был он посол у салтанова величества на уедиенціи, принял новой мирной договор, инструмент на турецком языкѣ написанный против прежняго без всякой убавки и прибавки; опредѣлено: короля шведскаго отпустить из Бендера, а при нем шведов мало больше ста человѣк, из черкасс, измѣнников ни единому человѣку при нем не быть, да туркам быть при нем не болше 500 человѣкам для его провожанія, а когда прибудет к границам польским и тамо да пріимет его царского величества офицер с нѣсколькими людми и да

[226] Публікація В. В. Панашенко // Український історичний журнал. – 1991. – № 2–3; Труды императорского русского военно-исторического общества. – Т. 3. – Документы Северной войны. Полтавский период (ноябрь 1708 – июль 1709 г.). – СПб., 1909. – С. 279–315.

проведет его чрез Полшу и отпустит безбидно в его королевство, а проезжающей король шведскій чрез Полшу да не имѣет сношеніе, ниже разговор с поляки, ниже тамошним жителям от короля шведскаго и от турков обид да не чинится, а да покупают за свои деньги, ежели кто что продаст, а ежели кто продать не хочет, силно да на не берут, и с таким опредѣленіем король шведскій да пойдет чрез Полшу; ежели не похочет такова пути воспріят, то болше об нем турки попеченія да не имѣют, и тако король шведскій выдаетца в волю царскаго величества, ибо посол в том на себя обязательства не дал, толко чтоб за прошеніем салтанова величества помиловать и отпустить безбѣдственно во свояси и с тѣм послан из Царя-Града в Бендер к Юсуп пашѣ ага везирской, чтоб он обявил о том королю шведскому[227].

№ 228

1710, лютого 8. – Глухів
Лист гетьмана Івана Скоропадського
до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласкавый пріятель п. полковнику корсунскій.

Поневаж стала тѣсная стація за скупленіем войск великороссійских самоту в. м. и товариству при в. м. будучому, яко з листу г. полковника Рожнова до в. м. писанного зрозумѣлисмо: теды добре в. м. учинилесь же товариство свое з тих консистенцій, на яких найдовалося, роспустилесь и казались ити в Уманщину и Немеровщину; а и сам в. м. можить туда ж подближитеся. Уже двократне писалисмо до монаршого его ж величества двору, и теперь лист в. м. и г. Рожнова посилаем до свѣтлѣйшого князя его мл. Александра Даниловича, допрошуючися указу, если потребна бытность в. м. з товариством полку своего на пограницу или нѣт, отколь когда одержим совершенную резолюцію, теді и в. м. о том учиним не безизвѣстна; а тепер зичим в. м. доброго от Господа Бога здоровя.

З Глухова февраля 8 року 1710.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Запр.[228]

№ 229

1710, лютого 11. – Глухів
Лист гетьмана Івана Скоропадського
до корсунського полковника Андрія Кандиби

Яко в. м. перед сим недавно до нас писалесь, так и г. полковник богуславскій извѣствует, что товариство з рожних полков под командою в. м. будучое войска великороссійскіе з квантир тѣх, на яких в. м. знайдовалеся, затиснулы, же аж

[227] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 315–316.
[228] Там само. – С. 316–317.

мусѣли в повѣт Уманскій вступить, гдѣ немалую мѣет тѣсноту в станціях, а и людям не без тяжести приходит. Теды приказуем в. м., абись всего того товариства половину в том Уманском повѣтѣ на станціях расположил до монаршаго указу, которого вскорѣ вспо дѣваемся и половину в дом роспустить позволяем. Тое в. м. предложивши, зичим ему ж доброго от Гос. Бога здоровя.

З Глухова февраля 11 року 1710.

В. м. зичливый пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Запр. [229]

№ 230

1710, лютого 15. – Київ
Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського

Превосходительнѣйшій и почтеннѣйшій господине, господине!

В бытность мою в Глуховѣ, за показанную пріязнь и угощеніе зѣло благодарен, а когда я прибыл в Кролевец, и меня достиг глуховскій сотник Андрей с дарами от вашего превосходительства, которых не надлежало было принять, понеже якобы я вас в подозрѣніи имѣю, что дарами обходиться, а я и без даров имѣю добрую с вами пріязнь. А се еще сам ваше превосходительство не богат, однаю ж не мог того учинить, чтоб не принять, дабы ваше превосходительство не имѣли меня в подозрѣніи, и тѣ дары благопріятно принял и благодарствую, за что должен сам отслужить. В бытность же свою в Глуховѣ видѣл бывшаго бѣлоцерковскаго полковника Михайла Емельянова, о котором вашему превосходительству говорил, дабы его ко мнѣ прислали; нынѣ повторне прошу извольте его ко мнѣ прислать за караулом, чтоб не ушел, понеже он из Бѣлой Церкви из-за караулу ушел.

При сем остаюсь вашему превосходительству всегдашним пріятелем
князь Дмитрій Голицын.
Из Кіева, февраля 15 дня, 1710 году [230].

№ 231

1710, березня 10. – Глухів
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласковій приятелю г. полковнику корсунскій!

Вѣдаемо мы и сами тое добре, же за стисненем войск великороссійских труд- ностно дѣется в. м., о чом колкокротне до двору монаршого его царского величества до свитлѣйшого князя его м. благаючи позволенія о отпуску в. м. в доми,

[229] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 317.
[230] [*Судиенко М.*] Материалы для отечественной истории. – К., 1855. – Т. 2. – С. 15.

також и до сиятельнѣйшого князя его милости воеводи кіевского в том просячи совѣту, писалисмо; тилко ж жадного на всѣ тыи наши листи неотколь по сее время не имѣем отвѣту и резолюціи, для чего подлуг нашого указу хоть замалым числом товариства мусить в. м. до которого часу знайдовашися на том, гдѣ тепер найдуется мѣсцу. О нашествіи компанѣй волоской под комендою Танского найдуючихся и одѣючайся от них збитках и долегливостях людям лист в. м., о том до нас присланный, до двору монаршого его царского величества послалисмо, просячи на тое отрадного до Танского указу. О сем в. м. предложивши зичим ему ж доброго от Господа Бога здоровя.

З Глухова марта 10 року 1710.

В. м. зичливій приятель Иван Скоропадскій гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Запр.

На оном листѣ приложена цедула такова: наменяем в. м. цедулою в листѣ своем, же посполство полку вашего Корсунского за указанный войску охотницкому да так подняли уши и своеволе, з которой обавляешся себѣ (чого не дай Боже): смертоносного припадку, ради чого лечь бы на мнѣй не надѣйся од посполства своего, поневаж там найдуются войска великороссійскіе, а ежели у в. м. тая есть пересторога, что гултайство знизу зобравшися, будучое теперь коло Чорного Ташлику и Убежбайраках, хотят на якій колвек городок крайнія полку в. м. Корсунского ударити и поробовати; прикажи в. м. всѣм обще жителям тѣх городков крайних мѣтися на пилной осторожности, жебы тое гултайство з не науки шкоди якой не учинило [231].

№ 232

1710, квітня 12. – Глухів
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Корсунскому полковнику Андрею Кандыбѣ, доброго здоровя желаю!

Получил в. м. писмо, в котором пишете, что нѣкакой Петрик с нѣсколкима запорожцами хочет прити с повинною к сторонѣ царского величества, и с тѣм прислал к вам двух человик козаков, которых вы приняли ласково, а к оному Петрику послали обевително указ, присланной от меня, обнадеживая их государскою милостію. И то ви учинили изрядно, и впредь надлежит вам таких же запорожцев призывать, обнадеживая их государевою милостію, что в винах их царское величество простить изволит, чтоб они шли без всякого сумнѣнія и страху.

Князь Дмитрій Галицын.

Из Кіева 12 апрѣля 1710 году [232].

---

[231] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 317–318.

[232] Там само. – С. 318–319.

№ 233

1710, квітня 22. – Глухів
Лист гетьмана Івана Скоропадського
до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласковій пріятелю, п. полковнику корсунскій!

Видимо нам з листа в. м., что нѣякійс Петро запорожец в килка десять коней оттогнувшися от запорожцов и взявши доброе перед себе намѣреніе приклонитися под первобытную монаршую царского пресвѣтлого величества державу прислал от себе до в. м. двух козаков, нарочно ищучи себѣ милости монаршей у певненя. И мы яко перед сим килко кротне писалисмо до всих обще запорожцов накошь, совѣтуючи им, и упевняючи не сумняся возвратитис под монаршую руку, так вдячні естесмо такой о обращея ніи сих поданной от в. м. видомости похваляем за тое, же в. м., тѣх присланних к себѣ запорожцев удержавши умислных своих до его, Петра, послали з листом сиятелнѣйшого князя его м. Дмитрія Михайловича Голицина, обнадеживаючи ку о них и упевняючи милостію монаршою нѣчого за свое преступленіе не опасаяся быти милостиво принятим, о чом се не давно в мимошедшем времени было на киш посиланя монаршая его царского пресвитлого величества грамата увищоваючая их, запорожцов, з милостивым за их проступство прощеніем, жебы безопасно обратилися в прежнье под его монаршую державу пребываніе, за чим и в. м. гетманским нашим словом и христіянским сумненем, помянут Петра обращающагося тоею ж милостію монаршого упевны, который скоро прибудут до в. м., теды в. м. его самого в десятку его компанѣй тогож часу не омешкай до нас виправити, а и ниш тому его товариству тамо гдѣ если могут помѣститися показати для прокормленія мѣстца, а ежели бы з трудностію приходило людям инними войсками утиженим, их контентовати, теды всих присилай в. м. до нас поволѣ. Тое в. м. предложивши зичим ему ж доброго от Господа Бога здоровя.

З Глухова апрѣля 22 року 1710.

В. м. зичливый приятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвитлого величества Запр. [233]

№ 234

1710, травня 11. – Глухів
Лист гетьмана Івана Скоропадського
до корсунського полковника Андрія Кандиби

Пану полковникови Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского корсунскому з старшиною полкового и каждому кому колвек в том вѣдати надлежит, сим универсалом нашим ознаймуем, иж получилисмо теперь недавно видомость, что воевода кіевскій, Потоцкій, вдвоютном числѣ конницы пробравшись тайно прибыл в Бендер до короля шведского. По яких вѣдомостях сіятельнѣйшій

---

[233] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 319–320.

князь его милость Димитрій Михайлович Голицин любо послал уже для цѣлости вашей и лучшой того-бо чиним городам острожности от непріятельского (чого не дай Боже) вторгненя, три полки великороссійских, тим боком Днѣпра и листами своими заслал в. м. остерегаючи, однак и мы, гетман, по должности уряду нашого зославши до всѣх рейменту нашого панов полковников того бочних указы и в. м. чрез сей унѣверсал пилно приказуем, абись зо всѣм полку своего товариством всякую мѣли чулость и острожность и до отпору не пріятельского поготовость. Кгдиж опасуемся, чтоб помянутый кіевской воевода Потоцкій, по злом своем намеренію согласившеся з проклятими гултяями запорожскими, не похотел вторгнувшись гдѣ под городы тогобочніе, а борзей порубежніе учинити шкоды, а согласовати мѣешь в. м. во всем з паном асаулом нашим войсковым енеральным, которого для всяких порядков устроеня випровадилисмо на туую сторону Днѣпра, и если б туда позвал военный случай и наш заслан будет впред ординанс, то мѣшь в. м. без жадного вкладу и реймовки з дому виходити. А мы для лучшой в. м. помощи, яко велѣли ему уже пану асаулеви компанею Ковбасину знявши з станцѣй на певном там мѣстцу противнои там сторони розставити так и другую еще туда ж прислати обищуем; а и сам по указу его царского величества зо всѣми полками сего бочними уже в предлѣжащій поход к Кіеву сих числ мая выходисмо. Тое в. м. предложивши пилно повторне и по десяте приказавши, зичим ему ж доброго здоровя.

Дан в Глуховѣ мая 11 дня року 1710.
Звиш менованый гетман рукою властною [234].

№ 235

1710, червня 6. – З-під Батурина
Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

Мой ласкавій пріятелю, п. полковнику корсунскій!

Писал до нас и пан асаул войсковій генеральный, же тих двох чиловиков язичних, которих в. м. по согласію з паном асаулом виправили были в шпингах до Бендеру, войска великороссійскіе на пассах у Днѣпра зостаючіе не пропустил и мусѣли назад повернутися, однак добре в. м. учинили, что знову послали од себе до Ягорлика справкою человика для вивѣдыванія всяких поведеній от противной сторонѣ в Бендеру дѣючихся, якіе прето от того вышмененного человика будете в. м. мѣти вѣломости, тые як найскорѣй до нас присилайте, жадаем и зичим в. м. доброго от Господа Бога здоровя з обозу от Батурина іюня 6 дня року 1710.

В. м. зичливій пріятель Иван Скоропадскій, гетман Войска его царского пресвѣтлого величества Зап.

При оном листѣ приложена цедула такова: велмѣ добре учинилесь в. м. же виправилесь Василя Рубана Кални-Бологского самопять перебиваючи шляхи идучи

[234] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 320–321.

з Бѣлогорода до Очакова и до Сѣчи. Тилко того досмотри в. м., жебі за их недосмотром непріятель тайно по своем намѣренію, куда не добрался [235].

№ 236

1711, грудень. – Глухів
Універсал гетьмана Івана Скоропадського про переведення жителів Задніпрського краю в лівобережні сотні Миргородського полку

Его царского Пресветлого величества Войска Запорожского гетьман Иоанн Скоропадский.

Пану полковникови миргородскому, п:п: старшине полку, сотникам, атамане городовой и сельской, войтам, также духовного и свецкого чину, войсковим и посполитим того ж полку обивателям, кому коя век о том ведати надлежит, сим нашим ознаймуем универсалом по нево ж пресвятейшей и всемилостивейшей наш гдарь, его царское величество постановленние Вечного миру з королевским величеством польским и Реччу Посполитою договори, хотячи привести в исполнение, соизволил нееднократним своим подтвердити указом, даби того бочного Заднепрского краю люде на сюю всеконечне перебиралися сторону, а жилища их, городи, городки и села пусти оставити, яко теди сиятельнейшей граф, генерал фелтмаршал, его милость гпдн Борис Петрович Шереметов, килька полков драгунских, по его ж монаршим повелению ординовал, которим тамо бочних жителей на сей бок меют перепроважати, о чем и до нас его сиятельство фельтмаршал чрез нарочно своего посланного писал обявляючи. Так ми, гетьман, оголошуючи тую его царского величества волю, чрез сей наш универсал указом его ж, монаршим, и повагою нашою рейментскою приказуем, аби пан полковник, старшина, особи духовного, свецкие, войскового и посполитого чина в том полку люде, когда тамо бочние заднепрские жители начнуть на сей бок перебиратися ине в городи или села для прожития приходить, безотмовне, клевече зимное время, приймали. Докладаем тут же, чтоби пан полковник в побережних полку своего городах и селах старшине и всякого чину обивателям приказал тамо бочного краю людей, котории сюда перейшовши набитков своих вглиб рейменту нашего городи, чим спроважати не метимуть, межи собою без всякой отмови и противности местити. Нем даст Бог наступаючого лета зволе соби всяк, где хто похочет, устроят оседлости. Особливо же пан полковник сего универсалу списки по сотням полку своего городках и селах разослати должен, приказавши оние при всенародном вичитовати собрании, що все воли царского величества и указови нашему задосить, даби чинилося, повторе и подесяте рейментарско приказуем. Дан в Глухове декамрия року 1711.

Звышеименованний гетьман рукою власною [236].

---

[235] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 321.

[236] *Пивовар А. В.* Поселення Задніпрських місць до утворення Нової Сербії: в документах середини XVIII століття. – К.: Академперіодика, 2003. – С. 245 (ЦДІАК України. – Ф. 51. – Оп. 3. – Спр. 11437. – Арк. 208–208 зв. копія).

№ 237

1716. – Лондон
Джон Перрі. Стан Росії при нинішньому царі
(нотатки про 1698–1709 рр.)

В 1698 году, когда его царское величество посетил Англию, с целью изучить наше искусство в построении и вооружении флота, я, в числе других мастеров и прочих лиц, с которыми царь благоволил беседовать, был представлен ему лордом, после маркизом, Кармартеном (by the then Lord Marquiss of Carmarthen), мистером Доммером (Mr. Dummer) (тогдашним интендантом флота), и некоторыми другими лицами, как человек способный быть ему полезным в некоторых случаях, относящихся до его новых предприятий: основания флота, способствования к судоходству рек и проч. После того, как его величество сам переговорил со мною, преимущественно об устройстве сообщения между реками Волгою и Доном, я был принят в службу его через посланника, графа Головина, который условился со мною на счет жалованья, а именно: мне определено 300 фунтов стерлингов в год и, кроме того, правительство русское берет на себя уплату моих путевых расходов и выдает деньги на содержание мое во время каждого служебного поручения, которое будет дано мне; затем, после окончания каждого дела, мне назначается известное вознаграждение, способное удовлетворить меня.

Вскоре после заключения со мною договора, царь, который отправлялся из Англии в Голландию, взял меня с собой, и когда я там изучил все то, что имел случай видеть, я был отправлен прямо в Москву с приказанием ехать оттуда немедленно в Астраханскую губернию, около тысячи верст (т. е. русских миль) за Москвою, чтоб надсматривать за работой, которая производилась под ведением другого лица, назначенного его царским величеством для открытия сообщения для военных кораблей, а также и судов с тяжестями от Каспийского моря до Черного по означенным двум великим рекам, Волги и Дону. Первая из этих рек, протекши около трех, или четырех, тысяч русских миль, по царским владениям, впадает в Каспийское море; другая же река, протекая в половину меньшее расстояние, впадает через Азовское болото (Palus Meotis) в Черное море.

Сообщение между двумя названными большими реками, на пространстве около 140 русских миль, возможно посредством двух меньших рек, из коих одна называется Илавла (Lavla) и впадает в Дон, а другая Камышинка (Camishinka) впадает в Волгу; на этих малых реках предполагалось устроить шлюзы, чтоб сделать эти речки судоходными, а также предполагалось, на протяжении около 4-х русских миль, по твердой земле прокопать канал в том месте, где эти две реки протекают на более близком расстоянии одна от другой. Такая работа, если б она пришла к окончанию, была бы весьма выгодною для владений царя, особенно в случае войны с турками, крымскими татарами, Персией, или с одной из стран, прибрежных к Каспийскому морю.

Чертеж предполагаемого сообщения находится на прилагаемой здесь карте этой страны. Работа эта, как уже сказано выше, была начата неким немцем, полковником Брекелем (Breckell); он был полковником в царской армии и считался

очень хорошим инженером по части укреплений; но мало смысля дело, которое взял на себя, так неосновательно начертил план канала, что первый устроенный шлюз сорвало, т. е., он подался в основании и под запертыми воротами вода свободно протекла. Вследствие этого, с наступлением зимы, приехав в Москву, Брекель выхлопотал паспорт для одного из слуг своих, под предлогом отправки его за границу для необходимых покупок по части работ, да и сам с этим паспортом бежал из страны. Царь был об этом уведомлен во время пребывания своего в Англии, и по тому соблаговолили немедленно отправить меня, чтоб исследовать, насколько эта работа возможна, что и было исполнено мною в течение того же года. По возвращению царя из-за границы в Москву, я представил ему чертеж и донесение, в котором излагал причины, вследствие коих работа Брекеля была неправильно задумана, и тем дал царю о ней настоящее понятие. Его величество благоволил приказать мне взять на себя исполнение этой работы и начать копать канал на новом месте, избранном мною как более удобном; так как тут при меньшем труде, легче было устроить шлюзы. Этою работою я занимался три года сряду, в течение летних месяцев, и потребовал 30 000 человек работников, но никогда не мог получить и половины этого числа, а в последний год не было прислано в мое распоряжение даже и 10 000 человек, не говоря о том, что всегда чувствовался недостаток в хороших мастерах и необходимом количестве материала. Касательно этого последнего обстоятельства, я каждую зиму, во время поездок моих в Москву, собственноручно подавал царю список требуемого материала, особенно для постройки шлюзов; но в это время царь потерпел поражение под Нарвой, и война со шведами грозила надолго затянуться. Все это требовало и людей и денег. В конце 1701 года я получил приказание прекратить на время работу и оставить на месте одного из моих помощников, поручив ему наблюдать за тем, чтобы время и случайности не разрушили уже сделанного (некоторые шлюзы были почти окончены и канал в половину прокопан), а самому, с прочими моими помощниками, явиться в Москву. Оттуда я был отправлен для новых работ в Воронеж (Veronize), а князь Алексеевич Голицын (Kneas Alexyeavich Gollitzen), который был губернатором в царстве Астраханском, где производились выше сказанные работы, лишился своего места за то, что задерживал работу, не отпуская мне необходимого числа людей и требуемого мною материала. За это князь, подпавший под немилость царя, сделался моим непримиримым врагом и, пользуясь связями своими (он был в родстве с самыми знатными фамилиями), влиял на вельможу, под ведением которого я продолжал мое служение, занимаясь новой работой, и внушил ему против меня предубеждение, которое все старые бояре питали к новым предприятиям, начатым царем по совету иностранцев. Было еще одно обстоятельство, вследствие которого лорд (так!) Голицын был особенно недоволен вышеупомянутой работой. Брекель, до того не искусно построивший свой первый шлюз, что он, при первом же опыте, был прорван напором воды, убоялся последствий, которым мог подвергнуться в самовластном государстве, и бежал за границу, откуда написал к царю письмо с жалобою на Голицына и на то, что он отказывал ему во всем, необходимом для производства работ, особенно напирал на дурное обращение с ним князя, который, по нерасположению к его предприятию, его самого невзлюбил: так он однажды ударил Брекеля тростью и стращал, что велит его повесить.

Это случилось во время путешествия царя за границу, и по возвращение своем он упрекал за это князя, как не оправдавшего его доверия; князь с этой минуты стал непримиримым противником водного сообщения и утверждал, что это дело не может быть совершено руками человека. Независимо от этого, князь представлял, что ведение этого канала было бы весьма тягостно для государства, вследствие огромного числа людей, которое требовалось для исполнения работ, и затем употребил все свои усилия, чтоб предприятие было остановлено, как неудобоисполнимое. Он утверждал, что, по его убеждению, если Бог, создавая реки, дал им известное течение, то со стороны человека было бы неразумным высокомерием стараться направить их в другую сторону.

Как только я был вызван в Москву, я стал ходатайствовать о должном мне жалованье, которое я надеялся получить и из которого еще ни копейки не было мне выплачено: до сих пор я получал только деньги на пропитание мое, по 25 рублей в месяц; сумму эту царь укрепил за мною, как только я приехал в эту страну, и приказал выдавать мне от жалованья 300 фунтов стерлингов в год, о получении которых я тогда ходатайствовал.

В то время лорд Апраксин, ныне находящийся в звании генерал-адмирала (которого не задолго перед тем царь посылал осматривать выше означенную работу водного сообщения, так как ему в то время был поручен главный надзор над вооружением царского флота), благоволил беседовать со мною насчет царских кораблей в Воронеже, которые, быв построены из сырого леса, весьма скоро подвергались гниению, не выдерживали кренения и спущенные на воду легко шли ко дну. Я сказал его вельможности, что, по моему мнению, есть способ, который мог бы быть применен на этой реке, или где-нибудь поблизости, для того, чтобы исправлять корабли без кренения: их можно бы было чинить на суше посредством запруды, сделанной на реке, для чего следовало бы устроить большой шлюз с подвижными воротами, поднимающимися вверх, чтобы пропускать течение воды, и другой отдельный шлюз с двумя большими воротами, чтоб пропускать корабли. Посредством этих ворот, которые запирались и отворялись бы, смотря по надобности, уровень воды, приподнятый таким образом, мог бы во всякое время поднять и поставить на сушу даже самые большие корабли его величества, и по том опять спустить их на воду. Лорд Апраксин сказал мне, что применение к делу такого предположения оказало бы великую услугу его величеству; уверял меня, что я не подвергнусь тем задержкам, которые терпел при князе Голицыне, и получу все необходимые пособия в людях и материале; Апраксин обещал мне, что не только будет точно выплачивать следующее мне жалованье, покуда я буду находиться под его начальством, но обещал сделаться моим покровителем и помочь мне выхлопотать все недоплаченные деньги (о получении которых я напрасно ходатайствовал), как только я окончу эту работу, столь полезную для царя, в виду устройства флота, предназначавшегося для войны с турками.

И так в 1702 г. я был послан в Воронеж и водворен на новом месте жительства, около устья реки, которую я нашел чрезвычайно удобною для поднятия воды на известную высоту, и затем, посредством блоков иметь возможность поставить корабли на сушу выше обыкновенного уровня реки, что я и привел в исполнение в течение следующих шестнадцати месяцев. В первый раз, когда шлюз был заперт, я поднял 15 судов (некоторые из них были 50-ти пушечные), и расположил

их на блоках для починки, как то делается на наших верфях в Англии, где, как только замечают, что корабль потерпел повреждение, его тотчас же разснасчивают, и таким способом приводят в надлежащий порядок; у некоторых судов переменяют тимберсы, у других корму, или старн-носты.

Хотя работа моя была исполнена довольно удовлетворительно, но как только я стал просить, чтоб мне уплатили за проведшее и за текущее время жалованье, которое я надеялся получить, согласно данному мне обещанию, то опять ничего не получил. Лорд Апраксин приказал мне на той же реке начать новую работу, и сказал, что по окончании ее мне несомненно выдадут все деньги сполна.

В то время, когда моя первая работа была окончена, сам царь, приехав в Воронеж, сделал распоряжение касательно починки судов, которые уже лежали на суше; затем он благоволил сказать мне, чтоб я осмотрел реку и решил, может ли она, посредством устроенного на верховьях ее нового шлюза, сделаться судоходною во всем своем протяжении от г. Воронежа до реки Дона, так, чтобы во всякое время года по ней могли плавать 80-ти пушечные корабли.

Когда я, ознакомившись с местностью, донес его величеству, что это удобоисполнимо, он благоволил приказать мне заняться этим делом, к началу которого я и приступил в 1704 году. В следующем году я успешно окончил работу, шлюзы были 43 футов ширины и на столько глубоки, чтоб возможно было посредством их поднять воду для прохода 80-ти пушечных кораблей. Кроме того устроены были подъемные шлюзы, чтоб выпускать сильный наплыв воды, который в весеннее время в этой стране увеличивается таянием снегов и, напирая на шлюзы, вместе с огромными плавучими льдинами, весьма способен разорвать всякую плотину. Не смотря на это дамбы, устроенные мною, столь прочны и тверды, что не терпят никакого ущерба от весенних потоков, и не подвергнутся опасности быть разорванными ими, доколе существует мир. Многие лица, находящиеся ныне в Лондоне, видели эти постройки и могут подтвердить все вышесказанное. Когда и эта последняя моя работа в Воронеже пришла к успешному окончанию, я опять обратился к лорду Апраксину за моим жалованьем, но имел случай убедиться, что он мало заботился о честном исполнении своего слова и обещаний. Дело мое затянулось как и прежде, и минута получения денег опять отсрочилась. Его вельможность сказал мне, что деньги мои не убегут от меня, и что я в эту минуту не крайне в них нуждаюсь; и в то же время уверял меня, что я не могу окончательно свести мои счеты помимо графа Головина, который первый принял меня в царскую службу. Как бы то ни было, но его вельможность, вероятно, чтоб поддержать меня в терпении, после исполнения мною каждой из выше означенных работ, делал мне небольшой подарок, ценности, примерно, в 250 фунтов стерлингов.

Построение шлюзов, предназначенных выдержать малый напор воды, и устройство судоходства для мелких судов по небольшим рекам, не представляет затруднения и везде удобоисполнимо; но я не думаю, чтоб где-либо до сих пор на какой-либо реке устроено было судоходство для судов такого большого размера; а почва, на которой мне пришлось ставить мой последний шлюз, была столь удобна, что когда я начал копать ниже уровня реки, то наткнулся на такую силу подземных источников, что никакие насосы не способны были выкачать воду и осушить грунт до глубины, которая требовалась для основания шлюза; я был

вынужден прекратить работы недель на шесть, покуда не соорудил особый снаряд для выкачивания воды. Снаряд этот, способный опоражнивать 10, или 12, тонн воды в минуту, действовал днем и ночью в течение нескольких месяцев. В то время, когда я работал этим способом, царь опять прибыл в Воронеж, и, в сопровождении нескольких лордов своих, не раз посещая работы, остался ими чрезвычайно доволен. Снаряд мой был, в усовершенствованном виде, тот самый, который я впервые построил в Портсмутских верфях, 23 года тому назад, когда, находясь лейтенантом на Монтегю (Mountague), я на этом корабле пришел для починки его в порт.

Пока я занимался последней моей работой в Воронеже, я встретился там с одной личностью. Это был поляк по происхождению, принявший русскую веру и занимавшийся прежде устройством корабельного дока в царской искусственной пристани в Таганроге, на берегу Азовского моря. Вышеупомянутой личности приказано было устроить нового рода верфи на реке Воронеже для постройки 80-ти пушечных кораблей, с приделанными к ним ящиками, для того, чтоб спускать их вниз по течению Дона через Азовское мелководье, которое находится в расстоянии около тысячи верст от устья реки Воронежа. Царь, во время пребывания своего в Воронеже, отдал приказание для постройки этих верфей; это было не задолго до окончания моих работ.

В течение этой зимы, вследствие приезда курьера из Польши, его величество внезапно туда отправился. В ночь перед своим отъездом он отдал письменное приказание лорду Апраксину касательно того, чтоб я занялся особыми исследованиями над течением реки, и чтобы мнение мое, вместе с мнением трех корабельных мастеров (два из них были англичане, мистер Козенс и мистер Ней [Mister Kozens and Mister Ney], а третий был русский), взято было во внимание относительно места, где предполагалось устроить вышеозначенные верфи. Но место было отведено совершенно противно моему мнению и выбору, и работы решено было начать на песчаной почве и производить их способом вовсе не подходящим, Я тогда передал на словах лорду Апраксину, какие могли произойти пагубные последствия от устройства верфи на такой почве, и таким образом сказал ему, что при половодье весною основание работ будет неминуемо снесено и, может быть, самые корабли, находящиеся в верфях для починки, потерпят повреждение (что в последствие и случилось); но его вельможность, вероятно, предполагая, что я только желал отстоять свое собственное мнение, и не подозревая уменья и сведений того лица, которое взяло на себя построение этих верфей, положительно надеялся на успех, и также склонялся к уверениям царского русского корабельного мастера, о котором выше было упомянуто, а равно и другого лица, также русского, лично в этом деле замешанного, так как он владел небольшой деревенькой, находящейся в той местности, где предполагалось устроить верфи, и должен был, взамен этой деревеньки, получить другую, гораздо лучшую. Убедившись, что на слова мои лорд Апраксин не обращает никакою внимания, я, для собственного оправдания, письменно изложил мои возражения, и в поданной мною ему записке доказал, какая неминуемая опасность грозит работам, если они будут выполнены на том самом месте и тем способом, который имелся в виду. В то же время представил я его вельможности чертеж вместе с моим проектом; тут же приложил я математическую фигуру, из которой ясно видно было, что тяжесть

воды, увеличенная возвышением уровня реки во время весеннего половодья (обстоятельство, которое необходимо было взять в соображение), будет слишком сильно напирать на верфи, устроенные таким образом. Я сделал все это в доказательство тех причин, по которыми, считал, что работы эти не могли быть успешны.

Но, не смотря на все мои представления, его вельможности угодно было допустить продолжение работ по прежнему начертанию. Место для постройки царских кораблей, которое находилось первоначально около самого города Воронежа, перенесено было за 7 русских миль вниз по течению реки; и по этому случаю также пришлось перенести туда дом, предназначенный для приезда царя и некоторых из его лордов (дома эти, по русскому обычаю, были деревянные и устроены таким образом, что могли по желанию быть перенесены с одного места на другое); также перенесены были дома строительных мастеров, художников и работников. Вокруг всех сих зданий с необычайной быстротой воздвигли укрепления с бастионами; но после трех летних неудачных попыток поддержать все это, с потерею нескольких сотен тысяч, пришлось отказаться от начатого дела, по той причине, что река постоянно подкапывалась под основание работ и заливала их водою. Вследствие всего этого положение лорда Апраксина в отношении меня делалось крайне неловкими: он боялся, что рано или поздно до сведения царя дойдет, что он приказал продолжать работать, вопреки всех причин и доводов, приведенных мною против этого предприятия. Около того же времени я предложил его вельможности средство для предохранения кораблей его величества в Воронеже от порчи и разрушения, которым они подвергались в мирное время. Царь был крайне недоволен тем, что он до сего времени не получил должного донесения.

Все эти обстоятельства, о которых было бы скучно и неуместно здесь распространяться, были причиной того, что с этой минуты отношения его вельможности ко мне стали весьма недоброжелательны и оскорбительны. Все подробности, касательно выше означенных доков со списком чертежа моего и доводов представил я, вместе с изложением последствий, неизбежных в этом предприятии, от которого, по моему мнению, рано или поздно, неминуемо придется отказаться. Я показал записку мою чрезвычайному послу ее величества, почтенному мистеру Витворту (Whitworth), английскому консулу мистеру Гудфело (Goodfellow) и некоторым другим англичанам, с которыми виделся по приезде моем в Москву в 1706 году, т. е., около двух лет того времени, когда опыт ясно выказал ошибку; и от работы этой принуждены были отказаться, как от неудобоисполнимой, избрав другое место для построения меньших судов без доков, как то делалось прежде.

Окончив мою последнюю работу в Воронеже, я оставался в Москве несколько месяцев без новых поручений; по истечении же этого времени его величество пожелал привести в исполнение предначертание мое, о котором упоминалось выше, для предохранения кораблей от порчи и разрушения в мирное время, т. е., о поставлении их под навес в особо к тому приноровленных сухих пристанях, устроенных таким образом, что посредством шлюза уровень воды мог быть поднят на столько, на сколько необходимо было, чтобы провести корабли в такие сухие пристани, и затем, таким же способом выпуская воду, оставить суда на

суше. Я предполагал устроить особые отделения, где бы корабли его величества размещались соответственно своим рангам, от 10 до 20 в каждом отделении, по усмотрению его величества, и оснасчивались бы на блоках, как то делается у нас, в Англии; так что, когда от времени сухая обшивная доска начнет сседаться и дуб на сшивке ослабеет, то будет возможность проветривать их, пропуская везде к тимберсам посредством постоянно открытых люков и пушечных окон (ports).

Это предложение я основывал на том, что всякого рода тимберсы и тому подобные предметы, сделанные из дерева, когда они подвержены влиянию ветра и непогоды, весьма скоро приходят в разрушение, особенно в кораблях, которые зимою находятся под постоянным дождем и туманом, а в летнее время, палимые зноем с одной стороны, а с другой находясь в воде, подвергаются и течи и сырости, которая, проникая чрез трюмы в пространство, находящееся между тимберсами и внешними и внутренними обшивными досками корабля, куда не может свободно проходить воздух, составляет неоспоримую причину гниения судов. С другой стороны я представил, что всякий предмет из лесного материала, не подверженный двум противоположным влияниям природы, но содержимый постоянно в суше, или в сырости, сохраняется в лучшем виде дольшее время, так что я имел полное основание предполагать, что если б только приноровить так, чтоб в мирное время корабли его величества находились совершенно на суше, то они могли бы быть в употреблении втрое, или четверо, долее, чем в настоящее время, не требуя столь частых починок.

Я также представил, что подобного рода сухая пристань, устроенная в надлежащем месте, имела бы двоякую выгоду и удобство, служа в мирное время для пересмотра кораблей его величества и сохранения их в исправности; пристань эта и в военное время была бы весьма полезна, представляя возможность, в случае надобности, вводить в нее суда для исправления повреждений, оснасчивания и вооружения таким же способом, как было то устроено мною у устья Воронежа для 15 кораблей, т. е., поднимая уровень воды смотря по надобности, с тою только разницею, что здесь не все корабли впускались бы одновременно. Для каждого ранга кораблей я предполагал устроить особый вход, чтоб можно было впускать и выпускать только то число судов, какое потребуется; эту сухую пристань я предполагал окопать рвом и окружить каменною стеной для предохранения ее от случайностей измены и огня. Сумма, которая потребовалась бы на устройство и поддержку подобной пристани, весьма незначительна в сравнении с издержками и трудом, тратящимися ежегодно на постройку и починку кораблей его величества.

Когда я в первый раз заговорил об этом с лордом Апраксиным, то я сказал ему, что если только мне прикажут, я готов доказать на деле, как выгодна была бы подобного устройства пристань для сохранения кораблей его величества. Я просил его довести все это до сведения царя, но он доложил об этом в превратном виде, уверяя, что я старался уговорить его к устройству вещи неудобоисполнимой. В последствии, однако, царю сделано было более верное представление об этом деле в письменном докладе достойного (ныне умершего) друга моего, мистера Генри Стайлза (Henry Stiles). Царь вполне постиг мою мысль и одобрил ее; мне приказано было ожидать в Москве возвращения его

величества, где я провел несколько месяцев без всякого занятия, а затем из Польши получил от царя приказание отправиться к реке Дону, чтоб приискать там удобное место для работ.

Вследствие этого я осмотрел устья пяти небольших рек, впадающих в Дон и означенных в отданном мне предписании, а затем возвратился в Москву к лорду Апраксину с отчетом о том, какую местность считаю я более удобною для производства работ, и с означением необходимого числа работников и материала. Отчет этот и список его вельможность взял с собою в Петербург (Petersburg), куда отправлялся для встречи царя. Его величество благоволил отдать приказание для срубки леса и приготовления его для работы, но работу приказал не начинать, покуда сам он не найдет удобного времени, чтоб лично осмотреть местность, избранную мною, и сделать некоторые распоряжения. Между тем его вельможность, возвратившись опять в Москву, уведомил меня, что он получил от царя повеление уплатить мне задержанное мое жалованье, и уже отдал приказание своему помощнику представить счет, что мне приходилось. Таким образом я с полной уверенностью мог ожидать получения следуемых мне денег; но в первый же раз, когда мне пришлось после этого представиться его вельможности, он в разговоре сказал мне, что царь в настоящую минуту был так поглощен военными делами в Польше, что, вероятно, не так скоро еще найдет возможность возвратиться в Москву, а оттуда проехать осмотреть местность и сделать распоряжение на счет работ. Затем лорд Апраксин приветливо спросил меня, что я намерен делать в промежуток этого времени? Я отвечал, что так как начало работ должно отложить до возвращения царя из армии, и для меня не предвидится в настоящее время занятий, то я просил бы его вельможность дать мне непродолжительный отпуск в Англию для свидания с родственниками и друзьями, обещаясь, по возвращении моем, служить его величеству с полным усердием. Я предполагал провести в Англии не более восьми, или десяти, месяцев. В первую минуту его вельможность одобрил мое намерение, приказав мне подать прошение, а со своей стороны обещал писать к царю на счет моего отпуска.

В последствии, однако ж, эта невинная просьба моя оказалась для меня западней; вместо того, чтоб говорить об отпуске, он представил царю, что я имел намерение оставить службу его, и с этой целью обращался к английскому посланнику, который будто бы уже писал обо мне в Англию, представляя меня как человека, способного применить в пользу английского флота то самое предположение, которое я имел в виду для сохранения царских кораблей, гнивших тогда в Воронеже, и что, вследствие этого, он, лорд Апраксин, приостановил выдачу мне моих денег. Со временем, однако, его вельможность откровенно сознался мне во всем этом, прибавив, что так как до сведения его дошло, что я обращался к английскому посланнику с этим предложением, о котором было уже писано в Англию, а затем стал просить отпуска на родину, то он, заботясь о своей голове, вынужден был приостановить уплату денег, которые в таких обстоятельствах не имел права выдать без особого приказания его величества, вследствие чего и послал обо мне обстоятельное донесение.

Затем, так как царь на долгое время был еще задержан в Польше, я продолжал оставаться в Москве, не получая ни денег, ни определенного занятия. Наконец его вельможность объявил мне, что получил ответ от царя, и уже отдал приказание об

отправлении меня на службу, но он не желал сообщить мне, куда именно меня пошлет, а только сказал, что я должен подписать новый договор с обязательством на будущее время служить его величеству, где и как мне будет приказано, и что без этого я не могу получить не только всех не доплаченных денег, но даже и какой бы то ни было части их. К довершению всех моих невзгод следует заметить, что, получая деньги нововычеканной русской монетой, мне приходилось при размене, по тогдашнему курсу, потерпеть убытку около 38 процентов. Но об этом злонамеренном умысле я в свое время дам более полный отчет. Теперь же только скажу, что я не мог дать своего согласия на это условие, не чувствуя никакого расположения согласиться на новые неразумные и бесчестные требования, и тем самым закабалить себя в стране, где со мною, в течение долгого времени, так дурно поступали. Вследствие моего отказа его вельможность, который опять отправлялся в Петербург, отдал приказание своему помощнику удержать у меня деньги, выдаваемые мне на мое содержание, а также и денщиков (denshicks) или солдат, которые до этого времени были назначаемы для моей прислуги, надеясь этим принудить меня к уступчивости, и в то же время обвинял меня в упорном неповиновении царской воле и приказаниям. Тогда я изложил в письменном докладе все затруднения, которыми я был обставлен, и ходатайствовал о моем увольнении, с твердым намерением выехать из этой страны, оставив в ней мои деньги; но мне отказали в увольнении, и опять таки я должен был, оставаясь в Москве, дожидаться возвращения царя из армии.

Около этого времени шведский король, свергнув с престола короля Августа, предписал ему условия и принудил его заключить мир. Царь такими образом оставался без союзников в войне, и затем разнесся слух, будто бы шведский король имел намерение выступить из Саксонии, идти на Москву, чтоб также принудить царя к заключению мира. Вследствие этих слухов немедленно сделаны были распоряжения для укрепления города Москвы: предполагалось расположить бастионы кругом второй каменной стены. Для производства этих работ назначены были два инженера, господин Корчмин (Carchmin), русский инженер его величества (о котором я буду иметь случай говорить в последствии), и некто Спаритор (Sparitor), который находился в звании подполковника в царской артиллерии. Некоторые из этих бастионов необходимо было расположить на болотистой почве, по берегу Неглинной (Neglena) (маленькой речки, впадающей в реку Москву). Я посетил эту местность в то время, когда выводили основание сих бастионов, которые необходимо было поднять до значительной высоты, для того, чтоб они могли господствовать над противолежащими возвышенностями. Встретившись случайно в доме английского посла, мистера Витворта, с названным выше подполковником, я в разговоре сказал ему, что способ, по коему выводили они основание этих бастионов, неправилен, и не может дать достаточной прочности в виду тяжести земли, которую предполагалось навалить, так что прежде, чем работа будет окончена, основание осядет и вся работа осыпится. Разговор этот происходил в присутствии посла ее королевского величества и английского консула, мистера Чарлса Гудфело (Charls Goodfellow), которые, вероятно, и теперь помнят об этом. Заявивши раз мое мнение, я пожелал выказать усердие мое к царской службе, и представил лорду

Апраксину, под начальством которого я тогда находился, краткую записку с изложением всей, по моему мнению, неудовлетворительности этой работы. Так как в то время лорд Апраксин находился в Петербурге, где получил начальство над флотом и армией, я обратился к нему письменно, и думал услужить ему, предлагая свое содействие для направления работ; но его вельможность не обратил на это никакого внимания. Работы продолжались своим порядком, и не прошло шести недель с представления моей записки, как некоторые бастионы начали оседать и распадаться в своем основании, и обрушились прежде, чем были выведены до половины: трое из них, находящееся на самом тонком грунте, обрушились в течение того же года и во второй раз, и хотя ныне воздвигнуты в третий раз, но все еще не тверды в своем основании, и не могли быть доведены до настоящей высоты. Хорошо еще, что обстоятельства изменились и не было необходимости действовать с этих бастионов.

Король шведский, который сверг с престола короля Августа, намеревался, как я уже сказал, выступить из Саксонии с избранной армией 26 000 человек, и легко мог, согласно с предположением всех сведущих людей того времени, принудить царя к миру на выгодных для себя условиях, если б не действовал с неосновательною поспешностью. Все его бедствия приписывают преимущественно двум причинам, и потому я считаю не лишним их здесь изложить. Первая состоит в том, что, после того, как русские начали отступление через Польшу, и король, ознаменовав первое сражение победой, перешел через Днепр (Nieper), не далеко от местечка, называемого Головчин (Haloftzin), не дождался прихода части своей армии (16 000 человек), которая шла из Риги под начальством генерал-лейтенанта Левенгаупта. Армия эта в битве при Лесном (Lesno) была разбита на голову, благодаря искусству и личному мужеству царя. Все 16 000 человек либо пали на месте сражения, либо взяты в плен, вместе с артиллерией и обозом. Вторая причина ошибок короля заключалась том, что, раз перешедши через Днепр и заметя, что весь фураж и всякое жилье по обеим сторонам московской дороги были выжжены по распоряжению царя, он все-таки продолжал идти вперед, направляясь к Украине, и прошел таким образом верст сорок за Смоленск, не укрепив за собою ни одного места и ни одного магазина.

Туда он шел, вызванный Мазепою, генералом (или гетманом) козаков, населяющих эту страну и находящихся под покровительством царя, как прежде находились под покровительством Польши. Мазепа, как в последствие оказалось, вел уже в течение двух лет тайную переписку с королем, обещая ему, при первом появлении его в стране, возбудить общее восстание, с условием, что она будет снова самостоятельна под покровительством Польши. Он надеялся достичь этой цели, пользуясь тем, что народ был крайне взволнован нарушением своих прав и преимуществ и всеми несправедливыми требованиями, которые падали на него во время войны; но часть переписки была перехвачена и, по стечению обстоятельств, умысел Мазепы стал известен; тогда гетман, вместе с некоторыми из главных своих военачальников, бежал к шведскому королю. По открытии заговора князь Меньшиков (Mentzicoff) внезапно напал на гарнизон Батурина (Butturin), который предполагалось сдать шведам; повесил губернатора и на городской стене посадил на кол нескольких лиц, а Г. Кенингсека (Koningseck), брата знаменитого польского посла того же имени, приказал подвергнуть жестоким мучениям, а потом повысить.

Не взирая на все эти неудачи, шведский король не хотел и слышать об отступлении. На первое время казаки, собираясь небольшими отрядами, помогали королю в продовольствии и прочем, но в последствии эти отряды были рассеяны царским войском; шведская же армия после каждого сражения все более в более обессиливалась и уменьшалась (хотя победа продолжала оставаться на ее стороне во всех тех случаях, когда король сам предводительствовал войском). Наконец в эту суровую зиму до такой степени пострадав и от холода и от голода, что многие офицеры и солдаты замерзали до смерти, а другие отмораживали себе руки и ноги, армия эта была окончательно уничтожена в битве под Полтавою (Poltava) в 1709 году. Сам король был ранен; первый министр его, граф Пипер, двое из государственных секретарей, все полководцы и лучшие воины его армии были или убиты на месте, или взяты в плен, за исключением генерал-майора Спара (Sparr), генерал-майора Легер-Круна (Leger Croon), которые, вместе с королем и 300 человек, при содействии выше упомянутого генерала (или гетмана) казацкого, которому хорошо была известна эта местность, переплыли на лошадях через Днепр (или Борисфен) и нашли убежище в турецких владениях, в городе Бендерах (Bender), куда в последствии прибыли и еще некоторые лица. Подробности этого дела общеизвестны в Европе, а потому я не считаю нужным здесь о них упоминать.

Этой замечательной победой царь упрочил за собою свои владения и мог идти далее на пути завоеваний и побед, тогда как, если б шведскому королю удалось разбить армию царя, он неминуемо привел бы в исполнение свое намерение направиться на Москву и употребить все усилия, чтоб свергнуть с престола царя, как то уже сделал он с королем Августом. Несомненно, что если бы царь потерял битву при Полтаве, то не только между казаками, но и между русскими, произошло бы восстание; русские также были везде подготовлены к возмущению и на многих местах уже брались за оружие, в надежде получить облегчение в притеснениях, которые терпели под царским правлением. Они восстали бы тоже, в предположении получить возможность вернуться к прежним своим суевериям в невежеству и избавиться от ненавистных им иностранцев. Кроме того, во время этих долголетних войн на них тяготели непомерные налоги и требовалось большое количество людей в армию и для исполнения разных предприятий царя; по всем границам воздвигались и вооружались укрепления, в которые не только солдаты, но и дворяне с крестьянами, обязаны были, по царскому повелению, переселяться на жительство; строился флот и предпринимались работы для заведения судоходства по рекам; все это русские считали не нужным, так как ни они, ни отцы их, ни имели об этом понятия и без этого прожили.

Так как счастье благоприятствовало царю в выше означенном сражении, то он возвратился в Москву с торжеством, окруженный множеством генералов и прочих пленников. По этому случаю воздвигнуты были великолепные победные ворота и пущены блестящие потешные огни. Везде видно было изъявление радости и праздничное торжество. После этого знаменательного поворота судьбы в пользу царя, ему оставалось только направить свои завоевания в самое сердце Швеции и основать морскую силу на Балтике.

Для этого дела его величество благоволил вспомнить обо мне, и употребить меня в этом крае для устройства сообщения от великой реки Волги через

Ладожское озеро (Lodiga) до Петербурга, так, чтобы прямо можно было плыть от Волги, которая протекает по самой плодородной части России, до любимой новой столицы [237].

№ 238

Нотатки про 1709 р., полон прапорщика Густава Абрама Піпера, який згодом став генерал-майором і губернатором

Прибыв в 1708 году в Ригу, Пипер вместе с 15-ю другими офицерами отправился в Литву, чтобы присоединиться к шведской армии; они надеялись застать ее еще в Минске, но нагнали не ближе, как в Могилеве. Описав потом некоторые переходы своего полка и незначительныя стычки с русскими отрядами, он разсказывает свои страдания от лихорадки и мороза, который в тогдашнюю зиму [...] достигал необыкновенной степени; наконец, сидя в плохо запертом фургоне, он отморозил себе обе ноги, лежал в лазарете в городке Веприке, занятом шведами, и едва не лишился ног, которые наконец, благодаря искусному фельдшеру, начали оправляться.

В апреле 1709 года, продолжает Пипер, получили мы приказание выступить в поход и двинулись к Полтаве. Я лежал в фургоне. Когда полковой обоз должен был проезжать перед королем, я завидел издали его величество в сопровождении свиты, состоявшей человек из 50-ти, ехавших нам навстречу верхом. Так как я лежал полураздетый на постели, и крыша фургона была вполовину откинута для очищения в нем воздуха, то мне показалось неприличным поклониться королю в таком виде, почему и оборотился спиною к отверстию фургона и притворился спящим. Король, продолжая скакать вдоль цуга повозок, подъехал наконец к моему фургону, остановился и спросил ехавшаго рядом с ним полковника Аппельгрена: «Кто это лежит в повозке?» Тот отвечал: «Это несчастный прапорщик Пипер, который отморозил себе ноги». Король подъехал еще ближе и, наклонившись к повозке, спросил у слуги: «Спит он или нет?», на что слуга отвечал «Не знаю; разве только-что уснул». И как король стоял со своею лошадью близехонько от меня, то мне казалось неловким лежать спиной к нему, а когда я повернулся, то он спросил меня: «Что, каково вам»? Я отвечал: «Еще очень плохо, ваше величество: не могу ступить ни на которую ногу». «А что, сказал король: оне у вас целы»? Я отвечал, что лишился пяток и пальцев, «Э! ничего не значит», перервал король; потом, положив свою ногу на седельную луку, он обвел рукою полступни и прибавил: «Я видел людей, которые потеряли всю эту часть ноги, и ходили-не хуже прежняго – набивши только сапог! Что говорит об этом фельдшер?» – спросил король, обратясь к Аппельгрену. «Фельдшер полагает, отвечал полковник, что он еще будет ходить». «А будет ли бегать?» – возразил король. «Пусть благодарит Бога, заметил Аппельгрен, если будет в состоянии ходить, а о беганье, кажется,

---

[237] *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края (пер. О. М. Дондуковой-Корсаковой) // Чтения императорского общества истории и древностей российских. – М., 1871. – № 1. – С. 2–20.

ему уж нечего думать». Отъехав немного, король сказал Аппельгрену, от котораго я после узнал о том: «Жаль его: такой еще молодой человек!»

Во время осады Полтавы, я, для приятности общества, был в одной палатке с поручиком бароном Унгерном и мало-по-малу начал оправляться: сперва мог только сидеть, свесив ноги вниз, потом с палкой в руках стал немножко передвигаться, придерживаясь к стенке, а наконец пробовал и ездить верхом. Унгерн из участия во мни, находя, что я только ослабеваю в душной палатке, которую весь день налило солнце, уговорил меня переселиться к другу его, служившему в Альбедилевых драгунах, капитану Пастельбергеру, который тогда стоял в деревне Кведурки, в 10-ти верстах от Полтавы. Вместе с ним я поехал туда верхом; Пастельбергер принял меня очень радушно и угощал всячески, так что силы мои быстро возстановились. По прошествии месяца, Альбедилеву полку приказано было выступить и расположиться поближе к Полтаве; вскоре после того, в один день, вся армия должна была стать в боевом порядке и ожидать прибытия русских, которые в 10 верстах оттуда переходили через Ворсклу. Но они не имели намерения атаковать нас, и как скоро ступили на берег, то укрепились за линию редутов или шанцев. Когда Карл XII услышал, что русские к нападению не готовятся, то он на 5 верст придвинулся с своею армиею на встречу им и простоял там дня два, пока они окончили свою работу. В один вечер обоз получил приказание итти опять на 5 верст назад, а для прикрытия его оставлено было шесть слабых полков, считавших в себе менее тысячи человек да тысячи две или три запорожских казаков. В 3 часа утра пальба возвестила нам начало сражения; как выстрелы слышались все далее и далее, то мы сочли это добрым знаком. Наконец в 2 часа пополудни 28 июня раздались два безконечно долгие залпа и вслед затем перед обозом показалась толпа неприятелей; но как скоро прикрывавший нас отряд двинулся против них, они отступили. Вскоре явились из нашей армии бежавшие солдаты, от которых мы узнали о ея поражении.

Нас очень тревожила неизвестная участь короля; наконец в 5 часов вечера мы его увидели: он медленно ехал верхом, с поднятою на седло ногою, на которой перевязка была распущена. В 8 часов обозу было велено тотчас же тронуться, и в ту ночь сделалось такое смятение, какого никто не мог бы ожидать от столь победоносной армии: если б неприятель тогда преследовал нас, то и король и остальная часть армии непременно погибли бы: потому что никто не слушался и всякий шел куда вздумается – только бы обогнать других. В таком безпорядке мы на другой день вечером прибыли в местечко, где подполковник Функ стоял с тремя стами драгунов; Пастельбергер, который также был здесь, взял меня к себе на квартиру, где я, подкрепив себя пищей и питьем, мог отдыхать шесть часов сряду. Эскадроны начали собираться вокруг своих знамен, и в 7 часов вечера двинулись к Кобелякам и Днепру, по течению реки Ворсклы. Но тут мы увидели, верстах в трех вправо от нас, русския войска, шедшия в поле параллельно с нами. Миновав Кобеляки, где с 300 конницы стоял подполковник (впоследствии фельдмаршал) Сильверельм, мы весь следущий день продолжали итти, страдая от ужаснаго зноя и невыносимой жажды, а в 8 часов вечера, достигнув Днепра, стали внизу у самой реки, кроме Мейерфельтскаго полка, который расположился на высоте. Русская армия заняла также возвышенное поле верстах в двух с половиною от того полка и обступила нас в виде полумесяца, имея пехоту в центре,

а конницу – на флангах: судя по глазомеру, она составляла около 30 000 человек; начальствовали ею князь Меншиков и генералы Боур и Голицын (По журналу Петра Великаго, русских в Переволочну пришло только 9000 человек, тогда как шведскаго войска здесь было 16 000. Кн. Меншиков не был отправлен вместе с Голицыным и Боуром, а прибыл после в подкрепление их. – *Ред.*).

Я в то время находился у капитана Пастельбергера, при Альбедилевом полку. В ночь к нам прибыло из армии множество больных и раненых, из которых одни благополучно переправились через Днепр, а другие потонули. Будучи болен и в отпуску, я также мог бы перевезтись с бароном Унгерном, раненым под Полтавой; но как я однако ж мог уже порядочно сидеть верхом, то решился остаться у Пастельбергера и ждать, что нам пошлет судьба, – в надежде, что, имея еще 12 000 хорошей конницы, мы успеем пробиться, а потом в удобном месте переправимся через Днепр и бросимся в Волынь, куда могли бы последовать за нами только легкие, вовсе не страшные для нас, неприятельские отряды. Под утро 1 июля его величество переправился через реку, поручив начальство над армиею графу Левенгаупту. Отрадно было смотреть, как воины, лежа на траве за связанными лошадьми и держа в руках свои маленькие молитвенники, предавали себя в волю Божию, после чего, когда пропет был псалом, скомандовано садиться на коней и все стали готовиться к атаке. Однако ж едва прошло несколько минут, как от одного эскадрона к другому стали ходить никоторые из офицеров, выведывая, надеются ли войска отбиться от неприятеля, окружившаго нас сильным корпусом пехоты и артиллерии. Тогда я слышал собственными ушами, как драгуны Альбедилевой лейб-роты, состоявшей почти из одних ветеранов, которые некогда служили в Венгрии и в других странах, отвечали: «Зачем нас теперь об этом спрашивают? Прежде нас никогда не спрашивали, а только все говорили: вперед. Мы не можем сказать, разобьем ли их, а сделаем все, что в человеческой власти».

Тотчас после того нам сказали, что состоялась капитуляция, что все мы – военнопленные и что, по заключении мира, будем освобождены без выкупа. Когда драгунский полк генерала Боура стал сходить с возвышенности для приема оружия и трофеев армии, я удивился, увидев, в каком жалком положении находились эти драгуны: при сходе их с горы, от 10 до 20 лошадей падало в каждом эскадроне от изнурения, а прочия едва стояли на ногах, шатаясь и пыхтя, так что наши эскадроны, величаво (?) подступавшие для сдачи оружия, легко могли бы опрокинуть их (?). Оружие, бубны и штандарты положены были перед этим обезсиленным (?) войском, и наши люди отъехали назад безоружные: горестное зрелище, на которое нельзя было смотреть без слез! Нас, офицеров, потом распределили по полкам, при которых и записали имена наши, в следующий же день пошли мы обратно к Полтаве, куда прибыли через двое суток и увидели армию, расположенную лагерем перед самым городом. Через город провели нас как будто бы в триумфе, и, без сомнения, царь смотрел на нас откуда-нибудь из окна.

Простояв неделю, вся русская армия тронулась с места и несколько дней мы шли с нею; но напоследок всех пленных офицеров разделили на три отделения. Я остался с Пастельбергером и попал в то отделение, которому назначено было итти в Чернигов: оно состояло из 400–500 офицеров, под прикрытием русскаго

полка. От зноя я так страдал жаждой и лихорадкой, что пришел в совершенное изнеможение. Чем более я удовлетворял жажду, тем мне было хуже. Наконец я уже вовсе не мог ехать верхом и, с позволения русскаго полковника, пересел в крестьянскую тележку, в которой повез меня добрый русский солдат. В таком то положении прибыл я в Чернигов, в августе месяце; там нас поместили в предместии.

Потом перевели нас в крепость, и без особеннаго позволения мы не могли выходить из городских ворот, по городу же ходили без караула. Во время пребывания нашего в Чернигове, я и товарищ мой старались найти возможность бежать. Нас было три дома, которые сговаривались о том, именно: ротмистр *Бок* с шестью товарищами, маиор *Бандгольц* сам-четверт, и я, то же сам-четверт. Всего более нас озабочивал переход через Днепр, на котором, как мы знали, в 70-ти верстах от Чернигова, стоял казацкий пост из 30-ти человек, почему мы и собрали по этому предмету все справки через нашего стараго, безрукаго казака, который вылечил меня от лихорадки. Бок и Бандгольц, у которых еще были лошади, послали своих людей за город, под тем предлогом, что им нужно было запастись сеном: те и разведали о направлении, и обо всех подробностях дороги, до самаго Днепра. Когда же все было приготовлено, мы достали лошадей и оружие, Бок и Бандгольц выпросили у коменданта позволение отправиться верхом в деревню для покупки сена. Я с товарищами надеялся получить такое же позволение от плац-маиора; но как его на ту пору не было в городе, то один из нас, корнет Линдау, пошел к офицеру, стоявшему в карауле у городских ворот. После многих затруднений, он согласился на нашу просьбу; но прошло часа два, пока нам дали караульных. Мы поехали верхом из города; но как проводник был при партии Бока, то мы не знали дороги. Около полудня увидели мы Бандгольца с его спутниками; у них также был проводник; но, полагая, что две другия партии успели уже ускакать далеко, они не думали более о побеге, и хотели только немного попользоваться свободой. Мы в поле стали сговариваться об исполнении прежняго плана, но на беду два офицера из свиты Бандгольца никак не решались на это. Мы бы должны были пересилить бывших при нас четырех солдат и комендантских егерей с двумя офицерами, а нас было всего только шесть человек. К тому же начинало смеркаться, и мы, пожалуй, догнали бы партию Бока не прежде, как когда бы она уже сделала тревогу на Днепре. И так мы, в крайней досаде, поспешили назад в город, спрятав оружие под платье, и прибыли, к счастию, когда никто еще не заметил нашего отсутствия, так что мы могли тотчас же зарыть наше оружие и огнестрельные припасы. В полночь пришел к нам на квартиру плац-маиор и, спрашивая, кто нам позволил отлучиться, искал по всему дому оружия, однако ж ничего не нашел. После узнали мы, что партия Бока до полуночи ждала нас в одном поместье, в 10-ти верстах от Днепра, но, не дождавшись, напала на караульных, и связав им руки и ноги, а в рот положив кляпы, бросила их в сторону от дороги, потом ночью заняла паром прежде, нежели казаки успели помешать ей, переправилась через реку и, поскакав по Волыни, благополучно возвратилась в Швецию.

После того мы оставались в Чернигове до 8 декабря; в этот же день повели нас в Москву под стражею пехотнаго полка. Мы опять начали сговариваться о побеге, замышляя истребить весь полк; это предприятие, которое занимало всех более

стараго смельчака, подполковника Фрейденталя, казалось тем легче, что наша стража обнаруживала чрезвычайную безпечность и клала свои ружья на наши повозки. Но один из наших, маиор и большой трус, открыл этот замысел русскому полковнику: с тех пор стража стала гораздо бдительнее, не выпускала ружей из рук, и не давала нам отдыха ни днем, ни ночью. У меня раны еще не зажили, и потому я, не имея времени перевязывать их, страдал ужасно; однако ж дня за четыре или за пять до Рождества (20 декабря) я благополучно пришел в Москву, где на другой или на третий день происходило торжественное шествие царя чрез семь триумфальных ворот; я, как больной, был освобожден от участия в процессии, да ноги мои и не вынесли бы того. Всех нас больных провезли на другой день в санях по тем же улицам и поместили на особой квартире. Здесь каждый день нас свидетельствовали и позволяли нам ходить с караулом по всему городу, кроме Немецкой слободы

1710. После четырехнедельнаго здесь пребывания нас отправили из Москвы в другия места внутри края, при чем мы были разделены на отряды, каждый из ста офицеров. Меня с Пастельбергером и офицерами немецких драгунских полков повезли Вологодской губернии в город Галич, до котораго 500 верст от Москвы. Путь наш лежал через Переяславль-Рязанский, Ярослав и Кострому, и в начале февраля прибыли мы на место.

Около весны стали мы – числом от 10 до 12 офицеров – опять совещаться о бегстве, на этот раз через Финляндию, и уже достали себе ландкарту, компас, оружие и огнестрельные припасы; но один адъютант, по имени Бринк, котораго мы для языка приглашали с собою, явился к обер-коменданту и донес о нашем намерении; к счастию, мы за час перед тем проведали о его измене и успели еще скрыть приготовленныя к отъезду вещи. Правда, нас все же взяли и посадили в приказ; корнета Линдау заковали даже в цепи, а помогавшую нам русскую женщину наказали; по мы обвинили Бринка во лжи и до того надоедали обер-коменданту, что он рад был от нас отделаться, поставив нас на прежнюю ногу.

1711. В Галиче, городе не очень большом, нас было довольно много – именно 100 человек офицеров и 50 нижних чинов. В праздничные дни нередко случались драки между нами и русскими. Наконец решено было разделить нас: 50 человек должны были остаться, 30 назначено отправить в Солигалич и 20 – в Чухлому. Мне комендант предлагал остаться; но как товарищу моему надобно было ехать в Чухлому, то я предпочел присоединиться к нему: в феврале месяце мы пустились в дорогу.

Житье наше в Чухломе было тем тягостнее, что мы, будучи без денег, не могли помогать друг другу. Нам было запрещено посылать письма куда бы ни было, кроме Галича. Некоторые из нас впали от того в совершенное отчаяние, между прочими один корнет хорошей фамилии, который и принял русскую веру. Других горе привело к благочестивым размышлениям о состоянии души их; жаль только, что мы имели большой недостаток в духовных книгах; с нами только и было несколько сборников церковных песен и кое-какия релегиозныя сочинения, те и другия на немецком языке. Библию имели мы в одном только экземпляре, да и то неполном: листы, заключавшие в себе малых пророков, были вырваны. Мне поручили должность пастора, и чтобы распространить между нами церковныя песни в большем числе экземпляров, я стал переписывать их.

Надобно было придумать и средство для прокормления себя: я переписал также несколько экземпляров «кавалерийскаго учения», и более достаточные из живших в Галиче офицеров платили мне по рублю за экземпляр, но сбыт и там был плохой. Тогда я соединился с одним корнетом, который умел работать разныя вещицы из рога; он делал роговыя табакерки, а я вырезывал на них листья и девизы; русские платили нам от 6 до 12 коп. за штуку, но и их покупали у нас не много. Слуга мой прибегнул к фельдшерскому ремеслу, и, выучившись у меня делать пластыри и перевязывать раны, мог за счастливое лечение выручить столько же, сколько я за табакерку. Такими неприбыльными ремеслами невозможно было бы содержать себя, если б съестные припасы не были здесь чрезвычайно дешевы: бочка ржи стоила 30 коп., бык 80 коп. (за продажею кожи и сала одно мясо стоило 30 коп.), 40 яиц 1 коп., 6 цыплят 1 коп., 1 баран 7 или 8 коп., 4 зайца 1 коп., и проч. Но в этот год открылся в тех местах скотский падеж, так что из 100 коров в городе не осталось и 7-ми; от этого цены несколько возвысились и средства к пропитанию все становились труднее, так что я и товарищ мой, вставая поутру, частехонько не знали, как проживем до вечера.

Но мы научились уповать на промысл Божий, и я должен воздать хвалу Господу, потому что никогда не отходил ко сну голодный. В пример того, с какою дивною благостью Провидение пеклось о нас, я должен привести следующее. В одно летнее утро, когда мы только-что встали, товарищ мой сказал: «Бог знает, что мы сегодня будем есть; у нас нет ни припасов, ни денег». Я ничего не умел отвечать на это и сел писать к столу, а он расположился у открытаго окна и стал смотреть на улицу. В то самое время мимо нашего дома шел так называемый пристав, знакомый нам *Василий*. Увидев Пастельбергера, он сказал: «Что ты сидишь сложа руки и так пригорюнился?» Тот отвечал: «Нам времени некуда девать, и житье наше не радостное, когда нечего есть». Тогда пристав вошел к нам с такими словами: «Не унывайте, Бог вам поможет. Я рад делиться с вами чем могу. Я сейчас от коменданта, который по одному делу посылает меня в деревню, и для этого мне нельзя остаться без денег; но вот мой кошель: высыпьте из него на стол все, что в нем есть; половину отдайте мне на дорогу, а другую возьмите себе». Пастельбергер опростал кошелек; в нем оказалось 16 копеек, из которых мы и получили 8.

1712. Как ни горько провел я предшедший год, однако ж первая половина этого была самым тяжелым временем моей жизни; чтобы дать о том понятие, довольно сказать, что я и человек мой вместе проживали не более 12 коп. в месяц. Пища наша главным образом состояла в овсяной похлебке и толстых, довольно сухих блинах. Наконец, в июне месяце коммиссариат из Москвы прислал нам по 6 талеров серебром на брата, а я сверх того получил 6 рублей от генерала графа Пипера: таким образом нам было чем уплатить наши маленькие долги, кредит наш поправился и мы в остальную часть года могли быть менее недовольны своим положением.

1713. В начале этого года нам доставлено еще небольшое пособие из Москвы, что вместе с деньгами, прежде выданными мне из казны во время моего плена, составило около 60 талер. сер.: более я ровно ничего не получил за семь лет службы и все невзгоды, которыя в продолжение их вытерпел. Около Иванова дня прибыл к нам новый комендант или воевода: прежний, по имени Майков, человек

строгий и крутой, был отозван в Петербург, а на место его назначен Рязанов. Когда он нас принимал, то на перекличке, услышав мое имя, спросил, родня ли я генералу графу Пиперу; я отвечал утвердительно. «Ты так худо одет», продолжал он: «разве он тебе не помогает?» Я сказал, что вероятно граф ничего не знает о моем положении, так как нам запрещено писать к кому бы ни было; но что, впрочем, если я буду на поруки отпущен в Москву, то не сомневаюсь, что генерал окажет мне вспоможение. Воевода отвечал, что сам он не имеет права дать мне отпуск в Москву, но что он позволит мне съездить в Вологду к начальнику его, вице-губернатору, у котораго я и могу отпроситься в Москву. Через несколько дней, именно 12 июня, он выдал мне паспорт я и отправился в Вологду, где вице-губернатор, по просьбе и за ручательством некоторых известных ему шведских офицеров, разрешил мне побывать в Москве.

Пробыв в этой столице несколько недель и успев хоть сколько-нибудь запастись платьем и деньгами, я хотел уже возвратиться в Чухлому – радуясь, что кое-как поправил свои дела; но судьба устроила иначе. В бытность мою в Москве, я в свободные часы помогал секретарям Седеръельму и Дюбену, а также придворному проповеднику Нордбергу переписывать начисто разныя бумаги; мой почерк им понравился и они, замечая во мне склонность к письмоводству, желали удержать меня поближе к себе, а потому и предложили мне лучше остаться в Москве, чем ехать опять за тридевять земель, в такую глушь, где я уже столько вытерпел. Я отвечал, что и сам был бы очень доволен тем, только боюсь, не было бы это неприятно графу Пиперу. Тогда они вызвались переговорить с ним обо мне, и через несколько дней действительно устроили дело так, что московский комендант принял меня в свое ведение и написал о том к вице-губернатору в Вологду. На меня возложено было вести довольно обширную переписку его сиятельства графа Пипера как с королем, так и с русским правительством по делам пленных, далее с шведскими властями и коллегиями, а также со всеми разсеянными по России отделениями наших пленных офицеров. Сверх того я получил приказание переписывать на-бело реестр всем письмам и отношениям, изготовленным в плену от имени графов Пипера, Реншильда и других шведских генералов, – что составило обширный труд, заключавший в себе более 200 шестилистовых тетрадей.

1714. Еще я переписывал на-чисто, с особенным усердием и тщанием, молитвы, переведенныя графом Пипером из немецкаго сочинения Арндта: «Истинное Христианство», так что у меня в работе недостатка не было. Находя в том свою пользу, я трудился неутомимо и этим наконец снискал благорасположение графа, человека вообще строгаго и взыскательнаго. Во время пребывания у его сиятельства, в августе месяце, я тяжко занемог, и несколько дней был так плох, что сам не знал, жив ли я или мертв; но вскоре опять выздоровел и совсем поправился.

Дней за десять до Рождества, в том же году, к московскому коменданту Измайлову пришло царское повеление: графа Пипера немедленно отвезти в Петербург, с тем, чтоб при нем не было никого, кроме его камердинера, одного лакея и повара. Это предписание объявлено было графу в 9 часов утра, а в 6 ч. вечера он был уже в дороге. Сам он был сильно встревожен; не менее поражены были и мы, его домашние люди, особливо, когда он, прощаясь, сказал: «будь

я годами двадцатью моложе, мне мало было бы горя». У него была маленькая собачка, которую он чрезвычайно любил: «не хочу, чтоб она пропала, если я умру, сказал он: и так возьми ее к себе и не обижай ее, хотя она не жаловала тебя (она никогда не давала мне подойти к графу ближе как шагов на пять), а ежели возвратишься в Швецию, отдай ее моей графине». В ту же минуту я взял собачку к себе и отнес в свою комнату; она привязалась ко мне также, как к графу, но не долго радовала меня: не брала ничего в рот и частью с голоду, частью с печали умерла через три недели.

1715. Я, вместе с прочими домашними людьми графа, оставался с тех пор в Москве, живя в тишине на той же квартире; но генералы, полковники и другие офицеры были развезены по близлежащим монастырям. В начале февраля московский комендант получил из Петербурга приказание выбрать из числа пленных одного капитана, одного поручика, трех прапорщиков, одного пастора и одного коммиссара и прислать их в Петербург для размена. Вместе с тем предписывалось, чтобы эти люди были из старших пленных, не принадлежали к знатному роду и не служили в гвардии или лейб-полках. Не соединяя в себе этих условий, я вовсе не думал об освобождении, но придворный проповедник Нордберг хлопотал о своем отъезде. Раз, когда я сидел за своим делом, вошел ко мне полковой пастор Линдберг, очень знающий и благочестивый человек, и спросил меня, не стараюсь ли я попасть в число пленных, назначаемых для размена. Я отвечал, что, будучи теперь совершенно спокоен духом, стану терпеливо ожидать, когда по воле Божией придет час освобождения: потому что, не имея ни требуемых качеств, ни денег, я не могу надеяться быть выбранным. Но добрый пастор ободрил меня, обещал мне свою помощь и прибавил, что он постарается устроить дело через знакомую ему даму, вдову подполковника Нортона, которая, по дружбе с семейством коменданта, может в этом случае быть нам полезною. В самом деле, при посредничестве г-жи Мортон, я был включен в список освобождаемых, назван *Пейфером* и причислен, в чине прапорщика, не к гвардии, а к остготской пехоте.

Теперь надобно было достать денег и вексель на имя какого-нибудь купца в Петербурге, где также предстояли мне разныя издержки. Я сбирался обратиться в Москве к купцу Шлитерну, который снабжал шведских офицеров векселями, и потому просил полковника барона Горна и секретаря Дюбена поручиться за меня. Когда я пришел к Шлитерну, он тотчас изъявил готовность ссудить меня деньгами; увидев же принесенныя мною поручительства, сказал: «Was soil ich mil den Papieren machen? Ich glaube, dass er ein ehrlicher Mensch ist, und wird mir zu seiner Zeit wohl bezahlen (т. е. На что мне эти бумаги? Я верю, что вы честный человек и в свое время расплатитесь со мною исправно)». Я поблагодарил его за доверенность и отослал обоим поручителям бумаги их с благодарностью.

Через несколько дней, в средине февраля, пустились мы в дорогу; нас было семь человек: придворный проповедник магистр Нордберг, капитан Меландер, поручик Лапп, я, прапорщики Гульт и Ротфельт и Герс, сверх того пять служителей; бывшая при нас стража состояла из капрала и четырех нижних чинов. В каком-то городки, не далее как верстах в 60 от Москвы, встретили мы неприятную задержку. Меландер отправился к воеводе для предъявления нашего паспорта; тот, увидев, что в этой бумаге не показаны наши слуги, велел немедленно

посадить их в приказ. Напрасно мы представляли ему, что это ни на что не похоже и что московский комендант, конечно, не скажет ему спасибо за такое распоряжение: он не обратил внимания на наши слова, и как скоро явились подводы, велел нам убираться без слуг из города. Когда же мы отвечали, что без них не тронемся из комнаты, то он начал стращать нас. Однако ж никто к нам не прикоснулся. Между тем, чуть только смерклось, Меландер тайком поехал назад в Москву, и еще до разсвета возвратился оттуда с предписанием коменданта и строгим выговором воеводе. Рано утром пошел он к воеводе, и, еще не показывая своей бумаги, стал опять просить его об отмене приказания; но как тот не переменял вчерашняго тона, то он наконец и представил ему привезенное предписание: тут воевода наш переменился, тотчас же отпустил слуг и со всевозможною вежливостью пожелал нам счастливаго пути.

Мы продолжали путешествие без особенных приключений: только верст за десять до Петербурга, ночью, под нами непременно подломался бы тонкий лед на Неве и мы бы все погибли, если б нас не предостерег честный русский, с которым мы встретились. И так мы в Петербург прибыли благополучно и остановились по ту сторону реки. На другой день наш капрал отправился к сенатору князю Долгорукову, который прежде был военнопленным в Швеции и бежал оттуда, а теперь заведывал всеми пленными шведами. Ему капрал отдал бумагу от московскаго коменданта, и Долгоруков приказал в следующий день всем нам явиться в сенат, который заседал в крепости, также по ту сторону реки. Назавтра все мои товарищи собрались итти через реку: ездить по льду было уже невозможно; я же один остался на квартире, частью потому, что не в состоянии был ходить так далеко пешком, а частью и с тем, чтоб присмотреть за нашей поклажей.

Когда другие пришли в сенат, Долгоруков послал за капитаном на гауптвахту, находившуюся против сенатскаго дома, и приказал ему принять их. Наше новое помещение, по тесноте и безпрестанному шуму, было очень безпокойно: через каждые два часа, при смене часовых, нас пересчитывали. Я имел то преимущество, что еще несколько дней оставался на квартире; но как скоро Нева вскрылась, то и меня перевезли туда на лодке. Наискосок от гауптвахты, шагах во 100 оттуда, нам виден был дом, где содержался граф Пипер. Ему позволялось каждый день в обеденное время прохаживаться перед своим жилищем. Мы смотрели на него с соболезнованием, но не смели вступать с ним в разговор. И во все время моего пребывания в Петербурге мне не удалось поговорить с ним; я только раз видел его на проповеди в доме генерал-фельдцейхмейстера Брюса.

Мы каждый день просили бывшаго в карауле офицера, чтоб он позволил двоим из нас итти в сенат поговорить с князем Долгоруковым, который ежедневно бывал там; но всегда получали в ответ: «не смею». Через несколько дней караул сняла гренадерская рота; пришедший с нею капитан был статный, пожилой и, по видимому, умный офицер, по имени Певцов. На вопрос его, что мы за люди, сменявшийся капитан отвечал, что мы шведские офицеры, присланные для размена. «Этим людям, – заметил Певцов, – не следует сидеть здесь на гауптвахте с офицером, которому они в тягость, да и самим им ни днем, ни ночью нет покою». Эти слова ободрили нас, и, когда прежний капитан удалился, мы описали

вновь прибывшему наше житье, с просьбою, нельзя ли завтра двоим из нас отправиться в сенат к Долгорукову. Он обещал позволить это и вообще обходился с нами очень ласково. На другое утро капитан Меландер и магистр Нордберг пошли в сенат, дождались там приезда Долгорукова и просили его на латинском языке, который он понимал, приказать отвести нам квартиру в городе. Князь послал за капитаном и приказал ему выпустить нас, наняв нам квартиру в городе, недалеко от крепости. Это было сделано к вечеру, и мы перебрались на новое место, где наблюдал за нами поручик с десятью человеками. Мы жили на хлебах, за рубль в неделю, у немки, которую знал коммиссар Герс еще в Москве. Так было до мая месяца: перед нашими глазами отходило в Финляндию множество транспортных судов, но об нас никто и не думал, так что мы уже стали недоумевать, будет ли размен или нет.

Наконец раз поутру входит к нам караульный офицер и объявляет, что получил приказание сейчас же привести нас в сенат на смотр. Мы, не теряя времени, начали готовиться к тому и, помня совет московскаго коменданта, чтобы мы представлялись как можно более жалкими, старались устроить свой наряд согласно с этим. На мне был овчинный тулуп, который я в Москве купил совсем новый на дорогу; но Меландер безпрестанно дразнил меня моей белой шубой: сам он достал себе совершенно испачканную. Я подпоясался довольно грязным полотенцем, счесал волосы на лицо. На голове у меня была черная овчинная шапка, а на ногах изношенные сапоги; опираясь на палку, я хромал. Товарищи мои оделись в таком же вкусе и походили более на нищих, нежели на порядочных людей. Мы стояли в сенатских сенях до 12 часов, когда услышали шум стульев, означавший, что заседание кончилось. Дверь отворилась, и нас позвали. Старый Долгоруков сказал прочим сенаторам: «Вот несколько шведских пленных, которых московский комендант прислал сюда для размена: не хотите ли посмотреть их и приказать сделать им перекличку?» Когда писарь стал читать вслух список наших имен, сенаторы обратили всего более внимание на фигуру магистра Нордберга, потому что на нем был суконный сюртук коричневаго цвета; но Долгоруков объяснил им, что это скромный пастор, без всякаго особеннаго почета. По окончании переклички, Долгоруков, подойдя ко мне, сказал: «Я слышал, что один из вас служил в гвардии, – кто же это?» Я отвечал, что такого между нами нет, и он более не упоминал о том. После этого, обратясь к другим сенаторам, спросил он: «Как вам показались эти шведы?» Они отвечали, что все мы люди такого рода, что без всякаго опасения можно отпустить. Очень довольные этим замечанием, мы пошли домой в твердой надежде, что будем освобождены.

Через несколько дней после того нас посадили на пять галер, под прикрытием которых должны были итти в Финляндию суда с провиантом. Мы пришли в Кронштадт, куда из Петергофа прибыл и царь с царицею в гости к князю Меншикову. На нашу беду в тот самый день на рейде показалось несколько кораблей. В предположении, что это, может быть, шведския суда, полковнику, командовавшему галерами, велено было тотчас же отправиться в море на рекогносцировку; а как он, без сомнения, сказал, что везет пленных шведов, то приказано высадить нас на пристань, сбросив туда и нашу поклажу, состоявшую по большей части из кадочек и мешков со съестными припасами. Нас окружила на пристани

стража; около полудня поднялась ужасная буря с дождем, так что мы скоро промокли до костей. Часа в три после обеда мы увидели царя и царицу, шедших на пристань в сопровождении князя Меншикова и многочисленной свиты дам и кавалеров. Узкая пристань почти вся была загромождена нашими пожитками, и потому государь с своею супругой и со всеми приближенными кое-как только могли пробраться по сторонке. Царь взглянул на нас, и все мы боялись его гнева. Наш страх был однако ж напрасен: государь сел в свою яхту и отправился в Петергоф; вечером же пришел поручик кронштадтскаго гарнизона и отвел нас в земляной редут.

Здесь провели мы три дня в тяжком заключении и горе, потеряв уже надежду на освобождение. К тому же трое из моих товарищей напились пьяны и сделались так безпокойны, что невозможно было с ними справиться. На четвертый день вечером пришел к нам поручик петербургскаго гарнизона и сказал, чтобы мы готовились в путь, потому что ему велено отвезти нас назад в Петербург. Услышав это, мы впали в совершенное уныние, и в добавок еще должны были унимать наших буйных товарищей, которым казалось, что теперь они имеют полное право кричать, шуметь и беситься. Нас тотчас отвели на пристань, где стояла лодка, нагруженная кулями муки. Страшная буря, морской туман и сильный дождь заставили поручика отложить наше отплытие: целую ночь пролежали мы под дождем и опять промокли, стараясь успокоить наших пьяных товарищей, которым и поручик грозил побоями, если они не перестанут шуметь в ночное время под самою крепостью.

На другой день рано утром мы пустились по взморью, которое в длину составляет не много более 20 верст; но при сильном ветре, переплыли это разстояние не ранее, как к часу, да и то нас чуть не залили волны. Близ устья Невы мы причалили к берегу, чтобы вычерпать воду из лодки и несколько отдохнуть, а потом стали грести против течения реки. Чтобы защититься от ветра, наш поручик вошел в тот рукав Невы, который протекает к северу от Васильевскаго острова. Это показалось капитану Меландеру странным, и он, проклиная судьбу свою, стал утверждать, что нас везут совсем не в Петербург, а в Шлиссельбург, где и заключат нас в тюрьму, с тем, чтобы никогда уже не выпустить. Магистр Нордберг, поручик Лапп и я, хоть тоже не совсем спокойные на этот счет, утешали Меландера, как умели, но он все продолжал шуметь и бесноваться, повторяя часто имя Шлиссельбург. Русский поручик, догадываясь по этому слову, в чем дело, и притом сам понимая немного по-шведски, спросил меня: «Что капитан говорит и о чем он так тревожится?» Видя, что я не решаюсь отвечать, поручик шепнул мне на ухо (я сидел возле него у руля): «я очень хорошо понимаю, что он говорит; погоди, я подшучу над ним», и через минуту он начал так: «Братцы дорогие, жаль мне вас: я знаю, что вы из Москвы присланы сюда для размена и в этой надежде сделали трудное и убыточное путешествие, но я должен предупредить вас, что вам освобождения не будет; мне приказано везти вас в Шлиссельбург, и там вы просидите до зимы, а потом опять возвратитесь в Россию».

При этих словах Меландер навострил уши и стал шуметь пуще прежняго, ругая без пощады нас, товарищей своих, за то, что мы ему противоречили и утешали его. Но я в душе так смеялся забавной выдумке поручика, что не хотел отвечать на грубости Меландера и в наказание за его безумие дал ему полную волю

горячиться и выходить из себя. Наконец около полуночи мы достигли Петербурга, но тут встретили новое затруднение: поручик намеревался продержать нас всю ночь в лодке, поутру же сдать нас в крепости и оставить на гауптвахте, как ему было приказано. Мы по опыту уже знали, что это значит, и потому умоляли его позволить нам отправиться на прежнюю нашу квартиру; он долго не соглашался, но наконец уступил нашим просьбам. После к нам приставили и прежнюю стражу; но мы, проученные первою неудачею, не слишком уже настаивали, чтоб нас освободили.

Прошло три недели. Раз, во время нашего обеда, приходит к нам поручик из крепости и говорит, чтобы мы опять готовились в путь: потому что ему велено сдать нас на провиантские шкуты, которые стоят у пристани и должны отплыть в Финляндию. Почти уже потеряв надежду на освобождение, мы не мало тому обрадовались, и потому еще до наступления вечера поспешили перебраться на суда. Я попал на один шкут с капитаном Меландером, комиссаром Герсом и квартирмейстером Брюсом; но людей наших взяли у нас и посадили вместе с пленными из рядовых, работавших в крепости; это мне было очень неприятно, потому что я лишался вернаго и честнаго слуги, который был при мне во все время плена и много вытерпел вместе со мною. Мартын Плицер (так его звали) был сын смотрителя на железном заводе и, при многих добрых качествах, был в добавок еще искусный повар, так что мне во время нашего плавания очень не доставало его. На другой день мы отплыли и к вечеру прибыли в Кронштадт, а на следующий день (4-й после Троицына) в 10 часов утра, при ясной погоде и попутном ветре, поплыли далее; наша флотилия состояла из 30 провиантских шкутов, под прикрытием двух галер. Командовавший нашим судном русский капитан вздумал воспользоваться приятною погодой, сел в лодку и велел перевезти себя на другой шкут, чтобы пообедать с одним из своих товарищей; но не прошло часа, как ветер усилился, и поднялась такая буря, что все суда разбросало в разныя стороны; вскоре мы, при сильном дожде и морском тумане, не знали уже, куда нас несет. На нашем судне было 24 русских солдата, но из них только двое могли бы кое-как управлять им, если б не потерялись совершенно; товарищи же мои все занемогли морскою болезнию и сами себя не помнили. Что до меня, то, не бывав никогда в таком положении, я не имел ни малейшей опытности. Несколько часов носились мы без парусов среди ужасной тьмы, дождя и бури; вдруг налетел огромный вал, разбил руль и оторвал его с страшным треском, так что все мы остолбенели. Видя явную опасность, я стал размышлять, как безразсудно с моей стороны было искать освобождения, и что я поступил бы гораздо лучше, если б вместе с другими дождался времени общаго размена пленных. Я сошел вниз под палубу, бросился на свою убогую постель, устроенную на кулях муки; и усердно помолился Богу, чтобы он помиловал мою грешную душу: это так укрепило и успокоило меня, что я встал с полною надеждою на спасение. Потом я отправился к комиссару Герсу, который, страдая морскою болезнью, лежал полумертвый в каюте. Так как он когда-то служил на море, то я разсказал ему, в каких затруднительных обстоятельствах мы находимся, и просил его совета. Он отвечал, что мы рискуем сесть на мель, и что для избежания этого лучше всего было бы привязать к корме, с обеих сторон судна, два длинныя весла и, подняв фок, держаться в открытом море. Я пошел к русским солдатам, которые сидели полумертвые на палубе. Когда

я растолковал им, что надобно сделать по совету Герса, то они с неудовольствием отвечали, что я пленный и не имею права им приказывать, что они во всяком случай должны погибнуть, и что, следовательно, не для чего трудиться. «Знаю, сказал я, что я пленный и не могу вам приказывать, но подождите: если останусь жив, то разскажу вашему капитану, как мало вы старались спасти судно». Наконец они решились сделать по моему наставлению; но только что привязали и спустили весла и подняли фок, как буря сорвала парус и увлекла его вперед, на большое разстояние от судна, весла же, при страшном волнении моря, едва не перебросили через борт людей, которые управляли ими. Все другия употребленныя нами средства для спасения судна были так же тщетны: вскоре буг проломился, и кули с мукою, под палубою, начали плавать в воде; спущены были якоря, но все якорные канаты порвались и нас опять начало нести по ветру, пока на разстоянии пушечнаго выстрела от берега мы наткнулись на большой камень, который мало-по-малу пробил дно и очутился в каюте под самым столом. В таком отчаянном положении, дрожа от холода и ежеминутно ожидая, что судно разобьется, провели целую ночь. В жизнь я не стремился никуда так пламенно, как теперь к огням, мелькавшим на берегу и зажженным людьми, которым удалось спастись с погибших судов. Все бывшие с нами русские солдаты умели плавать; они брали кто весло, кто доску или ставню, и бросившись в море, достигали берега. Наконец, при восхождении солнца, 8 июня судно разбилось, составлявшие груз кули показались на поверхности воды, и все стало распадаться. Я должен был вытаскивать из каюты моих полумертвых и чрезвычайно малодушных товарищей, и, не думая о самом себе, велел Меландеру броситься на дечный люк, а Герсу – на мачту. Между тем молодой, но слишком нерешительный Брюс, стоял и сокрушался, говоря: «Ах, Боже мой, Боже мой! Что со мною будет? Г. прапорщик, куда мне деваться?» В ту самую минуту из-под судна выплыл киль с передним штевнем, и я сказал ему: «Вот спрыгни на этот обломок, он тебя вынесет на берег». Молодой человек послушался меня, произнеся: «Господи, спаси мою грешную душу!», стал на киль и держался за приподымавшийся штевень. Во время моих распоряжений все русские солдаты успели удалиться, кроме одного, который оставался со мною, и мы вместе перепрыгивали с куля на куль. Вдруг перед нами всплыл из-под палубы маленький мой сундук, в котором у меня было платье, белье и несколько книг. Видя, что русский солдат намерен броситься на доску, я сказал ему: «Вот мой сундук: поставь его перед собой на доску, и если перевезешь благополучно на берег, я дам тебе рубль; если же я жив не останусь, возьми его себе». Он отвечал: *добре*, и взяв сундук с собой, поплыл на доске по ветру. Теперь уже и кули начали расходиться так, что мне не на чем было стоять, и я, быв раза два под водою, ухватился, наконец, за два куля, связанные лыковой веревкой; через нее перекинул я ногу и держался руками за оба куля. По своей четвероугольной форме, они имели тот недостаток, что безпрестанно перевертывались, так что я несколько раз опять погружался в воду. К счастью, на встречу мне попались две доски, связанныя крестом и вероятно оставленныя русскими солдатами, которые приготовили их таким образом для себя. Я перебрался на них, как умел, и они понесли меня гораздо лучше и быстрее кулей; но мне предстояло еще приключение на разстоянии мушкетнаго выстрела от берега: доски мои вдруг

зацепились за два камня и, не смотря на все мои усилия, я уже не мог тронуться с места. Беду мою увидел Меландер, благополучно доплывший до берега на своем люке, и выслал за мною лодку с двумя крестьянами, которые и перевезли меня.

Едва ступив на берег, пошел я погреться к огню и там увидел солдата, принявшаго мой сундук. На вопрос мой, где он, солдат отвечал, что я могу сейчас же получить его, если дам обещанный рубль. Хотя у меня рубли были вещь довольно редкая, однако ж я заплатил ему охотно, когда он возвратил мне сундук и еще отнес его в деревню, лежавшую в версте от берега, куда товарищи мои уже прежде отправились просушить свое платье и обогреться. Я нашел их в черной избе, раздетых, на лежанке: они лишились всего, кроме бывшей на них одежды, и потому я, которому удалось спасти свой сундук, был богаче их всех. Наше кораблекрушение случилось под Ингерманландским валом, против селения Колконпе (Kolkonpaa), где шведский генерал Любснер, во время отступления своего перед русскими, перебил своих лошадей, сам же с пехотою переправился через Ингерманландский залив. К вечеру мы успели согреться и обсохнуть. Желудок начал нам сильно напоминать, что мы со вчерашняго обеда ничего не ели; но все наши припасы остались в море, за исключением мешка с рисом. Мы потребовали хлеба, хотя из ответа финской хозяйки русским солдатам, которые просили ее о том же, могли уже заключить, что хлеба у нея нет. Герс знал по-фински, и потому мы поручили ему употребить все свое красноречие, чтобы уговорить хозяйку дать нам хлеба за деньги. Услышав, что мы шведы, она прослезилась и сказала: «Так стало быть вы нам свои, а мы, как увидели, что идут русские, так и унесли все свое имущество в лес; вот я вам сейчас принесу несколько лепешек. Только вы меня не выдайте». Так она и сделала; но хлеб ея показался нам жёсток, и мы захотели чем-нибудь сдобрить его: близ деревни было небольшое озеро, а как мы в Петербурге запаслись удочками для ловли рыбы в шведских шкерах, то, достав теперь прутьев и червяков, отправились в лодке по озеру и наловили такое множество окуней, что нам стало их на три дня. Однако ж середи этой скромной и тихой жизни в деревне, мы не могли не безпокоиться насчет предстоявшей нам участи, не зная вовсе, куда нас пошлют – вперед или назад. Наконец, когда ветер унялся, на пятый день, пришли из Кронштадта другия суда и взяли нас: через несколько недель мы благополучно прошли финские шкеры, – хотя средства к продовольствию были у нас очень скудныя и тот же мешок с рисом доставлял нам всякаго рода и твердыя и жидкия яства, а готовил их русский солдат.

На разстоянии каких-нибудь ста верст от Або встретил нас русский главнокомандующий князь Михаил Михайлович Голицын со всем галерным флотом, чтобы проводить нас до того города.

Здесь приняты мы были со всею внимательностью: нам отвели удобное помещение, и русский генерал, князь Голицын, пригласил нас обедать у него ежедневно. Как ни приятно нам было такое радушие, однако ж мы не замедлили просить, чтобы нас отправили в Швецию. Князь Голицын на это отвечал нам, что он в том году уже отправил туда две галеры, но как они не возвратились, то ему неизвестно, каким образом в Швеции смотрят на отправление таких русских судов, и, до получения известий о судьбе первых, он никак не решится послать другия,

а потому мы и должны дожидаться; но что, впрочем, он постарается доставить нам средства проводить время как можно приятнее. Но мы все более и более настаивали, чтоб нас отправили, причем генерал-маиор Горн, присланный также для размена, ручался, что если другия суда, по неизвестным ему причинам, и задержаны в Швеции, то на этот раз, при столь законном деле, того никак не случится. Убежденный этим, князь Голицын, наконец, решился дать нам одну из самых больших галер с морским капитаном *Марко,* родом из Греции, и с пехотным капитаном *Лука,* из Силезии, который сам выпросил себе это назначение; нижних чинов с нами было 130 человек.

В тот день, когда мы должны были отправиться, наша галера пристала перед квартирою князя Голицына, вместе с тем вдоль берега реки поставлено было девять пушек, и князь пригласил нас к своему столу. Всякий раз, когда мы у него обедали, мне приходилось сидеть возле хозяина (который сам занимал место на нижнем конце), так как я говорил немного по-русски. Князь заставлял нас пить через силу, говоря: «Пейте больше; если будете веселы, я сейчас отпущу вас, а если не перестанете хмуриться, я оставлю вас здесь еще несколько дней». Я просил пощадить меня, ради молодости моей и непривычки пить; но другие должны были постоять за себя, так что и хозяин и гости бывали порядочно навеселе. Князь спросил меня, где я в Швеции родился. Верстах в 150 от Стокгольма, отвечал я. «Непременно приеду в Швецию, сказал он, и навещу тебя». Когда я заметил, что это было бы для меня великою честью, лишь бы его сиятельство не имел при себе слишком большой свиты, то он разсмеялся, говоря: «Ну нет, а уж один то я к тебе не приду». Пока пили тосты, происходила пальба из поставленных перед домом пушек. По окончании обеда, князь сам проводил нас на галеру; когда он с нами прощался, на ней сделано было несколько выстрелов, на которые отвечал весь галерный флот, расположенный по обе стороны реки, где мы должны были проходить.

Итак мы пустились в путь очень довольные, в твердой уверенности, что уже без всяких новых невзгод и препятствий увидим дорогое отечество; но ветер был нам противный, так что надобно было грести. Наконец мы остановились между скалами Аландскаго моря, и так как за ними начиналось открытое море, то мы принуждены были простоять тут три дня. Русский капитан Марко говорил, что, если в следующий день ветер не утихнет или не переменится, то придется поплыть назад, потому что провианту взято только на короткое время. Крайне встревоженные этим, мы молили Бога, чтоб ветер завтра переменил направление. На другое утро, с 9 часов, к величайшей радости нашей, начало утихать, и около полудня ветер совершенно прекратился: мы упросили капитана велеть отчаливать и грести по Аландскому морю. Сложившись, мы дали несколько рублей гребцам, русским солдатам, которые и исправляли свое дело с таким усердием, что будто подымали галеру на воздух: в 2 часа мы увидели шведские шкеры и вместе с тем показался один из наших крейсеров, стоявший неподвижно на месте. Русский наш капитан стал приближаться к нему и, подойдя на пушечный выстрел, сел в шлюпку; в то же время другая пошла к нему на встречу от крейсера. Капитаны вступили в разговор: крейсер требовал, чтобы галера держалась в стороне от него пушками, пока он не испросит приказания вицеадмирала шведскаго флота, бывшаго в шкерах, о том, как поступить. Пока

мы с галерою оставались таким образом под пушками крейсера, подул ветер и крейсер, лавируя, пошел в море. Русский капитан кричал, чтоб его к ночи не уводили в море, потому что его судно не выносит сильнаго волнения; когда же крейсер мешкал поворотить галс, русский капитан сказал, что если тот еще будет медлить, то он распустит паруса и уйдет прочь: так он действительно сделал и был на ходу гораздо быстрее крейсера. Но в то самое время крейсер поворотил к берегу и мы шли в стороне от него.

Перед захождением солнца пришел из шкер фрегат, которым командовал капитан-лейтенант Гёте; он взял нас под свое покровительство и проводил в шкеры, где, по его указанию, галера пристала у небольшаго острова, а сам он с своим фрегатом стал поодаль. Поутру показались две шведския галеры и приняли нас; хотя до флота было недалеко, однако ж, оне повели нас не прямо, а заставили покружиться по шкерам. Наконец, в 3 часа пополудни прибыли мы к шведскому флоту, состоявшему, под начальством вице-адмирала барона Вахтмейстера, из 8 кораблей, 2 фрегатов, 3 или 4 галер и нескольких вооруженных гребных судов. Русский капитан сел в шлюпку с генерал-маиором Горном и магистром Нордбергом. Мы обратились к генералу Горну с просьбой устроить, чтоб адмирал прислал за нами. Адмирал был до того внимателен к нам, что велел перевезти нас на собственной своей шлюпке и, когда мы взошли на его корабль, поздравил нас с освобождением. Я радовался, что, наконец, (26 июля) попал к землякам, и не возвращаясь более на галеру, послал за своими пожитками, а потом ужинал у адмирала. На ночь меня поместили над самой крюйткамерой, но, не смотря на то, я спал богатырским сном; утром же, когда я проснулся и увидел восходящее солнце, от всей души принес благодарение Богу [238].

№ 239

1710. – Лондон
Чарльз Вітворт. Про Росію, якою вона була в 1710 році

Российская империя. Прежде иностранцы столь редко посещали Россию, а ее доля в делах Европы была столь незначительна, что для сколько-нибудь правильного представления о ней может быть полезно при настоящем положении дел дать общее описание владений царя, доходов и военной силы, – описание, которое могло бы служить основой для более верного суждения о том, что может произойти в ходе этой войны.

Пространство. Империя Московии имеет в настоящее время обширную территорию, ограниченную на севере Ледовитым океаном и неизвестными пространствами близ полюса, на востоке и юго-востоке – Китаем, великой Татарией, узбекскими татарами и Персией, на юге – областями Турции, Польшей и Литвой, а на западе – Балтийским морем, Швецией и Лапландией.

Природа. Территория почти равна по площади остальной Европе, но кое в чем испытывает острую нехватку, а именно в природных богатствах и в численности

[238] *Пипер Г. А.* Извлечение из записок прапорщика Густава Абрама Пипера впоследствии генерал-майора и губернатора // *Грот Я. К.* Труды Я. К. Грота из русской итории. – СПб., 1901. – С. 122–156.

населения. Как в американских колониях на континенте, берега некоторых рек довольно хорошо заселены и земли обрабатываются достаточно для удовлетворения жизненных потребностей и для ведения торговли. Это становится совершенно очевидным на пути от границ Литвы до Москвы, так как земля расчищена только соответственно размерам городов и деревень вдоль дороги, а в остальном – повсюду лес. В хилых частях страны на несколько сотен миль простираются большие безлюдные равнины, чрезвычайно богатые травою, всевозможными целебными травами и цветами, но им недостает лесов и хорошей воды и они подвержены неожиданным вторжениям татар, безопасности от которых не обеспечивают никакой мир и никакое соглашение.

Климат. В зависимости от климата почва различна по характеру и плодородию. Земля вокруг Москвы песчаная и не очень плодородная, но достаточно удобна благодаря наличию рек летом и дешевизне санного пути зимой, которая длится там обычно около шести месяцев.

Жители. Жители в основном те, что зовутся московитами; остальные образуют массу, но мало способствуют усилению страны: лапландцы и самоеды слишком несообразительны и вялы, несколько татарских народов – слишком дики, а от казаков польза не велика, так как у них слишком много свобод и привилегий.

Лапландцы и самоеды. Лапландцы и самоеды рассеяны по всем большим лесам вдоль Белого и Ледовитого морей; они низки ростом, имеют некрасивую фигуру, их восприятие и понятия едва превышают уровень дикарей, а их религия, если таковая вообще существует, мало понятна тем, кто у них бывает. В пищу они обычно употребляют сырую рыбу или то, что убивают или находят мертвым, безразлично. Они приносят пользу московитам тем, что охотятся на тюленей близ Новой Земли и платят царю небольшую дань мехами.

Татары Сибири и Даурии. Первыми русскими, проникшими в царства Сибири и Даурии, были преступники, которые бежали от правосудия во времена Ивана Васильевича, но после своего открытия получили помилование и при поддержке военной силы основали несколько селений на ближайших реках. Постепенно такие поселения распространились по всей территории до китайских границ; последняя крепость царских владений, называемая Нерчинск, построена на реке Амур, которая впадает в Южное море. Коренными жителями этих обширных областей были несколько разновидностей татар, которых, как и индейские племена Америки, легко покорили, так как они жили малыми ордами, каждая под своим управлением. Близ русских поселений они научились жить в домах, обрабатывать землю и платят царю ежегодную дань мехами, такими как соболя, лисы и горностаи. Другие татары, которые продолжают кочевать со своими шатрами, не признают власти царя, и часто их небольшие отряды причиняют беспокойства, хотя и не в состоянии нанести сколько-нибудь большой ущерб.

О Казани и Астрахани. Казань и Астрахань были татарскими царствами, которые когда-то сделали московитов своими данниками и несколько раз ставили их правительство на грань падения. Но они были окончательно покорены Иваном Васильевичем – первое в 1552, а второе в 1554 году. После этого он построил несколько городов на Волге, укрепил их сильными гарнизонами и пересилил в Казань и Астрахань людей своего народа, которые и по сей день не позволяют никаким татарам селиться в пределах городских стен.

Черемисы и мордва. Черемисы и мордва владеют обширной областью между Нижним Новгородом и Казанью по обеим сторонам Волги. Они живут в домах, занимаются сельским хозяйством, платят царю налоги и служат ему, как и другие его подданные, но никогда не поставляют рекрутов на войну.

Башкиры. Башкиры – сильный народ, распространенный от Казани до границ Сибири. У них есть поселения, но они сохраняют свою прежнюю независимость и восставали в 1707 году, когда царские чиновники вознамерились обложить их новыми налогами и принудили некоторых из них принять христианство. Башкир усмирили военной силой и удовлетворением их жалоб.

Калмыки. На остальной части страны до Астрахани и границ узбеков обитают калмыки и другие орды, которые кочуют со своими шатрами в зависимости от времени года и удобства существования. Царь ежегодно преподносит им дары тканями, деньгами и каким-либо оружием, а за это они обязаны служить ему во время войн без оплаты, которую в достаточном количестве добывают себе сами, грабя друзей и врагов, где бы ни проходили. В последнее время самое большое число калмыков, которое вооружалось для царя, составляло примерно 12 тысяч; через восемь дней после Полтавской битвы их отпустили обратно домой и только около двух тысяч отправили в Ливонию. Религия у татар либо магометанская, либо языческая, в чем им не препятствовали царь и его предки.

Казаки. Казаки делятся на три вида, известные по местам, где они впервые поселились, но все они из одного народа, говорят на одном языке, придерживаются одной религии и имеют одинаковую форму правления. Первоначально они были польскими крестьянами, из которых была сформирована милиция под командой их собственных офицеров и со своей дисциплиной; их поселили на плодородных равнинах Украины для охраны границ государства от татар. Через несколько лет численность казаков и богатства значительно выросли, и они не могли больше выносить пренебрежительного отношения польской знати, всегда смотревшей на них как на своих рабов. Такое обращение послужило поводом для нескольких кровопролитных войн, успех которых был различен.

Казаки Дона. В одной из первых войн, когда казаки потерпели поражение, некоторые из них, не желая подчиниться гнету, ушли с Украины на безлюдные берега Дона, или Танаиса, где основали новое поселение. В 1637 году другая группа по той же причине решила искать счастья на берегах Каспийского моря. Но когда они проходили мимо своих прежних земляков на Дону, те убедили их остаться и присоединиться к походу на Азов, который они и взяли в том же году и удерживали до 1642 года, когда турки подошли с большой армией, а московиты отказали казакам в своевременной поддержке. Казаки сожгли город и сделали столицу своего маленького государства в Черкасске, городе на одном острове на Дону. Спустя некоторое время они отдали себя под защиту московитов и еще недавно имели 39 городов на этой реке от Рыбной до Азова, большинство из них на северовосточной стороне. Эта область по большей части лишена деревьев, но на удивление богата травами, цветами, целебными травами, дикой спаржей и т. д. Казаки сеют очень мало хлеба, причем этим занимаются лишь их невольники; также мало едят хлеба, кореньев и трав; основной их пищей являются рыба, мясо и фрукты, а их богатство составляют крупный рогатый скот, лошади, дромадеры и верблюды, их дома и одежда обычно опрятнее, чем у московитов, в религии они

следуют греческой, или восточной церкви. Среди казаков очень мало торговцев и ремесленников; их занятием и увлечением является оружие, которое они в мирное время применяют в набегах на своих постоянных врагов – калмыцких, кубанских и крымских татар, в открытой войне – против турок на Меотийском озере. Управление казаков – разновидность военной демократии; их главный гетман, или полковник над всеми, имеет резиденцию в Черкасске. Он избирается на общем сборе капитанов и гражданских чинов этого народа, но утверждается царем и затем занимает свой пост до конца жизни, которую он зачастую теряет в неудачном походе или при каком-либо мятеже. Каждый город подобен маленькому государству и имеет своего собственного гетмана, или капитана, выбираемого ежегодно, который ведает всеми гражданскими и военными делами, а в поле возглавляет войско своей общины. Казакам сохранены их старые законы и обычаи, они не платят царю никакой дани, не поставляют рекрутов и лишь обязаны выставлять по требованию войско на своем содержании. Напротив, их капитаны обычно получают ежегодные подарки из казны царя тканью, деньгами и хлебом. Казаки пользуются очень большими привилегиями, одна из самых значительных состояла в том, что всякий крестьянин или невольник, оказавшийся в их стране, получал свободу и не мог быть востребован своим хозяином или правительством московитов. Поэтому во время нынешней войны здесь укрылось множество дезертиров; царю стало известно об этом, и четыре года тому назад на их поиски был послан князь Долгорукий с двенадцатью сотнями солдат. Он нашел несколько сотен [беглецов], но, не приняв мер предосторожности, подвергся в свою очередь нападению казаков и был изрублен со всеми своими людьми. Это вызвало общее восстание и отнимало у царя тысяч 10 человек в продолжение приблизительно двух лет. Во время этих волнений многие их города были сожжены, и не пощадили ни мужчину, ни женщину, ни ребенка; кроме того, несколько сотен человек были публично казнены в Воронеже. Это истребило очень много жителей страны и сделало имя Московии ненавистным для оставшихся. Во времена наибольшего процветания силы казаков оценивались тысяч в 15 человек, способных носить оружие.

Казаки Украины. Казаки Украины гораздо более многочисленны и значительны, их владения простираются на несколько сотен миль между реками Борисфен, или Днепр, и Дон. В 1654 году они во главе со своим гетманом из-за плохого обращения восстали против Польши и отдали себя под протекцию царя, передав ему Киев, Чернигов и несколько других сильных городов в залог своей верности. Эта страна исключительно хорошо заселена и возделана, их города многочисленны, все укреплены сухим рвом, земляным валом и палисадами. Деревни большие и искусно выстроены из дерева. Казаки ведут большую торговлю пенькой, поташем, воском, зерном и скотом. Они живут легко и изобильно, пользуясь теми же привилегиями, что и донские. Такая жизнь и их богатства вызывают зависть знати и правительства московитов, которые делали несколько попыток постепенно ограничить свободы казаков. Это привело к общему недовольству и переходу Мазепы под власть короля Швеции. Это было сделано неудачно, и в результате резиденция Мазепы – город Батурин был тут же взят и сожжен, а свыше шести тысяч человек без различия возраста и пола преданы мечу.

Казаки Запорожья, или Порогов. Запорожские казаки имеют тот же характер и ведут такой же образ жизни, что и донские. Они получили свое название от

порогов на реке Борисфен, близ которых поселились, главным образом в целях большей безопасности и удобства своих походов против турок и татар. Когда казаки Украины, испуганные жестокой расправой в Батурине, утихли, запорожские открыто заявили о своей приверженности Мазепе и продолжали хранить ему верность до конца. Две или три тысячи последовали за ним в Бендеры и до сих пор находятся с королем Швеции. Большинство остальных было порублено, так что остатки казаков этого названия в настоящее время весьма незначительны.

Московиты. Из этих сведений явствует, что при подсчете сил царя следует учитывать лишь главным образом природных московитов; только из них формируются и состоят его регулярные войска, за исключением небольших дополнений из мордвы и черемисских татар, которые постепенно были цивилизованы и подчинены.

Их численность. По наивысшему и наиболее вероятному расчету численность московитов составляет:

Дворы, которые платят налог на военные нужды деньгами	884 000
Дворы, исполняйте гужевую повинность и поставляющие провизию	424 000
Дворы	1 308 000
	Души
Что, считая в среднем по пять человек на двор составляет	6 540 000

Я видел другой расчет, где империя была разделена на 84 части для создания царского флота в 1697 году:

	Дворы
Каждая часть насчитывает	10 000
Всего	840 000
По пяти человек на двор	4 200 000 душ

Эти вычисления учитывают всех московитов и несколько их колоний от Киева до Китая и Ледовитого моря.

Поскольку земля в большинстве частей [страны] остается необработанной, а увеличение дохода каждого помещика зависит от числа его крестьян, или подданных, то старым правилом московских офицеров было во всякой успешной войне увести за собой как можно больше людей и поселить их в своих собственных владениях. Несколько городов на Волге являются плодами их прежних походов в Польшу и Литву, а в настоящее время они увели более трети жителем из Ингрии и Ливонии и заселяли ими целые деревни к югу от Воронежа. Я полагаю, что эти люди, находя свою новую неволю легче старой, землю более плодородной, а климат более мягким, никогда не вернутся назад, хотя им и предоставлена свобода. Это непоправимый урон для короля Швеции, если когда-нибудь эти провинции вернутся к своему прежнему хозяину. Ингрия в какой-то мере была вновь заселена колониями московитов. Большинство существующих теперь знатных фамилий – иностранного происхождения, как Голицыны, Апраксины, Нарышкины и т. д. из Польши, Черкасские из татарии, а царь гордится своим прусским происхождением.

Степени. Московиты делятся на три степени: знать, называемую князьями, помещиков, называемых дворянами, и крестьян.

Знать. Князья, или герцоги, некогда были главами маленьких государств, на которые была поделена эта страна, но со временем все они были подчинены князьями владимирскими, перенесшими свою резиденцию в Москву и принявшими титул великого князя. Потомки этих фамилий до сих пор сохраняют свой древний титул, и некоторые поляки, переехавшие сюда, выдвинувшись, присвоили себе такое же достоинство под тем предлогом, что они ведут свой род от воевод. Этот титул ценится по-разному, в зависимости от доходов или занятий носящего его лица. Те герцоги, которые приспособились к условиям и получили поместья в обмен на свою незначительную независимость, до сих пор живут с некоторой пышностью; другие поднялись снова благодаря своей гражданской или военной службе, тогда как остальные доведены до полной нищеты и ничтожества. Два года тому назад в драгунском полку князя Меншикова около трехсот князей были простыми солдатами. С целью устранить путаницу с этим титулом, царь с начала своей деятельности стал вводить некоторые изменения. Император пожаловал титул графа покойному первому министру царя Головину и генералу Гордону; Александр Меншиков, фаворит царя, получил титул князя империи четыре года тому назад. Но так как амбиции царя растут вместе с его успехами, он задумал ввести собственные почетные титулы и вскоре после этого сделал князя Меншикова герцогом ингрийским. Когда господин Головкин, нынешний первый министр царя и великий канцлер, был пожалован титулом графа от императора, то вскоре он получил тот же титул и от царя, который с тех пор пожаловал графскими титулами [также] великого адмирала Апраксина и лорда хранителя печати Зотова, вовсе не обращаясь к имперскому двору, и намеревается постепенно ввести титулы баронов и рыцарей. Он уже учредил рыцарский орден в честь св. Андрея, кавалеры которого носят голубую ленту и звезду в подражание ордену Подвязки.

Помещики. Дворяне – это сельские помещики, большинство которых держит свои земли рыцарской службой; они обязаны являться на войну верхом. Раньше было достаточно послать хорошо вооруженного конного человека, но нынешний царь заставляет дворян самих или их сыновей служить лично, если они не могут откупиться достаточно крупной суммой у его министров. Когда дворяне находятся в армии, им не разрешается иметь слугу, хотя они могут быть хозяевами нескольких сот крестьян, и должны сами выполнять все обязанности простых солдат. Но самое большое унижение для них то, что те из их крестьян, которые хотят завербоваться в армию волонтерами, немедленно объявляются свободными и на равном положении со своими хозяевами, хотя вопрос чести еще не настолько признан, чтобы дать много примеров такого рода. Те дворяне, что живут в своих поместьях и находятся далеко от Москвы, пользуются большой свободой и держатся очень высокомерно, хотя перед офицерами и высшей знатью они смиренны и заискивают. Поистине эта страна является превосходной моделью грандданса Байеса, где каждый, кроме крестьян, имеет свою долю унижения и почитания.

Крестьяне. Крестьяне – настоящие невольники, подчиненные деспотичной власти своих господ, их можно передавать с их личным имуществом. Ничего они

не могут назвать своим собственным, и это делает их очень ленивыми. И когда исполнено задание хозяев и запасено немного хлеба и дров на год, они считают главное дело своей жизни выполненным, а остальное время бездельничают или спят. И все же они довольны жизнью: пара глиняных горшков, деревянная миска, деревянная ложка и нож составляют всю их домашнюю утварь. Они пьют воду, едят овсяную кашу, хлеб, соль, грибы и коренья, по праздникам немного рыбы или молока, если это не пост, но мясо очень редко. Так простой обычай в них посрамляет притворную суровость философии и ложное благочестие и прекрасно готовит их к тяготам войны, что, будучи привычным их образу жизни, безусловно получит сильное развитие в народе, который не задумываясь идет на смерть и мучения и обладает таким пассивным мужеством, как ни одна другая нация в мире.

Религия. Их религия – это восточная, или греческая церковь, только еще более испорченная невежеством и суевериями.

Картины. Они думают выполнить вторую заповедь тем, что не допускают никаких скульптурных изображений, но их церкви полны жалких картин, лишенных оттенков и перспективы, и однако некоторые из этих рисунков, как и более изящные, кисти итальянских мастеров, считаются произведениями ангелов, особенно знаменитый образ девы Марии с тремя руками, который хранится в Иерусалимском монастыре примерно в тридцати милях от Москвы.

Почитание картин. Почитание, выказываемое по отношению к этим картинам, – грубейший вид идолопоклонства, и оно составляет основную часть их набожности. Этим картинам они кланяются и крестятся; каждый ребенок имеет своего покровителя-святого, которого ему определяют при крещении, а каждая комната – свою картину-заступника в одном углу, который у русских является почетным местом. Посторонние, входя в дом, отдают дань уважения этой картине, прежде чем приступить к делу или обратить внимание на присутствующих. Все эти изображения называют общим именем – Бог.

Посты. Остальная часть их обрядов заключается в соблюдении постов, которых в году четыре помимо сред и пятниц, и постов очень строгих; в посещении церкви раз в день, если она находится поблизости; в том, чтобы ставить восковые свечи своим святым и часто повторять «господи, помилуй» без каких-либо размышлений. Из-за войны и частых путешествий их молодых дворян московиты стали менее строго соблюдать посты; сам царь во время всех постов ест мясо в частных домах, но на людях старается не оскорблять религиозных чувств.

Церкви. У московитов очень много церквей; некоторые каменные, остальные – деревянные. Все они построены в виде креста, с пятью маленькими куполами. В каждом имении знати есть церковь. Построить церковь считается благим делом и налагает какие-то обязательства на небеса, хотя всякий волен посещать или не посещать церковь.

Белое духовенство. Их приходские священники и капелланы – люди самого низкого происхождения, «мужья одной жены» в буквальном толковании этих слов; раньше священника отстраняли от исполнения его обязанностей в случае смерти жены, и он должен был постричься в монахи или заняться каким-либо скромным ремеслом для своего пропитания. Но нынешний царь разрешает им оставаться при церкви в качестве низших служителей. Неудивительно, что при

таком происхождении и в таких условиях они очень невежественны, а все их образование заключается в том, чтобы нараспев повторять слова службы и прочесть главу из Библии, которую понимают весьма немногие из них, так как она написана на славянском языке. Они никогда не читают в церкви Ветхого завета и уж подавно не кладут его на алтарь.

Черное и сановное духовенство. Монахи и духовенство высокого сана пользуются гораздо большим уважением, хотя они почти столь же невежественны, за исключением нескольких, получивших образование в Киеве. Их привычки, посты, поскольку они никогда не едят никакого мяса, их степенность и постоянная набожность привлекают к ним сердца и вызывают преклонение людей, а их большие владения прежде настолько усилили их мирские интересы, что патриарх Никон дерзнул бороться с отцом нынешнего царя за самостоятельность, и подавление его сопровождалось большими волнениями. Эта власть была так опасна, что нынешний царь с кончиной последнего патриарха разделил службы, предоставив духовную власть архиепископу рязанскому, а управление мирскими делами – мирской комиссии, ведающей также монастырскими землями и доходами, которые царь под благовидным предлогом отобрал несколько лет тому назад. Когда он осведомился о доходах, настоятели монастырей, желая показаться очень бедными, пожаловались, что они едва в состоянии прокормить своих монахов, хотя и ограничиваются жалкой суммой по 15 рублей в год на человека. Царь с показным сочувствием сказал им, что позаботится об их доходах и удвоит содержание, что он действительно и сделал. Это, помимо годовой выгоды для его казны в 150 тысяч фунтов стерлингов, полностью уничтожило мирскую власть монастырей в стране, где у них больше не осталось свободных держаний, а их крестьяне, или подданные, теперь непосредственно зависят от царских чиновников.

Правление. Правление является абсолютным до последней степени, не ограничено никаким законом или обычаем и зависит лишь от прихотей монарха, которые определяют жизнь и судьбу всех подданных. Обычное приветствие высшей знати царю: «Я твой раб, возьми мою голову». Однако те, кто служит, имеют свою долю деспотичной власти, их действия не подлежат обжалованию, все совершается от имени царя, которым они часто злоупотребляют для удовлетворения своей алчности, жажды мести или других низких страстей.

Законы. Для соблюдения правовых норм между частными лицами у них есть писаные законы и прецеденты, которым московиты обычно следуют, хотя без всякой обязательности, а их методы достаточно просты и коротки; если бы еще их судьи могли устоять перед соблазном взятки, что редко случается в этой стране.

Администрация. Раньше цари стремились сохранить преклонение своих подданных тем, что появлялись очень редко, лишь на публичных церемониях и службах и с соответствующей случаю торжественностью, тогда как бояре, или ближние советники, распоряжались империей по своему усмотрению. Но нынешний его величество царь преодолел эту формальную зависимость и не упускает случая продемонстрировать их самих и их обычаи перед народом. Чтобы еще больше ослабить древние фамилии, он часто обязывает их детей служить на низших должностях, например, простыми солдатами в его пешей гвардии, и возвышает людей без роду и племени до больших постов.

Бояре. Бояре, или ближние советники, прежде были главной силой всех приказов, или министерств. Окольничие были их помощниками, являясь ближними советниками более низкого ранга, допускавшимся [на церемонии?] только в особых случаях.

Думные и дьяки. Думные являются судьями на всех процессах, а дьяки – секретарями. Каждый приказ состоял из этих чиновников и имел, независимо один от другого, неограниченное право казнить и миловать, что часто вызывало немалую путаницу. Приказов было свыше 30 для различных сфер жизни или провинций империи, и хотя они до сих пор сохраняются, однако главные чиновники – бояре и окольничие – постепенно упразднялись, а большинство приказов передавалось дьякам, то есть секретарям.

Новый план. В 1710 году царь осуществил новый проект, который со временем может привести к большим изменениям: разделил империю на 8 губерний.

Москва со всеми принадлежащими ей областями отдана г-ну Стрешневу, главе военного ведомства.

Архангельск – князю Голицыну, бывшему посланнику в Вене.

Азов и Дон – графу Апраксину, великому адмиралу.

Казань и Астрахань – генерал-лейтенанту Апраксину, его брату.

Киев и Украина – генерал-лейтенанту Голицыну, который был военным комиссаром войск московитов в Саксонии.

Сибирь – князю Гагарину.

Ливония, Ингрия, Псков и Новгород – князю Меншикову, фавориту.

Смоленск – господину Салтыкову.

Воронеж и верфи должны быть отдельной маленькой губернией, что царь сохраняет в тайне.

Эти губернаторы распоряжаются всеми делами – военными и гражданскими, получают доходы, оплачивают все расходы в своих нескольких провинциях и ежегодно посылают определенную сумму в большую казну, свободно от всех обложений; они имеют абсолютную власть во всем, помимо того, что касается регулярных войск, которые никогда не должны быть ни под их руководством, ни оплачиваться ими. Хотя они квартируют на подвластных тому или иному губернатору территориях, но должны получать приказы непосредственно от царя и его генералов.

Царь. Нынешнему царю тридцать восьмой год; государь красив, крепкого телосложения и здоровья, но которое в последнее время сильно подорвано вследствие нерегулярного образа жизни и переутомления. Он был подвержен сильным конвульсиям, причиной которых, как говорят, стал яд, подсыпанный ему в юности по приказанию его сестры Софьи; из-за этого он не любил, чтобы на него смотрели, но в последнее время почти избавился от конвульсий. Он чрезвычайно любознателен и трудолюбив и за 10 лет усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратно больший срок, и что еще более удивительно – сделал это без какой бы то ни было иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров, одной лишь силою своего гения, наблюдательности и собственного примера. Он прошел все ступени должностей в армии – от барабанщика до генерал-лейтенанта, на флоте – от рядового матроса до контр-адмирала, а на своих верфях – от простого плотника до корабельного мастера. Дальнейшие подробности, хотя они и были бы

интересны, заняли бы здесь слишком много места. Царь имеет добрый нрав, но очень горяч, правда, мало-помалу научился сдерживать себя, если только вино не подогревает его природной вспыльчивости. Он, безусловно, честолюбив, хотя внешне очень скромен; недоверчив к людям, не слишком щепетилен в своих обязательствах и благодарности; жесток при вспышках гнева, нерешителен по размышлении; не кровожаден, но своим характером и расходами близок к крайности. Он любит своих солдат, сведущ в навигации, кораблестроении, фортификации и пиротехнике. Он довольно бегло говорит на голландском, который становится теперь языком двора. Царь живет очень скромно. Будучи в Москве, никогда не располагается во дворце, а поселяется в маленьком деревянном доме, построенном для него в окрестностях [столицы] как полковника его гвардии. Он не держит ни двора, ни выезда, ни чего-либо иного, отличающего его от обычного офицера, кроме тех случаев, когда появляется на публичных торжествах.

Двор. Двор прежних царей был очень многочисленным и пышным, по торжественным случаям наполнялся боярами, или ближними советниками, со всеми чиновниками каждого приказа, знатью и помещиками, которые должны были появляться при дворе в силу своих почетных титулов и знатности без какого бы то ни было жалования. Например, кравчие, каковых лишь двое из первейшей знати, и эта должность считалась очень почетное; стольники, в обязанности которых входило выполнять различные важные поручения, принимать послов и т. д.; спальники. Носящие эти два последних звания весьма многочисленны, и эти звания переходят от отца к сыну, хотя обычно утверждаются государем. И, наконец, гости, или крупнейшие купцы. Во время публичных празднеств или церемонии все они получали из казны богатое парчовое платье, подбитое мехом, которое возвращали сразу же после выхода. Но нынешний царь совершенно упразднил эти церемонии, не учредив никакого другого двора. Некоторые говорят – из экономии средств во время войны, но причина кроется скорее в особенностях его характера, которому противны подобные условности. На любой церемонии царя сопровождают офицеры его армии и знать без какого-либо соблюдения рангов, что выглядит довольно эффектно.

Фаворит. Фаворит царя Александр Меншиков – очень низкого происхождения. Мальчиком он случайно повстречался царю на улице и за какие-то неудачные ответы был определен в число придворных царя. Начиная с этого шага, Меншиков постепенно вырос в самую могущественную некоронованную особу в Европе; его основным достоинством было усердие и расторопность. Кое-кто полагал, что близость царя и фаворита походила скорее на любовь, чем на дружбу, они часто ссорились и постоянно мирились, хотя любой из этих случаев мог оказаться фатальным, до чего порой бывало недалеко. Меншиков не обладает выдающейся внешностью, он малообразован, так как царь никогда не позволял ему учиться читать и писать, а чересчур стремительное возвышение не оставляло ему времени для наблюдений и приобретения жизненного опыта. От имени царя он пользуется неограниченной властью во всех делах, свои личные страсти ставит выше любых интересов, чем часто противоречит приказам царя, и если доходит до разногласий, обычно старается скрыть предмет спора от своего повелителя. Меншикова не любит простой народ, а еще менее старая знать и высшие офицеры,

которые открыто составляют против него заговор, возглавляемый великим адмиралом Апраксиным. Меншиков стал князем империи в 1706 году, герцогом ингрийским – в 1707 и фельдмаршалом в 1709. Он лютый враг фельдмаршала Шереметева и часто ставил того на грань падения. Он создал себе двор, как у мелких германских князей, состоящий из гофмейстеров, гофмаршалов, секретарей и т. п., по большей части иностранцев.

Канцлер империи. Господин Головкин – из древнего рода, он был верховным комнатным и после смерти графа Головина назначен канцлером империи, каковой высокий пост он скромно отклонял в продолжение нескольких месяцев. Это джентльмен, наделенный здравым смыслом, весьма благочестивый и вообще человек чести. Никто не жаловался на его жестокость или несправедливость, хотя некоторые полагают, что он недостаточно решительно выступает против этих качеств в других людях. Он получил титулы графа Римской империи и России года три тому назад.

Вице-канцлер. Господин Шафиров невысокого происхождения, его дед был из евреев, вывезенных из Польши в одну из прежних войн с нею; отец Шафирова был крещен, и сам он исповедует русскую религию. В 1705 г. он служил личным секретарем графа Головина, которому был совершенно необходим благодаря своему прилежанию и знанию голландского языка. После смерти графа он был назначен секретарем Посольского приказа, а в 1709 году – вице-канцлером при графе Головкине. Все внешние дела непременно проходят через его руки. У него больше опыта, нежели природных способностей. Он пользуется репутацией человека, ведущего дела вполне честно, но быстрое продвижение по службе сделало его высокомерным и, говорят, личные интересы не всегда позволяют ему разобраться в существе дела.

Ближний советник. Князь Долгорукий, который несколько лет тому назад был послом царя в Польше, часто присоединяется к двоим вышеназванным господам для консультаций по внешним делам, но исполнительная часть полностью лежит на них. Этот человек обладает здравым смыслом, хорошими манерами, скромен и честен.

Великий адмирал. Господин Апраксин – из хорошего рода, его предки были стольниками. Старая вдовствующая императрица, мать старшего брата царя, – его сестра. Благодаря этому союзу он попал ко двору и оказался в милости, а вскоре продвинулся с помощью своего живого ума и сознания, не отягощенного никакими угрызениями совести, которые могли бы помешать его карьере. В продолжение многих лет он был комиссаром адмиралтейства, а после смерти графа Головина произведен в адмиралы. В 1709 году он был назначен губернатором Ингрии в отсутствие князя Меншикова и имел счастье видеть, как солдаты шведской армии под командованием генерала Любеккера забивали своих коней и по необъяснимой причине ретировались из этой провинции. Эта неудача [Любеккера] обернулась его [Апраксина] собственной заслугой и повысила его репутацию в глазах государя. Апраксин очень мстителен и не чурается подарков; он открыто выступает против фаворита, и его очень ценят при дворе, но невоздержанность к напиткам в обществе царя порой служит для него источником неприятностей.

Фельдмаршал. Фельдмаршал Шереметев – из очень древнего рода, известного тем, что давал удачливых генералов в войнах против татар. На его долю также

выпал успех в последней турецкой войне. Во время своего путешествия в Италию Шереметев провел операцию на мальтийских галерах и был удостоен креста этого ордена. Он самый благовоспитанный человек в этой стране и много вынес из своих путешествий; у него блестящий выезд и он сам ведет блестящий образ жизни; его чрезвычайно любят солдаты и почти обожает народ. Шереметев бодр в свои шестьдесят с лишним лет, имеет хороший характер, честен и как никто другой обладает личной храбростью, но недостаточно опытен в действиях против регулярных войск. Он часто подвергается преследованиям фаворита и не раз просил об отставке, однако неизменно получал отказ.

Есть еще несколько министров, входящих в тайный совет, но поскольку они занимаются внутренними делами, не пользуются особой милостью и не оказывают заметного влияния на дела государства, я не стану утруждать вас перечислением их имен и постов, а перейду к небольшому сообщению о богатствах царя.

Богатства. Серебряная монета. Торговой монетой в Московии является маленькая серебряная монета размером примерно с английский пенс, называемая копейкой.

3 копейки составляют алтын,
10 копеек – гривну,
25 копеек – по [лу] полтину,
50 копеек – полтину,
100 копеек – рубль.

Раньше не было других монет, кроме копеек, а остальные названия обозначали только их число для удобства счета, но в 1703 году были выпущены большие количества металлических монет: рублей, полурублей и т. д., хотя основную кассу денег по-прежнему составляют копейки.

Стоимость. Все большие суммы обычно выражаются в рублях (100 копеек), действительная стоимость которых может составлять примерно 4 английских шиллинга 4 пенса, но при обмене за рубль обычно считают 6 шиллингов 8 пенсов. А 15 лет тому назад стоимость была 10 шиллингов.

Вес. Во времена Ивана Васильевича, который правил с 1540 по 1584 год, сто рублей весили 12 фунтов, а вес не менее 11 фунтов сохранялся до правления нынешнего монарха, но из-за войны и растущих потребностей казны его постепенно снизили до 6 фунтов 12 унций и 3 квартернов по английским мерам веса. Казначейство принимает с 15-процентной приплатой 100 рублей старыми копейками весом 10 фунтов, а затем их перечеканивают, в новые копейки.

Стандарт. Стандарт должен быть одного качества с левенталерами, то есть 12 унций чистого серебра и 4 унции примеси на фунт веса. Но большая часть материала, поступающего на монетный двор, содержит не свыше 10 унций чистого серебра, а поскольку пробу при плавке берут редко, русские монеты имеют разную ценность, в зависимости от того, какой состав плавили в данной партии – хороший или плохой. Серебро в слитках, талеры и старые копейки переплавляются вместе с добавлением примеси меди.

Ввозимые деньги. Серебро – это крестовые талеры, левенталеры и альбертусталеры и необработанные слитки, привозимые из Голландии, Гамбурга и Бремена. Талеров поступает 2–3 тысячи в год, частью от купцов в качестве таможенных пошлин, частью в обмен на медные деньги, которыми казначейство часто ссужает

иностранцев и которые нужно вернуть в талерах до истечения двухлетнего срока, а частью в результате выгодного денежного обмена, при котором голландцам за талер дают всего от 62 до 78 копеек; в Архангельске же талер можно продать за 85–90 копеек.

Золотая монета. В 1702 году были отчеканены первые дукаты с царским штемпелем, по 26 карат, и они равнялись по ценности голландским дукатам. Но в следующем году управление монетным двором отобрали у иностранцев и стали оставлять без очистки китайское золото, которое содержит лишь 20–21 карат и 1–3 грана. Эти монеты полностью вытеснили дукаты, которых с 1706 года было выпущено очень мало. Золото ввозят в слитках из Китая, около 300 английских фунтов в год; кроме того, каждое лето в Архангельск морем привозят несколько тысяч дукатов.

Медь. В 1705 году царь начал чеканить медные копейки, половинки и четверти; 36 английских фунтов меди, которые покупают в Москве за 7 рублей, дают в монетах 20 рублей. Ежемесячно выпускается около 10 тысяч этих копеек, но никто не обязан брать их в уплату, кроме тех, кто состоит на царской службе. Их можно обменять на серебро с приплатой двух процентов. Медь поступает морем в Архангельск.

Торговля. Если иметь в виду запасы серебра и ценность монеты, то деньги в этой стране столь сильно зависят от торговли, что необходимо упомянуть здесь главные ее направления.

Ввоз. Товары, главным образом ввозимые из Англии, – это всевозможные шерстяные изделия, свинец, олово, красильное дерево, индиго, оловянная посуда, ладан, самородная сера, гваяковое дерево. Голландцы и гамбуржцы, кроме того, привозят вина, бумагу, квасцы, изделия из стекла, специи, талеры, серебро в слитках, золотые и серебряные галуны, парчу, силезское сукно и всякого рода галантерею.

Вывоз. В Англию вывозят в основном пеньку, лен, ворванный жир, полотно, поташ, ревень, рыбий клей, воск, смолу, юфть и икру, два последних товара вывозят в Ливорно. Голландцы и гамбуржцы вывозят, далее, древесную золу, мачты, высушенные и соленые кожи, сало, соболей, конопляное семя, рогожу и свиную щетину.

Морские промыслы. Их охота на тюленей, которых добывается около 10 тысяч в год, дает 5 тысяч мер жира; шкуры и жир посылают в Англию. Моржи с Новой Земли обычно давали в год 30 груженных ворванью судов; бивни ценятся почти наравне со слоновой костью, но поскольку торговля монополизована одной компанией, она с каждым днем сокращается. Обычно три корабля, груженных треской и вяленой рыбой, каждый год отправляются в Данию; один корабль с соленой и сушеной семгой – в Бильбоа. Семгу и треску ловят в Северном океане у Кильдина и Колы, а соль привозят морем из Сент-Убеса.

Пошлины. Иностранные купцы обязаны платить свои таможенные пошлины в Архангельске талерами, которые казна принимает лишь по старой стоимости – по 50 копеек. Да к тому же на вес: 14 на фунт, что редко выдерживается, а выходит от 14 с четвертью до 14 с тремя четвертями [талеров в фунте]. Иностранцы платят 5 процентов за товары, купленные и проданные на вес, и 4 процента за товары, купленные и проданные на счет либо меру. Они платят лишь одну таможенную

пошлину – либо ввозную, либо вывозную, любая из них достигает наивысшего уровня в конце торга. За товары, отправляемые иностранцами в Москву или в другие внутренние города, платят 10-процентную проездную пошлину в талерах и 6-процентную, если они продают и покупают на русские деньги. Русские купцы платят 5 процентов, если продают и покупают внутри страны, и 5 же в Архангельске. За вино платят особую пошлину по 5 талеров бочка.

Обменный курс. В 1710 году обменный курс был 3 рубля 10 копеек за фунт стерлингов, тогда как по действительному достоинству должно быть лишь около 4 с половиной рублей [за фунт стерлингов]. А поскольку ежегодный вывоз превышает ввоз почти на две тысячи рублей, государственный кредит русских денег сохраняется; он понизился бы почти до реального уровня, если бы сколько-нибудь значительную сумму сверх торгового баланса пришлось послать за море.

Доходы царя могут составлять приблизительно 7 миллионов рублей в год, они поступают в основном:

Их источник. От таможенных пошлин на товары в Архангельске и проездных пошлин на товары, покупаемые или продаваемые в розницу внутри страны.

От монополий, находящихся в руках царя. Поташ дает до 40 тысяч талеров в год; древесная зола – 125 тысяч талеров; икра – 30 тысяч испанских талеров, кроме того, что потребляется в стране; ревень – около 20 тысяч талеров. Все эти товары продаются исключительно на талеры. Смола в 1706 году дала 40 тысяч талеров, а другая [партия] – 10 тысяч рублей; позже смолы продавалось очень мало.

От внутренних монополий. Соль приносит 500 тысяч рублей; суммы от табака, плиточного и брускового, продаваемого только чиновниками царя, точно не известны; в казну поступают меха из Сибири; водка и пиво в одной только Москве приносят ежегодно 600 тысяч рублей.

От монетного двора путем перечеканки талеров получают 120 процентов прибыли.

От старой монеты – 30 процентов.

От медной монеты – 65 процентов.

От китайской торговли, которая при умелом ведении дела приносила бы 200–300 тысяч рублей ежегодной прибыли. Идущие туда грузы – это несколько видов европейских товаров, но преимущественно меха, такие как соболя, горностаи, черные лисы и серые белки из Сибири; в обратном направлении идут камчатные ткани, миткали, синее полотно, золото, гобелены, фарфор и лекарства. Большую часть всего этого обычно продавали в Литву и Польшу, но торговля с ними теперь почти совершенно заглохла.

От персидской торговли, откуда шелк-сырец, ковры, парча, атлас, драгоценные камни и сафьян вывозятся главным образом армянами, платящими лишь два процента пошлины за те товары, которые по старой привилегии везут через владения царя, не торгуя по пути.

От новых налогов на гербовую бумагу; на все судебные процессы, за которые платят 10 процентов оспариваемой стоимости; на печи, или дымоходы; на все упряжные лошади и экипажи; все бани, каких в каждом селении есть по одной общественной и каждый знатный дом имеет свою частную, обложены налогом по рублю в год.

От монастырских земель, которые были весьма значительны, но взяты царем в свои руки и управляются мирской комиссией; материальное обеспечение монастырям выплачивается в соответствии с численностью монахов в каждом монастыре.

От земельного налога и царских доменов.

Все выплаты царя производятся в пределах текущего года, что очень затрудняет для него ведение нынешней войны. Ибо хотя его общий долг не превышает 200 тысяч рублей, его казна из-за дурного управления не может найти кредита и на 10 тысяч; купцы также не хотят давать переводных векселей, пока не получат денег.

Рудники имеются такие:

Железные, есть несколько незначительных в России и очень хороших в Сибири.

Медный, близ Олонца.

Серные, близ Казани и в горах, служащих границей с Сибирью.

Горячие источники и минеральные воды найдены под Терками на Каспийском море.

Селитра из Киева и Рыбной на Украине не уступает никакой другой в мире.

В 1709 году некий инженер, посланный в пустыни между Азовом и Киевом, отыскал три рудника с различной рудой на реке Кундручи, впадающей в Дон выше города Черкасска. На других малых реках, которые впадают в Донец, он нашел старые плавильные печи, выработки нескольких рудников. По общему мнению, это остатки генуэзских колоний. Инженер утверждает, что в некоторых рудниках есть купорос и ртуть или хорошее олово.

Военные силы царя. Военные силы царя, которые сведены в полки, одеты и обучены по иностранному образцу, включая отдельные отряды в Польше, Литве, Ливонии и Ингрии, с несколькими гарнизонами вдоль границ от Киева до Выборга, состоят из 51 полка пехоты, соответственно:

		Человек
51	Первый гвардейский	2400
	Еще 5 по 1800 каждый	9000
	Еще 45 по 1200 каждый	54 000
	51 рота гренадеров	5100
	1 рота бомбардиров	150
	36 полков драгун по 100[0] каждый	36 000
	3 полка конных гренадеров	3000
	Всего	109 650

Их штаты. Первый полк гвардейской пехоты имеет 24 роты, другие пять – по 18 рот, а ординарные полки – по 12. Драгунские полки имеют по 10 рот каждый. Пехота получает денежное содержание и порционы одинаковые с драгунами, исключая сено и овес.

Штаб-офицеры	*Рублей в год*
Полковник, как таковой	650
Подполковник, как таковой	390

Майор, как таковой	325
Полковой писарь	91
Врач	
Священник	
и оплачиваются полком.	
Профос	
Ротные	
	Рублей в год
Капитан	234
Поручик	130
Прапорщик	104
Квартирмейстер	91
3 сержанта, по 15 руб. 60 коп. каждый	46
6 капралов, по 13 руб. каждый	78
Ротный писарь	13
2 барабанщика, по 11 руб. каждый	22
84 рядовых солдата, по 11 руб. каждый	924
100 человек	1642
Еще 9 рот	14 778
Всего на драгунский полк	18 006

Все полковники, подполковники и майоры имеют роты и полный оклад как капитаны.

Порционы каждого рядового солдата – бочка (Так в оригинале; но, вероятно, русская бочка очень отличается от нашей.) хлеба, восьмая часть бочки гороха или овсяной крупы и десять фунтов мяса в месяц.

Драгунам – 18 английских фунтов сена в день и две бочки овса в месяц. Все унтер-офицеры от квартирмейстеров до барабанщиков включительно получают двойные порционы.

Гобоисты, там, где они есть, получают свое дополнительное жалование от полковников.

Генералы. Иностранные генералы имеют различные оклады в соответствии со своими капитуляциями.

Фельдмаршал-лейтенант – 10 000 талеров в год. Иностранный генерал-лейтенант обычно 3250 руб. в год.

	Рублей в год
Русский генерал-лейтенант	1560
Иностранный генерал-майор	1950
Русский генерал-майор	1170
Бригадир приблизительно	1040

Все генералы имеют полки и роты с [соответствующим] окладом и доходами.

Полагается денщиков

	Число	
Фельдмаршалу	30	
Генерал-лейтенанту	12	Кроме тех, которые положены ему как полковнику и капитану
Генерал-майору	8	

Полковнику	6	Кроме положенных ему как капитану
Майору	5	
Капитану	2	
Поручику	1	
Прапорщику	1	

Полки, не полностью укомплектованные офицерским составом, обмундированные и оплачиваемые по иностранному образцу:

	Человек
4 полка в гарнизоне Смоленска	4800
1 полк в Архангельске	1200
1 полк в Воронеже	1200
4 полка в Азове и Таганроге	4800
5 полков в Астрахани	6000
В Казани и между Доном и Волгой	
4 полка пехоты	4800
2 полка драгун	2000
21 полк	24 800
2 полка милиции близ Казани	2000
Ненормированные в полки солдаты и наемные отряды в небольших гарнизонах Ингрии	3383
Офицеры и солдаты артиллерии в нескольких гарнизонах Ингрии	767
Рекруты, обучающиеся в нескольких частях страны, всего приблизительно	10 000
90 полков драгун	109 650
Всего	150 600

6 полков немцев, которые после своей капитуляции под Переволочной перешли на службу к царю и минувшей зимой были отправлены в Казань и Астрахань, численностью от трехсот до четырехсот человек каждый, могут составлять около 10 000.

О казаках и татарах я не могу сделать сколько-нибудь точного подсчета; наибольшее их количество, которое царь собирал в этой войне, не превышало 30 000 человек.

К названным следует добавить гарнизоны в Сибири и на Севере, которые не могут быть отведены оттуда для какой-либо службы в Европе.

Содержание офицеров в гарнизонах и неполностью укомплектованных полках составляет:

Полковник – от 25 до 30 рублей в месяц,
Подполковник – 15 рублей в месяц,
Майор – 14,
Капитан – 11,
Поручик – 9 руб. 10 копеек.

Обмундирование. На обмундирование в царской армии каждому человеку отпускается 8 аршин сукна по цене от 60 до 70 копеек за аршин (Наименование

русской меры, примерно на четверть меньшей английского ярда.); исходная цена сукна в Англии – около 3 шиллингов 2 пенсов за ярд.

Верхнее платье для драгун, по 6 ярдов на каждое,
Шляпы, доставляемые в магазины по цене 60 коп. штука,
Башмаки – 80 коп. пара,
Солдатский мушкет, плохой 80 коп.,
Шпага – 25 коп.,
Пара пистолей 3 рубля.

N. B. Пистоли есть только у гвардейцев; они получает также более хорошее оружие из Утрехта или Саксонии.

Армия переобмундировывается раз в два года; на обмундирование вычитают копейку в день из [жалования] солдат; царь обеспечивает оружие и лошадей.

Лошади. Знать обязана поставлять лошадей для драгун по цене 7 рублей за лошадь, выплачиваемых из царской казны, хотя лошади часто обходятся им по 10 или 12 рублей. Некоторые полки посажены на шведских лошадей, захваченных у Переволочной; лошади остальных весьма плохи. Большинство драгун – дворяне, обязанные служить за право владения своими землями.

Артиллерия. Артиллерия очень хорошо обеспечена; большие пушки, как правило, бронзовые, обычно от 3- до 36-фунтовых, отлитые после начала нынешней войны либо из старых орудий, которые были накоплены предками этого царя без какого-либо разумного учета калибра, или из колоколов, которые около 10 лет тому назад каждая церковь и каждый монастырь, в зависимости от своей величины и дохода, должны были поставить на литейный двор. В 1708 году в одной только Москве была тысяча орудия, от 1- до 60-фунтовых; арсеналы Пскова, Смоленска и Киева были заполнены соразмерно. Помимо полевой артиллерии, каждый батальон имеет две длинных 3-фунтовых бронзовых пушки.

Мортиры отлиты из меди или из сибирского железа, они имеются всех калибров. Царь сам очень искусен в пиротехнике, является капитаном своих бомбардиров и имеет по большей части иностранных офицеров, которых он нанял в Англии или Голландии после последнего мира.

Порох делают в Москве сильный и хороший, кроме тех случаев, когда должностные лица в своих личных интересах смотрят сквозь пальцы на нарушения в процессе его изготовления. Магазины не заполнены должным образом припасами, но за короткое время могут быть приготовлены достаточные количества пороха, поскольку имеется несколько мельниц и всегда в достатке хорошая селитра с Украины.

Сообщение об успехах царя в создании флота.

Флот. Первый корабль был построен для развлечений царя, когда он был еще очень юн, на Белом озере – большом озере примерно в трехстах милях от Москвы.

Зимой 1695 года в Москве было изготовлено несколько полугалер и бригантин и санным путем доставлено в Воронеж, где их собрали и послали вниз по Дону для участия в осаде Азова.

В 1696 году, когда из Голландии прибыло значительное число корабельных плотников и с ними два итальянца, один греческий мастер из Венеции, в Ступине и Воронеже начал строиться флот, для чего вся империя была поделена на 84 части, каждой из которых надлежало поставить корабль или эквивалентное

количество галер, бригантин и малых судов. Высшая знать, назначенная наблюдать за этой работой в отсутствие царя, заключала контракты о постройке кораблей с иностранцами, которые из-за нехватки опыта, сухого леса и при недостатке времени, а также из своекорыстных побуждений строили корабли очень непрочно, из сырого и плохого леса, так что они гнили еще до завершения постройки. Царь, узнав об этом по возвращении из Великобритании, постепенно утратил всякое расположение к голландскому кораблестроению и голландским мастерам и уволил их, так как мог получить английских. Последними кораблями, построенными голландцами, были 11 фрегатов в Ступине в 1703 году.

Места, где строятся корабли. Поскольку флот строится на больших реках, далеко от моря, может быть полезным привести краткое описание мест, где есть или основаны верфи.

Ступино. Ступино – маленький город на реке Воронеж, примерно в двадцати милях выше Воронежа.

Воронеж. Воронеж – другой маленький город, расположенный на 50-м градусе 20 минутах северной широты и 63-м градусе [восточной] долготы на реке Воронеж, в восьми английских милях выше ее устья, где она впадает в Дон. В 1696 году царь начал строить там каменный арсенал для хранения всякого рода запасов. Корабли здесь и в Ступине строились на стапелях на суше, но их невозможно было спустить на воду без больших затруднений, разве только весной. Во избежание этого неудобства в 1702 году в устье реки были устроены шлюз и сооружения для подъема и спуска воды в любое требуемое время; с помощью этих средств в 1703 году 15 кораблей были поставлены на суше для перестройки. Но так как должным образом не заботились о том, чтобы держать шлюзы открытыми весной, когда паводки несут большие количества песка, вымываемого из соседних гор, канал начал засоряться, и где прежде было 17 футов воды, осталось едва 6.

Эта неприятность вместе с нездоровым воздухом, болотистой местностью и тем, что весной люди были подвержены болотной лихорадке, унесшей нескольких человек, вынудила царя думать о переносе верфи. Когда в 1705 году реку обследовали в поисках подходящего места для устройства нескольких доков, великий адмирал Апраксин выбрал маленькое селение Тавров в шести милях ниже [по течению реки], вопреки мнению всех корабельных плотников и шлюзовых мастеров, которые утверждали, что поскольку берега песчаные, там невозможно устроить фундамент, который уберег бы доки от напора паводков. Но адмирал из своих личных соображений продолжал упорствовать, и в 1706 году под руководством поляка Анисея Микетовича было начато строительство восьми доков. В 1707 году ворота и фундамент, конечно, снесло и, несмотря на все возможные предосторожности и исправления, та же судьба постигла их в 1708 году. Однако, поскольку в том же году были отданы точные приказания заложить здесь четыре 80-пушечных, три 48-пушечных и один 24-пушечный корабль, плотники предпочли открыть ворота во время паводка и впустить воду, а не ждать, пока она сорвет фундамент дока и одновременно разрушит каркасы кораблей, как это случилось с одним из них годом раньше. Это вызывает весной большую задержку примерно на шесть недель, и тогда все люди бездельничают.

Царь, побывав там весной 1709 года и убедившись в существовании этих затруднений, приказал положить на корабли обшивку, чтобы они не пропускали воду, а затем оставить работу, которая обошлась более чем в 160 тысяч талеров и 3-4 тысячи человеческих жизней. Новое строительство было начато в устье реки Осереды, которая образует маленькое озеро незадолго до своего впадения в Дон, примерно в 100 английских милях ниже Воронежа; туда уже направлен инженер для составления плана фортификации, так как это место расположено в степи, или пустыне, открытой для [нападений] мятежных казаков и неожиданных набегов татар.

Река Дон, древний Танаис. Река Дон вытекает из Иван-озера, расположенного на 54-м градусе 15 минутах [северной широты], и оттуда течет примерно 500 английских миль до Азова, чуть ниже которого она впадает в Меотийское озеро на 47-м градусе 20 минутах [северной широты]. Ниже Воронежа Дон имеет ширину от 300 до 600 морских саженей и с середины апреля до конца июня достаточно глубок для груженых судов, но в остальные месяцы вода так низка, что в нескольких мелких местах глубина не превышает полутора футов. В весенние паводки уровень воды в реке поднимается до 16-18 футов, и течение очень быстрое. В 1709 году царь отплыл из Воронежа с шестью бригантинами 10 апреля и прибыл в Азов 20-го того же месяца; два военных корабля, которые отправились вниз одновременно с ним, пришли туда приблизительно двумя неделями позднее.

Азов. Азов расположен в устье реки Дон, на 47-м градусе 27 минутах [северной] широты и 64-м градусе 32 минутах [восточной] долготы. В 1637 году он был взят казаками, которые владели им до 1642 года, когда он перешел к туркам и оставался в их руках до 1696 года, а затем был взят царем. Укрепления были перестроены и две маленькие крепости возведены в устье Дона. Эта гавань очень неудобна и почти непригодна для груженых кораблей, поскольку Дон разделяется на несколько рукавов, течение недостаточно сильное, чтобы очистить устья реки от засоряющего ее песка, и в большинстве мест глубина воды остается не больше 6-7 футов, так что военные корабли могут выйти в море только в весеннее половодье, а в другое время должны быть облегчены от своей артиллерии и т. д.; или же когда сильные ветры принимаются дуть с моря в продолжение нескольких дней кряду, поднимая воду на очень большую высоту, как это обыкновенно бывает осенью в Финском заливе.

Таганрог. Вследствие этой трудности царю пришлось подыскивать другую гавань, и он остановил свой выбор на мысе к западу от Азова, который вдается в Меотийское озеро; там царь построил очень хороший город, регулярные укрепления и большой мол, подобный тому, что в Тулонской гавани, а для большей безопасности перед входом был сооружен редут в виде рисбанка. Когда эти работы начинались, гавань была достаточна глубока для боевых кораблей, но по мере строительства мола песков стало больше, и теперь 50-пушечный корабль не может пройти в гавань или выйти из нее без камелей, как через Пампус; так что она не может служить убежищем при отступлении от неприятеля или при непогоде.

Меотийское озеро. Меотийское озеро имеет около 300 английских миль в длину и миль около ста в ширину; отливы и приливы в нем как в Средиземном море, вода у берегов очень мелкая, бывают сильные штормы и короткие волны.

Лодейное Поле и Олонец. Царские корабли для Балтики строятся в Лодейном Поле и Олонце – селениях, расположенных на двух маленьких реках: на северо-восточной стороне Ладожского озера.

Петербург. В Петербурге есть маленькая верфь, где строятся всевозможные шлюпки и малые суда и ремонтируется некоторые фрегаты. Это любимый город и порт царя, построенный на двух маленьких островах реки Невы, которая там достаточно широка и глубока, чтобы 60-пушечние корабли могли подходить прямо к стенам крепости. Основание этому новому городу было положено вскоре после взятия Ниеншанца, который царь разрушил. Царь надеется, что новый город когда-нибудь может стать вторым Амстердамом или второй Венецией. Чтобы заселить его, знати было приказано переехать туда из самой старой части страны, хотя трудности и были немалыми, поскольку климат [в Петербурге] слишком холодный и почва слишком болотистая, чтобы обеспечить необходимое для жизни, и все это привозят из соседних областей. Однако царь очарован своим новым творением и скорее готов был бы потерять лучшую из своих провинций, нежели этот бесплодный уголок.

Крепость строится на отдельном острове, с хорошими каменными бастионами на свайном фундаменте, но размеры ее слишком малы, чтобы обеспечить удовлетворительную оборону в случае нападения. Осенние наводнения причиняют много неудобств, иногда ночью вода неожиданно поднимается до вторых этажей, так что скот часто уносит, а жители едва спасаются на верхних этажах своих домов. По этой причине они не могут устроить складов либо погребов; землю также нельзя копать, поскольку на глубине двух футов выступает вода. Река редко или никогда не очищается ото льда раньше середины мая, и корабли не могут находиться в море позднее конца сентября, не подвергаясь большой опасности.

Архангельск. В Архангельске царский транспорт находится в очень хорошем состоянии, там же стоит 16-пушечный фрегат и другой – 20-пушечный. Несколько купеческих кораблей строится здесь почти ежегодно голландским мастером, под началом которого работают русские плотники.

Казань. В Казани около сорока от 8- до 14-пушечных фрегатов, построенных там, но с неверными пропорциями, гниет на берегу.

Число кораблей на Дону, постройка которых завершена.

	Пушек	
Один его царского величества	80	прогнил
Два мистера Козенса	70	
Два мистера Ная	70	
Три мистера Ная	50	
Два из них прогнили и ремонтируются.		
Два царя	50	
Один из них прогнил, другой отремонтирован.		
Два голландских корабля, перестроенных в Ступине	48	
Один мистера Ная	16	
Последний – подвид транспорта		
Всего	13	

Мистер Козенс работает на этом строительстве 8 лет, а мистер Най – 11.

На блоках в Таврове

	Пушек
Два мистера Козенса	80
Два мистера Ная	80

Корпусы этих кораблей готовы, но так как по представлении они оказались слишком велики, только один будет заканчиваться для испытаний.

У царя там приготовлен запас леса для еще двух 80-пушечных кораблей, но ни на одном из них не будет столько пушек, как предполагалось, а на каждом будет на 6 или 10 меньше.

На стапелях в Таврове

Два мистера Козенса	48
Один мистера Ная	48
Один мистера Ная	24.

Последний должен иметь одну батарею из 24-фунтовых пушек.

Эти названные последними корабли, которые теперь в работе, должны быть на кастах для более легкой проводки вниз по Дону и над мелями у Азова.

В нескольких местах на Дону находятся 36 кораблей голландской постройки, от 80 до 30 пушек, все прогнившие и лишь обшитые снаружи, чтобы держались на воде для виду, но их разберут на дрова, как только будут готовы новые корабли; а два, которые были недавно перестроены, как оказалось, не стоили затрат времени и средств.

В Меотийском озере у Азова находятся два военных корабля британской постройки, приведенные туда в 1709 году; остальные – бригантины и полугалеры.

В Таганроге – 6 или 7 совершенно сгнивших кораблей голландской постройки, два используются каждый год для перевозки соли с одного из островов на Меотийском озере у побережья Грузии и не пригодны ни для какой другой службы.

Размерения. Размерения 80-пушечных кораблей таковы: ширина 50 футов, длина 168 футов и наибольшая осадка должна быть 17 с половиной футов, но поскольку они строятся слишком плоскодонными для своей длины и ширины, корабельные плотники придерживались мнения, что их корма может переломиться в шторм, что корабли будут не достаточно маневренны, чтобы уберечься от подветренного берега, и слишком велики для Меотийского озера. Размеры остального [у кораблей] пропорциональны названным.

Из-за [качества] леса – частью зеленого, частью переросшего, срубленного в большинстве своем весною, после того как поднимется сок, что делает древесину рыхлой, из-за влажности воздуха и сырости земли все корабли гниют, как только их построят. Во избежание этого три года тому назад капитан Перри предложил ставить их в сухом месте и закрывать навесами. Лес для осуществления этого проекта был срублен, но работы еще не начались. Копию предложения Перри я послал в Великобританию некоторое время тому назад.

Корабли в Петербурге. Флот в Петербурге состоит из 12 фрегатов, 8 галер, 6 брандеров и двух бомбардирских кораблей, не считая малых судов. Из фрегатов только три пригодны для службы, остальные гнилы и едва ли выдержат плавание и того менее – сражение, пока не будут перестроены.

В Олонце из пихты строятся два 40-пушечных корабля и могут быть закончены этим летом.

В Лодейном Поле два 50-пушечных корабля должны были быть закончены мистером Брауном прошедшим летом; кницы, тимберсы, нос и корма сделаны из дуба, доставленного из Казани по суше.

Один 80-пушечный корабль должен был быть заложен в прошлом году. Все остальные корабли в Петербурге и Архангельске из пихты, в Воронеже и Казани – из дуба. В 1710 году были отданы приказы подготовить на Дону 23 корабля из тех, что построены или строятся англичанами; эти корабли скорее всего станут основной силой царского флота, остальные – для виду и числа.

Моряки в Петербурге. Флот в Петербурге лишь недавно был укомплектован личным составом с удовлетворительной регулярностью; на каждом фрегате там были капитан, поручик, штурман, боцман, боцманмат, матросы и 80 маринеров, но для похода они всегда усиливались солдатами гарнизона.

На Дону. На 36 кораблях голландской постройки на Дону служат 35 голландских офицеров и матросов и около 200 русских.

В Таврове около 15 офицеров и матросов.

В Таганроге находится командор Бэкем, англичанин; у него на каждом корабле примерно по 3 иностранных офицера и матроса и по 16 русских.

Когда суда идут за солью, они имеют на борту гарнизонных солдат.

В Архангельске был некий командор, голландец; фрегаты там были лучше укомплектованы русскими лоцманами и мореходами и иностранными матросами, которых каждый год сманивали из флотов [других стран]. Эти корабли теперь пиратствуют на Балтике.

Морской капитан получает 39 рублей в месяц, поручик – 17, подпоручик и штурман – по 11. Русские матросы и маринеры оплачиваются наравне с сухопутными солдатами: соответственно, каждому на месяц полагается бочка зерна, восьмая часть бочки гороха или овсяной крупы и 10 фунтов мяса, а также 11 рублей деньгами в год. Иностранцы в поощрение получают некоторую прибавку.

На Дону есть три верфи со следующими штатами.

На первой верфи

	Годовое жалование	
	Фунтов стерл.	*Рублей*
Мастер-строитель Рич. Козенс	500	120
Подмастерье Хэдли	100	100
Помощник Роб. Дэвенпорт	70	80
Первый ученик Фрэнсис Китчен		182
Второе ученик Ум. Снелгроув, посланный в Петербург		130
Кузнец-голландец для корабельных работ		260
500 плотников и рабочих, с одинаковой оплатой		12 592
Всего	670	13 592

На второй верфи

	Рублей в год
Мастер-строитель, царь	500
Подмастерье Федосей Салтыков	1000
Первый помощник	260
Второй помощник	260
Кузнец-голландец	182
500 плотников и т. д., как на первой верфи	12 592
Всего	14 794

На третьей верфи

	Годовое жалование	
	Фунтов стерл.	Рублей
Мастер-строитель Генри Най	250	100
Подмастерье Генри Джонсон	100	120
Помощник Ум. Гарднер	80	100
Трое русских учеников, по 130 рублей каждый		390
Кузнец-голландец		260
500 плотников и т. д.		12 592
Всего	430	13 562

Примечание. Поскольку люди на верфях умирают, а их места не заполняются, то в настоящее время ни на одной верфи нет больше 200 человек. На верфи царя за эти последние три года строили только бригантины и малые суда, так как сам он находится в армии, а его подмастерье в Петербурге, но царь регулярно получает свою долю леса по жребию вместе с другими; он не позволяет другим верфям пользоваться своими запасами иначе как с обязательством вернуть взятое при следующем поступлении. Он не допускает иностранцев к работе на своей верфи, но получает чертежи для своих кораблей от британских мастеров.

Голландские корабли. Мистер Козенс и мистер Най осуществляют надзор за наиболее сгнившими голландскими кораблями на Дону. Под их началом в этом деле находятся:

	Годовое жалование	
	Фунтов стерл.	Рублей
Помощник Генри Бёрд	100	120
Ученик Леонард Чапман		182
Конопатчик-итальянец		260
300 плотников, конопатчиков и рабочих		6752
Всего	100	7314

В Ступине на починке старых кораблей:

	Годовое жалование	
	Фунтов стерл.	Рублей
Строитель-голландец		220
Под его началом несколько человек, взятых с других верфей		
На постройке и починке галер		
Мастер-строитель, грек		300
его помощник		130
50 плотников		912
Мачтовые мастера и другие специалисты		
Мачтовый мастер Генри Райт	100	220
Двое учеников, по 130 рублей каждый		260
Переводчик		18
80 плотников		1423
Блоковый мастер Бэггз	100	220
Двое помощников, по 195 рублей каждый		260

100 плотников и токарей		2190
Мастер-резчик Мансфельдт		400
Подмастерье-резчик, поляк		195
Двое помощников, по 195 рублей каждый		390
70 человек		1533
Мастер-конопатчик Х. Этерли	50	
150 конопатчиков		2737
Мастер-маляр С. Хопкинс	100	
Подмастерье-маляр, русский		260
Лакировщик Брунквасс		325
Столяр, швед		65
Шлюпочный мастер, русский		260
Парусный мастер, русский		260
Мастер-пильщик, голландец		390
20 человек		219

Все якоря для царя делаются в Доброве, примерно в сотне английских миль от Воронежа, в сторону Москвы.

Якорный мастер-кузнец Р. Хэлли	150	
Подмастерье Роберт Дэвис	80	
Слесарь Томас Дэниел	100	
Кузнецы и ученики под их началом		
Поставщики леса		
Голландец		260
Грек, бывший в Англии, выбирает хороший лес		260
Грек, который отправляет [на верфи] любой попадающийся ему лес		260

Рабочие и крестьяне, обязанные бесплатно работать в лесу, каковые тяготы вынудили несколько сот человек бежать из страны.

Строитель доков Анисей Микетович, поляк		700
Помощник, русский		260
200 плотников		3650

Несколько сот рабочих, которых соседние провинции обязаны по очереди присылать и обеспечивать хлебом и средствами к жизни в продолжение многих месяцев.

В Олонце на Ладожском озере		
Мастер-строитель Рич. Брент	200	150
Помощник Эдвард Хилл	100	120
250 плотников и рабочих		6296

В Лодейном Поле		
Мастер-строитель Браун	150	100
250 плотников и рабочих		6296
Шлюпочный мастер Хант	150	100
Мастер-столяр Эванс	80	
Мастер-резчик Мэллард	80	

Коммуникации между Доном и Волгой. Коммуникации, которые царь распорядился устроить между несколькими реками с целью развития своей торговли и мореплавания, находятся между Доном и Волгой.

Дон и Волга. Первая попытка прокопать проход была сделана в 1560 году султаном Селимом для более удобной перевозки его армии в Астрахань и на Каспийское море [в войне] против персов, но осуществить его замысел помешали беспрерывные нападения казаков и русских. Это предприятие оставалось втуне примерно до 1693 года, когда царь нанял инженера, полковника Брекеля, для работ по строительству коммуникации. Однако с Брекелем весьма дурно обходился князь Борис Алексеевич Голицын, губернатор этой провинции; он открыто возражал против работ и не хотел поставлять людей и материалы во исполнение приказов царя. Инженер, чтобы избавиться от его преследований, бежал в Персию. В 1699 году на эту службу был нанят другое инженер, капитан Перри, но он столкнулся с таким же противодействием со стороны князя Голицына, как и его предшественник. Несмотря на это, работы вполне успешно велись до конца декабря 1710 года, когда царь приказал отложить их до окончания войны, поскольку ему было нелегко при теперешнем положении дел выделять необходимое для этого количество людей. Земляные работы выполнены приблизительно на половину; для завершения дела потребовалось бы 12 тысяч человек и лет пять времени. Канал должен был быть достаточно широк и глубок для прохода 80-пушечных кораблей; его нужно прокопать на расстояние около трех английских миль между реками Иловля и Камышинка, и на пути стоит большая гора. Первая река впадает в Дон примерно в 130 английских милях от канала, а вторая – в Волгу, примерно в 9 английских милях от него. Начаты, но не закончены 6 шлюзов, и еще 6 должны быть построены на Камышинке. Всего от Иловли до того места, где Камышинка впадает в Волгу, 62 300 английских футов.

Дон и Ока. Вторая коммуникация – посредством канала близ Иван-озера, между рукавом реки Дон и Тулой, впадающей в Оку. Это сооружение длиной свыше 8 английских миль и имеет несколько каменных шлюзов, хотя и не вполне завершенных, и предназначенных для прохода только небольших судов.

Волга и Ладожское озеро. Третья коммуникация – между Волгой и Волховом, рекой, которая течет мимо Новгорода и впадает в Ладожское озеро. Этот канал прокопан близ Вышнего Волочка, протяженностью, я полагаю, не более английской мили и совершенно окончен. Этой весной туда был послан математик для составления точного плана канала и верховьев обеих рек. Другой инженер был в то же время отправлен для обследования рек вокруг Белого озера и других озер с целью определить, не найдется ли более удобного прохода в Ладожское озеро, так как на реке Волхов ниже Новгорода есть два или три опасных порога. Эта коммуникация, как кажется, скорее любопытна, нежели практически полезна, потому что фрегаты, которые теперь ведут из Казани, находятся в пути уже три года; они вмерзают в лед на шесть зимних месяцев; при весенних паводках в продолжение 5–6 недель они едва ли могут подниматься вверх по Волге; к осени вода очень низка, и суда часто приходится верповать в обход кос и песчаных мелей. Этой зимой на заготовку в Казани дуба для 50-пушечных кораблей послали плотника; там бревна предполагали грубо обтесывать и отправлять на плоскодонных судах в Петербург. По времени, которое они будут находиться в пути, станет ясно, может ли эта коммуникация использоваться для торговли.

Заключение. Изложенные наблюдения о состоянии России – это все, что я счел необходимым сообщить, пока влияние в нынешней войне и роль в общих делах Европы не сделали эту страну лучше известной иностранцам [239].

№ 240

1722. – Про низовий Донський похід (1708–1709 рр.)

В 708-м и 709-м годех в донских в дву походех и после тех походов на Воронеже и в ыных розных местех на станциях под командою лейб-гвардии господина подполковника князя Василья Володимеровича Долгорукова было ратных людей:

Царедворцов 1564

Городовых 713

Афицеров разных чинов 13

Подьячих 14

Людей боярских 184

Итого вышеписанных чинов 2488 человек.

Драгунских полков драгун 6104

Черкаских полков разных брегад 4499

Азовских да Троицких конной службы казаков и новокрещеных калмыков 195 человек.

Всего с москвичи и з городовыми иных чинов, которые писаны выше сего, конных с плавною 15 176 человек.

Пехотных салдацких и стрелецких полков 6742 человека.

Да у него ж в полку явился касимовец князь Семен Тенебеков, а с ним касимовских салдат и татар 448 человек.

Итого пехотных с касимовскими 7190 человек.

Всего конных и пеших с плавною 22 366 человек.

Да у него ж, лейб-гвардии господина подполковника князя Долгорукова, велено быть под командою ратным людем московских чинов и городовым конным и пехотным полкам, которые были в полку боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского с товарищи, брегадиру Афанасью Дмитриеву сыну Мамонову, протчим полковником со всеми ратными людьми по росписи каковы присланы под грамотою.

Конных московских чинов людей 40 человек

Казанской губернии Болтина полку 1169 человек

Итого 1209 человек

Пехотных полков

Брегады Дмитрея Мамонова 1124 человека

Титова 1045 человек

Мещерскова 816 человек

---

[239] Россия в начале XVIII в. Сочинение Ч. Уитворта / Перевод Н. Г. Беспятых, публикация, комментарии Ю. Н. Беспятых. – М.: АН СССР, 1988. – С. 58–104.

Юрова полку Урна 1029 человек

Да с Москвы прислано рекрут Никитина полку Анненкова 711 человек

Итого в пехотных в 5 полкех 4725 человек

Всего конных и пеших 5934 человека.

Да после отъезду господина князя Хованского ратным людем велено быть в розных местех на станцыях:

Казанской губернии

Дворян, иноземцов, новокрещеных мурз и даточных людей, которые взяты на время 1817 человек

Салдат 2700 человек

Всего конных и пеших полков роставлено по розным станциям 4517 человек

Итого после отъезду господина князя Хованского вышепомянутых чинов ратных людей конных и пеших 10451 человек

В том числе порознь конных 3026 человек

Пеших 7425 человек.

Всего у него лейб-гвардии господина подполковника князя Долгорукова было под командою вышеписанных чинов ратных людей с низовыми полками конных с плавною 18 202 человек

Пехотных 14 615 человек

Итого конных и пеших с плавною 32 817 человек

Опричь Преображенского баталиона и Дедютова и Гулцова салдацких полков, ис которых ведомости не прислано, и опричь подвотчиков.

Донских станиц

Атаман 1

Подполковников 7

Есаулов 5

Знаменщиков и бунчюшников 5

Рядовых 507

Итого 525 человек.

С Хопра пехотной

Атаман 1

Полковников 3

Есаулов 4

Знаменщиков и бунчюшников 3

Войсковой дьячек 1

Рядовых 490

Итого 502

Всего 1027.

Итого у него лейб-гвардии маеора под командою было ратных людей с вышеписанными, опричь Преображенского баталиона и Дедютова и Билсова полков 33 844 человека.

Под Донецким и под Решетовским на приступех от воров и бунтовщиков побито и ранено:

Побито

Капитан 1
Порутчик 1
Драгун 9
Салдат 4
Померло 2
Итого 17 человек.

Ранено

Маеор 1
Капитан 1
Порутчиков 2
Прапорщиков 2
Драгун 43
Салдат 8
Итого 57 человек.

Пропало безвестно 1 человек, бежал 1 человек.

В 708-м же году ноября в 4 день в приход лейб-гвардии маеора князя Василья Володимировича Долгорукова великого государя с ратными людьми, с конными и пехотными полками под Решетовым, во время приступу у воров у Микитки Голова с товарыщи в воровском их собрании 5 знамен, которые знамена они, воры, взяли на розгроме полковника Билса, две пушки медные, которые взяли они ж, воры, на розгроме сумского полковника, да их воровских казацких 16 бунчюков и значков, и те вышепомянутые знамена отданы по прежнему в тот же Билсов полк.

А пушки по имянному великого государя указу взяты на Воронеж к морскому карабельному флоту.

А воровских 16 бунчуков и значков посланы к великому государю к Москве в Розряд, лейб-гвардии Преображенского полку с ундер-афицером с Федором Полибиным марта, в 16-м 709-го году.

В 708-м году по имянным великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, указом на его великого государя службу в Донской поход лейб-гвардии маеор князь Василей Володимирович Долгорукой поехал из военного Литовского походу, из Невля апреля в 21-м, а приехал к Москве того ж апреля в 28-м числех и, будучи на Москве, благороднейшему государю царевичю и великому князю Алексею Петровичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и бояром, и ближним людем предложил в Ближней канцелярии доносительные пункты, что ему для того Донского походу надобно, бес чего в том походе быть невозможно. И по тому доношению на те свои доносительные пункты какой его великого государя указ получил и то ведомо в Розряде.

Да по тем же доносительным пунктам майя в 3-м числе на той его великого государя службе в Донском походе с ним, лейб-гвардии маеором, у полковых дел велено быть генеральному писарю и секретарю Любиму Судейкину. А по получении оного доношения, он, лейб-гвардии маеор, поехал с Москвы для поспешения на почтовых подводах майя в 6-м, а приехал на Воронеж того ж майя в 12-м числех.

А как он, лейб-гвардии маеор, на Воронеж приехал, и того ж майя в 13-м числе писал он лейб-гвардии маеор с нарочными посылщики.

К брегадиру к изюмскому и харьковскому полковнику к Федору Шидловскому, к острогожскому полковнику к Ивану Тевяшову, к курскому воеводе ко князю Андрею Гагарину, так ж к полковником в Козлов ко князю Григорью Волконскому, по дороге навстречю к Петру Яковлеву, к Юрью Нелединскому и к протчим з большим подкреплением и для высылки московских чинов и городовых и иных чинов ратных людей, которым велено быть в Донском походе и идут разными дорогами, послано нарочных посылщиков, чтоб они, ратные люди, шли в случение к нему, лейб-гвардии маеору, в полк в назначенное место на Волуйку с великим поспешением.

К брегадиру ж и к Тевяшову писано, чтоб они про воровские обороты разведывали накрепко и держали сторожи и розъезды непрестанные и отколь что явитца, о том бы к нему, лейб-гвардии маеору, писали наскоро.

А в Белгород к ближнему стольнику и воеводе киевскому, ко князю Дмитрею Михайловичю Голицыну писал: ежели такие есть полки конные и пехотные в Белегороде, чтоб прислать на Волуйки ж.

А в Азов и в Троицкой к губернатору к Ивану Толстому писал же, что он, лейб-гвардии маеор, собрався с войски царского величества, пойдет на них, воров, немедленно к Черкаскому, и чтоб он, губернатор, в том имел надежду, и о воровских оборотах и что в Черкаском делаетца писал к нему, лейб-гвардии маеору, почасту. А в Черкаской к прежнему войсковому атаману к Лукьяну Максимову и ко всему войску Донскому писал же, что по имянному его великого государя указу велено ему, лейб-гвардии маеору, с его великого государя ратными людьми, со многими конными и пехотными полками итить на воров и бунтовщиков, на Кондрашку Булавина с товарищи, где они в злом своем намерении являютца. И определенные полки сухим и водяным путем отпустятца также и к ним в Черкаской в помощь придут в скорых числех, и они б о том ведали и, видя к себе от него, великого государя, премногую милость, служили верно и к воровскому злому намерению и к прелести отнюдь не приставали и стояли б против их, воров, крепко и шли мужественно войною и при помощи Божий чинили над ними военной промысл сколько всесильный Бог помощи подаст, чтоб тех воров весьма искоренить и воровские их замышленные советы разрушить и к возмущению народа христианского не допустить. И о том бы о всем в донские городки и станицы к атаманом и старшинам и к казакам, которые ему, великому государю, служат верно, послать им от себя и с Черкаского письма, чтоб они о походех государевых ратных людей на тех воров его, великого государя, указ ведали и имели б в том надеяние неотложное и что у них будет чинитца, о том бы они писали к нему, лейб-гвардии маеору, в полк непрестанно.

А на Битюк и до Битюцких сел для розведыванья о воровских оборотах послал партию Воронежского драгунского шквадрона капитана Алексея Хотяинцова, а с ним сто человек драгунов, да сорок человек станичников. И того ж майя 16-го числа писал он, капитан, и прислал села Курлака жителей трех человек, которых наехал на отъезжем карауле на Икорце с посланными письмами от вора Кондрашки Булавина, одно писано к великому государю, а другое к Степану Бахметеву, а в тех письмах писано.

К великому государю писал он, вор Булавин, и всем воровским своим войском, что де майя 2-го числа сего 708-го году собрався они по Дону и по Донцу, и по Хопру, и по Бузулуку, и по Медведице и за всех заполных рек для перемены и выбору новых старшин. Пришед в Черкаской, прежних старшин атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова с товарыщи за их неправды, что они присланного его, великого государя, годового денежного жалованья, также за астраханскую службу дватцать тысечь рублев, и что в нынешнем 708-м году прислано с Матвеем Колычевым десять тысечь рублев в дуван ничего им не дано, и за иные многие к ним обиды и налоги и разорения побили их до смерти, а вместо их выбрали оного атамана и старшин, кто им годны. И чтоб жену его, Кондрашкину, с сыном с Волуйки отпустить к ним в Черкаской. И та их отписка послана к великому государю чрез почту.

Да майя ж в розных числех к нему, лейб-гвардии маеору, писали брегадир Шидловской и острогожской полковник Тевяшов, и усердской и полатовской воеводы, и из ыных розных мест, что воры булавинцы в великом собрании и вор Булавин Черкаской взял и имеют воровское свое злое намерение итти для разорения и прелести и возмущения народа христианского под украиные городы и уезды. А иные воры и бунтовщики набегами своими воровскими под украиными городами под Валуйками, под Усердом и под Полатовым и в ыных розных местех чинят великое разорение и конские и животинные стада отгоняют непрестанно. А Сенька Драной, и Серешка Беспалой, и Никитка Голой с воровским своим собранием против государевых полков стоят на заставе в великом собрании близь Сухарева.

Да ему ж де брегадиру объявил полтавской полковник, что де запорожцы переправляютца чрез Днепр под Кадаком полторы тысечи, да под Переволочною две тысячи, и он де брегадир с полковником полтавским посылали казаков триттцать человек для розведывания. И те де их казаки наехали в вершинах реки Быка посланных воров от Сеньки Драного дватцать человек с прелесным письмом к кошевому атаману запорожскому и к казаком запорожским, и осадя их воров в Терновых кустах, то письмо у них взяли и прислали к нему, лейб-гвардии маеору, послал к великому государю.

А к нему, брегадиру, он, лейб-гвардии маеор, писал, чтоб он того смотрил накрепко недремленым оком и держал старожи и розъезды непрестанные, дабы их, запорожцев, к ним, ворам булавинцам, в соединение не допустить, и буде где явятца, чинили над ними промысл и поиск, сколько всемилосердый Господь Бог помощи подаст, а он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми с Воронежа пойдет в скорых числех.

И майя 25-го числа он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми, с царедворцами, которые з Бахметевым, да с Воронежским драгунским шквадроном, да с салдацким Неклюдовым полком, чтоб оных воров булавинцов да разоренья под украйные городы не допустить, пошол с Воронежа з большим поспешением. И того ж майя 26-го числа в урочище к речке Девице пришли к нему, лейб-гвардии маеору, в случение драгунской Фанделдин, да салдацкой Давыдов полк, и пришел он, лейб-гвардии маеор, с теми ратными людьми в Острогожской майя в 28-м числе.

Того ж майя 29-го числа к нему, лейб-гвардии маеору, приехал в полк в Острогожской генеральной писарь и секретарь Любим Судейкин с подьячими, а которых приказов и хто имяны те подьячие, и то писано ниже сего.

А в 31-м числе того ж майя по имянному великого государя указу из армеи к нему, лейб-гвардии маеору, в полк приехал от коволерии полковник Петр Иванов сын Яковлев и объявил, что полку ево драгуны идут за ним с маеором с Иваном Черноцовым, а с офицерами и остались на Туле, и к ним послан великого государя указ, чтоб они шли прямо на Валуйки ж.

А июня во 2-м числе он, лейб-гвардии маеор, с теми вышепомянутыми великого государя ратными людьми пошол из Острогожска к Валуйкам и, пришед, стали в урочище на усть речки Полатовки и Волуя реки июня 5-го числа.

И того ж числа к нему, лейб-гвардии маеору, пришли в случение курской воевода стольник князь Андрей Гагарин, а с ним курчаня и иных городов дворяня и дети боярские полковой сотенной службы и иных чинов, да стрелецкой Колпаков полк.

К нему ж, лейб-гвардии маеору, в полк под Усердом пришол из Белагорода полуполковник Прохор Григоров с салдацким Нелидовым полком.

А июня в 6-м числе он, лейб-гвардии маеор, с теми со всеми великого государя ратными людьми, с конными и пехотными полками пришол под Волуйку и стали обозом.

А сумской полковник Андрей Кондратьев с полком своим в случении к нему, лейб-гвардии маеору, не дошел и, недошед, стоял впереди на речки Уразовой, от Волуек в 15 верстах. И как воры Сенька Драной и Беспалой и Голой с воровским своим собранием тот Сумской полк розбили и ево самого полковника убили, о том их воровском разорении и о походе своем за ними, ворами, он, лейб-гвардии маеор, писал к великому государю к Москве и в армею подлинно в отписках своих.

Того ж июня в 19-м числе пришли к нему, лейб-гвардии маеору, в полк под Волуйками Петрова полку Яковлева маеор Иван Черноцов с афицерами и з драгуны.

Да июня в розных числех к нему, лейб-гвардии маеору, писал брегадир Шидловской и из ыных розных мест, что вор Сенька Драной с воровским своим собранием хотят итить для разорения под Изюм и под иные городы того Изюмского полку, и что с ними запорожцы явно хвалятца итить на него, лейб-гвардии маеора, где он с обозом обретаетца. И идет он, вор Драной, с воровским своим собранием к речке Жеребцу, от Мояк 7 верст, и тамошние де жители от них, воров, в великом страховании.

И по тем ведомостям он, лейб-гвардии маеор, велел драгунскому Мещерскому полку иттить с Изюма и стоять под Мояками. А к нему, брегадиру, и к полковником к Гаврилу Кропотову и к Ефиму Гулицу, которые по отправлении из армеи посланы были в Азов и в Троецкой, на Таганрог Кропотов з двемя драгунскими, а Гулиц с салдацким полком, и к Мещерскому писал с нарочными посыльщики, чтоб они, согласись меж собою, над теми ворами чинили промысл и поиск, сколько всемилосердый Господь Бог помощи подаст, а он, лейб-гвардии маеор, с его великого государя ратными людьми, с конными и с пешими полками идет к ним в случение к Северскому Донцу немедленно.

И того ж июня в 27-м числе к нему, лейб-гвардии маеору, пришол в случение ис Козлова драгунской полковник князь Григорей княж Иванов сын Волконской.

А июля во 2-м числе писал брегадир Шидловской, что вор Сенька Драной с товарищи своими, с Серешкою Беспалым, с Тишкою Белогородцом, с Тараскою

Бахмуцким и з запорожским атаманом с Тимошкою Кардиакою, с воровским своим собранием, с конницею и пехотою, с пятью тысечи донских казаков, да запорожцов полторы тысячи приступали к Тору. И по ево, лейб-гвардии маеора, князя Василья Володимировича, посланным письмам он, брегадир, з брегатою своею и с пехотным Гулицовым полком, пришод под Тор, взять того городка им, ворам, не дали. И был с ними бой, и они воры, зажегши посад, от Тору бежали и отошли от городка четыри мили к реке Северскому Донцу в урочище Кривой Луке близь реки Донца и лесу в самых местех крепких стали обозом. И того ж июля 1-го числа по вышепомянутым лейб-гвардии маеора письмам он, брегадир, да полковник Кропотов и Мещерской и Гулиц, случась с полками своими, с общаго совету и с согласия ходили за ними, ворами, и в том урочище был с ними бой три часа дни, а два часа нощи. И милостиею Божиею, а великого государя счастием на том бою [тех] воров многих побили и покололи и п[ро]водца их, Сеньку Драного, убили же и обоз их воровской розбили, а достальные воры, которые принуждены были, многие в Донце потопли. И побито их, воров, кроме тех, которые в болоте и в Донце потопли, с полторы тысячи человек, и взято у них воров: пушка, да два знамя, да четыре значка.

А июля 2-го числа посылана была партия тысяча человек под местечко Бахмут, где было воровское собрание з запорожскими казаками для перестерегания посланных государевых полков в Азов. И та посланная партия тот Бахмут выжгли и разорили без остатку и их, воров, многих побили ж и взяли в полон бахмуцкого атамана Харитошку Абакумова да ясаула Мишку Скоробагатого с товарыщи. И того атамана с товарыщи и вышепомянутые знамена он, лейб-гвардии маеор, послал к великому государю к Москве в Розряд стряпчим с князь Микитою Волконским, а иные воры под Таром и под Мояками перевешаны.

И того ж июля 3-го числа после того, как вора Драного розбили и Бахмут разорили, по ево, лейб-гвардии маеора, посланным многим письмам полковники драгунской Кропотов, салдацкой Гулиц с полками и с ними лейб-гвардии Преображенского полку порутчик Андрей Ушаков, которой послан ис Киева с тем салдацким Гулицовым полком, придав им провожатых Изюмского полку казаков пятьсот человек для охранения Азова и Троецкова от воровских приходов, отправлены от Тору. И писал он, лейб-гвардии маеор, в Троецкой к губернатору азовскому Ивану Толстому, что тем вышепомянутым полковником с полками велел он, лейб-гвардии маеор, иттить в те назначенные места к нему, губернатору, с великим поспешением и бережением, а за теми полками к Черкаскому. И он, лейб-гвардии маеор, со всеми конными и пехотными полками последуют по тому ж немедленно.

И от речки Полатовки он, лейб-гвардии маеор, с конными и с пехотными полками пошол к Северскому Донцу и пришол на речку Нетриус июля 9-го числа. И в том урочище к нему, лейб-гвардии маеору, пришли в случение черкаские полки, брегадир Шидловской з брегатою своею да гетманского регименту полтавского полку с полковники, с кумпанейцы и с казаками. И ис того урочища июля в 11-м числе он, лейб-гвардии маеор, посылал партию под казачей городок Сухарев Ивана Горохова с комондрованными лехкими людьми и для взятья языков, а что в той партии какова поведения было, о том он, лейб-гвардии маеор, писал к великому государю подлинно в отписках своих.

А июля 13-го числа, перешед реку Северской Донец и пришод городок Мояки и Соленой для отправления полков и обозу, стал на речки Тору к Азовской степи.

И того ж июля в розных числех он, лейб-гвардии маеор, писал и послал в Черкаской и по всему Дону, и по Северскому Донцу, и по Хопру, и по Бузулуку, и по Медведице, и по Айдару, и по иным запольным рекам и речкам, и во все станицы и юрты к атаманом и ясаулом, и ко всем казаком, и ко всему войску донскому, которые живут в тех местах, во обличение воровства их и во обнадежение за подписанием своея руки и печатью многие великого государя указы, в которых к ним писано, что июня в разных числех писали они к великому государю, к его царскому величеству, и к нему, лейб-гвардии маеору, в полк. А в отписках их написано: били челом они ему, великому государю, и просили милосердия, чтоб он, великий государь, пожаловал велел в винах их простить, и по обещанию своему целовали крест и святое евангелие, что служить им ему, великому государю, верно, со всяким усердием также, как и предки их служили, и за тем обещанием и крестным целованием явились им многие неправды и воровства.

Июля против 8 числа Сенька Дранной, да Беспалой, да Митька Голой собрався многолюдством, пришед за Волуйскую у речки Уразовой, воровски розбили обоз Сумского полку; самого полковника и старшин и казаков многих побили до смерти и пожитки, что при них было в том обозе, розбили без остатку.

А июля в 1 и во 2 числех они ж, воры, воровским своим собранием приходили под Тор и под Мояки и, поставя обоз свой под Тором, чинили воровской свой промысл и Торской посад выжгли. И он, лейб-гвардии маеор, видя такую их воровскую противность и непокорение, посылал брегадира Шидловского да полковников Мещерского, Кропотова, Гулца з драгунами и салдацкими полками, чтоб до раззорения тех городов их, воров, не допустить. И они, воры Дранной с товарищи, непохотя ему, великому государю, быть в покорении, засели в осаде в урочище Кривой Луки у реки Донца и стали чинить с ево государевыми ратными людьми бой. И на том бою он, вор Дранной, и иные многие побиты и в Донце потопли, а потом и Бахмут выжгли до основания и взяли бахмуцкого атамана с товары[щи]. И за теми вышепомянутыми посланными передовыми полками и он, лейб-гвардии маеор, со всеми полками последует и зближаетца в урочище Нетриус, к Жеребцу, однако ж, не идучи на те жилища и не хотя неповинные крови пролить и их раззорить, желая того, чтоб все были в целости и в прежнем своем состоянии, ожидает от них совершенной отповеди, которые из них великому государю хотят быть в верности. И чтоб они, всех станиц и юртов жители, не дожидаясь к себе ево, лейб-гвардии маеора, приходу и на себя вечной погибели, учинили ведомость вскоре, хто из них хочет в покорении быть и служить ему, великому государю, верно, и те б приходили к нему, лейб-гвардии маеору, в обоз немедленно, безо всякого страху и боязни. И естьли хто из них придет с покорением и станут служить по прежнему ему, великому государю, верно, и тех великий государь пожалует, вины их укажет простить, и домы их, и жены, и дети, и пожитки, и всякие заводы будут при них в целости, и в том бы они были надежны. А будет же кто, не пометуя Бога и к великому государю своего обещания, в покорение не придут и будут послушны вору Булавину, и по его, великого государя, указу его, великого государя, ратные конные и пехотные полки многие

наступят на все их жилища со всех сторон и станут над ними чинить промысл огнем и мечем безо всякого милосердия и пощады. И чтоб они те указы меж себя объявили от мала и до велика и чли всем вслух, чтоб о том было всем ведомо, и, списав списки, посылали от себя в ыные станицы и юрты безо всякого опасения и задержания и с ведомостью присылали б нарочно присланных своих немедленно. А те их присланные отпущены к ним будут по прежнему без задержания.

А июля ж в 15 день по ведомостям ис Черкаского и из ыных разных мест о воровских оборотах он, лейб-гвардии маеор князь Василей Володимирович, собрався с его, великого государя, ратными людьми. И прося у всемогущаго Господа Бога помощи, а при том у предстательницы и надежды нашея христианские, у преславные владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии, заступления и в победу и во одоление на них врагов и крестопреступников, взяв непобедимое оружие, животворящий крест господень, будучи в Мояцком и под Торым разобрав ратных людей, которым в том походе с ним быть и которым быть для обережения украиных городов, оставя два полка в Мояцком, полковника Фанделдина з драгунским да маеора Ивана Давыдова с салдацкими полками, устроясь обозом воинским ополчением, как к воинскому делу надлежит, для промыслу и поиску над ними, ворами, и чтоб воровство их весьма искоренить и привесть в прежнее доброе состояние, пошол от Тору степью к Черкаскому, для того что вор Булавин отправил собрание свое воровское с Лункою Хохлачем под Азов водою и сухим путем, а под Царицин Игнашку Некрасова с товарыщи. И явились их воровские составные прелесные многие письма, которые посланы были от вора Булавина с товарыщи в Ачюев к Хасяку паше и на Кубань к Сартлану мурзе, и к иным тамочным владельцам, и к охреяном прежним изменником донским казаком, которые живут на Кубани, и в ыные разные места к самому пущему их воровскому злому умышлению, которые те их замышленные воровские прелесные составные письма он, лейб-гвардии маеор, послал к великому государю чрез почту с нарочными куриэрами.

Уведав в Черкаском донские казаки от Сенькина сына Драного от Мишки, которой во время бою от реки Северского Донца из урочища Кривой Луки ушол в Черкаской к вору Булавину с ведомостью, что отец ево, вор Сенька Драной, в той Кривой Луке убит и воровское их собрание все розбито и много побито, и слыша они, донские казаки, что он, лейб-гвардии маеор, со многими конными и пехотными полками идет к Черкаскому, не дожидая ево, лейб-гвардии маеора, приходу к Черкаскому, ево, вора Булавина, убили до смерти. Также и Лунка Хохлачь с воровским собранием под Азовым в то ж время розбит. И как он, Лунка, пришол назад в Черкаской, от них же, донских казаков, убит же. А вместо Булавина в Черкаском выбрали атаманом Илью Зершикова.

А как он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми пришол на Миюс, и приезжали к нему ис Черкаского выборные казаки Петр Емельянов сын Рамазан с товарищи с повинною; и в которых местах и в урочищах приезжал к нему ж, лейб-гвардии маеору, азовской губернатор Иван Толстой для общаго совету и согласия, и что какова поведения было, о том он, лейб-гвардии маеор, писал к великому государю в армею чрез почту.

А июля 26-го числа он, лейб-гвардии маеор, пришол со всеми полками к реке Аксаю и полки поставил все во фрунт. И в то время нововыбранной войсковой

атаман Илья Зершиков со всею старшиною и с лутчими донскими многими казаками и з знамены своими казацкими ожидали ево, лейб-гвардии маеора, на сей стороне реки Аксая. И слесши с лошадей, пришод к нему, лейб-гвардии маеору, знамена приклонили и сами пали все на землю и били челом великому государю, со слезами просили милосердия, чтоб он, великий государь, пожаловал на милость, положил велел в нынешних их воровских винах простить. И за те свои вины обещались они ему, великому государю, верно заслужить головами своими безо всякой шатости и измены.

А июля 27-го дня как он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми, с конными и с пехотными полками приступил к самому Черкаскому острову, и ратные люди вошли в Черкаской внутрь воровского их жилища, и за утеснием стал и со всеми полками обозным ополчением подле самого Черкаского. И они, атаман с старшиною и с казаками и со всем своим воровским войском, привели к нему, лейб-гвардии маеору, в обоз воров булавинцов: Кондрашкина сына Микишку, да брата Ивашка, да Сенькина сына Драного Мишку с товарищи, дватцать шесть человек. Да они ж отвели в Азов запорожских казаков, которые воровали с ним, Булавиным, вместе, человек с тритцать и больши, опричь тех, которые побиты и потопли и розбежались.

А июля 28-го дня он же, атаман, с старшиною и с казаками Черкаского острова, и рыковские и иных городков и юртов розных сорока осми станиц, которые в то время были в Черкаском, пришли к нему, лейб-гвардии маеору, в обоз, взяв с собою священников со кресты, со святыми евангелии, и для многонародного их собрания поставлены были на налоях животворящие кресты господни со евангелиами с подобающею честию в пяти местех. И велел он, лейб-гвардии маеор, приступить им к себе и объявить им всем во обличение нынешнее их воровство. И они, то все выслушав, били челом великому государю со многими слезами и просили милосердия его, государева, отпущении своих вин, а потом при действе божественнаго псалмопения по чиновной книге по обещанию целовали ему, великому государю, животворящий крест господень и святое евангелие в том, что им впредь не бунтовать и к бунту и к возмущению никого не прельщать, и смертного убивства и никакова разорения никому не чинить, и воровского собрания нигде не збирать, и к ворам и к бунтовщикам ни к кому не приставать, и никакими прелесными письмами тайно и явно никем не пересылатца, и за воров и за бунтовщиков ни за кого не стоять, и которых воров и бунтовшиков они меж себя знают и ведают, никаго не таить и не укрывать, а приводить их к нему, лейб-гвардии маеору, в обоз, также и к Москве присылать с нарочными посылщики безо всякого мотчания, и впредь служить ему, великому государю, и во всем добра хотеть верно со всяким усердием. И которые воры булавинцы, Голой, да Спелай, да Лоскут, да Тишка Белогородец, да Питирим старец, также Петрушка Федоров, да Игнашка Некрасов с товарыщи, собрався с такими ж воры, воруют под Царицыным и в ыных розных местех, и тех всех воров и иных, которые явятца, собрався своим донским войском переимать и привесть по тому ж к нему, лейб-гвардии маеору, в обоз, а иных присылать к Москве, а которых станиц и хто имяны атаманы и ясаулы и донские казаки крест целовали.

И при помощи Божии он, лейб-гвардии маеор, будучи в Черкаском для укрепления и чтоб впредь шатости не было, оставя в Черкаском полковника Гулица

с салдатцким полком, а у губернатора Ивана Толстова полковника Кропотова з драгунским полком, учиня ворам и булавинцом, сороку человеком, в Черкаском острове и в ыных в десяти станицах, которые смежны, около того Черкаского острова, смертную казнь, перевешав, а самого вора Булавина голову и руки и ноги поставя, и взяв с собою пущих воров дватцать шесть человек, и о всем, что надлежит, управя, с его, великого государя, ратными людьми для промыслу и поиску на вышепомянутых воров, где их воровское собрание, пошол ис Черкаского вверх по Дону августа в 8-м числе.

И по письмам лейб-гвардии маеора отправлены были острогожской полковник Тевяшов с полком, да Рыкман з драгуны и салдаты по Айдару и велел им прежде уведомитца о собрании их воровском. И по тому ево отправлению посылали они от себя партию и, не доехав воровского городка Ревенек, встретили их воры с пятьюстами человеки, и был с ними бой; и на том бою милостию Божиею и государевым счастием его, государевы, ратные люди их, воров, побили больши четырехсот человек и живьем многих взяли.

Да ему ж, лейб-гвардии маеору, ведомо учинилось, что вор Игнашка Некрасов послал прелесные свои письма в нижние и в верхние городки по Дону и по Хопру, и по Медведице, и по Бузулуку, и по Донцу, и по всем запольным речкам, по всем станицам, чтоб к нему конечно шли в соединение, и посылал от себя для того нарочно загонщиков.

И по тем ево письмам из шестнатцати станиц собралось в Ясаулов городок три тысечи человек з женами и з детьми, также из ыных городков были по нескольку человек, а сам он, Игнашка, с Ывашкою Павловым, да с Серешкою Беспалым, да с Лоскутом и с ыными такими ж ворами из Голобых хотели итить в Есаулов городок в соединение к тем же ворам сухим путем и сплавною и дошли до Нижняго Чиру. И он, лейб-гвардии маеор, по тем вестям, видя их такое воровское собрание, чтоб их воров к соединению в Ясаулов не допустить, оставя пехоту и обоз, пошол к Ясаулову с одною конницею наскоро, да ис Черкаского казаки плавною. И пришел под Ясаулов августа в 22-м числе. И те вышеписанные воры в Ясаулове засели в осаду и покорения ему великому государю не принесли, надеясь на сикурс ево, вора Некрасова.

И августа в 23-м числе он, лейб-гвардии маеор, велел драгуном спешитца, также и в плавною казакам к тому городку приступить, для того принуждены к ним притить. В тот час пришла ведомость, что он, вор Некрасов, с товарыщи идет к Ясаулову.

И как он, лейб-гвардии маеор, з драгунами к тому городку приступали, и они, воры, ис того городка стреляли по государевых ратных людех. А государевы ратные люди по них, ворах, стреляли ж и драгуны зело отважно шли, только не мочно было к ним ворватца, потому что у них, воров, зделаны были трои шанцы, а одни подле самых их жилых воровских изб. И из них, воров, убито больши 50 человек, ранено много. И видя они, воры, тот отважной приступ, что им в том городке не отсидетца и что оному вору Некрасову в помочь притить к ним не возможно, того ж дни выслали с повинною. И настала ночь, и на другой день, августа в 24-м числе, как пришли пехотные полки с обозом, они, воры, целовали крест и святое евангелие, что им быть ему, великому государю, в верности, тако ж как и в Черкаском. И он, лейб-гвардии маеор, из них, воров, пущих заводчиков взяв

с собою десять человек, а отамана их Ваську Телного, которой у них был выбран надо всеми станицами в той осаде на Ахфонкино место, бельца и дву чернцов росколщиков, которые в том Ясаулове городке жили, и один из них чернец Кирил, не посвящен и не быв в попех, действовал и исповедывал, и причащал, и крестил многих вместо священника, и во время того приступу о побеге на государевых ратных людей в том городке в станичной избе пел молебен, за то их воровство казнили: четвертовали и поставили головы и руки и ноги на кольях. А других, з десятка по человеку, казнили и перевешали круг того городка, а иных, поставя висилисы на плотах, перевешав, пустили по Дону. И казнено их больши двусот человек.

И вор Игнашко Некрасов с товарищи, уведав тот ево, лейб-гвардии маеора, скорой приход в Ясаулов и что так отважно поступили, убоясь, переправились под Ниж[ним] Чиром за Дон на горнею сторону и побежали наутек на Кубань 2000 человек з женами, оставя тягости и побросав свои пожитки.

В 708-м году великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал по имянному своему, великого государя, указу ис своего государского военного литовского походу своей царского величества лейб-гвардии Преображенского полку маеору князю Василью Володимировичю Долгорукому с своими, великого государя, ратными людьми быть на своей, великого государя, службе в Донском походе против воров и бунтовщиков Кондрашки Булавина и ево единомышлеников для промыслу и поиску над ними ворами.

И по тому его, великого государя, указу он, лейб-гвардии маеор, князь Василей Володимирович, с его, великого государя, ратными людьми на его, великого государя, службе был в первом Донском походе в Черкаском и под Ясауловым и по Айдару и по Донцу. А в том походе его, великого государя, ратные люди каких строев и чинов и кто имяны у него, лейб-гвардии маеора, в полку были, и в котором числе ис того походу в Острогожской пришли, и в том первом походе милосердием Божиим и молитвами и счастием великого государя, его царского величества, где в которых местех над теми ворами что какова промыслу и поиску учинено, и из оного какова обхождения было, о том о всем к нему, великому государю, к его царскому величеству к Москве и в армею он, лейб-гвардии маеор, писал подлинно в отписках и в особливых своих почтовых письмах, и тому первому донскому походу послужной список учинен особо и подан на Москве в Розряде.

А сентября и октября в разных числех ведомо ему, лейб-гвардии маеору князю Василью Володимировичю, учинилось по роспросным речам донских казаков Донецкой станицы Василья да Семена Богомоловых, Леонтья Пилюгина, Федота Чернушкина, да Донецкого ж монастыря строителя черного попа Ионы, да монаха казначея Пафнутия, которые ушли из Донецкого городка от воров от Микитки Голова и от донецкого атамана от Микулки Колычева к нему, лейб-гвардии маеору, в полк с ызветом, что вор Голой пришол к ним в Донецкую станицу с воровским своим собранием сентября в 18-м числе по письму донецкого атамана Микулки Колычева. А воровского войска с ним тысечи с четыре з женами и з детьми и скотиною. И приняли ево в тое станицу тот атаман Микулка Колычов, да есаул Тимошка Щербаков, Антошка Газда, Корнюшка Лукьянов зять, Ивашко Мордвинов, Зотко Постушок, Микулка Осипов, брат Корнюшка Рог[о]шкин,

Алешка Курноshкин, Тимошка Решетовской, Илюшка Борисов, Ивашка Хоперской, Калинка Постухов, Лунка Ченин, Сафошка Зотов и иные единомышленики их, а имян их не упомнит. И как де вор Голой с воровским своим войском к Донецкому пришол и переправился через реку Дон в бударах к нему, Колычеву, с товарищи в тое Донецкую станицу. И после де того недели с полторы как пришел под Донецкой плавною рекою Доном на бударах с правиантом полковник Илья Билс с салдацким полком, которой шол с тем правиантом в Азов и в Троецкое и, пришед в тое станицу, пристал к берегу. И к нему, де, Билсу, на будары приходили вор Голой и Колычев с товарыщи с честью и хлебом, и он де за то их подчивал. И будучи у него, ходили по бударом и осматривали пушек и свинцу и казны и, дав ему, полковнику, провожатых от Донецкого, отпустили вниз рекою Доном к Казанской станице. А сами они, воры Голой со единомышленники своими, поехали берегом за ним, полковником, вслед. И, отошед от Донецкого версты з две в урочище за бурунами, ево, полковника, з бударами у берегу остоновили и, пришед на будары, взяв ево, полковника, и афицеров перевязали и посадили в воду, а государеву денежную казну и порох, и свинец, и знамена, и ружье, и ево, полковничьи, и афицерские пожитки пограбя, все меж себя роздуванили.

А салдат собрали к себе в таборы и, розобрав правиант, хотели жон своих и детей розвесть по казачьим донским и донецким, и хоперским, и медведецким городкам, а самим бы собрався итить под украиные городы и где он, лейбгвардии маеор, с полками обретаетца. И намерение де их воровское, естли они, воры, ево, князя Долгорукова, с полками розобьют и в городех чернь к ним пристанет, итить им до Москвы, побить бояр и немцов и прибыльщиков. И ведомость де у них, воров, такая, что будто он, лейб-гвардии маеор, идучи ис Черкаского и Ясауловского и Айдарского походу, полки распустил и стоит в малолюдстве. И по тем ведомостям октября в 1-м числе они, воры Голой и Колычов, с воровским своим войском перебрався реку Дон и хотели итить на Айдар к Ревенькам и под украиные городы. И пришли к ним, ворам, ис Казанской, и Мигулинской, и Тишанской, и Еланской, и Решетовской станиц и из Вешок, да ис Хаперских и Бузулуцких станиц такие ж воры.

Да ему ж, лейб-гвардии маеору князю Василью Володимировичю, явились в Острогожску с военной походной канцелярии Билсова полку афицеры: капитаны Яков Вельяминов Зернов, Антип Шишков, прапорщик Петр Скорятин да урядников и рядовых салдат тритцать шесть человек и в допросех сказали: как де полковник их Билс, недошед до Донецкого верст за десять, посылал порутчика Ивана Толстого в Донецкой к атаману к Микулке Колычеву с товарыщи для проведыванья, все ль у них в Донецком смирно, и с тем де порутчиком приехали из Донецкого казаки, два человека, Микулкин брат Колычева Микитка с товарыщем, и те де казаки ему, полковнику, сказали, что у них в Донецком смирно, шол бы он, полковник, без опасения, а они де до Азова проводить готовы. И по той ведомости он, Билс, пошол к Донецкому, и как де они в Донецкой на бударах пришли и пристали к берегу, и к нему де, полковнику, пришли воры Голой и Колычов с казаками с почестью и, дав ему провожатых, отпустили вниз рекою Доном. И на другой день погодою будары все розбило врознь и многие нанесло на мель. И от Донецкого де верстах в двух вор Голой, пришод к берегу, закричал, чтоб он, полковник, пристал к берегу, слушал у них государева указу. И как де он, полковник, к берегу пристал,

и они де, воры, взошли к нему на будару и, связав ево, полковника, и подполковника и маеора и лекаря, посадили в воду, а офицеров и салдат взяли за караул, а денежную казну восмь тысечь шестьсот рублев и алтилерию и провиант розграбили, а они де, Яков с товарищи, от них, воров, ушли и пришли в Острогожской.

И по тем ведомостям он, лейб-гвардии маеор князь Василей Володимирович, для промыслу и поиску над теми ворами, чтоб их, воров, до большаго собрания не допустить, отправил наперед на Битюг четыре полка октября в 9-м числе. А сам он, лейб-гвардии маеор, з достальными его, великого государя, ратными людьми, с конными и с пехотными полками пошол из Острогожска и пришол на Коротояк в 15-м числе, а с Коротояка пошол к Донецкому того ж октября со 18-го числа з большим поспешением. А плавною рекою Доном на стругах с правиантом велел итить подполковнику Андрею Колпакову с Курским полком стрелецким по тому ж немедленно.

И октября в 25-м числе как он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми пришол на речку в урочищи Тулучеевку, и того дни посланная партия привели к нему, лейб-гвардии маеору в полк донецких жителей семь человек. А в роспросех они сказали, что вор Голой и Микулка Колычов ис Тихой станицы для собрания своего воровского пошли на устья Хапра, а в Донецкой писали и прислали загонщиков Ивашку Чюмака с товарыщи, дватцать человек, с письмом, чтоб из Донецкого шли к ним, ворам, к Голому и к Колычову половина, а другая половина осталось в Донецком. И целовали крест, естли к Донецкому придут государевы ратные люди, чтоб им, ворам, против тех государевых ратных людей стоять и умереть всем заодно. И он, лейб-гвардии маеор, видя такое их воровское намерение, чтоб их, воров, из Донецкого к ним, ворам Голому и к Колычову, в соединение не допустить, оставя обоз с пехотою и роты московских чинов, и городовых, и людей боярских, и черкас острогожских с одними драгунскими полками, для лутчего поспешения с того вышепомянутого урочища с речки Толучеевы с полуночи пошол к Донецкому и пришол 26-го числа октября часу в третьем дни.

И они, воры, видя нечаемой скорой лейб-гвардии маеора с ратными людьми приход, не хотя покорения и вин своих к великому государю принесть, засели в осаде на смерть, и выезжали ис того Донецкого городка человек со ста и больши. И из них, воров, ухватили языка одного человека, а те воры ушли в городок. И как он, лейб-гвардии маеор, всею конницею приступил к тому городку, и они, воры, учинили з государевыми ратными людьми бой. И на обе стороны была стрельба ис пушек и из мелкого ружья часа с полтора без умолку. И Божиею милостию и великого государя счастием за тем боем и приступом тот городок Донецкой взяли и их, воров, многих побили и покололи, а которые, видя свою погибель, бросались в реку Дон вплавь, многие потопли, а других на плаву пристреливали. А живьем взяли из них, воров, наказного атамана Тимошку Щербака да Микулкина брата родного Микитку Колычова. И их, воров, кроме женского полу, человек с триста и больши, ис которых по розыску кажнены смертью, перевешено сто пятьдесят человек, в том числе Щербак и Колычова брат кажнены ж.

И Донецкой, и все их воровское жилище разорено и выжено без остатку для того, что им, ворам, в том месте воровскаго собрания впредь не было. А по роспросным речам тех взятых воров сидело их, воров, в Донецком казаков и бурлаков с тысечю человек и больши. И управя в Донецком, что было надобно, он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми от Донецкого пошол вниз по реке Дону к Казанке и к иным местам, где случай позовет для управления такова ж состояния, которых городков к ним, ворам, приставали. А в Черкаской к войсковому атаману и ко всему войску донскому, также и к выборному и к походному атаману к Гарасиму Лукьянову, которой послан ис Черкаского с низовым войском, и Роспопинской станицы к атаману к Селивану Извалову, он, лейб-гвардии маеор, писал с подкреплением о нынешнем своем походе, чтоб они также собрався с войском своим шли на них, воров, на Голова и Колычева, для промыслу и поиску над ними з большим поспешением. И ноября в 4-м числе он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми пришол под Решетову станицу, в которой был Голой со всем своим воровским собранием. А воровского собрания с ним, Голым, пришли с Айдару пять тысяч пятьсот, да по письму ево, вора Голова, и Микулки Колычова пришли к ним в соединение Качалинской станицы атаман Пронка Остафьев да Федосей, ево станицы ясаул Зотка Зубов, а с ним было воровского собрания две тысячи, всего было семь тысяч пятьсот. И как к той станице пришол, построя полки свои, с помощию Божиею пошол на них, воров, и они, воры, учинили на государевы полки свой воровской напуск пехотою и конницею. И милостию Божиею и великого государя счастием их, воров, сорвали и в городок вогнали и из городка выбили и до Дону рубили без милосердия. Трупом положено их, воров, слишком с три тысячи человек, а которые достальные метались в Дон, многие потопли, а иных на плаву пристреливали ж, а которые и переплыли, и те от великого морозу померли. А вор Голой, видя свою погибель, ушол сам третей. И взятые воры в роспросех сказали: кой час бой начался, того ж числа он, вор Голой, покиня их, побежал. А на том бою у них, воров, взято 16 воровских бунчюков, 2 пушки медных, да Билсова полку 4 знамя, да афицеров и салдат высвободили в то число из-за караулу 300 человек, а тот городок и хлеб, и жилище их воровское выжгли без остатку. А что иного какова поведения в том Донецком и Решетовском походе было, о том о всем к великому государю к Москве и в армею он, лейб-гвардии маеор, писал подлинно в отписках и в особливых своих письмах чрез почту с нарочными куриэры. И при помощи Божией, будучи в том Донецком и Решетовском походе, управя вышепомяну тое донское дело, что быть надлежало, он, лейб-гвардии маеор, с его, великого государя, ратными людьми и с того походу пришол на Коротояк ноября в 14-м, а на Воронеж в 18-м числех 708-го году. А великого государя ратные люди, каких строев и чинов в том Донецком и Решетовском походе были, и то писано выше сего.

Архивариус Иван Михайлов [240].

[240] О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. // Исторический архив. – 1955. – № 4. – С. 180–193.

№ 241

1724, вересня 19
Записка князя Василя Долгорукого про дії каральної армії в 1708 р.

Когда императорское величество был под Азовым и изволил указ дать данским казакам, чтоб отнюдь поменутые не дерзали принимать из российских городов беглых людей и крестьян никакова чину не принимали и станиц вновь не делали под смертным штрафом, и онои казаки, презрев его величества указ, своим воровством многия тысячи беглых людей боярских и крестьян принимали и несколька немалое число станиц за указом построили, отчего многоя число шляхетства в великое раззорение пришли и из многих городов бежали и с посадов. И его величество изволил о вышеписанном известитца о государственном раззорении и о противности презрении его величества указу и изволил указ послать в Азов к брату моему, чтоб он взяв из Черкасково из лутчих старшин для наследования как вновь за указом многих станиц, также сколка за указом принета беглых людей. И к ним, казакам, послан указ о вышеписанном, чтоб они были послушны брату для исполнения указу.

И поменутыя козаки воровски умыслили атаман Лукиян Максимов с товарыщи, отправя брата и дав ему четырех человек из старшин для бутто изволения его величества указу. И послали поменутыя воры указ на Бахмут к атаману бахмутцкому Булавину, чтоб он, Булавин, когда брат приближитца к Бахмуту, собрався б с казаками и брата моево убил. А их воравской умысл для тово был, закрывая свое воровство, что, презрев его величества указ, как станиц многа наделали, так и многие тысячи людей беглых приняли. И умысл их воровской был такой: когда брата убьют, то тем воровство их закрыто будет. И, видя в то время его величества в войне великой с шведом, разсудили себе, что за помянутою войною аставлена им поменутоя их воровство будет.

И помянутой Булавин, убив брата, ушел в Запороги. И на весну из Запорогов пришел на Хопер в Пристанскую станицу и, сабрався на Хапре, и пошел по Хоперским станицам. И все поменутые станицы пристали к нему. И другия з Данца, с Айдара, с Медведицы и з Дону все казаки с ним, Булавиным, взбунтовали и пошли к Черкаскому, и атамана и старшин побили, и Булавина в Черкаском старшим атаманом выбрали. И все казаки в великой бунт вступили. И о сем бунте известно его величеству учинилось.

И тогда прислан ко мне куриер с его величества указом в Невль, в котором указе писано: велено мне из Невля ехать к Москве и из Москвы на Воронеж. А кому со мною быть, при том указе прислан реестр. И из Невля я поехал на фоминой неделе, а в котором месеце и числе, тово я не упомню, понеже писем при себе не имею. А в каманде моей были: царедворцы разных чинов около дву тысяч человек, пехотных полков – Воронежской, Рыкманов, Гулцов, Белогоротцких два полка (Нелидова, другой Неклюдова), рекрутской полк Давыдова, стрелетцкой полк Шапкина, да кавалерии из армей присланы ко мне два полка, Кропотава и Жукова. А в абеих в них, из разных полков кумандированных тысеча человек, да полк драгунской зборной из украинных городов под командой полковника

князя Волхонскова; полк Белогоротцкой Мещерскова; да полк фон Делдена; да два шквандрона – адин Воронежской, другой Ранибурской; да Слоботких полков – Харьковской, Изюмской, Сумской, Ахтырской; да гетманских два полка – Компанейной да Полтавской; Бахметев, а в ево команде двести девеносто человек царедворцов да белогородцов, севчан, курчан полковой службы около трехсот человек. А лейб-гвардии Преображенскова полку на Воронеж прислан был маеор Глебов з баталионом, а са мною не были помянутыя указом поворочены назад в арьмею.

Баталия была з булавинцами под Решетовым, на которой побито и перевешено около пятнатцати тысячь человек; в другом месте под Тором з Драным было восемь тысячь воровских казаков, разве малае число ушли, а то все побиты. В Есаулове сидело три тысячи человек и штурмом взяты и все перевешаны, только из помянутых пятьдесят человек за малалетством свобожены. В Донетцком сидело две тысячи человек, такожe штурмом взяты и многое число побиты, а достальные все перевешаны. Из под Воронежа посылана была партия и взята казаков двести человек, и на Воронеже все поменутые повешены. В Черкаском повешено около круга донского и противу станишних изб около двухсот человек. Також и многия партии были посыланы и множество в партиях посечено. И городы, которыя бунтовали против его величества, по Айдару многия выжжены и по другим рекам выжжены также, об чем заподлинна писать не упомню, сколко числом людей и городов.

Сентябрь 19 день [241].

№ 242

1748 г. – Родинна записка про генерального суддю Василя Кочубея

19-го марта 1708 года, на память св. мучеников Хрисанфа и Дарии, генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей и полтавский полковник Иоанн Искра выехали из села Диканьки на другую сторону Ворсклы, чрез слободские города, в Смоленск, куда спешили они к царскому величеству, избегая гнева и мщения клятвопреступнаго изменника Ивана Мазепы.

Еще 18-го марта, в четверток, подступали к Диканьке посланные от Мазепы, с приказанием схватить Кочубея: гадячский полковник Стефан Трощинский с своим полком и с полком волохов и кампанийский полковник Юрий Кожуховский с своим полком. Но они остановились на ночлег в Великих Будищах, недалеко от Диканьки.

Между тем в тот же день вечером привез письмо в Диканьку посланный из Хвастова (Фистов?), от миргородскаго полковника, старый его слуга Андрей Лос. Узнав содержание письма, Василий Леонтьевич, нимало немедля, отправил в Полтаву слугу своего Ивана Завадовскаго за Иоанном Искрою, который ночью и приехал в Диканьку. В ту же ночь, за час до разсвета, простившись со всеми своими, Василий Леонтьевич с Искрою оставили Диканьку, переехав мост на

[241] О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. // Исторический архив. – 1955. – № 4. – С. 193–195.

реке Ворскле в селе Гавранцах, и прибыли в Краснокутск, где находился ахтырский полковник. От царскаго величества приехал в Краснокутск поручик с указом, в котором предписано было «Искре одному явиться к государю, а Кочубею оставаться в слободах». Из Краснокутска оба они, в сопровождении ахтырскаго полковника, прибыли в Богодухов. Но в Богодухове другой офицер приехал от царскаго величества с приказанием – Кочубею и Искре – обоим явиться к государю.

Вслед за выездом из дому Василия Леонтьевича и Искры, вступил в Диканьку с своими войсками Трощинский с намерением схватить Кочубея и представить в Фистов к Мазепе; но, поискавши его везде, с неудовольствием возвратился обратно в Будищи и простоял там три дня – пятницу, субботу и воскресенье. В понедельник утром Трощинский опять вступил в Диканьку, и остановясь со всеми своими войсками в новом дворе – на Ковалевке, послал волохов в старый двор, где находилась супруга Василия Леонтьевича, г-жа Любовь Кочубеева. В то время ея не было дома: на разсвете дня св. священномученика Василия Анкирскаго (тезоименитство сына и мужа) она в церкви слушала молебен о благополучном путешествии своего мужа. Узнав об этом, волохи вокруг церкви поставили караул, а старший волошин ротмистр, по имени Констанций, вошел в церковь с приказанием г-же Кочубеевой выдти из церкви. «Не выйду», решительным тоном сказала благородная госпожа, «лучше пострадаю у алтаря, как пророк Захария». Ротмистр понудительно и с угрозами вывел ее; и как только переступила порог церковный, была схвачена в коляску и отвезена на Ковалевку к Трощинскому с невесткою своею, женою Василия Васильевича Кочубея, бывшею вместе с нею в церкви.

Приехав перед двор к Трощинскому, ее высадили, и она несколько часов простояла, ожидая доклада. Ожидая долго и напрасно возвращения докладчика, она решилась сама явиться к Трощинскому, и мужественно протеснилась между лошадьми, которыми набит был двор.

Между тем Трощинский вышел на крыльце, в белом кафтане, без пояса, в желтых шараварах, будучи весьма пьян. Благородная госпожа Кочубеева кротко начала к нему свою речь: «За то ли вас прислал Мазепа с войском за моим мужем, что он усердно и верно служил Войску Запорожскому в должностях писаря и судьи?»... Но Трощинский, не отвечая на ея речь ни слова, вдруг приказал волохам стрелять в нее. И едва успел Кожуховский, советник Трощинскаго, отчаянным криком остановить волохов, которые уже взвели курки в ружьях. Перепуганная совершенно госпожа Кочубеева за караулом была возвращена в свой двор, и вокруг двора поставлена была стража, также и в доме, и даже в ея спальне. А супруга Василия Васильевича Кочубей получила дозволение, забрав свое имущество, отправиться в Сорочинцы к своим родителям, где находился и ея муж.

На другой день утром Трощинский с своими советниками и прибывшим ночью от Мазепы послом отправились на старый двор, где, по его приказанию, все найденное имущество г. Кочубея, все ценныя вещи были уложены в ящики, а госпожу Кочубееву с одною служанкою, в крытом экипаже за караулом, отправили в Батурин. Здесь имущество оставили на Гончаровке, а Кочубееву поместили во дворе, в предместьи Батурина, где и прежде ея милость останавливалась. Потом чрез неделю перевели в старый двор, где отвели ей мрачную комнату, с запрещением выходить ей куда-либо, равно и к ней не велено никого допускать не только

к дому, даже к забору. Два караула, желдицкий и московский, были приставлены к месту ея заключения.

В апреле месяце 1708 г., к светлому празднику воскресения Христова, Василий Леонтьевич Кочубей и Искра достигли уже в Смоленск и Витебск. Отсюда боярин Гаврило Иванович Головкин, князь Долгоруков и Петр Павлович Шаферов, тайный секретарь государя, препроводили их в Поречье; и здесь пытками допрашивали их в верности донесения на Мазепу. При первом допросе старику Василию Леонтьевичу нанесено четыре удара кнутом, и Искре – семь ударов; через неделю опять поновляли раны столькими же ударами кнутом. Месяцы май и июнь они продержаны в заключении, и потом отосланы водою в Чернигов; из Чернигова воевода Вениамин препроводил их в Киев, а отсюда в Белую Церковь к Мазепе, который стоял лагерем между Борщовым и Ковшаговым. Здесь 15-го июля 1708 года, в четверток, на память св. равноапостольнаго великаго князя Владимира, головы невинных страдальцев Кочубея и Искры скатились на одну плаху, и тела их лежали на месте казни, до конца литургии. Потом положены в деревянные гробы и впоследствии отосланы для погребения в Киев. Они покоятся в Киевопечерской лавре, на погосте, с правой стороны, близь трапезной церкви.

Неповинная кровь страдальцев сильно тревожила Мазепу, и он безсознательно бродил с своим войском по разным городам, – как наконец обнаружилось пред всем войском малороссийским, что он изменил пресветлейшему монарху и убежал к королю шведскому. Это было 17-го октября, на память прор. Осии и св. Андрея Критскаго, через четырнадцать недель после мученической кончины Кочубея и Искры.

При вести о сем Батурин заперся со всех сторон от его оставшагося изменнического войска; из четырех ворот только одни береговыя, со стороны Сейма, были открыты. За неделю пред взятием Батурина прибыл туда светлейший князь Меншиков; но в город не вступал, а вышли для переговоров к его сиятельству начальствующий над войсками в городе Чечель, полковник сержецкий, эсаул армацкий, сотник батуринский, – и князь отправился обратно.

Пользуясь неурядицею в городе, невинная страдалица Любовь Кочубеева нашла возможность уйдти из места своего заключения, при помощи монахини девичьяго Новомлинскаго монастыря. Черница выезжала из города простою телегою с будкою. Кочубеева, одевшись в ея монашеское платье, а Искрина (жена Искры), находившаяся с нею, – в мужицкую одежду, с девками пешком вышли из города, а панича Феодора Васильевича (Кочубей) черница посадила к себе в воз, под видом черницы.

Опасаясь преследования, благородныя вдовы избрали путь на Митченки, Куреню, Ичню, Прилуку, Светличное, Чернухи, мимо Городища, на село Канцеляристов, Крутый Берег. В Снетине переехали реку Сулу и прибыли в Шишаки, – имение г. Петра Кулябки, зятя полковника миргородскаго, свояка г. Кочубея. Здесь получив сведение, что супруга полковника миргородскаго и Василий Васильевич Кочубей находятся в Сорочинцах, отправились туда, где и прожили несколько дней. Туда же прибыла г-жа Обыдовская, потому что у супруги Василия Васильевича в это время родился сын Павел. Прогостив по этому случаю недолго, все вместе выехали из Сорочинец; но за Сорочинцами разстались: г-жа полковница миргородская, Василий Васильевич Кочубей, г-жа Обыдовская

и Ломаковский отправились в Крилов, а вдовы Кочубеева и Искрина направили путь в московския слободы: на Барановку, Опошне, Старые Млины, чрез Ворсклу, Врублевку и Коломак. Отсюда г. Захариевский уехал в Водолаги, а Кочубеева и Искрина укрывались в Ровнах близь леса в Искриной пасеке.

Там получили они, чрез г. Ивана Жученка, письмо, присланное от светлейшаго князя Меншикова, писанное в Конотопе, по взятии Батурина, который взят 25-го октября 1708 г., на память св. мучеников Маркиана и Мортирия. Письмо было на имя Василия Васильевича и в нем объявлялась великая милость государя, и предписывалось ему явиться в Глухов к его величеству с матерьею своею и вдовою Искры. Из ровенской пасеки г-жа Кочубеева послала слугу своего в Кременчуг за наименьшим сыном. Вслед засим скитающияся вдовы отправились на Свинковку; реку Ворсклу переехали в Семяновке и остановились в селе Жуках, в доме близкаго родственника их обеих, Жученка, на несколько дней. Но недолго они пользовались гостеприимством и покровительством Жученка. В мясопуст на Филиппов пост приехал в Жуки Яков Рогуля и объявил им об угрозах полтавскаго полковника Левенца, намеревающагося схватить их и препроводить к Мазепе.

В темную глубокую ночь они оставили Жуки. Переезжая в селе Петровке Ворсклу, были схвачены петровскими мужиками, которые, будучи пьяны, устремились на ночной поезд и, без всякаго распроса, хотели их убить. К счастию г-жа Искрина узнала петровскаго атамана, по прозванию Дригу; и он, разузнав великородных дам, сильным криком усмирил мужиков и дал им провожатаго в Коломак. Из Коломаки держали путь на Перекоп, Валки, Люботин и Харьков. В Харькове бригадир Феодор Васильевич г. Шидловский приютил беззащитных вдов в своем доме на две недели. Из Харькова отправились на Водолаги, отсюда трактовою дорогою на Валки, Краснокутск и Ахтырку в Лебедин, и здесь представлены были пресветлейшему монарху, там находившемуся, и удостоились подучить от него монаршия милости. Отсюда отправились в Тростянск и там проводили рождественские праздники, а 1-го января 1709 года прибыли в новую Водолагу к г. Ивану Захариевскому, где находилась и полковница миргородская со всем своим семейством.

В это время уже шведския войска вступили в Украину и разорили Коломак, и потому их милости не могли здесь оставаться вне опасности, и разъехались все чрез Харьков, Белгород и Сумы; госпожи Кочубеева и Искрина остались в имениях своих в Ярославце, а полковница миргородская с г. Иваном Водолажским – в имении своем, в Авдеевце.

Того же года летом июня 2-го 1709 г. русския войска стали против шведов между Жуками и Петровкою, под Полтавою, и пресветлейший монарх, при помощи Божией, победил шведов, и всех генералов, полковников и офицеров разбил и взял в плен.

1748 года.

Сообщ. 19-го июля 1882 г. о. Вас. Курдиновский.
Полтавский уезд,
Село Жуки [242].

[242] *Курдиновский В.* Василий Леонтьевич Кочубей в рассказе его современника 1708 г. // Русская старина. – 1883. – Т. 40. – № 12. – С. 499–504.

ЦЕРКОВНІ АКТИ, ОПИСИ ЦЕРЕМОНІЙ, КОРЕСПОНДЕНЦІЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛІВ

№ 243

1688, січня 27. – Москва
Жалувана грамота російських царів Іоана та Петра Олексійовичів Київському Вознесенському монастиреві на угіддя, вотчини та на Глухівський Преображенський монастир

Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, московскіе, кіевскіе, владимерскіе, новгородскіе, цари казанскіе, цари астраханскіе, цари сибирскіе, государи псковскіе, и великіе князи смоленскіе, тверскіе, югорскіе, пермскіе, вятскіе, болгарскіе и иных, государи и великіе князи Новагорода Низовскіе земли, черниговскіе, резанскіе, ростовскіе, ярославскіе, бѣлозерскіе, удорскіе, обдорскіе, кондинскіе и всеа Сѣверныя страны повелители, и государи Иверскіе земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинскіе земли, черкаских и горских князей, и иных многих государств, и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичи, и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и облаадатели, наше царское величество, пожаловали игуменью Марію с сестрами, которая нынѣ при лаврѣ Успенія пресвятыя Богородицы и преподобных отец Антонія и Феодосія кіевопечерских чудотворцов в Вознесенском дѣвичьѣ монастырѣ пребывает, и кто впред по ней игуменьи и сестры в том монастырѣ будут, которой Вознесенской монастырь близ нашіе царского величества отчины богоспасаемого града Кіева: повелѣли им дать сію нашу великих государей, нашего царского величества, милостивую жалованную грамоту на монастырскіе их вотчины, на село Ходосовку, в подтверженіе прежніе жалованые грамоты отца нашего государства, блаженныя и вѣчнодостойные памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, також и на даные нашего царского величества жалованья к тому ж Вознесенскому монастырю, вотчины на Подгорцы и Бугоевку и Берки, в Кіевском уѣздѣ положеніе свое имѣющіе, да в Переяславском уѣздѣ на деревни Ивановку да Бзову, и на всякіе к тѣм вышеимянованным

вотчинам приналежащіе угодья, также на монастырь, что в Глуховѣ, имянованный Преображенія Господня, в котором инокини пребываніе свое имѣют. Понеже сего настоящего от созданія міру 7196 году к нам, великим государем, к нашему царскому величеству, писал подданной наш Войска Запорожского обоих сторон Днѣпра гетман Иван Степанович Мазепа, с нею, вышепомянутою игуменью, с своею матерью, и бил челом нам, великим государем, нашему царскому величеству, чтоб мы, великіе государи, наше царское величество, пожаловали ее, игуменью, повелѣли челобитье ее, которое она о монастырских своих нуждах объявит, изволили б выслушать милостиво, и наш царского величества указ учинить, и дать на то ее челобитье наши царского величества жаловалные грамоты; а вышеимянованная игуменья Марія с сестрами нам, великим государем, нашему царскому величеству, била челом, что в прошлых годѣх даны им на пропитаніе в тот Печерской монастырь, при прежних королѣх полских, вотчины Подгорцы, Бугаевка и Берки, и привилія королевскія на тѣ вотчины были им даны, и во время приходу войск полских под Кіев всѣ сгорѣли, а вновь для владѣнія на тѣ вотчины наших государских жаловалных грамот нѣт; а монастырь де у них скудной, питаются христовым имянем и трудами своими, а в Переяславском де уѣздѣ деревни Иванково да Бзово никому не даны и не владѣет ими никто. А Глуховского Преображенского дѣвича монастыря наставница с сестрами били челом и подали сыну ее гетману Ивану Степановичу челобитную, за руками, которую их челобитную с сим же своим челобитьем она, игуменья, подала; а в челобитной их написано, чтоб тот Глуховской Преображенской дѣвичь монастырь приписать к тому ж их вышеимянованному Вознесенскому монастырю, при котором монастырѣ и село имянуемое Березай, в Глуховском уѣздѣ обрѣтающееся, а на село де Ходосовку, которое в Кіевском уѣздѣ, прежная жаловалная грамота отца нашего государского блаженные и вѣчнодостойные памяти великого государя, его царского величества, во время нашествія непріятелского, у них сгорѣла, да под Глуховым городом на рѣкѣ Есмани, у Батуринских ворот, мелница бывшого гетмана Ивашки Самойловича, на одной плотинѣ два анбара, а в них по трое жернов, никому не отдана ж; и чтоб мы, великіе государи, наше царское величество, пожаловали их, игуменью с сестрами, повелѣли им в тот Вознесенской монастырь, на пропитаніе, дать тѣ вышепомянутые деревни, Подгорцы, и Бугаевку, и Берки, Иванково и Бзово, также и под Глуховым мелницу на рѣкѣ Есмани, а Глуховской Преображенской дѣвичь монастырь приписать к тому ж их Вознесенскому дѣвичью монастырю и с селом Березаем, а на то на все дать им нашу царского величества милостивую жалованную грамоту. А в жалованной грамотѣ отца нашего государского блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великого государя, его царского величества, какова дана того ж Вознесенского дѣвичья монастыря игуменѣ Еупраксеи, декабря 31 дня прошлаго от созданія міра 7168 году, которой в приказѣ Малыя Росіи отпуск явен обрѣтается, написано: велѣно тѣм селом Ходосовкою, со всѣми угодьи, и буде оно пусто, и никто им не владѣет, и гетману не належит, и впред спору и челобитья от казаков не будет, владѣть к тому Вознесенскому дѣвичью монастырю игуменѣ с сестрами, и кто по ней в том монастырѣ иные игуменьи и сестры будут. Да она ж, игуменья, с сим же своим вышепомянутым челобитьем, подала лист сына своего Войска Запорожского обоих сторон Днѣпра гетмана Ивана Степановича, какова он дал ей в сем настоящем

7196 году декабря в 1 день, а в том листу написано: что на славу превысочайшаго имяни Божія, имѣя он, гетман, ко освященным обителем, в Малой Росіи обрѣтающимся, усердіе свое и сохраняя Кіевопечерской дѣвичь монастырь, дал того монастыря игуменьѣ матери своей Марьѣ с сестрами, и по них будучим инокиням, из канцеляріи войсковой, тот свой лист на старинную маетность их, на село Подгорцы, да на село Бугаевку, да на приселок Берков, в Кіевском полку на той сторонѣ Днѣпра имѣющіи положеніе свое над рѣчкою Стугною, которыми преж сего владѣл Павел Яненко, также и селцо Иванково в Переяславском полку, с двором монастырским, в том же селѣ обрѣтающемся, и селище Бзов, которые подлинным правом от старицы Топоровской вотчинницы того селища были куплены, им же, игуменьѣ с сестрами, ее в тихомирное владѣніе, тѣм своим листом, со всякими к тѣм вотчинам приналежносми, как изстари в себѣ имѣли, подтвержает, и чтоб никто из старшины и посполства войсковой, а особно кіевской и переяславской полковники, ей, игуменьѣ с сестрами, и по них будучим того монастыря инокиням, во владѣніи тѣх вышеимянованных вотчин и всяких к ним належащих угодей, во отбираніи с них всяких поборов и должности, никакой трудности и возбраненія чинити им не дерзали. – И мы, великіе государи цари и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, наше царское величество, слушав отца нашего государского блаженные и вѣчнодостойные памяти великого государя, его царского величества, жалованной грамоты, также и подданного нашего гетмана Ивана Степановича листа, и вышепомянутого Вознесенского дѣвичья монастыря игуменьи Марьи челобитья, пожаловали ее, игуменью с сестрами, и кто по ней впред в том монастырѣ иные игуменьи и сестры обрѣтатися будут, повелѣли им на село Ходосовку, в подтверженіе той прежней жалованные грамоты отца нашего государева блаженные и вѣчнодостойные памяти великого государя, его царского величества, также в Кіевском же уѣздѣ на село Подгорцы, и Бугаевку, и Берки, да в Переяславском уѣздѣ на деревни Иванково и Бзово, в вышепомянутом гетманском листу имянованные, со всякими к тѣм селам и деревням належащими угодьи, с мелницами, с полями, и с сѣнными покосы, и с озеры, и с лѣсы, и с иными всякими угодьи, также и глуховской Преображенской монастырь, со всякими к тому монастырю належащими доходы, и с селом Березаем, в Глуховском уѣздѣ обрѣтающимся, да под городом Глуховым на рѣкѣ Есмани мелницею, что была бывшаго гетмана Ивашка Самойлова, которую он купил у бывшаго Глуховского сотника Василья, одним анбаром с троима жерновами, дать сію нашу царского величества милостивую жаловалную грамоту, и вышеимянованной игуменьѣ с сестрами, также и впред в том монастырѣ будучими игуменьям и сестрам, тѣми вышеимянованными вотчинами, и мелницею, и приписным Преображенским монастырем и вотчиною того монастыря к тому Кіевопечерскому Вознесенскому монастырю, владѣть и всякіе доходы имать, как изображено сею нашею царского величества жалованною грамотою, и по даному листу подданного нашего Войска Запорожского обоих сторон Днѣпра гетмана Ивана Степановича, буде спору какого о тѣх вотчинах от страшины и от казаков Войска нашего царского величества Запорожского по каким подлинным крѣпостям не

будет. А для утверженія нашей царского величества милости к тому вышеимянованному монастырю, тѣх даных вышеписанных вотчин и мелницы, что под Глуховым, также и Глуховского приписного дѣвича монастыря и вотчин оного, на вѣчное владѣніе ей, игуменьѣ с сестрами, и впред по ней будучим в той обители игуменьям и сестрам, сію нашу царского величества милостивую жалованную грамоту утвердить нашею государственною маестатовою печатью повелѣли. Дана сія наша царского величества жалованная грамота государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицѣм градѣ Москвѣ, лѣта от создания міра 7196 мѣсяца генваря 27 дня, государствованія нашего 6 году.

Подлинник, писанный на большом Александрійском листѣ, с золотыми украшеніями по краям, имѣет государственную под бумажную покрышкою печать.

На обротѣ вверху: Божіею милостію пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы.

На лицевой сторонѣ внизу: Подписал сію великих государей жаловалную грамоту государственнаго Посолскаго приказу думной дьяк Емельян Игнатьевич Украинцов.

Из архива Кіевской казенной палаты [243].

№ 244

1688, лютого 13. – Москва
Жалувана грамота царів Іоана та Петра Олексійовичів Межигірському монастирю на вотчини та угіддя

Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, московскіе, кіевскіе, владимерскіе, новгородскіе, цари казанскіе, цари астраханскіе, цари сибирскіе, государи псковскіе, и великіе князи смоленскіе, тверскіе, югорскіе, пермскіе, вятскіе, болгарскіе и иных, государи и великіе князи Новагорода Низовскіе земли, черниговскіе, резанскіе, ростовскіе, ярославскіе, бѣлозерскіе, удорскіе, обдорскіе, кондинскіе и всеа Сѣверныя страны повелители, и государи Иверскіе земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинскіе земли, черкасих и горских князей, и иных многих государств, и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичи, и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и облаадатели, наше царское величество, пожаловали Преображенского Межигорского монастыря игумена Феодосія Васковского с братьею, и кто впред по нем в том монастырѣ иный игумен и братья будут, которой Межигорской монастырь близ нашей царского величества отчины града Кіева, повелѣли им дать сію нашу великих государей, нашего царского

---

[243] Акты исторические, собранные и изданные археографическою коммиссиею. – СПб., 1842. – Т. 5 (1676–1700). – С. 288–291.

величества, милостивую жаловалную грамоту на монастырскіе их вотчины, на Вышгород, да на села, на Петровицы, на Мощаны, и на всякые к тѣм вышеимянованным вотчинам приналежащіе угодья, для того: февраля в 1 день настоящаго нынѣшняго 196 году били челом нам, великим государем, нашему царскому величеству, вышепомянутого Кіевского Преображенского Спаского монастыря игумен Феодосій с братьею: в нынѣшнем во 196 году, по нашему великих государей, нашего царского величества, указу и по грамотѣ из приказу Малыя Росіи, в нашу царского величества отчину, нашего царского величества к боярину и воеводам и намѣстнику суздальскому к Ивану Васильевичу Бутурлину с товарыщи, писано, а велѣно, по древним их монастярским крѣпостям, отказать им земля Вышъгород, да села Петровицы, Мощаны, со всякими угодьи и приналежностями, что было изстари к той землѣ и отдано то во владѣніе им в монастырь, и тѣ отказные книги из Кіева присланы в приказ Малыя Росіи, а нашей царского величества жаловалной грамоты на тое землю и села и угодья им игумену не дано; и нам, великим государем, нашему царскому величеству, пожаловати б его, игумена, с братьею, велѣти на тое землю, и на села, и на всякіе угодья, по описи, дать им нашу, великих государей, нашего царского величества жаловалную грамоту за нашею государственною печатью, чтоб то наше царского величества жалованье впред было непорушимо. А в нынѣшнем во 196 году, по нашему, великих государей, нашего царского величества указу, по отпискѣ из Кіева боярина нашего и воеводы Ивана Васильевича Бутурлина с товарыщи, отказано в Кіевской Преображенской Межигорской монастырь в вотчину, в Кіевском уѣздѣ, на берегу рѣки Днѣпра село Вышъгород, на горѣ, пусто, жителей никаих нѣт, а на той горѣ, гдѣ наперл сего бывал Вышгород, стоит церковь деревянная во имя святых страстотерпцов благовѣрных князей Бориса и Глѣба, а под тѣм селом Вышгородом на той же сторонѣ, гдѣ стоит церковь, от того села Вышгорода на низ, луга и сѣнные покосы и всякіе угодья села Вышгорода, а в тѣх Вышегородских лугах озеро Овлупое под Вышегородским бором; а по сказкѣ сторонних околних понятых людей, тѣми лугами, и сѣнными покосы, и бором, и озером, от Вышъгорода на низ по рѣкѣ Днѣпру до Кривые Почайны, изстари владѣли, по крѣпостям и по старым межам и по урочищам и по признакам, вышгородскіе жители Бориско Смык; да против того ж села Вышгорода, на другой сторонѣ за рѣкою Днѣпром, луга и сѣножати того ж села Вышгорода, а в тѣх лугах и сѣножатех озера с рыбными ловлями, озеро Западье, половина озера Глядина, да остров Опалиховщина, да на той же сторонѣ за рѣкою Днѣпром, вверх по рѣкѣ по Днѣпру, в тѣх же лугах озеро Кривецкое, озеро Езовое, озеро Лазнище, озеро Бѣловады, да против Межигорского монастыря на той же сторонѣ за рѣкою Днѣпром вверх, в их же монастырских лугах, озеро Косур, озеро Божатино, а тѣ луга и лѣс и сѣнные покосы и озера в тѣх лугах, по обѣ стороны Днѣпра, изстари к Вышегороду и к Межигорскому монастырю; да около того ж Межигорского монастыря живут вышгородскіе жители в двадцати в четырех дворах, людей в них тридцать три человѣка, да деревня Новая, что нынѣ называют селом Петровицами, на берегу рѣчки Зычевки, а Днѣпровской залив тож, а в ней крестьянских шестьдесят шесть дворов, людей в них восемьдесят два человѣка, да той же деревни Петровичь за рѣчкою Зычевкою и меж

Днѣпра луга и сѣножати Зазычевѣ, а в тѣх лугах и сѣножатех в Зазычевѣ озера с рыбными ловли, озеро Сѣверко, озеро Глушец, озеро Іево, озеро Шитково, озеро Ситное, да селище старое, что преж сего бывало село Петровицы на берегу рѣчки Зычевки, а Днѣпровской залив тож, пусто, да к тому ж селищу озеро Гуска, мелница на рѣчкѣ на Лютежѣ, селища двои Мощаны, что преж сего бывало село Мощаны, на берегу рѣчки Мощаны, пусто, да на той же рѣчкѣ Мощанѣ три мелницы в розных мѣстѣх, да мелница на рѣчкѣ на Которѣ, мелница на рѣчкѣ на Горенкѣ; и всего в тѣх маетностях, в Кіевском уѣздѣ, во ограниченіи к тому Межигорскому монастырю: село Вышгород, да древня Новая, что называют селом Петровицами, да селище старое, что преж сего бывало село Петровицы, да селище двои Мощаны, что преж сего бывало село Мощаны, со всѣми к ним приналежащими угодьи, с пашнею; и с полями, и со всѣми землями, и с лугами, и с сѣножатми, и с сѣнными покосы, и с лѣсы, и с озеры, и с рыбными ловлями, и с мелницами, и со всѣми угодьи, по обѣ стороны рѣки Днѣпра; а по сказкѣ и по указыванью тутошних и сторонних околных понятых людей, того Вышегородского, и Петровского, и Мощанского бору, и черных лѣсов, и всяких угодей, от Кривые Почайны, по старым межам и по урочищам и по признакам, тѣм бором и черными лѣсами изстари владѣли тѣ вышегородскіе и петровицкіе и мощанскіе жители, до рѣчки Которя, и до рѣчки Ирпеня, и до горы Сатонихи, и до рѣчки Лютежа, и до рѣки Днѣпра, а то село и деревня и селища, по нынѣшним постановленным с братом нашего царского величества с великим государем с Яном Третіим, Божіею милостію королем полским, великим князем литовским, руским и иных, с его королевским величеством, Вѣчного мира договором, в межах учинились в нашей, великих государей, нашего царского величества державѣ, а крѣпки тѣ маетности село Вышъгород и деревня Новая, что называют селом Петровицами, и селище Петровицы, и Мощаны, и со всѣми угодьи, к вышеписанному Межигорскому монастырю, по прежним жаловалным грамотам отца нашего, великих государей, нашего царского величества, блаженные и вѣчно достойные памяти великого государя царя и великого князя, Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и брата нашего, великих государей, блаженные и вѣчно достойныя памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и по нашей, великих государей, нашего царского величества, милостивым жаловалным грамотам, и по королевским привиліям, и по гетманским Богдана Хмѣлницкого уневерсалом, и по древним крѣпостям; и тѣм всѣм вышеписанным угодьям присланы в приказ Малыя Росіи отказные книги, за приписью дьяка нашего Ивана Клементьева, в нынѣшнем же во 196 году ноября 25 дня. – И мы, великіе государи цари и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, наше царское величество, слушав того Кіевского Преображенского Межигорского монастыря игумена Феодосія Васковского с братьею челобитья, пожаловали его, игумена, с братьею, и кто впред иные игумены по нем и братья будут, повелѣли им на Вышъгород, и на деревню Петровицы, и на селища Петровицы ж и Мощаны, с озеры и с лугами и с пашнями и со всѣми приналежностьми, как в сей нашего царского величества

грамотѣ объявлено выше сего, дать сію нашего царского величества милостивую жаловалную грамоту за нашею царского величества печатью: и по нашей государской милости, Кіевского Преображенского Межигорского монастыря игумену Феодосію Васковскому с братьею, и кто по нем в том монастырѣ иные игумены и братія будут, тѣми вышепомянутыми маетностьми, которыми владѣли они наперед сего по жаловалным грамотам отца нашего, великих государей, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великого государя, также и брата нашего, великих государей, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великого государя, их царского величества, также и нашего царского величества по жалованной же грамотѣ, и по королевским и Войска Запорожского гетмана Богдана Хмѣлницкого и иных запорожских гетманов привиліям, и по отказным книгам нынѣшняго 196 году ноября, 25 дня, владѣть со всѣми людми с дворы, и с селы, и с перевозы, и с озеры, и со всѣми принадлежностьми, что к ним изстари належит, по прежнему, и доходы всякіе, которые наперед сего в Межигорской монастырь иманы, и впред имать по тому ж по прежнему; и никому иных монастырей игуменом в тѣ их маетности не вступаться, и подданным их монастырским налоги и обид и разоренія не чинить; а буде кто в тѣх их монастырских маетностях ѹчнут разоренія и насилство и налоги и обиды чинити, и тѣм людем от нас, великих государей, от нашего царского величества, быти в опалѣ и наказаньѣ. А для утверженія нашей царского величества милости к тому вышепомянутому монастырю, тѣх даных вышеписанных вотчин и мелниц, и озер, и всяких к ним приналежащих угодей, и на вѣчное владѣніе ему, игумену, и впред по нем будущим в той обители игуменам и братіи, сію нашего царского величества милостивую жаловалную грамоту утвердить нашею царского величества печатью повелѣли. Дана ся наша царского величества жаловалная грамота государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицѣм градѣ Москвѣ, лѣта от созданія міра 7196 мѣсяца февраля 13 дня, государствованья нашего 6 году.

Подлинник, писанный на большом Александрійском листѣ, с золотыми украшеніями по краям, имѣет государственную печать.

На оборотѣ вверху: Божіею милостію пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжня Софія Алексѣевна, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы.

Внизу на лицевой сторонѣ: Подписал сію великих государей, их царского величества, жалованную грамоту государственного Посолского приказу діяк Борис Михайлов.

Из архива Кіевской казенной палаты [244].

[244] Акты исторические, собранные и изданные археографическою коммиссиею. – СПб., 1842. – Т. 5 (1676–1700). – С. 291–294.

№ 245

1688, квітня 18. – Москва
Грамота патріарха Іоакима Києво-Печерському монастирю на йменування згаданого ставропігіоном царським і патріаршеським московським та першою в Росії архімандрією

Іоакимъ, милостію Божіею, патріарх московскій и всея Россіи и всѣх сѣверных стран.

Идѣже Всетворца Бога и на что благоволеніе, тамо всѣх зрѣнных и незрѣнных дѣл и вещей утверженіе, яко все в том состоится: содержится гражданство, изрядство человѣков вождествуется, церковь святая Восточная в его крѣпости твердствует благокрасотнѣ, по писанію: Мой смысл и утверженіе, Моя крѣпость; ибо сіе всѣми умнословесники вѣруется, и при указы священных письм Ветхаго и Новаго Завѣта и Отец святых догматов кентримствует. Всевиновная убо мощь Бог присносущный, огорстевающій землю, во обращеніи времен всечинству в Своей власти положи предѣлы, да никто же оных прейдет, да еговых ничтоже от непщевательных малѣйших в тщету преиспаднет, да не постраждет кто продерзством бѣдне, или невѣжством в таковых, и яко в Богопредѣльных стран жительствѣ Богоправимая тишина, благочестивое царство и в церковнѣй полности Богостроимое священство, извѣстное Христоподражательство во единости ума тріипостасную Единицу Божества поют и напѣвают подсудственные народы к горѣноснаго вѣка всемогуществом маати блаженству. Сего ради в должном нашея мѣрности смотрѣ хощем повсюду древнему и по временам праведному, в лучшее строимому благоволеніем Господа Бога, законоположенію блюстися и крѣпоствовати, и с благоволенія пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичей и дѣдичей, и наслѣдников, и государей, и обладателей, их царскаго величества, ино строити ко благообразію в церковном свободствѣ властельствуем. И нынѣ наша мѣрность в Боговрученной нам власти и в жребиопредѣльней странѣ, во преславных их царскаго величества царствах и государствах искони благочестіем цвѣтущей, опредѣленіем же и утвержденіем соборным всей Восточныя церкве православных патріархов, Вселенскаго Костантинопольскаго, Александрійскаго, Антіохійскаго ж и Іерусалимскаго и многих сущих тамо архіереов, во древней их царскаго величества праводительской отчинѣ в Малой Россіи, в Кіевской епархіи, от града Кіева не далѣ двою поприщь, видяще еще из начала пріятія святыя благочестивыя Вѣры от Восточныя православныя церкве из Костантинополя во всей Россіи первый монастырь, во обитаніе монашествующих устроенный, в нем же неизчисленно постничеством Святых просіяша и приснопѣтыя Богоматере пренепорочныя Дѣвы Маріи чудесы оны обдарованный, и чудесно и Божій храм каменный во имени Успенія Ея создася; первіи же монаховодцы и жительства постническаго и общаго строители в россійской земли преподобніи отцы Антоній и Өеодосій тамо быша, в земли же ископаша сами пещеры, многотерпѣнно пребываху святіи монахи, яже доселѣ

мощьми святыми нетлѣнными и чудотворными исполнены от всѣх приходословесных душ суть зримы, и оная лавра издревле чудотворная Кіевопечерская зовется дѣйствительнѣ и поется во всей землѣ славнѣ, и днесь в пребываніи и постническом благоискуствѣ в монашескими стады богатится всегда, и мудрости навыкшіе люди тая святая обитель особно в себѣ имать и испущает в достоинства, еще же и типографскій книг святых в пользу Христіанскому народу имать труд, устроихом в той святѣй обители ставропигіон, си есть крестоводруженіе наше патріаршеское всероссійскаго престола и всѣх сѣверных стран; зане издревле той Кіевопечерскій монастырь царскій и патріархов святѣйшихѣ Костантинопольских Вселенских ставропигіон имѣет, и кромѣ царскаго величества и патріарша достоинства власти никто же в нем имяше. Со благоволеніем же пресвѣтлаго царскаго величества благочестивых монархов, великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и многих государств и царств и княженій и стран обладателей, яко первый россійскій монастырь Печерскій и архимандрія первая в чину церковнаго всероссійскаго нашего удобренія и в первой степени всѣх монастырей учинися ныне, и в россійских архимандритѣх первствует архимандрит Кіевопечерскій, со изволенія подражательно строимаго присовокупленія великих государей, их царскаго величества, подсудствует во всем нашей мѣрности, и обзорства всѣх монастыря того стяжаній, вещей священных движимых и недвижимых, по утвердительным и данным грамотам и привиліям нам належит, да крѣпоствуѣ в том отеческіе в присущей нам власти законы и чин церкве издревле лежащь да хранится. И отселѣ в будущая времяна оная святая чудотворная Кіевопечерская лавра да имянуется ставропигіон царскій и Патріаршескій московскій и архимандрія в Россіи первая, и степень архимандрит печерскій в соборѣх и священнослуженіи имать во архимандритѣх россійских первый; в лаврѣ же той Печерской никто власти, кромѣ нашея мѣрности благословенія и опредѣленія, архіерей и кіевскій митрополит и причет софійскій кіевскій, архимандриты же и игумены и всякаго чиноначалія люди да не имѣют и не управляют, и никто из монастыря никіих вещей к себѣ в присвоеніе да не вземлет, и что к монастырю тому кая стяжанія: грунты, земли, вотчины, сады, лѣсы, рыбныя ловли, луга, и сѣнные покосы, и всякія угодья суть по древним утвердительным и нынѣ данным грамотам никто да не владѣет и не похищает, но токмо со изволенія их, великих государей, их царскаго величества, и по нашея мѣрности архипастырскому благословенію, тую святую лавру управляет и все стяжаніе ея, вещи священныя, движимыя ж и недвижимыя назирает сущій печерскій архимандрит с соборною братіею, яко нынѣ сущій пречестный архимандрит Варлаам Ясинскій, тако и по нем будущіи архимандриты; а невозможныя их сужденію дѣла, в пользу же человѣческу строити ублагопотребствятся, изъявляти нам тыя. Над всѣми же сими и в первых в той святѣй обители всѣми обитающими вѣра православная каѳолическая и преданіе Отец Святых и чины Восточныя Церкве крѣпцѣ да хранятся и проповѣдаются, и тоя разумом или мудрством и книги в типографіи да издаются; служеніе же в своем монастырѣ и ношеніе одежд священных и монашеских архимандрит печерскій по обычаю древнему да имать. В будущая убо времяна в тую чудотворную лавру да избирается архимандрит по изволенію

великих государей, их царскаго величества, и по нашея мѣрности благословенію, по обычаю их древнему, соборнѣ, достоинство же степене и священіе да взимает от нас; без повелѣнія же великих государей, их царскаго величества, и нашея мѣрности, ради кіих-либо злоключимств, митрополит кіевскій и ин кто архіерей в тую степень и достоинство да не возводит; в церковном же пѣніи, в прошеніи молитвенном по нашея мѣрности имени да возносят и кіевскаго митрополита имя, кто будет, и молитствуют за него, яко за благодѣтеля, и почитають, яко архіерея тоя страны. Аще убо кіевскій митрополит в той Кіевопечерской лаврѣ никоего правленія, ради нашея ставропигіи, и не имать; но, по прошенію архимандрита и братіи тоя обители, кто из братіи удостоится к ним в монастырь, да посвящает во іеромонахи и діаконы невозбранно. Аще же кто от духовнаго чина, архіерей коея-либо страны и епархіи, или кіевскій митрополит, или архимандриты, игумены же и от мірскаго сана коего чиноначалія люди сему царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйших самодержавнѣйших наших великих государей и великія государыни, их царскаго величества, соизволительному сужденному постановленію и нашея мѣрности повелѣнію воспротивятся, и ту святую чудотворную лавру и причаствующіе к тому монастырю всякаго чина люди обижати чѣм либо кто будет, и древнее утвержденіе на свободство той обители святѣй ставропигійныя, се есть крестоводруженныя, граматы патріархов Вселенских, данныя за страшными клятвами, презирати и разоряти и отымати монастырскія всякія вещи, или силою управляти, и тому от всея святыя Восточныя Церкве православныя нѣсть благословенія, но клятва соборная; и аще от того не престанет, или похищеннаго монастырского в той монастырь не отдаст, не возымѣет и прощенія нигдѣ же, отеческой же и законнѣй клятвѣ церковію подпадет нерѣшимо вѣчно, ибо оная святая Кіевопечерская лавра многовременством в Патріаршем особом назираніи быть и ставропигію патріаршу имѣет всегда неподсудствующи иному началу, точію пресвѣтлѣйшим и державнѣйшим великим государям и великой государынѣ, их царскому величеству, и нашей мѣрности. Свидѣтельствуют бо самыя граматы на хартіи греческими письмены, за подписаніем рук святѣйших Вселенских патріархов, яже наша мѣрность таковой древній полог наипаче утверждат, да не обрящемся в достояніи нашем и подсудствіи, яко первопостническаго обитанія и монашескаго обученія первостройнаго в Россіи мѣста необзорни; ибо на таковое свободство Печерскому монастырю во первых грамота великаго князя всероссійскаго князя кіевскаго, нареченнаго во святом крещеніи Андрея Юрьевича, внука Владиміра Мономаха, дадеся от созданія міра 6667 лѣта, яже в книгах Константинопольскія великія церкве вписана ради крѣпости в будущая времена. Даде убо той князь в ту обитель стяжанія многая, яко в той граматѣ являет, в ней же писано сице: еже по соизволенію и благословенію господина нашего и общаго отца и пастыря патріарха Константинопольскаго кир Сильвестра, которой, по челобитью нашему, сію данину нашу на монастырь наш Печерскій в головныя книги патріархіи Константинопольскія на вѣчное и непорушимое воспоминаніе вписати повелѣл; еще же тамо и сіе писано: великая ж лавра пресвятыя Владычицы Богородицы и преподобных отец наших Антонія и Ѳеодосія Печерских, архимандрія всея Россіи, наречен по гречески ставропигіон, да не овладѣет тѣм монастырем Печерским и предѣлы Печерскими, се есть монастырями митрополит Кіевскій всея Россіи, яко тогда быша ниже от духовных

софійских, но да будет во оборонѣ нашей и изчадков наших в вѣчная времена, понеже в монастырь Печерскій принесе благословеніе от святыя горы святый преподобный отец наш Антоній Печерской, первоначальный игумен Печерскій от патріархіи, державы и епархіи его. Такожде о том изъяви пред преставленіем своим от сего суетнаго міра исходя в небесные кровы и жизнь вѣчную, святый преподобный отец наш Ѳеодосій Печерскій при великом князѣ Изяславлѣ, что есть на хартіяхь патерики и лѣтописцы наши русскіе, в них же написано с докладом пространным; и мы сами и по нас будущіе князи русскіе должни тако держати то старовѣчное узаконеніе монастыря Печерскаго и вся наданія, пошлины его, села, земли, воды, и все нареченное и данное от князей и племяни нашего бояр и всякаго человѣка на монастырь Печерскій в нынѣшняя времена даже до послѣдняго вѣка и родов впредь будущих, и имѣет тое мирно монастырь Печерскій держати вѣчно и непорушно, и в нем архимандрит с братіею своею, иноки, чернцы и больницы; и оный монастырь сам себѣ имѣет быти ставропигіон, токмо им владѣет архимандрит и старцы, оборона же от всѣх обид его мы, великіе князи русскіе кіевскіе, и по нас будущіе князи; митрополит же и всѣ епископы и весь клирос софійскій, к тому никакого дѣла, ниже власти имѣють, и мочи имѣти не может на вѣчная времена, по узаконенію патріаршему. Егда же поставит и совершит митрополит кіевскій архимандрита, или игумена, пресвитера, іеромонаха, архидіакона и діакона в монастырь Печерскій, если бы похотѣли архимандрит и братія, того ради поминати его во ектеніях, яко іерарха в монастырѣ Печерском, понеже есть далече от Костантина града и от патріарха тамо сущаго; а больше никакія власти над монастырем Печерским и предѣлы его архимандріи Печерской и над архимандритом митрополит да не имѣет, и имѣти не может, и никто от мірских князей, бояр и властей русских и всякаго чина, паче же сего писанія грамматы хартіи нашей не имѣет быти инако и на се ниже воззрѣти кому, хотя из рода нашего, никако, ниже нарушити сей данины и утвержденія нашего вѣчнаго во вѣки никогда же. Кто паки учнет вступатися и нарушати сію данину и писаніе наше, судія ему Бог, и разсудится со мною пред милостивым Богом Вседержителем, в Троицѣ славимым, на страшнѣм и нелицемѣрнѣм судѣ, и буди на нем клятва Святых Апостол и Святых Отец триста осми надесять, иже в Никеи, и всѣх Святых соборов Вселенских в сій вѣк и в будущій, аминь. Такожде в том монастырѣ Печерском ставропигію Константинопольскій Вселенскій патріарх Максим, утверждая и от клира Софійскаго Кіевскаго обороняя, даде граммату за приписаніем руки своея в лѣто мірозданія 6989 іюня 14, индиктіона 14 ж, и в той грамотѣ сице пишет: яко монастырь Печерскій с предѣлы своими из вѣков был сам себѣ ставропигія от великих князей русских и святых патріарх Костантинопольских Новаго Рима, святыя католическія восточныя Церкве Христовы, Святых Апостол и Святых Отец; обрѣтохом же сіе и в книгах старых патріаршеских, и ту ставропигію монастырю Печерскому с предѣлы его утверждаем и укрѣпляем на вѣчная времяна, против листа и хартіи письма грамматнаго от великого князя русского Андрея, в монастырь Печерскій даннаго, и в книги наши патріаршескія вписаннаго, и на иная наданія, грады, дворы, села, поля и мельницы, в той монастырь наданныя, и от иных великих князей русских и литовских, и в той монастырь Печерскій ничѣмь не вступатися митрополитом кіевским, ниже духовным Софійским никаким дѣлом вѣчно и никому иному; а кто учнет вступатися и пакостити,

митрополит, или иной кто, да будет на нем от нас клятва в сій вѣк и в будущій, анаѳема и маран-аѳа Святых Апостолов и Святых Отец седьми соборов. Егда же похощет архимандрит и старцы, братія печерская, да совершает в монастырь Печерскій митрополит кіевскій архимандрита и игумена, пресвитера и діакона ко святѣй литургіи; а больше того никакія власти да не имѣет над тѣм монастырем Печерским и предѣлы его; а знати им, архимандритом Печерским и старцом, братіи, наше патріарше благословеніе. По сем в лѣто 7100 Вселенскій Константинопольскій Іеремія патріарх, на утвержденіе в Кіевопечерской лаврѣ патріаршія ставропигіи, даде граммату за приписаніем руки своея и печатію, именова же оную обитель царская и патріарша, и с велим завѣщаніем и клятвою повелѣ древнее уставленіе содержати; пишется бо тамо: да будет преждереченное царское и патріаршеское ставропигіе, си есть пречестный и Божественный храм Успенія Богородицы, рекомый монастырь Печерскій, вовсе вольный и ненарушимый со всѣми, иже ему подданныя вотчины, и преждереченную граммату великаго князя Андрея утверждает же и ниже рече: по времяни сущій митрополит кіевскій особливо весьма имѣет власть докучати той обители, или что просити оттуда и до пѣнязя, или к своему судилищу привлещи их, и в тая лѣта в Россіи еще патріарша престола не бѣ, токмо митрополит всероссійскій, и несогласіем церкве и ради польскаго начала россійская митрополія раздѣлися, и в Кіевѣ другій быти нача митрополит неправильно в та времена. Аще кто ни есть, всякаго чина люди, духовные и мірскіе, каким ни буди образом восхощет нарушити и отметати писанная даже и до послѣднѣйших, таковый, священный и мірскій, да имѣеть самую Богородицу противоборящую в неосудимом судилищи, и проклятый, и гнѣв Святых Отец иже от вѣка благоугодивших Богу, и яко непослушный и гордый и честныя сея обители Успенія Богородицы враг, проклятію неразрѣшенному вѣчному подложен будет. Таже Рафаил, святѣшій Вселенскій патріарх в лѣто 7111, мѣсяца маія, индикта 1, соборнѣ со многими тогда присудствующими ему архіереи православными Восточныя Церкве в тую чудотворную Кіевопечерскую лавру даде граммату на хартіи за подписаніем руки и печати своея, в ней же и сице писано: убо предсѣдящу смиренію нашему, сосѣдящим нам и священнѣйшим митрополитом и пречестным и Боголюбезным епископом и честнѣйшим клириком, усудихом соборным судом, подахом же печерскому архимандриту и иным отцем настоящую извѣстную граммату, утверждающую, и вѣстнѣ творящую прежденаписанныя грамоты в кодикѣ златопечатанныя книги Вселенскаго патріарха кир Іереміи и великих князей Владиміра и Андрея кіевских, и дахом убо таковую власть: Печерскій монастырь еже быти и глаголатися ставропигіон патріаршескій во безконечные вѣки, и да не имать власти еже судити его ни митрополит кіевскій, иже по времянам бываемый, ниже клирицы его, ни начальник, ни начальстуемый, но да имать власть архимандрит со своим собором; сей убо монастырь самовладычен и самогосподствен есть. Аще ли кто противен явится старым грамотам, яже прежде мене бывших патріархов, или нашего смиренія грамотѣ, яже соборным судом бысть, и восхощет превращати чин и обычай их, любо митрополит был бы, любо епископ, или іерей, или начальник, или начальствуемый, от иже послѣжде бывающих архіереев, убо и іереев, имѣем низложенных и обнажаем всякаго архіерейскаго и іерейскаго чина и под анаѳемою повинных; мірских же, любо малых, любо великих имѣем их отлученных

и непрощенных от Отца и Сына и Святаго Духа и по смерти неразрѣшенных, и часть их со Іудою предателем. По нем святѣйшій Матөей и Тимоөей, патріархи Вселенскіе, ону ставропигію грамотами во временѣх бытности своея утверждаху; но и святѣйшій Өеофан, патріархь святаго града Іерусалима и всея Палестины, в лѣто 7128, от Воплощенія же Христова 1620, мѣсяца маія 15 дня, по возвращеніи из великія Россіи, из царствующаго града Москвы, быв в Кіевѣ в Печерской святѣй лаврѣ и укрѣпляя ставропигію патріаршу, даде свою грамоту за рукою и печатію своею, в ней же пишется и сице: видяще и слышаще подвиг добродѣтельный в сей святѣй обители Пречистыя Богородицы, яже есть киновія преподобных отец Антонія и Өеодосія, начальнѣйшая и первая архимандрія всея Россіи, от созданія ея ставропигія патріаршеская, яко в поправленіях церковных внѣшних сгрожденіем и обновленіем их во обители святѣй и в предѣлѣх обительных, сице исправленіем житія иноческаго, еще же к сему и в поновленіи должных порядков общаго житія, елико мощно и елико сила, попеченіе и подвиг, еже работати Господеви, благохвально же к тому и в типографском дѣлѣ разъясніе в общую пользу всѣх Христіан Слова Божія изданіем книг, сія вся и иная начинанія и дѣянія, яже суть ко спасенію, преподобнаго архимандрита Елисея Плетенецкаго с братіею, еже о Христѣ благословихом его, и благословляем; свѣтлѣйшую же обитель Пречистыя Богородицы великую архимандрію Печерскую, ставропигію патріаршескую, сим писаніем смиренія нашего свидѣтельствуем и быти утверждаем: она же от митрополитов кіевских и клириков софійских свободна да будет, по древнему обычаю и уставу преподобных отец. В лѣто же от Воплощенія Сына Божія 1649, мѣсяца іулія 23 дня, Іерусалимскій же святѣйшій Паисій патріарх, в бытности своей в Кіевопечерском монастырѣ, патріаршескую ставропигію такожде грамматою своею утверди за подписаніем руки и приложеніем печати своея, и прежнія ставропигійныя грамоты Вселенских Константинопольских святѣйших патріархов, к сему и бывшаго святѣйшаго Өеофана, Іерусалимскаго патріарха, граммату свидѣтельствовав подтверди тако быти и не подсудствовати иным престолом, кромѣ патріаршескаго престола; дерзающіе же утвержденная зыбати и развращати, анаөемѣ предаде и по смерти неразрѣшенно осуди. Убо на тую жде Печерскаго монастыря ставропигію Константинопольскій и Вселенскій Парөеній патріарх, от Спасительнаго Воплощенія Бога Слова 1657 лѣта, месяца іаннуарія, даде свою граммату: да пребывает оная обитель ставропигіею патріаршею в вѣчное время, и ни от кого да не обидится со всѣми стяжаньми ея и в патріаршеском назираніи (яко издревле патріаршескую получи ставропигіи почесть) да пребудет. И тую грамоту, в царствующем градѣ Москвѣ с греческаго языка преведенную на словенскій, в крѣпость подписаша в бытности своей святѣйшіе патріархи александрійскій Паисій, антіохійскій Макарій их діалектом и писмены рук своих, таяжде вся писанная в грамматѣ утверждающе быти неподвижна и непреложна. Тыяжде всѣ вышеписанныя грамматы в лѣто от Рождества Сына Божія 1659, святѣйшій Іоанникій, Вселенскій патріах, со многими в Константинополѣ присущими архіереи свидѣтельствовав, даде утвердительную же грамоту за рукою и печатью своею и приписаніем рук архіерейских: яко да будет ставропигія патріаршеская в Кіевопечерском монастырѣ неподвижно и належащая стяжанія монастырская по древнему утвержденію крѣпка и от всякаго чина ненавѣтованна; противящаяся же таковому предѣлоположенію всякаго

чина клятвѣ предает. И оныя вышеименованныя в Кіевопечерскій монастырь древнія данныя жалованныя и благословенныя грамоты, сущія великаго князя Андрея Георгіевича всея Россіи, також и святѣйших Вселенских патріархов Константинопольских, нынѣ ж высокопремудрым иждивеніем и обновленіем к удобному удобренію пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей и великія государыни, их царскаго величества, счастливо государствующих, свѣтло изъясненное и крѣпко утвержденное, и из-под благословенія Вселенскаго Константинопольскаго патріарха отпустительными его патріаршескими благословенными грамотами под правленіе и власть нашея мѣрности непоколебимое обращеніе, и таковая твержденія, той святѣй чудотворной лаврѣ дарствуемая, созерцавше, укрѣпляем и утверждаем в будущая времена быти в нашем назираніи, токмо от всѣх же архіерейских и іерейских начальств свободну вѣчно, а противляющіися тому и презорство нашея мѣрности патріаршу достоинству творящіи, по писанному предварших положеній, подъимут томленіе злополучества. Понеже когда, по воли Божіи, оная древняя прародительская великих государей наших, их царскаго величества отчина, Богоспасаемый град Кіев и вся Малая Россія, из-под державы предков их, царскаго величества, великих государей царей и великих князей россійских быв нѣколикое время во отлученіи, откуду было вѣрѣ православной гоненіе и тамо живущим народом к уніѣ принужденіе, но изволеніем и благостію того ж вся исправляющаго и дѣйствующаго, в Троицѣ Святѣй славимаго Бога, и предстательством пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присnодѣвы Маріи, и молитвами преподобных отец Антонія и Өеодосія Кіевопечерских, паки учинишася при отцѣ их великих государей, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, при великом государѣ, царѣ и великом князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцѣ, и многих государств и земель восточных, и западнѣх, и сѣверных отчичѣ и дѣдичѣ, и наслѣдникѣ, и государѣ, и обладателѣ, в его царскаго величества державѣ, и тѣм святая церковь и весь православный, тамо живущій народ от гоненія и утѣсненія учинишася свободны, и пребывают до днесь и впредь, по благодати Божіи, пребывати будут во обзорствѣ подражательно, свыше того силою утвержденном, под их же царскаго величества самодержавною рукою в подданствѣ и в православной Христіанской греческаго закона вѣрѣ и нашей мерности под благословеніем, невредно. В ней же помянутой Малой Россіи всюду и во всей Кіевской митрополіи духовная паства, изволеніем их, великих государей, их царскаго величества, сужденіем же Константинопольскаго Вселенскаго Діонисія патріарха со многими архіереи соборнѣ, нашея мѣрности патріаршу всероссійскому престолу и всѣх сѣверных стран нынѣ опредѣлися; ибо и прежде сего, егда святѣйшій патріаршескій престол в Россіи, благоволеніем всетворныя вины Бога преблагаго, устроися: и тогда Всероссійскому престолу и сѣверных стран во всей Россіи, соборным же в Константинополіи судом всѣх восточныя церкви патріархов и архіереов, вся архіерейскіе престолы подчинишася, яко о том явствует Хрисовул Грекописмен за руками и печатьми. И то соборное дѣяніе, бывшее в прешедшем 7195 лѣтѣ, и грамматы за подписаніем рук своих утвердивше, Вселенскій Діонисій патріарх воспиcа о том грамматы ко Благочестивѣйшим великим государем царем и великим князьям Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи

самодержцем, к их царскому величеству, притом же и нашей мѣрности прислашася, яко нам сія свойственна и ближае во обзорство страна та и славено-россійскаго діалекта единственна; в державѣ ж их царскаго пресвѣтлаго величества благочестиваго самодержавства мати градов Богоспасаемый Кіев и Христіанскаго народа полность обрѣтается, и яко оная духовная власть всея митрополіи Кіевскія нам подчинися Восточныя Церкве синодом того 7195 лѣта, и опредѣлена бысть и пребывает тако вѣчными времены. При сем благословляем кіевопечерскаго архимандрита с братіею, тамо нынѣ живущіе и впредь будущіе архимандриты и братію, да обитают во святѣй обители благочинно во всяком воздержаніи и благовѣріи, и монашеское обученіе и послушаніе во отеческих пологах да хранят нелѣностнѣ без роптанія, и совѣтуют о управленіи всяких дѣлотворств соборнѣ, на что по обыкновенію и сбираются во обителѣх старцев соборных 12, или колико требовательно, и в молчаніи, якоже подобает монахом, да пребывают благозаконнѣ; по благословенію ж нашея мѣрности, архимандрита, якоже нынѣ сущаго, тако и впредь будущіе вси обитающіи тамо братія да почитают, яко отца им и наставника, и во всем его да слушают, и, яко пекущемуся о спасеніи душ их, да покаряются, к сему и всякаго чина люди ему должную честь да воздают: он же архимандрит, по благодати Господни, яко муж избранный и мудрый и душ многих ко Богу руководствити поставлен, всѣм образ благих дѣл в себѣ да являет и да научает люди Божіе нелѣностнѣ и в доброподвигствѣ Всетворца Бога славити присно, к нему же маает всеумное естество непрестанно; сего убо ради от Господа Бога Христосовершенныя мѣры возраста достигше, вси пріимут неувядающія славы жизненный вѣнец и горняго присноралостнаго блаженства сподобятся вѣчно со всѣми святыми, и нашея мѣрности благословеніе всегда с ними да будет. Сих ради вышеписанных во утвержденіе нашея мѣрности ставропигіи дадеся сія наша патріарша граммата нынѣшнему архимандриту Варлааму Ясинскому со всею братіею, и по нем будущим архимандритом и начальствующим и живущим всѣм в Печерской чудотворной лаврѣ; надписася же златописмены нашея десницы и припечатствовася печатію нашею [245].

№ 246

1690, березня 21. – Київ
Тестамент останньої волі блаженної пам'яті преосвященного митрополита київського, галицького і всієї Малої Росії Гедеона Святополка

Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Вѣдаючи за щоденного досвѣдченья и видячи явне, же яко всякая от сотворенных рѣчей приходит от бытія в небытіе и берет конец свой ведлуг волѣ всяческих Творца, так и наизацнѣйшее створенье Бозкое чл[...] якого ж – колвек стану и кондиции ничого певнѣйшого не мает над конец житія[...] бы и наидолшого. Единый тылко час смерти сокровен есть в скарбницѣ вол[...] и судеб того, который создал человѣка по образу и по подобію своему. Прето я грѣшный Гедеон

[245] Полное собрание законов Российской империи с 1647 г. – СПб., 1830. – Т. II. – С. 921–929.

Святополк, князь Четвертенскій, милостію Божіею архіепископ – митрополит кіевскій, галицкій, и всея Малыя Россіи, епископ луцкій и острозкій православный, знаючи себе должным быти натурѣ людзкой смертельной, иле будучи немощію тѣлесною от Господа Бога Творца моего навѣженный от немалого часу, человѣк з ласки его ж Бозкой на розумѣ и смыслах не чуючи в себѣ шванку, абы мя неготового смерть не примусила прирожоного платит долгу, таковое за доброй памяти чиню остатной волѣ моей сим тестаментом приготованье.

Наперед всесильному Творцу моему живыми и мертвыми обладающему Богу в нераздѣльной Троици единому, яко наисмиреннѣйшее отдаю благодареніе, иж мнѣ благоволил родитися и выховатися в вѣрѣ святой православной католической восточной греческого благочестія, так и в станѣ архіерейском, который чрез килка десять лѣт з многим трудом и коштом в уставичных напастех и преслѣдованьях на себѣ носилем, без нарушеня православной вѣры и восточного благочестія, от которого многіе чести ради и марностей свѣ[...] за погоршенем многих отпали, мене до конца живота моего сохранил.

По Бозѣ же царствующих, царѣ вѣков, единном безсмертном, благодарствую пресвѣтлѣйшим и державнѣйшим православным монархом, великим государемя царем нашим и великим князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и многих государств и земель самодержцем, за премногую милость мнѣ, убогому архіерееви ни в чом не заслужоному явленную, иж не тылко мя странного в державу свою милостивно приняли и скорбь мою утѣшили, але и на высочайшый сей степень православной митрополіи Кіевской поднесли, Церковь мнѣ катедральную Кіевскую и епархію всю до ней належачую малороссійскую вручити изволили; за что не могу достойного воздати благодаренія, тылко будучи до остатнего пункту живота моего их царского пресвѣтлого величества зычливым богомольцем, вѣрным подданым и наинижшим слугою. Тым же из сего свѣта [...] и их же царского пресвѣтлого величества милостивому призрѣнію, заступленію, попеченію катедру мою митрополитанскую з доземным моим поклоненіем зоставляю, поручаю и отдаю.

Великих государей наших, их царского пресвѣтлого величества Войск Запорожских обѣих сторон Днѣпра гетману, ясневельможному его милости пану Іоанну Мазепѣ и всему православному Воинству Запорозкому, моим велце милостивым благодѣтелем, яко возлюбленным о Святом Дусѣ сыном, при подякованю за многія их благодѣянія за послѣднім цѣлованіем благословеніе Божіе и мое пастырское оставляю. А яко былем зреливым богомольцем их милостей по вся дни живота моего, так тым же и на вѣчность отходячи, катедру мою митрополитанскую по Бозѣ и Богородици и по пресвѣтлѣйших православных монархах в защищеніе их милостям полѣцаю, а за ш[...] в руцѣ Господа Бога моего дух мой отдаючи, молю, да тѣло мое грѣшное землѣ, от нея же бысть взято, будет отдано и погребено тут в моей Катедральной церкви святой Софіи в каплицѣ великого князя кіевского Ярослава на лѣвой сторонѣ под стѣною каплици Благовѣщенія пресвятыя Богородици без всякой помпы свѣтовой и без жадной от волоки; на яковый погреб тѣла моего грѣшного назначаю золотых триста. Аже от першого вступеня моего на катедру митрополіи кіевской и повинность пастырская и самое мое усердіе до того мя побужало, абы за паствы моей церковь катедральная митрополитанская святой Софіи долготою вѣка и небытіем пастыря

власного опалая, могла як – колвек пріити до направы и оздобя, теды помощію всесильного Бога, иле змоглем при уставичной праве немощи моей старалемся оправляти, не жалуючи на тое кошту. Аже бы и далѣ по животѣ моем тот храм Божый святой Софіи в позосталых руинах своих оправляю, зоставую на тое кошт мой власный, двадцять тысячій золотых польских. Сребро мое власное до церкви Божей споражепое и покоевое до катедри митрополитанской святой Софіи все легую, з которого вылучити конов злоцѣстую Автпурской роботы в килка десять гривен, и пуздро з сосудами столовыми сребрными по краях злоцѣстыми, данное мнѣ от пресвѣтлѣйших православных монархов, и к тому приложити сребро в зливках на паникадило готованых, в кождых гривен четыридесять чтыри; и так з того всего здѣлати паникадило сребрное до церкве святой Софіи в олтарь великій и завѣсити над престолом пред иконою пресвятыя Богородицы, мусіею саженою, назначаю и пастырско приказую. Коберци всѣ и обишя рожнее блавашные, и аппараша церковные всѣ мои власные тут же при церкве катедральной святой Софіи мают зоставати. Мѣдь и ціна моя власная так в монастырѣ катедральном, яко и на фолварках зостаючая мает быти при той же катедрѣ Святософійской. Конѣ всѣ, опрочь цугу моего митрополитанского, который сукцессоровѣ моему з кароцою як до поѣзду належит, а при том мантію мою табиновую новую, и зегаров столовых спецѣальных два отписую. При конях зась и все быдло мое по всѣх фолварках же будучее мает зоставати при той же катедрѣ митрополитанской кіевской. В тую ж церковь Святософійскую отказую на чудотворный образ Купятицкій пресвятыя Богородици завѣсити португал от 10, червоных золотых важачій, и иншіе замикаючіе в себѣ по три[...]ных, там же, як много их будет, завѣсити и меновите четыре. Ах [...] нталь червоный золотый великій, в котором сто червонных по шесть золотых, на образ чудотворный Святителя Христова Николая Мокрого в той же церквѣ святой Софіи на хорах в каплици знайдуючійся, легую. На молитвы за душу мою до монастырей кіевских больших, мужеского полу осьми: до катедры митрополичи, до лавры Печерской, до монастыря Михайловского, до Никольского, до Кирильского, до Выдубицкого, до Братского, до Межигорского, отписую на сорокоусты цѣлорочные по золотых двѣстѣ; на Печеры святые обѣдвѣ золотых двѣстѣ; до монастыря Троицкого Болницкого в Печерском золотых сто; до монастырей дѣвичих Кіевских четырех: Печерского, Михайловского, Флоровского, Іорданского по золотых сто; до монастыря Скитского на покутю золотых двѣстѣ; до монастырей Заднѣпровских по золотых сто, именно до тых: до Батуринского, Густинского, Мгарского, Полтавского, Скелского, Гадяцкого, Нѣжинского, Переславского, Козелецкого, Нивского, Умбышского. До церквей свѣтских в Кіевѣ нижнем десяти: до Успенія пресвятыя Богородици, до Святого Николы Притиского, до Доброго, до Наберезского, до Святого Василія, до Святых Бориса и Глѣба, до Рождества Христова, до Спаса, до Воскресенія, до Святого Духа; в городѣ зась вышнем Кіевском до трех церквей, до Десятинной, до Святой Троици, до Святого Георгія, а в мѣстечку Печерском до чотырох, до Спаса, до Воскресенія, до Преподобного Феодосія и до Святых Пятниц, по золотых пятьдесят на кождую золотых выличеных церквей. На убогих тысяча золотых, з которых на шпиталь Святософійскій золотых тридцать; а на иншіе всѣ шпиталѣ кіевскіе и печерскіе и при иных кіевских монастырех будучіе по золотых двадцать на кождый; на тых

засъ убогих, що в хатках особных по единому живут в калѣцствѣ, дати кождому з них по золо тому.

Щося[...]клиру моего, так роспоряжаю особ мнѣ наслугуючих. Боголюбивому [...] епископу Хризанфу золотых триста и мантію архіерейскую адамашковую повседневную. Велебному Варлааму Страховскому, намѣстнику моему Святософійскому, золотых триста и полрясок фалендишовый лисѣй.

Велебному отцу Ефрему капеллановѣ моему, золотых триста и сутану фалендишовую новую, и футро попеличее з подрясы.

Архидіаконови моему Пахомію Прокоповичу золотых триста. Отцу Леонтію Ледницкому золотых сто. Велебному отцу Подгаецкому золотых сто.

Честной старицѣ сродницѣ моей инокинѣ паннѣ Серафимѣ Армолинской золотых пять сот. Ксенженцю Юрю Четвертенскому, сыновцеви моему, такъже золотых пять сот. Ксенженцю Стефану Четвертенскому, брату моему стрыечному, обѣщавшемуся быти иноком, золотых тысяча, и з постѣлки моей матеряц шкарлатный отдати; другую засъ постѣлку мою велебному отцу Ефрему отказую. Сукон три, една луданова чорными песками подшитая, другая шубка чорных лисов московских горлами подшитая; третяя сутанна терцинолмовая на благословеніе з любовѣ своей отческой архипастырской намѣнил диктуючій добродѣй пишучему сей тестамент мнѣ недостойному архимандриту печерскому Варлааму: але я зычю, да подаст Господь Бог самому здоровому добродѣеви, архипастыревѣ моему, еще того заживати и дякую наипокорнѣй за так милостивую ласку. З позосталых коней, окром цуговых кароцяных, сукцессоровѣ отписаных, коня доброго и золотых сто Ковалскому, слузѣ моему келейному назначаю. Иншой теж челяди моей, чтобы кому слушным документом довелося быти винно, ведлуг постановленя абы нагорожено.

Справы луцкіе мают зоставати до слушного часу в схованю церковном при катедрѣ митрополитанской, жебы сукцессор за часом обачивши, если епископ луцкій будет истинно православный и православному митрополиту кіевскому послушный, уважил привернути, як теж и инших монастырей справы, если бы ся тут же знайшли.

Инших долгов, хвала Господу Богу, не виненем никому, але рачей мнѣ пан Максим Печерскій за спиж должен грошый полтрети тысячи золотых полских; а так за угар шести каменый и за келих церковный сребрный злоцѣстый з дискосом, звѣздою и ложицею, шацуючи гривну сребра по талярій дванадцать, и за иншые потребы, що реестр его и тутешный укажет, вытрутить собѣ золотых пять сот ведлуг слушного порахунку; а за двѣ тысячи золотых мает дати до святой Софіи бѣлого желѣза шацуючи фасу по талярей двадцать, як ся записал. Также два купци, един з Степаня взял у мене золотых сем сот, а другій тутешній Сергій взял золотых триста, що мают отдати до святой Софіи также бѣлым желѣзом, шацуючи фасу по талярей двадцать.

И таковый теды остатней волѣ моей тестамент доброволный спорядивый, их царско пресвѣтлого величества Войск Запорозких обоих Днѣпра сторон гетмана, ясневелможного его милости пана Іоанна Мазепу и всего православного Воинства Запорозкого зоставшуючи мир всѣм и благословеніе мое пастырское послѣднее, Божіяго же некончаемого зычачи, велце прошу, абы на убогую тую катедру митрополитанскую ласкавыми были, и не допущали жадных кривд оной чинити.

Того ж ясневелможного его милости пана гетмана Войск их царского пресвѣтлого величества Запорозких усердно желаю и прошу, абы теж и екзекутором сего тестаменту остатней волѣ моей рачил быти першим, а другим той же писучій сіе архимандрит печерскій, третим превелебный в Богу Отец Силвестр Головчич игумен михайловскій кіевскій, которому на благословеніе и тестамент самого наивышшаго архіерея Христа животодавца книгу Нового Завѣта в оправѣ аксамитной з сребрными нарожниками и пуплями, также и книгу Житій Святых на три мѣсяци недавно выданую в зеленой оправѣ специальной легую; четвертым екзекутором абы был велебный отец Варлаам Страховскій, намѣстник Святософійскій; пятым зась велебный отец Ефрем капеллян мой, который яко досвѣдчоный в вѣрном храненіи сокровища церковного еще в катедрѣ луцкой, абы и тут в катедрѣ митрополитанской не оставлял таковогож храненія скарбцу церкве Святой Софіи без жадного препятія и без жадной своей вымовки, пилно его желаю, и под неблагословеніем обовязую. Що все для лѣпшой певности рукою моею власною подписую при печати катедральной митрополитанской, и превелебных в Богу Отцев консисторов, абы ся подписали, пастырско жадаю. Дѣялося в катедрѣ митрополитанской Кіевской Святософійской року 1690, мѣсяца марта дня 21. Смиренный Гедеон митрополит Кіевскій.

З ставропигіи патріаршей ужитый недостойный архимандрит печерскій Варлаам.

За благословеніем устным пастырским подписую Силвестер Головчич, игумен михайловскій.

Іеромонах Варлаам, намѣстник святософійскій.

Іеромонах Ефрем, духовник пастырскій [246].

№ 247

1690, червня 1–2. – Київ
Соборний запис обрання архімандрита києвопечерського Варлаама Ясинського митрополитом київським

По всемилостивому указу, Божією милостію царствующих пресвѣтлѣйших государей царей и превеликих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев и иных многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичев и дѣдичев, и наслѣдников, государей, царей и обладателей, их царского пресвѣтлого величества, за молитвенным челобитьем их царского пресвѣтлого величества Войск Запорожских обѣих сторон Днѣпра гетмана ясневельможного его милости господина Ивана Мазепы, такожде его вельможности всей старшины генеральной войсковой, данному и в отчину их царского пресвѣтлого величества град Кіев в нынѣшнем году в маіѣ мѣсяцѣ присланному, мы на подписях нижеменованные к элекціи митрополитанской належащіи обоего чину, духовного и мірского, в отчину их царского пресвѣтлого величества град Кіев собрались, дабы есмы по старожитным вольностям и обыкновеніям церкви малороссійской вольными голосами и добровольным

[246] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 114–120.

приговором всенароднѣ вмѣсто преставльшагося преосвященного митрополита кіевского, галицкого и Малыя Россіи, князя Гедеона Святополка Четвертенского, избрали на митрополію Кіевскую мужа нрава и житьем благоговѣйного, в мудрости добре обученного, в догматех вѣры и правилах церковных искусного, царствующему скипетру наияснѣйших монархов нашихъ пріятного, в Кіевѣ в престольную церковь митрополіи Кіевской сошедшеся году и дня нижепомянутого, в первых сотворили Богу в Троицѣ Святой славимому Отцу и Сыну и Святому Духу молебное пѣніе о здравіи и о благополучном царствованіи их царского пресвѣтлого величества, наяснѣйших монархов наших, купно и поспѣшеніи благонамѣренія совершающе: по молебном пѣніи единогласными усты и сердцы при челобитьѣ доземном достойное благодареніе сотворили их царскому пресвѣтлому величеству, наяснѣйшим монархом нашим, за превеликую их монаршескую милость, как нас, жителей малороссійских, недостойных богомольцов и вѣрных своих подданных чину рыцарского Войско Запорожское при древних своих вольностях и обыкновеніях церковных их царское пресвѣтлое величество сохраняет. По сицевых предисловіях с четырех кандидатов, ясне в Бозѣ преосвященного его милости господина отца архіепископа черниговского и новгородского Лазаря Барановича единого, трех высоко в Бозѣ пречестных их милостей господинов отцов архимандритов, кіевопечерского Варлаама Ясинского, черниговского елецкого Феодосія Углицкого, новгородского всемилостивого Спаса Михаила Лежайского, едиными усты и единолюбящими сердцы мужа толикого сана достойного, дабы был митрополитом кіевским, галицким и Малыя Россіи, святыя чудотворныя лавры Печерскія Кіевскія архимандрита высоко в Бозѣ пречестнаго, его милость господина отца Варлаама Ясинскаго избрали; и имѣет яснѣ в Бозѣ пречестный, его милость господин отец новообранный митрополит наш по указу наияснѣйших монархов наших, их царского пресвѣтлого величества, в царствующем градѣ Москвѣ в сан архіерейскій произведен и совершен быти. Из царствующаго града совершенный архіерей благоволеніем Божіим их царского пресвѣтлого величества на престол Кіевскій возвратився, волен будет тот же ясне в Бозѣ пречестный господин отец митрополит наш всею епархіею митрополіи Кіевской так владѣти, как писано будет в грамматах их царского пресвѣтлого величества наияснѣйших монархов наших, также того архіерея, который благоволеніем Божіим и их царского пресвѣтлого величества сядет на святительском престолѣ патріаршества московского. Элекція та совершилась при бытіи ясне в Бозѣ преосвященного его милости господина отца архіепископа черниговского и пречестных в Бозѣ их милостях господинах отцах архимандритах вышепомянутых, также при бытіи от боку регментарского их царского пресвѣтлого величества Войск Запорожских обѣих сторон Днѣпра гетмана ясневельможного его милости господина гетмана Іоанна Мазепы, присланных их милостей господ генеральных, Василья Дунина Борковского обозного, Михаила Вояхевича судьи, Василья Кочюбея писаря, их милостей господ полковников, здѣ из подписи именованных и при бытіи многих и иных станов духовного и мірского здѣ на подписях именованных и неименованных, для лучшей вѣры и подлинности впред будущим вѣком на сем добровольном элекційном листу при печати престольной Святософійской, имена своими руками прямыми подписывают. Здѣ именованное дѣялось в церкви престольной Святософійской по Вознесеніи Господнем 1690 году, перваго и втораго дня іюня.

Лазарь Баранович, смиренный архіепископ черниговскій, новгородскій рукою власною.

Феодосій Углицкій, архимандрит елецкій черниговскій.

Селивестр Головчич, игумен монастыря Злотоверховскаго Михайловского, Кіевского.

Феодосій Васковскій, игумен межигорскій.

Іоасаф Кроковскій, монастыря Святоникольского Пустынного Кіевского игумен.

Кіевского Кириловского монастыря игумен Иннокентій, монастырскій маршалок той элекціи.

Пахомій Подлушскій, игумен монастыря Кіевского Выдубицкого.

Силуян Озерскій, префект школ братских кіевских и философіи учитель.

Авксентій Якимович, игумен густинскій.

Ипатій Горбачевскій, игумен мгарскій.

Іероним Дубина, игумен терехтемировскій и переяславскій.

Лука Семенович, протопоп полтавскій.

Андрей Борзаковскій, протопоп гадяцкій.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского обозный генеральный Василей Дунин Борковской.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского генеральный судья Михайло Вуяхѣевич.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского генеральный писарь Василій Кочюбей.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковник кіевскій Григорій Карпов.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского Степан Петрович Забѣла, полковник нѣжинскій.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского Михайло Буруховвич, полковник гадяцкій.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского Данила Апостол, полковник миргородскій [247].

№ 248

1690, серпень–вересень. – с. Преображенське
Царський прийом новообраного київського митрополита Варлаама Ясинського з духовним почтом

Было по сему в селѣ Преображенском:

198 (1690) августа в 6 день великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали быть у себя великих государей на дворѣ на пріѣздѣ Кіевопечерского монастыря архимандриту, а на кіевской митрополитанской престол новообранному митрополиту Варлааму Ясинскому; да Кіевской митрополіи Межигорского

[247] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 121–124.

монастыря игумену Феодосію, Николаевского Пустынного монастыря игумену Іоасафу, Троицкого Больничного монастыря игумену Іезекіилю с братіею.

А как они войдут к великим государем в хоромы, и думной дьяк явит их великим государем челом ударить, а говорить: пресвѣтлѣйшие и державнѣйшие великіе государи, цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели! Вашего царского величества богомолец Кіевопечерскіе лавры архимандрит новообранный кіевскій митрополит Варлаам Ясинскій вам, великим государем, челом бьет.

Да вам же, великим государем, вашему царскому величеству, Кіевской митрополіи духовныя особы, Межигорского монастыря игумен Феодосій, Николаевского Пустынного монастыря игумен Іоасаф, Троицкого Больничного монастыря игумен Іезекіил с братіею челом ударили.

А по том новообранной митрополит говорит великим государем рѣчь.

А изговоря рѣчь, подаст великим государем святыню.

Явит тое святыню думной дьяк, а молвит:

Великіе государи! Кіевопечерскія лавры архимандрит новообранной кіевской митрополит привез к вам, великим государем, святыню: к великому государю царю и великому князю Іоанну Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, образ Всемилостивого Спаса в окладѣ; тебѣ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, образ пресвятыя Богородицы Одигитрія в окладѣ ж.

А послѣ того подаст архимандрит гетманской лист, и тот лист примет думной дьяк, и пожалуют великіе государи митрополита к своей царского величества рукѣ.

Думной дьяк говорит: новонареченный Варлаам митрополит с братіею! Великіе государи, их царское величество, жалуют вас к своей царского величества рукѣ.

Укажут великіе государи спросить митрополита о спасеніи.

И думной дьяк молвит: новообранный митрополит Варлаам Ясинскій! Великіе государи, их царское величество, жалуют тебя, спрашивают о своем спасеніи.

И митрополит на государском жалованьи челом бьет.

А послѣ того великіе государи пожалуют духовных особ к рукѣ и велят спросить о спасеніи. Кіевопечерскія лавры присланный казначей Афанасій с братіею был у руки с духовными особы, которые при митрополитѣ, вмѣстѣ.

И думной дьяк говорит: великіе государи, их царское величество, жалуют спрашивают вас духовных особ о спасеніи.

А послѣ того думной дьяк скажет митрополиту с причтом их государское жалованье, стол; а говорит: новообранный митрополит Варлаам и духовныя особы! Великіе государи, их царское величество, жалуют вас своим государским жалованьем, столом.

Стол был митрополиту и духовным особам в селѣ Преображенском. У стола кормил боярин Петр Аврамович Лопухин, да думной дьяк Гаврило Федорович Деревнин.

Кіевскій митрополит с духовными особы святую литургію служил в селѣ Преображенском в церкви; а послѣ у великих государей был на прыѣздѣ.

Встрѣчные подарки новоизбранному митрополиту Варлааму Ясинскому

198 (1690) августа в 9 день великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожаловали новообранного кіевского митрополита, Кіевопечерскія лавры архимандрита Варлаама Ясинского, велѣли ему дать своего великих государей жалованья, как он увидит их государскіе очи и будет у руки, по возведеніи на кіевскій престол в митрополиты, кубок золочен с кровлею, бархат двоеморхов вишневой, байберек коричной, обьярь да атлас вишневые, камку крапивную, сорок соболей, да ему ж здѣлать двѣ мантіи обьяринныя, одну праздничную, а другую повседневную из казенного приказу; да митрополиту ж дать карету руского самого доброго дѣла с двѣмя возники, да рыдван руского ж дѣла с двѣмя ж возники, с шоры и с узды из конюшеного приказу, и послать о том в тѣ приказы памяти Украинцова.

Екипажныя упряжи

Роспись конем Кіевопечерскія лавры новообранного митрополита Варлаама Ясинского, сколько оставлено при нем.

В рыдван двѣ лошади; в коляску двѣ ж лошади; верховых двѣ ж лошади; у игуменов: у троицкого в коляску двѣ лошади, у николаевского в коляску двѣ лошади, да верховая лошадь. Всего одиннадцать лошадей.

198 (1690) августа в 21 день по указу великих государей думной дьяк Емельян Игнатьевич Украинцов с товарищи слушав сей выписки, приказал на тѣ одиннадцать лошадей за конской корм дать великих государей жалованье деньгами по указу из Малороссійского приказу с роспискою; да межигорским давать на двѣ лошади, кіевопечерским старцом на 5 лошадей. Указ к росходу дан того ж числа таков.

Отпускные подарки митрополиту Варлааму Ясинскому и его свитѣ

198 (1690) августа в 27 день великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожаловали кіевского митрополита Варлаама Ясинского и при нем будучих духовных особ и мірских людей, велѣли им дать своего великих государей жалованья на отпускѣ: митрополиту денег пять сот рублев, да соболей на тысячу на пять сот рублев, да сукон десять половинок гамбургских, двѣ половинки аглинских, три пуда ладону, да в дорогу полбочки романѣи, мѣрою в тридцать ведр с полуведром, три ведра ренского, три ведра збитню, четыре ведра уксусу новгородского, девять ведр уксусу московского, два ведра вина боярского, двадцать ведр вина дворянского, тридцать лимонов, пуд патоки точеной, три бѣлуги, пять осетров, три пуда икры осенней, сто пучков вязиги, три бѣлыя рыбицы сухія. Духовным особам на отпускѣ: Троицкого Больничного монастыря игумену Іезекіилю, Межигорского монастыря игумену Феодосію, Николаевского Пустынного монастыря игумену Іоасафу, денег по двадцати по пяти рублев, по камкѣ, да по

атласу мѣрою по десяти аршин, по сороку соболей, по пятидесяти рублев сорок; печерскому казначею Іустину, да уставщику Іолию, да митрополичью протодьякону Мелетію, денег по двѣнадцати рублев, сукна черного полукармазину по пяти аршин, да тафты по пяти ж аршин, да собольми по шестьнадцати рублев; двум человѣком дьяконом митрополичьим Порфирію, да Галактіону, да трем человѣком іеромонахом игуменским, Родіону да Ильѣ, да Софонію денег по десяти рублев, сукна черного полукармазину по пяти аршин, да по тафтѣ, мѣрою по пяти ж аршин, да собольи по двѣнадцати рублев; двум человѣком дьяконом, да монаху Герману денег по семи рублев, да сукна черного аглинского по пяти рублев; митрополичью племяннику Михайлу Поповскому денег десять рублев, пара соболей в пять рублев, сукно кармазин мѣрою пять аршин, атласу десять аршин; четырем человѣком митрополичьим слугам, денег по пяти рублев, сукна аглинского по пяти аршин, да по парѣ соболей, по три рубля пара; митрополичьим пяти человѣком челядником денег по три рубли, по сукну аглинскому по пяти аршин сукно, да по соболю, по полтора рубли соболь; двум человѣком гайдуком, двѣнадцати человѣком возницам, четырем человѣком поваром, трем человѣком мастеровым людем, да игуменским челяди ж и возницам четырнадцати человѣком, денег по два рубли, да сукна гамбургского по пяти аршин, да по соболю, по полтора рубли соболь, человѣку, и послать о деньгах пяти стах рублях в приказ Большіе Казны, а о соболях в Сибирскій приказ, а о сукнах и об атласех и о камках и о тафтах в Казенной приказ, а о дворцовых запасѣх в приказ Большого дворца, памяти; а о дачѣ денег духовным особам и мірским людем к росходу указ; да митрополиту ж и духовным особам и мірским людем дать поденного корму в дорогу на десять дней по тому ж, по чему им давано на Москвѣ, да духовным же особам игуменом купя в ряду, дать в дорогу по двѣ бѣлуги, по полуосминѣ круп грѣшневых, да по пуду соли от росходу из приказу Малыя Россіи, да с московского Отдаточного двора питья четыре ведра вина двойного, десять ведр вина простого, пятьнадцать ведр пива, и послать о том питьѣ в приказ Большіе Казны память.

Обряд посвященія митрополита Варлаама Ясинскаго, и представленія его патріарху и царям

198 (1690) августа в 31 день по указу великих государей царей и великих князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, новообранный митрополит кіевскій Варлаам Ясинскій поставлен на Кіевскую митрополію в соборѣ Успенія пресвятыя Богородицы от святѣйшаго кир Адріана, патріарха московскаго и всея Россіи и всѣх сѣверных стран.

А прежде постановленія ему ж митрополиту сдѣлан саккос да омофор в Казенном приказѣ и к поставленію принесен в Соборную церковь.

Великіе государи изволили во время поставленія быть в Соборной церкви в царском одѣяніи; а бояре и окольничіе и думные люди были в золотных кафтанех.

А посылан по митропоплита к постановленію Успенскаго собора протопоп, да с конюшни великих государей посылана по него карета о шти возницах.

А по постановленіи преосвященный Варлаам митрополит кіевскій был у святѣйшаго патріарха со святынею. А шел он, митрополит, к патріарху из Соборной церкви; а перед ним несли живоначальный крест на чашѣ 2 человѣка соборных дьяконов. Митрополита вели Успенскаго собора протопоп да ключарь; провожали митрополита к святѣйшему патріарху в крестовую боярин Кирила Осипович Хлопов, да думной дворянин и печатник Дементей Минич Башмаков, да думной дьяк Протасій Иванович Никифоров, да дьяк Петр Шварт; а игумены и духовныя особы митрополичьи и гетманской присланной Дмитрей Чечель шли за ними.

А вшед в крестовую палату к святѣйшему патріарху, митрополит был у него у благословенія и говорил святѣйшему патріарху рѣчь.

Потом у святѣйшаго патріарха был он, митрополит, и иные архіереи и боярин с товарищи у стола.

Послѣ стола от патріарха митрополит ѣхал на подворье в вышеписанной государевѣ каретѣ. В каретѣ против митрополита сидѣли Спаса Новаго монастыря архимандрит Игнатій Корсаков, да Андроньева монастыря архимандрит же Костюрин. Провожали его, митрополита, вышеписанной боярин с товарищи до подворья.

Того ж числа прислан великих государей ему стол.

Было по сему в Столовой палатѣ.

199 (1691) сентября в 1 день великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали быть у себя, великих государей, на дворѣ, по постановленіи на митрополію Кіевскую, преосвященному кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому и духовным особам.

Послѣ дѣйства новаго лѣта (сентября 1) не ходя за образы в Соборную церковь, у великих государей был митрополит. Карета прежде дѣйства с конюшных посылана по него о шти возницах. Шел к великим государем Благовѣщенскою папертцою. Перед ним нес крест на чашѣ соборной дьякон, а его вел протопоп соборной. Пришед в палату, говорил отпуск по обычаю, а по том явил его великим государем думной дьяк Емельян Игнатьевич Украинцов. А как митрополит войдеш в палату к великим государем, и думной дьяк явит великим государем челом ударить, а говорит:

Пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели! Вашего царского величества богомолец преосвященный митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи вашему царскому величеству челом ударил и на вашем великих государей жалованьѣ челом бьет.

Великіе государи изволили прикладываться ко кресту и были у митрополита у благословенія, а потом митрополит кропил великих государей святою водою; и великіе государи изволят принять у митрополита благословеніе; а послѣ того изволят великіе государи спросить митрополита о спасеніи; и думной дьяк говорит:

Преосвященный Варлаам, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи! Великіе государи, их царское величество, жалуют тебя, спрашивают о своем спасеніи.

И митрополит на государском жалованьѣ челом бьет.

А потом преосвященный митрополит говорит великим государем рѣчь, буде у него есть.

Рѣчь говорил, а послѣ рѣчи поднес митрополит великим государем святые 2 образа Софіи Премудрости Божіи в окладѣ.

А послѣ того великіе государи укажут игуменов с братіею спросить о спасеніи; и думной дьяк говорит:

Великіе государи, их царское величество, жалуют, спрашивают вас игуменов с братіею о спасеніи, – и они били челом.

А послѣ того думной дьяк явит митрополиту великих государей жалованье, а говорит:

Преосвященный Варлаам митрополит! Великіе государи, их царское величество, жалуют тебя своим государским жалованьем: кубок золочен с кровлею, бархат, обьяр, атлас, камка, сорок соболей.

А потом думной дьяк скажет митрополиту с причтом их государское жалованье, стол; а молвит:

Преосвященный Варлаам митрополит и духовныя особы! Великіе государи, их царское величество, жалуют вас своим государским жалованьем, столом.

Того дня стола не было, а был прежде.

Августа в 31 день, как он на Кіевскую митрополію постановлен, для того что быть было ему того ж дня у великих государей, и великіе государи быть у себя ему того числа не указали, а стол был изготовлен.

От великих государей шел митрополит прежним мѣстом; сѣл у Благовѣщенской паперти в вышеписанную карету, а с ним духовных особ 5 человѣка игуменов, которые с ним в пріѣздѣ.

Отпуск митрополита Варлаама Ясинскаго

199 (1691) сентября в 19 день было по сему в передней Каменной палатѣ:

199 (1691) г. сентября в 19 день великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали быть у себя великих государей на дворѣ на отпускѣ преосвященному Варлааму, митрополиту кіевскому, и духовным особам. А как митрополит с духовными особами войдут к великим государем в палату, и думной дьяк явит их великим государем челом ударить, а говорит:

Пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели! Вашего царского величества богомолец преосвященный Варлаам, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи, и духовныя особы вам, великим государем, вашему царскому величеству, челом ударили и на вашем великих государей жалованьѣ челом бьют.

И великіе государи изволят у митрополита принять благословеніе; а послѣ того изволят великіе государи спросить митрополита о спасеніи, и думной дьяк говорит:

Преосвященный Варлаам, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи! Великіе государи, их царское величество, жалуют тебя, спрашивают о твоем спасеніи. И митрополит на государском жалованьѣ челом бьет.

А потом преосвященный митрополит говорит великим государем рѣчь, буде у него есть. (Говорил.)

А послѣ того великіе государи жалуют митрополиту сѣсть.

А потом великіе государи укажут игуменов с братіею спросить о спасеніи, и думной дьяк говорит:

Великіе государи, их царское величество, жалуют вас, спрашивают игуменов с братіею о спасеніи. А по том думной дьяк говорит:

Преосвященный Варлаам, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи! Великіе государи цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, их царское величество, велѣли тебѣ объявить: в прошлом во 198 (1690) году к ним, великим государем, к их царскому величеству, писали подданной их государев Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетман Иван Степанович, да Кіевской митрополіи весь освященный собор и били челом, чтоб они, великіе государи, их царское величество, пожаловали их, повелѣли им избрати по древним обычаям на Кіевскій престол новаго пастыря.

И великіе государи, их царское величество, его, гетмана Ивана Степановича, и все Войско Запорожское и Кіевской митрополіи весь освященный собор пожаловали вольною элекціею по древнему чину и обычаю на архіерейскій Кіевскій престол новаго митрополита избрати повелѣли, а для освященія и рукоположенія на престол Кіевской митрополіи того новообранного митрополита прислать к Москвѣ; и по их великих государей, их царского величества, указу на Кіевскую митрополію вольною элекціею в Кіевѣ в церкви святыя Софіи ото всего освященного собора избран митрополіи Кіевской пастырем и малороссійской Церкви хранителем ты, их царского величества богомолец.

И в прошлом же во 198 (1690) году августа в 31 день в прибытіи своем к Москвѣ по их, великих государей, их царского величества, указу в соборной Апостольской церкви Успенія пресвятыя Богородицы при них, великих государех, их царском величествѣ, во Святѣм Дусѣ от Отца их государева и богомольца святѣйшаго кир Адріана московскаго и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарха ты, их царского величества богомолец, посвященіе и рукоположеніе на престол Кіевской митрополіи воспріял. И великіе государи, их царское величество, указали тебе преосвященного Варлаама митрополита кіевского и галицкого и Малыя Россіи отпустить с Москвы.

А послѣ того думной дьяк явит митрополиту великих государей жалованье, а говорит:

Преосвященный Варлаам митрополит! Великіе государи, их царское величество, жалуют тебя своим государским жалованьем от своей царского величества казны.

А послѣ того думной дьяк скажет митрополиту с причтом их государское жалованье стол, а говорит:

Преосвященный Варлаам митрополит и духовныя особы! Великіе государи, их царское величество, жалуют вас своим государским жалованьем, столом; и отпустит их на по дворье.

Да того ж числа митрополит был у великія государыни, благовѣрныя царицы и великія княгини Натальи Кириловны, и при ней государынѣ получил обьяри 5 аршин, байберику 10 аршин, сорок соболей во 108 руб.

Выписано из дѣл Московскаго иностранных дѣл архива [248].

---

[248] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 124–134.

№ 249

1691, вересня 26. – Москва
Настольна грамота від патріарха Адріана, що видана преосвященному Варлааму Ясинському про посвячення його у митрополити київські у 1690 році

Адріан, милостію Божією патріарх царствующаго града Москвы и всея Россіи и всѣх сѣверных стран. Вездѣ сый и вся исполняй преблагій всетворец наш Владыка, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святый, в тріех ипостасѣх в нераздѣльной же державѣ Божества славимый и покланяемый присно и строяй вся в пользу человѣческое жительство мудрѣ, в небесиподобнѣй Церковнѣй Іерархіи положи чины, овым начальствовати, овым начальствоватися, инѣм смотр и строеніе, инѣм же послушаніе и повиновеніе, и всѣм, по учительству святаго Апостола Павла, христіанским чувствам чинопредѣлнѣ в единости Евангелія Іисус – Христова и Церкве Восточныя ученіи благоуміем содержатися невредно же и спасенно. Ввѣренных же талантов свойственнѣ каждый истяжается, по Евангельскому гласу, прикупа. В чесом началническо во обзорство благоволи нашей мѣрности искупленное стадо свое словесное дражайшею крове своея цѣною Спаситель наш Іисус Христос во всем російском царствіи и всѣх сѣверных странах церковную полность вручити, стяжати же о нем промысл и попеченіе и паствовати оное повелѣ сицевыми словесы: *аще любиши мя, паси овцы моя,* и Апостольская словеса присно нас напѣвают: *внимайте убо себѣ и всему стаду, в нем же вас Дух Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже снабдѣ кровію своею.* Тѣм же наша мѣрность пріискренно спасенія и пользы христіанским душам повсюду восточныя православнѣйшія церкве сыном желаем, найпаче же в порученнѣй нам паствѣ. Тщащеся же блюсти единеніе духа в союзѣ мира и в ученіи и преданіи издревле от Святых Отец и Учителей утвержденном и синодальными словесы запечатлѣном, всюду хощем зрѣти боголюбивых душ благочинство и церковную полность христіанскую во всякой лѣпотѣ, и пастырско назирати ону прибдѣнно усердствуем, да со особищными пастыря вси людіе во всѣх странах и епархіях всетворца Бога славословяще, благонадежно к горнему и вѣчному блаженству возруководятся. И яко прешедшаго от міроздания 7198 (1690) лѣта, априлія мѣсяца в 6 день Кіевскій митрополии престол свойственнаго пастыря в нашем назираемом строительствѣ лишися; преосвященный бо митрополит Гедеон времена жизни своея скончa, успе о Господѣ вѣчно; сего ради благословеніем Господа Бога и повелѣніем благочестивѣйших наших великих государей, царей и великих князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, в их царскаго пресвѣтлаго величества державѣ и в нашей патріаршей издревле належащей паствѣ (и нынѣшних лѣт, міроздания 7194 (1686) лѣта, Константинопольскаго святѣйшаго Діонисія архіепископа и Вселенскаго патріархы, особнѣ и соборнѣ с тамошними архіереи опредѣленнѣй и подсудственнѣй быши патріаршу всероссійскому и сѣверных стран престолу, и в нашем назираніи содержатися вѣчно) в Малой Россіи, тоя Кіевскія епархіи от всего народа, духовнаго чина и мірскаго сана, царскаго пресвѣтлаго величества, обѣих сторон Днѣпра Войска Запорожского гетмана Іоанна

Стефановича Мазепы, с старшиною и всѣх подданных, на вдовствующій митрополіи Кіевской престол избрася, нашея мѣрности патріарха всероссійскаго и всѣх сѣверных стран престола ставропигіи, из Кіевопечерскія лавры, пречестный господин архимандрит Варлаам Ясинскій, иже всяким благодѣяніем украшен, в мудрости учитель извѣстный, полон страха Божія и вѣдства духовнаго, в благолѣпіи церковном усерднѣйшій желатель. По прибытии же его избраннаго пречестнаго архимандрита Варлаама в царствующій град Москву, и по прошенію молительному о нем к царскому пресвѣтлому величеству и к нашей мѣрности от всего сущаго тамо народа всякаго чина, с царскаго пресвѣтлаго величества благочестивѣйшими великими государи цари и великими князи, Іоанном Алексіевичем, Петром Алексіевичем, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, такожде и со всѣми присутствующими во время сіе россійскаго царствія архіереи, с митрополиты: Корниліем новгородским и Великих Лук, Маркеллом псковским и изборским, Евфиміем сарским и подонским, Авраамієм рязанским и муромским, Иларіоном суждальским и юріевским, с архіепископы: Гавріилом вологодским и бѣлозерским, Сергіем тверским и кашинским, Никитою коломенским и коширским, епископом Питиримом танбовским, совѣтовахом, судохом же избраннаго пречестнаго архимандрита Варлаама Ясинскаго таковаго митрополіи Кіевскія сана и степене достойна быти. Тѣм же прешедшаго же 7198 (1690) лѣта августа мѣсяца в 31 день в царствующем градѣ Москвѣ, во храмѣ первопрестольныя россійскія великія церкве, всесвятѣйшаго небеснаго кивота Христова, Богоматере Дѣвы Маріи Успенія безсмертнаго, по чину святыя Восточныя Церкве и извѣщенію всенарднѣ символа, правовѣрія истиннаго содержанія, наша мѣрность Тріипостасную Божественную Единицу, Отца и Сына и Святаго Духа прирекши, онаго пречестнаго архимандрита Варлаама хиротонисахом и на вдовствующій и не имущій пастыря престол на степень Кіевскія митрополіи возведше богоспасаемых градов Кіева и Галича и Малыя Россіи митрополита возповѣствовахом. Благодатію же всесвятаго и владычествительнаго Духа повелѣхом ему власть имѣти во всей тоя Кіевскія митрополіи христіанском народѣ, яко пастырю и строителю Таин Божіих, и в правленіи духовнаго начальства над всѣми тамо преимуществовати, вязати же и рѣшити благозаконнѣ и правильнѣ и управляти спасеннѣ; хиротонисати же в свою епархію епископы, архимандриты и игумены, пресвитеры, діаконы, иподіаконы, пѣвцы и четцы, и все приличествующее церковное потребство ко благохвальному изрядству, а епископіях, архимандріях, братствах же и училищах творити. И он убо боголюбезнѣйшій владыка Варлаам отселѣ да именуется митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи. Воспріял же в церкви святѣй служеніе и степень достоинства сего, во всем должен есть совѣщаніе и покореніе имѣти к нашей мѣрности (яко в Господѣ сын возлюблен и сослужитель) и ко всѣм Восточныя Церкве архіереем, и по преданію тоя и чину издревле преданному быти согласну, купночинну же и единомысленну; вперяющи же богоглагольная священнѣйшаго Евангелія и Святѣйших Апостол ученія и каноны Отцев Святых, утверждающія православную вѣру догматы, хранити тая во истиннѣйшее благочестіе крѣпцѣ, и христіанскіе народы онѣм научати; к сему постами к Богу упраздняющися и молитвами, чистыя руки нощію и днем ко Господу простирати, и за пресвѣтлую спасительную державу от Бога просіявающих благочестивѣйших великих государей царей и великих князей, Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича,

всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцев, и за весь их царскаго величества благословенный дом, благовѣрных государынь цариц, и благороднаго государя царевича и великого князя Алексія Петровича и благородных государынь царевен, и за все христолюбивое благочестивых христіан исполненіе премилосерднаго царя небесе и земли всетворшаго усердно молити. Завѣща бо о сем богоизбраннѣйшій сосуд Апостол Святый явственнѣ сицевыми словесы: *молю убо прежде всѣх творити моленія, прошенія, благодаренія о всѣх человѣцѣх, о царѣх и всѣ во власти сущих, да тихое и безмолвное житіе поживем во всяком благочестіи и честности*, яко да вседержавный монарха Господь Бог их царское величество увѣнчавый, спобораяя побѣдительными благоденствіи богомудрую главу их присно вѣнчая на многшая лѣта, и множайше на враги возвышить преспѣніями, блюдя и сохраняя непреемствен вѣнец их во всего міра спасеніе и благошествіе. Понеже священных молитвы, яко нѣкія котвы, царскую державу утверждают и варвароплеменныя языки покоряют, народы ими упокоеваются, еретическія же мглы и навѣты от оных удоб разоряются всеконечнѣ. Отшедшу ему в богопорученную паству, власть имѣя Святых Апостолов вязати и рѣшити и хиротонисати, духовно тую и правильно во всей той Кіевской епархіи, во градѣх и селѣх, да научает мудрости, цѣломудрію, правдѣ и мужеству, яко вѣдущ мудростнѣ измлада Священная писмена, и храмы святыя, епископіи, монастыри же и всякія принадлежащія вещи да назирает в сличество и благолѣпіе церковное; бодренно же, яко истинный пастырь, оному христоименитому народу от стражи утренніия до дне смерти своея, в слово Господне уповая (еже рече): *не имам тебе оставити*, – да стяжает прирадѣніе во всем. Подобает убо боголюбію его от Божія Благодати на сіе признавшуюся и евангельское на выю пріимшу иго, евангельски врученную от вседѣтеля Духа паству правити, наказательну же быти ко всѣм равно, высоким же и смиренным, во учителствѣ кротку, к непокаряющимся обличительному и запретительну благовременно и безвременно. Образ убо благих дѣл и прописаніе правды и истинны христовым людем Господним в спасеніи сущим быти достоит. За истину же и благочестіе и соблюденіе законом глаголати пред цари и не стыдѣтися, и свойственную за овцы предлагати душу; во тмѣ грѣха ходящія свѣтовожествовати, предбѣдствовати обидимым, опечаляемыя утѣшати, скудным мощное приносити утѣшеніе, заблуждшія на путь истинный наставляти, еретики же вся и Церкве Восточныя отвергающіяся по возможному к православію и единенію святыя церкве обращати и невѣрныя свѣтлым и преявленным своим дѣяніем сотворяти подражатели вѣры; на врученныя же предсѣдательством возносяся не возставати туне (яко да не отпадет смиренномудрыя блаженства и кичимых пороку низподложится). Таже да имать в храмѣ Господи и в клирѣ убо и в причтѣ священнослуженія и о школах помышленіе, да учатся Божественных Писмен чтенію и свободных наук во вразумительное вѣдство мнози потщаніем его; и идѣже в той Кіевской митрополии типографія будет, да печатаются церковныя книги по чину, преданію же и мудрованію Восточныя Церкве за его митрополиим благословеньем и досмотром. Творя бо сія добрая и церкви полезная дѣланія, возвеличится в Небесном царствіи Божіи, по гласу Богочеловѣка истиннѣйшему: *иже сотворит и научит, сей велій наречется во царствіи Небеснѣм*. По нашея же мѣрности опредѣленію и указу, пріѣжжати ему в царствующій град Москву на Собор, якоже Святая Правила повелѣвают, ради нуждных вин, утвержденія вѣры

и согласія церковнаго; в чреду же годоваго служенія с прочіими россійскими архіереи, ради дальняго пути, да не присутствует. Аще же вознерадит о врученном Божественном сем дѣланіи и блазнствовати имать люди Божія коим дѣлательным пороком, и Восточныя Церкви мудрованію и благочинному преданію не возпослѣдует, нашея же мѣрности, православным всѣм патріархом и прочим всѣм архіереем, братіям своим, в дѣлѣх благопотребных не будет согласен а противен, чесого ради не точыю архіепископа издежется, лишившися таковаго достоинства и ввѣреннія паствы, но одѣявся во отеческую клятву, нестерпным мученіям имать быти подлог вѣчно. Словесных же овец имать Господь Бог от руки его взыскати, аще небреженіем его похитятися. Под нашею мѣрностію ему сущу, всѣм россійским архіереем предсѣдательствовати, яко Кіевская митрополія в России нынѣ устроится первая. Во священнодѣйственном же служеніи и при нас постилати ковр и два егколпія *(панагіи)* налагати. Попустихом же, ради в той странѣ обыклости, и митру носити со крестом, и в путных шествіях ношеніе пречестнаго креста пред ним в своей ему епархіи. Прочаяже священнодѣйственныя службы и таинства да сотворяет по чину святыя Восточныя Церкве и по указанному во архіерейскаго служенія чиновнику. Единочинства же ради с россійскими митрополиты в ношеніе всегдашнее дарствовахом ему, преосвященному Варлааму митрополиту, Камилав бѣловидный, яко в той странѣ таковое у митрополитов ношеніе упразднися. В России убо здѣ издревле вси архіерее, святіи же и чудотворцы митрополиты кіевскіе, Петр, Алексій и Іона, таковый ношаху, иже суть во архіерейских ризницах от многих сот лѣт хранимы. Сущіи же во Христѣ сынове России православніи, свѣтозарными душеспасительнаго правовѣрія лучами озаренныи, боголюбивіи епископы, преподобныи архимандриты и игумены и весь освященный чин, и вси благочестивіи христіане всея Кіевскія митрополіи ему, преосвященному Варлааму митрополиту, да покаряются, и яко архипастыря им даннаго и учителя, да почитают и слушают, якоже и прежде бывших митрополитов. Оному бо о них и в день правосудства Христа Господа Іисуса имущу воздати слово, по учительству богопроповѣдника Святаго Апостола Павла сице: *повинуйтеся наставником вашим и покаряйтеся, тіи бо бдят о душах ваших, яко слово воздати имущим*. Ащели же подчиненніи в духовности грады и подлежащему Кіевскому митрополію престолу людіе всея епархіи, всякаго чина начальствующіи и начальствуеміи, ему, боголюбезнѣйшему Варлааму митрополиту, не будут покарятися и послушанія, яко истиннѣйшему свойственному пастырю, отдавати не восхотят и пороки блазенными и лживоглагольными всуе нам будут клеветати, и яко чин сынов у него носяще, отметнувшеся, не подчинятся; убо за сіе противящіися и непокаряющіися воспріимут суд от Господа Бога и месть от Него. Чрез пророка бо глаголет: *Мнѣ месть, аз воздам*. Апостолова же рѣчевистая предлежат словеса: *противляйся власти Божію повелѣнію противится*. Убо к сему подъимут и от Отцев Святых изреченную клятвоносную тяготу. Священніи бо от сана своего извергнутся, а мірскіи отлучившеся, чужди будут христіанства и входа церковнаго возбранятся, вси прокляти же будут и непрощенны от Бога в непокаяніи всеконечнѣ, яко гордіи и непокорніи и Церкве Христовы гонители и враги, и нашея мѣрности Восточныя Церкве всѣх патріархов архипастырскаго благословенія презиратели и клятвопреступники. От чесого Бог да сохранит, и благословит люди своя, церкви же своей да дарует умиреніе и в православнѣйшей вѣрѣ им

единомысліе и любве нерастерзаемый союз и всесовершенное спасеніе, по сем в небесѣх прерадостная, неизреченная благая во вѣки. И яко на таковое служеніе Господем Богом зван и избран, чрез нашу же мѣрность на вышшый степень архіерейства боглюбезнѣйшій преосвященнѣйшій Варлаам митрополит возведен, дадеся ему сія грамата в вѣчное его утвержденіе и впред хотящим от нашея мѣрности хиротонисатися на той Кіевскій престол по нем в митрополиты, в царствующем великом и преименитом градѣ Москвѣ, в дому пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, честнаго ея Успенія и великих чудотворцов Петра, Алексія, Іоны и Филиппа московских и всея Россіи, яже писменем десницы нашея мѣрности предписася и печатію нашею печатствована.

Писася міроздания 7199 лѣта, от воплощенія же спасительнаго предвѣчнаго единороднаго Слова Божія, Іисуса Христа Господа, 1691 индиктіона 14, септемврія мѣсяца 26 дня.

На подлинной патріаршей грамматѣ собственноручная патріарха надпись золотыми буквами: Адріан милостію Божіею патріарх царствующаго града Москвы и всея Россіи и всѣх сѣверных стран.

Списана с хранящагося в Кіевософійской ризницѣ подлинника, писаннаго на пергаментѣ большаго листа с такими же золотыми украшеніями и прописями, как и Гедеону данная. Печать вислая восковая красная на золотом шнурѣ и парчевой кустодіи[249].

№ 250

1691 р. – вересня 28. – Москва
Настольна царська грамота преосвященному Варлааму Ясинському про посвячення його в митрополити київські та про передання протопопій Глуховської, Борзнянської та Конотопської до Київської єпархії

Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи, цари и великіе князи Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, московскіе, кіевскіе, владимирскіе, новгородскіе, цари казанскіе, цари астраханскіе, цари сибирскіе, государи псковскіе и великые князи смоленскіе, тверскіе, югорскіе, пермскіе, вятскіе, болгарскіе и иных, государи и великіе князи Новагорода, низовскія земли, черниговскіе, рязанскіе, ростовскіе, ярославскіе, бѣлозерскіе, удорскіе, обдорскіе, кондыйскіе, и всея сѣверныя страны повелители, и государи Иверскія земли, карталинских и грузинских царей и Кабардинскія земли, черкаских и горских князей, и иных многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели, наше царское величество, поборая по святом благочестіи и любя благолѣпіе святых церквей Божіих и умножая славу его святую, дабы повсюду, яко свѣт солнечный сіяла, пожаловали нашего царского величества богомольца, преосвященного Варлаама Ясинского, кіевскаго и галицкаго и Малыя Россіи митрополита, велѣли ему дать сію нашу царскаго величества жалованную грамоту для того: в прошлом во 198 году к нам, великим

[249] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 134–141.

государем, к нашему царскому величеству, писали подданной наш Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетман, Иван Степанович Мазепа, да Кіевскія митрополіи весь освященный Собор, что судьбами Божіими преосвященнаго кіевскаго митрополита Гедеона Святополка, князя Четвертенскаго, не стало, и били челом нам, великим государем, нашему царскому величеству, он, подданной наш гетман Иван Степанович, со всею генеральною старшиною и с полковники и с Войском Запорожским, и весь духовный причт Кіевской митрополіи, ж да не надолзѣ лишенна малороссійская Кіевская церковь будет первопрестольника, повелѣли б им избрати, по древним обычаям, от нѣкоторых лиц единаго усмотривше достойнаго тоя чести, полезнаго Церкви Божіи, а нашему царскому величеству вѣрнаго мужа, на Кіевскій престол новаго пастыря. И мы, великіе государи, наше царское величество, его, подданнаго нашего, Войска Запорожскаго обѣих сторон Днѣпра гетмана, Ивана Степановича, и генеральную старшину и Кіевской митрополіи освященный Собор, духовный чин, властей и под властію сущих пожаловали, указали им тогда, в небытіи святѣйшаго патріарха, по благословенію всего преосвященнѣйшаго и препочтеннѣйшаго великороссійскаго Собора вольною элекціею, по древнему чину и обычаю малороссійскія церкви, избрати на архіерейскій Кіевскій престол новаго митрополита, мужа в Божественном писаніи искуснаго из тамошних природных обывателей. А кто по волѣ Божіей, содѣйствіем Святаго Духа, на той элекціи всѣм освященным Собором на митрополію Кіевскую избран будет, и того избраннаго указали мы, великіе государи, наше царское величество, для освященія и рукоположенія на престол Кіевской митрополіи отпустить им в наш царствующій великій град Москву. И по нашему, великих государей, нашего царского величества указу, службою и радѣніем и усердным в том дѣлѣ попеченіем нашего царскаго величества вѣрнаго подданнаго, Войска Запорожскаго обѣих сторон Днѣпра гетмана Ивана Степановича, избран на элекціи в Кіевѣ в церкви святыя Софіи, прошлого 7198 году ото всего освященного Собора митрополіи Кіевской властьми и под властію будучими, так духовными, яко и мірскими чинами, на ту элекцію собранными, единомысленно и единогласно, пастырем и малороссійскія церкви хранителем боголюбивый Варлаам Ясинскій, архимандрит Кіевопечерскія лавры. И по совершеніи оной элекціи, к нам, великим государем, к нашему царскому величеству, в царствующій наш град Москву прибыл, которой в прошлом же во 198 году, мѣсяца августа 31 дня, Божіею поспѣшествующею милостію, в соборной Апостольской церкви пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Успенія, при нас, великих государех, при нашем царском величествѣ, во Святом Дусѣ отца нашего и богомольца, святѣйшаго и блаженнѣйшаго кир Адріана московского и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарха, посвященіе и рукоположеніе на престол Кіевскій восприял. При котором посвященіи бил челом нам, великим государем, нашему царскому величеству, он, богомолец наш, преосвященный Варлаам, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи, чтоб мы, великіе государи, наше царское величество, пожаловали его, велѣли, в подтверженіе прежней нашего царскаго величества жалованныя грамматы, какова дана бывшему Гедеону, митрополиту кіевскому, на утверженіе той Кіевской епархіи и духовных прав и чинов, дать ему, богомольцу нашему, нашу государскую жалованную ж утверждающую грамату. И мы, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи,

Іоанн Алексѣевич и Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, и многих государств и земель восточных и западных и сѣверных отчичи и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели, наше царское величество, его, богомольца нашего, преосвященного митрополита кіевскаго, и впред по нем будучих митрополитов кіевских пожаловали, в подтверженіе той прежней нашей царского величества жалованной грамматы, какова дана бывшему Гедеону, митрополиту кіевскому, в прошлом во 194 году, и в подтверженіе ж и укрѣпленіе данной нынѣ ему ж, преосвященному Варлааму, митрополиту, благословенной ставленой грамматы во святѣм Дусѣ Отца нашего и богомольца, святѣйшаго и блаженнѣйшаго патріарха московскаго, на утверженіе той Кіевской епархіи и прежних духовнаго чина прав, сію нашу царского величества милостивую жалованную граммату дать повелѣли. И силою сей нашей царского величества грамматы, по нашему царского величества самодержавнѣйшему повелѣнію, ту Кіевскую митрополію и преосвященных кіевских митрополитов, сего настоящаго и впред будущих укрѣпляем и утвержаем, и впред преосвященных митрополитов кіевских и ту митрополію Кіевскую, при помощи Божіей и за предстательством пресвятыя Богородицы, в таком же соблюденіи и охраненіи имѣти хощем, в каковѣ оная была до сего времяни, в нашей государской милости, междо великороссійскими митрополіями первоначальною митрополіею, под благословеніем святыя памяти блаженнѣйшаго кир Іоакима московского и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарха, как в церковных православных греческаго благочестія догматех, так и в митрополичей чести и во исправленіи духовнаго чина и церковнаго начала и в сохраненіи прав и поведеній обыклых, как о том писано в прежней нашей царского величества жалованной граматѣ, прошлого от созданія міра 7194 году, какова дана кіевскому Гедеону митрополиту, и нынѣ в данной же ему же митрополиту благословенной и ставленной грамматѣ святѣйшаго и блаженнѣйшаго московскаго патріарха, о содержаніи той Кіевской епархіи прав и обычаев, кромѣ преосвященнаго Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, и впред по нем будучих архіепископов черниговских, и святыя великія чудотворныя Кіевопечерскія лавры боголюбиваго архимандрита и братіи, как та Черниговская епархія и Печерская лавра имѣются в себѣ со всѣми подлежащими к ним присудами. Понеже по нашим царского величества жалованным грамматам, данным им, архіепископу и архимандриту, прошлых 195 и 196 годов укрѣплено и утвержено, по прежним благословенным Святѣйших Вселенских Константинопольских патріархов грамматам, быти им под благословеніем и паствою святѣйших и блаженнѣйших патріархов московских вѣчно и неотступно, не отлучаяся под благословеніе и разсужденіе к иным епархіям, и к Кіевской митрополіи оныя, как Черниговская епархія, так и святыя великия Кіевопечерская лавра, древняя ставропигія, никогда ничѣм не належали. А в жалованной нашей царского величества грамматѣ бывшему преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому, в прошлом во 194 году данной, написаны оныя в присудствіе были, по тому что тогда Черниговскій архіепископ и Кіевопечерскія лавры архимандрит челобитья своего нам, великим государем, нашему царскому величеству, не доносили, и святѣйших вселенских патріархов благословенных граммат, которыми та епархія и Кіевопечерская лавра от Кіевскія митрополіи отдѣлены и под благословеніе святѣйшаго патріарха московского вручены, не объявили. А что прежде сего по листу Діонисія Балабана, митрополита кіевского, к той Черниговской епархіи приписаны

были в присудствіе Кіевской митрополіи протопопія Глуховская, Конотопская и Борзненская, и в жалованной граммать имянованы, и тѣм протопопіям, по челобитью преосвященнаго Варлаама митрополита, указали мы, великіе государи, наше царское величество, быть по прежнему, как изстари бывало, при митрополіи Кіевской, а к Черниговской епархіи впред им не быть; потому что и прежде сего оные к той епархіи не належали: а Діонисій митрополит написал их в листу своем мимо древняго поведенія. И сею нашею царского величества жалованною грамматою мы, великіе государи, наше царское величество, его преосвященнаго митрополита милостиво обнадеживаем и утвержаем неподвижимо; и быти ему, преосвященному митрополиту, на нашу государскую милость во всем надежну. А ему, богомольцу нашему, преосвященному Варлааму, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, и по нем будучим митрополитом кіевским со всѣм причтом духовным малороссійскаго народу, быти под благословеніем и послушаніем во Святом Дусѣ у Отца нашего и богомольца, святѣйшаго и всеблаженнѣйшаго кир Адріана московскаго и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарха, и по нем будущих у святѣйших и блаженнѣйших патріархов московских на вѣки неотступно по своему обѣщанію, каково он учинил с подписаніем руки своея при возведеніи своем на престол Кіевской в митрополиты в соборной и Апостольской церкви пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, не отлучаяся под благословеніе и разсужденіе святѣйшаго вселенскаго патріарха. И богомольцу нашему, преосвященному Варлааму, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, и той Кіевской епархіи причту чина духовнаго, властем и под властью сущим, видя к себѣ сію нашу, великих государей, нашего царского величества, милость и жалованье, нам, великим государем, нашему царскому величеству, обѣщаніе свое исполняти твердо и непоколебимо. А наша, великих государей, нашего царского величества, милость, от них отъемлема не будет. А особно да имѣет преосвященный Варлаам митрополит бодроопасное и неусыпное свое, яко пастырь добрый, о Церкви православной Восточной малороссійской попеченіе, и из иных стран от уніятов и вѣры нашей православной святаго греческаго благочестія от противников осторожность и опасеніе, да не вкрадутся яко волцы к похищенію во Христово словесное стадо. Также и о мирном состояніи благополучнаго царствованія нашего и наслѣдников наших и о укрѣпленіи и тишинѣ государств наших от злочестивых агарян и от иных супостатов наших, да молит преблагаго в Тройцѣ славимаго Бога, чтоб милостиво укрѣпил и сохранил повѣренныя и врученныя нам дѣдичные государства наши. А о имѣніях митрополіи Кіевской Святософійского дому, каковы они нынѣ суть, дана ему, митрополиту, особая наша царского величества жалованная граммата. Писана сія наша царского величества жалованная граммата государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицѣм градѣ Москвѣ, лѣта от созданія міра 7199 (1691) мѣсяца сентября 28 дня, государствованія нашего 9 году.

На подлинной жалованной грамматѣ при концѣ подписано тако: великіе государи: их царскаго величества думный дьяк Емеліан Украинцов.

Печать государственная большая, красная восковая, вислая в сребрянном позлащенном ковчегѣ при парчевой кустодіи.

Списано с хранящагося в Кіевософійской ризницѣ подлинника, писаннаго на пергаминѣ большаго листа с украшеніями по краям и с приписьми золотыми, как и предыдущая [250].

---

[250] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 141–147.

№ 251

1694, січня 11. – Москва
Жалувана грамота царів Іоана та Петра Олексійовичів, що підтверджує права Київського братського монастиря на володіння своїми вотчинами та угіддями

Божиею милостію мы, пресвѣтлѣйшие и державнѣйшие, великіе государи цари, и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы: московскіе, кіевскіе, владимерскіе, новгородцкіе, цари казанскіе, цари астраханскіе, цари сибирскіе, государи псковскіе и великіе князи смленскіе, тверскіе, югорскіе, пермскіе, вятцкіе, болгарскіе и иных; государи и великіе князи Нова-города, Низовскіе земли, черниговскіе, резанскіе, ростовскіе, ярославскіе, белоозерскіе, удорскіе, обдорскіе, кондинскіе и всеа сѣверные страны повелители, и государи Іверскіе земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинскіе земли, черкасских и горских князей, и иных многих государств, и земель восточных и западных и сѣверных отчичи, и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели, наше царское величество: пожаловали богомольца нашего, Богоявленского Братского монастыря игумена и ректора Іоасафа Kроковского, с братіею, и кто впред по нем в том братском монастырѣ иный игумен и ректор и братія будут, велѣли ему дать сію нашу, великих государей, нашего царского величества, жалованную грамоту, того братскаго монастыря на вотчины, на село Позняки, над Днѣпром лежащее, с землями, с полями пахатными, с сѣножатьми, с огородами, озерами, борами, лѣсами, и с иными угодьи; да на мѣстечко Карпиловку с трема приселками, Косачевкою, Лутавою, и Выповзовом, со всѣми полями, лѣсами, борами и озерами и с иными угодіи, которые издавна к тому мѣстечку и к приселкам належат; да на земли Проскуринскіе, Сорукушенскіе, Щикгельскіе, Ходѣевскіе, и Бубликовскіе; да на остров Желѣзняк, и Медведов-млинок, и на мельницу купленную, на рѣчкѣ Лутавцѣ стоящую; да на купленные дворовые мѣста пустые в мѣстѣ Острѣ с строеніем; да на мельницы на рѣчцѣ Острѣ на греблѣ, прозываемой Кудыковское стоящия, с людми при них живущими тяглыми; да на берег Десны рѣки от Карпиловки будучей, и на перевоз; да на село Мостище, над рѣчками Ирпенем и Которем лежащее, со всѣми к нему приналежащими угодіи, полями, сѣножатьми, борами, лѣсами и с иными угодьи; да на земли до Церквей Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, и трех святителей належащие, а имянно на Соколій Рог, с сѣножатьми, и озерами; да в Нѣжинском полку, в Ивангородском Ключи, на село Болмачовку, да на мельницу о дву жерновах на рѣкѣ Острѣ, да на два купленные пустые мѣста с лѣсом, и с полями пахатными, и сѣножатьми Мефодієвскими; да в Ивангородской сотнѣ на даные от Данила, прозываемаго Черица поля, сѣножати, и рощи с пасѣкою; да на взвод воды трубами в братскій монастырь от гор Кіевских изъродников, и на січеніе медов на продажу. Да в Нижнем городѣ Кіевѣ на купленные дворовые мѣста, и от розных особ наданные, Кучинское, Выговское, Голубовское, Вороничевское, Креницковское, Солениковское, Свершковское, Митковское, Созоновское, Муховецкое, Бибиковское, Оксаковское, Хмелевское, Пекулитцкое, Гаритинское, Дворецкое, и на пустир Закаленикавчевской: для того, в прошлом 201 году к нам, великим государем,

к нашему царскому величеству писал богомолец наш преосвященный Варлаам Ясинскій, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Росіи, и доносил нам, великим государем, нашему царскому величеству, челобитье того Братского монастыря игумена и ректора Іоасафа Кроковскаго с братіею, чтоб мы, великіе государи, наше царское величество, пожаловали его, велѣли ему того монастыря на вотчины в подтверженіе дать нашу, великих государей, нашего царского величества, жалованную грамоту; да к нам же, великим государем, к нашему царскому величеству о том же писал подданный наш Войска Запорожскаго обоих сторон Днѣпра гетман Иван Степанович Мазепа, с тѣм же вышепомянутым игуменом Іоасафом. А в крѣпостях данных на вотчины Братскому монастырю, каковы обявил у приказѣ Малыя Росіи, вышепомянутой игумен Іоасаф, написано:

В выписи из книг гродских воеводства Кіевскаго, 1593 году: что положил пред урядом королевским, кіевскій священник Нагорскій Филип Афонасьев листы урядников воеводства Кіевскаго для подтверженія к церкви трех Святителей да Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, на належащіе вотчины, на озеро Васильевское, и на поля и на сѣножати, и на Рог Соколей, которой Рог Соколей имѣет себѣ рубеж, начат от кладовища дорогою к броду в Рутку, назад от того кладовища долиною в ручей верхняго Клова, да ручаем, в глубокую долину, лѣсом на гору к великой межѣ, великою межою, к стародавному путину, в рощу Лясковую, путищем в сторожевскую дорогу, по Секирки в Либедь; а по другой сторонѣ за валом у крещатой долины пашня воздвиженская, особе в обрубе возлѣ вала по обѣ стороны дороги. Грань той пашни лежит долиною, яругами, а кругом долины межею к дорогѣ тот же пришел рубеж; да за Ориненским провалом нива воздвиженская у ковщаваго броду, двѣ нивы на сей сторонѣ Кощавца, а за кощавым бродом за Лыбедь нивы и борок к рубежам, по дорогу по теснѣ улицѣ; поверх Либеди, на Теремцах селище, нивы, сѣнокосы у моста по обѣ стороны дороги к церкви Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня вѣчно. И в обрубѣ грань, лежат сверху вниз рѣчки Борщовки лугами мокрыми сочавинами, идучи дубровами к той же дорогѣ на той же сторонѣ Борщовки: земля бортная, нивы, сѣнокосы вѣчно, в обрубѣ рубеж идет: по одной сторонѣ рѣчка Борщовка, а по другую сторону дорога Запольская давная, да в луг глубокій, рубежем к Сѣверцѣ, Сѣверкою к Борщовкѣ рѣчкѣ к валу, гдѣ стояла старая церковь Воздвиженская, тут нива по обѣ стороны дороги по Яцкову межу. Кіевской уряд ему, священнику, всѣ вышепомянутые поля и называемый Соколей Рог со всѣми приналежитостями подтверждают и во владѣные отдали.

В купчей Андрея Обухова, земяника кіевскаго, 1594 году: что он, Андрѣй, с женою своею Наталіею Сверщовскою продали в Братскій монастырь дворовое свое мѣсто Сверчековское и з сѣножатью; которое дворовое мѣсто против дворов кіевских мѣщан Сидора и Телепника, а сѣножать на оболоньи прозываніем Сверщковская издавна к тому дворовому мѣсту належит: за тридцать коп литовских.

В купчей инокини Парасковыи Кучинской, 1621 году: что продала она в Братскій монастырь двор свой Кучинский, на котором дворѣ семнадцать человѣк жителей обрѣтается, и подати ей з земли платит. А тот двор ея с иными мѣстами лежит в Кіевѣ под горою в Скольниках против церкви Рождества Христова. А взяла она за тот свой двор и съ мѣстами тысячи коп денег литовских.

В данной кіевской мѣщанки Луціи Митковичевы, 1624 году: отдала она в Братскій монастырь два мѣста лавочные, которые лежат близ церкви Соборной кіевской, что в Нижнем городѣ.

В купчей Петра Динкова, козака Кіевскаго, 1628 году: продал он в монастырь Братскій дворовое мѣсто, в улицѣ Глѣбо-Борисовской лежащее, за восем коп литовских денег.

В листу Хриштофа Сулимовскаго, 1632 году: дал он дворове мѣсто Сулимовское в Братскій монастырь, которое лежит против церкви добраго Николы.

Да того ж 1632 году в духовной мѣщанина кіевскаго Семена татарина: что он для поминовенія души своей дал в монастырь Братскій двор свой с строеніем на Криницкой землѣ.

В листу Петра Могилы, митрополита кіевскаго, 1635 году: дал он Братскому монастырю маетность Познякощину с приналежностями, лежащую за Днѣпром меж маетностями Печерскими и Никольскими и Выдубецкими.

В привиліи Владислава, короля польскаго, 1636 году: что он по челобитью старцов Братскаго монастыря дал соизволяющій свой привилій, что им трубами воду в монастырь привесть.

В данной Феодора Семенова 1643 года: что поступился он в Братскій монастырь двором и з дворовым мѣстом, которой в Кіевѣ в нижнем городѣ против двора преосвященнаго митрополита кіевскаго Петра Могилы, а позад того его двора двор Адама Киселя, каштеляна черниговскаго.

В духовной преосвященнаго ж митрополита кіевскаго Петра Могилы 1647 году: дал он в Братской монастырь, для поминовенія души своей, двор в городѣ Кіевѣ купленной з двумя дворовыми мѣстами и с сѣножатью, которое он, митрополит, купил у вдовы Федоры Солениковой, одною стороною к школам братским, другою к богодѣлнѣ того ж монастыря.

В поступной Петронелли Вороновичевы Голубовой 1650 году: поступилась она в монастырь Братскій двома мѣстами дворовыми, прозваніем Вороничевскые, за долг, одно за шесть сот, а другое за полтараста золотых польских.

В листу гетмана Богдана Хмельницкаго 7651 году: дал он для прокормленія маетности ляцкіе и мельницы монастырю Богоявленскому Братскому Кіевскому во владѣніе, село, прозываемое Мостище, над рѣчками Ирпенем и Котором, со всѣми належащими грунтами, полями, сѣножатьми, борами и лѣсами.

В листу дворецкого 1659 году: дал он вотчину Богоявленскому монастырю и к школам при нем обрѣтаюшимся для наук высоких, село прозваніем Мостище над рѣкою Ирпенем, со всѣми полями и з борами, которые поля, отцем братским належащіе, починаюся от той же рѣчки Ирпени, а кончатся по озеро за селом Преваркою и за полями его в полмилѣ, в бору подлѣ дороги Гостоминской к Мостищам лежащей, в длину, а поперег от рѣки Сирца прямо через бор, от поля Церкви Васильевской мѣской Кіевской, по рѣчку Водицу, которая идет от Мощана, поля воеводскаго Вышгородскаго.

Да в листу его ж дворецкаго 1660 году: дал он лист Братскому монастырю в потверженіе на дворовые мѣста, Пекулицкій, Оксаковскій и Криницкій, данные от гетмана Богдана Хмельницкаго, в тот монастырь; в межах тѣ мѣста подле ево полковникова двора, а другую сторону, подлѣ двора Ивана Держикрая, на улицы, которая лежит от торгу к церкви Святаго Пророка Иліи.

В листу того ж дворецкаго 1672 году: дал он Братскому монастырю, на углу против того монастыря, двор свой с землею.

В выписи из книг градских кіевских права Магдебурскаго 1672 году: что дал мѣщанин кіевскій Гришка Борисов, для поминовенія души своей, в монастырь Братскій хутор свой на Сирцѣ лежащой.

В листу гетмана Ивана Самойлова 1672 году: что он, по особливой своей ревности к Церкви Божіей, а наипаче для украшенія ея свѣщами, дал свой лист Братскому монастырю на січеніе медов в году к шести праздникам, а имянно: к Святому Богоявленію, к Благовѣщенію пресвятыя Богородицы, к Воздвиженію Чеснаго Креста Господня; и Святых трех Святителей Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и Святаго Равноапостольнаго великаго князя Владиміра, и Святых Старстотерпцев Бориса и Глѣба; и дабы никто из старшины и черни монастырю Братскому в січеніи медов никакой не дерзал чинити помѣшки, под жестоким наказаніем.

В листу Мефодія, епископа мстиславскаго и оршанскаго, 1679 году: что он купленный свой лѣс, со всѣми угодіи, Ивангородскій названный, в Братскій монастырь отдал навѣки.

В выписи с книг градских кіевских права Магдебурскаго 1681 году: дяк Перфилей Сѣменников дал к Братскому монастырю купленное дворове мѣсто в Нижнем городѣ Кіевѣ, близ ограды того монастыря, которое мѣсто, будучи он в Кіевѣ в наукѣ, купил у бурмистра кіевскаго у Сергія Бибикова.

В купчей, данной от иванковскаго козака Федора Волохова Братского монастыря игумену Феодосію Гугуревичу, 1686 году: что продал он, Феодор, ему, игумену, мельницу о дву жерновах на рѣкѣ Острѣ. А взял он у него за ту мельницу двѣстѣ золотых польских.

В выписи из книг генеральнаго суда Войска Запорожскаго, какову дали генеральные судьи Братскому монастырю 1688 году: дали они Гугуревичу, ректору и игумену монастыря Братскаго Кіевскаго, вновь вотчины, от бывшаго гетмана Ивана Самойловича данные в замѣну Муравска с приселками, Лутаву, Выповзов, Косачовку, с полями, с сѣнокосами и с отчинами, с огородами и островами, Желѣзняком и Медвѣдковым, и с лѣсами, и с лугами, и со всякими приналежностями, которыми насильно владѣл сотник острянскій Трофим Подтереба; да мельницу на рѣкѣ Лутавѣ, у того ж сотника Подтеребы купленную за сто золотых польских.

Да того ж году в листу гетмана Ивана Самойловича к игумену Братского монастыря, к Феодосію Гугуревичу написано: писал он, гетман, кіевскому полковнику, приказывая, чтоб он в селѣ Лутавѣ во владѣніи хуторца никакой им помѣшки не чинил; и тот хутор, со всѣми к нему належащими угодіи, с полями, ему, игумену, отдал, и они б, игумен и братія, тѣм хутором, и со всѣми угодіи, с полями, владѣли по прежней его гетманской дачѣ, и по нынѣшнему подтвержденію.

В выписи из книг градских ратуши Батуринской 1690 году: Даніил, прозвище Чернец, житель ивангородскій, отдал в монастыр Братскій двор свой, с огородом и с полями, и с рощами, и сѣнокосами, и с пасѣкою, и с прудом.

В выписи с книг ратуши Кіевской 1693 году маія 17 дня: что пришед в ратушу Кіевскую к уряду мѣскому, к войту Ивану Быкову, и к бурмистрам, и к райцам,

и к лавникам, Богоявленскаго Братскаго монастыря іеромонахи, Рафаил Васильевич и Парфеній Родович, просили их имянем Іоасафа, игумена и ректора Братскаго монастыря, и Захарія Корниловича намѣстника, и всей братіи того ж монастыря Братскаго, для осмотру и описи земель и дворов, к монастырю братскому лежащих, от давных лѣт от розных особ купленных и данных, на которых землях и дворах живут наемщики из найму; и уряд мѣскій, по прошенію вышепомянутаго игумена и ректора с братіею, выслали для досмотру и описи тѣх земель и дворов: которые урядники вмѣстѣ с братскими старцами, с Рафаилом и Парфеніем, дворы досматривали и описали. Двор Кучинской, купленной за тысячу коп литовских у Катерины Кучинской, под горою городовою, по улицѣ, лежащей от церкви Рождества Христова к площади торговой. Второй двор Выговской, дан в монастырь Братскій от Юрія Хмельницкаго, бывшаго гетмана, подле взъѣзду в верхней город. Третій двор Голубовской куплен за шесть сот золотых у Петронелли Голубовой, против богодѣлни Доброникольской. Четвертой двор Вороничевскій взят за долг, за шесть тысяч золотых, у Данила Воронича скарбника кіевскаго, подле двора Ивана Голика козака. Пятый двор Креницкій дан в монастыр от Елены Креницкой, против самаго монастыря Братскаго. Шестый двор Солениковскій куплен за тысячу золотых у Федоры Сергѣевой Солениковой, подлѣ житнова торгу. Седмый двор Свершковскій, дан в монастырь от Крестины Лешкевичевой и от Агафіи Козичанки, близ церкви Глѣбо-Борисовской к рядам. Осмой двор из дву дворов построен: один бывал Митковскій, сами старцы братскіе купили за триста золотых у Миколая Яницкого, и у жены его Луциніи Мѣткѣвичевны, а другой Созоновскій дал в монастырь Иринарх Маратович, старец печерскій, подлѣ богодѣлни и школы церкви Соборной. Девятый двор Муховецкій дан в монастыр от Марины Алекшицовны Криштофоровой Муховецкой, при улицѣ Хлѣбоборисовской. Десятый двор Бибиковскій, дан в монастыр от дяка Перфилия Сѣменникова, подле братских пѣвчих. Первый на десять двор Оксаковскій, дан в монастырь Братскій от гетмана Богдана Хмельницкаго, и от Павла Хмельницкаго ж, полковника кіевскаго, подле двора Геронима Почеки, протопопа козельскаго. Вторый на десят двор Хмельницкый, который старцы братскіе променили в монастырь, за свой двор, Панамаревской, у Никифора Хмеленка, подля двора братскаго Пекулитскаго. Третый на десят двор Пекулитскый, дан в монастырь Братскій от двух полковников кіевских, от Павла Хмельницкаго, и от Василія Дворецкаго подля вышеписаннаго двора Хмельницкаго. Четвертыйнадесят двор из двух один построен, один бывал Федора Семенова, а другой Андрѣевской: выменены на братскій двор Калениковскій, подле их же братскаго двора Оксаковскаго. Пятыйнадесят двор Гаритинскій, дан в монастыр от Гаритинскаго, подля двора Петра Чернца. И уряд кіевскій, по прошенію вышепомянутаго игумена и ректора, с братіею, тѣ их дворы монастырскіе в книги кіевскіе записать велѣл: на что и сію выпись Братскаго монастыря игумену и ректору зъ братіею дали.

А в листу подданаго нашего Войска Запорожскаго обоих сторон Днѣпра гетмана Ивана Степановича Мазепы, 1693 году написано: что по нашей царскаго величества милости имѣет он, гетман, наш царского величества указ усторивать в Малой Росіи всякіе порядки, и по прошенію вышепомянутаго игумена с братіею укрѣпляет он, сим своим листом, Братского монастыря вотчины, а имянно: 1. село Позняки, над Днѣпром лежащее, а от преставшагося Петра Могилы,

митрополита кіевскаго, со всѣми приналежитостями данное, то есть с землями, полями пахатными, сѣножатьми, огородами, озерами, борами, лѣсами, и иными угодіями меж землями Печерскими, Никольскими и Выдубецкими, на что и крѣпости имѣют, которые приналежности грунта, в таком ограниченіи обрѣтаются: сѣножать Пѣсочная, прозываемая до Сухова дуба по Плоское озеро. Другая сѣножать Подкурье по дальную гать рубежем, почав от озера Тербина жерелом Дарницею до нижней мельницы Печерской, до Воскресенщины, от мельницы убедью до острого Рога, а от острого Рога до Шаломин, тою убедью, от Шаломин по конец Урлева гради, от Урлева і Пенные лозы, от Пенных лоз в Довгушку озеро, из Довгушки жерелом в Сребренный Кол, от Сребреннаго Кола, долиною малою, в конец Вязок, в Княжей затон, от Княжего затону на брод под Троецкій футор, от броду жерелом до Весняка рѣчки, Весняком до Синятина, от Синятина до Порубежнаго, от Порубежнаго до Телячева, от Телячева, рѣчкою Позняковою, до моста на Тербинѣ рѣчкѣ, да в рѣчку Дарницу; 2. мѣстечко Карпиловка, с двемя приселками, Косачовкою и Лутавою, от бывшаго гетмана данное, и третьим Выповзовым вновь от него гетмана данным, со всѣм землями, полями, сѣножатьми, борами, лѣсами и озерами, имянно: Вырищем, Кровою, Ямою, Плотичем, Черною плавлею, Солонецкою, рѣчищем Сокиркою, Плотичем Клиточным, Лопуховатым, Медвѣдковым, Грушевым, Комаровым, Линком, Семчем, Холинским, Избитским, и Старухою, и иными угодіями, которые издавна к тому мѣстечку и приселкам належали; а особно земли Проскуринскіе, Сорокушинскіе, Щикгельскіе, Ходѣевскіе и Бубликовскіе, також и островы, Железняк, Медвѣдков млинок, и мельница, там же под Карпиловкою на рѣчкѣ Лутавцѣ стоящая, у Трофима Подтеребы купленная, и дворовые пустые мѣста, в мѣстѣ Острѣ, с строеніем, у Ивана, у Кондрата Руденка, и Павла Рѣдкого купленные; тут же и мельницы на рѣкѣ Острѣ, на греблѣ, прозываемой Кудиковской, и людей при ней живущих тяглых в послушаніи отдает, оприч козаков, которые в вышепомянутых мѣстечках и в приселках и при мельницах живут и имѣют сохранены быть при своих козацких вольностях; также и берег рѣки Десны, от Карпиловки будучей, гдѣ перевозу приставать пристоит, в пожиток при них, отцах братских, оставляет; 3. селище Мостище, над рѣчками Ирпенем и Которем лежащее, от гетмана Богдана Хмельницкаго Братскому монастырю данное, со всѣми к нему приналежащими пожитками, полями, сѣножатьми, борами, лѣсами, мельницами на рѣчкѣ Которѣ и иными угодіями, которых ограниченіе в писмѣ умершаго дворецкаго есть написано, и грунт запустѣлый на Сирцѣ будучій, за Кіевом, гдѣ и хутор от Гришки Борисова по смерти его отказанный в тот монастырь бывал; 4. так же в нижнем городѣ Кіевѣ мѣста купленние и меною нажитые и от разных побожных особ данные, имянно: первый прозываемый Кучинскій, другій Выговскій, третій Голубовскій, четвертый Вороничевскій, пятый Креницковскій, шестый Солениковскій, седмый Свершковскій, осьмый Митковскій и Созоновскій, девятый Муховецкій, десятый Бибиковскій, первыйнадесят Оксаковскій, вторыйнадесят Хмелевскій, третыйнадесят Пекулитскій, четвертыйнадесят Пустыр Закалениковычевскій, пятыйнадесят Гавритинскій, шестыйнадесят Дворецкій, которых дворов положеніе и межеваніе письма из магистрату кіевскаго им данные объявляют и свидѣтельствуют, на которых мѣстах кто ни живет всякой повинен будет безо всякіе противности належащую отдавать куничную повинность; тут же

и сѣножати, прозываемая Солениковская, на оболонѣ под Кіевом над Почайною меж полями и сѣножатьми Преорской и Лесковской будучею, а другую Свершковскую к тому ж монастырю привращает; 5. также и земли до церквей стародавных Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, и Святых трех Святителей належащіе, на которые оные законники Братского монастыря крѣпости имѣют, и ограниченые тѣх земель в письмѣ особом рукою преосвященнаго Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевскаго и галицкаго и Малыя Росіи, написано, и им дано, а имянно: Соколый Рог: нива за валом у Крещатой долины. Другая за провалом Орининским, двѣ нивы у Кощавого броду, за Кощавым бродом нивы на селищах Борщувцѣ, нивы и сѣножати во Влуковѣ урочищѣ, озера, прозываемые Тритони, Долгое и Узкое, и озеро Василіевское, а в Нѣжинском полку в Ивангородском ключи село Болмачовку, которое вновь от него, гетмана, в Братскій монастырь дано, кромѣ козаков там живущих, мельница под Ивангородом о двух жерновах на рѣкѣ Острѣ у волоховца, мѣсто пустое, у Кудлаенчихи, другое мѣсто на Песочном, у Тараса купленные, лѣс, рощи, поля пахатные и сѣножати Мефодіевскіе, а особно и от Данила, прозываемого Черна поля, сѣножати, огороды и рощи с пасѣкою им данные, гдѣ нибудь в той же сотнѣ Ивангородской будучіе; 6. да они ж, игумен с братіею, имѣют от короля польскаго Владислава Четвертаго привилей, что б вольно было им во обитель свою от гор кіевских из родников воду трубами проводить, для их потребы монастырской, и он, гетман, оным то в конец приводит, однако с таковим докладом, чтоб никому жителем тамошним кіевским не было от того обиды и убытка; да они ж имѣют у себе крѣпости давные, чтоб мед сытить и продавать, так и он, гетман, то січеніе медов к пожитку монастырскому продавать позволяет, за монастырем свободно. И тѣ всѣ вышеименованные маетности со всѣми к ним приналежащими угодіи сим листом он, гетман, укрѣпляет. И дабы нихто из старшины и черни не дерзал помянутому ректору игумену со всею братіею в тѣх вышеименованных маетностях, и всяких с них пожитков, никакой найменшей помѣшки и трудности чинити, да им же, братским иноком, в вышепомянутой вотчинѣ своей, в мѣстечкѣ Карпиловкѣ торги и ярмонки по всему хотѣнію завесть и уставить.

Да в листу богомольца нашего преосвященнаго Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевскаго и галицкаго и Малыя Росіи, написано: приналежащія угодія к церквам Воздвиженкой и Трехсвятительской, Соколей Рог рубежем почав от кладовища дорогою к бору в Рутку, от того ж кладовища долиною в ручей верхняго Клова, ручеем в Глубокую долину, лѣсом нагору к великой межѣ, межою великою к стародавному путищу в рощу Лясковую, путищем в сторожевскую дорогу, а сторожевскою дорогою по Секерки в Либедь. Другая нива за валом у крещатой долины по обѣ стороны дороги долиною яругами около из долины межею к дорогѣ за Ориненским провалом, нива также Воздвиженская у Кощавого бору нива на сей сторонѣ Кощавца, за Либедью, за Кощавым бродом нивы и борок рубежем по дорогу по ускіе улицы; поверх Либеди на Теремцах, селище пустое, прозванное Борщовка, нивы, сѣножати у мостка по обѣ стороны дороги, в обрубѣ грань лежит сверху к низку рѣчки Борщовки лугами мокрыми сочавинами, идущими дубровою к дорогѣ Запольской. А на той сторонѣ Борщовки тож поля, сѣножати, земля бортная, во обрубеж идет по одной сторонѣ рѣчка Борщовка, а с другой стороны дорога Запольская да в Глубокій луг к Сѣверцѣ, Сѣверкою в Борщовку

рѣчку, у валу, гдѣ Воздвиженская церковь бывала, нива по обѣ сторонѣ дороги по Яцкову межу, озеро Василевское у Чорторый за Днѣпром с сѣножатьми, промеж Чорторый рѣчки, и промеж того ж озера Васильевскаго во Влуковѣ урочищѣ, три озера з зарожками криницами, одно великое прозвищем Три-тони, сверху выше Котельви криницы Воздвиженской, почав от лоз верхних, даже на низ жерелем в другое озеро, Воздвиженское, прозванiем Долгое и Уское, которое взялось от Кiева и кончится в озеро Три-тони. Третье из того ж великаго озера Три-тони, жерелом пошло промеж лоз и промеж черету к дорогѣ вышгородской, там же промеж тѣх озер и лоз сѣножати Воздвиженскiе, сверху вниз с конца в конец; на которые приналежности церкви Трех Святительской, и Воздвиженской, имѣет и донынѣ обитель Святая Братская Кiевская многiе крѣпости, Генрика, Жигимонта, Владислава, Яна Казимiра, и Михайла, королей польских, Владислава князя Зборашскаго, Констянтина князя Острожскаго, и Станислава Жолковскаго, воеводы кiевскаго, и преосвященнаго Михаила митрополита кiевскаго, в которых право объявлено, люди под горою и на горѣ живущiе, почав от церкви Воздвиженской даже до фортки острожской в ров Боричов по взвоз Рожественской, куницу давали в церкви вышепомянутые.

И мы, пресвѣтлѣйшые и державнѣйшiе великiе государи цари и великiе князи, Iоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всеа Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiи самодержцы, наше царское величества, слушав вышеписанных прежних вотчинных крѣпостей, и нынѣ даннаго тому Братскому монастырю на вотчины листа, нашего царского величества подданнаго, Войска Запорожскаго обоих сторон Днѣпра гетмана Ивана Степановича Мазепы, и того Богоявленскаго Кiево-братского монастыря игумена и ректора Iоасафа Кроковскаго с братiею челобитья, пожаловали его, игумена с братiею, велѣли им: того Братского монастыря на вышепомянутые вотчины, на село Позняки над Днѣпром лежащее с землями, полями, пашнями, с сѣножатьми, с огородами, озерами, борами, лѣсами и с иными угодiи, да на мѣстечко Карпиловку с тремя приселками, Косачовкою, Лутавою и Выповзовом, со всѣми полями, лѣсами, борами и озерами и с иными угодiями, которые издавна к тому мѣстечку и к приселкам надежат, да на земли Проскуринскiе, Сорокушинскiе, Щикгельскiе, Ходѣевскiе и Бубликовскiе, да на островы Железняк, и Медвѣдков-млинок, и на мельницу купленную, на рѣчкѣ Лутавцѣ стоящую, да на купленные пустые дворовые мѣста, у мѣстѣ Острѣ с строенiем, да на мельници на рѣкѣ Острѣ на греблѣ, прозываемой Кудиковске, стоящiе, с людьми при них живущими тяглыми, да на берег Десны рѣки от Карпиловки будучей и на перевоз, да на сельцо Мостище над рѣчкам Ирпинем и Которем лежащее, со всѣми к нему приналежащими угодiи, полями, сѣножатьми, борами, лѣсами, и иными пожитками, да на земли до церквей Воздвиженiя Честнаго Животворящаго Креста Господня, и трех Святителей належащiе, а имянно на Соколiй Рог с сѣножатьми и с озерами, да в Нѣжинском полку в Ивангородском Ключи, на село Болмачовку, да на мельницу о дву жерновах на рѣкѣ Острѣ, да на два купленные пустые мѣста, с лѣсом, и с полями пахатными, и с сѣножатьми Мефодiевскими, да в Ивангородской сотнѣ на данные от Данила, прозываемаго Чернца, поля, сѣножати, и рощи с пасѣкою, да на взвод воды трубами в Братской монастырь от гор Кiевских изъродников, и насiченiе медов на продажу, да в Нижнем городѣ

Кіевѣ на купленные дворовые мѣста, и наданные от розных особ, Кучинское, Выговское, Голубовское, Вороничевское, Креницковское, Солениковское, Свершковское, Митковское, Созоновское, Муховецкое, Бибиковское, Оксаковское, Хмелевское, Пекулицкое, Гавритинское, Дворецкое, на пустырь Закалениковичевской: дать сію нашу царского величества утвержающую жалованную грамоту, и по нашей государской милости богомольцу нашему игумену и ректору Іоасафу Кроковскому с братіею, и впред по нем будучим в том монастырѣ игуменови и ректором и братіи, вышеименованными вотчинами со всѣми приналежащими угодіи по крѣпостям, которые писаны в сей нашей царского величества грамотѣ выше сего, также и дворовыми всѣми мѣстами владѣти и доходы всякіе с тѣх вотчин имать и всякіе пожитки употреблять по сей нашей царского величества жалованной граммотѣ, буде от кого в чем спору какова и челобитья не будет (опрѣчь козаков, которые нам, великим государем, нашему царскому величеству в Войскѣ Запорожском служат, и их козачьих земель и всяких угодій): а для вящаго утверженія нашего царского величества милости и для вѣчнаго владѣнія тѣми вотчинами помянутому игумену и ректору Іоасафу с братьею, сію нашу царского величества жалованную грамоту утвердить нашею царского величества печатью повелѣли.

Писана ся наша царского величества жалованная граммота в нашем царствующем велицѣм градѣ Москвѣ лѣта от созданія міра 7202 (1694 по Р. Х.) мѣсяца генваря 11 дня, государствованія нашего 12 году.

М. П. [251]

№ 252

1694, січня 11. – Москва
Жалувана грамота царів Іоана Олексійовича та Петра Олексійовича на викладання наук у Києво-Братському училищі

Божиею милостію мы, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе, великіе государи цари, и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы: московскіе, кіевскіе, владимерскіе, новгородцкіе, цари казанскіе, цари астраханскіе, цари сибирскіе, государи псковскіе и великіе князи смленскіе, тверскіе, югорскіе, пермскіе, вятцкіе, болгарскіе и иных: государи и великіе князи Нова-города, Низовскіе земли, черниговскіе, резанскіе, ростовскіе, ярославскіе, белоозерскіе, удорскіе, обдорскіе, кондинскіе и всеа сѣверные страны повелители, и государи Іверскіе земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинскіе земли, черкаских и горских князей, и иных многих государств, и земель восточных и западных и сѣверных отчичи, и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и облаадатели, наше царское величество: Пожаловали богомолца нашего, Кіевского Богоявленского Братцкого монастыря игумена и ректора Іоасафа Кроковского, з братіею: и кто впред по нем, в том Братцком

[251] Памятники, изданные временною коммиссиею для разбора древних актов, высочаише учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. – К., 1846. – Т. 2. – С. 286–316.

монастырѣ, иный игумен и ректор, и братія, будут, велѣли ему дать сію нашу, великих государей, нашего царского величества, жалованную грамоту, на содержаніе и утвержение прежних училищ, или школ, давно при том Братцком монастырѣ основаніе имѣющих, для ученія філософской и богословской науки, дѣтей: великоросійских, малоросійских, всяких чинов жителей; славеноросійским, и еллиногреческим, и латинским языком; по уставом древле единые православные нашея христіанскіе восточные вѣры. Для того: в прошлом, 201 году, к нам, великим государем, к нашему царскому величеству, писал богомолец наш, преосвященный Варлаам Ясинскій, митрополит кіевскій и галицкій, и Малыя Росіи: и доносил к престолу нас, великих государей, нашего царского величества, челобитьѣ: того Братцкого монастыря игумена и ректора Іоасафа Кроковского, з братіею: чтоб мы, великіе государи, наше царское величество, пожаловали ево, велѣли ему, на школы, при том Братцком монастырѣ будучіе, дать нашу, великих государей, нашего царского величества, жалованную грамоту. Да к нам же, великим государем, к нашему царскому величеству, писал подданной наш, Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман, Іван Степанович Мазепа, с тѣм же вышепомянутым игуменом и ректором Іоасафом, бьючи челом, нам, великим государем, нашему царскому величеству: о той же нашей царского величества, жалованной грамотѣ, на тѣ ж школы, и на мирное и свободное в них, дѣтей російских жителей, и всяких православной вѣры ревнителей, ученіе, в котором дѣлѣ, может всегда, вящее расти примноженіе хвалы Божіей, а нам, великим государем, нашему царскому величеству, всенародная слава, когда в нашей, царского величества, богохранимой исконной отчинѣ, в богоспасаемом градѣ Кіевѣ, тѣ науки имѣти будут свое дѣйствітельное правленіе. И мы, пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе, великіе государи цари, и великіе князи, Іоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, наше царское величество, слушав вышепомянутого челобитья, нашего царского величества богомолца, преосвященного Варлаама, митрополита кіевского и галицкого, и Малыя Росіи, также и подданного нашего Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетмана Івана Степановича: Пожаловали ево, игумена и ректора, з братіею, велѣли им, в прежних училищах, или школах кіевских, которые давно основаны и построены при монастырѣ Братцком, при бывшем преосвященном митрополитѣ кіевском, Петрѣ Могилѣ, чрез своих православных, префектов, и профессоров, и учителев, дѣтем російского народа, всяких чинов и из ыных стран приходящим, благочестивой грекоросійской вѣры ревнителем, не токмо поэтики и реторики, но и философіи, и богословія ученія, раченія и вѣденія, славеноросійским, и еллиногреческим, и латинским языком преподавать, со усердным тщаніем, и радѣніем, отнюдь неотлучаяся ни в чем святыя восточныя церкви исповѣданія; а неспокойных, и вражды творящих учеников, унимать и смирять, и ни до какова своеволства их не допускать, и таковых в собраніе ученическое не принимать. А наипаче остерегая того накрѣпко, чтоб ученіе было благочестивое христіанское, восточнаго исповѣданія. А отступников и противников вѣрѣ нашей грекоросійской так же и еретиков, в помянутые школы не допускать, и прелесть противнаго исповѣданія, и еретическія обученія, весма отсѣкать и искорѣнять. На что и сію нашу царского величества жалованную грамоту дать повелѣли. А ректору, и учителем тѣх школ, указали мы, великіе государи, наше царское величество, давать нашего царского

величества жалованья, из нашей царского величества казны, в Кіевѣ: всѣм обще, денег по пятидесяти рублев, да ржи московской мѣры, по пятидесяти четвертей на год. И по нашей государской милости, богомолцу нашему, помянутому игумену и ректору Іоасафу, з братіею и вьпред по них будучим в том монастырѣ игуменом и ректором и братіи, ученіе в вышепомянутых школах, при монастырѣ Братцком обрѣтающихся, народа російскаго, всяких чинов, дѣтям, и из ыных стран приходящим людям, благочестивой вѣры ревнителем, преподавать, с великою ревностію, и тщаніем, так как и предки их, в тѣх же школах, радѣтелно, спокойно, и свободно, дѣтей учили, безо всяких препинаней, во всяком почитаніи, и безопаствѣ. И нашим царского величества, всяких чинов, ратным людем, розных полков, и Кіевского, и иных полков же, полковником, и казаком, кіевскому войту, и мѣщаном, никаких ему, ректору, и учителем, и ученикам, в школах будучим, обид, и утѣсненія, не чинить. И силою сей нашей, царского величества, жалованной грамоты, тѣ школы, и в них свободное ученіе: мы, великіе государи, наше царское величество, утвержаем и укрѣпляем. А буде кто, того Братцкого монастыря игумену и ректору, и учителем школным, нынѣ в том монастырѣ, и в школах обрѣтающимся, и которые по них вьпред обрѣтатися будут, и ученикам во училищах будучим, учнет чинить какіе обиды, и тѣм от нас, великих государей, от нашего царского величества быть в опалѣ, и за учиненные обиды, по розыску иск доправлен на них будет, вдвое. И для вящаго утверженія нашей царского величества милости, на вышепомянутое ученіе, и на школы, помянутому игумену и ректору Іоасафу з братіею, сію нашу царского величества, жалованную грамоту утвердить нашею царского величества, печатью повелѣли.

Писана государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицем градѣ Москвѣ. Лѣта от созданія міра, 7202 (1694 Р. Х.) мѣсяца генваря, 11 дня, государствованія нашего 12 году.

Великих государей их царского
величества діак Василей Бобинин.

С подлинной грамоты, хранящейся в библіотеке Кіевской духовной академіи. Эта грамота писана на большом пергаминном листѣ, с прописью начальнаго титула и титула в серединѣ – золотом, и обрисована широко, разноцвѣтною, с золотом, каймою. Большая, краснаго сургуча, печать висит на золотом шнурѣ в серебренном позолоченном футлярѣ. На оборотѣ грамоты написано:

Божіею милостию пресветлѣйшие и державнѣйшие великие государи і великие князи Иоанн Алексѣевич, Петр Алексѣевич всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы.

Справил Кондрат Никитин [252].

---

[252] Памятники, изданные временною коммиссиею для разбора древних актов, высочаише учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. – К., 1846.– Т. 2. – С. 317–324.

№ 253

1695, січень. – Батурин
Універсал гетьмана Івана Мазепи про перетворення Домініканського монастиря на православний Петропавлівський

Пресвѣтлѣйших и державнѣйших великих государей, их царскаго пресвѣтлаго величества, Войск Запорожских и обѣих сторон Днѣпра гетман Іоанн Мазепа, их же царского пресвѣтлаго величества Войска Запорожского всей старшинѣ и чернѣ, а особливо пану полковникови кіевскому зо всею его полковою старшиною, сотникови кіевскому, атаману городовому, войтови, цехмистром, райцом, и всему магистрату тамошнему, и кождому кому о том вѣдати належит, сим нашим универсалом ознаймуем, иж прекладал нам гетманови желаніе свое яснѣ в Богу преосвященный, его милость отец кир Варлаам Ясинскій, православный архіепископ, митрополит кіевскій и галицкій и всея Малыя Россіи, пан и пастырь наш, просячи о тое, абысмо властію нашею рейментарскою для вспартья (*вспомоществованія*) скудостей катедральных, а найбарзѣй для вспоможенія Дому церковного, якое з костела Доминиканского каменного пастырским его милости тщаніем, побожным усердіем и побожною ревностію, значне строится и во всеконечное приходит совершенство, яко теж для препитанія законников там же живучих и поседневное набожество церковное к упоможенію хвалы Божой отправуючих, надали его милости приход пашенных на рынку мѣста кіевского з помѣрного належачих. Поневаж теды з певных свидѣтельств дается достовѣрно вѣдати, же тот доход помѣрный здавна за полской еще державы костелу тому Доминиканскому вѣчным наданьем и правом належал. Пре то и мы, гетман, мѣючи по милости Божой и по монаршему их царскаго пресвѣтлаго величества указу совершенную моц и владзу, належитыи в Малой Россіи исправляти порядки, и ведлуг слушности, кому годно, чинити наданья, а почитаючи за слушную себѣ и ни в чом непротивную рѣчь, поважное ясне в Богу преосвященного его милости отца архіепископа митрополиты кіевского жаданье, давним правом согласуючее, надаемо его милости той приход помѣрный на рынку мѣста кіевского от пашен (от хлѣба) продажных отбираючихся, позволяючи его милости зараз оный одобрати в свою моц и владзу, и як хотѣти оный же употребляти, ку выхованью и выживленью законников, при церкви з костела передѣланной зостаючих. А любо за рейменту гетмана Богдана Хмелницкого той приход помѣрный отданный был гдѣ инлѣ, не сподѣваючися, абы з того войною разоренного костела Доминиканского коли была церков, еднак кеды тепер благочестноревностным их царского пресвѣтлого величества указом и милостивым монаршим иждивеніем, а его милости отца митрополиты кіевского усердным тщаніем там той костел на церковь святого Первоверховного Апостола и святого Праведного Человѣка Божія есть перестроен, гдѣ и законников болш десяти для повседневнаго набожества церковнаго мешкают; теды по самой слушности тое помѣрное пашенное на первобытное свое мѣсце до церкви з костела Доминиканскаго в большую имени Господня честь и славу передѣланной, возвращаем, позволяючи тамъже при той церквѣ для лучшого законников удовольствованія и вскормленья в особном певном (*нѣкоторам*)

своем дворѣ и шинк мѣти. Поневаж и за державы польской, яко люди старинные достовѣрно посвѣчают, дом свой шинковый законники римскаго вызнанья, рекомыи доминикане, мѣвали. А то все чиним, фундуючися на давних правах и наданьях, которых яко не хо чем жадным (*никоим*) разоряти способом, так повагою сего универсалу нашого рейментарско приказуем, абы ясне в Богу преосвященному, его милости отцу архіепископу, митрополиту кіевскому в владѣнью того помѣрного пашенного приходу никто з старшины войсковой и черни, а найбарзѣй з майстрату кіевского найменше не важился чинити перешкоды, под строгим войсковым караньем.

Дан в Батуринѣ генваря року 1695.

Подпись: Выше имянованный гетман рукою власною.

Списано с подлинника хранящагося в Кіевософійской ризницѣ [253].

№ 254

1696, листопада 16. – Чернігів
Лист Лаврентія Крщоновича до гетьмана Івана Мазепи

Ясневелможный мосце пане гетмане Войск его царского величества Запорожских, мой велце пане патроне и великий добродію!

Свідетель ми есть Бог, яко до сего часу, анім помислив когда о вакансі архиепископии Черниговской, анім дерзнул велможности вашой, милостивому добродіеві моему, в том наприкритися, уважаючи недостойность мою и на так высокое діло слабии сили мои, до того знаючи, яко тот святий и превисочайший сан архиерейский в Божием есть предувідении; по реченному апостола, иж (?) яко Бог предуведе, тіх и предустави, а их, яко предустави, тіх и призва сообразни быти образу Сына Своего и [...]их; яко высок Господь, а смиренних призирает, а високих издалеча совіту (?). Але немногии поважнии особы, так з Малой России, яко из-за границы, так духовнии, яко и мирские, з которих двоих толко знаменитых, посылаю листы велможності вашой, до мене от тіх писании, зычливостию своею побудили мене и не престают побуждати до того. Дерзнулем толкнути во двери, милостивой ласки вельможности вашой покорне просити, не рач, вельможность ваша, от патронской и добродійской ласки своей и мене, нижайшого подножка своего, а о ласку вашой вельможности панскую безпрестанно стараючогося, отринути.

Нехай то будет без урази вельможности вашой, я не дерзаю приклада[ти] и мои, хоть малии в той Черниговской епархии труди, иж служилем вірне более уже двадцати літ архиереем тутейшим и о ласку их старалемся, и постригшися в той же архиерейской катедрі, прислугуючися и их царскому пресвітлому величеству, почавши от вічно достойной памяти царя Алексея Михайловича аж до сего победоносного монархи нашего православного, прислугуючися и рейментаром побідоносного монархи нашего, прислугуючися и их милостям полковником черниговским, прислугуючися отчасти, чим змоглем, Церкви Христовой, чого

[253] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 147–149.

под[т]віржают многии з друкарни, не толко нашой, але из великороссийской, яко то Евангелие найболшии, блаженной памяти царя Феодора Алексіевича выходячие свидетелства, не воспоминаю я тут (?) конклюзии и афикции, тут пред тим, в Малой Росии, нігди не бівалих, а теперь многих, особенно почавши от самого монарха, так з коллегиума киевского, якого и з Чернигова, з завистию римлян дедикованних; що все помню за власним моим тщанием и початком; а любо в школах не училем, моглем бы учити и хотілем, кгдиби мене архиерей черниговский мною не принудил з послушания до своего діла, що, так розумію, стоит за школное учение. А и теперь безпрестанно прислугуючися и хощу прислуговатися велможности вашой, щасливе нам господствующему рейментарові малоросыйскому. Покорне прето велможности вашой, милостивого добродія моего, прошу, нехай нихто тут, в сей епархии [...] трудов своих не положивши, а [...]и на ласку и славу себі заслугуючися, [...], наших, хоч малих заслуг, яко кокош не загребает, а в вічное нехай нас не выпихает поругание; що зо всіми в той епархии сослужащими (?) моими, велможности вашой, патрона и великолепного добродія моего, ко найпокорній просячи, зостаю

Велможности вашой, велможного мосці пана, патрона и великого добродія, найныжайший подножок, всегдашний доживотний работник, всіх благ временних и вічних усердно желаючий смиренний богомолец Лаврентий Крщонович, недостойний игумен монастира Свято-Троицкого Иллинского черниговского.

Писан ноеврия 16, року 1696 [254].

№ 255

1698, березня 11. – Москва
Царська грамота преосвященному Варлааму Ясинському, митрополиту київському, про обрання гідної людини єпископом на Переяславську єпархію

Божією милостію от пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя, нашего царского величества богомольцу, преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, наше царского величества милостивое слово:

В прошлом 7203 (1695) году марта в 28 день, к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писал ты, богомолец наш, что в старости своей немоществуешь и часто Божественныя Службы отправляти и іереов и діаконов поставляти на можешь; и бил челом нам, великому государю, чтоб для немощи твоей при благословеніи святѣйшаго патріарха поставить тебѣ в помощь в Переяславль епископа, как и прежде сего бывал там епископ; и в том же в 7203 году іюня в 3 день в нашей великого государя граммате к тебѣ, богомольцу нашему, писано, велено посовѣтовав с подданным нашим, Войска Запорожского обѣих сторон

[254] Публікація Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2007. – № 3. – С. 14–15.

Днѣпра с гетманом с Иваном Степановичем Мазепою, писать к нам, великому государю, в каком поведеніи тому епископу при тебѣ в Кіевѣ, или в Переяславлѣ быть, и гдѣ ему жить, и чѣм епископскія должности, чин и всякое требованіе имѣть. А нынѣ извѣстно нам, великому государю, учинилось, по доношенію подданаго ж нашего гетмана, что желаешь ты, богомолец наш, по прежнему имѣти при себѣ того епископа для помочи, и для того епископа заложил он, подданной наш, в том городѣ Переяславлѣ церковь каменную во имя Вознесенія Господня, и чтоб поставить того епископа по благословенію святѣйшаго патріарха тебѣ, богомольцу нашему, в Кіевѣ, также и впред поставлять по тебѣ иным будучим митрополитом иных епископов в Кіевѣ ж, не посылая их к Москвѣ; и о том просил он, подданной наш, нашего царского величества указу. И мы, великій государь, наше царское величество, указали по прежнему нашему указу, тебѣ, богомольцу нашему, посовѣтовав с подданным нашим, Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра с гетманом с Иваном Степановичем Мазепою к нам, великому государю, писать, чѣм тому переяславскому епископу епископскія должности, чин и всякое требованіе имѣть, кто на ту епископію обран в епископы, и до нашего указу того новообранного епископа в епископы не поставлять.

Писан государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицѣм градѣ Москвѣ, лѣта от созданія міра 7206, мѣсяца марта 11 дня, государствованія нашего 16 году.

Списан с подлинника хранящагося в Кіевософійской ризницѣ [255].

№ 256

1700, квітня 1. – Москва
Грамота царя Петра Олексійовича митрополиту Варлааму Ясинському на маєтності

Божіею поспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец, московскій, кіевскій, владимирскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иных государств, и великій князь Новагорода Низовскія земли, черниговскій, рязанскій, ростовскій, ярославскій, бѣлоезерскій, удорскій, обдорскій, кондійскій, и всея сѣверныя страны повелитель и государь Иверскія земли, карталинских и грузинских царей и Кабардинскія земли, черкасских и горских князей и иных многих государств и земель восточных и западных и сѣверных отчич и дѣдич, и наслѣдник, и государь, и обладатель, наше царское величество, пожаловали богомольца нашего преосвященнаго Варлаама Ясинского, митрополита кіевскаго и галицкаго и Малыя Россіи, повелѣли ему дати сію нашу великого государя, нашего царского величества, жалованную граммату для того: в нынѣшнем от созданія міра 7208, а от Рождества Христова 1700 году нам, великому государю, нашему царскому величеству, бил челом он, богомолец наш, преосвященный митрополит: в прошлом 1697 году волею Божіею учинился в Святософійском монастырѣ пожар, и в то пожарное время наша великого государя жалованная граммата на прежнія и на

[255] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 155–156.

новоданныя Святософійскому Дому вотчины згорѣла; и чтоб мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали его, богомольца нашего, велѣли ему на тѣ вотчины дать нашу, великого государя, нашего царского величества, новую жалованную грammату. А в прежней нашей великаго государя жалованной грамматѣ прошлаго 199 (1691) году, какова ему, богомольцу нашему, преосвященному митрополиту, дана, написано: велено ему, богомольцу нашему, преосвященному митрополиту, и иным по нем впред будучим кіевским митрополитом прежним и новоданными к Святософійскому Дому вотчинами, а имянно деревнею Погребками и Зазимьем, мѣстечком Малою, прозываемою Моравск, с принадлежностями, деревнею Соколовкою и Коропом с Руднею, селом Церковищем, с деревнею Ковчином и с принадлежитостями; да на той же сторонѣ Днѣпра, мѣстом Бѣлогородкою, деревнями Янковичем, Рословичем, Малою Бугаевкою, Снятинкою, Мархалевкою, Жиляны, да мѣстом Трипольем с деревнями и со всѣми к ним належащими угодіи владѣти, по тому: в прошлом во 199 (1691) году бил челом великому государю, нашему царскому величеству, он, богомолец наш, преосвященный Варлаам митрополит, что первая по степени междо всѣми россійскими митрополіями Кіевская митрополія, а имѣніями и доходами домовыми пооскудѣла, и только двѣ деревни власныя свои домовыя держит по сей сторонѣ Днѣпра близ Кіева, нареченныя Погребки и Зазимье; да по нашему царского величества указу наш царского величества подданной Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетман и славнаго чина Святаго Апостола Андрея кавалер Иван Степанович Мазепа, к той митрополіи Кіевской давних Софійского Дому (1689 и 1690 г.) придал и отвел на сей же сторонѣ Днѣпра близ городов Остра и Козельца над Десною рѣкою мѣстечко, прозываемое Моравск, которое прежде сего было за римским бискупом со всѣми принадлежитостьми и с двѣма деревнями, Соколовкою и Коропом с Рудею, с озерами, с лѣсами и сѣнокосами; к Моравску ж придал сельцо Церковище с принадлежитостьми и с деревнею Ковчином, да за Днѣпром запустѣлыя мѣста Бѣлогородку и Триполье с принадлежностьми; да деревни давнія Софійского Дому, Янковичи, Рословичи, Малую Бугаевку, Снятинку, Мархалевку, Жиляны; и чтоб мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали его, богомольца нашего, преосвященнаго Варлаама Ясинского, кіевского и галицкого и Малыя Россіи митрополита, велѣли ему на тѣ вышеписанныя вотчинныя и на всякія угодья дать нашу, великого государя, нашего царского величества, жалованную грammату. А в листах подданного нашего гетмана и кавалера прошлых 197 и 198 (1689 и 1690) годов, каковы он, преосвященный митрополит, при вышепомянутом своем челобитьѣ за его гетманскою рукою и за печатью войсковою объявил, тѣ всѣ вышеимянованныя вотчины к Святософыйскому Дому митрополіи Кыевской написанны ж имянно. И по нашему, великого государя, нашего царскаго величества, указу, тѣми вышеимянованными вотчинами со всѣми к ним принадлежностьми и со всякими угодьи к Святософійскому Дому митрополіи Кіевской велено владѣти, и доходы всякые с тѣх вотчин имать и всякіе пожитки употреблять. А что в тѣх помянутых вотчинах и мѣстечкѣ Бѣлогородкѣ обрѣтаются и живут козаки, которые наши, царского величества, полковыя службы под регментом подданного нашего гетмана и кавалера служат, и тѣх козаков с надлежащими их домами, с полями, с сѣнными покосы и со всякими угодьи в вольностях ему, преосвященному митрополиту, соблюдать, и ни

в какія их земли и угодья нынѣ и впред судьям приказным его домовым людем не вступаться; а тѣ козаки подданым преосвященного митрополита ни в чем вредити не имѣют. А буде кто в тѣх вотчинах и в мѣстечкѣ Бѣлогородкѣ учинит какое разореніе и насильство, и тѣм людем от нас, великого государя, от нашего царскаго величества, по розыску быть в опалѣ. А буде учинится порубежным Святософійскаго Дому вотчинам какая обида и наѣзды от польских людей, и от тѣх наѣздов, по нашему, великого государя, нашего царского величества указу, оберегати бояром нашим и воеводам в Кіевѣ будучим и подданному нашему гетману и кавалеру. А монастырь архистратига Михаила, именуемый Выдубицкій, издревле до митрополіи Кіевской належащій, о чем и подданной наш гетман и кавалер нам, великому государю, нашему царскому величеству, доносил, велено по прежнему к митрополіи Кіевской приписать и вѣдать богомольцу нашему, преосвященному митрополиту, так как издавна належало, во всякой к славѣ Божіей лѣпотѣ и украшенію, и игумен и братія в том монастырѣ всегда неотмѣнно. Да в нынѣшнем 1700 году присланной богомольца нашего преосвященнаго митрополита Кіевскаго эконом Парфеній Родович в приказѣ Малыя Россіи объявил нашего царскаго величества подданного гетмана и кавалера универсалы, в которых написано: в первом 1692 г. утверждает он, гетман, в катедрѣ митрополитанской озера Ряин, Бабин, и сѣнные покосы луговые Задесенные, остров Бѣловод, два поромы на рѣкѣ Деснѣ под Моравском и под Ковчиным, село Ковчин, Комаровку, село Койлов с озерами Домонтовичевскими, грунт около села Церковищ и в самых Церковищах, приказывая, дабы мельники, оприч козаков, к Кіевской митрополіи были послушны, которые на мельницах рѣки Остря, озера и луки Трипольскіе со всякими селищами к Бѣлогородкѣ и Триполью належащими со иманіем с купецких людей мыта, в Погребках на озеро Подцерковье, Крушинку, Лазоревщину, названную Шархавщина, и иные грунты над рѣкою Лыбедью и иные грунты ж над рѣчкою Сычовкою, Борщовкою и под городом Вышним кіевским лежачіе, на лѣса Моравскіе, Погребскіе, Бѣлогородскіе, Трипольскіе, и чтоб тѣх лѣсов не пустошити и озера не вылавливати, сѣнокосов не выкашивать, людей тяглых в козацство не привлекать, и в сосѣдство не принимать и от повинностей подданных не заступать. Во втором 1692 года приказывает он, гетман и кавалер, чтоб купецкіе люди не токмо в самом первоначальном городѣ Кіевѣ и в малороссійских городѣх живущіе, но и из заграницы польской с разными товарами дорогою Бѣлогородскою и Борщовскою ѣдучіе, чтоб всяк безо всякой противности належитое отдавал мыто, для того что не малая чинится утрата в мельничных плотинах чрез непрестанных купецких людей проѣзды; також и сѣнокосам там принадлежащим чинятся потолоки немалыя. В третьем, что для скудостей катедральных первопрестольных и ради вспоможенія церковнаго дѣла из костела Доминиканскаго дает он, гетман, ему, преосвященному митрополиту, доход с помѣрного належащій, дабы при той церкви для лучшаго законников удовольствованія и выкормленія во особном подданном своем дворѣ шинк имѣли. В четвертом, того ж году полковнику кіевскому и старшинѣ, сотнику, атаману Острицкому вѣдомо чинит он, гетман, чтоб к катедрѣ митрополитанской належащих мельниц на рѣкѣ Острѣ построенных мельники в послушаніи были митрополиту кіевскому. И мы, великій государь, наше царское величество, слушав вышеписанного богомольца нашего преосвященного Варлаама, митрополита кіевского, челобитья и прежней нашей царского величества жалованной грамматы прошлого 199 году,

и подданного нашего царского величества, гетмана и кавалера универсалу 1699 году, пожаловали его, богомольца нашего, преосвященного Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевского и галицкого, и кто впред по нем иные митрополиты в Кіевѣ будут, велѣли на всѣ на тѣ вышеписанные на прежніе и на новоданные сверх прежней жалованной нашей царского величества грамматы по универсалам подданного нашего гетмана и кавалера, каковы нынѣ объявил присланной от преосвященного митрополита эконом его митрополитанской, а имянно на озера Рясин, Бабин и сѣнные покосы луговые Задесенные, остров Бѣловод на рѣкѣ Деснѣ, на пороми под Моравском и под Ковчином, на село Ковчин, Комаровку, да на село Койлов с озерами и на грунта Домонтовичскіе около села Церковищ и в самых Церковищах, и на мельницах мельников рѣки Остря, и на озера и на луки Трипольскіе, на Триполье, и на Бѣлогородку со всякими селищами и на Погребки и Зазимье, и на озеро Подцерковье, Крушинку, Лазаревщину, назваиную Шархавщина, и на иные грунта над рѣчкою Любедью, Сычовкою и Борщовкою лежачіе, и под городом Вышним кіевским на належащіе лѣса Моравскіе, Погребскіе, Бѣлогородскіе, Трипольскіе, и чтоб тѣх лѣсов не пустошить, и озер не вылавливать, сѣнокосов не выкашивать, людей тяглых в козацтво не привлекать и в сосѣдство не принимать, и от повинностей подданных не заступать, к Святософійскому Дому митрополіи Кіевской дать сію нашу царского величества утвержающую жалованную грамматy; и силою сей нашей великого государя, нашего царского величества, жалованной грамматы то вышеписанное все укрѣпляем и утвержаем, и быти тому всему изволяем во всем против прежней и сей нашей царского величества жалованной грамматы непорушимо. А для вящшаго утверженія нашей царского величества милости и для вѣчного тѣми вотчинами к Святософійскому Дому ему преосвященному Варлааму митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи и впред по нем будучим митрополитом кіевским владѣнія, сію нашу царского величества жалованную грамматy утвердить нашею царского величества государственною печатью повелѣли; а о помѣрном и о мытѣ и о шинкѣ при Доминиканском костелѣ по универсалам гетмана нашего и кавалера, наш великого государя, нашего царского величества, указ будет впред.

Дана сія наша царского величества жалованная граммата, государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицем градѣ Москвѣ, лѣта от Рождества Христова 1700 апрѣля 1 дня, государствованія нашего 18 году.

При печати государственной подпись тако:

По указу пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя, его царского величества, сію его царского величества жалованную грамматy подписал государственного Посольского приказу дьяк Михайло Родостамов.

1779 года декабря 31 дня присудствующіе в сотенной Кіевской канцеляріи, сотенные старшины в засвидѣтельствованіе, что вышеписанная грамата с оригинальной во всем точно и сходно переведена, с приложеніем сотенной кіевской печати подписались:

сотник кіевскій Иван Гудимов.

В должности писаря сотенного Михайло Черницкій,

(Мѣсто печати) [256].

[256] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 149–154.

№ 257

1700, жовтня 16. – Переяслав
Архієрейська грамота Варлаама Ясинського на побудову Вознесенської церкви у Ромнах

Варлаам Ясинскій, Божіею милостію православный архіепископ, митрополит кіевскій, галицкій и всея Малія Россіи.

Пречестному отцу протопопѣ Роменскому со всѣм духовенством, и (всѣм их) милостям паном урядовим, ктиторам и парохіяном, жителем Роменским, Божія архіерейско желаючи благословення, извѣстно творим, иж честній отец Роман Высоцкій, презвитер Ярошовскій, з паном Андреем Гайдуком, мещанином роменским, предложили свое благое намѣреніе, ко благоугодному и святолюбивому дѣлу, же имѣют построить церков под мѣстом Ромном, Вознесенія Господа Бога и Спаса нашого Ісуса Христа, к подвышенію и болшой чести имени его трисвятого, пан Андрей свой власній кгрунт на мѣсце офѣруючи, а честній отец Роман свого ради спасенія ложачи кошт на сооруженіе тоей церкви. Прето похвалное тое их намѣреніе Боже сподоби, к скорому привести и душеполезному совершенію, архіерейско желаем и благословляем честному отцу Роману тое ж освятити мѣсце, зачати и совершити дѣло на спасенне душам правовѣрним; а пречестній отец протопопа должен удѣлити парохіи, равно так яко и до инших храмов пастирско желаем.

Писан в катедрѣ новообновленной епископской Переясловской. Року 1700, октоврія 16 дня.

На подлѣнном так: рукою власною [257].

№ 258

1701, вересня 26. – Москва
Жалувана грамота царя Петра Олексійовича, видана Київській академії на підтвердження попередньої грамоти

Божиею поспешествующею милостию мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь і великій князь Петр Алексѣевич, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержец, московскій, киевскій, владимерскій, новгородцкій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій, і великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятцкій, болгарскій, и іных государь и великій князь Новагорода, Низовские земли, черниговскій, резанскій, ростовскій, ярославскій, бѣлоозерскій, удорскій, обдорскій, кондинскій, и всеа сѣверныя страны повелитель і государь Иверские земли, карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли, черкаских и горских князей, и іных многих государств и земель, восточных, и западных, и сѣверных отчич, и дѣдич, і наслѣдник, и государь, и обладатель, наше царское величество. Пожаловали богомолца нашего, Киевского Богоявленского Братцкого монастыря игумена, і ректора Прокопия Калачинского з братиею, и кто по нем впред в том Братцком

[257] *Лазаревский А. М.* Архивные отрывки для истории Полтавской епархии. Выпуск первый. – Полтава, 1887. – С. 66–67.

монастырѣ, иные игумен и ректор, и братия будут, велѣли ему дать сию нашу, великого государя, нашего царского величества жалованную грамоту с отпуску прежней нашей царского величества, жалованной же грамоты, какова в тот монастырь дана, в прошлом в 202 году игумену ж и ректору, Іоасафу Кроковскому з братиею: на содержаніе і утверженіе прежних училищ и школ, давно при том Братцком монастырѣ основаніе имѣющих, для ученія философских и богословских наук, дѣтей великоросійских и малоросійских, всяких чинов жителей словеноросійским і еллиногреческим, и латинским языком, по уставом древле единые православные нашея христианские восточныя вѣры, для того, что в нынѣшнем 1701 году июня в 11 день бил челом нам, великому государю, нашему царскому величеству богомолец наш преосвященный Стефан, митрополит резанскій и муромскій, что в письмѣ к нему богомолца ж нашего, преосвященнаго Варлаама, митрополита киевского и галицкого и Малыя Росіи написано. Что киевской войт с мещаны чинит великую брацких школ учителем обиду, нарушая нашу, великого государя, жалованную грамоту, привлекая себѣ власть и волю, емлет студентов в ратушу, неизвѣщая власти духовной, ректору и префекту надлежащим правильно, якоже изначала того училища, но еще из своей ратуши отдают в верхней город к генералу в Киевѣ нынѣ будучему. І нам бы, великому государю, нашему царскому величеству, пожаловать их велѣть дать им в тот Брацкой монастырь, игумену и ректору з братіею нашу царского величества жалованную подтвержающую вторую грамоту, чтоб тѣх училищ над студентами, впредь, мещаны и генерал наш будущей в Киевѣ, не имѣли в том над ними воли, и власти. А кто из студентов явитця кому виновен, чтоб искать управы в належащем судѣ и правѣ, школ брацких киевских у ректора и префекта, якоже и прежде было изначала. А учители и студенты били ж челом, что Окадемія их, Киево Могилянская, от прежняго своего основанія, будущая равными привиліями, как обыкновенно иным Окадемиям, во всѣх государствах иноземческих, право свободность имѣти подтвержено, нынѣ не свободно есть, но под игом тяжкой обиды, пребывающей от мѣщан киевских, о чем покорственно оные учители, і ученики их, преосвященнаго киевского митрополита просят, чтоб он своим челобитьем к нам, великому государю, ходатайствовал, о свобожденій от бесчинства и дерзости мещан киевских, а какая де случитца вина, суд бы был во Академій. А в нашей великого государя, нашего царского величества жалованной грамотѣ, какова им в тот монастырь дана в прошлом в 202 году написано: что в том Братцком монастырѣ російскаго народа всяких чинов дѣтям и із иных стран людем, благочестивой грекоросійской вѣры ревнителем, ученіе преподавать со усердным тщаніем и радѣніем, не отлучаяся ни в чем святыя восточныя церкви, а неспокойных и вражды творящих учеников унимать, и смирять, и ни до какова своеволства их не допускать, и таковых в собраные ученическое не принимать, а нашим, великого государя, ратным всяких чинов людем, и Киевскаго, и іных полков полковником и казаком, и войту с мещаны, никаких ему, ректору, і учителю, и ученикам, в школах будучим, обид і утѣсненія не чинить. І нынѣ мы, пресвѣтлѣйшій і державнѣйшій великій государь, царь і великій князь Петр Алексѣевич, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержец, наше царское величество, слушав челобитья богомолцов наших, преосвященнаго Варлаама Ясинскаго, митрополита киевского и галицкого, и Малыя Росіи, и преосвященнаго Стефана Яворского, митрополита резанского

и муромского, пожаловали, велѣли Киевского братцкого монастыря ігумену и ректору, з братіею, по прежней и по сей нашей великого государя, нашего царского величества жалованным грамотам, в прежних киевских училищах, или школах, которые давно основаны і построены, при монастырѣ Братцком, при бывшем преосвященном митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, чрез своих православных префектов и профессоров, і учителев, дѣтем російскаго народа всяких чинов, и із иных стран приходящим благочестивой грекоросійской вѣры ревнителем, не токмо поэтики и реторики, но философій и богословій ученія, раченія, и вѣденія, словеноросійским, і еллиногреческим, и латынским языком преподавать со усердным тщаніем и радѣніем, отнюдь не отлучаяся ни в чем святыя восточныя церкви исповѣданія. А неспокойных и вражды творящих учеников унимать и смирять, и ни с кѣм никаких ссор чинить им не велѣть, и того над ними игумену з братіею смотрѣть и ни до какова своеволства их не допускать, и в собраніе ученическое неспокойных не принимать, а найпаче остерегая того накрѣпко, чтоб учение было благочестивое христианское восточнаго исповѣданія, а отступников и еретиков, и противников вѣре грекоросійской, в тѣ помянутые школы не допускать, и прелесть противнаго исповѣданія, і еретическая обученія весма отсѣкать, іскоренять, а студентов той Киевской академіи, которые явятця кому в чем винны, унимать, и смирять и по винам их управу чинить ни в чем им не паровя, и ни до какова своеволства их отнюдь не допущая. А нашим великого государя ратным всяких чинов людем, и Киевского, и іных полков полковником и казаком, и войту с мещаны, никаких им, ректору и префекту, і учителем, и ученикам в школах будучим, обид і утѣсненія не чинить, а буде они, ректор и префект, винним студентом управы чинить не учнут, і о том на них, ректора и префекта, изобиженым людем жалобу доносить богомолцу нашему преосвященному Варлааму Ясинскому и по нем иным преосвященным митрополитом киевским. А которых студентом за какіе вины их, они, преосвященные митрополиты, управы чинить не похотят, и в Киеве будучим воеводам о таких студентовых винах сыскивать в правду, а сыскав подлинно по винам их, наш великого государя указ чинить. По нашему великого государя указу, по уложенью и по новоуказаным статьям, остерегая того на крѣпко: чтоб прежней и сей нашим, великого государя, жалованным грамотам нарушенья, а игумену и ректору, і протчим управляющим тѣх школ учеников, невинного оскорбленія и обиды, также и в наших великого государя дѣлах неуравленія, и студентов к невоздержанію их потачки не было. И по нашей государской милости игумену и ректору Прокопію Калачинскому з братіею, и впред по нем будучим в том монастырѣ игуменом и ректором и братій, ученіе в вышепомянутых школах при монастырѣ Братцком обрѣтающихся народа російскаго всяких чинов дѣтем, и із иных стран приходящим людем, благочестивой вѣры ревнителем, преподавать с великою ревностію и тщаніем, так как и прежніе учители, в тѣх же школах радѣтелно и спокойно и свободно дѣтей учили безо всяких препинаней. И силою сей нашей царского величества жалованной грамоты тѣ школы, и в них свободное ученіе, мы, великій государь, наше царское величество утверждаем і укрѣпляем. А буде кто того Братцкого монастыря игумену и ректору, і учителем школьным, нынѣ в том монастырѣ и в школах обрѣтающимся, и которые по них впред обрѣтатися будут, і ученикам во училищах будучим учинит кто какие обиды, и налоги, и тѣм от нас, великого государя, от нашего царского величества быть в опалѣ: і для вящаго утверженія нашей,

царского величества, милости, на вышепомянутое учение і на школы помянутому игумену и ректору Прокопію з братіею, сію нашу царского величества жалованную вторую грамоту утвердить нашею царского величества государственною маестатовою печатью повелѣли.

Писана ся наша царского величества жалованная грамота, в нашем царствующем велицем градѣ Москвѣ, лѣта от созданія мира 7210, а от Рождества Христова 1701, мѣсяца сентября 26 дня, государствованія нашего 20 году.

Государственного Посолского приказу
діак Михайло Родостамов.

С подлинной, писанной на таком же пергаминном листѣ, как и предыдущая, и с такими же украшеніями. К ней привѣшена большая печать в жестяном футлярѣ. На оборотѣ грамоты написано:

Справил Федор Рогов.

Подлинная грамота хранится в библіотекѣ Кіевской духовной академіи [258].

№ 259

1701, вересня 26. – Москва
Лист царя Петра Олексійовича, що сповіщає київського митрополита про підтверджувальну грамоту, видану Київській академії 26 вересня 1701 року

Божиею милостию от пресвѣтлѣйшаго і державнѣйшаго, великого государя царя, і великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, і многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчича і дѣдича, і наслѣдника, і государя, и обладателя, нашего царского величества богомольцу, преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кіевскому, і галицкому, і Малыя Росіи, наше царского величества, милостивое слово.

В нынѣшнем 1701 году, по нашему, великого государя, нашего царского величества указу, а по челобитью твоему богомольца нашего, дана наша царского величества жалованная вторая подтверждающая грамота, в Кіевской братцкой монастырь ігумену и ректору з братиею, в которой изображено, велено по прежней і по нынѣшней нашей царского величества жалованным грамотам, в прежних Кіевских училищах, іли школах, которые давно основаны і построены при монастырѣ Братцком, при бывшем преосвященном мітрополите Петрѣ Могилѣ, чрез своих православных префектов, і префессоров, і учителев, дѣтем російскаго народа всяких чинов, і из ыных стран пріходящим, благочестівой, грѣкоросійской вѣры ревнителем преподавать со усердным тщаніем і радѣнием, отнюд не отлучаяся ни в чем святыя восточныя церкви исповѣдания; і тебѣ б нашего царского величества богомолцу преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту киевскому и галицкому, и Малыя Росіи, о том вышеписанном наш царского величества

[258] Памятники, изданные временною коммиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. – Т. 2. – К., 1846. – С. 325–334.

милостивой указ вѣдать, і о всем чинить по нашему, великого государя, нашего царского величества, указу.

Писан государствия нашего во дворѣ, в царствующем велицем градѣ Москвѣ, лѣта от Рождества Христова 1701, мѣсяца сентября 26 дня, государствованія нашего 20 году.

С подлинника, хранящагося в Кієво-Софійской ризницѣ, писанного на большом бумажном листѣ. На оборотѣ печать и надписаные:

Нашего царского величества богомольцу преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кієвскому і галицкому, и Малыя Росіи [259].

№ 260

1701, вересня 26. – Москва
Грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Варлааму Ясинському про дозвіл навчатися в Київській академії іноземцям

Божіею милостію от пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и многих государств и земель восточных и западных, и сѣверных отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя, нашего царского величества богомольцу, преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кієвскому и галицкому и Малыя Россіи, наше царского величества милостивое слово:

В нынѣшнем 1701 году по нашему, великого государя, нашего царского величества указу, а по челобитью твоему, богомольца нашего, дана сія наша царского величества жалованная вторая подтверждающая граммата в Кієвской Братской монастырь игумену и ректору с братіею, в которой изображено: велѣно по прежней и по нынѣшней нашей царского величества жалованным грамматам, в прежних кієвских училищах, или школах, которыя давно основаны и построены при монастырѣ Братском, при бывшем преосвященном митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, чрез своих православных префектов и профессоров и учителев, дѣтем россійского народа всяких чинов и из иных стран приходящих благочестивой грекороссійской вѣры ревнителем преподавать со усердным тщаніем и радѣнием, отнюдь не отлучаяся ни в чем святыя Восточныя Церкви исповѣданія. И тебѣ б, нашего царского величества богомольцу, преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кієвскому и галицкому и Малыя Россіи, о том вышеписанном наш царского величества милостивой указ вѣдать, и о всем чинить по нашему великого государя, нашего царского величества, указу.

Писан государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицем градѣ Москвѣ, лѣта от Рождества Христова 1701, мѣсяца сентября 26 дня, государствованія нашего 20 году.

Списано с подлинника хранящагося в ризницѣ Кієвософійского собора [260].

---

[259] Памятники, изданные временною коммиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. – Т. 2. – К., 1846. – С. 335–337.

[260] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 162–163.

№ 261

1701, грудня 21. – с. Нова Гребля
Тестамент Тетяни Федорівни Товстовни на млин Новогребельський

Во имя пресвятія Живоначальнія и Нераздѣлимія Троици Отца и Сына и Святого духа. Аминь.

Понеже неотмѣнній справедливого судіи декрет продкови нашему Адаму есть видан; а по нем и всѣм таковій; яко земля еси и в землю тую жде поки поидеши; прето я раба Божія Татіяна Федоровна Товстовна Линовицкая родичка, а жена бившого моего мужа Григорія Василиевича Мелника и обивателя селця Новои Греблѣ прозиваемаго; знаючи бити живот мой короткій, а до того старостію от Бога данною мнѣ притружденний и дніе мои скоро минаючіе, подобніе блискавици, которая во очах сяет и во очах и гинет; яко смертен человѣк памятаючи на тот неомилній вирок Божій, которій знала на вѣш вонже день и час прiидет; за живота и доброи памяти моеи; сим моим тестаментом и остатнею волею моею роспорядившись здѣткамы моимы и достойною частью кождою здобр дочасних яковіе працею нашею Господь Бог дал набити; з сих всѣх еще з мужем моим небожчиком Григоріем Василиевичом помененных дѣтей моих, так синов яко и дочок випосаживши и отвѣнивши яко належит; сама теж во совершеныю старость пришедши, и змѣншим тилко мѣзиним сином моим; и то безпотомним Климом Григориевичом зостаючи, умислилисмо зобополне спомененним сином моим Климом позосталую часть свою и імѣнийце наше працею чистою от давнъх лѣт звищреченним мужем моим набутое; сим доброхотним тестаментом нашим и остатнею волею нашею слушне розпорядиты: вѣдаючи о том же кождый человѣк здоровый подлеглій есть хоробѣ, а хорій смерти, а хто ся тилко родит мусит умерти, рѣчи зась вшелякіе сегосвѣтніе, которіе завчасу писмом воровани не бивают, теди на по том рихло спамяти людзкое випливают, и взабвеніе приходят; зачим я, вишменованная з сином своим Климом, постеригаючи того, абы по смерти нашои о убогую позосталую худобу нашу жаднои турбаціи и заходов правних и неправних не било; ознаимуем сим тестаментом нашим, кождому засобна кому о том вѣдати належит; тепер и на по томніе часы, иж так мене яко и сина моего Клима з сего свѣта аще Господь Бог до хвали своей поповолаем впрод души наши вруцѣ милосердія его полѣцовши; тѣла зась наши грѣшніе яко от земли взятіе, так в тую ж при церемоніях звиклих христіянских мают бити поховани честними іеромонахи густинскими; а на поминаніе сорокоустное дорочное, а по том на вѣчное уписане и поминаніе; небожчика мужа моего Григорія и дѣтей наших, и всѣх сродников наших, и мене в поминник церковній на повседиевное при офѣрах святых моленіе, раді спасенія нашего и отпущенія грѣхов; отписуем тестаментом нашим на монастир Свято-Троецкій Густинскій Прилуцкій, так теперешним отцам Густинским, яко и впредбудучим, млин свой власній нѣкому нѣчого непенній и незаведенній з частю звиклою Ляпницкою, якои и самы уживалисмо спокойне, так и по нас обоих мают честніи отцы и богомолци наши спокойне вѣчными часы. А тот млин найдуется на греблѣ Удайской, прозиваемой Новой греблѣ, крайняя клѣтка спризду под горою; о двох колах мучном и ступном; і становим докладом

на монастир по мененній отписуется; аще Господь Бог продолжит вѣк синови моему Климови, тебы мает он моц и владзу до уживання того млина до смерти своей; а неповинни будут отцове густинскіе ему жадного утиску чинити; а по смерти Климовой, уже оставати мает тот млин цѣле во владѣніи и в спокойном вѣчном уживаню монастира Густинского, и волно будет отцем густинским як хотячи тим млином диспоновати и уживати на всѣ по томніе часи ведлуг власнои волѣ и уподобаня своего; на що и права старые купчіе на тот млин служачіе издалисмо в руки самому превелебному в Богу господину отцу Іакову Ждановичу, ігумену густинскому, и братіи его з тестаментом сим; а за грунт лѣса яко жадалисмо отложеня цѣны за его данной, пяти десять золотих, так тую ж пятидесят золотих повинни будут отдати чесніе отци густинскіе на подѣл сродникам нашим ближайшим; которій лѣс также доживотне ку вигодѣ дворовой и гребельной при Климовѣ (кром жадного збитнего пустошення, або и деревом продаваня) оставати мает, а по смерти Климовой, обителѣ Святой Густинской цале з млином належитимет вѣчне; а иншая вся худоба моя рухомая и грунта полковіе и всякіе заходи ку двору нашему належніе (кром млина и лѣса) синови моему Климу Григоревичу оставити мает; а по смерти его подлуг роспораженія и остатней волѣ его кому хотя що отпишет сприятелей наших, то тим ся и контентовати мают; а хто би колвек с пріятелей наших близких и далеких яко меж изобщих людей сію духовницю мѣл касовати, теды кождій таковій на страшном судѣ Божом розсудится зо мною, и да будет Божіе неблагословеніе на всяком таковом, яко на розорителѣ уставов Божих и чину християнскаго и всей и в будущій вѣк клятва: що все аби при зуполной имовѣрности оставало, упросила ку прислуханню сего тестаменту моего приятелей моих любимих, честного господина отца Феодора, презвитора Антоновского, отца духовного моего; пана Самойла Ващенка, товарища зацного, полку Прилуцкого, Яцка Порубаного, жителя давидовского, Остапа Кривоносенка обѣтовскаго; Максима Сердюка мокляковского; Семена Сапянного антоновского; Дмитра Сукницкого мокичевского, Івана Сащенка, жителя новогребельского, Семена Чередниченка, Івана Тихого, прилуцкого жителя, и пана Івана Карпенка, мещанина прилуцкого. Якую доброхотную легацію нашу чули от мене устне оним всѣм помененным особам вдому моем освѣдчоную, и притомному отцу ігумену густинскому из братіями его записанную.

Писан сей тестамент в дому моем при Новой Греблѣ року 1701 декабря 21 дня.

Устне просилам о притисненя печати монастирской до сего тестаменту моего що и отрималось для болшои поваги. Устне прошоный и аз іерей моченскій Евстафий Александрович к сему тестаменту руку подписую. Устне прошоный и аз іерей Григорьевич густинскій к сему тестаменту руку подписую священници уизду протопопіи Пѣратинской [261].

[261] Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1892. – Т. 4. – С. 107–109.

№ 262

1702, березня 4. – Москва
Настольна грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Захарію Корниловичу про посвячення його в єпископи переяславські

Божіею поспѣшествущею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец, московскій, кіевскій, владимирскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иных государств и великій князь Новагорода, Низовскія земли, черниговскій, рязанскій, ростовскій, ярославскій, бѣлоезерскій, удорскій, обдорскій, кондійскій, и всея сѣверныя страны повелитель и государь Иверскія земли, карталинских и грузинских царей и Кабардинскія земли, черкаских и горских князей и иных многих государств и земель восточных, и западных, и сѣверных отчич и дѣдич, и наслѣдник, и государь, и обладатель, наше царское величество, пожаловали богомольца нашего преосвященного Захарія Корниловича, епископа переяславского, и наслѣдствующих по нем, кто в том городѣ иные епископы будут, повелѣли ему во утвержденіе той епископіи дать сію нашу великого государя, нашего царского величества, жалованную граммату для того: в прошлом 7203 и 7205 (1695 и 1697) годѣх к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писал богомолец наш преосвященный Варлаам Ясинскій, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи, что он в старости лѣт своих в силѣ изнемог и службы Божіей отправлять и во освященный чин посвящать не может; и бил челом нам, великому государю, нашему царскому величеству, он, богомолец наш, преосвященный митрополит, чтоб для его немощи в помоществованіе епископа поставить в Переяславль, и быть той епископіи впротив прежняго, как в том городѣ епископія напред сего была; а подданной наш, великого государя, нашего царскаго величества, Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетман и славнаго чина Святаго Апостола Андрея кавалер Иван Степанович Мазепа нам, великому государю, нашему царскому величеству, бил же челом, что желая он быть в Переяславлѣ епископіи, строить тамо церковь каменную с немалыми престолами, и по нашему, великого государя, нашего царского величества, указу в наших, великаго государя, грамматах к ним, преосвященному митрополиту кіевскому, и к подданному нашему гетману и кавалеру писано, чтоб они по общему своему совѣту, учиня опредѣленіе переяславскому епископу, чѣм ему чина своего всякое требованіе имѣть, и кто на ту епископію обран будет, к нам, великому государю, нашему царскому величеству, писали. И в прошлом же 1701 году, ноября в 19 день к нам, великому государю, нашему царскому величеству, писал богомолец наш преосвященный митрополит кіевскій, что он по нашему великаго государя исполненію и по благословенной грамматѣ блаженныя памяти святѣйшаго кир Адріана, архіепископа московскаго и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарха, а по многом попеченіи подданого нашего царского величества гетмана и кавалера Іоанна Степановича, поставил в Переяславль на прежде бывшый многосотными

лѣты епископскій запустѣлый престол во епископы боголюбезнѣйшаго игумена монастыря Святомихайловскаго Златоверхого ево Захарія Корниловича, вѣдая о нем, что тщаніем своим может тот престол воздвигнуть и достойную епископскую честь в первобытіе произвесть. А подданной нашего царского величества гетман и кавалер к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писал, благодарствуя нам, великому государю, что изволили мы, великій государь, наше царское величество, по его челобитью той Переславской епископіи состоятися, на которую в богоспасаемом градѣ Кіевѣ при его подданнаго нашего гетмана и кавалера бытности, и всей генеральной старшины и полковников в церкви святыя Софіи, Премудрости Божіей, богомольцем нашим им, Варлаамом Ясинским, преосвященным митрополитом кіевским, и иными сослужащими ему и присудствующими архіереи поставлен и утвержден во епископскій сан вышеименованный игумен Захарій Корнилович, муж благоразумный и в житіи иноческом благочестно искусный. И бил челом нам, великому государю, нашему царскому величеству, он, подданной наш гетман и кавалер, чтоб мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали его, повелѣли ту обновленную Переяславскую епископію утвердить нашею, великого государя, нашего царского величества, жалованною грамматою, чтоб вышепомянутому богомольцу нашему преосвященному епископу Захарію Корниловичу и впред по нем на том престолѣ епископом быть непремѣнно, и рукоположеніе им на архіерейство от преосвященных митрополитов кіевских воспріимать, и всегда под послушаніем престола митрополитанскаго кіевскаго с помоществаніем быть, и не исходно жити, содержаще в паствѣ своей со всѣм до архіерейской власти принадлежащим чином весь полк Переяславской, имѣюще за належащую себѣ епархію; а он, богомолец наш, преосвященный Захарій, епископ переяславскій, о том нам, великому государю, бил же челом. И мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец, и многих государств и земель восточных и западных, и сѣверных отчич и дѣдич, и наслѣдник и государь, и обладатель, наше царское величество, его, богомольца нашего, преосвященного Захарія Корниловича, епископа переяславского, пожаловали, в подтвержденіе и укрѣпленіе той Переяславской епархіи и чина духовного и прежних прав, сію нашу царского величества милостивую жалованную граммату дать ему повелѣли; и при Божіей помощи, его, преосвященного епископа, и по нем иных наслѣдствующих епископов переяславских и епархію их во всяком соблюденіи и охраненіи имѣти будем против того, как в Малой же Россіи Черниговская архіепископія в нашей государской милости, в церковных православных греческаго благочестія догматѣх и во епископской чести и во исправленіи духовного чина и в сохраненіи прав и поведеній обыклых есть непремѣнно, не опредѣляя и не отлучая от послушанія и благословенія престола митрополіи Кіевской; а рукоположеніе на тот епископскій чин всегда имѣти по благословенію святѣйших патріархов московских и всего освященного собора великороссійского у престола митрополіи Кіевскія, у преосвященных митрополитов; а быти ему, богомольцу нашему, преосвященному Захарію Корниловичу, епископу переяславскому и по нем будучим епископом переяславским со всѣм причтом духовным той епархіи под благословеніем и послушаніем преосвященных митрополитов кіевских, не отлучаяся благословенія и разсужденія их во всем,

и исполняти сіе наше царского величества повелѣніе ненарушимо. А наша, великого государя, нашего царского величества, милость к ним никогда отмѣнна не будет. А вотчины мы к той Переяславской епископіи и к монастырем запустѣлым, Каневскому и Трехтемировскому, належащими по нашей, великого государя, нашего царского величества, жалованной утверждающей данной ему грамматѣ, владѣть ему, богомольцу нашему, преосвященному епископу, и впред по нем будучим иным епископом переяславским, и всякіи доходы с них употреблять, как в той нашей царского величества жалованной грамматѣ описано. А для вящщаго утвержденія нашея царского величества к нему, богомольцу нашему, преосвященному Захаріи Корниловичу, епископу переяславскому милости, сію нашу, великого государя, нашего царского величества, жалованную граммату нашего царского величества государственною большою печатью утвердить повелѣли.

Дана сія наша, великого государя, нашего царского величества, жалованная граммата государствія нашего во дворѣ, в царствующем великом градѣ Москвѣ, лѣта от Рождества Христова 1702 мѣсяца марта 4 дня, государствованія нашего 20 году.

Внизу подписано: великаго государя, его царскаго величества, государственной Посольской канцеляріи дьяк Борис Михайлов. – Справил Иван Петров.

На оборотѣ надпись: Божіею поспѣшествующею милостью мы, пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец.

Списано с хранящагося в Кіевософійской ризницѣ подлинника, писаннаго на пергаминном листѣ с золотыми прописьми титула и с рисованною разными цвѣтами каймою; печать большая на золотом шнурѣ в сребряном ковчегѣ при парчевой кустодіи [262].

№ 263

1703, лютого 12. – Москва
Грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Варлааму Ясинському, митрополиту київському, про підпорядкування йому ігумена і всієї братії Межигірського монастиря

Божіею милостію от пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и многих государств и земель восточных и западных и сѣверных отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя, нашего царского величества, богомольцу, преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, наше царского величества милостивое слово:

Нам, великому государю, нашему царскому величеству, извѣстно учинилось по доношенію богомольца нашего, преосвященного Стефана, митрополита рязанского и муромского, что кіевского Межигорского монастыря игумен и братія

[262] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 156–160.

имѣют к тебѣ, богомольцу нашему, противность и непослушаніе, являя себя ставропигіи патріаршей, престол же Кіевской митрополіи уничижая. И мы, великій государь, наше царское величество, указали, Межигорского монастыря игумену и всей братіи в належащих поведеніях и во всяких духовных дѣлѣх быть в послушаніи и во всяком повиновеніи у тебя, богомольца нашего, преосвященного митрополита, и по тебѣ у иных впред будущих митрополитов кіевских. Понеже нынѣ в нашем, великого государя, царствующем градѣ Москвѣ святѣйшого патріарха нѣт, и того Межигорского монастыря игумену и братіи, кромѣ тебя, богомольца нашого, и иных впред будущих кіевских митрополитов, никому иным послушанія отдавать не належит; и в нашей царского величества грамматѣ того Межигорского монастыря к игумену Феодосію Васковскому с братіею о том писано. И тебѣ б нашего царского величества богомольцу преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, о сем наш царского величества указ вѣдать и чинить по сему нашему великого государя, нашего царского величества, указу.

Писан государствованія нашего во дворѣ в царствующем велицем градѣ Москвѣ, лѣта от Рождества Христова 1703, мѣсяца февраля 12 дня, государствованія нашего 21 году.

Списано с подлинника хранящагося в ризницѣ Кіевософійскаго собора [263].

№ 264

1703, жовтня 7. – Київ
Про зобов'язання перед монастирем Івана Войнича

Ми, нижей на подписах менованние особи, відомо чиним тим писанием нашим, всім обще и кождому зособна, кому бы о том відати належало, тепер и на по томъные часи, иж що нам был светой памяти зошлий з тог[о] світа его млст п. гетман и теперешний ясне велможний его мл. пан Иван Мазепа, гетман Войска црского пресвітлаг[о] величества запорозский, надали у млині пана Ивана Войнича дві части войскових до монастира нашог[о] стого архистратига Михайла Золотоверхог[о] киевског[о], на греблі слободской и под Острем, которие то части до виш менованог[о] млина належачие, универсалами изтвердили, абисми Гсда Бга так за дшу зошлог[о] ег[о] мл. пана гетмана, яко и теперешног[о], за щасливое пановая просили. Маючи ми еднак на тое взгляд, иж пан Войнич своим коштом и накладом млин побудовал, за тое ему за блгословением и совітом ясне в Бгу преощенного его мл. отца Захарії Корниловича, епспа переяславского, и всей братиї сто – Михайловской поколіщину и покабанщину отпущаемо, также третию часть виміру и один сад каміня монастирског[о] повинен бути; а пан Войнич и сн его Феодор Войнич повинни щороку з своей части, а не монастирской, млин направовати и греблю, а до направи млина харч обоїх сторон, а ежели бы которог[о] року млина не міли поправляти, так теж и греблі, теди повинни будут поколіщину и покабанщину до монастира отдавати. Що ся тичет до нактвания каміня, о скарб и лою, которие належат до двох сторон, повинен кошт быти, в чим обоя сторона

[263] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 160–161.

зистити, стримати мает и виполнити. На що для ліпшой віри и певности при печати звиклой монастирской руки наши подписуемо.

Писано в монастиру сто архистратига Михайла Золотоверхого мсця октоврия дня 7.

Иван Войнич, рукою власною [264].

№ 265

1705, вересня 11. – Остер
Про продаж Свято-Михайлівському Золотоверхому монастирю землі

На враді нашом місцком острицким передо мною, Василием Сидоровичем, бурмистром рочним, и на сей час наказним войтом острицким, Феодором Рижком, старшим райцею, Сергіем Федоровичом и Максимом Ясковичом, райцами радними, сполне в ратушу острицком засілими, ставши очевисто Зіновия Лесковна Курдасовна, прозиваемая Ицкова невістка, Феодориха, жителка Дешковъская, міщанка острицкая, зознала явно, ясне и доброволне до записаня и мовила в такий способ: мілам, мовит, два огороды в себе лежачие под слободою, отцевские, един в подолі межи поміжников, з едной стороны Семена Лиждвоя, а з другой сторони од Якова огорода Крамарева, а чолом под гору, на шлях, а з тилу од Войничовой околиці; а другий огород, на горі также лежачий, од помісников з едной сторони од огорода пана Вербицкого и Агафиі Тарасовни Молоччихы, которими огородами не похотівши я, мененная Федориха, владіті, продалам у вічност п. Стефану Хувричу, жителю слободскому, за готовии гроши вцале руками моіми одобранние, то есть в совіто золотих осм доброй монети, и юж од сего часу и дня волно есть и будет пану Стефану тими огородами як хотячи владіть, продать, дароват, замінит, заставит и як хотячи владіти, а я, предреченная Курдасовна, од тих проданних огородов вічне себе оддаляю и варую, аби з къревних моих близких и далеких нихто жадной найменшой не важился чинити трудности под виною на вщинаючаго заплатити на врад острицкий талярей пять, ми теди, урад міский острицкий, видячи доброволную продажу и куплю, казалисмо записат, а ему, Стефану Хувричу, в крипость сее наше писмо при печати дати изволили и на нем же подписуемся.

Васил Сидорович, бурмистр, а на сей час наказний войт острицкий з маестратом.

Сию купчу я, Стефан Хуврич, отцу Трифону, зоконнику обителі Свто-Михайловской Золотоверхой за денги монастирские з братом моім Иваном руками нашими одобранние, при честному гспну отцу Якиму, презвитеру Свто-Михайловскому старогородскому острицкому, у вічност обителі продалисмо; яко неуміетние писма з братом моім знак покладаемо крести свтие ++ [265].

---

[264] Публікація Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2008. – № 3 (Інститут рукопису НБУВ. – № 535 П/1763. – Арк. 328–328 зв. копія).

[265] Там само. – Арк. 330–331. Копія.

№ 266

1707, серпня 11. – Київ
Про підтверження контракту
Свято-Михайлівському Золотоверхому монастиреві
на млин

Року тисяча семсот семого мсця августа одинадцятого дня.

Сей контракт з совіту всей братиї мнастира стого архистратига Михайла Золотоверхого киевского ясне в Бгу преосвщенным гсдном его млстю отцем Захарием Корниловичем, епспом переяславским, з небожчиком Иваном Войничем, міщанином киевским, о належитом в млыні его, Войничовом, на греблі слободской, под Остром будучой, всіх млынових порядков устроениї, о направованю греблі, и одданю з того млына его двох войскових частей на помененный сто – Михайловский мнстир з ласки ясне велможного его млсти пна гетмана и кавалера наданых, учиненых и на писмі з подписом Ивана Войнича, небожчика, власной руки справлений з оказиї будто через позосталого Ивановаго сна, именно Феодора Войнича, того контракту недодержованя, заводной будучи перед судом войсковым енералным превелебний в Бгу гсдн отец Никифор, намістнык стомихайловский з помененным Феодором Войничем на очних ставках презентовал; который яко был на суді читаный, так просил он же, превелебний отец намістник, абы оный у суду без превращения был ствердженый. Суд теды его царского пресвітлого влчства Войска Запорожского енералный з відома и волі ясневелможного его млсти пна гетмана и кавалера ни в чом сего контракту за зезволенем обоих сторон учиненного не нарушаючи, всі в нем контента виражение, абы з обох сторон исполнително всегда были додержаны, стверждает повагою своею з таковым докладом и наказом, абы он, Феодор Войнич, в том помененном млыні своем опроч волного молотя припадаючого з того ж млына розміру, иншим способом господарским придбаное собі збоже чи то до вынниці чили на харчовые домовые росходи, так молов и такою порциею, як на иншых греблях, по Острі будучих, мелники в своих млынах обходятся. Для чого и сей припис з полеценя его царского пресвітлого влчства Войска Запорожского асаула енералного его млсти пна Иоанна Ломіковского и судом енералным справуючого подписан руки писарское и печати закріплен ест.

В городі Печерском року и дня вишей именованного.
Семен Савич, писар судов Войска Запорожского енералный [266].

[266] Публікація Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2008. – № 3 (Інститут рукопису НБУВ.– № 535 П./1763. – Арк. 329–329 зв. копія).

№ 267

1708, березень. – Москва
Прийом у Москві, утримання, посвячення та відпуск митрополита Іоасафа Кроковського

В нынѣшнем 1708 году марта во 2 день к великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, писал гетман и кавалер Иван Степанович Мазепа, что Кіевопечерскія лавры архимандрит Іоасаф Кроковскій для рукоположенья и возведенія на престол митрополіи Кіевской в царствующій град Москву намѣрен ѣхать всеконечно февраля 24 дня; а сколько при нем будет духовных особ и мірских людей, и тому прислал для вѣдома роспись, в которой написано:

При новообранном разных монастырей 3 человѣка игуменов, Кіевопечерскія лавры намѣстник, 2 іеромонаха, 5 іеродіаконов, Софійскаго монастыря 1 законник (монах), да игуменских 3 человѣка, іеромонахов да діаконов 3 же человѣка; архимандричьих слуг 10 человѣк; его ж слуг и возниц 45 человѣк; игуменских и иных духовных особ слуг и челяди 16 человѣк. Всего 89 человѣк.

И сего ж марта во 2 день в указѣ великого государя из приказу Малыя Россіи в монастырской приказ о вышеписанном писано, и чтоб гдѣ ему, архимандриту, со всѣми при нем будучими духовными особы и мірскими людьми стоять и о дачѣ им против прежних таких же пріѣздов великого государя жалованья, велѣно его великого государя указ учинить в монастырском приказѣ.

И марта в 4 день в приказ Малыя Россіи из монастырского приказу написано:

В прошлых де годѣх, как было постановленіе на Москвѣ кіевским митрополитом Гедеону и Варлааму, и им были дворы отведены и вышеписанные всякіе росходы держаны из Посольского, или из приказу Малыя Россіи, а не из патріарших и не из Монастырского приказов.

И великій государь указал тому Кіевопечерского монастыря архимандриту со всѣми духовными особы и мірскими людьми об отводѣ дворов и о вышеписанных им росходѣх и обо всем по прежним примѣрам его, великого государя, указ учинить в приказѣ Малыя Россіи.

И как тот новообранный кіевской митрополит со всѣми вышепомянутыми духовными особы и мірскими людьми пріѣдет к Москвѣ, что ему против прежних пріѣздов дать его, великого государя, жалованья на пріѣздѣ в приказ корму и питья, также и на покупку харчу, и что давать его, великого государя, жалованья ему митрополиту и иным духовным особам и мірским людем поденных кормов и питей, и что к постановленію его в митрополиты к употребленію доведется сдѣлать, и что дать на отпускѣ, и о том о всем выписано ему на примѣр.

В прошлом во 194 (1686) году к великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, в пріѣздѣ был преосвященный Гедеон Святополк, князь Четвертинскій, митрополит новообранный кіевскій и галицкій и Малыя Россіи, а с ним духовных особ и мірских людей всего 45 человѣк.

Великого государя жалованья дано на прїѣздѣ в приказ митрополиту:

С дворцов:

Осетр свѣжій, соленыя рыбы 2 бѣлуги, 5 осетров, теша бѣлужья, 10 гривенок икры зернистой, пуд паюсной, живой рыбы: стерлядь большая, да 5 ушных, 2 щуки колотки, 3 леща, 3 судака, 10 окуней, 10 карасей, 10 плотиц; питья: ведро ренского, романѣи тож, по ведру трех медов красных, да с московского Отдаточного двора питья ж 3 ведра вина двойного, 10 ведр вина простого, 10 ведр меду вареного, 15 ведр пива; хлѣбов и калачей, и соли, и уксусу, и перцу, и луку на 16 алтын на 4 деньги.

2 человѣком игуменом, 2 человѣком протопопом, и протодьякону и намѣстнику, и всѣм будучим при митрополитѣ и при духовных особах людем, купя в ряду всякого харчу на 4 рубли; да с Отдаточного двора питья: 3 ведра вина двойного, 5 ведр вина простого, 8 ведр меду вареного, 20 ведр пива; да поденного корму и питья дано с прїѣзду их октября с 20 числа декабря по 16 число, и того на 7 недель и на 4 дни, митрополиту по 3 рубли, питья с дворцов по 3 крушки меду вышневого, по 5 кружек меду обарного, по 2 крушки вина церковного, по ведру меду цыженого, пива ячного по тому ж, по крушкѣ вина боярского, по 3 крушки вина дворянского, по 5 кружек квасу на день. Игуменом 2 человѣком по 5 алтын, питья по 3 крушки меду вареного, пива по тому ж. Намѣстнику и протопопом по 3 алтына, по 2 деньги, питья по 2 крушки меду, пива по тому ж. Іеромонахом 2 человѣком, да протодьякону, 5 человѣком шляхтѣ, в том числѣ дворецкому, да писарю по 2 алтына по 4 деньги, питья іеромонахом и протодьякону по 2 крушки меду, пива по тому ж; шляхтѣ по 3 чарки вина, по крушкѣ меду, по 2 кружки пива; 2 человѣком іеродіаконом по 2 алтына; питья по крушкѣ меду, по 2 крушки пива; 2 человѣком келейником, да протопопову сыну по 10 денег; стедмаху по 8 денег; им же питья по 2 чарки вина, по 2 крушки пива; 5 человѣком возницам, 2 человѣком гайдуком, одному человѣку повару, по 6 денег; питья против келейников.

Челяди, игуменским 8 человѣком, шляхетским 2 человѣком, протопопским и протодьяконским 7 человѣком, по 4 деньги; питья по 2 чарки вина, по крушкѣ пива человѣку на день.

Да митрополиту свѣчь сальных по 10 денег на сутки; конского корму лошади по возу сѣна, да по четверти овса на 10 дней.

Игуменом 2 человѣком по 5 денег свѣчь сальных, на сутки, да конского корму по вышеписанному указу.

Да для топленія палат и варенія ѣства всѣм дров по 20 возов на недѣлю.

А для забиранія питья и покупки харчу были приказу Малыя Россіи подьячих 2 человѣка; да для топленія палат и иных работ были 3 человѣка земских, да из Большыя Казны 2 человѣка водовозов с лошадьми.

А как митрополит видѣл государские очи и был у руки на прїѣздѣ, и в тот день послано к нему, митрополиту, с дворцов ѣств, с Кормоваго 10, с Хлѣбеннаго тож, да питья указная ево вышеписанная дача с поденным в двое; да к тому в прибавку 2 крушки ренского, романѣи тож. Игуменом и протопопом и иным духовным особам со всѣми при них будучими мірскими людьми ѣств послано с дворцов же против митрополита, да питья указная их дача с поденным вдвое.

А прежде постановленія послано к митрополиту великого государя жалованья архіерейских одежд и иных к тому належащих потреб, крест золотой с каменьем, цепь золотая, панагія перефтная в золотѣ, цепь золотая, митра золотая с крестом

и с запаны, саккос аксамитной, оплечье и зарукавье и кайма низано жемчугом, подложен аталасом жолтым, омофор серебряной струйчатой, кресты низаные, полица аксамитная с запаны и с каменьями и с жемчугом, поручи аксамитные низаные жемчугом, епитрахиль объярь серебрянная с травы золотными, подризник атласной бѣлой с кружевы, пояс тесма турецкая с крюки серебряными, митра по бархату кованая серебряная; на ней нашиты образы святых; саккос атлас по червчатой землѣ, оплечье объярь серебряная, кайма кружево кованое серебряное с золотом; подризник тафтяной бѣлой; полица шита золотом и серебром, образ пресвятыя Богородицы Знаменскія обнизан жемчугом; омофор атласной бѣлой с кружевы; поручи и епитрахиль серебряные струйчатые; рипиды с рукоятьми и с поддоны серебряные; стихарь объяинной, 2 стихаря атласные діяконскіі с орарями.

А в которой день от митрополита возведен на Кіевскую митрополію, и в тот день вмѣсто указаных ѣств послан к нему, митрополиту, стол; а к духовным особам и к мірским людем посланы указныя ѣствы, что послано к ним на пріѣздѣ, а питья дано с поденным вдвое.

А как он же, митрополит, был у великого государя со святынею вверху по архіерейскому обыкновенію, и при нем, великом государѣ, ему, митрополиту, объявлено, а поднос был из Казенного приказу: кубок золочен с кровлею, бархаты двое, морховой, вишневой, байберек коришневой, объярь, вишневой атлас, вишневая камка крапивная, 40 соболей во 108 рублев. Да в тот же день послано к нему с дворцов с столом.

Послѣ того митрополит служил литургію вверху в церкви Воскресенія Христова и тогда дано ему его, великого государя, жалованья: панагія золотая с каменьи с изумруды и с яхонты, цѣна 300 рублев, да к той панагіи цепь золотая без цѣны, да с Казенного двора рукомойник с лаханью серебряные, мѣстами золоченые, вѣсом 9 фунтов, цѣна 100 рублев, вѣчно к престолу митрополитанскому Кіевскому.

Того ж дня послано к нему с дворцов 6 ѣств и питье по указу; игуменом 2 человѣком, да протодьякону по ѣствѣ, митрополиту ж дано ево, великого государя, жалованья шкатула с судами столовыми серебряными, а в ней судов порознь: 6 блюд серебряных, мѣсты по краям кругом золочены; 6 тарелок серебряных же, мѣстами золочены; солонка серебряная ж с ящиком исподним золочена, ножик черен серебрен, ложка серебряная золочена по краям; 2 фляшки уголчатые, 2 четвертинки небольшіе серебряные, мѣстами золочены; вѣсу во всем, кромѣ ножика, 23 фунта 36 золотников. Внутри той шкатулы всѣ мѣста обиты бархатом червчатым, замок нутряной, а с наличья та шкатула обита бѣлым желѣзом по красной телятинѣ.

Митрополиту ж дано для его разоренія и скудости, что он от гоненія латинов из Польши прибѣг в благочестивую его государскую державу, в Малую Россію, мѣх соболей пластинчатой в 300 рублев, да объяри вишневой 5 аршин. При нем, великом государѣ, в его государском походѣ в селѣ Измайловѣ, как он служил Божественную литургію в праздник Іоасафа царя Индѣйского, ему ж, митрополиту, и духовным особам послано с дворцов ѣств и питья против того, что послано на пріѣздѣ, как в Москвѣ пріѣхали. Для имянин благородныя государыни царевны и великія княжны Екатерины Алексѣевны тож. Для праздества знаменія пресвятыя Богородицы тож. Для празднества Святителя Николая Чудотворца тож.

Да ему ж, митрополиту, при отпускѣ дано его великого государя жалованья, карета со шти возниками и с шоры, да возок зимней теплой из Конюшенного приказу.

Митрополиту ж со всѣми при нем будучими людьми дано на отпускѣ: митрополиту денег 500 рублев из приказу Большыя Казны; соболей на 1500 рублев из Сибирского приказу, 10 половинок сукон гамбургских, 2 половинки сукон аглинских, 3 пуда ладану.

С дворцов: полбочки романѣи, а в ней 13 вѣдр с полуведр, 3 ведра ренского, збитню тож, 4 ведра уксусу новгородского, 9 ведр уксусу московского, 2 ведра вина боярского, 20 ведр вина дворянского, 30 лимонов, пуд патоки точеной, 3 бѣлуги, 5 осетров, 3 пуда икры осенней, 100 пучков вязиги, 3 бѣлыя рыбицы сухія.

Духовным особам и при них будучим людем: игумену Иннокентію Монастырскому, да Софонію Подгаевскому денег по 30 рублев, по камкѣ, по атласу, мѣрою по 10 аршин, да соболей по 60 рублев человѣку. Протодьякону денег 12 рублев, сукна полукармазину 5 аршин, соболей на 16 рублев. Кириллова монастыря намѣстнику, да іеромонаху духовнику митрополичью, да іеромонаху ж, да Кириллова монастыря іеродіакону, да лохвицкому дьяку денег по 10 рублев, сукна полукармазину по 5 аршин, по тафтѣ, соболей по 16 рублев человѣку; 3 человѣком шляхтѣ денег по 6 рублев, по сукну аглинскому, мѣрою по пол 5 аршина, по парѣ соболей, по 4 рубли пара; 2 человѣком келейником, да протопопову сыну, да колеснику гетманскому денег по 3 рубли, по сукну аглинскому, по соболю трех-рублевых пар человѣку; 2 человѣком гайдуком, 5 человѣком возницам, да повару денег по 2 рубли, по сукну гамбургскому, по соболю человѣку трехрублевых пара.

Челяди: кириловского игумена 3 человѣком денег по 2 рубли, да по сукну шинтуху человѣку. Почаевского игумена одному человѣку денег 2 рубли, сукно аглинское, пара соболей в 2 рубли.

Да митрополиту ж и духовным особам и всѣм при них будучим людем дано поденного корму в дорогу на 10 дней по тому ж, по чему им давано на Москвѣ. Да духовным же особам, купя в ряду, в дорогу дано рыбы: игуменом и протопопом по 2 бѣлуги, да по 2 осетра, по осминѣ круп грѣшневых, по пуду соли, по 3 ведра уксусу человѣку; да с московского Отдаточного двора питья 4 вѣдра вина двойного, 10 вѣдр вина простого, меду тож, 15 вѣдр пива. Кириловского Братского монастыря игумену Иннокентію Монастырскому, которой был в пріѣздѣ с преосвященным Гедеоном митрополитом, дано ево, великого государя, жалованья 40 соболей во 100 рублев, что служил у него, великого государя, кіевской митрополит вверху в церкви Воскресенія Христова Божественную литургію; а по том игумен по ево митрополичью благословенію говорил пространное писанія поученіе. Ему ж, игумену, дано его, великого государя, жалованья обьяри вишневой 5 аршин, да атласу 10 аршин, что он служил Божественную Литургію в селѣ Измайловѣ в праздник Святого Іоасафа царя Индѣйского и говорил по митрополичью благословенію пространное от Божественного писанія поученіе. Ему ж, игумену, дано, что он говорил поученіе в Новодѣвичьѣ монастырѣ в день святого священномученика Амвросія Медіоланского, денег 30 рублей.

Великого государя жалованья дано митрополичью протодьякону Пахомію за ево церковные труды и за прилѣжное радѣніе к нему, митрополиту, мѣх лисей хрептовой в 15 рублев, да атласу тоусинного цвѣту 10 аршин.

Всего на прїѣздѣ и поденных кормов и на отпускѣ денег и соболей и сукон, локотных товаров, по цѣнѣ, и в дорогу корму и прогонов 3 473 рубли 30 алтын, кромѣ архїерейских одежд и належащих потреб, креста золотого, цепи золотой, панагїи, митры золотой с крестом и с запаны, саккоса, омофора, полицы, поручей и протчих, и 2 мантїй, и что по возведенїи дачь кубка, бархата, байберика, объяри, атласа, камки, 40 соболей, рукомойника и лахани и шкатулы с сосуды серебряными, и что дано для разоренїя, мѣха соболья, объяри, и опричь дворцовых столовых запасов, фрязских питей и питей же с Отдаточного двора.

Да в прошлом во 198 (1690) году к великому государю был в прїѣздѣ новообранный Варлаам Ясинскїй, митрополит кїевскїй, а при нем духовных особ и мїрских людей по чином было 60 человѣк, да 35 лошадей.

А великого государя жалованья дано на прїѣздѣ в приказ, митрополиту с дворцов: осетр свѣжїй, да соленїя 2 бѣлуги, 5 осетров, теша бѣлужья, четь пуда икры паюсной, живой рыбы: стерлядь большая, 5 стерлядей утных, 2 щуки колотки, 3 леща, 2 судака, 10 окуней, плотиц тож. С дворцов же питья: вѣдро ренского, романѣи тож, по вѣдру 3 медов красных. С Отдаточного двора: 3 вѣдра вина двойного, 10 вѣдр простого, 10 вѣдр меду вареного, 15 вѣдр пива. Да из приказу Малыя Россїи куплено от расходу хлѣбов и калачей и соли и уксусу и перцу и луку на 16 алтын на 4 деньги.

Духовным особам и при митрополитѣ и при духовных особах будучим мїрским людем от расходу же из приказу Малыя Россїи куплено всякого харчю на 4 рубли, да с Отдаточного двора питья: 3 вѣдра двойного, 6 вѣдр простого, 8 вѣдр меду вареного, 15 вѣдр пива. Да им же дано поденного корму и питья с августа 1 числа октября по 1 число и того на 2 мѣсяца: митрополиту денег по 3 рубли, питья с дворцов: по 3 крушки меду вишневого, по 5 кружек меду обарного, по 2 крушки вина церковного, по вѣдру меду циженого, по крушкѣ вина боярского, по 3 крушки вина дворянского, по 5 кружек квасу на день. Игуменом 3 человѣком денег по 5 алтын, да с Отдаточного двора питья по 3 кружки меду вареного, пива по тому ж, человѣку. Казначею, уставщику, протодьякону денег по 3 алтына по 2 деньги, питья по 2 крушки меду, пива по тому ж человѣку. Племяннику митрополичью по 3 алтына, по 2 деньги, питья по 3 чарки вина двойного, по 5 чарок вина простого, по 3 крушки меду, пива по тому ж; 2 человѣком їеродїаконом, да монаху по 2 алтына по 2 деньги, питья по 2 крушки меду, пива по тому ж человѣку; да духовным же, которые при игуменах, 3 человѣком їеромонахом, їеродїакону, да дьякону по 2 алтына, питья по крушкѣ меду, по 2 крушки пива. Митрополичьим слугам 4 человѣком по 10 денег, питья по 3 чарки вина, по 2 крушки меду, пива по тому ж. 2 человѣком гайдуком по 3 денег, питья по 3 чарки, вина по крушкѣ, меду по 2 крушки, пива по тому ж человѣку. 5 человѣком челяди, 12 человѣком возницам, 4 человѣком поваром, 3 человѣком мастеровым по 5 денег, питья по 2 чарки вина, по 2 кружки пива человѣку. Игуменским 5 человѣком слугам, да челяди и возницам 9 человѣком по 4 деньги, питья по 2 чарки вина, по крушкѣ пива человѣку на день.

Митрополиту для вечерового сиденїя на свѣчи сальные по 10 денег на сутки; да конского корму по 10 денег же на сутки лошади. Игуменом на свѣчи ж сальные по 4 деньги на сутки, да конского корму по указу; да для топленїя палат и варенїя ѣств дров всѣм по 12 возов на недѣлю; да для топленїя палат и иных работ 3 человѣка земских, да из Большїе Казны 2 водовозов.

А как митрополит видѣл государскіе очи и был у руки на пріѣздѣ, и в тот день послано к нему, митрополиту, с дворцов ѣств: с Кормового 10, с Хлѣбенного тоже, да питья указная ево вышеписанная дача с поденным вдвое, да к тому в прибавку 2 крушки ренского, романѣи тоже. Игуменом и протопопом и иным духовным особам со всѣми при них будучими людьми ѣств послано с дворцов же против митрополита, да поденной корм и питье с поденным вдвое.

Августа 4 дня, дня ангела благовѣрныя царицы и великія княгини Евдокіи Феодоровны, к митрополиту послано с дворца живой рыбы: стерлядь большая, 3 стерляди ушных, 2 щуки колотки, лещь большой, 3 язя. Митрополиту ж дано его, великого государя, жалованья, как он видѣл государскіе очи и был у руки по возведеніи своем на Кіевскій митрополитанскій престол, кубок золочен с кровлею, бархат, обьярь, атлас, камка, 40 соболей; поднос был из Казенного приказу. Да ему же сдѣлано 2 мантіи обьяринныя, одна праздничная, другая повседневная во всем таковы, как сдѣланы бывшему кіевскому Гедеону митрополиту во 194 (1686) году из Казенного приказу. Ему же, митрополиту, велено дать великого государя жалованья карету руского самого доброго дѣла с двомя возники, да рыдван руского же дѣла с двомя же возники, с шоры и с узды из Конюшенного приказу, и того всего из того приказу не дано, а куплена карета и рыдван и шоры из ряду, а лошадей не дано же.

Да для праздника Успенія пресвятыя Богородицы к митрополиту послан с дворца стол. А будучим при митрополитѣ духовным особам и мырским людем для того же праздника купя в ряду рыбы свѣжей на 4 рубли, да с московского Отдаточного двора питья 3 вѣдра вина двойного, 6 вѣдр простого, 10 вѣдр меду вареного, 20 вѣдр пива. К митрополиту же с духовными особы и мірскими людьми послано для ангела великого государя царя и великого князя Іоанна Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и для празнества Усѣкновенія Честныя Главы Іоанна Предтечи столь постных ѣств и питья по разсмотрѣнію.

А как митрополит был у великого государя на отпускѣ, и к нему послано с столом же. Да того же дня митрополит был у великія государыни благовѣрныя царицы и великія княгини Наталіи Кириловны, и при ней, государынѣ, объявлено ему: обьяри 5 аршин, байберику 10 аршин, 40 соболей во 150 рублев. Поднос был из Казенного приказу. Митрополиту же дано на отпускѣ денег 500 рублев, соболей на 1500 рублев, 10 половинок сукон гамбургских, 2 половинки сукна аглинского, 3 пуда ладону, да в дорогу купя в ряду дано, вмѣсто полубочки романѣи, вина церковного 13 вѣдр с полуведром, 3 вѣдра ренского, 13 вѣдр уксусу, 30 лимонов, пуд патоки зеленцу, 3 бѣлуги, 5 осетра, 2 пуда икры паюсной, пуд икры зернистой, 100 пучков вязиги, 3 бѣлыя рыбицы вялых; да с дворца, 3 ведра збитню; да с московского Отдаточного двора 22 вѣдра вина двойного; да духовным особам на отпускѣ, 3 игуменом денег по 25 рублев, по камкѣ, да по атласу, мѣрою по 10 аршин, по 40 соболей, по 50 рублев сорок человѣку. Печерскому казначею, уставщику митрополичью, протодьякону денег по 12 рублев, сукна черного полукармазину по 5 аршин, да тафты по 5 же аршин, да собольми по 16 рублев человѣку; 2 дьяконом митрополичьим, да 3 игуменским іеромонахом денег по 10 рублев, сукна черного полукармазину, да тафты по

5 аршин, да собольми по 12 рублев человѣку; 2 дьяконом, да монаху, денег по 7 рублев, сукна черного аглинского по 5 аршин, да собольми по 5 рублев человѣку; митрополичью племяннику денег 10 рублев, сукна кармазину 5 аршин, атласу 10 аршин, пара соболей в 5 рублев; 4 человѣком митрополичьим слугам денег по 5 рублев, сукна аглинского по 5 аршин, по парѣ соболей, по 3 рубли пара человѣку; митрополичьим 5 человѣком челядником денег по 3 рубли, по сукну аглинскому по 5 аршин, да по соболю, по пол 2 рубли соболь; 2 человѣком гайдукам, 12 человѣком возницам, 4 человѣком поваром, 3 человѣком мастеровым людем, да игуменским челяди же и возницам 14 человѣком денег по 2 рубли, да по сукну гамбургскому по 5 аршин, да по соболю, по пол 2 рубли соболь человѣку; да митрополиту же и духовным и мірским людем дано в дорогу поденного корму на 10 дней по тому ж, по чему давано на Москвѣ. Духовным же особам, 3 игуменом, купя в ряду, дано в дорогу же по 2 бѣлуги, по полуосминѣ круп грешневых, по пуду соли; да с московского Отдаточного двора питья 4 вѣдра вина двойного, 10 вѣдр простого, 15 вѣдр пива.

Митрополиту дано 50 подвод, 3 игуменом по 15 подвод ямских человѣку. Всего на пріѣздѣ и поденных кормов и на отпускѣ денег и соболей и сукон и иных локотных товаров по цѣнѣ, и в дорогу корму и прогонов 3 637 рублев 7 алтын 2 деньги, кромѣ архіерейских одежд, 2-х мантій, и что по возведеніи дачь кубка, бархата, байберика, объяри, атласу, камки, 40 соболей и прочаго.

А наперед сего на такія вышеписанныя дачи деньги имали из приказу Большія Казны, сукна и иные товары, также кубки и прочія вышеписанныя дачи из Казенного, соболи из Сибирского приказов, столовыя ѣствы и питье с дворцов, а поденного питья по указанным их статьям с Отдаточного двора.

И буде великій государь пожалует вышеимянованного новообранного митрополита со всѣми при нем духовными особы и мірскими людьми, велит им дать своего великого государя жалованья поденного корму против перваго митрополичья пріѣзду 194 (1686) году на 7 недель и на 4 дни, также и прочія дачи и на отпускѣ денег и соболей и сукон и локотных товаров, и того надобно на 4149 рублев на 11 алтын на 4 деньги, кромѣ архіерейских одежд и иных належащих потреб.

А буде дать против митрополичья пріѣзду 198 (1690) году поденного корму на 2 мѣсяца, также и иных дачь и на отпускѣ, и того надобно 3 637 рублев, 7 алтын, 2 деньги.

И нынѣ о дачѣ своего великого государя жалованья вышеимянованному архимандриту новообранному на Кіевскую митрополію в митрополиты и прочим духовным особам и при них мірским людем, против вышеписанных ли примѣров, что давать и против которого митрополичья пріѣзду Гедеона, или Варлаама и откуду, что укажет?

Указано по послѣднему [267].

[267] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 163–174.

№ 268

1708, березень. – Москва
Жалувана грамота царя Петра Олексійовича київському митрополиту Іоасафу Кроковському на вотчини

По титулѣ: наше царское величество пожаловали богомольца нашего, преосвященного Іоасафа Кроковского, митрополита кіевского и галицкого и Малыя Россіи, и впред по нем будучих богомольцов наших, преосвященных митрополитов кіевских, повелѣли ему дать сію нашу, великого государя, нашего царского величества, жалованную милостивую граммату Святософійского Дому на прежнія и на новоданныя вотчины, на деревни Погребки и Зазимье, на мѣстечко Малое, прозываемое Моравск, с принадлежитостями, на деревни Соколовку, Икоров с Руднею, на село Церковище с деревнею Ковчином и с принадлежностями; да на той сторонѣ Днѣпра на мѣсто Бѣлогородку, да на деревни Янковичи, Рословичи, Малую Бугаевку, Снятинку, Морхалевку, Жиляны, да на мѣсто же Триполье с деревнями и со всѣми к нему належащими угодьи, для того: в нынѣшнем 1708 году бил челом нам, великому государю, нашему царскому величеству, он, богомолец наш, преосвященный Іоасаф митрополит, что первая по степени меж всѣми россійскими митрополіями Кіевская митрополія, а имѣніями и доходами домовыми пооскудѣла потому, что только двѣ деревни власныя (собственныя) домовыя своих держит по сей сторонѣ Днѣпра близ Кіева, нареченныя Погребки и Зазимье, да по нашему царского величества указу подданной наш Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетман и кавалер Иван Степанович Мазепа, к той митрополіи Кіевской давных Софійского Дому придал и отвел на сей же сторонѣ Днѣпра близ городов Остря и Козельца над Десною рѣкою мѣстечко, прозываемое Моравск, которое прежде сего было за римским бискупом, со всѣми принадлежностями и с двѣмя деревнями Соколовкою, Икоровым с Руднею, с озерами, с лѣсами и с сѣнокосами; а в том Моравску крестьян тридцать дворов; к Моравску ж придал сельцо Церковище с принадлеждностьми и с деревнею Ковчином, за Днѣпром запустѣлыя мѣста Бѣлогородку и Триполье с принадлежностями ж, да деревни давнія Софійского Дому, Янковичи, Рословичи, Малую Бугаевку, Снятинку, Морхалевку, Жиляны; и чтоб мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали его, богомольца нашего, преосвященного Іоасафа Кроковского, кіевского и галицкого и Малыя Россіи митрополита, велѣли ему на тѣ вышеписанныя вотчины и на всякія угодья дать нашу, великого государя, нашего царского величества, жалованную граммату. А в листах подданного нашего Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетмана и кавалера Ивана Степановича (которому по нашей царского величества милости в Малой Россіи всякое устроеніе повѣрено и вручено) прошлых 196 и 198 (1688, 1690) годов, каковы он, преосвященный митрополит, при вышепомянутом своем челобитьѣ за рукою его гетманскою и за печатью войсковою объявил, тѣ всѣ вышеимянованныя вотчины Святософійскому Дому митрополіи Кіевской написаны ж имянно со всѣми к ним приналежностями. И мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец, наше царское величество, преосвященного Іоасафа, митрополита кіевского и галицкого и Малыя Россіи, вышеписанного челобитья и подданного нашего Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра

гетмана и кавалера Ивана Степановича данных ему вышеобъяленных листов слушав, пожаловали его, богомольца нашего, и кто впред по нем иные митрополиты в Кіевѣ будут, велѣли на всѣ тѣ вышеимянованныя на прежнія и на новоданыя вотчины Святософійского Дому митрополіи Кіевской дать сію нашу царского величества жалованную утвержающую граммату, и силою сей нашей царского величества жалованной грамматы мы, великій государь, наше царское величество, то все укрѣпляем и утвержаем и по нашей царского величества милости ему, богомольцу нашему, преосвященному Іоасафу, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, и впред иным по нем митрополитом будущим тѣми вышеимянованными вотчинами со веѣми к ним приналежностями и со всякими угодьи Святософійского Дому митрополіи Кіевской, и по нашей царского величества жалованной утверждающей грамматѣ владѣть и доходы всякіе с тѣх вотчин имать, и всякые пожитки употреблять. А понеже в тѣх помянутых вотчинах обрѣтаются и живут козаки, которые наши царского величества полковыя службы под регименотом подданного нашего гетмана и кавалера Ивана Степановича служат, и тѣх козаков с надлежащими их домами, с полями, с сѣнными покосы и со всякими угодьи в вольностях их преосвященный митрополит да соблюдет, и ни в какія их земли и угодьи нынѣ и впред судьи и приказные его домовые люди да не вступаются; а тѣ козаки подданным преосвященного митрополита ни в чем вредити не имѣют. А буде кто в тѣх вотчинах учинит какое разореніе и насильство, и тѣм людем от нас, великого государя, от нашего царского величества, по розыску быти в опалѣ. А буде учинится порубежным Святософійского Дому вотчинам какая обида и наѣзды от польских людей, и от тѣх наѣздов указали мы, великій государь, наше царское величество, оберегати бояром и воеводам в Кіевѣ будучим и подданному нашему Войска Запорожского обѣих сторон Днѣпра гетману и кавалеру Ивану Степановичу. Да нам же, великому государю, нашему царскому величеству, извѣстно учинилось, что издревле монастырь Архистратига Михаила имянуемый Выдубицкій належал до митрополіи Кіевской, о чем и подданной наш гетман и кавалер Иван Степанович нам, великому государю, нашему царскому величеству, доносил; и мы, великій государь, наше царское величество, призирая милостиво, дабы Святософійскій Дом имѣл поплненіе и распространеніе, указали тот монастырь Выдубицкій по прежнему приписать к митрополіи Кіевской, и богомольцу нашему преосвященному митрополиту тот монастырь к Софійскому Дому вѣдать, как издавна належало, во всякой к славѣ Божіи лѣпотѣ и украшеніи, и игумен и братія были б в том монастырѣ всегда неотмѣнно. А для вящщаго утвержденія нашей царского величества милости и для вѣчнаго владѣнія тѣми вотчинами и монастырем к Святософійскому Дому, ему преосвященному Іоасафу, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, и впред по нем будучим митрополитом Кіевским, сію нашу царского величества жалованную граммату утвердить нашею царского величества государственною печатью повелѣли.

Писана сія наша царского величества жалованная граммата государствія нашего во дворѣ, в царствующем велицем градѣ Москвѣ, лѣта от созданыя Міра 7216, а от Рождества Христова 1708, мѣсяца – дня, государствованія нашего 27 году.

Списана из малороссійских дѣл московскаго иностранных дѣл архива. Но вѣроятно сія граммата не была послана к митрополиту Іоасафу, как видно из слѣдующей грамматы [268].

---

[268] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 180–183.

№ 269

1709, вересня 14. – Москва
Настольна грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Іоасафу Кроковському про посвячення його в митрополити київські

Божіею поспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец, московскій, кіевскій, владимирскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иных государств и великій князь Новагорода Низовскія земли, черниговскій, рязанскій, ростовскій, ярославскій, бѣлоезерскій, удорскій, обдорскій, кондійскій, и всея сѣверныя страны повелитель и государь Иверскія земли, карталинских и грузинских царей и Кабардинскія земли, черкаских и горских князей и иных многих государств и земель восточных и западных и сѣверных отчич, и дѣдич, и наслѣдник, и государь, и обладатель, наше царское величество, побораа по святом благочестіи и любя благолѣпіе святых церквей Божіих, умножая славу его святую, дабы повсюду яко солнце сіяла, пожаловали нашего царского величества богомольца преосвященнаго Іоасафа Кроковского, кіевскаго и галицкаго и Малыя Россіи митрополита, велѣли ему дать сію нашу царскаго величества жалованную граммату для того: в нынѣшнем 1708 году генваря 19 дня по нашему, великаго государя, нашего царского величества, имянному указу велено, Печерскія лавры архимандрита его, Іоасафа Кроковскаго, для посвященія в митрополиты отпустить к Москвѣ, и о том послана наша царскаго величества граммата к подданному нашему Войска Запорожскаго обѣих сторон Днѣпра к гетману и славнаго чина Святаго Апостола Андрея кавалеру к Ивану Степановичу Мазепѣ, и апрѣля 19 нынѣшняго ж 1708 года, к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писал он, подданной наш гетман и кавалер Иван Степанович, когда наше царское величество в незабвенной имѣя памяти вдовствующую без свойственнаго себѣ пастыря Церковь малороссійскую первѣе по древним из правам вольным совѣтом избрати на престол митрополіи Кіевскія новаго пастыря повелѣли, что согласно волѣ и повелѣнію нас, великаго государя, нашего царскаго величества, совершилося, и всечестный отец Іоасаф Кроковскій, архимандрит святыя великія чудотворныя лавры Печерскія Кіевскія, вольными голосами от духовнаго и мірскаго чина в митрополиты и архипастыри малороссійскія церкве избран и наречен, муж словом и дѣлом так высокаго в церквѣ Божіи правленія архіерейскаго достоин, и воспріял себѣ путь в наш царствующій великій град Москву ради воспріятія освященія в чин архіерейскій, о котором новоизбранном архипастырѣ он, гетман и кавалер Иван Степанович, со всѣм Войском Запорожским и народом малороссійским собственное прошеніе нам, великому государю, нашему царскому величеству, приносил, дабы оный Іоасаф Кроковскій, архимандрит печерскій, в чин архіерейскій митрополіи Кіевской произведен и рукоположен и на престол свой в Кіев отпущен был. И в нынѣшнем же 1708 году августа 15 дня, Божіею поспѣшествующею милостію, по прибытіи того Іоасафа Кроковскаго, архимандрита, святыя великія чудотворныя лавры Печерскія Кіевскія в нашем царствующем

великом градѣ Москвѣ в соборной и Апостольской церкви пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго ея Успенія, в небытности святѣйшаго патріарха московскаго, богомольцы нашими, преосвященными митрополиты, Стефаном рязанском и муромским, Димитріем ростовским и ярославским, Ефремом суждальским и юріевским, Каллистом архіепископом тверским и кашинским, Антоніем архіепископом коломенским и коширским посвященіе и рукоположеніе на престол Кіевскій он, архимандрит, воспріял, и бил челом нам, великому государю, нашему царскому величеству, он, богомолец наш преосвященный Іоасаф, митрополит кіевскій и галицкій и Малыя Россіи, чтоб мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали ево, велѣли в потвержденіе прежних наших царскаго величества жалованных граммат, каковы даны бывшим митрополитам кіевским на утвержденіе той Кіевской епархіи, и духовных прав и чинов, ему, богомольцу нашему, нашу царскаго величества жалованную утверждающую граммату. И мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петр Алексѣевич, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержец, и многих государств и земель восточных и западных и сѣверных отчич и дѣдич, и наслѣдник, и обладатель, наше царское величество, его, богомольца нашего, преосвященнаго Іоасафа Кроковскаго, митрополита кіевскаго и галицкаго и Малыя Россіи, и впред по нем будущих митрополитов Кіевских пожаловали, в подтвержденіе прежних наших царскаго величества жалованных граммат, каковы даны бывшим митрополитам кіевским, Гедеону Четвертинскому в 7194 (1685), Варлааму Ясинскому в 7199 (1690) годѣх, на утвержденіе той Кіевской епархіи и прежних духовнаго чина прав сію нашу царскаго величества милостивую жалованную граммату дать повелѣли, и силою сей нашей царскаго величества грамматы по нашему царскаго величества самодержавнѣйшему повелѣнію ту Кіевскую митрополію и преосвященных кіевских митрополитов сего настоящаго и впред будущих укрѣпляем и утверждаем, и впред преосвященных митрополитов кіевских и ту митрополію Кіевскую, при помощи Божіи и за предстательством пресвятыя Богородицы, в таковом же соблюденіи и охраненіи имѣти хощем, в каком оная была до сего времени в нашей государской милости междо великороссійскими митрополіями первоначальною митрополіею под благословеніем святѣйших и всеблаженнѣйших московских и всея Россіи и всѣх стран сѣверных патріархов, как в церковных православных греческаго благочестія догматѣх, так и в митрополичей чести и во исправленіи духовнаго чина и церковнаго начала и в сохраненіи прав и поведеній обыклых, как о том писано в прежних наших царскаго величества жалованных грамматах в прошлых от созданія міра 7194 и 7199 годов, каковы даны кіевским митрополитам, Гедеону Четвертенскому и Варлааму Ясинскому, о содержаніи той Кіевской епархіи прав и обычаев, кромѣ преосвященнаго Іоанна Максимовича, архіепископа черниговскаго, и впред по нем будущих архіепископов черниговских, и святыя великія чудотворныя Кіевопечерскія лавры боголюбиваго архимандрита и братіи, как та Черниговская епархія и Печерская лавра суть в себѣ со всѣми подлежащими к ним присудами. Понеже по нашим царскаго величества жалованным грамматам, данным им, архіепископу и архимандриту, прошлых 7195 (1686) и 7196 (1687) годов укрѣплено и утверждено по прежним благословенным Святѣйших Вселенских Константинопольских патріархов грамматам, быти им под благословеніем и паствою святѣйших и всеблаженнѣйших патріархов московских вѣчно

и нетступно, не отлучаяся под благословеніе и разсужденіе к иным епархіям и Кіевской митрополіи. Понеже оныя, как Черниговская епархія, так и святая великая Кіевопечерская лавра, древняя ставропигія, никогда ничѣм Кіевской митрополіи не належали. А в жалованной нашей царскаго величества граммать бывшему преосвященному Гедеону Четвертинскому, митрополиту кіевскому, в прошлом 7194 (1686) году написаны оные в присудствіи по тому, что тогда Черниговскій архіепископ и Кіевопечерскія лавры архимандрит челобитья своего нам великому государю, нашему царскому величеству, не доносили и Святѣйших Вселенских патріархов благословенных граммат, которыми та Черниговская епархія и Кіевопечерская лавра от Кіевскія митрополіи отдѣлены и под благословеніе святѣйших патріархов московских вручены, не объявили. А что прежде сего по листу Діонисія Балабана, митрополита кіевскаго, к той Черниговской епархіи приписаны были в присудствіе Кіевской митрополіи протопопіи Глуховская, Конотопская и Борзенская, и в жалованной граммать именованы, и тѣм протопопіям, по челобитью бывшаго Варлаама митрополита кіевскаго, указали мы, великій государь, наше царское величество, быть по прежнему, как изстари бывало, при митрополіи Кіевской, а к Черниговской епархіи впред им не быть; по тому что и прежде оные к той епархіи не належали: а Діонисій митрополит написал их в листу своем мимо древняго поведенія; да и переяславскому епископу нынѣ будучему Захарію Корниловичу и инным, которые в том Переяславлѣ впред будут и всей той епархіи Переяславской указали мы, великій государь, наше царское величество, быть в присудствіи его преосвященнаго Іоасафа Кроковскаго, митрополита кіевскаго и галицкаго и Малыя Россіи, по прежнему; для того что посвящен тот переяславской епископ Захарій Корнилович вышепомянутым преосвященным митрополитом кіевским Варлаамом Ясинским, и та Переяславская епархія в присудствіи его была же. И сею нашею царскаго величества жалованною грамматою мы, великій государь, наше царское величество, его, преосвященнаго Іоасафа митрополита, милостиво обнадеживаем и утвержаем неподвижимо, и быть ему, преосвященному митрополиту, на нашу государскую милость во всем надежну; а ему, богомольцу нашему, преосвященному Іоасафу, митрополиту кіевскому и галицкому и Малыя Россіи, и по нем будучим митрополитам кіевским со всѣм причтом духовным малороссійскаго народа быти впред под благословеніем и послушаніем святѣйшаго и всеблаженнѣйшаго московскаго и всея Россіи и всѣх сѣверных стран патріарха на вѣки неотступно по своему обѣщанію, каково он учинил с подписаніем руки своея при возведеніи своем на престол Кіевской епархіи, и причту чина духовнаго властем и под властію сущим, видя к себѣ сію нашу, великаго государя, нашего царскаго величества, милость и жалованіе, нам, великому государю, нашему царскому величеству, обѣщаніе свое исполнять впред непоколебимо; а наша, великаго государя, нашего царскаго величества, милость от них отъемлема не будет. А особно да имѣет преосвященный Іоасаф митрополит богооопасное и неусыпное свое, яко пастырь добрый, о церквѣ православной восточной малоросійской попеченіе и из иных стран от уніатов и вѣры нашей православной святаго греческаго благочестія противников осторожность и опасеніе, да не вкрадутся, яко волцы к похищенію во Христово словесное стадо. Также и о мирном состояніи благополучнаго царствованія нашего и наслѣдников наших и о укрѣпленіи и тишинѣ государств наших от злочестивых

агарян и от иных супостатов наших да молит преблагаго в Троицѣ славимаго Бога, чтоб милостиво укрѣпил и сохранил повѣренныя и врученныя нам дѣдичиныя государства наши.

Писана сія наша царскаго величества жалованная граммата государствія нашего во дворѣ в царствующем великом градѣ Москвѣ лѣта от созданія міра 7217 а от Рождества Христова, Спасителя нашего, 1709 мѣсяца сентября 14 дня государствованія нашего 27.

На подлинной жалованной грамматѣ на оборотѣ подписано тако:

По указу пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, сію его царскаго величества жалованную граммату подписал думной дьяк Автоном Иванов. – Справил Федот Рогов.

Печать вислая средняя государственная на золотом шнурѣ с кистьми в серебреном позолоченом ковчегѣ, при парчевой кустодіи.

Списано с хранящагося в ризницѣ Кіевософійскаго собора подлинника, писаннаго на пергаминѣ с прописью титулов золотом. Края обрисованы широкою разноцвѣтною с золтом каймою [269].

№ 270

1709, жовтня 20. – Остер
Продаж ієреєм Димитрієм землі та майна остерському диякону Прокопію

Року 1709 мсця октоврия дня 20.

Я, иерей Димитрией, презвитер старогородский острицкий, извістно творю сим моім доброволным записом кому бы о том відати належало, иж продалем кгрунт мой власный, то есть двор з світлицею и пекарнею, огородов два; другий двор з винницею и зо всім посудком, кромі казанов и пастовник, которії никому ни в чом не пенные, ани заведенные; до которих то дворов, также сіножат з озером Уступним, з которой сіножати зполняется копиць триста, кгрунт полевий, то ест Войнилевщина, на котором то становится коп сто якого колвек засіву, за певную суму, за чт[и]риста золотих, чесному отцу Прокопию, диякону острицкому, волно ему или продати и жоні и по томком его, а хто би міл в тое втручатися з моих покревних близких или далеких, в оние явно продание кгрунта, то повинен совито заплатити, а для ліпшой віри и певности даю сию карту з подписом руки моей власной.

Ділялося в дому честнаго отца Димитрия Родовича, презвитера старогородского острицкого, року и дня вишписаннаго.

Иерей Димитрий Родович рукою власною [270].

[269] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. – К., 1825. – С. 175–180.

[270] Публікація Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2008. – № 3 (Інститут рукопису НБУВ.– № 535 П./1763. – Арк. 331–331 зв. копія).

№ 271

1687, вересня серпня 23. – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича військовому товаришу Микиті Іволзі на сіножать над річкою Туросною біля села Турівськ

Список с писма, каково дано Микиті, что прозывается Иволга, на сіножать ево, от пана полковника даного.

Тимофій Алексіевич, полковник Войска их ц[а]рского пресвітлого величества Запорожского стародубовский.

Всему старшему и меншему полка нашего товариству и кому тылко о том відати належати міеть, сим моим ознаймую писаньем: иж Микита Матвіенко, товарищ полку нашого войсковый, житель села Бутовска, прекладал мні скаргу на війта душкинского и десятника книвецкого, которые якоби в час его, Микиты, в дому небытности, але войсковом на Крым поході, власную его сіножать, отчизну, над річкою Туросною, от рубежа Мічкова, лежачую, на которую он и писма от антецесоров н[а]ших мает, хотячи завладіти, скосили помененного села жительми. Зачим на скаргу его, Микиты, перед мене занесенню, припозваные будучи, войт душкинский и десятник кневицкий, як сами до того знался, же неналежне в помененую сіножать почали были втручатися, що и околичных сел жители и того свідомые твердили; так я, уважаючи его, Микиты, слушное за своим власным стоянье, при нем туую сіножать вічными часы заховую, позволяючи ему, яко своим власним угодем, владіти и пожитковати. Відаючи теды о том, абы помененный войт и десятник со всіми посполитыми людми в потомние часы в тую пожню не важилися втручатися, также и никто жадного ему не чинил пренагабаня, міти хочю и пилно приказую.

Писан в Стародубові 23 августа 1687 году.

Звыш менованный полковник стародубовскии, рукою [271].

---

[271] Публікація В. Мазепи // Сіверянський літопис. – 2008. – № 1. – С. 9.

№ 272

1687, листопада 10. – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича військовому товаришу Василю Романовичу на село Картушин

Тимофій Алексіевич, полковник Войска их ц[а]рского пресветлаго в[е]л[и]ч[е]ства Запорозького стародубовский.

Пану обозному, суді, асаулови полковим и всему старшому и меншому товариству, также п[а]ну війтові и всему маістратови стародубовскому, тут же п(а)ну сотникові волоскому дохновскому и кому тилко о том відати будет надлежало, сим моим ознаймую писанием: иж уважаючи ясневелможний добродій его м[и]л[о]сть п: гетман здавна у Войску Запорозком Василия Романовича, товариша войскового, жителя стародубовского, зичливо ронение прислуги, а хотячи его за оние ласкою своею панскою уконтентовати и удовлити, дал свой ко мні панский на его занесеное челобитие поважний лист, абім ку вспартю его якое надал селце; где я, стосуючися до високоі его реіментарской ласки и волі, на вспаре ему, Василию Романовичу, село Картушин, до его ж панское и войсковое ласки, конжерую и надаю; видаючи теди одтаком ку ему реіментарском м[и]л[о]ст[и]вом призрінию, абы ніхто ему з старшини в держаню того села не чинил перешкоди; войт зась села Картушина з мужами абы всякое послушенство и повинност ему, Романовычови, отдавали, властю уряду моего пилно приказую.

Писан в Стародубі 10 ноеврия 1687.

Звыш менованний полковник стародубовский рукою.

С подлинним читал канцелярист Григорий Юркевич. Такий подлинний к собі, а на сих копиях руку приложил Василий Романович, товар: бун: [272].

№ 273

1687, грудня 16. – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича хорунжому Новгород-Сіверської сотні Родіону Стефановичу на засипання греблі і будування млина на річці Журавка

Тимофей Алексіевич, полковник Войска их царского пресвітлого величества Запорожскаго стародубовский.

Всему старшому и меншому полку моего товариству, а особливе пану сотникови новгородскому, атаманови городовому, войтови тамошнему и всім, кому тилко о том відати належатимет, сым моим ознаимую писанем, иж респектуючи я на давние и значние у Войску Запорожском пана Родиона Стефановича, хорунжого сотни новгородской, услуги и наперед до [тих] же его заохочуючи, позволилем на прозбу его на сиром корени на речці Журавці и певном местці, непенном, у лисі,

[272] Публікація В. Мазепи // Сіверянський літопис. – 2008. – № 1. – С. 9–10.

нижей села по рітці ж называемого Журавки, своим власним коштом и працею заняты греблю и послей ку пожиткови и ку вспартю дому своего построити млин вешнячок. Відаючи теди о таковой воли моей абы ему, пану Родиону Стефановичу, в уживаню гребли и побудованню млина нихто не важился ні якои чинити перешкоды и трудносты, властью уряду моего полковницкого міти хочу и приказую, для чего тие фундушовое мое ему с подписом руки моеи и притисненем печаты видалем писане.

В Стародубові, 16 декабря 1687-го року.
Вышименованний полковник стародубовский, рукою [273].

№ 274

1688, січня 14 (?). – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича полковому хорунжому Тимофію Улізку на село Пихторівка

Тимофій Алексіевич, полковник Войска их царского пресвітлого в[е]л[и]ч[е]ства Запорозкого стародубовский.

Всему старшому и меншому полку моего товариству, а особливе пану войтові стародубовскому зо всіми майстратовими особами и кому тилко о [том] відати надлежатимет, сим моим ознаймую писанием, иж подлуг універсалов давних бывших антецессоров моих панов полковников стародубовских позволяю пану Тимофію Улізкови, хорунжому нашему полковому, за его давние и значние в Войску Запорожском услуги, селцем Пихторовкою зо всіми до его принадлежитостями спокойне владіти и пожитковати. Відаючи теди о том, абы [в] владіню и пожиткованю того села до ласки самого ясневелможного добродія его милости пана гетмана, туде ж войсковой и моей, нихто ему, пану хорунжему, найменшою не важился быти перешкодою, міти хочу и властью уряду моего приказую. Войт зась пихторовский зо всіми тяглими мужами абы инному никому, але ему, Улізкові, всякое отдавал послушенство, не отказуючи ни в чом противенства, тое тут же сим моим універсалом варую, приказую.

Писан в Стародубови. 14 генваря 1688 году.
Звишеменованний полковник, рукою [274].

---

[273] Публікація В. Мазепи // Сіверянський літопис. – 2008. – № 1. – С. 10.
[274] Там само.

№ 275

1688, березня 8. – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича значному військовому товаришу Федору Пучковському

Тимофій Алексієвич, полковник Войска их царского пресвітлаго величества Запорожского стародубовский.

Пану обозному, суді, асаулови полковым стародубовским, а особливе п[а]ну сотникови почеповсому, отаманові городовому и войтові тамошным и кому тилко о том відати належатимет, сим моим ознаймую писанем: иж прихиляючися я до листу самого ясневелможного добродія его милости п[а]на Иоанна Мазепы, гетмана Войска их ц[а]рского пресвітлого величества Запорозкого, о показане респекту на п[а]на Федора Пучковского, товариша значного войскового через него ж ко мні дирыкгованого, а до того уважаючи на его давные у Войску Запорозкогом услуги и праці до дальших таких же его заохочуючи, надаю ку вспартю его домовому селце, прозиваемое Урянці, в ключу почеповском лежачаое, а то в заміну села Слободки Булашовки, котрим он з ласки войсоковое по той час владіл и пожитковал. Яко теди и тим селом речовим Орянцями, до ласки самого ясневелможного добродія его милости п[а]на гетмана, войсковой и моей спокойне позволя ему владіти и пожитковати, так в том жадною и найменшою аби ніхто не важился бити перешкодою. А войт орянский зо всіми посполитими тамошними жителми абы належитое ему отдавал послушенство, не оказуючи жадного по собі противенства, міти хочу и сим моим універсалним писанем варую и приказую.

Писан в Стародубови. 8 марта 1688.
Звыш менованный полковник стародубовский, рукою [275].

№ 276

1688, березня 8. – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича мглинському сотнику Григорію Парфененку на займання греблі і побудову млина в селі Костеничі

Тимофей Алексієвич, полковник Войска их ц[а]рского пресвітлого в[е]личества Запорозкого стародубовский.

Всему старшему и меншему полку моего товариству, а особливе атаманови мглинскому городовому и войтови тамошнему зо всеми тамошними посполитими людми и кому тилко о том відати надлежатимет, сим моим ознаймую писанием, иж респектуючи я на услуги пана Григория Семеновича, сотника мглинского,

---

[275] Публікація В. Мазепи // Сіверянський літопис. – 2008. – № 1. – С. 10–11.

от давних часов у Войску Запорожском отправуючия идо далших таких же его заохочуючи, позволяем ему в сотні мглинской, на реци Тезни, в селі Костянском межи млином костянским же и шляхом дроковским, на сиром кореню, на містцу не пенном и ку перешкоді никому быти не маючем, своим власним коштом заняти греблю и на оной ку вспартю своему домовому построити млин. Відаючи теди о таковой воли моей, абы так в займованню гребли, яко ив построенню млина жадною нихто не важился быти перешкодою ему, міти хочу и сим моим фундушовим приказую писаннем; тут же докладаю иж он, п[а]н сотник мглинский, по построенню того млина мает и повинен мні ознаймити.

Писан в Стародубі. 8 марта 1688.
Звышменованний полковник стародубовский, рукою [276].

№ 277

1688, березня 11. – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича значковому товаришу Івану Романовському на займище Єсимонтовське між річками Воронухою та Ольшаною

Тимофій Алексієвич, полковник Войска их царского пресветлого величества Запорожского стародубовский.

Панам: обозному, суді, асаулови полковым стародубовским, всему старшому и меншому полку нашего товариству, а особливе особливе панам: сотникови мглинскому, атаманови городовому и войтови тамошнему зо всеми посполитими людми, и кому тилко о том ведати належатимет, сим моим ознаймую писаним, иж пан Иван Романовский, товариш значковий полку нашего, мглинский житель, презентовал мні на певние кгрунта, меновите на займище, прозиваемое Ясимонтовское, над речкою Воронусою и Олшанею лежачое, починаючоеся од річки Вороцуси з Крутого рову половиною уз лесом по дорогу слободскую, а дорогою до Олшаной річки, означенное писмо урядовое при печатех и підписі рук старшини войсковой з товариством, а міской, яко то війта мглинского з посполитими людми, ему виданное, з таким докладом, иж он, пан Романовский, мает того вічними часи без жадного поворотненя заживати, не узнаючи ни од кого найменшого пренагабаня и трудности, а на смію чого через виразнии обвארованя чинити перепону положено в таком же писму двісти талярей до скарбу войскового выни; яко теди он, пан Романовский, через літ нісколка около того кгрунту ложил свою працу и значние кошти, вирятуючи сирие лугова тие містца на пахотние поля, и просил мене для тих певнішого в потомний час тих кгрунтов розпрацованних уживаня о потвержене; так я, едно стосуючися до урядового ему, Романовскому, на спокойное реченого кгрунту, прозиваемого Есимонтовскаго, уживане виданного писма, другое – уважаючи на понятую розробленю оного працу, до того ж теж значние и неустаючие в Войску Запорозком видячи его услуги, позволяю ему того кгрунту спокійне уживати; відаючи теди о том кожний так з старшини, товариства, яко и посполитих, аби найменшою ему, пану Романовскому, не важился бити

[276] Публікація В. Мазепи // Сіверянський літопис. – 2008. – № 1. – С. 11.

перешкодою и пренагабанем, міти хочу и сим моим універсалом писанем варую и стверджую, покладаючи на остаток на неспокійного и смію чого Ему чинити перешкоди талярей двісті до скарбу войскового вини.

Писан в Стародубе, 11 марта 1688.
Звишменованний полковник стародубовский, рукою [277].

№ 278

1688, березня 16. – Стародуб
Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича полковому писарю Григорію Кроткевичу на займання греблі та побудову млина на річці Судость

Тимофій Алексіевич, полковник Войска их ц[а]рского пр[е]св[і]тлого в[е]л[и]чества Запорозкого стародубовский.

Паном: обозному, суді, асаулови полковим стародубовским, всему старшому и меншому полку нашего товариству, а особливе п[а]ну сотникови почеповскому, атаману городовому и войтови тамошним и кому тилко о том відати належатимет, сим моим ознаймую писаним: иж респектуючи я на уставичные тепершние и давные войскове услуги и особливе писарские праци п[а]на Григорія Кроткевича, писара нашого полкового, и в дальший час до таких же его заохочуючи, а до того, яко иншое полку мого товариство, так и его хотячи всперти домовие потребы, при недостатках звлаща его кгрунтов и господарсих угодій, позволением ему в ключу почеповском нижей села Дмитрова, против пустого селища, называемого Макаричи, на реці Судости, у вершині самой, на сиром кореню, на местцу непенном и ку перешкоді нікому неоказуючомся, греблю своим власним коштом и працею заняти и на оной млин по зможности своей построити. Відаючи теди кождий о таковой волі моей, з старшини полковой и з кого нибуд, абы ему помененному п[а]ну писарови нашому, на реці вишреченой в займованю греблі, построенню на оной млина и из него пожиткованю не был ніхто перешкодою и не важился ніякой чинити трудности и перепони, сим фундушовим моим листом о тое приказую и властю уряду моего полковницкого варую и ствержаю.

Писан в Стародубови, 16 марта 1688.
Звышменованный полковник стародубовский, рукою [278].

---

[277] Публікація В. Мазепи // Сіверянський літопис. – 2008. – № 1. – С. 11–12.
[278] Там само. – С. 12–13.

№ 279

1691, квітня 8. – Пирятин
Реєстр пирятинського урядника
про розподіл натурального податку з ремонту гребель
на річках Удай та Перевід між жителями Пирятинської сотні

Року Божого 1691 мѣсяца априля 8 дня.

Реестр для памяти нам, врядовѣ пѣрятинскому, Андрею Гладкому, сотниковѣ, Тимѣку Куриленку, атаману городовому, Стефановѣ Левченковѣ, войтовѣ, з бурмистри, на потомніе часи споряжен, якии мают гатити мещане лотоки і гатку, які селяне мают гатити лотоки и гатьки и греблѣ по Удаю і на Переводѣ новую греблю.

Напрод: мещане мают первой гатки од мѣста гатити повтринадцять сажень, лотоки Яковенков, Хвилонишин, Дякунов і Терешков.

Каплинцѣ за мещанами мают гатити тои ж гатки сажнев полтринадцять і греблю на Удаи под Усовкою і там лотоки.

Митъченцѣ за Каплинцами мают гатити гатки сажнев пятнадцять и лоток протопопи.

Прихудчане мают гатити тои ж гатки сажнев пятнадцять за Митченцами і лоток по том панских.

Усовцѣ мают гатити тои ж гатки сажнев полтринадцять, аж до конця, і греблю под своим селом на Удаи и лотоки там же.

Харкувчане середнеи гатки мают гатити сажней семдесять і лоток Іванув Зѣнюков.

Дашенцѣ и бѣлоцеркувцѣ мают гатити тои ж гатки сажнев семдесять і лотоки Архемов, Килкув, Коломийцов.

Бубновцѣ і яциненцѣ мают гатити лотоки писара полкового й войтов.

Панскои гатьки мают гатити деймановцѣ и шкуратувцѣ, взявши од Ворця сто сажнїй, и лотоки Бубновцѣ мают гатити тои ж гатьки сажнїй тридцять пять, а яциненцѣ мают гатити тои ж гатьки сажней сорок и три, аж до конца. Деймановцѣ, шкуратовцѣ и повстинцѣ мают гатити греблю панскую под Кручею і лотоки там же на той греблѣ мают гатити.

Карпиловцѣ мают гатити греблю Семашкову и на ней лотоки.

Митченцѣ мают гатити своего перейизду новой греблѣ на Переводѣ сажней вусѣмнадцять.

Сасиновцѣ мают гатити свою греблю в селѣ і лотоки там же, а новой греблѣ на Переводѣ мают гатити од мѣста сажнев двадцять.

Вечурцѣ мают гатити новой греблѣ на Переводѣ сажнев вусѣм, а грабаровцѣ сажней сѣм.

Вечурцѣ й грабаровцѣ мают гатити испусту сажнев 27 и трохи греблѣ, а то на Удаи на новой греблѣ, хворости им повинни бути из старовѣчних гаев давани.

Давидовцѣ мают гатити новой греблѣ на Переводѣ сажнїй пятнадцять да Борисовъку против Гурбинцов.

Кротовцѣ и гурбинъцѣ мают гатити у Гурбинцях всю греблю и лотоки всѣ.

Кротовцѣ на Удаѣ на новой греблѣ мают гатити гребли, повинни сажнев тридцять три і двои лотоки: Ващишин[...]

Гурбинцѣ новой греблѣ на Удаѣ мают гатити сажнив пятдесят и два і лотоки Криворуцкого.

Кейбаловцѣ и лелякувцѣ мают гатити свою часть греблѣ под Усовкою, і на Удаѣ новой греблѣ мают гатити сажній двадцять і лотоки Грицишин, Савчинков, новий Самуйлов.

А если би сила води прийшла великая на новую греблю Перевудскую, иже би мала зашкодити, то всѣми селами Гурбинской сотнѣ повинни помочи давати, гатити так палями, хворостами, соломами и дерном. На том и постановили вѣчно [279].

№ 280

1694, червня 12. – Пирятин
Реєстр пирятинського міського отамана Тимофія Куриленка про кількість грошей, переданих до Батурина в розпорядження генеральної старшини

Реестр мнѣ для памяти Тимофѣю Куриленку, атаману городовому перятинскому, иж бувши мнѣ в Батуринѣ з полчанами своими з усѣх городов, кромѣ смѣловцов, городищан й чигирин-дубровцов, отдаючи порукавичное, много, много зложили сумми червоними и битими талярами, в року 1694, мѣсяца іюнія дня 12.

А од сотця золотих по два червоних заховано. Напрод: лубенцѣ дали чирвоних 40, а талярей битих 30.

Лукомцѣ од тисячи дали червоних 20, талярей битих двадцять. Чорнушане дали чирвоних 20 и 2, а талярей битих по восемнадцать.

Пирятинцѣ дали чирвоних вусѣмнадцять, таляров по вчвартанадцять.

Сенчане дали чирвоних вусѣм, а таляров битих шесть.

Лохвичане дали чирвоних 37, и таляров битих двадцять сѣм.

Глинчане дали чирвоних 20, а талярей 15.

Роменцѣ дали чирвоних пятдесят и два, а таляров сорок без едного битих.

Ясневелможному его милости пану гетману при писмах дали поклону чирвоних пять, его ж велможности дали порукавичного чирвоних двѣстѣ сполна.

Его милости пану Гамалѣи, есауловѣ енералному, дали поклону таляров два, а порукавичного дали таляров тридцять, і его панѣ таляров два дали.

Его милости пану Ломакувскому, есауловѣ енералному, дали порукавичного таляров тридцять и панѣ его два таляри, дѣтем их дали три полталяри.

Его милости пану писаровѣ енералному дали таляров тридцять, челяди его дали золотих 5.

Его милости пану судѣ енералному дали талярей десять.

На канцелярію войсковую дали сто золотих і два талярій.

Колко зложили були суми, щось розишлось в сем реестрѣ, а що осталого тие ж персони, хто складав, розобрали. А лохвичане, що винни були 10 червоних, оддати пану полковнику [280].

---

[279] Стороженки. – Фамильный архив. – К., 1908. – Т. 6. – С. 85–86.

[280] Там само. – С. 97.

№ 281

1695, грудня 16. – Пирятин
Універсал Леонтія Свічки щодо будівництва нових млинів на греблі під с. Вороб'ї

Унѣверсал виданий о постановленю, як мѣют на греблѣ Воробювской млини строитися, уписаный року 1695, декаврия 16 дня.

Их царского пресвѣтлого величества Войска Запорозкого полковник лубенский Леонтий Свѣчка.

Ознаймуем сим нашим унѣверсалом кождому того вѣдати потребуючому, иж мѣючи мы з превисокое милости монаршое, их царского пресвѣтлого величества, и з ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана в наданю собѣ на рецѣ Удаю греблю Воробювьскую, на которой и млини строити власть нам подана, люб свои, или кому позволити, аже пришедши до нас Яцко Малюта, Микита и Яцко Шумейко, мельники, якие на той же рецѣ межи греблями, нижше Курѣнское, а вишше Воробювьское, попригачувавши гребельки, млини построили, з таковою своею до нас, полковника, одозвалися мовою: Варуючися, мовить, мы, жеби гребельками нашими Курѣнской греблѣ не учинити подтопленнем шкоди, прето просимо, абисмо з тих гребеліок, якие в фундуванню своем жадное не мѣют крѣпости, млини свои знесши, постановити на греблѣ Воробювской, на якую прозбу пречечоних мелников мы, полковник, прихилившися, а уваживши пильно, якое на той греблѣ мѣет бути млинов фундованъне, такую вѣчинилисмо постанову. Яцко Малюта, атаман курѣнский, клѣтку сам мѣет поставити, в которой повинно бути кол двѣ и валюша, а лоток аби был на тое польшоста сажня. Микита и Яцко Шумейко на едном лотоку, котрого также мѣет бути польшоста сажня, аби постановили по клѣтцѣ, а в обох клѣтках по колу едном им обом и по валилу. Федор Гончаренко клѣтку о двох колах з нагим полковницким млином, где также двѣ колѣ и валило мѣет бути, аби построил, а тот лоток одинадцати сажень бути повинен. Левко, его ж Гончаренков товариш, к тому ж нашому полковницкому млину, где будет двѣ колѣ и валило з другое сторони, аби поставил собѣ о двох колах клетку, а и там лотоки также одинадцять сажный бути повинни. Якую постанову нашу всѣ мельники за слушную принявши, просили, аби была на дальшие часи записана, и за рукою укрѣплена, варуючи, жеби оное нѣхто отмѣняти, албо якож колвек касовати не важился. Теди, видаючи мы про тое сей наш унѣверсал, на взрушителя сего постановлення покладаем за руки до шкатули войсковое тисячу золотих неопустне, якоби оное постановлення на дальшие вѣчистие часи ненарушне трвало.

Дан в Пирятинѣ, декаврія 16 року 1695.

Вышменованный полковник лубенский.

Позднѣйшая приписка: Сяя гребля з млинами и з войсковою частю кголдует пану Василію Свѣчцѣ [281].

[281] Стороженки. Фамильный архив. – К., 1908. – Т. 6. – С. 453–454.

№ 282

1701, січня 16. – Костянтинів
Розпорядження лубенського полковника Дмитра Зеленського сотнику Семену Вакуленку

Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского лубенский полковник Дмитрій Зеленскій.

Вам, панам старшинам городовим пѣрятинским, при узиченію доброго здоровья, ознаймуем: Поневаж за небожчика блаженной памяти пана Леонтія Свѣчки, бывшого полковника лубенского, на сотника бывшого ишло село Грабаровка, теды респектом услуг войсковых и на урад сотницкий пану Семену Вакулѣ, пѣрятинскому сотникови теперешнему, приворочаем тое ж селце Грабаровку до ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана и войсковой в держание, и млын его ж, которого за небожчика бывшого полковника заживав, з частью войсковою в заживанне. Приказуем теды войтови села того зо всѣми посполитыми людми, абысте по замислу его пана сотника пѣрятинского оддавали послушенство.

Дата в Костантиновѣ генваря 16 року 1701.

А селце Леляки повинно быти при ратуши пѣратинскои.

Звишменованний полковник [282].

№ 283

1702, лютого 12. – Батурин
Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби

Мой велце ласковый пріятелю, пане сотнику конотопскій!

О тих людях московских, о яких в. м. властыкое до мене писанным ознаймуем, що они гуртом часто-кротне блукаючися по степу, людям шкоды чинят, такій мой даю совѣт: люб сам в. м. взявши з собою товариство, люб якого иншого исправнаго человѣка з товариством, где бы и на якій бы частых шкодячих людей потаемнаго поѣзду, сподѣваючися, изволь послати и о них знимавши до Конотопу препроводити, а випитавши, хто и що они суть и чи самоволне поѣжджаючи шкодят, чи от кого иншого посланни бывают, до мене в. м. ознаймить. О чем допросивши, якая их будет повѣсть, и мой отвѣт о том до в. м. будет. Що в. м. предложивши емуж зичу добраго от Господа Бога здоровья.

З Батурина.

Февруарія 12 рок 1702.

В. м. зичливій пріятель, его царскаго пресвѣтлого величества Войска Запорожского генералній судія Василій Кочубей [283].

---

[282] Стороженки. Фамильный архив. – К., 1908. – Т. 6. – С. 522–523.

[283] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 294–295.

№ 284

1702, квітня 7. – Батурин
Лист генерального судді Василя Кочубея
до конотопського сотника Андрія Кандиби

Мой велце ласковій пріятель пане сотнику конотопскій!

Посланного ханского, которой там в городѣ в. м. найдуется, тепер исправ в. м. так, жебы он прибыл в Батурин в середу наступуюцю перед обидом. На том есть воля самого ясневелможного его мл. добродѣя пана гетмана; о том в. м. пану предложивши, ему ж зичу доброго от Господа Бога здоровья.

З Батурина априля 7 року 1702.

В. м. во всем зичливій пріятель, его царского пресвѣтлаго величества Войска Запорожскаго енеральній судія Василій Кочубей.

Надпись: моему велце ласковому пріятелеви пану Андрѣю Кандибѣ сотникову конотопскому [284].

№ 285

1702, квітня 29. – Батурин
Лист генерального судді Василя Кочубея
до конотопського сотника Андрія Кандиби

Мой велце ласковый пріятелю, пане сотнику конотопскій!

По жалобѣ обывателя конотопскаго Яреми Хейла біл призиван позвом пред суд енеральный з Переволочной Федор Брайченко, и незаставши его, Яремы, в домоицѣ его, гдѣсь в отездѣ найдуется, ждал и мешкал тут у Батуринѣ чрез тринеделное время, хотячи в занесенной на себе жалобѣ оправдитися, для чего и жонку едну ему Хейлови должную препроводил з собою з Переволочной; але не дождавшися его, Хейлового, прибита, идет до Конатопу за судовим позволеніем отдати в двор Хейлов тую должную ему невѣсту. Теди тое в двор Хейлов отдание должной невѣсти нехай учинится за вѣдомом вашим уряду конотопскаго. А он помененный Брайченко, ея з рук своих здавши волен будет поехати до дому своего в Переволочную.

Тое предложивши полецаю в. м. в сохраненіе Господу Богу, з Батурина априля 29 року 1702.

В. м. всего добра зичливій пріятель енеральный судія Василій Кочубей [285].

---

[284] [*Гумилевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 295.

[285] Там само. – С. 295–296.

№ 286

1702, травня 22. – Батурин Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби

Мой ласковый пріятелю, пане сотнику конотопскій, пане атамане и войте тамошній!

Харко Рабуха, человѣк конотопскій, як тут пред судом войсковим енеральным всправѣ своей о грунтѣ лѣсовый будучой з Крохмалною и сынами ея росправился, о том з суду видан ему декрет, з которим он, Харко, поварачает в дом свой: аже сыны ей Крохмалной суть упорни и противни и отселѣ неуспокоивши стороны без обвѣстки ухилилися. Тоди еслибы не мѣли так чинити досит судовому декретови, прикажи их в. м. там посадити до вязенья, а потом з оного неуволнити, покил декретовому всказаню учинят досить, поварачают виклади и перепросят за побой сына Харковго. И гди ж и в книгах правних написано, же хто противній стается декретови, терпит вязанье, покиль декретови неучинит досить. Що и сама Крахмалная повинна утерпѣти, если бы в той мерѣ ходила своим упором. Тое предложивши полецаю в. м. всохраненіе Господу Богу.

З Батурина, мая 22 року 1702.
Енеральній судія Василій Кочубей [286].

№ 287

1702, липня 2. – Батурин Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби

Мой велце ласковый пріятелю, м. пане сотнику конотопскій!

Писал в. м. до мене, ознаймуючи о умертвіи от побою запорожскаго козака, а не выразил, вудкиль он родом и чи мает где яких своих покревних; теды по указу ясневелможного добродѣя, его милости пана гетмана, хоти в. м. ознаимиши о его небожчика сродствѣ и самом, вудкиль вун есть, а тих всѣх забойцов у добром держѣте вязеню; бо хоть они от горлового чрез поеднанье волни застали караньа, однак от поголовщины не могут бити уволнени. Теды до далшого указу нехай тамо найдуются увязеню; а ознаймуючи о родичах змерлого сего козака ознайми и о тих забойцах, чи заможніи они в своих худобах чи матимут, чим поголовщину платити; ощо в. м. жадаючи зичу емуж доброго от Господа Бога здоровя.

З Батурина июля 2. 1702 року.
В. м. зичливый пріятель, Василій Кочубей [287].

---

[286] [Гумилевский Ф.] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 296–297.
[287] Там само. – С. 297.

№ 288

1702, липня 3. – Батурин
Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби

Мой велце ласкавій пріятелю, пане сотнику конотопскій!

Козака сѣчевого змершого тѣло, если не погребено, велѣтіе в. м. погребсти; а люди тін, которін того небожчика били, повинни ему похорон и иншые церковніе порядки коштом своим отправити и сорокоуст за душу его небожчиковскую наняти, бо належало бы им за убійство поголовщизну платити и увязеннѣ ведлуг права сидѣти: еднак же перед смертю небощиковскою з собою поеднались, теди тое поеднане мусити мѣти мѣсце; рѣчи зась позосталіе, яко то коня и иншій якій колвек риштунок задержите у себе; а поневаж пишете в листѣ своем, же тот небощин з Кролевца есть родом: теды напишите от себе лист до Кролевца, чи не отзовется кревній якій небощиковскій; а когда якій сродник признается, теды мнѣ о том ознаймуйте, жебы тая позосталих рѣчей отдача была завѣдомом самого ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана. Що в. м. предложивши зичу емуж доброго от Господа Бога здоровя.

З Батурина. Июля 3 року 1702.

В. м. зичливый пріятель, Василій Кочубей [288].

№ 289

1705, липня 22
Універсал миргородського полковника Данила Апостола уласівському сотникові Устиму Сахненку

Его царского пресветлого величества Войска Запорожского полковник миргородский Данило Апостол.

Всем, кому би о том ведати належало, так теперь, тако и на потомныи часы, а особливо старшинствуючим в Уласовце, Городищи и Крылове, зо всеми тамошними обывателями ознаймуем, иже прекладал нам пан Устим Сахненко, теперешний сотник уласовский же, кут Каневченковский, лежачий от дороги, що иде з Уласовки до Крылова аж по речку Цибульник, не меет своего власного господара и призвоимого наследника, и просил нас, абы за ведомом нашим обнявши кут оной владел ним так як би власным купленым грунтом, яко теды пустовские, а ныне лежачии добра некому инному в полку нашом належит ведати и диспоновати тылко нам, яко господареви по милости Божой и рейментарской мого Миргородского полку, так уважаючи давных значных в Войску Запорожском прислуги, помененного пана Устима Сахненка сотника уласовского, а приохочаючи

[288] [*Лукашевский Ф.*] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов: Земская типография, 1874. – Кн. 6. – С. 297–298.

его до дальшых таковых же верных и щирых услуг, кут оний Канювский, яко пустовщину, позволяем ему обняти, и так власне держати и владети в часи потомние, якобы мел за гроши. В чом абы оному пану Устиму Сахненку и его наследникам од якой старшины и теперь и потом не деялася уйма и управлене, сим нашым универсалом велуе караем.

Дан в таборе под Старым Константиновом, июля 22 дня 1705 року.

Подлинной подписан: Звышменованый полковник миргородский рукою власною [289].

№ 290

1707, квітня 4. – Сорочинці
Копія універсалу миргородського полковника Данила Апостола 1707 року, наданого Андрію Білецькому та Ігнату Пугаченку на володіння лісом при Майдуровій долині

Его царского пресветлого величества Войска Запорожского полковник миргородский Данило Апостол.

Пну сотникови кременчуцкому, атаманови городовому тамошнему и кождому, кому бы коивек так з кременчуцких жителей, яко й иних полчан наших ведати о том належало, сим нашим универсалом ознаймуем писанем, иже просили нас Андрей Белецкий и Игнат Пугаченко, куренчане наши, жители тамошнии ж кременчуцкие, абисто позволили стенками, якие на том боку на Майгеровой долине зостают, которие они уже от килька лет боронят, им же невремено владети и в дальнейшие часи от онучтожения боронити. Ми теди давши слушно ж их таковой прозбе у себе месцу, а до того уважаючи з побережних жителей пустейшие грунта без жодного зощадку покуда живши звикли на разние тамобочние мешканя переходити, яко позволяем помяненим Андрею Белецкому и Игнату Пугаченкови тими ж Майгеровой долини стенками владети и оних из пустошения боронити, так пильно мети хочем и приказуем, аби ведаючи таковую волю нашу, нихто до тих стенок интересоватись и жодной перешкоди в оних Белецкому и Пугаченкови чинити неважился.

Дан в Сорочинцях априля 4 дня 1707 року.

Звише именованний полковник миргородский.

Место печати полковника [290].

---

[289] *Пивовар А. В.* Поселения Задніпрських місць до утворення Нової Сербії: в документах середини XVIII століття. – К.: Академперіодика, 2003. – С. 142–143.

[290] Там само. – С. 143 (ЦДІАК України. – 51. – Оп. 3. – Спр. 11437. – Арк. 87. Копія).

№ 291

1708, листопада 18. – Глухів
Підтверджувальний універсал гетьмана Івана Скоропадського військовому товаришеві Івану Стягайлу на слободу Стягалівка Новгородської сотні

Пресвітлійшаго и державнійшаго великаго государя нашего его царского пресвітлаго величества Войска Запорожскаго гетман Иоан Скоропадский.

Его царского пресвітлаго величества Войска Запорожскаго пану полковникові стародубовскому, старшині полковой, а зособно пану сотникові новгородскому и кождому, кому колвек о том відати надлежати м[а]ет, сим нашим ознаймуем універсалом, иж пан Іван Стягайло, заслужоний товариш воисковий, суплікoвал до нас, просячи, абись мы ему слободку его, називаемую Стягайловку, ствердили нашим гетманским універсалом, міючую свое такое розграничене: от рудні добронідского и от самой річки Знобовка дубровою Елушицею да чр[е]с річку Улицу до ваковий болота, а оттоль на старое будище, а от будищ на Лютую речку ниже млина протопоповского да у з село Знобь. А до того и млин в его ж грунтах на річки Знобі построенним зособо. Теж просил он же, Стягайло, абысь мы ему позволили у грунтах новгородських, по границю гремяцкую найдуючихся, на речци Знобці засипати греблю и млин построити. За чим мы, гетман, мененного пана Стягайла прошение принявши, а респектуючи на его значние отдавного в Войску Запорожскому роненние праці и заслуги его, тую его слободку Стягайловку з млином сим нашим ствердждаем універсалом. Так и позволились мы ему ж в грунтах новгородских на річци Знобовци вновь засипати греблю и подлуг потужносты води построити млин и всякые у того млина приходячие розміровое пожитки на его ж господарское спарте без жадной перешкоды отбирати в оном. Мененной слободки владініе и отбираню з млинов всіх належных податков, также во росварку его новозанятом на урочища з мінці построенном, абы нихто з старшині рейменту нашего жадной ему, пану Стягайлові, чинити важился перепони и трудности повагою сего універсалу нашего пилно варуем.

Дан в Глухові 18 ноеврия 1708 року.
Звыш іменованный гетман рукою власною [291].

---

[291] Публікація В. Мазепи // Сіверянський літопис. – 2008. – № 1. – С. 14.

№ 292

1709, лютого 22. – Ніжин
Універсал гетьмана Івана Скоропадського, що підтверджує права Домникії Свічкиної та її синів Василя і Лук'яна на маєтності у Пирятинському уїзді, що дісталися їм у спадок від Леонтія Свічки

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя нашего его царского величества Войска Запорозского гетман Іоанн Скоропадскій.

Ознаймуем сим нашим писаніем пану полковникові Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского лубенскому, старшинѣ полковой, а зособна пану сотниковѣ пиратинскому, атамановѣ городовой и курѣнной зо всѣм товариством и кождому, кому колвек вѣдати належатимет, іж овдовѣла панѣ Доминикія Свѣчиная, з синами своими паном Василіем и паном Лукяном Свѣчками, мѣючи добра свои, одни за заслуги, значние и вѣрне роненіе у Войску его царского величества Запорозском небожчика пана Леонтія Свѣчки, полковника лубенского, мужа оной, от антецессоров наших, бывших гетманов, наданые, а другіе, купленным способом набытіе, і як монаршою его царского величества грамотою, так и унѣверсалами гетманскими стверженые, іменно, село Деймановку, село Давыдовку, село Короваи, село Малютинцѣ, на власних купленних грунтах осаженые село Городище и село Корнѣевку, зо всѣми угодями, у в уезде Пирятинском положеніем будучіе, а до того греблю, прозываемую Воробювскую, на рецѣ Удаи, зо всѣми млинами, на оной построенними, с котрих и часть войсковая розмѣрових пожитков есть подана, фолварки, сѣножати и лѣси, пасѣки и поля пахатные, просили нашего гетманского на тіе свои маетности, млини и всѣ угодія потвержателного унѣверсалу, зачим ми, гетман, стосуючися до висоце поважной монаршой его царского величества грамоти и до унѣверсалов антецессоров наших, а барзѣй памятаючи на вѣрне зичливые небожчика старого пана Леонтія Свѣчки, полковника бувшого лубенского, услуги, роненіе в розних оказіях в Войску его царского пресвѣтлого величества Запорожском, до которых войскових услуг и потомкове его, пан Василій и пан Лукян Свѣчки, суть здалые, конфѣрмуем тіе всѣ добра сим нашим унѣверсалом мененной панѣ Свѣчковой и паном сином ей, вишейспецѣфикованым, то есть Деймановку, Давыдовку, Короваи, Малютинцѣ, Городище, Корнѣевку, зо всѣми млинами, на греблѣ Воробювской на рецѣ Удаи построенными, позволяючи оним тими всѣми маетностями, млинами, фолварками, лѣсами, пасѣками, сѣножатми і всѣми угодями спокойно владѣти, и як с посполитих людей, в тих вишеменованих селах мешкаючих, належитое отбирати послушенство и повинность, так и з всѣх тих добр и угодій имѣти пожитки, користи. Прето мѣти хочем і рейментарско сим унѣверсалом нашим варуем, абы мененной панѣ Свѣчиной и паном сином оной в владѣнии тих маетностей зо всѣми угодями нѣхто з старшини полку Лубенского жадной не смѣл и не важился чинити прешкоди и трудности; войти зась тих виже спецѣфикованих сел, Деймановки,

Давыдовки, Короваев, Малютинцов, Городища и Корнѣевки, зо всѣми посполитими людми, кром козаков, которих волности мѣют бити ненарушино захованы, повинни належитое отдавати панѣ Свѣчиной и паном сином оной послушенство и повинность, без жадной противности, пилно и грозно приказуем.

Дан в Нѣжинѣ, февраля 22 дня 1709 року.

Звиш менованный гетман рукою власною [292].

---

[292] Стороженки. Фамильный архив. – К., 1908. – Т. 6. – С. 512–513.

№ 293

1687, квітня 15. – Батурин
Випис із книг міських

Випис с книг міских ратуша батуринского року Бжого тисяча шестсот вусимдесят семого мсця априля пятнадцятого дня.

В ратушу великих гсдрей міском батуринском при бытности пана Гордія Хрисановича, атамана городового, пред нами, Климентием Лукяновичом, войтом батуринским, Лукяном Филоновичем, бурмистром, постановившис очевисто славетная Зіновия Войничовая, мещанка киевская, доброволне сознала и облекгацию дала, иж мію, скоро прибувши до Киева, того ж часу повиннам права на кгрунта острицкие служачие от черцов межигорских отшукать и Ивану Войничу отдат до рук. А если бы не міла тих прав вскорі вишукат, то вини талярей сто закладает и вязенем карать; ми, уряд, того вислухавши, на аффектацию до книг казали записат и с книг потребуючой сторони при печати міской видалисмо.

Писано в ратушу року и дня звиш описаного.
Леонтий Климович, писар міский батуринский [293].

№ 294

1690, березня 9
Запис уряду Власівської сотні щодо прав Шульганя на пасіку Богдана Хмельницького в Чорному лісі

Пред нами, урядом, Луврену Радченку, сотнику уласовскому, Михайлу Байраку, атаману городовому, за прибитием честного отца Андриана, иеромонаха обытели святой Пивской, постановившись люде зацные Стецко Михно, Лаврен Димиденко, жители бившие чегиринскии, а теперь уласовские, вызнавали ведлуг пасеки Ониsковской, лежачой в Чорном лесе, в тот способ мовячи, иже тую мененую пасеку еще славной памети Богдан Хмелницкий у Шулганя отнял бил усиловне, а потом Гедеон Хмелниченко, вишовши з Полщи, за упомянутую тую пасеку на Шулганце сто талярей дал и оную целком заплатил вправди.

[293] Публікація Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2008. – № 3 (Інститут рукопису НБУВ. – № 535 П./1763. – Арк. 324. Копія).

И небожчик Павло Яненко хотел и просил Хмелниченка, жеби до половини тоей пасеки припустилсе и принял, еднак до того Хмелниченко не призводивсе и тое пасеки ане половини не попустил. Тое теди вызнане менених людей выслухавши, а на жадане иеромонаха чесного отца Андриана, казалисмо записат.

В року 1690, марта 9 дня.
Иван Гаврилович, писарь уласовский и сего записаня [294].

№ 295

1691, грудня 26
Купча келебердянського жителя Мартина Бондаря на ґрунт у Чичаку біля села Дереївка

Року 1691 месяца декабря 26 дня.

Я, Михайло Жаданенко, явне чиню в каждого суду и права при гюдех зацних, якие тому сведоми, Петру Котляру Малику и при иних особах зацних из доброй воле своей никому непенний, але свой власний грунт зостаючий в Чичаку под Камяною могилою на той стороне Днепра, продалем Мартину Бондару за суму певную грошей, иварую сим моим квитом, жена и я сам, Михайло, а не жена моя и потомство наше неповинисмо в оний грунт и сеножати и озера втикатись, так також жеби не одной не узнал перешкоди, гди ж свое власне продалем добро, на що для лепшей вери и певности просилем вряду городового керебердянского в подписе руки врядовой и притиснении печати меской, що есть и притиснена.

Деялось Кереберде року и дня вишописаного.

А грунт сей зачинается от села назиаемого Дереивка озером поки зайшли и луками по болотину, прозываемую Ближная Гнилица до Днепра, ито з едной стороны, а з другой стороны дороги до початку Подстепного озера, откуду взявши до конца того озера и оттудова долиною до самого Днепра, и там кончился грунт.

Ми, уряд, подписуемся:
Федор Забуга, сотник;
Мартин Русановский, атаман городовой.
Место печати [295].

[294] Киевская старина. – 1901. – Т. 72. – *Январь*. – С. 4–5; *Пивовар А. В.* Поселения Задніпрських місць до утворення Нової Сербії: в документах середини XVIII століття. – К.: Академперіодика, 2003. – С. 140.

[295] *Пивовар А. В.* Поселения Задніпрських місць до утворення Нової Сербії: в документах середини XVIII століття. – К.: Академперіодика, 2003. – С. 141 (ІР НБУВ. – Ф. 1. – Спр. 631. – Д. 59314. – Арк. 35. Копія).

№ 296

1693. – Стародуб
Протокол про запис поточних справ

Рок 1693
Протокул до записованя справ вечистих и совокупно поточных

Прошлорочныи искончивъшы справы

При засѣлой зде панов радных лавѣ,
Новое лѣто щасливе зачати
Зычу проводит и концем вѣнчати
При неподвижных и непорушоных
На Стародубѣ забрал накрушоних (?)
Да подобыем моцности дцбовой
Точатся справи в сей лавицѣ новой.

Нѣхто як Бгъ.

Позднѣйшим почерком: **Smotrena.**

Книги рочнии, заведеннии в року 1693 от мсця генваря 1 дня, за войтовства славетного пна Спиридона Яковлевича Ширая, войта, а засѣлой лавицѣ: пп. Бориса Карповича Кома и Стефана Тимофѣевича, бурмистров, пп.: Ісаака Грыгориевича и Івана Ширая, райцов, а Гаврила Яковлевича и Тимофѣя Семеновича, лавников, щасливе засѣлих.

Нинѣ тысячный рок шест сотный третѣй непотребна…

Нового року нову видя лаву,
Достойно Бгу воздати славу,
Блгодарствуя, іже дал скончати
Рок мимошедший, а новий зачати,
В он же да подаст внов право судити
В новости року зачавшим седѣти.

Признание Пилипа Омелянова на кгрунт, проданый Михалку, ковалю яроминскому

Року тисяча шестсот девятдесят 3, мсця генвара девятого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлыми радными, ставшы очевисте, Филип Омелянович, товариш войсковый, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣских стародубовских: иж кгрунт свой власный, никому нѣ в чом непенный и незаведенный, то есть двор з огородом, в межах і в границах певных, в селѣ Яреминѣ, ключа Стародубовского, лежачий, як ся

в собѣ мает, завюл и продал Михалку Івановичови, ковалю яреминскому, за сумму певную, то есть за талярый двадцет личби полской, монѣти доброй, на вѣчность ему самому, малжонце и потомком его; иж волно тим кгрунтом спокойне владѣти и пожитковати, то есть кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти власный свой пожиток оборочати, а речоный продавца яко вѣчними часи себе самого, малжонку и потомков своих видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его казалисмо в книги мѣсцкии записати.

Року 1693, мсця генвара 9 дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами, всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Ксения Самойлова Жидецкая з притомностю сина своего Грицка Самойленка, явне, ясне и доброволне признали, иж будинок увес свой, никому нѣ в чом непенъный и незаведенный, на пляцу их власном стоячий, то есть хату, всѣтелку, иньбар, комору и диліоване и баню, также и ворота зо всѣм будинъком, кроме лежачого дерева и кроме пляцу, который при продавцах зоставати мает, продала пну Ісаку, райци рочному стародубовскому, которого зезнаня уряд выслухавши, казалисмо записати, и есть записано.

Зезнане Евдокиѣ Юриевны Кузминое Мадѣевое на двор отцу Григорию Стефановичу Галицкому, священникови кривецкому, у вѣчность

Року бжого 1693, мсця януария 9 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Евдокия Бриевна Кузмина Мадѣевая, явне, ясне и доброволне до книг признала, иж двор власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный на предмѣстю стародубовском, з одное стороны Григория Отрохимовича, а з другое Петра и Пархома Федоровича Седневских стоячый, помененного малжонка ее Кузми Мадѣя сукцессиве по родичу его ему спалый и служачый, который то Кузма, препомнивши страху Божого и срокгост права посполитого, а зламавши малженскую приязн и присягу доживотного мешканя, змовившися з нецнотою, іменем Іриною Мотузовную, пофиялься гдес у чужосторонный мѣсца безвѣстно, зоставивши долги по собѣ розные, якового реченна Евдокия Кузмина не мѣла чим отдати, завела и продала пречоный тот двор честному господину отцу Григорию Стафановичу Галицкому, священникови села Кривца, ключа Стародубовского, за сумму певную, то ест за тридцет двѣ копѣ личби литовское монеты доброй, ему самому, малжонце и потомком его у вѣчност. Теды волно отцу Григорию тым двором, яко юж своим власним куплением, спокойне владѣти, користит и пожитковати, то есть кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який колвек на власный свой найлѣпший пожиток приводит и оборочати. А реченная продавца, яко вѣчними часы самую себе, пречонного малжонка и потомков своих вѣчне видѣдичила, удалила и цале зреклася, так тое майстрат, принявши, росказал при памят в книги записати.

Яков Савич, поточ:

Року 1693, януария 9 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Яков Савич, мещанин стародубовский, жаловалъся на Андрѣя, пушкаря

московского, тестя своего, тепер обывателя, жителя стародубовского, который, здавшы волоское сотництво, а видячи, же ему, Савичу, зятеви его, тот сотницкий уряд в зданю, завзял ранкор з тих мѣр на Савенка, зятя своего, и в дворѣ своем при тих крестянах, котории чинили росплатки, а особно и при пну Федорови Халимоновичу, сотнику тепер де новосталом кгарцовскому волоскому, бил его по щоках и ганбил, прирекаючи, иж молод еще на тот уряд сотницкий. Которой жалобы ми вислухавши, казалисмо про памет до книг записати.

Ігнат Евтухов, поточ:

Року 1693, мсця януария 10 дня.

На майстратѣ их цркого пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Ігнат, жител стародубовский, предложил вѣдати и оповедане чинил, же он еще на коледу свто бгоявленскую з занадри з мешечком згубил якос грошей коп осм, золотих два и осмаков тры, якие то гроши прочулися на дн завтрешний шестого генвара през Уляну Павлючиху, которая, чувши от дѣтей Гришкових Чиркунових, другой оповѣла невѣстѣ Агафии Микитиси, якобы дочка Гришкова Чиркунова найшла оповедантови гроши; прето он, оповедант, сего числа вишей писанного у самого Гришка по реченному свидоцтву свое згуби доходил.

Майстрат зас, так чуючи жалобу оповедантову, яко и позванного в том отповѣд, же ку тому жадною мѣрою, чтобы его дѣти мѣли оные гроши найти, не знался, иж правѣ не знал и не бачил жадних находних грошей от своих дѣтей, уваживши то доброе, подлуг правного зданя, зложил еще до документалнѣйшого прослуху и доводу правдивого людского, з таким докладом: если би знову на его, Гришкову, дитину довелося, теды правне мает на нем жалуючий помянутих грошей доходити, што казалимо про памет и до книг записати.

Семен Адамов на вислугу п. Борису Михайловичу

Року 1693, януария 11.

На майстратѣ их цркого пресвтлого влчества Стар:, ставши очевисте, пн Борис Михайлович, посполитый и сотник волоский стародубовский, заносил жолобу и чинил оповедане на Семена Адамовича, который ему зостает винним коп девят личби литовское монеты доброй чехами. А же он был, должник, у секвестру за учинок его блудодѣянный, яко то добутя дитины дѣвцѣ, посаженый, приведен ку отповѣдѣ правной, доброволне знался, что зостает дебиторови своему девет коп винен, чого не мал чим отдати; теды пн Борис домовлялся прилѣжно, абы он, должник, ему тот долг отслужил.

Майстрат, прозбѣ его мѣсце давши, повелѣл и позволил ему, п. Борису, на отслугу того вишей реченного долгу узяти, з таковим еднак докладом: ежели бы потреба оказовала до права помянутаго Семена о той ексес потягнути, то мает пн Борис поставити конечне без завикляности, што ест про памет и до книг записано.

Запис двора Іванова Склюдова в долгу Лукяну Цилюрику

Року 1693, мсця януария 14 дня.

На майстратѣ их цркого пресвтлого велчства Стародубовском, ставши очевисто, Іван Склюд, кожомяка, доброволне знался, же зостает винен з певних причин готовое суммы коп чтирнадцет личбы литовское монеты доброй и золотый

один Лукяну Андрѣевичу Цилюрику, товаришови войсковому стародубовскому, которого длукгу не мал чим зараз отдати и уиститися, пустил двор свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, над берегом в Стародубовѣ, з одное сторони от Макѣя Кожомяки, а з другое Шелепехи, вдови, стоячий, за помянутую сумму до откупу, даст Бог щасливе дочекати, о празнику стих верховних апстол Петра и Павла в року нишнем 1693, з таковим вироком: если бы не мѣл о назначоном термину окупити, теды за пошацунком людским мает вѣчне при Лукяну зоставати, што ест про памет до книг и записано.

Признане Агафиѣ Семеновны, второго малженства Греновское, на двор пну Владиславу Завадскому

Року бжого 1693, мсця януария 17 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавникоми и всѣми рочне засѣлими радними, ставше персонале, Агафия Семеновна, первого малженства Свирщевская, а второго Семеновая Греновская, обозная пихотно охотницкого полку Яворского, явне, ясне и доброволне, іменем своим и іменем малжонка своего Семена Греновского, обозного предреченного полку, нѣ от кого непримушоне, ку записаню до книг мѣских стародубовских в тые слова признала: иж двор свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, купним правом собѣ от Залѣское набытый, з одное стороны (за мѣским валом) от Мартина Коваля, а з другое Безеречихи, вдовы, стоячый, зо всѣм, як се в собѣ мает, завела и продала пну Владиславу Завадскому, товаришови войсковому стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его, за сумму певную, то есть за шестьдесят коп личбы литовское монеты доброй, на вѣчност; иж волно от сего часу пну Завадовскому тым двором, през себе купленим, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати, или кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти найлѣпшый власний свой пожиток оборочати. А речонная продавца Агафия Греновская, яко вѣчними часы самую себе, малжонка своего и потомков своих вѣдидѣчила и цале удалила вѣчне, так тое признане ее майстрат, чуючи, росказал про памят в книги мѣские стародубовские записати, што ест и записано.

Тит, Строганов чловѣк

Року 1693, мсця генваря 22.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, ставши очевисте, Тит Афанасов, человѣк Строганов, доходил на Івашку Федорову, зарубѣжном человѣку, куля соли, взятого в пожар мимошедший стародубовский.

Припозванний Івашъко Федоров, во время бытности своей тут в Стародубове, зналъся, же в пожар инъбар Строганов отбивши, взяли два кулѣ соли, один правѣ кул отдали з Костею и Игнатом прикажчикам Строгановим, а другий куль рознии прави розбирали люде в них, позванних; которих контроверсии ми, уряд, вислухавъши, наказалисмо позванному Івашъку Федорову для того воровства в час кгвалтовний тот куль соли заплатити и утрат своих доходити на своих товарищах Костѣ, Ігнату и Алексѣю, што и записалисмо в книги мѣсцкии стародубовскии.

Настюха Пилипова Северинова

Року 1693, январия 27 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Настюха Пилипова Севериновых прекладала жалобу и заносила до повороту з дороги мужа своего оповедане на Овдотю, сусѣдку свою, о покраденю през ее, Вовдю, грошей с комори, в коробци будучих. На якую жалобу майстрат велѣл ку справоте реченной Вовдѣ перед собою стануть, которая, ставувши, доброволне призналася, же правы, кгды господар Пилип з своею жоною ходили на веселе, а господарство домовки свое, давши ключ от коморы, до рук Лаврѣну, товаришови своему, злецили, который (sic), положившися спати, положил ключ под головы, теды правы она, Вовдя, отокравши ключ з-под голов у Лаврѣна, о томкнула комору, и вивевши с коробки жменю грошей, в чом били, не личечи, знову комору замкнула и ключ ему ж, Лаврѣну, сонному, подложила под головы, а за тые грошы у Ганны, Лисовского сестры, Клинское шинкарки, купила паніову и чоботи, що, як гроший остаток готовых, так паніову и чоботи ей же, шинкарци Ганнѣ, все попропивала. Якое жалоби и оповеданя занесенного майстрат з доброволним признатем шкодници выслухавши, за прозбою оповедаючое особы росказал до росправы и приезду мужнего, давши оную шкодцу до везеня, про памет в книги записати, што и записано.

Анастасия Марковая з Александрихою Маляркою

Року 1693, январия 27 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Анастасия Марковая жалосне оповедалася и заносила скаргу, же она, будучи на погуляню у Александра Маляра, а кгды ишла ку господѣ своей под час вечернѣ дня вчерашнего 26 числа сего ж мця январия, теды, перенявши ее на дорозѣ, Маря Давидова Резничка, запитала: где ты правѣ, нецното, курво, чи в матки Александрихи, такои ж курвы, як и сама, была? Мовячи так: иж правы зводите моего мужа до лихого дѣла, з которим нерадние учинки творит она, Александриха, и начала бити, якого побою и овых слов неучтивих чули общие люде, то есть: Алистрат, Костя Швец з жонами своими и Талѣрчиха, сусѣде, яковую жалобу урад до приезду мужнего оповедаючое росказал про памет до книг записати, што и одержала.

Признане Андрѣя Захаревича на пляц дворовый голый пну Тимофѣю Алексѣевичу

Року бжого 1693, мця январия 28 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Андрѣй Захаревич, мещанин стародубовский, явне, ясне и доброволне до книг признал: иж пляц свой власный, волный, дворовый, голый, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, в самом городѣ Стародубовѣ,

идучы до Пробитое брамы, об межу дворов: з одное стороны – от двора мистирского Печерского, а з другое Григорія Ферензбаха Кожуховского, значного товарища войскового стародубовского, лежачий, завюл и продал, як сам уживал, его милости пну Тимофѣю Алексѣевичу, бывшому полковникови стародубовскому, ему самому и потомком его на вѣчност, за сумму певную, то ест за двѣсти коп личбы литовское монеты доброй. Иж волно его милости пну Тимофѣю Алексѣевичу тим пляцом дворовим волним спокойне владѣти, користить и пожитковати, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и вшелякие на нем будинки строити и як хотячи оним обладати. А реченный продавца, яко явним а доброволним сим своим признанем себе самого, малжонку и потомков своих видидѣчил и цале вѣчними часы зречене учинил, так тое майстрат росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Можчир, поточ:

Року 1693, генвар: 29.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого велич. Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, и всѣми засѣлими радними, ставъши очевисте, Артем Мартинович Найдуненок, козак сотнѣ Стародубовской, признал, иж, зоставши виноват пну Ігнатови Максимовичу Можчирови, тож товаришови войсковому, коп шестнадцет грошей готовых, а вусѣм осмачок жита, завюл оному до окупу кгрунт свой, лежачий в селѣ Дарѣевичах, то есть двор з огородом половицою з братом недѣленного саду, пахатними и сѣнокосними кгрунтами, кроме засѣву, а сѣножати найдуються при тих же кгрунтах, як сам он уживал, з таковым докладом: иж если в сем же року о прийдучом ярмарку Десятовском тых коп шестнадцяти не отдаст, теды о том термѣне заложоном вѣчне мает уступити помененному кредиторови Можчирови, а осмачок осм жита особне уистити и отдати по зобраню засѣву вимовленого на том же помененом кгрунтѣ, которого теды зезнаня мы, уряд, вислухавши, казалисмо записати, и есть записано.

Зезнане Савы Дмитровича, козака з Гудова, на двор, на поля и пожен пну Михайлу Васковскому у вѣчност

Року бжого 1693, мсця януария 30 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Сава Дмитрович, козак сотнѣ Стародубовское, жител села Гудова, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣских стародубовских в тые слова: иж двор свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, зо всѣм, як се в собѣ мает, з садом и огородом, поля пахатного и сѣнокосного по двѣ части, который двор зо всѣм помянутим угодем в селѣ Гудовѣ знайдуется, об межу з одное стороны от Матвѣя Воловича, а з другое – Тимоха Поціонка, завюл и продал, як сам уживал, пну Михайлу Васковскому за сумму певную, то ест за двѣсти сорок золотих личбы полское монеты доброй, на вѣчност, з таковим докладом, же пн Васковский мает и повинен будет ему, Сави, з тых двох частей

поля, у него купленого, толко отмѣривши, як двор, огород и сад мѣры засягнет, на обейсте дати и поступити ведлуг умовы без всякого спору, а ему, пну Васковскому, кроме отмѣренное части поля, волно ест и будет тим всѣм угодем, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати, или кому колвек дати, продати, з ким заменяти и як хотячи оным оборочати. А реченный продавца, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и потомков своих видидѣчил и цале отдалил вѣчними часы, так тое его признане есть про памет в книги мѣские стародубовские записано.

Улас, поточ:

Року 1693, генвар: 31.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами, засѣлими радними, ставши очевисте, Улас Дмитрович з притомностю жони своей, Евдокии Леоновни, жаловали на Варвару Леоновну Алексѣевну в тот способ: иж якоби она, Алексѣевна, в небожчика Терешка на веселю, при многих словах ущипливих, кидала на ее, Власову, шклянками, которими правѣ не вдарила, тилко казанцем намѣралася вдарила, що видѣли Юхан Старий и син его [...], слѣсар, котории правѣ и ратовали ее, Власову, а припозванная Алексѣева ку тому не зналася. Урад вказует и полѣцает той завод тих людей свѣдоцтву, што и записано.

Поточ., з Мишковки

Мсця генваря 31 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Ігнат Омелянович, за привезенем на возку криваво збитого шкодливе рожоного брата своего Апанаса Омеляновича з села Мишковки, чинил плачливе, при жалобѣ занесенной, оповедане в тот способ: же кгды вчерашное ночное години ехал Остап [...], пушкар стародубовский, до войска на емских конях через Мишковку, взял подводу в Мишковци, которому едное еще треба як бы ему было, теды десятник, до реченого Апанаса пришедши в двор, без битности самого Апанаса, любо и не Апанасова приходила рядовая подвода, загадовал жонѣ его; а хоч конѣ и зоставали в господѣ, еднак пограбил казанцем мѣденый и отдал был пушкаревы; а кгды мененый Апанас, прибивши ку господѣ з веселя, ходил до десятника, где он, пушкар, стоял, теды он, пушкар, запитал первей Апанаса: чи ти правѣ старший брат или нѣт? На що отповѣдил: я, мовит, менший. В тот час, без всякого респекту и на срокгост права посполитого не взираючи, порвавши обух, бил немилостиве до смерти и много ран шкарадне позадавал пробито кривавих и сѣніо спухлых в головѣ и по всѣм тѣлѣ, и вотпливо, если от того побою не пожекгнаест того свѣта. Що майстрат, яко раны кривавые и синие видѣвши убитого, так жалобу и оповедане принявши, росказал до росправы за поворотом забойци мененного про памет до книг записати, што и одержали.

На довод слушнѣйшый Кузма Остапов, стойчик, который з мененним пушкаром был в подводѣ, признавал, што Апанаса вишей реченного немилостиве бил обухом, шкодливе позадавал раны, испухлие до синя, што есть и записано.

Мсця февруария 5 дня 1693.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Веремѣй Андрѣевич жалосне оповедане заносил на Довида Скабартинина, который, безвинне нападши, лжил его словами ущипливими, аж до учтивого, а од того помикался по килко разей бити и прирекла то: ты-с правы гусятник, курятник и иные многие прирекал неподобние тому слова, чого жалуючий, не чуючися в том прирекано, просил, абы сее его оповедане било до росправы записано, што и одержал.

Признате Данила Онѣкѣевича Церева на част мелницкую своюо власную з двором и огородом пну Миколаю Чарнолузкому, сотникови полковому стар.

Року бжого 1693, мсця февруария 6 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Данило Онѣкиевич, житель стародубовский, именем своим и іменем матки свое Марфты Семеновни Оникѣевое и рожоного брата своего меншого Апанаса Оникѣевича, явне, ясне и доброволне, ни от кого непримушоне, ку записаню до книг мѣских стародубовских в тые слова признал: иж част мелницкую, свою власную, никому ни в чом непенную и незаведенную, з двором и огородом през власную працу небожчика родича его Оникѣя Москаля от пна Сергѣя Потаповича, бурмистра стародубовского, набытую, в млѣнѣ войсковом при двох частех, на рецѣ Човпнѣ стоячую, маючую, завюл и продал, як сами уживали, кроме помененних двох частей войскових, пну Миколаю Чарнолузкому, сотникови полковому стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его, за сумму певную, то ест за двѣсти золотих личбы полское монеты доброй, на вѣчност. Теды волно ему, пну сотникови, тоею частю мелницкою третею, двором и огородом, як юж своими власними, през себе куплеными, спокойне владѣти, користить и пожитковати, то есть кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек власний свой найлѣпший пожиток приводит и оборочати. А реченный продавца, яко вѣчними часы себѣ самого, жону, матку и брата, так теж близких и далеких покревних своих видидѣчил и цале отдалил и вѣчне зреклъся, так тое его признане ест про памет в книги записано.

Признане Матвѣя Захаревича Церова на двор, Хвеску Семеновичу у вѣчность даное

Року божого 1693, мсця февруария 7 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Матвѣй Захаревич Церюв, ремесла ковалского, явне, ясне и доброволне признал до книг: иж двор свой власний, никому нѣ в чом непенный и незаведенный, зо всѣм, як се в собѣ мает, за брамою Черѣговскою мѣскою, з одное стороны Івана Мойсѣевича, а з другое Мартина Шанкова стоячий,

завюл и продал, як сам уживал Хвеску Семеновичу, ремесла шевского, мещанину стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его, за сумму певную, то есть за сорок шест коп грошей личби литовское монеты доброй, у вѣчност; иж волно ему, Хвеску Семеновичу, тым двором спокойне владѣти, користить и пожитковати, или кому колвек дати, продати, з ким заменяти и як хотячи оборочати. А речонный продавца себе самого, малжонку и покревних своих от того двора, цале зрекшися, видидѣчил и отдалил на вѣчность, якое признате его про памет есть в книги мѣские стародубовские записано.

Декрет межи честним отцем Нестором, священником бакланским, – поводом, а позваннимн – Василем Мартиновим и Федорою Василевою, позваннимн о реч, в нем же в серединѣ ферованый

Року тисеча шестсот девятдесят третого, мсця феврувария осмого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Тимофѣем Алексѣевичом, полковником на тот час наказним стародубовским, Дмитрием Зурманом, обозним полковим, Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, велебный господин отц Нестор, свщенник бакланский, црква свтителя Христова Николая, заносил жалосную свою скаргу през поданную свою суплѣку на Василя Мартинова Шевца, жителя бывшого некогдыс бакланского, и на Федору Василеву, тамошную ж жителку бакланскую, которые правѣ согласившис, без боязни Бжой, таковую навели на него, жалуючого отца Нестора, калюмнѣю и безчесте пред всечестным господином отцем протопопою погарским: предречоный он, Васил Швец, жаловался, будто ему отц Нестор за паламарство, уже тому пятый рок, не отдал тридцяти и чтирох осмачок збожя роковщины, не заплатил за пятнадцят пар шитых чобот новых коп трох грошей и за вымолочене тридцяти овин збожя належной не отдал нагороды, да при той же своей жалобѣ пред ним же, господином отцем протопопою погарским, задавал ему, отцу Нестору, якобы оный, во время бытности превелебного в Бгу господина отца архидиякона катедры Чернѣговскоѣ в Бакланѣ, в заводѣ нѣякомъся з тамошними жителями, маючы в дому своем нѣякуюс бабу, такових з оною уживал чаров, з которых овии правуючиис люде не пянии, пяними зоставшы, заледво з двора трафили выйти, – такая была жалоба Васкова Шевцова на отца Нестора пред отцем протопопою погарским; другая зась поменноѣ невѣсти Федоры Горкавихи жалоба такая: иж якобы отц Нестор, за позволенем попадѣ своей хоруючой, хотѣл ей о недавно мимошедшых Рождесвенских свтах кгвалтовное вчинити насилие, если бы была не вирвалас; которых двох жалоб он, господин отц протопопа погарский, выслухавши, без обьширной, духовному и свицкому суду прислушаючое, інъквизиции и правного розиску, яко то в справѣ межы духовного стану особою и людми свѣцкими, под свѣцким правом живучими, зараз, без респекту на доводы и отводы

правныѣ, на урядовыи свѣдоцтва, а тут же и на писма парохиялныѣ, о учтивости отца Нестора свѣдителствуючии, а тих особ жалуючих свѣцких – подойзронными и свѣдителства недостойными показуючи, скарал его, отца Нестора, виною. А по том, осудивши быти невинным, взглядом самого того, же не могл з ных чинити справедливости и финалного феровати декрету свѣцким, так отписал до Бакланского уряду:

Мой велце ласкавый приятелю, мсцѣвый пне сотнику бакланский. Вшелякая небачне и завистне на чест и на нескончене Бга достигаючую чистость нанесенная суровость, горячо правосудием карана быти повинна, которая то небачне от Федоры Горкавихи суровост и честному господину отцу Нестору, духовному вашому, в чести и захованю дала уближене, леч, подлуг так ясного милости ваших свѣдителства, яко пишете, же от лѣт пятнадцяти у вас пожитя его до времени сего на опачност невѣсти сеeѣ не оглядали и само то право вжити не может, иж того кгвалту, от пречестного отца собѣ дозанного, того ж часу людми, чести годними, и собѣ належитим не освѣдчила урядом, аж юж по часѣ, чили з наущеня якого, перед судом нашим роспломенила; що мы за неслушност узнавши, господина отца Нестора сему неповинна и во всем безпорочна быти честна творым, а невѣсту оную в мрц вмстину вручаем, надѣючис, же и милостий ваших суд Бга правды ко всѣм знатис возможне; от высланих нашых тикву во всем маломощну узналисмы. Васка Швец, яко в доводах певного, во всем нагородою и честю окриваем, що свѣдомо ест вашой пиской мсцѣ донесши, себе самого з всегдашними любовними повиновенми, яко найпилней, вручаю, зостаючы всего добра желатель и бгомолца недостойный. А подпис у того листу тими был словы: Стефан Іосифович, протопоп погарский. З Погару, генвара пятнадцетого тисяча шест сот девят десят третого року.

Который прето лист господина отца протопопи погарского и вспомененные в нем з уряду Бакланского свѣдителства и от всѣх парохиян утверженая суплѣка, албо рачей лист, наикшталт супплѣки, к нам писаный, обширне под датою того ж мсця генвара двадцет девятого дня, ясне то показовали, иж особы жалуючого отца Нестора перед сим враждуючыи сут людми подойзронимй, в доводах своих поваги не маючими: невѣста оная для того, же и перед часы в покилкокротных терминах злих за недобрыи свои, кары достойныѣ, выступки, правом есть переконаная и пред часы каранная; другая иж своего насилия а нѣ урядом, а нѣ сусѣдами не оголосивши, по часѣ того стала доходити; третяя иж з мусу отца Григория, вѣкарого протопопского, висланого, на отца Нестора за парохию ранкор маючого, жаловатис мусила, а на тую жалобу тот же высланый всеусердно чигаючи, ведлуг запису урадового Бакланского, позычал мужови жалуючой три чехи грошей, мовячы: жалуйся, што ест против права свтого. Швец зас по тому в доводах своих непевный и овшем поганебиный, же по свѣдителству тых же парохиян бакланских паламаром в црквн их не был, роковщины, котороѣ на отцу Нестору доходил, нѣкгды в них не брал и за своим недбалством и опилством з раменю своего чобот новых не шывал, а до того ест пяницею и костирою, которим свѣдоцство отнюдь возбранено есть.

Тут уряд засѣлый з певних знаков, в правѣ описаных, же тых жалоб початком ест нѣякоесь подущене, з яких мѣр предложивши овому Шевцови пред очы страх Бжый и свѣдителей неправедних временную и вѣчную карност, питалисмо, для

чого бы власне так сурово и запамятале жаловал на отца Нестора? Где оный, мало замовчавшы, порушеный страхом Бжиим, зезнавал: Вчинилем то, мовит, з намови отца Григория, висланого протопопского, который, маючы гнѣв на отца Нестора з маткою и сестрою, просил мене извести порок на священника, а на остаток сам он, отц Григорий, в Погарѣ десят талярый обецал мнѣ, жебым я жаловалъся, и, давшы напочаток два шаги, вирек: Тилко, мовит, ты жалуйся, а я во всем обороною.

По нем зас Федора Горкавиха з притомностю мужа своего Васка, сумненем обовязанѣ о правдивое визнане, з чией бы намови жаловалас на отца Нестора, тое ж посвѣдчали на отца Григория, иж за его подущенем то вчинили, а особно Васко, муж еи, виявил, же отц Григорий, будучи висланим в Бакланѣ, дал ему тры чехи грошей перед собою жаловатис, а в Погарѣ пять коп давал на тую жалобу, тилко, мовит, пяти коп не взялем.

Суд нинешний, выслухавши обоих сторон доводов и отводов, показуючих справи початок з научщеня быти, тепер до вниманя скуток видит, же з научщеня утерпѣлую турбацию отц Нестор, которого правним поступком чиненем з свѣцких справедливости, так инъквизициею, яко и ферованим тут декретом, з доброволного отволаня боронит отца Нестора от напастного порока и калюмнѣй, задержавши лжесвѣдителей легкомислных до приличного им караня, што казалисмо записати в книги мѣскии.

Антон

Року 1693, мця февруария 15 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлаго величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очевисте, Леон Маркович Керей, нѣмчин, токарь, в справѣ поводовой стороны жалуючой Антона Шевца, который зостал побитым от Михайла Семенова 15 сего мѣсяца февруария, яко сам позваный доброволне зналъся, иж его з нѣякого, повѣдает, жалю вдарыл, ручилис по нем, позванном, помененъные тут зезнаючые особы, з таковым докладом, иж о то позванный Михайло всегда, коли указоватимет потреба, без порозумѣня о готовости на суд ку росправи стати и отповѣдати мает. Котороѣ поруки уряд вислухавши, до росправи казал записати, и ест записано.

Угода межи Анною Законихою и Павлом Миколаевим и жоною его Уляною

Року 1693, февруар: 16.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, о заводѣ Анны Законихи, вдовы, з Павлом Миколаевым и жоною его Улияною в тот способ, иж она, предречоная Законниха, ведлуг свѣдоцтва невѣст помѣжних, через присяглого слугу Демяна питаних, невистидливе и без респекту на срокгост права посполитого нерядною називала невѣстою Улияну Павлову, о тое жалуючую, которая того пороку, яко барзо тяжкого и малженству шкодливого, не потерпѣвши, ведлуг того ж свѣдоцтва, еи, Закониху, вдарила.

Таковий справи вчинилъся конец, без обширних и писаня отнюд недостойних контроверсий: иж если би якая колвек з них сторона яким колвек ущипливим важилася досадити словом без доводов певных, а другая би сторона людми то годными освѣдчила и уряду ожаловалас, то позванная неотпустне мает заплатити до скарбу мѣского коп десят вины и подлѣгатимет написаному в правѣ караню, што казалисмо записати, и ест записано.

Признане Івана Антоновича Червячонка на половину поля пахарного пожень и огорода Степану Климовичу дѣдовскому

Року бжого 1693, мця февруария 16 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Іван Антонович Червячонок, жител дѣдовский, іменем своим и именем матки свое рожоное [...] Антоновое и братов своих менших чотирох, явне, ясне и доброволне до книг признал: иж кгрунту пахарного и сѣнокосного, своего власного, нѣкому нѣ в чом непенного и незаведенного, так в полю, яко и в пожнях и в огородѣ, во всем том половину ровную, опроч двора, об межу з одное стороны его ж, признаваючого, а з другое – Івана да Сили Червячонков, в Дѣдовѣ лежачого, як сами уживали, завюл и продал Степану Климовичу, дѣдовскому ж жителеви, ему самому, малжонце и потомком его, за сумму певную, то есть за осемнадцеть коп личби литовское монети доброй, на вѣчност. Волно теды реченому Степану тим угодем спокойне владѣти, користит и пожитковати, или кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек власний свой пожиток приводить и оборочати, а реченний продавца, яко вѣчними часи самого себе, жону и помянутих рожоних своих и покревних видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его про памет ест в книги м: Стар: записано.

Признане Сави Тишковича на двор з садом и огородом Савѣ Ермоловичу Воскобойнику

Року бжого 1693, мця февруария 18 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Сава Тишкович Млоденец, жител стародубовский, явне, ясне и доброволне признал до книг: иж двор свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, по родичу его, небожчику Тишку, ему спалый, з будинками, на нем стоячими, з садом и огородом, зо всѣм, як се в собѣ мает, за рѣчкою на Корестелювци, об межу з одное стороны Силки Блинника, а з другое – Гришка Нагаенка, стоячий, завюл и продал, як сам уживал, Савѣ Ермоловичу Воскобойнику, мещанину стародубовскому, ему самому, малжонце и потомкам его на вѣчност, за сумму певную, то ест за сто семдесят золотих личби полское монети доброй; иж волно помененному Савѣ Воскобойнику тым угодем, през себе кулленим, спокойне владѣти, користит и пожиткoвати вѣчне, или кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який хотячи власний свой найлѣпший

пожиток оборочати; а речонний продавца, яко вѣчними часы самого себе, и, ежели даст Бг, друга и потомъков ему сим явним и доброволним признанем своим вѣдѣдичил и цале на вѣчност отдалил, так тое майстрат росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Акт этот зачеркнут и внизу сдѣлана приписка:

Для того сяя справа вечистая скасована и затерта, же не признана совершенно и не взяла досконалого своего скутку, же не волно ему, признаючому Савѣ, нѣкому иншому продавати, опроч самому собѣ мешкати, а будет продавати, теды Семену Лаврѣновичу может завести.

Яков Семен з Васкою Миничом

Року 1693, февруария 18.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Мина Гапонов прилѣжно домовлялся и просил майстрату, жебы сина его, Васка Минича, посаженого у секвестру от Якова Семенова з певних причин починених взяти. Которому уряд, схиляючися прозби, позволил взяти з вязеня на поруку, з таким докладом, же Васил, син его, мает и повинен будет всю шкоду, през него и жону его певне учиненную реченному Якову, от мала до велика пополнити и нагорожати з викладом правним и вину на уряд, в правѣ написанную, заплатити, а если би не мѣл досит во всем учинити и погодити, теды срокгому караню и вѣнѣ подлегати мает, што ест и записано про памет до книг.

Зезнане Івана Петровича Самусу Никитичу на огород

Року бжого 1693, февруария 18 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Іван Петрович, мещанин стар.: явне, ясне и доброволне признал: иж огород свой власний, нѣкому ни в чом непенний и незаведенний, идучи на Красную улицу, об межу огородов Криска Коваля з одное, з другое – Самуся Никитича, а с третее – Гаврила Масютенка, лежачий, завюл и продал, як сам уживал, ему ж, Самусеви Никитичу, за коп чтирнадцет личби литовское монети доброй, на вѣчност; иж волно реченному Самусеви тим огородом спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, а речонний продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих видѣдичил и цале отдалил, так тое ест про памет до книг записати (sic).

Середа з жидом Іршою

Року 1693, мця февруария 19 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Андрѣй Середа, жител роменский, доходил певного долгу сыну его, Михайлу Андрѣевичу Середенку, уже небожчикови, за коня, взятого през Ірша, жида стародубовского, в пятнадцати копах торгом о ярмарку Десятовском, за которого то коня он, повод, меновал якобы сину его отдал коп шест, а зостал винен коп еще девят.

Припозван был ку отповѣди жид Ирша, знался, же правѣ взял коня за коп 15 у сина поводового, але оному отдал первей при торгу коп шест, а зостал был еще коп сѣм винен, которые, кгды лѣта прошлого ехал до ярмарка Зѣнковского к Пречистой, стрѣлься правѣ в Коропѣ з небожчиком Михайлом Андрѣевичом, який поспѣшался на ярмарок к Новгородку светого Спаса, отдал ему, Михайлу, и тые коп сѣм при многих людях воронизких и инних, не барзо мнѣ, Ирши, свѣдомих, а от него, Михайла, свою карту данную на тую коп сѣм, писаную в школѣ Рождества пресвятой Бци в Стародубовѣ, одобравши, там же, в Коропѣ, при нем и при людях тых подрал. Тепер зас, яко небожчикови цнотливе виплатился, не естем ни в чом виноват. Прето Андрѣй, тому не вѣречи, жебы он, жид Ирша, синови его увистился, отозвался до людей коропских, при которих сн его зшол з того свѣта, же правѣ при смерти повѣдал, што жид Ирша зостает за коня коп девет виноват и инние люде, што уряд, вислухавши, казал до росправы до книг записати и ест записано.

Гришко Корнѣев

Року 1693, мця февруар: 20.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич: Стародубовском, ставъши очивисте, Гришко Корнѣев жаловался на Лукаша, цехмистра, иж его з жоною своею в дворѣ Демяновом зелжил бил у Алексѣя, господаря тамошнего, при людех, там на тот час пригодившихся, который залюдного подававши и уряду освѣдчившися, просил справедливости; а так суд одложен на день завтрешный 19 февруар:

Семена Ісаковича двор до окупу Федору Ковалеви записан

Мця февруария 21 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Семен Ісакович, мещанин стародубовский, доброволне знался, што зостает винен певного долгу коп осмнадцеть доброе монети Федору Савичу Ковалеви, якого долгу не мѣл чим отдати, пустил двор свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, на Нѣмецкой улицѣ, ведле Лапи стоячий, до окупу, з таким докладом: если о запустах Филипових в сем же року не мѣл бы окупити, теды за пошацунком урадовим и людей зацних, за прейстем термина, мает при Федору вѣчне зоставати, якую облигацию маистрат про памет казал до книг записати, што ест и записано.

Пну войту

Року 1693, февруария 22.

На майстратѣ их црского пресвтлого велчства Стародубовском, постановившися персонално, пн Василий Павлович, сотник волоский войтовства Поипутского, доброволне до книг признал: же за усиловним упрошением любо отмовлялься за прилѣжною просбою инних сотников волоских стародубовских, яко писма от неумѣетних, ымянно Андрѣя Алексѣевича, Павла Черняка и Андрея Москаля, до пунктов, писаних от всего мѣста на его милост пна полковника, власную свою руку подписалем, а не с примусу пна Спиридона Яковлевича Ширая, войта стародубовского, як нѣкоторые особы надаремне повѣдают.

Майстрат, чуючи тое, росказал про памят до книг записати, и ест записано.

Замѣтка на отдѣльном клочкѣ бумаги

Февраля 23.

Ставши очивисте Андрѣй Алексѣевич, сотник бывъший волоский дохновский, признал доброволне: иж без примусу жадного велѣл подписати руку на суплѣце, писаной до ясневелможного добродѣя его милости пна гетмана, где и всѣ сотники, так волоскии, яко и мѣскии, без жадних примусов велѣли руки поподписовати.

Зарука межи Ябедою и Кириком з жонами их

Року 1693, февруария 23 дня.

Майстрат, ускромляючи и запобегаючи далших алтеракций и проліонкгацій межы сторонами, Павлом Ябедою з жоною его, позванними, а поводами – Кирилом Петровичом, тож з жоною, заложил заруки тисячу золотих в той мѣре: ежели бы Павел Ябеда, албо теж жона его, мали в двор Петра з яких колвек причин зайти, албо ли где на яком мѣстцу при лудях дати причину и зачепку до звады, тож и Петро, или жона его, мѣли б до его, Ябеди, приходити и где индей, нашедши, зачепитися, а людми б того довелося, теды на таковом неотпустне вышей помянута зарука на его милост пна полковника и на урад мается конечне взяти, и терпѣти през цѣлый тиждњь вязеня, што ест про памят в книги записано.

Поточ: Мария Мелничка з Токарихою

Року 1693, мця февруария 25 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Мария Степановая Мелничка заносила скаргу и чинила оповедане на Хвесиху Токариху, жителку стародубовскую, в тот способ: же недавно, прошломинулих недель, она, Мария, цорку свою панну Ганну полюбовне в стан малженский змовила была за Пантелѣя Хвесенка Мелничка, Токаришина сна, отдати, при яком полюбовном змовеню зобравши околичных людей, мусила на слово Пантелѣво, юж ей щире будто приданое хлѣбом и напитком венеровати, що не без кошту стало. Теды оная Хвесиха Токариха, якобы того сватаня сина своего Пантелѣя не знала и не за ее блгословением примовил Пантелѣй реченной мелници и цорце ее слово, розгудила и не позволяет жалуючое сину своему дочки брати, а надто еще и похвалки незвичайние, справуючися на урадѣ, вирекала своими слови: же правѣ так наражу, що ни мнѣ сином и ей, оповедаючой, не будет зятем. Оповедаючая Мария, постерегаючи своего здоровя и дочки свое на тое, жебы син Токаришин был ей зятем, не чигала и овшем зреклася, оповедаючы ураду, абы з тых похвалок чого злого не вросло в ее домовци, домовляючися утрат своих, ложених на сватаню, жебы было нагорожено.

Майстрат, уважаючи то добре, наказал Пантелѣю и матери его, абы з вікладом правним всю утрату ее, Марии, вернули, з таким докладом: если би, уховай Бже, мѣла якую кавзу понести после сего времени, теды за доводом слушним, Токариха подлегатимет вѣнѣ и караню подлуг права описаного, а син ее, Пантелѣй, яко умовлен у млинѣ, пилновати мает и повинен будет, яко свого власного, до Воскресения Хрсва догледати и што треба направовати за чотири золотих, и, вѣрне отслуживши, в сем же настоящем року волно будет, где хотя, отийти, як точилося, так про памет росказалисмо в книги записати, и одержали.

Іван Горний

Року 1693, мсця февруар: 28 дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, а Ісааком Григориевичом, райцою, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисте, Іван Горний з товаришом своим Петром Жуковим чинили оповѣдане: иж купивши пов-шости голови и козел риби молки, голову по пол-сема золотого за молку, которой звикло ити за иголню, яко оповедантове правят, за плотку и голнѣ чтири плотки, в Івана Алексѣева черніговца, кгды стали им платити за молку тую рибу, рахуючи за сотце іголне чтири фиста молки, теди оний продавца, не взяв в них грошей, а постановивъшыс на урядѣ з тими рибами, твердили, иж продали тую рибу заловчанку, то ест по чтири плотки за одну иголню. По сих контрверсиях сторони, в право не поступуючи, так згодилися межи собою: иж онии оповедантове, товару не приймуючы, два таляри дали им, продавцом, а он, Іван, з товариством, принявъши, розишолъся з ними, людми, што казалисмо записати, и ест записано.

Костя Давидов з Яковом Радковим

Року 1693, мсця февруария 28.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, в справѣ Костѣ Давидова, жалуючого на Якова Радкова, который его побил разливе, без уваги на срокгость права посполитого, сталося за обополними медиаторами помирковане, з таковим докладом от нас, уряду: иж если б от сего часу позваний в яковой нибуд бесѣдѣ, или на яковом колвек мѣстцу важилъся находити, то, яко преслушник праву, мает бити сужоним и до скарбу мѣского, неотпустне заплатит золотих тридцет вини, што казалисмо записати, и ест про памет записано.

Пн Трофим Кункевич, бур:

Року 1693, мсця марта 1 дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, передо мною, Яковом Завадовским, асаулом полковим, ярмарковыми справами от его мил. пна полковника стародубовского завѣдуючым, ставшы очивисте пн Трофым Кункевич, бурмистр стародубовский, чинил оповедане, иж, жалуючы о розных шкодах на Наума Москаля и на сына его Трохима и другого Онаню, знайшол в ремесника Овчинка чтиры овчыны и пятую козлину, где, домовляючыс справедливости, потребовал пред урядом выводу.

Припозваный Оная, сын его, Москаля, менъшый, а питанный, где бы тые побрал овчины, виводился, иж зарѣзали двое овечок, уже тому рок минув, а двое зарѣзали прошлоѣ осены мимошедшого року 1692 и козелка тож в осен зарѣзали. Которых слов выслухавъши, казалисмо записати, и ест записано.

П. Кункович, бур:

Того ж дня и перед тим же урядом.

Ставши очевисто, Евдокия Наумиха з Дѣдова повѣдала, же правѣ пят овчинок з мужем своим давали в роботу, а шестую козлинку, якие овца сее осени прошлое

зарѣзали, а четвертого козлика, а двѣ овчини два роки, як рѣзали, минуло, а болш не рѣзали жадних овец, опроч сих трох з козликом, што ест и записано.

Матвѣй Египец

Року 1693, мсця марта 5 дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич. Стародубовском, ставши персоналне, пн Матвѣй Египец, райца стародубовский, чинил жалосное оповѣдане: иж, кгди сего прошлого вечора, на сумерку, ишол з коморы ку домови, мимо домовки Церулика Ходоса, теды, з хаты вишовши, чоловѣк вдарыл снѣжною грудою по головы близко уха его, оповеданта, который, давшы собѣ голос, кто ест, и приступивши к нему близше, познал, же то вчинил Федос Целюрык, якого кгды за тот неслушный поступок в криянце строфовал и посохом вдарыл, теды оный, вхопивши полѣно, мало не забил его, оповеданта, кгды бы в тропи не настигла жона и син его, оповѣдаючого пна Матвѣя, а на остаток тот же галасник чинил такие якобы перехвалки, же не уйдеш, мовит, рук моих, которого оповеданя уряд, выслухавши, казалисмо записати.

Арендарѣ тютюнные з Миколаем з Солуновки

Року тисеча шестсот деветдесят третого, мсца марта 5 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, за вѣдомом и злеценем его милости пна Михайла Микълашевского, полковника Войска их црского пресвѣтлого велич. Запорозкого стародубовского, передо мною, Яковом Завадовским, асаулою полковим, для суженя справ ярмаркових зосланим, ставши очевисто, Процко Побожѣй, з притомностю товариства своего, арендари тютюнние, за пошляхованем гостя Черниговского уезду, оповедане чинили на его, который, приюзши тютюн на ярмарок Зборницкий, без отповѣдне шинковал втай, отчого им, арендаром, немалая кривда и убел в том шинкованю чинится.

Припозван был ку отповеди реченний гость Миколай Коваль з Солуновки, сам доброволне знался, же тот товар заповѣдний, то ест тютюн, приехавши на ярмарок в Стародубов, продавал; помянутые арендаторы, яко им подлуг інътерцизи злѣцено постерегати свого власного приходу в отплаченю суммы, през них до скарбу войскового отданое, будучи жалосними, доходили, абы остаток недопроданого тютюню был им за туе вину отдан, што за вѣдомом нашим от его, Миколая, не беручи жадное вины, яко ест звичай, отобрали в свое завѣдоване сто пятдесят без двух папуш, што ест про памят и до книг записано.

Признате Алексѣя и Мартина Петровичов Криворотенковых, жителей чечирских, на двор, проданний Осипови Ігнатовичи, стар:

Року Бжого тисяча шестсот девятдесят третого, мсця марта шестого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставшы очевисте, Алексѣй и Мартин Петровичи, жители чечирскии, явне, ясне и доброволне признали до книг мѣских стародубовских: иж двор свой

власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, за парканом в Стародубове, об межу з едное стороны Стефана, зятя Слотонишына, а з другое Мартина Іоненка стоячый, зо всѣми на нем стоячими будинъками, завели и продали Осипови Ігнатовичови, жителеви стародубовскому, як сами, купчим правом набивъши, уживали, за сумму певную, власними руками своими отличоную, то есть за коп шестдесят личби литовской монѣти доброй на вѣчност, ему, Осипови, самому, малжонце и потомком его; иж волно тым двором спокойне владѣти и пожитковати, то есть кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на яковый хотѣти власный свой пожиток оборочати; котрым прето признатем, яко вѣчными часы себе видѣдичили и цале отдалили, вливаючи и право, в купчих на тот двор написаное, оному Осипови, так тое про памет казалисмо записати, и ест записано.

Признате Михайла Колѣнка, козака найпутовского, на кгрунтик, проданый служалому Сачинскому

Року тисяча шестсот деветдесят третого, мсця марта шестого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Михайло Колѣнко, козак сотнѣ Стародубовской, жител найпутовский, явне, ясне и доброволне признал: иж пол чвертки кгрунтику своего власного, никому ни в чом непенного и незаведенного, то ест половину поля, половину сѣножатей, половину огорода, половину гумна и половину всѣх приналежитостей, завюл и продал пну Івану Сачинскому, зостаючому при его мил: пну судѣ полковом Стародубовском, за сумму певную, то есть за золотих двадцет личбы полской монети доброй, на вѣчност, ему самому, малжонце и потомком его; иж волно тим кгрунтом спокойне владѣти и пожитковати, то ест колвек продати, даровати, з ким заменяти и на яковый хотѣти власный свой пожиток оборочати, которим признанем, яко продавъца вѣчними часы себе видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его казалисмо записати, и ест записано.

Пн Дмитро, обозний

Року тисяча шест сот 93, марта 7.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Яковом Завадовским, асаулом полковим стародубовским, ярмарковими справами завѣдуючого (sic), ставши очивисте, урожоний его мил. пн Дмитро Зурман, обозный, чинил оповедане: иж, познавшы в Поручки коня шерстю полового, чорную гриву и окгон маючого, которого вкардено в стадѣ по Десятовскому ярмарку, в недѣлю, в Кузми Луцкова, з которым конем украдено и шкапу его, пна обозного, шерстю рижую, лисую, Поручка дал вивод з того, иж купил того коня в Якова Гутника. Яков Гутник дал вивод, же купил того коня в Лукяна Кондратова, жителя найпутовского, а сей Лукъян Кондратов, не дав виводу слушного, сказал, же вименял в чоловѣка нѣякогос мглинского з нѣякой слободки Мглинского уезду при Ступенках (?), Гришъку и Васку, туде ж Гаврику Дотелю и сину его Захарки, которого отводу вислухавши, казалисмо записати.

Декрет межи Тишком Лизуненком, поводом, а позванним Михайлом Хомутом, печенюзкими жителями, в справи, в нем же в середині ферованый

Року тисеча шестсот девятдесят третего, мсця марта 7 дня.

За вѣдомом и злеценем их црского прсвтлого влчства Войска Запорозкого полковника стародубовского его милости пна Михайла Миклашевского, на майстратѣ их црского пресвтлого величества Стародубовском, з притомностю справи ниже йменованное умислне прислухаючогося дозорци ясневелможного его милости пна гетмана добр Шептаковских пна Яна Быстрицкого, перед нами: Димитром Зурманом, обозним, Самойлом Івановичом, судею, Яковом Завадовским, асаулом, а Прокопом Силовичом, сотником, полковим стародубовскими, Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом, Стефаном Тимофѣевичом и Трофимом Кункевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисте, Тишко Лизуненко, товариш войсковый сотнѣ Шептаковской, жител печенюзкий, доходил жалосне на Михайлу Хомуту, тамошном жителеви печенюзком, кревном, шкод своих, то ест полторы тисячы золотых, под час запаленого овина, украденых грошей з коморы, а то таковым способом, ведлуг чиненой о том свѣжим злочинци пошлякованем інквизиции через пна Быстрицкого, старосту шептаковского, и пна Карпа Манковского, сотника шептаковского, котории, завзявши певную вѣдомост о москалю Радиону, меняючом твердую монету на чеховую в Новгородку, як скоро зимали оного через посланцов, шлякуючих на Воронѣзком ярмарку, и в Шептаки припровадили, так там зараз знаючис быти злочинцою и шкодцою Лизуновим, визнавал на Михайла Хомута самого, на Гаврика, сына его, и на Осипа Гайдукова, повѣдаючи, иж чтири их покрали Лизунови гроши, где зараз на лице часть свою обецал отвести и показати в Воронѣжу тых грошей, для которых шуканя посланни были там войт шептаковский Андрѣй Софонович з Іваном, пна старости шептаковского челядником: найшли они, посланние, з москалем Родионом закопаных там в хатѣ грошей талярами битими, чвертками и шостаками талярый сто, з которых ясный завзявши повод, питали далѣй его, злочинци, о иньших сховках тих Лизунових покраденых грошей; обецал показати оных еще част под Воронѣжом, близко колодязя Полевицкого, до которого привювши самого пна старосту шептаковского и пна сотника тамошного, з которими было коней тридцеть товариства людей вѣри годных, копал он, злочинца Радион, москал, под сосною землю, где, оборочаючи к лицу острѣем сокѣру, в килка мѣсц ран, нѣм постерегли того притомные, протял в головѣ своей сокѣрою оною. А от того, яко запамяталец, отведенный и удержанный, на питане поколкокротное, смерть пред очи репрезентуючое, бынамнѣй Михайла Хомута не отволавши, твердил быти его власним своим товаришом з сином Гавриком і Осипом Гайдуковим; оттол повювши, привюл к липовому кусту, где найшли срѣбрний Лизунов пояс, особно через него, злочинцу, украдений и там захованый, а болш ничого не допитавшис, припровадили его в Шептаки и там наочно поколкокротне неотмѣнное чуючи на Хомута и на сына его з товаришом третее волане, питали о той шкодѣ Хомута самого, который жадною мѣрою не знаючис до спoлтовариства з ним, злочинцою, таковими засланялься словами: Не имаюсь, мовит, за жону и за синов моих, которые

не толко мнѣ самому, леч и людем частокрот шкодят, а за себе шлюбую, иж естем ни в чом не подойзроным, якого правда то на нем ни інъквизициею, ни жадною повѣстю не показалос, жебы был подойзроним человѣком.

Гаврик, син его Хомутенков, яко поволаный, за питанем и посташенем, на такових приличным, на той же першой інквизиции визнал, же нарадившис з батком Хомутом и з москалем Радионом, запалив Лизуненкову овину и тим часом в замѣшанину руины огненной, взявши в хатѣ Лизуненковой на полици ключ, пойшол в комору з москалем Радионом, з которым винесшы скриню за ворота, отдал батку своему Хомуту з тим же москалем Радионом, а сам од них з Осипом Гайдуковим, того ж притомным, по указу батковом вернувшис и ключ, где лежал зас, положившы, пойшли до Букуса и напилис там горѣлки.

За которим визнанем так москал Радион, яко и син Хомутов Гаврик з Осипом Гайдуковим дани были до вязеня, з которого ведлуг першое інквизиции, через особ помененных чиненой, он же, Гаврик, син Хомутов, того москаля Радиона, зпол седячого, замок одомкнувши, албо рачей дужку одогнувши и нѣт ослабившы, того злочинцу москаля з лазнѣ Лизуновской випустил и сам доброволне ку тому знался; потом тот злочинца москаль, за роскозанем через самого Лизуненка, утюк гдес безвѣстно, и з тих мѣр справа оная, аж по число нинешное трвала без екзекуции. А поневаж, за дохоженем стороны поводовое Тишка Лизуненка, о учиненю приличного декрету уряд молестуючого, для справы, в пролінкгацию пущоной, через што и злочинцу приличного Радиона москаля, з грошми пойманного, утратили, для достовѣрнѣйшого выбаданя и правди позосталих злочинцов Гаврика, сина Хомутенкова, и Осипа Гайдукова, на Михайла Хомута волаючих, питаючыс едного по другом, отмѣнност чулисмо визнаня першою словесно через особ помененних виражоною інквизицѣею, кгды тепер, при почату повторних розисков, син Хомутов Гаврик, з Осипом согласившис, отволивали, мовячи, иж з постраху, при перших питанях будучого, на Хомутенка визнавали, теди на сем уряд застановившис зас, предложил им пред очи право, в четвертой части порядку, на листѣ двѣстѣ тридцет четвертом писаное, на муку их, яко подойзроных, видати вказуючое, которого виcлухавши, он, Гаврик, син Хомутенков, зналъся, иж по приказу батка своего Михайла Хомутенка, запаливши овин Лизуненков, взял в ізбѣ ключ, одомкнул комору и взял з москалем скриню и винес за ворота стоячому батку своему, котрий правѣ з тим москалем Радионом взявши скриню, мене оставил з Осипом Гайдуковим, и так, положивши ключ, пойшли до Букуса и випили по волочку горѣлки.

Осип Гайдуков, таковим же правом перестрашенный, зезнавал: ехалем, мовит, з Рикова мимо ворота Лизуненкови, кгды гумно его горѣло, и видѣл Хомута, несучого скриню з Радионом москалем, и чулем слово от Хомута, же мѣл и мнѣ щос дати з тих грошей, и пили, мовит, мы, пошовшы, в Букуса горѣлку.

Суд нинешний, вислухавшы обоих сторон контроверсий и добре то уваживши, же самий принцѣпал, з лицем пойманый, запамяталий и сам себѣ рубаючый и по розных мѣсцах грошы показуючый, утюк за послабленем самого Лизуненка, уважаючы тож и тое, же син Хомутов Гаврик, злочинца, а отец его неподойзроный ни в чом и лицем жадним неперееконаный, ферует в той справѣ декрет з роздѣлу чтирнадцетого, артикулу двадцатого в Статутѣ Кнзтва Литовского, на чоловѣка

неподойзроного, ведлуг которого, яко з початку в конец написано, мает Михайло Хомут за двѣ недѣли от числа сего в середу з трома чоловѣками, вѣри годними, отприсягнутися, а не винайдет людей, приличных на тое, то ведлуг того ж роздѣлу, артикулу и Статуту, паракграфу второго, шкоду платити, якож так ся втропи, за ферованным декретом, и стало, кгды обѣ сторонѣ, уважившы в юраментѣ трудност за медияторами, згодилися под таковими кондициями: иж мает Хомутенко дати Лизуненкови золотих тисячу грошей, розложивши на рати, то ест: талярый сто о Крестопоклонной сегопостной недѣли, талярый сто о Рождествѣ Хрвом при початку року тисеча шест сот деветдесят четвертом, а золотих чтириста на двѣ рати при конклюзии того ж року, и за кождим виплаченем повинен Михайло Хомутенко брати квитанцию и при концу виплаченя квитовавшис, записати в книги. А неповинна жадная сторона жадних чинити примовок под заплаченем до шкатули войсковой двох сот талярый вины, што про памет записати казалисмо в книги мѣскиѣ.

Зезнане Феска Мазуренка, рудника вепринского, его милости пну полковникови стародубовскому на половину руднѣ зо всѣми до ней приналежитостями и двором, на вѣчност даное

Зри: под сим актом мѣла вписатись росписка московская, тилко ж не вписана; ест ниже, марта 19.

Року бжого 1693, мсця марта 8 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне Феско Мазуренко, рудник вепринский, явне, ясне и доброволне, ни з нѣякого примусу, ку записаню до книг мѣских стародубовских в тые слова признал: иж половину руднѣ Вепринской, свое власное, нѣкому нѣ в чом непенное и незаведенное, зо всѣм до нее приналежним начинем и двором до другой половини тое ж руднѣ, прислушаючой его милости пну Михайлу Миклашевскому, полковникови Войска их црского пресвтлого влчтсва Запорозкого стародубовского, як сам уживал, жадное на себе найменшое часточки не виймуючи, завюл и продал его ж милости пну полковникови стародубовскому, самому его мл:, пней малжонце и потомком его у вѣчность, за сумму певную и власними руками его отличоную и отобраную, то ест за шест сот золотих личби полское монети доброй. Иж волно его милости пну полковникови от сего часу тоею половиною руднѣ зо всѣми до неѣ приналежитостями и двором, прилучивши в соединение до свое половины тоеи ж рудни, яко юж през себе купленою, власною своею, спокойне владѣти, користит и пожитковати, или кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек власний свой найлѣпший пожиток приводит и оборочати и вшелякие з ней ужитки, приводячи на себе, отбирати. А речонный продавца, Феско Мазуренко, рудник, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих, близких и далеких, видѣдичил и цале, вливаючи правом купчим, на туую руднюю писаним, зрекшися, отдалил, так тое доброволное зезнанъе его майстрат, чуючи, росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Зезнане доброволное Василя Давидовича на част пляцу огродного рожоному своему Тимофѣю Давидовичу, вѣчное

Року бжого 1693, мсця марта 15 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персонално, учтивый младенец Васил Давидович, явне, ясне и доброволне, нѣ от кого непримушоне, в тые слова ку записаню до книг мѣских стародубовских признал: иж што был виноват рожоному своему Тимофѣю Давидовичу коп трынадцеть готовых грошей личби литовское монеты доброй, которое сумми, же не мѣл чим отдати и уиститися, теды в той помянутой суммѣ самой орининалной завюл и продал власную свою част отцевскую пляца огородного, сукцессиве ему по родичах спалую, нѣкому ни в чом непенную и незаведенную, по границу барканную до другое части того ж огорода, уже през Тимофѣя Давидовича купленую, а Василеви тепер служачое, ему ж, Тимофѣю, рожоному, яко до его двора прилеглую, ему самому, малжонце и потомком его на вѣчност; иж волно от сего часу реченному Тимофѣю Давидовичи тоею половиною огородною, як юж своею власне купленою, спокойне владѣти, користит и пожитковати, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який хотячи на власний свой найлѣпший пожиток оборочати. А реченний продавца, Васил, рожоний его, себе самого, и, если даст Бг, друга ему и потомков, от тое половини проданое видѣдичил и, цале зрекшися вѣчними часы, отдалил. Якое признане майстрат, чуючи, росказал про памет в книги записати и ест записано.

Зезнане пна Федора Подорожного на пляц дворовый голий его милости пну полковникови стародубовскому

Року тисяча шестсот девятдесят третего, мсця марта сѣмнадцетого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персонално, пн Феодор Подорожный, товариш значный войсковый полку Стародубовского, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣских стародубовских: иж пляц свой власний без будинков, голий, никому нѣ в чом непенный и незаведенный, купчим правом явне набытый, пожаром мимошедшого року зруйнованый, в самом парканѣ стародубовском, противко двора его милости пна Михайла Миклашевского, полковника Войска их црского пресвѣтлого влчства Запорозкого стародубовского, лежачий, об межу дворов помѣжных: з едной стороны Карпа Москаля, мещанина стародубовского, а з другое – двора братского Старо Николского Артемовского, тилом до двора Петра Радковича, завюл и продал его ж милости пну Михайлови Миклашевскому, полковникови стародубовскому, на вѣчност, его милости самому, паней малжонце и потомком его, за сумму певную, то есть за золотих пят сот личби полской монети доброй. Волно теди его милости тым.пляцом купленим спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти, албо самому будынки строити и на який

колвек хотѣти власный свой найлѣпший пожиток оборочати, которым прето так доброволным признатем своим помененный продавца, яко вѣчними часы себе самого, малжонку, потомков и кревних своих видѣдичил и цале отдалил, вливаючи и право свое купчое, на проданное угоде служачое, так тое признане его казалисмо записати в книги мѣские.

Зезнане его милости пна Михайла Миклашевского, полковника стародубовского, на двор, проданный пну Федорови Подорожному

Року 1693, марта 17.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши персоналне, пн Григорый Дорошенъко, писар, и пн Прокоп Силенко, сотник, полковии стародубовские, іменем его милости пна Михайла Миклашевского, полковника Войска их црского пресвѣтлого величества Запорозкого стародубовского, явне, ясне и доброволне признали до книг мѣских стародубовских: иж звышъменованний его милост пн полковник стародубовский, маючи двор свой власний, никому ни в чом непенный и незаведенний, явне и виразне купчим правом набытий, на предмѣстю стародубовском, близко црскви свтих верховних апостол Петра и Павла стоячий, на рогу идучой до фикури (?) Красной улици, з садом, огородом, стоячими на нем будинъками и прикупленними пляцами, як сам уживал, з едной стороны двора Родимихина, а з другой – Павлючихи Нерушихи, завюл и продал пну Федору Подорожному, товаришови значному войсковому, за суму певную, то есть за золотих пятьсот личби полской монѣти доброй на вѣчност ему, пну Федорови Подорожъному, самому, малжонце и потомком его. Волно прето ему, Подорожному, тим двором купленним з прикупленними к тому дворками спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти власний свой пожиток оборочати, которим признатем, поменении особам полковим полѣценним, яко вѣчними часы предреченый его милост пн полковник видѣдичил и цале отдалил, так тое признате про памет казалисмо записати в книги мѣскии.

Оповѣдане Кункевича

Року 1693, мсця марта 18.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич: Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шыраем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Ян Окуневич, дозорца добр панских самого ясневелможного добродѣя его милости пна гетмана, чинил оповѣдане жалосное на пна Трофима Кункевича, бурмистра стародубовского, в тот способ: иж прошлого Зборницкого стародубовского ярмарку забѣг з мѣстаего, пна Кункевича, конь за ним, оповѣдантом, до Карпович....

Продажа пожнѣ от Миколая Петровича киваевского Павлу Левенку, козакови

Року бжого 1693, мсця марта 18 дня.

На майстратѣ их црского прес: вел: Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Миколай Петрович, жител киваевский, явне, ясне и доброволне признал: иж пожню свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, об межу з одного боку от Федка Евхимова, а з другого – Пилипа Зачопи, лежачую, на Цитвѣ, рѣчцѣ, завюл и продал, як сам уживал, Павлу Левенку, козакови киваевскому ж, за сумму певную, то есть за чтирнадцет золотих личби полское монети доброй, ему самому, малжонце и потомком его на вѣчност. Теды волно реченному Павлу Левенку тоею пожнею спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, а реченный продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих видѣдичил и цале удалил, так тое признане его есть про памет в книги мѣские стародубовские записано.

Признате Петра Шулги, посполитого, на двор Кашпуровский з будинками, на нем стоячими, Павлу Василевичу

Року бжого тисеча шестсот девятдесят третого, мсця марта осмнадцетого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Петро Шулга, посполитый стародубовский, явне, ясне и доброволне ку записаню до книг признал: иж двор Кашпуровский, свой власний, нѣкому нѣ в чом непенний и незаведенный, за прейстем многократних терминов, явне купчим правом от Кашпуровички собѣ набытый, на Красной улици, з одное стороны на рогу, об межу Яска татарина, а з другое – от двора Федора Подорожного стоячый, завюл и продал зо всѣми будинками, на нем стоячими, Павлу Василевичу, мещанину стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его за сумму певную, то есть за двѣстѣ золотих личби полское монети доброй, на вѣчност. Теды волно реченному Павлу тым двором, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати, или кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на який колвек власный свой найлѣпший пожиток оборочати, а реченний продавца, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и покревних своих, туде ж и Кашпуровичку з покревними ее, видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его про память есть в книги мѣские стародубовские записано.

Тимофѣй Влѣзко

Року 1693, мсця марта.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич: Стародубовском, ставъши очивисте, пн Тимофѣй Влѣзко, товариш значный войсковый, чинил оповѣдане, иж познал в Евпросинии Івановой серпанок, при котором вкрадено подкосник,

купленый за золотих вусѣм под час ярмарку Зборницкого стародубовского. Припозванная Евпросиния ку отповѣды, з притомностю мужа своего, повѣдала, иж тот серпанок купила на ярмарку в невѣсти незнакомой, при людех зацних: Семену, поповичу мглинъскому, Прокопу, поповичу семионовском, при Андрѣю Музице и иных людех. Уряд, не слѣдуючи права посполитого, серпанок, явне купленный, казал вернути оповедантом жалуючим, што казалисмо записати, и ест записано.

Актиковане росписки о смертном забойствѣ до акт Стар:

Року тисяча шестсот девятдесят третого, мца марта 19 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившися персонално, пн Антон Кгарлович (sic), атаман городовый сотнѣ Почеповъское полку Стародубовского, презентовал росписку о забойствѣ, в ней обширней виражаючомся, просячы, абы до книг была принята и записана, которая так се в собѣ мает:

Лета сѣм тисяч двѣсти первого, марта во четвертый днь. В прошлих годех, тому назад четвертой год, учынилос смертное убийство, Почеповского уезду села Витовой звател Гришко убил Вознесенского двча мнстра вотчыны села Козловки деревни Бородина крестянина бывшого Василя Болухты, і той же мнастрской вотчины приказной члвк Потап Семенов, син Денисов, и дети ево Осип, Алексей, Іван, Гаврило того смертного забойцы уголовя искали, и в том смертном убийстве при бившем сотником Адамом Івановичом той забоец Гришко винился, а ние мы, дети ево, Осип и Алексѣй, Іван, Гаврило і приказной члвк Потап Денисов перед полковником стародубовским перед Михайлом Андреевичом того смертного забойци Гришку за то смертное убийство простили и помирилис, и за харч детем взято шесть рублев, и впред детем ево, которой забит Василей Болухта, і мне, приказному члвку, и хто по мне в том селе будет, и женам их, и детем, того смертного убийства не искат головя и денгами не справоват и ничем не убытчит, в том ся приказной члвк Потап Денисов и дети ево, Васки Болухты, ему, Гришки, во всем волю дали и сие писмо вручили, а писмо писал той же монастирской отчины села Козловки зелакин (?) подячей Никифор Крохин, сѣм тисяч двѣстѣ первого году, марта во четвертой ден, а сия писмо в Стародубовѣ в ратуши писал вмѣсто приказного члвка Потапа Денисова по ево веленію зелакий (?) подячей Никифорко Крохин руку приложил.

Которая росписка, за потребованем стороны того, ест про памет од слова до слова до книг мѣских Стародубовских принята и записана.

Актиковане замѣнного листу през пна Івана Яковлевича Ширая, райци стародубовского, до книг

Року бжого 1693, мсця марта 24 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персонално, учтивый пн Іван Яковлевич Ширай, райца рочный

майстрату Стародубовского, покладал замѣнный лист от пнѣй Анни Дашкевичовое, вдови и обивателки стародубовское, даный ему и служачий о рѣч, в середѣнѣ в нем обширней спецификованную, а при покладаню просил, абы до акт мѣских стародубовских был уписан. Майстрат первей перед собою казал вслух прочитатаи, а по прочитаню видечи, яко рѣч слушную, до книг велѣл записати, который слово в слово так ся в собѣ мает:

Я, Анна Дашкевичовая, вдова, обывателка стародубовская, чиню вѣдомо кому о том вѣдати належатимет, тепер и в потомный час, в кождого суду и права, сим моим правом, иж што подданый мои власние села Крукова, нѣякимся собѣ правом завладѣвши пожню пна Івана Яковлевича Ширая, райцы майстрату Стародубовского, так на свою потребу, яко и на мою власную зорали на поле пахотное, в певних положениях и урочищах лежачую, близко Крукова, межи дорогами,назвиском у Вилках, за которую многократне турбуючися з пном Іваном у суду належного, теды тепер доброволне, нѣ от кого непримушоне, за оную пожню пна Іванову в замѣну пустилам и подалам ему, пречоному пну Івану, райци, свою власную пожню, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, в Налѣтном, межы інними пожнями, з одное стороны от пожни п: Івана Кононовича, посполитого, и Якова Лапенка, товариша войскового, от кургана меншого, на котором дубок стятий стоит, з другое стороны через дорогу от Антона Потаповича, тож посполитого, с третее – от Скрабина и пожен пна Ігната Григоревича Волского, асаули полкового стародубовского, удов ж – напол болота идучого, а з четвертое – от мое ж пожнѣ и колодезя клином прилеглую и лежачую, в вѣчистое и спокойное уживане и област. Іж волно ему, пну Івану, тоею моею пожнею, замѣнним способом пущенною, спокойне самому ему, малжонце и потомком его владѣти, користит и пожитковати вѣчними часы, или кому колвек дати, продати, з ким заменяти и як хотячи на свой власний найлѣпший пожиток приводит и оборочати, так же и мнѣ самой замѣненною пожнею, от пна Івана принятою, волно ест и будет як хотѣти на свой пожиток приводит и привлащати, збираючы всякие користи на себе, что для лѣпшого вѣры даня и певности сей мой доброволный замѣнный лист при людех зацних и вѣры годних, яко то: при пну Парфену Григоревичу, лавнику майстратовом, з подписом рук иньших особ, от мене упрошоних, далам пну Іванови, райцеви, на спокойне держане и обладане. Писан в Стародубовѣ, в дому моем власном, тисяча шестосот деветдесят втором року, мюля 25 дня. У того листу при печати подпис рук тыми зостает словы: I я, упрошоный от ободвух сторон до подпису, же будучи інъпрезенция писаня листу сего, рукою моею власною подписуюся. Михайло Война Окупчинский. За устною и очевистою прозбою от пнѣ Дашкевичовое, до того листу замѣнного ее, на сведецтво Феодор Ширипа, писар сего листу, руку подписал.

Который то лист от слова до слова на афектацию пна Івана, райци, в книги мѣские стародубовские про памет принят и записан.

Пн Парфен, лавник, поточ:

Року 1693, мсця марта 28 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши персоналне, пн Парфен Григоревич, лавник майстратовий, чинил оповедане и заносил жалобу на Ониска Павлюкова и Алексѣя Григоревича в тот способ, же будучи они

тепер сусѣдами и мешкаючи сумѣж саду оповедаючого, з их двора не вѣдомо хто влѣзше до саду, починил многие пакости садовинѣ, для чого на офектацию пна лавника посилали з майстрату слугу присяглого Семена Атамана тое шкоды опатрити, который, будучи на оном мѣстцу, за поворотом до майстрату, признавал, же з двора обжалованих слѣд, пронятый тин оповедаючого, пойшол дитинний и чоловѣчий до садовин, з которих рожайстих зломлено до кореня вѣшен тры.

Урад, принявши реляцию слуги мѣского з оповеданем пна лавника, а до того, же он, слуга, чул от Семенихи, тож сусѣдѣ, што Осипова дочка ходила по саду 27 числа сего ж мсца марта не вѣдомо для якое причини, росказал до росправи записати, што и одержал.

Признане Омеляна Стефановича, Кгрендзикова зятя, на поле пахарное з двором и огородом пну Дорошенкови, писареви полковому стар.

Року бжого 1693, мсця априля 3 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персонале, Омелян Стефанович, Кгрендзиков зят, явне, ясне и доброволне, нѣ откого непримушоне, ку записаню до книг мѣских стародубовских в тые слова признал: иж пляц цѣлый в три измѣны пахатные из засѣвом нинешним, з двором, огородом, гумном и з сѣножатями, свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, по небожчику тестю его Кгрендзикови спадковим правом спалый и служачый, в селѣ Олехинѣ лежачый, и будучые угодя, вышей помянутые, як сам уживал, завюл и продал пну Григорию Дорошенкови, писареви полковому стародубовскому, ему самому, пней малжонце и потомъком его у вѣчност, за сумму певную, то есть за триста золотих личбы полское монети доброй. Теды волно от сего часу пну писареви тым усѣм угодем, яко юж през себе купленним, спокойне владѣти, користит и пожитковати, то ест кому колвек от себе дати, продати, з ким заменяти и на який колвек найлѣпший власний свой пожиток приводити и оборочати; а реченный продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих, близких и далеких, сим явним а доброволним зезнанем видѣдичивши, цале на вѣчност зречене учинил, так тое сознане его майстрат, чуючи, росказал про памят в книги мѣские стародубовские записати.

Зезнане пна Тимофѣя Алексѣевича, полковника бывшого стародубовского, на обейсте, заведенное и проданное его милости пну Михайлови Микълашевскому, полковникови стародубовскому

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця априля третего дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спирыдоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персонале, урожоный его млст пн Тимофѣй Алексѣевич, полковник бывшый стародубовский, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣских стародубовских, иж кгрунта небожчиковски Дашъкевичовские власные,

по смерти его самого, небожчика, и по смерти милои малжонки его Анны Кузминое Дашкевичовое, в недавно мимошедшых числех сего вышъписаного року з того свѣта без роспоряженя добр тестаментом зейшлое, в небытности жадного потомства и кревных, близких и далеких, ку вспартю црквии Бжиих, ведлуг хрстиянского тут обикъновения, овии кгрунта, меновите: млин Левенский, стоячый на рецѣ Ваблѣ, з футором тамошным и всѣми к нему приналежитостями, то ест пахатними и сѣнокосними кгрунтами, около Левенки лежачими, и в Рябцов будучими, где тилко было оних в Бгу зейшлих малжонков ограничоное уживане, так теж двор, стоячий в городѣ, под самим парканом, ведле брами, прозиваемой Немецкой, уз межу двора небожчиковского Леоновского, чолом на ринок, и другий двор, на Чернѣговской улицѣ стоячий, з садом, огородом, зо всѣми к тим уживанним кгрунтам приналежитостями, яко ся наменило, в небитности потомства и кревных, црквам Бжиим за души зейшлих малжонков прислушаючими, завюл и продал он, пн Тимофѣй Алексѣевич, яко словесное злецене покилкокротное от самого небожчика Дашкевича и от малжонки его о промисл на пристойное роспорежене диктовое и ви[...], его милости пну Михайлу Миклашевскому, полковникови Войска их црского пресвѣтлого величества Запорозкого стародубовскому, за сумму певную, власную столповую без совитого описаня, то ест за двѣ тисячи золотих сполна личби полской монѣти доброй, на вѣчност его милости пнови полковникови самому, пней, его милости потомком и кревним, близким и далеким. Иж волно тими кгрунтами, юж яко своими власними, купчим выразним правом набытими, спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власний пожиток оборочати. А сумма тая, то ест золотих двѣ тисячи, под сим же актом реестровне, як роспоряжона за души в Бгу зейшлих малжонков, есть для потомних часов записана. Которого прето зезнаня помененои особы, то есть пна Тимофея Алексѣевича, Бгу угодное попечение о преставившихся малжонках маючого, призвойте вислухавши и за слушност уваживши, казалисмо записати в книги мѣскии стародубовскии, и ест записано.

Подане пер облятам през пна Гаврила, лавника майстратового, купчого права на половину двора, ему служачого, до книг мѣских стародубовских

Року бжого 1693, априля третого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого велчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившися персонално, учтивый пн Гаврило Яковлевич, лавник рочный майстратовый, презентовал купчий лист от Макара Михайловича Ерченка, товариша войскового стародубовского, на половину двора, ему служачого и даного на вѣчистое обладане, а при покладаню просил, абы был до акт мѣских стародубовских принят и уписан. Майстрат, видечи, яко реч слушную, первей перед собою казал вслух вычитати и по прочитаню до книг записати. Который слово в слово так се в собѣ мает:

Року тисяча шестсот осмъдесятого, мсца іюня двадцеть семого дня. Передо мною, Михайлом Мархаленком, полковником наказним стародубовским, ставши

очевисто, Макар Михайлович Ерченко, товариш войсковый сотнѣ Стародубовской, явне и доброволне признал, иж Гаврилу Яковлевичу, стародубовскому прасолу, двора своего отцевского половину пляця з огородом, на Чернѣговской улици будучого, об межу з едной стороны Лукаша, сотника мѣского, а з другое стороны Тараса Коновала, за певную сумму готовых грошей коп двадцеть двѣ в вѣчност продал, от которого пляцу зрекшися и видѣдичишився, сим варует писанем, абы нихто з близких и далеких его не мѣл утручатися, и волно ему, Гаврилу, того помененного повъпляця продать, дать и даровати и, яко свое власное доброе, на який хотя пожиток обернут, так дает в посессию, на що для лѣпшой вѣрѣ и далшой памети при нас с подписом руки моей и притисненой печатѣ сам от себе ему, Гаврилу, дает писане. Писан в Стародубе, року и дня и мсця вишей писанного. У якого листу тими был подъпис рук словы: Михайло Мархаленко, полковник наказный Войска его црского пресвѣтлого влчства Запорозкого стародубовский.

Который то купчый лист от слова до слова за потребованем пна Гаврила, лавника, на спокойное држане ему ест до акт мѣских стародубовских принят и про памят для пришлих лѣт на попарте уписан.

Продажа мѣстца коморного, в ринку Стародубовском лежачого, от пнѣ Марнѣ Мовчановое пну Пахомови Климентиевичови, мещанину стар:

Року бжого тисеча шестсот деветдесят третего, мсця априля пятого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персоналне, Борис Антонович Чемеринцов, мещанин стародубовский, в особѣ паней Марии Гавриловни Мовчановое, некгдыс бывшое полковниковое стародубовское, іменем власним ее самое признавал ку записаню до книг, иж она явне, ясне, нѣ от кого непримушоне, мѣстце коморное, свое власное, нѣкому нѣ в чом непенное и незаведенное, в ринку мѣском Стародубовском, об межу комор пна Василия Валковича, товариша значного войскового, и пней Дащенковое лежачое, продала Пахомови Климентиевичу, мещанину стародубовскому, за сумму нижей виражаючуюся, для чого, же сама пнѣ Мовчановая персоналитер на урядѣ притомною признаня того не была, посилали з уряду до мешканя ее, до достовѣрнѣйшое вѣри и певного зезнаня, Семена Матвѣевича, мѣского присяглого слугу, который повторную от ее, пнѣ Мовчановое, донесл релляцию и дал вѣдати, же она тое вишей помянутое коморное мѣстце, яко се знайдует, завела и продала, як сама уживала, реченному Пахомию Климентиевичу за сумму певную, то ест за сто десет коп личби литовское монети доброй, ему самому, малжонце и потомком его, на вѣчност. Прето волно мененному Пахомови тим коморним мѣстцем, през его купленим, спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне и на нем крамницу ставити и як хотѣти оборочати, или кому колвек от себе даровати, продати, з ким заменяти; а реченная пнѣ Мовъчановая, яко вѣчними часы самую себе и потомков своих, близких и далеких покревних своих, от того видѣдичивши, вѣчне зреклася и цале удалила. Майстрат, того зезнаня вислухавши, росказал про памят в книги мѣские стародубовские записати.

Зезнане Пелагиѣ Ігнатовое, вдовы, на загонец Омеляну Гарасимовичу

Року 1693, мсця априля 6 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого велчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Пелагия Климовна Ігнатовая, вдова, жителка стародубовская, явне, ясне и доброволне до книг признала: иж власный свой загонец на осмачку поля пахарного, нѣкому нѣ в чом непенний и незаведенный, об межу Гришка Лаптева, з одное стороны, а з другое – Левона Ермоловича, лежачий, завела и продала, як сама уживала, Омеляну Гарасимовичу, жителеви стародубовскому, за двѣ копи личби литовское монети доброй и за четверик жита. Которому волно, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, а речоннай Пелагия, яко вѣчними часы сама себе и покревних своих видѣдичила и цале зреклася, так тое маистрат росказал про памят в книги записати.

Признане Романа Даниловича, Троянова зятя, на пляц голый дворовый волный его милости пну полковникови стародубовскому на вѣчност

Року бжого тисеча шестсот деветдесят третого, мсця априля семого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Роман Данилович, Троянов зят, явне, ясне и доброволне, не з нѣякого примусу, ку записаню до книг мѣских стародубовских в тые слова признал: иж пляц свой голый дворовый волный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, в самом городѣ Стародубовѣ, об межу з одного боку двора брацкого кравецкого, а з другое – Кузмы Рогана, римара, лежачый, завюл и продал, як сам уживал, его милости пну Михайлу Миклашевскому, полковникови Войска их црского пресвѣтлого влчества Запорозкого стародубовскому, самому его милости и пней малжонце с потомками его, на вѣчност, за сумму певную, то ест за шестдесят коп личбы литовское монеты доброй. Иж волно его милости пну полковникови тим пляцом дворовим волним спокойне владѣти, користит и пожитковати, то ест кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на який колвек власний свой найлѣпший пожиток оборочати; реченный продавца, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и потомков своих видѣдчил и цале отдалил, так тое признане его ест про памят в книги мѣские стародубовские записано.

Зезнане Ксениѣ Жидецкое на пляц голый дворовый волный з огородом отцу протопопѣ стародубовскому

Року бжого 1693, мсця априля 7 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими

радними, постановившися персонале, Ксения Самойловая Жидецкая, с притомностю рожоного сина своего Григория Самойловича Жидецкого, явне, ясне и доброволне до книг мѣских стародубовских в тые слова признали: иж пляц голый дворовый волний з огородом, до него приналежачим, свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, купчим правом през небожчика мужа ее Самойла Жидецкого набытий, а им спалый, на предмѣстю стародубовском, в певних межах и границах от огорода Івaнова Карлова, да Ивана Минуцкого, а концем до Клишкова огорода прилеглий и лежачый, завели и продали, як сами уживали, превелебному в Бгу честному гсподину отцу Самойлу Хоминскому, протопопѣ стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его за сумму певную, то ест за сто золотих полское личби монети доброй, на вѣчност. Волно теды всечестному отцу протопопѣ тым угодем, през себе купленими, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек власний свой найлѣпший пожиток оборочати, сад кревит и будинки на нем строити; а реченные признаваючие, яко вѣчними часы себе самих и покревних своих, близких и далеких, сим доброволним зезнанем своим видѣдѣчивши и цале на вѣчност зрекшися, отдалили, так тое зезнане их про памет в книги мѣские стародубовские ест записано.

Признате Василя и Никипора Василевичов, рожоних, чупковъских бояр, на пожню Степану Евхимовичу Іленку, товаришови войсковому, у вѣчност

Року бжого 1693, мсця априля 9 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившися персонале, Васил и Никипор Василевичи, рожоные, бояре чупковские, явне, ясне и доброволне до книг мѣских стародубовских в тые слова признали: иж пожню свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, ведле урочища, називаемого Дубины, в певних положенях лежачую, об межу з одное стороны пна Івaна Кононовича, посполитого стародубовского, а з другое от Петрака, атамана Чупковского, и инных сумѣжников, як сами уживали, от родича их Василия им спалую, завели и продали на вѣчност Степану Евхимовичу Іліонку, жителеви каменскому, товаришови войсковому стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его, за сумму певную, то ест за тридцет шест коп грошей личби литовской монети доброй. Теды волно ему, Степану Іліонку, тоею пожнею, ако юж своею власною, спокойне владѣти, користити и пожитковати, или кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на який хотячи власний свой пожиток найлѣпший оборочати; а реченние продавцы, яко вѣчними часы самих себе, малжонок, потомков своих и отчима Кузму видѣдичивши и отдаливши, зречене учинили на вѣчност, так тое майстрат росказал про памет в книги записати, и ест записано.

Року 1693, априля 19 дня.

На майстратѣ Стар:, ставши очевисто, Онисим Левонович, Прокоп Черняк и Миколай Плиткин, мещане стародубовские, доходили на Тосѣ Федоровнѣ

Кондратовой Плиткиной по змертю небожчика мужа ее Кондрата, недавно преставшогося в сих числех, должное им сумми: Ониску полтори осмачки жита, Прокопу таляр грошей, а Миколаю золотих осм, которого долгу, же она, Кондратовая, по мужу не мѣла чим отдати, теды в застави обейстечко свое, якое ест, до окупу пустила и завела, подлуг права, зложивши деляции термин до ярмарку Десятовского в року сем настоящом 1693, з таковим докладом: иж если хто колвек з них трох особ может собѣ обернути ку пожитку тое обейсте, теды, за ошацунком урадовим и людей зацних, мает при том зоаставати, а остаток лишку, што доведется, помененной Кондратисѣ может оный доплатити, што казалисмо про памет до книг записати.

Признане Уласа Гавриловича Ригуна з Пятовска на кгрунт пахарный з огородом и сеножатми пну Ермолѣ, райци стар.

Року бжого тисеча шестсот девятдесят третего, мця априля 20 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Улас Гаврилович, прозываемый Ригун, жител села Пятовска, явне, ясне и доброволне, нѣ от кого непримушоне, до книг мѣских стародубовских в тые слова признал: иж кгрунт свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, пахарный, во всѣ тры измѣны, купчим правом собѣ набытый, з огородом и сеножатьми, як се в собѣ мает и знайдуется, в том же селѣ Пятовску во всѣ три измѣны, з одное стороны от Ілии, з другое Пилипа Дмитровича, лежачый, завюл и продал учтивому пну Ермолѣ Остаповичу, райцѣ стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его на вѣчност, за сумму певную, то ест за шестесят чтири копы личбы литовское монеты доброй. Іж волно пну райци тым угодем, през себе купленим, спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то есть кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який хотѣти на власний свой найлѣпший пожиток оборочати; а реченый продавца Улас Гаврилович, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и потомков своих от того угодя проданого видѣдѣчил и цале зреклъся, так тое его признане доброволное про память ест в книги записано.

Року тисяча шестсот деветдесят третего, мсця априля 29 дня.

На майстратѣ их црского прсвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Борисом Карповичом, бурмистром рочним и на тот час войтом наказним на мѣстцу славетнаго пна Спиридона Яковлевичо Шырая, войта, и Стефаном Тимофѣевичом, вторим бурмистром, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе очевисто, Наум Дмитрович, прозиваемый Печюнка, з притомностью унука своего Степана Ермоловича, жители села Янкова, ключа Стародубовского, донесли вѣдати урадови нинешнему, же реченний Степан Ермолович, недавно мимошедших часов в сем року настоящом тисяча шестсот деветдесят третем оставшися з чотирма братами и двома сестрами рожоними своими еще в недорослих лѣтех, по зейстю небожчика отца своего Ермоли Василевича Дудки и матки Февронии Ермолиное, рожоних своих, яко осѣротѣлые дѣтки,

которые, не могучи в таких малих лѣтех господарства позосталое отчизни здержати, явне, ясне и доброволне признали ку записаню в тые слова: іж, мѣючи собѣ приятеля близкого, братанка своего в первых Дороха Уласовича, тамошнего ж жителя, принесли его з доброе свое воли на половину пахатного поля и сѣнокосних кгрунтов, в чом всего того знайдуется чвертка, так же в статку, якого именуется коней пятеро, корова, овец двое, свиней шестеро и иншого убозства рухомого, чого всего того мает ему, Дороху, ровная половина по взростю помененних детей Ермолиних дойти (кроме четвертого брата, в пелюнках зосталого, іменем Андрѣя, якого Кондрат Чеплеенко в опеку до себе взял на вѣчность за свое дѣтя, которому юж, якобы виделеному, помянутое отчизни и убозства не мает вѣчне найменшое части зоставати), теды он, Дорох, мает и повинен будет, взявши в свое завѣдоване и господарство реченное их убозство, догодовати и дозирати, яко щирий отц, а невѣстее плоти випосадити в стан малженский, а музкое пожружити, з тое половини ровно вживаючи з другою. А по виотправеню (?) всѣх тых дѣтей, люб совокупне собѣ, яко их дефект и добрая злагода обополне обох сторон изволят, мешкати, или теж, взявши собѣ во всем достойную част, то ест половину оних, отлучится. Да тут же урадовне докладаем, же оны, дѣти, повинни его, Дороха, за отца собѣ мѣти и жону его за матку, а он их за власние дѣти, абы не было з ними якое непотребное звадки, сим варуем их доброволним постановленем и згодою приятелскою под виною десяти талярий, що, яко обостороние на то приступили, так мы майстрат, про памят и пришлих лѣт велѣли в книги мѣские стародубовские записати, што и одержали.

Замѣтка на отдѣльном клочкѣ бумаги.

Року 1693, мая 1 дня.

На майстратѣ Стар.:, ставши очевисто, Никипор, Любецкого син, бывший челядник пна Андрѣя Алексѣевича Лисого, доброволне знался, же с певних причин зостает винен золотих десят ему ж, предреченному пну Андрѣеви, которие мѣл и субмиттовался от сего числа за двѣ недѣли отдати и уиститися цѣле, што майстрат про памет казал записати, и одержали.

Признате Василя Мокѣевича, обывателя стародубовскаго, на огород з подгорем Денису Елиферевичу, мещанину стародубовскому, данное у вѣчност

Року бжого тисеча шестсот деветдесят третего, мсця мая пятого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Васил Мокѣевич, обыватель стародубовский, явне, ясне и доброволне ку записаню до книг мѣских стародубовских признал: иж огород свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, з подгорем, к нему приналежачим, у Гудовом Лозѣ зостаючый, об межу з одного боку от огорода Хомки, Нагаскина пасинка, лежачий, а з другое Дениса Елиферевича (опроч дороги, которая вѣчне мает зоставати ненарушне), завюл и продал, як сам уживал, ему ж, пinduced пречоному Денису Елиферевичу, мещенину стародубовскому, за сумму певную, то ест за дванадцеть коп личби литовское монети доброй, ему самому,

малжонце и потомком его, на вѣчность; прето волно речонному Денису тим огородом з подгорем прилеглим спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який хотѣти найлѣпший свой власный пожиток оборочати, а реченный продавца сам себе, малжонку и потомков своих видѣдичил и цале зречене учинил, якое его доброволное признате ест в книги записано.

Ходицѣ двор записан от Шилобода до окупу

Мая шестого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Давид Шилобод доброволне знался, што зостает Василю Ходици коп дванадцет личби литовское монети доброй винен, которих не мѣл чим за покилкокротними терминами отдати, пустил и подал ему двор свой власний на Клину далнем, в певном положеню стоячий, до окупу, з таким докладом: если не окупит о ярмарку Десятовском в року нинешнем 1693, теды за ошацунком урадовим мает непремѣнно при Ходицѣ зоставати, што ест про памет и записано.

Зезнане Микити Отрохимова на пляц голый его милости пну полковникови стародубовскому

Року бжого тисеча шестсот девятдесят третего, мсця мая семого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчтсва Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Микита Отрохимович, Старчишин зят, явне, ясне и доброволне, нѣ з нѣякого примусу, іменем своим и іменем малжонки свое Доминикии Кузминични Старчишиное, признал до книг, иж пляц голий, свой власный, нѣкому нѣ в чом непенний и незаведенный, на Зарѣчю, об межу дворов з одное стороны от пна Петра Романовского, товариша войскового стародубовского, а з другое Ермоли, прозиваемого Видры, лежачий, завели и продали, як сами уживали, его милости пну Михайлу Миклашевскому, полковникови Войска их црского пресвтлого влчства Запорозкого стародубовскому, самому его милости, пнѣ малжонце и потомком его у вѣчност, за сумму певную, то ест за коп осмнадцет личби литовское монети доброй. Волно теды его милости пну полковникови тим пляцом голим дворовим волним, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, или кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на якій хотячы на власный свой пожиток приводит и оборочати; а реченный продавца Микита, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и потомков своих видидѣчил и цале отдалил, так тое майстрат, чуючи, росказал про памят в книги мѣские стародубовъские записати.

Признане его милости пну Михайлу Миклашевскому, полковникови стародубовскому, от Стефана Верожомского на сеножат, даное вѣчне

Року бжого тисеча шестсот девятдесят третего, мсця мая десятого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном

Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персонале, учтивый пн Стефан Верожомский, обывател стародубовский, явне, ясне и доброволне ку записаню до книг мѣских стародубовских в тые слова признал: иж власную сво. сеножат, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, купном собѣ набытую от Мѣтяя, боярина чупковского, в певном положеню и ограниченю над болотом, названим Убедю, з одное стороны от сѣножати Гриневичовое и от дороги зимное, которая идет з Чупкович до города, а з другое от граници Чупковское, идучое от мѣста, лежачую, завюл и продал, як сам уживал, его милости пну Михайлу Миклашевскому, полковникови Войска их црского пресвтлого влчства Запорозкого стародубовскому, самому его милости и еи милости паней малжонце и потомком его у вѣчност, за сумму певную, то ест за тридцет золотих полских монети доброй. Волно прето его милости пну полковникови тоею сеножатю спокойне владѣти и пожитковати, или кому колвек даровати и продати и як хотячи шафовати, а реченный Верозомский, яко вѣчними часы себе и покревних своих от тое сеножати видѣдчил и цале зречене учинил, так тое его признане ест про памет в книги записано.

Долг Івану Горнему на Матвѣю шевцу и малжонце его, ему винний

Року тисяча шестсот девятдесят третего, мсця мая десятого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого величества Стародубовском, постановившися персонале, пн Іван Горный, мещанин стародубовский, правними поступками и в нем знайдуючимися параграффами доходил винное собѣ сумы през малжонков Матвѣя Шинкґрѣевича, шевца и мещанина стародубовского, з малжонкою его Маріею Алексѣевною Матвѣевою певъного на них долгу винного, то ест двадцети и двох коп личби литовское монети доброй, которое сумми если би не мѣли отдати, теди она, поеменная Мария, іменем своим и іменем малжонка своего предреченного Матвѣя, яко будучы в том малжонкове они виноватими, завели и продали до окупу двор свой власний, нѣкому нѣ в чом непенний и незаведенний, знайдуючийся и стоячий на Красной улици стародубовской в значних околичных сусѣдей тамошних, в той помянутой суммѣ, якая вышей выражает, з таковим докладом: ежели бы не могли они, малжонкове, о доброволном своем терминѣ, през самих себе положоного, окупити, то ест о Дмитровой суботѣ, яко закон указует, в сем року отправуючойся, тисяча шестсот девятдесят третего, теды тот двор их мает и повинен будет при пну Ивану непремѣно за пошацунком з майстрату виданное особы и иних притомних зоставати вѣчне, якового их згодного постановленя мы, урад, вислухавши, казали про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Зезнане Федора Стефанова на кґрунтик, проданний Пархому Глушонку в Задубеннѣ

Року 1693, мсця мая десятого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого велич: Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими

радними, ставъши очивисто, Федор Стефанович, жител задубенский, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣсцких стародубовских: иж пашню свою власную, никому нѣ в чом непенную и незаведенную, в Задубеню будучую, от межѣ Задубѣнское и Івантенковскоѣ по дорогу, як сам уживал, з покосными кгрунтами, до того кгрунтику прыслушаючыми, кроме двора, огорода и кроме засѣву, завюл и продал Пархому Глушонкову, тамошному ж задубенскому жителеви, за сумму певную, то ест за двадцет двѣ копѣ личби литовскоѣ монеты доброй, на вѣчност, ему, Глушонкови, самому, малжонце и потомком его; иж волно ему тым купленным кгрунтиком спокойне владѣти и пожиткoвати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власный пожыток оборочати, а реченый продавца, яко вѣчными часы самого себе, малжонку и потомков своих выдѣдичил и цале отдалил, так тое явное и доброволное зезнане его казалисмо про памет в книги мѣсцкие стародубовские записати, и ест записано.

Право межи Захарыем и Ілѣничами, слѣсарами, о двор отчистый

Року тисяча шестсот девятдесят третего, мсця мая десятого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шыраем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, приточылася справа межы Захарием Ілѣничом, яко поводом, а Филипом Ілѣничом, яко позванным, рожоными межы собой братами, в тот способ и о то: иж он, Захария, сторона поводовая, пры подѣли по кончинѣ небожчика родича своего Захарыѣ, купчим правом и вечисте учиненим зреченем, пустивъшы помененному Пилипу, рожоному своему, двор отчистый, об межу Федорихи и отца Даниила Соболевича, священника бывшого свтовознесенского, а прынявши за онный коп пят грошей, яко опѣвало свѣдоцтво Яска Жабки, Грышка Мозона и Семена Росомаки, зась он, сторона позванная, тепер в числех вышъписанных зновил справу, доходячы того двора, в братной юж поссесиѣ будучого, а от его, повода, вечыстым зреченем одейшлого, чого кгды сторона позванная, помененый Пилип, людскими предречоными довел сведоцтвами даремную жалобу помененного повода прскониваючими (?) и неслушною быти показуючыми, теды з суду его милости пна полковника самого, занесеннoѣ апеляцин слухаючого, а на подупалост стороны поводовое аз колвек невине жалуючой респектуючого, еще он, Пилип, позванный, дал рожоному своему коп пят грошей, которые он принявъшы и урядовне жоною и потомками своими зрекълся того двора; иж волно ему, Пилипу, оный кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на яковый хотѣти найлѣпшый свой пожыток оборочати, которая справа, як ся точыла и финалным зреченем повода ест упокоена, так про памет ест записана в книги мѣсцкие.

Мая 14, 1693.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, ставши очевисте, Гришко Тишков з Мишъковки жаловал на Евтуха Дементѣева и Гришка Дементѣева и Афанаса Омелянова, же онѣ на вряд призвойтый громадский усилуют ему понедѣлное давали десятництво, которое так не приходило, и просил

послѣдователно жалобѣ слуги присяглого на довод тоѣ жалобы, з таковом докладом: же если приходит жалуючому десятницство, повинен он заплатити вину и слузѣ, а если оскаржоныи, то тии в той винѣ бити мают, что ест записано.

Зезнане Семена Власова, будинского жителя, на кгрунт, проданный Андрушкови Москалеви

Року тисяча шестсот девятдесят третего, мсця мая двадцет третого дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого велич: Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Семен Власович Пузаненок, жител села Буди, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣсцких стародубовских: иж двор свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенъный, з будинками и з огородом, напротив колодязя стоячий, об межу з едной сторони Федора Семеновича Качурина, а з другое стороны Бориса Власовича Пузаненька, брата родного продавци, да при том же дворѣ завюл и продал поле свое власное, нѣкому нѣ в чом непенъное и незаведенное, з засѣвом и сѣнокос ними кгрунтами, нѣкому незаведенъними, и займищем тамошным учтивому Андрѣю Григориевичу на вѣчност, ему самому, малжонце и потомком его, за суму певную, то ест за двадцет шест коп личби литовскоѣ монѣти доброй; иж волно тим кгрунтом помененному Андрѣю спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власний пожиток оборочати, а речоний продавца, яко вѣчними часи себе видѣдичил и цале отдалил з потомками и близкими кревними и далекими, так тое про памет казалисмо записати, и ест записано.

Сее зезнане того ж часу зостало скасованно, якого записано, бо продавца, раскаявъшис, окупил оное такою ж сумою, за которую продал был.

Длукг Никитин

Року 1693, мая 24.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами, рочне засѣлими радними, на справах писаних вишъменованними, ставъши очивисте, Никита, человѣк именитого Строганова, заносил жалобу на Стефана, жителя стародубовского, о двадцет талярий винного на нем длукгу; припозван оний должник; на прави ку той суммѣ зналъся, же ест так власне должен, а не маючи чим того истит, просил фришту и ораз для певнѣйшого зиску – записал ему, приказчику пна Строганова, двор свой, никому нѣ в чом непенний и незаведенний, где сам живет, з таковим докладом: же если оного о празнице Вскрсния Хрстова в прийдучом 1694 року не окупит, то, за ошацунком, вѣчное мает вчинити зречене, што ест записано.

Продажа коморы Мирона Евътуховича Іову Алексѣевичови

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця тридцет первого.

На майстратѣ их црского прсвтлого велич: Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном

Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Мирон Евтухович, мещанин стародубовский, явне, ясне и доброволне признал: иж комору свою власную, купчим правом от Евдокии Василиевны Кудиновой набытую, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, об межу комор Демяна Грыгорыевича и Іова Алексѣевіча, лавника, стоячую, завюл и продал ему ж пну Тимофѣю Алексѣевичу, за сумму певную, власними руками своими одобранную, то ест за коп шестдесят личбы литовской монети доброѣ; волно прето оному Іову Алексѣевичови тим кгрунтом коморним спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой пожиток оборочати, а речоний продавца, яко вѣчними часи себе самого, малжонку и потомков своих видѣдичил и цале отдалил, так тое про памет казалисмо записати, и ест записано.

Признане Гришка Пестрого з Халевич на отчину Федку Пыцѣ заполскому

Року бжого тисяча шестсот деветдесят третого, мсця іюня шестого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Гришко Петров Пестрого, жител и козак халеевский, ключа Стародубовского, явне, ясне и доброволне до книг признал: иж отчину свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, межы Зараминoм и Осмолою, рѣчками, стоячую, такъже и по полю коло Остроглядова в килка мѣстцах будучую, як сам уживал, завюл и продал Федку Пыцѣ, жителеви заполскому, ему самому, малжонце и потомком его у вѣчность, за сумму певную, то ест за дванадцет коп грошей личби литовское, монети доброй; иж волно реченному Федку Пыцѣ тоею отчиною спокойне владѣти, користит и пожитковати, или кому колвек дати, продати, з ким заменяти и як хотячи оборочати, а реченний продавца, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и покревних своих видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его про памет в книги мѣские стародубовские ест записано.

Признане Ермоли Емелияновича на двор пну Матвѣю Египцу

Року бжого тисяча шестсот деветдесят третего, мця іюня осмого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Ермола Емелянович, ремесла ковалского, обыватель стародубовский, явне, ясне и доброволне признал ку записаню до книг мѣских стародубовских: иж двор свой власний, никому нѣ в чом непенный и незаведенный, з будинком, на нем стоячим, межи кузнями на предмѣстю стародубовском, об межу з одное стороны Ісаака Яковлевича, а з другое пна Матвѣя Афанасовича Египца, мещанина и купца стародубовского, стоячий, завюл и продал, як сам уживал, ему ж, пререченому пну Матвѣю Египцови, яко до его двора и пляцу межею прилеглый, за коп осмнадцеть личби литовское монети доброй, ему самому,

малжонце и потомком его, на вѣчност. Теды волно от сего часу пну Матвѣю тым двором и плячом спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек на власний свой пожиток оборочати, а реченний продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих сим доброволним признанем своим видѣдичил и цале зречене учинил, так тое признате его майстрат росказал в книги мѣские стародубовские записати.

Зезнане Дмитра Івановича Жирунова, Силѣ Петрову, козакови стародубовскому, на двор даное

Року бжого тисяча шестсот деветдесят третего, мця іюня девятого дня.

На майстратѣ их црского прсвтлого влчтсва Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Дмитро Іванович Жирунов, жител стародубовский, явне, ясне и доброволне признал до книг: иж двор свой власний, никому нѣ в чом непенный и незаведенный, на Клину ближнем, об межу з одного боку Івана Чигиринца, а з другого Евтуха Левонова и на рожку двора мистра Печерского Киевского стоячий, завюл и продал, як сам уживал, Силѣ Петрову, козакови сотнѣ полковой стародубовской, жителеви села [...], ему самому, малжонцѣ и потомком его, за сумму певную, то ест за сто пят золотих личби полское монети доброй, у вѣчност. Волно прето ему, Силѣ, тым двором спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, или кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на якій колвек власний свой найлѣпший пожиток оборочати, а реченный продавца, яко явним своим доброволним зезнанем самого себе, малжонку и покревних своих видѣдѣчил и цале удалил, так тое признане его ест про памет в книг мѣские стародубовские записано.

Порука Григорія Кожуховского за нѣякогось Грязного

Року того ж, мця іюня 10 дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого велич. Стародубовском, ставши очивисто, пн Григорий Кожуховский, значный товариш войсковий полку стародубовского, признал до книг мѣских стародубовских, же за [...] Грязного, у вязеню будучого, поручился по особѣ, толко з таковим докладом; иж хто би приискатися мѣл до будучого на нем длукгу, таковому он, пн Кожуховский, мает и повинен будет на самое толко право постановити должную особу, што ест записано.

Того ж дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, ставши очивисте, Евпросиния Антоновна Шевчиха, в небытности малжонка своего в дому, чинила оповѣдане: иж виросток учень, прозвиском, албо, рачей, именем Яков, син Корнѣев, забравши краденним способом пар осмъдесят волок рамѣнных и лоз на подошвы, при иньших зашкожоных рухлядех утюк гдес безвѣстно, взявшы собѣ в матки дома топор, огниво и окраец хлѣба. Которого прето оповѣданя уряд, выслухавши, казалисмо про памет записати, и ест до росправы записано.

Того ж дня девятого (sic) іюня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском засѣлии нинешьныи радныѣ заложили коп десят за Ілию, по которых грошах порукою Тихон Отрохович, жител стар:, который, кгды то заплатит, уживатимет кгрунту Илиинского, што казалисмо записать, и ест записано.

Пастушонки з Росадою о смѣте

На майстратѣ их црского пресвтлого влчества Стародубовском, ставши очивисто, Андрей и Мирон Пастушонки жаловали на Федора Росадина и сина его Івана, же з них двора на свѣтаню як бы на гонѣ перед ворота жалуючих граблями у троем мѣстцу присунено, чого жалучие, постерегаючи своего здоровя, удалися были до права, а же за узнанем урядовим приняли з собою угоду и прощение получили, з таковим докладом: если бы до року семянину жалуючих будли (sic) якому з них мѣл який припадок стати, теди правному подлегатимет Росада з сином караню, о чом и перенялися, што ест и записано.

Зачеркнуто и внизу приписка:

Сяя справа для того стерта, же не довелося на вишъпомененних Федора Росадина и сина его.

Право Артемови Семеновичови Ковалю на огород, да Фомы Нагаскина, стороны позванной

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця іюня дванадцятого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич: Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, приточилася справа ку самому толко до книг активованю, а сужоная пред его милостью пном Михайлом Миклашевским, полковником Войска их црского пресвѣтлого велич: Запорозкого стародубовским, межи сторонами: позванною – Артемом Семеновичом Слюсаром, з продкуючою при нем его маткою Пелагіею Семеновою, а позванною – Фомою Нагаскиным, обоими жителми стародубовскими, в тот способ, и о то: иж он, сторона позванная, вишедши з лѣт дитиных, права умѣти збороняючых, а достигшы лѣт и возрасту такого, который без опекуна позволяет утрачоной доходити отчизны, довѣдался так от пречечонѣ матки своее, з ным тепер продкуючой в справѣ, же он, Фома Нагаскин, згола неправным поступком в подпилого небожчика родича его Семена за нѣякиес фантины, обойграному ему, данные, без жадного, явного и ясного купчого права завладѣвши огород его з садом, под горою, в Гудовом Логу прозиваемом, лежачий, як опѣвало небожчиковское держане Семеново, лѣт шестнадцет за лишком владѣл и пожитковал оным. А кгды, покилкокротне прызпозванный ку справотѣ, не показал жадного права, а иле виразного, жебы то явне, ясне было ему продано, прикладом прав купчых, тылко то твердил, же дал небожчикови Стефану, поводову родичови, жупан, чоботи и иние нѣякиес мнѣйценовные рѣчы, теды звышъменованный его милост пн полковник стародубовский, выслухавшы обосторонных контроверсий, где и то сторона позванная твердила, же коштует оной тот огород самои

суми орийналной талярый двадцет, присудил, жебы он, Фама Нагаскин, оную сумму от повода прияывши, того огорода з садом, правом неоцеркліованного, зараз уступил доходячому поссесорови по самую гору, як высланные сего ж числа по указу его милости пна полковника закопати мают; лазню свою жебы з мѣсца Артемового зараз знюс; винница зас по пуню и по ток при нем, Фомѣ, мает вѣчне зоставати, и сторона поводовая тож вѣчне мает уживати того отчистого, нинешным правом поисканного, кгрунту, то ест саду и огороду, уживанного его небожчиком рдичом, под закладом на сторону неспокойную, право нарушати отважуючуюся, ста талярый вины. Который теды его милости пна полковника декрет, оным сторонам ферованный, принявши и оглядаючых того кгрунту огородного от его милости пна полковника посиланого козака Афанаса, а з маистрату Тимофѣя Семеновіча реляции вислухавшы, казалисмо записат про памет до книг нашых мѣсцких стародубовских.

Зезнане огорода Ларионовой з пасербицями оной

Року тисяча шестсот девяԏдесят третего, мсця іюня чтирнадцятого дня.

На маистратѣ их црского пресвтлого величества Стар:, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очивисто, Настасия Лавринова, бурмистрова, з притомностю пасербиц своих: госпожѣ Федори Яковиной и Анны Костиркины Ларионовне, явне, ясне и доброволне признали до книг мѣсцких стародубовских: иж пляц свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, огородный, небожчиковский Ларионовский, на три части им, зезнавцом, лекгованный, до межи огородной отца Іоанна Андросовича, священника афанасовского, прилеглий, по межу Онопрѣя Усова, як сами поссесиве уживали, завели и продали, согласившис, ему ж, отцу Іоаннови Андросовичови, священникови афанасовскому, за сумму певную, власними руками своими одобранную, то ест за коп шест личби литовской монети доброй, по ровной частце собѣ роздѣленной, на вѣчность, ему, отцу Іоаннови самому, малжонце и потомком его; иж волно ему тим огородом спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власный найлѣпшый пожиток оборочати, а речонии продавци так явным совокупным признатем своим, яко вѣчными часы видѣдичили и цале себе, потомков и кревных отдалили, так тое признане их казалисмо записати в книги мѣсцкии.

Признане Левона Стасковича, мещанина стародубовского, на двор Харку Павловичу Телешенку, козакови и жителеви олехвинскому, у вѣчность даное

Року бжого тисяча шестсот деветдесят третего, мсця іюня осмнадцетого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Левон Стаскович, мещанин стародубовский, явне, ясне и доброволне ку записаню до книг тые слова признал: иж двор свой власний,

нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, за валом мѣским у рову, об межу з одное стороны Савы Воскобойника, а з другое Парфена Некщина, олѣйника, завюл и продал, як сам уживал, Харку Павловичу Телешенку, козакови и жителеви олехвинскому, ему самому, малжонце и потомком его у вѣчност, за сумму певную, то ест за тридцет шест коп личбы литовское монети доброй. Волно теды реченному Харку тим дворовим угодем спокойне владѣти, користит и пожитковати, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек власный свой найлѣпший пожиток оборочати, а реченний продавца яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его ест в книги мѣские стародубовские записано.

Року 1693, мсця іюня 18 дня.

На майстратѣ их црского прсвтлого влчст: Стародубовском, ставъши очивисте, Іосиф Антонович зезнал доброволне, иж Семена Никифорова, должного Марку Марковичу золотих десят и за то будучого в секвестрѣ, взял собѣ на услуги на двѣ недѣли, з таковым докладом: же двѣ недѣли его передержавши, повинен ку справотѣ постановит и працу его для отдачы жалуючому нагородит, а не постановит ли его на суд, то повинен заплатит за него Марку Марковичу золотих десят, што казалисмо записати.

Актиковане купчого листу на отчину през пна судию полкового стародубовского до книг от Васи Дейнековни Гавриловое, жителки руховское, ему служачую

Року бжого 1693, мсця іюня 19 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персоналне, урожоний его милость пн Самоил Іванович, судия полковий стародубовский, презентовал купчий лист на отчину в грунтѣ Бѣлогощанском, в ключѣ Мглинском, стоячую, от Васи Дейнековни Гавриловое, вдовы, жителки руховъское, ему, пну судиѣ, на вѣчистое обладане и уживане данний и служачый, а при покладаню просил, абы до акт мѣских стародубовских принят был и уписан.

Мы, урад, вѣдячи, яко рѣч слушную, первей перед собою в голос велѣли вичитати, а по вичитаню до книг записати, которий слово в слово так се в собѣ мает:

Року тысяча шестсот девятдесят второго, мсця октоврия осмого дня.

Я, Вася Дейнековна, по мужу зовемая Гаврилиха, жителка руховская, позоставши по небожчику мужу моему Гаврилу сиротою из дробними нашими дѣтками тройма, а не мѣючи нѣ от кого жадного поратунку и вспартя домового, чим бы мѣла сама и дѣток покормити, поневаж мой Гаврило з допущеня Бжого марне з сего свѣта, жадной мнѣ не давъши поради, зшол и обѣсился, продалам отчину мужа моего Гаврила, лежачую в кгрунтѣ Бѣлогощинском, уезду Мглинского, пну Самуилу Івановичу, судиѣ полковому стародубовскому, за сумму доброй монети коп литовских двадцет, которая то отчина нѣкому нѣ в чом не ест пенная и нѣзаведенная. Волно ему будет, пну Самоилу, яко своего власного,

користоват, бортные дерева владѣти и новие дѣлати в той же полосѣ до взросту дѣтей моих, которые, кгды доростут, жебы им волно свою батковщину откупит, варую. Дѣялося в Руховѣ, в дому пна судином, року и дня вышъписанного, при людех зацних, нижей подписаних. И то докладаючи в сем же пѣсмѣ купчом: будет ли що дерева новодѣланого в той отчинѣ за старанем пна Самойловим, судином, при откладаню през мене браних грошей и отличоних, то на увазе будет людей зацних и розсудку их. У якого листа подпис рук тими зоставал словы: устне и очевисто от обоих сторон о подпис рук до сего купчого писма упрошоный Кондрат Щербак, житель найпутовский. Васко Зносок, войт руховский.

Который то лист купный на афектацию его милости пна судиѣ от слова до слова до книг мѣских стародубовских принят и про памят записан.

Зезнане его милости пну полковникови стародубовскому а отчину от Яска Огѣевича, Веремѣя Івановича и Федора Мартыновича, козаков сотиѣ Бакланское, даное у вѣчност

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця іюня девятнадцетого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавника и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персоналитер, Яско Огѣевич, Веремѣй Іванович и Федор Мартинович, товариство полку Стародубовского сотиѣ Бакланское, явне, ясне и добровлне, нѣ от кого непримушоне, в тые слова ку записаню до книг мѣских стародубовских едностайне признали: же будучи собѣ сплечниками (sic) своей власной отчини, никому нѣ в чом непенное и незаведенное, дерева бортного, лежачое в кгрунтѣ Бакланском, около Росухии Ваблѣ, у уйстѣ, на удесищи, прозиваемом Борку, которую отчину, як сами уживали, завели и продали его милости пну Михайлу Миклашевскому, полковникови Войска их црского пресвѣтлого влчства Запорозкого стародубовскому, самому его милости, паней малжонце и потомком его панским, за сумму певную, то ест за двадцеть осм коп личбы литовское монети доброй, на вѣчност; иж волно его милости пну полковникови тоею отчиною, яко юж своею власне купленою, спокойне владѣтѣ, користовати и пожитковати вѣчне, то ест кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на який хотя найлѣпший власний свой пожиток приводит и оборочати; а мененные продавцы, яко вѣчными часы себе самих, малжонков и покревних своих видѣдичили, цале отдалили и зречене учинили, так оное их признане доброволное ест в книги мѣские про памет для пришлих лѣт ест записано.

Зезнане Павла Мороза на кгрунт, проданий Кондрату Романову

Року бжого, мця іюня 20 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Павел Семенович Мороз…

Замѣтка на отдѣльном клочкѣ бумаги:

Павел Мороз Семенович продал кгрунт свой власный з будиками, з огородом, полем пахотным и сѣножатми во всѣх трох измѣнах за коп шестдесят грошей, а особите коп 120, Кондрату Романову.

Дальнѣйшія приписки на том же клочкѣ бумаги:

Швец стар. Жалоба Федорихи Гавриловни на Марю іюня 12.

Подание до акту права от Саржана на кгрунт, ему служачий

Року 1693, іюня 20.

На майстратѣ их црского прсвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, и всѣми радними особами, ставши очевисто, Петро Саржан подал ку записанню право, собѣ служачое, которое так ся мѣет: Року 1691, мсця априля 12. Я, Феодора Андрѣиха, жителка стар., чиню вѣдомо сим писмом кому бы о том вѣдати належало тепер и в потомніе часы, иж не з примусу и нѣ з якой намови, але сама з доброй волѣ своей, продала ниву на пят чверток старой мѣри, которая об межу з едной стороны Левонихи Зарѣцкой, а з другой стороны моего сына Опанаса, а продала за таляр грошей и полусмак жита его мл. пну Петру Саржану, тож жителю стар., которую куплею своею волно, яко своим добрим, владѣти и в найлутший пожиток свой обернути, или кому дати, продати, даровати; а я, вишреченная Феодора Хаимиха, тое найбарзѣй варую, яко я сама, так и дѣти мои и с покревних, близких и далеких, не маем жадним способом интересоватис и до суду правного не вдаватис и в отклад грошей не отдават, о що и повторе ствержаю сим писмом и даю пну Петру при людех зацних и вѣри годних: при Тимоху Синовоку, при Остапу Воропаю, при Гарасиму Хоминичу и при Василю Гаризѣ и при инних людех, на тот час будучих. Дѣялос в року и дня вижей писанных.

Якого права, на врядѣ в голос читаного, вислухавши, и за слушное узнавши, до книг мѣских стар: казалисмо записати, и ест записано.

Справка Федорихи з Павлихою

Року 1693, іюня 20 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Федориха Гавриловна прекладала скаргу свою на Марию Павлиху, иж в ней, оповедаючой, пропал рубок; теды в той пропажи мѣла порозумѣне на Павлиху. Припозвана была ку справоте мененная Павлиха, – не зналася ку тому, жебы мѣла рубок узяти и повѣдала же у ней, Павлихи, были свои купленѣ рубки, и свой, правѣ, я подаровала Лукяну, городничому, рудник, а не чужий, о яком питалис у городничого, котoрий повѣдал, же она, Павлиха, ему не даровала рубка, леч у неѣ узялем за еи нецнотливые проступки. Которую, же не постановила по собѣ жадное поруки, росказал урад на жалобу Федорихи до везеня дати, и ест записано.

Мсця іюня 21 дня.

На майстратѣ их црского прсвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Леон Стаскович доброволне признал, иж кгды бы мѣл продати загон свой

власний, нѣкому не заведенний, називаемий Измайловский, теды не кому инъному мает завести и продати, только пну Борису Михайловичу, сотникови волоскому стародубовскому, понеже он, Леон Стаскович, в розних терминах за той загон зоставал виноватим и записовал оный ему, так ежели мѣл бы продати, то пн Борис близший будет поссесор, а не хто инший, што ест про памет до книг и записано.

Признане Стефана Артемовича Нерановского, обывателя березинского, на пляц дворовий голый пну Стефану, бурмистру стародубовскому, на вѣчност

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця іюня двадцет первого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом, рочним бурмистром, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персоналитер Стефан Нероновский Артемович, обывател березинский, явне, ясне и доброволне признал ку записаню до книг, иж пляц свой власний дворовий, голый, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, отчистый, который был через небожчика родича его Артема Нерановского в длукгу заставленный, а през его, Стефана Нероновского, в его милости пна Тимофѣя Алексѣевича откуплений, в межах певних дворових, в самом мѣстѣ Стародубовѣ, об межу двора з одного боку пна Стефана Тимофѣевича, бурмистра, а з другого Федора Цалобана, лежачий, завюл и продал, як сам уживал, ему ж, предрочоному пну Стефану, бурмистрови стародубовскому, ему самому и покревним его, на вѣчност, за сумму певную, то ест за двѣсти золотих личби полской монети доброй. Теды волно пну бурмистрови тым дворовим пляцом волним спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то ест кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на яковий колвек на власний свой найлѣпший пожиток оборочати. А реченный продавца сим доброволним признанем своим себе самого, малжонку, детей и рожоних трох братов своих Павла, Івана и Лаврѣна Артемовича Нерановских и всѣх близких и далеких покревних видидѣчил, цале удалил и вѣчное зречене учинил, якое его доброволное признане майстрат, чуючи, з куплею пна Стефана, бурмистра, росказал про памят в книги мѣские стародубовские записати.

Порука войта Овдеколевского по Ивану Старом

Року 1693, мсця іюня 22 дня.

На майстратѣ их црского прсвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Артем, войт Овдеколевский, доброволне ручился по Івану старом, котории был о Вознесениѣ Господнем в сина своего, и видячи его, ознаймил ему, войтови, и мужем, котрый невѣдомо гдес скрился, которому причиною Павел Кремъск, якая порука если за доводом слушним может на кого показатис, теды тая сторона подлуг права мает подлегати вѣнѣ и караню, што ест про памет и записано.

Року 1693, мсця іюня 24 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, передо мною, Яковом Завадовским, асаулом полковим стародубовским и на тот час от боку его милости пна полковника для суженя справ ярмаркових зесланим, а при битности

з майстрату: Ісаакием Григоревичом, райцою рочним, ставши очевисто, пн Микита Потапович, бурмистр стародубовский, доходил на Лукашу Дешковичу, стародубовскому ж мещанину, коп семидесяти и двох монети доброй и золотих двох грошей за десят кулей соли, а то таковим власне способом: иж он, Лукаш, взявши в его, пна бурмистра, тредцет кулей соли, роздал кому знал сам и за двадцет кулей уистился, а за десят винен зостал, яко вишей наменилос, коп сѣмъдесят двѣ и золотих два. Припозванный Лукаш ку отповѣди, доброволно ку тому знался, же на свои руки взял толко соли в пна бурмистра и роздал кому сам знал, а Андрѣю Ходку, яко непевному, любо не велѣл ему пн бурмистр дават, однак и тому отдал кулей десят з рук своих. Припозванний Андрѣй должний, питаний под сумленем, в кого бы брал соли, отповѣдал, же брал в Лукаша соль тую, а не в пана бурмистра, которого зезнаня уряд, вислухавши, и зезнане самого дебитора Лукаша уваживши, же на свои руки взял соль и тим подавал, кому хотѣл, наказует суд истит, а своего доходит на Матвѣю, а термин суммы уищеня ач колвек над право, однак у чверт року от числ виш писаних зложен ест, что казалисмо про памет и записати.

Признане Федори Яковиное и Анни Костючкиное Ларионовное на пляц голый огородный

Року бжого тисяча шестсот деветдесят третого, мця іюня 24 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Федора Яковиная и Анна Костюченковая…

Зезнане Васка Тупика на кгрунт и отчину, проданную Хоцкови Карповичу

Року от Рождества Хрстова 1693, мцяя іюня двадцет шестого дня.

На майстратѣ их црского прсвитлого велич: Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставшы очивисте, Васко Купрѣевич Тупиков, жител янковский, явне, ясне и доброволне признал, иж еще небожчик отц его Купрѣй Тупик, товариш старый войсковый, кгрунт свой власний, на сиром коренѣ распрацованний, нѣкому нѣ в чом непенъный и незаведенный, в селѣ Лопазнѣ лежачый, пахатные и сѣнокосные кгрунта з отчиною и озерцами, тому прислушаючими, в двох мѣсцах, то ест на Малѣевщинѣ и около Лопазны, лежачими, завюл и продал Івану, Михалю и Гришку Ісаченком Діогтяронком, еще дѣдум тепер тоей отчины ужываючых Івана и Хоцка Діогтяронков, за сумму певную, то ест шестдесят шест коп личбы литовскоѣ монѣти доброй, з таковым, ведлуг правного купчого поступку, докладом, иж волно тым кгрунтом всѣм спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власний пожыток оборочати, которым теды зезнанем оный продавца Купрѣй Тупик по свѣдителству потомка своего Василя Тупика видѣдичил и цале отдалил з потомками своими, близкими и далекими кревними, так тое зезнане про память казалисмо записати, и ест записано.

Справа межи Григория Давидовичем Машковцом, поводом, и Петром Семеновичом Брянчининном

Року тисяча шестсот девятдесят третего, мсця іюня 26.

На маистратѣ их црского прсв. велич. Стар., перед нами: Яковом Завадовским, асаулом полковим стар., от боку его милости пна Михайла Миклашевского, полковника Войска их црского пресвѣтлого влчства Запорозкого стар., на суди справ ярмаркових висажоним, а з маистрату пном Яковом Григориевичом, райцою стар., ставши очевисте, учтивый пн Григорий Давидович Машъковцов чинил оповѣдане, изображенное на писмѣ, в него оббрѣтающомся, же з Петром Семеновичом Брянчанином о прошлом празнику святителя Іерарха Христова Николая, на ярмарку Погарском вчинил таковий контракт, писмом обополним утвержений: Петр Семенович обецал ему за двадцет пят куф горѣлки, ведлуг своего рукописанія, сторговати по десят рублюв без четверти соли, вистачит и отдати солю пуд по шести алтин о запустах Петровских в Новгородку; а будучи на тот термѣн в стар., он, Петр Семенович, тому свойму контракту не учинил досит, отехал без оповѣди з стар., з яких мѣр приготованого того товару на термѣн неодобранного, он, оповѣдант Григорий Машковоц, маючи шкоду, искал призвойтой пилности и просил о записаню, што ест записано.

Зезнане на рудню Юрка Мазуренки, рудника, и братовое его, котрие завели тую рудню его милости пну полковникови

Року тисяча шестсот девятдесят 3, мсця іюня двадцет осмого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очивисте Юрко Мазуренко, рудник халѣевский, з притомностю братовой своей Агафии Афанасовой, вдовицѣ, явне, ясне и доброволне признали до книг мѣских стародубовских: иж рудню свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, на рецѣ Коромовѣци, под Унуковичами лежачую, з млинками, ку ней прислушаючими, сѣножатми, дворами, огородом, як сами уживали, где Юрку, рудникови, было двѣ части, а Агафии, братовой его, част третяя, писмами обварованная, завели и продали его милости пну Михайлови Микълашевскому, полковникови Войска их црского пресвѣтлого величества Запорозкого стародубовскому, за сумму певную, то ест за триста талярый сполна личби литовской монѣти доброй, на вѣчност его милости пну полковникови самому, пней его милости и потомкам его милости; волно теды тоею руднею и млинъками, до неи прыслушаючими, як зезнаючии особи владѣли, спокойне его милости пну полковникови владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власный пожиток оборочати, тилко продавцом волно причину, лежачую под кузнею, на свой пожиток оборочати, а речоныи продавци, яко вѣчними часи себе самих видѣдичили и цале отдалили, так тое признане из казалисмо записати в книги мѣсцкие стародубовские.

Зезнане Івана, мелника Рубцового села Рудиѣ

Року тисяча шестсот девятдесят 3, мсца іюня 28 дня.

На майстратѣ их црского прсвтлого величества стар., перед нами: Яковом Завадовским, асаулом полковым и полковником наказним стар:, ярмарковими справами завѣдуючим, а притомним, з магистрату висажоним, Яковом Григорыевичом, райцою, ставши очивисте, пн Константий Пригара, новгородский мещанин, жаловал на Івана Василевича, мелника пна Ішуты, жителя руденского, в тот способ и о то: заарештовано за его, позванного Івана, мелника, коня пна Костия Пригари, в Злобинѣ коштуючого и купленого за двадцет талярый грошей готових, в чом контоверсий сам его милость пн полковник обширней вислухавши, так судил справу: наказал позванному в Злобинѣ о арешт справитис самому, а ему, пну Костантию Пригарѣ, на тот час вчинити досит, што, як ся точило, росказалисмо записати, и ест записано.

Гаврило мелник

Року 1693, іюня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши очевисте, Гаврило Шабелник признал доброволне, иж дѣвчина его, кумъячис на стых верховных апл Петра и Павла из дѣтми сусѣдскими, згубыла каралѣ, коштуючии коп трох, а там была жона Павла Коваля из сестрою Івкина з иншими сусѣдъскими дѣтми; которой справи уряд выслухавши, сказал на прослух: до чтирох недѣль от числа настоящаго на тот час справитис мают, што ест и записано.

Продажа коня от Стефана Михайловича, москвитина, Аліошку Уласовичу, жителеви яліонскому

Року 1693, мсця іюня 28 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Степан Михайлович, москвитин з города Кромска, подданий боярина Богдана Федоровича Палибина, явне, ясне и добролне признал, иж коня своего власного, шерстю рижого, грива на правий бок з отметом, на хребтѣ два вихлѣ, продал Аліошку Уласовичу, жителеви яліонскому, за коп одинадцет личби литовское монети доброй, за которого при продажи шлюбовал, же некрадений, не носатий и не дихавичный, леч на всем певный и безпечный, якая продажа Стефана Михайловича з куплею Аліошки Уласовича про памет ест в книги мѣские стародубовские записана.

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця іюня тридцатого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персоналне, Семен Ігнатович Денгуб, житель лотоковский ключа Стародубовского, донесл вѣдати, іж купил пляц дворовый волный з будынком на нем стоячим, зо всѣм, як се в собѣ мает, об межу з одное стороны от Івана Стасковича Пѣкиша, а з другое Парфеновое Уродимое, вдовы, стоячый, у Ивана Петровича Лисого, мещанина стародубовского, который Іван Петрович

продавца, будучи немощним, не могл персоною своею ку признатю на майстратѣ сам станут, упросил певних особ: пна Тимофѣя Семеновича, лавника рочнаго, и пна Апанаса Карповича, стародубовских, которие іменем реченного Івана Петровича, ставши очевисто на урадѣ, явне, ясне и доброволне в тые слова ку записаню до книг мѣских стародубовских зезнали: же он, Іван Петрович Лисий, вышей помененный двор свой власний, нѣкому ни в чом непенный и незаведенный, яко сам уживал, завюл и продал ему ж, реченному Семену Ігнатовичу Денгубу, жителеви лотоковскому, ему самому, малжонце и потомком его на вѣчност, за сумму певную, то ест за триста золотих личби полское монети доброй. Прето волно помененному Семену тим двором, яко юж през его купленим, спокойне владѣти, користит и пожитковати, то ест кому колвек на власный свой найлѣпший пожиток обоброчати, а реченный продавца Іван Петрович, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и покревних своих, близких и далеких, сим влитим правом отдалил и вѣчне зречене учинил, так тое майстрат, чуючи, росказал про памет в книги записати.

Признане Ларка Юханова на пожню Кузмѣ Юханови, рожоному своему

Року бжого 1693, мсця іюля 1 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Ларко Юханов, житель стародубовский, явне, ясне и доброволне признал, иж поженку свою власную, отчистую, никому нѣ в чом непенную и незаведенную, за Плоским, об межу Онопрѣя Климентиевича Ратушного, лежачую, завюл и продал рожоному своему Кузмѣ Юханенкови за золотих шест личби полское монети доброй, всовито пишучихся, которому волно тоею поженкою спокойне владѣтѣ, користит и пожитковати, а реченный продавца вѣчне самого себе, жону и потомков своих отдалил цале зреклъся, якое признанѣе ест про памет в книги мѣские стародубовские записано.

Признане Федори Яковиное и Анни Костючкиное, рожоних Ларионових, з мачохою их на пляц голый огородный, отцу Іоанну Афанасовскому даное

Року бжого 1693, мсця іюля 2 дня.

На майстратѣ их црского прсвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившися персонaлне, Федора Яковиная и Анна Костючкиная Ларионовни, з притомностю мачохи свое [...], явне, ясне и доброволне до книг признали, иж пляц огородний, свой власний, никому нѣ в чом непенный и незаведенный, в певном ограниченю, з одного боку об межу синов Гришкових, з другое Ярмоли Колесника, а с третего Онопрѣя Апанасовича Усова, з четвертого зас от отца Іоанна Апанасовского завели и продали, як сами уживали, ему ж, отцу Іоанну Афанасовскому, за сумму певную, то ест за осм коп личби литовское

монети доброй. Іж волно отцу Афанасию тим огородним пляцом спокойне владѣти, користити и пожитковати вѣчне, а речение продавци, яко вѣчними часы самих себе и покревних своих видѣдичили и цале удалили, так тое их признанье доброволное майстрат, чуючи, росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Зезнане Никифора Гавриловича на двор, проданний Денису Алиферовичу

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця іюля четвертого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спирыдоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радными, ставшы очевисто, Никифор Гаврилович, на сей час жител стар:, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣских стародубовских, иж двор свой власный, никому ни в чом непенный и незаведенный, на предмѣстю стоячый, з будынками, з едной стороны отца Соболевича, священника демяньковского, а з другои Степана, Горбачихина зятя, завюл и продал, як сам уживал, Денису Алиферовичу, мещанину стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его на вѣчност, за сумму певную, то ест за коп сто и осм личбы литовской монети доброй. Волно прето ему, Денису, тым двором спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, или кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на який колвек власный свой найлѣпший пожиток хотѣти оборочати, а речонный продавца, яко вѣчными часы самого себе, малжонку и потомков своих, близких и далеких, отдалил и видѣдычыл и удалил, так тое его, Никифора, признате казалисмо в книги мѣские стародубовскии записати.

Року 1693, мсця іюля третего дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влства Стародубовском, ставшы очевисте, Іван Зевков доходыл на Семену Ісаковичу Теслѣ коп семнадцат грошей длукгу, винного на нем. Припозван будучы Семен зналься доброволне до того длукгу, же ест выноват ему коп шестнадцет, а не ест семнадцят. Урад, тое чуючы, его, Семена, признате, дает ему фришту на недѣл чтиры, што уряд, чуючи казал про памят записати, и ест записано.

Року 1693, мсця іюля 4 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Гришка Силин Черенок явне, ясне и доброволне, до книг в тые слова признал: же з пасинками своими двома, Петром и Алексѣем Аврамовичами, стался слушний межи ними токавый подѣл: жонѣ Гришковой, а матце тых вишей виражаючих іменами сирот, замуж вишлой за его, Гришка, всей осѣдлости част третяя, а им, пасинкам, а ее дѣтем, части двѣ; кгды зас хотѣл Гришко, отчим, продати кому чужому поле матки их, теды продал пасинком своим засѣв сеголѣтний и новинки, собою розробление, чого могоричниками доведено, на тот час будучими, Афанасом Батурином, атаманом, и Михайлом Несмачним, якое их обосторонное згодное постановлене уряд, выслухавши, росказал про память в книг мѣские стародубовьские записати.

Признате Василевского на пожню,
прожанную пну Тимофѣеви, лавникови

Року бжого тисяча шестсот девятдесят 3, мсця іюля десятого дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто Мартин Василевский, мещанин стародубовский, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣских стародубовских: иж сѣножат свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, за Плоским лежащую, об межу пожен пна Гаврыла, лавника, Артема Коваля, Медведя и Отроха Блинника, завюл, продал, як сам уживал, пну Тимофѣю Семеновичу, лавникови рочному стародубовскому, за сумму певную, то ест за коп сорок личбы литовской, монѣти доброй, на вечност, ему, пну Тимофѣю самому, малжонце и потомком его; иж волно тоею пожнею спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти на свой власный пожиток оборочати, а речоний продавца, яко вѣчними часы себе самого и потомков своих видѣличил и цале отдалил, так про памет казалисмо в книги записати.

Давыд Ярохов

На маистратѣ их црского прсвтлого величества стар:, ставши очивисте, Давид Ярохович, мещанин стар:, заносил жалобу на Гапона Володкова, челядника своего, который, не заховуючи звиклого послушенства челядницкого, завше противится так самому ему, господарови, яко и господинѣ его, не хотячи отити от него в самии рабочии косовицкие часы, и просил он, Давид, жалуючий, в том справедливости, а особно такой обороны, жеби он, челядник, з якого ранкору шкоди якой не учинил им. Уряд, принявъши его жалобу, наказал, жеби от того часу найдовался в послушенствѣ, а вчинит якую криводу, то мает за [...] вину заплатити, што ест записано.

Зречене двора от Татияни Мукосѣихи

Року 1693, іюля 11.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очивисте, Ониско Левонов, Захарий Прокопович Черняк и Миколай Платченок, мещане стар., доходили на Татияни Мукосѣихи чтирох талярий долгу. Припозванная она, ку тому зналася, же ест то должна, не маючи, еднак, чим того истити, просила на двор шацунку, для чого посилалисмо з уряду пна Гаврила, лавника, который, пришовши на уряд, дал реляцию, же з сусѣдами тамошними околичними шацовали тот двор в копах шести. Уряд, наслѣдуючи поступку права посполитого...

Кориѣй Жук

Року 1693.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич. Стародубовском, ставъши очивисте, Алексѣй, атаман шалвашний, на жалобу Алексѣя Жукова о челядника, ему

должного, Савусту Карпашини (?), признал доброволне, иж оного челядника мает постановити о празнику Семиону Столпникови на право, а не постановитли, то шест коп повинен заплатит помененому Корнѣеви, што казалисмо записати, и ест записано.

Признане Михайла Семеновича Оршанци, жителя стародубовского, на пляц голий дворовий Апанасу Евхимовичу Батурѣ

Року бжого 1693, мсця іюля 12.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, сташи очевисто, Михайло Семенович Оршаница, жител стародубовский, явне, ясне и доброволне до книг признал: иж пляц свой голий, дворовый, волний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, за парканом мѣским, поблизу Чернѣговское улици, об межу з одное стороны Осипа Троянова, а з другое от двора священника бѣлоколодязкого отца Іосифа Романовича, лежачий, завюл и продал, як сам уживал, Апанасу Евхимовичу Батурѣ, мешканцу топальскому, за сумму певную, то ест за тридцет шест коп личби литовское, монети доброй, у вѣчност. Волно теды ему, Апанасу, тим пляцом, самому, малжонце и потомком его, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати, новобудоватсе и як хотя оним шафовати и диспоновати, или кому колвек даровати, продати, з ким заменяти, а реченний продавца, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и покревних своих вѣдѣдичил и цале удалил, так тое зезнане его ест про памет в книги мѣские записано.

Долг, налѣжный пну Ісаку Григориевичу на жидох

Року 1693, іюля 17.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами, з лавиц висажоними радними, ставъши очивисте, пн Ісаак Григориевич, райца рочний, доходил на Якову Іршавичови, жиду, певного, порахунком обясненого, пятдесят коп долгу и золотого полсема, а на Мовши, рожоном его, талярий пятдесят на облѣкг.

Припозвании должники ку отповѣди, зналися ку тому един по другом, напрод Яков, же так ест власне винен коп и полсема золотого, а потом Мовша Іршович, тож ставъши очивисте, зналъся, же виноват ест талярий пятдесят, которого зезнаня уряд, вислухавъши, казалисмо записати, и ест записано.

По записаню сего зезнаня, претендуючий пн Ісак на Якову Іршовичови долгу коп пятдесят и золотих вусѣм, декляровал чекати коп тридцети и золотих осми до запуст Филипповних, а коп двадцяти упоминалъся зараз, за поворотом з дороги Илинской; потим Ірша Янкугович, жид, по сину своем ручилъся з таковим докладом: же Яков, за поворотом з Почепова, мает отдат талярий десят, а коп вусѣм о празнику Всемилостивого Спса, а если о тих термѣнах он, дебитор, того не уистит, теди сам Ирша мает то отдати без жадной з волоки, которой поруки уряд вислухавъши, казал записати, и ест записано.

По записаню сее поруки, еще доходил пн Ісак Григориевич, райца, на Мовъши Іршовичу коп шестъдесят долгу, где, ставъши очивисте, он же, жид Ірша, ручилъся

по сину, з таковим докладом: же он мает отдати коп тридцет в сем року, за поворотом з ярмарку Почеповского Иллинъского, а коп тридцет – о Рожествѣ Хрстовѣ в року пришлом 1694, а если б того син Мовша не отдал, то Ірша, отец его, повинен отдати. Которой поруки повторной за другого сина уряд, вислухавъши, казалисмо записати, и ест записано.

Жалоба Тимоха Кондратова Вороненка з Андрѣйкович

Року тисяча шестсот девтдесят 3, мсця іюля семнадцотого.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич. Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне заксѣлими радними, ставъши очивисте, Тимох Кондратов Вороненко з Андрѣевич заносил жалобу на Федору Василеву, братовую, которая навела на двор жалуючого чары, повѣдаючы, иж братанка его, уже тому сѣм лѣт, жито завивала.

Припозвана Федора Василева ку отповѣди, з початку о том так твердила: еще, правѣ, за живота свекрови своѣе небожки Наталки Кондратовой, былисмо вкупѣ на полѣ з жоною Тимоховою и Марею, жоною Демидихою, где, правѣ, будучы з нами, дѣвчына Маря Прокоповна, мужа моего братанна, на тот час в десяти лѣтах, завивала на загонѣ, не вѣдат чием, жито; которую постерегшы, кгды о то строфовали з небожкою свекровою нашою, теды она, дѣвчина, вимералася, мовячы: я то, прави, сама не знаю, што чинила. А чуючи то, свекров была дѣвку оную и заказала казати того, мовячы на мене: Ты, правѣ свои дѣти маеш.

Постановленная на уряд, дѣвчына Мария, питанная, яковым способом то чинила, повѣдала, же не помнит, коли то было и коли то чинилос и на яковом мѣсцу, и якого часу, всего того не знает, толко то извѣстила и тим правилас, же Федора, еи дядина, едучы на право до города, препрошовал ее при кгмѣнту людей сюл околичных, при которых, отволиваючы еи, Марю, дѣвчину, мовила, же, мовит, вчинила то, налегши на кров еѣ.

Уряд, контрверсии выслухавшы, казалисмо записати, и ест записано.

А по записаню сих повѣстий обосторонних, повѣдал пн Ісак Григориевич, же при початку сего заводу, водила она, Федориха, атамана з товариством и войта з мужами на загон тот, где видѣла тую дивчину Марию и где збиралас под час того залому купа полкикокротне, бадаючаяся злочинци. А загон то ест его ж, пна Ісака Григориевича, найдуючийся футора его Андрѣйковского. Зачим и того вислухавши, казалисмо записати, и ест записано.

Заводу межи Парфеном Григориевичом и сином Зкгурковим

Року тисяча шестсот девятдесят третего, мсця іюля семнадцятого дня.

На маистратѣ их црского пресвтлого величества Стародубовском, перед нами, рочне засѣлими радними, приточилася справа межи Апанасом Зкгурковим, яко поводом, а Парфеном Григориевичом, яко позванним, в тот способ и о то: иж сии Зкгурков, мешкаючий в едном дворѣ з Парфеном, примовил жонѣ его, будто оная, взявши потаемним способом двѣ пари подошв нових, заставила Андрею Товстому; а кгди оний продал тии подоски невзоровским людем, теди при тих людех зезнавал Андрей, што тии подоски мает от жони Парфеновои.

Посиланий слуга присяглий Семен Матвѣевич до Андрѣя, на тот час хоруючого, принес реляцию, же зезнавал оний, што цехмистр ковалский двѣ пари полосков дал ему за проход нѣякогос (?), а не виявил, який власне цехмистр по імени дал ему тии подоски, што казалисмо записати.

Федор Волошин

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами, рочне засѣлими, ставъши очивисте, Корнѣй Алексѣевич Жуков чинил оповѣдане и заносил жолабу на Макара Людвисара, жителя стародубовского, в тот способ и о то: же кгды на его слово и цѣлую поруку позычыл Стефану Чигиринцови, цегелникови, коп пятнадцят грошей до термѣну Рождества пресвятой Бци, теды оний должник, цегелник, за которого Людвисар ручилъся, тепер утюк.

Припозванный Макар ку отповѣды, Макар Людвисар, без жадного препословия ку тому знался, же по нем, Стефану, ручилъся по самих грошах. Уряд, наслѣдуючы поступку права посполитого, зложил термѣн отданя тих грошый коп 15 на чтири ндлѣ, по которых мает и повинен будет он, Макар, яко поручний по самой суммѣ позыченой, должника утеклого иститися, што казалисмо записати, и ест записано.

Демян Фоминич з Афанасовичами

Року 1693, мсця іюля 24.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, ставши очивисте, Демян Фомичонок жаловал на Юрка и Андрѣя Фомичонъков в тот способ, же оные, препомнивъши срокгост права посполитого, помеж своей пожнѣ на роспрацованной сѣножати жалуючого Демяна Фоминича закосили и погребли на копицу сѣна. Припозванный на право, Андрѣй, брат меншый, знались, же з неосторожности сусѣдное пожнѣ щос закосили тепер, чого жалуючы, зараз жалуючому декляровали вернути. Уряд, вперед запобѣгаючы их неснаскам (?), боронит им того таковым правом: иж хто где роспрацует з них, тот тим и пожитковати мает, а если би который упарте на чужую налазив працу, теды, за доводом, неотпустне до скарбу мѣского золотых сто заплатит вини, што казалисмо записати.

На отдѣльном клочкѣ бумаги:

Року 1693, іюля 25.

Ускаржался Макар Куприевич на Устина Степановича Цыганкова, іж его на покосѣ зневажал, такими словами мовячи: же ты естес присяжний циганский, при людях, мяновите при Якову Лапенку і при Юханову Васку, і при Василю Китеню, і при инних косцох, мяновите Карпу Литвяку, до которых зложылися обѣ стороны. Отводная мовила, же я того не казал, а Макар, – же на нѣго такая зневага была от них мовлена. До недели запустной отложена іх справа, як люде притомныя до домов своих повернутся с покосов.

Справа межи Макаром Купрѣенком, поводом, а Кондратом Циганковим, позванним

Року бжого тисяча шестсот девятдесят 3, мсця августа 1 дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, приточилася справа межи Макаром Купрѣенком, яко поводом, а Кондратом Стефановичом Циганковим, яко позванним, в тот способ и о то: иж он, Циганок, маючи спор на пожнѣ з ним, Макаром, примовил ему, поводови Макарови, називаючи его циганових присяжником, при людех, на тот час на пожнѣ будучих: Якову Лапенкови, товаришови войсковом, Петру и Василю, косцах, и иних, того притомных. Которие при контроверсиях межи сторонами, кгди то сумненем обовязание, посвѣдчили, же Кондрат Циганков примовил тим Макару, котрый просил справедливости, яко тому пороку неповинний и цигану не присягаючий, толко до прослуху з цигана некгдис о шкодѣ его в протокулѣ справу записаную маючый, а правом отнюд не переконаный.

Теды вислухавъши контроверсий и свѣдоцтва людского, наказалисмо з права Стефановичу Макара перепросити, а если би от того часу важилъся и смѣл очивисте или заочне такую на него наносити калюмнѣю, то, за доводом, неотпустне мают заплатити до шкатулы мѣсцкое золотих сто вины, пожнѣ зас их помѣжнии так мают зоставати, як сего року разведени, што казалисмо и записат.

Купленая застава через пна Григория Івановича, злотника, в Шатковского

Року 1693, мсця августа 3 дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Шатковскій, явне, ясне и доброволне признал: иж маючи от цигана, не вѣда [...], заставную чарку срѣбрную в шести копах, которая важила гривну и лот один, а была пробы одинадцятой, и з таковим докладом заставлена, же на рок по копѣ давати мѣл циган гостинъца, а вже тому минуло роков пят, з яких мѣр чарка тая зостала, ведлуг претендованая оповѣдантова, в копах одинадцяти, тепер оный Шатковский тую чарку продал пну Григорию Івановичу Канарскому, злотникови, за коп шест, которого прето оповѣданя помененого Шатковского вислухавъши, казалисмо записати, и ест записано.

Поссесия на дворѣ отчистом дѣвчинѣ Евгении Матвѣевни Коптевъны

Року бжого тисяча шестсот 93, мсця августа 3 дня.

За вѣдомом и злецнем его милости пна Михайла Микълашевского, полковника войска их црского прсвтлого величества Запорозкого стародубовского, на маистратѣ их же црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном

Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, приточилас справа, поколкокротне на разных мѣсцах сужоная и на сей час для конечного успокоеня и доходячой сторонѣ справедливости учиненя нам, уряду, як ся в собѣ мает, репрезентованная, в тот способ: иж небожчик Матвѣй Копот, мещанин стародубовский, помираючи, уже тому от числ нинешних рок шестий, лекговал тестаменътом остатное волѣ двор, на Чернѣговской улици лежачий, ведле пна Чеброцкого, з будинъками, на двѣ части: половицу оного двом дочкам недорослим Екатеринѣ и Евгении, з першею жоной зпложоным, а другую половицу – жонѣ другой Матронѣ Романовнѣ для дитяти, тож женского полу, з нею зпложоного; а кгди оное зараз по небожчику Коптю умерло, а тая жона другая Романовъна зайшла за мужа иного Василя Трубача, а потим и першой жоны небожчика Коптя старшая дочка померла, теди он, Васил Трубач, того не уважаючи, же жона его не ест того двора поссесоркой, поскидал старие небожчиковские будинъки, а новую светлицу построивъши, забрал поземщини з двора того, ведлуг реестру презентованного и в кляр ему читаного, шестдесят пят коп, а самую поссесорку того двора, дѣвчину Евгению, меншую першого малженъства дочку Коптеву, до конца обидил, остановил и вигнал з отчистого імення. Ставши, еднак, при оной, Матвѣй Михайлов Коваль, з притомностью жони своей Анни Гавриловни, сестринки Коптевни, просил справедливости.

Суд нинешнъий, досконале справу вирозумѣвши и контроверсий Василевих и жоны его, котрим ся боронили, за неслушние уваживши, заховует двор увес при дочцѣ Коптевой Евгении, дѣвчинѣ, зо всѣми на нем стоячими будинками, наказавши, аби респкътом лекгации, хоч юж валіору не маючой по смерти змерлои дѣвчини, дал Василю Трубачу Матвѣй Михайлов коп пятнадцет грошей, не сходячи з уряду, котории, принявъши, он, Васил, з жоною и потомками вѣчними часы не мает чинити отзову, што записати казалисмо.

Року 1693, августа 8.

На маистратѣ их црского пресвтлого величества стар., ставши очивисте, Яков Корнѣев жаловалъся на Емелияна Евтушенъка, же оний з притомностью братѣ своей, препомнивъши срокгост права посполитого, побил его. Оглядал того побитя Семен, слуга присяглий, который видѣл на лѣвом боку розбитую голову. Припозванний ку отповѣди, Евтушенъко визнавал на брата своего Пилипа, же он его попхнул и разил голову, што казалисмо записати.

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця августа пятого дня.

На урядѣ мглинском, Ануфрием Парфеновичом, атаманом городовым, Кондратом Савелевычом, войтом, при бытности товарыства и мѣщан: Івана Харитоненка, атамана пѣхотъного, Гапѣя, атамана овчинского, Андрѣя Семеновича, Матвѣя Масла, мещан мглинскоих, ставши очевысто, пн Іван Романовский, сотник мглинский, презентовал явне всѣ купчии писма на кгрунта ведле своего футора над рекою Воронисою; починается граница тых кгрунтов от рѣки Вороныси лѣсом и ровом, рубяжами по дорогу старую Халимонковскую, з дороги певними рубежами и копцами по-над Жоровным болотом у Березовый мост, з Березового мосту Сосоновым болотом уз великий лѣс да в рѣчку Ольшан, и всѣ тыи особы нижей описании, пред нами очевисто ставшы, доброволне, явне, ясне признавали, же власныи свои кгрунты продали, котории починаются от рѣчки

Воронisи, ему, пну Івану Романовскому, за писанную сумму в тых купчых писмах у вѣчност продали, варуючи, же а ни сами, а ны жоны и дѣти их и нихто з покревных до оных кгрунтов вѣчними часы не мают упоминатися и цале оных кгрунтов вѣчне уступили, тилко пн Іван…

Приняте до книг купчого писма от пна Івана Романовского, сотника мглинского, в речѣ нижей спецификованного

Року бжого тисяча шестсот деветдесят третего, мсця августа семънадцетого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Борисом Карповичом, бурмистром и войтовское на тот час славетного пна Спиридона Яковлевича Ширая, войта, мѣстце засѣдаючим, Стефаном Тимофѣевичом, бурмистром рочним вторим, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персонале, урожоный пн Іван Романовский, сотник мглинский, презентовал купчое писмо, на урядѣ мглинском написанное, содержащое в собѣ и иные купчые, на том же мглинском урядѣ написанные, которое то писмо презентованное и ку вписаню, за упрошением предреченной особы, до акт поданое, так ся в собѣ мѣло:

Року тисяча шестъсот девятдесят третего, мця августа пятого дня.

На врадѣ мглинском, Ануфрием Парфененком, атаманом городовим, Кондратом Савелевичом, войтом, при бытности товариста и мѣщан: Івана Харитоненка, атамана пѣхотного, Гапѣя, атамана овчинского, Андрѣя Семеновича, Матвѣя Масла, мѣщан мглинских, очевисто пн Іван Романовский, сотник мглинский, презентовал явне всѣ купчия писма на кгрунта ведле своего футора над рѣкою Воронисою; починается граница тих грунтов от рѣки Вороныси лѣсом и ровом, рубяжами по дорогу старую Халимонковскую, з дороги певними рубежами и копцами по-над Жоровным болотом у Березовый мост, з Березового мосту Сосоновым болотом уз великий лѣс да в рѣчку Ольшан, и всѣ тыи особы нижей описании, пред нами очевисто ставшы, доброволне, явне, ясне признавали, же власныи свои кгрунты продали, котории починаются от рѣчки Ворониси, ему, пну Івану Романовскому, за писанную сумму в тых купчых писмах у вѣчност продали, варуючи, же а ни сами, а ны жоны и дѣти их и нихто з покревных до оных кгрунтов вѣчними часы не мают упоминатися и цале оных кгрунтов вѣчне уступили, тилко пн Романовский, жона и дѣти вѣчними часи тими кгрунтами мают владѣти и пожитковати, и волно ему, пну Івану Романовскому, яко власнии свои добра, куди хотя обернути, и на тим ему, пну Романовскому, кождий от себе, очевисто пред нами, урядом, ставши, при подпису рук и при печатех врядових видали доброволне, котории писма, так пред нами писаннии и ему, пну Івану Романовскому, от кождого доброволне виданнии, очевисто, як признавали. Чуючи мы, уряд, всѣ тии писма, до книг наших мѣских принявши и записавши, ему, пну Івану Романовскому, потребуючой сторонѣ, виписавши з книг наших мѣских мглинских, при подпису наших рук и при печати урядовой видаемо. Писано у Мглинѣ, року и мсця и дня вишей описанного. У якого купчого писма при двох печатех подпис рук тими зоставал словы: Онуфрий Семенович, атаман городовый мглинский. Кондрат Савелевич, войт мглинский. При бытности на тот час атаманий: Демид Гаврилович, атаман осколковский, Малах Ломчонко, атаман нетеговский, Іван Харитоненко, атаман пѣхотний мѣский, Григорий Ващонко, атаман велюханский, Гапѣй, атаман

овчинский, Кондрат Мелянович, атаман чешуйковский, Андрей Семенович, Матвѣй Масол, мѣщане мглинские, Зосим Яковлевич, атаман великодубровлянский. У того ж купчого писма на другом листѣ імена тых особ, которые попродали свои кгрунта, так выражалися: Імена, котория продали кгрунта: Дмитро, Иван Мартиновичи Верезубенки, Андрѣй Глупко, городничий, и син его Илия, и кревний его Гаращенко, Апанас Андросович Коченовский; Васил Мануйлович, Тарас Андрѣевич Катченко, Іван Брасловец, бывший городовий атаман; Парфен Ігнатович Ходиченко, Овдѣй Григоревич, Михайло Симоненко з братом Карпѣкою и з братаничами Михалем и Корнѣем, Роман Щижарец, Петро Самоненко, Феско Дмитрович, Андрѣй Жданенко з братом, Халимон и Алексѣй Моничонки, Василий Демиденко, Василий Ничипорович, Никифор Костин, Евмѣн Иванович, Василий Мартинович, Андрѣй Семенович Парфененко, Тарас Зайченко, Лукъян Конопаченко, Андрѣй Антипович Ковал, Іван Богданович, Мойсѣй Лукянович, Мѣхѣй Шереденко, Адрѣй Сморгуненко, Онѣкий Паламаренко, Семен Батура, Григорий Ушак, Авдоким Иванов, Перо Шулга, Тимох Озарович Костин, Лукаш Матвѣевич, Михайло Яскович, Андрѣй Клещин, Огреня Клещиха, Алексѣй Михѣевич, Мирон Свѣналупенко, Гараско Глупченко, Григорий Горениненко, Тишко Деревянко, Савесто и Хома Ивановичи Шутенки, Терех Тарасович, Арих из братом Кондратом, Андрѣй Холупко, Ходося Харина, Яков из пасинками, Кожух и Ширяй, як товариство, и мѣщане. Которое теды право, албо, рачей, пісмо, за вичитанем, казалисмо от слова до слова про памят в книги мѣские стародубовские записати.

Семен Павлович о хлопца з Ільею Ковалем

Року 1693, мсця августа 19 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Семен Павлович, ремесла кравецкого, прекладал жалобу на Ілию Григоревича Коваля, которий брата своего Алексѣя Івановича, даного през руки отцевъские Івана Москаля, до его, жалуючого Семена, в предреченное ремесло, в свое ремесло берет, теды припозван мененный молодик Алексѣй Іванович, если бы доброволне хотѣл до брата своего в ремесло ити ковалское, повѣдал доброволне. Уряд, уважаючи покревности ближшой, позволили Ілии брата своего Алексѣя взяти, з таковим докладом, же не мает ремесла кравецкого никгди робити и его зреклься, а если бы хотѣл знову того кравецкого ремесла узятис, теди повинен и мает до Семена прийти доучатис, ане до кого иншого, под виною и каранем варовано, што ест и записано.

Зезнане Никифора Канаева и Максима Василева на поле, проданное Корнѣю Михайлову

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мця августа 20 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Никифор Канаев и Максим Василев з Привалова футора, явне, ясне и доброволне до книг мѣских стародубовских в тые слова признали:

иж два загонци свои власные, никому ни в чом непенные и незаведенные приваловские, один подле Репьего логу, помиж Іліонка лежачий, а другий з Іліонъком же другим, тож сумиж, на Лашкове лежачый, завели и продали, як сами уживали, ведлуг продажи бабки своей Татяни Савинни, за сумму певную, то ест за двадцет золотих личби полское монети доброй Корнѣю Михайленку на вѣчност ему самому, малжонце и потомком его; иж волно от сего часу реченному Корнѣю Михайленку, жонѣ и потомком его тыми двома, яко ся наменило, згонцами, яко юж своими власними, през его купленими, спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек на власний свой найлѣпший пожиток оборочати. А мененные продавцы, яко вѣчними часы, самих себе, малжонок и покревних своих видѣдичивъши и цале удаливши, вѣчне зречене учинили, так тое зезнане их майстрат росказал про памят в книги записати.

Сбоку приписка: Не сомнение (?) в сем писару, же імя купцово перемѣнено, бо так званоего, толко ж напис (?) пишучы, написано імя продавцѣ Максима Василева вмѣсто Корнѣя Михайлова.

Замѣна коней жителя батуринского з Росадиним

Року 1693, августа 20 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Гарасим Рекало, жител и козак батуринский, явне, ясне и доброволне признал до книг, иж коня своего власного, шерстю вороного, грива на правую сторону, без отмету, петно на правом стегнѣ заднем такое, пустил и подал замѣнним способом Івану Росадину, стар: жителеви, тож за коня, шерстю рижого, грива на правый бок з отметом, додавши ему, Гарасиму, золотих два грошей, за которих при замѣнѣ шлюбовали обѣ двѣ стороны, же певние и безпечние и на всем здоровие. Якая их замѣна, за вѣдомом нас, уряду, ест про памет в книги записана.

Признане Василя Станиславовича Чернѣговича на пляц голый дворовий волний Антону Дансковичу

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця августа двадцет третого дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персонални, Василий Станиславович Чернѣгович, мещанин стародубовский, явне, ясне и доброволне ку записаню до книг признал: иж пляц голий дворовий, волный, свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, у Гудововом лозѣ, об межу з одное стороны от Степана Циганка, а з другое от рову лежачий, завюл и продал, як сам уживал, Антону Данковичу, тож мещанину стародубовскому, за сумму певную, то ест за шестдесят тры копи личби литовское монети доброй у вѣчност. Волно теды ему, Антону, самому, малжонце и потомком его тым пляцом яко хотѣти владѣти, користит и оборочати и будинки на нем вшелякие становити, сад кревити, или кому колвек даровати, продати и з ким заменяти. А мененный продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих от того пляцу видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его ест про памет в книги мѣские стародубовские записано.

Признане Гришка Ярошова на пожню Кузмѣ Остаповичу Ломотцѣ

Року бжого 1693, мсця августа 25 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Гришко Ярошов явне, ясне и доброволне признал до книг: иж пожню свою власную, никому нѣ в чом непенную и незаведенную, на Удесищи и Тулолови, за Плоским, об межу пожен Коренкови и Калачникови лежачую, завюл и продал, як сам уживал, за сумму певную, то ест за золотих десят личби полское монети доброй, Кузмѣ Остаповичу Ломотцѣ, ему самому, малжонце и потомком его на вѣчност. Волно прето реченому Кузмѣ тоею пожнею спокойне владѣти, користит и пожитковати, или кому продати, а мененний продавца самого себе, жону и покревних своих видѣдичил и цале удалил. Якое признане ест про памет в книги мѣские стародубовские записано.

Застава пляцу голого от Кузми головам кабацким

Року 1693, августа 26 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Кузма Іванов Шелепов доброволне признал, иж зостает винен за горелку кабацкую прошлорочним головам: пну Івану, райцѣ, и пну Тимофѣю, лавникови, суммы готовое коп осмнадцеть, которих не мѣл чим отдати, заставил пляц чвой голий, дворовий, волний в городѣ, об межу Алексѣя, городничого, и брата его Мицка лежачий; термин окупеня о запустах Филипових в сем же року настоящом, з таковим вироком: если би не мѣл на назначоний термин окупити, теды, за ошацунком людским, мает пляц его при мѣсту за скарб мѣский зоставати, што ест про памет и записано.

Долг Терешка з Куркович Андрѣю Лисому

Року 1693, августа 27 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставшы очевисто, Андрей Лисий доходил певного собѣ долгу на Терешку Андрѣевичу курковском коп семи. Припозван был и должник, знался, што зостает винним, якое сумми не мал чим отдати и уистити, записал ему, Андрѣю, двор свой, лазню, огород и двадцет чтири дерева; окупеня термин о запустах Филипових в сем же року 1693, што про памет есть в книги записано.

Признане Івана Семеновича Пастушонка з Случка на част четвертую поля пахариого во всѣх трох измѣнах пну Борису Карповичови, бурмистрови стародубовскому

Року бжого тисеча шестсот деветдесят третего, мсця септеврия перваго дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого велчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистром, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Іван Семенович Пастушонок, жител села Случка стародубовского, явне, ясне

и доброволне, нѣ от кого непримушоне, ку записаню до книг мѣских стародубовских в тые слова признал: иж четвертую част поля пахарного и сѣнокосного во всѣх трех измѣнах, своего власного, нѣкому нѣ в чом непенного и незаведенного, от тещи его Адарии Журавчихи спалого и дарованого за дочкою, а его, Івана, жоною, в том же селѣ Случку, сумѣж околичних сусѣд тамошних: з одное стороны Прокопа Лисого, а з другое Охрѣма, лежачие, завюл и продал, як сам уживал, славетному пну Борису Карповичу, бурмистрови рочному, ему самому, малжонце и потомком его на вѣчность, за сумму певную, то есть за двадцат коп личби литовское монети доброй. Волно теды пну бурмистрови тоею частю четвертою пахотного и сѣнокосного кгрунту, през себе купленими, спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то есть кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек власний свой найлѣпший пожиток приводит и оборочати; а реченний продавца, яко вѣчними часы сим доброволним явним своим признанем себе самого, жону и покревних своих, близких и далеких, видидѣчил и цале удалил, так тое зезнане его майстрат, чуючи, росказал про памет в книги записати.

Зезнане Артема Івановича Стебровского на двор Агафии Селивоновой, вдовѣ

Року бжого тисеча шестсот деветдесят третего, мсца септеврия четвертого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Артем Іванович Стебровский явне, ясне и доброволне ку записаню до книг признал: иж двор свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, на Пробитой улици, об межу з одное стороны Левка Ножевника, а з другое от двора Плотного стоячий, завюл и продал, як сам уживал, за сумму певную, то ест за тридцет чтири копы личби литовское монети доброй, Агафии Селивоновой, вдовѣ, обывателцѣ стародубовской, еи самой и потомком ее на вѣчност. Иж волно Агафии Селивоновой тым двором, яко юж своим власним, спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який хотячи на свой власний найлѣпший пожиток приводит и оборочати. А реченний продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и потомков своих вѣдѣдичил и, цале зрекшися, отдалил, так тое его зезнане про памет в книги мѣские стародубовские есть записано.

Умова Грицка Чачонка на вапно до соборное црквн робит

Року 1693, септеврия 4 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Грицко Яковлевич Чаченок, жител новгородский, з притомностю пна Василия Коменка, старости црквн соборное Рождества Хва стародубовское, донесл вѣдат урадови, же он з самим его млстю пном Михайлом Миклашевским, полковником стародубовским, на предреченную црков соборную умовился вапно робити на рок прийдучий 1694, которому от печи жадное по золотих чтири, а узял он, Грицко, на тое дѣло задатку золотих пять; якую его доброволную умову, жеби был готовим, майстрат росказал про памет в книги записати.

Жалоба Уласа Левоненка

Мсця того ж, 5 числа.

Ставши очевисто, Улас Левонович, з притомностю Івана Служкина, заносил оповедане на Лазара Деружку и Лукяна Василева о згинене шапки и кунтуша карнового, в которих, подпилих, в ночной порѣ на Зарѣчи, перед воротами Уласовими, у сонних якобы позбирано, а суботи на недѣлю у сего ж мсця. Припозвани били помененные обжалованние ку отповеди правной; зналися до шапки, же правы, идучи на роботу от Савы Воскобойника в понедѣлок, але в суботу окопу копати, в ранной годинѣ, а не в ночѣ, найшли шапку заживанную баранковую, фалендишовую, на улицѣ, а не подли двора оповедаючого. Урад, уважаючи то, же жадних свѣдков не било, зложил на прослух, што ест и записано.

Пн Тимофѣй, лавник

Року 1693, септеврия 11 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, пн Тимофѣй Семенович, лавник рочний майстратовый, чинил оповедане на Петра Моройченка, которому Моройченку на вишинк куфу горелки простое, на вимер, кварту по два гроши дал, за якую горелку жадного шелега пн лавник от его не отбирал. Майстрат на жалобу пна лавника посилал до Моройки, будучого в везеню, Семена Матвѣевича, слугу присяглого мѣского, ежели би ему зоставал винним? Перед которим доброволне признал, же винен и не мѣл чим отдати збоже свое, в гумнѣ будучое, з остатком овса, тож немолоченого, до слушного порахунку пну лавникови, а надто еще, подтверждаючи при слузѣ, до ураду прислал жону свою з братом своим старшим Василем Моройкою, которие іменем его завели реченное збоже пну лавниками, менуючи самого жита коп двадцет три, опроч овса. Урад, такое признане з реляциею чуючи, подал тое збоже в поссесию пну Тимофѣю до слушного з ним, Петром Моройкою, порахунку, варуючи то, аби инший кредитор не важился в то иньтересоватися, и про памет до книг казал записати.

Оповедане и жалоба Суличича на Пащиху

Року 1693, мсця септеврия 11 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, за вѣдомом и злеценем его милости пна Михайла Миклашевского, полковника Войска их же црского пресвтлого влчства Запорозкого стародубовского, для прислуханя справы нижей выражаючойся от боку его милости зесланим, передо мною, Самойлом Івановичом, судею полковим стародубовским, Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистром вторим, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившися персоналне, Іван Суличич, товариш войсковый, з притомностю малжонки свое, жалосне чинил оповедане в тот способ, и о то: же в них дворѣ сего року настоящого в прошлих мѣсяцах и неделях, перед Вознесением Гсподним, без бытности самых их, оповедаючих, добывшися прохирним способом в комнату, Ганна Пащиха, которая топором в скринцѣ замкненой отлупивши, по злодѣйску взяла готових грошей талярий

пятдесят битих, а монетою чеховою золотих сто, з которою суммою она, Пащиха, през ндель чтири гойнуючи, вшетечне з Іваном Кулачком тулялася в Стародубови, а потим прочувалося на неи, безецную, о украденю в оповедаючого помянутое суммы, же и он сам тому принципалом; он же, Кулачок, випровадил ее, Пащиху, в Короп до матки ее, на которую ораз пошлякование през людей околичных сусѣд, которие добре ее знали, же она, будучи марнотравца, огологнилося оповедантовой шкодѣ и не мала чим виживитися, покупила собѣ бѣлоголовское нѣякое охендозство. Теды оповедант, будучи такое немалое шкоды своей барзо молес ним, мусил, за листом добродѣя нашого, его милости пна полковника, и за листом повторним причинним, в Батуринѣ, в его мл: пна Гамалѣи, асаули енералного, виданим до враду Короповского, жебы оная злочинца Пащиха была ему, Суличичу, в Стародубов на росправу видана ехати, которому оное незборонено, яко его шкодцы отдано, а кгды ее провадил на назначоное мѣстце, теды она в той дорозѣ под Бучками, при людех зацних, вернула талярий осмнадцеть в розной монѣти. Якого его оповеданя выслухавши, урад казали до росправы в книги и записати.

Того-ж дня и акту.

Припроважена была з секвестру злочинца Пащиха для пытаня, яким бы способом и з чие науки такого безецного злого учинку кусилася? Доброволне зналася сама в тот тенор, же, правѣ, будучи она, Пащиха, в хатци Жучишиной господою, а зачувши, же Суличич мает сумку, выпатривши собѣ час, што его самого и жоны его притомних не было, гдес забарилис, пойшъла в мешкане их и, добившис в комнату, отлупила шкатулку секѣрою их же, з которой винела, правѣ, талярий пятнадцеть чехов, а твердой монети колко взяла – не вѣдомы, много их зоставало, не личила; з яковыми грошми недѣли з чотири волочилася и мешкала в мѣстѣ до ярмарку Десятовского, знаючился з Иваном Кулачком, который през килка разий беручи в ней, Пащихи, гроши, в інъбарѣ Жучишином сам личил и, личечи, на свою потребу тож три рази ових грошей бирал, чого, правѣ, не знаю, як много собѣ он брал, – в его руках зоставали. Зналася и до фантин, якие покупала, сподеваючис отездки; напрод купила плахот: двѣ шовкових добрих, едну за заодинадцет зол:, другую за осм, третюю за чтири золотих, четвертую простую синятку матка в Короповѣ купила, не знаю, мовит, за що; штучку полотна швабского за полпета золотого, за кабат саржовий Кулачкови дала талярий два; поес верблюжий – золотих два и шаг; два рубков, штучку за полпета золотого; запаску штаметровую – полталера, серпанок за полкопи, образ – таляр, карали – два талери, на волочку подущеную за золотий, полотна московского – зол. два, чоботи – шагов осмнадцет; а иные гроши похарчила, лотруючи; а кгды, правы, ее, Пащиху, виправовал з Стародубова, прислал свою скринку до господи Соломяником, товаришом своим, и виправил. Якие речи вишей помянутие купление рук Суличичовых от ее вцѣле дойшли, опроч суммы, якую сама, прави, потратила, да Кулак; што урад, чуючи, от неи, злочинци, яко повѣдала, росказал записати.

Оповедане и жалоба Івана ткача

Року 1693, мсця септеврия 12 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчества Стародубовском, ставши очевисто, Іван Семенович, ремесла ткацкого, чинил оповеданѣе на челед свою, на

Яска, недавно присталого, и на Петра Гасиного Косточку, который Косточка от сего числа третий дн утекл, оставивши свое шутлате, а Яско сего ж числа вишей писанного утекл и забрал его, оповедаючого, свиту ношеную и шапку кгарловую ношенную кгвоздовикову, а того перше утекло Косточки узял жупан шиптуховий зелений, шапку новую асамитную и чоботи козловые. Оповедаючий Іван, будучи того жалосним, же оны повтѣкали, и постерегаючи себе, порозумляючи оных на едной змовы быти, просил, абы его сее оповедане вкоротце занесенное было до попартя справы до книг записано, што и одержал.

Молявка з Стефаном Комовим о горѣлку

Року 1693, мсця септеврия 13 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами, Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистром вторим, райцами и лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персоналне, Михайло Молявка, обывател почеповский, доходил, за свѣдителним листом, з ураду Янполского ему виданним, на Стефану Борисовичу, бурмистровичу стародубовском, чотирох куф горелки простое, на Москвѣ през Стефана проданих, за которую и гроши он же, Стефан, до своих рук отобрал. Припозван был Стефан ку отповеди правной; жадною мѣрою до того не знался, отповѣдаючи, же правы он, Стефан, свою горелку продал, а его, Молявкину, в ночѣ розбойническим способом нѣякий боярин, набѣгши на двор, в яком господою стояли, забрал з своими помочниками. До слушнѣйшого теды доводу и усправедливеня обѣ-двѣ стороны здавалися на Апанаса Чубарова, погарского жителя, што яко бы он, Чубаровский, за Молявкину горелку гроши на Москвѣ от поддячого з приказу житного отобрал осмъдесят коп, так твердил Молявка, а Стефан не знался, тилко на его ж, Чубаровъского, здавался; и так постановили межи собою: як Чубаровский признает, на том словѣ признаню субмиттовалися перестати и в далший процесс и завод не заходит, що, яко урад доброволне их здане до свѣдка чуючи, так роскзал, до финалного з ним розсмотрения и здания, про памет до книг записати, што и одержал.

Дореканье Настюхи о гроши Никипоровой

Мсця септеврия 21 дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Гася Никипоровая в справѣ дочки свое Домни Никипоровни, в которое дробязки, за слушним доводом злочинства, были побрани и положени в майстратѣ до слушного часу, якових Никипоровая домовлялася; теди уряд припозвать казал Настюху Радовщицу, если бы не оние могли бити дробязки през Домну зашкожение? Повѣдала Настюха: любо не мои сут дробязки, еднак же за мои прави гроши гдес купованы, и то твердечи и дорекаючи Никипоровой, жебы отдала ей талярий сто и коп шестдесят, через дочку ее Домну в прошлих еще лѣтех злодейским способом в неи украдених, за що немалий был перед урадом завод и алтеркация, иж правѣ и до сего времени тие гроши в Никипорихи зостают и пожиткует оними, якого прирекания урад вислухавши, роскзал про памет до росправи в книги записати.

Признане Івана Мойсѣевича на двор, проданый его милости пну Тимофѣю Алексѣевичу

Року тисяча шестсот деветдесят 3, мсця октовра 2 дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого велич. Стародубовском, перед нами: Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми радними, ставши очевисте, Іван Мойсѣевич, мещанин стар:, явне, ясне и доброволне признал до книг стародубовских: иж двор свой власний, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, на предмѣстю стародубовском стоячий, рогом к Чернѣговской улици, об межу дворов Дмитра Космача, посполитого, завюл и продал зо всѣми на том дворѣ построеними будинъками, як сам уживал, ведлуг купчого з уряду виданого права, урожоному его милости пну Тимофѣю Алексѣевичу, полковникови бывшому стародубовскому, на вѣчност ему самому и потомком его, за суму певную, то ест за золотих осѣмъсот личбы полской монети доброй. Волно теди его милости пну Тимофѣеви тим двором купленым спокойне владѣти и пожиткокати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власний пожыток оборочати, которим признанем своим помененъный продавца, яко вѣчними часы себе, жону и потомков своих видѣдичил и цале отдалил, так тое зезнане его казалисмо записати в книги мѣсцкие.

Зезнане Михайла Евфимова на пожню, проданую пну Гарасиму Афанасовичу, посполитому стародубовскому

Року бжого тисяча шестсот деветдесят 3, мсця септеврия второго дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, перед нами, в небытности самого пна Спиридона Яковлевича Ширая, войта, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Михайло Евхимович, товариш войсковый, житель стародубовский, явне, ясне и доброволне признал до книг мѣсцких стародубовских: иж пожню свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, на Вербовѣ в стародубовском кгрунтѣ лежачую, об межу пожень пна Тимофѣя Семеновича, лавника и Івана Кононовича, посполитого, завюл и продал учтивому пну Гарасимови Афанасовичови, посполитому, на вѣчност, самому ему, малжонцѣ и потомком его, за сумму певную, то ест за сумму певную (sic), то ест за золотих сто личбы полское монѣти доброй. Волно теди оному тоею пожнею спокойне владѣти и пожытковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на который хотѣти на свой пожыток оборочати; которим прето признатем, яко вѣчными часи продавца себе самого, жону и покревних своих видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его казалисмо записати, и ест записано, до книг.

Признане Петра Моройченка на пахарные кгрунта пну Петру Лукомскому, признаное у вѣчност

Року бжого 1693, мсця октоврия 3 дня.

На майстратѣ іх црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Борисом Карповичом, бурмистром рочним и на тот час войтовское мѣстце пна Спиридона Яковлевича Ширая, войта, засѣдаючим, Стефаном Тимофѣевичом,

бурмистром вторим, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Петро Моройченко, жител стародубовский, явне, ясне и доброволне, нѣ от кого не примушоне, признал до книг в тые слова: иж поля пахарные, свои власные, нѣкому ни в чом непенные и незаведенние, во всѣ три измѣны, по небожчику родичу его Мартину Моройцѣ з слушного подѣлу досталие и суксессиве спалие, в розних мѣстцах и межах з околичними сусѣди лежачие, завюл и продал, як сам уживал, пну Петру Лукомскому, мещанину стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его у вѣчност, за сумму певную, то ест за тридцет чтири копы личбы литовское монети доброй. Іж волно от сего часу реченному пну Лукомскому тым пахарним полем из засѣвом, на нем тепер будучим, спокойне владѣти, користит и пожитковати, яко юж своим власним, то ест кому колвек даровати, продати и з ким заменяти и на який хотячи на свой власний найлѣпший пожиток оборочати. А мененный продавца, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и покревних своих, близких и далеких, сим доброволним и явним своим признанем видѣдичил и цале на вѣчност удалил, так тое признане его манстрат, чуючи, росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Оповѣдане Романа Федоровича против Ігната, его товариша

Року 1693, октоврия 10.

На манстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очивисте, Роман Федорович чинил оповѣдане против Ігната Івановича, котори, будучи з ним товарышом и взявши в Быховѣ за один человѣк повтораста золотых грошей, купивъши за тое двадцет чтиры лубки меду, без вѣдома три лубки продал комус меду и взял чтири талярий грошей готових умѣсних за товаришем з инъший (?), оставивши мед в дворѣ своем, где, іж многие могли бы присковатися кредиторовѣ, теди просил оповѣдант справедливости, жебы до его повороту мед у себе мѣл. Уряд ему того ведлуг слушности допустил, жеби мед к собѣ побрал, а оповѣдане росказал записати.

Оповедане Мещеброцкое

Року 1693, октовра 14.

На манстратѣ их црского пресвтлого величества Стародубовском, ставшы очивисте, Елена Мещеброцкая чинила оповѣдане против Якова Афанасовича Пузынына, людвисара, же оный, заставившы ее мужу, тепер хоруючому, заставу, то ест сукна тузинъкового локот чотиры и катанъку чырвоную карамзиновую старую, а надто й ницованую з двадцятма и трома кузѣчками малими срѣбрно злоцѣстими, в шести копах, в шагах одинадцяти, не окупует тоее зоставы, которую оная невѣста оповеданьта презенътуючы, просила справедливости и записаня. Уряд тоей зоставы осмотрѣвшы, про памет казал записати, и ест про памет записано.

Зезнане Евдокии Андрѣевны Овдасевое на поля пахатные Омеляну Бриленку, мещанину стародубовскому

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мсця октоврия пятнадцетого дня.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Евдокія Андрѣевна Адасевая, явне, ясне и доброволне, нѣ от кого непримушоне, в тые слова до книг признала: іж поле свое власное, нѣкому нѣ в чом непенное и незаведенное, по родичу ее небожчику Андрѣю Мелнику спалое, во всѣ тры измѣны, в розних мѣстцах, в околичними сусѣдми, часть на Спаском одна, другая на Змайлови, третяя на Дохновской дорози, четвертая под Жидовъскою горою, лежачие, завела и продала, як сама уживала, Омеляну Брилину, мещанину стародубовскому, за сумму певную, то ест за дванадцет коп личби литовское монети доброй, на вѣчност, ему самому, малжонце и потомком его. Волно теды реченному Брилину тим угодем спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, а мененная продавца, яко вѣчними часы самую себе, малжонка своего и по томков своих видѣдѣчила и цале удалила, так тое зезнане ее майстрат, принявши, росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Оповедане и жалоба Евдокии Федорови

Року 1693, мсця октовра 17.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого велич. Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Евдокия Федорова чинила жалобное оповедане, же син ее Павел Федорович, побачивъши в противной светлицѣ двора своего человѣка подпилого, котлярчика, и взявши на него порозумѣне, же лежал на постели ведле печи, так его побил и вигнал, як и сестру свою Агапию Яскову мал не до смерти побил. Припозван посилан (sic) будучы слуга присяглий Семен, принесл реляцию, же видѣл на плечи правом разы синявыи, спина тож синявая, ногу правую виверненную и всю зпухлую; которого осмотривши и реляции ми вислухавши, казалисмо записати, и ест записано.

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мця октоврия осмагонадцят дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спирыдоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисте, Гаврило Клопок жаловался на Василя Щербака в тот способ и о тое: иж он, Щербак, сват его, маючи дочку за своим сном, без даня причины, над слушность, сам побыл еи, тиранско побыл плечи до синятин, которых оглядал слуга присяглий Демян Семенович; видѣл, повѣдает, плечи криваво винятинные всѣ збытие; што уряд, чуючи, казал записати, и ест записано.

Року 1693, октоврия 19.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчества Стародубовском, ставши очевисто, Апанас Сурмин чинил оповедане и заносил жалобу на Романа Палчикова в той речи, же он, оповедаючый, приехавши до свое пожнѣ, яко господар своего доброго опатровати, то ест сѣна, гдѣ оного застал ведле стога беручого сѣно, який Палчиков мало не убил его обухом, якое оповедане майстрат росказал про памет в книги до росправы записати. Сяя справа зеднана, взявши конец совершенный.

Року 1693, октоврия 19.

На майстратѣ их црского пресвѣтлого величества Стар:, перед нами: Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радными, ставши очевисте, Васил Коваленко, жител дохновский, чинил оповедане, иж казан свой власный о празници Успения Прстой Бцы в него вкрадено з трома трубами; познал в Опанаса Пузини, котляра, в которого вже было дно отрѣзано. Припозваний ку отповѣди, Опанас Пузина на питане урядовое, гды бы купил казан той, отповѣдал, же купил в человѣка кистерского нѣякогос, толко по имени не сказал его, і то власный. Уряд до виводу казал тот казан постановити на особному мѣсцу, а Афанасу наказал и дно оддраное зараз вернути и заводци своего искати, што про памят записати казалисмо в книги мѣские, и ест записано.

Семен Авраамов

Року 1693, октовра 21.

На маистратѣ их црского пресвтлого влчства Стар., ставъши очивисте, Семен Авраамов, торчинник, заносил жалобу на Федора Іванова, торчинника ж, который правѣ в купленном дворѣ жалуючого кгвалтом отнимаючи неналежне услон, з хатою купленный з притомностю брата своего болшого, вхопил струг, намѣраючы оным на голову. А кгды против того замаху жалуючый вложилъся, теды разил его в руку. Оглядал того слуга присяглий Семен; видѣл кожух протятий удвое и руку лѣвую обтятую до раны досужое на жилах, з которой увес рукав окривавлен. Уряд, той реляции вислухавъши, казал записат.

На отдѣльном клочкѣ бумаги.

Октоврия 23.

Ставши очевисто, Аврам Несторов чинил оповедане на Ігната Кожемяку в тот способ: же он перед многими людми общими, также и шевцами, прирекает, якобы он, Аврам, будучи шафаром брацким, мѣет у себе от скарбца ключи, узял потаемне без братства з кринки грошей коп шест, цехмистр тож коп шест и Ладига Івана коп шест, якого оповеданя уряд, вислухавши, росказал про памет до росправи в книги записати.

Зезнане Федора Чорного на пожню Гаврилу Олѣйнику у вѣчность

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мця октоврия 28 дня.

На майстратѣ их црского првтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном

Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Федор Филонович, прозиваемый Чорный, явне, ясне и доброволне ку записаню до книг признал: иж пожню свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, об межу чупиковских бояр и через гору от Никипора Дидики и Гапошки, за Плоским лежачую, завюл и продал, як сам уживал, Гаврилу Кондратовичу Олѣйнику, мещанину стародубовскому, ему самому, малжонке и потомком его на вѣчност, за сумму певную, то ест за десят коп личбы литовское монеты доброй. Прето волно реченному Гаврилу тоею пожнею спокойне владѣти, користит и пожитковати вѣчне, то ест кому колвек даровати, продати, з ким заменяти и на який колвек на свой власний пожиток приводит и оборочати; а реченный продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и потомков своих видѣдичил и цале влитим правом отдалил, так тое зезнане его ест про памят в книги мѣские стародубовские записано.

Оповедане Сидора Скоробогатого

Року 1693, октоврия 31 дня.

На майстратѣ их цркого пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Сидор Скоробогатый, мещанин стародубовский, донесл вѣдати урадови нѣнешнему и чинил оповедане в тот способ и о то: иж сего ж числа нинѣшнего поймал злочинцу Семена Андрѣевича, жителя села Рожков, в ямѣ своей пашенной, то ест з овсом. Которий злочинца питан на урадѣ: з ким би и з чие намовы, влѣзши в яму, крал овес? Повѣдал, же з Іваном Семерою и Осипцом Івановим, прозиваемим Стародубцом, з того же села жителями. Питан еще и повторе: якую б з ними знаемост мѣл? Повѣдал, иж вчерашнего дня тридцатого октоврия приездили они на торг до города з житом, обачился з ними на торгу, якие, правѣ, его, Семена, стали питати: где б овса могли злодѣйским способом роздобути? Которим, правѣ, он, Семен, отказал, же не знаю, в кого. Теды всѣ мы, совокупившися, согласились, як прийшла ночная пора, приехавши до ями оповедаючого, где зараз оны два его, Семена, впустивши у яму, в которой гук наш псы почули, кинулися до ями, а они тим часом утекли, а я зостался в ямѣ, аж мусил волати, абы хто до его, Семена, прийшол, аже оповедаючий Сидор, господар того овса пришедши, витягнул з ямы. Майстрат, так оповедане чуючи, яко и злочинцову мову, росказал про памет до росправы до книг записати.

Признане Григория Стефановича Буяна на отчину Якову Алексѣевичу у вѣчност

Року бжого тисяча шестсот девятдесят третего, мця ноеврия первого дня.

На майстратѣ их цркого пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣма рочне засѣлими радними, ставши персоналне, Григорий Стефанович Буян, товариш войсковый стародубовский, явне, ясне и доброволне признал до книг: иж отчину свою власную, нѣкому нѣ в чом непенную и незаведенную, в селѣ Кузнецах, об межу з одное стороны Ярмоли, а з другое Івана Богдановича, рожоних, стоячую, завюл и продал, як сам уживал, Семену Ярмоловичу, Микитѣ Парфеновичу

и Якову Алексѣевичу, товариству войсковому, жителем кузнецким ключа стародубовского, им самим, малжонкам и потомком их у вѣчност, за сумму певную, то ест за двѣстѣ тридцет золотих личби полское монеты доброй. Іж волно реченним купуючим тоею отчиною, яко юж своею власною, през их купленою, спокойне владѣтѣ, користит и пожиткоат вѣчне, то ест кому колвек дати, продати, з ким заменяти и на який колвек, на свой власний пожиток оборочати, а мененний продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих сим признанем доброволим видѣдчил и цале отдалил, так тое признане его майстрат, чуючи, росказал про памет в книги мѣские стародубовские записити.

Максимиха Настуха

Ноеврия третего.

Ставши очевисто, Настюха Максимиха чинила оповедане на Оксютю Даниловую, же она, Оксюта, не помятаючи на срокгост права посполитого, по трикрот ночное поры добывшися в сѣнцѣ оповедаючое, горшками горелку з барила наточивши, в своей господѣ з сестрами своими подпивают, которую Оксютю и с ее ночы з горелкою жалуючая з братом своим поймали несучую у двох горшках. Припозвана была Оксиня ку отповеди; зналася ку той шкодѣ доброволне, же, правѣ, не она сама, але з сестрою своею тое чинили, то ест горелку в ночѣ з сѣней у жалуючое через три разы потаемне з барила у горшки брали, што ест ку росправѣ записано.

Року 1693, мсця октовра 3.

За вѣдомом и злеценем его милости пна Михаила Микълашевского, полковника Войска их црского прсвѣтлого величества Запорозкого стародубовского, на майстратѣ их же црского прсвтлого величества Стародубовском, перед нами: Дмитром Зурманом, обозним, а Прокопом Силенъком, сотником, полковими стародубовскими, ставши очивисте, Павел Романович Кожемяка, жител перед тим горский, а тепер мешканец з-под Брестя Литовского, за листом ясне велможного добродѣя его милости пна гетмана Войск Запорозких, на іньстанъцию его милости пна служки гетмана полного литовского внесенную, писаного, за вычетанем декрету, в него, Павъла, будучого, и подаванной супплѣки на Артема Бовкуна, перед тим жителя горского и своего тестя, зезнавал он, Павел Кожемяка, беручы его, Артема, тестя своего, на право до уряду Горского, где стал межи ними завод, же без жадного утеможеня и наругания мает его, Бовкуна, провадити на право до пречоных Горок, з таковым докладом: иж если бы чим колвек его, тестя своего, на дорозѣ утемежил, то, яко преступца права, повинен будет подлѣгати караню, что казалисмо записати, и есть записано.

Року 1693, мсця ноеврия 3 дня.

На маистратѣ их црского прсвѣтлого величества Стародубовском, за вѣдомом и злеценем его милости пна Михаила Микълашевского, полковника Войска их црского прсвтлого величества Запор. стародубовского, перед нами: Дмитром Зурманом, обозным, а Прокопом Силенком, сотником, полковими стародубовскими, приточилася справа межы Фомою Боборикою, посполитим, а Давидом Скабортиною, мещанином, в том способѣ и о тое: Фома, помененъный посполитий,

оскаржившис змежи нас пну сотникови, в прошлую ндлю одержал жалобы выслухане, албо вѣм пн сотник, уважывшы словесно репрезенътованную жалобу, которая виражала примовку от Давыда Скабуртины, же его, жалуючого, назвал злодѣем, нагайками за нѣякиис примовъки битим, посилал по позванного Скабуртину, который, ставши аж на третий день на право, зоносил жалобу зас на Боборику, будто его Боборика бил. Которого розыску выслухавъши, казалисмо записати, и ест записано.

Оц Димитрей

Року 1693, ноевра 9.

На маистратѣ их црского прсвт. величества Стар:, ставъши очивисте, Яков Песоцкий на жалобу, занесенную чесного господина отца Димитрия, свщенъника свтоуспенъского, зналъся, же зостает винен коп шест Еленѣ Ермоловнѣ, дѣвчинѣ, в опецѣ отца Димитрия зостаючой, которим грошам термѣн отданя о празнику Рождества Хрстова при початку року 1694, чого уряд выслухавъши, казалисмо записати.

Зезнане пна Бориса Карповича, бур. стародубовского, на два пляци огородних Омеляну Гарасимовичу

Року 1693, мсця ноеврия 10 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистром, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившисе персонале, славетний пн Борис Карпович, бурмистр рочний, явне, ясне и доброволне признал до книг: иж два пляцѣ огородние, свои власние, нѣкому нѣ в чом непенние и незаведенние, об межу один от Васка Рудого, а другий от Криска Семеновича, на Затинном лежачие, як сам уживал, завюл и продал Омеляну Гарасимовичу, мещанину стародубовскому, ему самому, малжонце и потомком его у вѣчност, за сумму певную, то ест за тридцет коп личби литовское монети доброй. Волно теды ему, Омеляну, тыми обома огородними пляцами, яко юж своими куплеными, спокойне владѣтѣ, користит и пожитковати вѣчне, или кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який колвек на власний свой найлѣпший пожиток приводит и оборочати. А пн бурмистр, яко вѣчними часы себе самого, малжонку и потомков своих сим доброволним зезнанем видѣдѣчил и цале удалил, так тое зезнане майстрат росказал в книги мѣские стародубовские про памет записати.

Оповедане о злодѣйство на Горачую з Ковалем

Року 1693, мсця ноеврия 13 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Маря Іванова з притомностю сина своего Алексѣя чинили оповедане в тот способ и о то: же вчерашное ночы 12 числа сего ж мця ноеврия вкрадено з комори воску з полтора каменя, грошей готових, за десят кулей соли проданих, желѣза ботогов осм, шапку; теды, кгды, за прослухом слушним, стался опит, Пилип Омелянов з Осипом Москалем, в едном же дворѣ, где и оповедаючие мешкают,

в шинкарки Горачой у бочцѣ у квасу кружков шест воску. Припозвана была Горачая ку отповеди, зналася, же она, Горачая, мешкаючи в едном дворѣ з оповедаючими, а намовивши Степана Ходорина з шелваху, отомкнули посполу з ним комору и скриню в комори, в которой взялѣ чехов золотих тринадцет [...] шостаков, два таляри, копѣек полталера, з которих Степан взял золотих пят чехов, до чого Степан знался, и шапку взяли, а скринку у ров укинул, болш не зналися ни до чего, што ест до росправы и записано.

Мця ноеврия 21 дня.

Ставши очевисто, Федор Ілинич чинил оповедане на Ірину Денисовую, вдову, же она, мешкаючи в его от Покрова пресвтой Бци до сего числа, а кгды посвар межи ими стался, теды она, виездечи з двора его и виехавши з ворот, приворотницу, перенявши якогос чоловѣка на улици, велѣла топором зтесати, чого оповедант будучи молесним, просил, ябы сее его оповедане было до росправи записано, што и одержал.

Длукг Семену Федоровичу

Року 1693, мсця ноевра 22.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, Стефан Федорович доходил на Охрѣму королеви коп десяти долгу. Припозванный ку отповѣды, Охрѣм корол ку тому долгу знаљся, не маючы, еднак, чим того истити, завюл ему, кредиторови, до окупу двор свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, з таковым докладом: иж, если оного двора, в певных межах и границах лежачого, помененим долгом не окупит, то, за ошацунком людским и нашим особно урядовым, мает тому двору вчинити изречене, што казалисмо записати и ест записано.

Зезнане Андрѣя Михайловича и дочки его Параскевии на двор, проданний Никитѣ Фоминичови

Року тисяча шестсот девятдесят третого, мсця ноеврия двадцет третого дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши персонални, Андрѣй Михайлович з дочкою своею Параскевиею Михайловною Стефановою, вдовою, явне, ясне и доброволне признали: иж двор свой власный, нѣкому нѣ в чом непенний и незавденъний, на Немецкой улицѣ лежачий, з будинъками, на нем стоячими, и огородом, об межу (пропуск) и Алексѣя, завели и продали, як сами уживали, пну Никитѣ Фоминичови, мещанинови стародубовскому, за сумму певную, то ест за коп сорок личбы литовское монѣти доброй, на вѣчност, ему, пну Никитѣ, самому, малжонце и потомком его, иж волно ему тим двором купленним спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власний пожиток оборочати, а речонии продавъци тим, так доброволним признатем, яко вѣчними часы, себе самих и потомков своих видѣдичили и цале

отдалили, так тое признате его про памет казалисмо записат в книги мѣсцкие, и ест записано.

Року 1693, ноеврия 24 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Андрѣй Шаповаловский, житель симионовский, за приведенем злочинци его Семена Косаченка батуринского, жалосне заносил оповедане в тот способ: же он, Семен, уже тому недѣль шест, як двое коней уего, жалуючого, в Семионовцѣ украл. Пытан был злочинца Семен на ураде, который доброволне знался, же он, з товаришом своим Иваном Алтиновским знявшися, пойшли до Семионовки, украли у его, Андрѣя, двое коней, з которими прибывши ночное пори в Стародубов до мешканя жида Мовши, власне на тот час, як жид Мовша посажен за щос был у шелваху, которий, пришовши з шелваху, зторговал у них коня одного шерстю рижого, лисого за два золотих и пойшол знову до шелваху, а кгды днь прийшол, прислал жидовкою своею гроши два золотих, а коня собѣ взяли, а оны, прави, злочинци, з другим конем буролисим до Погару поехали, которого жидови Осипу, принявши от его собѣ хомут, продали за шагов сѣмнадцеть; там его, Семена, и товариша его поймано, товариш же утекл з кайданов, а его задержано, а Андрѣй коня своего правне отобрал, а другого на Мовши, жидови, субмиттуется доходит, што ест и записано.

Того ж дня и часу и на том же урадѣ.

Постановившися персоналне, Іван Михайлович, Данило Рубаниченко и Мартин Березинский, жители семионовские, з притомностю Антона Волошина семионовского ж, освѣдчали невинность свою и невинний поклеп, през мененного злочинцу Семена Косаченка батуринского на них нанесенний в Семионовцѣ, будто он, злочинца, вкравши оправний сагайдак, зкилка пар сукон из иншими рупесками у реченного Антона Волошина, им, жалуючим, до схованя тые речи подавал, за що их, мененних особ, в Семионовцѣ вязенем трапено и през шест недел турбовано, на чом з немалою утратою им стало, теды он же, злочинца, сам до того, за питанем атамана, не знался и их отволал. А кгды он, Семен злочинца, питаний, кого б мѣл в злодѣйствѣ товаришом, зезнавал повторе: конѣ з Иваном Алтиновским крал, а сагайдака и инших при нем речий жадною мѣрою не крали, а што приволал был Івана Михайлова, Данила Рубаниченка и Мартина Березинского, жителей семионовских, то правѣ, для того, же Феско Кганджаего, Семена, бючи нещадно, велѣл казати на иних, же у Йвана пред часы перемешковал без жадного подойзреня в злодѣйских речех, што ест про памет в книги и записано.

Року 1693, мсця ноеврия 25 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, пн Василий Павлович, сотник поипутский, доходил певного собѣ долгу на Семену Миронову, жителю стародубовском, тридцети и двох коп личбы литовъское монети доброй; припозван был должник Семен; знался, же зостает толко суммы виноват и не мѣл чим ораз отдати, пустил пляц свой голий дворовый,

волний, в самом мѣстѣ Стародубови стоячий, в певних межах и границах, до окупу от сего числа на двѣ неделѣ, з таким докладом: ежели за прейстем термина не мѣл би окупити, теды пляцего, за ошацунком урадовим, мает непремѣнно при пну Василию зоставати, што ест про памет в книги и записано.

Право межи Павлом Зѣнковичом, поводом, а Семеном Кудином, жителми Топальки Малое

Року тисяча шестсот девятдесят 3, мця ноеврия 25 дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, за вѣдомом и злеценем их црского прсвтлого величества Войска Запорозкого его млсти пна Михайла Миклашевского, полковъника стародубовского, перед нами: Прокопом Силичом, сотником полковым стародубовским, Спирыдоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, приточилася справа межи Павлом Зѣнковичом и Семеном Кудином, жителми топалскими, в тот способ и о тое: же Ярох и Фома Семеновичи, Кудинови дѣти, зезнавци кгрунту нижей менованного, Корнѣю Сердюку через отца их проданного, а в Сердюка через Павла Зѣнковича купленого по семи лѣтах от часу продажи, за живота отцевского, зоставъши жалосны, усиловали доходити того проданного, третѣми руками юж обладнанного и будинъками настроенъного кгрунту, о который ку росправѣ ставъши очивисто, Павел Зѣнкович боронил купчим правом, свѣдомим пну Афанасу Батури, атаману топалскому, нинешъное ж справи притомному, з таковим докладом: же тот кгрунт купил не в Семена, але в Корнѣя Сердюка, и от его купчую мѣл, которую пн судя при контрверсиях задержал; которих прето контрверсий сам его мил. пн полковник вислухавши и дохожене неслушное Яроха и Фоми вислухавъши [...], проразсудил финалним декъретом, жебы вѣчне кгрунт тот Семеновѣский, купчим правом набитий, вѣчне зоставал при Павлу Зѣнкову и потомком его, под всѣми кондициями, в купчих правах писати звиклими; иж волно тот кгрунт кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на якій хотѣти свой пожиток оборочати, што про памет казалисмо записати в книги мѣсцкие.

Продажа двора от Федора Стефановича Івану Москалеви

Року тисяча шестсот девятдесят 3, мсця ноевра двадцет 8 дня.

На маистратѣ их црского прсвтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шыраем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавъниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Федор Стефанович, мещанин стародубовский, явне, ясне и доброволне признал, иж двор свой власный, нѣкому нѣ в чом непенный и незаведенный, в парканѣ лежачый, об межу дворов: Сидорова и Андрѣя Белошапки, да от школы Старониколской, завюл и продал Івану Москалеви, жителеви стар., за суму певную, власними руками своими одобранную, то ест за коп двадцет вусѣм личбы полское монѣти доброй, на вѣчност, самому ему, малжонце и потомком его; волно теды тим двором спокойне владѣти и пожитковати, то ест

кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власний пожиток оборочати; а речоний продавца, яко вѣчними часи самого себе, малжонку и потомков своих видѣдичил и цале отдалил, так тое признане его казалисмо записати в книги мѣсцкие.

Обликгация п: Борису, бурмистру

Року 1693, мсця декаврия 2 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Павел Черняк, бывший сотник мѣский землянский, з притомностю Гришка Островского, Петра Пигара, Романа Палчика и Демяна Шелютина, на жалобу пна Бориса Карповича, бурмистра, доброволне зналися, же кгды в прошлих еще роках, за сотництва Чернякова, спосполу они з ним з иншими мещанами сотнѣ их, упросивши пна бурмистра, на росплату козацкую позичили готових грошей талярий десят, якое сумми за недбалством их до сего времени не отдали и не уистилися пну бурмистру, теды тепер сами они, делятори, доброволне зложили термин от сего числа вишменованного за недель двѣ, з таковим вироком: если за прейстем термина не мѣли б отдати и оплатитися пну бурмистру, то правной вѣнѣ, то ест в совитостѣ, подлегати мают, што ест про памет и записано.

Того ж дня и мсця и на том же урадѣ.

Ставши очевисто, Федор Іванович доброволне знался, што зостает готовое суммы винен пну Борису, бурмистру, пол-девяти копы и не мѣл чим отдати, упросил о почекане до приезду пна войтова, што ест и записано.

Року бжого 1693, мсця декаврия второго дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Степаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очевисто, Дементий Ермолович з притомностю рожоное сестри свое Марии Ермоловни Никипоровое и Іева Григоревича, братанка своего, доходил на рожоном брату своем Левону Ермоловичу отчистое части свое, по небожчику родичу его Ермолѣ з подѣлу певного спалое, то ест поля пахарного во всѣх трох измѣнах половини и двора, на Клину стоячого, и кобыли. Припозван был ку отповеди правной Левон Ермолович; знался ку тому, же свою на себе част приналежную кгрунтов отцевских з нѣкоторим статком и иншими домови дробязками спалую, то ест поля пахатного, коров двѣ и двор зо всѣм, в городѣ стоячий, позаводил пѣняжно зацним людям, а тепер при нем, Левону, кон зостает з килкома свиней. Урад, водлуг правного поступку, уважаючи, же он, Левон, свою част попродал, заховует, и присудил Дементию, што тепер зостает поля пахатного, двор, на Клину стоячий, и кобылу, абы при нем, яко поссесорови, непремѣнно зоставало, а его, Левона, вичне от того угодя отдалил и отдаляет, же не мает мѣти и мочи не будет о тое и не повинен упоминатися, што, як точилося, майстрат росказал про памет (под виною правною за отновленем тое справы) в книги записати.

Подѣл жителей Галѣбѣсовских

Року бжого 1693, мсця декаврия 3 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, перед нами: Борисом Карповичом, бурмистром и войтовское на тот час мѣстце пна Спиридона Яковлевича Ширая, войта, засѣдаючим, и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистром, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, постановившися персоналне, Михал Степанович и Кондрат Никипорович, пасинок его, Михаілов, жители галѣбѣсовские, ключа стародубовского, явне, ясне и доброволне, нѣ з якого примушеня, обополне в тые слова признали ку записаню до книг: же оны по небожчици малжонце Михалевой второго малженства, а рожоной матце Кондратовой, мешкаючи килканадцеть з собою лѣт до сего времени, и що през тое мешкане приспособили и набыли у бозства межи собою, так в пахатних и сѣнокосних кгрунтах, яко в дворѣ, во всяком быдлѣ и в инних домових набитках, вчинили ровний подѣл, з таким докладом: же ему, Михалеви, з сином его меншим Іваном Михалевичом, з дочкою Мариею всего того угодя и набытков половина мает (ежели бы имѣли един от другого отийти) и повинна будет при нем зоставати, також непремѣно и ему, Кондратови, во всем том ровная част повинна без перепони быти; еднак же дочцѣ Михалевой Марии, а Кондратовой сестрѣ, на виданю в стан малженский з умѣсного того убозства, то ест з обох сторон, мают они и повинни будут пят осмачок жита, корову, овец двое и свѣню одну добрую дати, што майстрат, вислухавши обох сторон доброволного их межи ими подѣлу и не пречачи в найменшом их положеном пунктѣ, росказал про памят в наступуючия лѣта и часы в книги мѣские стародубовские записати, што и одержали.

Жалоба пна войта

Року 1693, мсця декавра 10 дня.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, за вѣдомом и указом их црского прсвтлого величества Войска Запорозкого полковника стародубовского его милости пна Михайла Микълашевского, освѣдчоным на маистратѣ звышъменованном через пна Лукяна, городничого, ставшы персоналне, пн Спиридон Яковлевич Ширай, войт стародубовский же, по предложеню жалобы звишъменованному его милости пну полковникови стар:, чинил оповѣдане и заносил жалобу на пна Малаха Фоминича, бурмистра, который, прийшовши з фуками до судовой избы, чинил без респекъкту ему, пну войтови, примовки, повѣдаючы так: То правѣ за гандел, кождому доброволный, же-м куповал пенку з Стародуба в Погарѣ, вдалес мене его милости пну полковникови; вѣдай то, пне войте, же я с сокѣрою не пойду в твою буду дров сѣкти; волно мнѣ за свои гроши где колвек в кого що куповати доброволне! Которого прето оповѣданя славетного пна войта мы, уряд, по злеценю его мил. его пна полковника вислухавъши, казалисмо до протокулу справ мѣсцких записати, и ест записано.

Зезнане Якова Гришкова Пшеничного на кгрунт, проданъний его милости пну Завадовскому

Року тисяча шестсот 93, мсця декавра 11.

На маистратѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом

и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставъши очивисте, Яков Гришкович, житель перед тим дохновский, а нине соловский, явне, ясне и доброволне признал, их кгрунтик свой власний, нѣкому нѣ в чом непенъный и незаведенний, в Дохновичах, маетности пна Якова Завадовского, лежачий, то ест пляц голий, з пахатними и сѣнокос ними кгрунтами, як сам уживал, завюл и продал ему ж, пну Якову Завадовскому, асаулови полку Стародубовского, за сумму певную, то ест за коп дванадцет личби литовской монети доброй, на вѣчност его милости пну Завадовскому самому, малжонце и потомком его; иж волно тим кгрунтом спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, з ким заменяти и на який хотѣти свой власний пожиток оборочати, а речоний продавъца, яко вѣчними часи себѣ видѣдичил, так казалисмо записати, и ест записано.

Павел Яворский

Рок 1693.

На маистратѣ их црского прев. велич. Стародубовском, за вѣдомом и указом его милости пна Михайла Миклашевского, полковника Войска их црского првтлого величества Запорозкого стародубовского, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очивисте, пн Павел Яворский, товариш значный войсковый, чинил оповѣдане: иж кгды в пна Федора Подорожного, товариша войскового значного, купил половицу...

В долгу его млсти пану полковниковѣ вѣчностю у 20 талярах уступлене дворка

Року 1693, мсця декаврия 19 дня.

На майстратѣ іх царского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, на інстанцію присланого его млсти пана Михайла Миклашевского, Войска его царского пресвѣтлого величества Запорозкого полковника стародубовского, Владимера Завадзкого, припозваный был Іля Шаповал, мещанин стародубовский, о уищене долгу, его млсти пану полковнику належного, талярей двадцяти грошей, до которого знаючися быти винным, а не мѣючи позванный зараз чим того отдати, дворок свой власный, нѣкому непенний, на передмѣстю в Стародубовѣ, на Черѣговской улицѣ, от озера, як кузѣ ковалскіи тепер ест стоячии, в том долгу его млсти пану полковниковѣ уступил вѣчностю, до которого интересоватися сам з жоною и дѣтми своими не мѣет и оного доходити в потомніе часы не повинен, сим доброволим поссесіи того дворка зезнанем себе и потомков своих видидѣчивши, що як он зезнал на майстратѣ, ест записано до книг мѣских стародубовских.

Року 1693, декаврия 12 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Тишко Андрѣев доброволне знался, што зостает пну Тимофѣю, лавнику, коп

три готових грошей винен, которих не мѣл чим отдати, поручился за него Сидор Данилов, сторож мѣский, же он мает конечне о святах Рождества Хва одну копу отдати пну лавнику, а двѣ копѣ о масленной недѣли в року настоящем 1694 (sic), якая порука Сидорова ест про памет до книг записана:

Року 1693, мсця декаврия 13 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши персоналне, пн Никита Потапович, бурмистр стародубовский, доходил на Степану Шику, резнику, винного собѣ долгу коп семи за лой, взятий на кредит; припозван был ку отповеди правной мененний дебитор, доброволне знался ку тому, же зостает виноват сѣм пудов лою, пуд рахубою по копѣ грошей личби литовское монети доброй, которого долгу не мѣл чим отдати, пустил и подал до окупу власную свою коморку, никому ни в чом непенную, в резницах, от комори Ілии, резника, да Івана Дудара, стоячую, з таким докладом: ежели люб лою семи пудов, албо грошей готових коп семи не отдаст в року прийдучом тисяча шестсот деветдесят четвертом о запустах Филиповых, теды за ошацунком певним мает при пну бурмистру непремѣнно зоставати, а не при ком иншом. Майстрат, такое его, Шика, доброволне зезнане и заставу чуючи, росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Зезнане пна Федора Подорожного на млин, проданний пну Павлови Яворскому

Року тисяча шестсот девятдесят 3, мсця декавря осмънадцетого дня.

На майстартѣ их црского пресвѣтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши очивисте, пн Федор Подорожный, товариш значный и войсковий полку стародубовского, явне, ясне и доброволне признал: иж половицу млина своего власного, нѣкому нѣ в чом непенъного и незаведенного, посполу з пном Павлом Яворским, тож товаришом значним войсковым, будуваного, на рецѣ Ревнѣ, под Симіоновкою, при урочишы, зовемом Желѣзном Мостѣ, з колами мучными, ступным двором, огородом, сѣножатми, чертежами, в вубровѣ будучыми, и з озерцами, внизу греблѣ, против пужен, будучими, и зо всѣми ку нему приналежитостями, як сам уживал, за порундованем того млина на сиром кореню, за позволенем властей, на писмах унѣверсалних виражаючихся, завюл и продал ему ж, товаришови своему пну Павлови Яворскому, за сумму певную, власними руками своими одобранную, то ест за вусѣм сот золотих личбы полское монѣти доброй, на вѣчност, ему, пну Павлу Яворскому, самому, малжонце и потомъком его; иж волно тым млином спокойне владѣти и пожитковати, то ест кому колвек продати, даровати, з ким заменяти и на який хотѣти власный свой пожиток оборочати, котрим теды признанем он, пн Федор Подорожный, яко вѣчними часи себе самого, малжонку и потомъков своих видѣдичил и цале отдалил, так тое признате его казалисмо записати в книги мѣсцкие.

20 декавра.

Марко Мининин взял на поруки Пархома Полѣского, шаповала, который седѣл за долг Помозов. Мает постановити его на правѣ, коли указоватимет потреба, которому поруку казалисмо записати, и ест записано.

Зезнане пна Яна Ковшаровича на комору, проданную его мил. пну полковникови проданную

Року тисяча шестсот девятдесят 3, мсця декаврия 23 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого величества Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними, ставши персоналне, пн Іван Станиславович Ковшаревич, мещанин стародубовский, явне, ясне и доброволне до книг признал: іж коморное мѣстце, свое власное, нѣкому нѣ в чом непенное и незаведенное, в ринку мѣском стародубовском, об межу з одное стороны от коморы Дащинское, а з другое от коморы црковной Новониколское, лежачое, завюл и продал, як сам уживал, его млсти пну Михайлу Миклашевскому, полковникови Войска их црского пресвтлого влчства Запорозкого стародубовскому, самому его млсти, пней малжонце и потомком его у вѣчност, за сумму певную, то ест за сорок осм коп личби литовское монети доброй; іж волно его млсти пну полковникови тим коморним мѣстцем, през себе купленим, спокойне владѣти, користит и пожитковати и на нем комору ставити, или кому колвек дати и продати, а реченний продавца, яко вѣчними часы самого себе, малжонку и покревних своих видѣдичил и, цале зрекшися, удалил, так тое признане его майстрат, чуючи, росказал про памет в книги мѣские стародубовские записати.

Року 1693, декаврия 19 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Степан Дегтяров чинил оповедане и заносил жалобу на Пилипа Дегтярова, покревного своего, в тот способ и о то: же сее ночы прошлое он, Пилип, з гумна оповедаючого, з короба, в котром знайдовалося осмачок три, вибрал жита и, в свое гумно принесши, овсом насипал, чого слѣдом дойшли з людми многими; припозван бы Пилип; не знался ку тому, што ест до росправы записано.

Року 1693, декаврия 30 дня.

На майстратѣ их црского пресвтлого влчства Стародубовском, ставши очевисто, Іван Романович, жител бывший погарский, а тепер стародубовский, з жоною своею Василиею Тарасовною доброволне признали, иж з певних причин, же он, помененний Іван Романович, з неосторожности своее запаливши овин пна Стефана Тимофѣевича, бурмистра, в Суходоли, утекл был, з якових мѣр дал по собѣ порозумнѣ, и признал з помененною жоною своею посполу, за упрошенем свояка своего Івана Сергѣевича, рок ему, пну бурмистрови, за тот его учинок служити, не чинячи юж жадное шкоды, што ест про памет в книги записано.

Року 1693, декаврия 31 дня.

За вѣдомом и злеценем іх царского прстлого влчства Войска Запорожского полковника Стародубовского его млсти пана Михаила Миклашевского, на маистратѣ их же царского прстлого влчства Стародубовском, перед нами: Спиридоном Яковлевичом Шираем, войтом, Борисом Карповичом и Стефаном Тимофѣевичом, бурмистрами, райцами, лавниками и всѣми рочне засѣлими радними особами, постановившися очевисто, пан Григорий Старосѣлский, асаула полковый

старод., от его млсти пана полковника на майстрат зосланий, з притомностю Степана Богданенка, подал ку записаню врученое собѣ дѣло, которое так ся в собѣ мѣет: Я, Евдокия Григориева доч, Болховского уѣзду села Чекрека, церкви Всемилствагo Спаса попадя, Анисимовская жена, в нинешнем во сто девеносте пятом году, ноября во 24, отпустила есми я дворового своего члвка Степана Богданова з жоною ево Екатериною Івановою дочерю, з детми ево Артемом и с Олексѣем и с Иваном и с Федором и с Кондратом и со Ворфоломеем и с Евдокимом, и которие у него, Степана, дѣти впред будут, а отпускаю я, вдова, ево, Степана, з жоною ево и з детми цѣлим своим умом и розумом и в здорови, и ему, Степану, з женою своею и з дѣтми, сшедши с моего двора, и меня, Евдокию, кормит по мою смерть, чим оны будут сами питатца; а покамест Бг по душу мою сошлет, и мнѣ, вдовѣ, им, Степаном, и женою его и детми нѣкому не попускатца, и после моево живота роду моему и племени дѣла нѣт до него, Степана, и до жени ево и до детей ево; а будет хто впред до роду моево и племени по моих крепостях станут за нево, Степана, и за жену ево и за детей вступатца, или в его, Степанови, животи, и учнут ево волочит и убичит и доставят ево, Степана, и жену ево и детей волокит и убитков, и ему, Степану, и женѣ ево и дѣтем ево взят по сей отпустной записѣ на вступуючие за харчи и убитки пятсот рублей денег, даби отпустная запись впред ему, Степану, и женѣ ево и дѣтем и внучатам, кои впред будет, взят; а при сей отпустной сиделѣ: николаевской поп Іван, до пречистенской поп Іван, да болховичане посадзкие люде: Обросим Горбунов, Семен Зюлидов, Кузма Іванов син Романов, Сидор Шумилин, Дементий Левонов син Федотов, а на то послух Данило Щепетинников, а отпустную писал Андрушка Качанов лѣта 7195 году, ноября во 24 день. К сей отпустной записѣ николаевский поп Михайло вмѣсто Евдокии Григориевой дочери вдови Онисимовой, попади, по еи велинию руку приложил. К сей отпустной николаевский поп Іван руку приложил. К сей отпустной успенской поп Іван седѣл, вмѣсто седѣлцов Семена Дмитрова, да Абросима Турубарова по их велению руку приложил. К сей отпустной болховитин Кузма Сидор Шумилин седѣл и вмѣсто седѣлца болховитина Дементия Никонова по его велению руку приложил. Послух Данило Шепетинников руку приложил. Таковую их отпустную от помененного пана Григория Старосѣлского, асаули полкового стародубовского, нам, урядовѣ, вслух читаную и поданую, до книг мѣских стародубовских в по томние часи казалисмо записати, и ест записано.

Замѣтка на отдѣльных клочках бумаги:

Десятого.

Чиркуненко отводился, же, правѣ, купил бил светлицу в Бошака за десят талярий без золотого за свои гроши власниѣ, а в Моройки, позичил грошей талярий 2, у четвер прошлий тиждьнь минул, которими Жидецкуй и Горѣлой у тот же четвер заплатил.

Отрошко Михайлови винен п. Микити, бурмистру, 35 коп, доброволне знался.

Гаврило Іванов талярий девят и [...] ему ж, пну бурмистру; фришту обоим на двѣ недѣли.

Филмон Леонтиевич Скалский, глуховский машканец, узяли шалвѣрством коня мишастого за коня бѣлу шевлюгу.

На обороте 140 листа.

О зезнаню Никифора и Максима Привалових на два загонцѣ облоги, року сего зезнанних, Корнѣю Михайленку за зол. 9; один загонец в Рѣпнем логу, а другый на Лашкрвѣ.

Позднѣйшим почерком: В сей книге перенумерованних листов сто сорок, в том числѣ чистих восѣмнадцат, до полку ж ничого не имѣется [296].

№ 297

1697, листопада 24. – Остер
Угода про грунт Федора Войнича

Року 1697 мсця ноеврия 24 дня за відомом самого добродія нашог[о], его млсти пана Константина Мокієвского, полковника Войска его црского престлаго величества Запорозског[о] киевского.

Перед нами, Петром Ивановичем Борсуком, сотником козелецким, Михайлом Ивановичем, атаманом городовим козелецким, в дому судовом козелецком, сталася угода вечистая и неотмінная межи сторонами: Феодором Ивановичом Войничем, обывателем киевским, поводом, а сторонами позванними Грицком Шумарем и Иваном Погукаленком, жителями острицкими, которие то як Грицко Шумар, так и Иван Погукало, без відома мененного Ивана Войнича, отца Феодоровог[о], кгрунта его власние, коло Остра лежачие, без відома пана Войнича поорали и позасівали, за чим мененний Феодор по вказу отца своего доносил его млсти пану полковникові, ускаржаючися на мененних остран. Теди ж мы, по вказу добродійском, их обох сторон, як поводовой, так и позванной, вислухавши контроверсий, прикрилисмо их декретом нашим таковим, жебы оние остране за свое преступление Феодора Ивановича во всем погодили и наклады правние за тим походячие, нагородили. А от того часу абы юж оних кгрунтов без відома пана Войнича не важилися орати. Теды оние на том собі руки давши, една другую сторону простили и квітовали вечисто под такими варунками и обовязками правними кладучи вини, ежели би от сего часу важилися без відома пана Войнича тие кгрунта орати, теди повинныи вини заплатити на его млсть пана полковника нашого киевского талярей двадцат, а на уряд наш войсковий козелецкий талярей десят, що для ліпшой віри и далшей памяти казалисмо их угоду записать и видаемо стороні потребуючой при звиклой печати судовой козелецкой.

Писан в дому судовом козелецком року и дня вишей описанног[о].

Петр Иванович Борсук, сотник козелецкий, рукою [власною].

Михайло Иванович, атаман городовий козелецкий [297].

---

[296] Актовая книга Стародубскаго городового уряда 1693 года / Под ред. В. Л. Модзалевского. – Чернигов, 1914. – С. 1–120.

[297] Публікація Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2008. – № 3 (Інститут рукопису НБУВ. – № 535 П./1763. – Арк. 327 зв. – 328. Копія).

№ 298

1698, серпня 24
Купчий запис уряду Власівської сотні на продаж інокинею Єлизаветою пасіки Якова Сірого в Чорному лісі

Року 1698 м~ця августа 24 дня

Ставши пред нас честная г~пжа инокиня Елисавета, старица монастира Панеганского Киевопечерского з дочкою своею Мелетиею с тож инокенею с поважними писмами ясне в Богу преосвященного отца, п~на и пастира нашой Малой России, г~пдна отца Ясинского, метрополити Киевского, презентуючи в той способ п~не вряде Уласовский з доброй воле моей продала грунт, то есть, пасеку в Чорном лесе блаженой памяти первого мужа моего Якова Серого, с которим и нажили сею, чого и многие жителе старинние уласовские о том сведоми, а тепер з поважного суду консисторийского виданого мне пустилам п~ну Кирилови Ивановичу, значному мещанину полтавскому за коп осимьнадцять стоячую в межу от Федорини, з другой сторони по яр, с третой сторони от Шулганки, якая по Сечь била блаженой памяти Богдана Хмелницкого, а з четвертой сторони за луку, по ями великие и поузлесьсе, а мел би[л] лаврен, вторий муж мой. Вишпимного особу Кирила Ивановича в той продаже моей, а купле его, турбовати того готова ку ответу по поважном суду консисторийском. Ми теди, уряд Уласовский, видячи и чуючи добороволную куплю и продажу на жадание их сторон, велелисмо з ураду сей запись потребуючой стороне видати року и дня више писаного.

Клим Бабиченко, сотник наказний, Костя Гаврученко, атаман городовий, Степан Майбороденко, Андрей Шулган и Динис Крамар, и многих зацних особ при том немало било. Сведом и я того поважного запису. Василь Алексеевич, писар уласовский рукою [298].

№ 299

1704, травня 30. – Остер
Угода про позику

Року 1704 мсця мая 30 дня.

Я, Прокопий Леонтиевич, диякон остранский, чиню відомо, иж узялем у его млсти пана Феодора Быковского сумму доброй монеты чеховой золотих пятсот ис провизиею, на що для ліпшой віри и певности даю на себе сей мой церекграф с подписом руки моей власной, такою ж монетою чеховою отдати повинен, в року 1705-м на термин назначоний, то ест о празднику Вознесения Гспдня, без похибне неот волокаючи термину всему церекграфі назначоного рукою моею писанного.

Прокопий Леонтиевич, диякон острицкий, рукою власною [299].

---

[298] *Пивовар А. В.* Поселення Задніпрських місць до утворення Нової Сербії: в документах середини XVIII століття. – К.: Академперіодика, 2003. – С. 141 (ЦДІАК України. – Ф. 51. – Оп. 3. – Спр. 11437.– Арк. 92. Копія).

[299] Публікація Ю. Мицика // Сіверянський літопис. – 2008. – № 3 (Інститут рукопису НБУВ. – № 535 П./1763. – Арк. 330. – Копія).

№ 300

1745, серпня 2
Підтверджуючий запис Прилуцького магістрату Андрієві Горленку на продаж у 1703 році його батькові пасіки у Великому лісі за Дніпром

Тисяча семь сот сорок пятого году м-ця августа второго дня.

В магистрате Прилуцком слушав челобите в полковой Прилуцкой канцелярии з определением присланного от Заднепрского Свято Онуфриевского монастира монаха Филимона Маркова сина Сокиндри поданое и проном сообщенних крепостей даних от его ж монаха знатному бунчуковому товаришу, его милости пану Андрею Горленку, на проданую ним, монахом, в 1703 году покойному отцу его, Горленка, полковникови прилуцкому, гпдну Димитрию Горленку, пасеку з байракамы, пристенками и всеми принадлежащыми угодии за рекою Днепром в Великом лесе имеючуюся, як в оних крепостях показано, согласно определили означенние крепости, первую, от него, монаха, еще будущего свецким в 1703м году июня 28 дня данную на уряде меском Чигринском, другую от Оришки Тунчихи, жительки прежней чигринской, а потом кременчуцкой, данную ему, монаху, будучему еще свецким в 1699 году мая 9 дня на ураде Кременчуцком, и оние обе купчие в конфермацию сего 745 году июня 28 дня от его, монаха, за подписанием рук духовних и мирских персон, его милости пану Андрею Горленку даную повторную купчую в книги меские магистратовие прилуцкие вписать, которие и вписани, и что от слова до слова в книги магистратовие прилуцкие вписани, писара магистратового прилуцкого Василя Алтанского рукою оние замечени для лутчого ж и спокойного тоею пасекою з байраками и пристенками и всеми в тих крепостях показанними приналежимостми за рекою Днепром в Великом лесе имеючимися, его милости пану Андрею Горленку и наследникам его вечного владения сию повторную купчую руками нашими подписали и печать утвердили року и дня вишеписаних.

Войт магистрату прилуцкого Леонтий Василиев;

магистрату прилуцкого буймистр Евстафий Евстафиев;

магистрату прилуцкого бурмистр Дмитро Леонтиев,

а вместо его неграмотного по его прошению Иван Михайлов словами «житель прилуцкий» подписался.

Канцелярии канцелярист Михайло Носенков [300].

---

[300] *Пивовар А. В.* Поселення Задніпрських місць до утворення Нової Сербії: в документах середини XVIII століття. – К.: Академперіодика, 2003. – С. 143. (ЦДІАК України. – Ф. 51. – Оп. 3. – Спр. 11437. – Арк 140 зв. – 141. Копія).

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

ПОКАЖЧИК НАСЕЛЕНИХ ПУНКТІВ

ПЕРЕЛІК ДОКУМЕНТІВ

ПЕРШИЙ КРИМСЬКИЙ ПОХІД

1. 1686, вересня 19. – Москва. – Царський указ про підготовку військ до походу на Крим
2. 1686, жовтня 22. – Москва. – Царський указ про призначення високопосадовців у полки, які братимуть участь у поході на Крим
3. 1686, жовтня 22. – Москва. – Указ стольникам, стряпчим та дворянам про підготовку до походу на Крим
4. 1686, грудня 1. – Москва. – Царський указ військовим людям
5. 1687, квітня 3. – Москва. – Лист патріарха Іоакима до князя Василя Голіцина
6. 1687, травня 6. – Москва. – Лист патріарха Іоакима до князя Василя Голіцина
7. 1687, травня 6 (?). – Москва. – Лист патріарха Іоакима до князя Костянтина Щербатова
8. 1687, травня 6 (?). – Москва. – Лист патріарха Іоакима до Венедикта Змеєва
9. 1687, травня 6 (?). – Москва. – Лист патріарха Іоакима до Олексія Шеїна
10. 1687, травня 6 (?). – Москва. – Лист патріарха Іоакима до князя Володимира Долгорукого
11. 1687, липня 7. – Табір поблизу річки Килчин. – Донос старшини на гетьмана Івана Самойловича
12. 1687, липня 17. – Москва. – Грамота ближньому боярину та дворовому воєводі князеві Василю Голіцину про відставлення від гетьманства Івана Самойловича і виселення його з Малоросії під міцною охороною з дозволом вибрати на його місце нового гетьмана
13. 1687, липня 25. – Акт про обрання на раді поблизу річки Коломак гетьманом Війська Запорозького на місце відставленого Івана Самойловича генерального осавула Івана Мазепи, договірні статті, дані йому, та присяга останнього на вірність російському престолу
14. 1687, вересня 5. – Царський указ воєводам та всім служилим людям про їхню похвальну службу в Кримському поході та пожалування їм вотчин, маєтків, добавки окладів та різних подарунків
15. 1687, вересня 12. – Царський указ про відстрочку військовим людям за службу в усяких судових справах, крім розбійних, убивчих, та про неутримання з них мита і позивних позовів

ДРУГИЙ КРИМСЬКИЙ ПОХІД

ПЕРЕДВОЄННІ ЗАХОДИ

АЗОВСЬКІ ПОХОДИ 1695–1696 рр.

ПІВНІЧНА ВІЙНА (1700 – до 1709 рр.)

93. 1708 (?). – Записка про війну шведську за царювання Петра І і про бій з Левенгауптом
94. 1708, жовтня 26. – Макошине. – Лист Олександра Меншикова до Петра І про зраду Івана Мазепи
95. 1708, жовтня 27. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
96. 1708, жовтня 29. – Погребки. – Наказ Гаврила Головкіна сердюцькому полковникові Дмитру Чечелю
97. 1708, жовтня 31. – Батурин. – Лист Олександра Меншикова до Петра І
98. 1708, жовтня 31. – Указ Петра І почепським козакам про зраду гетьмана Івана Мазепи
99. 1708, листопада 1. – Батурин. – Лист Олександра Меншикова до Петра І
100. 1708, листопада 2. – Батурин. – Повідомлення Олександра Меншикова царю про взяття Батурина
101. 1708, листопада 3. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
102. 1708, листопада 5–6 (?). – Чолобитна мешканців Лохвиці царю
103. 1708, листопада 9. – Грамота Петра І українському народу
104. 1708, листопада 9. – Глухів. – Лист Гаврила Головкіна до Петра Толстого про обряд прокляття Івана Мазепи
105. 1708, листопада 10. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
106. 1708, листопада 11. – Київ. – Лист Дмитра Голіцина до Гаврила Головкіна
107. 1708, листопада 12. – Глухів. – Повідомлення київського митрополита Іоасафа Кроковського про зраду Мазепи та про обрання нового гетьмана Івана Скоропадського
108. 1708, листопада 12. – Указ, оголошений у Ближній канцелярії. Про прокляття за зраду гетьмана Івана Мазепи та обрання на його місце Івана Скоропадського
109. 1708, листопада 17. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
110. 1708, листопада 20. – Постскриптум у листі Олексія Дашкова до Гаврила Головкіна
111. 1708, листопада 21. – Київ. – Лист Дмитра Голіцина до Гаврила Головкіна
112. 1708, листопада 23. – Ромни. – Лист гетьмана Івана Мазепи до полтавського полковника Івана Левенця
113. 1708, листопада 24. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
114. 1708, листопада 24. – Львів. – Лист Олексія Дашкова до Гаврила Головкіна
115. 1708, початок грудня. – Постскриптум у листі Олексія Дашкова до Гаврила Головкіна
116. 1708, грудня 5. – Київ. – Лист Дмитра Голіцина до Гаврила Головкіна
117. 1708, грудня 8. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
118. 1708, грудня 9. – Фастів. – Лист білоцерківського полковника Михайла Омельченка (родича Семена Палія) до Петра І
119. 1708, грудня 15. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
120. 1708, грудня 15. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до лорда Сундерленда

150. 1709, березня 31. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
151. 1709, квітня 4. – Київ. – Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського
152. 1709, квітня 4. – Лубни. – Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського
153. 1709, квітня 9. – Голтва. – Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського
154. 1709, квітня 9. – Луком'я. – Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби
155. 1709, квітня 9. – Київ. – Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби
156. 1709, квітня 10. – З Луком'я. – Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби
157. 1709, квітня 12. – Луком'я. – Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби
158. 1709, квітня 12 (?). – Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського
159. 1709, квітня 13. – Говтва. – Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського
160. 1709, квітня 13. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
161. 1709, квітня 16. – Лубни. – Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського
162. 1709, квітня 20. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
163. 1709, квітня 20. – Москва. – Додатковий лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
164. 1709, квітня 26. – Київ. – Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до гетьмана Івана Скоропадського
165. 1709, квітня 27. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
166. 1709, травня 4. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
167. 1709, травня 4. – Корсунь. – Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби
168. 1709, травня 11. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
169. 1709, травня 11. – Москва. – Додатковий лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
170. 1709, травня 12. – Київ. – Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби
171. 1709, травня 18. – Москва. – Лист Чарльза Вітворта до статс-секретаря Бойля
172. 1709, травня 18. – З обозу. – Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського
173. 1709, травня 21. – З-під Говтви. – Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби
174. 1709, травня 22. – Київ. – Лист київського губернатора Дмитра Голіцина до корсунського полковника Андрія Кандиби
175. 1709, травня 24. – Зіньків. – Лист фельдмаршала Бориса Шереметєва до гетьмана Івана Скоропадського
176. 1709, травня (?). – З-під Говтви. – Лист гетьмана Івана Скоропадського до корсунського полковника Андрія Кандиби

ДОДАТКИ

Церковні акти, описи церемоній, кореспонденція священнослужителів

передання протопопій Глуховської, Борзнянської та Конотопської до Київської єпархії
251. 1694, січня 11. – Москва. – Жалувана грамота царів Іоана та Петра Олексійовичів, що підтверджує права Київського братського монастиря на володіння своїми вотчинами та угіддями
252. 1694, січня 11. – Москва. – Жалувана грамота царів Іоана Олексійовича та Петра Олексійовича на викладання наук в Києво-Братському училищі
253. 1695, січень. – Батурин. – Універсал гетьмана Івана Мазепи про перетворення Домініканського монастиря на православний Петропавлівський
254. 1696, листопада 16. – Чернігів. – Лист Лаврентія Крщоновича до гетьмана Івана Мазепи
255. 1698, березня 11. – Москва. – Царська грамота преосвященному Варлааму Ясинському, митрополиту київському, про обрання гідної людини єпископом на Переяславську єпархію
256. 1700, квітня 1. – Москва. – Грамота царя Петра Олексійовича митрополиту Варлааму Ясинському на маєтності
257. 1700, жовтня 16. – Переяслав – Архієрейська грамота Варлаама Ясинського на побудову Вознесенської церкви у Ромнах
258. 1701, вересня 26. – Москва. – Жалувана грамота царя Петра Олексійовича, видана Київській академії на підтвердження попередньої грамоти
259. 1701, вересня 26. – Москва. – Лист царя Петра Олексійовича, що сповіщає київського митрополита про підтверджувальну грамоту, видану Київській академії 26 вересня 1701 року
260. 1701, вересня 26. – Москва. – Грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Варлааму Ясинському про дозвіл навчатися в Київській академії іноземцям
261. 1701, грудня 21. – с. Нова Гребля. – Тестамент Тетяни Федорівни Товстовни на млин Новогребельський
262. 1702, березня 4. – Москва. – Настольна грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Захарію Корниловичу про посвячення його в єпископи переяславські
263. 1703, лютого 12. – Москва. – Грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Варлааму Ясинському, митрополиту київському, про підпорядкування йому ігумена і всієї братії Межигірського монастиря
264. 1703, жовтня 7. – Київ. – Про зобов'язання перед монастирем Івана Войнича
265. 1705, вересня 11. – Остер. – Про продаж Свято-Михайлівському Золотоверхому монастирю землі
266. 1707, серпня 11. – Київ. – Про підтверження контракту Свято-Михайлівському Золотоверхому монастиреві на млин
267. 1708, березень. – Москва. – Прийом у Москві, утримання, посвячення та відпуск митрополита Іоасафа Кроковського
268. 1708, березень. – Москва. – Жалувана грамота царя Петра Олексійовича київському митрополиту Іоасафу Кроковському на вотчини
269. 1709, вересня 14. – Москва. – Настольна грамота царя Петра Олексійовича преосвященному Іоасафу Кроковському про посвячення його в митрополити київські
270. 1709, жовтня 20. – Остер. – Продаж ієреєм Димитрієм землі та майна остерському диякону Прокопію

271. 1687, серпня 23. – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича військовому товаришу Микиті Іволзі на сіножать над річкою Туросною біля села Турівськ
272. 1687, листопада 10. – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича військовому товаришу Василю Романовичу на село Картушин
273. 1687, грудня 16. – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича хорунжому Новгород-Сіверської сотні Родіону Стефановичу на засипання греблі і будування млина на річці Журавка
274. 1688, січня 14 (?). – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича полковому хорунжому Тимофію Улізку на село Пихторівка
275. 1688, березня 8. – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича значному військовому товаришу Федору Пучковському
276. 1688, березня 8. – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича мглинському сотнику Григорію Парфененку на займання греблі і побудову млина в селі Костеничі
277. 1688, березня 11. – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича значковому товаришу Івану Романовському на займище Єсимонтовське між річками Воронухою та Ольшаною
278. 1688, березня 16. – Стародуб. – Універсал стародубського полковника Тимофія Олексійовича полковому писарю Григорію Кроткевичу на займання греблі та побудову млина на річці Судость
279. 1691, квітня 8. – Пирятин. – Реєстр пирятинського урядника про розподіл натурального податку з ремонту гребель на річках Удай та Перевід між жителями Пирятинської сотні
280. 1694, червня 12. – Пирятин. – Реєстр пирятинського міського отамана Тимофія Куриленка про кількість грошей, переданих до Батурина в розпорядження генеральної старшини
281. 1695, грудня 16. – Пирятин. – Універсал Леонтія Свічки щодо будівництва нових млинів на греблі під с. Вороб'ї
282. 1701, січня 16. – Костянтинів. – Розпорядження лубенського полковника Дмитра Зеленського сотнику Семену Вакуленку
283. 1702, лютого 12. – Батурин. – Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби
284. 1702, квітня 7. – Батурин. – Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби
285. 1702, квітня 29. – Батурин. – Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби
286. 1702, травня 22. – Батурин. – Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби
287. 1702, липня 2. – Батурин. – Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби
288. 1702, липня 3. – Батурин. – Лист генерального судді Василя Кочубея до конотопського сотника Андрія Кандиби

Акти місцевого самоврядування

ЗМІСТ

Наукове видання

ВІЙСЬКОВІ КАМПАНІЇ ДОБИ ГЕТЬМАНА ІВАНА МАЗЕПИ в документах

Упорядник
Сергій Павленко

Редактор
О. Г. Пазюк

Художнє оформлення
Л. А. Кузнецової

Технічний редактор
Т. М. Новікова

Комп`ютерна верстка
Н. В. Єрмак

Підписано до друку 08.12.2008.
Формат $70 \times 100^1/_{16}$.
Гарнітура «Times New Roman». Папір офсетний № 1.
Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 85,14. Наклад 1000 прим.
Зам. 8-324.

Видавничий дім «Києво-Могилянська академія».
Свідоцтво про реєстрацію № 1801 від 24.05.2004 р.

Адреса видавництва та друкарні:
04655, Київ, Контрактова пл., 4.
Тел./факс: (044) 425-60-92.
E-mail: phouse@ukma.kiev.ua
http:/www.publish-ukma.kiev.ua/ua

Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах /
В41 Упоряд. С. Павленко. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. – 1054 с.

ISBN 978-966-518-491-1

У книзі «Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах» вміщено царські розпорядження, універсали, листи гетьмана, кореспонденцію російських та українських урядовців, спогади сучасників подій, що відбувалися протягом 1687–1710 рр. і безпосередньо впливали на життя України. У збірці джерельних матеріалів також представлені акти місцевого самоврядування, церковні грамоти. Видання розраховане на істориків, військовиків, студентів, усіх, хто цікавиться історією України.

УДК 94(477)"1687/1710"(09)
ББК 63.3(4Укр)46